

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА

Б.А. РЫБАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик Б.А. РЫБАКОВ (главный редактор),

Р.М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора),

В.А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора),

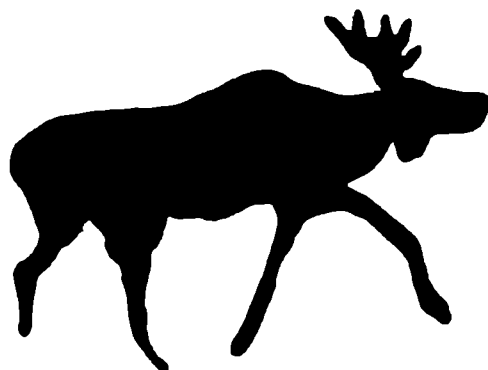
П.Г. ГАЙДУКОВ (зам. главного редактора),

Д.С. КОРОБОВ (ответственный секретарь)

МОСКВА "НАУКА" 1996

АРХЕОЛОГИЯ

Неолит Северной Евразии

Ответственный редактор тома

доктор исторических наук

С.В. ОШИБКИНА

МОСКВА "НАУКА" 1996

Археология
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

- * ПАЛЕОЛИТ СССР
1984
- * МЕЗОЛИТ СССР
1989
- * НЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ
1996
- * ЭНЕОЛИТ СССР
1982
- * РАННЯЯ И СРЕДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА
1994
- ПОЗДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
- ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
- * ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
1987
- * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
1985
- * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984
- * СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1992
- * СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1989
- * СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.
1993
- * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI–XIII вв.
1982
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
1985
- ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
- * ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
- КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода.

Настоящий выпуск посвящен неолитическим культурам на территории Северной Евразии (быв. СССР). Выпуск разделен на две части ("Неолит Юга" и "Неолит лесной полосы"), в которых излагается история изучения неолита в регионе, выделяются и характеризуются культуры или группы памятников, дается их периодизация. На примере отдельных памятников показывается условия залегания культурных слоев, выявляются материалы по культуре, быту, верованиям древнейшего населения. В выпуске приводится максимально полный список радиоуглеродных дат по неолиту разных регионов. Новые данные и публикации по неолиту учтены в развернутых примечаниях.

Для археологов, историков, краеведов, специалистов смежных дисциплин.

Рецензенты:

В.С. ТИТОВ,
В.В. СИДОРОВ

Авторы выпуска:

Т.Д. БЕЛАНОВСКАЯ
В.В. БЖАНИЯ
Н.Н. ГУРИНА
Г.И. ЗАЙЦЕВА
М.П. ЗИМИНА
М.В. КОНСТАНТИНОВ
М.Ф. КОСАРЕВ
Д.А. КРАЙНОВ
Л.Я. КРИЖЕВСКАЯ
С.В. ОШИБКИНА
М.Ф. ПОТУШНЯК
А.С. СМЕРНОВ
Д.Я. ТЕЛЕГИН
В.И. ТИМОФЕЕВ
Л.П. ХЛОБЫСТИН
Н.А. ХОТИНСКИЙ
Е.К. ЧЕРНЫШ

*Книга издана при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда согласно
проекту № 96-01-16007*

Археология. Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – 379 с. с ил.

А 87 ISBN 5-02-009636-9

Очередной том многотомного фундаментального издания по археологии.

А 0504000000-062 42, II полугодие 1995
042(02)-96

ББК 63.4

ISBN 5-02-009636-9

© Коллектив авторов, 1996
© Издательство "Наука", оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

От редактора

Настоящий том “Археологии” посвящен эпохе неолита на всей территории бывш. СССР, которая в тексте именуется Евразией, и разделен на две основные части по природно-географическому принципу – Юг (часть I) и Лесная зона (часть II). Краткая общая характеристика рассматриваемой исторической эпохи и современные проблемы в ее изучении представлены во Введении. Очерк о природных условиях неолитического периода предваряет региональные разделы и позволяет воссоздать природный фон, в котором существовали культуры неолита.

Обзор конкретного археологического материала начат с неолитических культур Юга на территории современных Молдавии, Украины, Крыма, Нижнего Подонья и Поволжья, Средней Азии и Казахстана. Здесь неолитические культуры возникли раньше, чем в лесной полосе, а кроме того, для них характерно начало освоения про-

изводящих форм хозяйства – земледелия и скотоводства. Описание неолита лесной полосы Евразии представлено с запада на восток, начато с Прибалтики и завершено Восточной Сибирью и Дальним Востоком

Завершает работу статья “Проблемы абсолютной хронологии”, дополненная по возможности полным списком радиоуглеродных дат по неолиту.

Текст и иллюстрации тома “Неолит Северной Евразии” подготовлены коллективом специалистов, авторство которых указано в оглавлении, тексте и подписях к картам. Редколлегия “Археологии” выражает признательность всем специалистам, принимавшим участие в рецензировании и обсуждении тома, а также в подготовке отдельных карт. Особенно важными для нас были советы А.В. Виноградова, Ф. Загорскиса, И. Лозе, Р. Римантене, В.В. Сидорова, В.С. Титова, В.П. Третьякова, Л.Ю. Янитса.

Введение

Понятие о неолите

Термин “неолит”, т.е. новый каменный век, введен в археологическую науку Д. Леббоком в 1865 г. для обозначения исторического периода, в начале которого люди научились шлифовать и сверлить каменные орудия и делать глиняную посуду. К середине XIX в. были собраны большие коллекции древних предметов и сделаны первые попытки их классификации. Идея о большей древности оббитых каменных орудий и сравнительно молодом возрасте шлифованных и сверленных высказывалась и другими учеными, а в результате трудов Д. Леббока была принята за основу историческая схема развития человечества от палеолита к неолиту и бронзовому веку. В таком виде схема существовала длительное время и все памятники, на которых находили шлифованные и сверленные орудия, относили к неолиту, который датировали III–II тыс. до н.э. При этом между палеолитом и неолитом оставался промежуток времени, хронологический разрыв, что тоже требовало объяснения.

Открытие и раскопки новых памятников каменного века, общее накопление фактического материала, показали несовершенство критериев, принятых для характеристики эпохи неолита, и неопределенность ее хронологических границ. Выяснилось, что между палеолитом и неолитом не было перерыва в историческом развитии, удалось выявить древности среднего каменного века – мезолита, или, как его еще называют, эппалеолита. Английским ученым Г.Д. Кларком после исследования мезолитических памятников Северной Европы была высказана мысль, что все способы обработки камня, включая шлифовку и сверление, освоены человеком еще в мезолите, а позднее лишь получили более широкое распространение и усовершенствовались (Кларк, 1953. С. 175). Современные исследования целиком подтверждают эту гипотезу. Кроме того известно, что сверленные каменные орудия некоторых типов характерны для культур эпохи бронзы. Таким образом, показателем для определения памятников эпохи неолита осталась только керамическая посуда, появление которой принято считать началом неолита.

Хотя появление глиняной посуды, по существу, является признаком формального характера, остается бесспорным, что на каком-то этапе развития человеческие коллективы повсеместно начали использовать для своих хозяйственных нужд сосуды из глины или реже из камня, совершенно не известные в мезолите. Очевидно, это было только отчасти связано с переходом к использованию растительной пищи и варке продуктов животного и растительного происхождения. Правильнее считать, что изобретение посуды было вызвано переходом к оседлости и особенно изменением всей экономики и образа жизни населения.

Наиболее распространенными типами посуды в неолите были круглодонные или остронодонные горшки больших размеров. Согласно первым типологическим схе-

мам, широко принятым в археологической науке, круглодонная посуда считалась более ранней, затем ее сменяла плоскодонная. К настоящему времени выясняется, что такой закономерности не было или она имела место в отдельных культурах, а формы посуды и ее размеры зависели от направления и способов ведения хозяйства у разных групп населения, следовательно, связаны с назначением посуды. Например, крупные круглодонные горшки в неолите лесной зоны предназначались не для готовки пищи, а для ее хранения. Для этого большие сосуды закапывали в землю или в песчаную почву у берега водоема, что отмечено на многих стоянках, где они сохранились *in situ*. По расчетам финского исследователя Т. Эдгрена (1982), проведенным для реконструированной керамики культуры якерля в Финляндии, большой круглодонный сосуд со стоянки Ориматтила при высоте 42 см и диаметре 44 см имел собственный вес 10,7 кг и объем 45 л, а наполненный водой на 7 см ниже края должен был весить 55,7 кг, так что его стенки не могли выдерживать давления. Значит, в подобных сосудах не могли готовить, они служили для хранения запасов продуктов животного и растительного происхождения. Возможно, они оставались на временных стоянках, куда люди периодически приходили во время сезонных промыслов. Посуду средних и мелких размеров использовали для варки пищи или в других целях, например, в качестве светильников, наполненных жиром. Следовательно, изобретение керамической посуды было закономерным явлением и служит показателем повсеместного перехода населения к оседлому или более стабильному образу жизни. В таком смысле появление керамики действительно могло отражать явление исторического характера.

В настоящее время существуют разные оценки эпохи неолита, его содержания и хронологических рубежей. Не рассматривая подробно всю систему проблем, остановимся вкратце только на некоторых терминах, касающихся постгляциального периода (мезолит – неолит) на территории Евразии и встречающихся в специальной литературе, в том числе в рассматриваемом томе.

Лесным неолитом в отечественной и зарубежной литературе принято называть культуры охотников и собирателей, обитавших в лесной зоне Евразии, с характерными присваивающими формами экономики, знакомыми с гончарным производством.

Докерамическим неолитом до недавнего времени считали культуры охотников и собирателей с характерной для неолита каменной индустрией, но не применявших керамическую посуду. Такие культуры и отдельные памятники были известны на севере Восточной Европы, в Зауралье, в южных районах, например, в современных работах выделен бескерамический неолит Крыма. Некоторые ученые относят к докерамическому неолиту культуры в центральных зонах Ближнего Востока.

В исследованиях польских археологов выделяются еще

протонеолитические культуры охотников и собирателей с первыми признаками приручения животных (Kozlowski J.K., Kozlowski S.K., 1986). Кроме того, многие примеры показывают нелинейное развитие древних обществ, когда в силу объективных обстоятельств население вынуждено было от освоенных прогрессивных форм хозяйства – земледелия или скотоводства – вновь возвращаться к охоте и собирательству. В западной литературе это явление применительно к неолиту получило название субнеолита. В приведенной терминологии отражен новый подход к оценке эпохи неолита, учитывающий исторические и экономические характеристики и особенности периода.

В изучении неолитических культур и отдельных памятников в отечественной науке традиционно особую роль отводят орнаментации керамической посуды, которая, как полагают, отражала определенную семантику и характерные для родовых или племенных групп населения орнаментальные композиции. В наиболее законченном виде это положение сформулировано в свое время М.Е. Фосс (1952). В практике археологических исследований принято обращаться к орнаментации и формам керамической посуды для выявления ряда сходных черт в комплексах, стоянках, культурах, культурных общностях, а также миграций населения и т.п. Общепринятым является положение об историческом и культурном единстве населения, располагающего сходной керамикой, о его генетическом единстве и преемственности в развитии. В целом правильный метод иногда принимает упрощенные формы, когда при выделении культур или решения исторических вопросов используется лишь один показатель, например, простейшая деталь орнамента, форма штампа, способ нанесения отпечатков и т.п. В этой связи следует вспомнить о дискуссии, начавшейся в археологической литературе еще в 40-е годы, когда А.Я. Брюсовым было высказано мнение о необходимости не только учитывать орнаментацию керамики, но изучать все стороны жизни рассматриваемой группы населения, а именно, каменный инвентарь и его применение, способы охоты и ведения хозяйства, устройство поселений и жилищ, погребальный обряд и т.д. К этому вопросу возвращались позднее многие ученые в дискуссиях о методах выделения культур (Клейн, 1991).

Как будет видно из текста тома, в некоторых современных исследованиях наметился всесторонний подход к изучению археологических источников. Даже если в этих работах по недостаточности материала выпадали некоторые стороны жизни древних обществ, например, оказался неизвестным погребальный обряд, общая историческая картина воссоздается здесь в наиболее всесторонней и убедительной форме. В других случаях исследователи ограничиваются общим описанием керамики и ее орнаментации, на основании аналогий в других культурах дают им хронологическую и культурно-историческую оценку, выделяя культурно-исторические единицы. Некоторые из выделенных таким образом культур или общностей в дальнейшем могут изменить свои характеристики, территорию, хронологию, что будет зависеть от расширения археологических исследований и усовершенствования методов.

Если начало эпохи неолита определяется изобретением керамической посуды, то завершает ее появление металлических изделий, широкое применение которых характерно уже для эпохи бронзы. Эта граница вполне ус-

ловна, поскольку отдельные предметы из металла в виде импортов распространялись очень широко, попадали к населению, не знакомому с выплавкой или другими способами обработки металла. Не рассматривая этот вопрос детально, отметим, что в этом томе представлены культуры, не применявшие металла и не знакомые с его обработкой. Исключение составили могильники мариупольского типа на Украине, где встречены отдельные золотые украшения. Могильники относятся к днепро-донецкой культурной общности эпохи неолита (Д.Я. Телегин).

Определяя эпоху неолита в лесной зоне Евразии от начала применения керамики до появления изделий из металла, придерживаясь традиционного подхода к определению лесного неолита, нельзя не остановиться на более современных оценках неолитической эпохи и ее значения в истории человечества, начало которым было положено работами Г. Чайлда (Childe, 1948), впервые обратившегося к проблеме неолитической революции на рубеже мезолит–неолит. Согласно его взглядам, начало неолита ознаменовалось возникновением производящего хозяйства в виде примитивного земледелия и скотоводства, что привело к оседлости населения, созданию избыточных пищевых ресурсов и, как следствие, росту народонаселения, возникновению поселений городского типа, архитектурных сооружений и т.п. Последующие исследования на Ближнем Востоке, Балканах, в Закавказье, Средней Азии, показали, что переход к производящему хозяйству, действительно, оказался важным событием истории и привел к сложению раннеземледельческих обществ, а также к быстрому росту народонаселения, что именуют иногда “демографической революцией”. Древнейшие культуры с производящей экономикой и без керамики известны на Ближнем Востоке и датируются не позднее VII тыс. до н.э.

В это время лесная зона Евразии не знала земледелия и скотоводства, основой экономики еще долго оставались присваивающие формы хозяйства – охота, рыболовство, собирательство, морской промысел. К тому же здесь не было естественных предпосылок для сложения производящего хозяйства, поскольку отсутствовали основные растения и животные, используемые в качестве домашних в раннеземледельческих культурах южной зоны. Первые признаки освоения производящего хозяйства в лесной зоне появились в развитом неолите, зафиксированы по ее окраинам и, вероятно, привнесены разными миграционными потоками с юга или являются результатом контактов с южными культурами. Замечено, что население лесной полосы медленно переходило к занятию земледелием и скотоводством, нередко возвращалось к традиционным формам хозяйства.

Известны попытки установить более ранний возраст земледелия и скотоводства в лесной зоне, однако они не дали положительных результатов, поскольку основаны на единичных находках костей домашних животных в культурных слоях стоянок. Разрозненность и малое число таких находок могут объясняться связями с южными культурами. Отдельные примеры освоения земледелия и разведения домашних животных кроме собаки, прирученной еще в раннем мезолите, не меняют общего представления о господствующем положении присваивающих форм хозяйства у населения лесной полосы до позднего

неолита. Из этого факта в свое время был сделан вывод относительно общей отсталости населения лесной полосы в историческом и культурном развитии, обозначенной термином "пережиточный неолит". Считалось, что некоторые неолитические культуры доживали вплоть до средневековья. Очевидно, разные и сложные исторические явления могут получить правильную оценку при учете их развития в конкретных природных и исторических условиях. В этом смысле вряд ли правильно включать в рамки неолита народы, задержавшиеся в своем историческом развитии в силу объективных причин.

Многие западноевропейские ученые последовательно придерживаются идеи о начале неолита с освоением производящих форм хозяйства. В результате неолитические культуры лесной зоны, такие, как конгемозе или эртебелле, рассматриваются как мезолитические. Соответственно введено уточнение – бореальный и атлантический мезолит. Последний включает керамические культуры, в нашем понимании – неолитические.

В настоящее время наметилось новое и, как представляется, перспективное направление в изучении экономики и общего развития древних обществ лесной зоны, учитывающее особенности природного окружения и уровень адаптации к нему населения. Современная и более гибкая концепция предполагает, что способность к адаптации и ее уровень определяют историческое и культурное развитие популяции.

Начало неолитической эпохи в лесной зоне отмечено резким ростом народонаселения, что хорошо прослежено по археологическим данным. Установлено, что особой плотности неолитическое население достигало у речных и озерных систем, иными словами оно тяготело к морским побережьям и внутренним водоемам в связи с необходимостью использовать водные ресурсы. Эта тенденция наметилась еще в мезолите, хотя тогда главным занятием и основой хозяйства населения являлась охота, а рыболовство и собирательство не имели решающего значения. В неолите известны уже всевозможные формы рыболовства и морского промысла в прибрежных районах Балтики, Белого моря, на больших ледниковых озерах, таких как Онежское, Ладожское и других. Известных успехов достигло собирательство, изученное по так называемым культурам раковинных куч (кьеккенмединги), разные варианты которых представлены на побережьях Балтики, на Дальнем Востоке, в Японии. Полагают, что на стыке ландшафтных зон биомасса достигала высокой продуктивности и это позволяло вести здесь сложное хозяйство, основанное на специализированной охоте и рыболовстве. В мезолите чаще всего охота была ориентирована на добычу определенных видов животных – сначала на северного оленя, затем на лесных животных – тура, благородного оленя, кабана, в более северных районах – на лося, бобра. Весь охотничий инвентарь был приспособлен для таких специализированных форм охоты. В неолите спектр охотничьей добычи стал более разнообразным, что получило отражение в составе охотничьего вооружения, а также прослежено по остаткам фауны на стоянках. Таким образом, складывалась новая система жизнеобеспечения, основанная на добыче разнообразных пищевых продуктов, что придавало экономике охотников и собирателей более устойчивый характер.

Усовершенствование форм охоты и рыболовства, про-

ведение сезонных охот и промыслов, были направлены на создание запасов пищи, обеспечивавших существование больших коллективов в течение длительных периодов. Очевидно, уже были выработаны определенные навыки хранения пищевых запасов, о чем можно судить по находкам на стоянках хозяйственных ям и глиняных сосудов, служивших для хранения растительных и прочих продуктов. Подобные сосуды-хранилища представлены на многих неолитических стоянках лесной зоны и достигают иногда огромных размеров. Их делали круглодонными, толстые стенки были пористыми или при плотной глиняной массе покрыты орнаментом из глубоких ямок, что могло иметь не только эстетическое, но и практическое значение и служить для лучшего охлаждения.

Таким образом, население лесной зоны в эпоху неолита смогло достичь высокой степени адаптации к природным условиям, создать надежную экономику, обеспечивающую общее развитие и рост народонаселения. Очевидно, поэтому не было серьезной необходимости в освоении земледелия и скотоводства. Охотничье-рыболовецкое население постоянно контактировало с земледельцами и скотоводами южной зоны, известны примеры обмена ценными предметами – янтарем, раковинами, кремневым сырьем и т.п., что не приводило, однако, к распространению в лесной зоне производящих форм хозяйства. Только в позднем неолите, и, скорее всего, при возникновении кризисных ситуаций, вызванных перенаселением, истощением охотничьих ресурсов или иными причинами, на окраинах лесной зоны начался переход к земледелию и скотоводству.

Несмотря на поздний переход к производящей экономике, население лесов достигло достаточно высокого уровня исторического, социального и культурного развития. Правда, оно было неравномерным, в отдельных районах шло замедленными темпами. Однако, в районах, богатых природными ресурсами и располагающих развитыми водными путями сообщения, уже в раннем неолите существовали культуры с большими постоянными поселениями, оставившими мощные культурные слои и изредка следы укреплений, с остатками жилищ, в том числе свайных, рыболовных заколов, лодок, разнообразных хозяйственных объектов, в редких случаях ритуальных сооружений. Каменные и костяные орудия свидетельствуют о высоком уровне, достигнутом в обработке камня и других материалов, дают представление о способах охоты и рыболовства, всевозможных бытовых занятиях населения. Особый интерес вызывают предметы искусства, сделанные из рога, кости, камня, глины, янтаря, а также рисунки на камнях и скалах, известные в Карелии, на Урале, в Восточной Сибири.

В условиях общего исторического прогресса, интенсификации экономики и роста народонаселения, наметились определенные сдвиги в социальной структуре общества, которые по археологическим материалам поселений прослеживаются с трудом и в основном заметны в погребальном обряде. В лесной зоне Восточной Европы и Восточной Сибири известны большие некрополи эпохи неолита, которые позволяют утверждать, что начавшееся в мезолите имущественное расслоение общества и выделение привилегированных

групп (старейшины, шаманы, охотники) активно продолжалось в неолите.

Обращает на себя внимание известная неравномерность в развитии разных популяций, что имело место не только в лесной зоне, но также в южных регионах, и объясняется разными причинами. Чаще всего это зависело от условий существования в определенной экологической нише, от ее природных особенностей и контактов с другими группами населения. Примером служит гиссарская культура (Таджикистан), где основой хозяйства было пастушеское скотоводство, но население так и не смогло перейти к земледелию и более прогрессивным формам скотоводства, что и послужило причиной отставания от других раннеземледельческих культур юга (Г.Ф. Коробкова). Подобные примеры могут быть приведены и для лесной зоны, когда одни охотничье-рыболовческие культуры достигали высокого уровня развития и не исчезали с исторической сцены длительное время, а другие тем временем отставали или развивались медленно и неравномерно.

Общие хронологические пределы эпохи неолита определяются VI–III тыс. до н.э. – на Юге; V–III тыс. до н.э. – в лесной зоне. Современные исследования наметили тенденцию к общему удревнению неолитических культур до VI тыс. до н.э. В некоторых случаях эта хронология опирается на радиоуглеродные даты и другие данные естественных наук, в других – на аналогичные исследования на соседних территориях, иногда дается в предположительном смысле и пока не может считаться доказанной. Все-таки общий тренд в сторону удревнения неолита представляется справедливым. Об этом же говорит метод калибровки радиоуглеродных дат, применяемый европейскими и американскими учеными. Согласно этим данным, наибольшая поправка в сторону удревнения приходится на IV–II тыс. до н.э., а в сторону более древних периодов она уменьшается. При использовании калиброванной хронологической шкалы общий возраст лесного неолита углубится, и отчасти уменьшится разрыв между неолитом и поздним мезолитом, что вполне закономерно и позволяет объяснить связь мезолитических и неолитических культур, установленную во многих случаях.

Общей периодизации неолита Евразии не существует. Принято выделять ранний, развитый и поздний неолит, а также последовательные фазы и периоды. Чаще всего их две или три, обозначение цифровое или в виде собственных названий, обычно по эпонимному памятнику. Последний способ наименования фаз и периодов при значительном росте новых материалов и культур представляется не слишком удачным. Подразделение на периоды или фазы имеет обычно условный характер и имеет целью наметить динамику культур, их историческое и экономическое развитие, а также различные миграционные процессы.

Основными единицами археологии были и остаются культуры, которые в отдельных регионах объединяются в культурные общности или области. Обычно для каждого периода выделяются культуры, которые связаны или не связаны с культурами предшествующего периода и последующими образованиями. Например, неолитические культуры могут продолжать традиции культур эпохи мезолита. Однако, некоторые исследователи предполагают

существование единой культуры или культур, развитие которых происходит в пределах двух или нескольких эпох. Это касается культур Крыма, Чукотки, некоторых других районов. В связи с этим приходится оговориться, что в настоящий том включены культуры и памятники, датируемые в пределах V–III тыс. до н.э. в Лесной зоне и VI–III тыс. до н.э. на Юге. Вопросы о принципах выделения археологических культур мы здесь касаться не будем, но имея в виду неолитические культуры, будем придерживаться представления о культуре, как условной категории научного исследования. При этом для большинства исследователей культура всегда соответствует определенному этносу, который иногда называют племенем или группой племен, что тоже достаточно условно.

На примере неолитических культур лесной полосы Восточной Европы в свое время А.Я. Брюсов (1940, 1952) обращался к проблеме соответствия культуры и определенной группы населения, причем отмечал, что культура скорее отражает единство быта, но не единство расы или народа. Подробно характеризуя признаки культуры, как единство орудий труда и быта, сходство построек и погребений, сходство в орнаментах на посуде, единая территория и время существования, исследователь пришел к выводу, что доказать единство культуры и особого единого языка достаточно трудно. Вероятно, здесь могут быть разные варианты, когда культура отвечала нескольким племенам с разными диалектами или несколькими культурами, соответствующих племенам, имели близкие языки. Отметим также, что вопрос о соответствии неолитических культур племенным объединениям недавно подробно рассматривался в связи с проблемой более позднего сложения племен (Генинг, Павленко, 1974). Таким образом, когда речь идет о культурах каменного века, и в частности эпохи неолита, прямые сопоставления с четко определенным этносом, племенами, языковыми группами, а также исторические построения, сделанные в этом направлении, всегда требуют развернутого исследования, дополнительной аргументации и, как правило, имеют предположительный характер.

Представленные в настоящем томе региональные обзоры по неолиту на территории нашей страны, выполнены рядом авторов, которые в своей работе собрали и учли огромный материал. При этом в оценке материала у авторов раскопок и публикаций могли быть иные взгляды на основные проблемы неолита и на результаты работ, отличные от подходов и оценок, предлагаемых авторами тома. В этой работе сделано все возможное для того, чтобы авторские позиции не были искажены или выправлены. В некоторых спорных случаях в тексте даны комментарии по проблемам и отдельным вопросам. Необходимо заметить, что настоящая работа имеет длительную историю создания, несколько раз перерабатывалась и изменялась. В силу объективных обстоятельств здесь представлен значительно сокращенный авторский текст, который в чем-то мог уже устареть, однако в целом соответствует современному уровню изученности эпохи неолита Северной Евразии (территория бывш. СССР).

Природные условия в неолитическую эпоху

Обобщение накопленных к настоящему времени палеогеографических (в основном пыльцевых) данных и радиоуглеродных датировок позволяет определить характер и динамику природных условий территории Евразии в неолитическую эпоху. Этот этап в развитии человеческого общества имеет в нашей стране различную продолжительность, но нигде не выходит за рамки от начала VI тыс. до н.э. до конца III тыс. до н.э., что соответствует атлантическому и первой трети суббореального периода модифицированного варианта схемы Блитта–Сернандера.

В основу этой схемы подразделения на периоды и фазы (схема 1) положены основные ландшафтно-климатические изменения в течение голоцена, выявленные по комплексу палеогеографических данных. Наиболее подробная схема периодизации голоцена разработана для лесной и тундровой зон Евразии. Атлантический период голоцена делится на: АТ-1 – раннеатлантическое потепление (7000–8000 лет назад); АТ-2 – среднеатлантическое похолодание (6000–7000 лет назад); АТ-3 – черновское потепление, атлантический термический максимум (4600–6000 лет назад). Суббореальный период включает: В-1 – раннесуббореальное похолодание (4200–4600 лет назад); В-2 – среднесуббореальный термический максимум (3200–4200 лет назад).

Выделенные фазы и периоды отражают циклический характер основных природно-климатических и ландшафтных изменений в голоцене. Они синхронно проявлялись на всей территории Евразии, хотя направленность климатических периодов могла иметь иногда региональную специфику (схема 2). Общеизвестный подъем температур в атлантический период в лесной и тундровой зонах сопровождался их падением к югу от 50–55° с.ш. В Средней Азии, Монголии, на юге Средней Сибири в это время отмечается некоторое похолодание и увеличение осадков (т.е. эти климатические характеристики развивались в противофазе), тогда как севернее температуры и осадки менялись в основном однонаправленно.

Таким образом, атлантическое потепление на севере сопровождалось относительным похолоданием и увеличением влажности южных и аридных районов. Однако, во время сверхвекового суббореального потепления (II тыс. до н.э.) южные зоны гумидных северных районов развивались в условиях теплого и сухого климата. Вековые колебания последнего тысячелетия до н.э. выявляют обратную картину: похолодание на севере сопровождалось увлажнением юга нашей страны, а потепление – его аридизацией (Абрамова, Турманина, 1982. С. 62–68).

Атлантический период (ранний и средний неолит)

Наиболее полно изучена ландшафтная обстановка атлантического периода, которая может быть иллюстрирована картой растительности лесной зоны СССР для хронологического среза 4600–6000 лет назад (IV – первая половина III тыс. до н.э.) (карта 1). Это время характеризуется дифференциацией растительных зон, максимальным

расширением зоны лесов, особенно в северном направлении, и всеобщим расцветом теплолюбивых компонентов растительности. На Русской равнине и Дальнем Востоке широколиственные леса достигают максимального развития, а во многих горных районах верхняя граница леса поднимается до предельно высоких отметок.

Характер растительности в атлантическом периоде определялся господством западного переноса воздушных масс из Атлантики, проникавших вглубь Северной Евразии значительно дальше, чем в предшествовавшее и последующее время. Характерно установление ярко выраженной зональной системы циркуляции атмосферы и ослабление Азиатского зимнего антициклона. Увеличение океаничности климата сопровождалось потеплением, которое многими оценивается как максимальное за голоцен.

Экологический анализ растительности на территории Северной Евразии в атлантическом периоде с помощью зонально-формационного метода позволил получить качественные характеристики палеоклимата этого времени (Хотинский, Савина, 1985. С. 24–28). Наибольшее летнее потепление (на 3° выше современной температуры) отмечается на севере Русской равнины, Западной и Средней Сибири. В областях, расположенных к югу от 50° с.ш. выявляется некоторое похолодание, в частности, на юге Украины и в Средней Азии. Зимой почти на всей территории СССР было теплее, чем теперь. Наибольшие положительные аномалии отмечаются на севере Русской равнины и Западной Сибири (+3°– +4°) и в Средней Сибири (+4°). Южнее величина положительных аномалий, как правило, уменьшается до +1– +2°.

Годовые осадки были большими в северных, южных и отчасти восточных районах Евразии. В полосе примерно между 50–60° с.ш. осадки оставались почти неизменными, а иногда меньшими (на 50 мм), чем теперь, что указывает на некоторое иссушение климата этих территорий. В пользу такого вывода свидетельствуют следы пересыхания болот, фиксируемые так называемым пограничным горизонтом позднеатлантического времени (конец IV – начало III тыс. до н.э.)*.

В целом позднеатлантическая фаза характеризовалась оптимальным соотношением тепла и осадков, что определяло наибольший расцвет растительного и животного мира лесной зоны Северной Евразии, выразившийся в максимальной (за голоцен) биологической продуктивности ландшафтов.

Европейская территория

На севере Восточной Европы тундровая зона почти полностью исчезла. Лишь в приморских районах Кольского полуострова и на Крайнем Северо-Востоке сохранились тундровые сообщества в сочетании с редкостойными древостоями.

* Еще один пограничный горизонт торфяников относится к среднесуббореальной фазе (II тыс. до н.э.)

Леса продвинулись к северу на 100–200 км (по сравнению с настоящим временем) и вышли на побережье арктических морей. Остатки древесных пород, обнаруженных вблизи побережья Печерского моря, датированы по С-14 – 4880 ± 60 (ЛУ-678) и 5950 ± 90 (ЛУ-658). На западе (Кольский полуостров) преобладали березово-сосновые леса, на востоке (Большеземельская тундра) – елово-сосновые формации.

Лесная растительность Карелии была представлена сосновыми и отчасти еловыми лесами. Господствующее положение, как и в настоящее время, занимали сосняки, связанные с распространенными здесь песчаными отложениями. В составе лесов Карелии существовала примесь широколиственных пород (в основном вяз, а также липа и дуб), которые уверенно фиксируются по пыльцевым данным вплоть до 65° с.ш.

Северную часть лесной зоны на Русской равнине занимала темнохвойная еловая тайга, область распространения которой была, примерно, в два раза меньше по сравнению с настоящим временем. Ее южная граница была сдвинута на север приблизительно на 400–500 км.

К югу от темнохвойной еловой тайги располагалась широкая полоса лесов, в которых наряду с березой, сосной и елью часто встречались широколиственные породы. Эти леса в какой-то мере соответствуют современным широколиственно-хвойным подтаежным лесам, расположенным сейчас значительно южнее. Исходя из этих аналогий, можно считать, что восточноевропейские подтаежные леса в IV – начале III тыс. до н.э. располагались на 500–600 км северо-восточнее их современного положения.

К югу от подтаежных лесов простиралась полоса широколиственных лесов из дуба, вяза, липы и орешника. Эта полоса, достигая наибольшей ширины (1200–1300 км) в западной части Европейской территории СССР, к востоку сужалась до 200–300 км*. Следует отметить характерное совпадение ареалов раннеэнеолитических культур с районами распространения широколиственных лесов и отчасти широколиственно-хвойных подтаежных (Хотинский, 1981. С. 90). Эта связь не случайна, так как широколиственные леса обладают высокой биологической продуктивностью и исключительно благоприятными условиями для добывания растительной и животной пищи. По данным зоологов, концентрация позвоночных животных в различных частях лесной зоны неоднородна (Ходашева, 1966. С. 12–29). В широколиственных лесах огромное разнообразие местообитания, в частности многоярусность растительного покрова и обилие различных кормов, обуславливает большее количество массовых видов птиц и млекопитающих по сравнению с другими ландшафтными зонами. Возможно, это обстоятельство в сочетании с оптимальными для человека экологическими условиями обитания в широколиственных лесах наряду с другими причинами содействовало переходу к неолиту – более высокой форме организации жизни и хозяйственной деятельности человека в лесной зоне Восточной Европы.

К подзоне широколиственных лесов относятся ареалы раннеэнеолитических нарвской и верхневолжской культур, а также часть ареалов днепро-донецкой куль-

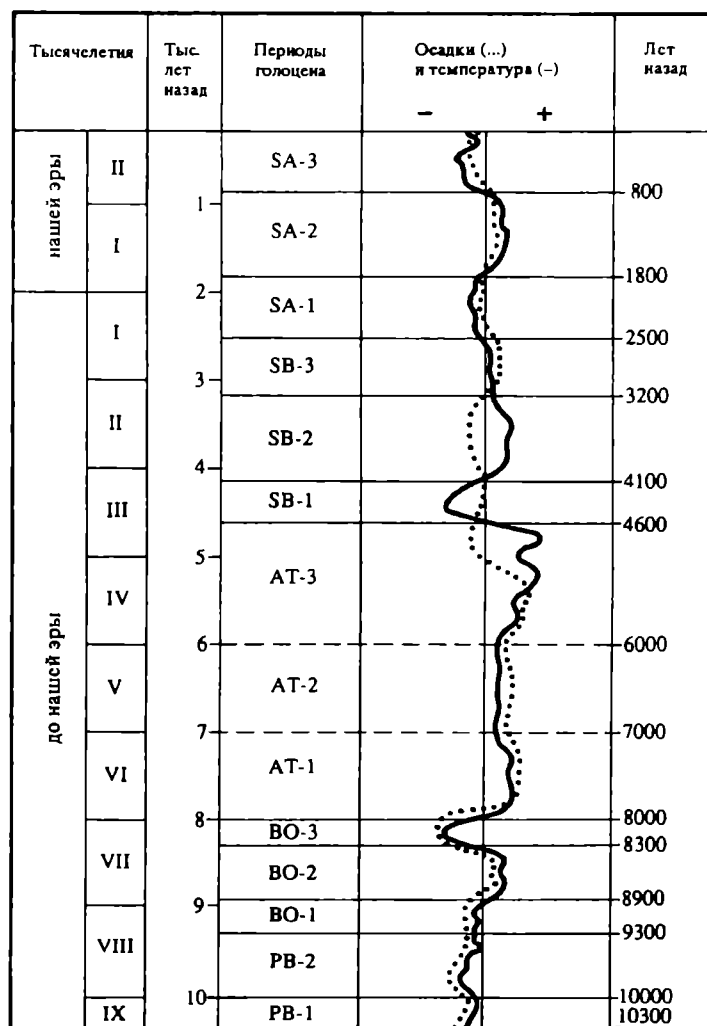

Схема 1. Хронологический эталон периодизации голоцена Русской равнины

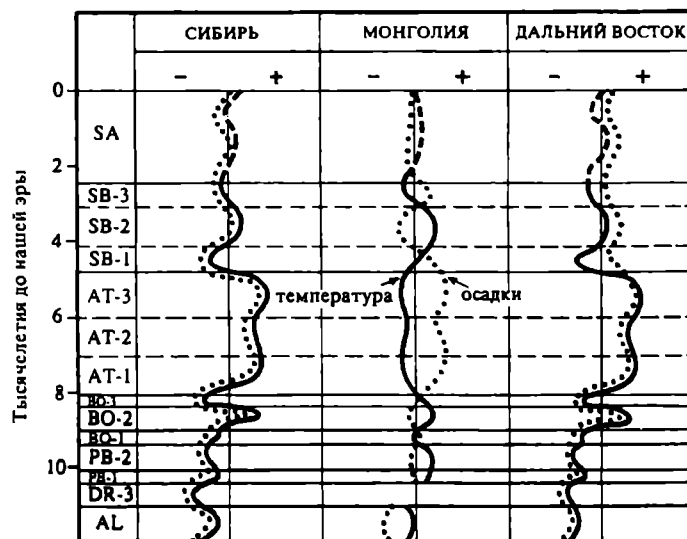
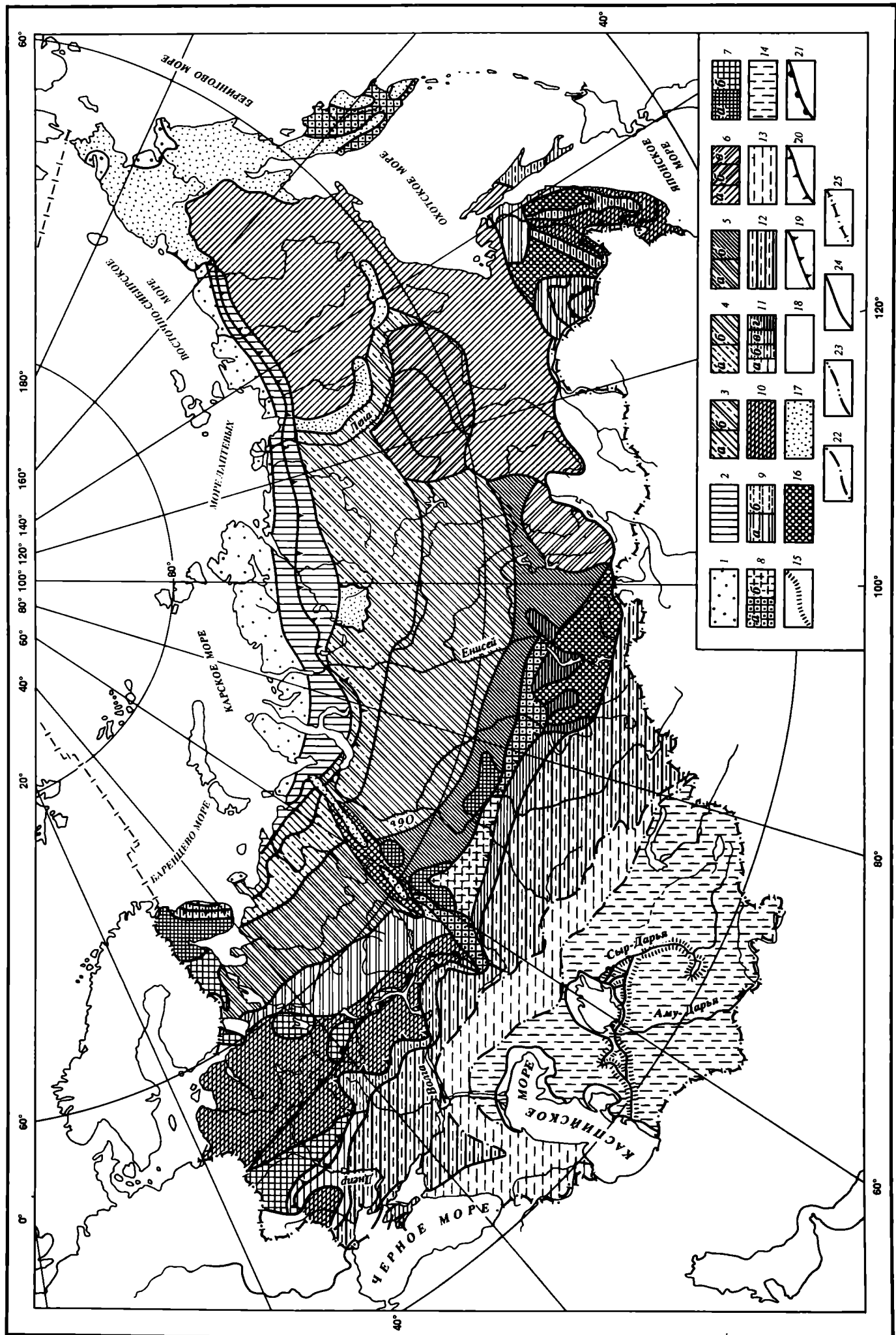

Схема 2. Климато-стратиграфические схемы голоцена Сибири и Дальнего Востока и Монголии

* В настоящее время ширина полосы широколиственных лесов сузилась до 400–200 км.

турной общности. Ареал культуры сперрингс в Южной Карелии связан с сосновыми и березовыми лесами со значительной примесью широколиственных формаций. Северная часть ареала волго-камской культуры на востоке вклинивается в районы, занятые широколиственно-хвойными подтаежными лесами, что позволяет предполагать возможность обитания неолитических племен и в других районах этих лесов.

Остановимся на более детальной характеристике природных условий обитания неолитических племен (V–IV тыс. до н.э.) в центре Русской равнины. Климат этого времени отличался здесь от современного меньшей континентальностью и значительно большей (на один месяц) длительностью безморозного периода. Палеоботанические и палеофаунистические данные согласованно указывают на то, что неолитические племена жили во время более широкого чем теперь, распространения многоярусных широколиственных лесов. Костные остатки из культурных слоев этого времени свидетельствуют об изобилии кабанов, благородных оленей, зубров, бобров и т.д. Важную роль в рационе неолитического человека играли, по данным карпологиического анализа, съедобные плоды и ягоды. Однако, наибольшее значение имели продукты рыболовства, на что указывает приуроченность большинства раннеолитических стоянок к проточным, богатым рыбой озерам, а также многочисленные остатки рыб в культурных слоях.

В неолите человек не продвигался обычно в глубь во-

дораздельных пространств, занятых лесами. Это объясняется как спецификой распространения животного мира в лесах, так и сложностью получения питьевой воды на водораздельных участках. По наблюдениям зоологов, животные тяготеют не к “глубинам” лесных массивов, а к окраинным ландшафтно-контактным участкам (опушкам, перелескам, приозерно-речным районам и т.д.), что известно, как явление “пограничного эффекта”. В целом эпоха неолита отмечена относительно высоким уровнем стояния вод в гидрологической сети центра Русской равнины, хотя в конце атлантического периода происходила повсеместная регрессия. Последующие колебания этого уровня время от времени давали толчок к миграционным подвижкам населения, что в свою очередь вызывало необходимость освоения ландшафтов других типов и содействовало усилению контактов и обмену опытом между различными племенами.

Напомним, что начиная с неолита европейская часть бывш. СССР четко разделяется на две большие культурные зоны. В северной, лесной половине размещаются культурно-исторические общности с охотничье-рыболовческим хозяйством, в южной, степной – с земледельческо-скотоводческим хозяйством. Эти различия, сохранявшиеся в течение тысячелетий, невозможно объяснить без учета фито- и зоогеографической специфики лесной и степной зон.

В этой связи особый интерес представляет дискуссионный вопрос о динамике границы между лесной и степной зонами в голоцене. Полученные в последнее время палинологические и радиоуглеродные датировки по голоценовым отложениям Среднерусской возвышенности (Серебрянная, 1976. С. 159) и на Средней Оке (Хотинский и др., 1979. С. 63) показывают, что эта граница уже в атлантическом периоде установилась в близком к современной положению и в дальнейшем не испытывала существенных колебаний. Только в конце атлантического периода отмечается расширение степных сообществ в европейской лесостепи. Аналогичная картина наблюдалась и в Западной Сибири. При этом нужно учитывать, что под границей “лес–степь” понимается в соответствии с ботаническим районированием – северная граница лесостепи, а не ее южная граница, которая действительно была очень подвижной.

Урал

В конце атлантического периода на Урале происходил максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных лесов. В это время еловые леса западного и восточного склонов Полярного Урала смыкаются по сквозным долинам, а на прилегающих равнинах границы леса продвигаются к северу. Увеличение продолжительности и температуры вегетационного периода привело к полному стаиванию ледников на Урале (Сухова, Троицкий, 1968. С. 138). Отмечается интенсивная миграция на север широколиственных пород. К концу периода вяз, липа, дуб и орешник достигли примерно 58° с.ш., а в Предуралье – еще более северных районов. Радиоуглеродные датировки свидетельствуют, что процесс продвижения на север широколиственных лесов на Урале и Русской равнине достиг кульминации одновременно – в конце атлантического периода.

Карта. 1. Растительность на территории Евразии в конце атлантического периода (фаза АТ-3, 4600–6000 л.н., IV – первая половина III тыс. до н.э.). Составлена Н.А. Хотинским по материалам М.И. Нейштадта и Н.А. Хотинского (в целом по Евразии), Т.А. Серебрянной (Центр Восточной Европы), А.Т. Артюшенко, Л.Г. Безусько, Р.Я. Арап (Украина), А.А. Сейбутиса, Э.О. Ильвеса, А.А. Сарв (Прибалтика), О.Ф. Якушко, И.И. Богделя, Н.А. Махнач (Белоруссия), Г.А. Елиной (Карелия), Р.М. Лебедевой (Кольский полуостров), Л.Д. Никифоровой (Северо-Восток Восточной Европы), И.И. Тумаджанова, Л.К. Гогичайшвили, Н.С. Мамацашвили (Кавказ), В.К. Немковой, Н.К. Пановой, Т.Г. Суровой (Урал), В.С. Волковой, Г.М. Левковской, Т.П. Левиной (Западная Сибирь), В.К. Беловой, М.В. Никольской (Средняя Сибирь), А.И. Томской (Якутия), Т.Н. Каплиной, А.П. Ложкина, М.Е. Воцилко (Северо-Восток Азии), Т.Д. Боярской, И.Г. Гвоздевой, Л.П. Карауловой, А.В. Чернюк (Дальний Восток), И.А. Егоровой (Камчатка)

1 – тундры; 2 – лесотундры; 3 – темнохвойные северотаежные леса: а – еловые, б – елово-лиственничные; 4 – темнохвойные среднетаежные леса: а – еловые, б – кедрово-еловые; 5 – темнохвойные южнетаежные леса: а – еловые, б – пихтово-еловые; 6 – светлохвойная тайга: а – лиственничная, б – лиственнично-сосновая с елью и степными участками; а – лиственнично-сосновая с липой и степными участками; 7 – сосновые леса: а – сосновые, б – сосновые с широколиственными породами; 8 – березовые леса: а – березовые, б – березовые с широколиственными породами; 9 – подтаежные леса: а – широколиственно-хвойные, б – хвойно-широколиственные; 10 – широколиственные леса: 11 – лесостепь: а – сосновая, б – дубравная, а – березовая, б – березово-сосновая с елью; 12 – разнотравные мезофитные степи; 13 – злаково-полынные степи (полупустыня); 14 – пустыни; 15 – мезофитная растительность тугаев и оазисов в пустынной зоне; 16 – темнохвойные горные леса; 17 – горные тундры; 18 – территории, где реконструкции не проводились; современные границы: 19 – южная граница тундры; 20 – южная граница леса; 21 – северная граница широколиственных лесов; 22 – северная граница полупустыни; 23 – северная граница пустыни; 24 – реконструкция береговой линии Каспийского и Аральского морей в атлантическом периоде

Сибирь

В Западной Сибири позднеатлантическая фаза (АТ-3) выделяется как наиболее теплая. Зона лесов существенно расширяется за счет продвижения ее северной границы на 300–400 км на территорию современной тундры. Древесина лиственницы, найденной на полуострове Ямал в районе р. Юрибей, имеет возраст 5500 ± 160 л.н. (БАШ-63). Темнохвойные еловые и елово-кедрово-пихтовые леса в сочетании с лиственничными доминировали на севере Западно-Сибирской равнины, а южнее преобладали березняки с участием темнохвойных пород.

Повышенные участки рельефа, в частности Сибирские увалы, были покрыты сосновыми лесами. В составе древесных формаций юго-западного сектора лесной зоны, в бассейне Иртыша, отмечается максимальная за весь голоцен примесь широколиственных пород – вяза, липы и дуба.

Южная граница леса, продвигавшаяся ранее в южном направлении, достигла во второй половине атлантического периода положения, близкого современному. Только в самом конце этого периода происходило, как и в Европейской части СССР, некоторое расширение степных пространств в лесостепных районах и незначительное остепнение самой южной окраины лесной зоны. Более поздняя (суббореальная) экспансия степей на север здесь по пыльцевым данным не отмечается.

Таким образом, наряду со значительной мобильностью северной границы леса в атлантическом периоде, его южная граница оставалась более или менее стабильной. Обусловившая этот парадокс общая климатическая ситуация была выявлена В.П. Гричуком, установившим, что около 5500 лет назад (середина IV тыс. до н.э.) в областях Северной Евразии и Северной Америки, расположенных севернее $54\text{--}55^\circ$ с.ш. зимние и летние температуры были выше современных (Гричук, 1969. С. 51). Южнее прослеживается как бы “нейтральная полоса”, где температурный режим почти не менялся, а далее к югу, примерно от 40° с.ш., зимние и летние температуры понижались. Близкое совпадение лесостепи с этой “нейтральной” полосой объясняет явление относительной стабильности границы “лес–степь” на территории юго-западной Сибири. При изучении истории неолитических и энеолитических племен в Западной Сибири надо учитывать, что лесостепь и южная окраина лесной зоны, как и на Русской равнине, характеризовалась высокой биологической продуктивностью, так как эти ландшафты развивались в наиболее оптимальных для данного региона климатических условиях.

В Средней Сибири потепление позднеатлантического времени (АТ-3) также выразилось достаточно ясно. Лесотундра, представленная ело-

во-лиственничными редколесьями, распространилась на 100–150 км севернее ее современного положения. На это указывают находки на полуострове Таймыр в зоне современной тундры древесины лиственницы, датированной по радиуглероду 5740 ± 120 л.н. (ГИН-1314); 5770 ± 40 (ГИН-798); 5650 ± 130 (ГИН-781); 5520 ± 50 (ГИН-669).

Южнее, на междуречье Енисея и Лены были распространены елово-лиственничные леса. Развитие еловых древостоев на этих территориях, где в настоящее время они полностью отсутствуют или находятся в угнетенном состоянии, определенно свидетельствует о потеплении и смягчении континентальности климата этих районов по сравнению с настоящим временем. Южнее широты нижнего течения Подкаменной Тунгуски были распространены сосново-лиственничные леса с “пятнами” темнохвойных елово-пихтово-кедровых лесов в горных районах, в частности, на Енисейском кряже.

Растительный покров Северо-Востока Евразии в атлантическом периоде изучен еще недостаточно полно. Палеоботанические данные указывают на то, что потепление климата во второй половине атлантического периода проявилось здесь слабее, чем в других районах лесной зоны. Граница между лесом и тундрой продвигалась лишь на несколько десятков километров севернее ее современного положения. На большей части Северо-Востока были, как и теперь, распространены лиственничные леса, которые, однако, отличались от современных меньшей редкостойкостью.

Особые своеобразные ландшафты были развиты в конце атлантического периода на Центрально-якутской равнине и Приленском плато. Здесь преобладали редкостойные елово-сосново-лиственничные леса в сочетании с мохово-лишайниковыми, кустарничково-травянистыми ассоциациями и с остепненными участками.

По условиям увлажнения эти ландшафты могут быть в какой-то мере сопоставлены с лесостепными ландшафтами Восточной Европы и Западной Сибири. Испаряемость, и теперь достигающая в этих районах значительной величины (около 450 мм/год), была, вероятно, в то время еще большей, что свидетельствует о повышенной биологической продуктивности этих якутских ландшафтов по сравнению с сопредельными территориями.

Дальний Восток

Более динамично развивались ландшафты южных приморских районов Дальнего Востока. Здесь в атлантическом периоде отмечается максимальный расцвет широколиственных и хвойно-широколиственных лесов. По своим климатическим характеристикам и высокому уровню биологической продуктивности эти леса близки своим восточноевропейским аналогам. Однако, это более древние формации, так как в середине бореального периода (около 8500 лет назад) они были здесь уже широко распространены. Учитывая это обстоятельство, а также выявленную в лесной зоне Вос-

точной Европы связь неолитических племен с областями распространения широколиственных лесов, можно предположить, что процесс формирования неолитических культур в приморских районах юга Дальнего Востока начался раньше, не в атлантическом, а в бореальном периоде.

Средняя Азия

Реконструкция природных условий в эпоху неолита на территории Средней Азии затруднена из-за ограниченного количества пыльцевых данных, столь широко используемых при палеогеографических исследованиях в лесных и тундровых зонах СССР. В аридных районах очень редко встречаются органогенные, озерно-болотные отложения, пригодные для изучения методом спорово-пыльцевого анализа. В других континентальных (в частности, аллювиальных) отложениях пыльца и споры, как правило, содержатся в крайне незначительных количествах и зачастую не дают необходимой информации для обоснованных палеогеографических реконструкций. В тех редких случаях, когда пыльцевой метод применялся, полученные результаты оказались невыразительными, датировка слоев – или древнее, или моложе интересующего нас отрезка времени, так что применение их для восстановления состава растительности и общей климатической обстановки неолита сильно затруднено.

Учитывая эти обстоятельства, целесообразно сочетать пыльцевой метод с данными других палеоботанических анализов. Так, интересную группу палеоботанических источников представляют угли, собранные при раскопках поселений джейтунской культуры в Южной Туркмении. Несмотря на принадлежность углей только древесным породам, определения дают представление не только о древесной растительности, но и об общем характере растительного ландшафта. В коллекциях углей из неолитических стоянок обнаружены следующие виды: саксаул, клен, тамариск, тополь, ясень, вяз и можжевельник (Лисицына, 1968. С. 52). Особо следует выделить саксаул – показатель растительности песчаных пустынь. Эти находки свидетельствуют о том, что Каракумские пески располагались в непосредственной близости от джейтунских поселений.

Комплекс таких пород, как тополь, клен, вяз и тамариск, свойствен современным тугайным или галерейным лесам, произрастающим в Средней Азии повсеместно, вдоль водостоков разной величины, от больших рек до мелких ручьев. Находки углей указанных пород в неолитических поселках, приуроченных к водным источникам, позволяют считать, что тугайные леса и в то время составляли важную часть растительных ландшафтов. Обращают на себя внимание находки углей можжевельника-арчи – породы, весьма характерной для горных лесов Средней Азии, но сейчас на северных склонах Копет-Дага встречающейся лишь на отметках свыше 1000 м.

Морфологический анализ углей из неолитических и более поздних многослойных поселений не только Южной Туркмении, но и Узбекистана и Таджикистана, да-

вавший аналогичные результаты, позволяет говорить о сходстве ископаемого материала с современной древесной флорой этих районов. Данные спорово-пыльцевых анализов, фиксирующих во всех исследованных образцах высокий процент содержания травянистых растений, также свидетельствуют о наличии обширных открытых пространств с ксерофитной растительностью. Исходя из этих данных, Г.Н. Лисицына считает, что в неолите климат здесь был сухим, аридным, близким современному.

Известны и другие точки зрения на голоценовую историю Средней Азии. Это прежде всего касается пустынь Казахстана и Узбекистана, где известно немало неолитических памятников. Основным занятием этих племен были охота, рыболовство, собирательство и лишь на поздних этапах развития – скотоводство. Изучение распространения рассматриваемых памятников позволило А.В. Виноградову и Э.Д. Мамедову (1975) выступить с теорией о существовании в VII–III тысячелетиях до н.э. в Средней Азии влажного, плювиального климата (“лявляканский плювиал”), сопровождавшегося увеличением осадков от 250 до 450 см и смещением ландшафтно-климатических зон на юг почти на 1000 км (Мамедов, 1980. С. 171). Общее положение авторов о более влажном климате VII–III тыс. до н.э. не противоречит палеоклиматическим реконструкциям, сделанным для аридных районов Ближнего Востока в целом. А.В. Виноградов и Э.Д. Мамедов приводят три группы доказательств в пользу своих взглядов. Во-первых – наличие в Кызыл-кумах и Центральных Каракумах ископаемых почв, формирование которых должно было происходить в условиях более влажного климата, чем современный. Во-вторых – существование постоянного населения в районах, где теперь из-за полной безводности жизнь невозможна. В-третьих – большая обводненность территории Средней Азии, в том числе и Южной Туркмении, ряда районов Передней Азии и Африки в прошлом. Отмечено широкое распространение в эпоху “лявляканского плювиала” в пустынных районах первобытного тура – обитателя лесной и лесостепной зон, а также наличие в современной флоре Кызыл-кумов реликтов (Мамедов, 1980. С. 171), свидетельствующих о существовании в прошлом более влажного климата.

Очевидно, следует отказаться от представления о неизменности природных условий Средней Азии в голоцене, чему противоречит вся сумма археологических, почвенных и отчасти палеоботанических и фаунистических данных. Грандиозные перестройки циркуляции атмосферы, фиксируемые в масштабах Северной Евразии, не могли не отразиться на климате Средней Азии. Ее увлажнение в эпоху “лявляканского плювиала”, в свете современных научных данных, не вызывает сомнений.

С другой стороны, не следует преувеличивать масштабы увлажненности Средней Азии и вызванные этим сдвиги ландшафтных зон, а также биогеографические трансформации. Масштабы снижения аридности региона были, вероятно, таковы, что приводили

лишь к частичной мезофитизации его флоры и фауны, а не полной трансформации в степную или лесостепную зоны.

Суббореальный период (поздний неолит–эпоха бронзы)

Верхняя граница климатического оптимума атлантического периода определяется по раннесуббореальному похолоданию (фаза В-1). Это явление отмечено около 4200–4600 лет назад (вторая половина III тыс. до н.э.) во многих районах северного полушария. Похолодание вызвало значительные изменения в ландшафтах Евразии. На Европейской части в это время шло смещение границы “тундра–лес” в южном направлении, которое достигало 200–300 км по сравнению с атлантическим периодом. Тундровые элементы (в частности ерниковые заросли из карликовой березки) расширили области распространения и в лесной зоне. Раннесуббореальное похолодание положило предел распространению теплолюбивых широколиственных лесов на север Русской равнины и вызвало их частичную деградацию на обширных территориях. Северная граница широколиственных лесов сместилась к югу на 400 км. Широкое развитие получили березовые и сосновые леса.

После трансгрессивной фазы в раннем неолите происходит спад уровня вод в гидрологической сети многих районов лесной зоны Русской равнины, что наряду с другими факторами могло содействовать активизации миграционных подвижек населения.

На Урале это похолодание вызвало частичную деградацию темнохвойных еловых и широколиственных лесов. На севере этой горной страны возобновляется каровое оледенение, замедляются темпы торфонакопления. Происходит деградация еловых лесов и продвижение тундры в южном направлении. Ельники резко сокращаются в Ивдельском Зауралье и на Среднем Урале. В последнем районе почти полностью исчезают породы смешанного дубового леса, но вместе с тем появляются пихта и граб, что указывает на увеличение увлажненности климата. В Западной Сибири также в связи с похолоданием и усилением континентальности климата тундра наступает на лес, деградируют еловые леса и широколиственные породы. Во многих районах на первый план выходят сосновые, березовые, а позднее кедровые леса. Ухудшение климата вызвало смещение границы распространения мерзлых пород к югу до 62–64° с.ш., тогда как в конце атлантического периода эта граница располагалась примерно на 68–89° с.ш. (Баулин и др., 1976. С. 2).

С начала суббореального похолодания в Западной Сибири резко активизируются процессы заболачивания, которые в дальнейшем достигают грандиозных масштабов, приводя к образованию таких огромных болот, как Васюганье. Заторфование огромных территорий Западно-сибирской равнины во второй половине голоцена – существенный природный фактор, который необходимо учитывать при реконструкции картины расселения древних племен, путей их миграции и т.д.

Граница “лес–степь” в Западной Сибири окончательно

но установилась в начале суббореального периода в положении, близком к современному и в дальнейшем не испытывала значительных смещений в течение последних 5000 лет, что противоречит представлениям некоторых исследователей о грандиозном “вторжении” степей в лесную зону Западной Сибири и Русской равнины во время так называемого “суббореального ксеротерма”.

В Средней Сибири и на Северо-Востоке в это время происходила деградация лесной растительности у северного предела ее распространения. Наиболее ярко эта тенденция прослежена на севере Якутии (низовья рек Яны и Индигирки), где около 4500–4700 лет назад произошел значительный сдвиг к югу границ ареалов ели, березы и лиственницы. Во многих внутренних районах Сибири отмечается сокращение или исчезновение еловых лесов, что указывает на усиление континентальности климата. На Камчатке и Сахалине пыльцевые спектры раннесуббореального времени указывают на снижение границы леса в горах и широкое распространение холодолюбивых кустарниковых формаций подгольцового пояса (из ольхового и кедрового стланика). На юге Дальнего Востока отмечается частичная деградация широколиственных и хвойно-широколиственных лесов, широко распространенных в предшествовавшую атлантическую фазу. В целом для Дальнего Востока на фоне общего тренда в сторону похолодания отмечается (в отличие от Сибири) увеличение океаничности климата. Приведенные данные могут служить примером синхронной реакции растительного покрова обширных территорий на глобальное похолодание климата. Это похолодание было связано со значительными изменениями циркуляции атмосферы над северной Евразией, которые выразились в ослаблении западного переноса влажных и теплых воздушных масс из Атлантики и в расширении и углублении Азиатского антициклона.

Анализ общих закономерностей развития природы и первобытного населения в неолитическую эпоху приводит к следующим выводам (Dolukhanov, Khotinskiy, 1984. С. 319). Неолит характеризуется увеличением численности и плотности населения, освоением более широкого спектра природных ландшафтов по сравнению с мезолитической эпохой. Особенностью неолитической эпохи является усложнение хозяйства как частичное следствие дифференциации ландшафтных зон.

Наиболее важным аспектом процесса дифференциации было сложение в некоторых регионах Северной Евразии устойчивых типов хозяйства производящего типа. Палеогеографические данные показывают, что переход к производящему хозяйству произошел первоначально в регионах, хорошо обеспеченных теплом и водой в предгорьях и на склонах лессовых плато, занятых растительностью лесостепного или саванного типа. На территории Евразии выделяются три наиболее древних очага земледелия и скотоводства – Прикарпатско-Черноморский, Закавказский, Копетдагский. Неолитические культуры, распространенные в степной и лесостепной зонах равнинных территорий, характе-

ризовались ранним развитием скотоводства. Вместе с тем наличие пыльцы культурных злаков и сеgetальных ("пашенных") сорняков в отложениях конца атлантического периода в ряде лесостепных районов Русской равнины указывает на зарождение элементов земледелия (Благовещенская, 1985. С. 12).

Практически по всей территории лесной зоны на про-

тяжении неолитической эпохи сохранялось хозяйство присваивающего типа. Это отчасти объясняется спецификой природных условий, которые, с одной стороны, лимитировали численность населения на невысоком уровне, а с другой – обеспечивали его в избытке продуктами питания, не стимулируя тем самым поиск новых, более рентабельных форм хозяйственных стратегий.

ЧАСТЬ I

Неолит Юга

Глава 1
Юго-Запад Восточной Европы

Глава 2
Юг Восточной Европы

Глава 3
Кавказ

Глава 4
Средняя Азия и Казахстан

Глава 1

Юго-Запад Восточной Европы

На территории Молдавии и Правобережной Украины выявлено большое число неолитических памятников, связанных с разными археологическими культурами. Из этих культур мы достаточно полно можем охарактеризовать две – буго-днестровскую, видимо, местную по происхождению, и культуру линейно-ленточной керамики (иначе I Дунайскую), распространенную в основном в Центральной Европе (карта 2).

Неолитические памятники Закарпатья пока изучены слабо. Исследователи не располагают достаточными данными для решения вопроса об исторических судьбах оставших их племен и констатируют только, что памятники Закарпатья характеризуют отдельные этапы развития неолитических племен, входивших в культурно-историческую область, некогда охватывавшую бассейн р. Тисы.

Буго-днестровская культура

Первые стоянки буго-днестровской культуры были выявлены в начале 1930-х годов Ф.А. Козубовским на Южном Буге. В 1949–1961 гг. исследования этого района вел В.Н. Даниленко, выделивший особую южнобугскую культуру. С конца 1960-х годов изучением аналогичных памятников на Днестре занялся В.И. Маркевич, раскопавший несколько многослойных стоянок у г. Сороки. Стало ясно, что на Южном Буге и Днестре открыты памятники единой культуры, получившей теперь название буго-днестровской и представленной двумя вариантами. Характеристика ее дана в монографиях В.Н. Даниленко (1969) и В.И. Маркевича (1974).

Буго-днестровская культура известна в основном по материалам поселений. Исходя из стратиграфических наблюдений на многослойных поселениях, В.Н. Даниленко предложил деление буго-днестровской культуры на шесть фаз: скибинецкую, соколецкую (ранний неолит), печерскую, самчинскую (развитой неолит), савранскую, хмельницкую (поздний неолит). После раскопок стоянок Сороки I и II на Днестре В.И. Маркевич выделил пять фаз, первая из которых относится к бескерамическому неолиту, согласно нашей терминологии, мезолиту. Соотношение двух периодизаций выглядит так:

Южный Буг (по В.Н. Даниленко)		Поднепрорье (по В.И. Маркевичу)
поздний неолит	хмельницкая савранская	– фаза V
развитой неолит	самчинская печерская	фаза IV фаза III
ранний неолит	соколецкая скибинецкая	фаза II –
мезолит	бескерамическая	фаза I

Д.Я. Телегин (1971) и Р. Трингем (Tringham, 1971) считают, что периодизация В.Н. Даниленко слишком дробная и можно говорить лишь о трех этапах в развитии культуры. По Д.Я. Телегину, I этап охватывает три первые фазы В.Н. Даниленко и называется скибинецко-печерским, II этап – самчинским, III – савранским. Для выделения особой хмельницкой фазы, не отраженной на Днестре, по мнению Д.Я. Телегина, нет оснований.

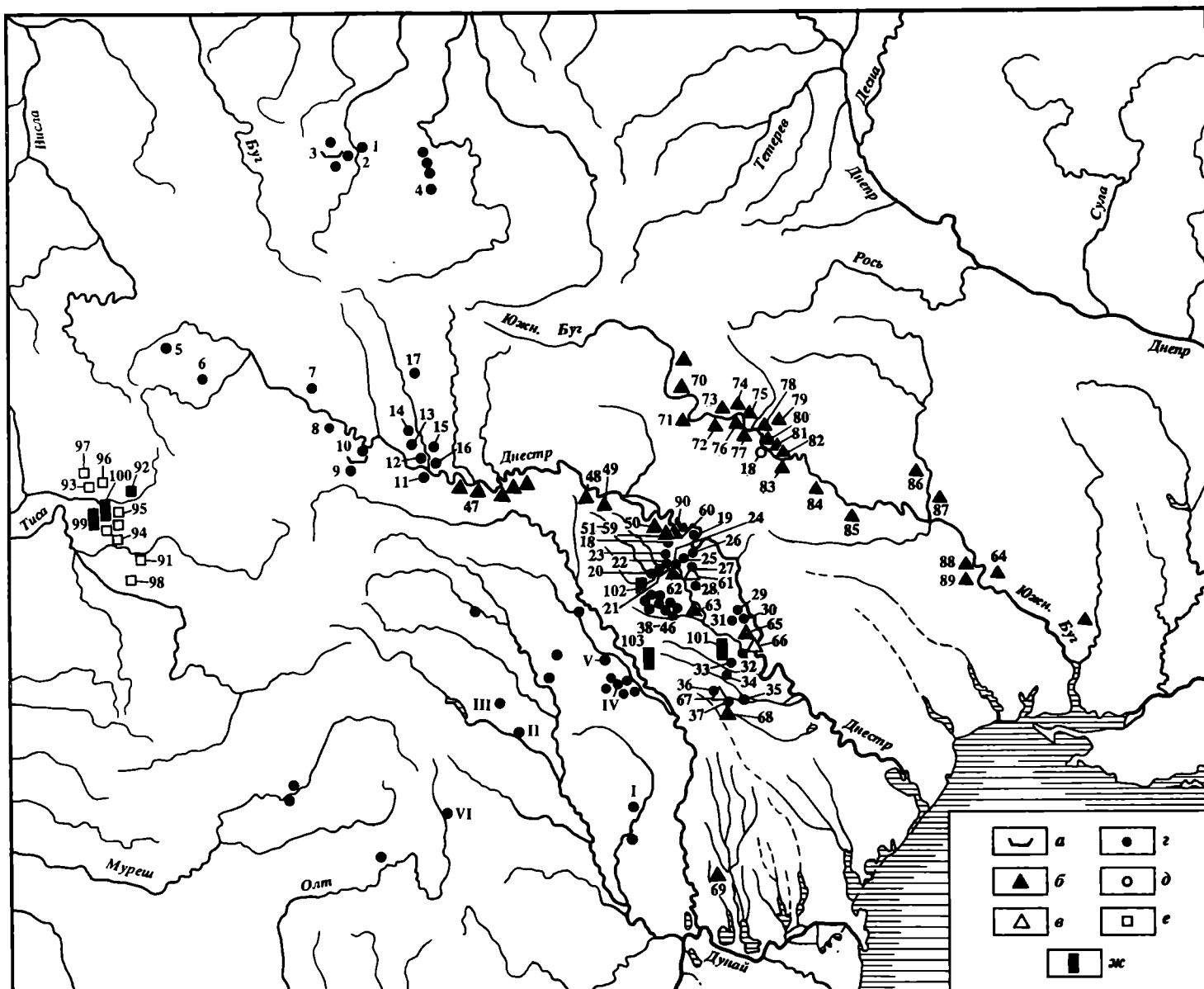
Большое значение для периодизации буго-днестровского неолита имели раскопки поселения Сороки II, расположенного на высокой пойме правого берега Днестра. Культурные остатки залежали в слое аллювиального суглинка и в верхней части лессово-иловатых отложений. Два нижних слоя – мезолитические. Их радиоуглеродные даты – 7515 ± 120 (Bl-588) и 7420 ± 80 (Blн-587), т.е. 5565 и 5470 до н.э. Верхний слой сопоставляется с соколецкой фазой В.Н. Даниленко. Слой отделен от нижележащего прослойкой в 0,17–0,25 м, в нем обнаружена полужемлянка, в которой найдены изделия из кремня и кости, а также керамика. Для этого слоя есть радиоуглеродная дата 6840 ± 150 (Blн-586), т.е. 4880 до н.э. (Долуханов, Тимофеев, 1972. С. 49).

Таким образом, на многослойных поселениях Молдавии как будто выявлены слои времен мезолита и трех фаз, соответствующих соколецкой, печерской и самчинской фазам Побужья. Исследования однослойных поселений у с. Селиште, в урочище Руптура и в пункте Сороки III дали дополнительные материалы относительно печерской фазы, а раскопки в пункте Сороки V и у с. Цикиновка позволили получить характеристику поселений, соответствующих савранской фазе.

Перейдем теперь к описанию поселений буго-днестровской культуры по фазам, начиная с древнейшей. Поселения скибинецкой фазы обнаружены только на Южном Буге, на островах Базьков и Митьков. В нижнем слое Базькова острова обнаружено 11 скоплений керамики, кремневых изделий, костей животных и сопровождавших их скоплений створок перловицы. Предполагается, что это остатки жилищ. Два таких же скопления находок обнаружены в нижнем слое Митькова острова. Эти пятна, на которых сосредоточены обломки керамики и изделия из кремня, имели размеры 4×3 , 4×5 , 5×6 , 6×6 , 10×2 м и могли быть остатками небольших наземных жилищ.

Кремневый инвентарь имеет микролитический облик. Найдены нуклеусы призматической и карандашевидной формы, орудия из пластин неправильных очертаний.

Кремневый инвентарь имеет микролитический облик. Найдены нуклеусы призматической и карандашевидной формы, орудия из пластин неправильных очертаний.

Карта 2. Неолитические памятники на Правобережье Украины, в Закарпатье и Молдавии (Составлена Е.К. Черныш). а – погребение и б – поселение буго-днестровской культуры; в – находки керамики буго-днестровской культуры; г – поселения культуры линейно-ленточной керамики; д – находки фрагментов линейно-ленточной керамики; е – поселения культуры альфельдской линейной керамики; ж – поселения культуры криш

Памятники культуры линейно-ленточной керамики: 1, 2 – Луцк; 3 – Бав; 4 – Ольшаница; 5 – Котоване; 6 – Колодница; 7 – Бовшив; 8 – Букивна; 9 – Голосков; 10 – Незвиско; 11 – Звенячин; 12 – Торское; 13 – Бучач; 14 – Поповцы; 15 – Бильче Золотое; 16 – Синьков; 17 – Сухо-став; 18 – Базьков остров; 19 – Слободзея-Воронково; 20 – Путинешты; 21 – Маркулешты II; 22, 23 – Флорешты I, II; 24–26 – Гура-Каменка VI, VII, X; 27 – Рогожаны II; 28 – Цыра II; 29 – Изворы I; 30–31 – Киперчены I, II; 32 – Бранешты II; 33 – Бранешты XIII; 34 – Пагнешты I; 35 – Данчени I; 36, 37 – Русешты Новые I, II; 38–40 – Лазовск
Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории Румынии: I – Периеени; II – Траян; III – Тырпешти; IV – Валя Лупулуй; V – Ларга Жижия; VI – Банку.

Памятники буго-днестровской культуры: 47 – Перебыковцы; 48 – Наславча I; 49 – Каларашовка I; 50 – Косоуцы III; 51–59 – Сороки I–IX; 60 – Трифауцы V; 61 – Цыра II; 62 – Стрычени I; 63 – Саратены I; 64 – Константиновка-Пугач; 65, 66 – Голерканы I, VII; 67 – Русешты Новые I; 68 – Ханска V; 69 – Гаванос I; 70 – Клищев; 71 – Печера; 72 – Глинское; 73 – Коржив; 74 – Самчинцы; 75 – Соколы I, II, VI; 76 – Шимановское; 77 – Заньковцы; 78 – Жакчик; 79 – Мельничная Круча; 80 –

Скибинцы; 81, 82 – острова Базьков и Митьков; 83 – Чернятка; 84 – Гайворон-Положок; 85 – Саврань; 86 – Владимировка; 87 – Миколина Брояка; 88 – Гард; 89 – Прибугское (Ак-Мечетка); 90 – Цикиновка
Памятники культуры альфельдской линейной керамики: 91 – Дьяково-Мондичтог; 92 – Мукачево-Малая Гора; 93 – Малые Геевцы; 94 – Рафаново; 95 – Великая Добронь; 96 – Холмцы; 97 – Ужгород-Дравцы; 98 – Великая Паладь

Памятники культуры криш: 99 – Заставное; 100 – Ровное I; 101 – Селиште; 102 – Сокаровка; 103 – Вишоара

ний, скребки из небольших массивных отщепов, ножи, скобели, сверла, мелкие вкладыши в виде низких трапеций. Есть рубящие орудия из речной гальки, точильные камни, песты, небольшие терочные камни ромбической формы. Имеется несколько киркообразных роговых мотыг, а также ножей и небольших тесел из клыка кабана (рис. 1).

В поселениях скибинецкой фазы найдена наиболее древняя глиняная посуда буго-днестровской культуры. Самой распространенной формой являются сосуды с выпуклыми стенками, у которых широкий край горла слегка вогнут внутрь, дно округлое, часто оканчивающееся шипом. Сосуды с небольшим плоским дном в это время

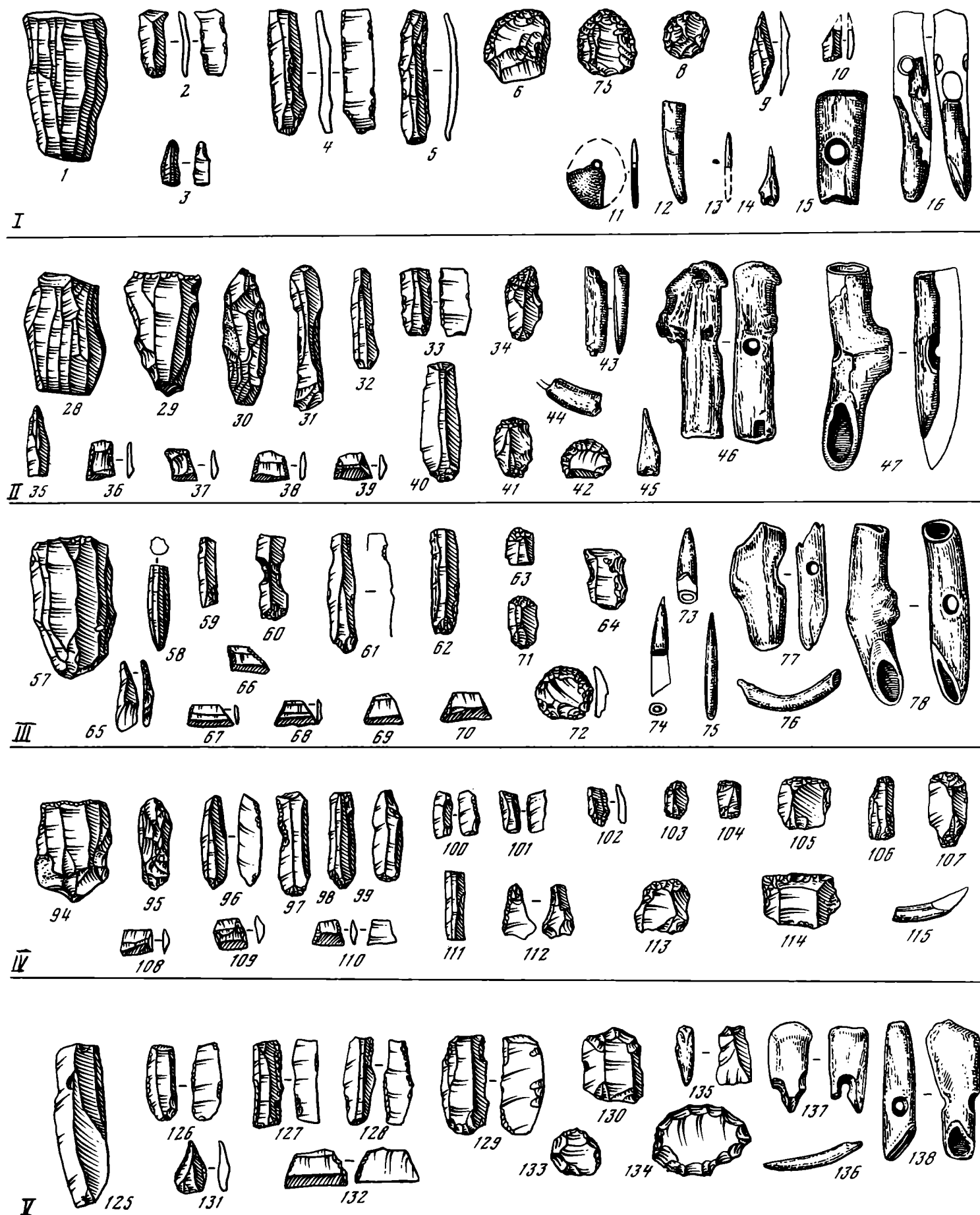

Рис. 1. Орудия буго-днестровской культуры. Фазы: I – скибинская, II – соколецкая, III – печерская, IV – самчинская, V – савранская

1–6 – Сороки V; 28–46 – Сороки I, слой 1а; 47 – Сокольцы VI; 57–65, 70–77 – Сороки I, слой 1б; 66–68 – Гайворон-Положок; 69 – Мельничная Круча;

78 – Сокольцы VI; 94–115 – Сороки II, слой 1; 125–138 – Базьков острог; (продолжение рис. 2)

еще редки. Керамика изготовлена из глины, содержащей примесь травы, песка и раздробленных раковин. От края и почти до дна поверхность покрыта узором из проглаженных или врезанных линий, оттисков штампа или пальцевых защипов. Характерна позитивно-негативная композиция орнамента. Один из наиболее распространенных узоров имел вид ленты из параллельных линий, широкой волной опоясывающей сосуд. Часть пространства между изгибами ленты заштриховывалась, что придавало орнаменту большую декоративность. Покрывались горшки и более простыми геометрическими узорами из чередующихся заштрихованных полос или ромбов (рис. 2).

Поселения соколецкой фазы представлены в нижних слоях многослойных поселений Соколы II и Печера на Южном Буге и в верхнем слое Сорок II в Поднестровье.

В поселении Соколы II обнаружены расположенные вдоль берега скопления различных предметов, видимо, оставшиеся на местах стоявших здесь наземных жилищ. С ними связаны раковинные кучи площадью до 10 кв. м. На месте жилищ найдены раздавленные сосуды, кости оленей и кабанов, орудия из кремня, кости и рога. Размеры скоплений могут быть приняты за размеры стоявших тут жилищ (5,5 × 2,9; 5,5 × 2,5 м и т.д.).

Среди керамики преобладают сосуды с отогнутым венчиком с примесью толченой раковины и крупных растительных волокон в тесте. Поверхность сосудов хорошо заглажена и покрыта проглаженным по сырой глине орнаментом. Узоры разнообразны и декоративны. Некоторые сосуды как бы оплетены вертикальными волнистыми лентами из параллельных тонких полос. На других широкая волнистая лента опоясывает весь сосуд. Особенностью орнамента по сравнению с узорами на сосудах предшествующей фазы является использование зубчатого штампа, а также наколов, сопровождающих волнистые ленты. Отметим находку кубка из серой глины с прекрасным лощением поверхности. Такой сосуд мог попасть на Южный Буг от общин культуры криш.

Керамический комплекс буго-днестровской культуры своеобразен. Наряду с широкогорлыми остродонными горшками местного происхождения он включает в себя плоскодонную посуду явно кришского облика. Это сосуды с шаровидным туловом и четко выраженным венчиком; миски и кубки с ребристым профилем; сосуды на высоком поддоне. Помимо формы особенностью их является ангобированная хорошо залощенная поверхность, иногда окрашенная. Поверхность толстостенных сосудов покрыта защипами и ямками, характерными для кришской посуды. На поселениях, соответствующих соколецкой фазе, находки их единичны. На поселениях следующей фазы – довольно многочисленны, особенно в Пруто-Днестровском междуречье.

Несмотря на то, что со времени открытия первых поселений, которые твердо можно связать с культурой криш (Маркевич, 1973; 1974), и открытия последних – прошло четверть века, количество их не насыщает в Пруто-Днестровском междуречье и десятка. Они близки к группе кришских поселений, обнаруженных к западу от р. Прут (Istoria României, 1960. С. 38–40). Но пока еще и те и другие требуют серьезного изучения.

Памятники культуры криш известны на территории к

северу от нижнего Дуная, в Трансильвании, в предгорьях Карпат, на Бырладском плато, в бассейне р. Прут, на Северо-Молдавской возвышенности, в Закарпатье. В Пруто-Днестровском междуречье исследования велись у г. Сороки и сел: Селиште, Сокаровка, Вишоара; в Закарпатье и сс. Заставное и Ровное (Пеняк, Попович, Потушняк, 1978; 1979).

Кришские поселения располагались у рек и ручьев, на участках, возвышавшихся над поймой. Они состояли из полуземлянок и наземных построек, на сооружение которых шли дерево и глина. Возле них выкапывались ямы-погребки. На глине, шедшей на обмазку стен, и на глине сосудов сохранились отпечатки отдельных зерен и колосков культурных злаков: пшеницы-однозернянки, двузернянки, спельты, шестирядного голозерного ячменя, а также – гороха, косточки плодов алычи и окультуренной сливы. Данных о животноводстве мало. Osteологический материал из Сокаровки позволяет говорить о разведении свиней, крупного и мелкого рогатого скота. Есть данные об охоте, собирательстве и рыболовстве.

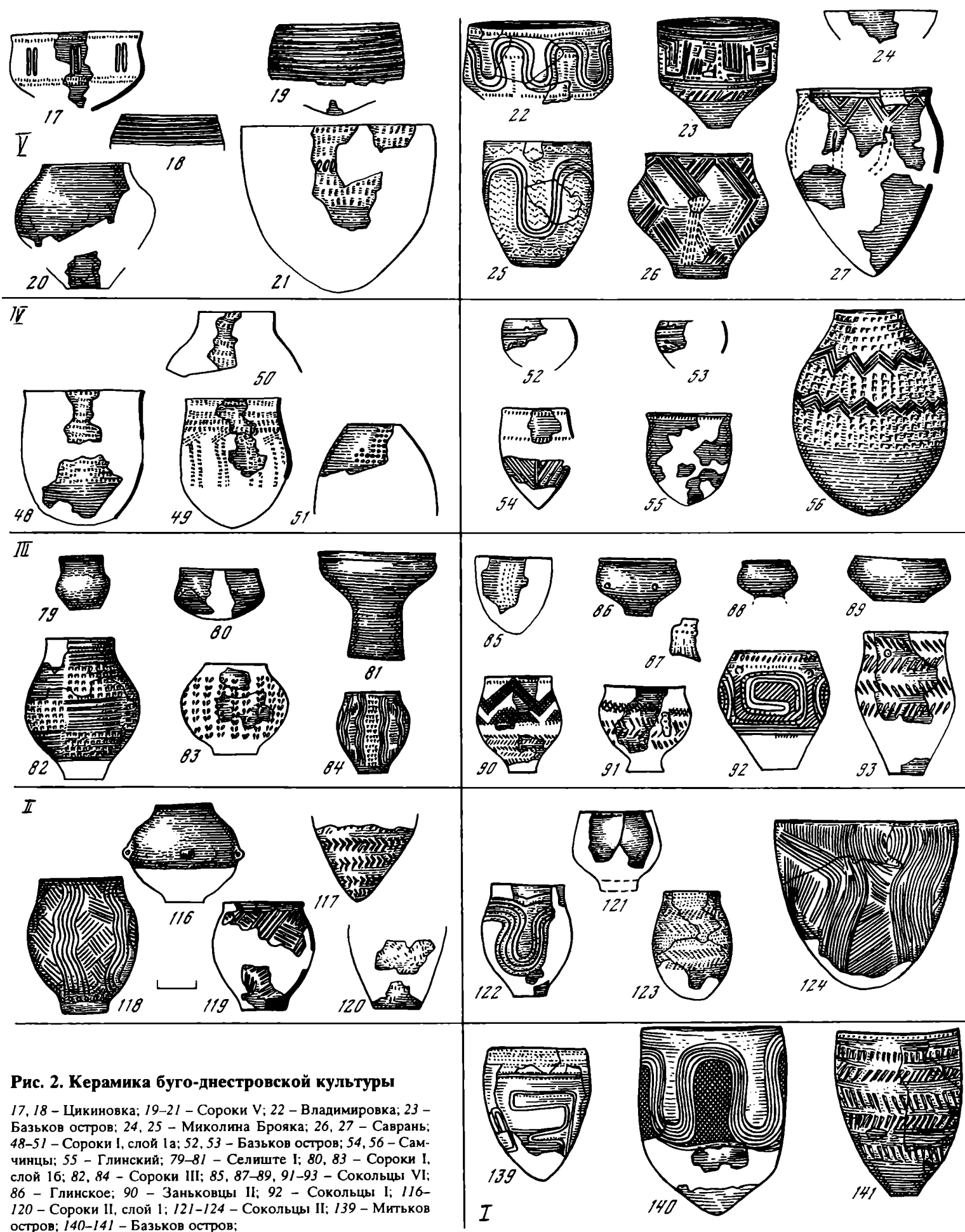
Переселившиеся в Пруто-Днестровское междуречье позднекришские общины (первая половина V тысячелетия до н.э.) имели уже сложившиеся формы земледелия и скотоводства. Они вошли в контакт с местными неолитическими племенами буго-днестровской культуры, основу хозяйства которых составляли охота и рыболовство. По своему происхождению буго-днестровские племена были связаны с местным мезолитическим населением.

Вариант буго-днестровской культуры в Побужье, по мнению В.Н. Даниленко, сформировался на основе мезолитической культуры, известной по памятникам типа Гребеники, при воздействии культуры кукрек.

Иные по облику позднемезолитические памятники Среднего Поднестровья (типа Атаки VI) позволяют связывать с ними кремневый инвентарь Сорокских поселений. И для тех и для других характерно совмещение двух технических приемов в расщеплении кремня – ударной техники и некоторых приемов отжимной. Характерны уплощенные нуклеусы подпрямоугольной формы, сработанные с торцевой стороны, и грубые, небрежно сколотые ножевидные пластины, а также геометрические вкладыши в форме треугольников.

Собирательство занимало по-прежнему видное место в жизни населения. О сборе растительной пищи говорят отпечатки косточек кизила, о сборе моллюсков – скопления створок речной перловицы, раковин улиток (виноградной и обыкновенной). Промысел рыбы велся в основном на вырезуба. На стоянках найдены кости благородного оленя, косули, кабана, волка, лисицы, зайца, бобра.

Печерская фаза культуры изучена лучше. В Побужье раскопки велись в девяти пунктах, в Поднестровье – в двух. В Побужье поселения состояли из наземных сооружений, от которых остались скопления различных предметов и очаги. В пункте Печера обнаружены развалы керамики возле каменных оснований печей. В другом месте скопление керамики, кремневых изделий, зернотерок, роговых мотыг, костей животных образовывало пятно шириной в 7 м, вытянутое вдоль берега реки на 13 м. Это скопление трактуется как место наземного жилища, что вызывает сомнения из-за размеров.

В пункте Шимановское II также найдены остатки жилища с каменным очагом, возле которого находились фрагменты посуды, расколотые кости животных, наконечник дротика из кости.

В пункте Сокольцы VI одно из жилищ определяется по скоплению находок на площади в 6×3 м. С ним связано каменное основание печи, занимавшее около 2 кв. м, около которого находились остатки сосудов. Предполагается, что свод печи был глинобитным. С жилищем связано и скопление створок моллюсков.

В многослойном поселении Сороки I, где зафиксировано три культурных слоя, печерской фазе отвечает горизонт б слоя I. В нем исследованы остатки полуземлянки и наземной постройки, дно которой было слегка опущено в грунт.

Место для наземного жилища выбрано у скопления камней, защищающих от сильных ветров. Форма жилища овально-продолговатая, размеры $7,5 \times 4,5$ м, пол углублен в слой щебенки на 0,2 м. В жилище было три кострища.

Полуземлянка была углублена в слой щебенки на 0,95 м, по форме приближалась к прямоугольнику размером $4 \times 2,8$ м. У края жилища со стороны реки сохранились остатки очага в виде нагромождения камней известняка, прокаленных в огне. Очаг был небольшим – $1,2 \times 0,8$ м. Его заполняли зола, кости животных, обломки посуды. Вне жилищ обнаружены два кострища. Тут найдено много створок речной перловицы и костей рыб, а вокруг сконцентрированы отходы кремневого производства.

Ко времени печерской фазы в Поднестровье относится однослойное поселение Сороки III. Оно расположено на берегу реки на возвышении, поднимающемся над высокой поймой на 3,5 м. Нагромождения крупных обломков известняковых скал защищают от ветра ровную площадку, пригодную для обитания. Удалось выявить полуземлянку овальной формы размером $6,5 \times 3,5$ м, углубленную в грунт на 0,4 м, с очажной ямой диаметром 1,2 м.

Выразительные коллекции орудий получены в Побужье с поселений Мельничная круча, Сокольцы VI, Гайворон-Положок и др. Среди нуклеусов преобладают карандашевидные для скалывания микропластин. Находки геометрических вкладышей и микропластинок свидетельствуют о развитии микровкладышевой техники. Отщепы использовали для изготовления скребков или резцов. Из клыков кабана продолжали делать ножи. Из кости вырезали характерные наконечники дротиков со скошенным насадом и тесла. Впервые появились мотыги из трубчатых костей с лезвием, поставленным поперек отверстия для рукояти. Продолжали использовать киркоподобные мотыги из рога оленя.

На днестровских поселениях наряду с орудиями, характерными для предыдущей фазы, начинают попадаться единичные экземпляры асимметричных трапеций и пластинок с выемкой на конце, вкладыши серпов, шлифованные топоры и тесла. Как и в Побужье, продолжают использоваться четырехугольные (ромбовидные) зернотерки. Среди орудий из кости и рога найдены обломки поворотных гарпунов, молот из рога оленя, киркообразная роговая мотыга, проколки и т.д.

В керамическом комплексе также наблюдаются неко-

торые особенности. В Побужье бытуют плоскодонные и остродонные сосуды с примесью растительности и раковин в тесте; в Поднестровье – только плоскодонные с растительной примесью.

Как и прежде, большинство сосудов орнаментировано группами проглаженных линий, иногда в сочетании с отпечатками штампа. На Южном Буге в орнаменте продолжали использовать волнистую ленту, но более узкую. Иногда волнистая линия заменяется горизонтальной зигзагообразной лентой. На многих сосудах сохраняется древний узор из чередующихся горизонтальных поясов коротких косых линий, в виде елочного орнамента.

В Поднестровье керамики найдено так мало, что из особенностей ее, пожалуй, можно говорить только о появлении новой формы сосудов – кринки с круглыми боками и высоким прямым горлом. В это время продолжают существовать сосуды удлинненно-овальной (тюльпановидной) формы с древним орнаментом из волнистых линий, сгруппированных в ленты, которые от венчика спускаются до дна.

На поселениях Побужья и Поднестровья найдено много керамики, в формах и орнаменте которой проступает влияние культуры криш. Среди них – горшки с шаровидным туловом, плоским дном, широким горлом. На стенках у них шишкообразные налепы, иногда со вдавленной верхушкой. Поверхность покрыта пальцево-ногтевым орнаментом. Чаще орнамент состоит из парных, реже – из одинарных ногтевых отпечатков, образующих ряды. Если такие отпечатки располагаются вплотную друг к другу, создается впечатление гофрированной поверхности. Некоторые варианты пальцево-ногтевого орнамента, может быть, имитируют хлебный колос и имеют магическое значение. Встречаются чаши кришского типа с залощенной поверхностью и кубки на высоких поддонах, сделанные из хорошо отмученной глины.

На печерской фазе еще больше делаются заметными локальные черты буго-днестровской культуры. Фактически здесь сложился вариант культуры криш. Хозяйство этих племен осталось прежним. Жители обоих районов занимались охотой, рыболовством, собирательством. Домашние животные имелись у них, видимо, уже в большом количестве.

Самчинская фаза представлена значительным числом памятников. В Побужье это Базьков остров, Митьков остров, Сокольцы I, II, VI, Заньковцы, Шимановское, Глинское, однослойный памятник Самчинцы, а в Поднестровье – Сороки I, слой IA.

На поселениях прослежены только наземные жилища с очажными ямами внутри. В Сороках I наземное жилище представлено скоплением остатков на месте обитания человека. Форма его прямоугольная с округленными углами, размеры – $5 \times 3,5$ м. В помещении находилась очажная яма величиной $1,7 \times 1$ м, углубленная в пол на 0,3 м, служившая для запекания моллюсков, а также кострище размерами $1,8 \times 1,2$ м.

Изделия из кремня, рога и кости в каждом из рассматриваемых районов сохраняют сходство с инвентарем предшествующей фазы. Исследователи отмечают лишь появление нескольких новых типов. Это роговые муфты для рубящих орудий, крючки из клыка кабана, являющиеся одновременно и блесной. Увеличилось число геоме-

трических вкладышей в виде асимметричных трапеций, обработанных крутой ретушью.

Существенные перемены происходят с керамикой. Видимо, культура местных племен восприняла сильные влияния с востока, со стороны племен днепро-донецкой культуры. И в Побужье, и в Поднестровье распространилась круглодонная посуда. Плоскодонная в единичных экземплярах найдена только на днестровских поселениях.

В Побужье выделялись тонкостенные сосуды с примесью песка, тонких растительных волокон, а иногда и графита. В Поднестровье найдены сосуды из разной глиняной массы: с дробленным кварцем, песком и растительностью; с толченым графитом, песком и растительностью; только с растительной примесью; с шамотом.

Обращает на себя внимание то, что в Побужье в это время бесследно исчезает посуда из глины с примесью толченой ракушки, а в Поднестровье она, наоборот, впервые появляется. Это можно объяснить перемещением части населения из Побужья в Поднестровье.

Характер керамического комплекса свидетельствует о проникновении на территорию племен буго-днестровской культуры чужеродного населения, но кроме следов воздействия днепро-донецкой культуры есть свидетельства и о контактах с западными соседями – племенами культуры линейно-ленточной керамики. В Побужье при раскопках на Базьковом острове в слое самчинского времени найдены два обломка полусферических чаш. По керамической массе и орнаменту они могут быть отнесены только к периоду линейно-ленточной керамики с нотным орнаментом, т.е. к средней фазе развития этой культуры. Базьков остров – самый восточный пункт, в котором зафиксированы находки, относящиеся к среднеевропейской культуре линейно-ленточной керамики. Поселения этой культуры существовали в рассматриваемый период в верхнем Поднестровье. На соседство их с местным неолитическим населением указывают еще две находки. В поселениях культуры линейно-ленточной керамики в Центральной Молдавии у сел Новые Русешты и Цыра обнаружены единичные черепки от сосудов буго-днестровской культуры, покрыты оттисками штампа, как на посуде самчинской фазы. Таким образом, устанавливается синхронность поселений этих культур в среднем Поднестровье.

Следующая фаза буго-днестровского неолита – савранская – зафиксирована в верхних слоях Базькова и Митькова островов, в Сокольниках II, Заньковцах, в пунктах Саврань, Чернятка и др. на Южном Буге, в Сороках V и Цикиновке I на Днестре.

Во всех поселениях открыты остатки наземных домов. В Саврани жилище определяется по площади скопления находок. Размер его примерно 6,5 × 4,5 м. Следы очага сохранились в виде кучи камней, золы, угольков. Рядом найдена большая часть расколотой посуды. На площади жилища много костей благородного оленя, орудий из кремня, роговых мотыг. У края жилища находилось скопление створок моллюсков.

В Поднестровье по таким же скоплениям находок реконструируются места наземных легких жилищ, обитаемых, видимо, только в летнее время. В жилищах находились очаги из камней и обычные кострища.

В Побужье кремневый инвентарь в целом сохраняет еще микролитический облик, хотя изделия становятся крупнее, чем в предшествующее время. В поздних памятниках (поселения типа Миколина Брояка) впервые встречаются крупные пирамидальные и призматические нуклеусы и соответствующие им ножевидные пластины, достигающие 10 см. Пластины длиной 5–6 см шли на изготовление ножей, сверл и т.п. изделий. Геометрические вкладыши встречаются редко.

В Поднестровье, как и раньше, среди нуклеусов преобладают подпрямоугольные с торцовым скалыванием пластин и аморфные. Появляются первые нуклеусы раннетрипольского облика. Много изделий из ножевидных пластин длиной 3,5–7,5 см. Часть скребков сделана из пластин; много скобелей. Найдены два вкладыша серпа с прямым лезвием. В это время появляются удлиненные ромбовидные или подромбовидные геометрические орудия (короткие подромбовидные микролиты исчезают вместе с асимметричными трапециями). Те же типы позднее встречаются в ранних памятниках трипольской культуры.

Среди орудий, изготовленных из кости и рога наряду со старыми видами изделий появляются мотыги с попережными лезвиями. В Побужье кроме роговых распространены костяные мотыги со скошенной рабочей частью. Чаще встречаются деревообрабатывающие орудия из камня – топоры и тесла. Больше и зернотерок, хотя величина их остается все еще небольшой.

Керамика савранской фазы остродонная и плоскодонная, сохраняется прежний состав глиняной массы. Поверхность сосудов лощеная. Орнамент чаще заключен в пояс между венчиком и перегибом стенок. На сосудах Побужья появляются проглаженные широкие каннелюры. Криволинейные композиции сопровождаются отпечатками зубчатого штампа. В Поднестровье гребенчатый орнамент встречается только в начале савранской фазы.

В хозяйстве жителей неолитических поселков наблюдается дальнейшее развитие производящих форм. Найдены отпечатки на глине посуды зерен злаковых: пшеницы-однозернянки, двузернянки и спельты (Сороки V). Кости домашнего быка и свиньи найдены во многих поселениях. Олень и косуля оставались главными объектами охоты, развивалось рыболовство, в основном на вырезуба. Активно велся сбор речных моллюсков.

Отдельные могилы буго-днестровской культуры, обнаруженные на площади поселений, не имели инвентаря. В Саврани найдены кости двух взрослых людей, положенных в могилу скорченно на боку, головами в противоположные стороны. Захоронение имеет много общего с погребениями, открытыми еще в 1930 г. у с. Прибугское (Ак-Мечетка). Там скорченные погребения (мужское и женское с грудным младенцем) сопровождалось круглодонной чашечкой с охрой. По сходству чашечки с посудой поселения Сокольцы VI В.Н. Даниленко относит захоронения к самчинской фазе.

В Поднестровье на поселении савранской фазы у с. Цикиновка в восточном углу жилища под полом (на глубине 0,3 м) найден скорченный костяк. Он лежал на левом боку, лицом на восток, ориентирован на юго-запад. Руки были согнуты в локтях, кисти рук находились перед

лицом. Скелет принадлежал женщине 55–60 лет. Рост ее около 142–143 см. Череп отличался грацильностью. Над погребением на уровне пола лежали обломки чаши с консусовидным дном. Подобный обряд захоронения известен у племен культуры линейно-ленточной керамики.

Ритуальные вещи на стоянках встречаются редко. К ним относятся подвески из камня, имеющие ромбическую форму. Амулетами, видимо, служили просверленные клыки оленя. В поселениях печерской фазы на Южном Буге найдены антропоморфные статуэтки из горного хрусталя (Гайворон-Положек) и из мергеля (Митьков остров). По мергелю вырезан тонкий криволинейный узор. В Сороках I в слое самчинской фазы найдена каменная подвеска-амулет в форме ромба с отверстием в центре. С одной стороны ее процарапан орнамент.

Культовый характер имеет еще одна находка в Гайворон-Положке. Ниже уровня культурного слоя в суглинке находилось захоронение фрагментов черепов, позвонков и костей конечностей четырех благородных оленей.

Завершая характеристику буго-днестровской культуры, можно сказать, что неолитические племена Правобережной Украины и Молдавии в VI–V тыс. до н.э. жили близ воды, что связано с занятием жителей собирательством и рыболовством. Люди обеспечивали себя пищей, промысля таких рыб, как севрюга, щука, протва, язь, лещ, сом, судак, окунь, карась. Редко встречающийся в наши дни вырезуб был тогда основной промысловой рыбой, вес крупных экземпляров доходил до 5 кг. Часто встречаются остатки сома. При раскопках поселения Сороки V обнаружены кости 17 крупных сомов.

Земледелие развивалось очень медленно. Начиная с соколецкой фазы, в керамике обнаружены остатки пленчатых видов пшеницы. Культурные формы пшеницы могли проникнуть в зону распространения буго-днестровской культуры из Малой Азии через Балканский полуостров. Уже в Сороках II, слой I (соколецкая фаза) обнаружены пшеница-однозернянка и пшеница-двузернянка. В следующем по времени поселении Сороки III (начало печерской фазы) кроме этих двух видов пшеницы найдены остатки пшеницы-спельты. Обнаруженные виды пшеницы по размерам зерновок почти не отличаются от современных сортов. Отличия есть лишь в форме и строении колосков. Колоски ископаемых спельт короче и шире, основание у них не всегда широкое. Встречаются колоски, у которых форма основания промежуточного типа между истинными спельтами и двузернянкой. Очевидно, они принадлежали каким-то переходным или гибридным формам пленчатых пшениц.

Удельный вес земледелия в системе хозяйств буго-днестровских племен был невелик. В поселениях слишком мало предметов, связанных с земледелием. Роговые и костяные мотыги, которыми можно рыхлить землю, использовались, по всей вероятности, и при соору-

жении углубленных в землю жилищ. Единичные вкладыши серпов, которые нам известны, имеют характерную заполированную лезвия, но использовать их могли для срезания не только культурных видов злаков, но и диких.

Каменные зернотерки ромбовидной формы имеют очень маленькую рабочую площадь (около 10–12 см диаметром). На них могли растирать совсем небольшое количество зерна. В развитых земледельческих культурах зернотерки бывают крупными (20–40 см в длину) и находятся в каждом жилище в значительном количестве, так что это тоже своего рода показатель уровня, которого достигло земледелие. Вместе с тем можно отметить, что какой-то прогресс наступил на самчинской фазе, когда повсеместно распространились зернотерки овальной формы, обычной и для более поздних земледельческих культур. Более совершенные серпы, судя по характеру кремневых вкладышей, появились у буго-днестровских племен на печерской фазе. В отличие от жатвенных ножей с прямой рукояткой и ровным лезвием, серпы карановского типа имели изогнутую форму, а кремневые вкладыши закреплялись под углом к ней, образуя ряд зубцов. Работа с такими серпами была раза в два производительнее, чем с примитивными жатвенными ножами. В поселениях печерской фазы появляется и новая форма мотыги. Лезвие у нее расположено в поперечном направлении по отношению к рукоятке. Предметы более совершенной формы, связанные с занятием жителей земледелием, могли быть заимствованы у юго-западных соседей, носителей культуры криш.

Животноводство у буго-днестровских племен также находилось в начальной стадии развития. Местные виды кабана и тура могли служить исходными формами для выведения домашних пород свиньи и быка. Дикие предки мелкого рогатого скота в Северном Причерноморье отсутствуют, поэтому и в неолитических поселениях не находят костей козы и овцы. В одомашненном виде они попадают на эту территорию значительно позднее.

У неолитических племен первостепенное значение имела охота, в первую очередь на благородного оленя, косулю и кабана. Наблюдается следующее соотношение по количеству мяса диких и домашних животных, средний вес которых подсчитан согласно данным о современных животных. В конце неолита (в савранскую фазу) на долю домашних животных приходится уже 55%. При подсчете по количеству особей это 36%.

Итак, исследования последних десятилетий позволили установить, что на протяжении VI и V тыс. до н.э. в Побужье и Поднестровье развивалась своеобразная неолитическая культура. С востока ее соседями в Днепро-Донском Надпорожье были племена сурской, а севернее – днепро-донецкой. Западным соседом некоторое время была среднеевропейская культура линейно-ленточной керамики.

Культура линейно-ленточной керамики

Во второй половине V тыс. до н.э. в Приднестровье и в Пруто-Днестровском междуречье обитало население культуры линейно-ленточной керамики (карта 2). Согласно современным представлениям, эта культура зародилась в раннем неолите в бассейне р. Моравы. Оттуда она распространилась на огромные территории Центральной Европы. Приднестровье и Попрутье были заселены в период среднего неолита общинами, переселившимися с Верхней Вислы.

Расселявшиеся с юга на север носители культуры линейно-ленточной керамики рано достигли верховий Вислы, о чем свидетельствует поселение у с. Самборжец в Сандомирском районе. Лучше изучены поселения на левобережье Верхней Вислы и ее притоках у Сандомира и Кракова. Переселенцев, основу хозяйства которых составляло земледелие, влекли к себе плодородные лессовые почвы. Применявшийся ими примитивный способ выращивания злаков приводил к быстрому истощению земли, поэтому, используя все участки, пригодные для обработки, они были вынуждены переселяться в другие районы.

Поиски плодородных земель в северо-восточном направлении привели часть общин на притоки Вислы, Западный Буг и Сан. Из Побужья часть населения продвинулась еще восточнее, на Стырь и Горынь, а с верховьев Сана – на юго-восток несколькими потоками вдоль таких крупных речных артерий, как Днестр, Прут, Сирет. В Среднем Приднестровье эти племена вошли в контакт с общинами буго-днестровской культуры.

Культура линейно-ленточной керамики подразделяется на раннюю, среднюю и позднюю ступени на основе типологического анализа керамики и данных о многослойных поселениях. Периодизация создана и уточнялась учеными Чехословакии. Е. Неуступный разделил культуру линейно-ленточной керамики на пять ступеней, Б. Соудский – на три. Последняя классификация шла более широкое применение. По периодизации Б. Соудского, I и II ступеням, выделенным Е. Неуступным, соответствует дневнейшая фаза культуры; III – ступени – средняя фаза; IV и V ступеням – поздняя фаза (Neustupný, 1956; Soudský, 1956). В 60-х годах после раскопок в Билянах Б. Соудский выработал более детальную периодизацию, содержащую деление не только на три ступени и стадии развития ступеней, но и фазы, каждой из которых соответствует определенный строительный горизонт в Билянах (Soudský, 1966).

На ранней ступени керамика делится на две группы. Одна – наследует традиции ранненеолитической кришской посуды. Сосуды из глины с обильной растительной примесью, тостостенные, покрыты неровным слоем глиняной обмазки (барботином). Эти чаши с округлыми стенками, конические миски, бутылкообразные сосуды с шаровидным туловом и высокой шейкой, снабженные наклепными ушками. Сосуды второй группы тонкостенные, гладкие. Формы те же, что и в первой группе, но много полусферических чаш с ровно срезанным краем. На ранней ступени обычны прочерченные спирали из одной, двух, чаще трех параллельных линий.

Средняя ступень знаменуется распространением кера-

мики с “нотным” орнаментом. Узор из тонких параллельных линий, сочетающихся с небольшими ямками, действительно напоминает нотную запись (рис. 3). Иногда поверхность кухонных сосудов покрыта удлиненными черточками. Разнообразной формы наклепные шишки покрывают поверхность сосудов.

На средней ступени отчетливее проявились региональные особенности культуры. В Западной Венгрии, Западной Словакии и Южной Польше развитие линейно-ленточной керамики с нотным орнаментом привело к формированию железзовского варианта культуры (желез). Отголосок железзовской системы орнаментации заметен на посуде поселения у г. Луцка на р. Стырь на северо-восточной окраине распространения культуры линейно-ленточной керамики.

В Восточной Словакии ранней ступени культуры линейно-ленточной керамики (со спиральным орнаментом) соответствуют группы Барца III и Копчаны; средней ступени (с нотной керамикой) – группы Капушаны (в Северо-Восточной Венгрии – Тисадоб) и Рашковцы; поздней ступени (железзовской) – буковогорская культура (Бюкк). Местный вариант культуры выявляется в последнее время на Верхней Тисе в Закарпатской Украине.

Параллельно с культурой линейно-ленточной керамики Задунавья в раннем неолите на Большой Венгерской равнине (Альфельде) существовала крупная культура альфельдской линейной керамики. В среднем неолите на ее основе возникло несколько более мелких культур и культурных групп. Из них для нас наиболее интересны Сакалхат и буковогорская.

Для группы Сакалхат на юге Венгрии характерно сочетание посуды с узором из широких прочерченных лент с посудой, расписанной спиралевидными узорами красной и желтой краской.

Буковогорская культура сложилась на территории Северной Венгрии и Восточной Словакии. Помимо поселений, состоящих из небольших прямоугольных домов и хозяйственных ям, под жилье использовались пещеры, которые служили и загонами для мелкого рогатого скота.

В изготовлении керамики буковогорские мастера достигли удивительного совершенства. Сосуды отличаются ровностью и тонкостью стенок, декоративным спиральным и меандровым узором. Орнаментальные ленты образованы большим количеством тонких параллельных линий, процарапанных по полированной поверхности сосуда. В конце развития культуры углубления орнамента инкрустировали белой, желтой и красной пастой. При росписи сосудов узор наносили черной краской на полированную поверхность или белую облицовку сосуда.

Вместе с обсидианом характерная буковогорская керамика обнаружена при раскопках поселений конца V тыс. до н.э., относящихся к группам Сакалхат, Силмег, Жельезовцы и др., а также на поселениях с нотной керамикой в Приднестровье.

Поселения культуры линейно-ленточной керамики на Украине и в Молдавии подразделяются на две группы.

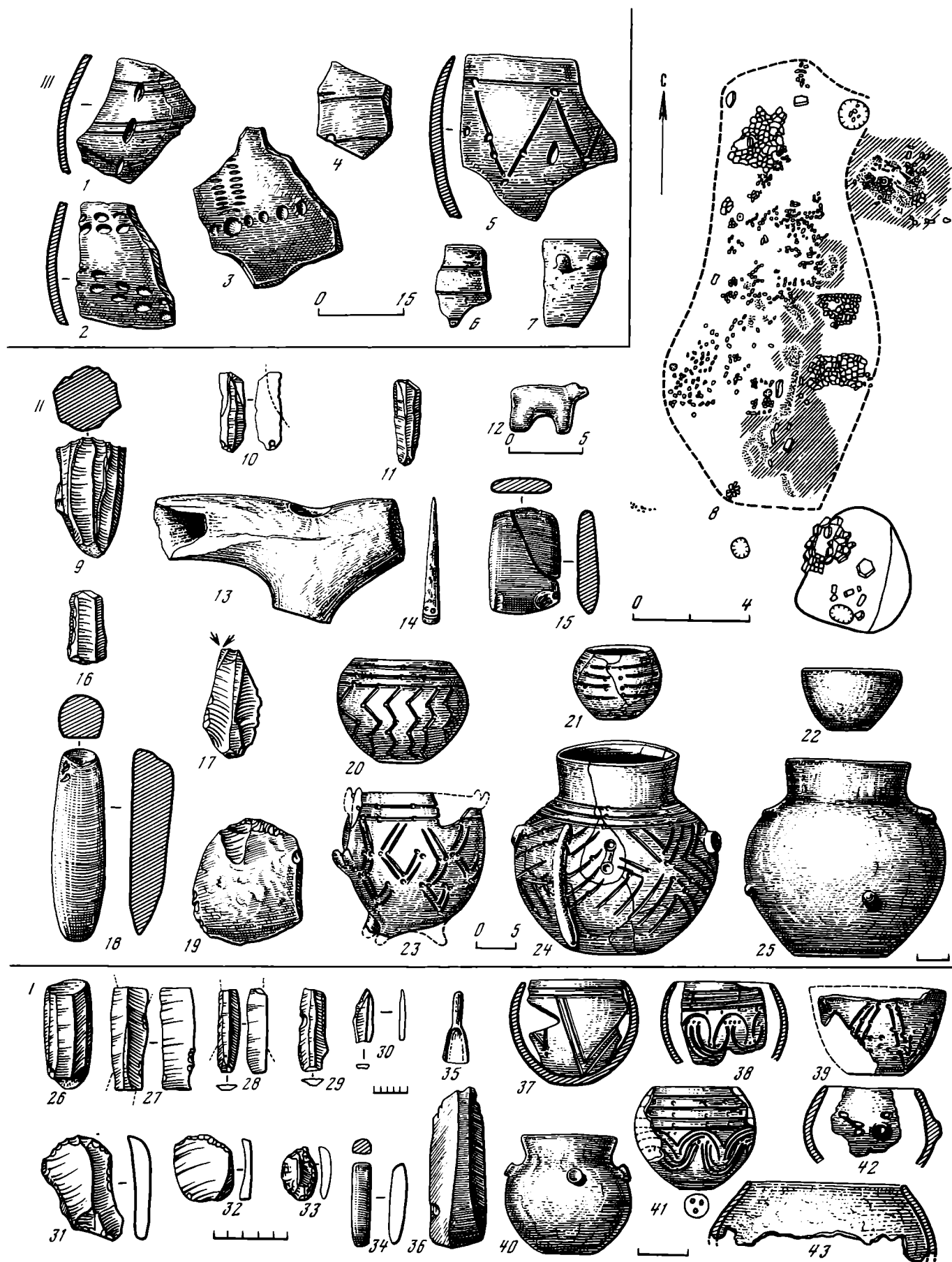

Рис. 3. Материалы культуры линейно-ленточной керамики

Фазы: I – флорештская, II – незвиская, III – луцкая. 1–7 – Луцк; 8 – Незвиско (план наземного жилища, землянки и погребения); 9–25 – Незвиско; 26–43 – Флорешты

Поселения типа Флорешты (рис. 3) находят соответствие в материалах средней ступени культуры линейно-ленточной керамики Польши и Чехословакии, а поселения типа Незвиско (рис. 3) – в раннежелезовских. Они существовали недолго и полностью исчезли ко времени средней фазы железной и буковогорской культур. Ненадолго пережили своих соплеменников и те общины, что поселились на Волыни в верховьях Стыри и Горыни.

Присутствие в комплексе Флорештского поселения керамики с орнаментом в виде ленты, заполненной наколами, вызывает ассоциацию с орнаментом того же типа в трансильванской культуре Турдаш. Ранние поселения территории Молдавии не могут быть древнее раннего Турдаша и начала фазы Винча В₁ (Titow, 1971). Исходя из радиоуглеродных дат, полученных для перечисленных культур, поселения с линейно-ленточной керамикой в Пруто-Днестровском междуречье можно отнести ко второй половине V тыс. до н.э. Они не могут быть древнее группы Тисадоб-Капушаны (даты в пределах 4490–4230 гг. до н.э.) и моложе раннежелезовской культуры. Верхнюю границу их существования можно доводить лишь до времени развитой фазы буковогорской культуры (дата поселения Кочево в Чехословакии 6080 ± 75 (Bln-2435), т.е. 4130 до н.э.) и времени формирования группы Сакалхат (даты между 4318 и 4170 до н.э.).

Абсолютные даты, полученные для самой культуры линейно-ленточной керамики территории Чехословакии, Польши и Венгрии, ложатся между 4455–4005 до н.э. (Долуханов, Тимофеев, 1972). Для поселения Тырпешти, расположенного в Молдавском Прикарпатье, наиболее близкого к типу Незвиско, имеются две даты: 6245 ± 100 (Bln-801) и 6170 ± 100 (Bln-800) – т.е. 4295 и 4220 до н.э. (Marinescu-Bilcu, 1971).

Эти даты подтверждают, что восточная группа культуры линейно-ленточной керамики окончила существование в конце V тысячелетия до н.э.

Остановимся на вопросе о соотношении культуры линейно-ленточной керамики с культурой Кукутени-Триполье. До середины 50-х годов считалось, что Триполье представляет собой вариант культуры линейно-ленточной керамики, позднее сложилось представление о синхронности поселений с нотной керамикой и ранних трипольско-кукутенских поселений (Свешников, 1954; Пасек, Черныш, 1963). После раскопок Г. Думитреску на поселении докукутенской культуры Дялул Вией высказано предположение об участии культуры линейно-ленточной керамики в сложении Докукутени I, на базе которой возникла фаза Докукутени II – Триполье А (Dumitrescu, 1957).

Памятников восточной группы культуры линейно-ленточной керамики известно более сотни. Из них свыше 60 находится в Молдавии, остальные – в Румынии. Обзор данных, имевшихся к 1950 г. о культуре линейно-ленточной керамики в Верхнем Приднестровье и Западной Волыни, опубликовал И.К. Свешников (1954). Период наиболее активного изучения этой культуры относится к 50-м годам. В 1951–1957 гг. Е.К. Черныш (1962) провела раскопки многослойного поселения в с. Незвиско на Верхнем Днестре, вскрыв около 1000 кв. м на том месте, где в 20-х годах Л.Козловский нашел сосуд с нотным орнаментом. Раскопки показали, что хорошо выражен-

ный культурный слой с нотной керамикой залегает непосредственно под слоем с керамикой Триполья В₁.

Другое многослойное поселение расположено на притоке Днестра р. Реут у г. Флорешты в Молдавии. Нижний слой принадлежит культуре линейно-ленточной керамики с нотным орнаментом, а лежащий выше мощный слой – культуре Докукутени II–Триполье А₁. В 1955–1958, 1960 гг. Т.С. Пасек (1961) провела раскопки этого поселения. В дальнейшем В.И. Маркевич (1973) обнаружил еще два десятка поселений культуры линейно-ленточной керамики, в основном в Флорештском р-не Молдавии. В 60-х годах В.М. Бикбаев выявил поселения культуры линейно-ленточной керамики у г. Лазовска. Стиль нотного узора свидетельствует о более позднем по сравнению с Флорештами возрасте этих поселений. Таким образом, исследования в Молдавии позволяют в настоящее время различать памятники двух фаз развития средней ступени культуры линейно-ленточной керамики: ранней – типа Флорешты, и поздней – близкой к типу Незвиско (Макарова, 1975).

Несколько поселений обнаружено недавно и в верховьях Прута (Телегин, 1979). По наблюдениям румынских исследователей, поселения первой фазы не спускаются южнее р. Быстрицы. Поселения следующей фазы находятся не только в Северной Молдове, но и южнее. Значит, все правобережье среднего течения Прута и бассейна среднего течения Сирета были заселены общинами культуры линейно-ленточной керамики (Comşa, 1972).

Поселения исследованы неравномерно. Постройки, видимо, были легкого типа, обмазанные глиной с примесью половы. От деревянного каркаса на разрозненных кусках глиняной обмазки сохранились отпечатки плетня, веток, прутьев, тростника. Некоторые постройки, по наблюдениям румынских археологов, имели основание, углубленное в землю. Только в Траяне установлен размер жилища – примерно 12×6 м. На земляном полу иногда сохранялись следы очагов (Незвиско, Глэвэнешти-Вики). С жилыми постройками связаны небольшие хозяйственные ямы.

Во Флорештах ямы были вырыты так, что соединялись в каждом случае по одной системе. По мнению Т.С. Пасек, которое не разделяют другие исследователи, группы ям служили жилищами. Величина ям в среднем – $5\text{--}6 \times 4$ м. В наиболее глубоких находились очаги. Вытянутые перпендикулярно реке группы ям достигали порой больших размеров. Группа ям, названная жилищем 3, имела в длину 12 м, а ширину от 2 до 4 м. Роль погребов выполняли ямы диаметром около 2 м, расположенные несколько в стороне от жилищ.

В Поднестровье наземные жилища прослежены только в поселениях Незвиско и Рогожаны. В Незвиско рядом с небольшой полуземлянкой ($4,4 \times 3,2$ м) открыты остатки большого наземного дома. Величина его $18\text{--}20 \times 7$ м, в северном и южном концах вырыты небольшие погребки в виде круглых ям, в которых найдены обломки посуды и кости животных. В северной части жилища находилось место для размола зерна, сохранилась глинобитная площадка, на которой лежали зернотерки и стоял крупный сосуд, видимо для зерна. В сосудах такого типа из погребения в Незвиско найдены обугленные зерна пшеницы и семена гороха.

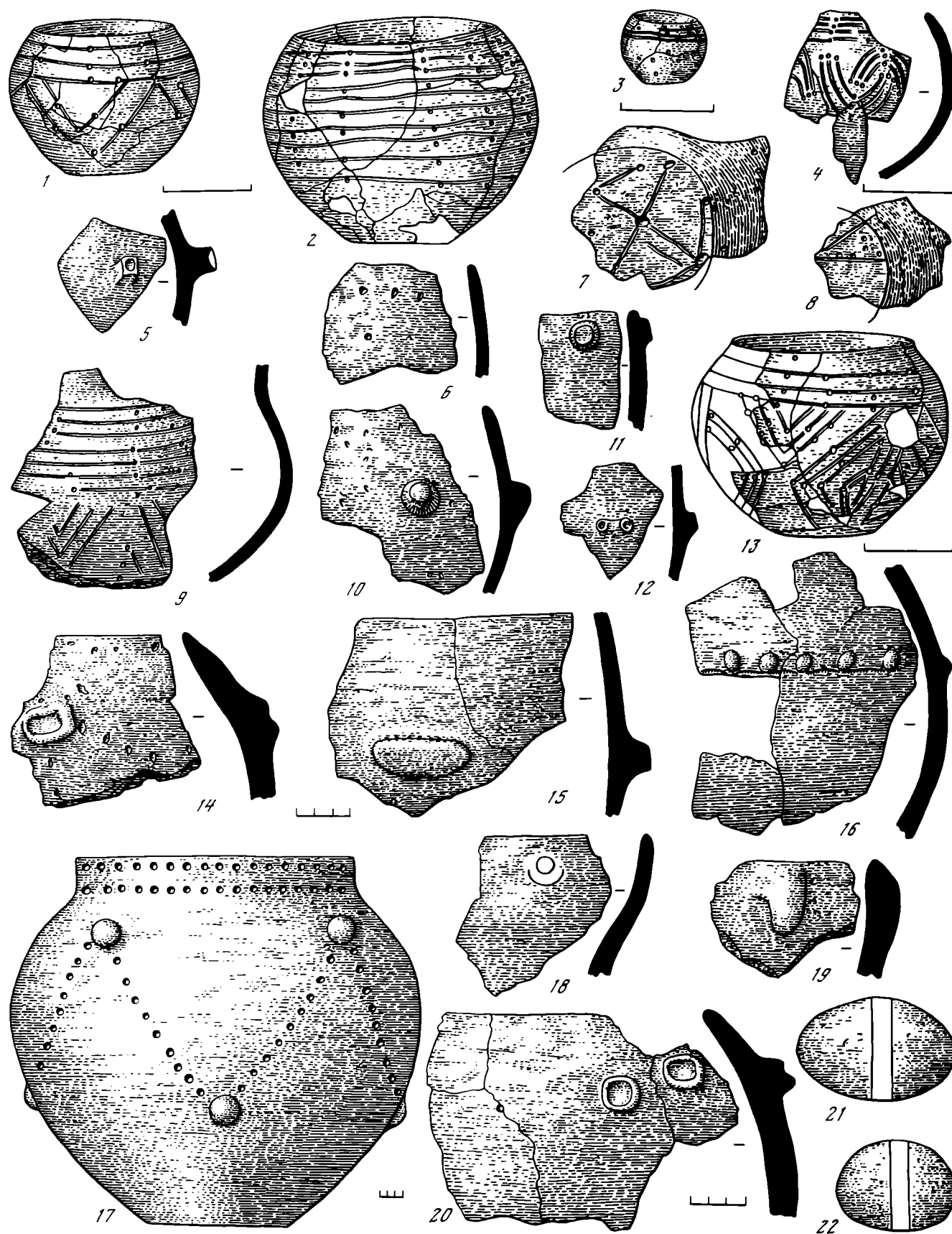

Рис. 4. Керамика культуры линейно-ленточной керамики

Незвиско: 1-20 – фрагменты сосудов (жилище № 13); 21, 22 – глиняные грузила

По своему назначению площадь жилища делилась на три части. В центральной – у очагов, где была посуда, – готовили пищу. В северной части размалывали зерно, хранили продовольствие, кремь и орудия из кремня и кости. В южной части, в погребке в виде ямы, хранили скоропортящиеся продукты, здесь же находился ткацкий станок, от которого сохранилось 10 глиняных грузил конической формы.

Наземная постройка в Незвиско отличается от типичных наземных сооружений культуры линейно-ленточной керамики в Центральной Европе. Это можно объяснить отрывом переселившихся общин от своих сородичей и заимствованием строительных приемов от более южных племен (может быть, типа Боян).

Своеобразный тип жилища обнаружен на территории Молдавии у с. Рогожаны (Макарова, 1975). Величина прямоугольной постройки – 7 × 4 м. В каждом углу стоял столб, от которого сохранилась яма. На земляном полу находились обломки посуды, кремь, кости животных, куски прокаленной глины с примесью половецкой – обмазка деревянного каркаса дома, погибшего от пожара. При сопоставлении построек из Незвиско и Рогожан возникает предположение, что дом в Рогожанах представлял собой жилое помещение, а постройка в Незвиско предназначалась для приготовления пищи на большое количество людей и для производства других работ, связанных с домашним хозяйством.

Посуда культуры линейно-ленточной керамики своеобразна и резко отличается от посуды соседних культур.

Одну группу составляют плоскодонные шаровидные сосуды с толстыми стенками. Они вылеплены из глины с обильной растительной примесью. Высота их от 25 до 40 см. Встречаются невысокие конические мисочки и плоские крышки. Так как они выполняли роль кухонной посуды, то украшены очень бедно – рядами ямок, вдавленных пальцем, наклепными бугорками и широкими оттянутыми валиками, покрытыми ямками. Другую группу образуют сосуды с примесью мелкого песка. Это полусферические и конические мисочки с гладкой поверхностью, окрашенные красной охрой. На дне некоторых из них процарапаны какие-то фигуры.

Наиболее многочисленную группу составляют изделия с незначительной примесью мелкой половецкой. Преобладают сосуды полушаровидной формы высотой от 7 до 20–25 см, встречаются бутылкообразные сосуды с округлым туловом, небольшим дном и узким горлом. Чрезвычайно редки сосуды с поддонами. Посуда этой группы покрыта тонким узором нотного типа. Край сосуда обычно опоясан несколькими линиями. Под ними на стенках располагается спиралевидный или геометрический узор из лент параллельных линий, пересеченных ямками. На некоторых сосудах на дне процарапаны знаки, чаще всего в виде креста из линий или ямок. Небольшое количество сосудов украшено только ямками, составляющими обычные узоры.

По составу и особенностям керамики поселения культуры линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского междуречья разделены на ранние и поздние (Пассек, Черныш, 1963).

В соответствии с позднейшей периодизацией Б. Соудского эти поселения относятся к оптимальной (2в) и по-

сто оптимальной стадиям средней ступени и началу младшей ступени развития культуры на территории Чехословакии. Время существования линейно-ленточной керамики на территории Румынии Е. Комша связывает с III и IV ступенями периодизации Е. Неуступного (Comşa, 1972). Таким образом, налицо синхронность поселений Украины, Молдавии и северо-восточной Румынии. Первой ступени соответствуют поселения типа Флорешты и Глэвэнешти Веки, второй – поселения типа Незвиско-Тырпешти. Памятников второй ступени открыто значительно больше, по ним составлено общее представление о восточной группе памятников культуры линейно-ленточной керамики. О первой ступени судить приходится пока лишь по данным раскопок во Флорештах.

В поселениях второй ступени среди кухонной посуды появляются новые формы: конические миски, вытянутые сосуды с высоким горлом и др. В группе тонкостенной посуды со спиралевидными узорами также появляются новые формы: шаровидные сосуды с высоким горлом, покрытые углубленным узором и наклепными бугорками и валиками, или открытые глубокие сосуды с узором в виде крючкообразного меандра и двумя вертикальными фигурными валиками. Встречаются дуршлаги для изготовления творога, гладкостенные шаровидные сосуды и миски (рис. 3).

К последней, V ступени периодизации Е. Неуступного относится небольшое количество поселений, расположенных в бассейне Стири и Горыни. На территории Поднестровья, на Украине и в Молдавии поселения культуры линейно-ленточной керамики к этому времени исчезли. В Румынии столь поздних поселений также не обнаружено. Ближайшая территория, где они распространены, – Верхняя Висла.

Хотя мы обычно говорим о двух ступенях развития рассматриваемой культуры на территории Молдавии и Румынии, не следует забывать и о нескольких поселениях более позднего времени, открытых в Западной Волыни. Они имеют аналогии только на Верхней Висле. Памятники этого района отражают некоторое воздействие населения, обитавшего в то время на территории современной Словакии. По заключению польских исследователей, изменения в орнаменте посуды произошли под воздействием железной культуры.

О хозяйстве культуры линейно-ленточной керамики мы знаем немало. В связи с магическими обрядами, совершавшимися при изготовлении керамики, в глину добавляли зерна пшеницы. По отпечаткам зерен на посуде и невыгоревшим во время пожара растительным остаткам в обмазке жилищ, по находкам обугленных зерен и семян культурных растений известно, какие из них выращивали в то время (Янушевич, 1976). По преимуществу сеяли два вида пленчатых пшениц – двузернянку и спельту, в небольшом количестве – однозернянку, знали просо и горох.

Сбор урожая производился с помощью серпов карновского типа. Они имели изогнутую рукоять из дерева или рога, в которой закреплялись кремневые пластинки, вставленные в паз под углом. На углу каждой из пластинок образовывалась характерная зеркальная заполировка поверхности, которая получается только при срезании злаков. Работа такими серпами производится достаточно быстро.

Во всех поселениях культуры линейно-ленточной керамики много зернотерок. Нижние камни довольно крупные. В Незвиско найдены камни размерами 38 × 32, 48 × 48, 54 × 26 см. Рабочая часть сильно стерта и вогнута от длительного растирания зерна. В результате помола получалась мелкая крупа, которую могли употреблять в пищу в виде каши или лепешек.

Давно установлено, что общины культуры линейно-ленточной керамики время от времени передвигались с места на место. Б. Соудский говорит, что в Билянах одна фаза в развитии исследованного им многослойного поселения длилась примерно 12–15 лет. Такой полукочевой образ жизни велся на определенной территории, принадлежавшей родовой общине. Цикл перекочевок завершался возвращением общины на старое место. По определению Б. Соудского, такой цикл длился 60–75 лет. На просторах Пруто-Днестровского междуречья, где имелось много свободных плодородных земель, не возникало необходимости возвращаться на прежнее место, отчего поселения обычно имеют один культурный слой. Естественный рост населения и практиковавшийся способ ведения земледелия были основными причинами постепенного освоения новых территорий общинами культуры линейно-ленточной керамики.

Кроме земледелия, население занималось животноводством. Анализ остеологических данных свидетельствует о высоком проценте домашних животных (60–80%). В составе домашнего стада преобладал крупный рогатый скот (50–80%), затем свинья, на последнем месте – мелкий рогатый скот. Основными объектами охоты являлись крупные копытные и кабан (Цалкин, 1970а).

Вероятно, существовало собирательство. В окружающих людей лиственных лесах было много плодовых растений, ягод, грибов, что позволяло пополнять запасы пищи.

У племен культуры линейно-ленточной керамики были развиты и домашние производства. На ткачество указывают находки глиняных пряслиц и грузил от ткацкого станка; на обработку шкур – многочисленные кремневые скребки; на изготовление одежды и обуви – костяные шилья для прокалывания отверстий при сшивании шкур и костяные лощила для разглаживания швов. Во всех жилищах находятся инструменты для обработки дерева, каменные топоры, тесла и долота.

Орудия из камня изготавливали в каждом жилище. Наиболее типичны нуклеусы призматической и конической формы длиной 5–8 см. Пластины такой же длины имели ширину 1–1,5 см.

Среди законченных орудий по количеству первое место занимают скребки, затем идут вкладыши серпов; единицами насчитываются ретушированные ножи, резцы, сверла, проколки. Многие отщепы и пластины с острыми режущими краями употребляли в качестве ножей без дополнительной обработки.

Вкладыши (зубцы) серпов всегда изготавливали из пластин длиной 2,5–6,0 см, шириной 1,0–1,7 см. Вкладыши заполированы по одному или двум лезвиям. В свое время последние были вынуты из пазов и снова вставлены в оправу сработанной стороной. Чрезвычайно редки вкладыши в виде высоких трапеций.

При обработке рога, кости, древесины применяли

резцы – боковые и срединные. Делали их либо из массивных пластин, либо из отщепов.

Из местных пород камня делали топоры, тесла и долота. Топоры – плоские клиновидные. Тесла – плоские широкие. Некоторые долота в поперечном сечении имели изгиб в форме арки. Это так называемые колодковидные долота. Все эти инструменты крепились в роговых муфтах с отверстиями для насадки на деревянную рукоять, но были топоры и с просверленными отверстиями.

Из кости делали многочисленные шилья длиной от 8 до 13 см и хорошо отполированные лопаточки и ложечки, очень характерные для культуры линейно-ленточной керамики.

Рог благородного оленя шел на изготовление мотыг. Из обрубленного отростка рога вычищали губчатую массу, а твердую поверхность основного ствола срезали со стороны, противоположной отростку. Отверстие вырезалось овальной формы. Перпендикулярно отверстию рог обрубали с одного конца так, что получался рабочий край, который подправлялся и приострялся. Противоположный лезвию конец оставался плоским.

Племена культуры линейно-ленточной керамики жили в период расцвета общинно-родового строя. Жизнь протекала в поселках сравнительно небольшой величины. Интересны наблюдения Б. Соудского. Он отметил, что дома в поселках отстояли друг от друга на значительное расстояние, у некоторых имелся палисад. В одном из домов было четыре печи – возможно, здесь жили четыре семьи. Можно предполагать, что отдельные семьи являлись единицами, из которых состояла община.

Могильников этой культуры известно мало. Более обычны находки могил на месте поселений. М. Стекла (Stekla, 1956) на материалах Чехословакии и смежной территории показала, что для интересующего нас периода характерны захоронения в ямах глубиной 0,5–1,5 м. Умерших, как правило, хоронили в скорченном положении, чаще на левом боку, головой на запад или восток. В могилу ставили посуду с жертвенной пищей, клали орудия из камня, растиральные камни, красную краску, украшения из раковин и подвески из зубов животных. Эти наблюдения согласуются с выводами Д. Кальке, впервые обобщившего данные о могильниках и отдельных погребениях культуры линейно-ленточной керамики (Kahlke, 1954). То, что умерших часто хоронили на месте поселения, исследователи объясняют большой подвижностью населения.

Погребение, обнаруженное на месте поселения в Незвиско, – наиболее восточное из известных для этой культуры. Оно сохранило некоторые черты, присущие захоронениям всей территории распространения культуры линейно-ленточной керамики. Умерший лежал в неглубокой яме, на левом боку, головой на северо-восток, в вытянутом положении, руки согнуты перед лицом, повернутым к востоку. Сохранились обгоревшие крупные кости конечностей, некоторые мелкие кости и фрагменты черепной крышки. Почему погребенный был сожжен, трудно объяснить. В это время обряд трупосожжения характерен только для нескольких групп населения, обитавших на территории Германии.

Погребение в Незвиско отличалось богатством ин-

вентаря. Найдено 14 целых и обломки пяти сосудов. Посуда размещалась в основном за спиной покойного, остальная часть инвентаря найдена перед его лицом. Два сосуда наполнены обугленными зернами пшеницы, полбы и гороха. При погребенном находилось сланцевое долото в форме башмачной колодки, обломки костяных шила и лопаточки.

Еще одно погребение открыто в 1939 г. у с. Баев близ Луцка. Возле скелета лежали сосуд и долото в форме башмачной колодки. Сосуд отличался широким, несколько удлиненным туловом, высоким горлом, плоским дном, на стенках имел три выступающие ручки. Ленты зигзагообразного орнамента состояли из двух полос, местами пересеченных ямками.

Помимо погребального обряда, о религиозных представлениях населения свидетельствуют глиняные фигурки животных и людей, амулеты из зубов животных, жертвенные сосуды, отпечатки зерен злаков на сосудах, сплошное покрытие горшков узорами определенного типа.

Мировоззрение и верования носителей культуры линейно-ленточной керамики теснейшим образом связаны с представлениями древнеземледельческих племен раннего неолита. Ритуальные предметы, найденные в их поселениях, представляют собой варианты таких же по смыслу изделий, изготовлявшихся у прочих земледельческо-животноводческих племен Юго-Восточной Европы, Средиземноморского бассейна, Передней Азии.

Неолит Закарпатья

В Закарпатье первые неолитические поселения были обнаружены в конце прошлого века. Спустя полвека благодаря разведкам Ф.М. Потушняка, а затем М.Ф. Потушняка, была открыта группа разновременных поселений. Систематические раскопки их начала в 1967 г. экспедиция Ужгородского университета под руководством Э.А. Балагури (1975). В 1970-е годы широкие исследования вели Прутско-Карпатская экспедиция ИА АН СССР под руководством В.С. Титова и отряд Закарпатской экспедиции ИА АН УССР во главе с М.Ф. Потушняком (1978). Определению места изученных памятников среди поселений сопредельных территорий способствовали новейшие открытия археологов в Восточной Словакии и Северо-Восточной Венгрии.

Закарпатская низменность является северо-восточным концом Потисской равнины (Альфелд). Рельеф ее сравнительно ровный, с отдельными сопками вулканического происхождения. Равнина постепенно переходит в холмистое предгорье, изрезанное реками и ручьями. По Закарпатской низменности протекают Тиса, Боржава, Латорица, Серне, Уж с многочисленными притоками. Мягкий климат, плодородные земли, обилие воды с раннего неолита привлекали в эти края общины земледельцев. Их поселения находятся в равнинной части Закарпатья по берегам небольших ручьев и болот, а также на склонах южных предгорий.

В раннем неолите Закарпатье было крайней северо-восточной областью распространения культуры криш, позднее – культуры расписной керамики. На развитии культур сказались географическая замкнутость района, удаленность от придунайских областей, что обусловило формирование в Закарпатье местных локальных вариантов культур.

Ранний неолит

В конце 70-х годов на территории Закарпатской области были изучены два поселения, которые их исследователь М.Ф. Потушняк относит к культуре криш. На территории Венгрии аналогичные памятники причисляют к особой группе – Сатмар (Kalicz-Makka, 1977). В Румынии для территории Трансильвании говорят о культуре криш (Vlăsa, 1966; Berciu, 1961). Поселения Закарпатья

по форме и орнаментации керамики ближе всего к румынскому поселению Морешти (район Тыргу Муреш).

В Закарпатье раскопки кришских поселений проведены в 1976–1978 гг. в с. Заставное (Малая Гора) Береговского р-на и в с. Ровное (Киш Мезе) Мукачевского р-на (рис. 5). Поселение Заставное I занимает южную террасу горы, завершающей на северо-востоке Косинско-Заставнянское нагорье. Примерно в 10 км к северу от него находится второе поселение – Ровное II, занимающее возвышенный участок на правом берегу старого русла р. Серне. На поселении выявлены слои культуры криш и расписной керамики.

На поселении Заставное I вскрыты ямы, которые М.Ф. Потушняк рассматривает как остатки жилищ. Одно из них – землянка овальной формы, размером 12,6 × 6,1 м, глубиной от 0,6–1,0 м в юго-западной части и до 1,6–2,0 м – в восточной. Дно ее неровное, все в ямах разной величины. Стены в юго-западной части пологие, в восточной – почти вертикальные. Следы двух открытых очагов обнаружены под стеной в южной части землянки и в ее центре. В северо-западной части на площади в 5 кв. м расчищено скопление пережженной глиняной обмазки (толщиной до 0,5 м). Видимо, это развал печи, округлое основание которой имело в диаметре около 1,5 м. Там же найдены большой чернолощеный сосуд, коническая миска на ножках, сосуд с прямой шейкой и отогнутым наружу венчиком, много фрагментов других сосудов, глиняные грузила, каменные тесла и фрагменты глиняных женских фигурок.

В 6,5 м от южного конца землянки прослежена другая западина в слое. М.Ф. Потушняк видит в ней основание полуземлянки. Форма ее прямоугольная, размер 14 × 6,6 м, глубина от 0,3 до 1 м. К юго-восточной стене углубления примыкало помещение, площадью в 13 кв. м. Там же находился и вход. Центральная часть полуземлянки почти ровная, тут прослежены следы открытого очага, ямы разной величины располагались у стен. У северной стены расчищен развал глиняной обожженной обмазки, вероятно от разрушенной печи.

На поселении Ровное (Киш Мезе) также вскрыта западина, в которой М.Ф. Потушняк видит полуземлянку с пристройкой. Величина пристройки – 6 × 2,4 м. Размер западины, имевшей нечеткую прямоугольную форму,

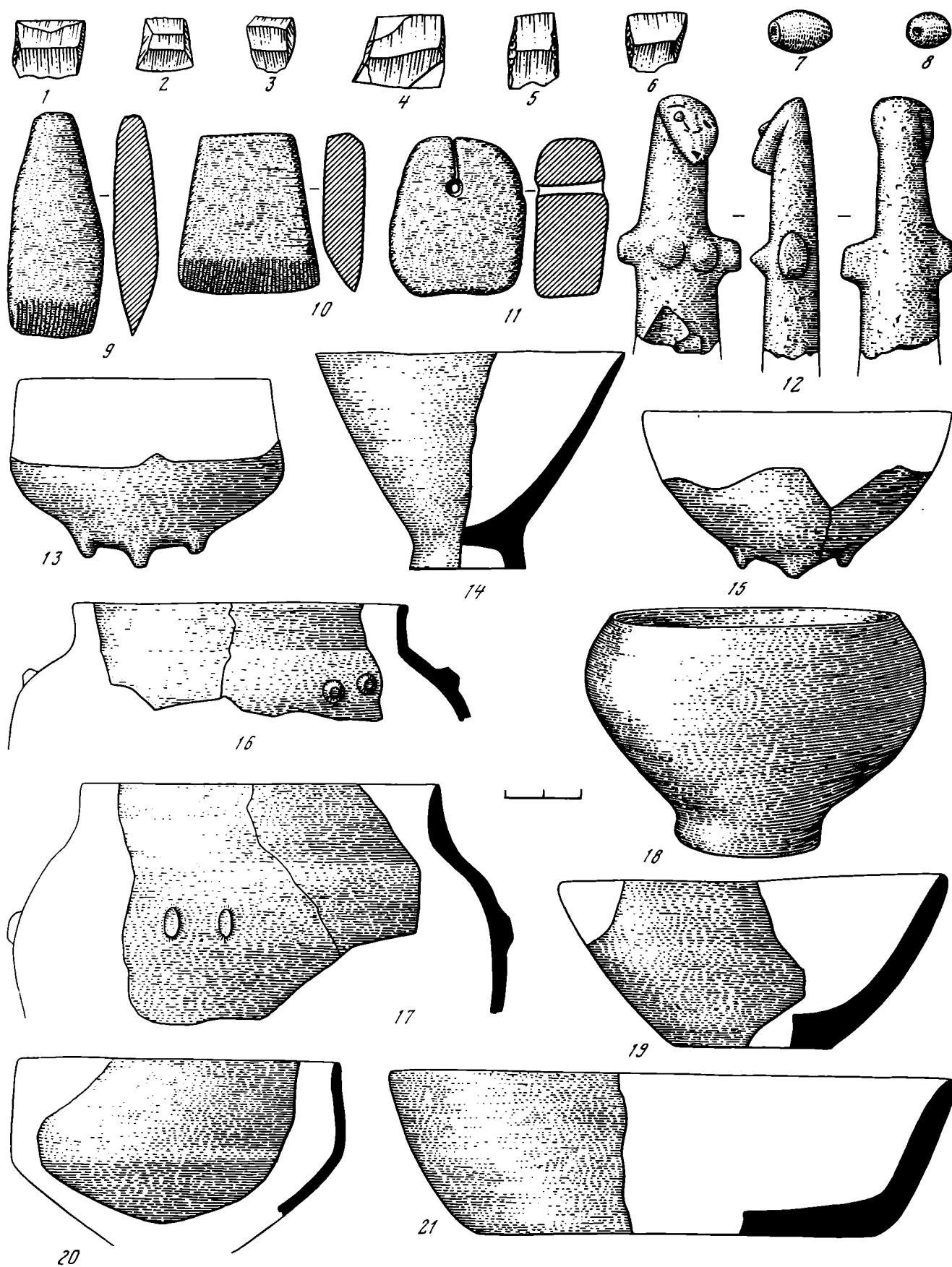

Рис. 5. Материалы культуры криш в Закарпатье

1-4, 15-17, 20, 21 – Заставное I; 5-13, 14, 18, 19, 22, 23 – Ровное II

неправдоподобно велик: 18 × 16 м, глубина – от 0,4 до 0,8 м. В южной и северной частях углубления имелись ямы глубиной от 0,45 до 1,6 м. Часть из них могла служить для закрепления столбов, входивших в конструкцию постройки. Остальная часть углубления имела плоское основание. Неясно, от каких частей постройки остались куски пережженной глиняной обмазки, заполнявшие ямы, вырытые на дне углубления. Основания печи не обнаружено, так что вряд ли обмазка связана с печью.

Для кришской культуры известны наземные жилища с открытыми очагами и землянки. В Румынии на поселении у с. Вербица (район Крайова) Д. Берчу выделил в слое культуры криш два горизонта: нижний – с землянкой (размером 4,6 × 3,6 м) и ямами и верхний – с наземным прямоугольным жилищем (размером 5,6 × 1,5 м), представляющим собой площадку из обожженной глиняной обмазки. Не исключено, что часть ям поселения представляет собой углубленные части жилищ, имевших деревянный каркас, обмазанный глиной.

Вполне вероятно, что и в Закарпатье в дальнейшем будут найдены не только куски обмазки, но и развалы жилищ в виде площадок.

Коллекции, полученные при раскопках кришских поселений Закарпатья, насчитывают до 20 тыс. предметов. Большую часть их составляют обломки глиняной посуды. Керамика делится на три группы. Одну из них образует посуда из плохо промешанной глины с примесью шамота и песка. Основные формы: горшок, миска, сковорода, дуршлаг. Больше всего горшков бочкообразной или грушевидной формы. Миски конические с ровными или слегка округлыми стенками. Сковородки диаметром 17–40 см имеют толстое дно и невысокие края (4–8 см). Эта керамика кухонного назначения украшена округлыми вдавлениями и насечками по венчику и симметрично расположенными двойными коническими или полусферическими налестками.

Другую группу составляют сосуды с примесью половецкой, шамота и песка. В этой наиболее многочисленной группе посуды по форме различаются горшки, миски, корчаги, крышки. Имеются различные варианты горшков – со сферическим, яйцевидным и коническим сужающимся книзу туловом, суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Наиболее распространенная форма посуды – миски с различной профилировкой стенок. Корчаги имеют сферическое или яйцевидное тулово и высокую цилиндрическую шейку. Высота корчаг – от 18–20 до 65–70 см, диаметр горла – 6–16 см. Очень часто горшки, миски и корчаги лепились на низком кольцевом поддоне или на четырех-пяти сосковидных ножках. Крышки полусферической и конической формы оканчиваются навершием в виде неглубокой чаши. Последние бывают украшены резным орнаментом в виде меандра, коническими налестками, небольшим валиком.

Посуда украшена пальцевыми защипами, пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, насечками. Орнамент покрывает всю поверхность, образуя зигзаги, вертикальные или наклонные полосы, треугольные композиции. Для нанесения орнамента в виде колоса пшеницы использовали штамп. Часто эти орнаментальные композиции дополнялись коническими налестками, короткими валиками с вдавлениями, двойными и трой-

ными налестками конической формы, симметрично расположенными на плечиках или в широкой части тулова.

Третья группа керамики представлена тонкостенными сосудами, изготовленными с примесью песка, шамота и половецкой. Поверхность обычно ангобирована. Цвет сосудов красный, бледно-красный, розовый, светло-коричневый. На отдельных фрагментах заметны следы лощения. Типичны чаши на кольцевом поддоне, сосуды со сферическим туловом, миски с коническими и округлыми стенками, корчаги со сферическим туловом и высокой цилиндрической и воронковидно расширяющейся шейкой, миниатюрные чаши и миски.

Посуда этой группы расписана черной краской. В Заставном I роспись сохранилась только на нескольких фрагментах. Это – закрашенные треугольники, горизонтальные и вертикальные ряды штрихов, спирали.

Как глиняной массой, формами сосудов, так и росписью, третья группа керамики близка культуре расписной керамики, сменившей кришскую в северо-восточном Потисье.

На кришских поселениях Закарпатья найдено много глиняных грузил и пряслиц из черепков. Среди украшений имеются глиняные округлые и биконические бусы, глиняные и туфовые трехгранные в сечении браслеты. Найдены два фрагмента моделей жилищ, обломок фигурки кабана, глиняные женские статуэтки. Они изготовлены из глины с примесью половецкой и песка. Поверхность лощеная, черного или темно-коричневого цвета. Схематические фигурки имеют вид прямоугольной плитки. В верхней части налестком передан нос. Иногда насечками обозначали глаза. Богатая коллекция подобных фигурок известна на поселении Мейхтелек-Надаш в Венгрии.

Представляет интерес статуэтка из Заставного I. В верхней части плитки рельефным треугольником обозначено лицо. Миниатюрным налестком сделан нос, наколами – ноздри, продольными насечками – глаза и приоткрытый рот. Лицо покрыто насечками, заполненными красной краской. Защипом обозначено левое ухо с проколом. С обратной стороны плитки тремя полосками показана прическа. На шее тремя заштрихованными полосками изображено ожерелье. Грудь передана двумя полусферическими налестками. В нижней части плитки обозначен живот беременной женщины, с обратной стороны – ягодицы. Другая группа статуэток вылеплена в реалистическом стиле. Они формовались из трех частей, что отчетливо видно в изломах. Подчеркнуты широкие бедра, разделенные толстые ноги с широкой ступней, иногда пальцы ног и колени. Туловище тонкое, грудь обозначена двумя налестками, руки – конические выступы. На высокой тонкой шее уплощенная голова, приподнято плоское треугольное лицо с намеченными носом, глазами, ртом, с одним проколотым ухом.

На поселениях собрана богатая коллекция каменных орудий. Из 600 предметов (орудий и отходов производства) примерно 80–85% сделано из обсидиана. Из других пород встречаются дымчатый опал и андезит-базальт. Орудия изготавливали на месте, о чем свидетельствует множество нуклеусов и отходов производства. Среди изделий преобладают ножевидные пластины, служившие ножами и заготовками для других орудий. Другой рас-

пространенный вид орудий – боковые и концевые резцы из отщепов. Меньше скребков из массивных отщепов и укороченных пластин. Единичны наконечники стрел и дротиков иволистной формы. Проколки и сверла сделаны из андезитовых и кремневых пластин. Много и трапецевидных вкладышей, изготовленных из обломков миниатюрных обсидиановых пластин.

Найдены каменные шлифованные топоры, тесла, долота. Топоры с выпуклыми сторонами имеют ровное или скошенное овальное лезвие. Есть фрагмент прямоугольного плоского топора со сверленным отверстием для насада на рукоять.

О хозяйстве общин культуры криш в бассейне Верхней Тисы известно немного. Найдены кости крупного и мелкого рогатого скота и свиньи. Примешанная к глине полова культурных растений и отдельные зерна указывают на то, что здесь возделывали пшеницу-однозернянку и двузернянку, ячмень, просо, вику. На занятие земледелием указывают и находки зернотерок из песчаника и змеевика. Для возделывания земли применяли роговые мотыги. Исходя из расположения кришских поселений в горных областях, полагают, что скотоводство в культуре криш превалировало над земледелием. Кроме того, население занималось охотой (преимущественно на оленей и кабанов), вероятно, рыболовством и собирательством.

М.Ф. Потушняк считает возможным наметить периодизацию памятников. Ранняя фаза представлена комплексом “землянки” поселения Заставное I, более архаичным, чем комплекс “полуземлянки” того же поселения. Эта фаза, видимо, соответствует поселению Лец I в Румынии. Комплекс “полуземлянки” характеризует вторую фазу; материал отчасти сближается с находками на поселении Мейхтелек-Надаш в Северо-Восточной Венгрии. Третью фазу развития культуры представляет комплекс из “большой полуземлянки” Ровного (Киш Мезе). Об этом свидетельствуют новые формы сосудов, появление расписной керамики. Комплекс Ровного отражает не только финал кришской культуры на Верхней Тисе, но и зарождение элементов новой культурной группы эпохи неолита.

На позднее время существования кришских поселений Верхней Тисы указывает появление привозной линейной керамики. Последняя типологически близка восточнославянской типа Барца III, что позволило О. Трогмайеру синхронизировать эти культуры (Trogmajer, 1972). В Закарпатье памятники этого типа пока не обнаружены. Развитие кришской культуры окончилось здесь в середине V тысячелетия до н.э. Сменившая ее культура расписной керамики относится уже ко второй половине этого тысячелетия.

Культура расписной керамики. Дьяковская группа

Выделение памятников с расписной керамикой из круга культур альфельдской линейной керамики стало возможным совсем недавно. Из большого массива родственных культур выделилась серия специфических памятников. В Венгрии на левобережье Тисы выделены две группы с расписной керамикой – Эстар и Самош. По

находкам импортной керамики они синхронизированы с группами Сарваш-Ерпарт, Силмег и Бюкк (Kalicz-Makka, 1977). Ряд местонахождений с расписной керамикой известен в Северо-Западной Румынии. Часть из них включают в культуру Чумешти. Памятники расписной керамики в Восточной Словакии представлены группой Рашковцы. Раскопки многослойного поселения Копчаны помогли сопоставить рашковские поселения с группой культуры линейной керамики Тисадоб-Капушаны, соответствующей линейно-ленточной керамике с нотным орнаментом более западных районов.

Исследование поселения у с. Дьяково Виноградовского р-на Закарпатской обл. дало название еще одной группе поселений с расписной керамикой (Потушняк, 1979). Судя по импортной керамике, она синхронна концу буковогорской (бюккской) культуры. Импортная керамика найдена не только в Дьякове, но и на поселениях у Малых Геевцев (Дэйнеш Эгри) Ужгородского р-на и Заставное II (Кова домб) Береговского р-на. По ряду признаков поселения типа Дьяково – наиболее поздние среди упомянутых выше групп с расписной керамикой. Более ранние поселения открыты в последние годы в Закарпатье. Всего здесь известно сейчас более 30 поселений и местонахождений культуры расписной керамики (ранее их причисляли к кругу линейной керамики или включали в культуру альфельдской расписной керамики).

В конце 60-х – начале 70-х годов В.С. Титов (1970) исследовал поселения в с. Великая Паладь и с. Федорово-Вапа. Закарпатская экспедиция ИА АН УССР провела небольшие раскопки еще на девяти памятниках. Основным объектом раскопок – Дьяково.

Поселения культуры расписной керамики расположены по берегам рек (Ужгород-Карьер, Малые Геевцы-Дэйнеш Эгри), часто на возвышенных участках берегов небольших речек и ручьев (Дьяково-Мондичтог, Рафайлово-Киш Гомок, Федорово-Вапа). Есть поселения на возвышенностях у болот (Дрисино-Балоца) и на возвышенных участках предгорьев Карпат (Мукачье-Малая Гора). Размеры поселений – 2–3 га. Планировка поселений не изучена. Судя по раскопкам в Дрисино (Балоца), жилые и хозяйственные сооружения группировались по два-три без видимой системы. Та же картина наблюдается и на поселениях Ужгород-Карьер, Великие Лазы-Малый Горб, Холмцы-Каран, Дравцы-Парцелы и Грунт. В Дьякове между двумя жилищами, расположенными на берегу, находились печи и хозяйственные ямы.

Постройки углублены в землю на 0,3–1 м. Длина жилищ варьировала в пределах 7–13 м, ширина – 2–5 м, основания неровные, состоящие из сливающихся ям (Дрисино-Балоца, Рафайлово-Киш Гомок, Великая Паладь и др.), но бывают и плоские (Ровное II-Киш Мезе, Дравцы-Парцелы и Грунт). Сохраняются открытые очаги и развалы глиняной обмазки от разрушенных печей. Обнаружены столбовые ямы, которые свидетельствуют о столбовой конструкции стен и перекрытий домов. Много ям хозяйственного назначения. Вне жилых углублений найдены развалы глиняной обмазки, происходящей от стен жилищ и от печей.

Основным сырьем для изготовления орудий служил

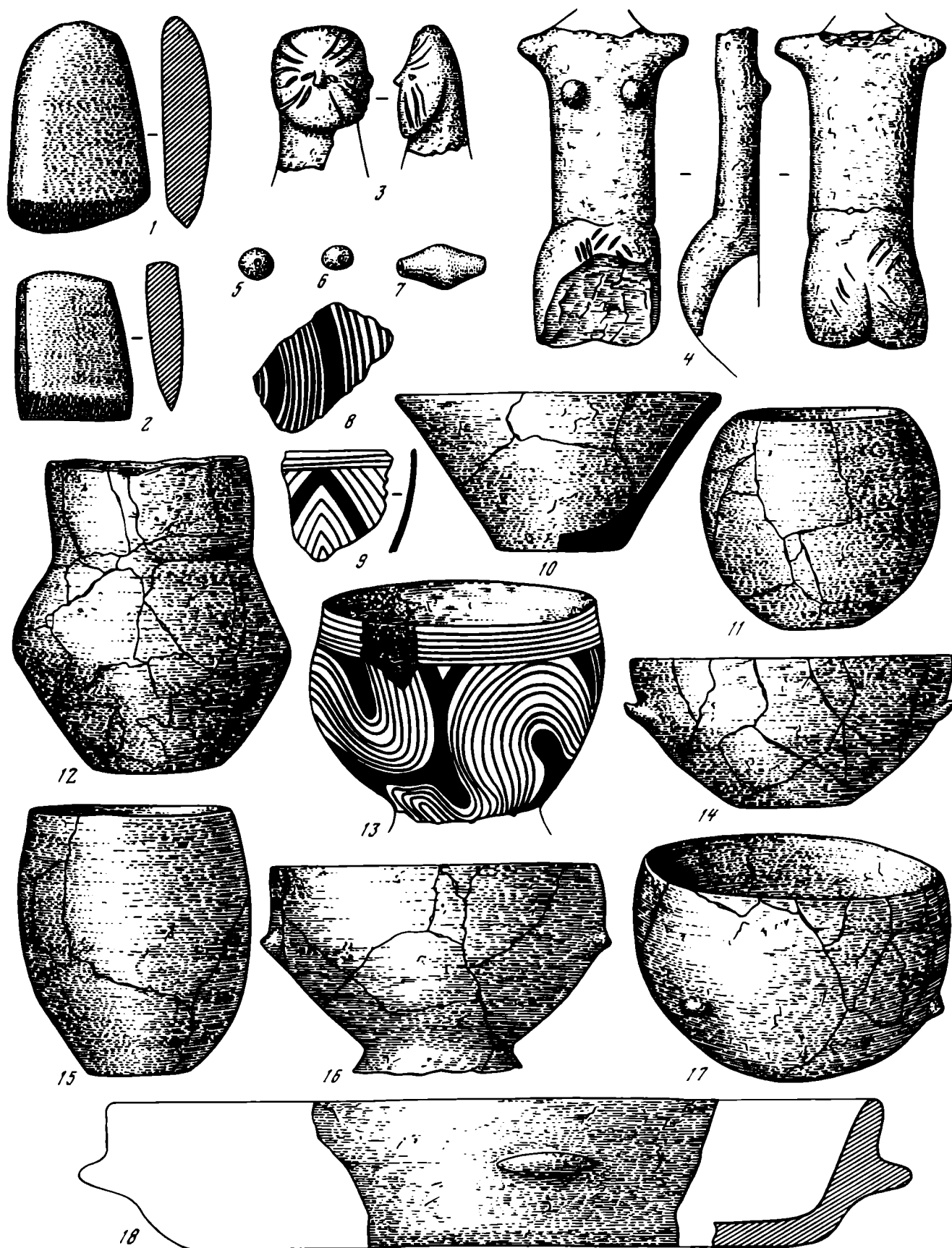

Рис. 6. Материалы культуры альфельдской линейной керамики в Закарпатье

1, 2, 7, 11 – Дьяково; 3, 5, 6, 8, 9, 14, 16 – Холмцы; 4, 17 – Великая Доб-
ронь; 10, 12, 13, 15, 18 – Ровное

обсидиан, на поздних этапах развития культуры использовали дымчатый опал и кремнь темно-коричневого цвета. Орудия изготовляли из кремня, аргиллита, сланца, туфа, песчаника.

Наиболее распространены ножевидные пластины длиной 5–10 см. Скребки изготовлены из грубых отщепов и пластин. Имеются скребки двойные и в комбинации с резцом. Много резцов и резцовых сколов, проколов и сверл. На поселениях Холмцы–Каран найдена серия обсидиановых трапезий.

Среди деревообрабатывающих шлифованных орудий – топоры с овальным или скошенным лезвием, тесла трапециевидной, конической и прямоугольной формы, долота. Найдены крупные наконечники мотыг прямоугольной формы из песчаника или туфа.

Керамика подразделяется на две группы. Сосуды первой группы (кухонные) изготовлены с примесью половецкой и шамота, поверхность ангобирована, изнутри залощена. Основные формы – горшок, миска, сковорода. Горшки преимущественно больших размеров (5–8 л), широкогорлые. Миски крупные, глубокие, с коническими или округлыми стенками, с толстым дном. Сковородки с толстыми стенками и дном грубой выработки, диаметром от 25–40 до 70–80 см, высотой 6–12 см. На стенках имеются две–четыре ручки в виде небольших уплощенных выступов (рис. 6). Много сковородок найдено в поселениях раннего этапа культуры росписной керамики.

Посуда второй группы, более многочисленная, содержит примесь половецкой, песка или шамота, поверхность покрыта ангобом, следы лощения чаще на внутренней поверхности. Столовая посуда представлена горшками, мисками, разнообразными чашами, корчагами. Большое распространение имели сосуды сферической или бочкообразной формы. Основная столовая посуда – миски с коническими или округлыми стенками, иногда с эсвидным профилем. Характерны для этого времени миски на конических или цилиндрических поддонах. У многих мисок есть симметрично расположенные ручки с проколами и соскообразными налестками. Распространены корчаги с высокой шейкой, со сферическим, яйцевидным, иногда четырехгранным туловом. У основания шейки бывают миниатюрные ручки, иногда налесточный валик с вдавлениями. На плечиках корчаг сделаны короткие валики или полусферические налестки. Характерны четырехугольные чаши с закругленными гранями, имеющие поддон. Часто находят четырехугольные чаши с четырьмя выступами–лепестками по краю. Есть чаши со сплюснутым туловом, миниатюрные мисочки, чаши, стаканы.

Посуда этой группы плохо сохраняет роспись. Все же некоторые отличия между росписью раннего и позднего периода можно установить. Сосуды расписывали черной краской по всей поверхности. Орнамент наносили на подготовленную гладкую поверхность бледно-красного, кремового или коричневого цвета. Для керамики раннего этапа характерны композиции из широких лент (шириной 1 см), в виде незаконченной спирали, параллельных крестообразно пересекающихся полос, пространство между которыми заполнено тонкими волнистыми или косо расположенными прямыми линиями. Венчик орнаментирован горизонтальными прямыми тонкими штри-

хами и волнистыми линиями. На керамике позднего этапа появляется более сложный орнамент из волнистых и прямых линий, витков, спиралей. Орнаментальное поле делится вертикальными широкими полосами. В позднее время изредка применялась роспись темно-красной или вишневой и белой красками (Дьяково–Мондичтог, Большая Бегань).

Часто встречаются глиняные грузила ткацких станков и пряслица. Из глины делали и украшения: бусины ромбовидной и округлой формы разного размера (рис. 6). Найдены неизвестного назначения глиняные кольца, круглые и треугольные в сечении, с проколотыми отверстиями, глиняные и каменные амулеты.

Найдены обломки глиняных антропоморфных статуэток (рис. 6). На двух головках женских фигурок из поселения Холмцы–Каран обозначены нос и глаза. Частично сохранилась толстая шея. У одной фигурки лицо покрыто глубокими насечками, видимо, передающими татуировку. С поселения Добронь–Золотой Горб происходит фрагмент полусидящей женской фигурки с руками–выступами.

Известны и антропоморфные сосуды. На поселении Дрисино–Балоца найдена часть чаши, стоявшей на двух толстых ногах с широкими ступнями. На рельефно выделенные бедра нанесены косые орнаментальные насечки. Чаша была расписана черной смолистой краской. Уникальный антропоморфный сосуд обнаружен на поселении Ровное II (Киш Мезе). Это широко открытая чаша, с сильно раздутыми боками, с ромбовидным горлом и округлым дном. Под венчиком налесточным валиком обозначены контуры лица, в центре которого налесточным сделан нос. На краях венчика валик заканчивается проколотыми выступами, передающими уши. В средней части тулова двумя коническими налестками переданы грудь. Фрагменты аналогичных сосудов известны в Рафайлово–Киш Гомок в Закарпатье и в поселении Шонкад в Северо-Восточной Венгрии.

Данные о хозяйстве носителей культуры росписной керамики очень фрагментарны. Анализ растительных остатков с поселений Восточной Словакии (Рашковцы и Копчаны) показывает, что в основе хозяйства лежало земледелие. Среди культивируемых растений преобладает пшеница–двузернянка (иногда с примесью однозернянки). Выращивали также ячмень, просо, горох и овес (Дьяково–Мондичтог). Остеологический материал анализу не поддается. Надо думать, что, как и у соседних племен культуры альфельдской линейной керамики, здесь были домашние животные (крупный и мелкий рогатый скот и свиньи), существовали охота, рыболовство и собирательство. Расписная керамика в Восточном Потисье появилась, видимо, еще на позднем этапе распространения кришской керамики (совместные находки в Ровном–Киш Мезе), но период сосуществования культур был коротким. Дальнейшее развитие культуры росписной керамики в Северо-Восточном Потисье происходило в тесных контактах с культурой линейно–ленточной керамики, занимавшей более западные и юго–западные районы.

Наиболее ранний этап в развитии культуры типа Дьякова отражают комплекс поселения Шонкад в Венгрии (жилище 1) и объект 2/38 поселения Ровное–Киш Мезе.

По находкам импортной линейно-ленточной керамики они могут быть синхронизированы с поздними памятниками типа Барца III и ранними типа Пряжев–Шаришские Луки в Восточной Словакии.

К среднему этапу относится группа Рашковцы в Восточной Словакии, поселения Холмцы–Каран, Баркасово–Нодь Мезе, Дравцы–Парцелы и нижний слой поселения Мукачево–Малая гора. Хронологическая позиция этих памятников определяется импортной линейной керамикой типа Тисадоб–Капушаны.

Поздний период развития культуры расписной керамики синхронизируется с буковогорской группой. К это-

му периоду относятся неолитические слои поселений Ужгород–Карьер, Ореховцы–Валашинец, Малые Геевцы–Дэйнеш Эгри, Заставное–Кова домб, Дьяково–Мондичтог.

Видимо, в период своего расцвета буковогорская культура распространилась на территорию, занятую племенами с расписной керамикой. В результате в юго-восточной части Закарпатья и в сопредельных частях Венгрии и Румынии появились памятники смешанного типа, выделяющиеся в локальную группу Дьяково. Это финал развития расписной керамики, падающий на первые столетия IV тыс. до н.э.

Глава 2

Юг Восточной Европы

К востоку от Днепра в неолите располагалась обширная область, включавшая Крым, бассейн Северского Донца, Приазовье, Нижнее и Среднее Подонье, Нижнюю Волгу и Северный Прикаспий (карта 3). Неолитические племена занимались здесь в основном охотой и рыболовством, а в конце неолита и скотоводством. Земледелие было развито слабо или неизвестно совсем. В материальной культуре населения данной территории наблюдается определенное сходство керамики и длительное сохранение микролитических форм инвентаря. Иногда в этом видят указание на этническую общность неолитических обитателей лесостепных и степных пространств, иногда – только отражение одинаковой хозяйственной деятельности населения.

Сурская культура (Нижний Днепр и степное Левобережье)

Керамика сурского или сурско-днепровского типа найдена впервые в Надпорожье Днепростроевской экспедицией (1928–1933 гг.), при раскопках поселений на о-вах Вовчек, Виноградный, Похилый и Кизлевый. Позже хорошая коллекция находок этого типа была собрана на о. Кодачек. Сурская керамика есть среди материалов стоянки Каменная могила под Мелитополем. Основные комплексы сурского типа происходят из послевоенных раскопок на Сурском и Шулаевом о-вах. В 1946 г. А.В. Добровольский и В.Н. Даниленко раскопали многослойное поселение на Стрильчей скале близ с. Волошское южнее Днепропетровска, где в нижнем слое залегали материалы сурского типа.

На территории степного и лесостепного междуречья Днепра и Волги известны неолитические культуры и типы памятников, сложившиеся на местной мезолитической основе. Некоторые из них выделены уже давно – сурская и днепро-донецкая, иные стали известны в последнее десятилетие (горнокрымская, ракушечноярская и среднедонская). Выделяется несколько типов памятников – типа Матвеева кургана в Северо-Восточном Приазовье, типа Орловки на Нижнем Дону, Джангар и Тектен-Сор в Северном Прикаспии. Последние образуют отдельную сероглазовскую культуру. Исследователи делали попытки выделения и иных культур этого времени, например, приазовской, обоснование которой, как нам кажется, нуждается в более детальной аргументации.

Карта 3. Неолитические памятники лесостепных и степных районов Юга Восточной Европы. (Составлена Д.Я. Телегиным)

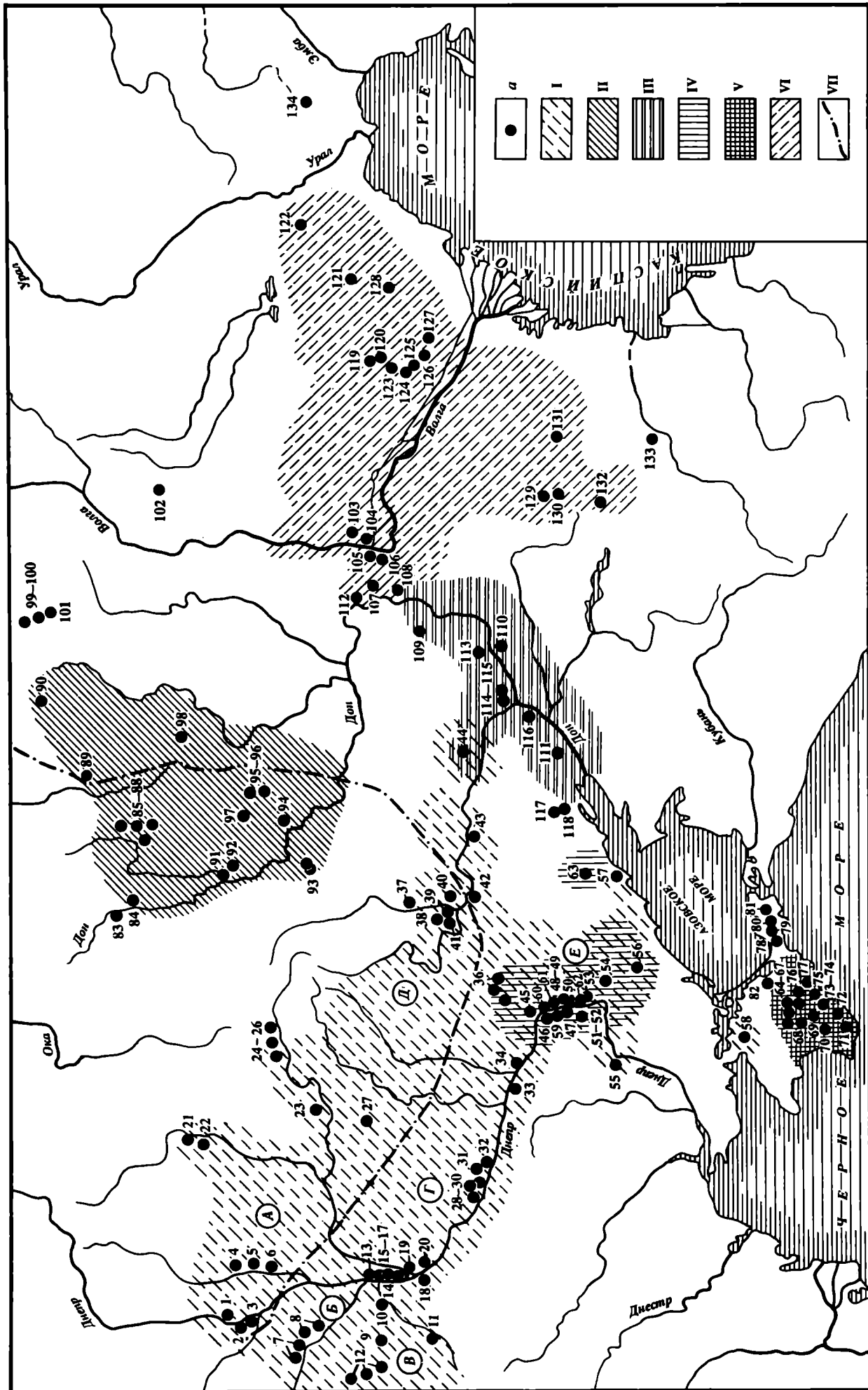
I – культуры днепро-донецкой этнокультурной общности: А – рога-чевская, Б – восточно-полесская, В – волынская, Г – киево-черкасская, Д – донецкая, Е – надпорожская; II – среднедонская культура; III – ракушечноярская; IV – сурская; V – горнокрымская; VI – сероглазовская; VII – южная граница распространения памятников с ямочно-гребенчатой керамикой; а – памятники

1 – Мошка; 2 – Лучин (Завалье); 3 – Ходосовичи (Борок Семиновский Сосонка); 4 – Аношка; 5 – Чачуравка; 6 – Романовичи; 7 – Пхов, Литвин; 8 – Юревичи, Закота; 9 – Моства; 10 – Грини; 11 – Тетеревский; 12 – Новосилки, Великий Мидск, Оболонь; 13 – Пустынка; 14 – Заваловка; 15–17 – Струмель, Гастятин, Шмаевка; 18 – Вита Литовская; 19 – Воскресенка; 20 – Никольская Слободка; 21 – Холм; 22 – Хмелевский Бугор; 23 – Козловка; 24–26 – Рыльск, Липино, Льгов; 27 – Герасимовка; 28–30 – Бузьки, Мутыхи, Пищики; 31, 32 – Веремеевка, Бильки; 33 – Деревка I; 34 – Недогарки; 35 – Осиповка; 36 – Госпитальный Холм, Засуха; 37 – Александрия; 38 – Бондариха; 39 – Устье Оскола 1, 2; 40 – Студенок; 41 – Изюм; 42 – Дроновка, Веревино; 43 – Усово озеро; 44 – Подгоровка; 45 – Игрень; 46 – Шевская коса, остров Кодачек; 47 – Никольский могильник; 48, 49 – Васильевка, Марьевка; 50 – Вовниги, Полтавка; 51 – Собачки, Вовчек, Похилый; 52 – Вильянский могиль-

Из новых памятников сурского типа интересны сборы В.И. Привалова на Игреньском п-ове, где найдены фрагменты глиняных и каменных сосудов, раскопки О.Г. Шапошниковой на поселении у с. Раздольное Старобешевского р-на Донецкой обл. на правом берегу р. Кальмиус и исследования Д.Я. Телегина на р. Орель в ур. Засуха у пос. Перещелино Новомосковского р-на Днепропетровской обл.

Сейчас известно около 30 сурских местонахождений в Днепровском Надпорожье. Вне этого района они известны лишь в Приазовье на р. Орели и нижнем течении Северского Донца (Телегин, 1984). Публикации материа-

ник; 53 – Средний Стог I; 54 – Лысая гора; 55 – Капуловка; 56 – Каменная Могила; 57 – Мариуполь; 58 – Долинка; 59 – Сурский остров, Стрильча Скала; 60 – Шулаев остров; 61 – Кизлевый остров; 62 – Лоханский остров; 63 – Раздольное; 64–67 – Симферопольская, Денисовка, Кукрек, Марьино; 68 – Таш-Аир; 69 – Кая-Арасы; 70 – Замиль-Коба 2; 71 – Шан-Коба; 72 – Грот Водопадный; 73, 74 – Ат-баш, Балин-каш, Джайлау-баш; 75 – Улу-Узень; 76 – Суат; 77 – Ала чук; 78 – Фронтное; 79 – Ленинское; 80 – Луговое; 81 – Тасуново; 82 – Алексеевская Засуха; 83 – Долгое; 84 – Савицкое; 85–88 – Подзорное, Старое Торбеево, Ярлюковская Протока, Рыбное озеро; 89 – Елизавет-Михайловский; 90 – Озименки; 91 – Университетские I–III; 92 – Отрожки; 93 – Копанищенская, Дормодехинская; 94 – Черкасская; 95, 96 – Дроница, Масоловка; 97 – Монастырская; 98 – Уварово; 99 – Бессоновская; 100 – Екатерининская; 101 – Борковская; 102 – Алтата; 103 – Каменка; 104 – Рахинка; 105 – Латошинка; 106 – Орловка; 107 – Качалино; 108 – Пятиморская; 109 – Чир; 110 – Романовская; 111 – Бессергеновка; 112 – Задонавилово; 113 – Цимлянская; 114 – Каргальская; 115 – Ведерниково; 116 – Ракушечный Яр, Раздорская; 117 – Матвеев Курган; 118 – Грунтовский; 119 – Истай-Бабай; 120 – Кунур-Кудук; 121 – Кошелах; 122 – Асан-Бай; 123 – Кок-Мурун; 124 – Кубек-Сор; 125 – Байга-Сор; 126 – Досанг; 127 – Эскией; 128 – Шошак; 129 – Курганский; 130 – Цыганица; 131 – Му-Бузгу-Кудук; 132 – Ястак-Кудук; 133 – Ачикулак; 134 – Бех-Беке

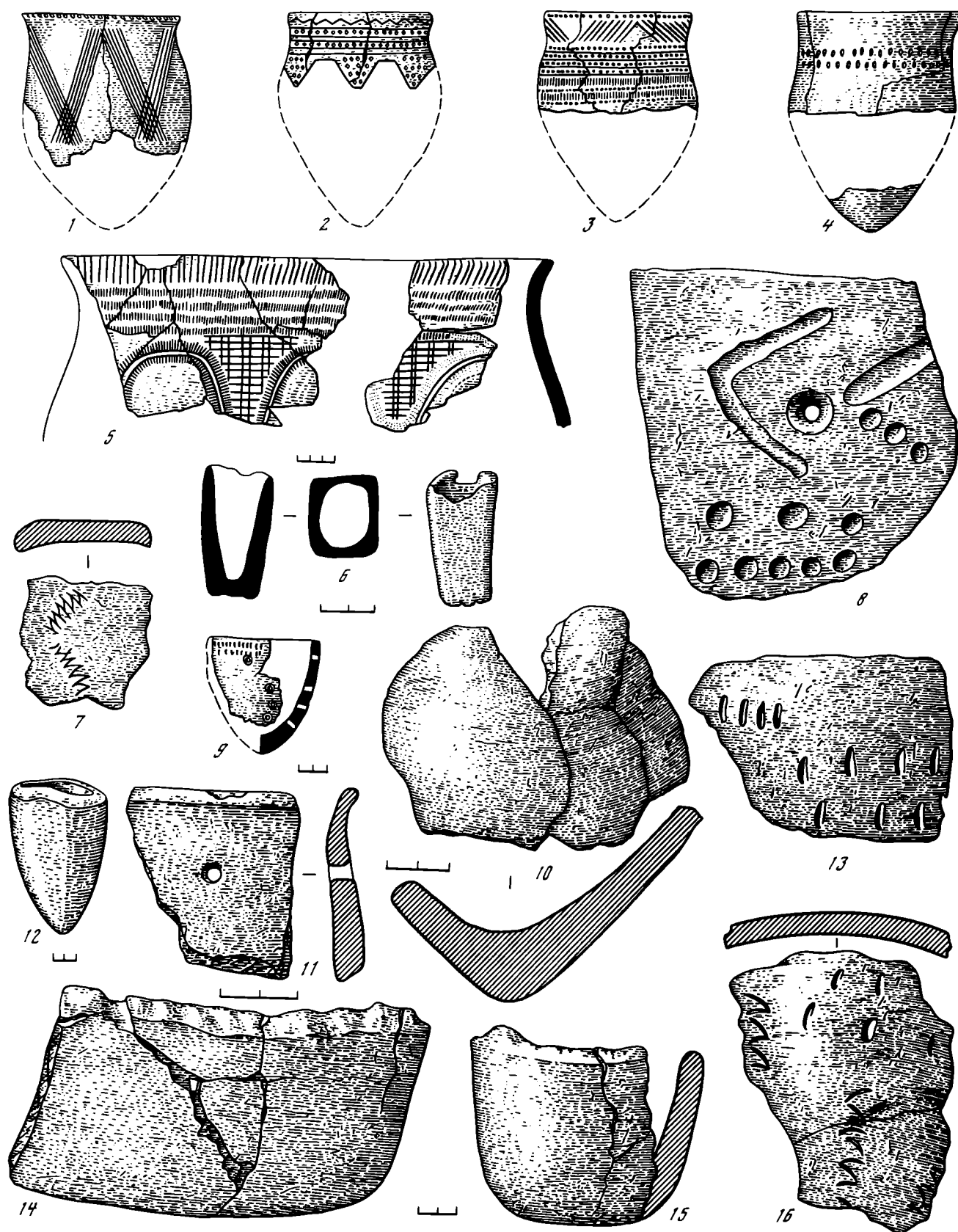

Рис. 7. Керамика (1-5, 7, 8, 10, 11, 13, 15) и каменные сосуды (6, 9, 12, 14) сурской культуры

1, 3 – Стрильча Скеля; 2, 6, 7 – Сурской остров II; 4, 9 – Виноградный остров; 5 – Кизлевый остров; 8 – Каменная Могила; 10, 15 – остров Ко-да

дачек; 11 – Засуха; 12 – Надпорожье; 13 – Раздольное; 14 – Сурской остров

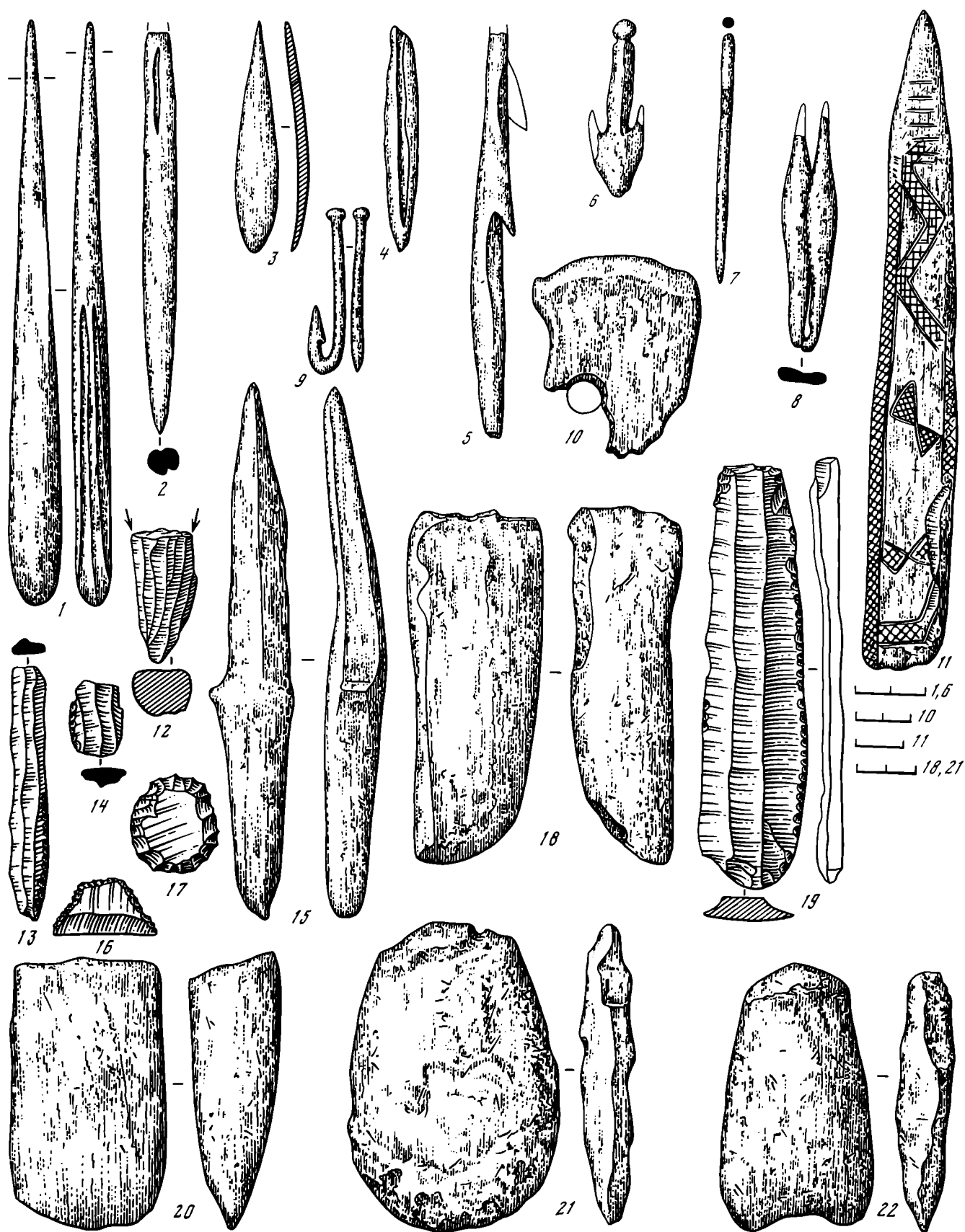

Рис. 8. Орудия труда сурской культуры из кости и рога (1-11, 15, 18), из кремня (12-14, 16, 17, 19) и камня (20-22)

1-3, 5-9, 11-15, 18, 20-22 – остров Сурской; 4, 10, 16, 17, 19 – остров Шулаев

лов раскопок даны В.Н. Даниленко (1950, 1971) и А.В. Бодянским (1949).

Сурские поселения в Надпорожье – небольших размеров, локализуются на островах или прибрежных скалах, хотя встречаются и на низких уступах надпойменной террасы. Видимо, это временные стоянки. При раскопках на о. Сурском (пункт 2) и о. Шулаевом исследованы остатки примитивных жилищ в виде углублений неправильно-округлой формы, площадью около 100 кв. м. В центре углублений отмечены следы кострищ, а по периферии – ямки, возможно, от столбов стен. К центральному углублению на о. Сурском с трех сторон примыкали три меньших углубления, тоже округлые в плане. И в том, и в другом пункте жилые углубления заполнены темным гумусированным песком со значительными скоплениями ракушек палюдино и унио. Основные находки – кремневые и костяные изделия, фрагменты керамики, кости животных – собраны в заполнении жилищ.

Выделять сурскую культуру позволяют, прежде всего, своеобразная керамика, наличие каменных сосудов, высокоразвитая техника обработки кости.

Керамика обычно хорошо заглажена, иногда подложена, в тесте – песок или толченая раковина. Керамические формы реконструируются с трудом. Это остродонные (редко шиподонные) сосуды с S-видным профилем (рис. 7, 1–5, 10–11). Орнамент расположен в верхней части сосуда. Часто это один или два ряда ямок неправильных очертаний, реже горизонтальные полосы из прорисованных линий с точечно-ямочным заполнением между ними. Встречаются шевроны, оvoidные фигуры, заштрихованные поля (рис. 7, 1–5, 8, 13).

Характерны узоры, выполненные в манере качалки изогнутым гладким штампом (рис. 7, 7, 15).

Сурская керамика – самобытное явление в неолите Восточной Европы. Лишь по отдельным признакам она может быть сопоставлена с материалами иных культур. Узор, выполненный качалкой, линейный орнамент и примесь раковин в тесте заставляют вспомнить керамику из нижних слоев Ракушечного Яра на Дону. Некоторые общие черты есть у сурской керамики и с находками в Кая-Арасы в Крыму.

Особым признаком сурской культуры является применение здесь каменной посуды. Изготавливалась она кремневыми инструментами (нож, скребок) из мягких пород камня, главным образом из талькового сланца. Типы каменной посуды разнообразны (рис. 7, 6, 9, 12, 14). Есть остродонные конические формы, корытовидные, овальные в плане, плоские-светильники, “чарочки” и т.д. Размеры сосудов варьируют от 2–3 до 25–30 см в диаметре. Стенки обычно очень толстые, заглаженные снаружи, но внутри часто заметны следы изготовления – царапины. Лишь в отдельных случаях отмечаются орнаментальные ряды ямок или насечек под срезом венчика. На одном сосуде по краю вырезаны более сложные фигуры, напоминающие букрании древневосточных культур. На многих фрагментах каменных сосудов, как и на глиняных, имеются сквозные отверстия по краю, сделанные, видимо, при ремонте посуды.

Кремневый инвентарь сурской культуры микролитический, хотя геометрические формы встречаются крайне редко (рис. 8, 12–14, 16, 17, 19). Нуклеусы мелкие, ко-

нические, иногда карандашевидные; пластины мелких и средних размеров, многие из них превращены в ножи. Скребки из отщепов округлые и низкие, скребков на пластинах – единицы. Резцы обычно изготовлены на углу сломанной пластины. Встречаются сечения пластин, сверла и симметричные трапеции.

Шлифованные топоры и тесла – небольших размеров, овальные в сечении (рис. 8, 20, 22). Каменные плитки округлой формы с подправленными краями – так называемые диски (рис. 8, 21) – служили землекопными орудиями.

Из кости изготавливали наконечники стрел и дротиков с пазами для кремневых вкладышей, гарпуны, кинжаловидные изделия, несколько видов рыболовных крючков, шилья, проколки и т.д. Встречаются костяные тесла. На о. Шулаевом найден обломок обушковой части мотыги (?) с отверстием для рукояти (рис. 8, 10).

Топографические условия расположения сурских стоянок на островах Днепра у воды и находки специализированных орудий (рыболовные крючки, гарпуны, наконечники стрел) указывают на важную роль в жизни населения рыболовства и охоты на водоплавающую птицу. О том же свидетельствуют и фаунистические остатки, обнаруженные на Шулаевом и Сурском (п. 1) о-вах, где представлены кости рыб и птиц. Носители этой культуры охотились и на крупных копытных – благородного оленя, тура, кабана, лошадь.

По первоначальному определению И.Г. Пидопличко, на стоянках Шулаева и Сурского (п. 1) о-вов были представлены лишь домашние собаки двух пород. Позже тот же исследователь писал о наличии среди фаунистических остатков из стоянок о. Сурского костей домашнего быка, свиньи, мелкого рогатого скота и даже лошади (Пидопличко, 1956). Столь ранняя domestикация лошади, да и овцы-козы в Надпорожье, вызывает сомнение. К сожалению, из других сурско-днепровских стоянок фаунистические остатки либо неизвестны, либо смешаны с материалами более поздних горизонтов.

Хронология сурской культуры основана на типологическом изучении вещественного материала, прежде всего керамики. В.Н. Даниленко (1969. С. 21) считал, что она существовала не менее 3000 лет – с рубежа VII–VI до середины IV тыс. до н.э. Соглашаясь в известной мере с верхней датой существования культуры, следует признать нижний рубеж неоправданно углубленным. Начало IV тыс. до н.э. как верхний рубеж сурской культуры устанавливается на основании стратиграфических наблюдений на Стрильчей Скеле, Волчке и других многослойных стоянках Надпорожья, где сурские материалы залегают под наслоениями поселений днепро-донецкого типа (II этап). Датировка этого этапа, в свою очередь, опирается на трипольские аналогии. Скорее всего, сурская культура может быть помещена в рамки от начала V до начала IV тыс. до н.э. (Телегин, 1971).

Открытым остается вопрос о сурских могильниках. Среди многочисленных погребений и могильников мезолита и неолита в Надпорожье трудно назвать такие, которые можно было бы надежно связать с носителями сурской культуры.

Сурская культура – безусловно, чисто степное явление в Восточной Европе, тяготеющее в культурно-генетическом плане к более южным территориям, в частно-

сти, к культуре горной части Крыма, Нижнего Подонья, а может быть, в какой-то мере и к Малой Азии (где в неолите есть каменные сосуды). Она сильно отличается от

более северных культур типа днепро-донецкой, сменившей в начале IV тыс. до н.э. сурскую почти на всей территории ее распространения.

Неолит Крыма

В Крыму хорошо известны памятники мезолитической эпохи с характерным микролитическим инвентарем, включающим большое число геометрических орудий (Шан-Коба, Фатьма-Коба, Сюрень II, Алимковский навес, Таш-Аир I, Замиль-Коба 1, 2). Все это пещерные стоянки. В некоторых пещерах есть и неолитические слои, но они встречаются гораздо реже, чем палеолитические и мезолитические, и менее мощны. По-видимому, люди в эту эпоху в основном оставили пещеры и жили на поселениях открытого типа. Такие стоянки обнаружены на яйлах – плато первой гряды Крымских гор (Ат-Баш, Балин-Кош, Джайлау-Баш и др.). К сожалению, почти во всех этих пунктах культурный слой сохранился плохо, стратиграфические наблюдения невозможны, костные остатки разрушились. Не всегда дошла до нас и ранняя слабообожженная керамика.

Количество фрагментов глиняной посуды из стоянок чаще всего исчисляется единицами, редко их бывает десятков-два. Лишь в неолитических слоях Таш-Аира найдено несколько сот фрагментов. В последние годы, при раскопках стоянки Кая-Арасы собрано некоторое количество крупных орнаментированных фрагментов.

Эта бедность находок неолитической керамики послужила причиной того, что и при выделении неолита Крыма, и при культурно-территориальном и хронологическом членении памятников исследователи исходили прежде всего из анализа кремневых изделий. С.Н. Бибилов (1940) первый указал на трапеции со струганой спинкой и сегменты с заходящей на спинку ретушью как на основные признаки, отличающие неолитические комплексы от мезолитических. Позже А.А. Формозов (1962) сделал вывод, что сначала появились сегменты с вершиной, обработанной плоской ретушью, а затем трапеции со струганой спинкой. К числу диагностических признаков неолитической эпохи он отнес также сильно сработанные плоские нуклеусы со скошенной вершиной. Описывая материал стоянки Зуя, Е.А. Векилова (1964) отметила отсутствие здесь резцов и концевых скребков.

Различия в типах и технике изготовления изделий эпохи мезолита и неолита в Крыму подмечены исследователями правильно. Но этого недостаточно ни для выделения неолита как эпохи, ни для его культурно-территориального и хронологического членения. Показательны разногласия между исследователями по этим вопросам. Так, ссылаясь на анализ кремневых изделий, Д.А. Крайнов (1960) отнес три нижних слоя стоянки Таш-Аир к финально-палеолитическому и мезолитическому времени, а Ю.Г. Колосов (1963), исходя из тех же фактов, считал эти слои неолитическими. Нет единого мнения и о датировке

кремневых изделий кукрекского типа, которые одни авторы считают мезолитическими (Г.А. Бонч-Осмоловский, Е.А. Векилова, Л.Г. Мацкевой, Д.Я. Телегин), а другие – относят к неолиту (В.Н. Даниленко, Ю.Г. Колосов).

Противоречия между исследователями возникают и при попытке культурно-территориального членения неолита Крыма. А.А. Формозов говорил о культурном единстве неолитических памятников Крыма, а Ю.Г. Колосов (1971) выделяет горную и степную группы памятников, используя данные статистической обработки по 13 типам кремневых орудий.

Очевидно, при установлении рубежа между мезолитом и неолитом Крыма одного анализа кремневых изделий недостаточно. Необходимо привлечь и иные материалы, в частности данные о керамике, занятиях населения и т.д. Те же факты помогают установить верхнюю грань неолита, момент перехода к медному веку.

Наиболее правильно и целесообразно связывать начало неолитической эпохи в Крыму, как и на других территориях, с появлением первых керамических изделий. Здесь они появляются еще в эпоху, когда по-прежнему были распространены микролитические кремневые орудия мезолитического облика (Ат-Баш, Таш-Аир I, слой VI). Первые попытки приручения свиньи в Крыму начались еще в мезолите до появления керамики, о чем свидетельствуют материалы стоянок Фатьма-Коба, Алимковский навес, Таш-Аир I, слои VIII, VII и др. (Крайнов, 1960; Столяр, 1959). Кости домашнего быка встречены впервые только в раннекерамических слоях Таш-Аира и Замиль-Коба 2 (Дмитриева, 1960).

Неолитические местонахождения Крыма сосредоточены в трех районах: в горном Крыму (около 20 пунктов), на Керченском п-ове и в степной части Крыма.

Горный Крым по природным условиям делится на ряд небольших областей: а) высокогорные плато – яйлы (Ай-Петринская и др.) и южный берег Крыма; б) юго-западный Крым, где текут в западном направлении реки – Черная, Бельбек, Кача, Альма; в) северный предгорный (“симферопольский”) район, где берут начало реки, текущие к Азовскому морю – Салгир и его притоки – Малый Салгир, Зуя, Бурульча, Биюк-Карасу и др.; г) юго-восточный Крым у побережья Судак–Феодосия.

На Айпетринской яйле известно около 100 стоянок с находками микролитических изделий, лишь в немногих случаях тут же обнаружена неолитическая керамика. На стоянке Ат-Баш Б.С. Жуков (1927) расчистил на глубине 0,4–0,6 м в глинистом слое остатки кострища и вокруг него кремневые изделия, фрагменты керамики

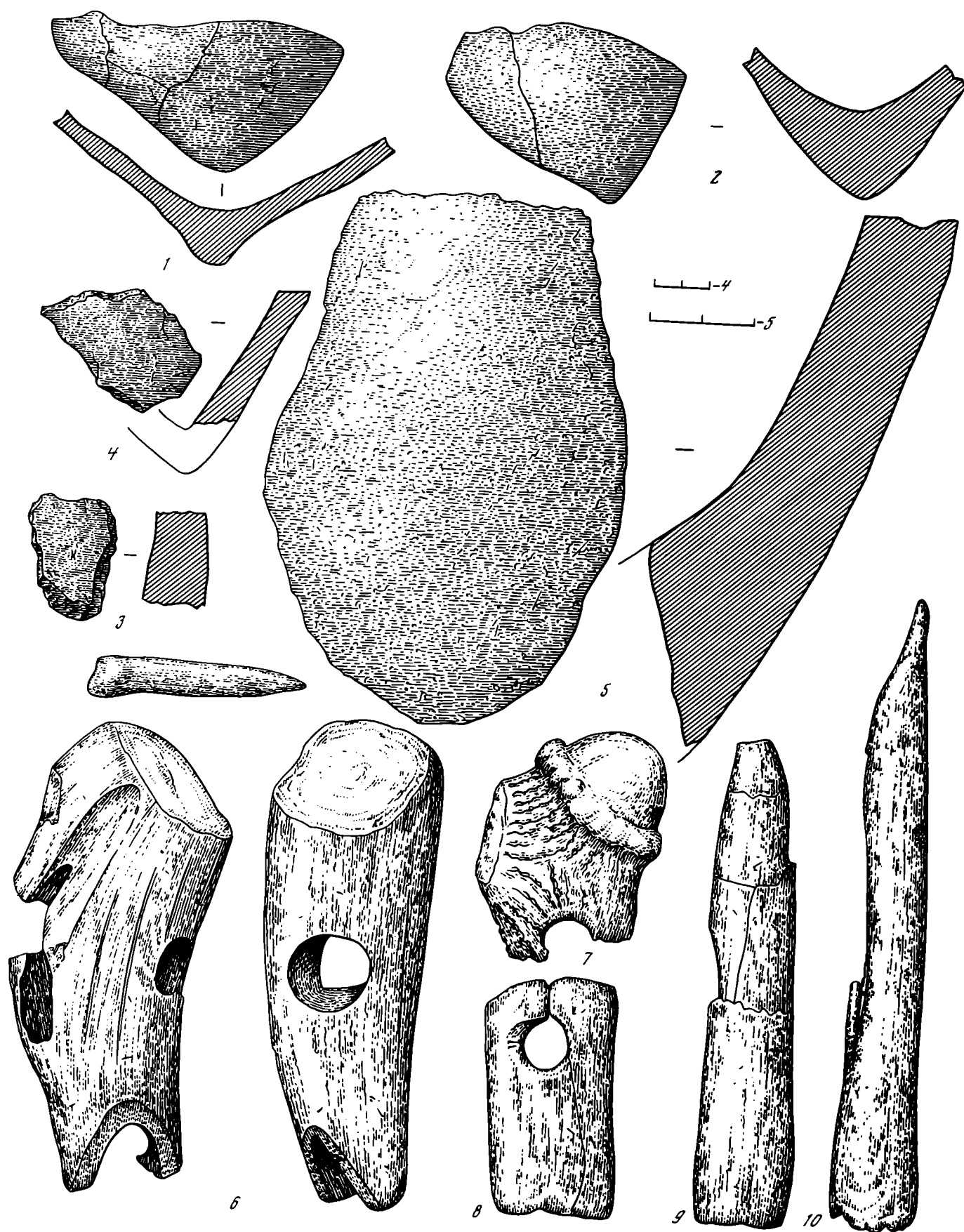

Рис. 9. Горнокрымская культура. Керамика, роговые и костяные орудия

1 – Ат-Баш; 2 – Балин-Кош; 3, 6, 9, 10 – Таш-Аир, слой VI; 4 – Дени-совка; 5, 7, 8 – Замиль-Коба 2, слой VI

и характерное шиповидное дно сосуда (рис. 9, 1). Аналогичное доньшко найдено в Балин-Кош (рис. 9, 2). Неолитические находки обнаружены А.А. Щепинским (1975) и в долине Улу-Узень юго-западнее Алушты. Здесь найдено около 40 фрагментов керамики, украшенной прочерченным узором, напоминающим находки из нижнего слоя Кая-Арасы и слоя Va Таш-Аира. В отличие от последних некоторые сосуды из Улу-Узень были плоскодонными.

В юго-западном Крыму раскопано три стоянки с культурными слоями неолитического времени – Таш-Аир, Кая-Арасы и Замиль-Коба 2. В Таш-Аире и Замиль-Коба 2 – по два неолитических слоя. Ранне-неолитическая керамика Таш-Аира и Замиль-Коба 2 (слой VI обоих пунктов) остродонная, лишена орнамента, в тесте примесь песка и толченого известняка или ракушки (рис. 9, 3, 5). В слое VI Таш-Аира найдено 11 черепков, а кремневых изделий более тысячи. В верхнем неолитическом слое (Va) Таш-Аира обнаружено уже более 300 фрагментов керамики. Д.А. Крайнов (1960. С. 102) делит ее на две группы: с нарезным или прочерченным орнаментом и с гребенчатым узором. В слое V Замиль-Кобы 2 представлена керамика только первой группы.

На стоянке Кая-Арасы один неолитический горизонт. Фрагменты сосудов отличаются толстостенностью, в тесте органическая примесь и песок. Сосуды украшены резными линиями или наколами.

В северном предгорном (Симферопольском) р-не Крыма, в верховьях рек бассейна Салгира к неолиту относятся Денисовка в верховьях Малого Салгира, группа керамики Симферопольской стоянки и, возможно, отдельные керамические находки из Марьино близ Симферополя (Щепинский, 1968).

Неолитические памятники горного Крыма, несмотря на территориальную разобщенность, имеют много общих черт. Д.Я. Телегин (1971) объединяет их в особый тип Кая-Арасы или горнокрымскую культуру. В ее развитии выделяются два этапа.

На раннем этапе (Ат-Баш, Балин-Кош, VI слой Таш-Аира и Замиль-Кобы 2, Денисовка) сосуды изготавливали из плохо промытой глины с примесью песка или ракушки. Сосуды имели острое дно и были лишены какого-либо орнамента (рис. 9, 1–5). Для комплекса характерна пластинчатая индустрия со значительным количеством геометрических форм (рис. 9). Нуклеусы конические, призматические, плоские или уплощенные. Заметное место занимают концевые скребки на удлинённых пластинах. Резцы изготавливали преимущественно на углу сломанной пластины. Геометрические микролиты – трапеции и сегменты – составляют значительный процент орудий. Относительно высок и процент сечений пластин.

Преобладают еще мезолитические формы сегментов и трапеций с круто ретушированными гранями, но появляются и трапеции и сегменты с пологой, заходящей на спинку изделия ретушью и трапеции со струганой спинкой. Процент последних, по отношению ко всем трапециям, однако, невелик, а в Таш-Аире они совсем отсутствуют. Трапеции с круто ретушированными гранями средневысокие или удлинённые, встречаются слегка асимметричные. Для кремневых изделий этого этапа харак-

терны острия, изготовленные из пластин путем тщательного ретуширования по двум граням, а иногда и с подправкой пера со стороны брюшка пластины.

Появляются роговые мотыги с отверстиями для рукоятки. Они найдены в слое VI Замиль-Кобы 2 (рис. 9, 6–10).

Второй этап горнокрымской культуры представлен большим количеством стоянок с более полным набором вещей. Характеризуются эти памятники керамикой типа нижнего слоя Кая-Арасы, слоя Va Таш-Аира I, слоя V Замиль-Кобы 2. В целом посуда стоянок Кая-Арасы, Замиль-Кобы 2, Таш-Аир I имела вид широкооткрытых конических горшков с острым дном и слабо развитым профилем стенок. Их поверхность хорошо сглажена. Орнаментация линейно-прочерченная, встречаются также вдавленные ямки и ямки-наколы. Система узоров включала поля и полосы, сплошь покрытые рядами прочерченных линий, вертикальных или косых. Линейный узор дополнялся рядами наколов, ямок-вмятин. На керамике Замиль-Кобы 2 ряды ямок-вмятин выступают как самостоятельная составная узора.

Кремневый инвентарь второго этапа горнокрымской культуры продолжает традиции стоянок типа Ат-Баш, раннекерамических слоев Таш-Аира I, Замиль-Кобы 2 и др. Преобладают те же типы конических, призматических и плоских нуклеусов, пластинчатая техника, скребки концевые на пластинах. Типы резцов те же, но процент их в комплексах неодинаков. В слое Va Таш-Аира их даже больше, чем в слое VI этой стоянки, но в Кая-Арасы они совсем отсутствуют. Среди геометрических микролитов возрастает число трапеций и сегментов с пологой ретушью. Увеличивается процент трапеций со струганой спинкой. В Улу-Узене встречено несколько вкладышей кукрекского типа.

Памятники Керченского п-ова и степной части Крыма изучены хуже, чем в горных районах полуострова. По данным Л.Г. Мацкевого (1977. С. 20), на Керченском п-ове известно 34 пункта с находками микролитических изделий. Из них к неолиту он отнес Фронтное (слои I, II), верхние слои Тасунова, Лугового I, второй слой стоянки у Ленинского. В степной части Крыма по обследованию Ю.Г. Колосова и А.А. Щепинского известны стоянки Алексеевская засуха, Долинка, Мартыновка. Около с. Долинка А.А. Щепинский раскопал в 1965 г. первый в Крыму могильник мариупольского типа (около 50 скелетов). Основная масса захоронений совершена в вытянутом положении на спине. Погребения окрашены красной охрой. При скелетах лежали трапеции, подвески из зубов оленя, зубы вырезуха и т.д.

При выделении стоянок неолитического времени в степном Крыму археологи исходили из наличия трапеции со струганой спинкой. Ю.Г. Колосов в число неолитических признаков включал и вкладыши кукрекского типа. По этому признаку он, например, считал неолитической стоянку Фронтное 3, где ни трапеций со струганой спинкой, ни поздних форм сегментов нет. Л.Г. Мацкевой эту стоянку относит к мезолиту.

Ранняя керамика на местонахождениях Керченского п-ова и степного Крыма встречена всего в нескольких случаях. Наибольшее количество фрагментов (около 400) собрано Л.Г. Мацкевым в слое I Фронтного.

Л.Г. Мацкевой разделил ее на две группы. Первая – пористые черепки без орнамента, венчик сосудов прямой без утолщения, срез округленный. Вторая группа имеет примесь травы или песка, венчик отогнут наружу, профилирован с утолщением с внешней стороны. Орнаментирована эта керамика оттисками мелкогребенчатого штампа. Керамические находки из иных местонахождений степного Крыма и Керченского п-ова типологически могут быть включены в ту или другую из этих групп. Так, керамика из Ленинского относится к первой керамической группе Фронтowego, а фрагмент из Долинки – ко второй.

Керамика первой группы Фронтowego и из стоянки Ленинское находит аналогии в энеолите горного Крыма (Кая-Арасы, верхний слой) и Северного Кавказа (Мешоко) и может быть отнесена к медному веку. Датировка и культурная принадлежность сосудов второй группы из Фронтowego и Долинки определяются сходством с посудой Надпорожья и Приазовья, которая относится к заключительным этапам надпорожской культуры днепродонецкой общности (см. ниже).

Таким образом, своеобразие неолита горной части Крыма позволяет выделить отдельную горнокрымскую культуру, а степные памятники полностью должны быть включены в круг культур с гребенчато-накольчатой керамикой.

По типу керамики и некоторым изделиям из рога оленя памятники горнокрымской культуры находят аналогии в стоянках сурской культуры.

В степном Крыму и на Керченском п-ове неолитическая культура развивалась, видимо, в тесном взаимодей-

ствии с неолитом нижнего Поднепровья и Приазовья, о чем говорит распространение здесь гребенчато-накольчатой керамики, а также появление могильников мариупольского типа (Долинка).

Аналогии между крымским неолитом и памятниками степной Украины позволяют сделать некоторые заключения о хронологии неолита Крыма. Сходство керамики сурской культуры и горнокрымской может говорить об их хронологической близости и позволяет датировать последнюю V – началом IV тыс. до н.э.

Поздний неолит степного Крыма и Керченского п-ова (верхний слой Фронтowego I, могильник у с. Долинка) по аналогии с материалами Надпорожья датируется первой половиной IV тыс. до н.э. В целом время существования неолитических памятников Крыма определяется V – первой половиной IV тыс. до н.э.

После раскопок Таш-Айра I и Замиль-Кобы 2 Д.А. Крайнов (1960) писал о раннем возникновении производящего хозяйства в Крыму. Действительно, в мезолите у обитателей крымских пещер уже была домашняя собака и начиналось приручение кабана. В неолите появился домашний бык и, что менее вероятно, – коза и овца. Все же число костей домашних животных в Таш-Айре I, Замиль-Кобе 2 и Кая-Арасы невелико. Преобладают кости диких животных – благородного оленя, косули, дикого кабана.

Таким образом, в неолите в Крыму кроме охоты получило развитие и скотоводство. Высказывалось предположение, что стоянки Яйлы оставлены пастухами, выгонявшими туда стада. О развитии земледелия, кроме косвенных данных (мотыга из Замиль-Кобы 2), свидетельств нет.

Днепро-днецкая культурная общность

В северной полосе Украины, тяготеющей к лесостепным районам, известны поселения и могильники с гребенчато-накольчатой керамикой, которые теперь рассматриваются как культуры и типы памятников днепродонецкой этнокультурной общности (карта 3).

Памятники этой общности распространены в Поднепровье, на Левобережье и в Полесье Украины, в южной Белоруссии. В пределах Украины и Белоруссии насчитывается более 150 поселений и около 20 могильников (Телегин, 1968. С. 9). Поселения небольшие, размещаются вдоль древних русел, на низких участках надпоймы или озер-стариц. Жилые и хозяйственные сооружения были наземными и потому исчезли совершенно. Лишь в отдельных случаях на поселениях прослежены неглубокие западины, очевидно, отвечающие древним жилищам. Такое углубление с остатками кострища в центре исследовано на поселении Вита Литовская под Киевом.

Племена днепро-днецкой общности были преимущественно рыболовами и охотниками, но разводили домашних животных. Кости домашнего быка встречены уже в ранне-неолитических горизонтах стоянки Игреньская 8, кости быка и свиньи есть на поселении Бузьки на Черкащине. В позднем неолите Надпорожья (Собачки, Средний Стог I) кости домашних животных составляют до 80% от общего

числа. На поселении Вита Литовская обнаружены фрагменты остродонного горшка с отпечатками культурного ячменя, что свидетельствует о примитивном земледелии. Фрагменты посуды с отпечатками культурных злаков (пшеницы-одно- и двузернянки) обнаружены и на Воляни.

Орудия труда, оружие и украшения изготовлялись из кремня, камня, рога и кости. Лишь на поздних этапах развития культуры в Надпорожье и Приазовье встречены отдельные украшения из меди. Найдена также одна подвеска из тонкой золотой пластины (Никольский могильник).

Кремневые орудия включают изделия с двусторонней обработкой (топоры, наконечники стрел и копий) и микролитические формы, а также скребки, ножи, проколки и т.д. (рис. 10).

Кремневые топоры, наиболее распространенные на Северском Донце и Воляни, по технике изготовления и способам моделирования лезвия делятся на три типа: транше, топор-резак и клиновидный топор; клиновидные нередко шлифовались. Микролитические формы в комплексах многочисленны и разнообразны. Это трапеции, симметричные и асимметричные, трапеции со струганой спинкой, пластины со скошенным концом, пластины-вкладыши с затупленным крутой ретушью краем. Скребок-

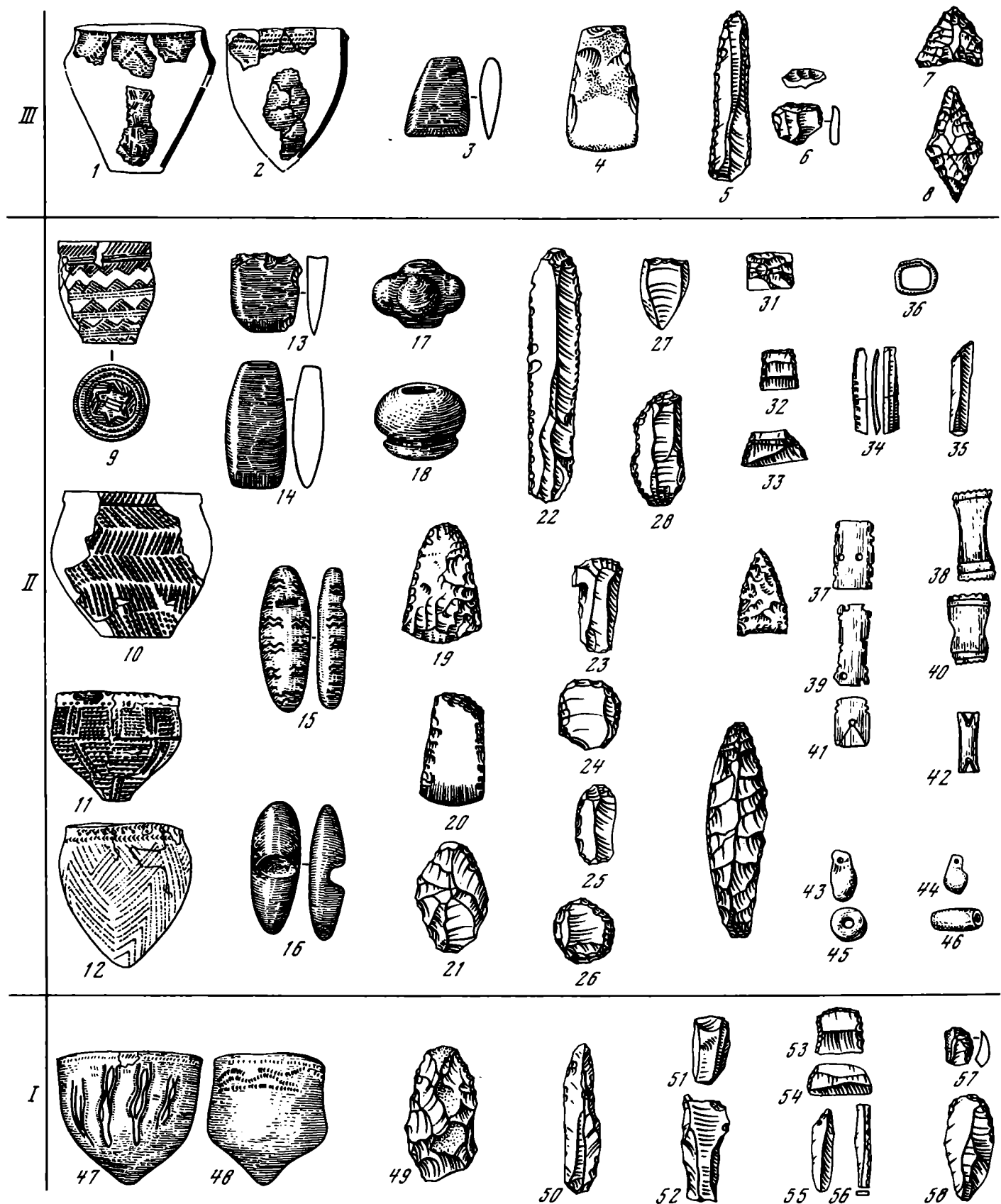

Рис. 10. Материалы культур днепро-донецкой этнокультурной общности (сводная таблица). I–III – периоды

1–3, 5, 6 – Пустынка 5; 4 – Никольская Слободка; 7 – Лучин-Сосонка; 8 – Веть VI; 9, 10, 18, 23, 24, 36–39 – Никольский могильник; 11, 12, 31–33 – Бузьки; 13 – Богатырь; 14 – Сорокошичи; 15 – Полтавка; 16, 44 – Вовниги; 17, 20, 22, 34, 42 – Мариупольский могильник; 19 – Студе-

ное; 21 – Петровское; 25, 29 – Колчиг; 26, 35 – Собачки; 27, 28 – Устье Оскола I; 30, 48 – Грини; 40, 41, 43, 46 – Деревка I; 45 – Лысая Гора; 47 – Заваловка; 48–54, 57, 58 – Бондариха 2; 55, 56 – Устье Оскола 2

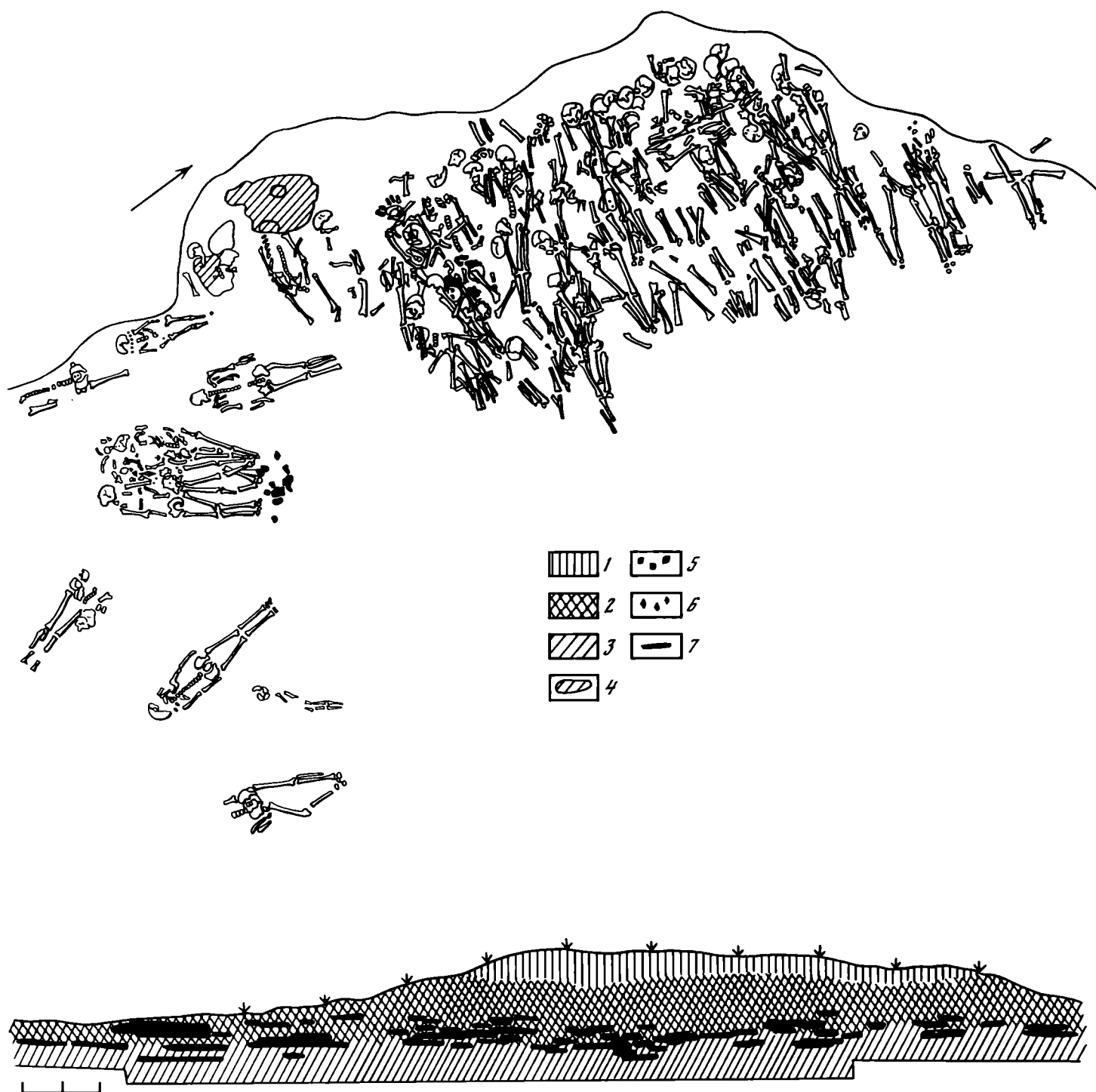

Рис. 11. Деревский первый неолитический могильник (западная часть)

1 – выкід из окопов; 2 – чернозем; 3 – суглинок; 4 – пятна суглинка; 5 – керамика; 6 – наконечник копья, кремь; 7 – уровень залегания скелетов

ки среди изделий составляют наибольший процент. Наконечники стрел и копий – треугольные с прямым, вогнутым или выпуклым основанием.

Из камня изготавливали тесла, диски и так называемые челноки или утюжки. Поверхность тесел и челноков хорошо отшлифована. Тесла встречаются главным образом в Надпорожье. Они имеют подпрямоугольную форму и овальное сечение, лезвие асимметрично скошено. Каменные диски изготавливали из плоских, округлых или овальных плиток диаметром 12–20 см.

Вероятно, они использовались при землекопных работах. Челноки делали обычно из талькового сланца. Они Вероятно, они использовались при землекопных работах. Челноки делали обычно из талькового сланца. Они овальные, с полуовальным сечением, длиной от 5 до 20 см, с поперечным желобком, часто орнаментированы. Назначение изделий не известно.

Орудия труда из кости и рога использовались редко. Среди них острия копий и гарпунов, игла с ушком, тесла и шилья.

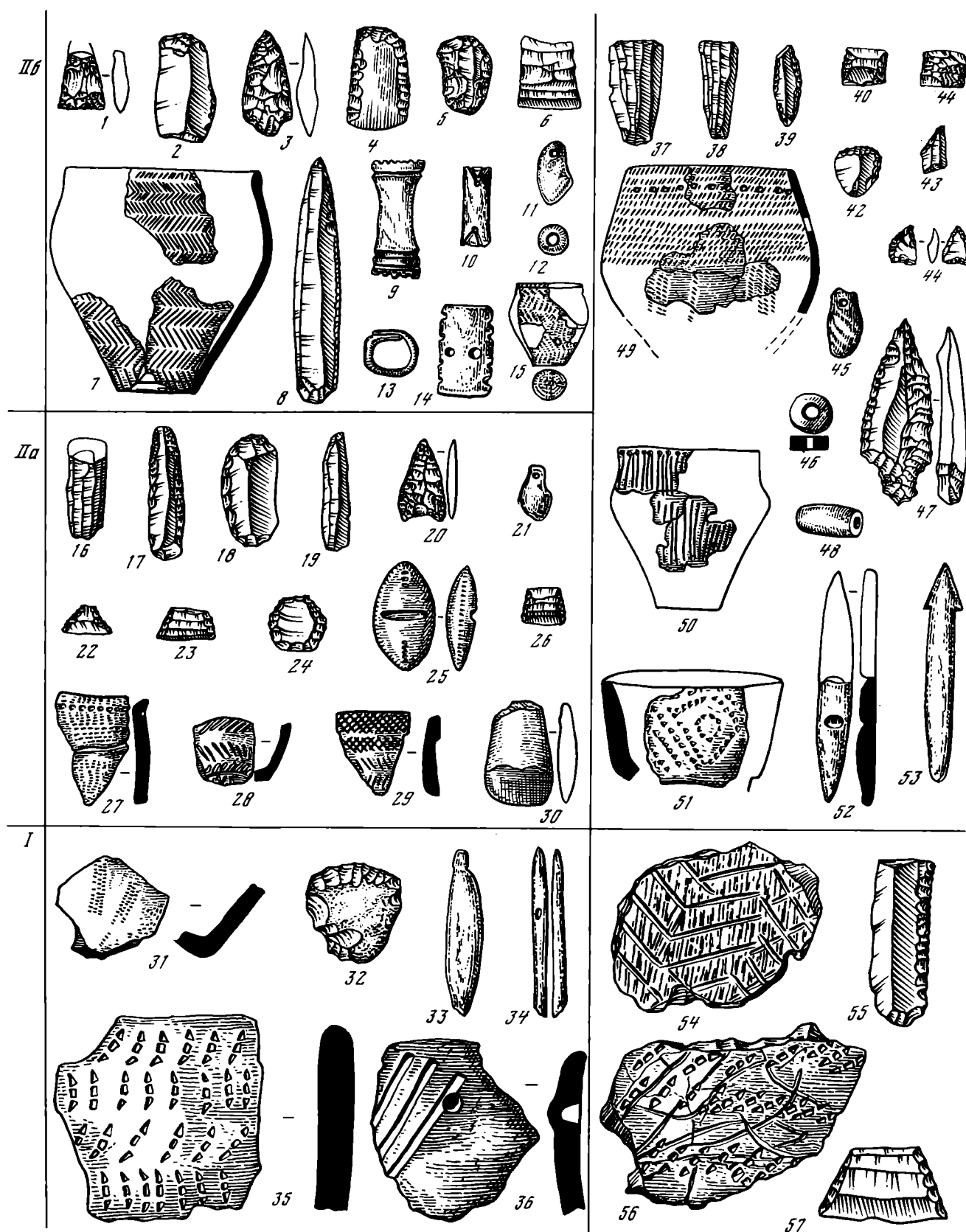

Рис. 12. Надпорожская (1–36) и киево-черкасская культуры (37–57)

I–IIa, б – периоды. 1, 3, 5, 7, 8, 11–15 – Никольский могильник; 2, 4, 6, 10 – Мариупольский могильник; 16–19, 22–24, 29, 30 – Малый Дубовый; 21, 25, 28 – Вовниги; 27 – Гадюча; 31 – Лоханский; 32–33, 35, 36 – Игрень;

34 – Шевская коса; 37–44, 50, 52 – Бузьки; 45–48, 53 – Деревка; 49 – Гри ни; 51 – Вита Литовская; 54, 55, 57 – Веремеевка; 56 – Недогарки

Керамика представлена толстостенными горшками. Лишь на некоторых поселениях Волыни и Киевщины встречаются небольшие мисочки. В глиняном тесте растительная примесь, на ранних этапах развития культуры – значительная. Реже для примеси использовали песок и дресву.

На Северском Донце, в Полесье Украины и Белоруссии горшки имели острое дно, на поздних этапах появляются плоскодонные формы. На Среднем Днепре одновременно бытовали остродонные и плоскодонные сосуды, в Надпорожье последние преобладали (рис. 10). Орнамент покрывает всю поверхность сосудов и состоит из отпечатков гребенки, отступающих наколов и прочерченных линий. Обязательный элемент узора – один или два ряда конических ямок под венчиком. Иные элементы орнамента (“лапки”, кольца) встречаются реже. На керамике некоторых позднейших поселений Киевщины и Южной Белоруссии есть оттиски шнура, “жемчужины”, валик под венчиком. Плоские доньшки часто орнаментированы.

Как уже говорилось, на Украине известно около 20 неолитических могильников мариупольского типа. Они синхронны с днепро-донецкими поселениями, содержат идентичную керамику*. Первый могильник этого типа раскопан еще в 1930 г. Н.Е. Макаренко (1933) на площади завода Азовсталь в г. Мариуполе, остальные исследованы в послевоенные годы. Большинство могильников – Васильевский II, Вильнянский, Вовнигские, Никольский, Лысогорский, Марьевский и др. – расположены в пределах Днепровского Надпорожья. Часть находится за пределами этого района (Дереивка, Осиповка, Александрия, Госпитальный холм).

Некрополи мариупольского типа включают обычно несколько десятков погребений, иногда их более 100 (Дереивка, Вовниги 2, Мариуполь). Всего исследовано более 800 могил.

Все могильники характеризуются рядом устойчивых признаков. Обряд погребения – вытянутое на спине трупоположение, скелеты обильно засыпаны красной охрой (рис. 11). Керамики при погребенных нет, другие вещи и украшения встречаются довольно часто. Характерна ориентировка погребенных по антитезе. Так, в Мариупольском могильнике часть скелетов обращена головой на запад, а часть – на восток. Коллективные усыпальницы представляют собой длинную “траншею” (Мариупольский) или большие подпрямоугольные ямы (Никольский, Вовнигский и др. могильники), в которых лежали десятки скелетов. В некоторых ямах находились преимущественно черепа (Никольский, Лысогорский могильники), что, возможно, свидетельствует о культе черепов. Отмечено и использование при погребении огня. О тризнах на площади могильника свидетельствуют кости животных и иные бытовые остатки, например фрагменты керамики. В более древних могильниках встречаются

лишь примитивные украшения из зубов оленя или рыбы. Затем возникает обычай сопровождать покойников инвентарем (Мариупольский, Никольский). На Никольском и Лысогорском могильниках найдено много разбитой посуды. Из орудий труда в могильниках встречаются клиновидные топоры, ножи на широких пластинах. В двух некрополях – Мариупольском и Никольском – найдены булавы, полированные, с отверстиями для рукояти. Эти изделия проникли в Северное Причерноморье из Закавказья или Передней Азии. Больше всего при погребениях украшений (рис. 10, 36–46). Среди них пластины из клыков кабана, пронизки из стенок ракушки-перловицы, кости, камня (сланца, гешира, сердолика и др.), шаровидные бусы с V-образным сверлением, подвески из зубов оленя и рыб (вырезуба, карпа и т.д.). Интересны каменная подвеска из Мариупольского и костяные браслеты из Васильевского II могильников.

По определению антропологов, погребенные принадлежат к типу поздних кроманьонцев. Это были высокорослые широколицые люди с долихокранной формой черепа (Дебец, 1966).

Относительная хронология днепро-донецкого неолита определена на основании типологического анализа находок и стратиграфии поселений. Два этапа в развитии неолита в долине Северского Донца устанавливаются по наличию двух слоев на стоянке Устье Оскола 2. А.В. Добровольский (1949), анализируя стратиграфию стоянки Игрень 8, выделял в развитом неолите Надпорожья два этапа – собачковский или вовнигский и этап Среднего Стога I. В.Н. Даниленко (1956) разделял памятники Киевского Поднепровья на две группы – раннюю и позднюю. Разновременность памятников днепро-донецкого неолита устанавливается и на основании их синхронизации (главным образом, по керамическим импортам) с иными культурами, в частности с трипольской.

Д.Я. Телегин считает, что культуры днепро-донецкой общности прошли в своем развитии три периода – ранний (I), средний (II) и поздний (III; рис. 10). В Надпорожье, где памятники изучены наиболее полно, средний (II) период удается подразделить на два этапа – ранний (IIa) и поздний (IIb). Более детальная (из семи фаз) периодизация, предложенная В.Н. Даниленко (1969; рис. 5), не имеет стратиграфического обоснования.

В раннем периоде днепро-донецкие памятники образуют еще довольно однородную культурную группу, в среднем и позднем – распадаются на ряд локальных культур и типов памятников.

Памятники раннего (I) периода представлены небольшим числом поселений в долинах Днепра и Северского Донца. Обнаружены они в Киевском Приднепровье и низовье Припяти (Заваловка, Закота, Никольская Слободка), на среднем Днепре в Черкасской и Полтавской обл. (Веремеевка, Бильки), в северных районах Надпорожья (Игрень 8, нижний слой) и на Донце (Бондариха 2, Устье Оскола 2, нижний горизонт). Многие из стоянок раскопаны. Наиболее выразительные и “чистые” комплексы дали Игрень 8 (слой Д₁), Бондариха 2, Заваловка (рис. 12).

Для первого (I) периода свойственна примитивная, плохо обожженная керамика с примесью травы. Горшки слабо профилированы, имеют прямые венчики и острое дно. Орнамент состоит из рядов гребенчатых оттисков и

* По вопросу принадлежности могильников мариупольского типа и находящихся вблизи них поселений с гребенчато-накольчатой керамикой (Собачки, Вовнигские стоянки и др.) одному и тому же населению в нашей специальной литературе бытует иногда сущее недоразумение, возникшее, главным образом, после появления рецензии А.А. Формозова (1970) на монографию Д.Я. Телегина (1968). Все исследователи, изучавшие фактический материал могильников и поселений (А.В. Добровольский, М.Я. Рудинский, А.Д. Столяр, Д.Я. Телегин), никогда не отрицали такой связи.

прочерченных линий. Кремневые изделия состоят из микролитических форм (трапеции, косые острия, вкладыши с затупленным краем) и макролитических изделий (топоры-транше и резак). Широко использовались скребки, ножи, резцы.

В среднем (II) периоде днепро-днепровского неолита распространяются характерные клиновидные топоры из кремня с пришлифованным лезвием, наконечники копий и стрел с двусторонней ретушью. Количество микролитических форм сокращается.

Основным типом посуды остается остродонный горшок, но появляется и плоскодонный, усложняется его профилировка. В глиняное тесто кроме травы добавляются песок и дресва. Орнамент выполнен оттисками гребенки, прочерченными линиями и наколами в отступающей "скорописной" манере – отсюда название гребенчато-накольчатый. Большинство поселений относится к среднему периоду.

В позднем (III) периоде на разных территориях возникают обособленные группы памятников – тип Пустынки в Киевском Приднепровье, тип Засухи в левобережной лесостепи Украины и на Среднем Доне и т.д. Керамика этих поселений имеет поздненеолитический или энеолитический вид. Плоские днища встречаются все чаще, появляется узор, выполненный перевитой палочкой, валиком под венчиком, "жемчужинами" и т.д. На сосудах из Пустынки встречаются вертикальные расчески по шейке – мотив, известный по трипольской кухонной керамике. Микролитические традиции в кремневом инвентаре исчезают, продолжают бытовать шлифованные каменные и кремневые топоры, ножи на крупных пластинах, наконечники стрел и копий прежних типов.

Локальные культуры и типы памятников днепро-днепровской этнокультурной общности

Уже в начале среднего периода происходит значительное расселение днепро-днепровских племен. Поселения этого времени обнаружены на Верхнем Днепре и Соже. Вытеснив или ассимилировав носителей сурской культуры, днепро-днепровские племена освоили все Надпорожье и проникали далеко на юг. При таком распространении культуры ее носители встречались с племенами иного происхождения, что сказалось на облике материальной культуры. Новые черты были настолько значительны, что можно говорить о сложении отдельных культур и типов памятников днепро-днепровской этнокультурной общности. Д.Я. Телегин (1968. С. 56–106) выделял пять таких групп: надпорожскую, черкасскую, киево-волынскую, донецкую, рогачевскую. В.Ф. Исаенко (1976) дополняет этот список восточнополесским вариантом, а В.П. Левенок и В.П. Третьяков предлагали включить в днепро-днепровскую общность памятники верхнего Подонья. На севере Украины, кроме того, выделяются памятники типа Струмель-Гастятин, отношение которых к днепро-днепровскому неолиту пока не совсем ясно (Телегин, 1966; 1973).

О таксономии выделенных групп единого мнения нет. В.Н. Даниленко (1969), например, считал поселения и могильники Надпорожья отдельной азово-днепровской

культурой, а к собственно днепро-днепровской культуре относил все памятники с гребенчато-накольчатой керамикой среднего и верхнего Поднепровья. В.П. Третьяков (1975), наоборот, все памятники с такой керамикой, расположенные южнее Киева, в том числе и в Надпорожье, считал днепро-днепровскими, а Верхнее Поднепровье выделял в верхнеднепровскую культуру*. Примерно такой же точки зрения придерживается и И.М. Тюрина (1973). В последнее время Е.Н. Титова (1985) предложила объединить памятники черкасского и киевского вариантов в единую культуру и поддержала идею Д.Я. Телегина о выделении отдельных культур днепро-днепровской этнокультурной общности.

Таким образом, памятники днепро-днепровского неолита с гребенчато-накольчатой керамикой на втором и третьем этапе развития выступают перед нами как довольно сложное этнокультурное явление, включающее ряд культур – надпорожскую, киево-черкасскую, волынскую, восточнополесскую, рогачевскую и донецкую, а также (на позднем этапе) два типа памятников – Пустынка и Засуха.

Надпорожская культура охватывает степное Приднепровье, часть северного Приазовья и север Крыма. Здесь раскопано более десяти поселений, а также ряд больших могильников. Выделено два периода развития культуры – ранний и поздний, последний содержит этапы – Па и Пв.

Ранний период представлен стоянкой Игрень 8 (слой Д1), находками на Лоханском острове, нижним слоем Вовчка (рис. 12, 31–36).

К этапу Па относятся могильники с погребениями в овальных ямах-гнездах, без погребального инвентаря (Вовнигский 2, Васильевский II, Марьевский, Вильнянский – ранняя группа и др.) и поселения, где преобладает керамика с простым венчиком, орнаментированная гребенчатым штампом (Вовниги, Собачки и др.).

Памятники этапа Па включают могильники с погребениями прямоугольной формы, засыпанные красной охрой и содержащие инвентарь (Никольский, Лысогорский, Мариупольский, Вильнянский – поздняя группа) и поселения типа Среднего Стога I, где керамика имеет воротничковые утолщения венчика и украшена кольчатой орнаментацией (рис. 12, 1–15).

Развитие неолита во втором периоде в Надпорожье и Приазовье проходило под влиянием культур Дона и Кавказа, о чем говорят привозные вещи – украшения и предметы вооружения. Среди них украшения из гешира и сердолика, подвески и бусы из меди, каменные булавы. Развитие этой культуры, которую можно относить уже к началу медного века, было внезапно прервано появлением в Приазовье и на Днепре племен среднестоговской культуры.

Для Киево-черкасской культуры среднего течения Днепра (рис. 12, 37–65) свойственно некоторое отставание в развитии по сравнению с Надпорожьем. Здесь не замечается резкого изменения при переходе от I ко II периоду, некоторые поселения (Бузьки, Мутьки, Пищики,

*По мнению большинства исследователей, верхнеднепровская культура не относится к днепро-днепровской общности, а принадлежит к кругу культур лесного неолита, где она и рассматривается (см. ч. II).

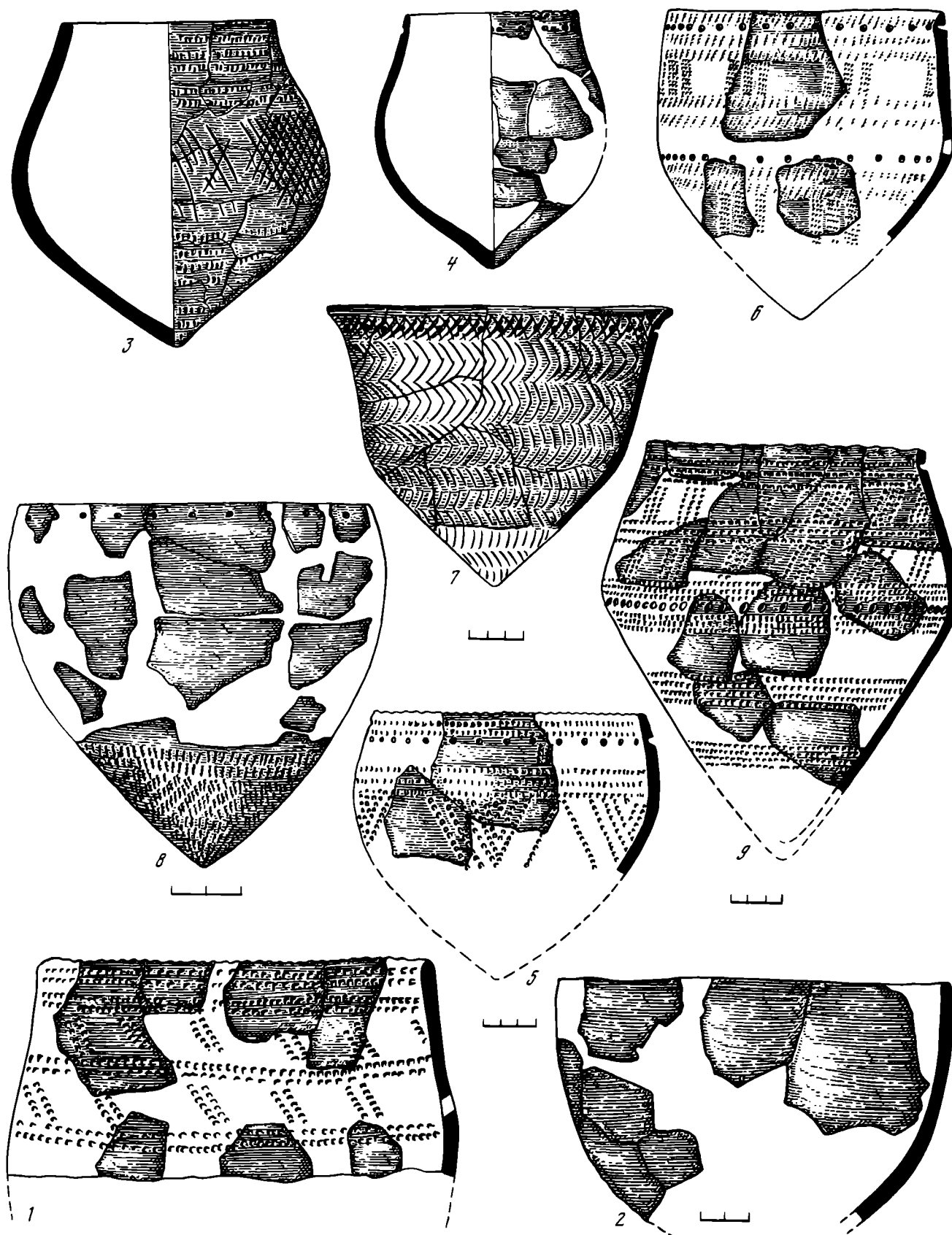

Рис. 13. Волынская (1–4) и восточнополесская (21–33) культуры

1, 2 – Устье Гнилопяти; 3, 4 – Моства; 5 – Лычижевичи; 6, 7, 9 – Юре-
вичи; 8 – Закота

Вита Литовская) включают находки обоих периодов. В Черкасском Поднепровье до конца неолита существовали остро- и плоскодонные формы, соотношение сосудов с гребенчатым и накольчатым орнаментом оставалось примерно одинаковым и на протяжении II периода.

Орудия труда из кремня в основном микролитические, двусторонние, обработанные представлены только наконечниками стрел, имели заметное распространение костяные тесла. Кроме поселений на Среднем Днепре у о. Деривки южнее Кременчуга раскопан большой неолитический могильник, включавший более 150 могил (рис. 11). По обряду погребения и находкам он находит прямые аналогии в некрополях Надпорожья и Приазовья.

Именно с населением киево-черкасской культуры в конце раннего и в начале II периода развития установили контакты племена буго-днестровской культуры, куда проникали в это время сильные днепро-донецкие влияния, о чем говорит распространение в Побужье керамики с травой и гребенчатой орнаментацией. В Поднепровье, в свою очередь, довольно широко распространились прочерченные узоры на керамике и появились бугские мотивы орнамента (Заваловка). Видимо, от племен буго-днестровской культуры в Поднепровье и на Волынь проникли и первые культурные злаки.

На позднем этапе развития днепро-донецкого неолита в Киевском Поднепровье возникает группа памятников типа Пустынки, о которых можно судить по поселению Пустынка (п. 5) в Репкинском р-не Черниговской обл. Горшки этого поселения остро- и плоскодонные, в тесте песок и растительные остатки, орнамент – гребенчатый, реже ямчатый, иногда – оттиск шнура (рис. 10, 1, 2), валики и жемчужины. Особую группу составляют горшки с вертикальными расчесами – мотив, навеянный орнаментикой трипольской керамики. Найдены и трипольские керамические импорты (Телегин, 1968. С. 111). Орудия труда из кремня – ножи, наконечники дротиков из больших пластин или отщепов. В слое найден каменный шлифованный топор (рис. 10, 3, 5, 6).

Волынская культура включает поселения из бассейнов рек Волыни – Моства, хут. Тетеревский, Великий Мидск, Оболонь и др. Здесь рано появляются две формы сосудов – горшок и глубокая миска (рис. 13, 1–4). В тесте керамики дресва и мелкая растительная примесь. Орнамент гребенчатый, прочерченный и в виде “отступающих” лунок или наколов. Орнаментированных сосудов значительно меньше, чем на среднем Днепре. В наборах орудий – клиновидные топоры, топоры-транше, трапеции высоких форм, наконечники стрел на пластинах. Заметную роль играют угловые боковые резцы на пластинах. И.Ф. Левицким раскопано типичное поселение Моства в Житомирской обл., где вскрыта площадь около 1400 кв.м. Вокруг кострищ здесь были сосредоточены остатки четырех–пяти горшков и несколько десятков кремневых орудий, в том числе четыре клиновидных топора, скребки, ножи, две трапеции и одно черешковое острие на пластине.

Восточно-полесская культура охватывает среднее и нижнее течение Припяти, где В.Ф. Исаенко (1976) исследовано несколько десятков поселений – Закота, Юревичи III–V, Пхов, Лачижевичи, Литвин и др. Для этой культуры характерны горшки открытой формы с острым

дном, почти конические, с прямыми стенками и венчиком (рис. 13, 5–9). В глиняном тесте трава или крупный песок. Сосуды богато орнаментированы в верхней половине. Вначале орнамент выполнялся мелкозубой гребенкой, на поздних этапах культуры применялись отступающие наколы различных очертаний. Мотивы орнамента основаны на горизонтальной зональности, реже встречаются зигзаг, “елочка”, вертикальные полосы и др. Под венчиком часто наносился ряд округлых ямок.

Креновый материал имеет макролитический облик, важную роль играют обработанные с двух сторон топоры, наконечники стрел и др. Много скребков на отщепах, резцов, ножей на пластинах. Встречаются крупные трапеции.

В.Ф. Исаенко (1978) выделяет в развитии культуры четыре этапа и датирует ее в пределах 500–1800/1700 гг. до н.э. Памятники восточнополесской культуры, таким образом, бытовали и тогда, когда иные культуры днепро-донецкой общности на более южных территориях уже прекратили свое существование.

Памятники донецкой культуры известны в среднем течении Северского Донца, а также на Полтавщине. Здесь исследованы поселения раннего (I), среднего (II) и позднего (III) периодов этой культуры. Раскопаны, кроме того, три неолитических могильника – два на р. Орели (Госпитальный холм и Осиповка) и один на р. Осколе у хут. Александрия.

Своеобразие памятников донецкой культуры обусловлено значительными запасами кремневого сырья. Население широко использовало орудия для обработки дерева, в частности топоры-резак, клиновидные топоры, клинья и т.д. Скребки и ножи здесь тоже больших размеров. Как и на Волыни, долго бытовали резцы, в Поднепровье исчезнувшие уже в раннем неолите. В первом периоде (Бондариха 2, Устье Оскола 2, нижний горизонт) в глиняном тесте содержится примесь растительности, позже – примесь песка. Сосуды преимущественно остро-донные, хотя в среднем периоде (Устье Оскола 1, Изюм 4, Вережкино и др.) появляются плоскодонные горшки. Ранняя керамика украшена мелкозубой гребенкой и прочерченными линиями. Затем распространяется накольчатый узор, а иногда ямочный, что указывает на влияние культур ямочно-гребенчатой керамики.

На III этапе в материальной культуре происходят значительные изменения. Здесь складывается особый тип памятников, получивший название “тип Засухи”. Керамика этого типа толстостенная с растительной примесью в тесте. Горшки широкогорлые с острым, реже уплощенным дном (рис. 14), венчик иногда гофрирован, под срезом глубокие цилиндрические ямки или “жемчужины”. Узор покрывает всю поверхность сосуда, хотя бывает разреженным в нижней части. Среди орнаментальных элементов преобладают оттиски гребенчатого штампа (около 30%), прочерченные линии (15%), встречаются наколы, нанесенные в “скорописной” манере.

Кремневый инвентарь, который можно связать с описанной керамикой Засухи, немногочислен. Найдено семь ножей из крупных пластин, скребки, наконечники стрел и трапеция со струганой спинкой. Представлена роговая мотыга с отверстием для рукоятки.

Время существования поселений типа Засухи опреде-

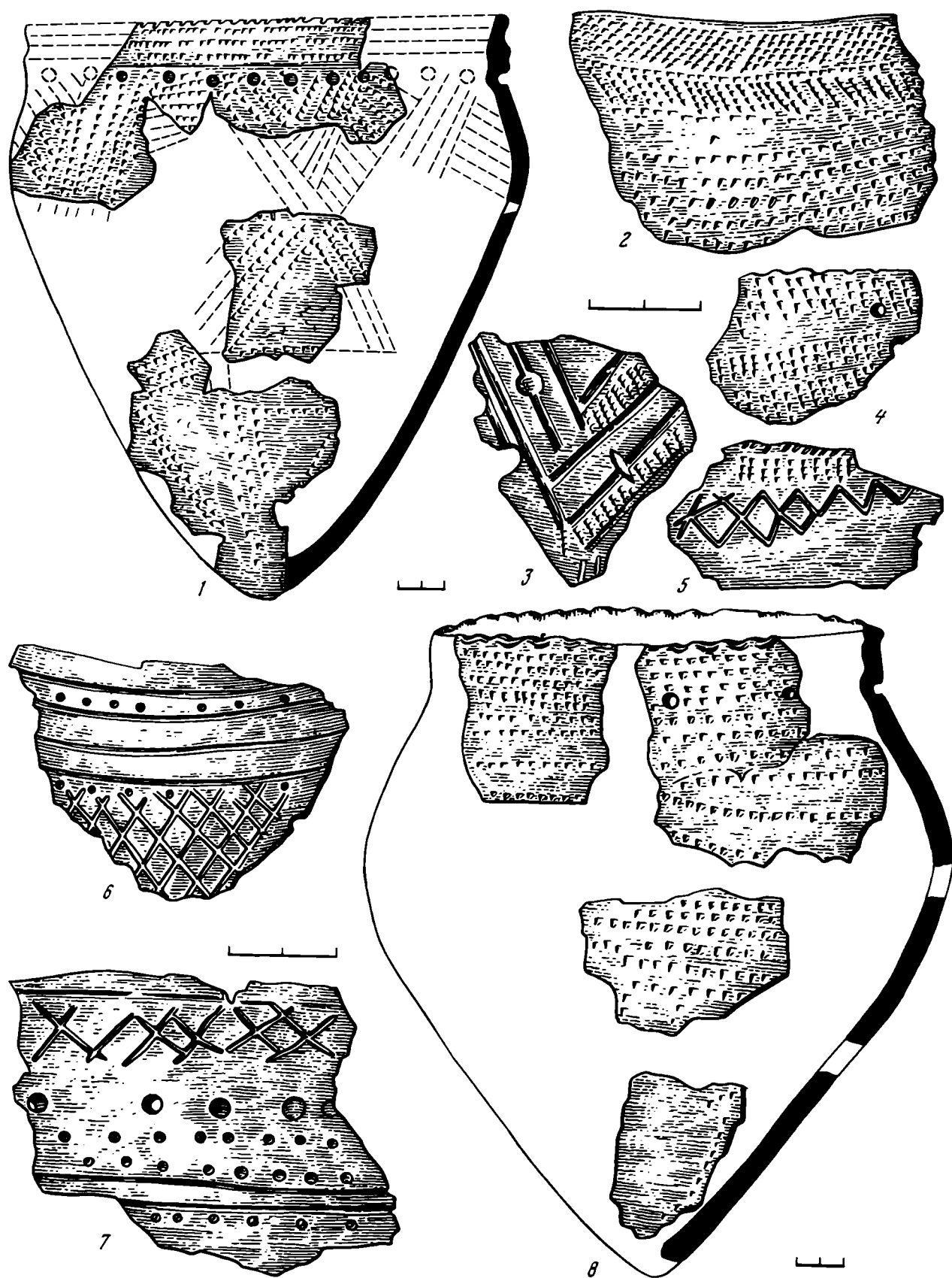

Рис. 14. Поздненеолитическая керамика типа Засухи

1, 6-8 – Засуха; 2-5 – Изюм 5

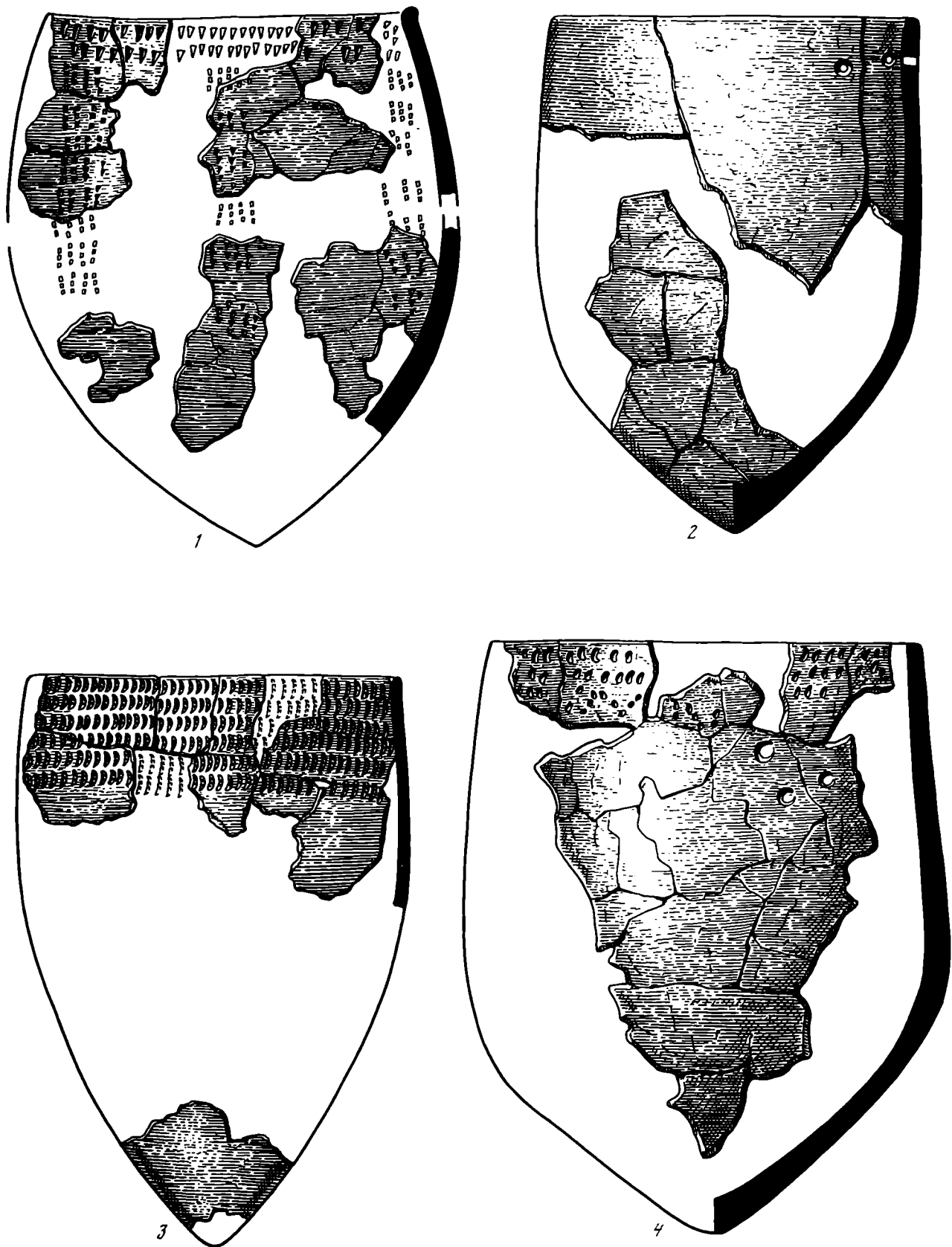

Рис. 15. Керамика типа Струмель и Гастятин

1 – Каменка; 2 – Струмель; 3 – Грини; 4 – Гастятин

ляется залеганием керамики этого типа в среднестоговском слое Александрии, датированном второй половиной IV тысячелетия до н.э. Синхронизация III периода днепро-донецкого неолита левобережья Украины с памятниками I (дошнурового) периода среднестоговской культуры подтверждается находками в слое Засухи нескольких черепков среднестоговской керамики класса "А".

Упомянутые выше могильники донецкой культуры – Госпитальный холм, Осиповка и коллективная могила из Александрии (раскопки И.Ф. Ковалевой, Д.Я. Телегина) – относятся ко второму и третьему периодам. По обряду погребения – вытянутому на спине положению погребенных – они находят ближайшую аналогию в некрополях мариупольского типа надпорожской и киево-черкасской культур днепро-донецкой общности. Здесь тот же, что и в Поднепровье, антропологический тип населения.

Абсолютный возраст днепро-донецких стоянок и могильников мариупольского типа устанавливается, прежде всего, на основании синхронизации с трипольской культурой. Так, в Никольском могильнике найден трипольский сосуд, датируемый этапами А – началом В₁ Триполья. Находки импортной трипольской керамики в Пустынке 5 и заметные влияния трипольской керамической технологии позволяют синхронизировать третий период днепро-донецкой культуры Киевщины с этапом С₁ Триполья. Возраст трипольских поселений этапов В₁–С₁ определяется радиокарбоновыми датами от середины IV до середины III тыс. до н.э., что, видимо, соответствует II и III периодам днепро-донецкого неолита. Имеются две даты по С-14 для Осиповского могильника: 6075 ± 124 (Ки-517) и 5940 ± 420 (Ки-519).

Если начало II периода днепро-донецкой общности относить к первой половине IV тыс. до н.э., то ранний ее этап, видимо, должен быть углублен до V тыс. По некоторым линиям синхронизации ранних днепро-донецких стоянок и буго-днестровской культуры I период днепро-донецкой общности Д.Я. Телегин относит ко второй половине V тыс. до н.э. Культуры днепро-донецкой общности существовали неодновременно. Например, рогачевская появилась позже других, некоторые (надпорожская) прекратили свое существование еще в середине IV тыс. до н.э.

* * *

Рассмотрение неолитических памятников Поднепровья закончим краткой характеристикой материалов струмельско-гастятинского типа, которые представляют отдельное культурное явление (Телегин, 1973). Памятники эти находятся на Днепре севернее Киева, занимают высокие участки надпоймы (Струмель, Гастятин, Шмаевка и др.). Находок всюду мало – развал одного-двух сосудов и немного кремневых изделий.

Керамика толстостенная, изготовлена из комковатой глины с примесью шамота и растительных остатков, поверхность покрыта мелкими гребенчатыми расчесами. Сосуды высокие, с цилиндрическими стенками, остродонные, венчик простой. Орнамент только в верхней части сосуда. Узор состоит из рядов, выполненных наколами или оттисками гребенки, иногда включает вертикальные ряды (рис. 15). Кремневый инвентарь представлен скребками на отщепе, ножами на пластинах и пластинами с затупленной спинкой.

Абсолютный возраст струмельско-гастятинской керамики, видимо, довольно ранний, на что указывают ее

Неолит северо-восточного Приазовья и Подонья (ракушечная и среднедонская культуры)

Неолитические памятники северо-восточного Приазовья, т.е. низовьев Дона, впадающих в него Северского Донца и Маныча и нижнего течения Миуса, своеобразны и неоднородны. Здесь выделяются группа стоянок типа Матвеева кургана, на нижнем Дону ракушечная, или нижнедонская культура, а в лесостепном Подонье – среднедонская.

Памятники типа Матвеева Кургана (1, 2) известны лишь в нижнем течении Миуса. По данным Л.Я. Крижевской (1972, 1973), которая провела здесь раскопки на широких площадях, это постоянные поселения, где представлены остатки кострищ, хозяйственных ям, глинобитных сооружений в виде обожженных площадок. С этими бытовыми остатками связаны находки каменного инвентаря. На стоянке Матвеев Кургана 2 только за два года раскопок (1968–1969) собрано около 3300 предметов. Среди них 85% изделий из кремня, остальные из сланца, кости и других материалов.

Техника обработки кремня весьма совершенная. Пла-

стины (ширина 0,8–2,5 см) хорошо огранены. Нуклеусы конические и призматические, прямо-, реже косо-площадочные. Почти все орудия (ножи, серпы, сверла, "пилки", резцы и др.) изготовлены из пластин. Из них же делали трапеции – средневысокие или удлиненные. Из отщепов изготавливали только скребки. Резцов мало, все они на углу сломанной пластины. Топоры из сланца удлиненных пропорций, клиновидные в сечении, тесла короткие, асимметричные в сечении. Найдено несколько сланцевых грузил с отверстиями или перехватом для привязывания и каменных пестов для ступок.

Изделия из кости представлены в основном наконечниками стрел. У тонких обломков костей шлифованием подправлялось острие, противоположный конец покрыт насечками и царапинами для более прочного закрепления в древке. Есть несколько веретеновидных острий, в том числе с продольными пазами, и небольших гарпунов с зубцами. В слое найдено много бесформенных комочков обожженной глины и несколько мелких фрагментов

керамики, отношение которой к основному комплексу пока не ясно.

В составе фауны стоянок Матвеева Кургана, по определению В.И. Бибиковой, представлены в основном (около 95%) дикие виды – лошадь, осел, тур, косуля и др. Очень немного костей домашней свиньи, овцы или козы.

Сочетание микролитической техники со шлифованными орудиями при отсутствии керамики предполагает, что эти памятники стоят на грани мезолита и неолита Приазовья. Для поселений получены радиоуглеродные даты: Матвеев Курган 2 – 5400 ± 200 (ЛЕ-882), Матвеев Курган 1 – 7180 ± 70 (ЛЕ-1217), 7505 ± 210 (Gm-199). Наиболее вероятно существование этих памятников во второй половине VI тыс. до н.э.

О соотношении стоянок рассматриваемого типа с иными памятниками Северо-Восточного Приазовья из-за отсутствия керамики говорить трудно. Несомненно все же, что эти стоянки принадлежат к южному азово-каспийскому поясу неолитических культур

Ракушечноярская культура

Наиболее важный для характеристики неолита Приазовья и Нижнего Подонья памятник – Ракушечный Яр – расположен на северо-западной оконечности о. Поречного на Дону у ст. Раздорской Усть-Донецкого р-на Ростовской обл. Он исследован в 1959–1971, 1976 гг. Т.Д. Белановской (1972, 1973) на площади 1012 кв.м. В 1975 г. небольшие раскопочные работы проведены Д.Я. Телегиным (1981).

При раскопках обнаружена свита четко выраженных геолого-почвенных наслоений разной толщины, в основном аллювиального происхождения времени голоцена, общей мощностью до 5 м. Начиная с глубины 1,5 м зафиксировано шесть основных культурных слоев, многие из них делятся на горизонты (рис. 16, 73). Верхние (I–II) слои, судя по керамике, относятся к эпохе меди–бронзы. Нижние слои (IIIб–VI), залегающие на глубине 3,5–4,8 м, характеризуют различные этапы неолита.

Благоприятные природные условия (обилие рыбы и дичи в окружающих лесах, пастбищ для домашних животных) способствовали длительному обитанию, о чем свидетельствует мощность культурных отложений. Временами жители покидали поселение, возможно, в связи с разливами Дона.

Шестой слой залегает в толще песка с большим количеством углистых прослоек, линз ракушек, кострищных пятен. Его общая мощность – 1–1,5 м, толщина отдельных горизонтов – 0,02–0,25 м, а стерильных прослоек – 0,02–0,26 м. В этом слое прослеживаются участки глиняной обмазки. К остаткам жилых сооружений можно отнести очажные и хозяйственные ямы, ямки от столбов диаметром 5–10 см, имеющие коническое окончание и расположенные иногда двумя параллельными рядами. Восстановить контуры жилищ не удалось, но в одном случае зафиксировано пятно размером $3,7 \times 3,6$ м. Скорее всего это были наземные сооружения прямоугольных очертаний с перекрытием на столбах. Находки из отдельных горизонтов шестого слоя имеют различия, но они незначительны (рис. 16, 56–72). Сосуды лепные толстостенные, с примесью раститель-

ных остатков, толченых ракушек или песка. Они имели прямостенную коническую форму, венчик прямой, донышки обычно плоские. Встречается и остродонная керамика. Среди элементов узора крупные ямки неправильной или полукруглой формы, насечки, оттиски отступающей лопатки, “качалка”, проглаженные линии и т.д. Мотивы простые – горизонтальные ряды, елочка и др. Узор располагался обычно в верхней части сосуда. Отмечаются некоторые различия между керамикой нижних и верхних горизонтов шестого слоя. В нижних преобладает керамика с примесью песка и растительности, орнаментированная горизонтальными рядами ямок или углубленных линий. В верхних горизонтах больше керамики с раковиной, орнамент состоит из разных элементов и заметно усложнен, в стенках сосудов имеются сквозные отверстия.

Сырьем для орудий труда служили кремь, сланец, кварц, песчаник, окаменевшее дерево, кость, рог. Ближайшее местонахождение кремня и мастерские по первичной обработке выявлены на левом берегу Северского Донца в 50–70 км от Ракушечного Яра. На стоянку приносили конкреции кремня или грубые заготовки орудий, которые окончательно оформляли на месте. Сырье, видимо, берегли и использовали максимально – нуклеусы сильно сработаны (их размеры 5–6 см), часто имеют следы вторичного использования в качестве отбойников. Поперечные сколы с нуклеусов, краевые сколы с ударных площадок, ребристые пластины также утилизировали, чаще всего для изготовления скребков. Среди орудий пластины с ретушью, скребки концевые и округлые на пластинах и отщепах, сверла и провертки на узких пластинах, обработанные по краям со спинки крутой ретушью, трапеции (2 экз.) и др.

Сланец служил материалом для изготовления топоров, тесел, долот, а также подвесок овальной формы с просверленными отверстиями. Из сланца, песчаника, известняка, порфирита и мергеля делали грузила. Среди них выделяются массивные с одним отверстием и миниатюрные с двумя отверстиями. Найдены обломки шлифовальных плиток из песчаника и кварцита, а также зернотерок. Кость использовали для изготовления наконечников стрел, шильев, проколов, долот, из рога делали мотыги. В нижней части слоя найдены обломок “челнока” или “утюжка” из аргиллита с параллельными нарезками и трапецевидная подвеска из алевролита с округлыми углублениями, нанесенными с двух сторон. Нарезками украшали также изделия из костей благородного оленя, косули, лошади, птиц, из рога оленя.

Пятый и четвертый культурные слои залегали непосредственно над шестым и представляли собой скопления раковин *Viviparus* мощностью до 0,8–0,9 м. В слое отмечены следы обожженной глиняной обмазки и ямок от столбов, какие-то небольшие углубления. Ракушки, как и в шестом слое, несомненно, принесены сюда обитателями стоянок. Состав находок пятого и четвертого слоев близок материалам нижележащего шестого, хотя заметны и некоторые изменения в керамике (рис. 16, 29–55).

Здесь возрастает количество керамики с примесью раковин и орнаментированной (около 50%); венчики прямые, отогнутые наружу или скошенные внутрь, с ор-

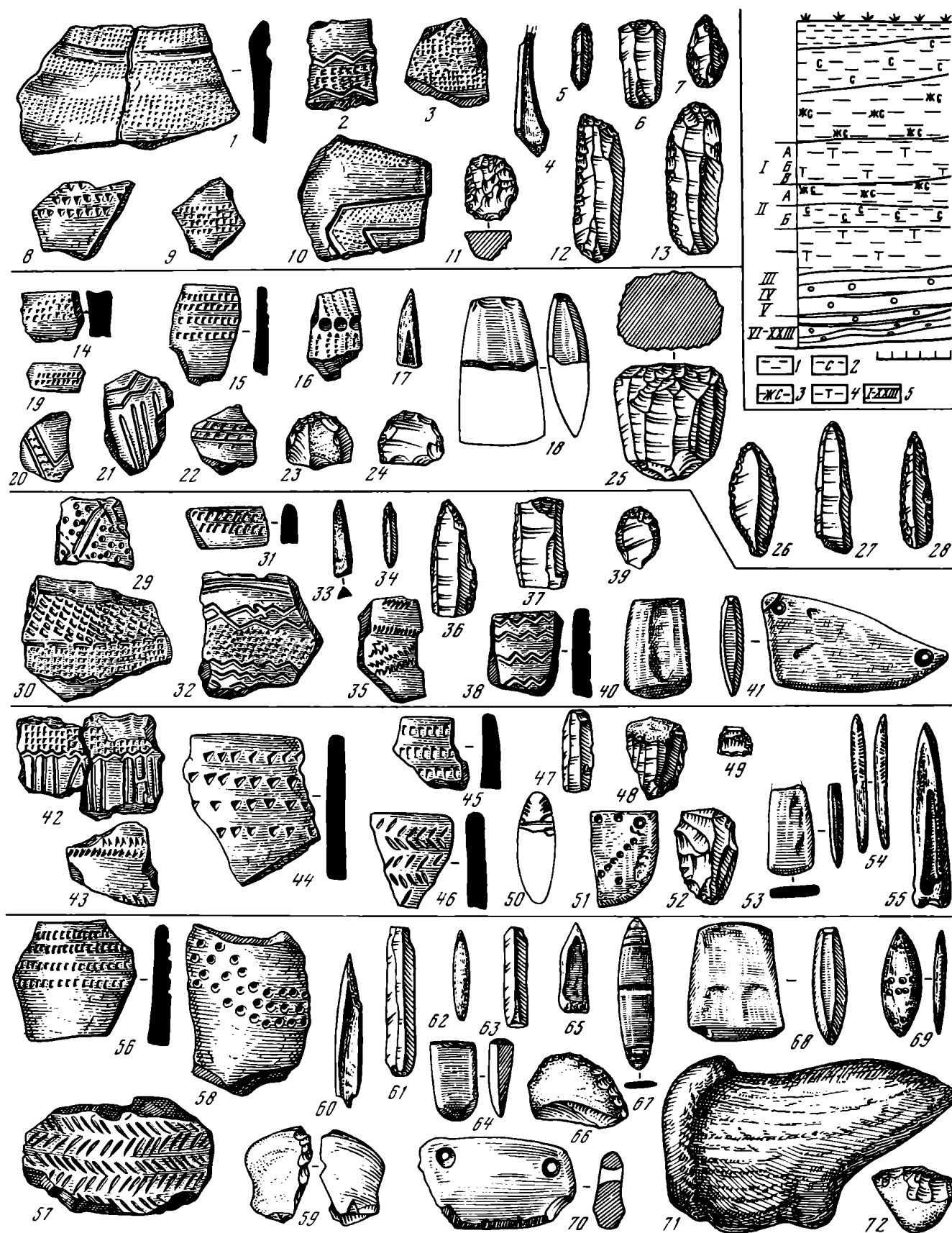

Рис. 16. Поселение Ракушечный Яр

Материалы слоев VI (56-72), V (42-55), IV (29-41) и III-Б (1-28). Стратиграфия поселения

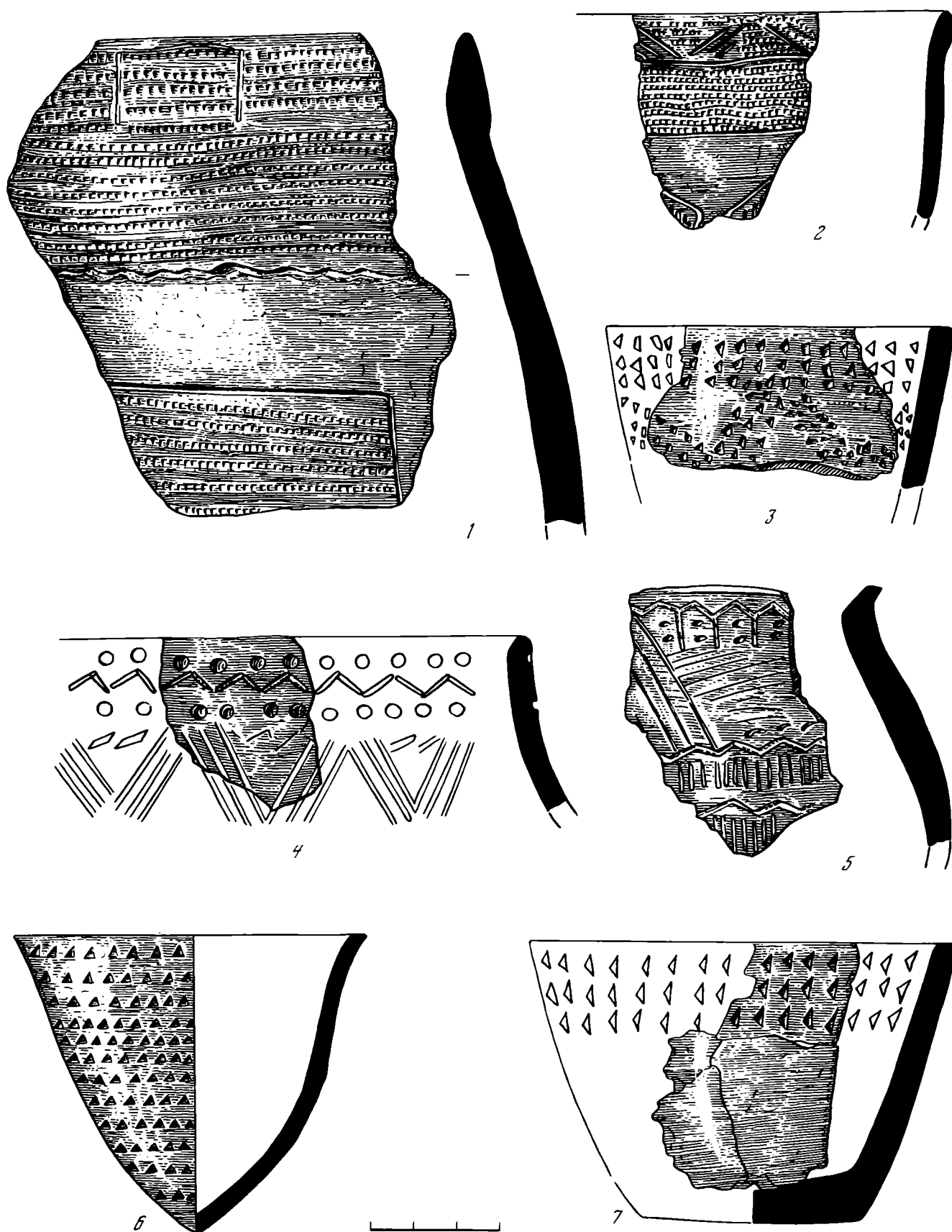

Рис. 17. Керамика ракушечной культуры раннего (3, 6, 7), среднего (4, 5) и позднего (1, 2) этапов

1, 2 – Романковская; 3–7 – Ракушечный Яр

наментом по обрезау, днища плоские; новые элементы орнамента – горизонтальные или вертикальные ряды оттисков гребенчатого штампа. Композиция узоров усложняется, появляются углубленные линии, расходящиеся “елочкой” от трех параллельных прямых линий, зигзаги из нарезок, чаще встречаются сочетания различных элементов.

Техника расщепления камня становится разнообразнее. Наряду с конусовидными и карандашевидными нуклеусами появляются призматические. Набор орудий прежний, но возрастает количество изделий на пластинах. Найдены два обломка наконечников стрел с двусторонней ретушью, восемь трапеций, много изделий из сланца. По-прежнему преобладают массивные грузила с одним отверстием. Орнаментированные изделия представлены подвеской из сланца, костяной проколкой и инструментом для растирания.

Третий культурный слой разделен прослойкой песка (10–12 см) на два горизонта – А и Б. В нижнем горизонте III-Б (рис. 16, 1–28) керамика содержит больше ракушечной примеси, увеличивается число орнаментированных сосудов и фрагментов с гребенчатым узором. Венчики сосудов прямые, отогнутые наружу или скошенные внутрь, с орнаментом по срезу, встречаются воротничковые наплывы; днища плоские.

Кремневые орудия слоя III более массивны, чем в нижележащих слоях, и изготовлены преимущественно из крупных ножевидных пластин. Среди них ножи, концевые скребки на массивных пластинах и т.п. Найдены два наконечника стрел с двусторонней обработкой (листовидный и треугольно-черешковый), одна трапеция и двусторонне обработанное рубящее орудие. Изделий из сланца немного. Есть орнаментированная пластина из песчаника с нарезками.

В верхнем горизонте III-А керамика тонкостенная, рыхлая, с ракушечной примесью. Орнамент состоит из оттисков мелкозубой короткой гребенки. Эти находки относятся к среднестоговской культуре раннего энеолита Нижнего Дона.

Материалы Ракушечного Яра имеют аналогии в раскопанной за последнее время В.Я. Кияшко многослойной стоянке у ст. Раздорской, расположенной на правом берегу Дона непосредственно против Ракушечного Яра. Нижние три слоя (1, 2а–б) Раздорской соответствуют VI–III слоям Ракушечного Яра. На Раздорской стоянке особенно насыщенными находками оказались слои (2а и 2б), где кроме керамики с гребенчатым и накольчатым орнаментом найдены предметы искусства, в частности вырезанное из эмали клыка кабана изображение бычка, аналогичное находке в Мариупольском могильнике. Материалы нижних слоев Ракушечного Яра и Раздорской позволяют ставить вопрос о выделении на Нижнем Дону своеобразной нижнедонской культуры эпохи неолита, которую мы вслед за Т.Д. Белановской (1983) будем называть “ракушечной”.

Керамика ракушечной типа (рис. 17) в Нижнем Подонье и Северо-Восточном Приазовье обнаружена в свое время у хут. Ведерникова, ст. Цимлянкой, Кургальской и др. (Горецкий, 1955; Формозов, 1954). К этой же культуре относится ранняя керамика Бессергеновской стоянки. Фрагменты керамики, близкой к ра-

кушечной, известны на Среднем Дону (у хут. Задоновского Иловлинского р-на Волгоградской обл.).

Материалы стратифицированных поселений Ракушечный Яр и Раздорская позволяют выделить в ракушечной культуре три этапа – ранний (I), средний (II) и поздний (III). К раннему этапу относятся VI–V слои и часть материалов IV слоя Ракушечного Яра, а также нижний слой Раздорского поселения.

Хозяйство раннеэнеолитического поселения Ракушечный Яр характеризовалось охотой, рыболовством, собирательством, разведением домашних животных. По определению В.Е. Гаррутта, здесь найдены кости оленя, косули, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и собаки.

Керамика этого времени часто не имеет орнамента, а древнейшие сосуды в VI–V слоях Ракушечного Яра украшены простыми узорами из горизонтальных рядов. В V слое обнаружен каменный сосудик.

На среднем этапе ракушечной культуры, материалы которой залегают в верхней части слоя IV и горизонте III-Б Ракушечного Яра, а также во втором слое Раздорского поселения, сосуды приобретают горшковидную форму, усложняется орнамент за счет появления насечек, обрамленных прочерченным зигзагом (рис. 16, 4, 5).

На третьем этапе, который представлен в третьем слое Раздорского и частично в Ракушечном Яре, состав керамики остается прежним, но появляются сосуды с воротничковым утолщением и накольчатый орнамент (рис. 16, 1–3).

Материалы третьего этапа ракушечной культуры находят аналогии среди находок поселений и могильников мариупольского типа, датируемых первой половиной IV тыс. до н.э. Следовательно, более ранние этапы (I, II) должны относиться к V тыс. до н.э. Датировка V – первой половиной IV тыс. до н.э. согласуется с радиоуглеродной датой, полученной для V слоя Ракушечного Яра – 5890 ± 105 (КИ-995) или 3940 ± 105 до н.э. Таким образом, ракушечная культура датируется V – первой половиной IV тыс. до н.э.

Основная территория рассматриваемой культуры ограничена Нижним Доном, но ее влияние отмечается в низовьях Северского Донца и неолите Среднего Дона.

Среднедонская культура

Лесостепная зона в междуречье Волги и Дона тянется узкой полосой с юго-запада на северо-восток от Среднерусской и Приволжской возвышенностей. Здесь сравнительно густая речная сеть, в меридиональном направлении текут мощные водные артерии – Дон и его приток – р. Воронеж. От водораздела в современных Тамбовской и Пензенской областях берут начало реки, текущие в разных направлениях: к югу Хопер и Медведица, к северу – Цна, Мокша, Сура. Первые две являются левыми притоками Дона и связывают лесостепные районы со степью, остальные впадают в Оку и Волгу. Такое географическое положение лесостепных областей Волго-Донского междуречья оказало влияние на развитие обитавшего здесь неолитического населения. Тут переплетались культурные традиции Юга и Севера, степных и лесных пространств.

Изучение неолита междуречья Волги–Дона началось с

открытия местонахождения около Воронежа. В 20-х годах экспедиция Института антропологии МГУ провела раскопки стоянки Озименки на р. Мокше в Пензенской обл. В конце 40-х – начале 50-х годов М.Е. Фосс (1959) раскопала в верховьях р. Воронеж стоянки Подзорово, Старое Торбеево и др. Ее работы в Тамбовской обл. продолжила Т.Б. Попова (1973), обследовав около десяти местонахождений на р. Воронеже, Цне и Вороне (приток Хопра). Интересный материал был получен на стоянках Елизавет-Михайловской (р. Цна), Уварово (р. Ворона) и др.

В ходе работ последних 15–20 лет, проводившихся под руководством В.П. Левенка (1973) и Л.Т. Синюка (1971, 1986) выявлено более 100 неолитических памятников, а часть из них раскопана. Это Долгое на Дону, Ярлуковская Протока и Рыбное озеро на Матыре, притоке Воронежа, и стоянки в окрестностях г. Воронежа (Университетские), на р. Тихая Сосна (Дармодехинская, Копанищенская и др.), в нижнем течении р. Битюга (Черкасская, Монастырская, Дрениха) и др. Ряд стоянок (Бессоновская, Екатерининская, Барковская) обнаружен и в бассейне Суры в Пензенской обл. разведками М.Р. Полесских. Всего в лесостепных районах междуречья Дона и Волги известно сейчас более 200 неолитических стоянок. По типологическим особенностям собранных материалов ясно, что неолитические памятники исследуемой территории неоднородны.

На Верхнем Дону, в верховьях р. Воронеж и на р. Цне представлены памятники типа стоянки Долгое с ямочной керамикой и выделены рязанско-долговская и рыбоозерская культуры (Левенок, 1965). По наблюдениям А.Т. Синюка (1971), южная граница распространения стоянок долговского типа проходит где-то на широте Липецка–Тамбова. По мнению А.Х. Халикова (1973. С. 96), в лесостепь по р. Суре в III тыс. до н.э. вплоть до широты Пензы проникали племена балахнинской культуры, основной район обитания которых находится в лесной зоне Волго-Окского бассейна, а в северо-восточные районы Пензенской обл. – волго-камской.

Наиболее многочисленную группу памятников лесостепного междуречья Днепра и Дона составляют местонахождения с накольчатой керамикой. Они лучше изучены в окрестностях г. Воронежа (Университетские стоянки 1–4), в верховьях р. Воронеж (Ярлуковская Протока, Старое Торбеево), на среднем Дону (Дармодехинская) и р. Вороне (Уварово). Этот тип памятников А.Т. Синюк (1971) относит к среднедонской культуре.

Для среднедонской культуры характерна посуда с примесью травы или песка в тесте и накольчатым орнаментом. На Среднем Дону она часто встречается с посудой, украшенной накольчато-ямочным орнаментом, которую В.П. Левенок (1969, 1973) и А.Т. Синюк (1985) относят к рыбоозерской культуре. Рыбоозерская накольчато-ямочная керамика, возникающая, вероятно, под влиянием памятников долговского типа, в целом не изменила характера местной культуры, а органически вошла в нее. Говорить об особой рыбоозерской культуре в лесостепном междуречье Дона и Волги, видимо, оснований нет*. Разви-

тие неолита лесостепного междуречья Дона и Волги шло, кроме того, под заметным влиянием южных степных культур типа Ракушечного Яра и Орловки.

Наиболее выразительные материалы среднедонской культуры получены при раскопках А.Т. Синюка (1986) на стоянках Университетской III, Монастырской, Черкасской, Дренихе и др., а также В.П. Левенком (1965) в нижнем горизонте Ярлуковской протоки, Рыбноозерских стоянках и др.

На Университетской III стоянке вскрыта площадь более 1500 кв.м, собраны фрагменты более 1000 сосудов и несколько сот кремневых изделий. А.Т. Синюк говорит о наличии здесь трех горизонтов, залегающих без стерильных прослоек между ними. По типолого-статистическим данным выделено несколько керамических типов: пять относятся к неолиту, а остальные – к энеолиту. Среди неолитических обращают на себя внимание две группы сосудов с примесью травы в тесте, украшенных почти исключительно накольчатым орнаментом. Эта керамика залегала в основном в нижней части культурного слоя, где она составляет более 50% от общего числа. Орудия нижнего слоя Университетской III стоянки изготовлены в основном из ножевидных пластин, есть геометрические микролиты и наконечники стрел листо-видной формы с двусторонней обработкой.

На стоянке Ярлуковская Протока восточнее Липецка В.П. Левенок раскопал около 600 кв.м. Собрано до 1000 фрагментов накольчатой и более 200 фрагментов накольчато-ямочной керамики. Встречаются отдельные черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом. Аналогичные находки накольчатой и накольчато-ямочной керамики и сопровождавшие их кремневые изделия дали и нижние горизонты на стоянках Савицкое на р. Воронеже южнее Липецка, Отрожки в черте Воронежа и др.

Для среднедонской культуры свойственны широко-открытые сосуды с острым дном (рис. 18, 18–29), венчик без утолщения, иногда отведен наружу. В комплексах Университетской III, Рыбного озера 2, Черкасской и др. есть сосуды более развитых форм с утолщением венчика в виде воротничка, суженным горлом и вздутыми боками, а иногда и с уплощенным дном. В глиняном тесте – трава или песок. Лишь в некоторых более южных стоянках (Дармодехинская, Уварово) отмечена в составе теста примесь толченой ракушки. На поверхности сосудов заметны следы сглаживания. Основной орнаментальный элемент – отступающий (скорописный) накол подтреугольной формы. Гребенчатый орнамент встречается значительно реже, особенно на более ранних этапах развития культуры. Керамики с отпечатками гребенки больше на Верхнем, чем на Среднем Дону. Изредка сосуды украшались прочерченным орнаментом (рис. 18, 14–16).

Орнамент покрывал обычно всю поверхность сосудов, но иногда размещался в верхней половине или в верхней и придонной частях. Система узора в общем подчинена горизонтальной зональности. Составными узора обычно выступают прямые линии, криволинейные мотивы редки.

В целом керамика среднедонских поселений находит близкие аналогии в материалах днепро-донецкого типа, особенно на Северском Донце и Сейме. Это сходство

*Многие исследователи придерживаются иной точки зрения, поэтому рязанско-долговская и рыбоозерская культуры показаны на карте 7 и 8, а их характеристика дана в статье Н.Н. Гуриной во II части тома.

Рис. 18. Среднедонская культура

1, 4, 17 – Отрожки; 2, 16 – Савицкое; 3, 9, 11, 12, 14, 15 – Ярлуковская Протока; 5, 6, 10, 13, 18–20, 22 – Университетская III; 7, 8 – Рыбное озеро 1; 21, 23 – Рыбное озеро 2

прослеживается в формах сосудов, остродонных и плоскодонных, в мотивах и элементах орнамента. Как упоминалось выше, В.П. Третьяков (1982) вообще считает, что памятники Верхнего Подонья с гребенчато-накольчатой керамикой следует включать в состав днепро-донецкой культуры.

Орудия труда среднедонской культуры в основном кремневые и каменные (рис. 18, 1–11, 13). Кремневые изготовлены из пластин и отщепов, есть сечения пластин и геометрические орудия в виде высоких трапеций. Мелкие микролитические пластинки встречаются в комплексах реже, чем крупные. Из пластин изготавливали скребки концевые, ножи, остря с краевой ретушью по черенку. Резцы обычно углового типа на отщепах. Наконечники стрел листовидные или подтреугольные с вогнутым основанием и двусторонней обработкой.

Рубящих орудий мало. На стоянках Университетская III, Отрожки и Рыбное озеро (1, 2) это клиновидные топоры, иногда с пришлифованным лезвием. В Дармодехинской стоянке найдены шлифованные топоры, в Ярлуковской Протоке – костяное тесло. Среди костяных изделий выделяются многозубые гарпуны, наконечники копий с кремневыми вкладышами, проколки и шилья. Интересна находка на стоянке Ярлуковская Протока каменного челнока (рис. 18, 12), аналогии которому можно отыскать среди материалов днепро-донецкой культуры (Бузьки).

В развитии неолита Среднего и Верхнего Подонья исследователи выделяют несколько этапов. По периодизации В.П. Левенка (1973) таких фаз было три. В работе А.Т. Синюка (1971) говорится и о четвертом, позднего неолитическом этапе. К сожалению, содержание, вкладываемое разными авторами в понимание каждого этапа, не всегда совпадает. По В.П. Левенку, для раннего неолита характерны плоскодонные сосуды с прочерченно-струйчатым орнаментом, а А.Т. Синюк считает наиболее древними керамическими формами в лесостепном Подонье округлодонные чаши и прямостенные горшки. Сосуды с накольчато-ямочным орнаментом то связываются с одним из этапов в развитии среднедонской культуры (А.Т. Синюк), то выделяются в особую культуру (В.П. Левенко). Различие во взглядах объясняется тем, что за основу периодизации исследователи принимают данные типологического или типолого-статистического анализа находок.

Новые раскопки А.Т. Синюка (1986) на Монастырской стоянке привели автора к выводу, что древнейшей на Среднем Дону была керамика с накольчатой орнаментацией. Роль гребенчатого орнамента возрастает позднее. В наслоениях Дренихи, например, количество гребенчатого штампа возрастает снизу вверх от 36 до 62%. Такое же явление зафиксировано и на многослойной Черкасской стоянке (Телегин, 1981; Синюк, 1986). Здесь, кроме того, в средней части разреза прослеживается горизонт залегания воротничковой керамики. Эти сосуды с воротничковым утолщением венчика имеют

плоское дно, украшены гребенчатым и накольчатым орнаментом. А.Т. Синюк относит их к двум отдельным типам – нижнедонскому и черкасскому. Важно подчеркнуть, что развитие среднедонской культуры продолжалось и после исчезновения горизонта воротничковой керамики. Наиболее полно керамика этого позднего этапа культуры представлена на Дренихе, где преобладают горшки конической формы с прочерченным, гребенчатым и накольчатым орнаментами. Встречаются сосуды с плоским дном. Под срезом венчика, как правило, присутствует ряд ямок или жемчужин. Эту керамику А.Т. Синюк выделяет в отдельный дренихинский тип.

А.Т. Синюк (1986. С. 176) в развитии среднедонской культуры выделяет три этапа – ранний (I), средний (II) и поздний (III), которые названы монастырским, черкасским и дренихинским.

Для первого этапа характерны прямостенные остродонные горшки с примесью травы или песка, орнаментированные почти исключительно подтреугольно-накольчатым узором. Только такая керамика залегала в нижних (8–5) слоях Ярлуковской Протоки. Она составляла около 70% находок в нижних горизонтах Университетской и Черкасской стоянок, а также подавляющее большинство на Монастырской стоянке.

Средний этап характеризуется распространением на Среднем Дону воротничковой черкасской и “нижнедонской” керамики, появившейся здесь под влиянием южных культур – ракушечной (поздний этап), а также, вероятно, сероглазовской, самарской и надпорожской.

Поздний этап среднедонской культуры начинается после исчезновения горизонта воротничковой керамики и распространения материалов с дренихинской керамикой. Исходя из общеисторической ситуации на Дону в неолитическое время, можно предполагать, что к этому времени относится проникновение на Дон и долговской культуры, что привело к возникновению здесь упоминавшейся выше рыбоозерской ямочно-накольчатой керамики.

Наблюдения над стратиграфией Ярлуковской Протоки, Университетских, Черкасской и Рыбноозерских стоянок показывают, что среднедонская культура сменяется среднестоговскими и раннеямными памятниками типа Репина хутора.

Абсолютный возраст среднедонской культуры определен по аналогии с соседними культурами. Видимо, стоянки среднего этапа с воротничковой керамикой, по аналогии с памятниками второго этапа надпорожской культуры в Поднепровье, можно датировать первой половиной IV тыс. до н.э. По наблюдениям А.Т. Синюка, памятники третьего этапа культуры доживают до времени распространения на Дону поселений репинского типа, т.е. до начала III тыс. до н.э. Что же касается возраста стоянок первого этапа, то время их бытования, видимо, уходит в V тыс. до н.э. Среднедонская культура, таким образом, может быть датирована V – началом III тыс. до н.э.

Неолит Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья (Сероглазовская культура. Могильник у с. Съезжее)

Неолитические памятники северо-западного Прикаспия, т.е. территории так называемой Прикаспийской низменности от долины р. Урала до Кумо-Манычской впадины изучены относительно слабо. Подавляющее большинство стоянок эпохи мезолита и неолита (их, по данным А.Н. Мелентьева, насчитывается более 150) расположено по линии новокаспийской трансгрессии, в 50–100 км от современного берега моря. В древности стоянки были приурочены к берегам простиравшихся сюда заливов и лагун моря, многочисленных озер и болот, к берегам протоков и рукавов рек, впадающих в Каспий.

Первые сведения о памятниках северо-западного Прикаспия с орудиями микролитического типа мы находим в работах П.С. Рыкова, И.В. Синицына, Т.М. Минаевой и др. Позже находки керамики неолита–энеолита в междуречье Волги и Урала были сделаны В.Д. Белецким у ст. Досанг и в уроч. Эсикей, восточнее Ахтубы, в 70–80 км от Астрахани. Основная масса стоянок выявлена при разведках А.Н. Мелентьева (1975). Это Кубек-Сор, Кошелак, Асан-Бай, Шошак, Кок-Мурун, Кунур-Кудук и др.

За последнее десятилетие значительные работы в Прикаспии проведены экспедициями Куйбышевского пединститута под руководством И.Б. Васильева. Среди наиболее выразительных памятников, исследованных экспедицией, стоянки Тентек-Сор, Же-Калган и др. (Козин, 1986).

Заметно пополнились сведения и о неолите Калмыкии в связи с раскопками в 1978–1979 гг. П.М. Кольцовым (1984) стоянки Джангар. В мощном культурном слое Джангара (до 1,5 м) обнаружены остатки очагов, керамика с накольчатым и струйчатым орнаментом, много микролитического кремня, включающего геометрические формы – сегменты, трапеции и др. Сосуды с примесью раковины, реже – растительных остатков. Они были плоскодонными, венчики прямые, иногда отведены наружу. Основным орнаментальным элементом являются отступающие наколы острым концом палочки. Есть прочерченный и струйчатый орнамент. Мотивы узора – зоны, заполненные цепочками наколов, идущими горизонтально, наклонно или зигзагообразно (рис. 19). Аналогии комплексу находок кремня и керамики из Джангара пока немногочисленны. Известно несколько пунктов, обследованных Н.Д. Прасловым (1971) на Ергенской возвышенности вдоль правого берега Маныча (хутор Циганица, Курганый, Му-бузгу-Кудук и др.). Кремень, типологически близкий джангарскому, обнаружен во многих местах Прикаспия (рис. 19). Это сегменты, обработанные двусторонней ретушью, трапеции с ретушью, заходящей на спинку, ножи из пластин. Для микролитических комплексов области характерны особой формы острия и вкладыши с подтеской (сплошной или частичной) по брюшку. Эти острия-вкладыши изготавливали из узких и длинных пластин. Нуклеусы правильной круговой огранки, конические, одно- или двуплощадочные, встречаются и карандашевидные. Скребки концевые на пластинах. Резцов мало, они невырази-

тельны. В целом инвентарь имеет архаический, почти мезолитический облик.

Выразительный комплекс керамики и кремня обнаружен и на стоянке Тентек-Сор. Раскопками И.Б. Васильева здесь вскрыто около 300 кв.м, обнаружены следы жилых сооружений, хозяйственные ямы, собраны керамический материал и каменные изделия. Керамика (около 100 сосудов) содержит примесь крупнотолченой ракушки, черепки рыхлые, в орнаменте господствует отступающий накол. Мотивы узора включают меандр, разного рода геометрические фигуры – треугольники, ромбы и др. Кремневый и кварцитовый инвентарь крупных размеров. Представлены ножи на крупных пластинах, скребки на отщепах и пластинах, высокая трапеция с подструганной спинкой и др. На стоянке найдена каменная булава (Козин, 1986).

Материалы, близкие тентексорским, собраны в этом районе, главным образом А.Н. Мелентьевым, и на многих иных местонахождениях (Досанг, Бага-Сор и др.). Сосуды толстостенные, черепки рыхлые, непрочные, вследствие плохого качества глины и слабого обжига. Иногда на стоянках встречаются развалы сосудов, которые удается реконструировать (Кубек-Сор). Это остроногие слабопрофилированные горшки с простым, отведенным наружу венчиком (рис. 19, 1, 3) и сглаженной поверхностью. Аналогичная по составу теста керамика есть на стоянке Досанг, но там сосуд имеет плоское дно (рис. 19, 9). Узором покрывалась лишь верхняя часть сосудов. Мотивы орнамента довольно сложные и включают подквадратные поля, зигзаг и крупные свастикообразные фигуры. Техника исполнения орнамента прочерченная и накольчатая. Контур рисунка обводился несколькими параллельными линиями. Вдоль этих линейных лент наносились еще отдельные стоящие наколы. На сосудах из Бага-Сор и Досанга узор состоит из бороздок, отступающей лопаточки или наколов.

Керамика, близкая джангарской и тентексорской, известна и на иных местонахождениях Прикаспия, например в Асан-Бай, Му-Бузгу-кудук, Кунур-кудук и др. (рис. 19, 2, 4, 6, 7).

Среди неолитических памятников Степного Поволжья наиболее полно изучена стоянка Орловка вблизи г. Волгограда. Она расположена на мысу левого берега р. Мокрая Мечетка, на высоте 7–10 м над поймой. Здесь В.И. Мамонтовым (1974) исследованы остатки полуземлянки округлых очертаний, глубиной до 0,6 м. В средней части жилища выявлено очажное пятно с плотной прокалиной под ним. Предполагаемая длина жилища 8–10 м. В жилище и около него найдено около 100 фрагментов от десяти сосудов. Сосуды широкооткрытые, с небольшим плоским дном, у венчиков есть утолщения с внутренней стороны. В глиняном тесте много толченой ракушки. Накольчатый орнамент нанесен в “отступающей” манере. Наколы треугольные или удлиненные, напоминающие запятую, встречены на семи сосудах из 10.

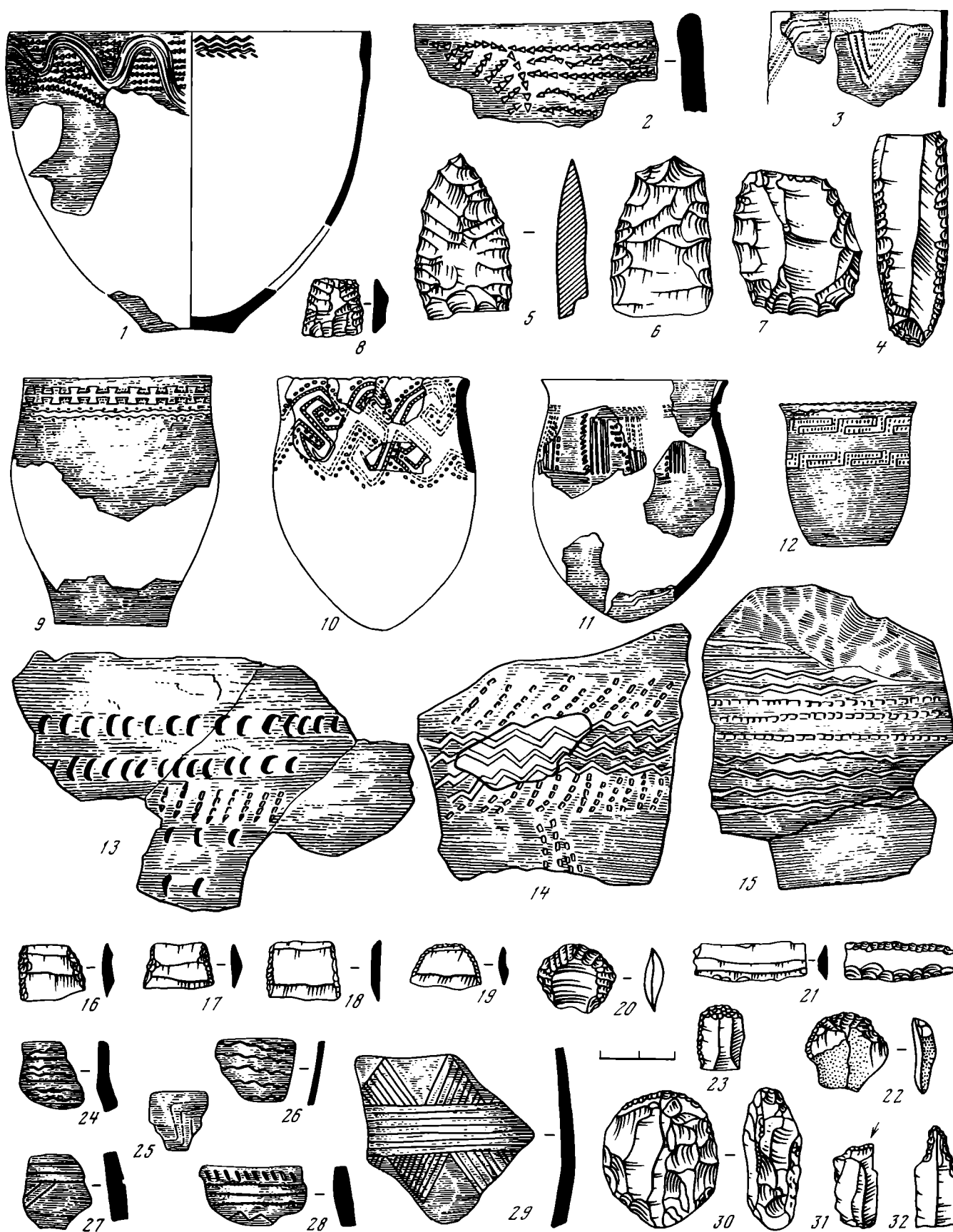

Рис. 19. Сероглазовская культура

Керамика и кремль. 16-32 – первый (ранний), 9-15 – второй, 1-8 – третий этапы. 1, 4, 5, 7 – Орловка; 2, 6, 8 – Пятиморская; 3 – Виловат-ка; 9 – Досанг; 10, 11 – Кубек-Сор; 12 – Тентек-Сор; 13 – Асан-Бай; 14 – Му-Бузгу-кудук; 15 – Кунур-кудук; 16-32 – Джангар

Остальные три имели только полосу коротких насечек, в одном случае нанесенных по срезу венчика. Узор покрывал только верхнюю часть сосуда и заходил на внутреннюю поверхность горловины. Найдено одно орнаментированное дно.

Основной мотив узора – горизонтальный ряд волнообразных или зигзаговидных линий, выполненных наколами или прочерченной линией. Иногда горизонтальные цепочки наколов соединяются диагональным заполнением. Чаще всего орнаментальный фриз заполнялся снизу и сверху группами отдельно стоящих подтреугольных наколов или обрамлялся снизу зигзагом и “бахромой”. Сложная система узора представлена на графически реконструированном сосуде. Здесь композиция состоит из горизонтальных линий наколов и шевронов.

Вместе с керамикой обнаружен комплекс кремневых изделий. Пластины (25 экз.) крупных размеров, некоторые с ретушью, могли быть ножами. Изготавливали их где-то на стороне, так как нуклеусы со стоянки небольших размеров. Скребки на отщепках (13 экз.) и концевые на широких пластинах (3 экз.) Найдены наконечник дротика или крупной стрелы, три высоких трапеции со струганой спинкой, две кремневые проколки, грузило из песчаника с выемкой для привязывания. Среди фаунистических остатков – кости домашнего быка и, возможно, домашней лошади.

Комплекс находок стоянки Орловка послужил для выделения особого типа памятников, распространенных в степных районах Поволжья.

Керамика орловского типа, с преобладанием подтреугольно-накольчатого орнамента и обильной ракушечной примесью, встречена на стоянке Рахинка Среднеахтубского р-на Волгоградской обл., в нескольких пунктах на Дону, в степной его части, на стоянках Пятиморской, Качалино и др.

На стоянке Качалино Иловлинского р-на Волгоградской обл. В.И. Еремин (1977) получил при шурфовке небольшую коллекцию, включающую в себя тонкостенную керамику с примесью ракушки в тесте. Орнамент, почти исключительно подтреугольно-накольчатый, лишь в одном случае сочетается с линейным резным зигзагом. Венчики сосудов ровные, отведенные наружу, либо, как и на Рахинке, несколько желобчатые. Вместе с керамикой найдены кремневый клиновидный топорик и скребки на отщепках. На Пятиморской стоянке у г. Калач-на-Дону собрано значительное количество керамики типа Орловки (Мамонтов, 1970). Сосуды тонкостенные, с обильной ракушкой в тесте, венчик прямой, орнамент довольно сложный по композиции, выполнены в технике треугольных наколов. Здесь же найдены клиновидные кремневые топоры с пришлифовкой по лезвию и трапеции со струганой спинкой. В последнее время поселение с типично орловской керамикой исследовано А.И. Юдиным на р. Торгун в Саратовской обл., где вместе с ней найдено около 30 трапеций со струганой спинкой.

Керамика орловского типа имеет много общего с материалами описанных выше памятников типа Джангар, Кубек-Сор и Тентек-Сор. Район распространения этих памятников смыкается и территориально, охватывая полупустыни Северного Прикаспия и степное Поволжье.

Значительное сходство керамики позволяет рассматривать их как одну культуру, которую мы вслед за А.Н. Мелентьевым (1975) далее будем называть сероглазовской. Последняя включает три основных типа памятников – джангарский (Кольцов, 1986), тентексорский (Козин, 1986) и орловский (Телегин, 1981), которые, судя по составу керамики и особенно кремня, являются и ее хронологическими этапами. Вероятно, отдельный тип в составе сероглазовской культуры образуют отдельные местонахождения в Прикаспии, которые И.Б. Васильев (1981) относит к прикаспийской культуре (Купреже-Милла и др.).

Для наиболее раннего, джангарского этапа сероглазовской культуры (Джангар, Кубек-Сор, Му-Бузгу-кудук, Кунур-кудук и др.) характерны плоскодонные сосуды, в их орнаментации наряду с накольчатым орнаментом применялся струйчатый мотив. Кремень микролитический, включающий много геометрических форм – сегменты, трапеции и др.

Керамика второго, тентексорского этапа (Тентек-Сор, Асан-Бай, Досанг и др.) плоскодонная, орнамент исключительно накольчатый, встречается гребенчатый штамп. Кремень крупный, орудия изготовлены из больших пластин и отщепов (ножи, скребки, наконечники стрел подтреугольной формы с двусторонней обработкой), из геометрических форм сохраняется только крупная трапеция с подструганной спинкой.

На позднем, орловском этапе сероглазовской культуры усложняется форма сосудов, наряду с горшками получает распространение широкооткрытая чаша. У этих сосудов более сложная форма венчика с утолщением снаружи или наплывом внутри. Кремень имеет поздне-неолитический вид – топоры, наконечники дротиков с двусторонней обработкой, ножи на крупных пластинах, массивные скребки и др. Бытуют трапеции со струганой спинкой, иногда в значительном количестве. К орловскому этапу относятся, кроме эпонимной стоянки, местонахождения на р. Торгун, Рахинка, Копалино, Пятиморская и др. Они, очевидно, синхронны памятникам типа Купреже-Милла.

Для определения абсолютного возраста памятников сероглазовской культуры данных пока нет. По типологическим признакам, в частности по преобладанию подтреугольно-накольчатого орнамента, керамика типа Орловки предшествовала памятникам хвалынского типа, что позволяет относить ее к середине IV тыс. до н.э. Плоскодонность сосудов и венчики с воротничковым утолщением дают возможность сравнивать ее с материалами могильника Съезжее и надпорожской культуры второго этапа в Надпорожье и Приазовье. Последние относят к первой половине – середине IV тыс. до н.э., что, видимо, определяет возраст памятников типа Орловки.

Стоянки тентексорского типа, более ранние, по времени близки памятникам орловского типа, как это видно по составу кремня. В них нет сосудов с воротничковым венчиком, что позволяет сближать их с надпорожской культурой в начале позднего этапа и ракушечной до появления воротничковой керамики, которые датированы второй половиной V – началом IV тыс. до н.э. К этому времени относятся памятники типа Тентек-Сор

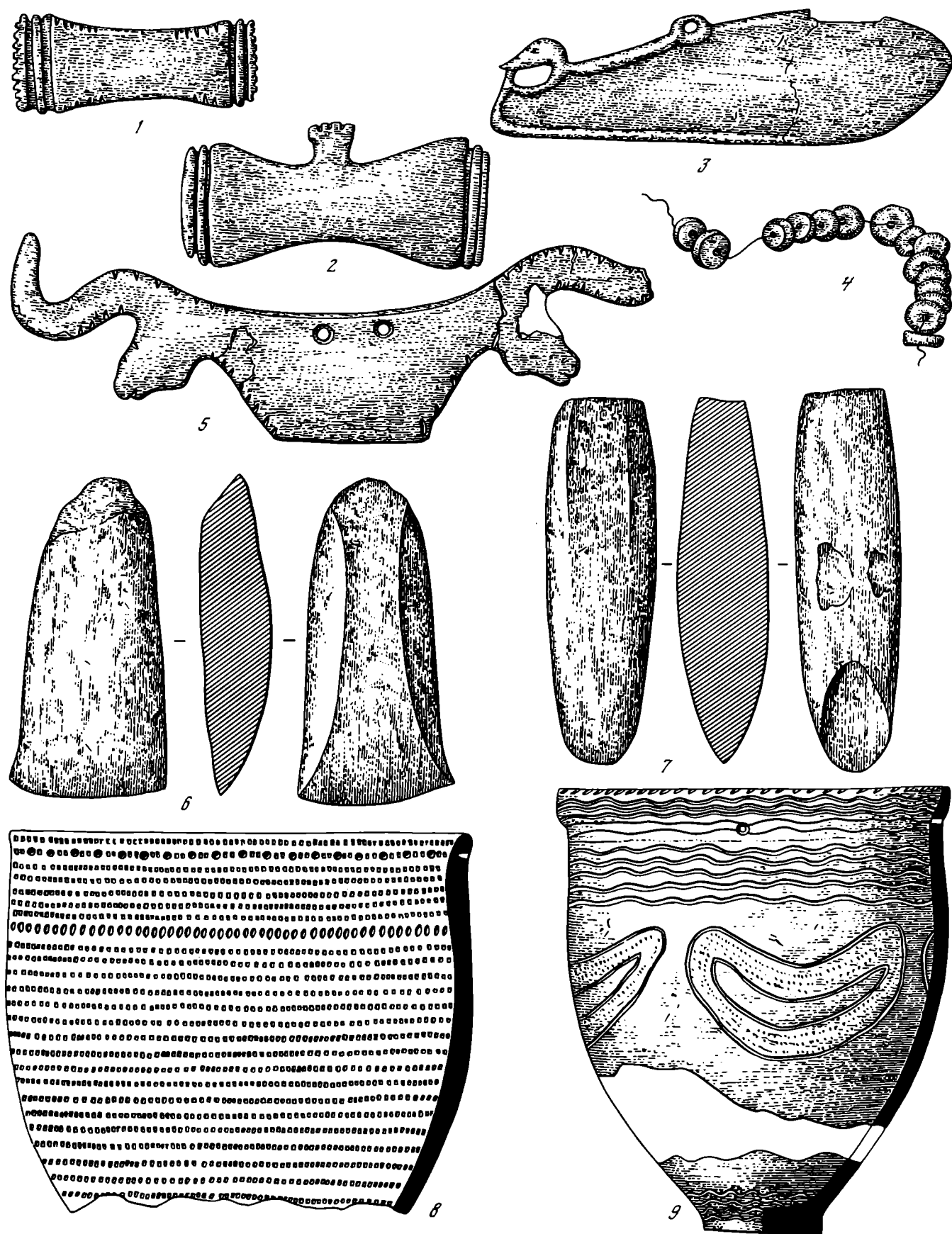

Рис. 20. Материалы могильника Свезжее

Нижнего Поволжья и Прикаспия. Что касается стоянок джангарского этапа, то они уходят в V тыс. до н.э., а возможно, в конец VI тыс. до н.э. Таким образом, сероглазовская культура предположительно датируется V – первой половиной IV тыс. до н.э.

Могильник у с. Съезжее. Уже за пределами степного Поволжья исследован неолитический могильник, по типам вещей, бесспорно, тяготеющий к южным районам. Поэтому сказать о нем лучше всего здесь.

Могильник находился в 1,5 км к западу от с. Съезжее Богатовского р-на Куйбышевской обл., на левом берегу р. Самары, и занимал вершину овального возвышения (Васильев, Матвеева, 1979). Часть могильника разрушена во время строительства дороги. В осыпи придорожной траншеи собраны фрагменты сосудов, кремневые орудия, бусы из створок раковин и костяная фигурка лошади.

При раскопках исследовано 11 погребений: 2 – бронзового века и 9 – эпохи неолита. Неолитические погребения одиночные, за исключением одного – тройного. Глубина залегания 0,58–0,90 м от поверхности. Костяки лежали на спине в вытянутом положении. Руки погребенных вытянуты вдоль туловища или сложены на тазовых или бедренных костях. Черепа иногда лежали на боку. Погребенные ориентированы головами на восток с небольшим отклонением к северу. В семи погребениях обнаружена охра, один костяк полностью засыпан ею. Все погребения, за исключением трех, сопровождались вещами. Наиболее богато детское погребение (№ 6). При нем лежали многочисленные бусы и подвески из створок раковин, подвеска из клыка кабана, изображающая двуглавого быка, костяные ложкообразные предметы, крупное долотовидное орудие и разломленный на две части нож из кремневой пластины.

Другое детское погребение сопровождалось двумя небольшими теслами из зеленоватого камня, маленьким долотом, обломками двух крупных долотовидных орудий, бусиной из створки раковины. В других погребениях найдены долота, тесла, ложковидные предметы, украшенные с одной стороны изображением утиной головы, бусины из створок раковины, пластины мариупольского типа из клыка кабана, наконечник стрелы, вкладышевый кинжал.

Керамика в погребениях не встречена. Развалы сосудов найдены выше, на уровне древней поверхности. Внутри стенки сосудов часто окрашены охрой. Видимо, сосуды служили для доставки охры к месту погребения, после чего их разбивали. Рядом с самым богатым детским погребением (№ 6) обнаружен не только развал сосуда, но и черепа двух домашних лошадей и костяной гарпун. На площади могильника встречены кремневые изделия: наконечники стрел, ножи, скребки, нуклеусы, ножевидные пластины, отщепы. Вопрос о связи этих орудий с погребениями остается открытым.

Сосуды содержат примесь раковины и мелкого шамота. Обжиг хороший, но недостаточно ровный, поверхности заглажены мягким предметом.

Сосуды двух типов – баночные и колоколовидные. Последние делятся на две подтипа – с дном малого и большого диаметра. Все сосуды второго типа, за исключением одного, имели воротничок. У одного сосуда есть

два полукруглых ушка с отверстиями для подвешивания. Все сосуды орнаментированы. У десяти из них под воротничком нанесены пояски ямок или линзовидных наколов, у двух – шейки украшены поясками “жемчужин” (рис. 20).

Наиболее распространенный элемент орнамента – горизонтальный зигзаг, нанесенный резьбой или гладким штампом. Встречается и “шагающая гребенка”, иногда ее ряды образуют полулунные фигуры или лопасти, ограниченные прочерченными линиями. Два сосуда орнаментированы горизонтальными линиями гребенчатого штампа, чередующимися с поясками линзовидных вдавлений, два других – гребенчатым штампом, образующим зигзаг, вертикальные, наклонные и горизонтальные линии (Васильев, Матвеева, 1979).

Аналогии керамике можно указать только в северном Прикаспии в памятниках позднего этапа сероглазовской культуры. Некоторые вещи имеют сходство с вещами из Мариупольского могильника (пластины из клыка кабана, плоские фигурки животных, бусы из створок раковин). На основании этих аналогий могильник у с. Съезжее датируется второй половиной IV тыс. до н.э.

Материалы могильника Съезжее положены И.Б. Васильевым (1981) в основу выделения в Среднем Поволжье самарской культуры, которая относится к раннему энеолиту.

* * *

Исходя из анализа керамического материала неолитического времени Юга Восточной Европы можно говорить о наличии здесь двух основных групп родственных культур (рис. 21). Одна из них включает раннеэнеолитические культуры типа сурской в Поднепровье и горнокрымской в Крыму, а также памятники елшанского типа в Волго-Уральском междуречье (Васильев, Пенин, 1978. С. 3). Вторая группа охватывает все культуры Днепро-Донецкого региона, Подонья (ракушечнойярская и среднедонская), Волго-Уральского междуречья и Северного Прикаспия (сероглазовская или прикаспийская, волго-уральская, самарская). Они занимают степные и лесостепные пространства и образуют в неолите Восточной Европы отдельную днепро-волжскую общность (ДВО).

Характерными признаками керамики культур первой группы (сурской, горнокрымской и др.) является наличие только одной формы сосудов в виде остродонного горшка S-видного профиля с простым венчиком, отделанным наружу. Поверхность сосудов темного или серого цвета, она хорошо сглажена или подложена, в тесте небольшой процент минеральных примесей. Орнаментация сосудов незначительна, на ранних этапах развития культур вообще отсутствует, иногда состоит из одного-двух рядов ямок неправильных очертаний или зигзага, нанесенного качалкой. Позднее, например, на сосудах второго этапа сурской культуры и на поздних елшанских стоянках (Кошелак) складывается характерный для культур этой группы линейно-ямчатый мотив узора, образованный рядами параллельных линий с ямочным заполнением между ними. В других случаях создается шев-

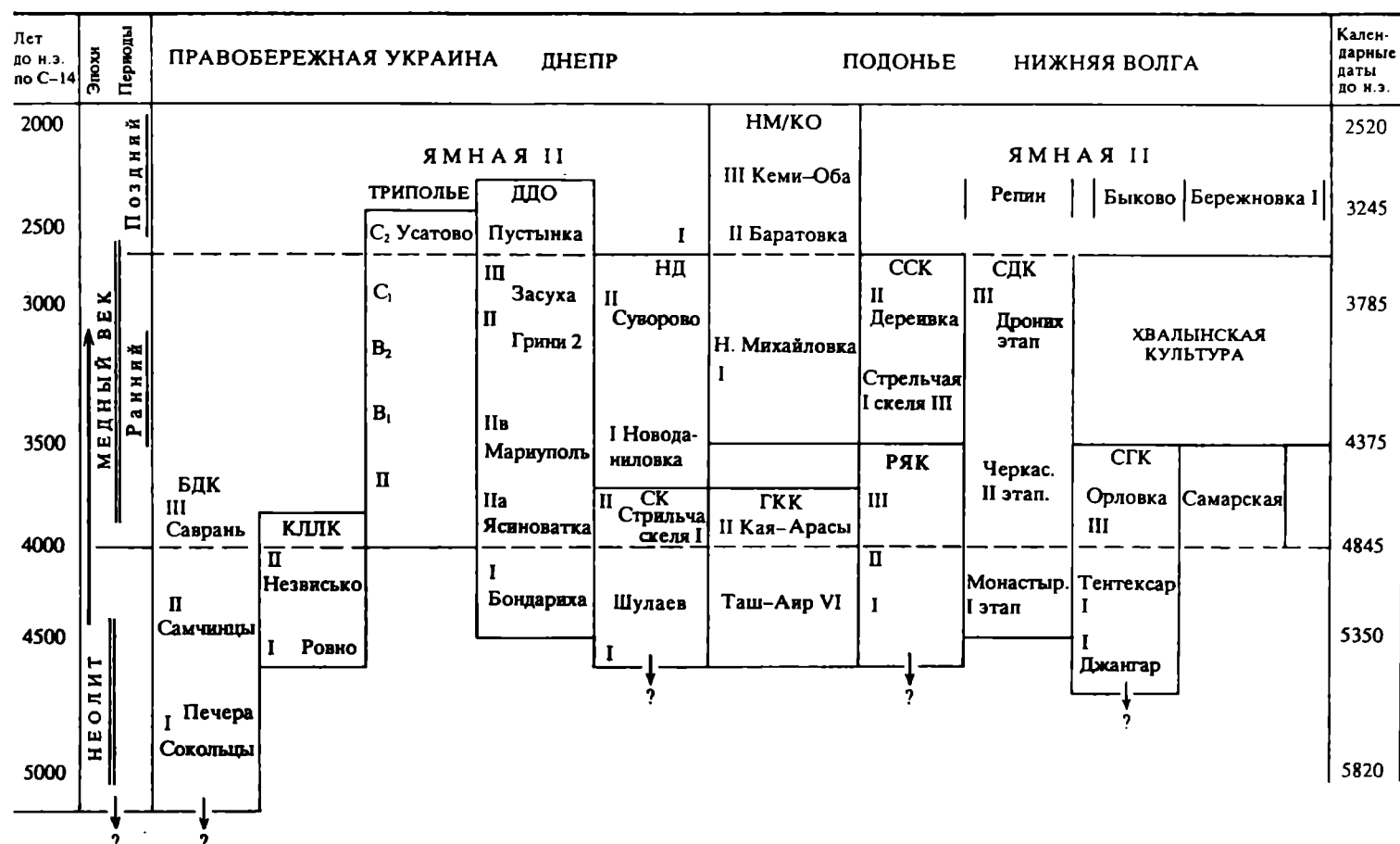

Рис. 21. Синхронизация культур неолита и раннего энеолита Правобережной Украины и Днепро-Волжского региона

Культуры и типы памятников: БДК – буго-днестровская; КЛЛК – линейно-ленточной керамики; ДДО – днепро-донецкая общность; НД – новоданиловская; СК – сурская; НМ/КО – Нижнемихайловская/кеми-

обинская; ГКК – горнокрымская; ССК – среднестоговская; РЯК – ракушечноярская; СДК – среднедонская; СГК – сероглазовская

ронно-подтреугольный узор, также линейно-ямчатый.

Используется вертикальный зигзаг, елочные мотивы и др. Но ни отступающие наколы, ни гребенчатые элементы орнамента для культур этой группы не характерны. Важной чертой сурской культуры является применение здесь каменных сосудов. Кремень этих культур мелкий, пластинчатый, микролитический.

Основным занятием населения сурской и горнокрымской культур были охота и рыболовство, но здесь известны уже первые домашние животные, в частности бык и свинья. Могильники не обнаружены, антропологический состав населения неизвестен. Культуры этой группы датируются концом VI–V тыс. до н.э., возможно, доживают до первой половины IV тыс. до н.э.

Многочисленные могильники и поселения второй, днепро-волжской общности (ДВО) характеризуются так называемой гребенчато-накольчатой керамикой, которая по многим признакам резко отличается от материалов культур первой группы.

Сосуды культур ДВО обычно толстостенные, их поверхность более светлых тонов, в тесте примесь травы (на Днепре) или толченой ракушки (в Прикаспии), реже в качестве отощителя применялся песок или дресва. Известна только одна форма сосудов в виде высокого пря-

моленного горшка. Последний часто имеет расширенное тулово и узкую горловину. Венчик прямой, изредка отведен наружу, но настоящий S-видный профиль сосуда обычно не встречается.

Характерной чертой керамики ДВО является одновременное распространение так называемых воротничковых сосудов, у которых край горшка оформлялся утолщением снаружи – “воротничком” или реже наплывом с внутренней стороны. Распространение воротничковой керамики в культурах ДВО имеет датирующее значение. Ранняя керамика почти вся остродонная, затем распространяется и плоское дно. Поверхность сосудов сглажена хорошо, на внутренней стороне видны следы расчесов.

Орнаментация на сосудах ДВО очень богатая, узор почти всегда густо покрывает поверхность сосуда, а иногда и его дно. Основных элементов орнамента два – отступающие наколы и оттиски в виде гребенки, нанесенные почти всегда короткой острой ракушкой. Иногда оттиски ракушки наносились способом качалки. Важной деталью узора является наличие под срезом венчика ряда глубоких округлых ямок. Каждая культура ДВО имеет некоторые особенности в орнаментации посуды. Например, на Нижней Волге, в Северном Прикаспии и на Дону чаще встречается накольчатый орнамент, а на Днепре и Северском Донце – гребенчатый. Узоры обыч-

но подчинены принципу горизонтальной зональности. Общее название узоров – гребенчато-накольчатые – распространяется на керамику в целом.

Кремневый инвентарь на разных этапах развития культур ДВО постепенно изменяется: обычно мелкий микролитический с множеством геометрических форм в более ранних комплексах и крупный в сочетании с макролитическими орудиями – на более поздних этапах.

Основной формой хозяйства у населения ДВО была охота и рыболовство, а на более поздних этапах скотоводство. В Прикаспии домашние животные появляются уже в раннем неолите. В составе домашнего стада культур ДВО бык, свинья и появляется лошадь.

Хорошо изучены могильники культур ДВО, в частности, на Днепре и в Приазовье (Мариуполь, Никольский), а также на Волге (Съезжее). Господствующим обрядом погребения было вытянутое на спине труположение, преобладают коллективные могилы, обычно густо засыпанные красной охрой. Сосуды при захоронениях не встречаются. Носители культур ДВО антропологически относились к типу поздних кроманьонцев, гиперморфных, широколицых или умеренно широколицых, что хорошо изучено, например, для культур днепро-донецкой общности и самарской культуры.

Культуры с гребенчато-накольчатой керамикой ДВО имели, вероятно, восточноевропейское происхождение, где сложились на местной позднемезолитической основе. В целом, они существовали в V–IV тыс. до н.э.

На основании стратиграфических наблюдений, типологического анализа материалов и данных радиоуглеродных определений в развитии культур гребенчато-накольчатой керамики могут быть выделены три основных периода – ранний (I), развитой (II) и поздний (III).

К первому периоду относятся памятники ранней фазы днепро-донецкой общности (Бондариха, Игрень, Собачки), первых двух фаз ракушечной культуры, поселения монастырского этапа на Среднем Дону, типа Джангар в Прикаспии, ранние слои Ивановки в междуречье Волги и Урала и др. Все они датируются V тыс. до н.э. В это время начал формироваться и развивался на всей территории ДВО керамический тип с гребенчатым и кольчатой орнаментом. Горшки остродонные (Поднепровье, Дон) и плоскодонные (Прикаспий). Кремень микролитический. В Поднепровье складывается уже в это время устойчивый тип вытянутых на спине погребений в небольших ямах-гнездах.

Культуры второго периода характеризуются распространением воротничковой гребенчатой и кольчатой керамики. В Поднепровье возникают коллективные усыпальницы мариупольского типа, синхронные погребениям самарской культуры на Волге (Съезжее). Кремень обычно крупный. К этому периоду относятся памятники второго этапа культур Днепро-Донецкого региона (Средний Стог I, Никольский, Мариупольский могильники), третьей фазы ракушечной культуры, типа Тентек-Сор и Орловки сероглазовской культуры, второй фазы среднедонской культуры и самарской культуры. Все они датируются первой половиной IV тыс. до н.э.

В конце второго периода большинство перечисленных культур – надпорожская, ракушечная, сероглазовская и самарская – сходят с исторической арены. А на территории их обитания распространяются пле-

на культур раннего медного века – среднестоговской, хвалынской, нижнемихайловской и др.

В третьем периоде из культур ДВО (вторая половина IV тыс. до н.э.) продолжают бытовать лишь памятники типа Пустынки на Днепре, Засухи в степном левобережье Днепра, а также третьей фазы среднедонской культуры на Дону. Гребенчато-накольчатая керамика деградирует, воротничковые сосуды больше не изготавливаются, не сооружаются больше и могильники мариупольского типа. Памятники типа Пустынки, Засухи и третьей фазы среднедонской культуры бытовали уже одновременно с культурами типа Среднего Стога, Хвалынска и др.

Как видно из сказанного выше, культуры гребенчато-накольчатой керамики ДВО всех трех периодов по составу материальной культуры относятся еще к неолитической эпохе. Они развивались от периода к периоду плавно, эволюционно. Металл в это время, за исключением нескольких медных импортов в позднейшем погребении Никольского могильника, отсутствует. Поэтому, видимо, следует считать ошибочной попытку И.Б. Васильева (1981) выделить памятники второго периода ДВО (с воротничковой керамикой) в отдельную Мариупольскую область. Последнюю он относит уже к эпохе неолита, хотя поселения третьего этапа ДВО считает еще неолитическими или “переходно-неолитическими” по терминологии А.Т. Синюка (Васильев, Синюк, 1985. С. 118). Такую искусственную периодизацию единых в культурном развитии неолитических памятников, часть которых относится и к эпохе энеолита, трудно считать логичной, она не вытекает также и из анализа фактических материалов.

К определению начала медного века на исследуемой территории надо подходить, видимо, с иных позиций. Наступление этой эпохи характеризуется довольно резкими переменами в материальной культуре, хозяйстве населения, его быте, верованиях и т.п., в том числе распространением металлических (медных) изделий, переходом населения к скотоводческому хозяйству, появлением новых форм верований, в частности повсеместного распространения скорченного обряда погребения. Как известно, такие новшества связываются с появлением среднестоговской, хвалынской и других культур, с которых и начинается здесь медный век.

Таким образом, в неолитическую эпоху, в конце VI–V тыс. до н.э., в степных и лесостепных районах от Днепра до Урала, в Крыму и Прикаспии обитало раннеолитическое население сурской, горно-крымской и елшанской культур. С этими племенами связаны первые процессы “неолитизации” юга Восточной Европы, в том числе распространение домашних животных, керамического производства и т.д. В V тыс. до н.э. на неолитический этап развития начали переходить другие группы населения позднего мезолита и возникла обширная днепро-волжская общность родственных племен с гребенчато-накольчатой керамикой. Они создали высокоразвитые культуры с устойчивыми типами керамики, орудий труда, постоянными формами погребального ритуала. Многочисленные эти племена некоторое время обитают одновременно с раннеолитическим населением сурской, горно-крымской и елшанской культур, а затем переживают их. Племена культур ДВО сходят с исторической арены в разное время: на юге – к середине IV тыс. до н.э. и на северных лесостепных территориях – в конце IV тыс. до н.э.

Глава 3

Кавказ

Из всех историко-культурных областей нашей страны Кавказ наиболее близок территориально к Передней Азии, где уже в мезолите сложилось производящее хозяйство, а потом возникли древнейшие цивилизации мира. Неолит Кавказа вызывает в этой связи особый интерес, поскольку в эту эпоху должны были закладываться основы ярких кавказских культур периода раннего металла с их высокоразвитыми земледелием и скотоводством, глинобитной архитектурой, металлургией меди.

Однако наши сведения о неолите Кавказа крайне скудны. Только в Кавказском Причерноморье исследована серия поселений и пещерных стоянок, по характеру кремневого инвентаря близких неолитическим местонахождениям Крыма. Недавно проведены исследования в Горном Дагестане, расширившие наши представления о неолите этого района.

Вполне вероятно, что неолитические памятники на Кавказе просто еще не выявлены. Но возможно и другое предположение. В VIII–VII тыс. до н.э. на территории Кавказа обитали мезолитические племена с высокоразвитой культурой, не знакомые еще с земледелием и скотоводством. Затем, в VI тыс. до н.э., в центральную часть Закавказья проникли с юга племена с культурой типа Шулаверис-гора, Шому тепе. Они принесли сюда сформировавшиеся в других районах навыки обработки земли, разведения скота, глинобитной архитектуры, плавки меди, изготовления керамики. Таким образом, в пределах центрального Закавказья мезолит сменился культурой шомутепинского типа, которую одни исследователи считают энеолитической, а другие рассматривают как неолитическую на ранних стадиях и энеолитическую – на поздних. Культуры же Северного Кавказа, Западного Прикаспия, имеющие неолитический облик, в действительности синхронны шомутепинской энеолитической культуре Закавказья и характеризуют периферию древнейшего на Кавказе очага производящего хозяйства. И они были достаточно скоро сменены высокоразвитыми энеолитическими культурами. Поэтому неолит здесь очень кратковременная и недостаточно выраженная эпоха.

Лучше всего мы знаем сейчас неолит Черноморского побережья Кавказа, где выделяется западно-кавказская культура. Первый памятник этой культуры выявил в 1936 г. А.Н. Каландадзе (1939) у с. Одиши в Зугдидском р-не Грузии. Собранные на поверхности находки (кремневые орудия микrolитических типов, шлифованные топоры, керамика) исследователь склонен был делить на мезолитические и неолитические. Только раскопки на стоянке Нижняя Шиловка (Формозов, 1962; Соловьев, 1967) показали, что аналогичные древние изделия составляют единый комплекс.

Самые северные памятники западно-кавказской нео-

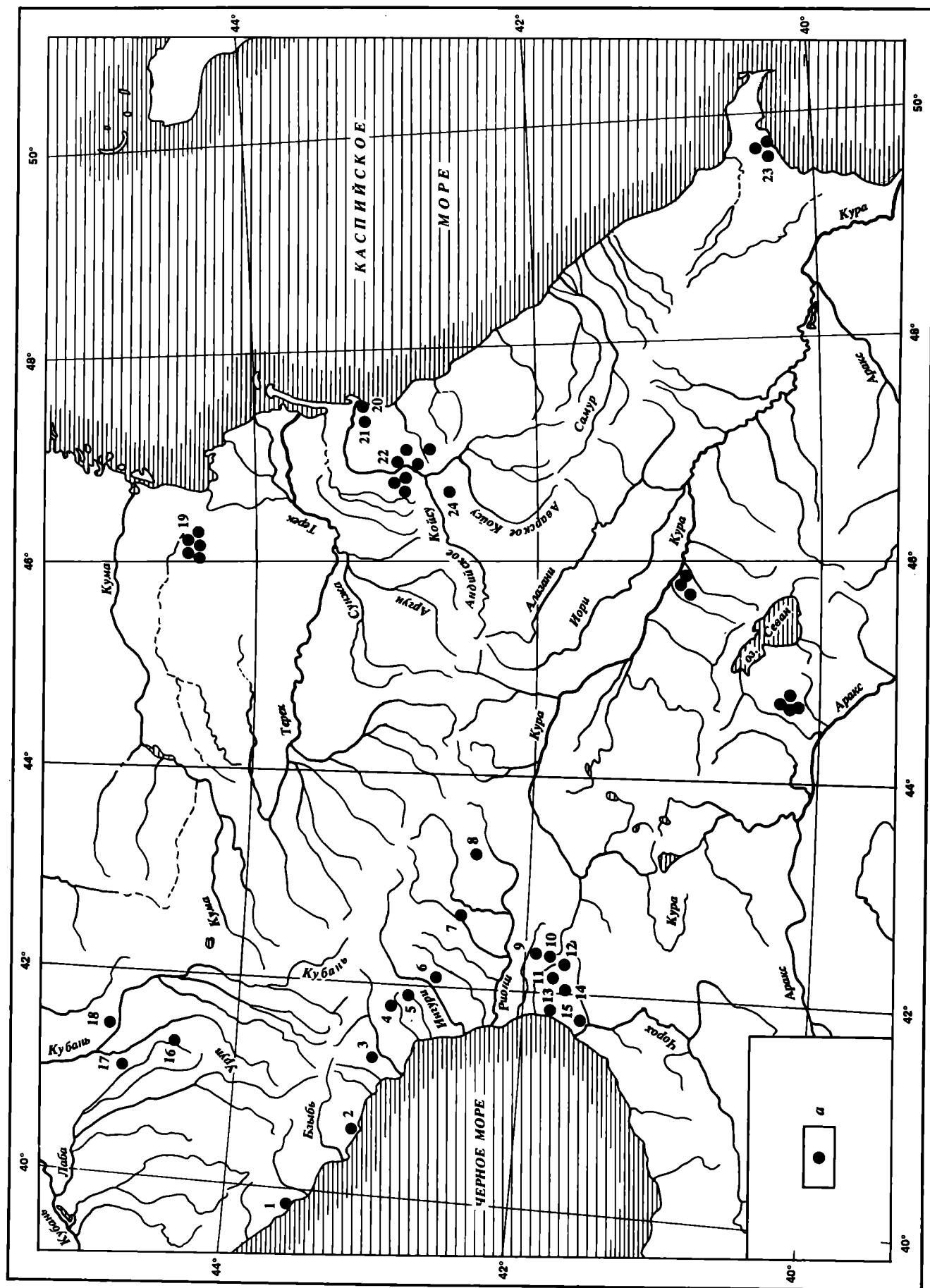
литической культуры обнаружены около Адлера – в Нижней Шиловке, самые южные – в Аджарии, у Кобулет, Хуцубани, Махвилаури (Гогитидзе, 1978).

Раскопками исследованы как эти стоянки, так и ряд пунктов у г. Махарадзе (Небиеридзе, 1972), Даркветский навес в Чиатурском р-не Грузии (Небиеридзе, 1978) и несколько объектов на территории Абхазии – пещера Апианча (Церетели, 1978), местонахождения Гумуриши, Чхортоли, Гали I (Каландадзе, 1974) и поселение Кистрик близ Гудауты.

Неолитические памятники Западного Закавказья (карта 4) тяготеют к прибрежной зоне, но непосредственно у берега моря, на древней морской террасе, расположено только Кистрикское поселение. Очевидно, близость моря не имела решающего значения при выборе места поселений. Почти все местонахождения связаны с руслами небольших рек и располагаются на их террасах или пологих склонах невысоких холмов с аллювиальным суглинистым покровом. Исключение составляют пещерные стоянки.

О первоначальных размерах поселений говорить трудно. Большая часть их площади в настоящее время застроена или уничтожена. Вероятно, были и мелкие и очень большие поселения. Так, судя по урезу речного берега на поселении Нижняя Шиловка, культурные остатки в одном направлении встречались на протяжении всего 40 м. Площадь же распространения находок на поселении Кистрик составляет около 68 тыс. кв. м. Все же вряд ли люди заселяли эту площадь одновременно. Огромные размеры памятника объясняются скорее всего тем, что в отличие от неолитических и энеолитических поселений Закавказья, Средней и Передней Азии с их глинобитной архитектурой, способствовавшей быстрому образованию теллей, новые жилища поселений Кавказского Причерноморья сооружались не на месте старых, а в стороне, на новых участках. Это объясняет и односторонность почти всех неолитических памятников.

Отсутствие остатков каких-либо каменных кладок и глинобитных построек позволяет думать, что жилища Кавказского Причерноморья были деревянными. По данным С.И. Гогитидзе, на поселении Кобулет прослежены ямки от деревянных столбов, благодаря чему выясняется, что жилища имели прямоугольную форму. На поселении Кистрик следы жилищ не выявлены, встречались только очажные и хозяйственные ямы размером до 2,5 × 1,5 м, а также округлые углубления диаметром 20–30 см с почти вертикальными стенками. Вероятно, это остатки деревянных столбов жилых сооружений – опоры домов типа свайных построек. По этнографическим и историческим данным, в Кавказском Причерноморье с его влажным субтропическим климатом вплоть до начала нашего столетия преобладал именно такой тип домов.

Наиболее ранними памятниками западно-кавказской неолитической культуры можно считать поселения Анасеули I, слой V Даркветского навеса, слой I пещеры Апианча и местонахождение Лемса. Комплекс Анасеули I состоит из изделий мезолитического облика, в основном на пластинах, микропластинах и их сечениях, имеется ряд шлифованных орудий неолитического типа (рис. 22). Керамика не обнаружена.

Большую часть анасеульской коллекции (всего 4044 предмета) составляют изделия из обсидиана, которого в Кавказском Причерноморье нет. По-видимому, обсидиан на поселение доставлялся в желваках и в виде полуфабрикатов. Нуклеусы (28 экз.) – конусовидные, карандашевидные, призматические. Ножевидные пластины встречаются реже сечений (177 экз. – 25%). Немногочисленны микропластины (3%), пластины с ретушированными краями (47 экз. – 7%), пластинки с притупленной спинкой. Резцы (165 экз. – 35,6%) все, кроме одного, изготовлены на пластинках. Большинство скребков (120 экз.) на отщепках, есть и концевые на пластинах (15 экз.). Найдено восемь трапеций симметричной формы. Остальные орудия из обсидиана и кремня в коллекции представлены единичными экземплярами. Это концевые скребки на пластинах с резцовыми сколами на противоположном конце (3 экз.), острия-сверла (4 экз.), резчики-ножи (2 экз.), ретушеры (3 экз.).

Вторую группу орудий Анасеули I составляют клиновидные шлифованные топоры, ударное (молоток) и мотыговидное орудия, метательные шары, шлифовальники, терочники.

Даркветский навес расположен близ г. Чиатура на высоте 5 м над уровнем р. Квирила (абсолютная высота 700 м). На площадке под навесом, в раскопе площадью 80 кв. м прослежено чередование пяти культурных слоев, из которых IV (сверху) автор раскопок относит к раннему неолиту (Небиеридзе, 1978).

Основу Даркветской коллекции (275 экз.) составляют ножевидные пластины (204 экз.). Нуклеусы конусовидные (10 экз.), призматические (2 экз.) и карандашевидный (1 экз.). Орудия распределяются следующим образом: трапеции – 16 экз., скребки – 6 экз., резцы – 5 экз., проколки – 6 экз., зубчатые орудия – 2 экз., стамески – 1 экз. Имеются шлифованный топор и зернотерка. Керамики нет, но сохранились костяные изделия – шилья, иглы, а также орудие из рога с затертым концом.

Большинство костей из Даркветского навеса принадлежит диким животным, в основном кабану, благородному оленю и косуле. Но в IV слое найдены кости домашних животных. Это бык – *Bos taurus* (5/2), свинья – *Sus domesticus* (47/5), мелкий рогатый скот –

Ovis aut capra (17/3), собака – *Canis familiaris* (1/1).

В пещере Апианча (абсолютная высота 450 м), расположенной в горной части Абхазии, в 40 км от Сухуми, два верхних слоя последовательно относятся к мезолиту и неолиту. Они исследованы на площади 68 кв.м. В мезолитическом слое много геометрических форм – асимметричные треугольники, трапеции с двумя обработанными краями, пластины с притупленным краем.

В неолитическом слое нет пластин с притупленным краем, у трапеции обработаны уже три края. Найдены костяные орудия, в том числе крючок. Встречаются галечные орудия, но нет шлифованных. Отсутствует и керамика. Из кремневых орудий особого внимания заслуживает жатвенный нож с прямой рукояткой (Церетели, 1978).

Как видим, комплексы Анасеули I, Дарквети, Апианчи и также Лемсы близки мезолитическим с характерным для них микролитическим инвентарем, но появляются тут и новые неолитические формы – шлифованные клиновидные топоры, трапеции со струганной спинкой, а также пластинки с выделенной головкой, трапеции с обработкой с двух сторон, шарики для пращи. Отсутствие керамики может быть случайным обстоятельством.

Последующее развитие западнокавказской неолитической культуры характеризует уже большее число поселений (Нижняя Шиловка, Кистрик, Чхортоли, Гали I, Гумуриши, Хорши, Одиши, Анасеули II, Гурианта, Мамати, Махвилаури).

Все типы нуклеусов, встречавшиеся на раннеолитических поселениях, характерны и для памятников позднего неолита, кроме того, появляются многоплощадочные дисковидные и аморфные нуклеусы. Техника производства орудий совершенствуется, основное внимание уделяется теперь вторичной обработке изделий. Значительно расширяется ассортимент орудий (рис. 23). Пластинка остается ведущим типом среди заготовок. Ретушированные пластинки составляют всего 4–5%, большая часть обработана по одному краю со стороны брюшка или спинки, имеются пластинки и со встречной ретушью по одному краю, изредка встречаются с затупленным краем или оформленные зубчатой ретушью.

Наиболее многочисленны пластинки с выемками по краям. В Кистрике (рис. 24) их около 380. Иногда выемки выделяют верхнюю часть пластин. Особенно типичны пластинки с выделенной головкой для Нижнешиловской стоянки, где такой способ оформления черешковой части орудия встречается и на массивных кремневых изделиях длиной 10–12 см. Редкой, но показательной находкой являются пластины с подтесанными концами. Такие долотовидные орудия изготавливались не только из пластин, но и из пластинчатых отщепов и сработанных нуклеусов.

Долотовидные орудия характерны, очевидно, для определенного этапа развития неолита Кавказского Причерноморья. На наиболее поздних памятниках – Одиши, Анасеули II таких орудий уже нет. Но на этих поселениях значительно чаще встречаются пластинки со скошенными ретушью концами, которые редки или отсутствуют в раннем и среднем неолите (Шиловка, Кистрик, Махвилаури).

Карта 4. Неолитические памятники Кавказа (основные). (Составлена В.В. Бжания)

1 – Нижняя Шиловка; 2 – Кистрик; 3 – Верхняя Лемса; 4 – Чхортоли; 5 – Гали; 6 – Одиши; 7 – Мелоури; 8 – Даркветский навес; 9 – Мамати; 10 – Гурианта; 11 – Анасеули I; 12 – Анасеули II; 13 – Хацубани; 14 – Кобулет; 15 – Махвилаури; 16 – Каменноостовская пещера; 17 – Псекупские местонахождения; 18 – Овечка; 19 – Божиганские местонахождения; 20 – Тарнаир; 21 – Буйнакск; 22 – местонахождения горного Дагестана; 23 – Кобыстан; 24 – Чохское поселение

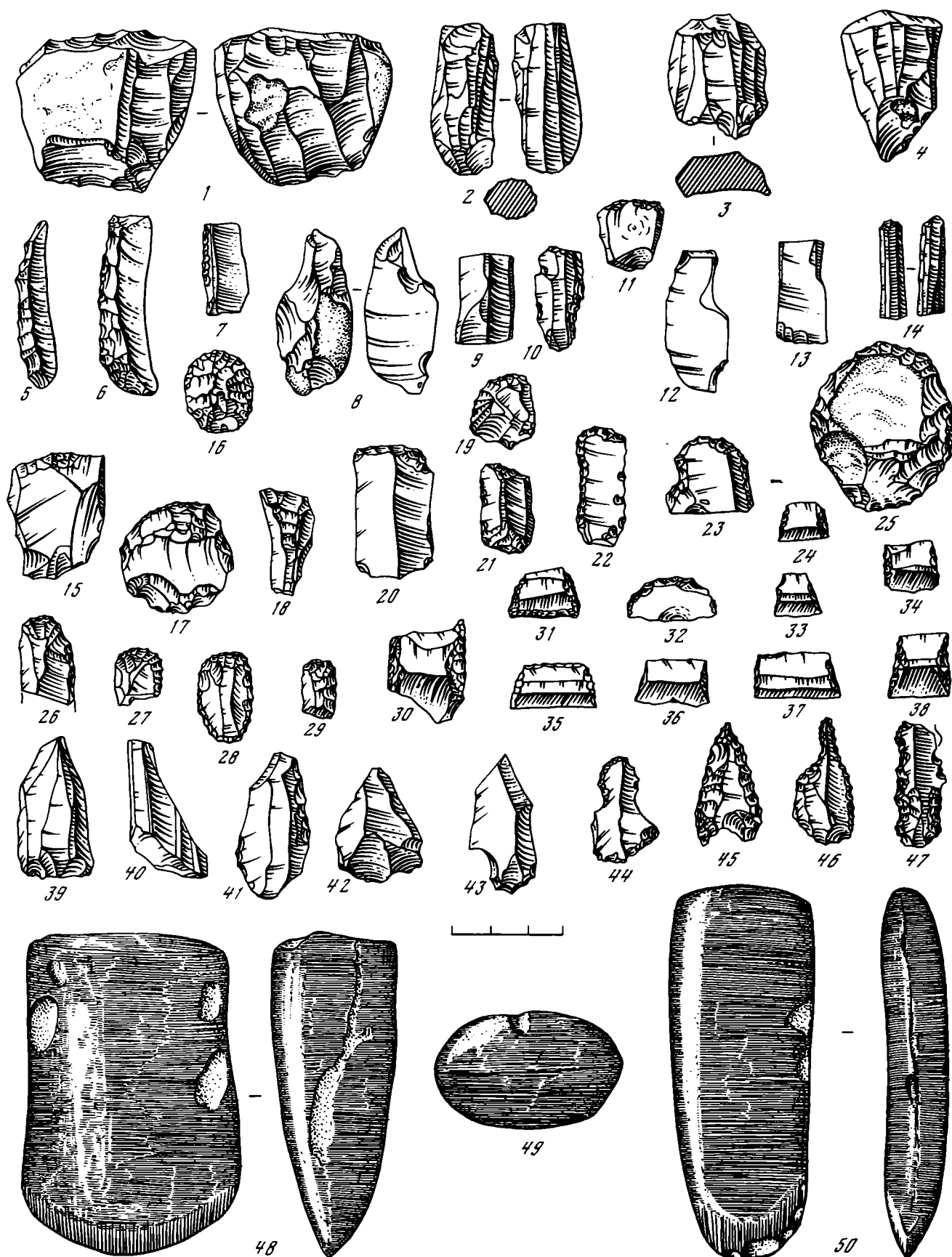

Рис. 22. Материалы стоянок раннего неолита Кавказского Причерноморья

1-9, 12-23, 30, 32, 33, 35, 42, 47-49 – Анасеули I; 10, 11, 24-29, 31, 34, 36, 41, 43-46 – Верхняя Лемса

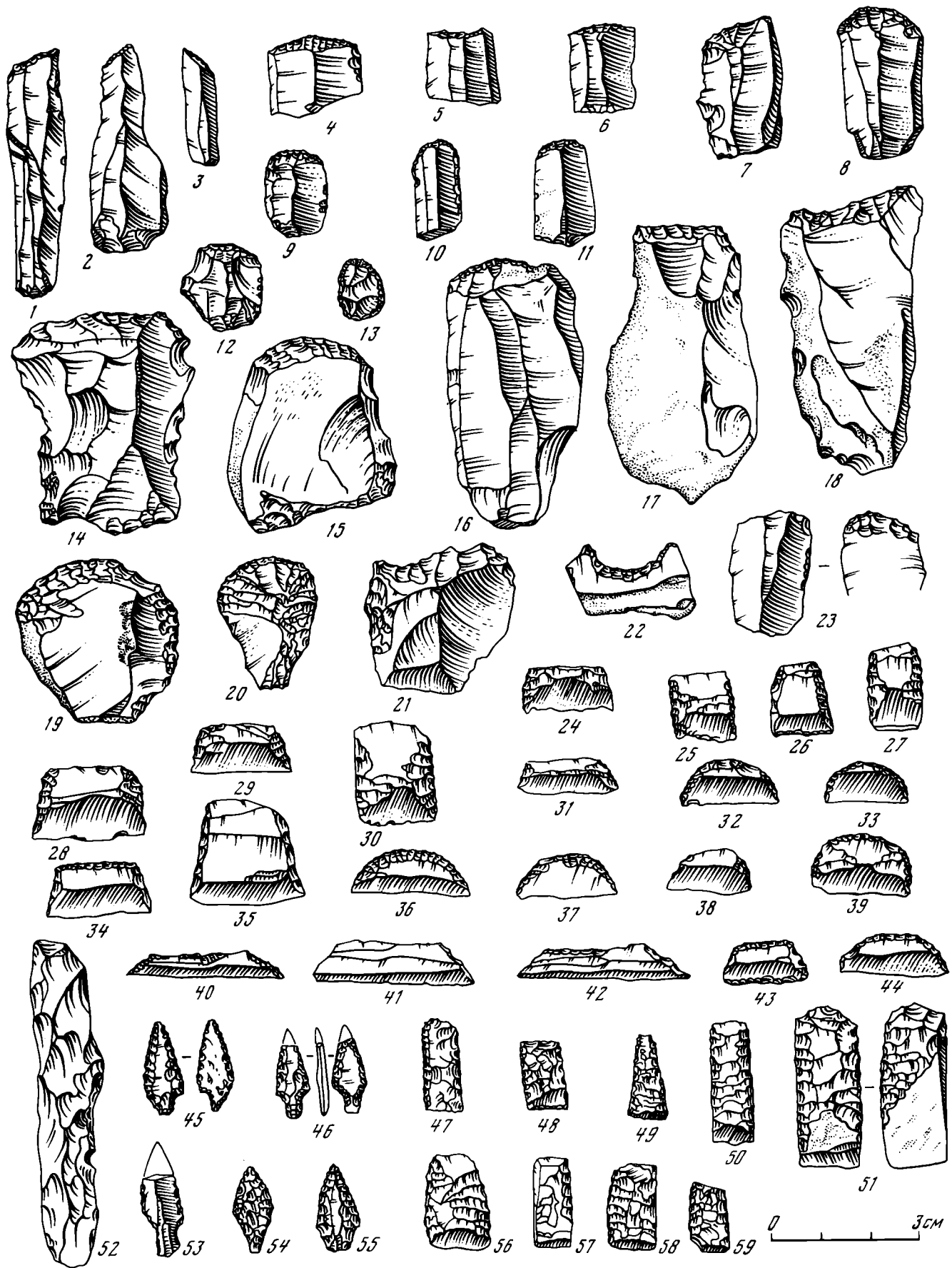

Рис. 23. Кремневые орудия памятников развитого и позднего неолита Кавказского Причерноморья

1-3, 8-13, 22, 32-35, 43, 44, 46-51 - Анасеули II; 4-7, 20, 23, 25, 27-31, 36-39, 45, 53 - Нижняя Шиловка; 14-19, 21-24, 26, 40-42, 52, 55-59 - Одиши; 54 - Кистрик

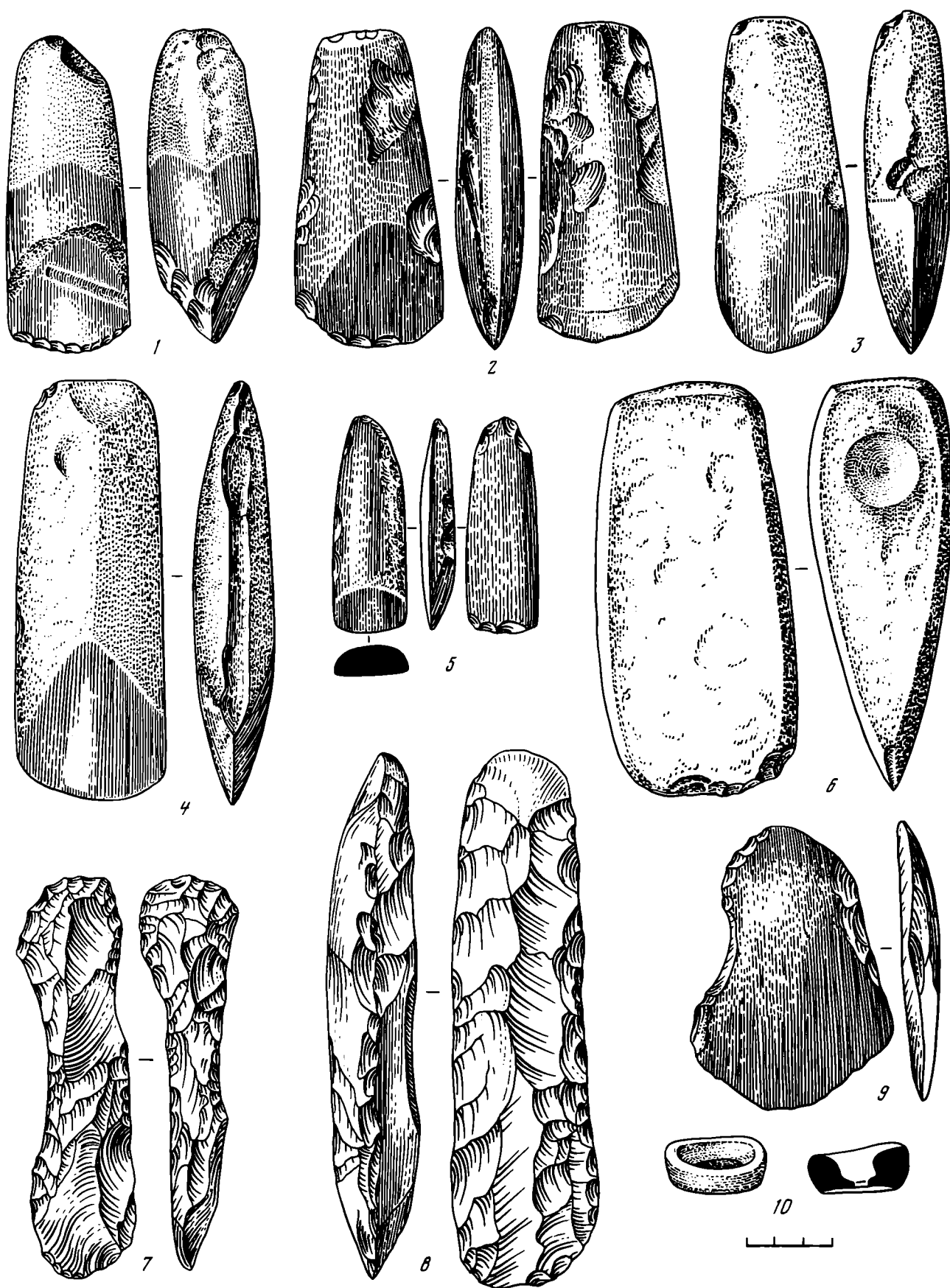

Рис. 24. Каменные орудия поселения Кистрик

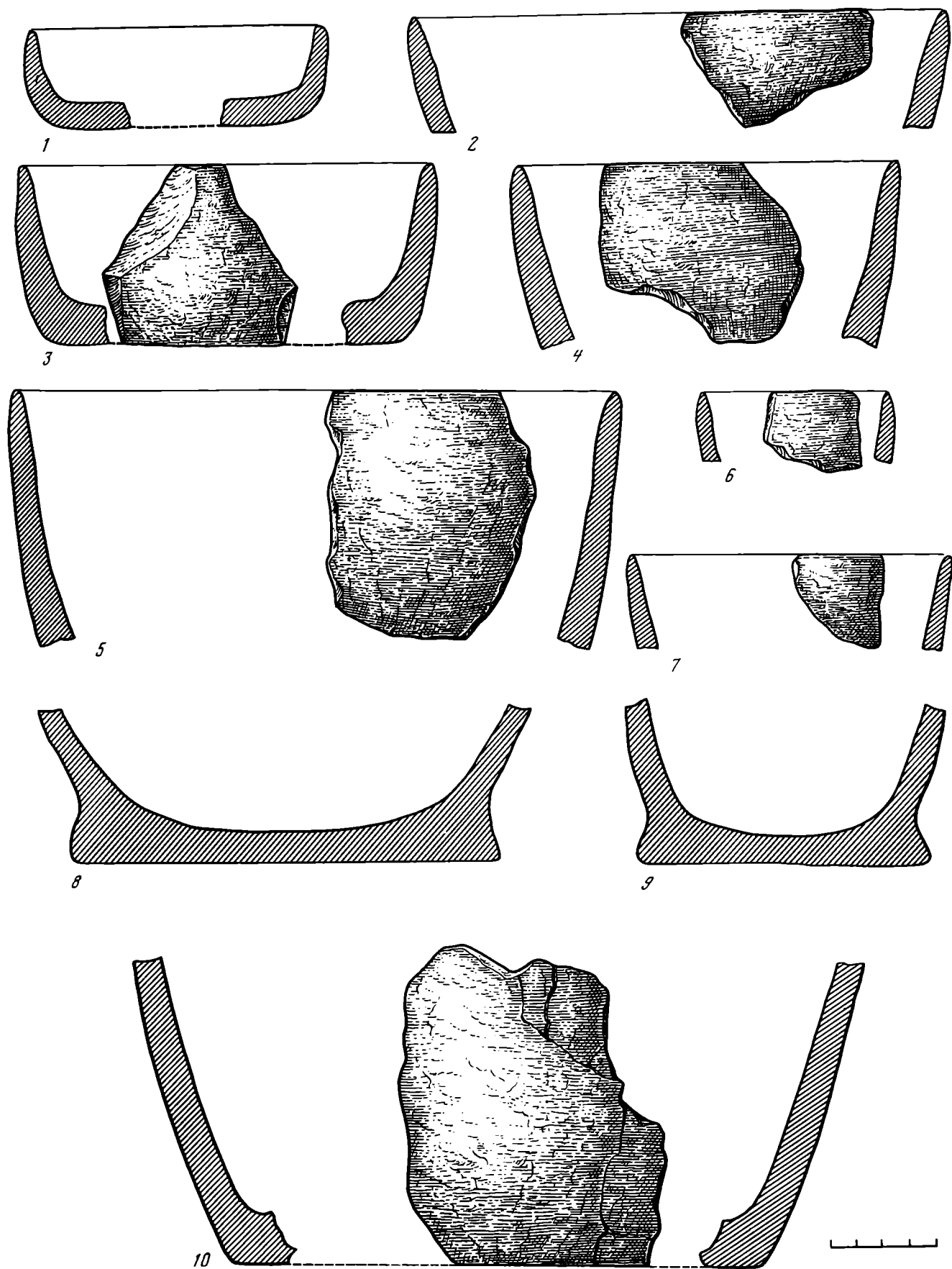

Рис. 25. Керамика стоянок Нижняя Шиловка (2, 4, 5, 8, 9) и Кистрик (1, 3, 6, 7, 10)

Резцов на поселениях развитого и позднего неолита по-прежнему много. Большинство изготовлено на углах сломанных пластинок. Чаше встречаются боковые и клювовидные резцы. Появляются изделия, рабочий край которых оформлен ретушью (ножи-резчики). Скребки в инвентаре составляют небольшой процент. Характерны для комплексов острия и геометрические микролиты. Среди острий преобладают изделия на удлинённых пластинках с ретушью по краям. На изделиях с длинным рабочим концом (проколки) ретушь, как правило, крутая, двусторонняя и нанесена со спинки. У орудий с коротким жалом ретушь по краям более пологая, противолежащая (развертки).

Геометрические микролиты найдены на всех памятниках развитого и позднего неолита. Формы их разнообразны. Встречаются трапеции, сегменты, прямоугольники и треугольники. Преобладают всюду симметричные трапеции. В отличие от раннего неолита чаще встречаются высокие трапеции и низкие удлинённые. Изделия с полностью фасетированными плоскостями редки и характеризуют самый поздний этап неолита. К ним относятся прямоугольники из Одиши и Анасеули II. Вся поверхность этих изделий покрыта фасетками плоской струйчатой ретуши, весьма характерной для обработки кремневых наконечников и вкладышей серпов эпохи раннего металла.

К числу редких находок относятся двустороннеобработанные наконечники стрел на пластинах или пластинчатых отщепках, листовидные с черешком. Редкость наконечников стрел объясняется тем, что в неолите Кавказа, как и в ряде культур Передней Азии, лук мог быть заменен пращой. Каменные шарики для пращи в большом количестве встречены на Нижнешиловской стоянке, в Махвилаури, на других памятниках.

На поселениях развитого и позднего неолита представлены клиновидные шлифованные топоры и долота, массивные удлинённые орудия, обработанные с двух сторон крупными сколами ("орудия типа пик"), мотыгovidные изделия, отбойники, отжимники, шлифовальники, молотки, песты, обломки терочников и зернотерок. Топоры и долота имеют округлое, линзовидное и трапецевидное сечения. Лезвия их округлые и прямые. Для топоров характерна зашлифовка на ребрах. На завершающем этапе неолитической культуры появляются желобчатые и просверленные ударные орудия.

Керамический материал (рис. 25) на всех поселениях сильно фрагментирован. Судя по немногим целым экземплярам, сосуды были плоскодонные, имели баночную форму с небольшим расширением тулова. Венчики на более ранних памятниках прямые, в редких случаях слегка отогнутые вовнутрь или наружу. На более поздних памятниках края венчиков часто уплощаются и имеют небольшую скошенность наружу. Вся керамика слабого обжига, в составе глины крупная примесь гранитной дресвы. Поверхность сосудов не украшена. На наиболее поздних памятниках появляется резной геометрический орнамент из зигзагов, елочек, рельефные валики и выступы, насечки по венчику.

Западно-кавказская неолитическая культура достаточно своеобразна, сложилась, видимо, на местной мезолитической основе и развивалась без резких изменений в составе инвентаря. Импорт обсидиановых изделий, типо-

логическая близость ряда геометрических орудий Западного Кавказа и Крыма, сходство некоторых форм и орнамента керамики Кавказского Причерноморья и Южного Закавказья говорят о налаженных контактах западно-кавказских племен с соседними областями. Однако существенных изменений в развитии неолитической культуры Кавказского Причерноморья эти взаимоотношения как будто не принесли. Налицо ее постепенное последовательное развитие.

В рамках единой неолитической культуры Кавказского Причерноморья Л.Д. Небиеридзе (1972) выделяет два локальных варианта: западный и восточный. В Нижней Шиловке и Кистрике (западная группа) имеются пластинки с выделенной головкой, а в Одиши, Анасеули II, Гурианте (восточная группа) их нет. Для Шиловки и Кистрика характерны высокие трапеции и неорнаментированная керамика, а в Одиши, Анасеули II (рис. 26), Гурианте преобладают высокие прямоугольники и есть орнамент на сосудах. Не исключено, однако, что эти различия не столько локальные, сколько хронологические. Показательно хотя бы то, что на поселении Махвилаури, расположенном восточнее Одиши, Анасеули и Гурианта, орнаментированной керамики нет, точно так же, как в западной группе.

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют наметить три этапа развития неолитической культуры Кавказского Причерноморья.

Первый этап – ранний (Анасеули I, Дарквети, Апианча, Лемса, Кобулет), характеризуется отсутствием или очень малым числом находок керамики, инвентарем, близким к мезолитическому, и появлением шлифованных орудий с линзовидным и округлым сечением.

Следующий этап – развитой неолит (Хорши, Гали I, Нижняя Шиловка, Кистрик, Махвилаури) характеризуется неорнаментированной керамикой, обилием трапеций (в том числе высоких) с двусторонней обработкой краев и односторонней – верхнего конца, распространением трапеций со струганной спинкой, острий (проколки, развертки) и резчиков, шлифованных топоров с трапецевидным сечением и прямыми лезвиями.

Третий этап – поздний неолит (Чхортоли, Гумуриши, Одиши, Мамати, Анасеули II) – отличается орнаментированной керамикой, распространением прямоугольников, почти полностью покрытых струйчатой ретушью, и низких удлинённых трапеций, появлением зернотерок.

Сложнее определить абсолютный возраст неолита Кавказского Причерноморья, поскольку радиоуглеродных дат стоянки не имеют. Многие исследователи отмечали сходство неолита Кавказского Причерноморья с памятниками Западной Грузии – Цопи и Самеле-Клде, что проявляется в сходстве кремневых изделий, части керамики и особенно ее орнаментации. Но в комплексах Самеле-Клде и Цопи преобладают фрагменты сосудов с хорошо заглаженной поверхностью и присутствуют керамика и костяные изделия, типичные для шулаверис-шомутепинской культуры Южного Закавказья.

На сосудах III-I горизонтов Шулаверис-гора и VII-VI горизонтов Имрис-гора имеется резной орнамент, по технике нанесения и по мотивам (елочные, геометрические и вертикально-волнистые узоры) повторяющий орнаментацию керамики поселений Одиши и Анасеули II. Сходство прослеживается и в характерных насечках по

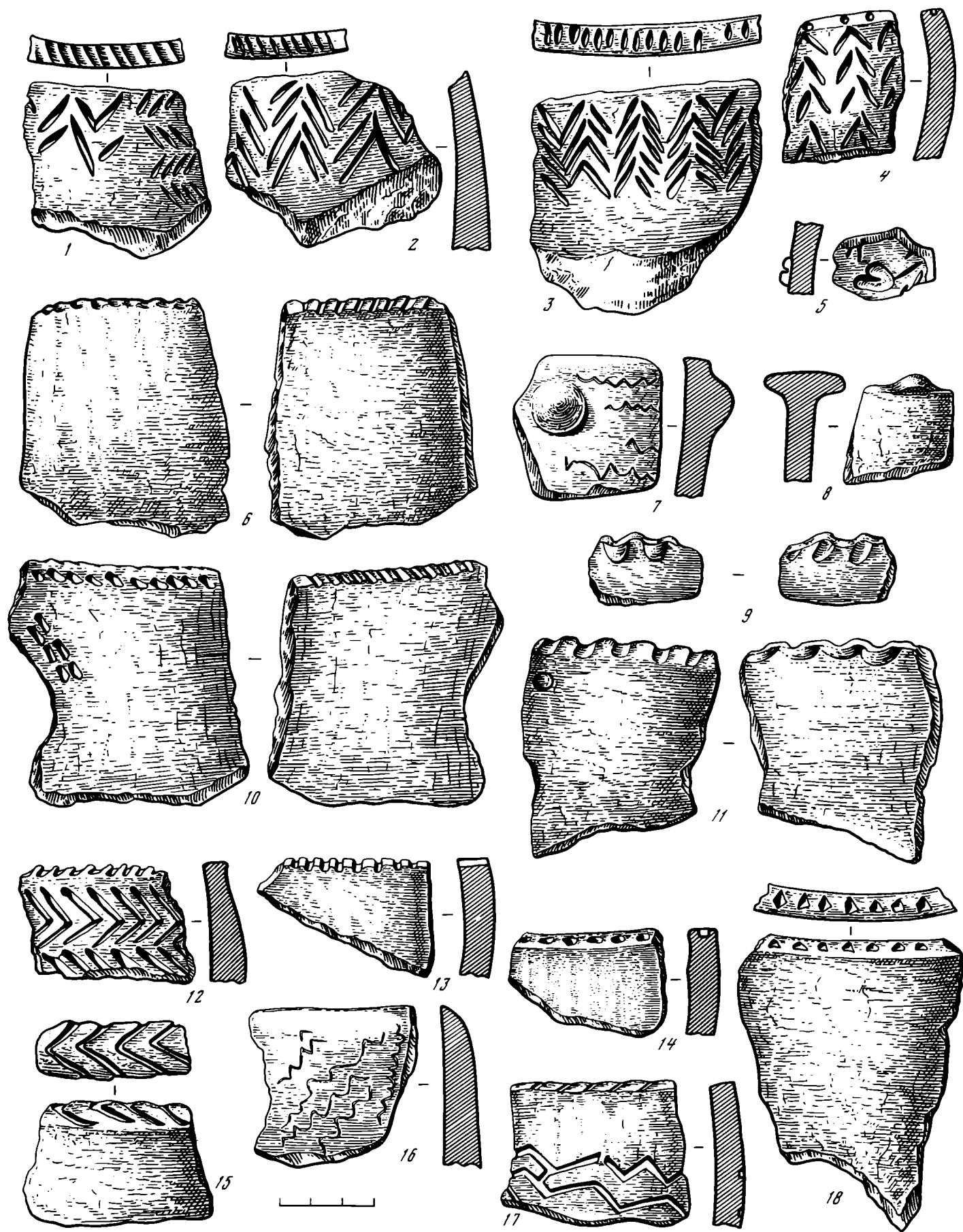

Рис. 26. Керамика стоянки Анасеули II

краю венчиков и приемах украшения сосудов налепными коническими выступами.

Резной геометрический орнамент появляется только на определенной стадии развития шулавери-шомутепинской культуры (по Т.В. Кигурадзе, на II ее ступени) и за ее пределами не встречается (Кигурадзе, 1976). Поэтому можно говорить о прямых контактах населения западного и восточного Закавказья на этой стадии развития культуры.

Для поселений шулавери-шомутепинской культуры имеется девять дат по С 14. На основе этих определений и с учетом переднеазиатских аналогий существование шулавери-шомутепинской культуры приурочивается к VI–V тыс. до н.э. (Мунчаев, 1975). Исходя из этого, время существования западно-кавказской неолитической культуры должно быть отнесено к VI – первой половине V тыс. до н.э. Следует, однако, иметь в виду, что определение абсолютного возраста неолитической культуры Кавказского Причерноморья пока зиждется только на корреляции с культурой, хронология которой остается дискуссионной. Своих же прочно обоснованных дат неолит Кавказского Причерноморья не имеет.

Вопрос о занятиях населения, оставившего стоянки типа Нижнешиловской и Кистрика, пока остается открытым. На поселении Кистрик и местонахождениях в р-не городов Сочи и Зугдиди (Урта) найдены каменные тяпкообразные орудия типа древнейших переднеазиатских мотыг. Однако нигде пока еще нет четких стратиграфических подтверждений принадлежности этих орудий неолитическому слою. Другие бесспорно земледельческие орудия на неолитических стоянках отсутствуют. Как орудия для обработки земли принято расценивать каменные изделия типа пик из Кистрика и других близких памятников, но, возможно, это лишь заготовки для топоров. Л.Н. Соловьев (1967) упомянул о находке обугленных зерен злаков в хозяйственной яме Кистрикского поселения. На более поздних стоянках есть зернотерки.

Костные остатки сохранились только в пещерных стоянках Апианча и Дарквети. В последней наряду с костями диких животных встречаются также и кости домашних – быка, свиньи, козы и собаки. Это первое указание на то, что обитатели поселений этого круга овладели навыками содержания домашних животных. О том же свидетельствуют и материалы из Прикубанья, связанные с другой неолитической культурой, во многом близкой западно-кавказской.

В 1961 г. А.А. Формозов (1971) провел раскопки Каменноостской пещеры, расположенной на мысу у слияния безымянного ручья с ручьем Мешоко, впадающим в р. Белую – приток Кубани. В слое, перекрывающем палеолитический, выявлено два горизонта – неолитический и энеолитический (майкопской культуры). Нижний горизонт (мощность 20–40 см) содержал свыше 1000 кремневых изделий, три костяных орудия, 26 фрагментов глиняных сосудов (рис. 27, 10–30), кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, собаки и диких животных (определения В.И. Цалкина).

В коллекции из Каменноостской пещеры наряду с призматическими, коническими и карандашевидными нуклеусами есть несколько ядрищ призматической формы со скошенными площадками, сработанных по одной плоскости до превращения в тонкие плитки. Аналогии известны в

неолите Северного Причерноморья. Много пластин без вторичной обработки. Среди ретушированных пластин встречаются с приостряющей ретушью по краю, с выемчатым краем, с притупленным краем и притупленными концами, с кососрезанными ретушью концами. Имеется несколько пластин с подтесанными концами. Большинство скребков (8 экз.) изготовлено на пластинках и принадлежит к типу концевых. Единичными экземплярами представлены угловые резцы на пластинках, острие-проколка, шаровидные отбойники, обломок крупного наконечника стрелы с двусторонней ретушью, трапеции и сегменты. Форма геометрических микролитов выработана нечетко. Наряду с кремневыми орудиями найдены две костяные проколки и долотце из расколотой трубчатой кости.

Керамика представлена фрагментами толстостенных сосудов с рыхлым рассыпающимся тестом, иногда с примесью раковин. Встречены округлое днище и небольшой горшочек баночной формы с плоским днищем. По тулову этого сосуда нанесены редкие вертикальные прочерченные полосы. Такой же орнамент есть и на черепках от других сосудов.

Резному линейному орнаменту керамики Каменноостской пещеры А.А. Формозов приводит аналогии из стоянок типа Кая-Арасы в Крыму и сурских на Днепровских порогах. Влиянием степных культур, очевидно, следует объяснить и появление в Каменноостской пещере остродонной керамики с примесью дробленой ракушки, наличие пластинок с кососрезанными концами и пластинок с затупленными краями. Для территориально близких к Каменноостской пещере памятников Кавказского Причерноморья все это не типично. Но для последних характерны баночные плоскодонные сосуды и кремневые трапеции с двусторонней обработкой, которые имеются в Каменноостской пещере и не встречаются в Крыму и в степных культурах юга Евразии. По-видимому, комплекс Каменноостской пещеры характеризует культуру неолита Северного Кавказа, в которой сочетались черты, свойственные культурам Черноморского побережья Кавказа и степной зоны Северного Причерноморья.

К описанному комплексу близка небольшая коллекция подъемного материала, собранная В.П. Любиным (1966) близ г. Черкаска на берегу р. Овечка – притока Кубани. В коллекции плоский нуклеус, 56 сечений пластинок, три скребка (на мелких отщепках и концевой на пластинке), шесть вкладышей геометрических форм и т.д. С находками в Каменноостской пещере перекликаются форма нуклеуса, сработанного до превращения в плитку, микроскребки, пластинка с кососрезанным концом, трапеции со струганной спинкой и двусторонней ретушью по краям, низкий сегмент (рис. 27, 1–9).

На территории Дагестана обнаружен ряд местонахождений, которые принято называть неолитическими. Одно из них расположено у г. Байнакса (Марковин, Мунчаев, 1957), а 18 – в высокогорье, в Акушинском и Гунибском р-нах (Котович, 1964).

Коллекцию находок Буйнакского местонахождения составляют 275 изделий, собранных на распаханном поле и в обнажении культурного слоя мощностью 0,20–0,25 м. Нуклеусы отличаются миниатюрностью (до 4 см). Большинство имеет конусовидную, карандашевидную и призматическую форму, встречаются дисковид-

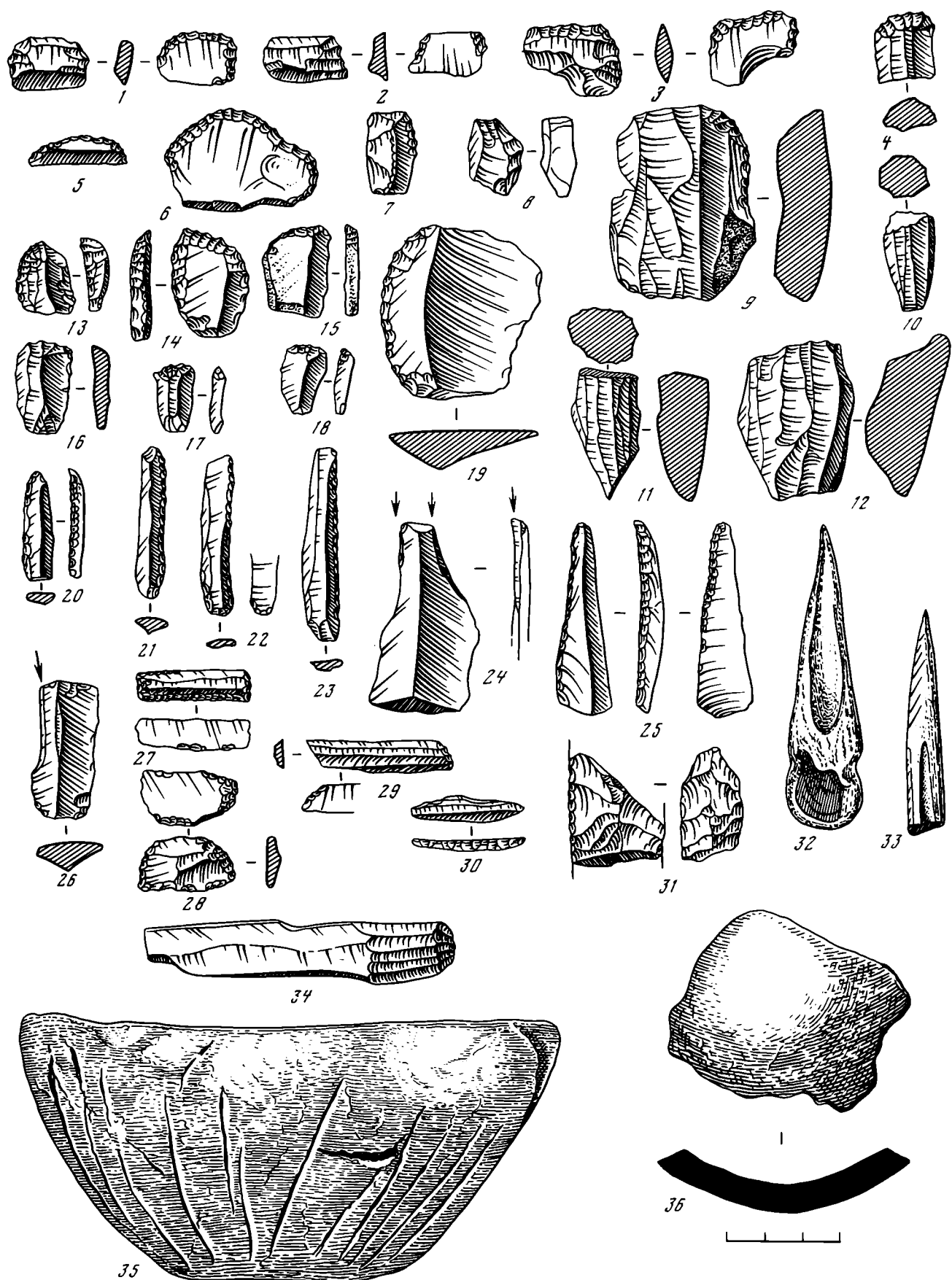

Рис. 27. Материалы местонахождения Овечка (1-9) и второго слоя Каменноостской пещеры (10-30) в Прикубанье

ные и аморфные ядрища. Основной инвентарь памятника состоит из орудий на микропластинках (острия, концевые скребки, пластинки с мелкими выемками, низкие трапеции с ретушью) и крупных изделий на пластинах и отщепах (острие с ретушированными краями, острие на широком отщепе, концевые скребки на пластинах и отщепах, иногда сохраняющие галечную корку). Имеется отжимник в виде трехгранного стержня с негативами сколов на поверхности, отбойник, “заготовка” клиновидного топора и плоский шлифованный топор.

Большинство неолитических памятников горного Дагестана известно из Акушинского р-на. Здесь в Усишинской и Акушинской долинах обнаружено 15 местонахождений. Наиболее значительные Сага-Цука, Какала-Кадала-Хар и кремневые мастерские в урочищах Арачалла-бек и Дузани. В большинстве случаев это подъемный материал, состоящий в основном из каменных орудий и отходов от их производства. Характер инвентаря здесь иной, чем в Буйнакске – микролитических форм тут очень мало.

На поселении Малин-крат найдены кости домашнего быка и керамика, близкая к энеолитической (пачкающая поверхность или обмазка поверхности жидкой глиной, сквозные отверстия по венчику). Если вслед за В.Г. Котовичем считать подобные памятники горного Дагестана неолитическими, придется признать их синхронность энеолиту центрального Закавказья.

В ином свете после новых исследований выглядят материалы наиболее важного стратифицированного памятника финальной поры каменного века на северо-востоке Кавказа – многослойного поселения Чох. Поселение расположено в Гунибском р-не Дагестана, в зоне альпийских лугов на абсолютной высоте 1725 м. Раскопки здесь проводились в 1955–1957 гг. (Котович, 1964) и в 1980–1982 гг. (Амирханов, 1987) на площади 200 кв. м. Последние исследования привели к пересмотру стратиграфии памятника. Два верхних слоя, датированные ранним и поздним мезолитом (Котович, 1964. С. 107), оказались горизонтами одного неолитического слоя.

Основу Чохского комплекса из верхнего слоя составляют кремневые пластинчатые изделия. Нуклеусы призматические, конические и карандашевидные. Вместе с тем, как и в нижних слоях, продолжают встречаться поддисковидные нуклеусы (рис. 28).

Большинство пластинок небольших размеров. Они чаще использовались без дополнительной подправки, но немало пластинок с односторонней или противоположающей ретушью по краям, с притупленным краем, с боковой выемкой, есть острия на пластинах и отщепах. На микропластинках изготовлены вкладыши подтреугольных и трапециевидных очертаний. Резцы и скребки встречаются на пластинах и отщепах. Среди скребков большую серию составляют миниатюрные изделия.

Кроме отмеченных выше каменных изделий на поселении обнаружены кремневые наконечники стрел, зернотерки и терочки. Среди костяных изделий интересны обломок основы жатвенного ножа с пазом для пластинчатых вкладышей и свирель (?) из трубчатой кости овцы.

В верхнем слое Чоха найдено довольно много обломков плоскодонной посуды, в двух случаях удалось восстановить их форму. Это – чашка и сосуд в виде котла. Декоративным украшением посуды служили наклепные шашечки, они сохранились на одном фрагменте.

На Чохском поселении обнаружены остатки жилища округлой формы с входом в виде коридора шириной 1 м. Площадь помещения около 60 кв. м. Стены сложены из крупных обломков известняка, плотно пригнанных без связующего раствора. В некоторых местах кладка стен сохранилась на высоту до 1 м. В центральной части жилища расположен очаг, углубленный ниже уровня пола.

Не менее важными были находки в верхнем слое Чохского поселения нескольких десятков обуглившихся зерен окультуренных злаков, принадлежащих нескольким видам пшеницы и ячменя. Результаты бинокулярных исследований чохских пластинок, показавших использование этих пластинок в качестве вкладышей жатвенных ножей и серпов, а также наличие зернотерок и костей домашних животных позволяют говорить о становлении производящего хозяйства в горном Дагестане.

Сравнение данных споро-пыльцевых проб из верхнего слоя Чоха со шкалой спектра растительного покрова Западного Прикаспия дало соответствие фазе новокаспийской трансгрессии. Возраст последней определен радиоуглеродными датировками в 6 тыс. лет до н.э.

Наконец, последняя группа материалов неолитического облика с территории северо-восточного Кавказа соседствует и связана со степными районами Северо-Западного Прикаспия. Коллекции из-под Божигана и Ачикулака в Ставропольском крае, Терекли-мектеба и Махмут-мектеба в Дагестане содержат микролитические орудия тех же типов, что знакомы нам по неолитическим стоянкам прикаспийских районов Дагестана (Минаева, 1955; Грехова, 1960). Ближе всего они к сборам из Нижнего Поволжья, охарактеризованным выше, и хотя имеют сходство с материалами из Буйнакска и Кобыстана, тяготеют скорее не к кавказскому, а к степному культурному миру. На связи с горными районами указывает довольно большое количество изделий из обсидиана.

Материалы неолитического облика из других районов Кавказа немногочисленны. К тому же принадлежность их к неолиту остается не доказанной. Исключение составляют находки в районе известных Кобыстанских наскальных изображений. К сожалению, в печати эти материалы отражения почти не нашли.

Памятники эти расположены в 60 км к югу от Баку, в 10–15 км от берега Каспийского моря, у подножия и на террасах южных склонов трех соседних гор. По склонам нагромождены скальные обломки, на которых и выгравированы изображения. Под глыбами скал имеется много естественных ниш-пещерок с остатками древних стоянок. Раскопкам подвергались четыре стоянки на горе Беюк-даш и одна – у подножия горы Кичик-даш.

Во всех исследованных убежищах прослежено одинаковое чередование культурных напластований. Над слоями мезолита с большим числом микролитических изделий без заметных перерывов идут наслоения с теми же микролитами, но уже с примесью галечных подшлифованных орудий и очень редкими фрагментами керамики.

Эти слои перекрываются напластованиями с керамикой эпохи бронзы и средневековья. Четких стратиграфических разграничений нет (Рустамов, Мурадова, 1971; 1972; 1976; Рустамов, 1971). Основную массу находок в нижних слоях составляют кремневые изделия, обсидиан встречается реже. Характерной особенностью кремневой индустрии Кобыстана является ее предельная мик-

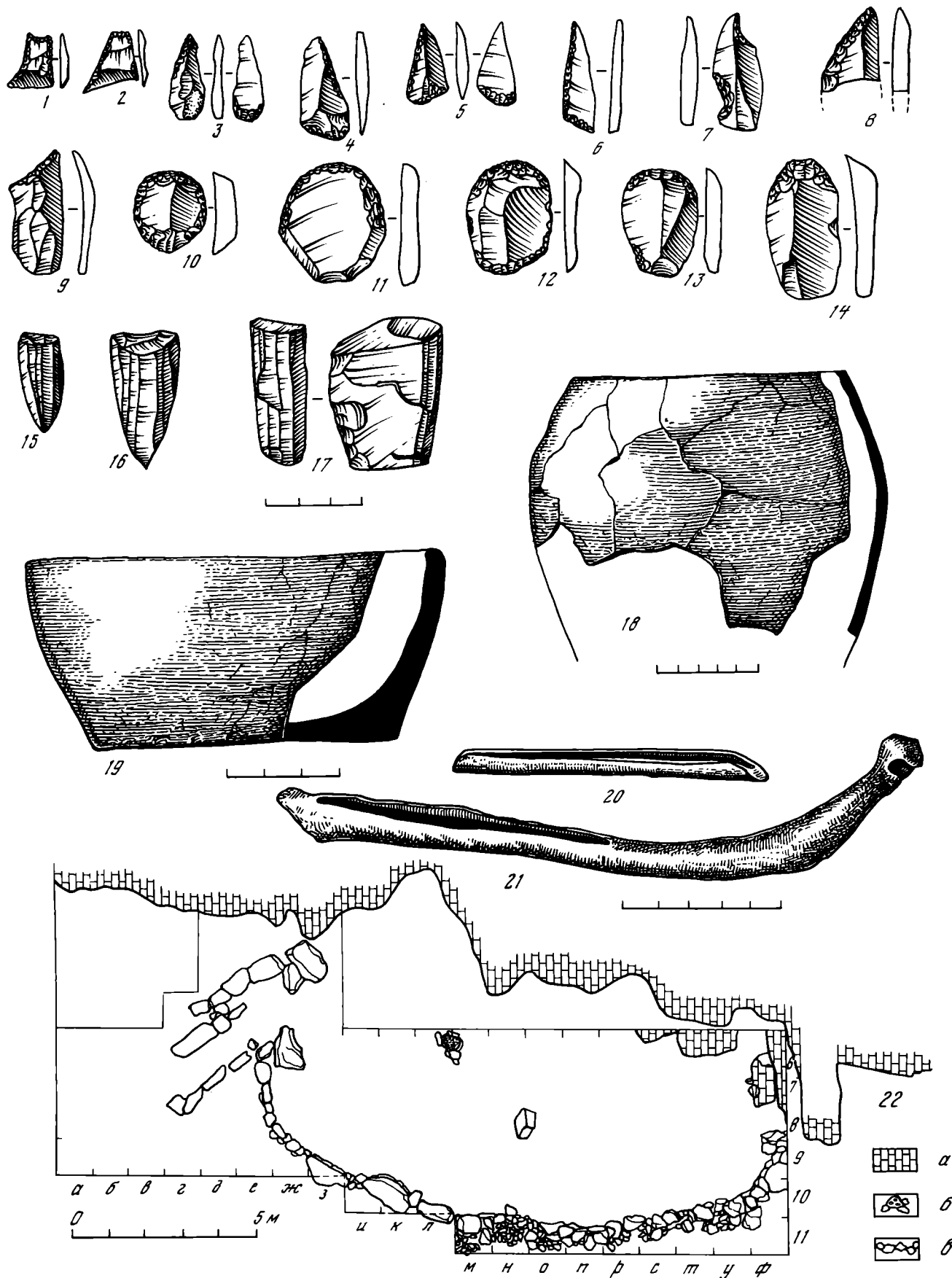

Рис. 28. Чохское поселение, неолитический слой (слой С)

1, 2 – трапеции; 3–5 – остря Чохского типа; 6 – асимметричный треугольник; 7 – пластина с выемками; 8 – обломок ножа с ретушированным обушком; 9 – косоретушная пластина; 10–14 – скребки; 15–16 – нуклеусы конические; 17 – нуклеус торцевого скалывания; 18–19 – кера-

мические сосуды; 20–21 – костяные основы жатвенных ножей; 22 – план жилища: а – линия скальной стенки; б – очаг; в – каменная кладка стен жилища

ролитичность. Нигде в пределах Кавказа нет таких мельчайших изделий, обработанных ретушью (длина острий 1–2 см, ширина 0,2–0,4 см). Состав кремневых орудий всех слоев примерно одинаков. Это миниатюрные карандашевидные нуклеусы, микропластинки, острия с притупленным краем, прямо- и кососрезанными концами, концевые скребки на микропластинках, трапеции, редкие сегменты и треугольники.

О составе инвентаря неолитического времени дают представление материалы стоянки Кяниза, расположенной на верхней террасе горы Беюк-даш. Здесь вскрыто более 200 кв. м. На всей площади распространен мезолитический культурный слой, неолитический же прослеживается отдельными линзами, обычно у зольных скоплений. Площадь стоянки Кяниза зажата между крупными скальными блоками, но сверху открыта. Возможно, в период обитания между скалами сооружались навесы.

В коллекции много нуклеусов (длина 2–4 см). Орудия на отщепе малочисленны. Это скребки, долотовидные орудия (стамески) и острия с короткими жальцами (проколки). Все очень мелкие, длиной не более 4 см. Основную массу инвентаря составляют мелкие ножевидные пластинки без дополнительной подправки, служившие вкладышами. Ту же функцию, очевидно, выполняли и пластины с ретушью по краям, с затупленными или кососрезанными концами. Среди орудий, изготовленных на пластинках, преобладают острия, обработанные по краям мелкой ретушью только у рабочего конца. Довольно часто встречаются концевые скребки на пластинках с округлыми или вогнутыми лезвиями.

В коллекции из Кяниза имеются два сегмента. На других стоянках Кобыстана геометрических орудий много. Так, в убежище “Фируз” на горе Кичик-даш трапеции правильной формы составляют около 20% всех орудий.

На стоянке Кяниза много грубых галечных орудий. Это топоры и долота, острия-проколки, сколы со скребковыми лезвиями, массивные ударные орудия, дисковидные орудия с рабочим лезвием по всей периферии края, ударные желобчатые орудия, грузила с выбоинами по краям или с отверстиями, округлые уплощенные терочники. Часть грубых галечных орудий, вероятно, использовалась при выбивании рисунков на скалах. Грузила, как и изображения рыб на петроглифах, показывают, что обитатели кобыстанских стоянок, в отличие от причерноморских племен, занимались морским рыболовством.

Обращают на себя внимание несколько обломков валунов известняка с намеренно углубленными полостями. Некоторые из них, бесспорно, принадлежат сосудам, имевшим форму небольших, но довольно глубоких мисок. Внутренняя поверхность сосудов обработана точечной техникой и шлифовкой.

Находки керамики в подскальных убежищах Кобыстана очень редки. В слоях, хронологически связанных со вторым слоем стоянки Кяниза, найдено только несколько обломков глиняных сосудов слабого обжига с растительной примесью. О формах их судить невозможно. Имеются лишь один обломок острого днища и несколько венчиков. По краю одного из них нанесены насечки, как и на сосудах из памятников типа Шулавери–Шому тепе.

В одной из ниш стоянки Кяниза найдено захоронение человека. При костяке лежала хорошо отполированная морморная шаровидная булава с просверленным отверстием. У отверстия выступы с двух сторон. Возможно, к погребаль-

ному комплексу относятся обломки двух каменных женских статуэток, напоминающих женские изображения на скалах, а также каменные подвески с отверстиями. Такие же подвески из мелких галек, раковин, зубов животных, кабаньих клыков и каменные бусы трубчатой формы встречены при костяках коллективного погребения, обнаруженного на стоянке “Фируз”. Там найдено 11 человеческих черепов и кости скелетов, лежащие без определенного порядка.

Материалы кобыстанских памятников еще не опубликованы. Поэтому дать сколько-нибудь полную культурно-хронологическую характеристику пока невозможно. Но уже сейчас видно, что аналогичных памятников нет ни в Западном, ни в Центральном Закавказье. Пожалуй, наиболее близкие аналогии прослеживаются в комплексах дюнных местонахождений Прикавказских степей. Сходство проявляется как в общем облике каменного инвентаря, так и в приемах оформления орудий.

Территория распространения дюнных местонахождений Северо-Восточного Кавказа является периферией прикаспийских мезолитических и неолитических культур. К этому же культурно-историческому региону, по-видимому, тяготеют и кобыстанские памятники. На это указывают и найденные здесь острое днище сосуда и разнообразные подвески, весьма характерные для пещер Джебел и Гари-Камарбанд на юго-восточном берегу Каспия. Если в дальнейшем эти сопоставления получат подтверждения, то слои с ранней керамикой в Кобыстане можно будет датировать концом VI тыс. до н.э.

Костные остатки из Кобыстанских стоянок, по определению Д.В. Гаджиева, принадлежат только диким животным: кулану (50%), джейрану, дикому быку, дикой козе, лисе, волку, тюленю, птицам. Таким образом, культура, выявленная при раскопках в Кобыстане, была еще охотничье-рыболовецкой, но некоторые элементы неолита, прежде всего керамика, здесь уже налично.

Интересен вопрос, какие из наскальных изображений Кобыстана можно связать с неолитическим временем. Исходя из перекрытия рисунков культурными напластованиями, А.А. Формозов (1969) отнес силуэтные изображения людей, взявшихся за руки, к мезолиту, а контурные фигуры быков, лошадей, кабана и мелкие линейные фигурки людей – к концу мезолита. Основная масса гравировок – лодки, контурные фигуры горных козлов, оленей и т.п. – выполнена в бронзовом веке. Вероятно, с неолитом связаны наиболее поздние из изображений группы, названной поздне-мезолитической. Любопытно одно из этих изображений: профильная контурная фигура быка на камне № 45 верхней террасы горы Беюк-даш. От морды животного тянется какая-то линия. Существует мнение, что это уже не дикий, а домашний бык на привязи (Джафарзаде, 1973).

Подводя итоги обзора неолитических памятников Кавказа, можно сказать, что здесь выявлена серия пещерных стоянок и долговременных поселений, для которых характерно сочетание кремневых и обсидиановых орудий мезолитических типов, весьма близких к мезолитическим, со шлифованными клиновидными топорами и примитивной керамикой. Некоторые из этих поселений свидетельствуют о знакомстве их обитателей со скотоводством и земледелием уже в начале VI тыс. до н.э., до появления в Закавказье энеолитических культур переднеазиатского типа с глинобитной архитектурой и развитым производящим хозяйством.

Глава 4

Средняя Азия и Казахстан

Территория Средней Азии и Казахстана в эпоху неолита распадалась на три хозяйственные зоны. Южная зона охватывает памятники юго-востока современной Туркмении, относящиеся к оседло-земледельческой культуре – джейтунской. Северная зона включает районы Восточного Прикаспия, Фергану, степные и полупустынные области Узбекистана и Казахстана. Для этой зоны характерно сочетание присваивающей экономики с некоторыми элементами производящей. Памятники северной зоны близки между собой по уровню технического развития, хозяйственному укладу, образу жизни, однако имеют определенные различия, позволяющие

выделить здесь несколько культур; наиболее четко выделяется кельтеминарская в Приаралье. Восточная зона включает стоянки и поселения гиссарской культуры, расположенные в горных районах современной Киргизии и Таджикистана (карта 5).

Неолит Средней Азии и Казахстана исследован неравномерно. Лучше всего изучены памятники джейтунской и гиссарской культур и кельтеминарской культурной общности. В Казахстане раскопаны отдельные стоянки. Для большинства районов мы располагаем лишь подъемным материалом при полном отсутствии стратифицированных комплексов.

Джейтунская культура

Памятники джейтунской культуры занимают подгорную долину Копетдага на юге современной Туркмении. Первые сведения о них получены гидрогеологом М.П. Распоповым, обнаружившим в 1930 г. около ст. Келята Ашхабадской ж.д. фрагменты расписной керамики и кремневые изделия. Сборы подобных материалов были проведены А.А. Марущенко (1949) на городище Новая Ниса в 1935 г. и на поселении Тоголок-депе в 1939 г. Открытие основных памятников джейтунской культуры относится к 1940–1950 гг. (Джейтун, Чопан-депе, Бами и др.). В 1952 г. Б.А. Куфтиным (1956) на Джейтуне был заложен шурф, по материалам которого сделано заключение, что на поселении обитали оседлые земледельцы, обладавшие домашней собакой и, по-видимому, овцой, снимавшие сложными кремневыми серпами жатву с посевов на “каирных” землях. Выделение джейтунской культуры стало возможным после систематических раскопок XIV отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством В.М. Массона в 1955–1963 гг. В дальнейшем были открыты новые памятники на юго-востоке Туркмении: это Монджуклы-депе и Чагыллы-депе, открытое в 1961 г. А.Ф. Ганялиным, а также Песседжик-депе, Гиевджик-депе и Гадыми-депе, первые два обнаружены в 1967 г. В.Н. Пилипко, последнее – в 1971 г. В.Т. Воловиком.

В настоящее время насчитывается 17 джейтунских памятников. Среди них поселение Джейтун изучено на уровне второго строительного горизонта полностью. Широкие раскопки производились на Чопан-депе, Песседжик-депе, Чагыллы-депе, Гадыми-депе. Их исследование связано с именами ашхабадских археологов С.А. Ершова, О.К. Бердыева и О. Лоллековой. Результаты раскопок эталонного памятника Джейтун опубликованы В.М. Массоном (1971). Достаточно полно описаны раскопки Чагыллы-депе, Песседжик-депе, Чопан-депе (Бердыев, 1965; 1966; 1968). Ряд работ посвящен страти-

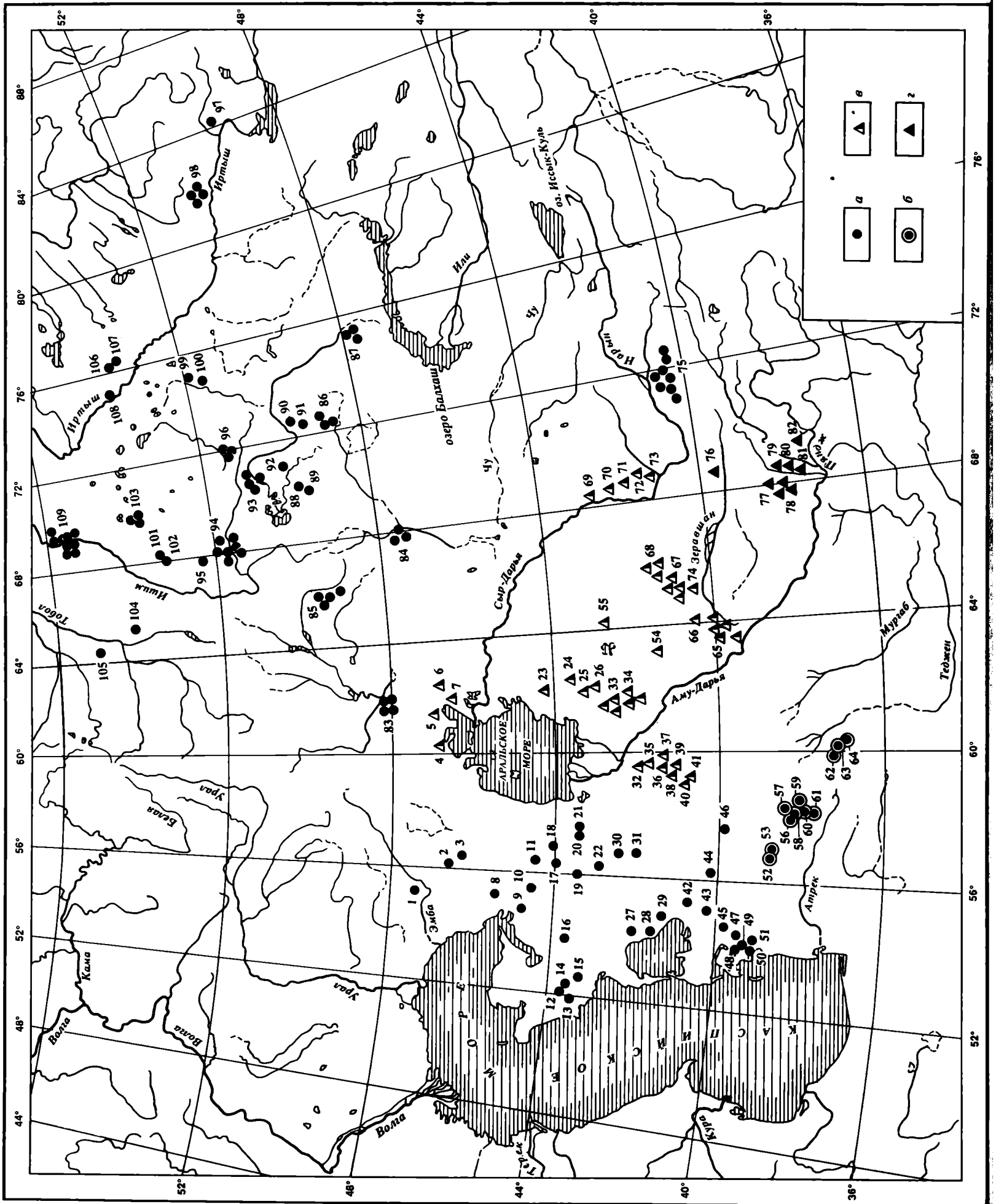
графии джейтунских поселений (Бердыев, 1963; 1964), палеогеографии (Лисицына, 1965), результатам остеологических исследований (Шевченко, 1960) и трасологического анализа орудий труда (Коробкова, 1969; 1981; Лоллекова, 1978).

Поселения джейтунской культуры располагаются тремя локальными группами. Территория западной группы (Бами I и II, Кизыл-Арват) была заселена в период расцвета и на позднем этапе джейтунской культуры; центральной (Джейтун, Чопан-депе, Тоголок-депе и др.) – в ранний и средний периоды; восточная (Чагыллы, Монджуклы, Гадыми-депе) включает поселения периода расцвета и позднего этапа джейтунской культуры.

Все поселения представляют собой оплывшие холмы (известные в Средней Азии как “депе”), возвышающиеся над окружающей поверхностью на 2–5,5 м и имеющие размеры от 0,5 до 2 га. Стратиграфические шурфы вскрывают культурные напластования, как правило, состоящие из нескольких строительных горизонтов. В Джейтуне таких горизонтов обнаружено пять, в Бами – пять, в Тоголок-депе – четыре, в Чопан-депе – семь, в Песседжик-депе – четыре, в Монджуклы-депе – девять (из них четыре – джейтунские, пять – культуры Анау IА), в Чагыллы-депе – 12.

Для джейтунской культуры характерны стандартные типы глинобитных домов, квадратных или прямоугольных в плане, площадью 19–39 кв. м, с очагом возле одной стены, выступом и нишей – у противоположной, глинобитным полом, покрытым алебастром или красной охрой (рис. 29). Стены возводились из глиняных блоков, овальных в поперечном сечении, размерами 60–70 × 20–25 см. В глину в большом количестве примешивался саман. Кладка блоков и обмазка стен осуществлялись с помощью глиняно-саманного раствора. Иногда на полу поверх обмазки выстилалась тростниковая циновка. В Чагыллы-депе помимо глиняных блоков в стро-

ЧАСТЬ I. НЕОЛИТ ЮГА

ительстве домов применялись плоские прямоугольные кирпичи. На этом поселении в помещении № 4, на уровне третьего строительного горизонта, пол был покрыт глиняной обмазкой, окрашенной сначала красной, затем черной краской. Разное покрытие пола встречено и в доме № 14, где нижняя поверхность сохраняла покрытие известковым раствором, а верхняя – глинобитным, окрашенным черной краской (Бердыев, 1966). То же известно и в Джейтуне, где в помещении № 6 первого строительного горизонта на полу сохранились пятна черного и красного цвета.

К жилым комплексам примыкали хозяйственные постройки и небольшие дворы, стены которых также возводились из глиняных блоков. Интересны специализированные помещения хозяйственного назначения на поселении Джейтун (помещения 23 и 25). Там сосредоточено 10 скребковых орудий на лопатках животных, восемь шильев, костяные лопатки, иглы. К такого рода строениям следует относить и хозяйственно-бытовые комплексы, использовавшиеся жителями всего поселка. Это глинобитные сооружения, состоящие из параллельных отрезков стен одинаковой длины, расположенные преимущественно во дворах. Такие постройки встречены на Джейтуне, Тоголок-депе, Песседжик-депе, Чагыллы-депе. По предположению исследователей, они служили основаниями помостов зернохранилища или для вяления мяса.

Обращают на себя внимание крупные по площади помещения на территории ряда поселков. Так, на Джейтуне обнаружен дом (помещение 4), выделяющийся не только размерами, удвоенной толщиной стен, но и остатками нанесенной черной, белой и красной краской росписи на выступе южной стены. Аналогичное здание

вскрыто на поселении Песседжик-депе (помещение 12). Площадь его 64 кв. м. У северо-восточной стены находился мощный очаг размерами 1,8 × 1,1 м, справа от него расположена глинобитная скамья. На противоположной очагу стене имелся выступ с лунообразным налетом. Поверхность этой и юго-западной стен украшена полихромной росписью (рис. 29, 1, 2). Сохранились изображения животных, треугольники, ромбы, деревья, нанесенные черной и красной краской по белому фону. Подобные изображения обнаружены и на фресках Чатал-Гюка на юго-востоке Турции, но рисунки Песседжик-депе выглядят более архаичными.

По мнению О.К. Бердыева (1970), здание с фресками могло служить “родовым домом” поселка. Об этом говорят размеры сооружения, капитальность стен, настенная роспись, малочисленность находок в пределах дома, алебастровый пол. Исследователь предполагает, что здесь могли происходить собрания жителей поселка, хотя не исключает и того, что это “святилище”, где совершали культовые обряды.

Раскопки свидетельствуют о стандартности планировки джейтунских поселков (рис. 29, 5), на территории которых дома располагались вытянутой линией. Более четкая планировка на поздних поселениях, где дома разделены улочками, тогда как в раннем Джейтуне существовала стихийная застройка (рис. 29, 6). Отмечаются изменения и в отдельных конструктивных деталях. В Джейтуне еще не было дверей, а дверные проемы, по-видимому, занавешивали шкурами или циновками. В Чопан-депе и Тоголок-депе в домах обнаружены подпечные камни, свидетельствующие о наличии дверей определенной конструкции. Полы Джейтуна, Песседжик-депе отделялись известковым раствором, в Чопан-депе, Тоголок-депе и Чагыллы-депе известь заменяли глиняной обмазкой.

На территории поселений найдены захоронения. Известно 12 погребений, обнаруженных в Джейтуне, Чопан-депе и Чагыллы-депе. Все они расположены под полом домов и во дворах. На Джейтуне одно погребение вскрыто к югу от помещения 6 во дворе. Скелет принадлежал ребенку. Голова его обращена на запад, тело лежало на правом боку с подогнутыми ногами. Погребального инвентаря нет.

В Чопан-депе вскрыто три взрослых, четыре детских погребения и одно – подростка. Захоронения взрослых расположены: одно – на правом боку со скорченными ногами, головой на север, два – на спине с полусогнутыми ногами, головой на запад. Детские скелеты располагались в скорченном положении, на левом боку, скелет подростка – в вытянутом, на спине. Ориентация разная: на восток, северо-восток, северо-запад, юго-запад. В трех случаях (взрослый и два детских скелета) отмечена окраска охрой затылочной части черепа.

В Чагыллы-депе обнаружено три погребения: детское и два взрослых. Первый костяк взрослого лежал прямо в очаге, второй – на полу, погребение ребенка найдено у стены. Два скелета ориентированы головой на север, один – на северо-запад, все лежат на правом боку со слегка согнутыми ногами.

Таким образом, для джейтунских захоронений характерно скорченное, реже – вытянутое положение без ус-

Карта 5. Неолитические памятники Средней Азии и Казахстана (основные). (Составлена Г.Ф. Коробковой) *а* – разные неолитические памятники; *б* – памятники джейтунской культуры; *в* – памятники кельтеминарской культурной общности; *г* – памятники гиссарской культуры

1 – Ак-Кум-Сагыз; 2 – Каракудук; 3 – Чурук; 4 – Агиспе; 5 – Саксаульская; 6 – Приаральские Каракумы; 7 – Шулкум; 8 – Акбулак; 9 – Мертвый Култук; 10 – Бейнеу; 11 – Белеули; 12–15 – Мангышлакские стоянки; 16 – Сай-Утес; 17 – Актайлак; 18 – Косбулак; 19 – Актобе; 20, 21 – Булак 1, 2; 22 – Исатай; 23 – Жалпак; 24 – Барак-Там; 25 – Куралы; 26 – Таджи-Казган; 27 – Дефе-Чаганак; 28 – Ходжа-Су; 29 – Джанак; 30 – Сумбетимер; 31 – Алан; 32 – Чарышлы; 33 – Каватские стоянки; 34 – Джанбасские стоянки; 35 – Гяур 1; 36, 37 – стоянки у кол. Орта-Кую; 38, 39 – стоянки у кол. Кугунёк; 40 – Бала-Ишем 8; 41 – Бала-Ишем 9; 42 – Чагыл; 43 – Ыбык; 44 – Оюклы; 45 – Баш-Кериз; 46 – Тоголак; 47 – Таш-Арват; 48 – Кайлю; 49 – Джебел; 50 – Дам-Дам-Чешме 1; 51 – Дам-Дам-Чешме 2; 52 – Баши 1; 53 – Баши 2; 54 – Джингельды; 55 – Бешбулак; 56 – Гиевджик-депе; 57 – Тоголок-депе; 58 – Песседжик-депе; 59 – Джейтун; 60 – Чопан-депе; 61 – Новая Ниса; 62 – Монджуклы-депе; 63 – Чагыллы-депе; 64 – Гадыми-депе; 65 – Тузканские стоянки; 66 – Учачи; 67 – Аякагитма; 68 – Лявляканские стоянки; 69 – Чиликская; 70 – Таскотан; 71 – Караунгур; 72 – Дармене; 73 – Арысь; 74 – Чардар; 75 – Ферганские стоянки; 76 – Ак-Танга; 77 – Тепеи-Газийон; 78 – Яванские стоянки; 79 – Туткаул; 80 – Сай-Сайед; 81 – Куй-Бульён; 82 – Санги-Угур; 83 – Иргизские стоянки; 84 – Джекказганские стоянки; 85 – Каратургайские стоянки; 86 – стоянки Сары-Су; 87 – Карасайские стоянки; 88 – Жанбобек; 89 – Ангрэнсор; 90 – Караганда 15; 91 – Зеленая Балка 4; 92 – Актоба; 93 – Кургальджинские стоянки; 94 – Тельманские стоянки; 95 – Жабай-Покровка; 96 – Целиноградские стоянки; 97 – Усть-Нарым; 98 – Новошуйбинские стоянки; 99 – Бектюбе 1; 100 – Таскура; 101 – Иман-Бурлук 1; 102 – Иман-Бурлук 2; 103 – Виноградовские стоянки; 104 – Затобольская; 105 – Светлый Джар-Куль; 106 – Пеньки 1; 107 – Пеньки 2; 108 – Железинка; 109 – Явленские сто-

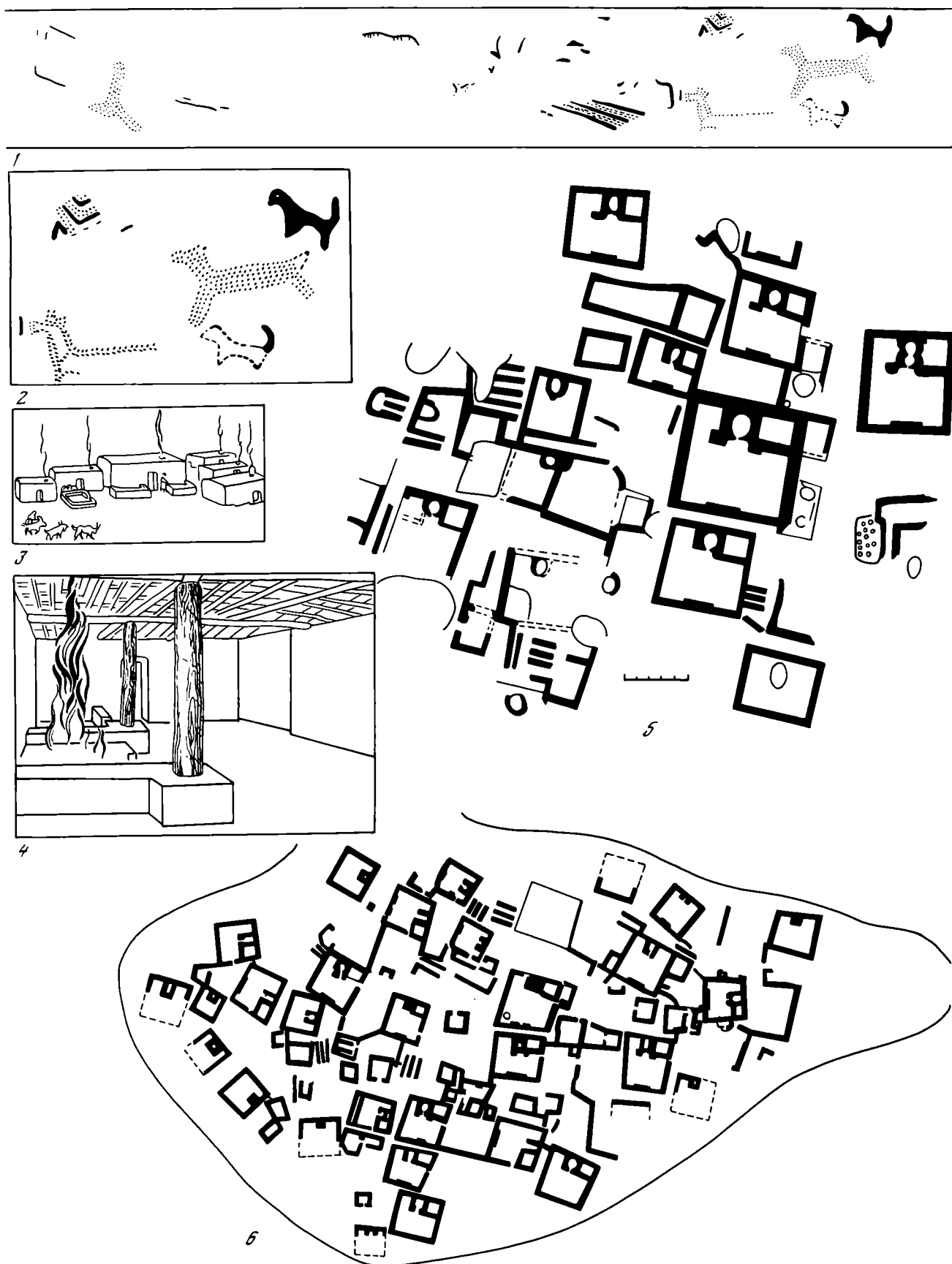

Рис. 29. Планы и реконструкция поселений и святилищ джеитунской культуры

1, 2 – настенная роспись в святилище Песседжик-депе; 3 – реконструкция (В. Зернова) поселения Песседжик-депе; 4 – реконструкция (В.

Зернова) святилища Песседжик-депе; 5 – план поселения Песседжик-депе; 6 – план поселения Джеитун

тойчивой ориентировки. Как будто скорченное положение типично для детских костяков, вытянутое – для взрослых и подростков.

В коллекциях из раскопок джейтунских поселков преобладает керамика, вылепленная ленточным способом (рис. 30). В качестве отошителя использовали рубленую солому. Поверхность сосудов тщательно заглаживали. Следы неравномерного обжига в изломе черепков позволяют предполагать, что обжиг сосудов производился в примитивных горнах или печах. На окраине Джейтуна вскрыто сооружение – “платформа А” – с двумя продолговатыми углублениями. Одно из углублений имело следы длительного воздействия огня. Возможно, тут было два горна для обжига керамики.

Основные формы сосудов – плоскодонные корчаги, чаши, миски полусферические или с ребром в придонной части, а также кубки, сосуды баночной формы. К числу редких относятся плоские четырехугольные сосуды, получившие название “салатниц”. В Чопан-депе появляются горшковидные сосуды. Стенки посуды снаружи и изнутри обмазывались глиняным раствором.

В Джейтуне встречены оригинальные формы керамических изделий: подставка на цилиндрической ножке, полый толстостенный цилиндр с темно-красной росписью на внутренних стенках, керамические плиты с невысокими бортиками и сквозными отверстиями диаметром 1–1,5 см, выполнявшие, видимо, функции сита.

Джейтунская керамика разделяется на две группы – расписную и нерасписную. Роспись наносилась красной краской, которая в зависимости от температуры обжига приобретала оттенки от темно-коричневого до малинового или темно-каштанового. Она применялась, главным образом, для украшения корчаг, служивших для хранения припасов. Реже встречается роспись на чашах и “салатницах”.

На Джейтуне (рис. 30, 41–48) роспись чаще всего состоит из вертикальных струйчатых линий, изредка переплетающихся с горизонтальными, и локализуется в верхней части сосуда. Другой вид узора – горизонтальные пояса, составленные из вертикальных рядов скобочек.

Для Чопан-депе (рис. 30, 34–40), Песседжик-депе (рис. 30, 27, 29, 30, 33) и др. характерен орнамент в виде вертикальных линий, пересекающихся с горизонтальными. Реже представлена роспись в виде вертикальных или горизонтальных параллельных линий, сетки, крупных точек, залитых треугольников, горизонтальной полосы изнутри вдоль венчика.

В Баи (рис. 30, 1–16) появляются новые виды росписи: ячеистая, дугообразная, нанесенная на внутренней поверхности сосуда, лесенка. Для керамики Чагыллы (рис. 30, 17–25) характерны горизонтальные волнистые линии, вертикальные зигзаги, изображение дерева.

Для джейтунской культуры характерна пластинчатая техника обработки камня (рис. 31). Заготовками были пластины удлинённых пропорций со скошенными ретушированными верхними концами. Сырьем служил кремнь медового или красновато-коричневого цвета. Предметы со вторичной обработкой встречались лишь в верхних слоях Чопан-депе, Тоголок-депе, Песседжик-депе, Чагыллы и других поздних памятниках. Основными орудиями труда являлись вкладыши жатвенных ножей

(25–36% изделий). Характерны также скребки, вкладыши ножей, скобели. Большой процент составляют геометрические микролиты, представленные в Джейтуне трапециями, треугольниками и сегментами, а в более поздних памятниках – только трапециями. Типичны и микроскребки, часть из которых выполняла функции резчиков и скобелей.

В технике обработки камня и типах орудий заметны мезолитические традиции. Они выразились в микролитности кремневого инвентаря, сохранении типов орудий, распространенных еще в мезолитических слоях пещер Джебел и Гари-Камарбанд.

Вместе с тем изменяется техника обработки камня и появляются новые типы изделий: вкладыши жатвенных орудий, составные струги для обработки шкур и выделки кож, внедряются изделия, связанные с развитием ткачества. Впервые применялась абразивная и точечно-ударная техника. Типичны заготовки в виде призматических пластин с прямым профилем (размеры 2,5–5 × 0,9–1,4 см). Характерные изделия – пластины с видимой зеркальной заполировкой без ретуши на краях, микроскребки (Джейтун) и ножевидные пластины с односторонней ретушью на краях (Песседжик-депе) (Коробкова, 1975).

Среди каменных орудий в джейтунской индустрии встречаются шлифованные топоры и тесла, краскотерки, зернотерки, куранты, ступки, песты, отжимники-ретушеры. Среди костяных орудий обычны скребковые, изготовленные из лопаточных костей козы и овцы, шилья, ложила, кочедыки для плетения циновки, шпатели для выравнивания стенок сырых сосудов. Часто встречаются глиняные и каменные поделки – конусы, усеченные конусы, фишки с полусферическим навершием цилиндрико-конической формы, характерные и для других раннеземледельческих комплексов (рис. 32, 12–15, 38–45, 60–69).

Известны и украшения из раковин каури, бусы из камня и кости дисковидной и цилиндрической формы, амулеты из камня в виде фигурок животных и людей с отверстиями для подвешивания, глиняные браслеты (рис. 32, 1–10, 23–37, 48–59). Редкими образцами представлена мелкая пластика. К ней относятся головка антропоморфной статуэтки, выполненной в плоскостной манере, и торс женской фигурки с конической грудью (рис. 32, 74).

Зооморфные статуэтки сделаны из обожженной и необожженной глины с большой долей схематизма. Реже встречаются образцы реалистического мастерства. Найдены фигурки козла, крупного рогатого скота. На поверхности некоторых статуэток сохранились конические вдавления, нанесенные заостренной палочкой, имитирующие, по-видимому, колотые раны на теле животного. На поселении Чагыллы-депе обнаружена фигурка с воткнутым в нее обломком заостренной кости (рис. 32, 19).

Вначале по материалам Чопан-депе было предложено деление джейтунской культуры на два этапа – ранний и поздний (Массон, 1960). Изучение стратиграфии и керамики поселений Баи и Чагыллы-депе позволило О.К. Бердыеву (1965) выделить третий, завершающий этап.

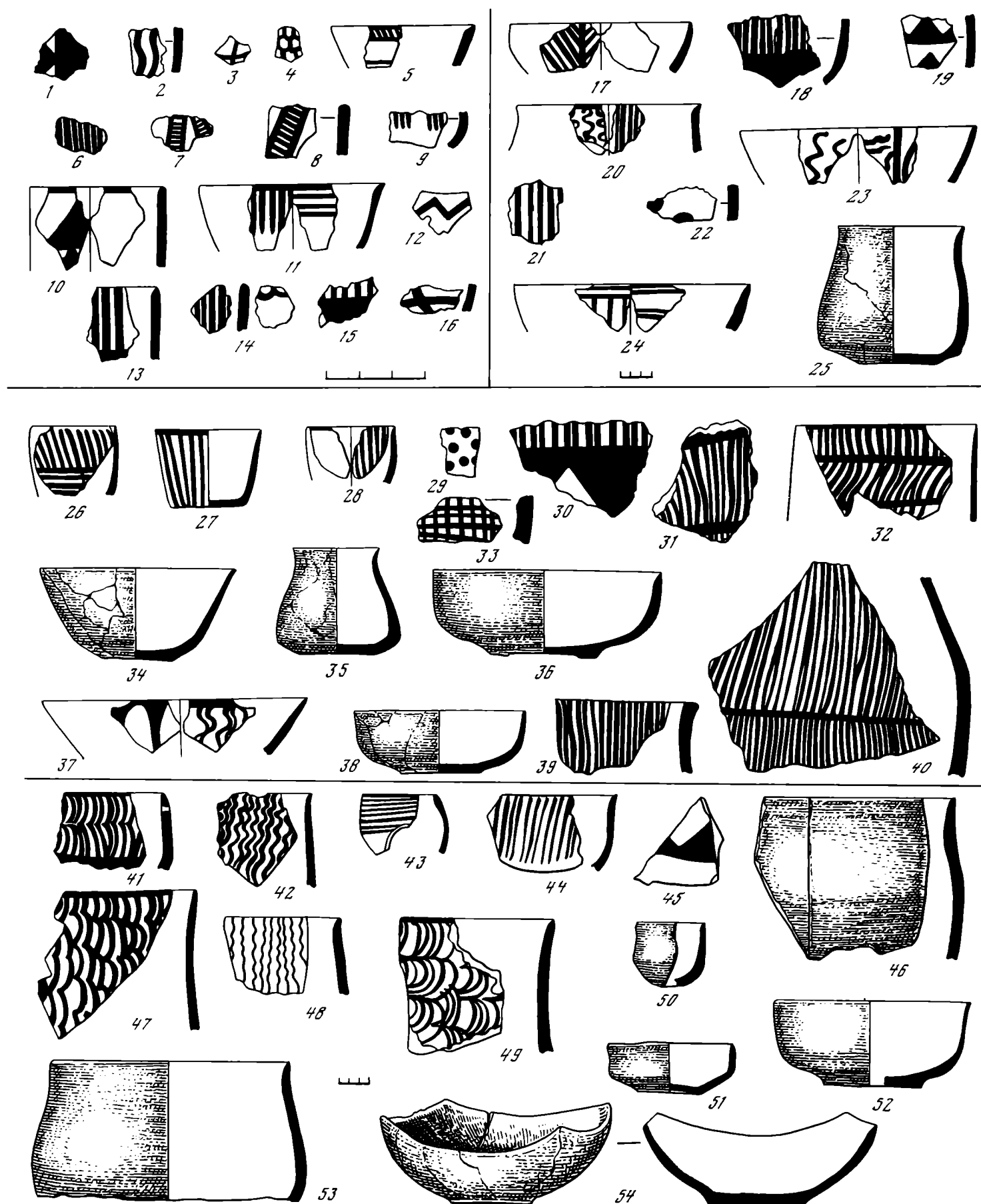

Рис. 30. Керамика джейтунской культуры: позднего (1–25), среднего (26–40) и раннего (41–54) этапов

1–16 – Баши; 17–25 – Чагылы-депе; 26, 28, 31, 32 – Тоголок-депе; 27, 29, 30, 33 – Песседжик-депе; 30–40 – Чопан-депе; 41–54 – Джейтун

Этап I (ранний) представлен материалами Джейтуна, нижних слоев Чопан-депе и Тоголок-депе. Для этих комплексов характерны сосуды, украшенные вертикально-волнистой и скобчатой росписью, реже сетчатой, и силуэтными треугольниками. Заготовками орудий служили пластины правильной призматической формы, со скошенным ретушью верхним концом, пластины с симметричными выемками у основания. Значительную серию образуют трапеции, сегменты, треугольники, выемчатые пластины или скобели, скребковые орудия из лопаточных костей животных, шлифованные топоры и тесла, микроскребки, вкладыши жатвенных ножей без вторичной обработки, костяные шилья, иглы, ложила.

Этап II (средний) отражают материалы верхних слоев Чопан-депе и Тоголок-депе, Песседжик-депе, Гиевджик-депе, Гадыми-депе, трех нижних слоев Монджуклы-депе, Чагыллы-депе и Баи, Новой Нисы. Для орнамента керамики характерна вертикально-волнистая роспись, силуэтные треугольники, появляется точечный узор. Керамика двух нижних горизонтов Баи отличается своеобразием. Здесь появляется ячеистая роспись, дугообразный узор вокруг венчика, роспись лесенкой. По мнению В.М. Массона (1971), к этому периоду относится и третий горизонт Баи, где встречается роспись силуэтными треугольниками, типичными для названного этапа.

Индустрия этапа II во многом повторяет черты первого. Продолжают использоваться пластины со скошенным концом и геометрические микролиты. Появляются небрежно сколотые призматические пластины. Известны единичные вкладыши жатвенных ножей с зубчатым лезвием, сверла со специально выделенными плечиками, относящиеся к разряду станковых (лучковых) сверл. Единичны скребковые орудия из лопаточных костей животных. Исчезают сегменты и треугольники, трапеции становятся меньше. Пластины с симметричными выемками у основания отсутствуют. Сокращается число микроскребков и скребков на отщепках.

В этот период установилась традиция территориального совмещения поселения и некрополя, а полы домов начали покрывать глиняной обмазкой.

Этап III (поздний) джейтунской культуры представлен материалами верхних слоев Баи и Чагыллы-депе. Для украшения керамики продолжали использовать роспись вертикально-волнистую, крупно- и частосетчатую, вертикально-полосчатую, точечную и силуэтными треугольниками, а также горизонтальные волнистые линии, вертикальный зигзаг, рисунки деревьев.

В кремневой индустрии падает роль геометрических микролитов, сокращается число скоблящих орудий (выемчатых пластин), исчезают скребки из лопаточных костей животных, микроскребки миндалевидной формы, концевые скребки. Вкладыши жатвенных ножей имеют зубчатые лезвия. Среди сверл преобладают экземпляры с выделенными плечиками. В архитектуре при возведении стен домов наряду с глиняными блоками стали использовать уплощенные кирпичи.

Сопоставление керамических комплексов Баи (рис. 30, 1–16) и Чагыллы-депе (рис. 30, 17–25) с расписными сосудами других памятников джейтунской культуры установило определенные различия в орнаментации керамики этих двух поселений, отмеченные при характери-

стике материалов II и III этапа. На основании этих различий О.К. Бердыев (1969) поставил вопрос о локальных вариантах джейтунской культуры.

На поселении Монджуклы-депе джейтунские слои перекрыты горизонтами времени Анау IA (Бердыев, 1972). Таким образом, верхняя граница джейтунской культуры определяется комплексами Анау IA. К сожалению, отсутствуют аналогичные данные для установления нижней границы. Абсолютный возраст джейтунской культуры определяется радиоуглеродными датировками, полученными для памятников среднего (Тоголок-депе) и позднего (Чагыллы-депе) этапов, и путем сравнения джейтунских комплексов с близкими памятниками Передней Азии и Ближнего Востока.

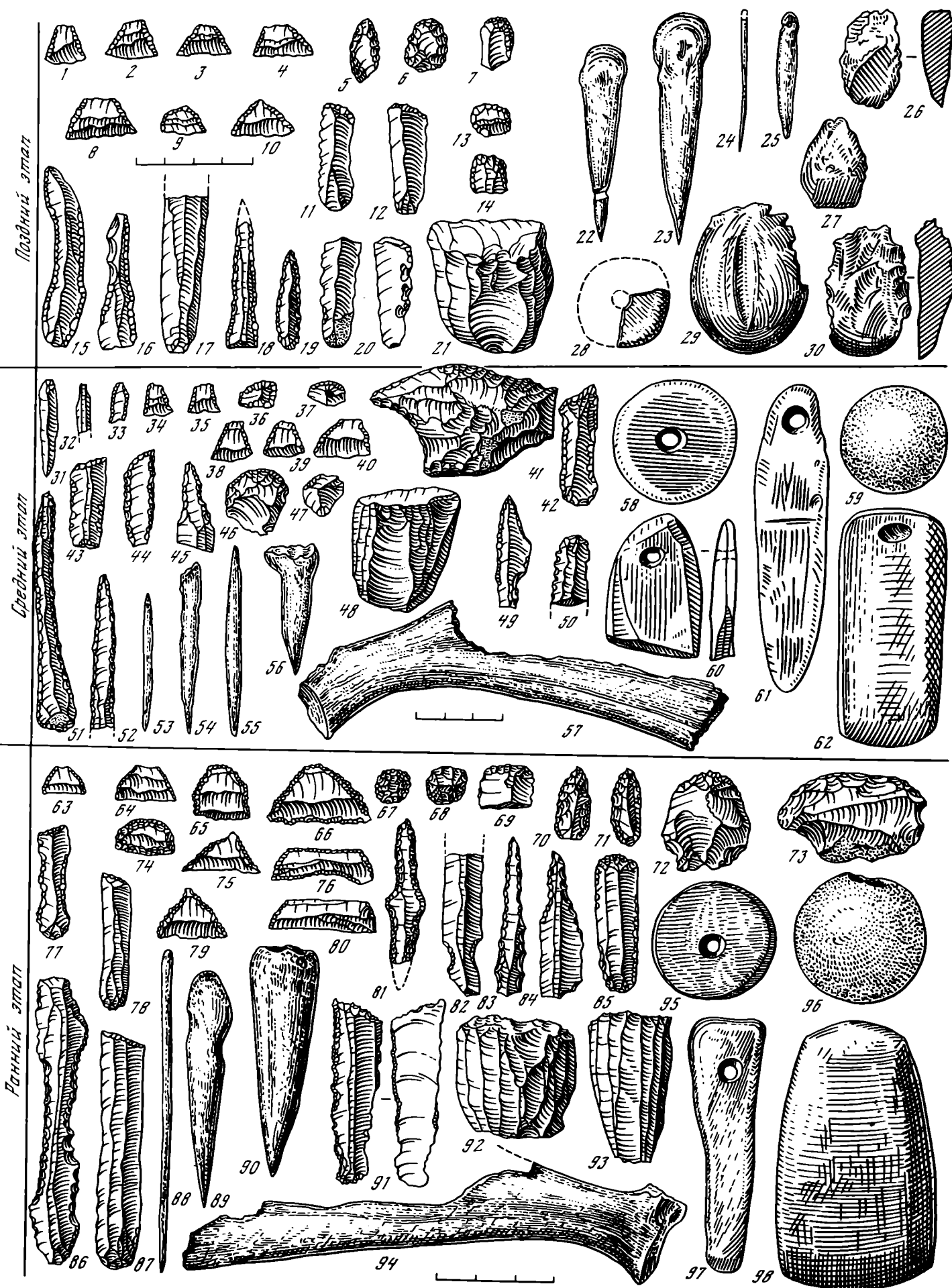
Возраст угля средних слоев Тоголок-депе 7320 ± 100 (Blп-719) и 6890 ± 100 (Blп-718), т.е. 5370 и 4940 гг. до н.э. Для Чагыллы-депе есть дата 7000 ± 100 (ЛЕ-592), т.е. 5050 г. до н.э. (Тимофеев, Долуханов, 1972). Таким образом, памятники среднего этапа джейтунской культуры могут датироваться серединой VI тыс. до н.э., позднего – концом этого тысячелетия. Наиболее ранний памятник Джейтун, по аналогии с материалами верхних слоев Джармо и Тепе-Гурана, можно отнести к началу VI тыс. В.М. Массон (1971) не исключает возможность углубления даты джейтунской культуры до конца VII тыс. до н.э.

Материалы джейтунской культуры свидетельствуют о комплексном характере экономики джейтунских племен, в которой ведущей отраслью было земледелие. На это указывают долговременность оседлых поселений, находки зерен злаков и их отпечатков, использование в качестве примесей к глине рубленой соломы, высокий процент жатвенных орудий, инструментов, связанных с переработкой продуктов земледелия. Отпечатки зерен пшеницы и ячменя известны в Джейтуне (Якубцинер, 1956), нижних слоях Чопан-депе (Ершов, 1956), обуглившиеся зерна найдены в нижних горизонтах Баи (Бердыев, 1963), Чагыллы-депе (Бердыев, 1966) и принадлежат двухрядному ячменю (*Hordeum disticum*), мягкой (*Triticum vulgare*) и карликовой (*Triticum compactum*) пшенице.

Поселения располагались по берегам небольших речек и ручьев, разливающихся в половодье и затопляющих прилегающие участки земли. Так, полевые участки Джейтуна орошались водами Кара-Су, которые, по мнению Л.Г. Добринина и Г.Н. Лисицыной, достигали самого поселения и проникали дальше на север. И другие поселения джейтунских племен находились в зоне постоянно действующих водотоков (Лисицына, 1965), разливы которых использовались для орошения посевных участков.

Землекопные орудия не известны. Предполагают, что обработка земли производилась с помощью палок-копалок. Об этом говорят каменные утяжелители, найденные в среднем джейтунском слое Монджуклы-депе и жилой комнате Гадыми-депе.

Уборка урожая осуществлялась с помощью жатвенных ножей, оснащенных кремневыми вкладышами. Оправой для них служило дерево или кость, о чем свидетельствует найденная в Чопан-депе основа джейтунского серпа. Вкладыши жатвенных орудий составляют на всех джейтунских памятниках 25–36%. Данные экспериментов показывают, что производительность жатвенных ножей из неретушированных вкладышей сравни-

тельно низка. Жатвенные орудия, оснащенные пластинами с зубчатой ретушью, значительно продуктивней.

Обработка продуктов земледелия производилась с помощью каменных зернотерок, пестов, ступок, курантов. Вероятно, использовали и деревянные ступы и песты, ибо обрушивание пленчатых пшениц, высевавшихся на джейтунских полях, возможно лишь с применением деревянных инструментов, судя по опытам, связанным с обработкой подобного зерна.

Второй основной отраслью производящего хозяйства джейтунских племен было скотоводство. По определениям В.И. Цалкина (1970б) и А.И. Шевченко (1960), в составе стада уже были домашние овцы или козы. На среднем этапе и к концу джейтунской культуры был доместифицирован и крупный рогатый скот (Бердыев, 1966). Соотношение костных остатков диких и домашних животных свидетельствует о преобладании скотоводства над охотой. По предположению В.М. Массона (1971), скотоводство носило отгонный характер, поскольку на территории джейтунских поселков отсутствуют следы каких-либо загонов и кормохранилищ. Крупный рогатый скот составлял незначительную часть стада, что характерно и для поздних энеолитических памятников Южной Туркмении. Продукты охоты давали около 25% мясной пищи на самом раннем поселении Джейтун (Массон, 1971). Основными объектами охоты были джейран, дикий баран, кабан, лиса, волк. В Чагыллы-депе среди костных остатков большое место занимает кулан (Бердыев, 1966). В средний период джейтунской культуры роль охоты снизилась, еще заметнее ее падение в хозяйстве древних земледельцев в последующее энеолитическое время.

Наконечники стрел для джейтунской культуры не типичны. Известен лишь один наконечник кельтеминарского типа в материалах среднего этапа из Чопан-депе. Нет наконечников и в раннеземледельческих комплексах Ближнего Востока – Джармо, Сиалке I, Тепе-Сараб, Хассуне. Характерным охотничьим оружием как для джейтунской культуры, так и для неолитических культур типа Джармо, Хассуна, была праща, которую, видимо, использовали при охоте на мелких зверей. Возможно, существовала и облавная охота в местах водопоя животных.

Среди домашних промыслов ведущее место занимало производство орудий труда. Одним из ведущих являлось и кожевенно-скоряжное производство, связанное с обработкой шкур и выделкой кож. Орудия труда, связанные с этим производством, известны во всех хозяйственно-жилых комплексах поселков. В Джейтуне обнаружены специализированные хозяйственные помещения (23 и 25), где сосредоточены многочисленные орудия для обработки шкур и выделки кож. О раннем зарождении ткачества свидетельствуют находки каменных и керамических дисков с просверленным отверстием в центре, позднее встречающихся наряду с керамическими прясли-

цами. Немаловажное значение в домашних промыслах имела обработка дерева и кости (посуда, рукоятки к орудиям и сами орудия, украшения, бытовые предметы).

К числу распространенных производств относится керамическое, производившее ручным ленточным способом сосуды с ограниченным числом форм и примитивной росписью. С гончарным производством косвенно связаны работы по изготовлению минеральной краски, употреблявшейся при нанесении орнамента на сосудах. Растертая охра употреблялась и в погребальных обрядах джейтунов, и, возможно, в косметических целях.

Архитектура поселений и жилых комплексов позволяет коснуться вопроса об общественном строе джейтунского общества. Планировка поселков свидетельствует о том, что небольшие по площади дома (16–30 кв. м) принадлежали одной малой семье из пяти-шести человек. Равномерное распределение орудий труда по всем жилым комплексам Джейтуна позволяет говорить о децентрализации домашних производств. Это значит, что малая семья владела не только домом, но и имела в личном пользовании необходимые для существования инструменты, была “основной и самообеспечивающей производственной и потребляющей единицей” (Массон, 1971. С. 104). Поселение Джейтун состояло из 30 однокомнатных домов, в которых обитало 30 парных семей, или 150–180 человек. Такие памятники, как Чагыллы-депе и Монджуклы-депе, насчитывающие до 10–15 домов, заселенных 10–15 семьями, включают в общей сложности 60–90 человек. К числу поселков средней величины относится поселение Песседжик-депе, где, по мнению О.К. Бердыева (1976), проживало более 200 человек. Поселение Чопан-депе по плотности застройки могло вмещать до 600–800 человек, образующих одну общину (Массон, 1971). Любой джейтунский поселок с социальной точки зрения следует рассматривать как общину, состоящую из нескольких малых семей. Центром поселения являлись общинные дома, отличающиеся крупными размерами и массивными окрашенными или расписными стенами (Песседжик-депе, Чагыллы-депе и Гадыми-депе).

Большой интерес представляет группа поселков – Песседжик-депе, Тоголок-депе и Чопан-депе, – приуроченных к одному Геокдепинскому оазису и принадлежащих, по мнению В.М. Массона (1971), одному небольшому племени.

Имеющиеся материалы характеризуют идеологию джейтунских племен как типичную для ранних земледельческо-скотоводческих обществ. Захоронение усопших в пределах поселения подчеркивает связь умерших с коллективом общины, а следы красной охры на костях указывают на погребальный ритуал, известный у многих неолитических и энеолитических племен Средней Азии и Ближнего Востока. О религиозных воззрениях земледельцев свидетельствует мелкая пластика, в частности женские фигурки, правда, на поселениях джейтунской культуры сравнительно редкие. Небольшие фигурки животных, обычно вылепленные из необожженной глины, видимо, использовались в магических целях только однажды, после чего выбрасывались. Предполагается, что наколы на статуэтках – это следы обрядов, связанных с охотничьей магией.

Рис. 31. Кремневые, каменные и костяные изделия джейтунской культуры

1–30 – позднего (Чагыллы-депе), 31–62 – среднего (31–57, 59 – верхние слои Чопан-депе; 58, 60–62 – Песседжик-депе) и 63–98 – раннего (Джейтун) этапов

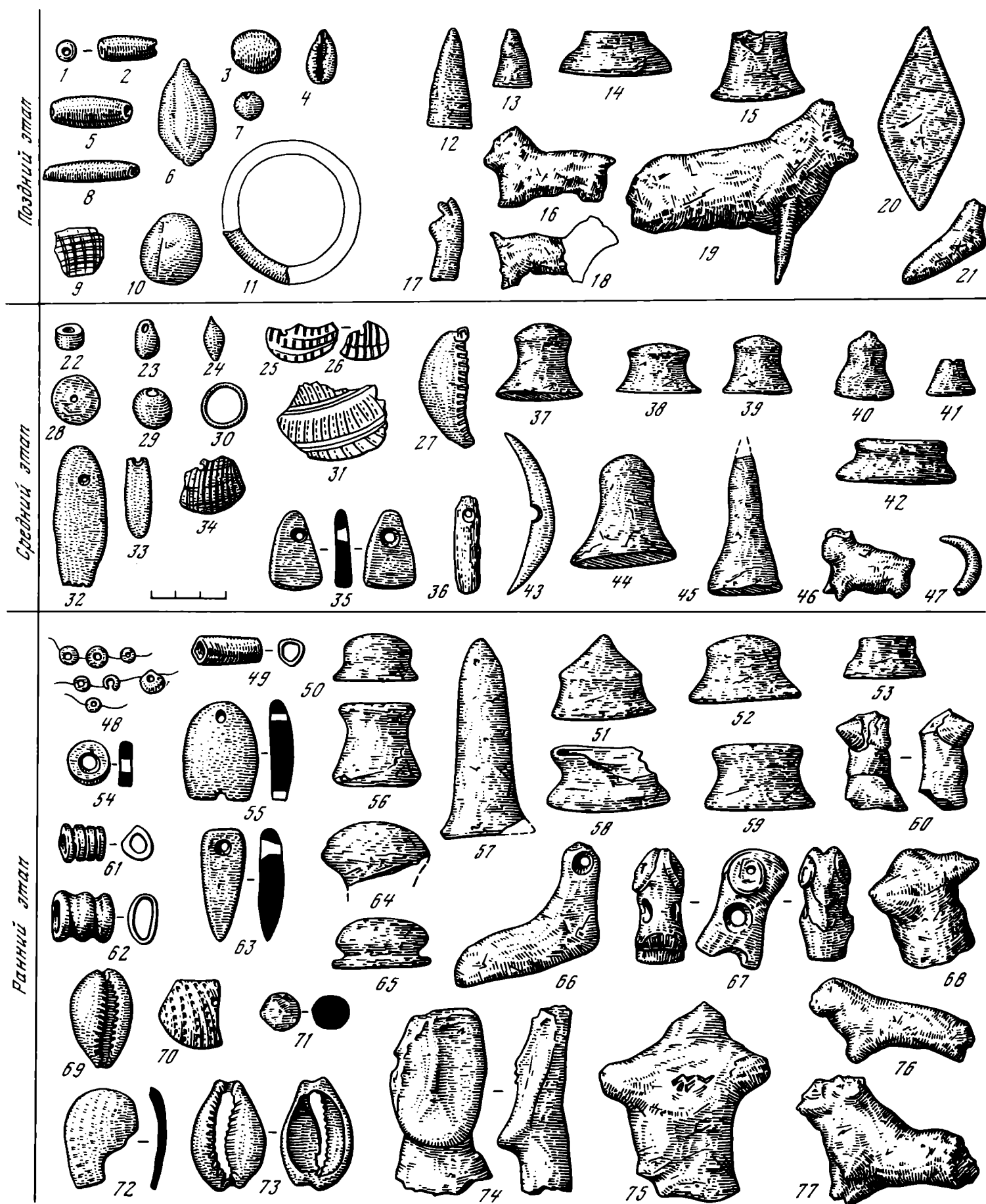

Рис. 32. Пластика, поделки, украшения джейтунской культуры

1-21 - позднего этапа (Чагыллы-депе); 22-47 - среднего этапа (22-30, 32-35, 38-47 - Песседжик-депе; 31, 36, 37 - Чопан-депе); 48-77 - раннего этапа (Джейтун)

Особый интерес представляет появление специфических святилищ. На Джейтуне такое святилище отсутствует. Это может указывать на то, что в ранний период джейтунской культуры культовым центром мог служить один из домов (например, помещение 4 с полихромной росписью). На среднем этапе джейтунской культуры, как показали раскопки Песседжик-депе, уже появляется специальное святилище, служившее, вероятно, и местом общих собраний. По планировке это тот же стандартный жилой дом, но почти вдвое увеличенный в размерах. Особый интерес представляет наличие в интерьере фресковой живописи, на которой мы видим геометрические фигуры и животных – черных кошачьих хищников с загнутыми вверх хвостами (барсов?), и каких-то травоядных, переданных красным цветом. Продолжение раскопок на Песседжик-депе показало, что на протяжении трех строительных периодов святилище не только традиционно располагалось в центре поселка, но и имело примыкающий хозяйственный комплекс с различного рода подсобными строениями и хранилищами (Лоллекова, 1978). Рассматриваемый ансамбль является как бы прообразом древневосточных храмовых комплексов, игравших роль религиозных и хозяйственных центров.

О происхождении джейтунской культуры существуют разные точки зрения. В.М. Массон высказал гипотезу о генетической связи Джейтуна с охотническо-собираТЕЛЬскими группами племен района Туркмено-Хорасанских гор и Эльбруса. В основу этой гипотезы было положено сходство кремневых индустрий Джейтуна и мезолитических комплексов Прикаспия. Однако памятники протожейтунцев в районе Туркмено-Хорасанских гор пока не известны. Г.Ф. Коробкова (1969б), опираясь на отсутствие на территории Копет-дага памятников с традицией пластинчатой техники и сходство кремневого инвентаря Джейтуна с индустриями мезолитических комплексов Прикаспия (в частности, V слоя Джебела), высказала гипотезу о том, что прямыми предшественниками джейтунцев были прикаспийские племена охотников-собираТЕЛЕЙ. В.М. Массон признает сходство джейтунской культуры с памятниками прикаспийского мезолита, но полагает, что процесс формирования джейтунской культуры был более сложным и не ограничивался одним источником. Сильное влияние на сложение культуры оказали ближневосточные традиции домостроительной техники, предполагающей применение окраски полов известковым раствором и отмеченной на ряде памятников Ближнего Востока VIII–VI тыс. до н.э., таких, как Иерихон, Чейюню-тепеси, Тепе-Гуран (Kenyon, 1955; Çambel, 1974; Meldgaard, Mortensen, 1964), и керамического производства с идентичными мотивами росписи. Можно предполагать, что в формировании джейтунской культуры участвовали местные прикаспийские племена охотников-собираТЕЛЕЙ и ближневосточные земледельцы.

Джейтунская культура – одна из древнейших земледельческо-скотоводческих культур Старого света, входящая в систему раннеземледельческих культур Древнего Востока. В настоящее время в пределах этой системы намечается ряд локальных культур или культурных общностей. Так, П. Мортенсен ставит вопрос о загросской общности, объединявшей такие памятники, как Джармо, Тепе-Гуран и Тепе-Сараб (Mortensen, 1964).

Исследователи отмечают наличие в центральноиранском памятнике Сялк I элементов, возможно, восходящих к комплексам джейтунского типа. Таковы прямые основы жатвенных ножей, терракотовые фишки, некоторые элементы росписи на керамике (Массон, 1971; Ghirshman, 1938).

Сама джейтунская культура обнаруживает больше аналогий с памятниками типа Джармо, что прослеживается в кремневой индустрии, костяных бусах, каменных дисках с отверстиями, глиняных конусах, некоторых формах сосудов и типах расписной керамики (Braidwood, 1960). Особый интерес представляют находки керамических браслетов в Тоголок-депе и Чагыллы-депе. По мнению О.К. Бердыева (1976), это подражание каменным браслетам, характерным для комплексов типа Джармо.

Близкое сходство с джейтунской архитектурой имеют синхронные ей материалы Тепе-Гурана, где в технике домостроительства применялись сырцовые кирпичи, а в окраске стен и полов использовались известь и красная охра. Наблюдаются аналогии и в формах ряда сосудов и элементах росписи, наличии каменных и костяных бус (Meldgaard и др., 1964).

Имеются параллели с архитектурой Иерихона времени культуры В. Там, так же как в Джейтуне, полы покрывались известковой штукатуркой и окрашивались в красный и бежевый цвет (Kenyon, 1957; Kirkbride, 1966). Наблюдается сходство в бусах из камня и раковин.

Единство элементов домостроительной техники малоазиатских памятников Хаджилара и Чатал-Гююка и среднеазиатского Джейтуна проступает в использовании сырцового кирпича, пропорции которого близки джейтунским блокам, и в окраске полов. Есть сходство в деталях росписи и некоторых формах сосудов (Mellaart, 1961; 1965; 1975).

Сходство джейтунской культуры с синхронными памятниками Малой Азии и Ближнего Востока можно объяснить наличием культурных контактов, а также общими генетическими истоками. Показательны параллели между Джейтуном и Сялком I, которые, по мнению В.М. Массона (1971), могут свидетельствовать о близости неолитического пласта, оказавшего влияние на формирование культуры типа Сялка и Джейтуна. Это позволило исследователю поставить вопрос о возможном существовании североиранской-южнотуркменской общности, испытывавшей воздействие со стороны загросской общности. Таким образом, в этнокультурном плане джейтунские памятники – особая группа племен, возможно, находившаяся в родственных связях с племенами, оставившими памятники типа Джармо. Высказано предположение, что все эти племена говорили на языках нерасчлененного протоиламского-протодравидского единства (Массон, 1977). В антропологическом отношении носители джейтунской культуры принадлежали к долихокраным европеоидам восточно-средиземноморского типа, т.е. к тому расовому типу, к которому относится почти все население Средней Азии эпохи неолита и бронзы (Гинзбург, Трофимова, 1972).

В настоящее время джейтунский материал обнаружен в нижних слоях поселения Ярим-Тепе, расположенного в юго-восточной части Прикаспия в долине Гюргена (Crawford, 1963). Возможно, новые данные позволят по-

ставить вопрос о наличии в эпоху неолита джейтунской культурной общности, охватывающей территорию Южного Туркменистана, частично центральную и северо-восточную часть Ирана.

В заключение отметим, что джейтунская культура не

исчезает бесследно. Ее традиции лежат в основе последующего развития раннеземледельческих комплексов Южного Туркменистана и особенно четко проявляются в домостроительстве и керамическом производстве (Бердыев, 1974).

Кельтеминарская культурная общность

Кельтеминарская культура была выделена С.П. Толстовым (1946) после раскопок стоянки Джанбас 4 на Акчадарье. В дальнейшем Хорезмская экспедиция исследовала десятки стоянок на древних руслах Амударьи, Узбоя, в Присарыкамышской дельте и других районах (карта 5). Изучались памятники близкого типа и в бассейне Махандарьи, в Каршинской и Канмехской степях, Центральных и Северных Кызылкумах, в Северном Приаралье.

В 70–80-е годы территория поисков расширяется, открыты и исследованы группы стоянок в Акчадарьинской дельте, по среднему течению Амударьи и на окраине Заунгузских Каракумов. Серии памятников обнаружены в Присарыкамышской дельте, где особенно важен могильник Тумек-Кичиджик в бассейне староречий Сырдарьи, во Внутренних Кызылкумах, где представляют интерес льяляканские стоянки и мастерские по производству бус (Мамедов, 1975). Своеобразны стоянки и ювелирные мастерские в Бешбулакской, местонахождения и кварцитообрабатывающие комплексы в Минбулакской, стоянки в Каракатинской впадинах. Серия стоянок выявлена в северной части староречий Зеравшана, в районе Аякагитменской впадины, Дарьяса и Эчкилик-сая.

В настоящее время известно более 1500 памятников кельтеминарской культуры. Ряд их исследован раскопками (Джанбас 4, стоянка Толстова, Кават 7, Льялякан 26 и др.), другие – шурфовкой. Исследования могильника Тумек-Кичиджик в северной Туркмении дали первые антропологические материалы для охотничье-рыболовческого неолита среднеазиатского региона. Однако многие вопросы, связанные с кельтеминарской проблемой, остаются спорными. Нет единого мнения, имеем ли мы дело с одной культурой или серией сходных культур, входящих в единую кельтеминарскую общность, не ясны ее территориальные границы, нет общепринятой хронологии и периодизации. Вместе с тем ряд историко-культурных выводов, сделанных еще С.П. Толстовым, остаются в силе до сих пор. Рассмотрим материалы памятников кельтеминарского облика по географическому принципу.

Акчадарьинская дельта

Основная масса кельтеминарских стоянок сконцентрирована на юге Акчадарьинской дельты, простирающейся от Амударьи на западе до границы коренных песков на востоке, от Турткуля на юге до хребта Султануиздаг на севере. В IV–III тысячелетиях до н.э. это был хорошо обводненный район с системой протоков, отдель-

ными заболоченными участками и тугайной растительностью (Толстов, Кесь, 1956). Стоянки расположены здесь группами. Среди них выделяются джанбасская, каватская, байрамказганская, мамурская, таджиказганская и др.

Основополагающими памятниками джанбасской группы являются стоянка Толстова и Джанбас 4. Культурные слои их тяготеют к верхней границе аллювиального песка и перекрыты “болотным горизонтом” и слоем суглинка. В нижнем горизонте Джанбас 4 вскрыты остатки жилища каркасно-столбовой конструкции, размерами 26 × 13 м, с многочисленными очагами (рис. 33, 4–8). На стоянке Толстова обнаружены три жилые постройки. Из них дом 1 в плане прямоуголен, его площадь 110–120 кв. м, двухслойная кровля состояла из камыша и древесной коры, внутри располагались хозяйственные ямы и прослеживались очажные пятна. Рядом выявлена полуземлянка (дом 2), углубленная на 70–100 см, с остатками столбовой конструкции. Центральную часть занимает долговременный очаг с зольниками. Третье жилое сооружение находилось рядом с домом 2. По мнению А.В. Виноградова, все три жилища относятся к одному поселению. Основными находками в джанбасской группе стоянок является керамика, кремневые и костяные изделия, украшения, фаунистические остатки. Сосуды вытянутых пропорций, есть полусферические чаши, в том числе с открытым сливом, шаровидные или яйцевидные с цилиндрическим горлом, ладьевидные. На стоянке Толстова (рис. 34) обнаружены единичные плоскодонные сосуды: с цилиндрическим туловом и реберчатый. Интересна группа миниатюрных сосудов, также, по-видимому, плоскодонных. Керамика украшена прочерченными прямыми и волнистыми линиями, зубчатым штампом, короткими насечками, образующими узор в виде лесенки, елки, иногда обрамленный прочерченными поясами. Изредка представлены ногтевидный, желобчатый и ямочный орнаменты (Виноградов, 1968б; 1981). Найдена крашеная керамика, расписанная коричнево-красной охрой. Роспись наносилась поверх прочерченного орнамента в виде полос или по направлению узора. Единична керамика с белой росписью. Интересны диски с отверстием в центре, изготовленные из обломков сосудов, диаметром 5–8,5 см.

Для кремневой индустрии характерна пластинчатая техника. В наборе изделий со вторичной обработкой преобладают выемчатые пластины и концевые скребки. Небольшими сериями представлены пластинки с притупленным краем, скошенным концом, микрорезцы, сверла и проколки. Показательны пластинчатые наконечники стрел с боковой выемкой, в том числе с симметрично

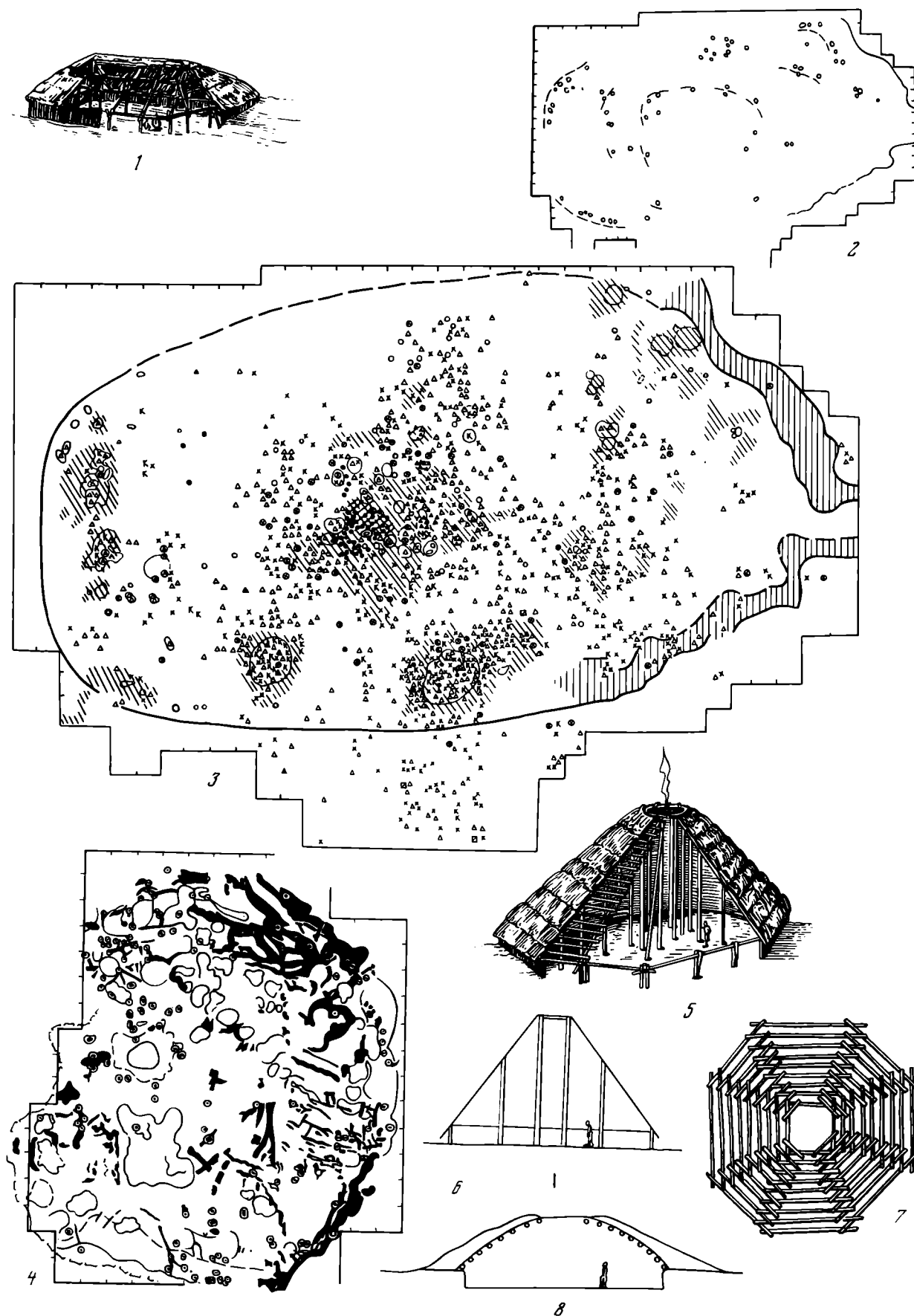

Рис. 33. Кельтеминарская культурная общность. Планы и реконструкции жилищ

1 – Дарбазакыр 1; 2–3 – Кават 7; 4–8 – Джанбас 4

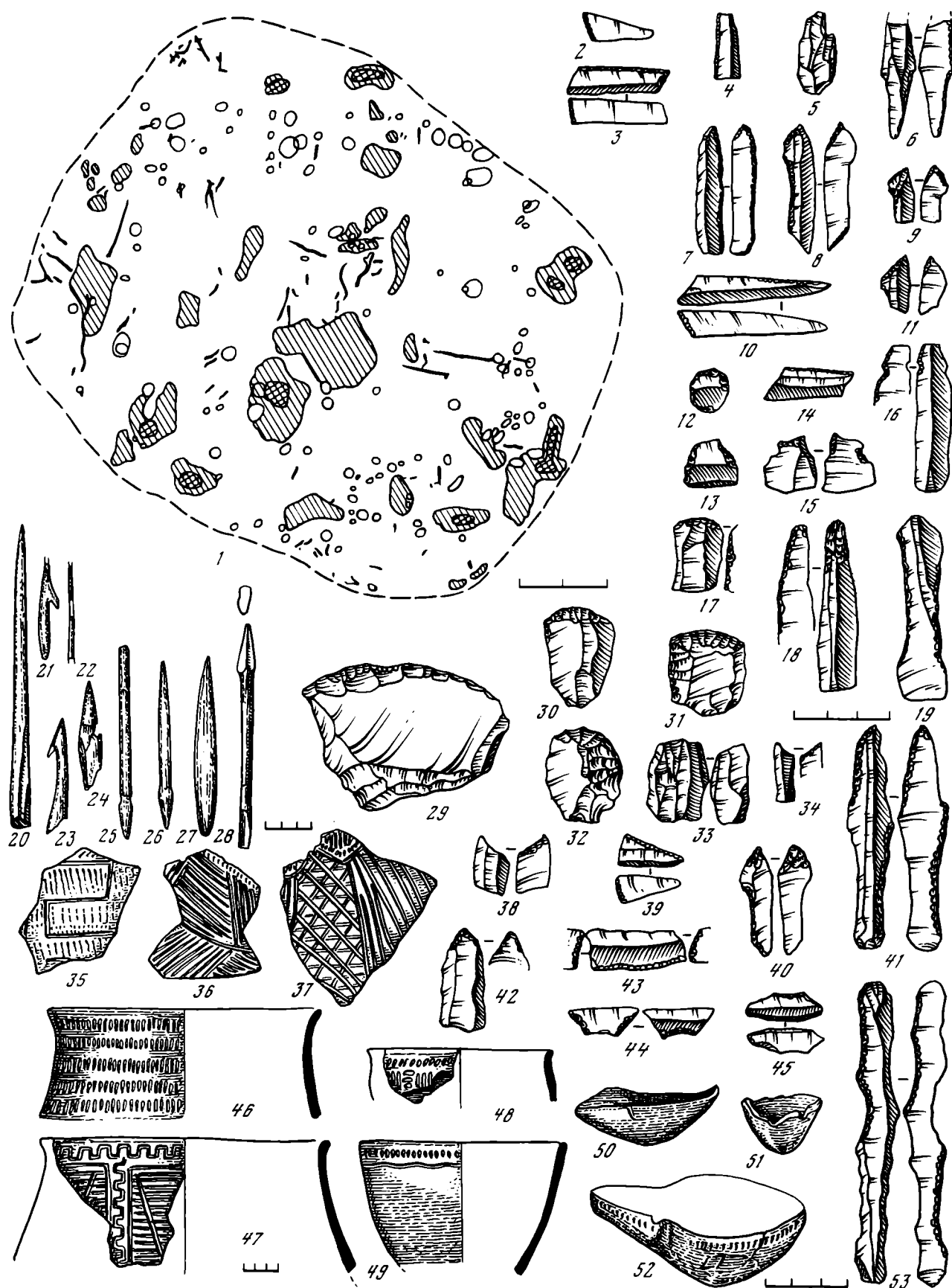

Рис. 34. Кельтеминарская культурная общность. Стоянка Толстова

выделенным насадом, и геометрические микролиты. Найдены отбойники, шлифованные топоры и тесла, рыболовные грузила с круговым желобком или со сквозным отверстием, каменные ложила, выпрямитель для древков стрел. Большой интерес представляет коллекция костяных изделий, особенно яркая на стоянке Толстова – свыше 100 предметов. Это игловидные наконечники с уплощенным насадом, с кольцевым перехватом, однозубчатые гарпуны, шилья, оправа для вкладышевого инструмента, иглы с ушком. Имеются керамические ложила, глиняные штампы, представлены бусы из раковин, птичьих костей, бирюзы, подвески из клыков кабана и пр. Аналогичный материал получен со стоянки Джингельды II.

Между Джанбасом 4 и 5 в 1976 г. обнаружены два разрушенных погребения. По наблюдениям А.В. Виноградова (1981. С. 88), покойные захоронены в скорченном положении с ориентацией на юго-восток. Погребальный инвентарь включал раковинные украшения, кремневые изделия, керамику, типичные для кельтеминарской культуры.

Стоянка Толстова синхронна Джанбас 4 (Виноградов, 1980. С. 93 – 95; Виноградов, Митяев, 1979. С. 548) и четвертому слою Джебела. Это IV тыс. до н.э. или конец V–IV тыс. до н.э., что подтверждается радиоуглеродными датами, полученными для стоянки Толстова. Сопоставление ее материалов с IV слоем Джебела и поздним этапом Джейтуна позволяет отнести данный памятник к V тыс. до н.э., а возможно, и к концу VI–V тыс. до н.э.

Каватская группа включает стоянки Кават 5 и 7 (Виноградов, 1968а), относящиеся к разным периодам кельтеминара. Они расположены на западе акчадарьинской дельты, на севере массива барханных песков.

На территории стоянки Кават 7 выявлены очажные и хозяйственные ямы, кострища и овальное жилище размером 30–31 × 18–19 м (рис. 33, 2, 3). Это наземный дом с каркасом из дерева и камыша, столбовой конструкцией, камышовой кровлей, площадью 360–380 кв. м, аналогичный жилищу Джанбас 4. В центре жилища находилось кострище, огражденное земляным валом и выложенное камнями. Рядом зафиксирована группа хозяйственных ям, заполненных керамикой, кремневыми изделиями и костями. Обнаружено более 10 ям, в основном за пределами жилища.

Керамика каватской группы близка керамике нижнего горизонта Джанбас 4 и стоянки Толстова. Сходство наблюдается в формах сосудов, в технике нанесения орнамента и некоторых орнаментальных мотивах. Так, на полусферических чашах Кавата 7 есть орнамент в виде заштрихованных треугольников и многоугольников, горизонтальных волнистых линий, покрывающий всю поверхность сосуда, характерный и для Джанбас 4. Типично украшение сосудов изнутри. Любопытен сосуд из Кавата 7, украшенный по всей поверхности каннелюрами. Аналогии известны в трех верхних слоях пещеры Джебел и увязаны с импортной керамикой из Шах-тепе.

В целом для Кавата 7 особенно характерны сосуды вытянутых пропорций и полусферические чаши. Сосудов с шаровидным туловом, чаш со сливами и носиками

и ладьевидных гораздо меньше. Типичный орнамент – вдавления, насечки, прочерченные прямые, реже волнистые линии, ямки, меандр. Обычно расположение орнамента горизонтальными, реже вертикальными поясами в верхней части сосуда. Из композиций преобладают заштрихованные треугольники, елки, решетка, лесенка, горизонтальные ряды. В Кавате 7 по сравнению с нижним горизонтом Джанбас 4 появляются новые мотивы – мелкие повторяющиеся треугольники, лесенки (Виноградов, 1968а). Как и в Джанбас 4, встречаются керамические диски с отверстием в центре. Орудия выполнены в пластинчатой микролитической технике. Представлены наконечники стрел, в том числе кельтеминарского типа, листовидные с выемкой в основании и наконечник треугольной формы с черешком. Есть микропластины и пластины с притупленным краем, ретушированные на одном или двух концах (в том числе с шиповидным концом, широко распространенные на стоянках Узбоя); пластины с выемками, со скошенными концами; острия, сверла, проколки; концевые скребки на сечениях с ретушью по бокам; скребки на отщепах, нуклевидные скребки, пластины с ретушью.

Встречены подвески из раковин *Dentalium*, треугольные бусы из раковин *Chlamis* и овальные – из раковин *Pectunculus*.

Материальная культура каватской группы памятников продолжает традиции джанбасской, что проявляется в домостроительстве, формах сосудов, технике нанесения орнамента, некоторых орнаментальных мотивах, технике изготовления орудий, наборе изделий. Однако каватская группа кажется более поздней, чем комплекс нижнего слоя Джанбас 4 (Виноградов, 1968а).

Байрамказганская группа памятников расположена вдоль восточного берега дельты к югу и востоку от колодца Байрам-Казган. Культурный слой стоянок разрушен. По А.В. Виноградову (1968б), стоянки Байрам-Казган 1 и 6 приурочены к поверхности серого песка и части такыра, а Байрам-Казган 4 – к высоким грядам древнеаллювиальных песков и залегает выше двух первых.

Керамика байрамказганской группы многочисленна. Имеются фрагменты сосудов, украшенных горизонтальными полосами насечек, прочерченными волнистыми линиями, мелкими полулунными вдавлениями. Отмечена композиция в виде кирпичной кладки, выполненная прочерченными линиями. По материалам Байрам-Казгана 4 реконструируются полусферические чаши со сливами, сосуды вертикально вытянутых пропорций. В кремневом инвентаре наконечники стрел кельтеминарского типа, пластины с притупленным краем и со скошенными концами, скребки на отщепах и сверла, ножевидные пластины с ретушью и без. Найдены единичные шлифованные топоры или тесла, украшения из створок раковин.

В мамурскую группу входит пять неолитических стоянок – Мамур 1, 3, 3а, 3б, 4 с разветвленным культурным слоем. Они концентрируются в 9,5–10 км восточнее Байрам-Казгана и в 11,5 км юго-восточнее крепости Джанбас-кала, примыкая к коренному берегу Южной Акчадарьинской дельты и залегая в песках по краю большого такыра.

Сосуды мамурской группы сделаны с примесью песка, реже – шамота. Это полусферические чаши и небольшие сосуды вытянутых пропорций с раздутым туловом и отогнутым венчиком. Преобладает неорнаментированная керамика. Среди орнаментов – насечки елочкой, мелкие овальные или круглые вдавления, прочерченные волнистые и прямые линии, оттиски качалки, гладкой и зубчатой. Из композиций известны ромбоячеистая решетка, пояса волнистых линий и пр. Из обломков сосудов сделаны трапециевидные грузила с выемками у верхнего узкого конца.

В кремневом инвентаре наконечники стрел кельтеминарского типа, пластины с притупленным краем и со скошенными концами, выемчатые изделия, скребки концевые и на отщепах, сверла, проколки, пластины с ретушью. Есть обломки шлифованных изделий из зеленого камня (топорики?), зернотерки из песчаника, костяные украшения овальной формы с отверстием у края. По мнению А.В. Виноградова (19686), стоянки мамурской группы синхронны и относятся к позднему этапу кельтеминарской культуры.

Севернее мамурской группы расположены стоянки в урочище Джингельды, на северо-востоке Южной Акчадарьинской дельты. Здесь обнаружено несколько местонахождений и две крупные стоянки с развешанным культурным слоем – Джингельды 6 (Виноградов, 19686) и 11 (Виноградов, 1981. С. 89).

Керамика представлена сосудами с отогнутым или прямым венчиком и раздутым туловом, полусферическими чашами, в том числе со сливами. В орнаментации использованы насечки, прочерченные узоры, вдавления, оттиски штампа, гладкая и зубчатая качалка. Среди орнаментальных схем встречается простой меандр и роспись. Интересен сосуд из Джингельды 11 с воротничковым утолщением по венчику изнутри. Найдены обломки дисков из стенок сосудов. Среди кремневых изделий наконечники стрел кельтеминарского типа, асимметричные низкие треугольники, трапеция, ретушированная с брюшка пластины с выделенной головкой. Имеются обломки шлифованных изделий (выпрямители для древков стрел), зернотерок, грузило со сверлиной на конце, бусы из раковин *Didaspa*, цилиндрические пронизки из раковин *Dentalium*, обломки бус из бирюзы. Материал стоянки Джингельды 11 не древнее Джанбаса 4 и стоянки Толстова (Виноградов, 1981. С. 89).

В Акчадарьинском коридоре известна таджиказганская группа памятников – восемь стоянок и много местонахождений со смешанным материалом. Из них наиболее показательна Таджиказган 6, где керамика представлена полусферическими чашами и приземистыми сосудами с раздутым туловом и отогнутым венчиком. Они украшены оттисками зубчатого штампа или “качалки”, насечками, ямками и прочерченными линиями. Кремневый и кварцитовый инвентарь содержит типичный кельтеминарский набор орудий. А.В. Виноградов указывает на сходство материалов таджиказганской группы с Джингельды 6, Джанбас 11, мамурскими стоянками и предполагает, что большинство их датируется поздним неолитом.

Стоянки Узбоя и Присарыкамышской дельты

Присарыкамышская дельта на юге граничит с Заунгузскими Каракумами, на севере с чинками Устюрта, на северо-востоке сливается с Приаральской дельтой Амударьи, на западе – с Сарыкамышской впадиной. К последней примыкает долина Узбоя, тянущаяся на 550 км до Балханского залива Каспийского моря. Левобережье Узбоя занято песчаной пустыней низменных Каракумов, правобережье отличается то песчаным рельефом, то высоким плато. Большинство исследователей считает, что в неолите Узбой был полноводным и имел постоянное течение.

Неолитические стоянки располагались по берегам русла, там, где река имела спокойное течение, и в районе пресных озер, образовавшихся при разливах Узбоя (Толстов, 1958; Низовья Амударьи..., 1960). В таких же условиях расположены стоянки Присарыкамышской дельты и Сарыкамышского озера, одновременные узбойским (Итина, 1977). О густой заселенности Узбоя в неолите и энеолите говорят и богатые коллекции, собранные как в его низовьях – в районе русла Актам, на северном побережье Келькора, в урочищах Калан-Кую и Декча вплоть до урочища Тоголак, – так и на верхнем отрезке, простирающемся от урочища Бала-Ишем до Чарышлы (Толстов, 1962) (Белова, 1982; Юсупов, 1986).

Узбойские местонахождения разделены на две группы, соответствующие, по С.П. Толстову (1958; 1962), двум археологическим культурам – верхнеузбойской и нижнеузбойской. В 70-е годы работы на Узбое продолжены А.Х. Юсуповым (1986). Им открыто около 30 местонахождений. Кугунк 22 и Бала-Ишем 9 подверглись шурфовке, но культурный слой не обнаружен, почти нигде не сохранилась и керамика. По С.П. Толстову, для верхнеузбойской культуры характерны одношипные наконечники стрел и скребки на пластинах, пластины с выемками, с притупленной спинкой, проколки (рис. 35, 1–57). По данным технико-морфологического исследования инвентаря из Чарышлы 25 можно добавить, что для памятников Верхнего Узбоя характерна пластинчатая техника расщепления, для вторичной обработки типична затупливающая ретушь. Из изделий представлены пластины с выемками, скребки и микроскребки на отщепах. Менее характерны пластины с ретушью, концевые скребки на пластинах, наконечники стрел кельтеминарского типа, подтреугольной формы с вогнутым основанием и листовидные. Единичны трапеции. Встречаются бусины из раковин *Chlamis* и кольцообразные раковинные подвески.

Специфика так называемой нижнеузбойской культуры бесспорна. Показательны находки фрагментов круглодонного окрашенного сосуда типа Анау II и толстостенного сосуда типа четвертого слоя Джебела – с примесью раковин в тесте, следами грубого заглаживания поверхности пучками травы и с поперечными насечками по венчику (Толстов, 1962). Для индустрии типична пластинчатая техника с микролитовидными элементами. Из орудий известны наконечники стрел с двусторонней обработкой, концевые скребки, вкладыши с притупленным краем, выемчатые изделия, скребки на отщепах,

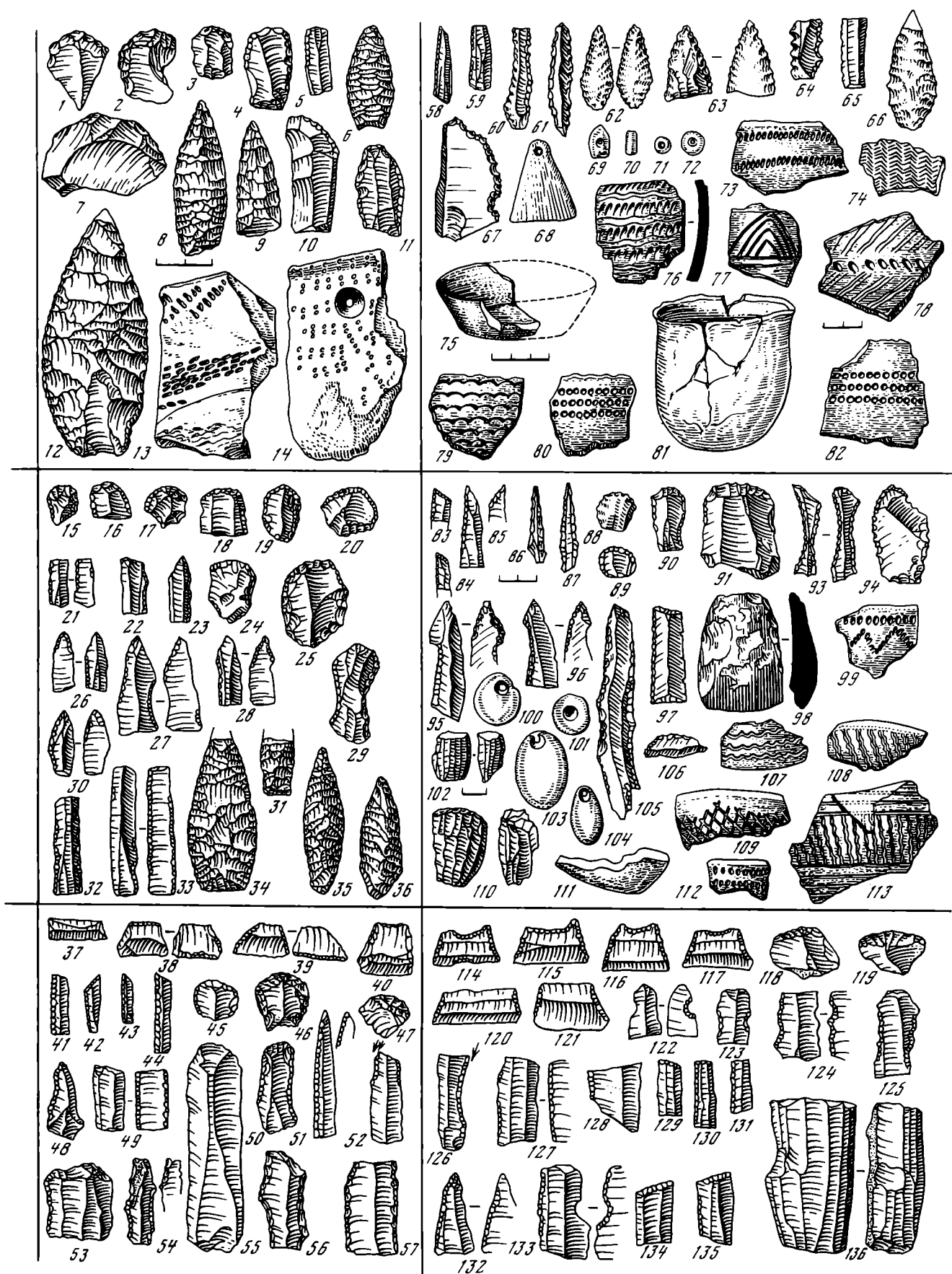

Рис. 35. Керамика и каменные изделия Верхнего Узоя (1-57) и низовьев Зеравшана (58 - 136).

1-7, 10-11, 13-14 – Бала-Ишем (поиск 171); 8, 9, 12 – район колодца Орта-Кую; 15-36 – Бала-Ишем (поиск 178); 37, 39, 51, 52 – Чарышлы 25; 38, 40-49, 53 – Бала-Ишем 9; 50, 54-57 – Бала-Ишем 8; 58-82 –

Большой и малый Тузкан; 83 – 113 – Дарбазакыр 1-2; Большой Тузкан 3, 8, 13; 114 – 136 – Учащи 29 (по А.В. Виноградову)

единичны сверла, проколки, треугольные остроконечники и т.п. (рис. 40, 20–73).

Значительно углубляют наши знания о нижнеузбойской культуре стоянки Актама. В 1977 г. по берегам сухого русла Актам Узбойской экспедицией под руководством Х. Юсупова была обнаружена группа стоянок. Культурный слой не сохранился, но материал залегал скоплениями, в которых насчитывалось от 150 до 2000 предметов. Для этих памятников характерна пластинчатототщеповая техника расщепления, для вторичной обработки – затупляющая ретушь по одному краю изделия со стороны спинки. Среди орудий ведущее положение занимают скребки и микроскребки на отщепах, наконечники стрел и дротиков листовидной, ромбовидной и треугольной форм, с вогнутым или прямым основанием, в редких случаях – с выделенным черешком. На ряде памятников (Актам 6, 7, 9, 10) встречены боковые, угловые и срединные резцы. По мнению исследователя, стоянки Актама являются местным проявлением нижнеузбойской культуры. Общий облик материала и набор орудий позволяют ориентировочно датировать актамский комплекс ранним неолитом, а некоторые памятники, например, Актам 1, 2, содержащие микролиты, могут оказаться более ранними в общей группе (Юсупов, 1986. С. 34; Белова, 1982). Вместе с тем вопрос о культурной принадлежности нижнеузбойского комплекса из-за отсутствия стратифицированных памятников и малочисленности материала при почти полном отсутствии керамики, с нашей точки зрения, пока остается открытым. Во всяком случае включать его в кельтеминарскую общность не следует.

Памятники левобережья Амударьи

В Ташаузской области Туркмении, в юго-западной части Присарыкамьшской дельты Б.И. Вайнберг в 1972 г. обнаружен неолитический могильник Тумек-Кичиджик. Он исследован в 1973–1974 гг. А.В. Виноградовым (1974; 1975; 1981). Вскрыто 27 погребений в узких грунтовых ямах овальной или подпрямоугольной формы, изредка с небольшим подбоем. Выделяются ямы с вертикальными стенками, с одним или двумя уступами по длинным сторонам, с уступом на одной стороне и подбоем на противоположной. Покойники захоронены в вытянутом положении на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентированы головой на северо-восток, посыпаны охрой. Иногда интенсивный слой охры находился под костяками. В засыпке погребений отмечены скопления камней, а в ряде случаев следы дерева. Однако их расположение не позволяет говорить о существовании каких-то надмогильных конструкций. Погребальный инвентарь беден: ножевидные пластины, отщепы с ретушью, пластины с притупленным краем, скошенным концом, с выемками, проколки и концевые скребки. Единичны параллелограммы и асимметричные треугольники. В отдельных погребениях зафиксированы обломки керамики. Выделяются два погребения (18, 23), в которых А.В. Виноградов (1981. С. 111, 112) проследил связь керамических фрагментов с особым погребальным обрядом. Судя по этим наблюдениям, погребальный обряд предусматри-

вал помещение в могилу куска мяса, жаренного на углях и положенного на обломки посуды.

В захоронениях обнаружены бусы из раковин и кости, встреченные и единично, и целыми сериями. К числу последних относятся погребения 4, 6 “верх, 9, 13, 16, 17, 19, 26. Среди них три женских, три мужских и одно детское. Здесь многочисленные украшения зафиксированы в области таза и бедренных костей и, по-видимому, были частью нашивок на одежде погребенных. Среди украшений костяные пронизки овальной, округлой и подпрямоугольной формы с отверстием в центре, украшения из створок раковин *Didasna*, миниатюрные низкоцилиндрические бусы. На голове погребенных располагались иные украшения. Это бусы из раковин *Dentalium* и из трубчатых птичьих костей, нередко покрытых поперечными нарезками, типичные для поселения Джейтун (Массон, 1971). Шею украшали крупные диадемы из продольно расчлененных клыков кабана с отверстиями, просверленными на торцах. Подобные изделия широко известны по материалам Мариупольского и Нальчикского могильников (Круглов и др., 1941).

Выделяется женское погребение с керамическим пряслицем у головы. Самое богатое погребение женщины (26) сопровождалось набором украшений, насчитывающих до 500 костяных и раковинных бус, нашитых на нижнюю часть одежды. Шею умершей украшала подвеска из клыка кабана. Погребение 23 дало небольшой ладьевидный сосуд, орнаментированный оттисками зубчатого штампа и гладкой “качалки”. В одном из захоронений обнаружен обломок прямоугольного сосуда со сливом. Данные находки позволяют отнести могильник к кельтеминарской культуре. По антропологическим данным, погребенные принадлежали частью к северному протоевропейскому типу, а частью – к южному восточномедиземноморскому, близкому морфологически к типу неолитического населения Южной Туркмении (Трофимова, 1979; Виноградов и др., 1986).

По аналогии с могильником в Кайлю, с неолитическими и энеолитическими комплексами Южного Урала и лесного Поволжья, с мариупольскими памятниками, А.В. Виноградов датирует Тумек-Кичиджик IV тыс. до н.э. (1981. С. 116), что соответствует времени существования Джанбас 4, стоянки Толстова и Гяур I. Представляется, что вопрос об абсолютной хронологии этого некрополя нуждается в дальнейшей разработке и дополнительной аргументации.

В этом же районе обнаружено больше 35 развешенных неолитических памятников. Среди них самой представительной является стоянка Каррыкызыл 1, расположенная в Кошбулакской впадине, вблизи соленого колодца (Виноградов, 1981. С. 105). Хотя культурного слоя не выявлено, образцы керамики и кремневых изделий встречаются до глубины 100–135 см. Для рассматриваемой группы памятников типична керамика с примесью шамота, реже – песка. Реконструируются вертикально вытянутые сосуды с расширенным туловом и отогнутым венчиком, встречаются сферические и полуяцевидные формы, чаши, в том числе с открытым сливом. Известен сосуд с трубчатым носиком. Прочерченный орнамент образует параллельные линии, ромбическую решетку, сложные композиции. Имеется также орнамент из отти-

сков зубчатого штампа, гладкой и зубчатой качалки и т.п.

Для индустрии характерны изделия из кремня, кварцита и окремненных галек. В наборе орудий преобладают скребки на пластинах и отщепах, микропластинки и пластины с притупленным краем, встречаются асимметричные треугольники с противолежащей ретушью, типичные для стоянок Толстова и Джанбас 4 (Виноградов, 1980. С. 97). Обнаружены обломки трапециевидного острия, наконечника стрелы кельтеминарского типа и шлифованных предметов, галечные орудия, включающие чопперы. Сочетание кремневой техники расщепления с элементами галечной напоминает памятники восточной группы джейтунской культуры среднего этапа (Лоллекова, 1979; Коробкова, 1987) и неолитические комплексы тахтабазарского типа (Коробкова, Юсупов, 1979). Керамический и кремневый материал хорошо сопоставляется с кельтеминарскими стоянками Акчадарьинской дельты в их позднем варианте.

Внутренние Кызылкумы

Первые неолитические памятники внутренних Кызылкумов стали известны благодаря исследованиям А.В. Виноградова. В этом труднодоступном районе им обнаружено около 1000 стоянок и местонахождений, тяготеющих к террасовидным впадинам ветро-эрозионного происхождения – Лявляканской, Каракатинской, Бешбулакской и Минбулакской (Виноградов, 1981. С. 94). В районе соленых Лявляканских озер исследовано свыше 600 местонахождений эпохи неолита и более позднего времени. Наиболее крупные из них: Лявлякан 26, 31, 34, 43, 120, 121, 210, 358. Пункт Лявлякан 26/1 и мастерская Жунус подверглись раскопкам.

Мастерская Жунус расположена севернее Лявляканских озер в горах Сангунтау, на месте коренных выходов кремня. В центре крупного скопления обломков, отщепов, желваков кремня обнаружен золистый культурный слой. Находки в нем аналогичны подъемному материалу. Сырьем этой мастерской пользовались обитатели лявляканских стоянок (Виноградов, Мамедов, 1975). В районе Лявляканских озер обнаружены и ювелирные мастерские, связанные с обработкой бирюзы и изготовлением украшений.

На стоянке Лявлякан 26 при раскопках выявлено шесть скоплений. В пункте Лявлякан 26/1 обнаружены зольные пятна, участок культурного слоя, остатки большого жилища наземного типа, со столбовой конструкцией, кострищами и хозяйственными ямами.

Встречены обломки зернотерки, кусочки бирюзы, бусы из раковин с просверленным отверстием, костяная оправа, вероятно, основа вкладышевого кинжала или наконечника копья, имеются керамические диски. Найдены многочисленные кости диких животных.

Для керамического комплекса Лявлякана типична тонкостенная керамика. Сосуды вертикально вытянутых пропорций, полусферические чаши, в том числе со сливами и носиками, сосуды с шаровидным туловом, реже – ладьевидные. В ряде пунктов (возможно, более ранних) керамика отличается бедной орнаментацией, чаще совсем без орнамента. Элементы узора – пояса насечек,

оттисков зубчатого штампа, зигзаг, елочка, пучки прямых линий. В других (предположительно поздних) стоянках встречаются сложные композиции в виде косой гирлянды, спускающейся от венчика, ромбоячейстой решетки, заштрихованных треугольников.

Кремневая индустрия Лявлякана характеризуется пластинчатой техникой, наличием одношипных наколочников стрел, трапециями симметричных очертаний, пластинами со скошенным концом, с выемками, скребками на отщепах, реже концевыми на пластинах, остриями, микрорезцами, сверлами и плечиковыми микросверлами, плитчатыми скребками из сланца или песчаника, шлифованными топориками или теслами. Известны бирюзовые бусы цилиндрической, овальной и дисковидной формы, а также пронизки из раковин Dentalium.

А.В. Виноградов подразделяет лявляканские стоянки и местонахождения на пять хронологических этапов. При этом первые три отнесены к неолиту (Виноградов, 1981. С. 94). Представляется, что ранний этап, датированный мезолитом–ранним неолитом по абсолютной датировке и отсутствию керамики, можно рассматривать как мезолитический. Поэтому в данном разделе мы остановимся лишь на материалах второго (“неолит I”) и третьего (“неолит II”) этапов. А.В. Виноградов также склоняется к датировке этапа “неолит I” ранним неолитом, относя его к VI–V тыс. до н.э. Для этого комплекса характерна неорнаментированная керамика, с тонким, без заметных примесей черепком. В индустрии представлены симметричные трапеции. “Рогатые” формы, типичные для Дарьяса, среди них отсутствуют.

Комплекс “неолит II” А.В. Виноградов относит к развиту и позднему неолиту, определяя его хронологическое положение IV–III тыс. до н.э. К этому этапу присоединена и стоянка Лявлякан 26, рассматриваемая как поздненеолитическая. Из специфических признаков можно отметить наличие керамики разнообразных форм, украшенной зубчатым штампом и прочерченным орнаментом, а также появление двусторонне обработанных наконечников стрел. Думается, что среди памятников данного этапа можно будет выделить более ранние, поры среднего неолита, и более поздние, относящиеся к его финальным стадиям.

Серия неолитических стоянок и местонахождений выявлена в центральной части Каракатинской впадины. Они расположены на останках первой террасы у родников, а также в основании котловины (Виноградов и др., 1970). Ряд стоянок расположен цепочкой в разломах между родниками. Хронологически их диапазон значителен – от раннего неолита (Караката 23, скопление 1) до позднего (Караката 6,8–10,14 и др.). Определяющими памятниками, на которых найдено 2000–3000 изделий, являются Караката 23 и 10 (скопление 1). Керамика здесь отсутствует, поэтому интерпретация памятников основывается исключительно на кремневой индустрии.

Для нее характерна пластинчатая техника с преобладанием средних пластин и микропластин. Ведущее положение в наборе орудий занимают выемчатые пластины, в том числе с выделенной головкой, изделия с притупленным краем и скребки на пластинах и отщепах. Большие серии образуют симметричные трапеции с преобладанием “рогатых” и асимметричные вытянутые тре-

угольники. Единичны пластины с резцовыми сколами, микрорезцы, сверла и проколки. Сходство с раннеэолитическими комплексами Дарьяса позволяет синхронизировать эти индустрии. В Караката 10 (скопление 1) встречены наконечники стрел кельтеминарского типа и плечиковые сверла, высок процент мелковыемчатых пластин, единичны трапеции. Хронологическое положение памятника определено А.В. Виноградовым как переход от раннего неолита к развитому (1981. С. 97).

В Бешбулакской впадине после работ 1955 г., проведенных Н.Н. Вактурской и продолженных в 1971 г. А.В. Виноградовым, открыто 19 стоянок. Только на Бешбулаке 2 и 3 выявлены участки с культурным слоем. Памятники расположены в южной части Бешбулакской впадины. Наиболее выразительны стоянки Бешбулак 1, включающая, по мнению А.В. Виноградова (1981. С. 71), группу разновременных местонахождений, и Бешбулак 14 и 15. На стоянке Бешбулак 1, на участках 7, 8, 12 зафиксированы остатки производственной мастерской по изготовлению ювелирных изделий из бирюзы и мраморовидного оникса.

Находки на бешбулакских памятниках состоят из фрагментированной керамики без орнамента, изделий из кремня, украшений из полудрагоценных камней.

Для ранних комплексов типичны мелковыемчатые пластины, мелкие симметричные и асимметричные трапеции, в том числе и "рогатые", параллелограммы, прямоугольники, пластины с притупленным краем, скошенным концом, выделенной головкой, скребки на отщепе, наконечники стрел кельтеминарского типа и с асимметричным шипом в основании, плечиковые сверла. Единично представлены двусторонне обработанные наконечники на отщепе. Для раннего комплекса типичны стоянки Бешбулак 14 (скопление 1) и Бешбулак 15, исследованная Л.А. Чалой (1972).

Более поздняя индустрия (скопление 1 на Бешбулаке 14 и участки Бешбулака 1) характеризуется плечиковыми сверлами и скребками на отщепе. Типичны двусторонне обработанные наконечники стрел архаического типа и тщательно выполненные подтреугольные. Представлены наконечники стрел кельтеминарского типа и одна симметричная укороченная трапеция со струганым брюшком (Бешбулак 1, участок 7).

Ранний комплекс Бешбулака находит аналогии в раннеэолитических материалах Дарьяса, Лявлякана и Устюрта. По мнению Л.А. Чалой (1972) и А.В. Виноградова (1981. С. 103), памятники типа Бешбулак 14 (скопление 1) и Бешбулак 15 датируются переходом от раннего к развитому неолиту. Поздний комплекс Бешбулака по аналогии с материалами Устюрта и Северного Прикаспия может быть отнесен к позднему неолиту.

Особую группу образуют памятники Минбулакской впадины, где выявлено около 70 местонахождений, большей частью позднеэолитических. Материал на многих стоянках смешанный, вплоть до современного. В коллекциях представлена керамика, кремневый и кварцитовый инвентарь. Керамики мало, и она сильно фрагментирована, что затрудняет ее анализ. На ряде участков Минбулака I встречены серии трапеций, включая и "рогатые", что свидетельствует о раннем неолите или переходе к развитому неолиту. Эта группа стоянок и ме-

стонахождений включена А.В. Виноградовым в зону распространения культуры дарьясского типа (Виноградов, 1981. С. 104). Он высказал даже предположение о проникновении в Акчадарьинскую дельту отдельных элементов указанной культуры.

Низовья Сырдарьи

Низовья Сырдарьи обследовались в разные годы Хорезмской экспедицией. В 1954 и 1958 гг. открыты группы стоянок Жалпак (Виноградов, 1963) и Есентюбе, в 1963 и 1973 гг. – стоянки Космола 1–6, Талас I, Аймора I (Андрианов, Кесь, 1974). Это развешанные памятники, бедные находками, вытянутые в цепочки и тяготеющие к котловинам выдувания. В космолинской группе представлена керамика и кварцито-кремневая индустрия, но с малым количеством типов.

Керамика разделена А.В. Виноградовым на две группы. К первой относится тонкостенная посуда с растительной примесью и залощенной поверхностью (Космола 1–5). Во вторую группу включена толстостенная керамика с примесью шамота (Космола 4, 6). Реконструируются круглодонные и остродонные чаши разной профилировки с открытыми сливами, шаровидные или яйцевидные сосуды с отогнутым венчиком, сосуды вертикально вытянутых форм и ладьевидные. Распространенными типами следует считать чаши и сосуды с раздутым туловом, встреченные почти на всех стоянках, кроме Космолы 5 и 6. Большая часть керамики не орнаментирована.

При изготовлении орудий использовался кварцит и кремень. Техника расщепления – пластинчатая, микролитическая. В наборе изделий – выемчатые пластины, в том числе с выделенной головкой и с притупленным краем, сверла и проколки, скребки на отщепе. На Космола 5 найден наконечник стрелы кельтеминарского типа. Аймора I и Талас I дали только кварцитовый материал. По составу инвентаря и характеру керамики космолинская группа близка жалпакским стоянкам. По мнению А.В. Виноградова, памятники с тонкостенной керамикой с растительной примесью и с кварцито-кремневым инвентарем являются более ранними, тогда как памятники, содержащие толстостенную керамику с шамотом и кварцитовую индустрию, – более поздними. Керамику ранних памятников он сопоставляет с некоторыми сосудами из Ущы 131, Оюклы IA и 4 (Марков, 1961. С. 76) и датирует развитым неолитом, т.е. IV или концом V–IV тыс. до н.э. Не исключен и более ранний возраст, т.е. конец раннего неолита – начало развитого (Виноградов, 1981. С. 94). Памятники со вторым керамическим комплексом по аналогиям с жалпакской группой и скоплением 2 из Саксаульской отнесены к позднеэолитическому времени.

Низовья Зеравшана

Неолит низовьев Зеравшана с системой староречий известен благодаря исследованиям Я.Г. Гулямова, У. Исламова, А.В. Виноградова. В районе Аякагитменских дельт выявлено до 200 развешанных стоянок и свыше 400 местонахождений. Аналогичные памятники есть по сухому руслу Дарьяса – древнему протоку Пра-Зеравшана, по берегам древних озер Большой и Малый Тузкан,

сухим руслам Махандарьи и Гуджайли, в низовьях Кашкадарьи и в Пайкентской низменности. Полнее всего опубликованы материалы с нижнего протока Зеравшана – Махандарьи (Гулямов и др., 1966). Там известно до 50 дюнных стоянок, тянущихся цепочкой на коренных песках, вне пределов непосредственного обводнения. На двух из них – Дарбазакыр 1 и 2 – произведены раскопки. Остальные стоянки, расположенные вокруг озер Большого и Малого Тузкана, дали подъемный материал (рис. 35, 58–82).

Три культурных слоя Дарбазакры 1 приурочены к рыхлому песку толщиной 25–30 см и красноватому обгорелому песку, лежащему на takyре, мощностью 15–20 см. Два нижних слоя разделены стерильной прослойкой. В нижнем горизонте обнаружены остатки наземного жилища (рис. 33, 1), прямоугольного в плане, с каркасно-столбовой конструкцией, размером 7,0×11,5 м, с двумя очагами и кострищами за пределами постройки (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966). Посуда Дарбазакыр 1 тонкостенная, с примесью песка, реже дресвы и толченых раковин. Сосуды вытянутых пропорций с раздутым туловом, грушевидной формы с отогнутым венчиком и небольшие полуяйцевидных очертаний с почти прямым венчиком. В нижнем горизонте преобладают прочерченный волнисто-струйчатый орнамент, разнообразные вдавления, треугольники, заполненные параллельными штрихами, узоры в виде ромбоячейистой решетки, зигзага. Для керамики среднего слоя характерны узоры из рядов вдавлений, обведенных слабой двойной линией, коротких насечек, прочерченных линий. При орнаментации посуды верхнего горизонта применялись двойные ряды горизонтальных полос, чередующиеся с вертикальными, состоящими из коротких вдавлений.

В Дарбазакыр 2 в украшении керамики преобладает прочерченный волнистый орнамент, в том числе волнисто-струйчатый из вертикальных полос, разделенных горизонтальными вдавлениями, заштрихованных треугольников, горизонтальной волны или зигзага. Это характерно для ряда тузканских стоянок, где доминируют узоры из волнистых линий. На Махандарье нет сосудов ладьевидной и шаровидной формы, со сливами и трубчатыми носиками, в орнаментации отсутствуют оттиски зубчатого штампа и качалки. Специфичны узоры в виде ромбоячейистой решетки и прерывистого ложного валика, оформление венчиков по типу воротничков (рис. 35, 99, 107–109, 111–113).

Кремневая индустрия Махандарьи – пластинчатая микролитовидная. Характерны пластины с ретушью, с выемками, микропластины с притупленным краем, со скошенным концом, сверла, проколки, скребки на широких пластинах. Индустрия Дарбазакыр 2 не имеет наконечников стрел кельтеминарского типа. Дюнные стоянки Тузкана, наоборот, характеризуются обилием разнообразных наконечников стрел (включая и кельтеминарские и листовидные с выемкой в основании), а также концевых скребков на пластинах, сверл и проколов. Известны вкладыши жатвенных ножей с зубчатой ретушью, зернотерки, песты, грузила, отбойники, точильные камни, топоры-тесла, утяжелитель для палки-копалки. Пайкентские стоянки содержали лишь кремневые изделия. Среди них – наконечники стрел кельтеминарского типа удлиненных пропорций. На Махандарье встречены

цилиндрические бусы из раковин, бирюзы, подвески подтреугольной, овально-удлиненной формы из кальцита и дисковидной – из лазурита.

Дарьясайские стоянки Кызылкумов по геоморфологическим и археологическим данным самые ранние. Определяющим памятником является стоянка Учаси 131 с сохранившимся культурным слоем, который был связан с торфянистым горизонтом и нижележащей прослойкой супеси (Виноградов, 1981. С. 65). В результате раскопок выявлено три жилища, из них дом 3 обследован полностью. Следы строительных конструкций и очагов не обнаружены. Границы жилищ определены по распространению культурных остатков, залегающих в виде овальных в плане возвышений (дом 1 и 2). Жилище 3 имеет подпрямоугольную форму, размерами 17×15 м.

Кремневая индустрия Дарьясая пластинчатая, микролитовидная. Для дарьясайского инвентаря характерны симметричные и асимметричные трапеции с выемкой на верхнем крае (“рогатые”), с ретушью на спинке, параллелограммы и низкие асимметричные треугольники. Представлены низкие асимметричные трапеции, известные по мезолитическим и неолитическим комплексам Прикарабугазья (Коробкова, 19696), Устюрта (Бижанов, 1978) и Южного Урала (Матюшин, 19766). Не типичны наконечники стрел. Найдены подвески из овальных галечек, обломки костяных шильев или игловидных наконечников стрел, известных по материалам Джанбас 4 и стоянки Толстова, обломки зернотерок, палеток для охры, абразивов, плитчатых ножей. Керамический комплекс беден. Посуда тонкостенная с растительной примесью, вытянутых пропорций, колоколовидной формы, есть изделия с шаровидным или яйцевидным туловом, выделенной шейкой и отогнутым венчиком, а также полусферические чаши. Любопытны образцы с реберчатым туловом и загнутым внутрь венчиком, близкие сосудам из Учаси А, оюклинских стоянок и ранней группы космолинских памятников Сырдарьи. Для украшения керамики использовался прочерченный в виде косых линий орнамент, горизонтальные ряды наклонных насечек и вдавлений. Композиции простые – тонкие полоски по венчику или бортику.

Как видно из изложенного, дарьясайская группа стоянок обладает определенной спецификой. Это позволило А.В. Виноградову выделить их в особый комплекс и датировать ранним неолитом (Виноградов, 1981. С. 67). Можно согласиться с исследователем, что керамика Дарьясая наиболее ранняя как для низовьев Зеравшана, так и для Кызылкумов в целом. Остеологические материалы содержат кости крупного быка и кабана.

Подъемные материалы, близкие дарьясайским, найдены на Эчкиликсае и в Западной Аякагитме. Это стоянки Ходжагумбаз 5, 6, Аякагитма 322, 342, 90. Эчкиликсая индустрия тождественна дарьясайской. Аякагитменская содержит как ранние материалы дарьясайского типа, так и более поздние, отнесенные А.В. Виноградовым к заключительным стадиям раннего неолита или к поре раннего–развитого неолита (Виноградов, 1981. С. 69). В последнем комплексе появляются наконечники стрел кельтеминарского типа, численность которых значительно увеличивается в памятниках периода расцвета неолита.

Итак, в низовьях Зеравшана представлены два архео-

логического комплекса. К первому относятся стоянки дарьясайского типа, ко второму – тузканские местонахождения и памятники Махандарьи.

Рассмотренные памятники обладают значительным сходством, поэтому их обычно включают в единую кельтеминарскую культуру. А.В. Виноградов предложил ограничить это понятие только стоянками Акчадарьи и частично внутренних Кызылкумов. К собственно кельтеминару он условно отнес и верхнеузбойские памятники. Поселения Лявляканской группы и низовьев Зеравшана выделены в особые культуры, входящие в одну культурную общность (Виноградов, 1968; 1970; 1981).

В последние годы исследователем был выделен ранний неолит дарьясайского типа, являющийся, по его мнению, одним из локальных вариантов неолита Среднеазиатского междуречья (Виноградов, 1981. С. 126), названный дарьясайским этапом (Там же. С. 131), или культурой дарьясайского типа (Там же. С. 104). В зону распространения последней включены помимо Дарьясая Эчкиликсайская, Бешбулакская, Каракатинская, Минбулакская и Аякагитменская впадины. К сожалению, нет достаточной четкости в понятийной сетке. Остается не вполне ясным, представляют дарьясайские памятники локальную культуру, или хронологический этап, либо локальное подразделение на определенном хронологическом этапе. Этот вопрос может быть решен только путем развернутых сравнительно-типологических разработок и сопоставлений. Но бесспорно, что культура дарьясайского типа оказала заметное влияние на развитие неолитических комплексов бассейна Акчадарьи и особенно низовьев Сырдарьи, в материальной культуре которых появились “рогатые” трапеции и сосуды специфической профилировки. Западноказахстанские памятники А.В. Виноградов связывает с другой этнокультурной общностью – южно-зуральской (Виноградов, 1968). Первое определение кельтеминарской общности принадлежит В.М. Массону (1966). Более полная характеристика ее дана А.В. Виноградовым (1981. С. 167).

Отмеченное выше сходство, прослеживаемое в разных видах артефактов, свидетельствует о значительной близости памятников рассматриваемого региона, которые по праву долгое время объединяли в единую кельтеминарскую культуру с несколькими локальными вариантами. Однако, принимая во внимание огромную территорию распространения памятников этого типа, вероятно, следует говорить о кельтеминарской культурной общности, под которой нужно понимать совокупность устойчивых признаков, проявляющихся в наличии поселков с одним или несколькими наземными жилищами овальной или подпрямоугольной формы, каркасно-столбовой конструкции; крупных и малых размеров; погребального обряда с захоронением в грунтовых ямах с подсыпкой охры, в вытянутом положении на спине; особого керамического комплекса, содержащего сосуды вертикально вытянутых пропорций и полусферические чаши разных вариаций; характерного орнамента в виде прочерченных прямых и волнистых линий, косых насечек, вдавлений, отгисков зубчатого штампа, качалки, образующих пояса; пластинчатой микролитидной индустрии с наконечниками стрел с боковой выемкой, микропластин с притупленным краем и т.д.

Датировка кельтеминарской культурной общности вызывает споры. С.П. Толстов (1948) и А.В. Виноградов (1968) проводят нижнюю границу кельтеминара в IV тыс. до н.э. Г.Ф. Коробкова и В.М. Массон склонны удвинуть ранний этап до конца VI–V тыс. (Коробкова, 1969; Коробкова, Массон, 1978). В настоящее время для стоянок дарьясайского типа получены радиоуглеродные даты для шестого горизонта, лежащего над культурным слоем Учащи 131 – 6630 ± 100 (ГИН-915) и 6590 ± 130 (ГИН-916). Таким образом, верхняя граница раннего кельтеминара определяется серединой – второй четвертью V тыс. до н.э. (Виноградов, Мамедов, Сулержицкий, 1977). Сама стоянка Учащи 131 отнесена ко второй половине или концу VI тыс. до н.э. Судя по характеру материала и сопоставлению с синхронными памятниками джейтунской культуры, дарьясайский этап следует датировать VI тыс. до н.э. и синхронизировать с ранним и средним Джейтуном, вторым горизонтом Туткаула, пещерой Мачай, третьим слоем Дам-Дам-Чешме 2, Оюк-лы и др. Поздние памятники Дарьясая, по-видимому, сосуществовали с ранними комплексами джанбасского этапа (стоянкой Толстова, Джанбас 4).

В рамках неолита Кызылкумов А.В. Виноградов выделил три последовательных этапа развития. Первый – дарьясайский (ранний неолит), соответствующий концу VII – середине V тыс. до н.э.; второй – джанбасский (развитой неолит), определяемый концом V – серединой IV тыс. до н.э.; третий – поздненеолитический этап, датируемый концом IV–III тыс. до н.э. (Виноградов, 1981. С. 132). В то же время А.В. Виноградов не исключает, что часть ранних материалов может принадлежать мезолиту. В связи с этим мы рассмотрим здесь хронологию только неолитических комплексов.

Выделение дарьясайского этапа не вызывает сомнений. Вместе с тем, материалы и абсолютные датировки указывают на разновременность стоянок, отнесенных к данному хронологическому периоду. Думается, что хронология дарьясайского этапа сильно растянута. Вероятнее всего, его верхняя граница не выходит из VI тыс. до н.э.

Ранние материалы джанбасского этапа, несмотря на серии радиоуглеродных дат, полученных для стоянки Толстова и разбросанных в пределах второй половины V – первой половины III тыс. до н.э., имеют сходство с поздним периодом джейтунской культуры, четвертым слоем Джебела, Дарбазакыром 1 и 2, горизонтом I Туткаула и др. памятниками и могут быть отнесены к финалу раннего – началу развитого неолита. В абсолютных датах это соответствует концу VI – началу V тыс. до н.э.

Поздненеолитический этап может быть подразделен на микропериоды. Его хронологические рамки, намеченные А.В. Виноградовым (конец IV – III тыс. до н.э.), хотя и условны, но могут иметь право на существование. Об этом свидетельствуют и даты памятников типа Заман-Баба (Кузьмина, 1958; Аскаров, 1962), определяющие верхнюю границу кельтеминарской культурной общности.

К вопросам хозяйственной деятельности населения кельтеминарской культурной общности исследователи обращались в ряде работ (Толстов, 1948; Виноградов, 1981). Кельтеминарские племена были рыбаками и охотниками, о чем говорят костные остатки со стоянок, находки грузил. Трасологический анализ орудий труда с

верхнеузбойских стоянок и Кавата 7 показал, что они принадлежали специализированным охотникам на крупных и мелких животных, владеющим разнообразным оружием, например, вкладышевыми копьями и дротиками, луком и стрелами (Коробкова, Юсупов, 1975).

Полученные на стоянках палеозоологические материалы позволяют судить о животных, бывших объектом охотничьей деятельности кельтеминарцев. Тугайные и кустарниковые заросли древнедельтовых районов в сочетании со степными и пустынными ландшафтами представляли собой богатые охотничьи угодья. Отмечается даже определенная специализация охотничьей деятельности. Так, на стоянке Толстова значительную часть добываемых животных составляли бухарский олень, типичный обитатель тугаев и галерейных лесов. Наряду с ним представлен кабан, но кости степных животных – джейрана и кулана – сравнительно редки. Встречаются кости верблюда, который не был, однако, объектом специальной охоты, а также домашней собаки. На стоянке Учащи 131 удельный вес пустынно-степных животных несколько выше, видимо, обе ландшафтные зоны эксплуатировались в равной степени. Вероятно, охота на стадных копытных была главным промыслом обитателей степных стойбищ, но культурный слой и костные остатки не сохраняются.

Важнейшей отраслью экономики древних общин было рыболовство, которое являлось определяющим фактором стабильности и устойчивости культурно-хозяйственного типа оседлых рыболовов-охотников. Не исключено, что с обработкой пищевых продуктов, поступавших из этой отрасли, связано и широкое распространение керамики, более редкой или просто отсутствующей на стоянках и стойбищах степных охотников. Новые данные свидетельствуют о значительных масштабах рыболовства на памятниках Акчадарьинской дельты. Обитатели только одного жилища на стоянке Толстова добывали не менее 8–9 тонн живой рыбы (Виноградов, 1981. С. 147). Первое место в добыче занимала щука (86%), затем сазан, сом и судак. Лов производился с помощью колющих орудий типа гарпуна или остроги, хотя использовались также и рыболовные крючки. Наконечники костяных гарпунов найдены при раскопках ряда памятников. Редкие грузила указывают на то, что сетевой лов получил меньшее распространение. Во внутренних районах современных пустынь продолжал господствовать хозяйственно-культурный тип охотников и собирателей (Виноградов, 1981. С. 37). На развитие собирательства указывают находки яиц водоплавающих птиц, раковин наземных и пресноводных моллюсков в Джанбас 4. С собирательством можно связать и отдельные зернотерки (Джанбас 4, 11, 12, Джингельды 6) и куранты (Кават 7), которые могли использовать для растирания съедобных корней.

На раннем этапе развития кельтеминарской культурной общности встречаются косвенные свидетельства, указывающие на появление скотоводства. Об этом говорят находки керамических дисков с отверстием в центре (интерпретируемые иногда как грузила), которые по своим размерам и форме близки аналогичным изделиям среднего и позднего этапов джейтунской культуры, определяемым трасологическим и экспериментальным ме-

тодами как пряслица. Последние, как правило, появляются с возникновением овцеводства (Коробкова, 1969; 1973). Все это позволяет предполагать, что в недрах присваивающей экономики кельтеминарцев появились зачатки производящего хозяйства, развившегося на этой территории в более позднее время (Коробкова, 1969). Существует и другая точка зрения, согласно которой кельтеминарцы смогли перейти к скотоводству только во второй половине III тыс. до н.э. (Виноградов, 1957б). Наличие крупного и мелкого скота уже в позднем кельтеминаре отмечал еще С.П. Толстов (1948). По мнению В.М. Массона (1971), domestикация животных началась в раннем кельтеминаре, где позднее наблюдался расцвет скотоводства, связанный с культурой степной бронзы. К этой точке зрения присоединяется М.А. Итина, ссылаясь на позднелеолитический материал северо-восточного Приаралья (1977).

Близкую экономику рисуют памятники низовьев Зеравшана, где, с одной стороны, сохранились остатки диких животных, а с другой – обнаружены вкладыши жатвенных ножей (Большой Тузкан 12, 20, 21, Малый Тузкан 1, 2, 3), утяжелители для палок-копалок (Большой Тузкан 30, Малый Тузкан 2), по недоразумению отнесенные У. Исламовым к категории грузил. По-видимому, эти земледельческие орудия появились в тузканских стоянках под влиянием племен джейтунской культуры, с которыми они имеют почти полное тождество. На последнее обстоятельство указывает и находка костяной оправы жатвенного ножа на стоянке Толстова, идентичной таковой из Чопан-депе.

Таким образом, во всех основных районах распространения памятников кельтеминарской культурной общности господствует присваивающая экономика, варьирующая за счет различного сочетания разных видов хозяйственной деятельности. Вместе с тем намечается трансформация традиционной экономики и зарождение производящего хозяйства.

Для восстановления социального строя носителей кельтеминарской культуры материалов мало. Существенны крупные размеры жилищ: Джанбас 4 – 320 кв. м, Кават 7 – 360–380 кв.м. Наряду с ними существовали небольшие жилища: стоянка Толстова – 110–120 кв.м, Дарбазакыр – 81 кв.м. В Джанбасе 4 в центре дома находился большой длительно функционировавший очаг. То же, как будто, прослежено в Кавате 7 и Лявлякане 26. По мнению С.П. Толстова (1948), такие очаги свидетельствуют о хозяйственном, а возможно, и о культовом единстве обитавшего здесь коллектива, число которого достигало 100–125 человек, что, по-видимому, является некоторым преувеличением. Новые исследования позволили несколько конкретизировать эти палеодемографические оценки (Виноградов, 1981. С. 155). Так, в одном из домов стоянки Толстова, судя по наличию 8–10 бытовых очагов вдоль края жилища, обитало восемь–десять малых семей, что позволило А.В. Виноградову определить количество жителей этого дома в 40–50 человек. Поскольку таких домов на поселении было не менее трех, общее число населения поселка могло составлять 150–200 человек. Нет сомнения в том, что жилища типа Джанбас 4, Кават 7 принадлежали значительной общине, когда, по мнению В.М. Массона, крупный дом как бы

совпадал с собственно поселением (1972). С.П. Толстов предполагал, что в пределах таких общин еще не произошло хозяйственно-бытовое обособление отдельных семей (Толстов, 1948). На нескольких стоянках существовало несколько жилищ, хотя и менее значительных по размерам. Таким образом, как будто намечается два типа кельтеминарских поселений: с одним огромным жилищем (Джанбас 4, Кават 7) и с несколькими менее крупными подпрямоугольными строениями (Лявлякан 26, стоянка Толстова и предположительно Дарбазакыр 1).

Видимо, во главе кельтеминарских поселений стояли представители родоплеменной верхушки, но данные об их функционировании незначительны. Показательны результаты раскопок могильника Тумек-Кичиджик, где на определенной территории было сконцентрировано 27 погребений внутри кольцевого рва, как бы подчеркивающего взаимную связь и близость погребенных лиц. Сравнительно богатыми наборами украшений отличались три мужских, три женских и одно детское погребение. Возможно, это указывает на особый социальный статус некоторых семей, члены которых выполняли специфические функции хозяйственного и идеологического лидерства.

Представляется, что локальные подразделения па-

мятников кельтеминарской культурной общности по занимаемой территории могут быть рассматриваемы как оставленные союзом родственных племен. Основной ячейкой кельтеминарского общества была община, состоявшая из нескольких малых семей. Кельтеминарская общность сложилась, скорее всего, на основе местных мезолитических культур с пластинчатой микролитойной индустрией. Развитие культуры проходило во взаимодействии с соседними областями. От южных земледельческих племен заимствованы некоторые формы кельтеминарской керамики (сосуды с носиком, сливами) и приемы ее украшения (роспись, орнамент типа лесенки), вкладышевые жатвенные ножи, утяжелители. Другое направление связей кельтеминара – северное. В Приуралье и Зауралье встречены наконечники стрел кельтеминарского типа и сосуды с прочерченной волнисто-струйчатой орнаментацией. Исследования последних лет убедительно показывают, что в пору позднего кельтеминара усиливаются контакты с северными племенами. Это проявилось в керамике Акчадарьинского бассейна, орнаментированной оттисками зубчатой и гладкой качалки, заимствованной, по-видимому, с северо-востока Приаралья и Южного Зауралья (Виноградов, 1968; Итина, 1977).

Гиссарская культура

Памятники гиссарской культуры расположены в горных районах современного Таджикистана и впервые были открыты А.П. Окладниковым в 1948 г. (карта 5). Свое название культура получила по местоположению памятника, обнаруженного в 1954 г. А.П. Окладниковым (1958) в Гиссарской долине, в уроч. Тепеи-Газийен. В 50-х годах им же открыты поселения на обоих берегах р. Лучоб близ Душанбе. В 1960–1970 гг. работами В.А. Ранова, А.Х. Юсупова и др. памятники гиссарской культуры обнаружены во многих районах Таджикистана и на соседних территориях – в горах Байсун-тау, на Тянь-шане в Киргизии, в Алайской долине. В настоящее время известно более 300 местонахождений (Ранов, 1985). На четырех памятниках проведены раскопки. Это Куй-Бульен, Туткаул, Сай-Сайед и Ак-Танги.

Особый интерес представляют многослойные стоянки. В Туткауле, раскапывавшемся под руководством В.А. Ранова в 1963–1969 гг., зафиксированы четыре культурных горизонта, из которых два верхних (1 и 2) относятся к гиссарской культуре, два нижних (2а–3) – к эпохе мезолита и, возможно, к финальному палеолиту (слой 3). В Сай-Сайеде, исследовавшемся под руководством А.Х. Юсупова в 1963–1972 гг., выявлено три культурных горизонта. Из них два верхних принадлежат разным этапам гиссарской культуры, а нижний датируется финальным палеолитом. На поселении Куй-Бульен работами А.П. Окладникова в 1957–1959 гг. установлено наличие трех горизонтов неолитического времени мощностью около 1,5 м, которые перекрывали более ранние, возможно, мезолитические напластования. Выше гиссарских слоев отмечены остатки средневекового горизонта. Три гиссарских слоя здесь, возможно, одновременны. Раскопки навеса Ак-Танги, исследовавшегося в

1957–1959 гг. под руководством В.А. Ранова, вскрыли шесть культурных горизонтов. Первый, самый верхний, относится к историческому времени, второй – к эпохе бронзы (слои “бронза I и II”), третий – к энеолиту или позднему неолиту (слой “бронза III”), четвертый и пятый – к неолиту (слои “неолит IV и V”), шестой – к мезолиту (слой “неолит VI”). Гиссарский материал содержали слои IV и V.

Основные исследователи гиссарской культуры, А.П. Окладников и В.А. Ранов видят в ней земледельческую культуру, широко распространенную в горных районах Средней Азии и характеризующуюся обилием грубых галечных орудий, битыми гальками, отщепами и пластинами при малом количестве законченных форм. Местонахождения гиссарской культуры напоминают остатки мастерских для первичной обработки камня. В отдельных пунктах обнаружена лепная керамика с отпечатками грубой ткани на внутренней поверхности сосудов.

Гиссарскую культуру относили к позднему неолиту и датировали III–II тыс. до н.э. (Окладников, 1958; 1961а) или IV–II тыс. (Ранов, 1956; 1958; 1963). Общая характеристика дана А.П. Окладниковым (1959а), В.М. Массоном (1966) и В.А. Рановым (1982; 1985).

Выделяются два типа гиссарских памятников: 1) временные стоянки, обычно с развешенным культурным слоем (Кум-тепа, Танга-Товри, Дагача, Тугузак, Гуликандоз) и 2) долговременные поселения с мощными культурными напластованиями (Туткаул, Сай-Сайед, Куй-Бульен, Ак-Танги), с каменными кладками и очагами, с одиночными погребениями без специальных могильных сооружений и инвентаря.

В территориальном отношении гиссарская культура распадается на несколько групп: гиссарскую, дангарин-

скую, нурекскую, яванскую, кулябскую и уратюбинскую, включающие от 10 до нескольких десятков памятников. По наблюдениям В.А. Ранова (1985. С. 13), стоянки гиссарской культуры по своему геоморфологическому положению подразделяются на четыре группы. Одна группа расположена вдоль Кафирнигана, Вахша, Душанбинки и приурочена к верхней части верхнеплейстоценовых (реже среднеплейстоценовых) террас высотой 25–30 м над уровнем рек Санги-Угур, Дагана и др. Вторая тяготеет к крупным конусам выноса боковых ущелий и саев, высотой 20–50 м (Туткаул, Сай-Сайед и др.). Третья фиксируется в боковых долинах крупных водотоков, занимая предгорные холмистые увалы разного уровня (местонахождения у Санги-Миля, Шахринау и др.). Наконец, к четвертой можно отнести памятники в отложениях скальных убежищ (навес Ак-Танги). Памятники первой и третьей групп, по подсчетам В.А. Ранова, включают 70–75% всех гиссарских местонахождений. Площадь гиссарских стоянок в основном составляет 0,4–0,5 га (Сай-Сайед, Куй-Бульен). Однако есть более крупные поселения, территория которых около 1 га (Туткаул, Ак-Танги, Тепеи-Газийон), и совсем мелкие, менее 0,01 га (Кум-Тепе, Шаватки-боло, Кокча и др.).

По топографии памятников, мощности культурных напластований, размерам поселений, характеру находок выделяются базовые долговременные поселения (Туткаул, Куй-Бульен, Ак-Танги) и временные стойбища, связанные с охотой или выпасом скота, или, возможно, летовки, использовавшиеся при перегоне мелкого рогатого скота (Коробкова, 1973. С. 210). На ряде памятников (Туткаул, Сай-Сайед, Куй-Бульен) встречаются каменные выкладки – скорее всего, остатки полов наземных жилищ с легким каркасным перекрытием (рис. 36). Подобные вымостки известны по раскопкам Карим-Шахира в Ираке (Braidwood, Howe, 1960; Howe, 1983). Обязательным элементом малых сооружений можно считать многочисленные очаги стандартной формы, диаметром около 1 м, выложенные из расколотых камней. Очаги отстоят друг от друга на 1,5–2 м и не образуют скоплений, позволяющих выявить контуры жилых сооружений. Поэтому данных для реконструкции гиссарских жилищ пока недостаточно. Можно предположить, что они имели шалашеобразную форму, вокруг них концентрировалась разнообразная производственная деятельность. Во втором горизонте Туткаула обнаружена землянка овальной формы, длиной 12 м и глубиной 1 м (Ранов, 1985. С. 19). По контуру зафиксированы следы ямок – остатки столбовой конструкции. Внутри землянка заполнена мощной очажной массой с остатками камней (Ранов, 1985. С. 19). Необычным элементом жилых конструкций, обнаруженных А.П. Окладниковым на поселении Куй-Бульен, являются участки с зольно-гипсовой промазкой толщиной 3–5 см. В ней зафиксированы чашеобразные углубления (чаны) диаметром около 80 см, промазанные изнутри этим же раствором. По мнению А.П. Окладникова (1961а; 1961б), это остатки пола жилищ с вмазанными чанами для хранения воды. В.А. Ранов предполагает, что их использовали для хранения зерна. Представляется, что для последнего предположения нет особых оснований. Каменные кладки расположены в виде полос, что не типично ни для Туткаула, ни

для Сай-Сайеда. Возможно, это остатки фундамента жилых построек.

В гиссарской культуре известно шесть погребений. Четыре обнаружены в основании второго горизонта Туткаула, одно – во втором горизонте Сай-Сайеда, одно – в первом горизонте Куй-Бульена.

Погребенные лежали на левом боку в сильно скорченном положении, с согнутыми в локтях руками и кистями, подложенными под левую щеку, головой на юго-запад, юг, северо-запад. Они найдены на площади поселений в культурном слое, без выраженных могильных ям и надмогильных сооружений. Сай-сайедское захоронение принадлежало взрослому человеку и сопровождалось погребальным инвентарем: на бедренной кости усопшего лежал чоппинг, около костяка – пластина и отщеп (Юсупов, 1976). Не исключено, что эти вещи попали сюда из культурного слоя. Туткаульские погребения без инвентаря представлены сохранившимся костяком женщины, парным детским захоронением и остатками скелета еще одной женщины. Расовый тип погребенных, по определению Т.П. Кияткиной (1976) европеоидный, длинноголовый, средиземноморский. Таким образом, покойников хоронили прямо на поселениях, в стороне от жилых площадок. Такой погребальный обряд характерен и для джейтунской культуры.

Ни в одном чистом комплексе гиссарской культуры керамика не обнаружена. Таковы первые–вторые горизонты Туткаула и Сай-Сайеда, неолитические слои Ак-Танги. По мнению А.П. Окладникова, обитатели гиссарских поселений уже умели изготавливать керамику, поскольку в ряде поселений представлены фрагменты сосудов двух типов. Первый – грубые толстостенные ручной лепки сосуды, изредка украшенные простым геометрическим узором в виде резных прямых или зигзагообразных линий под венчиком. Некоторые имели на внутренней поверхности отпечатки ткани. Второй тип характеризует тонкостенная, вылепленная на гончарном круге керамика совершенного облика, хорошего обжига.

В.А. Ранов считает, что керамика в гиссарской культуре появляется на поздних этапах, с конца V тыс. до н.э. (Ранов, 1985. С. 27). Существенно, однако, что отмеченные выше типы сосудов встречаются в поздних памятниках Средней Азии (Юсупов, 1972). Поэтому находки их среди подъемного материала ряда местонахождений и в верхнем, сильно нарушенном перекопами слое Куй-Бульена следует объяснять смешением с материалами позднего времени. В хорошо стратифицированном навесе Ак-Танги керамика встречается лишь в энеолитическом горизонте – “слое бронза III”, да и то представлена тремя фрагментами (Литвинский, Ранов, 1964. С. 20). В нижележащем гиссарском слое керамика полностью отсутствует. Наличие в гиссарских комплексах, в частности, в Туткауле и Сай-Сайеде большого количества деревообрабатывающих и кожевенных орудий позволяет высказать гипотезу о возможном использовании гиссарцами деревянной посуды, что было свойственно и обитателям слоя 7 Чатал-Гююка (Mellaart, 1967), и сосудов из кожи типа бурдюков.

Массовыми находками на поселениях гиссарской культуры являются каменные изделия. Огромные коллекции Туткаула и Сай-Сайеда изучены с помощью тра-

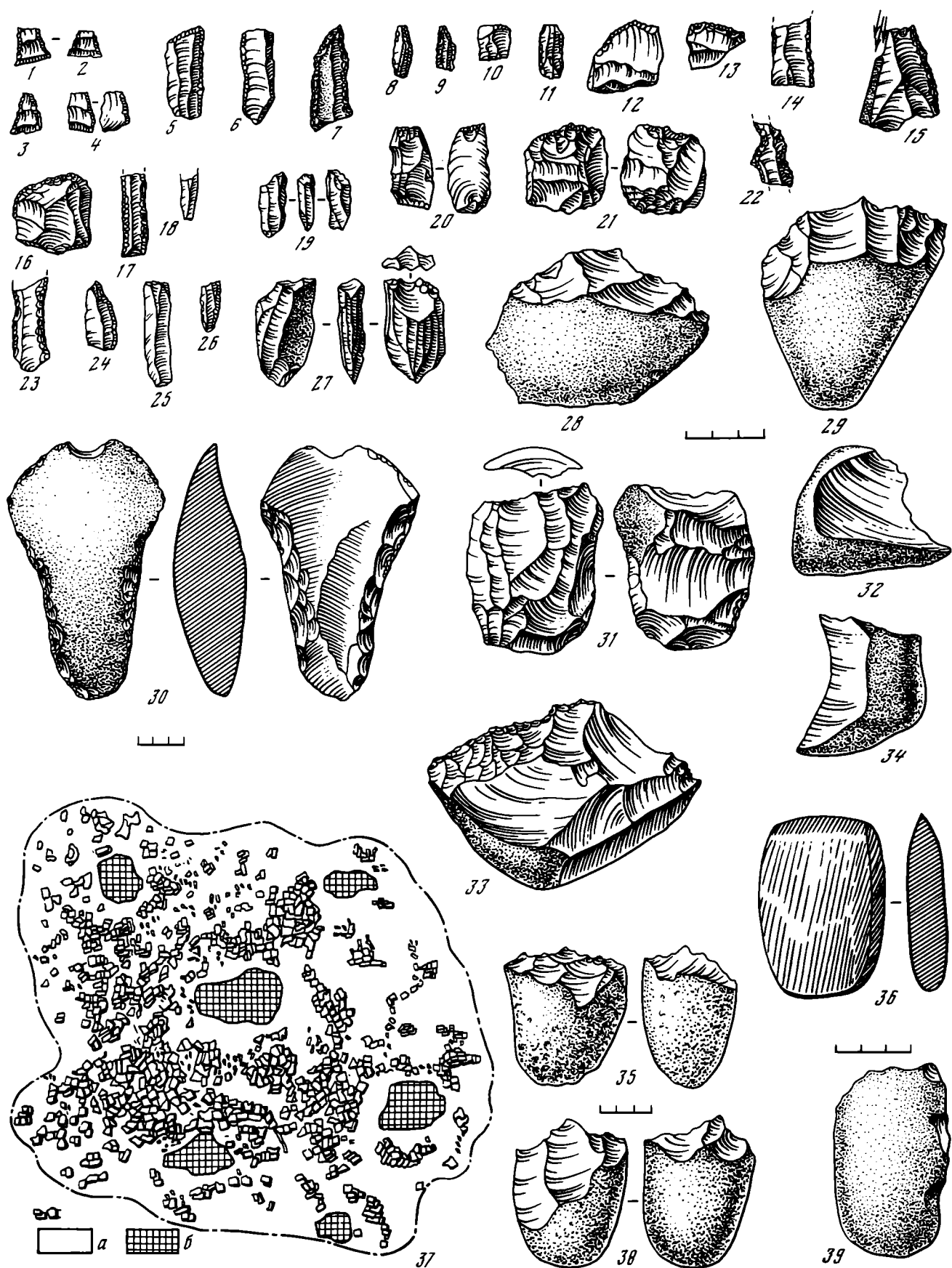

Рис. 36. Гиссарская культура

Инвентарь (1–36, 38, 39) и план каменной кладки с очагами из горизонта 2 Туткаула (37: а – остатки каменной кладки; б – очаги)

сологического и технико-морфологического методов. Первая обработана Г.Ф. Коробковой, вторая – Н.Н. Скакун.

Гиссарскую индустрию отличает сочетание двух компонентов: галечной техники, когда основными заготовками были отщепы, целые гальки и их осколки (60–70%), и кремневой пластинчатой (до 10%), конечным продуктом которой были призматические пластины (шириной от 0,8 до 1,5 см) и микропластинки (шириной по 0,7 см). На долю микролитонидного элемента приходятся единичные проценты. Вторичная обработка изделий применялась крайне редко. При вторичной обработке применялась ударная и отжимная ретушь, абразивная, полировальная и точечная техники. Владея этими приемами вторичной обработки, гиссарские мастера редко к ней прибегали, предпочитая использовать полуфабрикаты. Типичными орудиями являются отбойники, чопперы, чоппинги, скребла, скребки на отщепах без выраженного скребкового лезвия, выемчатые орудия, отщепы с подтеской концов или *pièces écaillées*, ножи, шлифованные и пришлифованные топоры и тесла. Единичны зернотерки, песты и мотыги. В ряде памятников, например в кровле второго горизонта Туткаула, Сай-Сайеда и слоя раннего неолита Ак-Танги, встречаются геометрические микролиты в виде трапеций и сегментов укороченных пропорций асимметричной формы, сходные с аналогичными изделиями второго этапа джейтунской культуры.

Костяные изделия представлены шильями, ложилами, иглами с ушком. Украшения встречаются редко. Лишь во втором горизонте Сай-Сайеда обнаружены бусы из трубчатых костей и браслет из оленьего рога (Юсупов, 1972б). В Туткауле известны единичные находки бус из камня и обломки костяных шильев.

Материалы Туткаула и Сай-Сайеда позволяют углубить нижнюю границу гиссарской культуры до раннего неолита. На это указывают комплексы второго горизонта Туткаула и Сай-Сайеда, имеющие черты сходства с ранненеолитическими материалами равнинной Средней Азии, в частности с джейтунской культурой. Так, геометрические микролиты, встреченные в кровле второго горизонта Туткаула и в средне- и позднеджейтунских памятниках (средние слои Чопан-депе, Песседжик-депе и др.), представлены трапециями укороченных пропорций миниатюрных размеров, выполненными в единой технике. На это сходство указывают и единичные находки вкладышей жатвенных орудий и скобелей классического типа в Туткауле и Сай-Сайеде. Архаический облик гиссарской индустрии также свидетельствует в пользу раннего возраста культуры. Надежным аргументом может служить стратиграфия многослойных памятников, в которых гиссарские слои плотно зажаты между мезолитическими (Туткаул) и энеолитическими горизонтами (слой “бронза III” Ак-Танги). Таким образом, относительная хронология гиссарской культуры укладывается в рамки раннего–позднего неолита. Поздним неолитом можно датировать многочисленные местонахождения Гиссарской долины (Тепеи-Газийон, Кунчи, Лучоб и др.).

Исследования последних лет позволяют уточнить абсолютную хронологию культуры. Сопоставление материалов из кровли II горизонта Туткаула со средним и

поздним этапами джейтунской культуры позволило синхронизировать эти комплексы, что подтверждено серией радиоуглеродных датировок. Так, образец, взятый из кровли II горизонта Туткаула, датирован 7100 ± 140 (ЛЕ-690), т.е. 5150 г. до н.э., а из основания того же слоя – 8020 ± 170 (ЛЕ-772), т.е. 6070 г. до н.э. (Романова, Семенов, Тимофеев, 1972). Имеются радиоуглеродные датировки и для поздних памятников гиссарской культуры. Энеолитический горизонт Ак-Танги (слой “бронза III”) датирован по C_{14} 2220 г. до н.э., 4170 ± 110 (ЛЕ-429). Таким образом, вся гиссарская культура укладывается в рамки VI–III тыс. до н.э., или даже конца VII–III тыс. до н.э.

Исследование многослойных памятников и других поселений гиссарской культуры позволяет выделить в ее истории три периода развития (Коробкова, Ранов, 1968). Период I (ранний) включает памятники типа вторых горизонтов Туткаула и Сай-Сайеда. Он характеризуется двумя типами поселений, жилыми площадками, выложенными из расколотых камней, каменными очагами овальной, сферической и прямоугольной формы, одиночными захоронениями на площади поселений, галечной и кремневой индустрией, в которой второй компонент представлен 30–40%; наличием геометрических микролитов, долотовидными изделиями прямоугольной формы, выемчатыми изделиями, в том числе скобелями классического типа. Характерны галечные чопперы и чоппинги, отбойники, скребки на отщепах, реже – нуклеовидные и концевые шлифованные тесла и ножи. Единичны вкладыши жатвенных орудий и каменные грубые мотыги (рис. 36). Редки находки костяных изделий и украшений. Керамики нет.

Период II (средний) характеризуют материалы первых горизонтов Туткаула, Сай-Сайеда и Куй-Бульена. Материальная культура во многом повторяет черты раннего этапа. Отличительными признаками являются новые элементы в конструкции жилых площадок. Так, в I горизонте Сай-Сайеда и Куй-Бульена встречаются пятна зольно-гипсовой и глиняной обмазки, перемежающиеся с каменными кладками. В каменном инвентаре увеличивается процент галечных орудий – чопперов и чоппингов, особенно первых. Исчезают геометрические микролиты. Единичные вкладыши жатвенных орудий приобретают зубчатое оформление лезвий. Нуклеусы со смежными площадками вытесняются одноплощадочными ядрищами с односторонней плоскостью скалывания. Изменяется форма и техника изготовления долотовидных орудий или *pièces écaillées*. Изделия правильной прямоугольной формы исчезают. Уменьшается роль пластинчатой техники. Изделия со вторичной обработкой встречаются эпизодически (рис. 37). Керамика не типична.

К периоду III (позднему) относятся местонахождения с подъемным инвентарем типа Тепеи-Газийон. Существенных изменений в конструкции каменных кладок и очагов не наблюдается. Отличия заметны лишь в каменной индустрии. Сократилось число кремневых изделий, в частности призматических пластин. Исчезают микронуклеусы и изделия со вторичной обработкой. По-прежнему изготавливались чопперы, чоппинги и скребла. Скребки, скобели, сверла отсутствуют. Основную массу нахо-

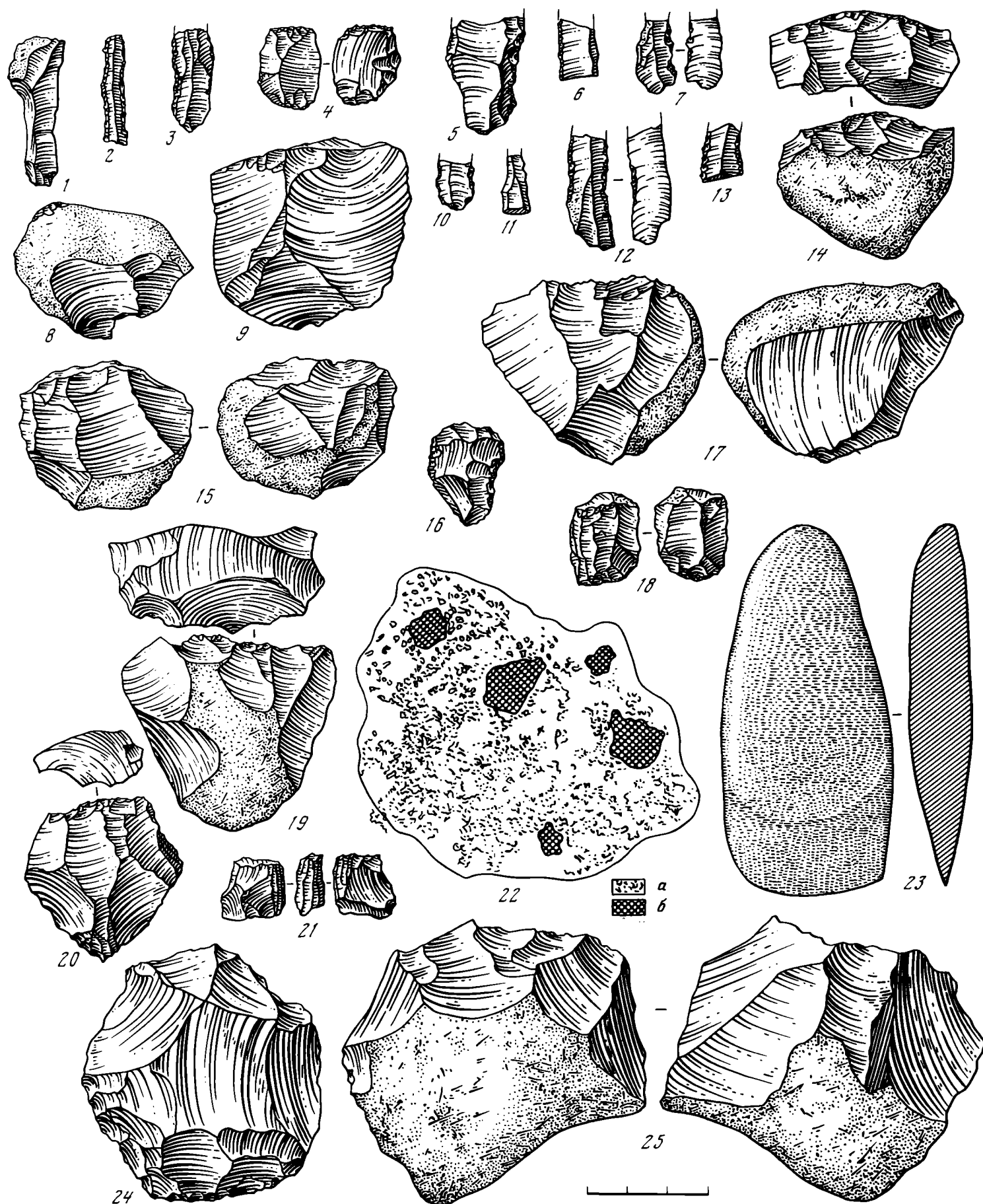

Рис. 37. Гиссарская культура

Инвентарь (1-21, 23-25) и план каменной кладки с очагами из горизонта I Туткаула (22: а - остатки каменной кладки; б - очаги)

док составляют нуклеусы, отщепы, осколки галек, реже галечные орудия. Типологически индустрия этого периода соответствует материалу мастерских. Таким образом, эволюция шла по линии увеличения галечного элемента, сокращения пластинчатой техники, исчезновения микролитонидных черт и изделий со вторичной обработкой.

По мнению А.П. Окладникова (1958; 1959а), гиссарцы занимались земледелием и скотоводством. В.М. Массон (1966; 1970) предположил, что гиссарские поселения принадлежали племенам бродячих охотников и собирателей, может быть, и скотоводов. Г.Ф. Коробкова (1973) выдвинула гипотезу о комплексном характере хозяйства гиссарских племен, в котором основную роль играло скотоводство. Эту точку зрения разделяет и А.Х. Юсупов (1972б). Разнообразие инвентаря, насыщенность и мощность культурных горизонтов, наличие в составе фауны (Туткаул, Сай-Сайед) костей домашних животных, отсутствие среди находок охотничьего оружия, экологические условия – все свидетельствует о том, что охота на тура, медведя, дикобраза и других животных не была основой хозяйства, а играла вспомогательную роль в экономике гиссарского общества. В Сай-Сайеде 73% костей принадлежат домашней козе или овце, а 27% – диким животным – быку, лошади, лисе, волку (Шарапов, 1972. С. 232). В Туткауле найдены кости домашней козы или овцы и диких – быка, благородного оленя и лисы. При наложении карты экономического районирования Таджикистана, составленной Б.Х. Карамышевой (1969) на основании изучения хозяйства таджиков XIX в., на карту распространения памятников гиссарской культуры, можно заметить, что гиссарские поселения и стойбища совпадают с районами выгонного типа скотоводства.

Прямые свидетельства о земледелии у гиссарцев не имеются. Отсутствует комплекс материальной культуры, характерный для раннеземледельческих культур Средней Азии, Кавказа, Ближнего Востока (наземные глинобитные дома, окультуренные зерна злаковых растений и проч.). Правда, в основании горизонта II Туткаула и Тугузаке имеются единичные каменные мотыги и вкладыши жатвенных орудий. Однако, судя по трасологическим и экспериментальным данным, последние служили для срезания травы или диких злаков. Мотыги же, видимо, связаны с устройством землянок на открытых поселениях, вроде той, что обнаружена в Туткауле. Данные палинологического анализа показали полное отсутствие в Южном Таджикистане domesticированных злаков.

Собирательство являлось второй после охоты вспомогательной отраслью хозяйства, о чем свидетельствует наличие в ранних гиссарских горизонтах вкладышей жатвенных орудий, которые использовались для срезания травы и диких злаков.

Район низкотравного пояса Таджикистана входил в зону произрастания эгилопса и дикого ячменя. Не исключено, что с жатвой этих злаков были связаны найденные в Туткауле и Сай-Сайеде примитивные вкладышевые серпы. В них можно усмотреть первые специализированные жатвенные инструменты древнего собирательства, указывающие на технологическое усложнение производственного процесса.

В гиссарских племенах следует видеть горных скотоводов, которые находились на уровне усложненного собирательства, но так и не пришли к земледелию. Наличие отмеченных выше территориальных групп гиссарских поселений и концентрация мелких местонахождений вокруг крупных базовых поселков свидетельствует, вероятно, о существовании особой культурной общности, которая объединяла несколько родственных племен. Территория, занятая каждым племенем, довольно значительна. Например, нурекская группа памятников охватывает площадь от г. Нурека до кишлака Дагана – примерно 100 кв. км (Ранов, Юсупов, 1969). Крупные базовые долговременные поселения представляли собой отдельные родовые общины определенного племени. Таковым, например, было поселение Туткаул в нурекской группе памятников.

Проблема генезиса гиссарской культуры может решаться на основе стратиграфии и сравнительных данных. Анализ материала из слоя 2а Туткаула, подстилающего раннегиссарский горизонт, показал неразрывную генетическую связь этих комплексов. Различия между ними заключаются лишь в процентном отношении галечного и кремневого элементов и наличии в горизонте 2а таких орудий, как удлинённые низкие сегменты и острия типа перочинного ножа или шательперрон. Таким образом, исходя из общей характеристики индустрии горизонтов 2 и 2а Туткаула и их стратиграфического положения, можно говорить, что они находятся в тесной генетической зависимости. По мнению В.А. Ранова и Г.Ф. Коробковой (1971), культура носителей комплекса слоя 2а Туткаула явилась субстратом, на основе которого сформировалась собственно гиссарская культура. Следовательно, она возникла на местной мезолитической основе. Спорен лишь вопрос о генезисе слоя 2а Туткаула. По мнению В.А. Ранова, в его формировании участвовал комплекс Шугноу (1969; 1973). Г.Ф. Коробкова отвергает эту гипотезу из-за отсутствия в шугноуском материале галечных орудий – основного для гиссарской культуры типа изделий. Кроме того, в Шугноу индустрия представлена пластинчатой техникой, и основными заготовками служили широкие пластины (длиною до 10–12 см), оформленные затупливающей краевой ретушью, а орудиями – специфические острия, совершенно не известные в гиссарских памятниках. По предположению Г.Ф. Коробковой (1975), в сложении комплекса 2а участвовала местная культура типа Самаркандской стоянки и горизонта 3 Сай-Сайеда.

Таким образом, в VI тыс. до н.э. на юге Средней Азии развивались две историко-культурные общности – джейтунская и гиссарская, обладавшие разными техническими традициями и хозяйственными основами, разным набором инвентаря и соотношением типов орудий, но имеющие определенные черты сходства в изготовлении некоторых изделий, выполненных пластинчатой техникой. Возникает вопрос о неожиданном появлении в гиссарской индустрии (кровля горизонта II Туткаула) укороченных трапеций миниатюрных размеров с ретушированными боковыми краями, таких же мелких сегментов, вкладышей жатвенных орудий, скобелей классического типа, миниатюрных шлифованных тесел, в точности копирующих средне- и позднейтунские образцы и не

оставивших следов в дальнейшей эволюции гиссарской индустрии. Не являются ли эти не свойственные большинству гиссарских памятников орудия объектом импорта из областей обитания джейтунских племен? С другой стороны, в памятнике среднего этапа джейтунской культуры – Гадыми-депе, расположенном у подножия Копет-дага, встречены галечные орудия, типичные для гиссарской индустрии. Возможно, это результат обратного влияния гиссарских племен на джейтунские, хотя допустимо конвергентное развитие этих форм.

Складывается впечатление, что гиссарская культура, не имеющая ярко выраженных связей с другими культурами Средней Азии, находилась в определенной территориальной изоляции. Не исключено, что в этом и заключалась одна из причин, почему гиссарские племена не смогли достичь такого расцвета материальной культуры, как джейтунские. Причины этого явления кроются, вероятно, в следующем: 1) Преимущественно ското-

водческий путь развития, как правило, не приводит к зарождению протоцивилизаций. 2) Несмотря на развитие производящей экономики, гиссарские племена сохранили старые формы ведения скотоводческого хозяйства, зародившиеся еще в мезолите. 3) Гиссарские племена не сумели выйти на широкие степные просторы, обеспечивающие быстрое развитие скотоводства. Скотоводство, базировавшееся на разведении коз и овец (по всей вероятности, преимущественно коз), обусловило консерватизм и замедленную эволюцию гиссарской культуры в целом. В итоге она осталась далеко позади земледельческо-скотоводческих культур запада Средней Азии. Здесь мы наблюдаем конкретное выражение неравномерности культурно-исторического процесса после перехода ряда племен к производящей экономике, когда одна группа (джейтунская) пережила бурный расцвет всей материальной культуры в целом, а другая (гиссарская) застыла на архаическом уровне развития.

Обзор неолитических памятников других районов Средней Азии

Восточный Прикаспий. Систематические исследования Восточного Прикаспия начались с 1947 г. А.П. Окладниковым были открыты и частично раскопаны памятники, остающиеся опорными для изучения мезолита и неолита Средней Азии. Это Джебел, Кайлю, мастерская Куба-Сенгир, Дам-Дам-Чемше 1 и 2 (Окладников, 1953; 1956), последние два позднее полностью исследованы Г.Е. Марковым (1966; 1979). В районе Мангышлака и Прикарабугазья подъемные материалы собраны и опубликованы рядом исследователей. Всего выявлено свыше 150 памятников, в основном развешанных стоянок. Но известны и комплексы из раскопок, в частности, пещер.

Пещера Джебел расположена в Прикаспийской низменности у ст. Джебел на Краснодарском плато. При раскопках А.П. Окладникова (1956) выделено 10 культурных слоев*.

В слое 3 обнаружены остатки очажного пятна и фрагменты керамики из черной грубой глины, с косыми насечками по венчику, призматические и цилиндрические нуклеусы (рис. 38, 4–5), скребки на отщепках и концевые, выемчатые пластины, двусторонне обработанные наконечники стрел, проколки (рис. 39, 1–18). Есть обломки песчаниковых плиток, округлые галечки, бусы из створок морских раковин (рис. 38, 1–3, 6).

Слой 4 характеризуется очагом из камней, ритуальными скоплениями костей животного (козла), костями рыб, фрагментами керамики буровато-красного цвета от сосудов яйцевидной формы с выпуклым туловом, заостренным дном, отогнутым венчиком и орнаментом в виде двух параллельных горизонтальных полос из прямоугольных зубцов, в виде ромбической сетки и перекрещивающихся прямых линий гребенчатого штампа, в виде косых оттисков широкой гребенки (рис. 38, 27).

Встречаются фрагменты светло-серой лощеной керамики. Обнаружены призматические нуклеусы, пластины с выемчатыми краями, концевые скребки на пластинах и отщепках, проколки, острия со скошенным или прямым верхним концом, резцы на углу пластины, наконечник стрелы кельтеминарского типа, двусторонне обработанные наконечники копий или дротиков, трапеция асимметричной формы (рис. 39, 21, 23, 24, 26, 27, 29, 31–33, 35, 39, 41–43). Среди костяных изделий нож из ребра животного и обломок рыболовного крючка. Представлены бусы из раковин и камня (рис. 38, 10, 15, 16, 18, 19).

В слое 5 обнаружены очаг округлой формы, фрагменты грубого красноглиняного сосуда яйцевидной формы с соскообразным дном и сероглиняного с лощеной поверхностью (попавшего сюда из слоя 4). Среди кремневых изделий нуклеусы (рис. 38, 23, 24), пластины выемчатые и с притупленным краем и скошенным концом, проколки, концевые скребки на пластинах и отщепках, острия со скошенным концом, нуклевидные скребки, миниатюрные трапеции (рис. 39, 19, 20, 22, 25, 28, 30, 34, 36–38, 40, 44), украшения из раковин (рис. 38, 11–14, 17, 20).

В слое 5а найдены нуклеусы (рис. 38, 36, 37), крупные пластины, пластины с выемками. Оригинальны пластины с лезвиями, оформленными противоположающей ретушью. Имеются пластинки с притупленным краем, проколки, орудия типа резцов, трапеции асимметричной формы и укороченные треугольники, острия со скошенным концом. Больше всего концевых скребков на пластинах и отщепках. Единичен обломок наконечника стрелы с двусторонней обработкой (рис. 39, 45–49, 57–59, 61–63, 65, 67, 70, 73, 74). Обнаружены бусы из морских раковин и камня (рис. 38, 28, 29, 31, 32). Керамика, по мнению А.П. Окладникова, попала сюда из вышележащих слоев.

Слой 5–6 содержал единичные нуклеусы (рис. 38, 38) пластины удлинённых пропорций и отщепы. Среди пластин выемчатые изделия, микропластинки с притуплен-

* Счет слоев идет сверху. – *Примеч. ответств. ред.*

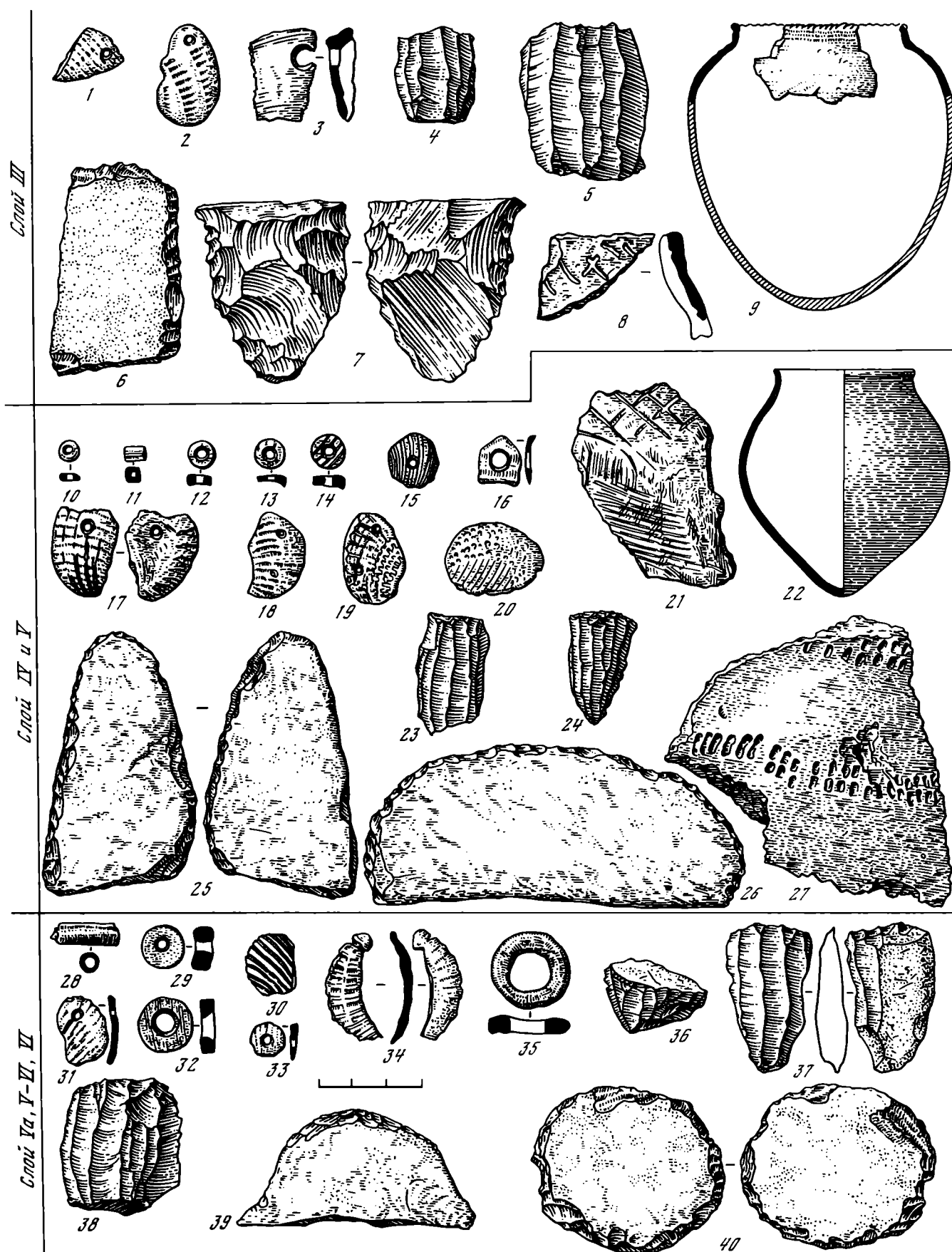

Рис. 38. Пещера Джебел

Керамика, каменные изделия, украшения

1-9 – слой III; 10, 15, 16, 18, 19, 23-27 – слой IV; 11-14, 17, 20-22 –

слой V; 28, 29, 31, 32, 36, 37, 39 – слой Va; 30, 33 – слои V-VI; 34, 35, 38, 40 – слой VI

ным краем и скошенным концом. Есть проколки, трапеции асимметричной формы, нуклевидные и концевые скребки (рис. 39, 54, 55, 60, 68, 69, 71). Встречены шаровидные галечки, фрагменты сланцевых плиток с ретушью по краю, украшения из раковин (рис. 38, 30, 33).

Керамика представлена четырьмя фрагментами с примесью раковин, на одном орнамент в виде вдавленного зигзага. По мнению А.П. Окладникова, эти черепки проникли сюда из вышележащей толщи напластований.

В слое 6 вскрыты два крупных очага, залегающие один под другим на расстоянии 15 см. Обнаружено много нуклеусов и пластин. Многочисленны выемчатые пластины, изделия с противолежащей ретушью, с притупленным краем, со скошенным концом. Много скребков, главным образом из отщепов. Есть проколки, асимметричные крупные трапеции, обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы с вогнутым основанием (рис. 39, 50–53, 56, 64, 66, 72, 75). Найдены плитки округлой формы с круговой обработкой, выполнявшие функции скребков, и украшения: каменное колечко и заготовки бус из раковин (рис. 38, 34, 35, 40). Керамика представлена шестью фрагментами от грубых лепных сосудов черного и красно-бурого цвета с примесью дробленого камня. Возможно, и эти фрагменты проникли сюда из вышележащих слоев.

По мнению А.П. Окладникова, отмечается определенное сходство в материале слоев 6, 6–5, 5а. Оно проявляется в наличии скребков нуклевидной, языковидной и округлой формы и двойных концевых, крупных трапеций асимметричных очертаний и удлиненных пропорций, острий со скошенным концом, крупных удлиненных пластин, конусовидных и призматических нуклеусов правильной односторонней огранки. Исходя из техники обработки камня, А.П. Окладников определяет возраст этих слоев как мезолитический. Учитывая большое сходство кремневых материалов 6, 6–5 и 5а слоев с аналогичными материалами джейтунской культуры, имеющей датировки 5050 и 5370 гг. до н.э., и с находками из слоя 11 Гари-Камарбанда, датируемого по C_{14} тоже VI тыс., материалы названных слоев Джебела можно отнести к ранней поре неолита и датировать VI тыс.

Определенным сходством отличаются и три следующих вышележащих слоя Джебела – 5, 4 и 3. А.П. Окладников датировал слой 5 и 4 ранним, а 3 – поздним неолитом. Для слоя 3 Джебела известна радиоуглеродная датировка (6030 ± 240 (ЕЛ-1), т.е. 4080 г. до н.э. (Протопопов, Бутомо, 1959). Таким образом, слой 5, 4 и 3 хорошо укладываются в рамки среднего неолита и могут быть датированы V–IV тысячелетиями до н.э. Обитатели пещеры Джебел, оставившие комплексы 6, 6–5 и 5а слоев, были охотниками и собирателями, занимавшимися и рыбной ловлей. Эти отрасли хозяйства оставались ведущими и в более позднее время, представленное материалами слоев 5, 4 и 3. Объектами охоты были джейран и кулан, рыболовства – осетровые и сазан. Имеются данные и о зачатках скотоводства в поселении слоя 4 (Цалкин, 1956).

Материалы Джебельской пещеры свидетельствуют об эволюционном развитии культуры неолита, генетически восходящей к прикаспийскому мезолитическому пласту, представленному горизонтами 8–7 Джебела.

Грот Дам-Дам-Чешме II расположен в восточной части Больших Балхан, близ Небит-дага. Первые работы в нем проведены в 1952 г. А.П. Окладниковым (1953б). В 1963–1964 гг. раскопки пещеры продолжил Г.Е. Марков (1966). Мощность культурных напластований в пещере в центре 3,2 м, а в юго-западной части – 5 м. Раскопки проведены до скального дна почти на всей площади (250 кв.м). Выделено девять слоев, из них к неолиту отнесены 4 и 3. По мнению Г.Ф. Коробковой (1975), неолитом можно датировать лишь слой 3. Он имеет мощность 20–40 см. Здесь обнаружены очажные линзы, кости, керамика, кремь. Сосуды яйцевидной формы, с плоским дном и большой примесью толченых раковин. Единичные экземпляры украшены гребенчатым орнаментом в виде трех вписанных друг в друга треугольников. Встречается сероглиняная керамика с “протертым” орнаментом. Найдены концевые скребки с ретушированными краями, выемчатые пластины, проколки, геометрические микролиты, представленные асимметричными трапециями, треугольниками, сегментами, пластины с притупленным краем и скошенным концом или только с притупленным краем, нуклеусы конической формы, подпризматической, плоские. Встречены украшения из раковин с просверленными отверстиями.

Материал находит аналогии в слоях 5–4 Джебела. Жители Дам-Дам-Чешме II, оставившие комплекс слоя 3, занимались охотой, рыболовством, а также скотоводством. По определению В.И. Цалкина, 189 костей из слоя принадлежали овце или козе, в том числе одомашненным особям.

Грот Дам-Дам-Чешме I расположен на юго-восточных склонах Больших Балхан, обращенных к Каспийскому морю, недалеко от пещеры Дам-Дам-Чешме II, Пещеру обследовал А.П. Окладников (1953а), выделивший шесть культурных слоев. В 1970–1971 гг. работы в пещере были возобновлены Г.Е. Марковым, и памятник раскопан полностью. Удалось выявить пять культурных слоев. К неолиту отнесены слои 4 (верхний горизонт) и 3 (Марков, Дурдыев, 1977). Г.Ф. Коробкова считает, что неолитом можно датировать вышележащие слои 2 и 3.

Слой 2 характеризуется наличием грубой плоскодонной с отогнутым венчиком керамикой с примесью дресвы, и тонкостенными сероглиняными лощеными сосудами с орнаментом в виде горизонтальных полос, зигзагов и желобков. Кремневые изделия включают конические нуклеусы, многовыемчатые пластины, сегменты, асимметричную трапецию и т.п.

Слой 3, мощностью до 110 см, насыщен кострищами, кремнем и фрагментами керамики. Грубая лепная посуда имеет орнамент из горизонтальных вдавленных полос, а серолощенная украшена горизонтальными полосами, зигзагами, желобками.

Г.Е. Марков сравнивал находки из рассмотренных слоев с материалами слоев 2–3 Дам-Дам-Чешме II. Г.Ф. Коробкова сопоставляет материалы слоев 3–2 Дам-Дам-Чешме I с изделиями из слоев 5–4 Джебела и 3 – Дам-Дам-Чешме II. Сходство проявляется в наличии идентичных концевых скребков на пластинах и округлых на отщепе, выемчатых изделий, единичных наконечников стрел с двусторонней обработкой и кельтеминарского типа, геометрических микролитов, микропластинок со

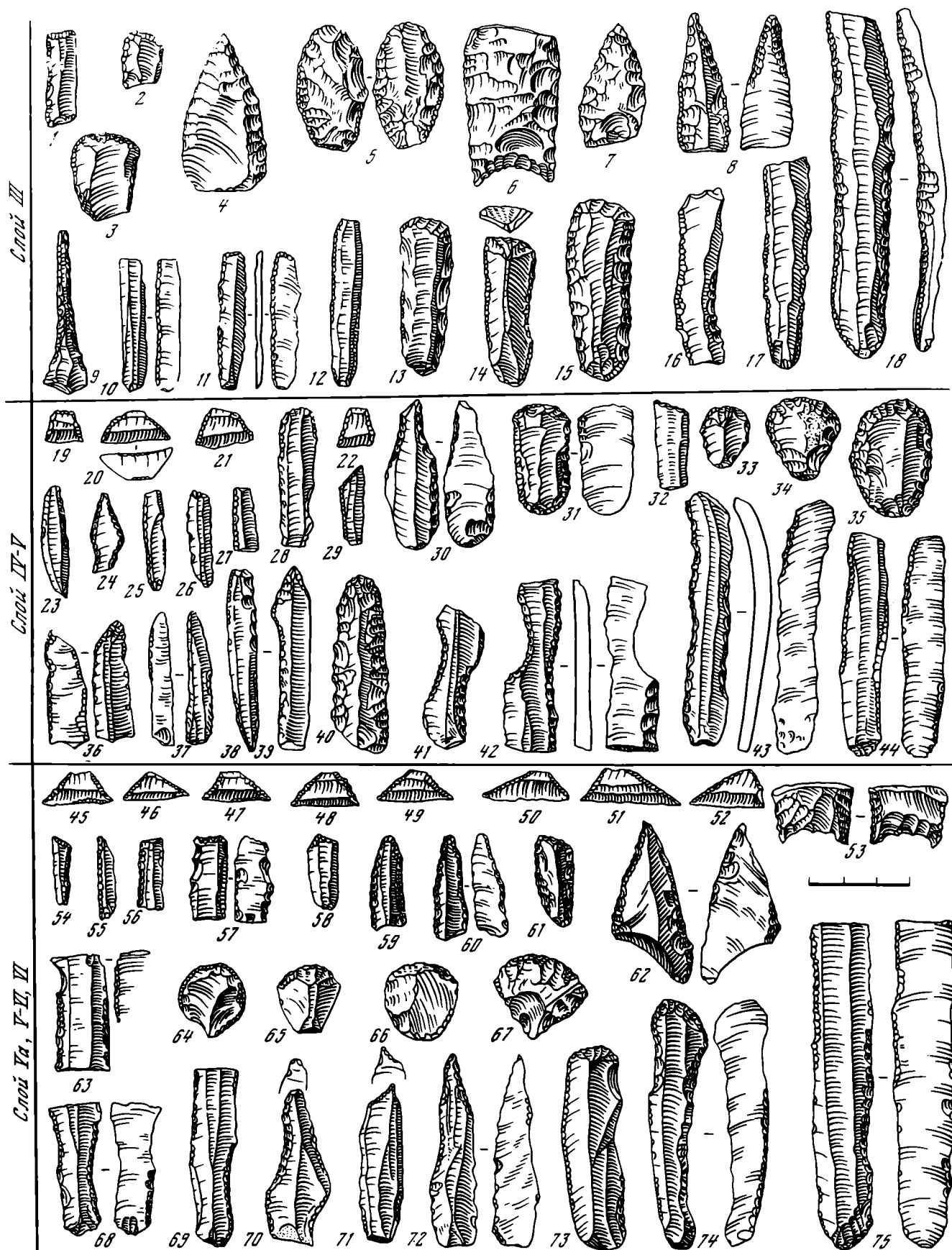

Рис. 39. Пещера Джебел. Кремневые изделия

1-18 – слой III; 19-20, 22, 25, 28, 30, 34, 36-38, 40, 44 – слой V; 21, 23, 24, 26, 27, 29, 31-33, 35, 39, 41-43 – слой IV; 45-49, 57-59, 61-63, 65, 67,

70-73, 74 – слой Va; 50-53, 56, 64, 66, 72, 75 – слой VI; 54-55, 60, 68, 69, 71 – слой V-VI

скошенным концом и притупленным краем, конусовидных нуклеусов, сероглиняной лощеной керамики. Дата слоев, вероятно, V–IV тысячелетия до н.э.

Жители трех описанных пещер находились в тесных культурных связях с оседлоземледельческими общинами северо-восточного Ирана, откуда они получали сероглиняную лощеную керамику.

Пещера Кайлю расположена на склонах Больших Балхан, у самого моря, вблизи одноименной станции. Она была открыта в 1947 г. А.П. Окладниковым (1953а; 1953б) и исследовалась им в 1952 г. Мощность культурных отложений в пещере до 4 м. Верхняя толща культурных остатков, содержащая находки неолитического времени, достигала почти 2,5 м и отделялась от мезолитического слоя, лежащего на дне пещеры, стерильной прослойкой. В неолитическом слое обнаружены обломки черноглиняных плоскодонных сосудов, красноглиняных со следами лощения. Из кремневых изделий известен наконечник стрелы кельтеминарского типа. Тут обнаружены скопления рыбьей чешуи, костей рыб, в частности осетра, остатки разрозненных костей человеческого скелета, украшения из створок морских раковин в виде уплощенных кружков. По предположению А.П. Окладникова, возраст памятника может быть определен IV–III тыс. до н.э.

Могильник у ст. Кайлю обнаружен А.П. Окладниковым (1953б). Исследованию подверглись два захоронения плохой сохранности. Погребенные лежали на спине, головой на северо-запад, со сложенными в области таза руками. Костяки густо обсыпаны красной охрой. Захоронения произведены в специальной могильной яме, сопровождались кремневыми пластинами и украшениями из морских раковин, обнаруженных на черепе, вокруг правого бедра погребенных и в виде кольца на правой половине тела, под бедрами и тазом. Очевидно, бусы украшали головной убор и одежду покойных.

Мастерская у мыса Куба-Сенгир открыта А.П. Окладниковым (1953а). На скалистом останце обнаружена яма овальных очертаний, для которой использовано естественное углубление в скале. В заполнении ямы встречены отщепы, нуклеусы, скребки, ножевидные пластины, обломки острий с притупленным краем. Большие скопления образовывали раковины и бусы из них. Бусы из раковин *Didaspa* овальной формы с просверленным у одного конца отверстием или в виде пластинок. Встречены предметы разной стадии изготовления. Датировать эту мастерскую можно по фрагментам черноглиняной керамики, близкой посуде неолитического слоя Кайлю и стоянки Кизыл-Лай. Изделия, представленные здесь, получили широкое распространение и в джейтунской ранне-неолитической культуре и кельтеминарских памятниках.

Оюклинская культура. Памятники этой культуры открыты Г.Е. Марковым в 1957–1959 гг. (Оюклы 1) и в 1978–1979 гг. (Оюклы 4). Они расположены в западной Туркмении, на границе пустыни Чильмамедкум и Северобалханской степи. Аналогичные материалы обнаружены в уроч. Ясхан в бассейне Узбоя (Марков, 1961–1971; Марков, Хамракулиев, 1980). Открытие новых стоянок подобного типа позволило Г.Е. Маркову выделить в последние годы в западной Туркмении оюк-

линскую неолитическую культуру, которая представлена четырьмя памятниками. Помимо указанных выше стоянок, к ней можно отнести местонахождение Аджикуи, расположенное на правом берегу Узбоя и содержащее идентичный кремневый инвентарь (Юсупов, 1986. С. 23).

На Оюклы 1 произведены раскопки, на Оюклы 4 – шурфовка. В уроч. Ясхан и Оюклы 4 сохранились останцы с частично оставшимся культурным слоем (Марков, Хамракулиев, 1980). Кремневые изделия и керамика встречены в виде скоплений диаметром 6–10 м (рис. 40, 1–19), в центре каждого скопления находилось кострище, от которого сохранились остатки угольков. Всего обнаружено девять скоплений. Керамический комплекс незначителен – около 1,5% всех находок. Керамика изготовлена с примесью крупного песка, тонкостенна и слабо обожжена. А.В. Виноградов (1981) подразделил ее на две группы. К одной отнесены сосуды с эсовидным профилем и яйцевидным туловом, с круглым или заостренным дном, украшенные косыми или вертикальными насечками, образующими горизонтальные полосы. Во вторую группу включена керамика со сложным реберчатым профилем и загнутым внутрь венчиком, у некоторых сосудов, вероятно, плоское дно. Посуда оформлена прочерченными волнистыми или зигзагообразными линиями, полосами насечек, вдавлениями, образующими прямоугольные фигуры (рис. 40, 9, 10, 19). Отдельные детали реберчатых сосудов находят аналогии в керамике Учаси 131 и Космолы 5. Идентифицируются с Космолы 2, 5 и другими стоянками этого района изделия с отогнутым наружу венчиком. Орнамент в виде геометрических фигур, заштрихованных волнистыми и зигзагообразными линиями, встречается и в кельтеминарской культуре (Виноградов, 1981. С. 127). Керамика первой группы хорошо сопоставляется с посудой многих неолитических памятников Средней Азии и сопредельных территорий и не выходит за рамки этого времени.

Оюклинская индустрия носит архаический характер из-за обилия разнообразных резцов, типичных для более раннего времени, чем рассматриваемые памятники. Основными заготовками являлись правильные ножевидные пластины средних размеров и микропластинки. Единично встречены крупные пластины и отщепы. Процент орудий, выделенных технико-морфологическим методом, сравнительно невелик: в Оюклы 1 – 11,4%, в Оюклы 4 – 13,5%. В наборе типов изделий ведущее место занимают резцы и пластины с ретушью, среди которых – орудия с притупленным краем, с прямым, скошенным, остро скошенным округлым концом. Особую группу образуют пластины с выемками, скребки концевой типа, острия и микроострия. Единичны геометрические микролиты, представленные асимметричными крупными высокими (Оюклы 1) и низкими удлинненными (Оюклы 4) трапециями с ретушью со спинки, близкими орудиям янгельской культуры Южного Урала (Матюшин, 1976. С. 162. Рис. 44) (рис. 40, 1 – 7, 13 – 18).

Специфика набора орудий выделяет рассматриваемый комплекс среди синхронных индустрий Средней Азии и соседних территорий. Определенным своеобразием характеризуется и керамика, особенно сосуды с ребристой профилировкой. Можно согласиться с Г.Е. Мар-

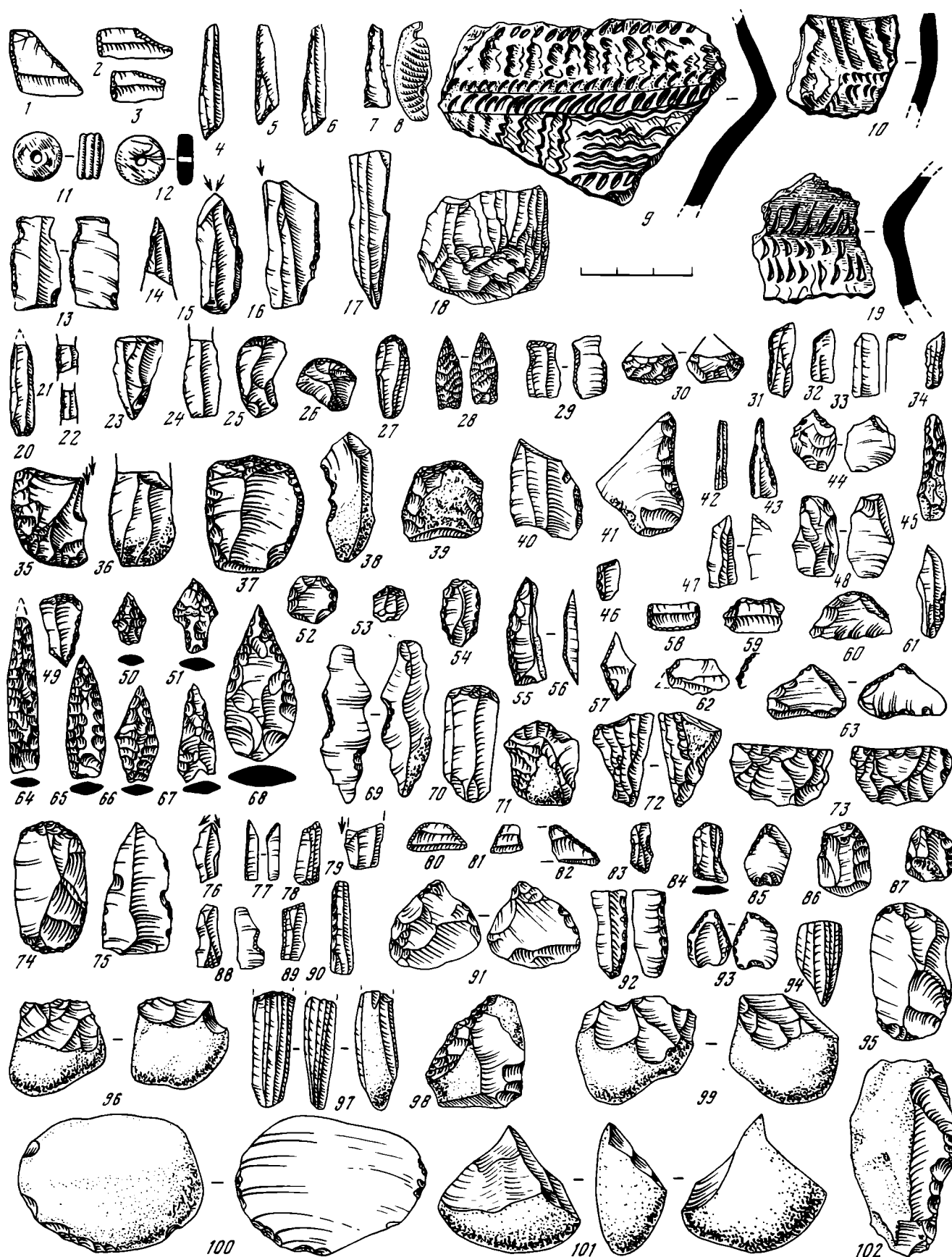

Рис. 40. Керамика и кремневые изделия Оюклинской культуры (1-19), Нижнего Узоя (20-73) и Тахта-Базара (74-102)

1-5 - Оюклы 1 и 4; 6-19 - Оюклы 4; 20-22, 35, 38, 41 - Каймат; 23-25 - Кызыл-Кыр; 26-27, 36, 37 - Ыбык; 28, 40 - Патма; 29 - Каваджик; 30 - Караматсай; 31, 32, 42, 47, 70 - Актам 9; 50, 67, 68 -

Актам 10; 65 - Актам 7; 39 - Аджик-Кую; 74, 75, 84-87, 90-102 - Тахта-Базар 2; 76-82, 88, 89 - Тахта-Базар 4

ковым, что прямых аналогий оюклинскому комплексу нет (Марков, Хамракулиев, 1980. С. 75) и что он может быть приравнен к культуре. Среди прочих находок есть украшения из раковин, просверленных створок, из попеременно расчлененных стеблей морских лилий, сходные с идентичными подвесками из пещеры Джебел (рис. 40, 8, 11, 12).

Вопрос о хронологии оюклинской культуры окончательно не решен. Г.Е. Марков, опираясь на весьма широкие параллели с сибирским неолитом (Усть-Белой) и буго-днестровской культурой (Сороками 3), предлагает опустить Оюклы в V тыс. до н.э. А.В. Виноградов, основываясь на сходстве отдельных элементов керамики Оюклы и Учащи 131, Учащи А, Космолы 2 и 5, а также микропластин с притупленным краем, скошенным и прямым концом, геометрических микролитов с карабогазским комплексом и дарьясайским этапом, датирует исследуемую культуру ранним неолитом, т.е. концом VII–VI тыс. до н.э. Отмеченные А.В. Виноградовым (1981. С. 127) параллели с карабогазским комплексом весьма отдаленные, техника расщепления индустрии Дефе-Чаганак и Оюклы различна. В первом случае она пластинчато-отщеповая, во втором – пластинчатая. Набор орудий близок, но соотношение типов изделий разное. Так, в Дефе-Чаганак 50% орудий принадлежит скребкам, 17,5% – выемчатым изделиям, 15% – вкладышам. В Оюклы 44% составляют вкладыши, 24,6% – резцы, микрорезцы и резцовые сколы, 10,3% – скребки и выемчатые изделия (каждая группа). Резцы и геометрические орудия присутствуют в обоих памятниках. Однако в Дефе-Чаганак резцы единичны, а в оюклинской индустрии являются определяющим типом изделий. Трапеции же в этих индустриях различны по форме.

Таким образом, оюклинские памятники типичны только для североприбалханской степи и частично Узбоя. Отдельные черты сходства с ранними материалами кельтеминара и карабогазского комплекса позволяют ориентировочно датировать оюклинскую культуру концом VII–VI тыс. до н.э. Не ясен пока генезис этой культуры и ее дальнейшая судьба.

Район Кара-Богаз-Гола. У залива Кара-Богаз-Гол А.М. Мандельштамом открыты развешанные стоянки неолитического времени – Чагыл I и II, Джанак и др., где собраны только кремневые изделия (Коробкова, Крижевская, Мандельштам, 1968; Коробкова, 1969). Техника обработки камня пластинчатая, с небольшой долей микролитонности. Выделяется серия микропластин с притупленным краем, скошенным концом, заостренными лезвиями. Характерны выемчатые пластины и концевые скребки, единичные трапеции асимметричных очертаний (типичные для слоев 5–6 Джебела), резцы, долотовидные орудия с подтеской концов. Двусторонне обработанный наконечник стрелы листовидной формы с прямым основанием сходен с джебелским из слоя 5а. Своеобразие карабогазской индустрии бесспорно, но определенную аналогию она обнаруживает с кремневой индустрией раннего кельтеминара. Некоторое сходство карабогазских материалов с прикаспийскими, в особенности с находками слоев 5–6 и 6 Джебела, позволяет датировать их одним временем, которое определяется по синхронному памятнику Гари-Камарбанду (11 слой) VI тыс. до н.э.

Происхождение карабогазских памятников следует связывать со слоями 7–8 Джебела (Коробкова, 1969а).

Неолит Мангышлака. В 1963 г. А.М. Мандельштам провел разведочные работы на территории Мангышлака, где обнаружил местонахождения неолитического времени (Коробкова, Мандельштам, 1971). Наиболее выразительны Тюбеджик, Кулиз, Киндерли, Удэк и др.

Материалы Мангышлака наиболее близки к западно-казахстанским неолитическим памятникам, где также представлены крупные пластины, наконечники дровиков с двусторонней обработкой и скребки. Некоторые черты сходства мангышлацкие материалы имеют и с неолитом Устюрта. Идентичны заготовки и приемы оформления скребков, широкие пластины, резцы и т.д. Близкие черты прослеживаются и в районе Карабогаза, где также представлены крупные удлиненных пропорций пластины, единичные резцы и большое количество концевых скребков. Несмотря на эти черты сходства, инвентарь рассматриваемых памятников занимает особое положение. Здесь нет типичных для Западного Казахстана, Устюрта и Прикарабугазья микропластин с притупленным краем, скошенным концом, пластин с противоположающей ретушью, геометрических орудий, многовыемчатых изделий. По сравнению с перечисленными районами здесь более единообразная техника нанесения ретуши, малочисленны скребки на отщепках, отсутствуют концевые скребки с ретушированными продольными краями и наконечники стрел.

Неолит Устюрта. В настоящее время на территории Устюрта открыто свыше 80 памятников эпохи неолита, все с развешанным культурным слоем. Они обнаружены внутри плато и на его окраинах. Как правило, стоянки группируются по краю песков, солончаков и на отдельных буграх. Это аланская, айдаболская, чурукская, барлыбайская (или исатайская), актайлакская, косбулакская группы. Основная масса стоянок (Айдабол, Барлыбай, Чурук и др.) расположена по берегам неглубоких котловин, “заливов” или “руслообразных понижений”, заполнявшихся в древности пресной водой. Стоянки, обнаруженные внутри плато, располагались вблизи колодцев, родников, такырных озер, в зонах высоких грунтовых вод. Одни приурочены к уровню 100 м, другие – 120–130 м, причем исследователи склонны связывать эти различия с возрастом памятников (Виноградов, 1981. С. 29; Бижанов, 1982. С. 36).

Находки представлены в основном каменным инвентарем, керамика почти не известна. Лишь в песках Сам обнаружены единичные фрагменты сосудов с округлым дном, расширенным туловом, украшенных нарезным двойным вертикальным зигзагом и напоминающих сосуды кельтеминарского типа (Формозов, 1949). Встречаются украшения из створок раковин и камня. Выделяются три типа памятников. К первому относятся мастерские одноразового посещения, содержащие до 200 изделий (Айдабол 1, 3, 8, 9, 13, 17, Джарынкудук 2, 3), ко второму – кратковременные сезонные стоянки, коллекции которых насчитывают от 200 до 1000 предметов (Айдабол 2, Алан 1, Исатай 3 и др.), к третьему – крупные долговременные поселения с числом находок свыше 1000 единиц (Куркреук, Актайлак 1, скопление II и др.).

Для Устьюрта характерна пластинчатая техника, в основе которой лежит средняя и крупная пластина или их сечения, реже – микропластины. Нуклеусы конусовидной формы с круговым скалыванием, есть карандашевидные. Для вторичной обработки типична притупляющая ретушь по краям пластины со спинки или в противоположном направлении. Изредка встречается двусторонняя обработка всей поверхности орудия. Преобладают концевые скребки на пластинах, микроскребки и скребки на отщепах (от 30 до 50%). Характерны выемчатые пластины, микропластинки с притупленным краем, скошенным концом, проколки и сверла со специально выделенным острием. Единичны долотовидные орудия, резцы, геометрические микролиты симметричной формы. Известны наконечники стрел, в том числе кельтеминарского типа, листовидной формы с прямым, вогнутым или округлым основанием, миндалевидной формы, наконечники копий или дротиков, оформленные двусторонними или краевыми фасетками.

Отсутствие стратифицированных комплексов и пестрота материалов вызвали значительные разногласия в среде исследователей в вопросах о культурной принадлежности и хронологии устьюртских памятников. А.В. Виноградов признает своеобразие неолитического комплекса Устьюрта (Виноградов, 1981; Виноградов, Шолохов, 1970). Н.Д. Праслов (Праслов, Настюков, 1973) и Г.Ф. Коробкова (1981; 1987) видят здесь разнообразие технических традиций, позволяющее говорить о разнотипном характере устьюртского неолита. Г.Ф. Коробковой (1981. С. 12) поставлен вопрос о выделении актайлакской культуры и иных культурных комплексов. Е.Б. Бижанов (1978) видит в неолите Устьюрта остатки новой культуры, возникшей на местной мезолитической основе и развивающейся под влиянием родственных культур, существовавших в Прикаспии, на Южном Урале и в Западном Казахстане. В последние годы появились специальные работы, посвященные анализу орудий труда мезолита и неолита Устьюрта, проблеме культурной принадлежности памятников, их хронологии и периодизации, хозяйственной деятельности населения (Авизова, Бижанов, 1981; Авизова, 1985; 1986). На основе технико-морфологического изучения индустрий айдаболской, чурукской, барлыбайской и аланской групп стоянок А.К. Авизовой (1986. С. 13–19) выделена на территории Юго-Восточного Устьюрта айдаболская культура, объединившая первые три группы памятников, а также отдельная аланская группа.

Для айдаболской культуры типичны единая техника расщепления, вторичная обработка и набор типов изделий. Основными заготовками являлись средние пластины прямого профиля. В наборе типов изделий преобладают пластины с затупливающей ретушью, с притупленным краем, скошенным или прямым концом, концевые скребки на пластинах. По мнению А.К. Авизовой (1986. С. 17), эта культура обнаруживает сходство с карабогазским комплексом в типах заготовок, формах трапеций, микропластинах с притупленным краем и скошенным концом, концевых скребках на крупных пластинах, наличии единичных отщепов с подтеской краев, резцов и двусторонне обработанных наконечников стрел. Вместе с тем соотношение ведущих типов заготовок в Прикара-

бугазье и на Устьюрте различно. Характерные для устьюртской индустрии пластины с прямым или скошенным краем в Прикарабугазье отсутствуют. Некоторые параллели наблюдаются в южноуральских комплексах типа Большого Бугодка IV, Суртанды VI, Мурата и Мыса Безымьяного (Матюшин, 1976). Однако в неолитической индустрии Устьюрта нет треугольников и сегментов, трапеции более миниатюрны и симметричны по сравнению с южноуральскими, более ранними. Имеется сходство с индустрией Бешбулака 14 (скопление 1) и Бешбулака 15 (Чалая, 1972; Виноградов, 1981. С. 97; Авизова, 1986. С. 18). В целом же устьюртский комплекс отличен не только по типам заготовок, вторичной обработке, но и по набору изделий, в котором плечиковые сверла, пластины с выделенной головкой, резчики, скребки на отщепах и другие орудия являются не характерными.

Возможно, аланская группа памятников, выделяющаяся среди других устьюртских комплексов, окажется самостоятельным культурным явлением или поздним этапом в развитии одной из культур неолита Устьюрта. Для более обоснованного решения этого вопроса нужны новые данные и сравнительные разработки, выходящие на четко стратифицированные памятники соседних областей.

По разработкам А.К. Авизовой (1986. С. 19), айдаболская культура ориентировочно укладывается в рамки позднего мезолита – среднего неолита и имеет три этапа развития. К раннему (мезолитическому) отнесены материалы Айдабола 25, Чурука 10, к среднему (ранне-неолитическому) – Айдабола 20, Чурука 2 и других. Нам представляется, что по набору и облику трапеций и другим чертам материалы этого периода следует считать поздне-мезолитическими, что аргументировано в соответствующих разделах выпуска “Мезолит СССР”.

А.В. Виноградов (1968а) выделял в неолите Устьюрта 3 группы памятников. К ранней отнесены материалы Булак 3, Косбулак 5, Чагала, Утебай, Демпе 7. Здесь преобладают орудия из пластин, нет скребков на отщепах и двусторонне обработанных наконечников стрел. К поздней группе отнесены комплексы Демпе 1, 6, Чурук, Косбулак 2, 3. В их индустрии сочетаются концевые скребки на пластинах и отщепах, двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы с черешком или выемкой в основании, пластины с притупленным краем, с выемками, скошенным концом, резцы. Самую позднюю группу образуют Киндерли, Белеули 1, 2, Казахлы, Булак 1, где преобладают орудия из отщепов, присутствуют треугольные двусторонне обработанные наконечники стрел с черешком. Хронологические границы неолита Устьюрта определялись А.В. Виноградовым IV–III тыс. до н.э.

Эта датировка оспаривалась Н.Д. Прасловым (Праслов, Настюков, 1973), который предполагал, что некоторые материалы Устьюрта (Сай-Утес, Бесшимрау) древнее IV тысячелетия. Наличие в них двусторонне обработанных наконечников стрел, может быть, и не случайно, так как эти формы появляются уже в слое 5а Джебела и слое 4 Дам-Дам-Чешме 1. Можно думать, что геометрические орудия, представленные трапециями симметричных и асимметричных очертаний, нередко с вогнутым верхним краем (рогатые), наконечники стрел кельтеми-

нарского типа, концевые скребки на пластинах и микро-скребки, резцы и другие архаического облика изделия служат датирующими признаками для выделения ранних комплексов. Отсутствие перечисленных форм орудий, преобладание скребков на отщепах, разнообразие двусторонне обработанных наконечников стрел и дротиков, количественное уменьшение пластин и микропластин – датирующие признаки позднего комплекса. Эти черты носят материалы Косбулака 2, 3, Белеули 1, 2, Киндерли (Виноградов, 1968б; Виноградов, Шолохов, 1970). Критерии для выделения промежуточных комплексов Устюрта пока трудноуловимы. Не внесла ясности и трехэтапная периодизация Е.Б. Бижанова (1978), согласно которой материалы первых двух этапов, отражающие ранний и развитый неолит, практически не отличимы.

О периодизации мезолита и неолита Северо-Западного Устюрта (Бижанов, 1982. С. 30) можно сказать то же самое. Из четырех хронологических групп айдаболских стоянок две ранние отнесены им к развитому и позднему мезолиту, две другие (третья и четвертая) – к раннему и позднему неолиту. В третью группу включены стоянки Айдабол 2, 4, 14, 15, 20, характеризующиеся крупными удлиненными симметричными трапециями и единичными асимметричными формами, пластинами с притупленным краем, скошенным концом, скребками концевыми и на отщепах, двусторонне обработанными наконечниками стрел (Бижанов, 1982. С. 32). Но этими же чертами он характеризует и вторую (мезолитическую) группу памятников, которая датируется VII–VI тыс. до н.э., по аналогии с янгельской культурой Южного Урала. Третья же синхронизируется с Агиспе, Саксаульской, Шулкум I, Пеньками I, джейтунской культурой, слоями 5а–5 Джебела. Однако по аналогии с Учаши 131 эту группу памятников Е.Б. Бижанов датирует VI–V тыс. до н.э., что не согласуется с хронологией джейтунской культуры и соответствующих слоев Джебела, возраст которых – конец VII–VI тыс. до н.э. Такая же расплывчатая датировка дана для четвертой группы устюртских стоянок, в которую включены Айдабол 1, 5, 7, 13, 17, 19, 23, 24, 26, Джарынкудук 2 и 3. Типологическая характеристика материалов повторяет вышеописанную, данную для третьей группы. К числу отличительных черт отнесены отсутствие геометрических форм, разнообразие двусторонне обработанных наконечников стрел, более редкая встречаемость пластин с притупленным краем, скошенным концом и резцовым сколом (Бижанов, 1982. С. 32). Количественные показатели при этом не приводятся. Определение возраста рассматриваемой группы – IV–III тыс. до н.э. – весьма проблематично.

С нашей точки зрения, среди памятников третьей и четвертой групп есть и более ранние, мезолитические (Айдабол 7, 14, 15, 20 и 23).

Относительно ясен вопрос о генетических корнях неолитических комплексов Устюрта, восходящих к местному мезолиту и продолжающих технические традиции предшествующей эпохи.

Расположение стоянок на берегах заливов, руслообразных понижений, родников, сезонных такырных озер, вблизи от неглубоких грунтовых вод в условиях увлажненного климата свидетельствует о благоприятных природных условиях и режиме водообеспеченности. По дан-

ным изучения орудий труда, первостепенную роль в хозяйстве обитателей стоянок играла охота, с которой связано от 36 до 46% орудий труда, в том числе вкладышевые ножи для разделки туш, составное метательное оружие, наконечники стрел. В домашних промыслах важное место занимала обработка кости, рога, дерева и шкур (Авизова, 1986. С. 21).

Население неолитического Устюрта поддерживало тесные связи с соседними племенами, развивало общие культурные традиции. Об этом свидетельствуют черты сходства с индустриями Прикарабугазья, Прибалхана, Дарьяса и Южного Урала.

Наличие кратковременных стоянок с ограниченным инвентарем и долговременных мест обитания позволяет заключить, что они оставлены передвигающимися небольшими охотничьими общинами с архаической общественной структурой (Массон, 1976. С. 133).

Неолит Центральной Ферганы. В 1958 г. в районе оз. Дам-Куль Н.Г. Горбуновой и Б.З. Гамбургом были открыты первые неолитические местонахождения кремневых орудий.

В 1963–1964 гг. Ю.А. Заднепровский (1966) обнаружил в Центральной Фергане 20 пунктов с аналогичными находками. В 1965 г. территория Ферганы обследовалась У.И. Исламовым, а в 1967, 1969, 1970 гг. в тех же районах вел исследования В.И. Тимофеев. Сейчас здесь известно около 100 памятников. Больше всего материала дали Сарык-су, Тайпак 1, 2, 4, 6, 8–12, Янги-Кадам 1–35, Замбар 1, 3–6, северная мадьярская группа стоянок. Все это развешанные стоянки, но, по мнению геологов, находки переотложены в малой степени. О том же свидетельствует типологическая однородность инвентаря.

Перед нами специфическая индустрия ярко микролитного облика, что отличает ее от других материалов Средней Азии. Основными заготовками были микропластинки, основным типом ретуши – заостряющая, нанесенная по двум краям изделия со стороны брюшка, ведущими орудиями – микроскребки округлой формы и ножевидные пластины с односторонней ретушью (Коробкова, 1975). К особенностям ферганской индустрии следует отнести отделку подавляющей массы микропластин ретушью с брюшка, а также прием ретуширования микропластин со спинки по верхнему выпуклому концу. Подобные микропластинки не известны ни в джейтунской, ни в кельтеминарской, ни в гиссарской культурах. Широко распространенные в неолитических памятниках Средней Азии микропластинки с притупленной спинкой и скошенным концом в Фергане единичны, как и вкладыши серпов с косой заполировкой, свидетельствующей об изогнутой форме рукоятки, в которую вкладыши вставлялись под углом. Подобные жатвенные орудия встречаются только в Фергане и не известны в других неолитических комплексах Средней Азии. Типичны ножевидные пластины с ретушью, микроскребки округлой и сегментовидной формы, редки долотовидные изделия, двусторонне обработанные наконечники стрел, проколки, сверла, скобели. Керамика не обнаружена. Встречаются подвески округлой формы из мраморовидного известняка с просверленным отверстием. Ряд архаических черт позволяет судить о раннем возрасте неолита Центральной Ферганы. Важно сходство микропластин и мик-

роскребков с аналогичными изделиями Мачайской пещеры (Исламов, 1975), датированной 7560 ± 110 (ЛЕ-982), т.е. 5600 г. до н.э., что подтверждает возраст ферганских материалов – VI тыс. до н.э. (Коробкова, 1966; 1969б).

Топография ферганских стоянок и результаты трасологического анализа находок позволяют предполагать, что они принадлежали племенам охотников, владевших составным копьем, и рыболовам, селившимся по берегам полноводных в то время рек и озер. Возможно, существовало и собирательство, о чем свидетельствуют находки вкладышей серпов со следами жатвы диких злаков или травы.

Небольшие размеры большинства стоянок, удаленность их от водных артерий и бедность инвентаря позволяют предполагать, что это остатки временных охотничьих стойбищ или лагерей. Таковы пункты IV–XV, XVII, XVIII Ю.А. Заднепровского. Памятники, расположенные по берегам крупных водотоков или осушенных ныне озер и содержащие богатый и разнообразный инвентарь – Мингбулак, Тайпак 1, 2, 8–12, Узун-Куль 1, Замбар 3 и др., по-видимому, были базовыми долговременными стоянками. Генезис ферганской неолитической культуры следует искать в местном мезолитическом пласте, представленном равнинными (Ащи-Куль, Янги-Кадам 21, Бекабад 3, 4, Шор-Куль 1, 2, Иттак-Кала 1, 2, Замбар 2, пункты II, III, XVI, Бахрабад) и пещерными (Обишир I, V, Ташкумыр) местонахождениями.

Неолит бассейна р. Мургаб. Первые сведения о неолите бассейна р. Мургаб стали известны благодаря работам А.А. Ляпина напротив пос. Тахта-Базар в 1965 г. Здесь были собраны кремневые изделия неолитического времени. В 1970-х годах разведками Сарыязинской экспедиции, руководимой Х.Ю. Юсуповым, выявлены новые памятники с аналогичным материалом (Юсупов, 1977). Стоянки расположены на правом берегу р. Мургаб между Чилимкыром и Екедешиком на верхней надпойменной террасе. Всего открыто пять местонахождений (Тахта-Базар 1, 2, 3, 3/4, 4). Культурный слой разрушен. Кремневые изделия локализуются скоплениями в котловинах выдувания, в 300–500 м друг от друга. Границы между ними четкие и свидетельствуют о незначительной переотложенности находок. Наиболее представительными памятниками оказались Тахта-Базар 2 и 3, давшие 1690 и 625 кремневых изделий соответственно. Для индустрии типична пластинчато-отщеповая техника расщепления с преобладанием микропластин и средних пластин изогнутого профиля. В наборе типов изделий (рис. 40, 74–102) определяющее место занимают выемчатые пластины и отщепы, вкладыши с притупленным краем, с притупленным краем и скошенным концом, симметричные и асимметричные трапеции удлинённых и укороченных пропорций, в том числе с выемкой на верхнем крае (“рогатые”), и миниатюрных размеров. Уникальны галечные орудия: чопперы, чоппинги, скребла, обработанные гальки. Встречено одно шлифованное тесло и вкладыш серпа.

Расположение мургабских стоянок на стыке трех культурных общностей – джейтунской на западе, гиссарской на востоке и кельтеминарской на севере – наложило определенный отпечаток на облик тахтабазарской

индустрии. По наличию галечного элемента последняя напоминает гиссарскую, однако в Тахта-Базаре он единичен. Некоторое сходство прослеживается с джейтунской культурой, что проявляется в находках большого количества трапеций (16–19%), незначительной серии концевых скребков без ретуши на продольных краях, представительной группы многорыльчатых пластин. С кельтеминаром Тахта-Базар роднит наличие микропластин с притупленным краем и скошенным концом, резчиков. Вместе с тем отмеченное сходство ничтожно по сравнению с теми различиями, которые прослеживаются в технике расщепления, вторичной обработки, наборе типов изделий и соотношении их основных видов. Пластинчатая индустрия Тахта-Базара обладает яркими самобытными чертами, выделяющими ее среди синхронных памятников сопредельных территорий. Это обстоятельство позволило поставить вопрос о выделении мургабских стоянок в особую тахтабазарскую культуру (Коробкова, Юсупов, 1979. С. 80; Коробкова, 1987). Однако отсутствие среди них стратифицированных комплексов затрудняет окончательное решение данного вопроса.

Ранненеолитический возраст мургабских памятников не вызывает сомнения. Высокий процент геометрических микролитов, их набор, морфологический облик и размеры, наличие изделий на крупных пластинах, характер галечных орудий разрешают сопоставлять тахтабазарский комплекс с материалами среднего этапа джейтунской культуры, представленного восточной группой поселений (Лоллекова, 1979; 1980), и ранним периодом гиссарской культуры (Ранов, 1985. С. 29). В абсолютных цифрах дата мургабского неолита может быть ориентировочно определена VI тыс. до н.э.

Пещера Мачай. По мнению В.А. Ранова (1985. С. 13), к одному из локальных вариантов гиссарской культуры следует относить пещеру Мачай, в районе которой еще в довоенные годы были обнаружены отдельные отщепы гиссарского облика. Однако это заключение недостаточно аргументировано. Судя по характеру мачайской индустрии, она обладает определенной спецификой, что отмечал и ее исследователь У. Исламов (1975). Вместе с тем, отнесение автором данного памятника к эпохе мезолита вызывает сомнение. Нам представляется, что комплекс пещеры Мачай является неолитическим.

Пещера Мачай была открыта в 1937 г. Г.В. Парфеновым. Она расположена в Сурхандарьинской долине на правом берегу р. Мачай. В конце 30-х годов пещеру посещают М.Э. Воронец (1937; 1955) и А.П. Окладников (1945), которые выделили в ней два культурных слоя – мустьерского (нижний) и мезолитического (верхний) времени. Раскопки в пещере производились в 1937–1938 гг. Г.В. Парфеновым и в 1970–1971 гг. У. Исламовым. Последнему исследователю удалось доказать одновременность обоих слоев, которые он отнес к мезолиту (Исламов, 1975. С. 30). Материал пещеры включает фаунистические остатки и богатую коллекцию каменных и костяных изделий. По данным У. Исламова (1975), сырьем для изготовления орудий служил доломит и реже – кремнь. Для индустрии типична микролитическая техника расщепления с некоторыми элементами галечной. В качестве ведущих заготовок использовались микро-

пластины и средние пластины. Типичны призматические, клиновидные с торцовым скалыванием одноплощадочные нуклеусы. В наборе орудий показательные концевые скребки с ретушированными боковыми краями, округлые микроскребки, овальные скребла, выемчатые изделия. Единичны резцы, микроострия и массивные острия с подтеской концов, галечные чопперы, чоппинги, гальки и пр.

Среди костяных предметов шилья, ложило для кожи, оправа для вкладышевого орудия, нож, подвеска. У. Исламов отмечал сходство с обиширской мезолитической культурой (Исламов, 1975. С. 36). По мнению Г.Ф. Коробковой, отсутствие геометрических микролитов, использование микропластин и средних пластин, набор орудий сближают Мачай с ранне-неолитическими материалами Центральной Ферганы (Коробкова, 1969. С. 127; Исламов, Тимофеев, 1977. С. 10; Исламов, 1985). В то же время наличие выразительной коллекции галечных орудий и костяных изделий отличает Мачай от центрально-ферганских комплексов и заставляет искать ему аналогии в галечных культурах неолита. Таким образом, вопрос о культурной принадлежности комплекса Мачай остается открытым. Однако по характеру кремневого инвентаря памятник не может быть отнесен к локально-

му варианту гиссарской культуры. Несмотря на некоторое сходство, недостаточно оснований для прямого сближения Мачая с обиширской культурой, обладающей чисто мезолитическим комплексом. Больше всего мачайская индустрия тяготеет к центрально-ферганскому неолиту, в котором четко выделяются равнинный и пещерный комплексы. Не исключено, что подобная зональная специфика проявится и в Сурхандарьинском регионе, и в таком случае Мачай будет представителем пещерного неолита.

Хронология пещеры Мачай определяется сравнительно-типологическими сопоставлениями, которые позволяют датировать ее ранним неолитом. На это указывает и абсолютная дата верхних слоев, соответствующая 7555 ± 110 лет от наших дней (Исламов, 1975. С. 106) или 5600 лет до н.э. Это время среднего Джейтуна, дарьясайских комплексов и раннего периода гиссарской культуры.

Хозяйство обитателей пещеры следует оценивать как комплексное скотоводческо-охотничье-собираетельского типа. В нем большую роль играло скотоводство (находки костей овец и коз) и охота на джейрана, кабана и других животных, включая волка. Генезис мачайского комплекса следует искать в обиширской культуре.

Неолит Казахстана

На огромной территории от Волги до Алтая выявлено до 400 памятников, которые принято относить к неолиту (Алпысбаев, Чалай, Черников, 1977). Большинство из них – развешенные стоянки, где собрано некоторое число кремней и – реже – отдельные фрагменты керамики, поэтому не исключено, что эти материалы относятся частично и к другим эпохам. Их никак нельзя считать полноценными комплексами. Только на северо-востоке Казахстана ряд стоянок исследован раскопками и получены надежные комплексы. К сожалению, тут плохо сохраняются керамика и костные остатки, и основным материалом остаются кремневые орудия.

Попытки дать общую для всего Казахстана периодизацию неолита (Чернецов, 1953) и выделить археологические культуры (Формозов, 1951; Черников, 1970) признания у специалистов не получили. Исходя из этого обзор неолитических памятников Казахстана будет вестись по территориальному принципу.

Западная группа памятников. На западе Казахстана значительное число стоянок выявлено в Северном и Восточном Приаралье, в древней дельте Сырдарьи и долинах Иргиша, Сагиза и Эмбы (рис. 41, 1–26). Материал в большинстве случаев собран геологами и зоологами на поверхности, в котловинах выдувания среди песков. Только несколько пунктов обследовано археологами (Виноградов, 1959).

Преобладающий тип изделий на стоянках – орудия из пластины длиной 3–5 см, шириной – 0,5–1,2 см, концевые скребки, лезвия с заостренным ретушью рабочим краем, пластинки с притупленной спинкой, косые острия, реже – резцы и наконечники стрел. Среди послед-

них встречаются короткие, с усеченным основанием и длинные асимметричные – кельтеминарского типа. Их дали стоянки Саксаульская (Формозов, 1959б), Шулкум (Виноградов, Кузьмина, Смирин, 1973) в Приаралье, Ак-Кум на Сагизе и Кок-Тубек на Эмбе (Формозов, 1950а; 1951). Большинство наконечников имеет двустороннюю обработку и выемку в основании. На стоянке Агиспе в Северном Приаралье есть серия трапеций (Формозов, 1949). Единичные трапеции найдены в Саксаульской и Шулкуме. Нуклеусы в основном конические с односторонней и – реже двусторонней или круговой обработкой.

Среди стоянок намечаются две группы. В первой – пластинчатые орудия изготовлены из яшмы, халцедона, кремня, во второй – из кварцита и имеют более грубый характер. Встречаются крупные, широкие пластины, массивные наконечники дротиков. На стоянке Ак-Кум на Сагизе вместе с орудиями из пластин найдены шлифованные клиновидные топоры. Предполагается, что стоянки с кремневым инвентарем древнее стоянок с кварцитовым. Там уже нет геометрических орудий, и ранняя микролитическая техника уступает место иной.

Фрагменты керамики с этих стоянок содержат в тесте примеси толченой раковины и – реже – растительные или дресвы. Сосуды были круглодонными и слабопрофилированными. Орнамент обычно штампованный: зигзаги и елочки из гребенчатых отпечатков, иногда оттиски шагающей гребенки. Меньше применялись прочерченные узоры из волнистых линий, насечки, оттиски гусеничного штампа. Орнаментировалась вся поверхность сосуда.

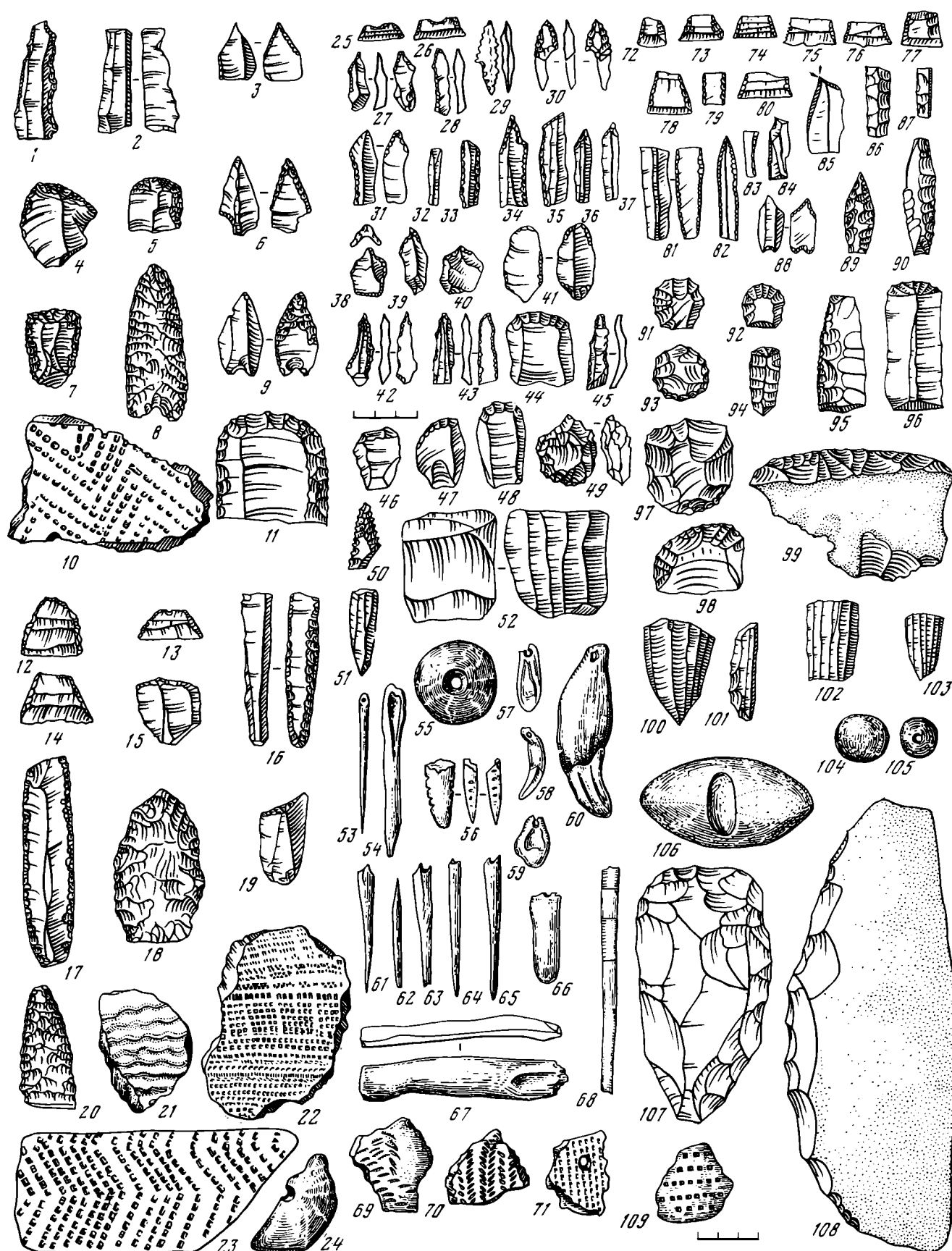

Рис. 41. Материалы Западной (1–24), Южной (25–71) и Центральной (71–103) групп памятников Казахстана

1, 3, 4, 9, 10 – Кара-Ой; 2 – Иргиз; 5 – Сага; 6–8, 11 – Ак-Кум-Сагиз; 12–16, 18, 19, 22 – Агиспе; 17, 20, 23 – Саксаульская; 21, 24 – Приаральские Каракумы; 25, 26, 31–41, 44, 46–48, 52 – Таскотан; 27–30,

42, 43, 45, 49–51, 53–71 – Караунгур; 72, 73, 82–84, 86–88, 90, 94, 95, 98, 104–106 – Караганда 15 (слой 3); 74, 78–80, 91–93, 96, 97 – Караганда 15 (слой 4); 75–77, 81, 85, 89, 99–103, 107–109 – Зеленая Балка 4

А.А. Формозов (1949) отнес стоянки Западного Казахстана к кельтеминарской культуре. А.В. Виноградов (1968б), не отрицая черт сходства между стоянками этого района и Хорезма, обратил внимание и на различия.

Вероятно, следует говорить о кельтеминарской культуре Хорезма и о большой кельтеминарской культурной общности, охватывающей и Хорезм, и Западный Казахстан. При этом наибольшая близость к памятникам Хорезма наблюдается у стоянок Приаралья и наименьшая – у стоянок Иргиза.

Обитатели стоянок Западного Казахстана занимались в неолите, видимо, охотой, рыболовством и собирательством. В Саксаульской на поверхности найдены кости как диких (джегитай, джейран, сайга), так и домашних (бык, овца) животных. Это может указывать на переход местного населения от охоты к скотоводству. Однако нет твердой уверенности в принадлежности костей к тому же комплексу, что и каменные орудия.

Южная группа памятников. На южных и северных склонах хребта Каратау Х.А. Алпысбаев (1969; 1972а; 1972б; 1977) обнаружил ряд неолитических стоянок. Особенно важен пещерный памятник Караунгур в 56 км северо-восточнее Чимкента. При раскопках выявлено пять культурных слоев. В неолитическом – обнаружены очаги округлой формы, углубленные на 20 см. Встречены (рис. 41, 27–30, 43, 45, 49, 51–53) карандашевидные и конусовидные нуклеусы, микропластинки с притупленным краем и скошенным концом, проколки, выемчатые пластины, скребки на отщепках, наконечники стрел кельтеминарского типа, трапеции, каменные песты. Среди костяных орудий (рис. 41, 53–54, 61–67) – иглы, шилья, лощила, зубчатый штамп, обломки скребковых инструментов из лопаток животных. Керамика представлена круглодонными сосудами, окрашенными красной краской. Прием окраски сосудов, видимо, появился здесь не без влияния раннеземледельческих районов Средней Азии. Верхняя часть некоторых сосудов орнаментировалась зубчатым штампом, узорами в виде елочек, вертикальных полос и т.п. Найдено пять фигурок из фаланг диких животных, костяные подвески и бусы, клыки с нарезным орнаментом (рис. 41, 55, 56, 57–60, 68), украшения из створок раковин. Определены кости лисы, дикой свиньи, архара, марала, косули, медведя, оленя, дикого быка, зайца, фазана, кеклика, черепахи, а также собаки и предположительно домашнего быка (Макарова, 1973).

По материалам пещеры Караунгур и стоянки Таскотан в Кызылкумском р-не Чимкентской обл., где на поверхности собраны типичные изделия из кремня и отходы кремнеобработки, можно говорить о близости каменного инвентаря и керамики данного района к материалам Джанбас 4 и других стоянок Акчадарьинской дельты. Это позволяет включать юг Казахстана в кельтеминарскую культурную общность. Отмечается и сходство стоянок Южного Казахстана с дарьсайскими. Показательны “рогатые трапеции”, представленные в обоих районах (рис. 41, 25, 26, 31 – 41, 46 – 48, 52).

Центральная группа памятников. К этой группе отнесены стоянки Кара-Тургай, Караганды, Джезказгана, Бетпак-Далы и Прибалхашья. Здесь выявлено около 200 местонахождений. В бассейне р. Кара-Тургай известно свыше 40 стоянок. На двух (4 и 5) сохранился культурный слой (Чалая, 1969; 1970; 1971). Техника расщепления камня пластинчатая, микролитического типа. Нуклеусы имеют призматическую и клиновидную форму, одну скошенную подправленную площадку. Имеются также микропластинки с притупленным краем, со скошенным концом и с ретушью на краях, пластины с выемками, со специально выделенным концом или головкой. Есть скребки концевые, хотя преобладают орудия на отщепках. Единично представлены миниатюрные трапеции, проколки, сверла, резцы. Много двусторонне обработанных наконечников стрел и копий.

Стоянка 4 расположена на I надпойменной террасе левого берега р. Кара-Тургай. В сохранившемся культурном слое вместе с кремнем обнаружены фрагменты сосудов с примесью крупнозернистого песка. Венчики отогнуты, орнамент только у горловины и нанесен отступающей палочкой. Стоянка 5 залегала ниже стоянки 4, на глубине 2,8 м от дневной поверхности и, следовательно, древнее ее.

Стоянки Тактайкопир 1 и 2 расположены на берегу р. Сарыюзен. Найдены скребки из отщепов и пластин, пластины с ретушью, обломки двусторонне обработанных наконечников стрел, фрагменты керамики, кости животных. Сосуды с примесью песка в тесте. Шейки прямые или слегка отогнутые наружу. Обнаружен сосуд бомбовидной формы без орнамента. Ряд сосудов был украшен горизонтальными поясами насечек и ямочными вдавлениями. Стоянки Сарыкоп 1 и 2 близки по составу и характеру инвентаря. В пункте 2 найдена керамика, украшенная треугольниками, ромбами, вертикальными и горизонтальными зигзагами. Эти узоры оттиснуты гладким и зубчатым штампом или прочерчены (Логвин, 1976).

Стоянки Северо-Восточного Прибалхашья известны по сборам в местах у родников и пересыхающих речек. По данным Л.А. Чалой (1971), для них характерна пластинчато-отщеповая индустрия, в которой орудия из пластин и отщепов представлены равным процентом. Имеется одна “рогатая” трапеция.

Для джезказганской группы стоянок, охарактеризованной Л.А. Чалой (1971), типичны два вида стоянок – долговременные, приуроченные к речным террасам, и кратковременные у родников. Для родниковых местонахождений характерны макроформы: крупные массивные орудия, оформленные грубой ретушью, единичные пластины. Вкладышевые изделия отсутствуют, за исключением одной трапеции. Инвентарь речных стоянок представлен, наоборот, микролитическими формами, изготовленными из ножевидных пластин и сечений.

В Бетпак-Дале ряд местонахождений обследовал А.К. Акишев (1976). На стоянке Белеуты I в Карсапайском р-не Джезказганской обл. собраны призматические нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, проколки, двусторонне обработанные листовидные наконечники

стрел, крупные ножи на пластинах с боковой выемкой. Есть шлифованный топор и несколько грубых скребел. Фрагменты керамики имеют растительные примеси и дресву. В районе Караганды исследовано несколько десятков стоянок: кратковременные стойбища, расположенные в песках у родников, не сохранившие культурного слоя (Карабас, Спасск и др.) и долговременные поселения (Караганда 15 и Зеленая Балка 4). Последние исследованы раскопками (Клапчук, 1965; 1969; 1970).

На стоянке Караганда 15, в 10 км к югу от города, М.Н. Клапчук выделяет шесть слоев эпохи неолита и палеометалла. В VI–V горизонтах обнаружены две полуземлянки глубиной 0,6 м, размером 8 × 1 м, а два других жилища – во II культурном слое – наземного типа, овальные в плане, размерами 8 × 3 и 3 × 2 м, с полами, покрытыми плоскими плитами. В ходе раскопок собрано свыше 6000 каменных изделий (рис. 41, 72 – 74, 78 – 84, 86 – 88, 90 – 98, 104 – 106). Наиболее насыщен третий горизонт. 74,5% орудий составляют скребки, изготовленные преимущественно из отщепов (84,5%). Наконечники стрел треугольной формы с вогнутым или овальным основанием, с черешком и листовидные. Наконечники копий или дротиков двусторонне обработанные, листовидные. Встречаются трапеции, резцы, проколки, микропластинки с притупленным краем, двусторонне обработанные топоры и тесла, выпрямители для древков стрел, каменные бусины. Керамика невыразительна.

По определению Н.К. Верещагина, Э.А. Вангенгейм, Б.С. Кожамкуловой, кости из VI–IV горизонтов принадлежат диким животным: бизону, быку, лошади, а из III–II – домашним: корове, овце, лошади.

Группа стоянок исследована экспедицией Целиноградского областного музея в среднем и нижнем течении р. Кулан-Утпес на северо-восточных отрогах Улутауских гор, в верховьях р. Атасу, на оз. Ангренсор. Выявлено около 50 местонахождений на песчаных буграх и сопочниках (Актюбе, Атинтай и др.) и несколько долговременных стоянок, на которых выявлен культурный слой, – Ангренсор 2, Карагуен 3, Жанбобек 4, Кара-Тюбе 2, Атинтай 2 (Волошин, 1975; 1976). Мощность культурных отложений – 30–50 см. Обнаружены кремневые изделия, кости животных, фрагменты керамики без орнамента. Среди орудий трапеции, наконечник стрелы треугольной формы и с выемкой в основании, скребки, ножевидные пластины, сечения. Интересен клад кремневых предметов, обнаруженный в специальной яме на стоянке Атинтай 2.

В культурном отношении памятники Центрального Казахстана нельзя считать чем-то единым ни по используемому сырью, ни по технике расщепления, ни по составу инвентаря, ни по керамике. В каратургайской группе стоянок заметно влияние микролитической техники, хотя большая часть орудий изготовлена из отщепов, в том числе скребки и выемчатые изделия.

Группа памятников в Северо-Восточном Прибалхашье характеризуется индустрией на отщепах с минимальной долей пластинчатости и микролитонидности.

Труднее охарактеризовать стоянки Бетпак-Далы, целиноградской и джезказганской групп. Материал из этого района находит аналогии в инвентаре Прибалхашья и в каратургайских памятниках, так что Л.А. Чалая (1971)

выделяет даже каратургайско-балхашский ареал. По ее мнению, прибалхашские и каратургайские стоянки оставлены одними и теми же племенами, совершавшими длительные переходы во время сезонной охоты. Если это так, то памятники джезказганской группы и Бетпак-Далы, расположенные на пути перемещения охотников, оставлены теми же племенами. С.С. Черников (1970) также полагал, что Тургай и Бетпак-Дала были заселены одними и теми же племенами, но в разное время года. Сложнее с джезказганской группой, представленной двумя типами материала, различающимися по техническим традициям в изготовлении орудий. Возможно, стоянки с микроинвентарем следует относить к тургайско-балхашскому ареалу, а с макролитическими формами рассматривать как памятники иного культурного круга или позднего хронологического этапа.

В карагандинской группе также обнаружены памятники с пластинчато-отщеповой индустрией, характеризующейся микролитической техникой. Это местонахождения в бассейне рек Кенжебайсай, Коктас и Карасай (Клапчук, 1965). Преимущественно индустрией на отщепах с небольшой долей пластинчатости и микролитонидности отличаются стоянки правого берега р. Сары-Су и оз. Сары-Узень, насыщенные макроорудиями. Л.А. Чалая (1971) выделяет особый карагандинский ареал.

В хозяйстве неолитических обитателей Центрального Казахстана особую роль играла охота на копытных, преследуя которых, они совершали длительные переходы. На определенном этапе развития уже было известно скотоводство, о чем могут свидетельствовать находки костей домашних животных в поселениях Караганда 15 и Зеленая Балка 4.

Восточная группа памятников. К восточной группе отнесены стоянки Восточно-Казахстанской и Семипалатинской обл. Их свыше 40. Среди них долговременные многослойные поселения (Усть-Нарым, Мало-Красноярка, Трушниково) и следы кратковременного обитания, представленные подъемным инвентарем.

Поселение Усть-Нарым расположено в Большенарымском р-не Восточно-Казахстанской обл., в 1 км от современного русла р. Иртыш. В 1952–1956 гг. С.С. Черников (1970) вскрыл здесь 800 кв. м. Верхний слой относится к андроновской культуре, нижний – к неолиту, между ними – стерильная прослойка (0,7–1,2 м). Неолитический слой залегал на глубине 1,7–2,2 м от поверхности, толщина его 0,80–1,30 м. Вскрыты остатки пяти жилищ, 25 очагов, 19 хозяйственных ям. Жилища прослеживались в виде темных пятен. Следы каких-либо конструкций не сохранились. Отчетливо выделялись остатки жилищ размером 7 × 2–3 м, где обнаружены четыре очажных пятна и две хозяйственные ямы, заполненные рыбьими костями. По предположению С.С. Черникова, это были шалашеобразные постройки или чумы. Пять очагов имели каменные вымостки.

Коллекция Усть-Нарыма включает около 16 тыс. орудий и свыше 400 тыс. отщепов и осколков кремнистых пород (Коробкова, 1969). Найдены микропластинки с притупленным и заостренным краем, проколки, отбойники, ретушеры, абразивные инструменты, тесла, топоры, долота, скобели, вкладыши серпов, ножи на

крупных пластинах с двусторонней обработкой, сверла, наконечники стрел и копий. Больше всего скребков – 250 экз. Преобладают скребки на отщепах, есть плитчатые в виде диска. Костяные орудия представлены оправой для вкладышевого однолезвийного ножа, шильями, иглами, игловидным наконечником копья длиной 18,5 см, кинжалом с двумя продольными пазами, ножами для чистки рыбы, лощиком, скребковым орудием, игольником. Украшения служили просверленные раковины. Керамика тонкостенная, с примесью песка и слюды в тесте, украшенная горизонтальными оттисками зубчатого и гладкого штампов, елочкой, сеткой, вертикальными насечками, вдавлениями.

Определены кости домашней овцы и козы и диких животных: быка, марала, косули, кабана, бобра, лисы, сурка.

В юго-западной части поселения Усть-Нарым обнаружены два погребения. В одном похоронены пожилой мужчина и подросток. Под ребрами подростка найден составной кинжал. В другом – в скорченном положении на спине погребен мужчина без инвентаря. Антропологический тип погребенных европеоидный.

Коллекции из Усть-Нарыма, Мало-Красноярки, Трушниково и с Семипалатинских дюн идентичны по технике расщепления камня, вторичной обработке, набору орудий, орнаментации керамики, что позволяет говорить об их однокультурности. С.С. Черников (1970) и Г.Ф. Коробкова (1969) пишут поэтому об особой усть-нарымской культуре, объединяющей памятники Восточного Казахстана. Эта культура складывалась в контакте с кельтеминарской культурной общностью (о чем свидетельствуют наконечники стрел, микропластинки с притупленным краем, со скошенным верхним концом, мотивы орнаментации керамики), с сибирским (прибайкальско-забайкальским) и алтайским неолитом (идентичны сырье, приемы расщепления камня и оформления некоторых заготовок, типы нуклеусов, в том числе двусторонне обработанные, уплощенные ядрища, скобели на сланцевых плитках, наконечники стрел двусторонней отделки, оправы составных ножей, кинжалов, вкладыши в виде прямоугольников, оформленные сплошной ретушью с двух сторон, стержни от рыболовных составных крючков, плитчатые орудия, костяные изделия). Большое сходство материалы Усть-Нарыма обнаруживают и с неолитом Центрального Казахстана (общность форм нуклеусов, рубящих двусторонне обработанных орудий, выпрямители для древков стрел, форма скребков, плитчатые изделия, идентичная обработка пластин и микропластин). Отдельные черты сходства можно заметить и с южноуральскими неолитическими комплексами (ножи в виде сапожной колодки, дисковидно-плоские сланцевые скребки, выпрямители для древков стрел). Эти аналогии Л.Я. Крижэвская (1968) объясняет существованием большой единой южноуральско-казахстанской этнокультурной общности, распадавшейся на варианты, соответствующие археологическим культурам. С.С. Черников (1970) ставил вопрос о генетической связи усть-нарымской и андроновской культур. Время существования усть-нарымской культуры – поздний неолит; в абсолютных датах – III тыс. до н.э. (Окладников, 1956; Черников, 1970; Коробкова, 1969). Хозяйство усть-нарымских пле-

мен было основано на охоте, собирательстве и рыболовстве, меньшее значение имели скотоводство и земледелие.

Северная группа памятников. В пределах Северо-Казахстанской, Кустанайской, Кокчетавской, Целиноградской и Павлодарской областей выявлено более 200 неолитических памятников. Здесь, в условиях лесостепи, поселения имели более долговременный характер, чем в южной пустынной части республики. Отмечены четкие культурные слои, остатки жилищ.

В Кустанайской области известна серия разрушенных стоянок, давших большой подъемный материал. Стоянка на оз. Светлый Джаркуль содержала много наконечников стрел на пластинках и двусторонне ретушированных с выемкой в основании. На фрагментах керамики – отпечатки шагающего гребенчатого штампа. Около стоянки на глубине 2 м обнаружено погребение, сопровождавшееся ножевидной пластиной с ретушью, двусторонне обработанным орудием и полированным сверленным молотом (Формозов, 1956).

В конце 70-х годов в северной части Тургайского прогиба, расположенного в Кустанайской области, открыто свыше 10 памятников, объединенных В.Н. Логвиным в маханджарскую культуру (Логвин, 1980. С. 17). Определяющей стоянкой является Соленое озеро 2, где сохранился культурный слой. На площади распространения находок обнаружена линза темно-серого – черного песка, менее насыщенная артефактами, чем окружающее ее пространство. По предположению В.Н. Логвина (1982. С. 149), она могла быть остатками жилой площадки. В результате раскопок Соленого озера 2 и сборов подъемного материала на других месторождениях получена богатая коллекция керамики и кремневых изделий.

Посуда содержит примесь песка, обе поверхности сохраняют следы выглаживания щепкой или пучком травы. Для керамического комплекса типичны сосуды вытянутых пропорций с шиповидным дном, высокой отогнутой наружу шейкой, загнутым внутрь венчиком. Поверхность украшалась вертикальными и горизонтальными прочерченными линиями или зигзагообразными полосками, нанесенными зубчатым штампом. Рисунок располагался на шейке, плечиках и придонной части зонами, разделенными продольными колонками. Встречаются фрагменты с зубчатой качалкой, образующей горизонтальные пояса или зоны из вертикальных линий.

В наборе типов кремневых изделий концевые скребки на пластинах и отщепах, выемчатые изделия, пластины с притупленным краем, скошенным концом. Имеются параллелограммы, симметричные и асимметричные трапеции и треугольники, угловые резцы, сверла, двусторонне обработанные наконечники стрел, обломки шлифованных орудий, выпрямитель древков стрел, обломки дисковидного пряслица. В.Н. Логвин сопоставляет кремневую индустрию маханджарской группы со слоями 5а и 4 Джебела, а керамику – со стадияльно близкой посудой сурско-днепровской (сурской) культуры Украины, датированной V – началом IV тыс. до н.э. По орнаментальным мотивам и технологии В.Н. Логвин сближает керамику маханджарской группы с керамическим комплексом нижнего слоя стоянки Ташково I (Варацкин, Ковалева, 1979. С. 212). Приведенные отдаленные параллели

могут служить лишь некоторым ориентиром в определении относительного и абсолютного возраста рассматриваемых памятников. Столь же ориентировочно и выделение особой маханджарской культуры, статус которой требует дополнительного обоснования.

Памятники Петропавловского Приишимья выделяются в особый Явленский микрорайон. Тут изучено 28 пунктов, расположенных на II надпойменной террасе правого берега р. Ишим (Зайберт, 1979). На стоянке Явленка VI (вскрыто 72 кв. м) обнаружены следы наземного жилища площадью 16–18 кв. м, со столбовой конструкцией. Орудия сделаны из яшмовидной породы. Нуклеусы конические и призматические. Из пластин изготовлены скребки, ножи, трапеции, из отщепов – скребки, ножи и скобели. На недалеко расположенных стоянках Вишневка II, Мичуринское Ia пластинчатых форм меньше и больше двусторонне обработанных изделий. Вероятно, это более поздние памятники.

Керамика везде очень фрагментарна. В Явленке VI и аналогичных стоянках она орнаментирована шагающей гребенкой и ямочными вдавлениями. В поздних стоянках в орнаментации наблюдается зональность узоров, нанесенных гребенчатым штампом, отступающей палочкой, прочерчиванием.

В Кокчетавской области изучен Виноградовский микрорайон на р. Чаглинке, ее притоках и старицах. Около 60 стоянок приурочено к старице Балга-Карасу между пос. Виноградовка и Берлик. На стоянке Виноградовка II при раскопках выделено два слоя: мезолитический на глубине 80–90 см и неолитический на глубине 40–50 см, разделенные стерильной прослойкой суглинка. В неолитическом слое найдены орудия преимущественно из пластин – скребки, резцы, скошенные острия. Керамика тонкостенная, орнаментированная гребенчатым штампом.

На стоянке Виноградовка X (вскрыто 635 кв. м) обнаружены следы округлого жилища площадью 30 кв. м, ямы от столбов и хозяйственные. Среди каменных изделий (2000 экз.) преобладают пластинчатые – скребки, резцы, скобели. Единичны симметричные трапеции, наконечники стрел. Выразительны массивные ножи и скребла на отщепах. Керамика тонкостенная, украшенная отпечатками шагающей гребенки и легкими наклонными ямочными вдавлениями. Видимо, Виноградовка X – более поздний памятник, чем вышеописанные.

Тельманский микрорайон расположен у пос. Тельмана Атбасарского р-на Целиноградской обл. Стоянки размещены на I надпойменной террасе Ишима и его правых притоков – Жабай, Ащилы, Аршалы и др. Раскопано восемь памятников. Стоянка Тельмана X исследована полностью (1872 кв. м). В раскопе зафиксировано свыше 200 столбовых и хозяйственных ям. Столбовые – глубиной 5–15 см, диаметром 15–20 см, хозяйственные – глубиной 20 см, диаметром 40–70 см. Следы жилищ являются, видимо, неглубокие западины в слое, где концентрируются столбовые ямы. Орудия изготовлены из серой или светло-коричневой яшмовидной породы валунного происхождения. Нуклеусы конические, клиновидные, призматические. Пластины и изделия из них составляют 20% коллекции. Много концевых скребков, пластин со скошенным краем, трапеций (82 экз.). Есть сверла, про-

колки, провертки, резцы угловые и боковые, скобели. Из отщепов делали в основном скребки. Из сланца, песчаника, известняка изготовлены топоры, ретушеры, отбойники. Керамика тонкостенная, слабого обжига, с примесью дресвы, песка и растительности. Сосуды яйцевидные, открытые, диаметром 14–18 см, украшены по всей поверхности гребенчатыми отпечатками и мелкими ямочными вдавлениями.

Пункт Тельмана I расположен у небольшого левого притока р. Ишим в 2,5 км к юго-востоку от поселка. В раскопе (776 кв. м) отмечены 18 неглубоких ямок, связанных, скорее всего, с легкой постройкой типа навеса, и очажное пятно. Это не поселение с долговременными жилищами, а мастерская по обработке камня. Выделено пять рабочих площадок, состоящих из мощных (на площадке 2 × 4 кв. м до 2000 предметов) скоплений расколотого камня и единичных ударных инструментов – отбойников, ретушеров, молотов, абразивных плиток и наковален. Материал в целом идентичен собранному на стоянке Тельмана X.

Стоянка Жабай-Покровка I на берегу оз. Жабай исследована полностью (420 кв. м). Найдены орудия из яшмовидного кварцита, в основном пластины и орудия из них: резцы, пластины со скошенным краем, резчики, скобели. На керамике отпечатки гребенчатого штампа.

В.Ф. Зайберт (1979) объединяет исследованные памятники в особую атбасарскую культуру с двумя локальными вариантами – тельманским и явленским – и намечает такую периодизацию памятников (рис. 42):

I. Ранний неолит: Тельмана I, X, VIII б, XIV, Жабай-Покровка I, Явленка VI, VIII, Виноградовка II (верхний слой). В кремневом инвентаре заметна связь с мезолитом, но к микролитическому комплексу добавились орудия с двусторонней обработкой. Посуда тонкостенная, слабого обжига, с примесью дресвы, крупного песка или растительных остатков, украшенная отпечатками гребенчатого штампа, волнистыми резными линиями, легкими ямочными вдавлениями, накольчатым орнаментом.

II. Развитой неолит: Тельмана XII, XV, Виноградовка X, Явленка IV, V, Кокуй I. Микролитическая пластинчатая индустрия постепенно уступает место орудиям из отщепов, иногда с двусторонней обработкой. Из крупных пластин (шириной до 4 см и длиной до 10 см) делали ножи, наконечники стрел, скобели, скребки. Исчезают резцы, пластины с притупленным краем и скошенным концом. Меньше трапеций. Появляются топоры, тесла, макроформы – скребла, ножи, отбойники, молоты. Керамика сохранилась плохо. При ее изготовлении применяли мелкий песок, дресву, иногда растительные остатки. Сосуды тонкостенные, яйцевидные, украшенные отпечатками шагающей гребенки, волнистыми и прямыми горизонтальными линиями.

III. Поздний неолит: Тельмана IXб, XIII, XIVб, Иман-Бурлук I, Явленка III, Вишневка II. Исчезает пластинчатая техника, большинство орудий изготовлено из отщепов. Появляются плоскодонные сосуды с геометрическим орнаментом (заштрихованные треугольники). Следующую группу памятников (Кенеткуль III, Пестрое I, Карлуга, Вороний остров) В.Ф. Зайберт считает уже энеолитической. Неолит Северного Казахстана он датирует VI – началом III тыс. до н.э. Важны находки костей

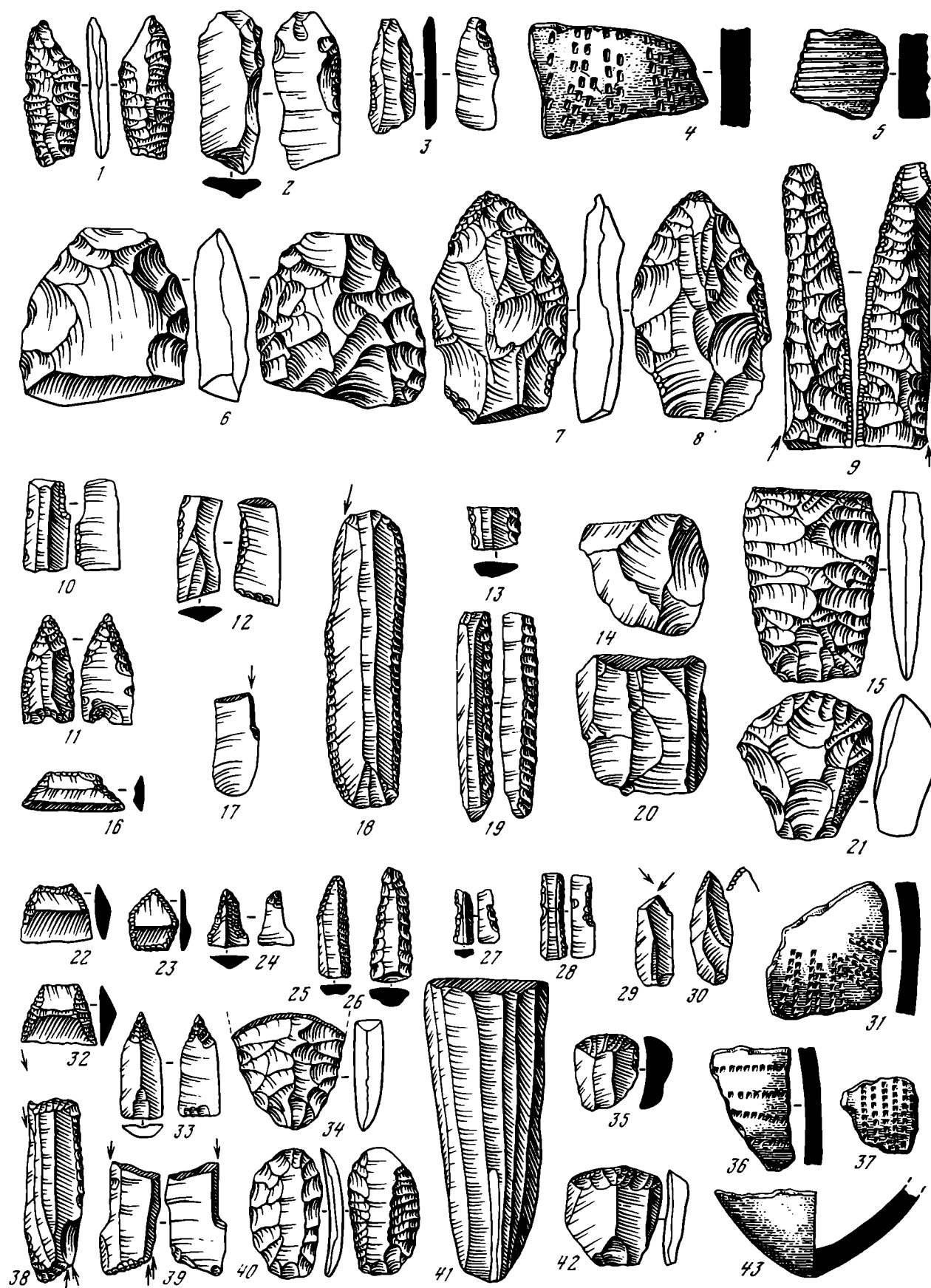

Рис. 42. Неолит Пришимья (по В.Ф. Зайберту)

1, 3, 5-9, 11, 14, 18 - Тельмана I; 2, 4, 10, 13, 15, 19-21 - Тельмана X; 12, 16, 17 - Жабай-Покровка I; 22-26, 30 - Виноградовка X; 27, 31 - Явлен-

ка IV; 28, 29 - Жабай-Покровка III; 32 - Тельмана XV; 33, 35 - Тельмана XII; 34, 36-42 - Тельмана XIII

домашних быка и овцы на стоянках Тельмана I и X, Виноградовка II и X. Всюду присутствуют остатки лошади, но неясно, дикой или домашней (определения В.П. Данильченко).

К востоку от рассматриваемого района выделяется изученная Л.А. Чалой (1970) новошувальбинская группа стоянок на правом берегу Иртыша, в бассейне р. Новая Шувальба, включающая пять дюнных местонахождений, отстоящих друг от друга на 500 м. Местонахождение 1 характеризуется микроинвентарем, изготовленным из речных галек. Встречены пластины и их сечения, в том числе с выемками, с заостренным концом, скошенным верхним краем и притупленной спинкой, двусторонне обработанные наконечники стрел подтреугольной формы с вогнутым основанием, концевые скребки на пластинах и отщепках. Фрагменты керамики невыразительны. На местонахождении 2 вместе с аналогичным материалом найдены трапеции симметричных очертаний и микроскребки. В пункте 3 хорошо сохранилась керамика из светлой глины с примесью песка. Венчики прямые или слегка отогнутые наружу. Сосуды орнаментированы гребенчатым штампом, вдавлениями, образующими зигзагообразные линии. Местонахождение 4 аналогично по инвентарю местонахождениям 1–3. Л.А. Чалая отмечает сходство этой группы памятников с материалами Усть-Нарыма, В.Ф. Зайберт считает новошувальбинские стоянки смешанными.

В Прииртышье Л.А. Чалая (1971, 1972) изучила еще два памятника. Стоянка Пеньки 1 расположена в 200 км к северо-востоку от г. Павлодара, на границе с Омской обл. Исследователь отмечает наличие остатков культурного слоя и говорит о непереотложенности материала, с чем не согласен В.Ф. Зайберт. Обнаружены остатки наземного жилища с деревянным каркасом (длина – 15 м, ширина – 7 м). В центре расположен очаг диаметром около 2,5 м, глубиной 30 см, с бортиком из прокаленного песка. Два других очага находились у северной и южной стен жилища. Здесь отмечалась и наибольшая концентрация находок. Обнаружено свыше 7500 каменных предметов и 18 фрагментов керамики.

Среди находок преобладают скребки на пластинах и отщепках, пластины с притупленным краем, скошенным концом, с выемками, наконечники стрел треугольной формы с выемчатым или прямым основанием. Есть 25 трапеций симметричной формы (некоторые с выемкой на верхнем крае, отделанные ретушью со стороны брюшка), шлифованные топоры или тесла. Сосуды вылеплены ленточным способом, в качестве отощителя – песок или мелкорубленная трава. Форма их прямостенная, дно округленное или заостренное. Орнамент покрывает всю поверхность. Наиболее часто встречаются волнистые и прямые линии, оттиснутые гребенчатым штампом или отступающей палочкой, и разделенные рядами ямок. Найдены две подвески из клыков, бусины из створок раковин и камня.

Стоянка Пеньки 2 расположена рядом, но гипсометрически выше Пеньков 1. Культурный слой сохранился в виде трех линзовидных пятен прокаленной супеси, оконтуренных зольной полосой и насыщенными находками. Л.А. Чалая (1971) предполагает, что это остатки округлых в плане жилищ. Сырьем для орудий служили кварцит и кремнистый сланец. Типы их другие, чем в

пункте 1: исчезли трапеции, резко сократилось число пластин и вкладышей, наконечники стрел в основном двусторонне обработанные, с глубокими выемками и шипами. Толстостенные плоскодонные сосуды с растительной примесью, дно и наружная поверхность заполнены мелким гребенчатым и ямочным орнаментом в виде треугольников, обращенных основаниями вверх. Изредка встречается накольчатый орнамент.

Найдена каменная шлифованная скульптура головы лося с раскрытой пастью. Шея и нижняя челюсть животного украшены косыми параллельными нарезками.

На территории Северного Казахстана известно несколько неолитических погребений. Наиболее интересное открыто в 1955 г. у с. Железинка, южнее пристани Башмачной (Агеева, Максимова, 1959). Обряд захоронения – неполное трупосожжение. Погребальный инвентарь включал тесло, пять каменных и пять костяных наконечников стрел, три копья, костяное шило. Найдены костяная накладная серповидной формы с мелким зубчатым краем (скорее всего гребенчатый штамп), ожерелье из 21 просверленного клыка животных, 14 подвесок и бус из раковин, две фаланги кулана, окрашенные охрой, три миниатюрных баночных сосуда со сферическим дном, украшенные зубчатым и прочерченным орнаментом, образующим горизонтальные и вертикальные пояса из прямых и волнистых линий, покрывающих всю поверхность сосуда.

Завершая обзор материалов по неолиту Казахстана, мы можем отметить их большое разнообразие. Памятники Приаралья тяготеют к кельтеминарской культуре (типы наконечников стрел, прочерченный волнистый орнамент на керамике). Влияние ее чувствуется и в более северных и восточных районах, но там уже сказывается и воздействие зауральских и западносибирских культур (показательны использование уральских яшм, ямочные узоры на керамике).

В южной и центральной части Казахстана преобладают остатки кратковременных стоянок в пустыне; на севере, в лесостепи – поселки с долговременными жилищами. Это в основном наземные жилые постройки, но есть и полужемлянки. К сожалению, следов строительных конструкций не обнаружено. Форма жилищ подпрямоугольная (Пеньки 1, Тельмана X, Жанбобек), либо округлая или овальная (Пеньки 2, Усть-Нарым, Явленка VI, Виноградовка X). Площадь первых построек 70–105 кв. м, вторых – 20–30 кв. м. Оба типа жилищ бытуют на всем протяжении неолита, в рамках VI–III тыс. до н.э. Генезис их восходит к мезолитическим жилым сооружениям типа Тельмана XIVa. В настоящее время в Казахстане прослеживаются две группы памятников – ранняя и поздняя. В первой каменный инвентарь сохраняет микролитический пережиточно-мезолитический характер (хотя появились и двусторонне обработанные орудия, и керамика). Во второй – микролитическая техника постепенно сходит на нет, широко распространяются изделия из отщепов. В этой группе уже представлены плоскодонные сосуды и кости домашних животных. Для некоторых районов предложены более подробные схемы (например, для Северного Казахстана), но в целом выделение культур и определение их хронологии по этапам для неолита всего Казахстана еще впереди.

ЧАСТЬ II

Неолит лесной зоны

Глава 1

Восточная Прибалтика

Глава 2

Центр Русской равнины

Глава 3

Север Восточной Европы

Глава 4

Серднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье

Глава 5

Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири

Глава 6

Восточная Сибирь и Дальний Восток

Глава 7

Проблемы абсолютной хронологии

Лесная зона Северной Евразии – условное название, обозначающее огромную территорию от Прибалтики на западе до Приморья на востоке, включает тундры без лесов вплоть до побережий Ледовитого океана, собственно зону лесов и лесостепи на юге. Здесь представлены регионы с различными природными и климатическими условиями, в том числе с чрезвычайно тяжелыми для обитания человеческих коллективов, оказавшими определенное влияние на ход исторического развития отдельных групп населения. Некоторые регионы были неравномерно населены, а в наше время остаются недостаточно исследованными в силу удаленности.

В археологии понятие “лесная зона” по существу объединяет целый ряд неолитических культур, находившихся в V–III тыс. до н.э. в примерно одинаковых или точнее, одинаково неблагоприятных для производящего хозяйства природных условиях, экономика которых длительное время опиралась на присваивающие формы хозяйства – охоту, собирательство, рыболовство. Как будет видно из последующего обзора, уровень развития отдельных неолитических культур был различным, что зависело от конкретной природной обстановки, а также от контактов с соседними культурами и от состояния обменных связей с отдаленными высокоразвитыми культурами. Иными словами, важную роль играли передвижения групп населения или племен, известные как миграции древности, приносившие с собой новые передовые достижения того времени, а также имело место передвижение идей, не связанное с подвижками населения.

Неолит лесной зоны изучен неравномерно. Поэтому одни регионы и культуры представлены в неолите только поселениями или временными стоянками, другие только определенными слоями на многослойных памятниках, не во всех культурах известен погребальный обряд, предметы искусства или культа и т.п. При характеристике культур часто основное внимание уделяется описанию керамики и развитию ее орнамента, эти признаки служат основанием при их выделении. При этом нередко отходят на второй план вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью населения и его духовной жизнью. Некоторые очерки предлагают систематику керамики как первый этап исследований культуры, которая пока недостаточно обеспечена фактическими материалами. В самом изучении керамики, которую принято считать основным источником для изучения неолитических культур лесной зоны, наметились более современные подходы в изучении фактического материала, что открывает новые перспективы исследований исторического характера.

Важно отметить, что во многих регионах лесной зоны, таких, как Прибалтика, Север Восточной Европы, Прибайкалье и др., известно и изучено раскопками множество памятников эпохи неолита, получены материалы высокого качества, позволяющие осветить разные стороны жизни древнего населения. Значительная часть из них опубликована. В настоящей работе в ряде очерков представлена эпоха неолита лесной зоны с учетом новейших данных, очерчены культуры и культурно-исторические общности, предложены разработки их хронологии и периодизации.

Глава I

Восточная Прибалтика

Начало интенсивного изучения неолита Эстонии, Латвии и Литвы относится к 50-м годам нашего века. В предшествующий период шло накопление материала за счет случайных сборов и небольших раскопок, главным образом памятников эпохи железа и средневековья*. С созданием институтов истории Академии наук республик Прибалтики широко развернулись полевые исследования, в том числе памятников неолита, появился

ряд публикаций, интерпретация материала показала яркое своеобразие древних культур региона.

В настоящее время появилась возможность расчленивать неолит в хронологическом и этнокультурном отношении, хотя многие из аспектов сложного исторического процесса, протекавшего на этой территории, не имеют однозначного решения.

В раннем неолите в Восточной Прибалтике и на западе Белоруссии фиксируются две археологические культуры – нарвская и неманская*, отражающие некие культурные общности. В развитом неолите на территории Эстонии и основной части Латвии в связи с притоком иноплеменного населения возникает культура типичной гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская)**. В то

* Изучение каменного века в Прибалтике началось в середине XIX в. и связано с именем профессора Дерптского университета К.И. Гревинга, которым собраны и описаны в ряде работ случайные находки и памятники, в том числе известная стоянка Кунда. В 1875–1877 гг. графом К. Сиверсом произведены первые раскопки неолитических стоянок Латвии – холма Риннюкалс и Звейниекс у оз. Буртниеку. В 1896 г. в Риге состоялся X Всероссийский археологический съезд, где в докладе профессора Р. Гаусмана подводились итоги изучения древностей в Прибалтике. С 1922 г. в Латвийском университете существовала кафедра археологии, возглавляемая известным ученым и автором ряда научных трудов М. Эбертом. Его ученик Э. Штурмс успешно продолжил исследования по неолиту и эпохе бронзы, провел раскопки на шести неолитических стоянках еще в довоенный период. В Эстонии в 30-е годы нашего века работал Р. Индреко, производивший раскопки стоянки Кунда, специалист по мезолиту. На территории современной Калининградской области исследование памятников каменного века вел Г. Гросс (здесь и далее примеч. редактора).

* По последним данным ранний неолит датируется V тыс. до н.э., средний – IV тыс. до н.э., поздний – III тыс. до н.э. (см. карты 6–8). В раннем неолите в Восточной Прибалтике известна только группа стоянок нарвской культуры в Восточной Латвии. Неманская культура относится к среднему (развитому) неолиту.

** Культура типичной гребенчато-ямочной керамики была выделена финским ученым А. Европеусом (А. Яюряпя), получила характеристику и историческую интерпретацию в ряде работ (Europeus-Aугрää, 1930. Vol. I. S. 212; Янитс Л.Ю., 1956). Н.Н. Гуриной памятники этого типа названы прибалтийской культурой (Гурина, 1961. С. 77–80).

же время в Литве и Белоруссии продолжают развиваться нарвская и неманская культуры, последние в конце неолита сменяются культурой шнуровой керамики. Наряду с этим в Литве, Калининградской области, Северной и Восточной Белоруссии встречаются отдельные памятники или отдельные находки, свидетельствующие о проникновении сюда небольших групп носителей типичной гребенчато-ямочной культуры, очевидно, оказавшихся затем в изоляции. Вместе с тем в Латвии, в частности в

Лубанской низине, и в северо-восточной Литве в развитом неолите продолжают господствовать традиции нарвской культуры, в силу чего здесь возникает гибридная культура – памятники “типа пиестиня”, которая развивается затем в позднем неолите в культуру типа “Абора”. Исходя из отчетливого преобладания нарвских традиций в новой культуре, мы считаем возможным именовать ее “постнарвской”.

Нарвская культура

Впервые нарвская керамика как особый тип была выделена при исследовании группы стоянок левого берега р. Нарвы (Эстония), названных Нарва I, II и III (Гурина, 1955)**. Позднее при исследовании стоянки Акали и Нарвы (город), давшей вертикальную стратиграфию, Л.Ю. Янитс отнес этот тип керамики к раннему неолиту (Янитс, 1959; 1966). Впоследствии были открыты новые памятники с такой керамикой в Эстонии – Кяэпа (Jaanits L., 1965), в Латвии – Оса (Загорскис; 1967), в Литве – Швянтойи (Римантиене, 1973; Rimantiene, 1979) и выделена ранне-неолитическая нарвская культура (Гурина, 1967, 1973а).

Нарвская культура занимала юго-западную часть Ленинградской области, Эстонию, Латвию, северную и восточную Литву, север Белоруссии, верховья Западной Двины в пределах Псковской области (карта 7). Некоторые исследователи выделяют в западной Латвии особую сарнатскую культуру (Ванкина, 1970; Ванкина, Загорскис, Лозе, 1973), тогда как другие (Гурина, 1967; Jaanits L., 1968; Rimantiene, 1979) относят их к особому западному варианту нарвской культуры.

Не вполне решен вопрос с памятниками верховья Западной Двины и Северной Белоруссии. Исследованные

здесь поселения – Усвяты IV (слой Б), Наумово и Сертея выделяются в усвятскую культуру (Микляев, 1971а; Долуханов, Микляев, 1979), в то время, как другие исследователи (Гурина, 1967; Jaanits L., 1968; Чернявский, 1971; Rimantiene, 1979) считают их одним из вариантов нарвской культуры. Однако, как бы не решался вопрос в деталях, бесспорной остается близость в раннем неолите населения этого региона в этнокультурном отношении. На территории Литвы и северной Белоруссии нарвская культура соприкасалась с неманской и сосуществовала с ней.

В настоящее время известно значительное количество памятников нарвской культуры, часть которых содержит чистые или почти чистые комплексы. Среди поселений Эстонии – Нарва I, III, Нарва-город (слой I), Кяэпа и другие. На территории Латвии большое количество стоянок сосредоточено в восточной части – Лубанской низине, на побережье озера Лудза и р. Двиете. Особенно велика концентрация их на северном побережье Лубанского озера. Здесь И.А. Лозе и Ф.А. Загорскисом исследовано более десятка первоклассных памятников, в том числе торфяниковые. Среди них – Оса, Звейсалас, Звидзе и др. В Западной Латвии – наиболее известны Сарна-те, Леясцискас, Пурциемс. В Литве нарвская культура в западной части представлена группой памятников Швянтойи, в восточной – памятниками у оз. Крятуонас. В северной Белоруссии – поселениями Зацепье, Кривина, Кривина III и Осовец (Асавец) II. В верхнем течении Западной Двины известны поселения Усвяты IV, Наумово, Сертея. Крайнее положение занимают стоянки южного Приладожья – Ладожская, Березье, Сяберская III и Мерево на юге Ленинградской области, а также Коломцы на оз. Ильмень.

Имея широкий территориальный и хронологический диапазон, нарвская культура включает различные памятники, обладающие своеобразными чертами, отражающими хронологические и этнографические особенности. При этом, естественно, наибольшее сходство прослеживается между синхронными территориально близкими памятниками. Основанием для хронологического членения служат радиоуглеродные даты и стратиграфия.

Среди характерных черт нарвской культуры можно назвать ограниченность кремневой индустрии и отсутствие устойчивых типов орудий, которые изготовлены из местного кремня, обычно низкого качества (сырьем служили мелкие галечки). На большинстве стоянок кремне-

* Л.Ю. Янитсом в рецензии на настоящую статью высказано мнение, заслуживающее пристального внимания. Исследователь полагает, что в конце среднего и позднем неолите в разных районах Прибалтики возникли локальные группы с метисным населением, в материальной культуре которых в различной степени проявлялись элементы культуры гребенчато-ямочной керамики и нарвской, а также вскоре шнуровой. В Лубанской низине Восточной Латвии сложилась одна из таких групп, памятники которой в последние годы хорошо исследованы. Им весьма близок материал поздне-неолитических стоянок юго-восточной Эстонии (Тамула), а также некоторых стоянок Северной Латвии (Риннюкалнс). Все эти стоянки в позднем неолите принадлежали к одной культурной группе. Вторая такая существовала, в частности, на острове Сааремаа (стоянки Наакамаяз, Ундва, Лоона), а третья – в Западной Латвии. В Литве сложились свои местные группы. По происхождению все они гибридные (близко тексту).

** Следует отметить, что нарвская керамика найдена еще в 1938 г. Р. Индрекко на поселении Акали. При раскопках группы стоянок Нарва-Рийгикюла, Н.Н. Гурина выделила две группы керамики – с органическими примесями и с примесью кварца, по орнаментации и прочим признакам различия не отмечались. Оба типа керамики найдены на всех памятниках, при этом стратиграфические слои не выделялись. Все поселения, Нарва I, II, III, датированы поздним неолитом, II тыс. до н.э. (Гурина, 1955). Тогда же Л.Ю. Янитсом выделена самостоятельная группа ранне-неолитических памятников с керамикой нарвского типа и установлено, что эта керамика залегала глубже, чем типичная гребенчато-ямочная, что прослежено на нескольких поселениях. Нарвская керамика отнесена к раннему неолиту и датирована серединой III тыс. до н.э. (Янитс Л.Ю., 1956. С. 152).

вые орудия единичны, что резко отличает эту культуру от соседней неманской и других культур лесной зоны. При этом особенно малочисленны они в Эстонии, где отсутствуют выходы кремня. В отдельных случаях орудия изготавливались здесь из кварцита, кремень использовался преимущественно для мелких скребков. Крупные сланцевые орудия иногда заменялись уплощенными гальками подходящей формы, пришлифованными со стороны лезвия.

В отличие от бедной кремневой индустрии, для нарвской культуры характерны многочисленные костяные и роговые орудия, в большей мере унаследованные от мезолита. Встречаются роговые мотыги и топоры с отверстиями для крепления рукояти или без них, долота, пришлифованные с одного или обоих концов, орудия с рабочей частью, срезанной под углом 45°, изготовленные из метаподий парнокопытных, шилья, проколки, кочедыки, иглы для плетения сетей, бытовые предметы, а также масса пробитых фаланг парнокопытных. На раннем этапе нарвской культуры (Оса) орудия охоты и рыболовства имеют много общего с орудиями позднего мезолита. Они представлены гарпунами с отверстиями или расширением в тыльной части, копьями с односторонними или двусторонними шипами, копьями с гладким пером и черешком, листовидными, игловидными и биконическими наконечниками стрел, длинными копьями и крупными кинжалами с изогнутым острием (Загорская, 1983). Часто встречаются цельные и составные рыболовные крючки, обычно жало их лишено бороздки, некоторые снабжены головкой с отверстием.

Для среднего этапа нарвской культуры известно меньше костяных орудий охоты и рыболовства, однако еще сохраняются изделия, имеющие мезолитические черты, а некоторые доживают до позднего неолита (Абора, Риннюкалнс и др.). На таких памятниках по-прежнему встречаются биконические, листовидные и игловидные наконечники стрел, зубчатые наконечники копий, небольшие однорядные и двурядные гарпуны. Много рыболовных крючков, особенно составных. Продолжают бытовать кинжалы из локтевых костей лося и благородного оленя или из расщепленных трубчатых. Подобные орудия прослеживаются и на периферии нарвской культуры в Восточной Литве – Жямайтишке 1, 2, Крятуонас 1 Б, Пакрятуоне 1Б, Яра 1, 2, 3 (Гириникас, 1985), а также в Северной Белоруссии – Осовец II, Кривина (Чернявский, 1969, 1978, 1979) в верхнем течении Западной Двины.

Основная масса сосудов нарвской культуры имеет примесь толченой раковины или растительности, внешняя и внутренняя (или только внутренняя) поверхность покрыта расчесами. Имеется две формы сосудов – остродонные крупные горшки и небольшие, чаще овальные миски (лампы?) с плоским дном. Остродонные сосуды на восточной части территории полуяйцевидной формы, с прямым или утонченным краем, острым или шиповидным дном, заполненным глиняной массой. Многие сосуды изготовлены с помощью узких лент, наклепываемых одна на другую “встык”, таким образом, что округлый край одной ленты вдвигается в вогнутый край следующей глиняной ленты. Этот технический прием присущ преимущественно керамике поселений, расположенных

в северной части ареала нарвской культуры – в Приладожье, Эстонии, части Восточной Латвии, встречается и в Литве. Устойчивым признаком является такая деталь, как отверстия, просверленные по сухой глине с целью починки сосуда.

Отличаются по форме горшки Западной Латвии и Западной Литвы. Обладая острым массивным дном, они вместе с тем имеют отчетливо профилированную шейку и утолщенный, иногда отогнутый наружу край. Их повсюду сопровождают плоские мисочки (лампы?).

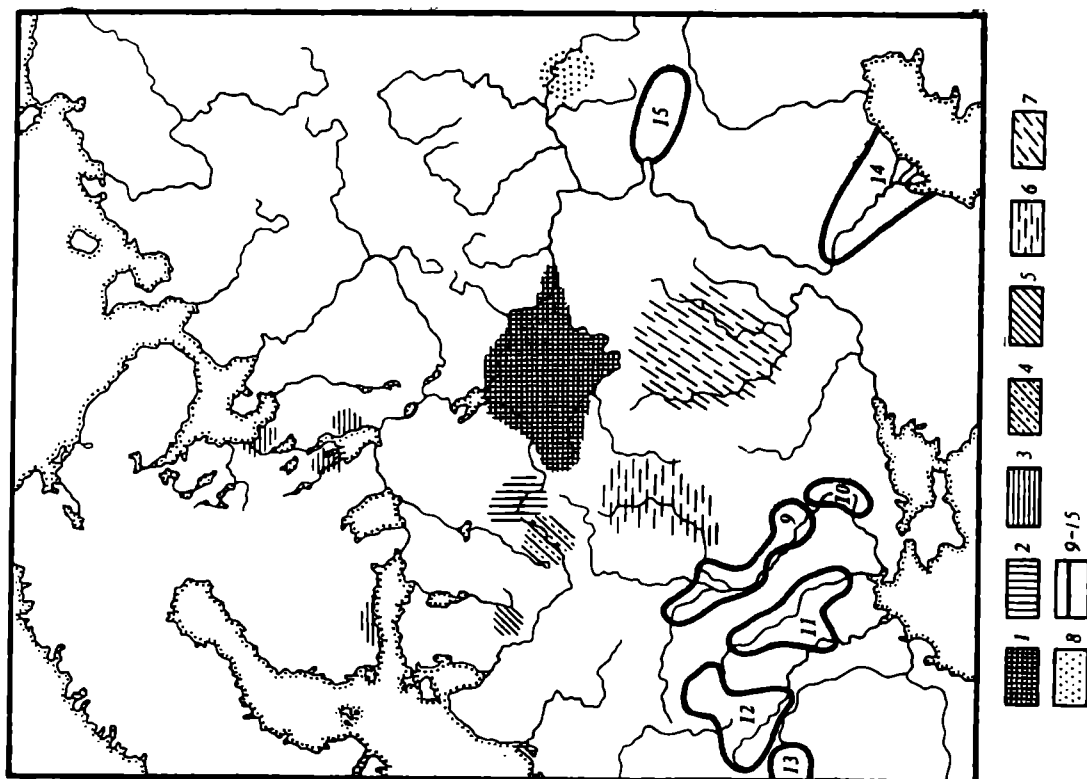
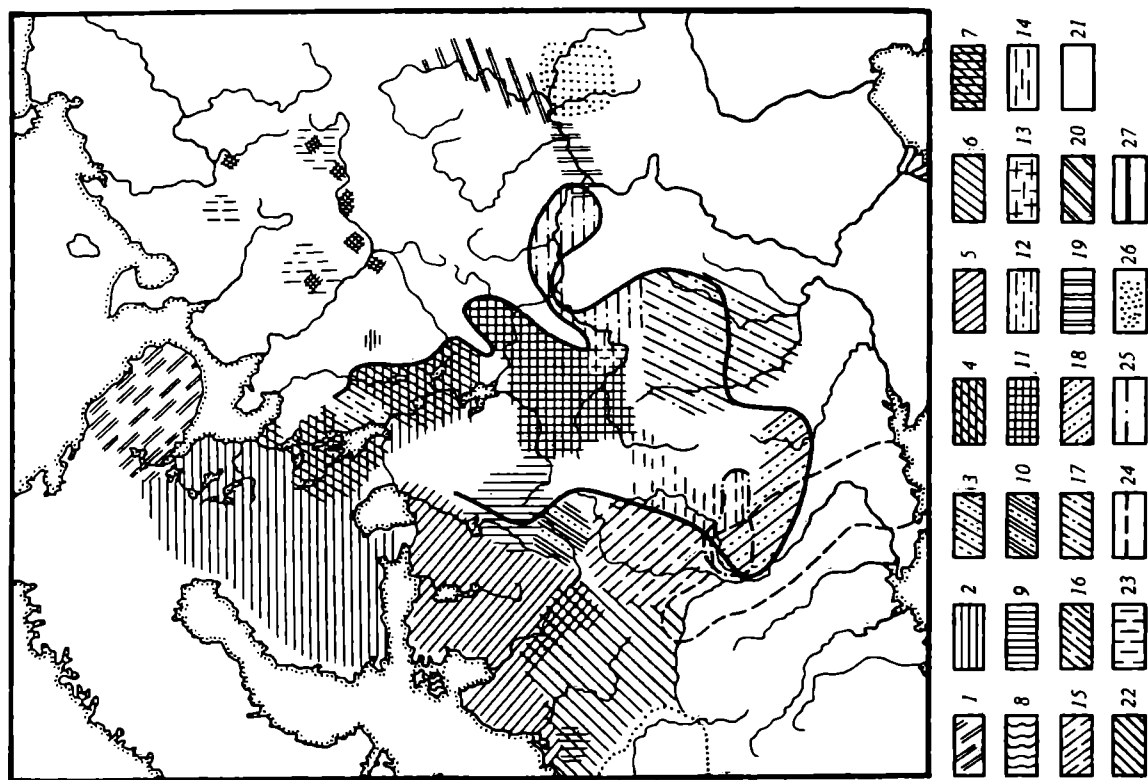
Основными элементами орнамента являются ямчатые вдавления, неглубокие отгиски гребенки, иногда очень тонкой, встречаются короткие насечки. Несложный узор, сосредоточенный в верхней части сосуда – горизонтальные или диагональные полосы. В большинстве случаев на сосудах прослеживается лишь один элемент орнамента.

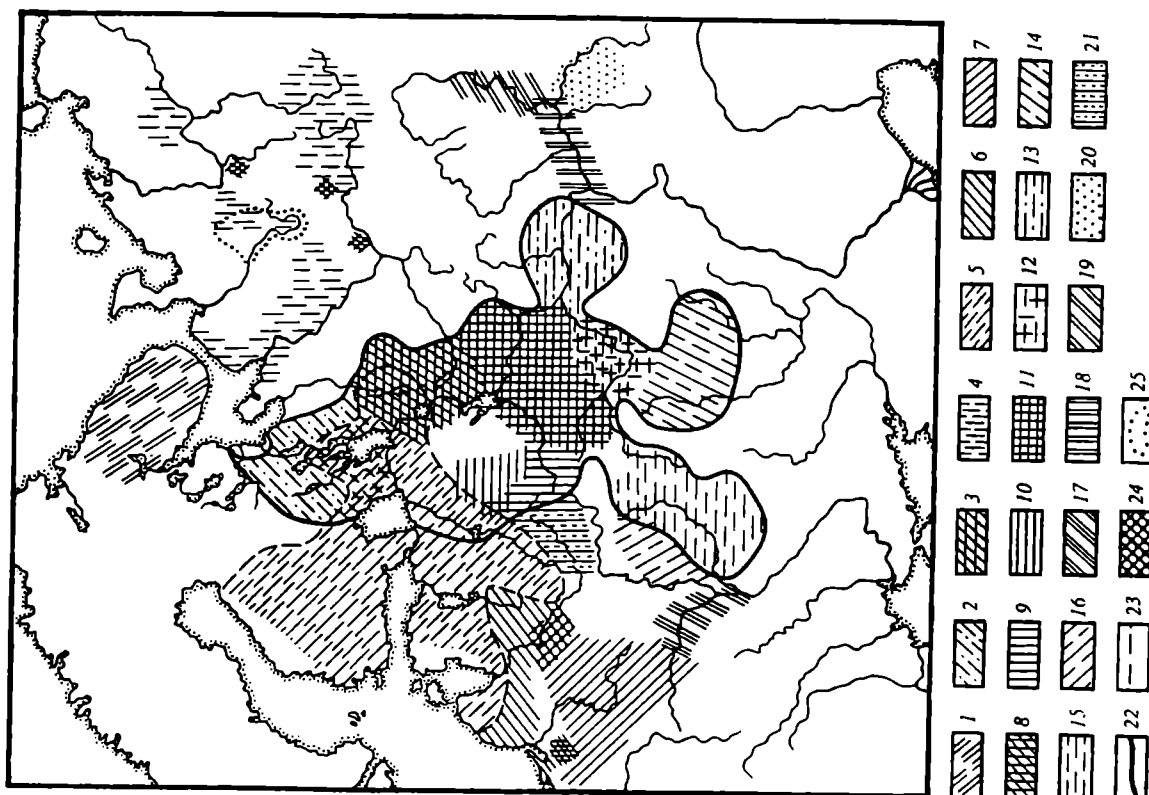
Одним из эталонных памятников является стоянка Нарва III (Гурина, 1967), вещественный материал которой представлен чистым комплексом нарвской культуры. Кремневые орудия чрезвычайно ограничены, что резко отличает памятник от соседней Нарвы II с ямочно-гребенчатой керамикой и богатым кремневым инвентарем. Костяные орудия многочисленны, разнообразны и содержат все категории и типы, характерные для нарвской культуры. Очень выразительна керамика. При наличии признаков, общих для культуры, в ней ярко выступают специфические особенности, что существенно для расчленения нарвской культуры на локальные варианты. Этими чертами являются: применение только стыкового способа лепки, шиповидное дно, слабая разработанность орнаментации, много вовсе неорнаментированных сосудов.

Одним из характерных памятников северной группы является стоянка Кяэпа в юго-восточной Эстонии, содержащая различные, планиграфически разграниченные комплексы. Вещественный материал, относящийся к нарвской культуре, аналогичен группе стоянок Нарва. Представлены костяные короткие и длинные наконечники стрел с биконической головкой, многозубые гарпуны с отверстием или расширением у основания, роговые мотыги, тесла, орудия под углом 45°. Аналогична и керамика – по технологии, форме и орнаментации. Последняя содержит мотив “шагающей” гребенки, распространенный в северной группе стоянок, но не известный в южной части ареала нарвской культуры (Jaanis, 1968; Яанитс, 1973)*.

О распространении нарвской культуры на северо-восток свидетельствуют находки характерной керамики и костяных орудий на Ладужской стоянке у южного побережья Ладужского озера (Гурина, 1967. С. 186) и стоянка Березье в нижнем течении р. Волхов (Тимофеев, 1980).

* Л.Ю. Яанитс выделяет на территории Эстонии не менее трех групп памятников раннего неолита – северо-восточную, юго-восточную и сааремааскую. Первая группа (нарвские стоянки) имеет общие черты с ранненеолитической керамикой стоянок Южной Финляндии и около Выборга, известной как типичная гребенчатая (стиль I:II). Вторая группа (Кяэпа) сближается с памятниками восточной Латвии (Оса). Обе группы принадлежат нарвской культуре, тогда как сааремааская существенно отличается по керамике и каменным орудиям и стоит ближе к мезолитической культуре кунда (Яанитс, 1984).

Карта 6. Неолитические культуры V тыс. до н.э. в лесной полосе и на севере (1-8), и на степном юге (9-15). (Составлена С.В. Ошибкиной)
1 – верхневолжская; 2 – валдайская; 3 – сперринг; 4 – сертейская; 5 – нарвская; 6 – ранний неолит Десны; 7 – среднеднепровская; 8 – прибельская; 9 – днепро-днецкая (общность); 10 – сурская; 11 – буго-днепровская; 12 – линейно-ленточной керамики; 13 – криш; 14 – памятники типа Джангар; 15 – волго-уральская

Карта 7. Неолитические культуры IV тыс. до н.э. в лесной зоне и на севере. (Составлена С.В. Ошибкиной)

1 – кольская (по Н.Н. Гуриной); 2 – сперринг (по К. Мейнандеру и Г.А. Панкрушеву); 3 – карельская; 4 – каргопольская; 5 – нарвская (по Л.Ю. Янитсу и И.А. Лозе); 6 – неманская (Rimaitene, 1987); 7 – памятники типа Цедмар (Timofeev, 1990); 8 – стоянки Саарема (по Л.Ю. Янитсу); 9 – валдайская; 10 – рудинская; 11 – льяловская (по В.В. Сидорову); 12 – балахнинская; 13 – рязанская; 14 – деснинская; 15 – верхнеднепровская; 16 – среднеднепровская; 17 – рязанско-долгопольская; 18 – памятники лесостепной Украины; 19 – волго-камская; 20 – камская; 21 – агидельская (по Г.Н. Матюшину); 22 – стоянки Черноборского типа; 23 – пещеро-двинская (по И.В. Верещагинской); 24 – днепро-днецкая; 25 – лисогубовская; 26 – днепро-эльзская (Rimaitene, 1987); 27 – ареал общности культур с ямочно-гребенчатой керамикой

Карта 8. Неолитические культуры III тыс. до н.э. (Составлена С.В. Ошибкиной)

1 – кольская; 2 – карельская; 3 – каргопольская; 4 – пещеро-двинская; 5 – гребенчато-ямочной керамики (по И.А. Лозе и К. Карпелану); 6 – пост-нарвская; 7 – неманская; 8 – памятники типа Цедмар; 9 – валдайская; 10 – мстинская; 11 – льяловская; 12 – рязанская; 13 – балахнинская; 14 – рыбно-озерская; 15 – деснинская; 16 – верхнеднепровская; 17 – днепро-днецкие стоянки Восточного Полесья; 18 – волго-камская; 19 – камская; 20 – агидельская; 21 – усятская; 22 – ареал культур ямочно-гребенчатой керамики; 23 – ареал культуры типичной гребенчато-ямочной керамики; 24 – стоянки Черноборского типа

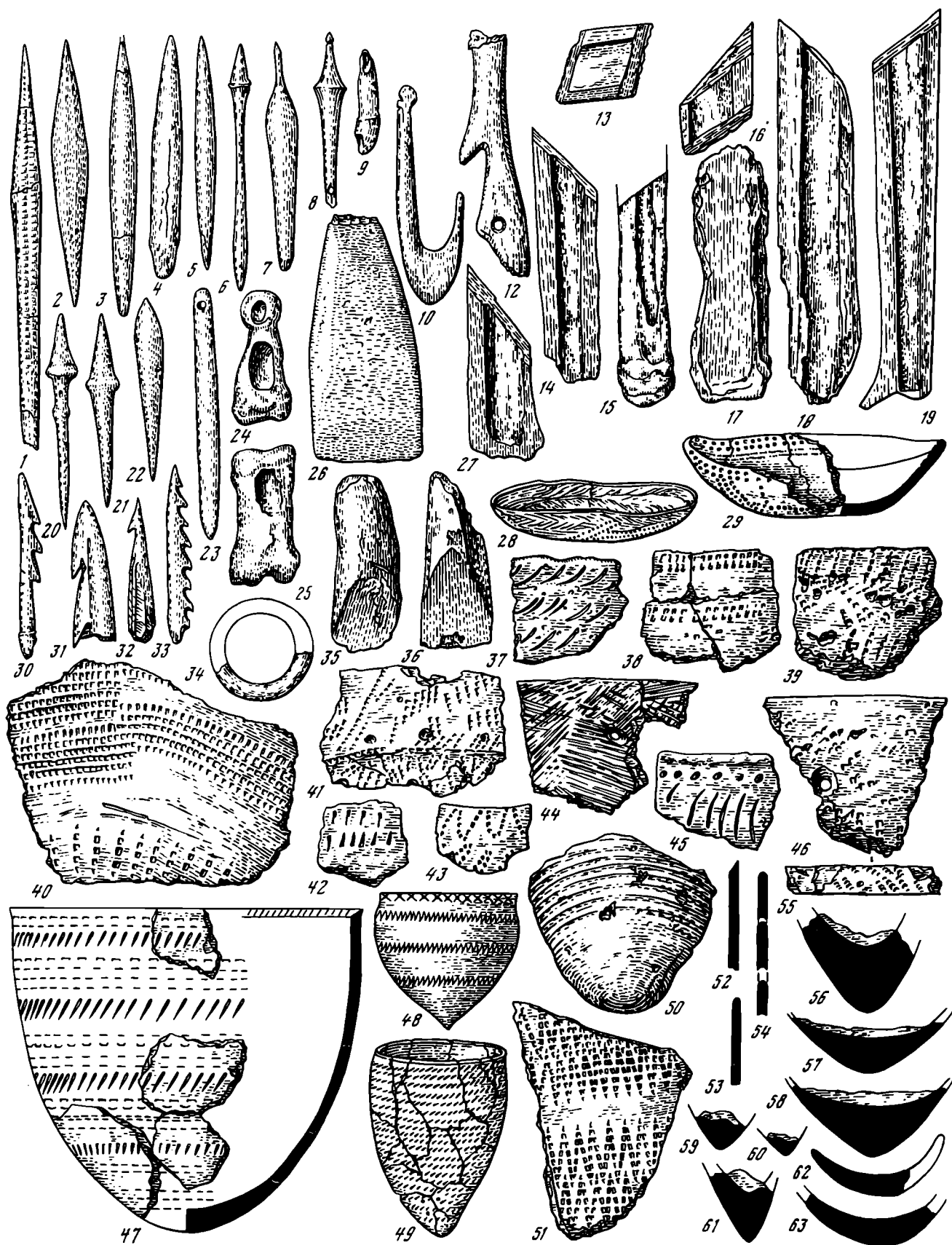

Рис. 43. Нарвская культура, восточный вариант

1, 2, 7, 9, 20, 21, 26, 33 – могильник Звейниекс; 3 – Ича; 4–6, 8, 12–14, 17, 18, 22, 23, 27, 31, 35, 36, 42, 48 – Кяэла; 10 – оз. Лубанас; 11, 15, 16, 24, 30, 32, 40, 47 – Нарва I; 19 – Сарнате; 25, 37–39, 41, 43, 44, 50, 51 –

Нарва III; 28, 29, 34, 49 – Оса; 45 – Акали; 46 – Приладожская; 52–63 – технические приемы изготовления керамики на поселениях Нарва I, III

Для изучения нарвской культуры важное значение имеет многослойное и хорошо стратифицированное поселение Оса в Лубанской низине, исследованное раскопками Ф. Загорскиса в 1964 и 1969 гг. Культурный слой с нарвской керамикой залегал здесь между слоями мезолита и среднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой. Орудия представлены небольшой серией изделий из камня, в том числе зашлифованными топорами, а также типичными для нарвской культуры наконечниками дротиков и стрел, роговыми мотыгами и теслами, кинжалами, ножами из расщепленных ребер животных (рис. 43). Найдено несколько костяных скульптур (головы водоплавающих птиц, змея) и подвески из зубов животных (Загорскис, 1967; 1973). Керамика представлена крупными сосудами с примесью раковины или растительности, остродонными, с прямым или скошенным внутрь краем, и овальными мисками. Поверхностный орнамент выполнен мелкой гребенкой, ямчатыми или точечными углублениями, нарезками. Обычно он сосредоточен в верхней части сосуда, в виде исключения встречаются сосуды, орнаментированные по всей поверхности (Загорскис и др., 1984).

На Лубанской низине известен еще ряд памятников нарвской культуры – Звейсалас, Звизде, Лисиня и др. Некоторые имеют свои особенности. В последние годы многие памятники исследованы на больших участках, результаты раскопок опубликованы (Лозе, 1965, 1969, 1979). Особенно интересные результаты, имеющие значение для периодизации и уточнения хронологии неолита, получены на многослойной стоянке Звизде, где обнаружена пачка мезолитических и неолитических слоев, разделенных стерильной прослойкой. В ранне-неолитическом слое найдены биконические, игловидные и листовидные наконечники стрел, орудия под углом 45°, роговые тесла и мотыгообразные орудия, деревянные муфты, роговая головка выдры. С культурным слоем связаны остатки жердей, палок, сосновые лучины и береста, скорлупа лесных и водяных орехов. Керамика представлена крупными остродонными горшками* с примесью птичьего помета или раковины. Есть сосуды с профилированной шейкой. Орнамент, состоящий из сложных узоров (ромбы, квадраты, крестовидные элементы, встречены антропоморфные фигуры) сосредоточен только в верхней части сосудов (Лозе и др., 1984).

Западная группа стоянок нарвской культуры имеет ряд существенных особенностей (рис. 44). Наиболее известные из них Сарнате в Латвии и группа поселений Швянтойи в Литве. Помимо того, в Западной Латвии известно несколько небольших стоянок: Леясцискас (Sturms, 1931), Пурциемс С и Д (Sturms, 1937), Силиньупе (Vankina, 1974; Ванкина, 1975) и Роми-Калныни (Vankina, 1975).

Поселение Сарнате расположено приблизительно в 2,5 км от Балтийского моря, в пределах Сарнатского торфяника. Материал удалось расчленить на хронологические периоды и выявить различия этнокультурного плана (Ванкина, 1970). Среди жилищ выделены две группы: так называемого “сарнатского” типа (нарвская культура) и с гребенчато-ямочной керамикой. Все костяные

и деревянные изделия были найдены лишь в жилищах “сарнатского” типа.

Орудия охоты представлены копьями из ясеня (длиной 1,20–1,80 м), у которых листовидный боевой конец обожжен для твердости, луками (56–114 см), на одном из которых сохранилась часть тетивы, бумерангами и пращами. Многочисленны орудия рыболовства и бытовые предметы. Однако костяные и роговые орудия значительно беднее, нежели в нарвских комплексах Эстонии, Восточной Литвы и Латвии, отсутствует ряд характерных форм (наконечники с биконической головкой, тесла из трубчатых костей, “стамески”, орудия с рабочим концом под 45°). Как обычно кремневый инвентарь беден. Орудия из кремня преобладали в жилищах второго типа – из 110 наконечников стрел только 24 найдены в жилищах сарнатского типа.

Керамика делится на две группы – “сарнатский тип” (нарвская) и гребенчато-ямочная. Нарвская близка керамике Эстонии и Восточной Латвии, но ей свойственны особенности формы и орнаментации (рис. 44). Диаметр сосудов от 50 до нескольких сантиметров. Примесь служит раковина и растительность, редко – дрсва. Наряду с прямыми венчиками большинство сосудов имеет S-образную профилировку. Орнамент разреженный, локализующийся по шейке и плечикам, многие сосуды не орнаментированы. Господствуют две формы – горшки и плоские миски (лампы?). В орнаментации широко применяются отпечатки шнура, намотанного на конец стержня (“веревочные узелки”). Часто нанесенные на срез края, они делают его иногда “гофрированным”.

На поселении Сарнате обнаружено 40 жилищ, из которых 25 относятся к “сарнатскому” типу (Ванкина, 1970). Еще шесть жилищ выявлены на периферии поселения, что дает основание увеличить число жилищ нарвской культуры до 31. Они располагались на болотистой полосе вдоль Сарнатского озера на протяжении около 1 км. Жилища наземного типа, квадратные, с одним выходом (рис. 45) на сухом торфянике. Их стены состояли из жердей лиственных пород, крыша была двускатной, площадь от 20 до 35 кв. м. В каждом был очаг, устроенный из толстых жердей, в основании которого устроен настил из древесины и коры, засыпанных сверху песком. Вокруг очагов найдены скопления ореховой скорлупы или костей животных и рыб. Одно из жилищ разделялось поперечной стеной на два помещения, в каждом был свой очаг.

В западной Литве памятники нарвской культуры известны по берегам древнего озера – старицы р. Швянтойи около г. Паланги. Из 42 стоянок каменного века раскопками исследованы семь. К нарвской культуре относятся нижние слои поселений 1В, 2В, 3В, 4В и ряд однослойных поселений. Самые ранние памятники относятся ко второй половине IV – середине III тыс. до н.э. (Rimantiene, 1979. С. 166). В Швянтойи (поселение 23) открыты следы наземных жилищ столбовой конструкции, с двух или четырехскатной крышей и стенами из жердей.

На поселениях группы Швянтойи получен большой вещественный материал, сохранились изделия из кости и дерева. Кремневые изделия невыразительны, сырьем для них служили мелкие кремневые гальки. Наконечники стрел ромбовидные с черешком и треугольные на отщепе, с прямым или вогнутым основанием, иногда без обработки. Костяные наконечники стрел трех типов – с треугольным сечением, с овальным, игловидные. Найдены деревянные наконечники ромбовидной формы, обож-

* В ранне-неолитическом слое стоянки Звизде представлены остродонные горшки и миски. Горшки разделены по форме венчика на четыре типа, из них сосуды с S-образным краем аналогичны керамике приморских стоянок Сарнате и Швянтойи, а с С-образным – северным стоянкам (Нарва I, III и др.). Орнамент на посуде выполнен точечными наколами (Лозе, 1988. С. 49)

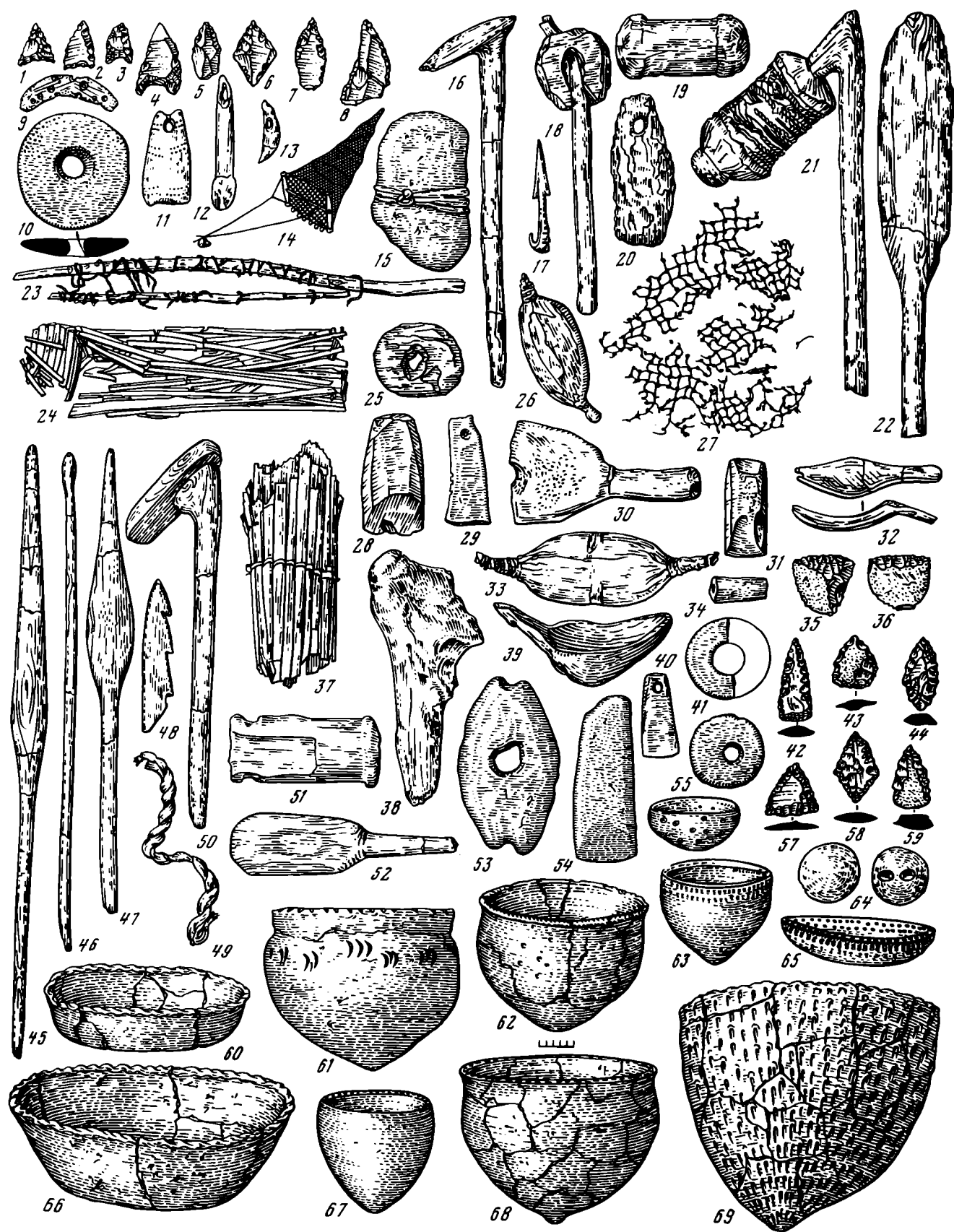

Рис. 44. Нарвская культура, западный вариант

1-5, 8 - 13, 15, 26, 28, 30 - Швянтойи 23; 16, 56, 63, 67 - Швянтойи 1В; 6, 7 - Швянтойи 26; 17, 31, 32 - Швянтойи 3В; 18-20, 22-25, 27, 65, 68 - Швянтойи 2В; 29, 33-55, 57-62, 64, 66, 69 - Сарнате; 14 - реконструкция древнего рыболовного приспособления с грузилом; 21 - реконструкция топора со стоянки Швянтойи 1В

ция древнего рыболовного приспособления с грузилом; 21 - реконструкция топора со стоянки Швянтойи 1В

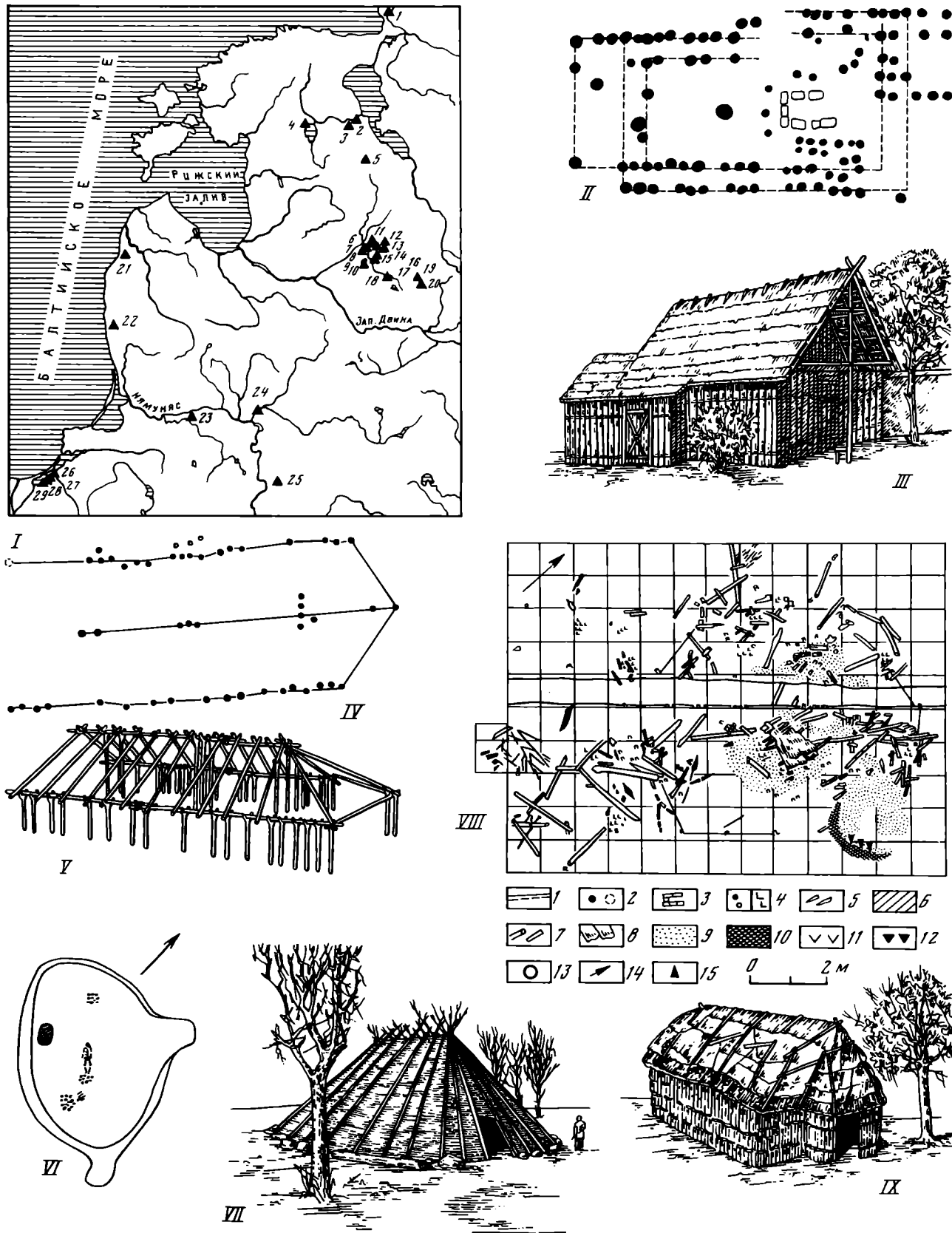

Рис. 45. Неолит Восточной Прибалтики. Жилища

I – поселения эпохи неолита с жилищами (по I. Loze, 1978): 1 – Нарва-Ригийкюла I; 2 – Акали; 3 – Кулламяги; 4 – Валма; 5 – Тамула; 6 – Абора I; 7 – Найниексте; 8 – Эйни; 9 – Звидзиенаскрогс (Звидзе); 10 – Асне I; 11 – Лагажа; 12 – Пиестиния; 13 – Оса; 14 – Ича; 15 – Квапаны II; 16 – Звейс-лас; 17 – Малмута I; 18 – Лейманишки; 19 – Юрсидика; 20 – Крейчи; 21 – Сарнате; 22 – Швянтойи; 23 – Тушино; 24 – Скаруляй; 25 – Версминис I; 26 – Каменпшилезие; 27 – Сухач; 28 – Толкмиско; 29 – Моджевина;

II–III – поселение Сухач, план жилища и реконструкция (по Б. Эрлиху); IV–V – поселение Звидзе, план и реконструкция жилища (по И. Лозе); VI–VII – поселение Нарва-Ригийкюла I, план и реконструкция жилища (по Н.Н. Гуриной); VIII–IX – поселение Сарнате, план и реконструкция жилища К (по Л. Ванкиной). 1 – границы жилища; 2 – опорные столбы; 3 – очаг из камней; 4 – керамика (фрагменты); 5 – камни; 6–7 – колья и жерди; 8 – кора; 9 – песок; 10 – лесной торф; 11 – скорлупа водяных орехов; 12 – угли; 13 – обработанный янтарь; 14 – деревянные предметы; 15 – поселение

женные для прочности. Кремневые наконечники копий появляются только в развитом неолите, они крупные, треугольной или листовидной формы. Найдены деревянные копия длиной до 180 см, а также костяные гарпуны с одним или несколькими зубцами, среди них один поворотный. Рубящие представлены небольшими топориками-вкладышами, крепившимися в деревянные муфты из двух половинок, которые затем обматывались лыком или веревкой. В позднем периоде применяли шлифованные топоры, привезенные с юга, и сланцевые тесла, доставленные с севера. Для обработки шкур использовали скребла, изготовленные из крупных костей тюленей.

Сосуды имели две формы – горшки с острым дном и овальные, позже округлые мисочки. Статистическая обработка массового материала позволила расчленить керамику на три хронологические и четыре типологические группы (Римантене, 1973). Для раннего периода типичны горшки с раковинной примесью, прямым или S-видным венчиком, орнаментирована лишь половина сосудов, орнамент только в верхней части сосуда и выполнен отпечатками перевитого шнура и наколами. В развитом неолите появляется примесь дресвы, венчики приобретают грибовидную форму, в орнаменте встречаются новые мотивы – подражание гребенке шнуровым оттискам. В это время сосуды с S-видным профилем составляют 91%.

Памятники группы Швянтойи имеют много общего с Сарнате. Вместе с тем заметны специфические черты – редки сосуды с “волнистой” поверхностью, встречаются мотивы орнамента, не известные в Сарнате – наколы, крестовидные отпечатки.

В среднем неолите Швянтойи 3В, 6, 23 заметна связь с культурой гребенчато-ямочной керамики, а на юге – с племенами шаровидных амфор. В позднем неолите (Швянтойи 26, 28) нарвская заимствует ряд черт от культуры гребенчато-ямочной керамики, возможно, она сосуществовала некоторое время с культурой шнуровой керамики, а позже растворилась в ней (Римантене, Кунскас, 1984)*.

Известен ряд памятников в северо-восточной Литве у оз. Крятуонас – Жямайтишке 1, 2, 3, Крятуонас 1, 2, Яра 1, 2 и др. – содержащие материалы нарвской культуры (Гирининкас, 1982)**. Однако многочисленный кремневый инвентарь не типичен для нарвских памятников и близок инвентарю соседней неманской культуры. Он содержит трапеции, ланцетовидные острия, микрорезцы и топоры. Вместе с тем, сосуды с растительной приме-

сью близки керамике развитого неолита типа Пиестиня (Загорскис, 1967).

Наиболее удаленными от района концентрации памятников нарвской культуры являются многослойные поселения бассейна верхнего течения Западной Двины (Усвятская котловина) и Северной Белоруссии. Значительный интерес вызывает “свайное” поселение Усвят IV, слой Б, относящееся к развитому неолиту (Микляев, 1971а, 1971б, 1972; Долуханов, Микляев, 1979). Культурный слой содержал богатый костяной и керамический материал. Орудия изготовлены из черного и серого кремня (кинжал, наконечник дротика, наконечники стрел с черешком). Разнообразны костяные, деревянные и роговые орудия – наконечники стрел и гарпунов, кинжалы, проколки, долота, различные острия, штампы, предметы быта (ложки) и искусства (Микляев и др., 1984).

По технологии керамики (изготовление сосудов с помощью лопаточки и наковальни) и орнамента (геометрические узоры), поселение Усвят IVБ находит аналогии в стоянке Звейсалас.

В Усвят IVБ установлено три этапа постройки жилых сооружений, однако реконструировать их не удалось. Очевидно лишь, что поселение состояло из жилищ размером 4,5х5,5 м, расположенных вдоль берега (Микляев, 1971а).

На материалах “свайного” поселения, А.М. Микляев выделяет особую усвятскую культуру развитого и позднего неолита*. Не отрицая ряда особенностей рассмотренных памятников, все же большинство исследователей склонны считать их вариантом нарвской культуры.

В Белоруссии нарвская культура представлена рядом памятников (Заценье, стоянки Кривинского торфяника и др.). Наиболее ранняя стоянка Заценье, расположенная на левом берегу р. Цны (Минская область), на краю торфяника, являвшегося ранее озером. Культурный слой содержал разновременные комплексы, раннеолитические находки залегали в самом основании слоя (Чернявский, 1970, 1971, 1978). Найдены сосуды серого цвета с острым дном, примесью растительности и раковин. Орнамент разреженный, состоит из тонких отпечатков гребенки, мелких наколов, насечек, ямок, образующих редкие горизонтальные пояса в верхней части сосуда. Керамику сопровождают костяные наконечники стрел с биконической головкой, орудия под углом в 45°, мотыгообразные орудия и мотыги, листовидные кремневые наконечники стрел и др. Керамика близка ранне-нарвской, а орудия имеют сходство с мезолитическими (кунда). Вместе с тем в сосудах заметно сходство с ранними комплексами неманской культуры, в частности нали-

* Для выяснения финала нарвской культуры в Западной Литве представляет интерес позднеолитическое поселение Дактаришке вблизи древнего берега озера Биржулис (Butrimas, 1982), где обнаружена нарвская и шнуровая керамика. Нарвская посуда с растительной примесью, плоскодонная, профилированная, орнамент из оттисков гребенчатого штампа, перевитого шнура, ямчатых вдавлений сосредоточен в верхней части, иногда переходит на внутреннюю сторону шейки. По мнению А. Бутримаса поселение датируется концом III – началом II тыс. до н.э. и демонстрирует слияние нарвской и сменявшей ее жуевской культур (Butrimas, 1982. С. 39).

** В последнее время на поселениях у озера Крятуонас открыты остатки жилищ двух типов. Установлено, что в среднем неолите строили прямоугольные наземные дома (Пакрятуоне 1Б), стоявшие на большом расстоянии друг от друга, а в позднем неолите – “длинные дома” (Жямайтишке 1, 2). Особенно важно появление оград, строившихся из горизонтально лежащих жердей, укрепленных кольями и камнями. В Жямайтишке 1 ограда состояла из трех рядов. В Швянтойи 1А тоже обнаружена ограда вокруг возвышенности, занятой поселением. Появление укрепленных поселений связывают с изменениями в социальной структуре общества (Гирининкас, 1990. С. 91).

* В междуречье Западной Двины и Ловати с 1962 г. по настоящее время работает Северо-Западная экспедиция Гос. Эрмитажа. По итогам этих исследований А.М. Микляевым представлена следующая система развития культур. В раннем неолите возникают сертейская культура, датируемая атлантическим периодом (АТ-1.2), предположительно связанная с Прикаспийским неолитом с накольчатой керамикой, руднянская (АТ-2, конец V – начало IV тыс. до н.э.), имевшая контакты с нарвской, верхневолжской, верхнеднепровской культурами, и памятники линейно-ленточной керамики (АТ-3, конец V – середина IV тыс. до н.э.). В среднем неолите существовала усвятская культура (конец IV–III тыс. до н.э.). К позднему неолиту (II тыс. до н.э.) относятся жижицкая и северобелорусская культуры (Микляев, 1992).

чие глубоких редких ямок под венчиком, полностью отсутствующих на нарвской керамике. В более выраженном виде нарвская культура выступает в памятниках хронологически следующих за Заценьем – в нижнем слое Кривина I и Осовец I, II, расположенных также на Кривинском торфянике (Чернявский, 1969).

В памятниках нарвской культуры сохранились многочисленные бытовые предметы, особого внимания в Сарнате заслуживают деревянные плоские ковши с носиками, ложки, кленовый сосуд в форме ладьи, лубяные сосуды, мешалки для приготовления пищи, рукоятки и т.п. Деревянные ложки, ковши, блюда, сосуды, по форме не повторяющие глиняные, сохранились и на поселении Швянтойи (1, 2 в слое В). Здесь найден кусок ткани из лыка липы, отпечатки ткани встречены и на глиняном сосуде. В Усвятах IVБ также обнаружены многочисленные деревянные и костяные предметы, в том числе ковши, чаши, ложки.

Велико количество и янтарных изделий – разнообразных украшений (полуфабрикатов). В Швянтойи в двух случаях янтарь и изделия из него встречены в виде клада (24 и 30 экз.). Подвески узкие и длинные, трапециевидные, иногда орнаментированные точками, пуговицы в большинстве случаев линзовидные (одинаковые для всех периодов неолита), пронизки удлиненные и округлые, применявшиеся как составные части ожерелья. Шайбы и кольца появляются лишь в развитом неолите.

В Сарнате найдено 387 предметов из янтаря. Они встречались в каждом доме, чаще всего около очагов. Среди янтарных изделий головка лося и торс медвежонка. В качестве украшений использованы и зубы животных.

Торфяниковые стоянки сохранили и великолепные образцы первобытного искусства из кости, дерева и янтаря. Из поселения Швянтойи 3В происходят два жезла с головой лося, напоминающие по форме оленеостровские. Кроме общего сходства в форме и трактовке животного, совпадают детали – на шее одного лося из Оленеостровского могильника и из Швянтойи 3В показано как бы ожерелье. Образ зверя отражен здесь и в заготовках маленьких лосиных головок из янтаря, в янтарной мордочке оленя и в изображении зверя на глиняном горшке. Обнаружен конец стерженька с птичьей головкой (2, 3 см) и маленькая глиняная головка птицы.

Разнообразны антропоморфные фигуры. Представляет интерес столбовая скульптура с головой человека из Швянтойи 2В, вырезанная из черной ольхи (195 см длины). Столь же крупная человеческая фигура (167 см) обнаружена в Сарнате (рис. 46). Здесь найдены ковши и ложки, завершающиеся изображениями птиц и животных, и маленькая мотыга с головой животного на рукоятке и геометрическим орнаментом. На поселении Усвяты IVБ встречены весла и ковши, украшенные скульптурными изображениями утиных головок и головы медведя, а также деревянная человеческая фигура. Деревянная скульптура человека найдена и на поселении Осовец II. В Нарве III обнаружены голова лося из рога, в Нарве I – костяная рыбка, пластинка и костяные предметы с нарезным орнаментом.

К нарвской культуре относится, видимо, часть погребений могильника Звейниекс, расположенного у оз. Буртниеку в северной Латвии. Ф.А. Загорскис исследо-

вал здесь 318 погребений, относящихся к четырем хронологическим группам: 1 – мезолитические, 2 – ранне-неолитические, 3 – средне- и поздненеолитические, 4 – поздненеолитические (Zagorskis, 1974)*.

В раннем неолите умерших хоронили в могильных ямах глубиной 30–40 см, в вытянутом положении, головой на восток или запад, слабо засыпали охрой. Сопровождающий инвентарь состоял из костяных орудий и просверленных зубов животных, преимущественно хищных, служивших украшением головного убора. Среди орудий костяные наконечники стрел и копий, гарпуны, некоторые из них с орнаментом.

К раннему неолиту следует, вероятно, отнести два погребения со стоянки Нарва I (Гурина, 1967). Взрослый (погребение I) и ребенок (II) были захоронены в культурном слое, в вытянутом положении на спине, ориентированы на север, сопровождающих вещей не было. Ребенок погребен в центре жилища, возможно, в его ногах стоял сосуд, найденный в виде развала.

О хозяйственной деятельности населения говорят фаунистические остатки, найденные на ряде стоянок (Сарнате, Швянтойи, Усвяты IVБ), а также орудия труда. В охотничьей добыче представлены кабан, лось, тур, косуля, благородный олень, зубр, медведь, бобр, а также встречены остатки собаки. На поселениях у моря была развита специализированная охота на тюленя, кости которого в Сарнате составляют около 50% (от общего количества), а в Швянтойи 2В даже 76%.

Почти на всех памятниках нарвской культуры встречены кости различных рыб, а на ряде поселений – остатки орудий и рыболовные сооружения. О развитом рыболовстве в Сарнате свидетельствуют верша из сосновых лучин, остатки сети, поплавки из сосновой коры, грузила (56 экз.) в виде крупных галек, некоторые из них обернуты берестой. Вблизи одного из жилищ найдены остатки челна, выдолбленного из лиственного дерева, и весла, изготовленные из дуба и ясеня, некоторые длиной до 1,5 м с лопастью. Всего в Сарнате найдено 36 весел и их обломков. В окрестностях стоянки Сарнате в 1940 г. при рытье водоотводной канавы обнаружены два челна из дуба, один целый длиной около 8 м. Их возраст неясен (Ванкина, 1970. С. 92).

С исключительной полнотой представлены орудия рыболовства, челны и весла в Швянтойи 1В и 2В. Представление об устройстве челна дает модель из Швянтойи 2В – корыто с овальным днищем и узким поднятым носом, длиной 96 см (Rimantiene, 1979. р. 36). Из орудий (помимо гарпунов), найдены остатки сетей, сплетенных из липового лыка, ширина сети 60–80 см. Найдены иглы для плетения сетей, грузила в виде камней, обернутых берестой, поплавки из сосновой коры или скрученной бересты. Сохранились верши из лучин хвойных деревь-

* В своей последней работе Ф. Загорскис выделяет пять хронологических групп погребений в могильнике Звейниекс – мезолит (1), переходная к неолиту (2), ранний неолит (3), средний и поздний неолит (4), скорченные погребения позднего неолита (5). Погребения раннего неолита (V–IV тыс. до н.э.) отнесены к нарвской культуре. Погребения среднего и позднего неолита (III тыс. до н.э.) принадлежат культуре гребенчато-ямочной керамики Восточной Прибалтики (Лозе, 1984).

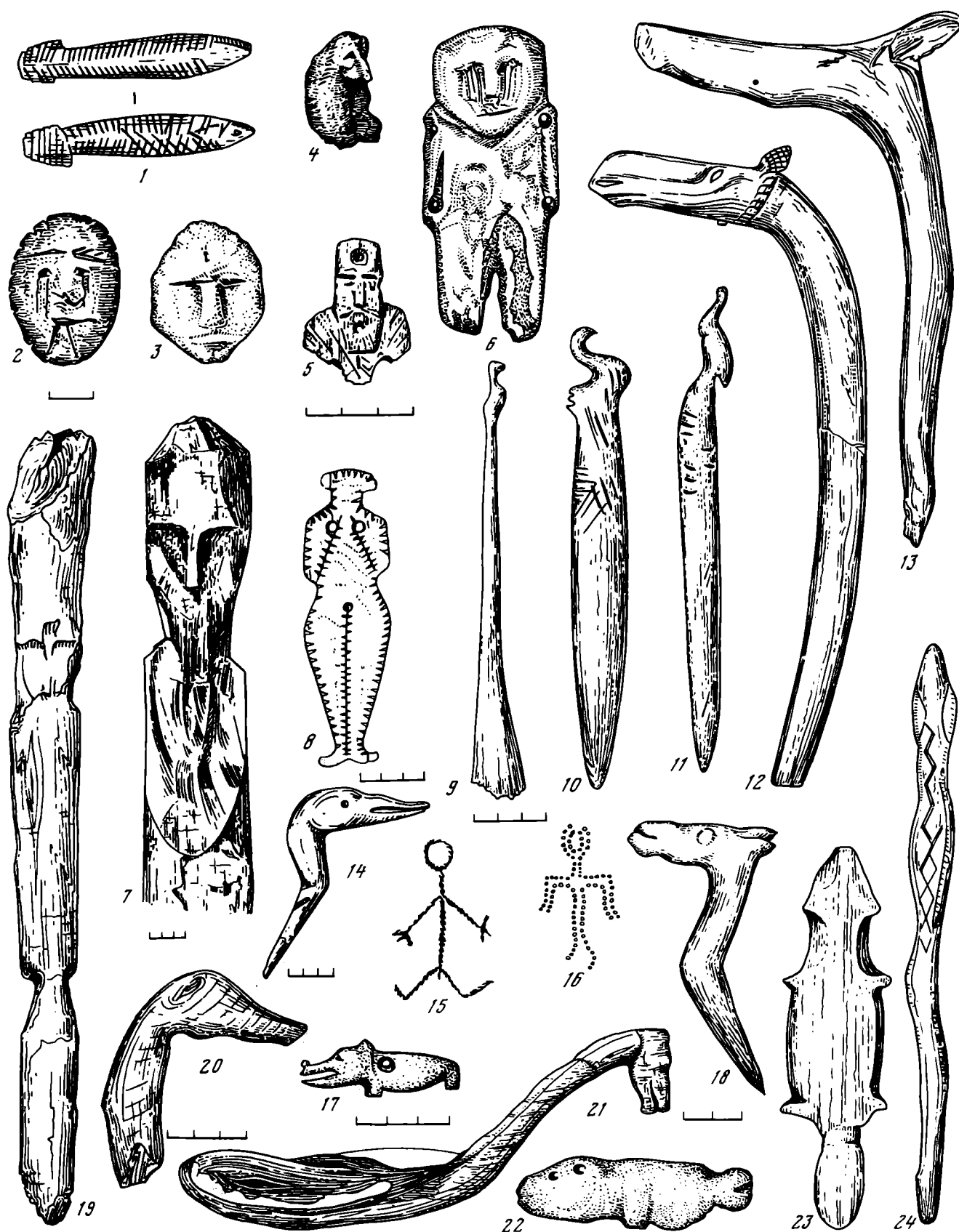

Рис. 46. Искусство в неолите Восточной Прибалтики. (Составлен С.В. Ошибкиной)

1 – Нарва-Ригийкюла I (кость); 2 – Найниексте, изображение человеческого лица (глина); 3 – Иодкранте, изображение человеческого лица (янтарь); 4 – Валма, медвежонок (глина); 5 – Тамула, антропоморфная подвеска (кость); 6 – Иодкранте (янтарь); 7 – Швянтойи 2В, столбовая скульптура-идол (дерево; длина 195 см); 8 – Звейниекки, погребение 172 (кость); 9 – Тамула, нож (кость); 10, 11 – Лубанское озеро, ножи (кость); 12, 13 – Швянтойи 3В, жезлы (рог); 14 – Швянтойи 23, рукоят-

ка черпака (дерево); 15 – Нида, рисунок на керамике; 16 – Звидзе, рисунок на керамике; 17 – Тамула, подвеска (кость); 18 – Звейниекки, погребение 277 (кость); 19 – Сарнате, жилище А, идол (дерево; длина 168 см); 20–21 – Сарнате, ручка ложки и ковш (дерево); 22, 23 – Валма, подвеска (янтарь) и фигура бобра (кость); 24 – Абора I, фигура змеи (кость)

ев, соединенных лыком, и каркасные, покрытые сетью, а также траловидное сооружение – “кюдель” (рис. 44).

На важное значение собирательства для жителей поселения Сарнате указывают скопления скорлупы лесных и водяных орехов и деревянные колотушки для их раскалывания. Аналогичные находки сделаны на многих поселениях нарвской культуры. Для выкапывания корней применялись мотыги на длинных ручках из дерева и рога (Сарнате, Швянтойи, Усвяты IV). Таким образом, здесь господствовала присваивающая форма хозяйства, однако, в конце неолита появляются первые признаки производящей экономики. Так, в Сарнате найдена кость овцы или козы, в Швянтойи 23 известна пыльца проса, кости быка, свиньи, овцы или козы*.

Существование нарвской культуры фиксируется от последней четверти V до конца III тыс. до н.э. В течение столь длительного времени культура не могла оставаться неизменной и ряд различий между поселениями объясняется хронологией. Достаточно отчетливо они прослеживаются и между памятниками синхронными, но отдаленными территориально, в силу чего можно говорить о единстве культуры при наличии особенностей, характерных для каждого более мелкого региона.

В настоящее время можно выделить три локальных варианта культуры** северный или северо-восточный, занимающий Эстонию, юг Ленинградской области; западный – балтийское побережье Латвии и Литвы; южный – юго-восточная Латвия, северо-восточная Литва и северо-восточная Белоруссия, верхнее течение Западной Двины.

Культура гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская)

В среднем неолите в Восточной Прибалтике произошли серьезные изменения в связи с притоком населения из восточных областей. В Литве, основной территории которой не достигло новое население, продолжала развиваться нарвская культура, сменившаяся затем культурой шнуrowой керамики. На территории Эстонии и Латвии прослеживается поглощение нарвского населения иной культурой. Большинство поселений этого времени содержат слои с нарвской и гребенчато-ямочной керамикой. Они расчленяются стерильной прослойкой (Оса, Звидзе, Нарва) или планиграфически (Кяэпа, Нарва I, II, III, Сарнате) или выявляются благодаря поглуб-

Каждый из вариантов несет на себе следы влияния соседних культур. Чем дальше эти памятники удалены от центра, тем сильнее выступают различия. Наиболее отчетливо они проявляются в восточном варианте, являющемся периферийным.

Очевидно, нарвская культура отражает этнокультурное единство достаточно крупного масштаба, а ее варианты – этнографические особенности более мелких региональных коллективов. Генезис нарвской культуры следует искать в местном мезолите – культуре кунда, с которой ее сближает тождество костяных и роговых орудий, особенно наглядное там, где слои нарвской культуры подстилает мезолитический слой (Оса, Нарва-город, Звидзе и др.). В нарвскую культуру из мезолита переходят практически все основные категории орудий. Вместе с тем, происхождение нарвской керамики пока не решается однозначно. Вероятно, истоки ее следует искать в раннем неолите Украины, однако, нельзя отрицать и сходства с культурой эртебелле, особенно западного варианта (Гурина, 1967. С. 190).

При сопоставлении памятников раннего и среднего этапов нарвской культуры с синхронными культурами соседних территорий отчетливо выступают различия с северными (сперрингс) и восточными (верхневолжская). Вместе с тем, видно определенное сходство с южными культурами – неманской и днепродонецкой. Вопрос о роли нарвской культуры в сложном процессе формирования современных этнических общностей не может рассматриваться вне связи с культурой гребенчато-ямочной керамики (прибалтийской).

бинной фиксации находок. Вся гребенчато-ямочная керамика и сопровождающие ее орудия относятся к прибалтийской культуре, впервые выделенной А. Европусом (Euroraues-Augärää, 1930. S. 212). Она распространялась на севере до р. Свирь и южного побережья Ладожского озера, захватывала почти всю Финляндию, Эстонию, Латвию и современную Новгородскую область. В Литве, Калининградской области и Северной Белоруссии памятники этой культуры единичны. Прибалтийская культура входит в круг культур с ямочно-гребенчатой керамикой.

Ее памятники отличаются обилием кремневых орудий (рис. 47), изготовленных из высококачественного кремня. Представлены отчетливо выраженные типы двустороннеобработанных крупных наконечников стрел, овальных или ромбовидных, встречаются такой же формы наконечники копий, многочисленны скребки и ножи, сланцевые шлифованные орудия и украшения, в особенности шиферные кольца, а также янтарные украшения, в частности пуговицы с V-образным отверстием и кольца (шайбы). Костяные и роговые орудия редки, найдены в основном на ранних памятниках, где еще удерживаются нарвские традиции. Из костяных орудий встречаются наконечники стрел, биконические с корот-

* Кости домашних животных обнаружены также в Крятуонас IБ в восточной Литве (Гириникас, 1990. С. 43). На поселении Швянтойи 6 найдены деревянные рала, что указывает на освоение пашенного земледелия с использованием волов (Римантене, 1987. С. 212). Предполагается, что во второй половине III тыс. до н.э. население нарвской культуры унаследовало основы земледелия от культуры шаровидных амфор.

** Р.К. Римантене выделяет четыре варианта нарвской культуры – (Rimantiene, 1984. С. 315. Рис. 63). По мнению А. Гириникаса, на всем протяжении существования культуры выделяются две группы – северо-восточная и юго-западная, развитие которых шло под воздействием соседних культур (Гириникас, 1990. С. 6).

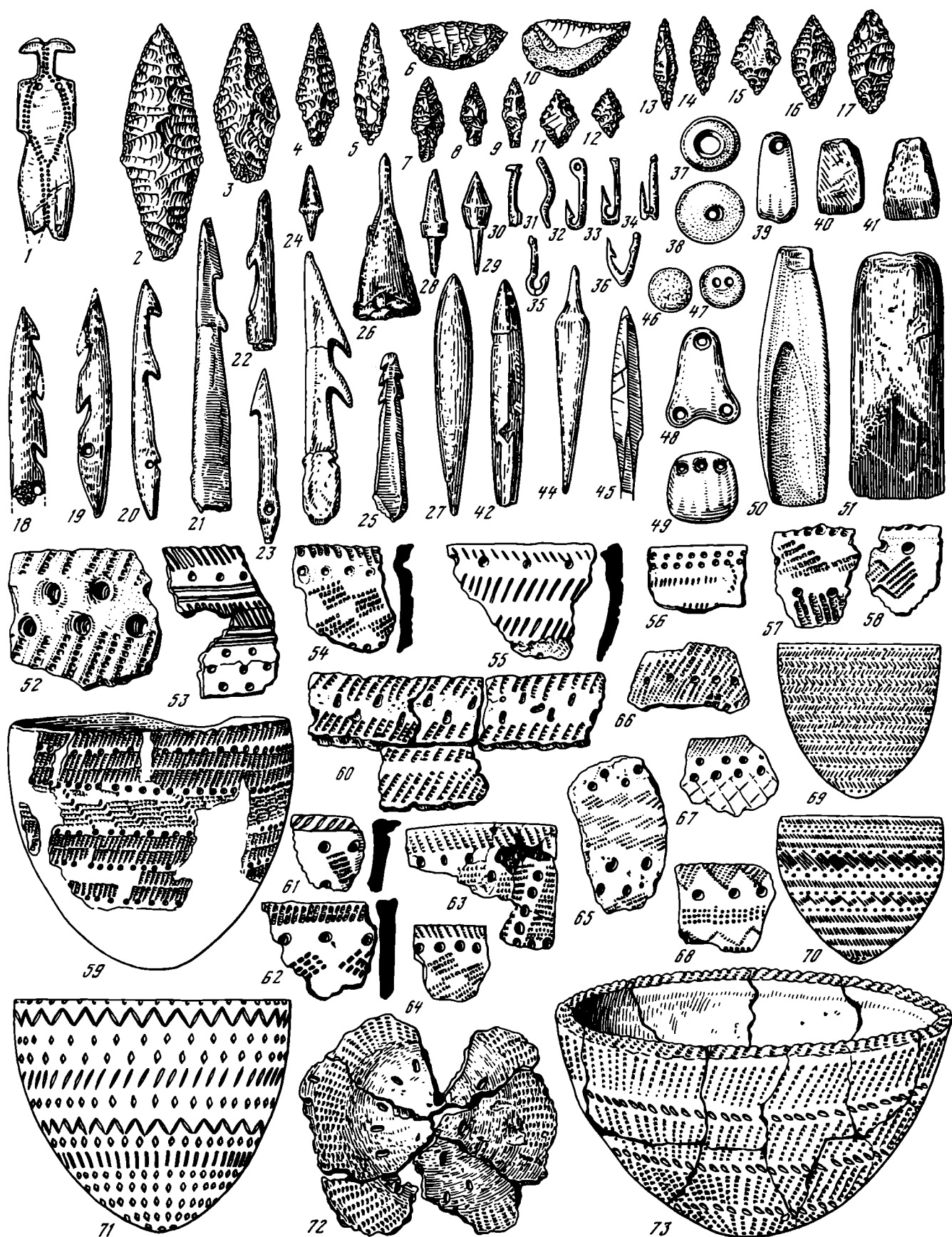

Рис. 47. Культура гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская)

1 – Ладожская; 2 – Крейчи; 3, 4, 33–35, 40, 42, 48, 49, 73 – могильник Звейниеки; 5, 9, 13, 19, 20, 25, 26, 28–31, 38, 45, 51, 56, 69 – Тамула; 6, 10, 52 – Сулька; 7, 8, 14–16, 18, 22, 36, 37, 53–55, 57, 58, 61, 62, 64 –

Валма; 11 – Сарнате; 12, 27 – Пиестия; 17, 23 – Нарва II; 21, 32, 41, 44, 46 – Лубана; 24, 65, 66, 68, 70 – Акали; 39 – Ича; 43, 67 – Вилла; 47, 60, 71, 72 – Нарва I; 50 – Будянка; 59 – Ягала; 63 – Кулламяги

кой головкой и коротким, уплощенным черешком, массивные гарпуны с крупными, редкими зубцами, составные рыболовные крючки и др.

Керамика имеет ряд характерных особенностей. Примесью к глине служит дресва или дробленый кварц. Сосуды сделаны в технике “подлепа”. Край сосуда утолщен, срез орнаментирован, иногда гофрирован нажимом пальца или штампом, днище коническое. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов и состоит из гребенчатых отпечатков, дополненных коническими ямками. Наиболее характерным является узор из диагональных полос гребенчатого штампа – “лесенки”, зигзагообразные линии и ромбы, типичны “флажки” – ромбы, выполненные гребенчатым штампом, размещенные в один ряд в верхней части сосуда. Ни в одной из других культур этот мотив в массе не встречается. Своеобразно украшение сосудов плавущими “уточками”, выполненными гребенчатым штампом, реже ямками, которые помещены всегда над прямой или зигзагообразной линией, очевидно, символизирующей воду. Сосуды с такой орнаментацией встречаются не только в прибалтийской, но также в карельской и каргопольской культурах.

Керамика прибалтийской гребенчато-ямочной культуры ближе всего напоминает карельскую, но отличается от нее примесью к глине дресвы (вместо песка), наличием в орнаменте “флажков”, преобладанием оттисков гребенки над ямками и присутствием гофрированного края. В прибалтийских сосудах почти не встречается остроугольный срез края, орнаментированного гребенчатым штампом, типичный для ряда карельских сосудов*.

Скрещение двух различных традиций – местной нарвской и прибалтийской прослеживается на ряде поселений. Большого, хронологического разрыва между ними нет. Материалы фиксируют и сам процесс смены культур – медленный, без резких скачков. Чрезвычайно показательна в этом плане керамика. На ряде памятников – Нарва-город, Нарва I, II присутствуют сосуды (а в некоторых из стоянок представлены только они одни), сочетающие признаки нарвских и прибалтийских, при этом старые традиции удерживаются в технике изготовления, инновации же выступают в орнаментации и форме. Для этой гибридной керамики характерна примесь раковины или растительности иногда с дополнением песка, расчески гребенчатым штампом на внешней и внутренней поверхности. При этом органическая примесь на территории, занятой нарвской культурой, удерживается вплоть до позднего неолита – Тамула и др. (так называемая “пористая” керамика).

Соотношение новых и старых культурных традиций в различных частях рассматриваемого региона было неодинаковым. В Эстонии и значительной части Латвии постепенно новые традиции полностью вытеснили прежние. В Лубанской низине в развитом и даже позднем неолите в керамике сохраняются нарвские традиции, примером чего служат стоянки Пиестиня, Найниексте, Абора и др. Таким образом, переход к новой орнаментации в гибридной керамике означает, что в процес-

се скрещивания двух культур, по-видимому, одержали победу традиции пришельцев – носителей прибалтийской культуры с гребенчато-ямочной керамикой.

На территории Эстонии прибалтийская культура представлена рядом выразительных памятников: Нарва II, верхний слой стоянки Нарва, верхний слой Кяэпа, Валма, Вилла. Аналогичные материалы встречаются и на памятниках со смешанными комплексами, как например, Акали, Куллямяги и др. Исходя из того, что в Нарве I, Нарве и Кяэпе ощутимо выступает связь с предшествующим периодом – нарвской культурой, их следует считать наиболее ранними в данной группе. Это подтверждается радиоуглеродными датами для верхнего слоя Кяэпы, близкими возрасту ее нижнего слоя, содержащего нарвскую керамику.

Большое значение для уточнения взаимоотношения нарвской и прибалтийской культур имеет стоянка Нарва (Янитс, 1966). Залегающий в верхнем слое комплекс, связанный с прибалтийской культурой, содержал в отличие от нижнего, нарвского, многочисленные орудия из кремня, преимущественно привозного (в том числе валдайского) – наконечники стрел с двусторонней обработкой, главным образом листовидные, скребки, часто ретушированные с брюшка. Сосуды, сохраняя основные признаки гребенчато-ямочной керамики, содержат черты, типичные для нарвской посуды (примесь раковины или растительности, расчески на внутренней стороне, стыковая техника изготовления).

В прибалтийской культуре выделяются два хронологических этапа – ранний и поздний. Среди ранних памятников Усть-Рыбежна I, Негежма и Ладожская в Приладожье, в Эстонии – Нарва II, Кяэпа, Валма, Вилла, часть стоянок Акали и Куллямяги, в Латвии – Звизде (4–8 слои), часть поселения Сарнате и др.

Для правильного понимания истоков прибалтийской культуры в Восточной Прибалтике существенное значение имеют неолитические памятники Южного Приладожья, поскольку, очевидно, именно отсюда начиналось продвижение населения на запад.

Наиболее выразительным памятником является поселение Усть-Рыбежна I, расположенное на р. Паша, впадающей в Ладожское озеро. Культурный слой здесь – гумусированный темный песок (0,40–0,50 м) перекрывался слоистой толщей суглинка (более 1,5 м), разделенной тонкими прослойками песка, отложившимся в результате трансгрессии Ладожского озера (Гурина, 1961а; Рис. 115). Надежно “запечатанные” археологические материалы исключают механическое смешение находок. Огромное количество типичной гребенчато-ямочной керамики, обилие кремневых и сланцевых орудий, янтарные украшения, выразительные хозяйственные комплексы позволяют судить о характерных особенностях прибалтийской культуры.

Среди кремневых орудий – иволистные и ромбические наконечники стрел и копий, ножи с двусторонней ретушью, масса проколов, сверл, скребки, тщательно ретушированные. Многочисленны сланцевые орудия от стамесок до крупных топоров, изготовленные с применением пиления. Здесь же найдены и песчаниковые пилы.

Сосуды значительного размера (устье одного равно

* На территории Карелии и к востоку от Онежского озера встречается и собственно гребенчато-ямочная керамика, что предполагает продвижение населения рассматриваемой культуры в эти регионы.

70 см), большинство имеет примесь дресвы, несколько – примесь раковины. Геометрический орнамент состоит из диагональных и зигзагообразных полос, “флажков”. Очевидно, разнообразие узоров отражает не только длительное существование поселения Усть-Рыбежна I, но и широкие связи обитателей с населением соседних областей. Об этом свидетельствует также обилие крупных кремневых орудий, среди которых изготовленные из валдайского кремня, янтарные изделия, характерные для Восточной Прибалтики, подвески, кольца, а также сланцевые орудия, повторяющие карельские формы.

Отчетливо выражены прибалтийские комплексы в Негежме на р. Свири (Земляков, 1932), в Ладожской стоянке (Иностранцев, 1882), на стоянках Карельского перешейка (Pälsi, 1915), Сестрорецком Разливе и др. (Гурина, 1961a).

Видимо, к позднему этапу развитого неолита следует отнести памятники, где представлены лишь сосуды с типичным гребенчато-ямочным орнаментом. К ним относится поселение Валма в Эстонии. Кремневые орудия здесь довольно многочисленны. Наконечники имеют листовидную и ромбическую форму, шлифованные тесла и долота из сланца, среди костяных выделяется большое количество составных рыболовных крючков, нож из кабаньего клыка, подобный орудиям нарвских стоянок, игла для вязания сетей. Сосуды имеют примесь дресвы, полуяйцевидную форму с округлым дном, утолщенный, иногда гофрированный венчик. Орнамент покрывает всю поверхность, господствует гребенка, составляющая вместе с ямками геометрический узор (Янитс, 1959). Сосуды напоминают классическую керамику развитого неолита Финляндии, так называемый “лучший гребенчатый стиль” по Айлио (Ailio, 1922).

Памятники прибалтийской культуры известны и в других районах Эстонии, среди них наиболее интересны стоянки Вилла, Акали, Кулламяги и др. (Jaapits, 1955, Янитс, 1959). Каждая из них, обладая общими чертами, содержит и ряд индивидуальных особенностей, проявляющихся в костяной и кремневой индустрии, а также в деталях орнаментации керамики. В Латвии памятники этого времени многочисленны. Наиболее ярко выраженными являются стоянки Сулька на Лубанской низине и часть поселения Сарнате – в Западной Латвии.

Прибалтийский комплекс Сульки близок комплексу Звейсалас, где он, будучи отделен от нижележащего – нарвского – стерильной прослойкой, содержал значительное количество кремневых орудий – крупных двустороннеобработанных наконечников стрел, ножей, скребков, преимущественно на массивных отщепах, в том числе необычайно крупной величины плоский, правильной овальной формы нож из желтого, типичного для Валдая, кремня. Следует отметить также обломок шиферного кольца с насечками по краю.

В Звидзе слой с гребенчато-ямочной керамикой лежит непосредственно на слое нарвской культуры. По характеру материала он подразделяется на I и II. Здесь встречены редкие для прибалтийской культуры деревянные изделия (мотыги, ковши, колотушки, поплавки), костяные орудия (наконечники стрел – биконические, игловидные, черешковые, ножи, шилья, кинжалы), изделия из кремня, украшения из янтаря.

Гребенчато-ямочная керамика группы I, залегающая по всей толще культурного слоя (4–8), в нижней толще гравия образовывала чистый комплекс. Горшки с примесью дресвы, реже органики, крупные, круглодонные, украшенные по всей поверхности чередующимися оттисками гребенки и ямками, фигурами заполненных ромбов или широких лент, реже встречается гладкий штамп или оттиски веревки.

Поселение Звидзе имеет важное значение для установления генетической преемственности и непрерывного развития культур – от местного мезолита к нарвской, которую сменяет прибалтийская, а затем эпоха бронзы.

В прибалтийской культуре в качестве украшений использовали зубы животных с уплощенной корневой частью, шиферные и сланцевые кольца, гладкие или с нарезками по краю, типичные для Карелии и Финляндии. Часто украшения выполнялись из янтаря. Большое количество их найдено в Сарнате, Валме, Сульке, в верхнем культурном слое Звидзе, в Усть-Рыбежне I и др. Из янтаря изготовлены также и предметы искусства – фигурки животных (Валма, Сарнате – лось и, видимо, медведь). Скульптурные изображения делались также из глины. В Сульке обнаружено изображение человеческого лица, в Сарнате – фрагмент фигурки, по манере исполнения близкой фигуркам из стоянки Пурциемс. Аналоги есть в Карелии и Финляндии. С поселения Валма известно глиняное изображение сидящего медвежонка, костяная фигурка животного, костяная головка птицы, в верхнем культурном слое Звидзе – змея из рога, фрагмент фигурки рыбы и антропоморфное изображение из глины, в Найниексте – человеческое лицо.

На поселениях прибалтийской культуры сохранились очаги и кострища. Сходные печи-каменки с хорошо выраженным устьем найдены в Усть-Рыбежне I и Нарве. Около очагов располагались хозяйственные ямы, заполненные гумусированным слоем и фрагментами сосудов. На поселении Валма очаги не имели каменной кладки, но были углублены в материк и заполнены золой и мелкими угольками. Остатки 15 жилищ прибалтийской культуры найдены в Сарнате. Они сохранились в виде невысоких округлых (жилища 6 и 15) или овальных (жилища 3 и 5) в плане бугров песка с примесью углей и золы в центре. Остатков каких-либо деревянных конструкций не обнаружено. Размер бугров 3 × 3, 2,8 × 4–6 м. Контуры их основания в виде песчаной прослойки четко выделялись на фоне коричневого торфа, при этом песок был насыпан непосредственно на торф. Это был пол жилища. Находки концентрировались только в песчаных пятнах. Видимо, постройки были наземными, округлые и овальные в плане, с конусовидной крышей из жердей и набросанными на них ветками, корой или шкурами животных. Посередине жилища разводился костер.

Жилище 2 являлось, по-видимому, мастерской. В нем обнаружено восемь кремневых наконечников, 11 скребков, 43 фрагмента разных кремневых орудий, 840 отщепов кремня, 126 предметов из янтаря, в том числе 48 различных янтарных подвесок и их фрагментов, 13 пронизок, одна бусина, 61 пуговица и около 2000 кусочков необработанного янтаря. Жилище 3 – овальный песчаный бугор размером 12,5 × 5–6 м, содержало более 1800 фрагментов керамики (от 60 сосудов) двух типов – ти-

пичную гребенчато-ямочную и гибридную. Среди находок 43 кремневых наконечника стрел (преобладают ромбические), более 2600 отщепов кремня, желобчатое долото, две больших шлифовальных плиты, а также 49 предметов, 35 необработанных кусков и около 400 кусочков янтаря (Ванкина, 1970).

В средненеолитическом слое Звезде встречены остатки построек – колья, столбы, заостренные или с раздвоенным концом. Они располагались по периферии и в центре строения. Размер жилища 80 кв.м, вход размещается под навесом с восточной стороны. Крыша была двускатной.

О хозяйстве племен прибалтийской культуры известно мало. Расположение поселений у озер и рек, богатых рыбой, а также разнообразные рыболовные крючки, цельные и составные, грузила, иглы для вязания сетей, гарпуны – указывают на развитое рыболовство. Особенно богатую информацию дают стоянки Приладожья. Судя по костям рыб, на побережье Ладожского озера ловили судаков, окуней, лещей, а также тюленей.

Несомненно большую роль в экономике играла и охота, в особенности на крупного зверя. Охота и рыболовство могли дополняться собирательством. Как и в других культурах эпохи неолита в лесной зоне, по всей вероятности, хозяйство было многоукладным и преобладание той или иной отрасли зависело от ситуации.

Погребения прибалтийской культуры известны в Валме, в позднем неолите – два захоронения в Наакамяз. К той же культуре Ф.А. Загорскис причисляет третью группу погребений могильника Звейниекс (Zagorskis, 1974). Ориентировка погребенных восточная или западная, изредка видна присыпка охрой, инвентарь – кремневые наконечники стрел и копий, скребки, костяные наконечники и гарпуны, шилья, мелкая пластика из кости, рога и глины. В погребении двух подростков найден характерный сосуд с гребенчато-ямочным орнаментом.

Очевидно, к самому позднему этапу прибалтийской культуры следует отнести часть погребений могильника Крейчи. Положение захороненных различно, некоторые засыпаны охрой. Сопровождающий материал немногочислен (за исключением трех случаев) и состоит в основном из украшений – подвесок из зубов животных и янтаря. Ф.А. Загорскис относит эту группу к финно-угорским племенам, датируя ее первой половиной III тыс. до н.э.

Основываясь на датировке Звезде, можно заключить, что в первой половине III тыс. до н.э. восточное население оказало достаточно сильное влияние на аборигенов Эстонии и Латвии, свидетельством чего может служить Пиестия с ее гибридной культурой. Существенно, что часть стоянок, очевидно, наиболее ранних (Усть-Рыбежна I, Негежда, Ладожская) залегают под отложениями Ладожского озера, образовавшимися во время его трансгрессии. Радиоуглеродная дата Усть-рыбежны I, полученная по углям из печи-каменки – 6380 ± 240 г. вызывает некоторое сомнение. Однако, совершенно очевидно, что жизнь на поселении закончилась до образования озера, заторфовавшегося лишь впоследствии, после регрессии Ладоги, т.е. задолго до середины III тыс. до н.э. Поселение Усть-Рыбежна I следует датировать не позднее начала III тыс. до н.э. То же можно сказать и в отно-

шении Ладожской стоянки, культурный слой которой был перекрыт отложениями Ладожского озера. На этой стоянке, помимо нарвской керамики, типичной для Эстонии (Нарва I, III), найдены орудия из кости под углом 45°, классическая прибалтийская керамика и фигурка человека, имеющая полную аналогию в погребении могильника Звейниекс (рис. 47, 1).

В наиболее чистом виде прибалтийская культура встречается в пределах современной Ленинградской области и Юго-Восточной Финляндии. Здесь фиксируются лишь незначительные следы контакта с культурой сперрингс и нарвской. Однако местные корни ее пока проследить почти не удастся из-за невыраженности мезолитических памятников в Приладожье. Можно отметить лишь общность с мезолитическими сланцевыми орудиями Антреа – Карельский перешеек (Pälsi, 1920; Nüüpte, 1979; Luho, 1948), с кремневыми – стоянка Разлив. Вместе с тем, очевидна ее связь с культурами ямочно-гребенчатой керамики (ляловская, рязанская, др.). Не исключено влияние валдайской культуры, обладающей ярко выраженной кремневой индустрией и гребенчатой орнаментацией сосудов. К более позднему времени относятся стоянки прибалтийской культуры гребенчато-ямочной керамики в Эстонии и Латвии. Во всех случаях они перекрывают слои с нарвской культурой (Нарва, Кяэпа, Звезде и др.). По-видимому, появление здесь носителей прибалтийской культуры относится к середине III тыс. до н.э. Поскольку в Эстонии и Латвии встречается керамика, в которой сочетаются черты нарвской и прибалтийской культур, следует заключить об отсутствии значительного хронологического разрыва между ними. Очевидно, на определенном этапе они сосуществовали и взаимодействовали*. Затопление ранних памятников Ладожским озером во время трансгрессии могло заставить население покинуть эти места и отойти на запад – на территорию Эстонии и Восточной Латвии.

Стоянки постнарвского типа**

В восточной Прибалтике известен ряд памятников среднего и позднего неолита, соединяющих в себе черты нарвской культуры и прибалтийской (гребенчато-ямочной керамики). К ним относятся хорошо изученные стоянки Лубанской равнины – Пиестия, часть комплекса

* Авторский текст сохранен почти без изменений. Следует отметить, что большинство исследователей придерживается названия культуры, предложенного А. Европеусом-Яуряпяя (Eugoraeus-Aurjää, 1930) – гребенчато-ямочной керамики. Характеристика и историческая интерпретация этой культуры в свое время даны Л.Ю. Янитсом, который датировал ее III тыс. до н.э. и считал местом происхождения западное Приладожье. В этническом отношении носители культуры гребенчато-ямочной керамики рассматриваются как предки прибалтийских финнов (Янитс, 1956. С. 156; Моора, 1956). По результатам раскопок последних лет всесторонняя характеристика памятников гребенчато-ямочной керамики Восточной Прибалтики опубликована И.А. Лозе (1984). В Лубанской равнине эти памятники датированы 4700–4000 лет назад, т.е. III тыс. до н.э. К этой культуре относится часть погребений могильника Звейниекс, причем здесь выявлен мезокранный антропологический тип, в сложении которого участвовал долихокранный тип (Денисова, 1975).

** Памятники позднего этапа этой группы получили названия: поздненарвская культура (Р.К. Римантене, А.А. Гириникас), культура пористой керамики типа Абора или восточнобалтийская (И.А. Лозе).

верхнего слоя Звидзе, Абора I, Эйни, Найниексте и др. (Zagorskis, 1965; Лозе, 1965, 1979). В основном эти памятники распространены в Восточной Латвии и Эстонии.

Характерной их чертой являются отчетливо выраженные традиции нарвской культуры, что проявляется прежде всего в керамике – примесь органики и раковины, сохранение элементов орнамента и композиций, наличие плоских мисочек (ламп?). Сохраняются прежние типы костяных и роговых орудий, хотя и несколько модернизированные (биконические наконечники стрел, мотыги, проколки). Вместе с тем, заметны новые черты культуры – много наконечников стрел, скребков и других орудий из кремня, изменяется форма сосудов и орнаментация, появляются основные черты, свойственные керамике прибалтийской культуры. Указанную группу памятников развитого (типа Пиестиня) и позднего (типа Абора) периодов мы выделяем в особую постнарвскую культуру, подчеркивая тем самым преемственность ее от культуры нарвской.

Наиболее ранним памятником ее является Пиестиня (Загорскис, 1967), расположенная в северо-восточной части Лубанской равнины. Культурный слой (0,5–0,7 м) залегал здесь под торфом толщиной 1 м*. Среди кремневых орудий наконечники стрел овальной и ромбической формы, иногда со слабо выраженными шипами, много кремневых чешуек. Представлены биконические наконечники стрел с уплощенным насадом, проколки из грифельных костей, поплавки из сосновой коры, янтарные украшения (подвески, пронизки, кольца, пуговицы).

Керамика имеет признаки двух культур. Одна группа (5–10% всех черепков) принадлежит типичной ямочно-гребенчатой керамике. Некоторые из них заглажены – прием, присущий нарвской керамике. Орнамент образован крупной гребенкой и коническими ямками, на многих присутствует мотив, традиционный для прибалтийской культуры (гребенчато-ямочной керамики) в виде “флажков”. Отдельные сосуды украшены сплошными треугольниками, выполненными гребенкой. Вторая группа сосудов изготовлена с примесью раковины или растительности. Гибридный ее характер с особой наглядностью выступает в орнаментации. Наряду с чертами, свойственными нарвским сосудам – поверхностный орнамент, выполненный ямчатыми и точечными вдавлениями, образующими горизонтальные или диагональные пояса, – встречаются узоры, повторяющие рисунки на гребенчато-ямочной керамике, вплоть до “флажков”. Именно эти сосуды и получили название керамики типа Пиестиня.

Поздний этап постнарвской культуры (поздний неолит–ранняя бронза) в Латвии представлен серией памятников (11 поселений и два могильника), среди которых особенно известны Абора I, Асне I, Лагажа, устье Малмута и др.

К этой группе относится стоянка Крейчи (Zagorskis, 1961), где найдена нарвская керамика, гребенчато-ямочная и переходного типа, представляющая особый интерес. Сосуды с примесью органики и раковины, край

утолщенный, иногда профилированный, орнамент поверхностный. Встречается пунктирный гребенчатый штамп, образующий незаполненные вертикальные ромбы или “елочку”, иногда нанесенную поверх горизонтальных ямочных поясов, ямчатые углубления и особый “линейно-пересеченный” штамп, встречающийся на ряде стоянок Латвии, Эстонии, Ленинградской области и юго-восточной Финляндии в позднем неолите – раннем металле. Есть сосуды, орнаментированные лопаткой, обмотанной шнуром – имитация ткани или нарезной узор. Среди костяных орудий биконические наконечники стрел, острия из метаподий, кинжалы, мотыгообразные. Наконечники стрел из кремня овальные и ромбические, треугольные и с черешком. Встречены пластинки с ретушью, рубящее орудие, янтарные украшения (подвески, пронизки), просверленные зубы медведя, лося и кабана. Кремневые орудия связаны с комплексом гребенчато-ямочной керамики (рис. 48).

Таким образом, переход от среднего к позднему неолиту, прослеженный и по другим памятникам, характеризуется появлением пористой керамики позднего облика, отличной от керамики раннего неолита, но также имеющей органическую примесь. Очевидно, эти памятники следует относить к концу III тысячелетия до н.э.

Финальный этап позднего неолита представлен материалом поселения Абора I, расположенным в северной части Лубанской равнины (Лозе, 1979). Среди огромного количества костяных орудий много наконечников стрел, преимущественно игловидных, длинных и укороченных, а также коротких биконических. Наконечники гарпунов двух типов – крупные, с редкими односторонними зубцами, и односторонние и двухсторонние гарпуны с маленькими зубцами в верхней части, с отверстиями для крепления. Костяные ножи изготовлены из трубчатых костей, кинжалы – из локтевых костей животных. Много шильев, острий, проколов, долот из распиленных вдоль костей животных. Имеются роговые мотыги с отверстием, ножи из клыков кабана, пробитые фаланги парнокопытных. Четко выражены типы кремневых наконечников стрел – треугольные с прямым или вогнутым основанием и обработкой по краю, треугольно и овально-черешковые, овальные, листовидные, ромбические и подромбические с усеченным черешком. Сланцевые орудия двух типов – массивные топорообразные и мелкие тесла и долота подчетырехугольных и подтреугольных очертаний. Встречены сверленный ладьевидный топор и обломки таких изделий.

Керамика представлена двумя группами: 1 – пористая, 2 – с примесью песка или дресвы. Пористая керамика имеет две подгруппы – с гладкой поверхностью (I) и с отпечатками ткани или штриховкой (II). Гладкостенные сосуды украшены гребенкой, линейными и ямчатыми вдавлениями, прочерченными линиями, кружковым орнаментом, оттисками перевитого шнура. Сосуды котлообразные или баночной формы, с S-образной профилировкой, встречаются также низкие овальные миски (ламп?), которые присутствуют на всех других поселениях.

Пористой керамике присущи основные черты сосудов нарвского типа, новым преимущественно является плоское дно. Прослеживается ее преемственность от керами-

* Важно отметить, что на стоянке Пиестиня слой гребенчато-ямочной керамики залегал ниже слоя с керамикой типа Пиестиня или пористой (Загорскис, 1967).

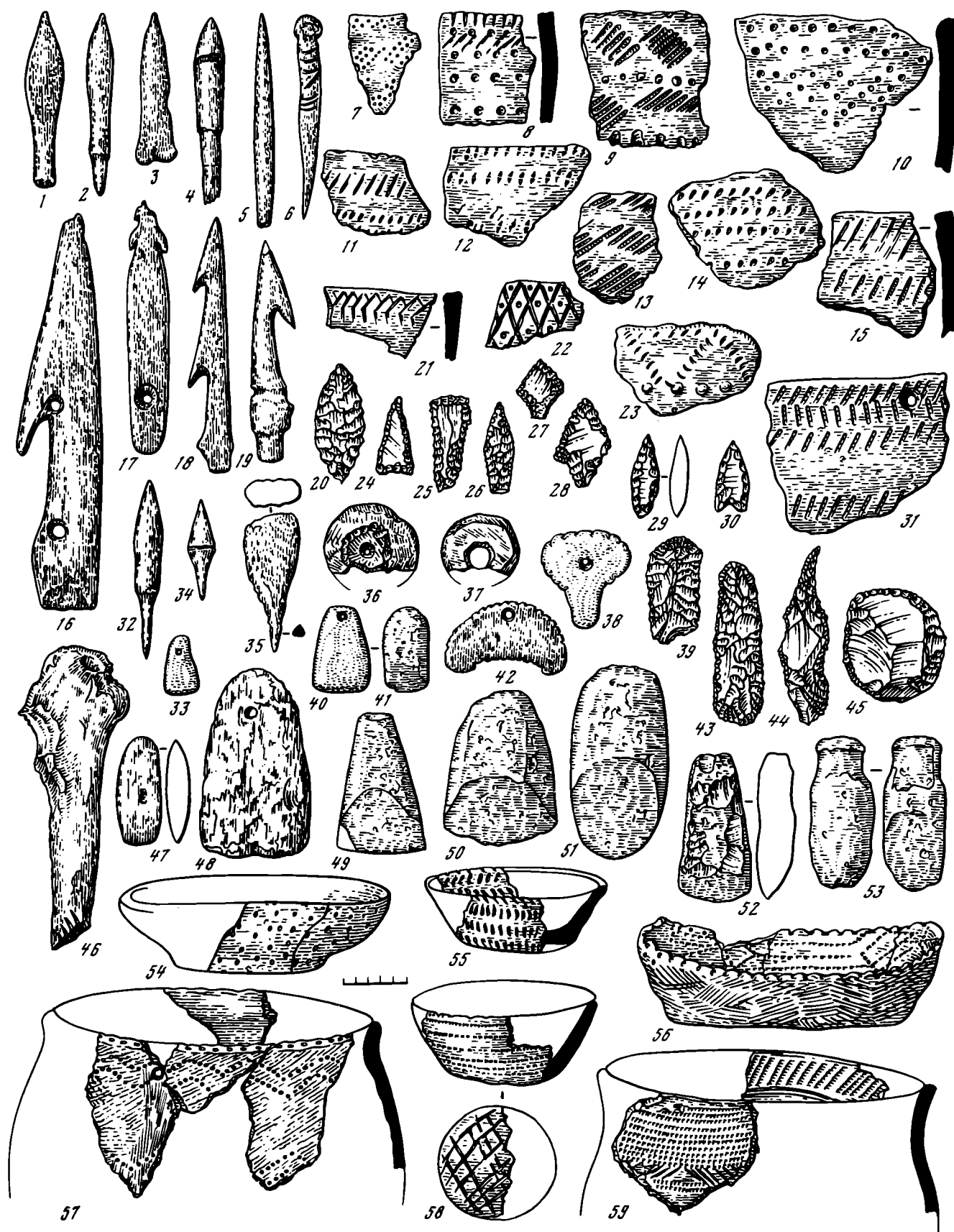

Рис. 48. Орудия и керамика стоянок типа Пиестиня и Абора (постнарвская культура)

1-6, 16-18, 25, 27-30, 32, 34, 35, 38-43, 45-47, 50-52, 54-59 – Абора I;
7-15, 20-23, 26, 31, 33, 36, 37, 48, 53 – Пиестиня; 19 – Ринпокалнс; 24,
44, 49 – Лагажа

ки развитого неолита, что выражается в форме посуды и орнаментации. Существенно, что она находит аналогии в сосудах слоев А и Б поселения Усвяты IV. Однако, пористая керамика первой подгруппы ближе к эпохе бронзы и несет на себе уже влияние культуры шнуровой керамики.

Большинство сосудов второй подгруппы профилированные, иногда тулово близко к шаровидному, встречается также баночная и котловидная формы, есть миски (высотой 6–7 см), округлой или овальной формы. На части сосудов поверх отпечатков ткани нанесен узор – прорисованные линии, отпечатки гребенчатого штампа, ямки, насечки или перевитой шнур. Узор локализуется в верхней части сосуда, порой переходит на внутреннюю сторону. В ряде случаев композиция складывается из горизонтальных зон, вертикальной “елочки”, косой сетки или более сложных геометрических фигур. На всех поселениях обе подгруппы пористой керамики залегают в одном горизонте, что свидетельствует об их синхронности.

На поселении Абора I найдены деревянные предметы. Среди них колотушка для раскалывания орехов, остатки рыболовных сооружений, корзина из ивовых прутьев, фрагменты муфты, ковша, корыта, миски, ложка.

Постнарвская культура Эстонии представлена двумя культурными группами поздненеолитических памятников: юго-восточной (Тамула) и западной – поселениями о. Сааремаа (Ундва). Наиболее выразительно поселение Тамула* (Jaaniits, 1957). Кремневые орудия встречаются здесь в относительно большом числе. Сохраняется ряд типов, существовавших в предшествующее время, но появляются и новые. В числе наконечников стрел сохраняются листовидные формы, некоторые с намеченным черешком, ромбовидные с шипами и усеченным черешком, удлинённые треугольные и маленькие с частичной обработкой, сланцевые наконечники с ромбическим сечением и уплощенным черешком. Среди сланцевых орудий тесла и долота четырехугольных очертаний, маленькие стамески и долота с продольным или поперечным желобком (“круммайзели”). Крупные скребки на плоских отщепках и мелкие (иногда до 1 см). Костяные орудия продолжают традиции нарвской культуры. Среди них гарпуны с редкими зубцами и отверстием в основании (один орнаментирован), биконические наконечники стрел, кинжаловидные орудия из трубчатых костей и метаподий лося, тонкие проколки (иглы?), целые и составные рыболовные крючки, тесла из трубчатых костей, пробитые фаланги.

Керамики мало. Она сохраняет черты предшествую-

щего периода, но уже имеет новые признаки. В тесте примесь песка, раковины и растительности, обжиг слабый. Орнаментация посуды весьма скудная и расположена в верхней части сосуда – это отпечатки веревочки или гребенки, параллельные ряды ямчатых вдавлений в сочетании с оттисками гребенки, наколами, кружками и т.п. Много керамики без орнамента.

В керамике поселения Ундва примесь песка или иная. Сосуды крупные с толстыми стенками и дном, которое обычно круглое, в одном случае плоское. Орнамент посуды горизонтально-зональный, выполнен гребенчатым штампом, реже – оттисками веревочки.

На нескольких поселениях позднего неолита обнаружены остатки жилищ в виде ям – следов от вкопанных столбов, служивших опорой для крыши и стен. Жилища были наземными, столбовой конструкции, с двускатной крышей, имели четырехугольную или прямоугольную в плане форму, их размер 40–50 кв.м. Такие сооружения известны в Абора I, Асне I, Эйни, Лагажа. Предполагается, что были и двухкамерные жилища, например, в Лагажа сохранились остатки разделительной стены внутри*. В помещениях было по два–три очага, обложенных камнями, в окружении скоплений чешуи и позвонков рыб, перемешанных с пеплом. На поселениях сооружались платформы из дерева для спуска к воде, сам склон укреплялся камнями (Лозе, 1979. С. 57).

На памятниках позднего неолита в Эстонии жилища не сохранились, но судя по остаткам вбитых в торф свай в Тамула, можно заключить, что здесь они тоже были наземными. Сохранился в Тамула и каменный очаг с углями и рядом куски обугленного дерева, вероятно, остатки топлива.

Остеологические материалы из Тамула свидетельствуют, что здесь охотились на лося, кабана, тура и бобра, изредка на медведя, благородного оленя и пушных зверей (куницу, выдру). Сходные объекты охоты зафиксированы и на стоянках Лубанской низины. В целом, основой экономики оставались охота и рыболовство. В приречной части поселения Абора I, на глубине 1,0 м, найдены остатки верши (длиной 0,80–1,15 м). Лучины, из которых она изготовлена, залегают тремя слоями и через каждые 13–18 см скреплялись лыком. Очевидно, она крепилась к колу (длиной 1,9 м). Обнаружены три деревянных стрелы с расширениями на концах или в средней части и круглыми отверстиями в них, а также с несколькими (от пяти до восьми) мелкими отверстиями. Эти предметы могли использоваться для крепления вершей или сетей. Найдены остатки мелкоячеистой сети, сплетенной узелковым способом. О применении таких сетей можно судить по остаткам ихтиофауны в Тамула, но присутствуют и кости крупных особей – щука до 16,6 кг, сомы до 80 кг (Янитс, 1954). В приморских поселениях большое значение имело уже морское рыболовство и зверобойный промысел. На Сааремаа в Наакомьяэ 91,6% костей принадлежали тюленю и 6,1% морской свинье, а в Лооне – 72,5% морской свинье. Наконец, фиксируется и начало производящего хозяйства. В Тамула найдены кости свиньи, козы или овцы, домашнего быка

* Поселение Тамула находится на юго-востоке Эстонии у западного берега озера Тамула, в течение 1942–1968 гг. исследовано раскопками Р. Индрекко, Х. Моора и Л. Яанитса на площади 600 кв.м. Памятник относится к финалу культуры гребенчато-ямочной (типичной гребенчатой) керамики, когда ее население охотников и собирателей вступило в контакт с племенами ладьевидных топоров, уже знакомыми с примитивным земледелием. По серии радиокабоновых дат Тамула относится к периоду последняя четверть III – вторая четверть II тыс. до н.э. (Jaaniits, 1984. С. 192). Антропологические материалы из найденных здесь погребений (25) показали, что наряду с европеоидами представлены протолапоноиды (Mark, 1970).

* Следы жилища с двойной стеной были открыты Л.В. Ванкиной на поздненеолитическом поселении Лейманишки (Лозе, 1979. С. 58).

(одна кость), в Лоона – молодых свиней (30 костей). В Звидзе, в слое позднего неолита, тоже обнаружены кости домашних животных (31 особь). Таким образом, можно предположить распространение скотоводства в позднем неолите.

Особого внимания заслуживают костяные и янтарные украшения и предметы искусства – изделия с резным орнаментом, скульптура и глиняная пластика, найденные в Аборе I и Тамуле, в других стоянках (Лозе, 1969; Jaanits, 1957). Костяные украшения в Аборе I представлены лунницами (4 экз.) различной величины с зубчатыми краями и отверстиями для подвешивания, овальными и трапециевидными подвесками и кружками с зубчатыми краями (рис. 48). Выразительна антропоморфная скульптура, в особенности мужская фигура, скульптурные изображения змеи с отверстием или выступом на конце хвоста (Лозе, 1979). Поражает разнообразие янтарных изделий. Среди них подвески каплевидной, овальной формы, в виде ключа*, крышеобразные. Янтарные пуговицы с V-образным отверстием бывают четырехугольные, округлые, треугольные. Найденны кольца и пронизы для скрепления ожерелий, фигурные украшения.

Скульптурные изображения и янтарные изделия найдены и в других постнарвских памятниках. Среди них костяная подвеска, нож с человеческой головкой, зооморфные изображения и орнаментированные костяные пластины – в Лагаже, клык кабана с орнаментом, янтарные каплевидные подвески и кружок с отверстием – в Эйни, янтарные изделия в Асне и др.

Особенно богато представлены предметы изобразительного искусства в Тамуле – скульптуры птиц, людей, животных, змеи (рис. 46), шиферные и сланцевые кольца.

В центральной части поселения Абора I обнаружено 61 погребение, среди них одиночные, парные и групповые (до трех человек). Погребенные находились в вытянутом на спине положении, в скорченном или сидячем (два случая). Ориентация неустойчивая. Скорченные погребения, по-видимому, относятся к культуре ладьевидных топоров и шнуровой керамики, остальные более поздние (Лозе, 1978. С. 52).

К этому же времени относятся 15 одиночных захоронений на поселении Квапаны II. Сопровождавший инвентарь, за исключением одного случая (янтарной подвески) отсутствовал (Лозе, 1979. С. 53). В Тамуле исследовано 25 захоронений (Янитс, 1954; Jaanits, 1957). Из них 12 на спине (в том числе одно двойное – мужчина с ребенком), 6 – скорченных, 1 – завернутое в бересту, вниз лицом на животе. Погребения сопровождались большим количеством украшений – подвесок из зубов животных, костяных пронизок, предметов искусства (зооморфные и антропоморфные фигурки).

В формировании балтов на территории Лубанской низменности в раннем неолите (Оса, Звидзе), прослеживается связь с местным мезолитом. В начале развитого неолита сюда проникают в восточной части носители гребенчато-ямочной керамики. Племена разных культур некоторое время сосуществовали, на что указывает близкое соседство синхрон-

ных памятников с поздней нарвской и гребенчато-ямочной керамикой (Сулька, Сарнате и др.). Постепенно происходила взаимная ассимиляция, но преобладали по-прежнему традиции нарвской культуры (Пиестиня).

В позднем неолите также наблюдается преемственность элементов культуры от раннего и развитого неолита, что находит выражение в основной массе материала – пористой керамике и части кремневой индустрии. Вместе с тем, в позднем неолите прослеживается влияние культуры шнуровой керамики и ладьевидных топоров, очевидно, следствие проникновения населения западных областей.

На протяжении длительного времени (мезолит – ранняя бронза) на территории Восточной Латвии наблюдается генетическая преемственность культур, что свидетельствует об отсутствии полной смены коренного населения. Носителей гребенчато-ямочной керамики, продвигнувшихся в развитом неолите в Эстонию и Латвию, большинство археологов и антропологов связывают с предками финно-угров (Марк, 1956), а племена со шнуровой керамикой и ладьевидными топорами считают прабалтами (Моора, 1956; Денисова, 1975). Судя по археологическим материалам в восточной Латвии в неолите и ранней бронзе господствовали традиции нарвской культуры, тогда как в Эстонии они оказались слабее и постепенно уступили ведущее место традициям пришельцев с востока. На территории Литвы не фиксируется массовое проникновение восточных племен, здесь нарвская культура на позднем этапе сменяется культурой шнуровой керамики, носители которой считаются прабалтами. Из сказанного следует, что формирование современного этноса в Прибалтике уходит корнями, вероятно, еще в неолитическую эпоху.

Неманская культура

Впервые на особенность памятников, относимых в настоящее время к неманской культуре на территории Белоруссии, обратил внимание А. Гардавский (Gardawski, 1958), включив ее в “днепро-эльбскую” культуру. Выделение их в особую “неманскую” культуру сделано несколько позднее (Гурина, 1965). Полное обоснование и характеристику она получила благодаря работам Р.К. Рима-нтене (1966), М.М. Чернявского (Черняускі, 1979) и В.Ф. Исаенко (1976).

Неманская культура занимала юго-восточную Литву, Белорусское Полесье, левобережье верхней Припяти и частично Северо-восточную Польшу. Значительная близость к этой культуре прослеживается в памятниках типа Цедмар, в Калининградской области, обладающих, вместе с тем, признаками нарвской культуры. Неманская культура на территории Литвы граничила с нарвской, что способствовало возникновению общих элементов в обеих культурах.

Для сосудов неманской культуры характерно острое или оттянутое днище, заполненное глиной, прямой или гофрированный край, орнамент только в верхней части. Основные элементы орнамента – насечки, наколы, прореченные линии, ямчатые вдавления. Обычно неманские сосуды орнаментированы под венчиком глубокими ямками, нанесенными снаружи или внутри, иногда ямки

*Ключеобразные подвески и некоторые другие предметы искусства принадлежат культуре ладьевидных топоров и шнуровой керамики, т.е. уже эпохе бронзы.

или “жемчужины” чередуются. В среднем неолите поверхность сосудов иногда целиком покрыта кривой сеткой из прочерченных линий. Форма сосудов – узкие, высокие горшки. Примесь в тесте растительная, на среднем этапе применялась и раковина.

Неманская неолитическая культура продолжила линию развития неманской мезолитической культуры, в силу чего многие типы орудий удержались в ней на раннем и последующих этапах. Среди орудий, перешедших из мезолита свидероидные наконечники стрел, остря яниславицкого типа, трапеции, пластинки с притупленной спинкой, резцы срединные, боковые и на углу пластинки, и др. Постепенно в кремневой индустрии возникают новые формы – треугольные наконечники с выемкой в основании, ретушированные по всей поверхности, пришлифованные топоры, просверленные топоры. Изменения в керамике приводят к использованию примеси дресвы, появляется S-видная профилировка венчика и плоское дно, усложняется орнаментация, применяются шнуровые отпечатки.

Со временем в результате внутреннего развития и под воздействием соседних культур, менялись границы и характер неманской культуры. Во второй половине III тыс. до н.э. она подверглась сильному влиянию культур шаровидных амфор и шнуровой керамики, проникавших на территорию Литвы. В северо-западной Белоруссии заметно влияние культуры воронковидных кубков, в юго-западной Белоруссии – днепро-донецкой. Это привело к формированию в позднем неолите и в эпоху бронзы новых культур.

Занимая значительную территорию, неманская культура не была повсюду одинаковой, что заставляет исследователей выделять два варианта культуры – понеманский в северо-западной Белоруссии и южной Литве и полесский в юго-западной Белоруссии (Черняускі, 1979). М.М. Чернявский выделяет в понеманском варианте три хронологических этапа развития – ранний (Дубичайский), средний (лысогорский) и поздний (доброборский).

Памятники раннего этапа встречены в южной Литве (Дубичай 2, Дубичай 3, Вереминис I, Эжяринас 23), в Белорусском Понеманье (Русаковичи I, Несиловичи VI, Бабинка), в Припятском Полесье (Сенчицы I, Камень II, Дубновичи II и др.), в северо-восточной Польше (Возна Вель, Сосня и др.).

Впервые неманская культура была выделена Р.К. Римантене в 1962 г. на стоянке Дубичай 3, расположенной в юго-восточной Литве на берегу бывшего оз. Пяласа. (Rimantienė, 1980). Культурный слой с этим комплексом был перекрыт слоем со шнуровой керамикой и материалами более позднего периода (Римантене, 1966). В кремневом инвентаре нижнего слоя отчетливо выступают мезолитические традиции – орудия на пластинах, свидероидные наконечники стрел с ретушью на острие и черешке, наконечник копья с частичной ретушью, скошенные остря, угловые резцы и мелкие концевые скребки.

Керамика представлена горшками с отогнутым или суженным горлом и плоскими мисочками. Примесь служит растительность, стенки заглажены. Орнамент скудный: двузубчатый штамп, редкие треугольники, наконечники, ямчатые вдавления, круглые плоские ямки под венчиком. Край гофрирован из-за вмятин, или плоский,

орнаментированный отпечатками гребенки, иногда внутренний край венчика украшен отпечатками штампа, обмотанного нитью. Аналогичный комплекс выделяется в Дубичай 2, где сосуды кроме растительной, имели примесь дресвы, а в орнаменте присутствуют еще отпечатки “лапки” и гребенчатые мотивы.

Дубичай 3 датируется на основании геоморфологических данных IV тыс. до н.э., Дубичай 2 – несколько позже. Видимо, ту же культурную принадлежность и возраст (IV тыс. до н.э.) имеет и стоянка Эжяринас 23, расположенная на первой надпойменной террасе р. Неман. Кремневые орудия ее близки мезолитическим, а сосуды отличаются от дубичайских лишь примесью раковины.

Основные черты раннего (дубичайского) этапа отчетливо выступают и в Белорусском Понеманье в IV – начале III тыс. до н.э. (Чярняускі, 1979). В кремневом инвентаре здесь ощутимы мезолитические традиции. Встречаются свидероидные наконечники стрел, наконечники стрел на отщепах подтреугольных очертаний с прямым основанием, ретушированные со спинки. На некоторых стоянках присутствуют трапеции средней величины, в отдельных случаях высокие, пластинки со скошенным краем, ланцетовидные остря. Преобладают концевые скребки на пластинах или пластинчатых отщепах. Резцы угловые на пластинках, иногда двойные в комбинации с ножами. Представлены овальные топоры с частичной обработкой поверхности, а также острообушные топоры с трапециевидным лезвием. Встречается характерная для палеолита форма нуклеуса – с двумя скошенными площадками и встречным скалыванием, наряду с ними одноплощадочные подконусовидные. Ближе к среднему этапу распространяются микролиты – пластинки с притупленной спинкой, остря яниславицкого типа, проколки.

Керамика раннего этапа представлена крупными горшками с зауженной верхней частью, ребристостью на выпуклом корпусе и острым, или шиповидным дном. Примесь растительная, поверхность заглажена мокрой глиной, как бы ангобирована, внутренняя – пористая, имеет резкие штрихи.

Орнамент на сосудах неглубокий и сильно разреженный, сосредоточен в верхней части. Характерным признаком орнаментации являются ямки, расположенные в ряд под венчиком сосуда. Орнамент состоит из горизонтальных поясов, выполненных косопоставленными насечками, тонкой гребенкой, штампом с треугольным или округлым концом. Иногда вдавления произведены, очевидно, концом размочаленной палочки или трубчатой кости, поставленной наклонно к поверхности сосуда, в силу чего получались полукруглые отпечатки. Нередко отпечатки штампов нанесены в отступающей манере. Встречается узор из прочерченных или проглаженных линий, образующих косую сетку, покрывающую весь сосуд за исключением придонной части. В некоторых случаях тонкая косая сетка сочетается с полукруглыми отпечатками в отступающей манере. Изредка мелкая гребенка образует елочный узор.

Средний этап неманской культуры (первая половина III тыс. до н.э.) представлен значительным числом комплексов. Наибольшее количество их обнаружено в Литве (Маргяй) в Белоруссии (Лысая Гора, Яново II), где они

являются переходными от более ранних к поздним. Кремневая индустрия более разнообразна по сравнению с предшествующим периодом, хотя на некоторых стоянках (Маргяй) и сохраняются постсвидерские наконечники. Распространяются миндалевидные наконечники копий на пластинах, треугольные наконечники стрел с прямым и выпуклым основанием, скребки на пластинчатых отщепках, комбинированные орудия. Ножи изготовлены из пластин с краевой ретушью, иногда с горбатой спинкой, и притупляющей крутой ретушью. Резцы из пластин и отщепов – боковые, угловые, срединные, иногда двойные. Имеются проколки и провертки, рубящие орудия.

Основным типом керамики являются горшки среднего и крупного размера, с выпуклым туловом, зауженной шейкой, развернутым венчиком и острым дном, стенки хорошо заглажены. Наряду с растительной примесью применена дресва. Наиболее характерная черта орнаментации – присутствие под отогнутым венчиком ряда глубоких ямок, нанесенных с внешней или внутренней стороны. Часто применяется косая сетка из прочерченных линий, покрывающая всю поверхность сосуда (за исключением придонной). Прослеживается преемственность орнаментации керамики второго этапа от первого. На некоторых горшках заметна легкая штриховка и в единичных случаях шиповидное днище.

Более отчетливо выделяется поздний этап неманской культуры (конец III тыс. до н.э.), представленный на ряде памятников Понеманья (Добрый Бор, Русаково II). В это время, очевидно, появляется шнуровая керамика. Широкое распространение получили треугольные наконечники с прямым или вогнутым основанием, ретушированные по всей поверхности. Исчезают концевые скребки на пластинах, они заменяются некрупными скребками на отщепках округлой или треугольной формы. Резцы срединные, боковые и угловые, они не имеют устойчивой формы. Ножи на пластинах иногда обработаны по всему периметру. Овальные топоры из кремня с овальным сечением, двусторонне ретушированные, некоторые с пришлифованным лезвием.

Сосуды средней величины с плавно выгнутом туловом, зауженной шейкой, открытым горлом, с острым или плоским дном, в отдельных случаях шиповидным. Растительная примесь заменяется дресвой или крупным песком. У большинства сосудов под краем венчика ряд глубоких ямок или наколов, порой на внешней и внутренней поверхности поочередно. Орнамент неглубокий, состоит из наколов, выполненных палочкой или трубчатой костью, коротких и тонких насечек, реже – оттисков гребенки, подтреугольных отступающих наколов, проглаженных и прочерченных линий, ямчатых вмятин, отпечатков текстиля. Преобладающим узором являются горизонтальные редкие пояса, составленные из перечисленных элементов и косая сетка из тонких прочерченных линий, реже встречаются сложные композиции. Отчетливо выступает преемственность орнаментации и формы сосудов от предшествующего лысогорского этапа. Однако исчезает один из характернейших признаков – глубокие полукруглые или подтреугольные наколы под венчиком, которые заменяются ямками или жемчужинами.

Полесский вариант неманской культуры

На территории Припятского Полесья насчитывается около 500 неолитических стоянок и местонахождений, сосредоточенных в пойме, на берегах озер-стариц и на возвышенных участках небольших рек. Большинство памятников содержит разновременные комплексы, не разделенные стерильными прослойками. Среди неолитических памятников Полесья В.Ф. Исаенко выделяет две территориальные группы, разделенные обширной полосой болот – западную и восточную, в значительной мере различающиеся в этнокультурном отношении (Исаенко, 1968, 1976). Существенно, что так же территориально делятся и предшествующие мезолитические памятники, позволяя тем самым усматривать и различный генезис неолитических культур обоих регионов. В западной части Припятского Полесья ранний неолит генетически связан с местным мезолитом, имеющим свидерские традиции. Начиная со среднего неолита, памятники этой территории относятся к неманской культуре, составляя полесский ее вариант.

Наиболее выразительными стоянками раннего неолита этой территории являются Сенчицы I, Камень II, Дубновичи II, Остров III и др. В одних случаях часть материала относится к мезолиту (Сенчицы I), в других ранне-неолитический комплекс встречается совместно с поздне-неолитическим (Камень II, Остров III).

Среди ранне-неолитических эталонной является стоянка Сенчицы I, расположенная на правом берегу р. Припяти. В кремневой индустрии заметны мезолитические традиции. Нуклеусы двухплощадочные с косо сбитыми площадками, с прямыми параллельными или перпендикулярными площадками, а также одноплощадочные. Резцы срединные, боковые и угловые. Наконечники стрел на пластинах – иволистные и черешковые, а также неправильной формы, на пластинчатых отщепках. Скребки на отщепках подокруглой формы, ретушированные чаще по краям, порой по всему периметру. Представлены траншевидные и овальные топоры (рис. 49).

Сосуды остродонные, приземистые, с прямым утоньшенным венчиком и отогнутым наружу краем, в тесте растительная примесь, иногда с толченой раковинной. Очень бедная орнаментация состоит из наколов под краем сосуда, коротких косых насечек, составляющих горизонтальные пояса, прочерченных или проглаженных горизонтальных линий, нанесенных по диагонали и образующих косую сетку. Аналогичная керамика найдена в Заречье II, Бокиничи I, Дубновичи I и др.

Для характеристики раннего неолита западной части Припятского Полесья важное значение имеет поселение Камень II, давшее при раскопках (6954 кв. м) огромное количество материала и фауны. Ранний и поздний комплексы разделены здесь стерильной прослойкой.

Кремневая индустрия раннего неолита из поселения Камень II отличается от индустрии Сенчицы I редким применением пластинчатой техники. Большой удельный вес имеют высокие и низкие скребки и отщепки, реже встречаются концевые скребки на пластинах. Представлены скобели, фигурные кремни, проколки, ножи на пластинчатых отщепках, орудия типа “рабо”, изготовлен-

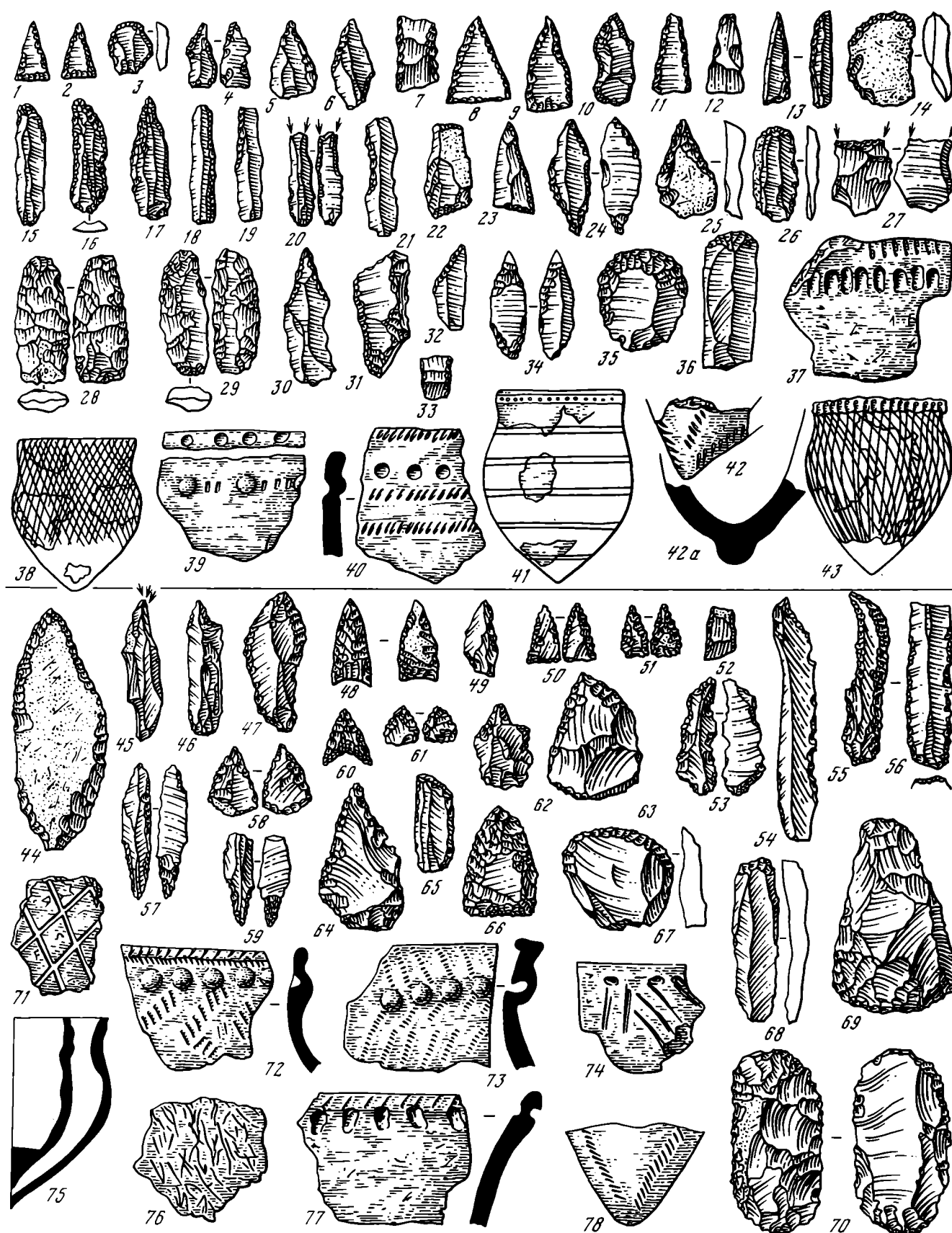

Рис. 49. Неманская культура (территория Белоруссии). Орудия и керамика

Понеманский вариант: 1-4, 10, 15-17, 25, 30-32, 35, 42, 42a, 43 - Лысая гора; 5-8, 12, 13, 18, 20, 27, 29, 34 - Бабинка; 9, 11, 19, 36 - Яремичи III; 14 - Яново II; 21, 24 - Добрынево; 22, 23, 33 - различные стоянки; 26, 28, 37, 39-41 - Русаково II; 38 - Добрый Бор I. Припятский вариант: 44,

47-49, 51-53, 56, 59-67, 74, 75, 78 - Камень II; 45, 57, 68, 71, 76 - Сенчицы; 46 - Остров III; 50, 55 - Вяз I; 54, 69, 70 - Кикорицы I; 58 - Мотол III; 72, 73, 77 - различные стоянки

ные из нуклеусов, топоры и тесла с трапециевидным сколом, ретушеры из нуклеусов. Встречаются треугольные наконечники стрел с прямым основанием и подработкой краев. Мезолитические традиции проявляются в наличии срединных, угловых резцов, наконечников стрел на пластинах с обработанными краями и выделенным черешком, наконечников или ножей типа лингби, яниславицких острий, пластин со скошенным краем, пластинок с притупленной спинкой, единичных высоких трапеций, ланцетовидных симметричных треугольников и овальных микроскребков. Роговые орудия представлены топорами, теслами и муфтами.

Ранненеолитические сосуды (более 50) имеют острое, иногда шиповидное дно, выпуклое тулово, высокую коническую нижнюю часть, прямой, слегка отогнутый наружу или внутрь венчик, растительную примесь в тесте с добавлением песка или дресвы. Внешняя поверхность заглажена, внутренняя имеет следы расчесов. Орнаментация поверхностная, состоящая из мелких наколов, образующих горизонтальные линии и, значительно реже, вертикальные. В меньшей мере употреблялись горизонтальный узор из мелких гребенчатых отпечатков, а также елочный. Примерно 1/10 часть фрагментов орнаментирована горизонтальными проглаженными или прочерченными линиями, образующими косую сетку. Как правило, венчик подчеркнут одним или двумя рядами глубоких наколов, выше которых наносился ряд наколов или оттисков гребенчатого штампа, а по срезу края – вмятины. Характерные черты ранненеолитической керамики Западного Полесья позволяют включить ее в ранний этап неманской культуры, поскольку она обладает основными признаками, типичными для первого (дубичайского) этапа Понеманья. Видимо, рассмотренные памятники можно датировать IV тыс. до н.э.

Особенно отчетливо культурная общность между Западным Полесьем и Понеманьем выступает на среднем этапе неолита (стоянки Вяз I, Камень III, Бокиничи II, Чухово II). В кремневой индустрии большой удельный вес составляют пластины, часть которых использована в качестве ножей. Встречаются ножи и на пластинчатых отщепках. По сравнению с ранним неолитом сокращается число резцов, часть из них представлена случайными формами. Господствуют треугольные наконечники и широкие листовидные с краевой или двусторонней обработкой, овальные топоры с оббитой поверхностью. Преобладают скребки на отщепках, встречаются массивные треугольные острия, ретушированные по краям. От предшествующего периода сохраняются наконечники на пластинах, единичные микролиты – пластинки с притупленной спинкой, треугольные острия, трапеции.

Керамике среднего этапа свойственно разнообразие форм. Наряду с высокими профилированными сосудами с выделенной шейкой и небольшим расширением в верхней трети, встречаются высокие с утолщенным венчиком, прямыми стенками, округлым дном с шиповидным выступом, а также низкие сосуды, профилированные, с воронковидной горловиной и острым или плоским дном. К растительной примеси в тесте добавляется песок, в других случаях дресва или толченая раковина. Поверхность многих горшков с внешней стороны заглажена, с внутренней – покрыта расчесами или горизонтальной

штриховой, толщина стенок 0,7–1,2 см. Часто сосуды имели уплощенные края или утолщенный с внешней стороны венчик и волнистый край. Как правило, под венчиком нанесены глубокие тычки, часто чередующиеся с выпуклостями (в результате наколов с внутренней стороны). Орнамент сохраняет многие черты предшествующего периода, однако чаще употребляются наколы, вдавления, ямки и т.д., реже применяется косая сетка. Керамика среднего этапа Полесья несколько отличается от сосудов второго (лысогорского) этапа Понеманья, но в общих чертах сходна с ней.

Поздний этап неманской культуры Западного Полесья представлен значительным числом памятников. Из них наиболее выразительны Камень II, Ботово II, Спорово II, Камень III. Орудия этого времени в основном на отщепках, ножевидные пластинки использованы для изготовления угловых резцов. Резцы на отщепках угловые, в единичных случаях срединные. Много ножей на широких отщепках, иногда с серповидным лезвием. Наконечники копий, дротиков листовидные и треугольные. Наконечники стрел на отщепках черешковые с ретушированными краями и черешком, но преобладают треугольные, с частичным ретушированием пера и выпуклым основанием, или с полной обработкой пера, с резко вогнутым основанием и диагональной стелющейся ретушью. Встречаются концевые скребки на пластинах, но преобладают на отщепках, среди них высокие. Проколки и провертки изготовлены из пластинчатых отщепов, топоры и тесла овальные, траншевидные, а также подтреугольные. В качестве рубящих орудий использованы нуклеусы с частичной подработкой.

Костяная индустрия (Камень VIII) включает игловидные наконечники дротиков, рыболовные крючки (20 экз.), топоры из рога, обломки игл, кинжал, тесловидные орудия, ножи, подвески из клыков кабана, медведя и собаки.

Для поздненеолитических сосудов характерна примесь крупнозернистого песка, штриховка внешней и внутренней поверхности, острое, округлое, оттянутое, иногда плоское дно. Горшки высокие, с выпуклыми венчиками, выделенной шейкой и расширением посередине. Под венчиком ряд глубоких ямок, чередующихся с жемчужинами, срез украшен наколами, насечками, мелкой щеченкой и т.п. Аналогичные отпечатки и косая сетка наносились иногда по венчику и изнутри. Орнамент состоит из горизонтальных зон, соединенных косыми перемычками, елочных или ломаных зигзагообразных линий, опоясывающих сосуд, иногда узор выполняется отпечатками шнура, прочерченными и проглаженными линиями, образующими косую сетку, донышко – горизонтальными или лучеобразными линиями. Значительная часть поверхности сосудов, в особенности нижняя, не покрывалась орнаментом.

В позднем неолите западного Полесья и Понеманья прослеживается значительное сходство, проявляющееся в кремневых орудиях и керамике. В обоих случаях господствовали треугольные наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием, массивные ножи на пластинах, серповидные ножи, топоры и тесла с траншевидными сколами, с пришлифовкой лезвия, сходные скребки, скобели и проколки. Сосуды имели выделенную шейку и слегка за-

гнутый внутрь край венчика, остродонные оттянутые и плоские днища. Орнамент выполняется насечками, наколами, гусеничными и гребенчатыми оттисками, образующими редкие горизонтальные пояса, косой сеткой, чередующимися ямкам и жемчужинами под венчиком.

В нижнем слое поселения Камень II обнаружены развалы очагов, обложенных камнями, со следами глиняной обмазки, скопление раздробленных костей животных, раздробленные человеческие кости и скорченное погребение подростка. Основываясь на расположении развалов очагов В.Ф. Исаенко предполагает, что на поселении были жилища длиной 6–8 м, удаленные друг от друга на расстоянии 15–20 м.

Западная граница неманской культуры фиксируется в Северо-Восточной Польше, где известен ряд стоянок. Наиболее представительными являются Сосня и Возьна Весь в Белостокском воеводстве. Наиболее ранней из них является Возьна Весь, расположенная на восточном берегу оз. Дрество, близ пос. Райгруд. Сосуды здесь изготовлены с примесью растительности и дресвы, имеют прямой, профилированный, иногда утолщенный край, венчик украшен ямчатыми вдавлениями или насечками. Встречаются сосуды без орнамента, а также с гофрированным краем.

Особенно отчетливо сходство с Понеманьем в позднем неолите, что отражено в стоянке Сосня (Граевский повет) в пойме р. Бебржа (Wieckowska, Kempisty, 1970). Кремневый инвентарь позднего периода неманской культуры Польши содержит основные элементы, встречающиеся в Понеманье и Западном Полесье. Кремневый инвентарь и керамика Северо-восточной Польши находят аналогии и на стоянках типа Цедмар в Калининградской области (Тимофеев, 1980).

Ранний этап неманской культуры датируется IV тыс. до н.э. В целом хронологические рамки культуры определяются IV – рубежом II тыс. до н.э.

Различие между Западным и Восточным Полесьем, разделенными полосой болот, прослеживается уже в эпоху мезолита. Если в западном Полесье кремневая индустрия чрезвычайно богата, орудия представлены ярко выраженными типами, то в восточном Полесье отсутствуют крупные серии, а сами орудия имеют микролитический облик (Исаенко, 1976). Это своеобразие отразилось позднее на индустрии раннего неолита, генетически связанного с предшествующей эпохой.

В низовье Припяти пока не встречены поселения с чистыми комплексами раннего неолита, поэтому они выделяются лишь типологически. Наиболее выразительные материалы представлены в стоянках Загорины I, Новоселки II, Юревичи VI и др. Насколько можно судить по ограниченным раскопкам, в их каменной индустрии еще отчетливо выступают мезолитические черты. Велик процент ножевидных пластин, использованных для изготовления ножей. Пластинчатые наконечники стрел имеют более поздний облик по сравнению с типичными мезолитическими – они листовидной формы, обработаны плоской ретушью, заходящей на спинку и брюшко, или мелкой по периметру орудия. Есть черешковые наконечники, обработанные крутой ретушью по короткому черешку, иногда – подтеской с брюшка, а также мелкие листовидные и ромбические наконечники.

Среди геометрических микролитов встречаются полусегменты, высокие прямоугольники, равнобедренные низкие и прямоугольные трапеции, узкие сегменты архаической формы, широкие треугольники и острия типа Кудлаевки. Немногочисленны резцы угловые и боковые. Чаще встречаются микрорезцы, есть резцы и угловые с ретушированным концом. Скребки концевые на пластинках и массивных отщепках, округлые и двойные скребки, а также микроскребки овальных очертаний. Среди редких крупных орудий – вставные лезвия, топоры и резак – миндалевидные, трапециевидные и треугольные.

Сосуды имеют много общего с керамикой раннего этапа днепродонецкой культуры, одни широкогорлые, с низкой конической частью, изогнутыми стенками, острым заполненным глиной дном. Второй тип горшков – круто изогнутые у перехода к низкой конической части, доньшко оттянуто, внутренняя поверхность имеет следы расчесов гребенкой, тесто содержит растительную примесь. Орнамент поверхностный – редкие горизонтальные ряды в верхней части и на доньшке сосуда, образованные насечками или оттисками прямого штампа, прочерченные линии в виде косой сетки. Края сосудов украшены вмятинками-защипами, а ниже рядом цилиндрических ямок или наколов.

Ранненеолитические сосуды Западного и Восточного Полесья имеют сходство, проявляющееся в форме, технологии изготовления и орнаментации. Причину этого явления В.Ф. Исаенко видит в распространении керамики из одного центра – из области буго-днепровской культуры (Исаенко, 1976). В то же время на раннем этапе заметны общие черты и с ранней фазой днепродонецкой культуры, выступающие в кремневой индустрии и керамике. Со временем это сходство усиливается и уже в развитом неолите здесь выделяется восточнополесский вариант днепродонецкой культуры* (Слободка I, Дорошевичи II и др.). В этот период все кремневые орудия изготовлены из отщепов. Возрастает число скребков, скобелей, проколов и сверл, рубящих орудий, ножей, ретушеров. Почти полностью исчезают боковые резцы, нуклеусы правильного огранения, пластинчатые наконечники стрел, в особенности черешковые, их заменяют треугольные с обработанным краем. Овальные топоры сменяются траншевидными, исчезают миндалевидные рубящие орудия, скребки со скошенным краем, микролитические типы, помимо трапеций и микроскребков.

Сосуды прямостенные с высокой конической частью и широкогорлые ребристые, тоже с высокой конической частью и небольшим плоским дном, а также низкие сосуды с профилированными стенками, мискообразной формы. В тесте растительная примесь, иногда с крупнозернистым песком или дресвой. Большинство сосудов с прямым венчиком, образующим подобие воротничка, некоторые горловины сохранили следы обвязки волокнистой

* В.Ф. Исаенко (1978) полагает, что уже в раннем неолите в середине V тыс. до н.э. в Восточное Полесье проникало население днепродонецкой культуры. Д.Я. Телегин рассматривает эту культуру как этнокультурную общность и выделяет в ней ряд культур эпохи неолита, в том числе в Восточном Полесье (см. наст. том, Ч. I).

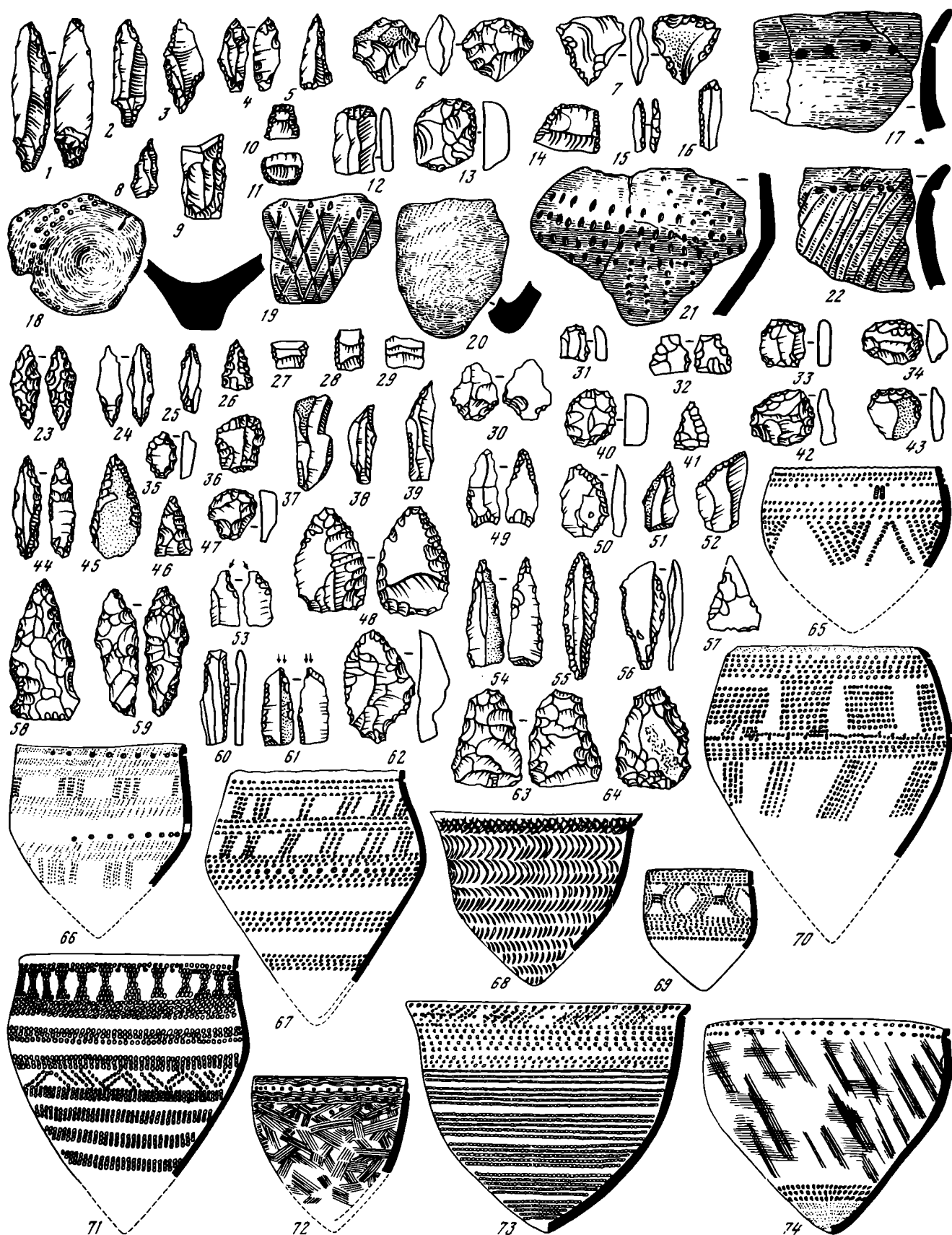

Рис. 50. Восточное Полесье. Ранний (1–22), развитый и поздний (23–74) неолит – восточный полесский вариант днепродонецкой культурной общности

1 – Загорини I; 2 – Скрыгалово I; 3, 9 – Борисовщина; 4, 7, 8, 10–14, 16 – различные памятники; 5 – Милошевич I; 6 – Ломыш I; 15 – Белороска; 17 – Юревичи VI; 18, 20, 21 – Неревичи IV; 19 – Боровичи; 22 – Слободка I; 23, 35, 47, 60 – Новоселки II; 24–26, 53 – Шарейки II; 27, 29–30, 32, 34,

41–43, 48, 50, 55, 57, 69, 72 – Юревичи IV; 28, 71 – Гнездинка; 31, 33, 63, 64, 66, 68, 73 – Юревичи; 36, 44 – различные стоянки; 37–40, 49, 51, 52 – Любань I; 45, 61 – Дорошевичи II; 46 – Бурези; 54, 56, 67, 70 – Юревичи III; 58 – Пхов II; 59 – Кольно; 62 – Веловск; 65 – Лыгижевичи; 74 – Юревичи VII

прядью. Срез венчика орнаментирован двусторонними защипами, вмятинами, ямками, насечками или гребенкой. Ниже края сосуда наносился одинарный или двойной ряд круглых наколов или жемчужин, иногда они чередуются.

Орнаментация горизонтально-зональная, сосредоточена в верхней части, посередине и на доньшке, полосы связаны перемычками из тех же элементов. Иногда вся поверхность сосуда покрывалась орнаментом. Более сложные узоры состояли из треугольников, свисающих от горизонтального пояса, изредка “шагающей” гребенки (рис. 50).

Поздняя фаза неолита наиболее отчетливо выявлена на побережье оз. Литвин около д. Юревичи на невысоких останцах первой надпойменной террасы. Кремневые орудия здесь из отщепов и пластин правильного ограничения. Среди последних встречаются наконечники, сечения, ножи, скребки из сечений пластин, прямоугольные трапеции со струганной спинкой. Найдены треугольные двусторонне-обработанные наконечники стрел с прямым основанием, скобели, разнообразные скребки, микроскребки. Топоры и тесла трапециевидные, иногда шлифованные, есть небольшие топоры, проколки и сверла.

Выделяются четыре основных типа сосудов: высокие с низкой конической частью; низкие остроногие с ото-

гнутыми или суженными сверху стенками; ребристые с высокой конической частью и острым, уплощенным или плоским дном; низкие с выделенной шейкой, отогнутым венчиком и яйцевидным или округлым дном (Исаенко, 1976). Примесью служил песок, дресва, толченый ортшейн, растительность. На внешней поверхности наносились декоративные расчесы мелкозубчатым штампом. Многие сосуды имеют по срезу защипы, вмятины, наколы и т.п. На внешней стороне ниже края наносились 1–3 ряда вмятин, наколов, насечек или гребенчатые отпечатки, под ними один-два ряда традиционных круглых наколов, иногда чередующихся с жемчужинами. Сохранились композиции предшествующего периода – три горизонтальные полосы сверху и на доньшке соединенные косыми лентами. В ряде случаев узор состоял из треугольников, прямоугольников, ромбов, “елочки”, зигзагов, применялись проглаженные и прочерченные линии, создающие косую сетку, встречается шнуровой орнамент. В целом орнаментация посуды разнообразнее, чем в предшествующие периоды.

Таким образом, в Восточной Прибалтике, включая и Белоруссию, в эпоху неолита прослеживается весьма мозаичная картина из археологических культур и их вариантов, отражающая этнокультурные и этнографические особенности обитавших здесь древних племен.

Памятники типа Цедмар

Памятники цедмарского типа сосредоточены на юге Восточной Прибалтики, на юго-востоке Калининградской области и на северо-востоке Польши. Наиболее изучены эпонимные памятники Цедмарского торфяника в Озерском районе Калининградской области, на границе с Польшей. Впервые многочисленные неолитические находки здесь стали известны в результате любительских раскопок, проведенных в начале XX в. (К. Штади). Эти материалы привлекли внимание многих исследователей первобытной археологии Прибалтики. Специалисты, имевшие возможность ознакомиться с утраченными в годы войны коллекциями (В. Гэрте, К. Энгель, Х. Гросс, А. Европеус, Э. Штурмс и др.) высказывали противоречивые мнения о количестве культурных слоев, датировке и культурной атрибуции памятников. В 1970–1980-е годы были проведены новые полевые исследования (Тимофеев, 1980; Timofeev, 1987, 1991), материалы которых помогли решению ряда вопросов.

Поселение Цедмар (Серово) А расположено у подножия холма – острова бывшего водоема, в северной части торфяника. Раскопками 1974, 1976–1978, 1987 гг. вскрыто 364 кв. м. Неолитические находки залегают в тонком слое песка, подстилаемом алевролитом, на глубине до 1,2–1,4 м, на части площади – ниже современного уровня воды. В прерывающей пачке озерно-болотных отложений (сапропель) отмечены находки шнуровой керамики, стратегически связанные с тонкими линзами песка в верхней части сапропеля. Выше, в верхнем культурном слое, залегают остатки поселения первых веков нашей эры. Неолити-

ческий культурный слой, неравномерно насыщенный и содержащий остатки ряда кратковременных (сезонных?) стоянок, распространен на значительной площади по восточной оконечности острова.

В северо-восточной части раскопа (около 24 кв.м) неолитический слой разделен на три горизонта стерильными прослойками сапропеля. Здесь залегают остатки трех кратковременных стоянок, разделенных небольшим, судя по результатам анализа С-14, интервалом времени.

Керамический комплекс неолитического слоя (рис. 51) составляют фрагменты сосудов с примесью растительности и толченой раковины, несколько сосудов – с примесью минеральной (дресва, песок). На участке с дробной стратиграфией, в нижнем горизонте залегают фрагменты примерно от четырех сосудов с раковинной и растительностью и два мелких фрагмента – с минеральной примесью. В среднем горизонте встречено несколько фрагментов от одного сосуда с раковинной и органической примесью и одного – с минеральной. В верхнем горизонте обнаружены фрагменты четырех-пяти сосудов с растительной и раковинной и три-четыре сосудов – с минеральной примесью.

Сосуды диаметром 30–40 см имели венчик прямой или слабо профилированный, реже – отогнутый, близкий S-образному. У двух сосудов нехарактерное для восточно-прибалтийской неолитической керамики “воротничковое” утолщение венчика. Встречены плоские днища трех сосудов с раковинной примесью. Они, судя по датам С-14 (см. ниже), представляют наиболее раннюю плоскодонную керамику Восточной Прибалтики. Орнаментировано менее 10% фрагментов. Характерна орнамен-

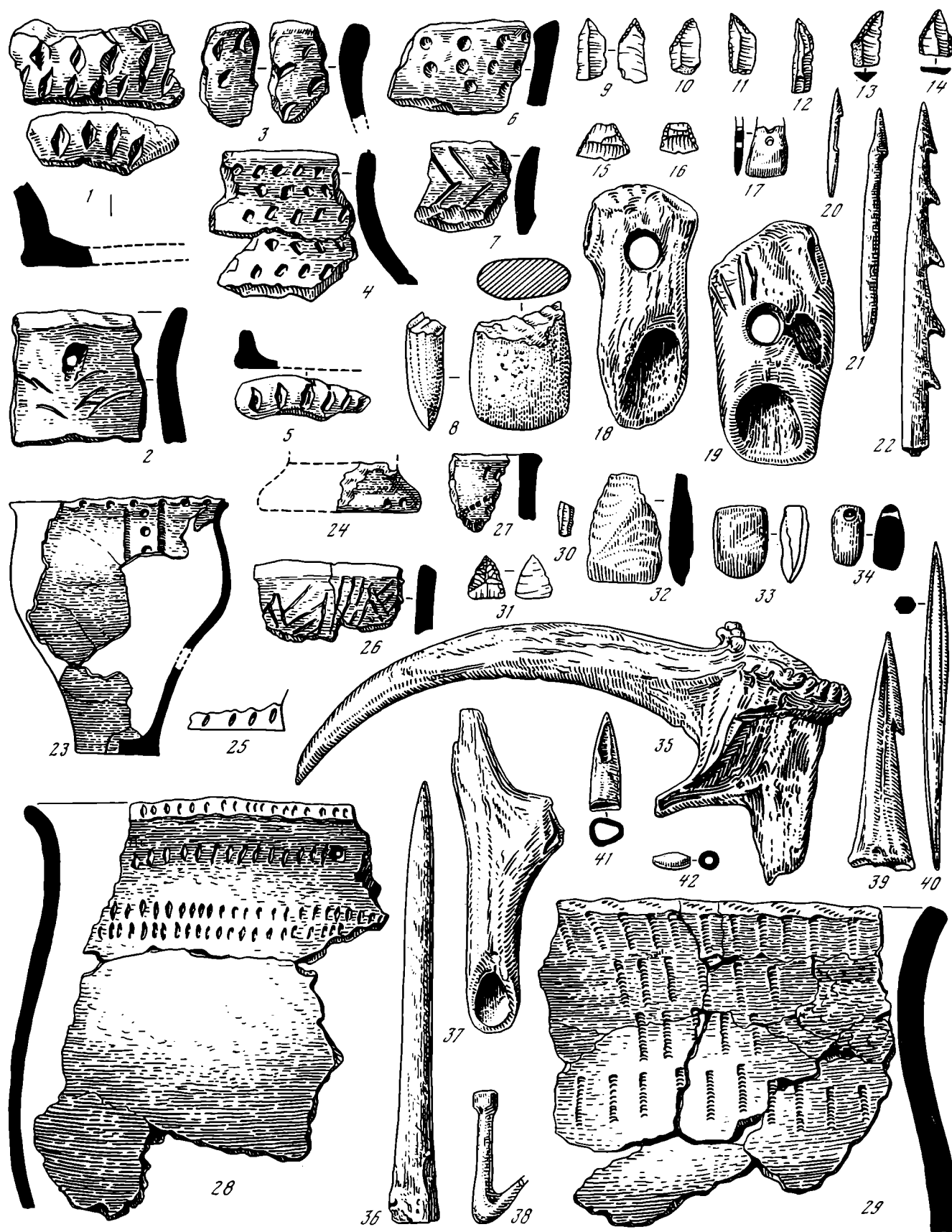

Рис. 51. Памятники типа Цедмар. Орудия и керамика

1-3, 18-22 - Цедмар А; 4-17 - Утинное болото I; 23-42 - Цедмар Д

тация насечками, а также небольшими ямками (вдавления-палочки с приостренным, неровным или раздвоенным концом), наколами. Отдельные сосуды украшены прочерченными линиями, узловидными вдавлениями, оттисками “веревочки, намотанной на палочку”. Орнамент наносился на верхнюю часть тулова, иногда – на придонную часть и днище. Несколько сосудов украшено по всей поверхности.

Керамика нижнего слоя Цедмара А близка ранней нарвской керамике (особенно южного, хронологически более раннего варианта), а также ранней неманской. Эти типы керамики сближают примесь в тесте растительности и толченой раковины, орнаментация сосудов по верхней части тулова ямчатыми вдавлениями и насечками, сходная профилировка.

Кремневых орудий немного. Среди них около 30 скребков на отщепе, пять “ланцетов”, вытянутых пропорций трапеция, серия пластин, в том числе крупных. Имеется шлифованный, подовальный в сечении топорик из кристаллической породы. В костяном и роговом инвентаре нижнего слоя Цедмара А представлен ряд архаичных форм, имеющих прототипы в индустрии мезолитической культуры кунда. Среди орудий – роговые муфты (4 экз., три из них со сквозными отверстиями для рукоятки, в том числе орнаментированная углубленными линиями), тесло из обломка подобной муфты, роговое долото, два гарпуна (однорядный с крупными зубцами и мелкий, однозубый), четыре костяных наконечника (в их числе игловидный с одним коротким зубцом) и др. Основной комплекс* находок из нижнего слоя Цедмар А следует относить к ранне-неолитическому периоду, хотя и не к самому его началу.

Фаунистические материалы (изученные Н.М. Ермоловой) указывают на присваивающий охотничий тип хозяйства поселения нижнего слоя Цедмара А. Представлены благородный олень (26 костей), кабан (23), косуля (18), тур (9), лось (5), дикая лошадь (4), медведь (1), бобр (3), куница (1), выдра (3), лисица (3), волк (1). В верхней части неолитического слоя отмечено несколько костей овцы и козы. Имеются кости птиц (утка), фрагмент панциря болотной черепахи. Остатки рыб малочисленны. По определению Е.А. Цепкина, представлены кости щук (преобладают), сома, плотвы.

О возрасте поселения дают представление даты С-14: основание слоя – 5400 ± 90 , 4955 ± 110 (ЛЕ-1269, 1268), нижний горизонт слоя – 5280 ± 80 , 4900 ± 80 , 4870 ± 80 (ВІ-2162, ЛЕ-1367, 1368), сапропель, залегающий на нижнем горизонте – 5300 ± 60 (ВІ-2163), сапропель, залегающий между нижним и верхним горизонтами – 5100 ± 50 , 4730 ± 140 (ВІ-2164, ЛЕ-1319), верхний горизонт слоя – 5120 ± 50 , 5100 ± 60 , 4920 ± 80 (ВІ-2165, ЛЕ-1389, 1388). Эта серия дат является пока самой ранней для неолита Юго-Восточной Прибалтики. По данным спорово-пыльцевого анализа (проведенного Г.М. Левковской) неолитический слой Цедмара А относится к периоду АТ-2.

* Планиграфически и стратиграфически выделяется небольшой комплекс материалов второй половины неолита, локализующийся в южной части вскрытой площади, на повышении холма. В составе его фрагменты сосудов, близких керамике поселения Цедмар Д, несколько роговых орудий, два подромбической формы наконечника стрел, трапециевидная янтарная подвеска и др.

К более позднему времени относится поселение Цедмар (Серово) Д, расположенное на северном берегу заторфованного водоема, примерно в 200 м к северо-востоку от Цедмара А и гипсометрически выше. Работами 1969 г. (Долуханов, Тимофеев, Левковская, 1975), 1974–1975, 1977–1978, 1988 (Тимофеев, 1980) вскрыто около 800 кв.м. Культурный слой залегает в нижней части слоя песка, перекрытого озерно-болотными отложениями. В 1988 г. в восточной части поселения зафиксированы следы финального этапа его существования. Здесь, выше основного культурного слоя, найдены остатки деревянных конструкций (платформы?) и немногочисленные находки. К этому же времени относятся скопления камней в западной части поселения. Судя по радиоуглеродным датам, этот эпизод существования памятника относится ко времени 3900–4300 лет тому назад.

В керамическом комплексе представлены фрагменты около 150 сосудов. Примерно треть из них по примесям в тесте делится на две группы с растительной и раковинной примесью. Эта керамика близка сосудам основной группы нижнего Цедмара А. Свыше половины сосудов этой группы Цедмара Д имело отогнутый венчик S-образной формы (иногда с утолщенным краем), остальные – прямой или слабо профилированный (единичен с “воротничковым” утолщением). Встречены фрагменты плоских днищ и одно острое, массивное, заполненное глиной. Орнаментация разреженная, обычно лишь по верхней части сосуда. Характерны ямчатые вдавления (около 30% сосудов), насечки (25–30%). Отдельные сосуды украшены прочерченными линиями, “узловидными” вдавлениями, есть и неорнаментированные. Около 2/3 сосудов имели минеральную (дресва, песок) примесь. Они тоже крупные, диаметром 30–50 см, венчики чаще профилированные, S-образной формы, иногда утолщенные к краю. Менее 1/3 сосудов с минеральной примесью имело венчик прямой или слабо профилированный, в одном случае – с “воротничковым” утолщением. Распространен прием утоньшения участков края сдавливанием пальцами, встречающийся изредка на сосудах неманской керамики Польши. Днища плоские (диаметр 12–14 см) или округлые. Орнамент сосредоточен в верхней части тулова, состоит из ямчатых вдавлений, чаще крупных (20–25%) сосудов, реже мелких, вдавлений неправильной формы, наколов или насечек, оттисков “веревочки, намотанной на палочку”, прочерченных или широких углубленных линий, “узловидных” вдавлений. Встречено несколько фрагментов гребенчатой керамики. Около 25% сосудов этой группы не имело орнамента. Керамика с минеральной примесью Цедмара Д сходна с сосуда-ми неманской культуры.

Фрагменты керамики обеих групп (с органической и раковинной и с минеральной примесью) залегали в стратиграфически идентичных условиях. Синхронность бытования обеих групп керамики подтверждена сериями дат С-14, полученных методом “акселерированного” датирования (с использованием ускорителей частиц, при этом наиболее усовершенствованном современном варианте радиоуглеродного датирования для получения даты достаточно микроскопических количеств органического вещества). Для датирования был взят пищевой нагар с внутренней поверхности сосудов. Даты, получен-

ные в лаборатории университета г. Уппсала (Швеция) указывают на синхронность бытования (в пределах статистической ошибки метода) керамики обеих групп: для сосудов с примесью толченой раковины и органики в тесте – 5180 ± 100 , 5120 ± 100 , 5100 ± 100 , 5030 ± 100 , 4950 ± 90 , 4840 ± 100 (Уа-2375, 2376, 2380, 2377, 2378, 2379) лет тому назад, для сосудов с минеральной примесью – 5360 ± 130 , 5280 ± 80 , 5230 ± 100 , 4810 ± 100 (Уа-2383, 2384, 2382, 2381) лет тому назад.

Кремневый инвентарь Цедмара Д немногочисленен. Среди скребков преобладают “боковые” и на отщепе нерегулярной формы концевых мало. Имеются около 50 пластин, четыре “ланцетовидных” острия, наконечник подтреугольной формы, ретушированный со спинки, двустороннеобработанный кремневый топорик. Среди изделий из камня – шлифованные топоры из сланца и кристаллической породы, две “валикообразные” мотыги из порфирита. Много орудий из кости и рога. Комплекс костяной-роговой индустрии своеобразен и заметно отличается от индустрии других восточно-прибалтийских культур (Тимофеев, 1981). Характерны крупные орудия из рога благородного оленя – “кирковидные” и Т-образной формы. Имеются также костяная “мотыга” с продольно расположенным отверстием для рукоятки, “роговые острия”, наконечники стрел – втульчатые и игловидные, рыболовный крючок, а также украшения – тонкая пронизка из кости и массивная янтарная подвеска.

Среди костных остатков (изучены Н.М. Ермоловой) кроме коллекции 1988 г.) представлены следующие виды: кабан – 240/11 (костей/особей), благородный олень – 189/10, тур – 212/9, лось – 47/4, косуля – 41/5, дикая лошадь – 11/2, медведь – 10/3, в небольшом количестве волк и пушные звери – куница, бобр, выдра, дикая кошка. Среди птичьих костей больше уток. Представлены домашние животные (крупный рогатый скот – четыре кости, овца – четыре, собака – восемь). Кости рыб (изучены Е.А. Цепкиным) принадлежат только щуке.

С основным комплексом поселения Цедмар Д связывается серия дат С-14. Кроме приведенных выше дат по пищевому нагару в сосудах, по углю и древесине из культурного слоя получены даты 4990 ± 45 , 5090 ± 50 , 5170 ± 70 , 4880 ± 50 , 5150 ± 100 , 5070 ± 50 , 4890 ± 100 (ЛЕ-3173, 3174, 3176, 3179, 3181, 3924, 3926, 3921).

Еще одно поселение цедмарского типа открыто и исследовано в торфянике Утиное болото в Краснознаменском районе Калининградской области в 1975–1976 гг. (Тимофеев, 1979, 1980). Этот памятник расположен примерно в 50 км к северо-востоку от Цедмара, у пос. Добровольск. на южном берегу обширного заболоченного понижения, ныне осушенного мелиоративными работами. Культурный слой залегает на алевроите и перекрыт слоем торфа, мощностью до 0,5–0,6 м. Площадь раскопа 424 кв.м. Планиграфически выделяются два скопления находок (восточное и западное), разделенные участком шириной 10–12 м, содержащим лишь единичные находки. Отмечены хозяйственные ямы, места расщепления кремня, ямки от кольев. Можно предполагать наличие наземных жилищ. Восточное и западное скопления, скорее всего, представляют собой остатки кратковременных стоянок (сезонные?), разделенных небольшим интервалом времени.

Керамика стоянки плохой сохранности, представлена фрагментами сосудов с органической и раковинной примесью. Венчики прямые или слабо профилированные. В западном скоплении, возможно, более позднем, несколько сосудов имело утолщенный, скошенный внутрь срез, напоминающий сосуды прибалтийской гребенчатоямочной керамики. Обнаружена серия плоских днищ, в том числе с диаметром дна 6–10 см. Сосуды украшались насечками и ямчатыми вдавлениями по верхней части тулова, а иногда на придонной части и поверхности днища (Тимофеев, 1983).

Среди многочисленных кремневых орудий преобладают скребки из пластин и удлинённых отщепов, с выпуклым лезвием по длинному боковому краю, короткие концевые, а также на отщепе случайной формы. Особенностью индустрии является значительная серия ланцетовидных острий (49 экз. в восточном скоплении и 30 – в западном). Ланцеты укороченных пропорций несколько преобладают. Представлены мелкие симметричные трапеции, наконечники из пластин свидероидного типа (восточное скопление), шлифованные рубящие орудия. Костяные орудия единичны. Среди них ложила из трубчатых костей, массивное острие из продольно расчлененного метаподия (восточное скопление). В западном скоплении найдены две пластинчатых трапецевидных янтарных подвески.

Фаунистические данные (определения А.В. Гальченко) указывают на охотничий характер экономики поселения. Приведем данные по основным видам охотничьей добычи. Восточное скопление: тур 151 кость / 6 особей; кабан – 135 костей / 11 особей; благородный олень – 33 кости / 4 особи; косуля – 10 костей / две особи; лось – 11 костей / 2 особи; медведь – 23 кости / 3 особи. Западное скопление: тур – 191 кость / 9 особей; кабан – 421 кость / 15 особей; благородный олень – 98 костей / 5 особей; косуля – 61 кость / 4 особи; лось – 50 костей / 3 особи; медведь – 49 костей / 4 особи.

Представлены кости пушных зверей, волка, а также лошади (очевидно, дикой). Редки находки костей птиц и рыб. Кости домашних животных единичны: коза 12 костей / 2 особи; собака – 12 костей / 2 особи в восточном скоплении; крупный рогатый скот – 14 костей / 1 особь, коза – 9 костей / 1 особь в западном скоплении.

Комплексы цедмарского (серовского) типа территориально и типологически занимают промежуточное положение между нарвской и неманской неолитическими культурами, имея также черты (элементы профилировки и орнаментации сосудов, плоское дно, костяная и роговая индустрия позднего этапа), обязанные происхождением юго-западным влияниям из ареала культуры воронковидных кубков. Кроме стоянок Цедмарского торфяника и Утино болота к этой же группе могут относиться некоторые пункты из юго-восточной части Калининградской области (Садовое, Виштынецкое озеро). Выразительные материалы цедмарского типа, напоминающие находки из нижнего слоя Цедмара А недавно открыты на северо-востоке Польши Э. Кемписты и З. Сульгостовской (стоянка Дудка I примерно в 50 км к югу от Цедмара, в торфянике Можиска, в настоящее время ее исследует В. Гуминский).

Глава 2

Центр Русской равнины

Верхневолжская культура

До недавнего времени большинство исследователей считали бесспорным, что самой ранней неолитической культурой в центре Русской равнины была льяловская культура с ямочно-гребенчатой керамикой, хотя Б.С. Жуков еще в 1928 г. на стоянке Языково в Тверской обл. нашел керамику, стратиграфическое положение которой указывало на ее большую древность по сравнению с ямочно-гребенчатой (Жуков, 1929). В 1972 г. на стоянке Ивановское III (Переславский р-н Ярославской обл.) была открыта новая верхневолжская культура, более ранняя по отношению к льяловской (Крайнов, 1973; Крайнов, Хотинский, 1977). Основная территория верхневолжской культуры – Волго-Окское междуречье и верховья Волги (карта 9). В настоящее время на рассматриваемой территории известно около 140 памятников, содержащих материалы верхневолжской культуры. Значительная часть их (более 40) исследовалась Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР под руководством Д.А. Крайнова, Н.Н. Гуриной (Щепочник, Котчище II и др. в Тверской обл.), И.К. Цветковой (Владычинские стоянки в Рязанской обл.), В.В. Сидоровым (группа Тростенских, Воймежное I, стоянки Маслова Болота в Московской обл., Языково I, III в Тверской обл., Варос и Ловецкое I в Ярославской обл. и др.), В.М. Раушенбах (Николо-Перевоз I–III в Московской обл., Заречье во Владимирской обл.), М.Е. Фосс (Бисерово озеро в Московской обл.) и другими.

Среди памятников, содержащих ранненеолитические материалы, есть однослойные (Кухмарь III, Торговище II, Шадрино IV, Алексеевское I и др.), двуслойные, где эти материалы смешаны с мезолитическими (Альба I, Жабки III и др.) или культуры ямочно-гребенчатой керамики (Ивановское I, V) и многослойные Сахтыш I, II, VIII, Торговище I, Ивановское III, VII и др.).

Стоянки располагаются, как правило, на берегах рек, речек, озер, они занимают более высокое положение над уровнем воды по сравнению с поселениями развитого неолита. Площадь их относительно невелика и не содержит мощных культурных отложений. Наиболее важны стоянки болотного типа, приуроченные к островам древних озер (ныне – суходолам болот). Культурные слои отмечаются не только на суходольных частях стоянок, но и в примыкающих к ним торфяно-сапропелевых толщах. Они тянутся от суходолов в глубь торфяных залежей, расслаиваются и отделяются друг от друга стерильными прослойками. Здесь хорошо видна последовательность их напластования. Так, на стоянке Ивановское, расположенной на юго-восточном мысу высокого (3 м) суходола Ивановского торфяника, четко фиксируется стратиграфическое положение ранненеолитического

верхневолжского слоя и непосредственно над слоем эпохи мезолита и под слоем с ямочно-гребенчатой керамикой. От мезолитического слоя верхневолжский отделен почти стерильной прослойкой (около 20 см), куда сверху попадали редкие находки из слоя раннего неолита. Между ранненеолитическим и слоем с ямочно-гребенчатой и “гибридной” керамикой также имеется относительно чистая прослойка (около 10 см).

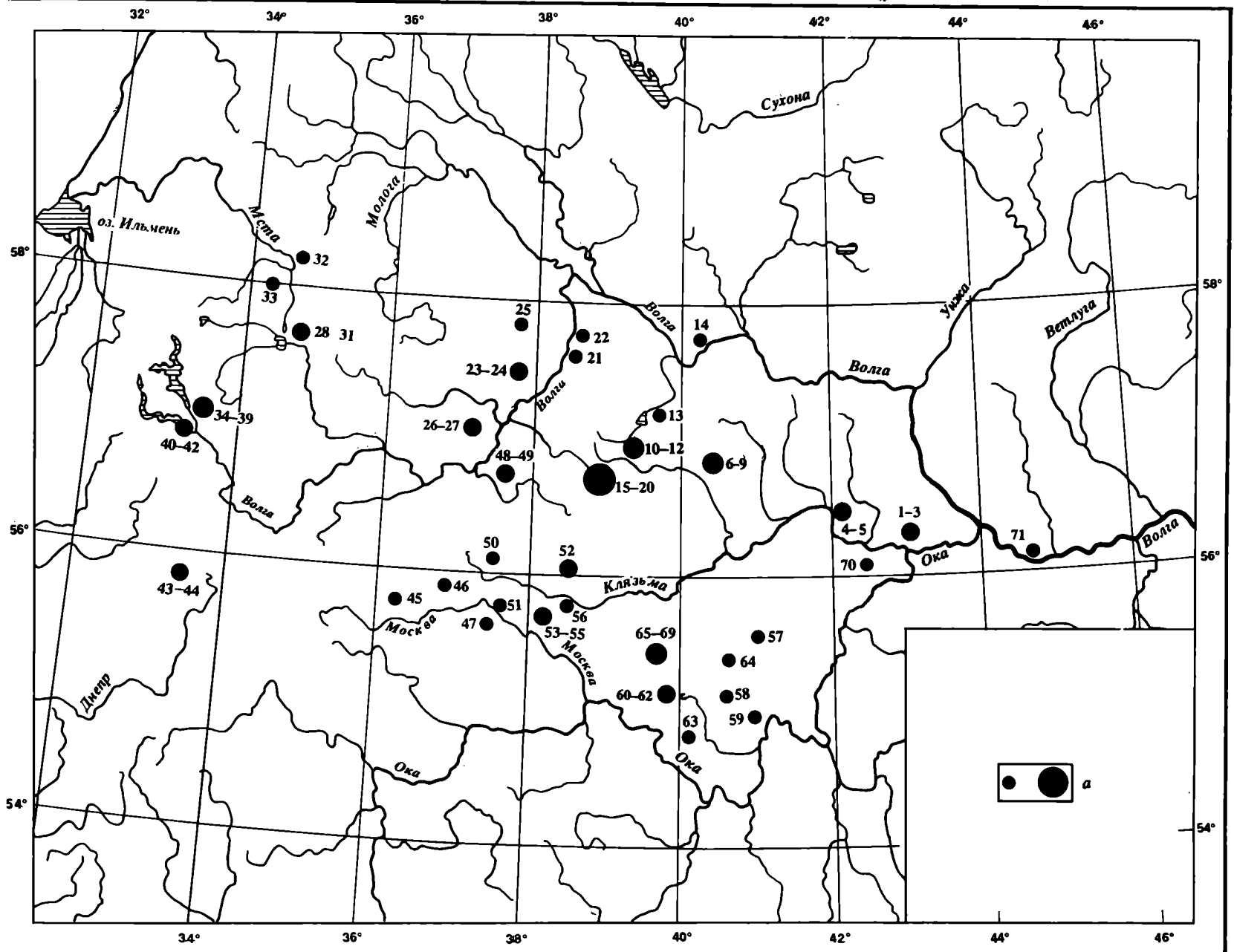
Подобное чередование материала наблюдается и в Ивановском VII. Стратиграфическое положение верхневолжского слоя ниже слоя культуры ямочно-гребенчатой керамики фиксируется и на многослойных памятниках со смешанным материалом по залеганию массовых находок. Например, на стоянке Сахтыш II максимальное количество верхневолжской керамики отмечено на глубине 60–70 см, а ямочно-гребенчатой – на глубине 40–50 см.

Серия радиоуглеродных дат позволила определить абсолютную хронологию верхневолжской культуры в Ивановском III. Всего для памятника получено 55 дат, определенных по образцам из разных культурных и литологических слоев. Из них 34 даты (61,8%) можно признать достоверным.

Ранненеолитический слой имеет серию радиоуглеродных дат в интервале середина V – до первой четверти IV тыс. до н.э.: 6540 ± 70 (ЛЕ-1935), 6500 ± 50 (ИГАН-71), 6370 ± 80 (ЛЕ-1948), 6360 ± 80 (ЛЕ-1978), 6350 ± 70 (ЛЕ-3097), 6300 ± 40 (ИГАН-160), 6210 ± 60 (ЛЕ-3094), 6090 ± 70 (ЛЕ-1249), 5840 ± 40 (ЛЕ-1908). Радиоуглеродные даты мезолитического слоя Ивановского III указывают на разрыв примерно в 350 лет между позднебутовским мезолитическим слоем бутовской культуры и ранненеолитическим, что вместе с типологией кремневых и костяных орудий свидетельствует о формировании верхневолжской культуры на базе местного мезолита. Радиоуглеродные даты ранненеолитического слоя Ивановского III хорошо согласуются с датами стоянки Языково I: 6250 ± 60 (ЛЕ-1080), 6370 ± 70 (ЛЕ-1189), 5950 ± 90 (ЛЕ-1190) (Хотинский и др., 1979).

Наиболее ранние даты для культуры ямочно-гребенчатой керамики в Центре Русской равнины относятся к середине IV тыс. до н.э.: 5670 ± 50 (ЛЕ-969) по Заречью, 5560 ± 100 (ЛЕ-1109) по Ивановскому V, 5490 ± 70 (ЛЕ-1188) по Языкову I, 5380 ± 60 (ЛЕ-1889) по Сахтышу II. На стоянке Ивановское III для слоя торфа, отделяющего верхневолжский слой от вышележащего с ямочно-гребенчатой керамикой получена дата 5510 ± 40 (ЛЕ-1946).

Таким образом, на основе радиоуглеродных дат хронология верхневолжской культуры определяется от середины V до середины IV тыс. до н.э. Возможно, нижняя

Карта 9. Памятники верхневолжской культуры. (Составлена Д.А. Крайновым)

а – стоянка или группа стоянок; 1 – Шадрино IV; 2 – Стрелка II; 3 – Боринка II; 4 – Завьялка I; 5 – Завьялка II; 6 – Сахтыш I; 7 – Сахтыш II; 8 – Сахтыш IV; 9 – Сахтыш VIII; 10 – Ивановское III; 11 – Ивановское V; 12 – Ивановское VII; 13 – Уница; 14 – Воронка II; 15 – Кухмарь I; 16 – Кухмарь III; 17 – Польцо; 18 – Плещеево IV; 19 – Торговище I; 20 – Торговище II; 21 – Золоторучье I; 22 – Золоторучье III; 23 – Языково I; 24 – Языково III; 25 – Барская Лядка; 26 – Спасская; 27 – Петровская; 28 – Ивановское I; 29 – Рябиновая Релка; 30 – Федорова Будка; 31 –

Тришкина Нива; 32 – Репище; 33 – Бологое; 34 – Котчище; 35 – Щепочник; 36 – Заболотье I; 37 – Залесье; 38 – Засыпь I; 39 – Дубровец; 40 – Ронское I; 41 – Ланино-Мыс; 42 – Завирье; 43 – Романово I; 44 – Скарбы III; 45 – Тростенское озеро (группа); 46 – Мышецкая; 47 – Давыдково; 48 – Николо-Перевоз (группа); 49 – Сущево; 50 – Льялово; 51 – Бисерово озеро; 52 – Заречье (группа); 53–55 – Маслово Болото I, II, VII; 56 – Луково озеро; 57 – Колпь I; 58 – Владычино-Боровая; 59 – Ибердус; 60 – Черная Гора; 61 – Фефелов Бор II; 62 – Беломутово III; 63 – Ловещий городок; 64 – Ушмар; 65 – Нармус; 66 – Лосево; 67 – Деево; 68 – Вешни; 69 – стоянка 171 км; 70 – Холомниха; 71 – Черная Маза

граница верхневолжской культуры, фиксирующая переход от финального мезолита к раннему неолиту несколько удреивнется*.

Верхневолжская культура представляет собой само-бытное явление в истории неолита Центра Русской равнины. Она характеризуется разнообразной по форме и

* В настоящее время начало верхневолжской культуры относят к концу VI тыс. до н.э.

орнаментации глиняной посудой, многочисленными орудиями из кремня, камня и кости, предметами духовной культуры, остатками жилых сооружений. В ее облике переплетаются черты южного влияния и местных лесных традиций.

Глиняная посуда представлена тремя основными группами: плоскодонными и остродонными горшками с тычково-накольчатый орнаментом или без орнамента, остродонными сосудами с длинно-зубчатой

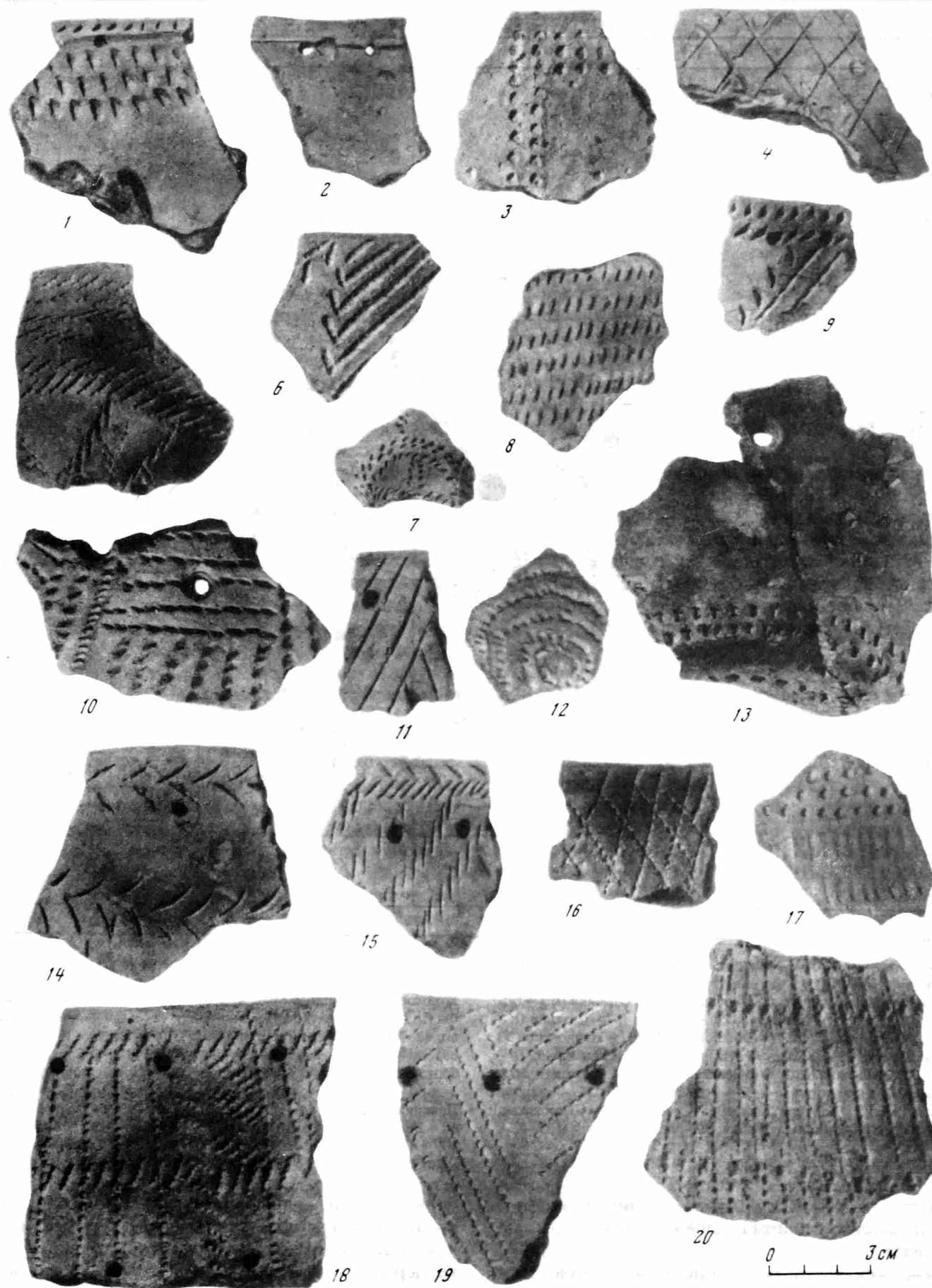

Рис. 52. Верхневолжская культура. Керамика

1, 2, 4, 5, 7-13, 15, 17, 19, 20 – Сахтыш II; 3, 4, 14, 16, 18 – Сахтыш VIII

орнаментацией, остродонными и плоскодонными сосудами с ложношнуровым, прочерченным и короткозубчатым орнаментом, занимающими как бы промежуточное положение между керамикой первых двух групп.

Выделяются три этапа развития верхневолжской культуры (Костылева, 1986, 1987). Первый характеризуется керамикой с тычково-накольчатым орнаментом или без орнамента. Появление подобной керамики связано, по-видимому, с воздействием традиций более южных территорий, откуда была заимствована идея изготовления глиняной посуды. Имеющийся на сосудах орнамент размещен под венчиком, в придонной части и на днище. Он выполнен наколами овальной, ладьевидной, округлой, подтреугольной формы (рис. 52). Сосуды плоскодонные и остродонные, с выпуклыми стенками. Диаметр горла реставрированных мелких сосудов 14–15 см, встречаются экземпляры диаметром до 29 см при толщине стенок 0,4–0,7 см. Венчики прямые или загнутые внутрь, с прямым или округлым срезом. Часто под венчиком имеется желобок со сквозными отверстиями, нанесенными по сырой глине. Плоские донца (диаметром от 2,5 до 10 см) иногда вогнуты внутрь. Поверхность сосудов лощеная, красновато-коричневого или розовато-желтого цвета. Примеси разнообразны: органика, раковина, шамот, песок. Тычково-накольчатая керамика встречается в относительно чистом виде в ранненеолитических комплексах (Кухмарь III, Шадрино IV, Алексеевское I, Давыдовская), а на многослойных памятниках с различными видами верхневолжской керамики находится в основании культурного слоя, ниже ранненеолитической керамики с прочими видами орнамента (Сахтыш II, Торговище I).

На втором этапе развития культуры преобладает керамика с ложношнуровым, прочерченным и короткозубчатым орнаментами, появившаяся в небольшом количестве на первом этапе. Указанные виды орнамента связаны с предшествующей тычково-накольчатой орнаментацией. Ложношнуровой орнамент представляет собой скорописную манеру нанесения тычкового элемента. Коротко-зубчатый элемент иногда наносится в тычковой и отступающей технике. Вся поверхность сосуда сплошь заполняется орнаментом. Орнаментальные композиции становятся более сложными. Среди них взаимопроникающие ряды наклонных линий, выполненных отступающей палочкой или гладким штампом (прочерком), напоминающие так называемую “плетенку”, однорядный и многорядный горизонтальный зигзаг, ромбическая решетка и др. Наблюдается горизонтальное членение орнамента разделительными зонами, в которых используются ряды коротко-зубчатого штампа, тычковых вдавлений, цилиндрических ямок. Последние также обычно присутствуют и под венчиком в бордюрной зоне.

Обломки сосудов с ложношнуровым и прочерченным орнаментом иногда окрашены охрой (Ивановское II, III, V, Кухмарь I, Берендеево II-а), что по-видимому, имеет ритуальное значение. По форме сосуда остродонные с выпуклыми стенками, средних размеров. Венчики прямые, с округлым или скошенным внутрь срезом. Примесь к глине служил шамот, встречается органика, раковина, дресва.

На большинстве многослойных памятников керамика с длиннозубчатым орнаментом преобладает над прочими видами верхневолжской керамики. Так, на стоянке Сахтыш II и Ивановское III она составляет по 60% от всей верхневолжской керамики, на Ивановской VII – 59%, на Торговище I – 42%, в то время как керамика первого этапа составляет соответственно 26, 16, 20, 38%, а керамика второго этапа – 15, 24, 21 и 20%. Имеются памятники, где присутствует почти исключительно длиннозубчатая верхневолжская керамика (Золоторучье III, Караш III, Берендеево IIа). На ряде многослойных стоянок поздняя верхневолжская керамика встречается вместе с ямочно-гребенчатой. Встречается и “гибридная” керамика, в орнаменте, формах и примесях которой сочетаются черты поздней верхневолжской и ямочно-гребенчатой керамики. По-видимому, на позднем этапе верхневолжская культура сосуществовала с культурой ямочно-гребенчатой керамики, которая, как нам представляется, пришла в конце первой половины – середине IV тыс. до н.э. в Волго-Окское междуречье с более северных территорий (Прионежье, Вологодская обл.).

Орудия верхневолжской культуры изготавливались из кремня, камня, кости и дерева. Для изготовления кремневых орудий использовался местный валунный кремень разных цветов. Среди изделий пластинчатой техники преобладают пластинки без обработки, с краевой ретушью, всевозможные сечения, служившие вкладышами для оснащения кинжалов, гарпунов, ножей и других орудий. Большую группу изделий из пластин составляют наконечники стрел, среди которых выделяются две ведущие формы – иволистные и черешковые (рис. 53). Они обрабатывались в основном по перу и насаду, хотя среди иволистных много обработанных по периметру. На памятниках третьего этапа обнаружены наконечники со сплошной ретушью со спинки и краевой с брюшка. Из пластин изготовлены также концевые скребки, скобели, проколки, угловые резцы, треугольники, пластинки со скошенным концом, с затупленным основанием, микропилки (рис. 53). Среди орудий из отщепов преобладают небольшие округлые скребки и микроскребки, обработанные крутой и полукрутой ретушью, частично сохраняется естественная поверхность (рис. 53). Из отщепов изготавливались также скобели, ножи, резцы. Орудия для обработки дерева представлены небольшими кремневыми топориками и теслами овальной, подтреугольной и подпрямоугольной формы с подшлифованным лезвием. Отмечается уменьшение количества изделий из пластин на поздних памятниках.

Большинство изделий из кремня, встречаемых на ранних памятниках верхневолжской культуры, имеют близкое сходство с орудиями позднебутовской мезолитической культуры (Берендеево III, Ивановское III, VII, Скнятино I–III и др.). Это служит важным аргументом в решении вопроса о генетической связи верхневолжской культуры с местным мезолитом.

Большую роль в хозяйстве ранненеолитического человека играли костяные орудия. Среди них наконечники стрел – игловидные, перовидные, биконические с утолщенной серединой. Гарпуны однорядные с мелкими раздвоенными зубцами или редко поставленными зубцами. Найдены пешни из костей лося, напоминающие орудия

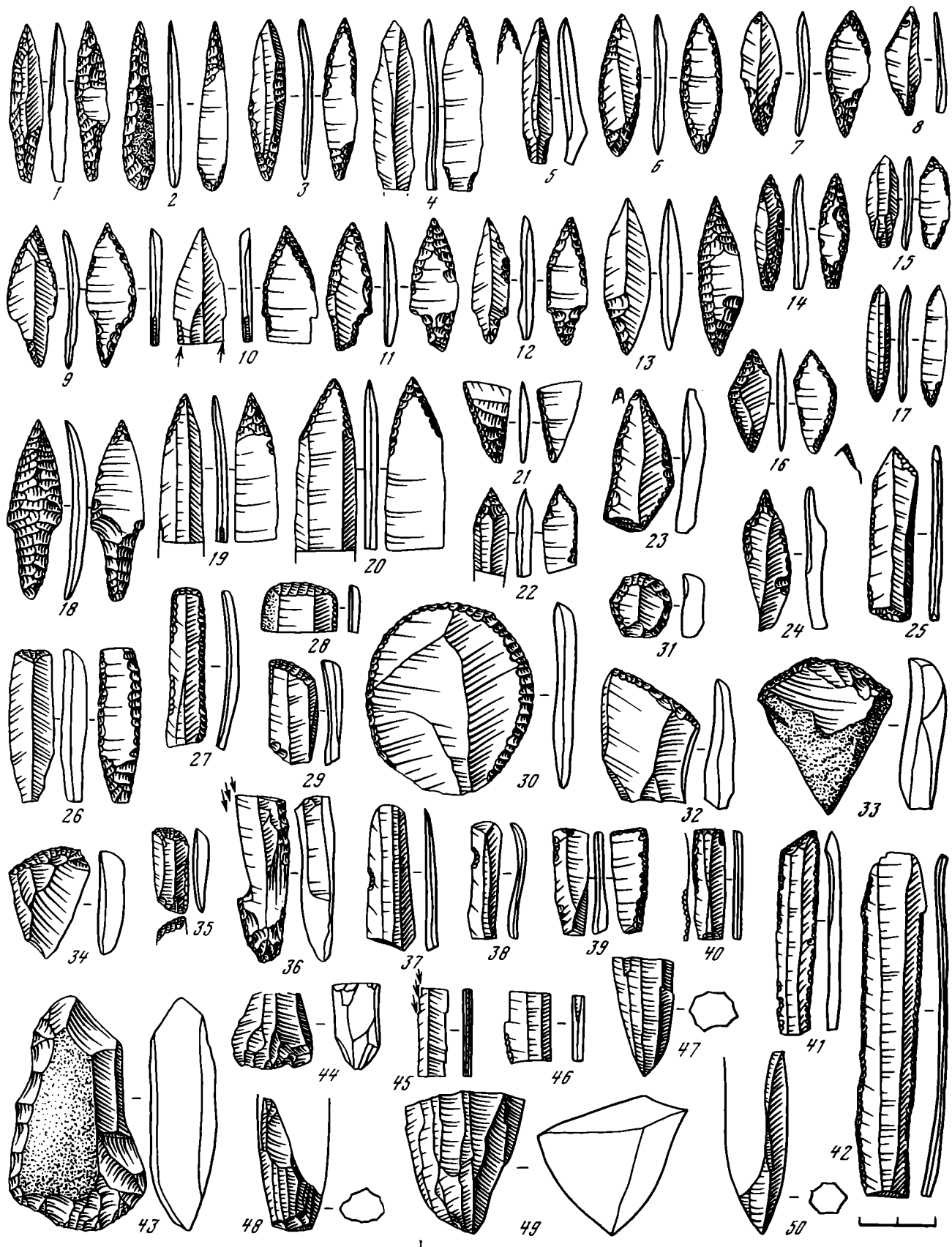

Рис. 53. Верхневолжская культура. Кремневый инвентарь

1, 2, 7-16, 19, 21, 27-29, 31-35, 43 – Сахтыш II; 3-6, 10, 17, 22-26, 36, 39, 41, 44-45, 47, 48, 50 – Сахтыш VIII; 18 – Ивановское III; 20, 30, 37, 38, 42, 46, 49 – Торговище I

“под углом 45°”, проколки, шилья, кинжалы. Встречаются подвески из клыков мелких хищников с нарезками для привязывания. Среди поделок из дерева встречаются прямоугольные в сечении палочки от верш, обломки различных предметов, колья и т.п.

О духовной жизни населения позволяют судить редкие находки предметов искусства и культа. К ним относятся глиняные диски с орнаментом, найденные на стоянках Сахтыш II, VIII, Ивановское VII, Языково I, Маслово Болото V (рис. 54). Диски небольшие (диаметр 6,0–0,75 см, толщина 0,8–1,2 см). Глиняное тесто хорошо отмучено, цвет желтый или розоватый.

Особо следует отметить глиняный диск (диаметром 7,5 см и толщиной 1,2 см) из Сахтыша VIII. Вдоль его края нанесен точечными наколами круг, а в центре теми же наколами выполнено изображение головы оленя. На краю диска имеется отверстие для подвешивания (рис. 54). Обратная сторона гладкая. Эта находка связана, очевидно, с культом небесных оленей и лосей, широко известного в этнографии, который зародился, по-видимому, еще в мезолите (Рыбаков, 1976. С. 43). Существование такого культа у населения лесной зоны в эпоху мезолита подтверждают находки рогового жезла в виде головы лосихи в могиле шамана Оленеостровского могильника (Гурина, 1956. С. 304. Рис. 27) и деревянного скульптурного изображения “перевертыша” медведя-лося из мезолитического слоя стоянки Ивановское III.

К предметам искусства относится и каменная плитка из Сахтыша VIII с нарезным двусторонним орнаментом в виде елочного зигзага и ромбической решетки (рис. 54). Плитка с почти идентичным орнаментом найдена на стоянке Польцо (Никитин, 1975). Эти плитки напоминают “чуринги”, известные по этнографии как предметы культового значения*.

На ряде поселений верхневолжской культуры обнаружены остатки небольших полуземляночных жилищ (Сахтыш VIII, Малая Ламна I, Романово I). Два жилища Сахтыша VIII располагались вдоль древнего русла Койки в 20 м друг от друга. Они округлой в плане формы, углублены на 40–50 см в землю. Размеры первого жилища – 3,5 × 4,0 м, второго – 3,0 × 3,6 м. Пол жилищ покатый к центру. В юго-западной части первого жилища и в центре второго находились очаги размерами 110 × 150 см и 120 × 80 см, мощность около 30 см. Очаги заполнены углем, пережженными костями и камнями. Около очагов – следы от столбов. Вокруг жилищных пятен прослеживался тлен от столбов и стен. В заполнении жилищ найдены верхневолжская керамика, нуклеусы и орудия из пластин и отщепов. Вблизи второго жилища обнаружена мастерская по обработке орудий, в которой найдены свыше 500 кремневых чешуек и упомянутая каменная плитка с нарезным орнаментом.

На стоянке Малая Ламна I также прослежены остатки трех жилых сооружений. Размеры двух из них – 2,2 × 2,5 м и 2,5 × 2,8 м. Третье жилище разрушено обвалом берега озера. Глубина жилищ от древней дневной поверхности около 40 см. В заполнении найдены кремневые пластинки, скребки, отщепы.

На стоянке Романово I исследованы три овальные полуземлянки размерами 7,0 × 3,0 м, вытянутые вдоль берега озера (Кольцов, 1975). По контуру жилищ обнаружен тлен от столбов, стоявших наклонно. По центру жилищ шли вертикальные столбы. В каждом жилище находились очаги округлой или овальной формы с развалами сосудов. Около одного из жилищ выявлен помост из бревен, укрепленных столбами, вытянутый по направлению к озеру. Раннеолитические жилища близки по форме жилищам позднемезолитических стоянок Богоявление, Золоторучье III, Пеньково.

Раннеолитические погребения на Верхней Волге пока неизвестны, в силу чего судить об антропологическом типе людей этого времени и обряде погребения невозможно. Однако, близость верхневолжской культуры к днепро-донецкой и нарвской, где найдены погребения, позволяет, по-видимому, отнести носителей верхневолжской культуры к северным европеоидам.

Топография поселений, набор орудий свидетельствуют об охотничье-рыболовческом хозяйстве. Костные остатки, найденные на стоянках, указывают на широкое распространение в то время кабанов, благородных оленей, косуль, лосей, зубров, бобров и других представителей широколиственных лесов. Найдены также кости водоплавающей, боровой дичи и кости рыб. Выбор мест для поселений на берегах озер и речек говорит о возросшей роли рыболовства. Именно оно обеспечивало неолитическим обитателям лесной полосы прочную пищевую базу.

Наряду с охотой и рыболовством большое значение имело и собирательство. В широколиственных лесах имелось немало растительной пищи в виде желудей, орехов, съедобных ягод, плодов, корней, грибов и т.д., игравших важную роль в рационе человека.

Таким образом, по сравнению с предыдущим поздне-мезолитическим этапом, племена раннеолитической верхневолжской культуры поднялись на новый, более высокий уровень хозяйственной деятельности. Этот этап знаменует постепенным установлением оседлости на базе развития интенсивного охотничье-рыболовческого хозяйства с доминантой рыболовства. Развивается домостроительство, расширяется ассортимент и стандартизация кремневых и костяных орудий, увеличивается производство крупных рубящих орудий (топоров, тесел, долот и проч.), возникает керамическое производство, являющееся важным отличительным признаком неолита. К концу раннеолитического этапа резко увеличивается количество населения, о чем свидетельствуют группы одновременных поселений на сравнительно небольшой территории. Очевидно, усиливались обмен и связи в контактных зонах между различными племенами, способствовавшие дальнейшему прогрессу. По всей вероятности, изменились и социальные формы первобытнообщинного строя, выразившиеся в усложнении взаимоотношений людей, их идеологии, мышления, искусства и т.д.

Очевидно, вся территория, где встречаются памятники верхневолжской культуры, была занята родственными племенами, принадлежащими к одной этнической общности. Однако в различных частях этой территории, помимо общего улавливаются и некоторые особенности,

* Серия подобных предметов найдена на стоянке Замостье II на р. Дубне.

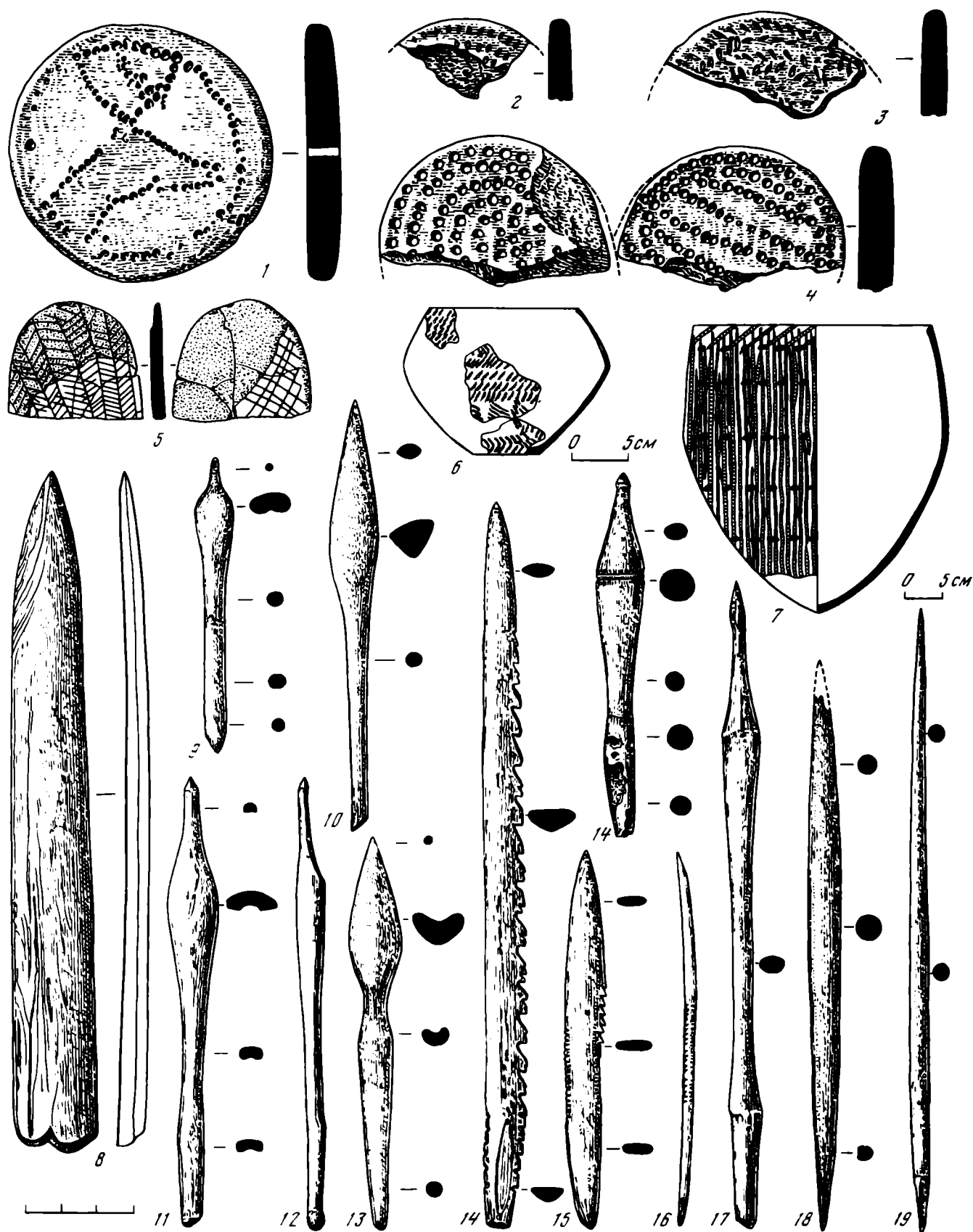

Рис. 54. Верхневолжская культура. Глиняные диски (1-4), каменная плитка (5), сосуды (6, 7), костяной инвентарь (8-17)

1-3, 5 - Сахтыш VIII; 4, 6 - Сахтыш II; 7 - Торговище I; 8-17 - Ивановское III

Льяловская культура

позволяющие выделить несколько ее локальных вариантов. Среди них – центрально-верхневолжский, к которому относятся поселения среднего течения Верхней Волги с основными памятниками: Ивановское III, V, VII, Торговище I, Сахтыш I, II, VIII, Языково I, Николо-Перевоз I, III, Берендеево Па и др. На памятниках центрально-верхневолжского варианта наблюдается наибольшая концентрация верхневолжского материала.

На памятниках центрально-верхневолжского варианта присутствует материал всех этапов развития верхневолжской культуры. Весьма развита костяная индустрия. Особенностью керамики является частая встречаемость плоскодонной посуды на первом этапе, абсолютное преобладание в орнаменте ранней керамики тычковых вдавлений овальной формы, преимущественное использование на втором этапе коротко-зубчатой орнаментации, наличие “шагающей гребенки” на позднем этапе.

К московско-окскому варианту относятся памятники междуречья Оки и Клязьмы: стоянки Маслова Болота, Бисерово озеро, Владычинские стоянки, Колпь I, Фефелов Бор и др. Здесь Практически нет плоскодонной посуды, часто на ранней керамике встречаются тычковые вдавления подтреугольной формы, что сближает ее с керамикой среднедонской и волго-камской культур, присутствует коротко-зубчатый орнамент, выполненный “гребенкой на боку”, отсутствует “шагающая гребенка”.

Западно-верхневолжский вариант представлен памятниками верхнего течения Волги и верховьев Западной Двины: Ронское, Скрабы III, Романово I, Котчище II, Щепочник, Бологое, Репище и др. Это дюнные и приозерные стоянки с более крупным кремневым инвентарем. Глиняная посуда наряду с характерными для всей верхневолжской культуры чертами имеет особенности. В орнаментации ранней керамики много тычковых вдавлений округлой формы. Преобладают остродонные сосуды. На поздней керамике часто встречается “шагающая гребенка”. В орнаментации, формах, примесях сосудов прослеживается нарвско-неманское влияние. Количество раннеолитического материала на памятниках значительно меньше, чем в первых двух вариантах. Западно-верхневолжский вариант представляет собой окраину верхневолжского ареала, где происходили контакты раннеолитического населения различных культур.

Аналогичное явление наблюдается и на памятниках восточной окраины верхневолжской культуры: Завьялка, Боринка II, Голянин Бор I, Малая Ламна I, где количество и концентрация материалов незначительны и несут следы воздействия волго-камской культуры.

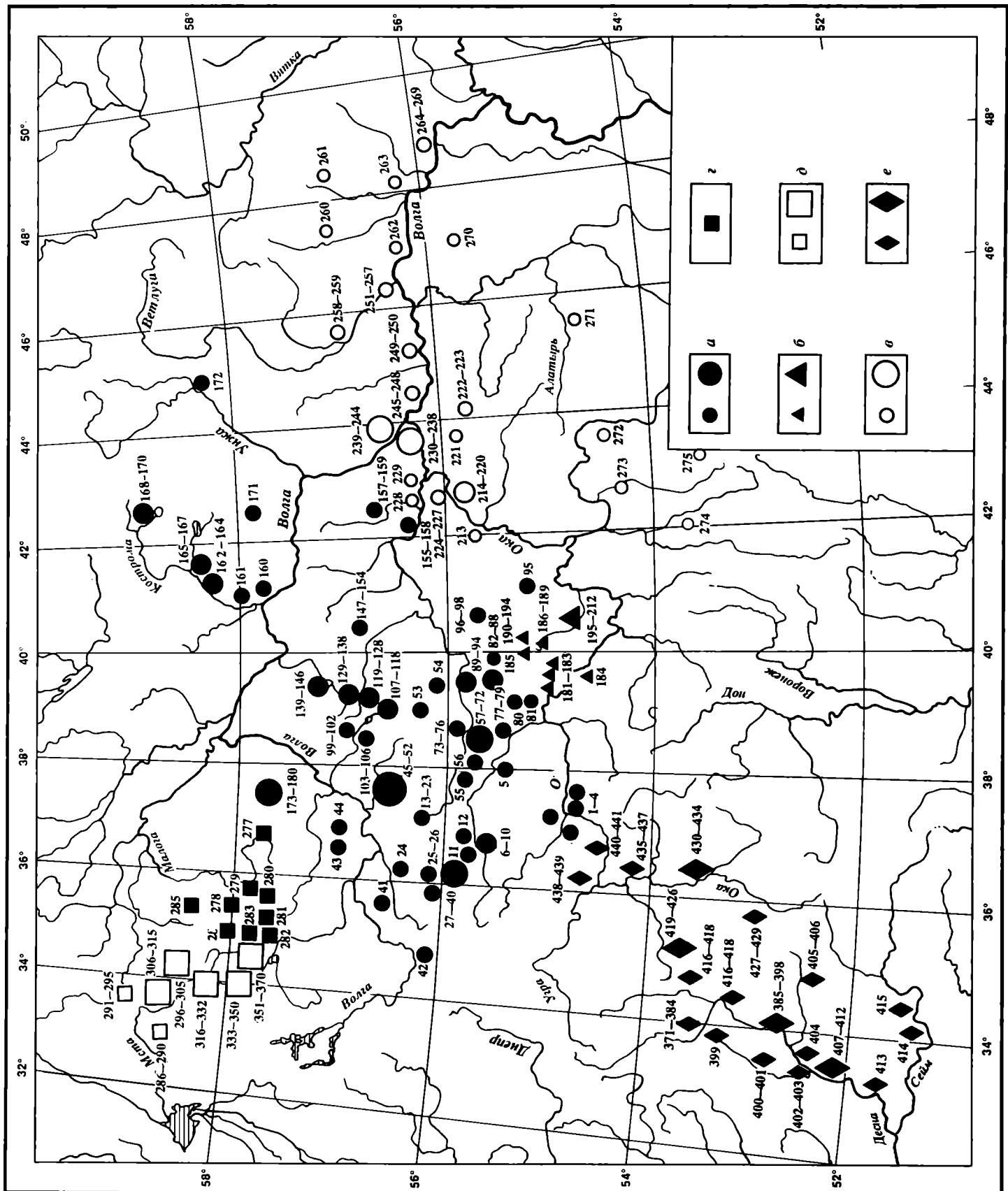
Верхневолжская культура связана с ареалом широколиственных лесов второй половины атлантического периода, где развивались также культуры нарвская, неманская, волго-камская, северная часть днепро-донецкой. Одновременность этих культур, сходная среда обитания и хозяйство определили близость основных черт их материальной культуры. Возможно предполагать также и их генетическую связь, обусловленную общей позднеолитической свидерской подосновой, на которой шло формирование указанных раннеолитических культур.

Понятие о льяловской культуре возникло после раскопок Б.С. Жукова (1925) на стоянке Льялово под Москвой. Он видел в ней ранний этап в развитии неолита всей лесной зоны Восточной Европы. М.Е. Фосс (1952) и А.Я. Брюсов (1952) показали, что эта культура имеет определенное территориальное распространение. М.Е. Фосс считала памятники типа Льялова наиболее ранними среди поселений с ямочно-гребенчатой керамикой, породившими другие культуры этого круга, тогда как А.Я. Брюсов смотрел на льяловскую культуру как на одну из многих синхронных культур Волго-Окского бассейна. Позднее В.М. Раушенбах на материалах Подмосковья разработала трехчленную периодизацию культуры. До недавнего времени из-за отсутствия радиоуглеродных дат льяловская культура датировалась от конца IV до середины II тыс. до н.э. Считалось, что прародиной льяловской культуры было Волго-Окское междуречье, а основу видели в местном мезолите (Фосс, 1952; Гурина, 1970а, Формозов, 1959; Третьяков, 1972а; Раушенбах, 1973 и др.). Некоторые авторы высказывали мнение о происхождении льяловской культуры с Украины (Неприна, 1976). В последние годы Д.А. Крайнов выявил ряд важных стратифицированных памятников на Верхней Волге, материалы которых заставляют по-иному интерпретировать хронологию льяловской культуры (Крайнов, Хотинский, 1977; Крайнов, 1978). Как было показано в предшествующем разделе, на многослойных поселениях Волго-Окского междуречья культурным слоям с льяловской ямочно-гребенчатой керамикой предшествуют слои с верхневолжской гребенчато-накольчатой керамикой. Резкая разница керамики той и другой культуры создает впечатление смены разных этнокультурных массивов. Окончательное решение этого вопроса – дело будущего, пока же можно говорить лишь о смене раннеолитической верхневолжской культуры в Волго-Окском междуречье льяловской культурой. Дискуссионным остается ее хронологическое членение и в особенности, выделение раннего этапа. Мнение В.М. Раушенбах (1964, 1979) о ранней дате таких стоянок, как Сушевская и Николо-Перевоз II (раскоп В), разделяется не всеми исследователями. Некоторые ставят под сомнение связь ранних типов кремневого инвентаря (наконечников стрел на пластинах, концевых скребков, резцов) с льяловской культурой (Крайнов, 1978; Урбан, 1976; Сидоров, 1977).

Границы собственно льяловской культуры можно наметить лишь приблизительно. В основном она занимает бассейны рр. Москвы и Клязьмы, на северо-востоке – в долине р. Костромы, на севере доходят примерно до Ярославля (карта 10)*. Поселения льяловской культуры тяготеют к берегам озер и рек. Из 300 поселений в Верхнем Поволжье, около 80% расположено на берегах озер, на мысах, у впадения или истока рек. По сравнению с верхневолжскими памятниками площадь и мощность слоев льяловских поселений более значительна, многочисленнее инвентарь и керамика.

Характерной чертой льяловской культуры являются

* По другим данным, территория льяловской культуры значительно больше. См. карту 10 (составлена В.В. Сидоровым)

сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 55). Они имеют полуяйцевидную форму, круглое дно. Примесь к глине служит дресва, или песок, обжиг сильный. Поверхность сосудов покрыта сплошным орнаментом, господствующим элементом его служит коническая ямка, нанесенная в шахматном порядке и, в меньшей степени, гребенчатый штамп. Применяются полулунные вдавления ("ногтевой" орнамент). Характерной чертой орнаментации является строгая зональность, пояса из оттисков гребенчатого штампа разбивают ямочный орнамент на строго горизонтальные зоны.

В более позднее время керамика меняется. В ней появляется примесь крупной дресвы, в отдельных районах – раковины. Форма котлообразная, остродонная или округлодонная. Некоторые сосуды достигают высоты 50 см при

диаметре 40 см, но преобладают более мелкие (10–40 см высотой, с диаметром 10–30 см), встречаются также миниатюрные. Появляются разнообразные узоры из отпечатков гребенчатого штампа (косые, вертикальные, зигзагообразные полосы, елочные, ромбические и прочие фигуры), отпечатки шнура, намотанного на палочку.

Кремневый и каменный инвентарь поселений льяловской культуры (рис. 56) по форме и технике изготовления отличается от кремневой индустрии раннеэнеолитической верхневолжской культуры. Преобладали орудия на отщепах, наконечники стрел и дротиков обработаны двусторонней ретушью*. Заметно увеличивается, по сравнению с верхневолжской, ассортимент орудий, связанных с охотой, рыбной ловлей и домашним обиходом. Характерны крупные (10–20 см) листовидные, подтре-

Карта 10. Неолитические культуры (основные памятники) среднего неолита в центре Европейской части России. (Составлена В.В. Сидоровым – льяловская, рязанская культуры, моложские стоянки; Н.П. Зиминской – мстинская культура; С.В. Ошибкиной – балахнинская культура; А.С. Смирновым – памятники лесного Подесенья)

а – льяловская (1–180); *б* – рязанская (181–212); *в* – балахнинская (213–276); *г* – моложские стоянки (277–285); *д* – мстинская (286–370); *е* – памятники лесного Подесенья (371–441).

1 – Поленово; 2 – Дракино; 3 – Подмоклово; 4 – Лукьяново; 5 – Быково; 6 – Полецкая 1; 7 – Полецкая 4; 8 – Наро-Осаново 2; 10 – Григорово; 11 – Бережок; 12 – Звенигород; 13 – Льялово 1; 14 – Льялово 2; 15 – Мышецкая; 16 – Круглое озеро 1; 17 – Рыбаки 1; 18 – Рыбаки 2; 19 – Альба 1; 20 – Долгое озеро 1; 21 – Долгое озеро 2; 22 – Нерское озеро 3; 23 – Нерское озеро 4; 24 – Выголь; 25 – Чудцево озеро 1; 26 – Чудцево озеро 2; 27 – Тростенская 1; 28 – Тростенская 5; 29 – Тростенская 6; 30 – Тростенская 12; 31 – Гагарино; 32 – Никольская 2; 33 – Крапивец; 34 – Никольская-правая; 35 – Брикет 9; 36 – Брикет 8; 37 – Романчев хутор; 38 – Черный лес; 39 – Усть-Рассоха; 40 – Гряда; 41 – Микулино; 42 – Ракитня; 43 – Застанье; 44 – Гливищенки; 45 – Николо-Перевоз I; 46 – Николо-Перевоз IIб; 48 – Николо-Перевоз III; 49 – Николо-Перевоз VI; 50 – Сущево; 51 – Заболотье 1; 52 – Замостье I–II; 53 – Заречье; 54 – Липовая Грива; 55 – Бисерово 1; 56 – Бисерово; 57 – Маслово болото 1; 58 – Маслово болото 2; 59 – Маслово болото 5; 60 – Маслово болото 6; 61 – Маслово болото 7; 62 – Маслово болото 8; 63 – Маслово болото 10; 64 – Маслово болото 11; 65 – Маслово болото 14; 67 – Маслово болото 15; 68 – Маслово болото 20; 69 – Маслово болото 21; 70 – Луково озеро 1; 71 – Луково озеро 2; 72 – Луково озеро 3; 73 – Буньково; 74 – Павлов Посад; 75 – Гридино; 76 – Орехово-Зуево; 77 – Нерская (группа); 78 – Усть-Вольная; 79 – Шугарово; 80 – Егорьевская; 81 – Жабки; 82 – Святое озеро 1; 83 – Святое озеро 2; 84 – Святое озеро 3; 85 – Северная грива; 86 – Керва 1; 87 – Керва 2; 88 – Ушма 1; 89 – Пириутинское озеро; 90 – озеро Сеньга; 91 – Находное озеро; 92 – Усть-Сеньга; 93 – Лопачи 2; 94 – Богдарня; 95 – Колпь 1; 96–98 – р. Судогда; 99 – Сомино озеро; 100 – Торговище; 101 – Усолье-Купанское 1; 102 – Усолье-Купанское 2; 103 – Польцо; 104–106 – стоянки при истоке р. Вексы; 107–118 – стоянки Берендеевского торфяника; 119–128 – стоянки Ивановского торфяника; 129, 130 – стоянки Вашутинского озера; 131–132 – стоянки озера Караш; 133–138 – стоянки Ловецкого оз.; 139 – Уница; 140 – Песошня 1; 141 – Кучубеш 1; 142 – Варос; 143 – Поречье 2; 144 – Сельцо 1; 145 – Рождественский остров; 146 – Бакланово 1; 147–154 – стоянки группы Сахтыш; 155 – Вязники; 156 – М. Ундолы; 157–159 – стоянки по р. Лух; 160 – Борань; 161 – Андоба; 162–164 – Костромские стоянки; 165 – Попово; 166 – Займа; 167 – Святое оз. I; 168 – Федоровская; 169, 170 – стоянки Чухломского оз.; 171 – Половинская; 172 – Ильинская; 173 – Языково 1; 174 – Языково 3; 175–180 – стоянки оз. Скорбеж; 181 – Большой лес (Белоомут); 182 – Ловцы; 183 – Борок; 184 – Фёфелов Бор; 185 – Воймежная 2; 187 – Карасово 1;

188 – Карасово 2; 189 – Карасово 3; 190 – Коренец 1; 191 – Тюрвищи; 192 – Дубовое оз.; 193 – Пошица; 194 – Ивановская горка; 195–205 – группа Шагар; 206 – Черная Гора; 207 – Владычино; 208–211 – Спас-Клепики (группа); 212 – Задне-Пилево; 213 – Панфиловская; 214 – Лягалин Бор; 215 – Волосовская; 216 – Малоокуловская; 217 – Садовый Бор; 218 – Сонино; 219 – Гремячевская 1; 220 – Саконская; 221 – Паровое; 222 – Селище; 223 – Борнуковская; 224 – Нармы; 225 – Ивачевская; 226 – Плеханов Бор; 227 – Красная Горка; 228 – Володары; 229 – Холомниха; 230 – Желнино; 231 – Дзержинск; 232–234 – Гавриловка IV, V, II; 235 – Моховые Горы; 236 – Большекозинская; 237 – Балахнинская; 238 – Городецкая; 239 – Серковская; 240 – Сокольская; 241 – Линда; 242 – Остревская; 243 – Путыковская; 244 – Коринкинская; 245 – Парижская коммуна II; 246, 247 – Луговой Борок I, II; 248 – Потопай; 249 – Черно-Мазинская; 250 – Михайловская; 251–254 – Удельно-Шумецкая VI, II, III, V; 255 – Майданская; 256, 257 – Полянская IV, II; 258, 259 – Выжумская I, II; 260 – Широкундышская; 261 – Чирковская; 262 – Отарская 1; 263 – Уржумкинская; 264 – Русско-Луговская 1; 265 – Обсерваторская III; 266, 267 – Займище IIIa, V; 268 – Дербышкинская; 269 – Мало-Отарское; 270 – Новая деревня; 271 – Зимняя шишка; 272 – Зубаревская; 273 – Имерка; 274 – Заметчинская; 275 – Озименки 1; 276 – Пензенская; 277 – Барская Лядка (группа); 278 – стоянки оз. Сарагожа; 279 – Максатиха; 280 – Лугинино; 281 – стоянки оз. Рагозно (группа); 282 – стоянки оз. Волчино (группа); 283 – стоянки оз. Удомля (группа); 284 – стоянки оз. Наволок (группа); 285 – Иловец 1; 286, 287 – Перетно I, II; 288 – Исток; 289 – Еловик; 290 – Боровно 1; 291 – Иваново Колице; 292, 293 – Ерзовская I, II; 294, 295 – Домовичи I, II; 296 – Ямное I; 297 – Ситное I; 298, 299 – Кончанское I, IV; 300 – Березовец; 301 – Зварт; 302 – Большое Обережье; 303 – Малое Обережье; 304 – Размытый полуостров; 305 – Березовский рядок; 306 – Меглино; 307 – Владыкино; 308 – Ржище; 309 – Юдиха; 310 – Зимники; 311 – Чебенево; 312 – Болоньинская; 313 – Репище; 314 – Выезд; 315 – Шабодро; 316 – Островская пристань; 317 – Шадомицкая пристань; 318 – Сухоедовская пристань; 319 – Узмень; 320 – Прикол; 321, 322 – Рютино I–III; 323, 324 – Велье I, II; 325–332 – Усть-Валдай I–VIII; 333–336 – Бычий мыс I–IV; 337–340 – Черная речка I–IV; 341–348 – Песенка I–VIII; 349 – Бологовская; 350 – Бологовская II; 351–352 – Алексеевская 1–2; 353–355 – Алексеевская 5 (а–с); 356 – Алексеевская 6; 357 – Алексеевская 9; 358 – Алексеевская 15; 359 – Алексеевская 16; 360 – Алексеевская 18; 361–363 – Алексеевская 21–23; 364 – Алексеевская 29; 365 – Алексеевская 33; 366, 367 – Алексеевская 35, 36; 368 – Алексеевская 38; 369 – Алексеевская 41; 370 – Алексеевская 44; 371 – Луново I; 372 – Луново II; 373 – Голосок; 374–376 – Бельнец I, II, IV; 377, 378 – Бесец I, II; 379 – Пионерская; 380–382 – Витковка I–III; 383, 384 – Чернетово I, II; 385 – Черепеньки; 386 – Устье Свени II; 387, 388 – Дамба II, III; 389 – Дамба-курган; 390–395 – Устье Ревны I–VI; 396–398 – Партизанское I, II, IV; 399 – Комягино; 400, 401 – Юдиново I, II; 402 – Лукин; 403 – Холм; 404 – Кветунский Борок; 405, 406 – Островок I, II; 407 – Жеренская протока; 408–410 – Жерено I–III; 411 – Мыс Очкинский; 412 – Боровичские стоянки; 413 – Погореловка; 414 – Озаричи; 415 – Заболотово; 416 – Ивановский; 417 – Курган; 418 – Стайки II; 419–426 – Красное III–X; 427 – Устье Дубны I; 428, 429 – Рессета I, III; 430 – Воронеж; 431 – Федяшево; 432 – Сестринский Хрящ; 433 – Жабьинь; 434 – Белев; 435 – Доброе; 436 – Гремяче; 437 – Вяльцевские выселки; 438 – Плетневка; 439 – Анненки; 440 – Криуши; 441 – Воронино

* Авторы данной статьи придерживаются различных точек зрения на характер индустрии ранней стадии льяловской культуры. Н.Н. Гурина, основываясь на мнении исследователя памятников льяловской культуры В.М. Раушенбах и материале (Сущевская, Николо-Перевоз II) допускает существование орудий на пластинах. Д.А. Крайнов – полностью отрицает эту возможность.

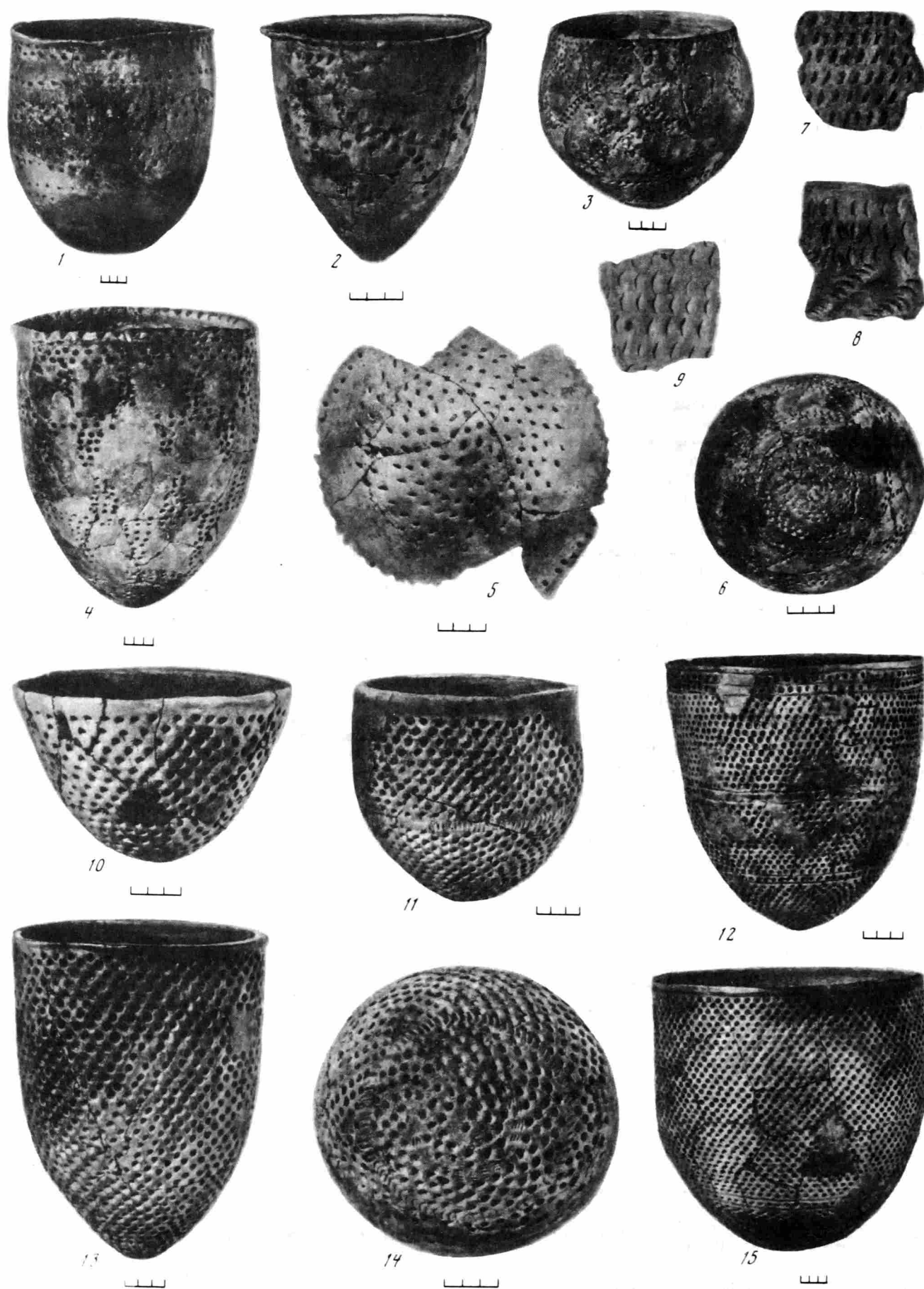

Рис. 55. Льяловская культура. Керамика

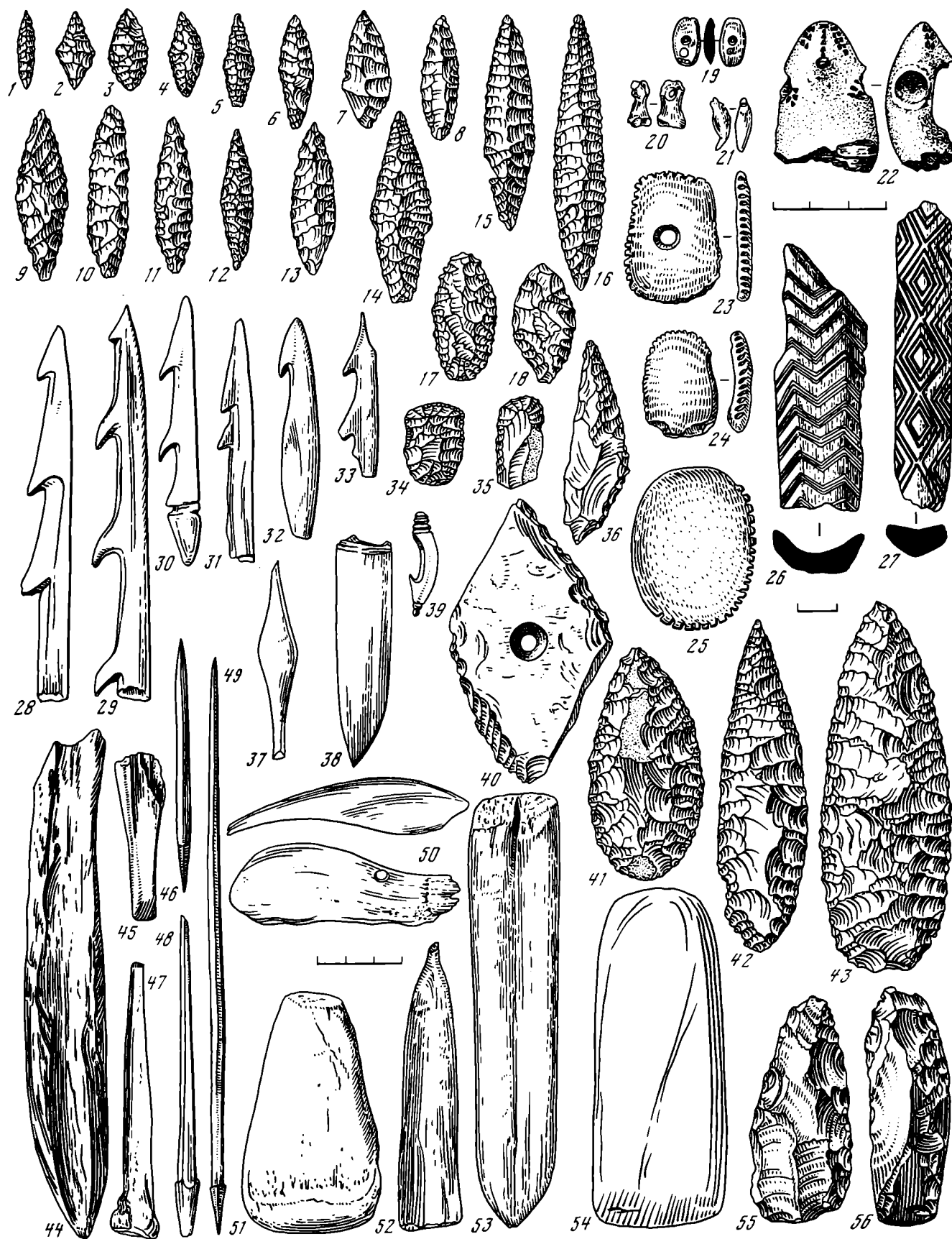

Рис. 56. Льяловская культура. Костяные и каменные изделия. Стоянка Сахтыш I, жилище 1 (1–2 строительные горизонты)

угольные и ромбические наконечники дротиков, всевозможные скребки, скребла, и скребовидные орудия, ножи разных форм, полностью или частично ретушированные, а также резчики, скобели, проколки, сверла, комбинированные изделия. Особо следует отметить “ложкарные” орудия для производства деревянных изделий (ковшей, ложек и пр.). Часто встречаются крупные шлифованные каменные орудия – топоры, тесла, долота. Основная масса топовидных орудий изготовлена из кремня, но есть экземпляры из сланца, диорита и др. На торфяниковых стоянках обнаружены также орудия из кости и дерева, в том числе много биконических и игловидных наконечников стрел с тупыми концами для охоты на мелких пушных зверей. На поселениях Сахтыш I, Ивановское III, VII, Языково I и др. найдены различной величины гарпуны, а также целые и составные рыболовные крючки.

В Подмоскowie характерным памятником раннего этапа льяловской культуры является стоянка Сущево (Раушенбах, 1964). Кремневая индустрия здесь сохраняет мезолитические традиции. Характерно обилие ножевидных пластин и пластинок, часть их служила для изготовления орудий, часть использовалась без вторичной обработки. Отдельные пластинки ретушированы частично с брюшка по боковому краю и со спинки – на конце, что сближает их с концевыми скребками. Резцы на пластинах одинарные или двойные (на одном или противоположных краях). Есть концевые скребки на пластинах и отщепках и пластинки с вогнутым ретушированным концом. Наконечники стрел овальной формы, с черешком, на пластинах ретушированных со спинки по всему краю, с брюшка на черешке и у острия. Другие наконечники ретушированы только с брюшка на острие и резко выражены на черешке, один – асимметричен.

Сосуды с примесью песка, тонкостенные, с прямыми венчиками и острым дном. Орнаментация состоит из конических ямок по всей поверхности сосуда, полулунных вдавлений или коротких отпечатков стержня с намотанной нитью, создающих узкую горизонтальную линию, опоясывающую сосуд. Сочетание кремневой индустрии, сохраняющей мезолитические традиции, с однотипной по орнаментации керамикой, заставляет относить Сущево к наиболее ранним памятникам льяловской культуры.

Ближние материалы встречаются в Николо-Перевозе II (раскоп В), Гридино, Б. Буньково, частично в Малом Окулове, на стоянках Маслова болота. В бассейне Оки к раннему периоду относятся Сонино, нижний горизонт Садового Бора (Селезнев, 1928) и др.

Средний этап льяловской культуры представлен собственно Льяловской, стоянками Бисерова озера, Купавна, Звенигородская под Москвой, Соколка на р. Теше, притоке р. Оки (Раушенбах, 1970), Луково озеро (Сидоров, Трусов, 1980) и др. На большинстве из них орудия изготовлены из валунного кремня в технике отщепки. Наконечники стрел листовидной формы, чаще вытянутых пропорций. Наконечники копий или дротиков разных форм, типичными являются ромбовидные. Представлены скребки, проколки, топоры и тесла удлинённых очертаний и короткие овальные. Среди костяных изделий – гарпуны, проколки, ножи из клыков кабана.

Сосуды из глины с примесью песка или дресвы, име-

ют остродонную полуяйцевидную форму, прямые или прикрытые края. Орнамент покрывает всю поверхность и состоит из глубоких ямок, округлых или овальных, гребенчатых отпечатков, полулунных вдавлений, шнура, намотанного на стержень. Они образуют горизонтальные полосы, разбивающие сплошной ямочный узор. В орнаменте нет сложных композиций. В нем отсутствует и шахматный порядок в расположении ямок.

В последние годы в Московской области В.В. Сидоров исследовал более десяти памятников на Масловом болоте. На стоянке Луково озеро I В.В. Сидоровым открыто жилище неясной конструкции, размером 20 × 7 м с пятью очагами. Очаги представляли собой песчаные насыпи-“подушки” с берестяными прослойками в нижней части, что предохраняло от пожара (поселение располагалось на сухом торфянике). Вокруг очагов концентрировались развалы сосудов, всего до 104 сосудов (подсчет по венчикам). Здесь же находились шлифовальные плиты, множество кремневых орудий. Вне жилища располагался один очаг, около которого была кремневая мастерская, где найдена шлифовальная плита, и множество отщепов. По другую сторону жилища прослежена обширная яма без находок, видимо, погреб (Сидоров, Трусов, 1980).

На стоянке Сахтыш I (Крайнов, 1984) исследовано уникальное жилище (рис. 57), врезанное в береговой склон перпендикулярно реке. Оно представляло прямоугольный котлован площадью 200 кв.м, прослеживались остатки стен в виде древесного тлена, а на дне сохранились остатки центральных столбов, позволяющих реконструировать двускатную крышу из ветвей, коры, бересты и мха, уложенных на сгнившие. В середине восточной стены был коридорообразный выход длиной 4 м и шириной 2 м, в котором прослеживались ступени и стенки, укрепленные двойным рядом столбов и плахами. Он вел к речке. В котловане прослежено четыре разновременных строительных горизонта. Два нижние – относятся к раннельяловскому времени. Их площадь равнялась 120 кв.м. Нижний строительный горизонт располагался на глубине 1,4 м от древней поверхности материка. Жилище этого времени представляло собой полуземлянку. На его дне, у юго-западной стены, обнаружены два очага, вокруг которых в ямах, обложенных камнями, стояло около 30 сосудов. В некоторых содержались рыба чешуя, череп бобров, кости и толстый нагар от варки пищи. На дне жилища найдены и костяные орудия, мотыги из рогов лося, лежавшие в яме, скопление костей (кости ног журавлей, череп медведя, череп бобров) и много деревянных изделий. Этот горизонт жилища датируется 5150 ± 40 (ЛЕ-1024).

Второй строительный горизонт отделен от первого слоем наносного песка. Очевидно, на какое-то время люди вынуждены были покинуть жилище, из-за наводнения. Оно, вероятно, было неожиданным, так как на полу первого горизонта остались целые сосуды, деревянные ковши, колотушки и другие предметы. Затем жилище было восстановлено в тех же размерах. Сосуды и другие вещи второго горизонта почти не отличаются от первого.

Второй горизонт датируется 5000 ± 70 (ЛЕ-1020), 4850 ± 70 (ЛЕ-1019). Третий строительный горизонт сов-

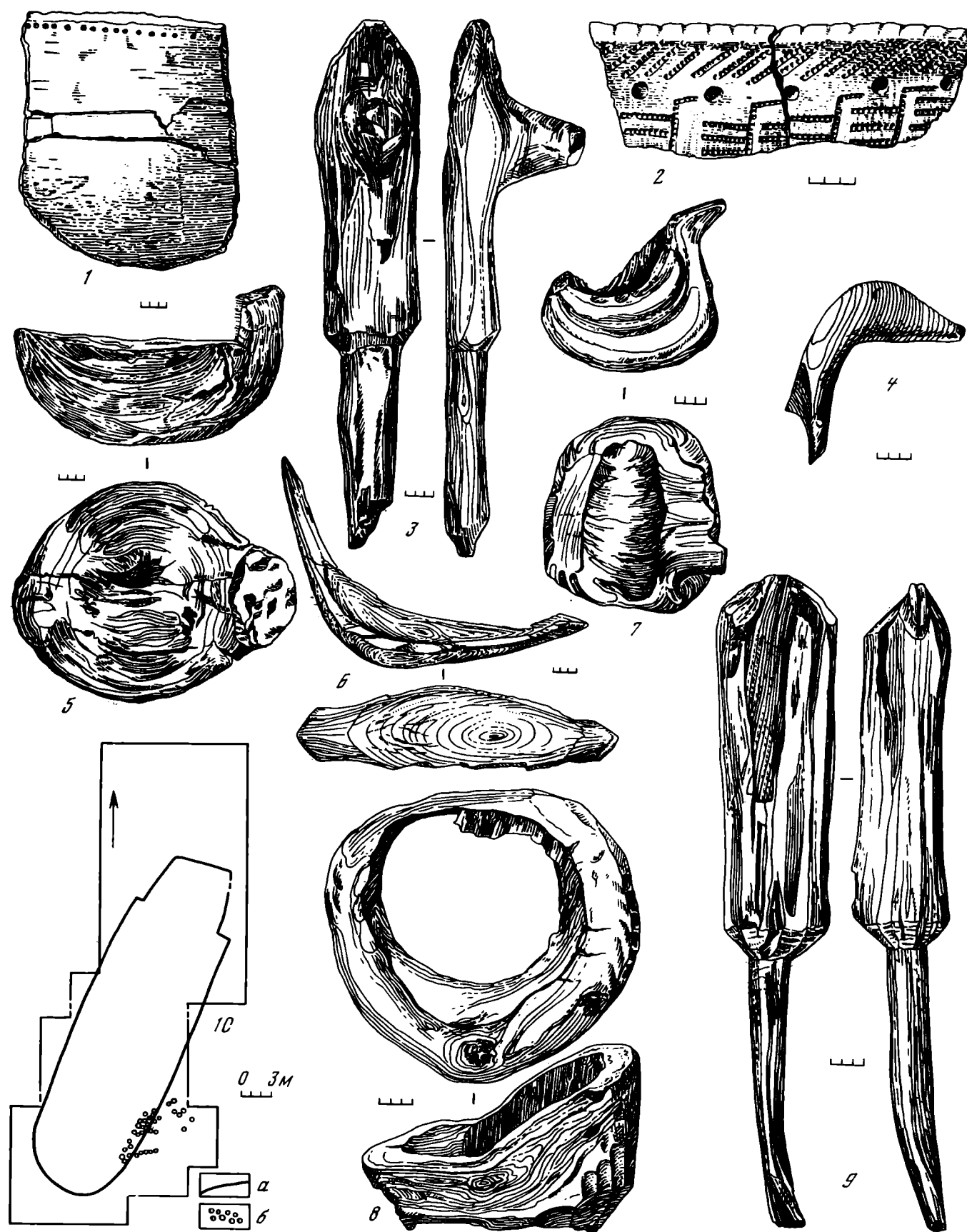

Рис. 57. Льяловская культура. Стоянка Сахтыш I

Вещи из жилища 1: 1 – берестяной кошель; 2 – изображение пловущих птиц на глиняном сосуде (Сахтыш VIII); 3, 9 – колотушки; 4–7 – облом-

ки деревянных ковшей; 8 – заготовка деревянного сосуда; 10 – план жилища 1 (а – граница жилища; б – остатки столбиков)

падает с регрессией озера. Центр жилища передвинулся ближе к реке, длина его увеличилась. Выход к речке заканчивался платформой, от которой сохранились сваи, бревна от мостков. Здесь же найдены верши, грузила от сетей и огромное количество керамики. Этот горизонт датируется, очевидно, началом III тыс. до н.э. Около очагов находились развалы тонкостенных сосудов с ямчатым и гребенчатым орнаментом, относящихся к позднему этапу неолита (по Д.А. Крайнову, "протоволосово"). На полу жилища найдены костяные, кремневые, деревянные и другие вещи, характеризующие поздний этап неолита. Четвертый строительный горизонт относится к волосовской культуре.

Таким образом, Сахтышское жилище показывает преемственность культуры при смене этапов неолита. Такая же закономерность наблюдается и в других многослойных поселениях Верхнего Поволжья – Сахтыш VIII, Уницкая стоянка, Языково I, Ивановское III, V, VII, Торговище I и др. (повсюду здесь слои с льяловской керамикой залегают над слоями с верхневолжской гребенчато-накольчатой керамикой). Каменный инвентарь льяловского комплекса стоянки Сахтыш I является типичным для среднего этапа льяловской культуры. Среди костяных орудий встречены массивные гарпуны, игловидные и биконические наконечники стрел, целые и составные рыболовные крючки, роговые мотыги, пешни, долота, струги, шилья, иглы и игольники, ложки накладки для луков, предметы с орнаментом, подвески из клыков животных (рис. 56). Особую ценность представляют заготовки деревянных ковшей и ковши с ручками, завершенными гусиными головами. Из других предметов домашнего обихода найдены лопатки, мутовки-мешалки, большие крюки для подвешивания, колотушки для разбивания орехов. Есть деревянные тупые наконечники стрел, вероятно, для охоты на мелкого зверя.

В жилище стоянки Сахтыш I, у выхода, обнаружены верши из палочек, обломки лыж, лука, деревянные наконечники стрел, копье, обломки весел и т.д. Уникальны берестяной кошель, сшитый при помощи тонкой жильной нитки, и предмет из липового лыка в виде шляпы.

Фрагментов льяловской керамики на стоянке Сахтыш I – десятки тысяч. Статистические подсчеты по горизонтам показывают, что ранняя посуда характеризуется относительной толстостенностью, прямым краем и сплошным ямочным орнаментом, в вышних расположенных горизонтах заменяется более тонкостенной, с усложненным узором и более округлым днищем. Встречаются сосуды высотой до 50 см и диаметром до 40 см. Видимо, их ценили, и реставрировали. На одном из сосудов в трещине видна черная смола. Больше сосудов 10–40 см высотой, диаметром 10–30 см. Найдены маленькие миски и миниатюрные сосудики.

Фаунистические остатки со стоянки принадлежат лосю, кабану, северному оленю, медведю, бобру, кунице, барсуку, лосю, зайцу, косуле, волку, выдре. В двух нижних льяловских горизонтах доминируют кости бобра. Много костей боровой (глухарь, тетерев, куропатка), водоплавающей (гусь, утка, гагара, лебедь) и болотной (цапля, журавль) птицы. Встречены кости сомов (до 2 м длины), осетров и стерлядей (до 1 м и более), щуки, язя, леща, окуня, плотвы. Для характеристики орудий, кера-

мики, быта и формы хозяйства льяловской культуры имеют большое значение и материалы таких стоянок как Сахтыш II, VIII, Ивановская II, V, VII и др.

В ареал льяловской культуры следует включить и ряд стоянок Костромского Поволжья, отмечающих ее восточную границу. Памятники каменного века в этом районе расположены на небольших всхолмлениях, среди заливных лугов, на берегах малых речек и их стариц. В результате неоднократного заселения стоянки имеют мощный культурный слой, не расчленяемый на горизонты. Наибольший интерес имеют поселения Борань (Гурина, 1960), Федоровское (Брюсов, 1928; Гаврилова, 1973), Половинская (Гурина, 1959), Водыш, Поповка и др. (Гаврилова, 1971, 1972, 1977).

Начиная с ранних этапов развития льяловской культуры, на многих стоянках найдены кости промысловых животных, кости и копролиты собаки, кости боровой, водоплавающей и болотной птиц, что свидетельствует о большом значении охотничьего промысла. Несмотря на очевидную продуктивность охоты, вероятно, рыболовство доминировало. Среди кухонных остатков найдено значительное количество костей рыб, огромные скопления рыбьей чешуи, иногда заполнявшей сосуды. Найдены весла и их обломки, а также многочисленные остатки различных рыболовных сооружений.

Несомненно, самым сложным вопросом является выяснение роли льяловской культуры в сложении других культур с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, в особенности, на более отдаленной северной территории. Пока он не решается однозначно. Как известно, сосуды с орнаментом из глубоких ямок и оттисков гребенчатого (иногда и иного) штампа встречаются в неолитических культурах на огромном пространстве лесной зоны Восточной Европы. На северо-востоке эта область доходит до Уральского хребта, на юго-востоке до Волго-Камья, на западе она граничит с валдайской, нарвской и неманской культурами, на юге близка памятникам северо-восточной Украины, на севере совпадают с Карелией, прослеживаются отдельные проявления ее и в южной части Кольского полуострова.

Однако, лишь при поверхностном знакомстве с этой керамикой складывается представление об идентичности, позволяющее включать ее в единую археологическую культуру. Речь может идти только об общности элементов орнамента (ямки и гребенки), создающих в действительности поразительно разнообразные композиции, что вместе с рядом других признаков (состав примеси в глиняном тесте, форма сосудов, приемы их изготовления), а также спецификой каменной индустрии, предметов искусства и др. позволяет, как мы видим в следующих разделах, выделить самостоятельные археологические культуры и варианты, а также проследить их развитие во времени.

Из этой массы керамики выделяются сосуды, форма и орнаментация которых является как бы ядром, основой для всей разнообразной керамики огромного региона. Именно эти ярко выраженные признаки, освободенные от всех последующих наслоений, характерные только для относительно узкой территории – бассейна рек Клязьмы и Москвы, Верхнего и Костромского Поволжья и послужили основой для выделения льяловской

Рис. 58. Рязанская культура. Керамика, орудия, украшения. Ранний (51–63), средний (10, 11, 13–15, 18–50) и поздний (1–9, 12, 16, 17) этапы

1–5, 7–9, 12, 16, 19 – Ибердус I; 6 – Дубровичи; 10, 11, 13–15, 18–50 – Черная Гора; 51, 52, 55–58, 61–63 – Владычинская Береговая; 53, 54 – Егорьевская; 59, 60 – Ушмары

культуры. В настоящее время это понятие еще более уточнено исследователями и сужено до понятия льяловская культура раннего и среднего этапа (карта 10). Являясь категорией исторической, льяловская культура прошла длительный путь развития. В течение ее существования, естественно, изменялись границы и, в известной мере, содержание культуры.

Рязанская культура

Неолитические памятники среднего течения р. Оки отличаются заметным своеобразием, поэтому выделены А.Я. Брюсовым в особую рязанскую культуру (Брюсов, 1952). С 1960 г. систематические археологические изыскания в указанной области производились И.К. Цветковой (Цветкова, 1970, 1973). Границы распространения памятников рязанской культуры совпадают со средним течением р. Оки, на востоке она доходит до г. Касимова, на севере включает верховья р. Пры, на западе до г. Егорьевска, на юге смыкается с лесостепными культурами (карта 10). Стоянки приурочены к песчаным дюнам первой надпойменной террасы Оки и ее притоков, реже – к берегам озер. В большинстве случаев культурный слой имеет значительную мощность, свидетельствуя о длительном обитании.

В развитии рязанской культуры выделяются три хронологических этапа. Для раннего этапом является стоянка Владычинская-Боровая, для среднего – Черная Гора и для позднего – Ибедрус I. Значительный интерес представляет также стоянка Владычинская-Береговая (отделенная от Владычинской-Боровой расстоянием всего лишь 300 м) содержащая помимо раннего комплекса и более поздний (гибридный), позволяющий проследить генетическую преемственность различных этапов рязанской культуры.

На раннем этапе прослеживается сходство рязанской и льяловской керамики, в силу чего некоторые исследователи говорят об их единстве (Третьяков, 1972а). Однако, между ними есть различия в керамике и инвентаре. Рязанские сосуды отличаются от льяловских прямой краем, округлым срезом без орнамента, острым дном (рис. 58). В орнаментации сосудов рязанской культуры уже на раннем этапе заметно частое использование гребенчатого штампа, создающего сложные композиции (вертикальную “елку”, зигзаг, диагональные линии), повторяющиеся затем в керамике среднего этапа. Для нарушения монотонности орнамента, образованного ямками, используются мелкие ямчатые вдавления, отпечатки трубчатой косточки и горизонтальные линии, нанесенные несмыкающимися оттисками короткой гребенки. Характерно массовое применение косозубчатого штампа и оттисков шнура, намотанного на стержень. Видимо, на этом этапе древнее население рязанской и льяловской культур было близко в этнокультурном отношении, различия же отражали этнографические особенности. В последующий период в силу различных исторических причин самобытные черты усиливались, различие между культурами возрастало.

Наиболее отчетливо своеобразные черты раннего этапа проявляются в стоянке Владычинская-Боровая, расположенной на левом берегу р. Пры. Основная масса

орудий изготовлена из кремня, крупные шлифованные изделия из кремнистого известняка. Среди последних обломки небольших уплощенных топоров и мелкие тесла. В кремневом инвентаре заметны архаические черты, роднящие его с мезолитом. Много срединных и угловых резцов на отщепах, есть резцы на пластинах, концевые скребки на пластинах и боковые на пластинчатых отщепах, ножи на пластинах, а также пластины с ретушью, наконечники стрел на пластинах, а также треугольные и ромбические наконечники на отщепах с двусторонней ретушью и наконечники копий с такой же обработкой.

Основной керамический комплекс представлен полувидными сосудами с примесью мелкого песка, сильно обожженных, с заостренными днищами и открытым устьем. Край прямой, изредка слегка утолщенный благодаря ленте глины, завернутой во внутрь сосуда, венчик немного скошен наружу, в ряде случаев вдавления по краю делают его волнистым. Рельефный орнамент покрывает всю поверхность. Элементы его немногочисленны – круглые конические или овальные ямки, гребенчатые оттиски с прямыми скошенными зубьями. Гребенка бывает короткой, а длинные отпечатки состоят из нескольких штампов. Типичны различные ямчатые вдавления, отпечатки перевитой веревочки, “узелки”, прямой штамп, оттиски трубчатой косточки, нанесенные в “отступающей” манере.

Из этих элементов путем разных комбинаций созданы гармоничные, нарядные узоры. Горизонтальные ямчатые пояса чередуются с зигзагами из одного ряда оттисков гребенки или диагональными полосами, выполненными гребенкой и ямками. Общие черты орнамента – рельефность рисунка, использование в равной степени ямок и оттисков гребенки часто косозубчатой, широкое применение шнура, отчетливая зональность.

Основными памятниками второго этапа являются Черная Гора (правый берег р. Пры), третий горизонт стоянки Владычинская-Береговая, часть материалов со стоянок Дубровичи и Черепки близ Рязани, Ушмар на о-ве Соколка, стоянки на восточной окраине г. Касимова.

Кремневая индустрия этих памятников отличается от индустрии первого этапа: все орудия изготовлены из отщепов, двусторонне ретушированы, отсутствуют резцы. Скребки сделаны из пластин и массивных отщепов, специфичны крупные ножи из плоских отщепов, треугольных и четырехугольных очертаний, которые сохраняются и на третьем этапе. Ножи из пластин и пластины с ретушью встречаются реже, чем раньше, как и двусторонне ретушированные изогнутые ножи.

Другой устойчивый тип орудий – проколки и сверла самых разнообразных очертаний. Наконечники стрел и копий лавролистные, иволистно-черешковые, листовидные с черешком и все с двусторонней ретушью. Последняя форма характерна для культуры в целом. Оригинальны ромбические наконечники стрел, обработанные ретушью с одной стороны по трем, с другой – по всем четырём краям. Наконечники копий (до 16 см) имеют иволистную форму. Есть кремневые топоры, оформленные ретушью. Из кремнистого известняка сделаны шлифованные топоры и тесла с желобком.

Сосуды среднего этапа обладают ярко выраженными особенностями (рис. 58). Типичны тонкостенные сосуды

(до 0,5 см) с примесью мелкого песка. Форма полуяйцевидная с открытым горлом, с округлым или заостренным дном, на некоторых штрихи от заглаживания. Почти на всех сосудах в результате отворота глиняной ленты во внешнюю сторону получался утолщенный, как бы наклеенный бортик. Столь устойчивая манера изготовления сосудов, не повторяющаяся в других неолитических культурах Русской равнины, придает посуде среднего этапа рязанской культуры индивидуальные черты.

Вся внешняя поверхность до самого дна орнаментирована, в основном ямками. Своеобразно широкое применение «тычкового» способа – когда ямки приобретали овальные очертания. Более редкие элементы – оттиски гребенки, иногда с косыми зубцами, косонамотанного шнура, ямчатые вдавления, неправильные и полулунные, рамчатый штамп. Особенно тщательно украшался утолщенный бортик, для чего применяли оттиски гребенки, шнура, нарезки, линии, образующие косую сетку, волнистую линию. Поверхность сосуда, как правило, покрыта ямками. Дополнительные элементы – оттиски гребенки и шнура или свободные зоны, рассекают поля ямок на горизонтальные полосы. Нередко рисунок состоял из ямок, построенных в треугольники, или диагональных полос, часто из сдвоенных ямок.

Костяные орудия представлены игловидными наконечниками стрел с приостренным насадом и биконическими с расширением в средней части. Крупные и мелкие наконечники стрел снабжены на конце зубцом. Двухзубые гарпуны имеют расширенный насад, один из них орнаментирован. Встречаются многозубые гарпуны с зубцами клювовидной формы. Для шильев и проколов использовали трубчатые кости, основание оформлено в виде рукояти. Тщательно сделаны тонкие игловидные острия, есть кочедыки из грифельных костей. Из трубчатых костей изготовлены предметы с лезвиями шириной 1–2 см, заточенными с двух сторон. Залощенность свидетельствует о работе по какому-то мягкому материалу, может быть их использовали для снятия коры с деревьев и ее расщепления. Многочисленны тесла различной величины и формы с асимметричным рабочим лезвием. Для плетения сетей, очевидно, служили предметы с прорезанным в тыльной части отверстием и зарубками на конце. Найдены мотыга из рога лося и костяные штампы для нанесения орнамента на посуду. Овальный сланцевый предмет использовался, видимо, в качестве грузила. Костяные рыболовные крючки тонкие, с отверстиями для привязывания лески. Идентичность сосудов и некоторых типов орудий из Владыченской-Боровой и Черной Горы позволяет предполагать генетическую связь первого и второго этапов.

К третьему этапу рязанской культуры относится стоянка Ибердус I и материалы ряда других стоянок (Дубровичи, Коренец, Черепки, Ловецкие Борки), верхний горизонт Владычинской-Береговой и др.). Основная часть орудий изготовлена из массивных отщепов, многие типы повторяют орудия предшествующего периода. Таковы скребки подчетырехугольных или подтреугольных очертаний, изогнутой формы и с зауженной рукоятью проколки, ретушированные по всей поверхности, сверла, расширенные в средней части.

Среди наконечников стрел помимо листовидных и

подромбических, встречаются мелкие треугольные с заостренным черешком. Наконечники дротиков с треугольным пером и широким овальным черешком. Разнообразие наконечников увеличивается в верхних горизонтах, где встречены и треугольные на пластинчатых отщепах, ромбической формы с выделенным черешком, треугольные с овальным черешком. Среди шлифованных орудий – сланцевые крупные и мелкие желобчатые тесла (в том числе острообушные), клиновидные топоры, обломок сверленного топора. Немногочисленные костяные орудия представлены гарпунами с клювовидными зубцами и утолщенной тыльной частью, шильями, есть рыболовный крючок.

Керамика весьма отлична от посуды предшествующего этапа. Она толстостенная, с примесью мельчайшего песка и шамота, сильного обжига, с заглаженной поверхностью без штриховки. У сосудов уже нет утолщенного бортика, венчики прямые или слегка профилированные, отогнутые наружу, срез орнаментирован. Сосуды высокие, дна разнообразны – округлые, уплощенные и плоские небольшого (до 5 см) диаметра. Внешняя поверхность сосудов покрыта орнаментом, но иного характера. Типичны оттиски переплетенного шнура, мелкие овалы, прочерченные линии, ромбы с отпечатками веревки внутри, круглый или раздвоенный штамп, нанесенный в отступающей манере, треугольный и рамчатый штампы. Особо выделяется веревочный орнамент, имитирующий гребенчатый штамп. Заметно усложняется узор, господствуют геометрические мотивы, выполненные гребенкой, прочерченными линиями или шнуром. Они образуют одиночный или множественный зигзаг, расположенный между горизонтальными линиями, цепочку из треугольников, как правило, обращенных вершинами кверху, или вертикальную елку и диагональные полосы. Часто гребенка, прочерченные линии, шнур или отступающие наколы, соединенные в группы и поставленные под углом друг к другу, образуют узор, сходный с корзиночным плетением.

На стоянке Ибердус I исследованы остатки жилища, размером 4,8 × 10,8 м, углубленного на 80–90 см, имевшего вход в виде коридора, шириной 1,3 м и длиной 1,5 м. По данным В.А. Городцова, на стоянке Черепки обнаружена землянка, диаметром 5 м, также с коридором и очажной ямой. Эти жилища напоминают волосовские, что, видимо, говорит о воздействии волосовской культуры на рязанскую в конце ее существования.

В памятниках рязанской культуры – Черная Гора и Ибердус I – найдены многочисленные подвески из клыков и резцов лося, кабана, медведя, барсука с отверстиями или круговыми нарезками. Вместе с подвесками из камня и кости, овальной и округлой формы, они составляли целые поясные наборы, иногда при этом использовались и просверленные челюсти животных. Встречены целые и распиленные вдоль клыки кабана. Подвески из костяных пластинок имеют одно или несколько просверленных отверстий, видимо, их нашивали на одежду. На отдельных экземплярах заметен тонкий прочерченный орнамент, по краю некоторых нанесены нарезки.

Представляют интерес костяные скульптуры (Цветкова, 1973). Из восьми объемных фигурок семь являются профильным изображением головок птиц (рис. 58).

Особенно выразительны три, изготовленные с предельной тщательностью, свидетельствующие о несомненном даровании художника, его тонкой наблюдательности. Слегка утолщенные головки птиц переходят в округлую шею, глаза показаны глубокими сверлинами. Великолепная скульптура с крючковатым, хищным клювом напоминает орла-беркута. Круглая голова с коротким загнутым клювом и как бы раздутым зобом, походит на голову токующего глухаря, а вытянутая, тоненькая головка третьей птицы напоминает голову глухаря в спокойном состоянии. Массивная уплощенная голова четвертой птицы, с длинным широким клювом изображает кулика. Пятая скульптура – небольшая, с изящной головкой подчетыреугольных очертаний и вытянутым корпусом с приподнятой задней частью, передает образ водоплавающей птицы. В целом это очень точное изображение птицы из породы куликов. Три просверленных отверстия указывают на то, что она нашивалась на одежду. Поверхность скульптуры сохранила следы окраски охрой. Шестое изображение следует естественной конфигурации кости, подправив изогнутую часть которой мастер превратил ее в шею и голову гуся или лебедя. Голова округлая, снизу клюв наискось срезан, глаза показаны чуть заметными утолщениями.

Изображения животных представлены тремя экземплярами. В одном использован передний метоподий медведя, в котором едва подработанный конец превращен в головку медвежонка с тупой мордочкой и маленькими, как бы прижатыми, ушками. Глаза лишь слегка намечены круглыми ямками, голова переходит в округлую “шею”, тело животного не показано. Из тонких костяных пластинок вырезаны фигуры рыб, ящерицы и человека. Ряд костяных предметов покрыт ритмическими нарезками, реже – ямочным узором.

Уникальны четыре флейты из плечевых костей лебедя или гуся. Длина наибольшей – 19,5 см, остальных – 10,5 см. На всех флейтах по четыре круглых игровых отверстия, дающих соответствующее количество звуков.

На стоянке Черная Гора обнаружено 18 могил. Судя по залеганию под культурным слоем (на глубине от 1,2 до 2,8 м) они синхронны стоянке, а некоторые, возможно, предшествовали ей. Положение скелетов различно: на спине, с головой повернутой направо или налево, на боку (чаще на правом), на животе. Ноги согнуты в коленях, руки – в локтях (в одном случае согнутые в локтях руки поняты вверх), чаще всего кисти рук находятся на животе. Ориентировка неустойчива. Интересно погребение женщины 18–20 лет в вытянутом положении, на спине, с головой, повернутой направо (ноги согнуты в коленях, руки – в локтях, кисти рук на животе). Под правой рукой находился плохо сохранившийся скелет новорожденного. Мужчина возрастом около 60 лет, положен на правый бок, с головой, слегка повернутой и откинутой назад; ориентировка северо-запад-запад. Ноги слегка согнутые в коленях, плотно соединены вместе, руки согнутые в локтях, так плотно прижаты к телу, что ключицы приближены к нижней челюсти. Кисти рук, также ясно прижатые друг к другу, находились в области живота, ребра сжаты. Очевидно, погребенный был туго связан. Инвентарь сопровождал только погребение женщи-

ны 20–25 лет. Она лежала на животе, с головой, повернутой вправо, ориентированной на северо-восток-восток. Ноги согнуты в коленях, руки в локтях, кисти у черепа. Под тазом и слева от него найдены украшения, видимо, составлявшие поясной набор: 27 просверленных зубов животных, шесть подвесок из челюстей мелких грызунов, три сланцевых подвески с отверстиями и три – из тонких костяных пластин. Над головой погребенной располагалось небольшое кострище, диаметром 48 см.

Радиоуглеродных дат для памятников рязанской культуры пока нет. Основываясь на архаичном облике кремневого инвентаря Владычинской-Боровой, по аналогии с другими раннеолитическими памятниками Волго-Окского междуречья, I этап этой культуры можно датировать IV тыс. до н.э. На стоянке Владычинская-Береговая горизонт 3 (средний этап), залегал ниже волосовского, датированного по С-14 – 4300 ± 60 (2350 лет до н.э.). Учитывая небольшую стерильную прослойку между ними, горизонт 3 можно отнести к первой половине III тыс. до н.э. Верхний горизонт той же стоянки (поздний этап) залегал непосредственно над волосовским, датируемым по С-14 концом III тыс. до н.э. Начальная дата позднего этапа – вероятно, тоже конец III тыс. до н.э. Население рязанской культуры судя по костям животных, птиц и рыб, найденных на стоянках, занималось охотой и рыболовством. В керамике рязанской культуры прослеживаются некоторые черты сходства с днепродонецкой, которые, вероятно, являлись следствием контакта двух культур.

Балахнинская культура

Впервые каменные орудия и обломки керамики у г. Балахны (с. Большое Козино, дер. Монастырская и Нагулино) были собраны в 80-х годах XIX в. известным почвоведом В.В. Докучаевым. В начале XX в. на этих стоянках В.И. Каменским проводились раскопки, результаты которых опубликованы (Спицын, Каменский, 1905), а позднее к изучению балахнинских стоянок обращались многие исследователи (Городцов, 1897, 1909; Жуков, 1922; Бадер, Воеводский, 1935; Цветкова, 1947, 1963; Сафонов, 1947 и др.). Вопрос о существовании особой балахнинской культуры эпохи неолита был поставлен О.Н. Бадером и М.В. Воеводским (1935). В настоящее время насчитывается более 80 памятников этой культуры, занимавшей нижнее течение р. Оки до г. Муром, Среднее Поволжье выше устья р. Оки до с. Сокольского (Ивановская обл.) и до устья р. Свияги.

Материал балахнинских стоянок, главным образом керамика, О.Н. Бадером и М.В. Воеводским подразделен на два комплекса: А – сосуды с примесью дресвы, полужайцевидной формы со сглаженной поверхностью и зональным ямочно-гребенчатым орнаментом и Б – сосуды с растительными примесями, полужайцевидной открытой формы, и небольшие сосуды, внутренняя поверхность которых обработана зубчатым орудием. Орнамент зональный, но разреженный, состоящий из гребенчатых и разнообразных неглубоких вдавлений при полном отсутствии глубоких ямок, характерных для керамики комплекса А. Благодаря сходству комплекса А с керамикой Льяловской и Мало-Окуловской стоянок, он рассматри-

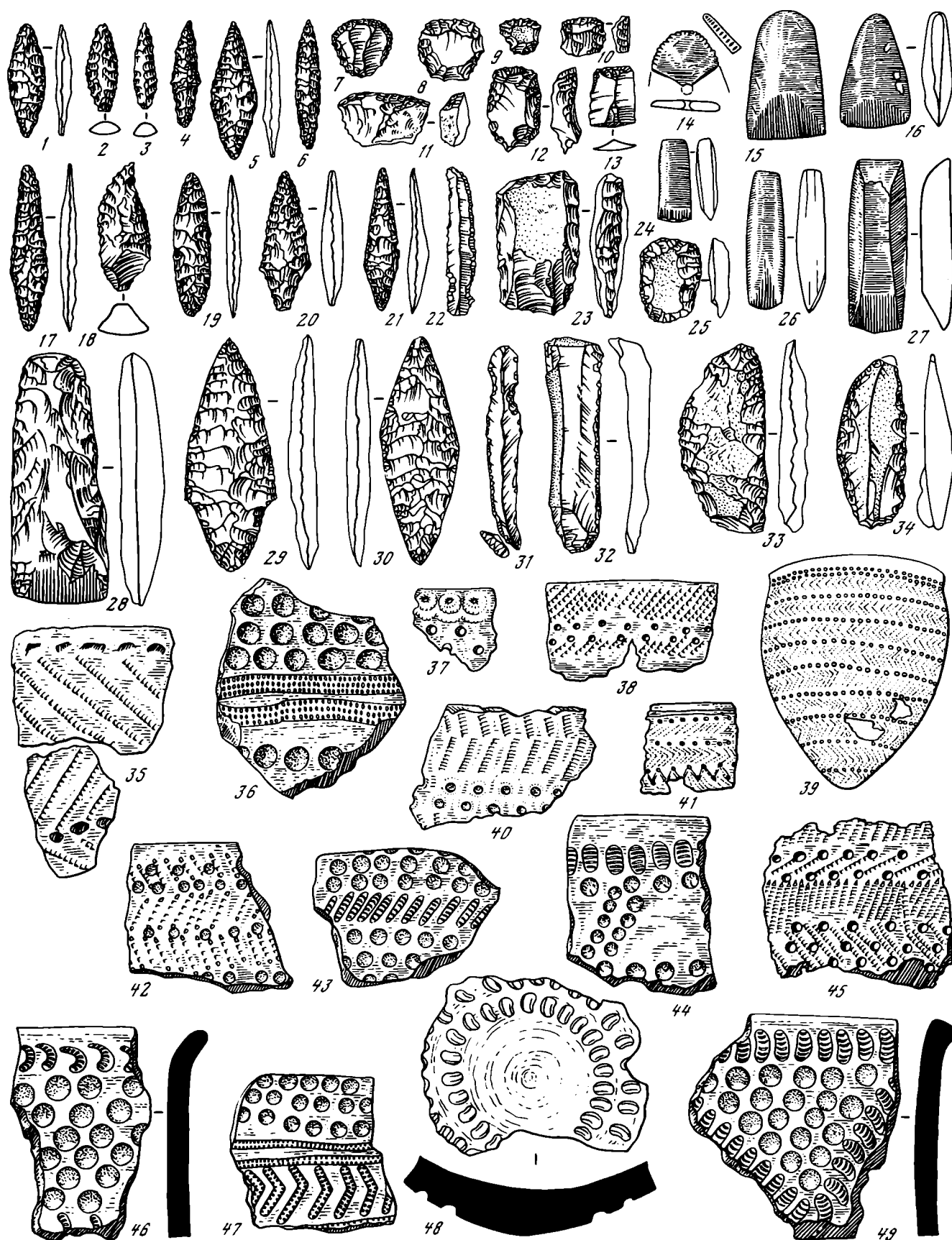

Рис. 59. Балахнинская культура. Стоянка Гавриловка XV. Керамика и каменные орудия

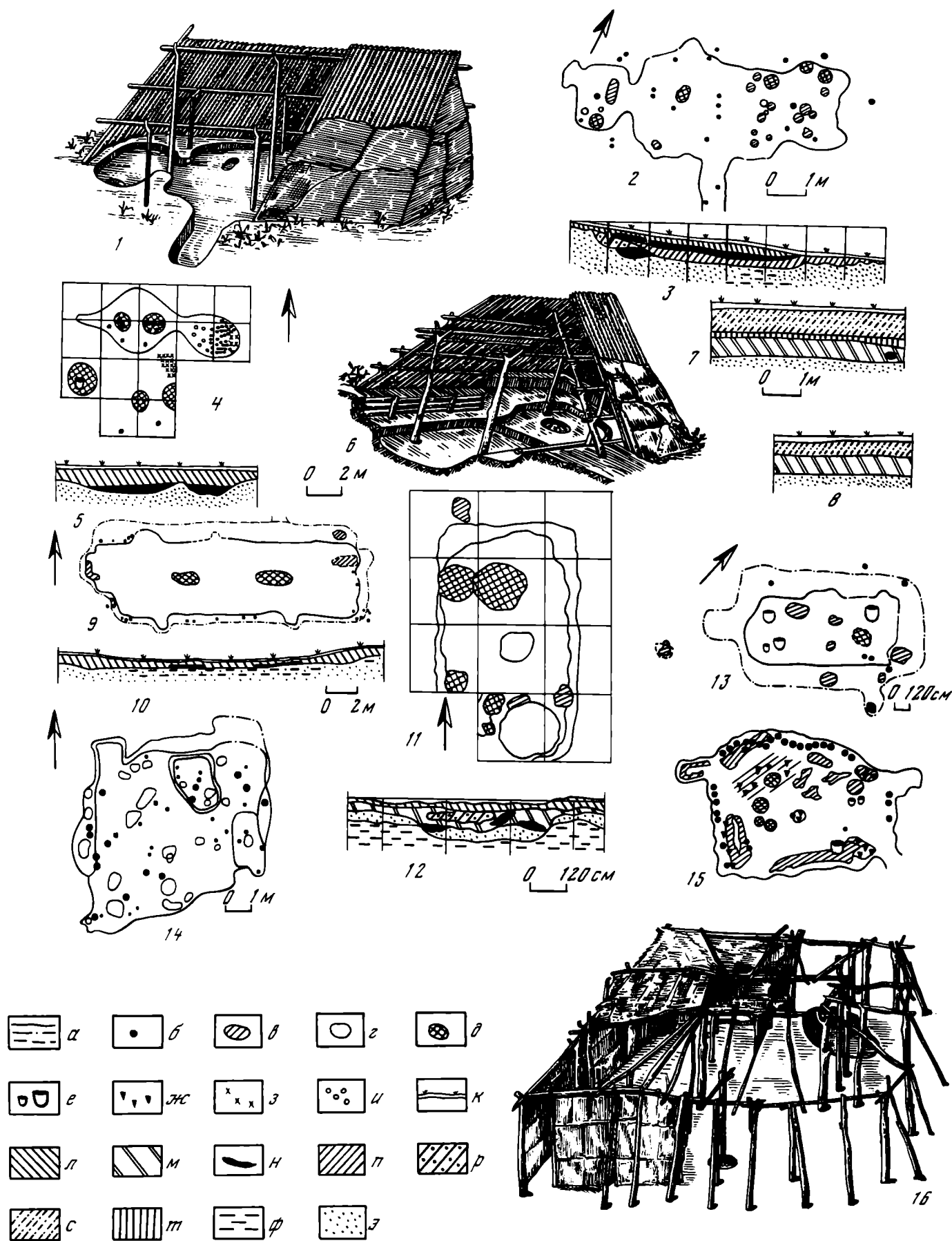

Рис. 60. Жилища балахнинской, камской и волго-камской культур. (Составлено Л.Я. Крижевской)

вался как более ранний, чем комплекс Б, имеющий аналогии в энеолитических стоянках типа Волосовской и Панфиловской.

В начале 60-х годов И.К. Цветкова (1963) предложила трехчленную периодизацию культуры, два этапа которой составляют комплексы А и Б, но им предшествуют древнейшие стоянки типа Мало-Окуловской (Воеводский, Збруева, 1950) и Гавриловской П. А.Х. Халиков, которым в 50–60-х годах исследовано около 40 стоянок балахнинской культуры (Халиков, 1958, 1960), предложил новую трехчленную периодизацию. Из нее исключен комплекс Б, а поздние памятники комплекса А выделены в самостоятельный третий этап (Халиков, 1969, 1973). Согласно его точке зрения, балахнинская культура на первом этапе занимала низовья р. Оки, на втором распространилась на восток, по берегам р. Волги, от с. Сокольского до устья рр. Илети и Свияги. На третьем этапе эта территория сохранилась с небольшими изменениями.

Поскольку радиоуглеродных дат для балахнинской культуры нет, ее хронология остается дискуссионной. И.К. Цветкова предлагала датировать культуру с середины III до середины II тыс. до н.э., а А.Х. Халиков с середины IV до середины III тыс. до н.э. Мы придерживаемся датировки А.Х. Халикова, поскольку она соответствует общей хронологии неолита лесной зоны, основанной на радиоуглеродных датах других культур.

Поселения раннего этапа – Мало-Окуловская и Саконовская (середина IV тыс. до н.э.), размещались на дюнных останцах пойменных террас высотой 8–10 м. Вещественные остатки представлены каменными орудиями и керамикой. Каменный инвентарь на всех этапах балахнинской культуры достаточно однороден (рис. 59). Широко использовался местный кремнь, крупные орудия (долота, тесла, топоры) выделывались из известняка или сланца. Заготовками служили отщепы, пластины и орудия из них редки. Относительно многочисленны наконечники стрел, дротиков и копий, преимущественно листовидной и треугольной формы, имеются с намечающимися боковым шипом и ромбические со слабо выраженным черешком. Все с двусторонней ретушью. Скребки, составляющие самую большую группу орудий, концевые с прямым или закругленным рабочим краем, есть небольшие округлые или подквадратные, с ретушью по всему периметру, и мелкие из толстых отщепов. Ножи аморфные, с краевой ретушью. Шлифованные долота и тесла асимметричны, треугольные и трапецевидные в сечении, крупного размера. Мелкие долота правильной формы с широким лезвием. Найдены сланцевые штампы для орнаментации керамики, обломки шлифованных плит и грузила для сетей. На позднем этапе наконечники стрел приобретают выраженные черешки, со-

храняя листовидно-подтреугольное очертание пера. Получают распространение симметричные шлифованные топоры клиновидной формы.

Основные признаки керамики (форма, размеры и технология) сохраняются на протяжении всех трех этапов культуры, изменяется лишь орнаментация (рис. 59). Характерны сосуды полуяйцевидной формы с приотстренным или округлым дном, с толщиной стенок 4–8 мм, прямым горлом и плоско срезанным венчиком, но иногда приотстренным и скошенным внутрь. Примесью служил песок и дресва, обе поверхности сосудов сглаживались, наружная покрывалась сплошным орнаментом в виде горизонтальных зон из ямочных вдавлений и отпечатков гребенчатого штампа. Основой членения культуры по этапам и локальным вариантам послужило изменение орнаментальных узоров.

В орнаменте керамики раннего этапа большое место занимает глубокая коническая ямка, оттиски которой преобладают над гребенчатыми. Поэтому некоторые исследователи считают, что стоянки типа Мало-Окуловской и Саконовской не отличаются от льяловских (Раушенбах, 1973). В керамике среднего этапа появляется небольшая отогнутость края, иногда воротнички в орнаменте, преобладает ямка с округлым дном, оттиски гребенчатого штампа встречаются чаще, ямки иногда сохраняются лишь в виде разделителей зон. Появляется геометризация: треугольники и ромбы, комбинация ямок и косой решетки из гребенчатых отпечатков, а также новые элементы – раковинные и ногтевидные вдавления, оттиски шнура, резной и прочерченный орнамент. Именно на среднем этапе оформляются признаки “балахнинского типа” керамики.

На позднем этапе увеличивается количество сосудов с округлыми днищами, плоские срезы венчиков заменяются округлыми. Сосуды с “воротничками” составляют до четверти всей посуды. Орнамент состоит из разреженных зон, исчезают сложные геометрические фигуры, увеличивается ямочный орнамент.

Памятниками среднего этапа (первая половина III тыс. до н.э.) являются стоянки: в поречье Оки – Сокорка, Сонино, Гавриловская П, Выселки и др.; на Волге выше устья Оки – Соколовская I, ниже устья Оки – Удельно-Шумецкие стоянки, VI Отарская, III Баркужерская, Русско-Луговская I и др.

К памятникам позднего этапа (вторая половина III тыс. до н.э.) относятся на нижней Оке стоянки Гавриловская IV, Плеханов Бор, Большекозинские I и IV, Желнинская, нижний слой Панфиловской; Имерка II на Мокше; на средней Волге – Остреевская, Путыковская, Полянская IV, Выжумская II, средний горизонт Обсерваторской III и Черки-Кильдуразская на Свияге.

Топография поселений несколько иная по сравнению с предшествующим этапом. Они занимают края надлуговых террас, располагаясь на высоте 6–7 м над уровнем водоема, площадь их несколько сокращается.

На ряде поселений балахнинской культуры обнаружены остатки жилищ и хозяйственных сооружений. Заслуживает внимания жилище на поселении Саконово (ранний этап). Длинный дом (2–4 × 7–9 м), углубленный в землю на 0,6–0,8 м имел двускатную или четырехскатную кровлю. Вдоль длинных стен и по одной поперечной ли-

1–3 – Саконовская; 4, 5 – Гавриловская П; 6–8 – Сокольское I; 11, 12 – Обсерваторская III; 13 – Удельно-Шумецкая; 14, 16 – Моторки; 15 – Лебединская II; а – контуры жилищ; б – ямки от столбов; в – ямы хозяйственные; г – ямы неясного назначения; д – темные (золенные) пятна; е – сосуды; ж – угли; з – кремневые изделия; и – кости; к – дерн; л – культурный слой (желто-серый песок); м – культурный слой (средняя часть); н – провал; п – желтая супесь; р – темно-серая супесь; с – гумусированный песок (черная супесь); т – погребенная почва; ф – глина; э – песок (материковый)

нии внутри дома располагались ямы от столбов (рис. 60). Внутри было три помещения. Два основных различаются по назначению. В одном находились очажные и хозяйственные ямы, в другом – два очага и скопление костей животных. Третье помещение, отделенное двумя перемычками, являлось, по-видимому, пристройкой (Алихова, 1959). В жилище обнаружена типичная керамика балахнинской культуры.

На Малоокуловской стоянке, под курганным погребением, прослежены углистые пятна и пятно с очагом, которое рассматривалось как остатки неолитического жилища (Воеводский, Збруева, 1950). Между курганами обнаружен культурный слой с балахнинской керамикой.

К среднему этапу развития балахнинской культуры относятся жилища на стоянках V Удельно-Шумецкой, Гавриловской II, Сутырской и Дубовской XII.

В первом случае это было большое жилище (14,4 × 8,8 м), вытянутое вдоль реки, глубиной 0,4 м от древней поверхности, с выходом в одной из коротких сторон. В жилище находился очаг, слегка смещенный от центра в сторону короткой стенки, противоположной входу. Детали жилища (уступы – “нары” вдоль стен, боковые ниши-кладовые в одном из углов) сходны с конструкцией дома Саконовской стоянки. Различаются они лишь размерами и отсутствием в Удельно-Шумецком жилище отдельных помещений.

На поселении Гавриловское II жилище состояло из двух помещений. Одно из них имело неправильно-овальные очертания, размером 4 × 5 м с выходом к реке. Углубление длиной 0,7 м, соединяло его со вторым помещением, размером 2,6 × 2 м (рис. 60). В жилище располагались два кострища диаметром 1,0 и 0,6 м, заполненные песком с угольками, золой и керамикой, лежащей над слоем пережженных костей. На полу жилища найдено пять раздавленных сосудов. Жилище Сутырского поселения имело также прямоугольную форму (12 × 8 м), а жилище Дубовской стоянки (8,3 × 7,8 м) было подквадратным в плане.

К позднему этапу балахнинской культуры относятся жилые сооружения в Остреевском, IX Дубовском, IV Полянском и III Обсерваторском поселениях. На поверхности поселений прослежено от двух до четырех впадин. На III Обсерваторской вскрыты остатки двух жилищ, свидетельствующих о сохранении прежних традиций. Котлованы имели подквадратную и прямоугольную форму (рис. 60), боковые ниши-погребки, видимо, двускатную (или односкатную?) крышу и деревянное крепление стен. Размеры их стали вдвое меньше (7 × 4,5, 5,5 × 4,5 м), но число жилищ на каждом поселении по-видимому, увеличивалось.

В балахнинской культуре выделяются два локальных варианта: нижнеокский и средневолжский. Различия в керамике и в каменном инвентаре довольно сильны. В.П. Третьяков, например, рассматривает их вообще как обособленные единицы (Третьяков, 1972а), О.Н. Бадер и Л.Я. Крижевская – считают вариантами единой балахнинской культуры.

В нижнеокском варианте, к которому относятся и северные волжские стоянки Сокольское I и Серково (Гаврилова, 1963), преобладает ямочный орнамент, есть отпечатки раковин, ногтевидные оттиски. В Среднем По-

волжье, ниже устья Оки, господствует гребенчатая орнаментация, ногтевой и шнуровой орнаменты редки, раковинный отсутствует вовсе. Дальше на юг эта специфика проявляется ярче. Имеются узоры, аналогичные орнаментам волго-камской культуры. Например, “шагающая гребенка” или заштрихованные прямоугольники на сосудах Русско-Луговской стоянки, напоминающие волго-камскую “плетенку”. Очевидно, крайний юго-восточный регион балахнинской культуры был зоной тесного контакта с волго-камской. На ряде памятников (Русско-Луговской I, Удельно-Шумецкой) есть небольшие сосудики камского типа, а на западных стоянках волго-камской культуры (Старо-Мазиковские II и III) найдены типично балахнинские сосуды (Халиков, 1960. Табл. XVII, 1; XXV, 2).

Относительная бедность культурных остатков, отсутствие костей животных и изделий из органических материалов сильно сокращают данные для реконструкции форм хозяйства населения. Судить о них можно лишь по составу инвентаря и аналогии с другими неолитическими культурами. Разнообразные наконечники стрел, дротиков и копий являются свидетельством большого значения охоты, вероятно, на различных зверей, а каменные грузила – признаками сетевого рыболовства. Имеется крайне интересная находка, обнаруженная у подножия холма Плеханов Бор на левом берегу р. Оки (Поляков, 1982), датированная, исходя из стратиграфии, эпохой неолита, т.е. временем существования стоянки, располагавшейся выше, на том же холме. Это остатки рыболовной ловушки из толстых лучин длиной около 70–85,5 см. Они были вбиты в виде полукруга диаметром около 1 м, а сверху и внизу скреплены поперечными перекладинами (Федоров, 1937. С. 62. Рис. 2). Эти остатки позволяют предполагать наличие рыболовного сооружения типа современных русских котцов. Правильность наблюдений и датировка И.С. Полякова подтверждаются наличием подобных сооружений на ряде других неолитических стоянок на р. Оке (Федоров, 1937), в Подзорове (Левенок, 1969), Швянтюйи 2В (Rimantiene, 1979) и некоторых других (Буров, 1969).

Среди памятников балахнинской культуры отсутствуют погребения, неизвестны предметы искусства и культа. Это обстоятельство лишает возможности судить о погребальном обряде, искусстве, идеологии и антропологическом типе населения. Не разработан также вопрос об исчезновении балахнинской культуры. Существует лишь гипотеза об ассимиляции носителей балахнинской культуры в начале II тыс. до н.э. волосовскими племенами (Халиков, 1973).

Валдайская культура

Водоразделом крупнейших рек Восточной Европы – Волги, Западной Двины и Днепра служит Валдайская возвышенность, где их истоки разделяет примерно 50 км. Коренные породы здесь содержат выходящий на поверхность и потому легко доступный кремень. Район изобилует озерами (Селигер, Волго, Пено, Вселуг, Стерж, Охват и другие) до сих пор богатыми рыбой. Все это обусловило густую заселенность края в неолитическую эпоху и широкие связи его древнего населения с со-

седами, о чем свидетельствуют орудия из валдайского кремня в памятниках далеких территорий, вплоть до Финляндии.

На Валдайской возвышенности известны мезолитические и раннеэнеолитические памятники с чистыми комплексами и выявлены различия между средним и поздним неолитом. Устойчивые серии орудий и керамики позволили выделить неолитическую валдайскую культуру (Гурина, 1958). На западе она граничила с культурами Восточной Прибалтики (с нарвской и позднее с прибалтийской). Западная граница доходила до р. Ловать (во всяком случае исключительно до верховьев Западной Двины и оз. Охvat), на севере распространялась до Новгородской области, занятой в раннем неолите нарвской, в среднем и позднем – прибалтийской культурой. На востоке валдайская культура занимала Верхнее Поволжье до г. Тверь, на юге простиралась до верховьев Днепра*. В настоящее время насчитывается около 200 памятников. Выделяются три этапа развития культуры – ранний, средний, поздний.

Своеобразие валдайской культуры, в отличие от большинства других культур, особенно четко отражает кремневая индустрия (рис. 61–62). То обстоятельство, что кремень в рассматриваемом регионе залегает пластами, позволяло изготавливать орудия почти любой величины, в силу чего, начиная с эпохи мезолита, здесь господствовали крупные орудия и нуклеусы.

Для валдайской культуры типичны одноплощадочные клиновидные нуклеусы (размер 14 × 7 см) с двусторонней подработкой ребра и призматические с двумя ровными площадками и круговым односторонним скалыванием, отчего они приобретали бочковидную форму. Широко использовались крупные (до 14 см) и мелкие (до 8 см) пластины правильного огранения, микропластинки редки. Пластины и пластинки, ретушированные по продольным краям, использовались в качестве ножей и вкладышей. Встречаются ножи из отщепов, обработанные со спинки, иногда Г-образной формы. На раннем этапе многочисленны сечения пластин (прямоугольные или трапециевидные – типа “малого транше”), очевидно, заменявшие трапеции (Гурина, 1975).

Наконечники стрел на раннем этапе изготовлены из пластин, черешок и острие ретушированы (со спинки и брюшка или противолежащей ретушью), иногда обработан продольный край. Они отличаются от мезолитических округлой формой пера и приближаются к листовидным (рис. 61). В среднем и позднем неолите использовались двустороннеобработанные наконечники стрел – листовидные, ромбические или треугольные с черешком. В позднем неолите часты мелкие наконечники. Устойчивой чертой является неполное ретуширование наконечников с брюшка, а иногда и со спинки. Многочисленны наконечники копий, среди которых листовидные, ромбические, реже с усеченным основанием.

Особенно устойчивы типы скребков, часто изготовленных на специальных крупных отщепах круглой формы. Типичны также удлиненные (до 9 см) скребки с ретушью на конце, угловые резцы на отщепах или сколах

с нуклеусов, массивные проколки. Многочисленные крупные рубящие орудия – топоры, тесла, долота – изготовлены из кремня (из других пород они единичны) двусторонне ретушированы. Выделяются четыре типа топоров: 1 – крупные (до 18 × 5 см) удлиненно-овальные, суженные к обуху, получившие в литературе, посвященной “верхневолжским макролитам” наименование “pic” (Равдоникас, 1939); 2 – острообушные, обработанные с одной стороны сплошь, со второй частично ретушью. Этот тип орудия переходит из мезолита почти без изменений; 3 – мелкие топоры (7 × 3,5 см) с узким обухом, нередко с косым лезвием, оформленные крупной, а по краям мелкой ретушью; 4 – толстообушные топоры (7 × 3 см) подчетырехугольных очертаний с прямым лезвием. Для валдайской культуры характерны острообушковые тесла с асимметричным лезвием и округлой или подтреугольной выемкой. Вся поверхность их ретуширована, иногда выемка пришлифована. Представлены изделия из кремня в виде различных фигурок. Для позднего неолита характерны кремневые “лунницы”. На раннем этапе количество керамики на стоянках очень незначительно. Сосуды небольшие, тонкостенные (до 0,8 см) с залощенной внешней поверхностью и расчесами на внутренней. Примесью к глине служит шамот. Край их прямой, дно острое, слегка шиповидное, горло широко открытое. Орнамент из мелких наколов, горизонтальных линий, нанесенных “отступающей лопаточкой”, ямчатых вдавлений сосредоточен в верхней части и иногда у самого дна. Применяется также тонкий “пунктирный”, поверхностно нанесенный гребенчатый штамп (рис. 61). На среднем этапе меняется примесь (примешивается песок), увеличиваются размеры сосудов, исчезают залощенность и расчесы. Основным элементом орнамента, покрывающего теперь всю поверхность сосудов, становится гребенчатый штамп (рис. 61). На позднем этапе встречаются сосуды с органической примесью или песком, часто с отогнутым, утолщенным краем и иногда с плоским дном. В орнаменте господствует гребенчатый штамп, образующий узор в виде вертикальной “елки”, иногда более сложный, геометрический. Применяются ямчатые вдавления (рис. 62).

Стоянки раннего неолита располагаются на возвышенных (свыше 7 м) песчаных гривах, развитого и позднего неолита – на более низких участках побережья озер и рек. Для раннего этапа валдайской культуры типичны стоянки Котчище и Котчище II, расположенные на берегу оз. Глубокое, соединенного протокой с Селигером (Гаврилова, 1962; Гурина, 1975).

Насыщенность культурного слоя в Котчище II относительно слабая, что характерно и для других раннеэнеолитических памятников. Находки состояли из отщепов кремня и ножевидных пластин. Необычайно велико количество коротких сечений нескольких типов – прямоугольные, трапециевидные, подтреугольные. Они не имеют регулярной вторичной обработки, иногда ретушированы по небольшому участку, в основном же обработаны, на углах встречается микрорезцовый скол. Очевидно, сечения использовались как вкладыши (ножей или гарпунов) без дополнительной обработки.

Показателем раннего возраста памятника служат наконечники стрел с выделенным черешком на пластинах

* Ареал валдайской культуры, по мнению других исследователей был значительно меньше, и не включал Верхнее Поволжье и бассейн р. Ловать.

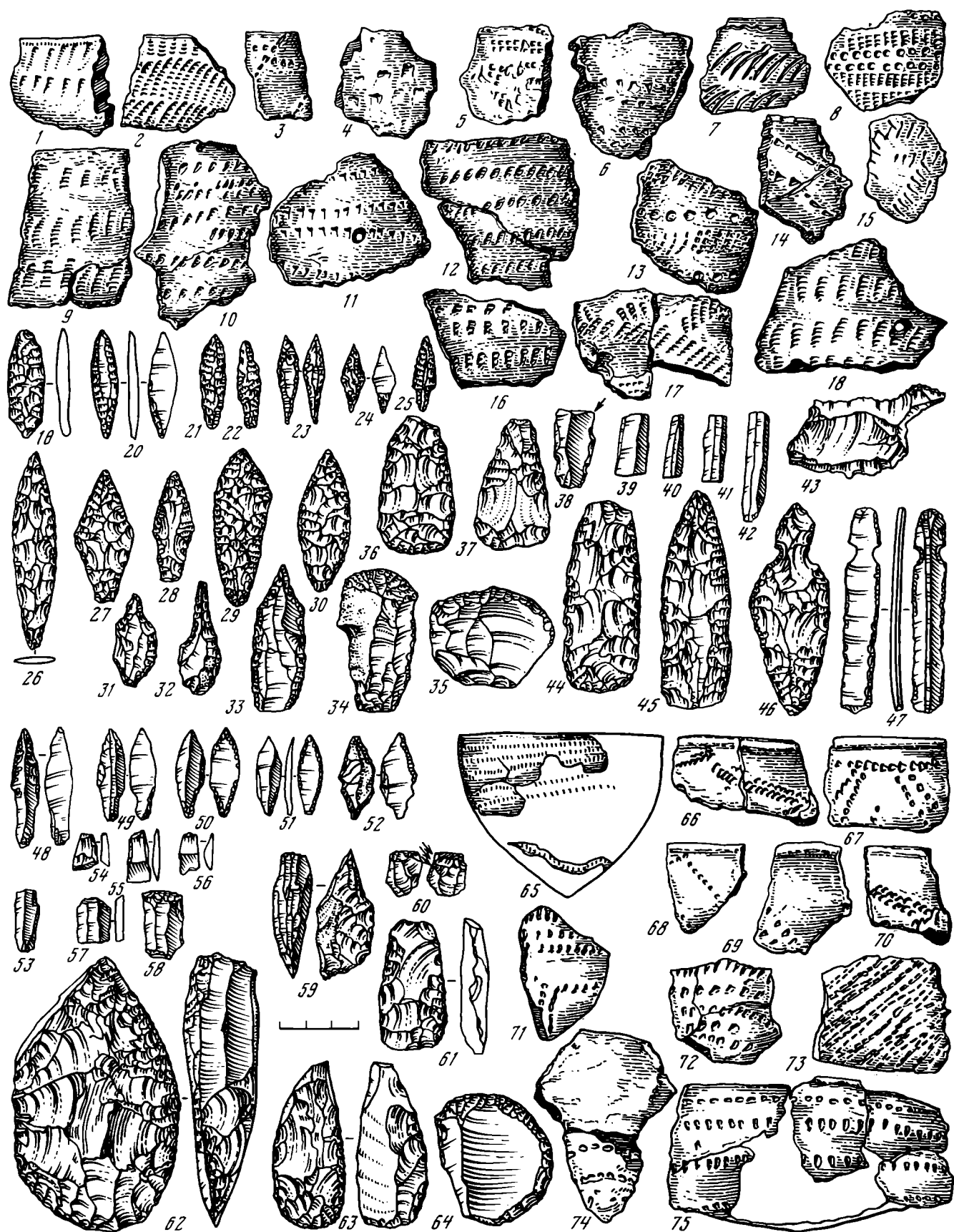

Рис. 61. Валдайская культура. Керамика и кремневые изделия раннего (48–75) и среднего (1–47) этапов

1–13, 15–18, 47 – Залесье; 14, 19, 20, 31, 33–35, 37, 41, 46, 58–61 – различные стоянки оз. Селигер; 21, 22, 45, 64 – Емша; 23, 24, 27, 51 – Пено 5; 25 – Пено 9; 26, 28 – Охвват 8; 29 – Пено 3; 30 – Пено 2; 32, 36, 65,

71–75 – Щепочник; 38–40, 42 – Свеклино; 43, 44 – Охвват 6; 48–50, 53–57, 63, 66–70 – Котчище II; 52 – Дубовец; 62 – Девячье

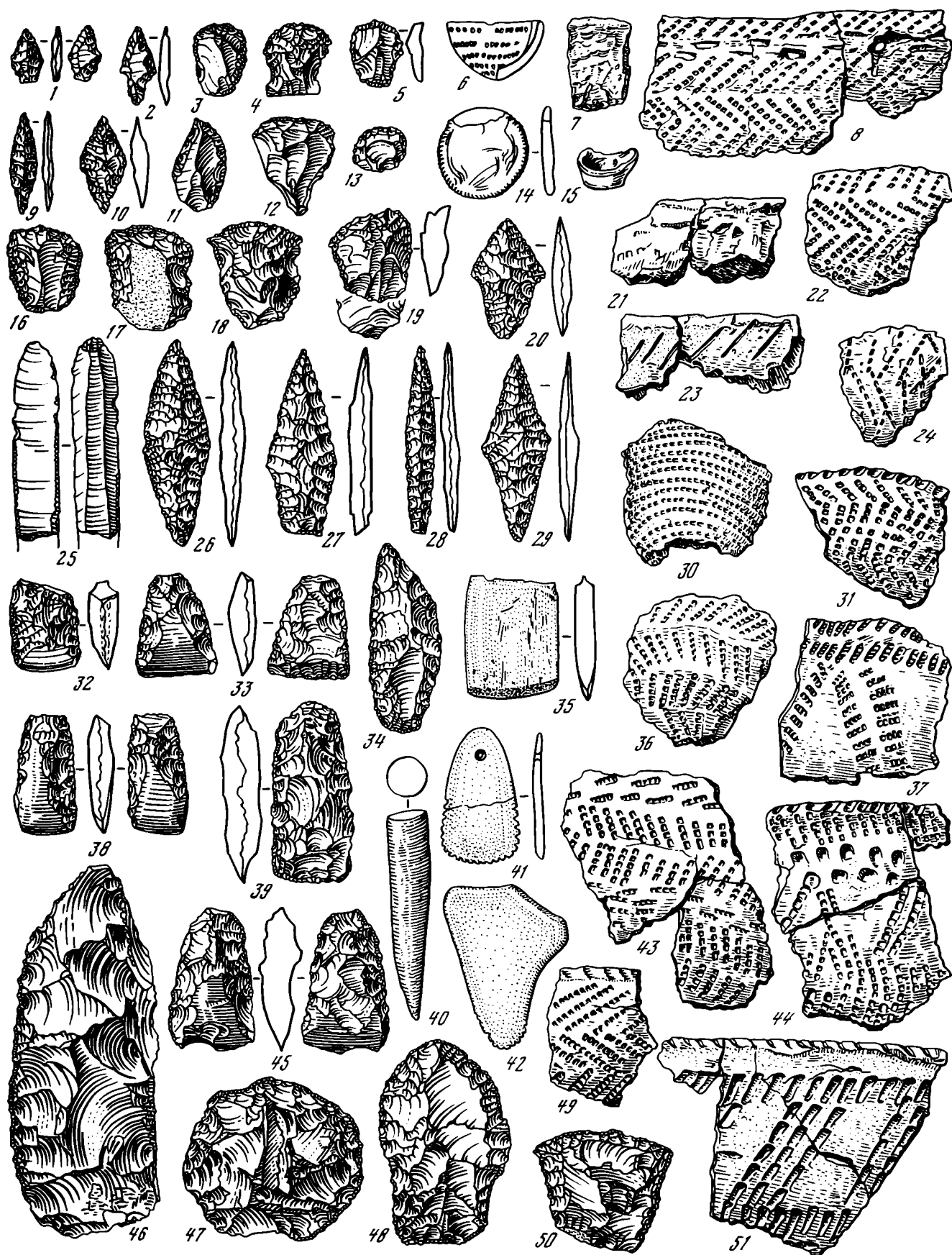

Рис. 62. Валдайская культура. Поздний этап.

1-51 - Заболотье II

различной величины, резцы угловые на отщепах и пластинах, концевые скребки, ножи на пластинах и пластинчатых отщепах, сланцевые тесла с шлифованной поверхностью. Следует также упомянуть тщательно выполненную фигурку животного без головы.

Сосуды с примесью шамота, заглаженной внешней и расчесанной гребенчатым штампом внутренней поверхностью. Их диаметр до 29 см, высота до 23 см, край прямой, днище шиповидное. Орнамент сосредоточен в верхней части и у днища, состоит из поверхностных овальных наколов, образующих редкие горизонтальные или диагональные линии. По размеру, форме и орнаменту эти сосуды тождественны сосудам поселения Щепочник на озере Березовском (Гурина, 1961б).

Прослежены остатки углубленных в материк кострищ. Большой интерес представляет “клад” – 16 предметов (изготовленных из одного блока кремня), найдены в небольшом (20 × 20 см) углублении, выкопанном в материке. Судя по тому, как плотно прилегали вещи, очевидно, они были сложены в какую-то емкость. Клад состоял из семи крупных кремневых отщепов, семи заготовок крупных нуклеусов сегментовидной и килевидной формы, двух новых топоров (Гурина, 1970а). Исследован еще ряд таких же стоянок – Засыпь I, Заболотье I, Зехново, Зехново II и др. Общей чертой для них является расположение на песчаных грядах высотой 7–8,5 м. Культурный слой мало насыщен, в особенности керамикой. Находки распределяются неравномерно, кремневый инвентарь сохраняет мезолитические традиции – наконечники стрел свидероидного облика, резцы на углублениях и пластинах, концевые скребки, короткие сечения, заменяющие трапеции. Характерны острообушные топоры и тесла из крупных отщепов с односторонней обработкой, а также керамика “котчищенского” типа.

Для среднего неолита характерна стоянка Залесье II, на юго-восточном побережье оз. Селигер в устьевой части Селижаровского плеса. Ценность стоянки не только в значительной площади, в насыщенности культурного слоя, но и в территориальной близости к мезолитической стоянке Залесье I, что оттеняет специфику обоих памятников. Обе стоянки занимают небольшой песчаный мыс при том, что Залесье I находится на верхней части, а Залесье II – на склоне боровой террасы. Раскопом были охвачены оба памятника, что позволило установить факт возникновения неолитической стоянки лишь после отступления оз. Селигер. Культурный слой Залесье II – гумусированный песок – подстилался желтым песком, переходящим на границе с мезолитической стоянкой в крупнозернистый песок с крупной галькой. Здесь отчетливо зафиксирована волноприбойная линия древнего Селигера.

В индустрии ощутима связь с предшествующим периодом. Встречаются наконечники на пластинах, угловые резцы на массивных отщепах и пластинах, острообушные тесла и топоры, обработанные полностью с одной и лишь частично с другой стороны, скребки. Однако, отчетливо выступают новые черты – двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной и ромбической формы, наконечники копий, большое количество проколов и сверл из отщепов. Пластины использованы после вторичной обработки в качестве ножей. Сериями представлены пластинчатые отщепы с одним ретуширован-

ным краем и специальные ножи на массивных отщепах, ретушированных по обоим краям. Есть фигурный кремль. Топоры и тесла острообушные, на массивных отщепах.

Сосуды крупного размера с примесью песка, сильно обожженные, остродонные, с открытым горлом и утолщенным краем. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, включая днище. Преобладающие элементы – различные гребенчатые отпечатки, иногда мелкие (пунктирные), встречается “челноковый” орнамент. Глубокие конические ямки редки, обычно они заменяются мелкими ямчатыми вдавлениями. Узор зональный, иногда несложный геометрический. Встречаются сосуды с накольчатым орнаментом. Как и в кремневой индустрии, в керамике прослеживается связь с раннеолитической.

Опорный памятник позднего этапа культуры Заболотье II. Сосуды этого времени крупные, с утолщенным краем, острым или уплощенным дном, с органической или неорганической примесью. Судя по тождественному орнаменту, в подавляющем большинстве случаев удлиненной гребенке, образующей вертикальный сплошной “елочный” узор – сосуды с различными примесями не расчлениваются хронологически. Они наиболее типичны для позднего неолита. Небольшую группу составляют сосуды с примесью крупных зерен кварца, украшенные тонкими нарезными линиями и мелкими вдавлениями, образующими геометрический узор. Очевидно, они относятся к самому концу позднего неолита – началу эпохи раннего металла.

В Заболотье II обнаружены кострища, скопления керамики и места для изготовления орудий. Прослежены остатки сооружения в виде темного, гумусированного пятна подчетырехугольных очертаний, размером 6 × 6 м, углубленного в материк до 0,8 м. Внутри и рядом с ним находились ямы, заполненные темным гумусом с примесью углей. Возможно, здесь было жилище. Большое число обломков сосудов и масса керамических штампов, находившихся вблизи сооружения предполагает, что здесь было сосредоточено изготовление сосудов.

Одной из характерных особенностей валдайской неолитической культуры являлось наличие значительного количества мастерских по добыче и первичному расщеплению кремня. Этот поделочный материал встречался в изобилии. Местами его пласты обнажены по долинам реки или озера или выходят на берег единым массивом или залегают непосредственно на берегу. Добыча велась с поверхности, не требуя устройства шахт, условия позволяли не только добывать здесь кремль, но и производить первичное его расщепление и заготовки орудий. В соответствии с этим, в местах выхода кремня возникали мастерские по первичной его обработке, в ряде случаев имевшие значительные размеры.

Наиболее крупная из исследованных мастерских расположена на левобережье р. Волги, близ д. Свеклино, на песчаном возвышенном участке берега. Площадь мастерской около 4500 кв.м, насыщенность культурного слоя чрезвычайно велика. Вскрыт ряд участков с “рабочими местами”, где концентрируются нуклеусы и пластины. Так, на одном из квадратов (2 × 2 м) обнаружено 380 ножевидных пластин и девять нуклеусов, залегаю-

щих компактно. Количество материала, полученного в процессе раскопок исчисляется десятками тысяч. Абсолютное большинство составляют отщепы и сколы, часто с сохранившейся желвачной коркой. Второе место по численности занимают пластины, третье – нуклеусы в различной стадии обработки. Поскольку среди пластин преобладают первичные, а среди нуклеусов – с начальным использованием, следует заключить, что данный памятник являлся специализированной мастерской по изготовлению нуклеусов для снятия пластин. Нуклеусы одноплощадные с односторонним скалыванием, ребро подработано с одной стороны, как правило, размер их превышает 10 см. Пластины в основном правильного ограничения, велик процент первичных пластин с участками желвачной корки.

Орудий немного. Среди них концевые скребки на пластинах, наконечники стрел на пластинах с частичной ретушью. Эти формы напоминают мезолитические, однако отсутствие различия в глубине залегания с другими находками не позволяет с полным основанием относить их к мезолиту. Орудий, принесенных с других стоянок людьми, работавшими в этой мастерской, ничтожно мало – всего около 0,4%.

Судя по огромному количеству материала, мастерская функционировала длительное время, вплоть до эпохи раннего металла (на это указывает соответствующая керамика). Очевидно, это была мастерская – поселок, где люди жили в течение всего теплого сезона, о чем говорят выявленные остатки трех жилых сооружений. Одно жилище имело овальную форму (размер 5 × 2 м, глубина 0,15 м), два других – почти квадратную (3 × 3 м, глубина 0,4 и 3 × 2,5 м, глубиной 0,6 м от поверхности материка). В третьем жилище углы были закруглены, у южной стенки размещался небольшой (0,5 м в диаметре) очаг. Во всех случаях прослежены выступы, соответствующие входу. Семь очагов, несколько кострищ и три хозяйственные ямы размещались за пределами построек. Сооружений могло быть и больше, в частности на соседних участках, занятых курганными насыпями.

На стоянках валдайской культуры найдено огромное количество наконечников стрел, копий и дротиков, различной величины и формы, что указывает на развитую, дифференцированную охоту. Вместе с тем, расположение поселений на побережьях озер и рек, на узких песчаных плесах у проток, соединяющих озера, т.е. в местах наиболее богатых рыбой, свидетельствует, что рыболовство являлось одной из главнейших отраслей хозяйства.

Несмотря на огромное количество поселений на территории распространения валдайской культуры, до сих пор не обнаружены погребения, что может быть связано или с почвенными условиями исследуемых памятников или с особенностями обряда захоронения.

Неолитическое население Валдайской возвышенности обладало своеобразной культурой, выраженной в каменной индустрии и керамике. Последняя, благодаря полному господству в орнаментации гребенчатого штампа, резко отличается от керамики соседних культур, в частности, льяловской. Д.А. Крайнов включает ранние памятники валдайской культуры в особый “котчищенский” вариант верхневолжской культуры. Однако, судя

по ярко выраженной специфике кремневой индустрии, в Валдайском Приозерье существовало непрерывное развитие и генетическая преемственность неолита от мезолитической валдайской культуры, тогда как происхождение керамики, как и повсюду, остается не выясненным. Поэтому не исключено, что при переходе к неолиту племена валдайской культуры восприняли керамику от тех же племен, что и племена верхневолжской культуры. Следует при этом особо подчеркнуть, что на рассматриваемой территории керамика раннего неолита достаточно своеобразна и отличается от верхневолжской культуры других областей.

Ранний этап валдайской культуры, видимо, следует датировать началом IV тыс. до н.э., а конец ее – началом II тыс. до н.э.

Мстинская культура

В северной части Валдайской возвышенности расположена группа озер, откуда берут начало реки Волга, Днепр, Западная Двина, Мста, Ловать, с древнейших времен служившие основными путями сообщения. Рассматриваемая территория в бассейне р. Мсты расположена на пересечении путей, соединяющих Прибалтику и Верхнее Поднепровье с Верхним Поволжьем, что обусловило разносторонние связи местного населения с соседними областями.

В 80–90-х годах XIX в. П.А. Путятин (1884а,б, 1886) исследовал Бологовскую стоянку, а В.С. Передольский (1893) произвел раскопки на поселении Коломцы, расположенном на берегу оз. Ильмень близ истока р. Мсты. В 1901–1906 гг. Н.К. Рерих собрал большие коллекции каменных орудий и керамики на берегах озер Пирос, Шерегородо (Рерих, 1903, 1905), которые привлекли внимание исследователей и способствовали дальнейшим разведкам. В 1911 г. П.П. Ефименко (1916), а в 20–30-х годах Н.И. Гумилевский и Н.В. Сибилев обследовали озера Пудоро, Пуга, Поямы. В 1941 г. Н.Н. Гурина в среднем течении р. Мсты и близлежащих озерах открыла несколько неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой (Гурина, 1950). В 40–50-х годах Л.Я. Крижевская (1959) провела небольшие раскопки на стоянке Прикол. Н.Н. Гурина (1950, 1959) исследовала Селигерскую группу озер и нашла ряд памятников с обильным кремневым инвентарем и своеобразной керамикой, что позволило выделить валдайскую неолитическую культуру, включив в зону ее распространения, помимо верховьев Западной Двины, Волги и Селигерских озер и бассейн р. Мсты. В 1963 г. А.Я. Брюсов начал раскопки стоянки в уроч. “Репище” (средняя Мста), которые были продолжены Северо-Западной экспедицией под руководством М.П. Зиминной. В 1964–1987 гг. экспедицией открыто более 70 неолитических памятников в бассейне средней Мсты, некоторые раскопаны большой площадью (Зимина, 1981, 1993). В результате в бассейне р. Мсты выявлена особая мстинская культура с ямочно-гребенчатой керамикой, своеобразным кремневым инвентарем и шлифованными сланцевыми орудиями, которые не характерны для валдайской культуры.

В настоящее время ранне-неолитический слой выделяется только на стоянке Репище, где он залегает в основа-

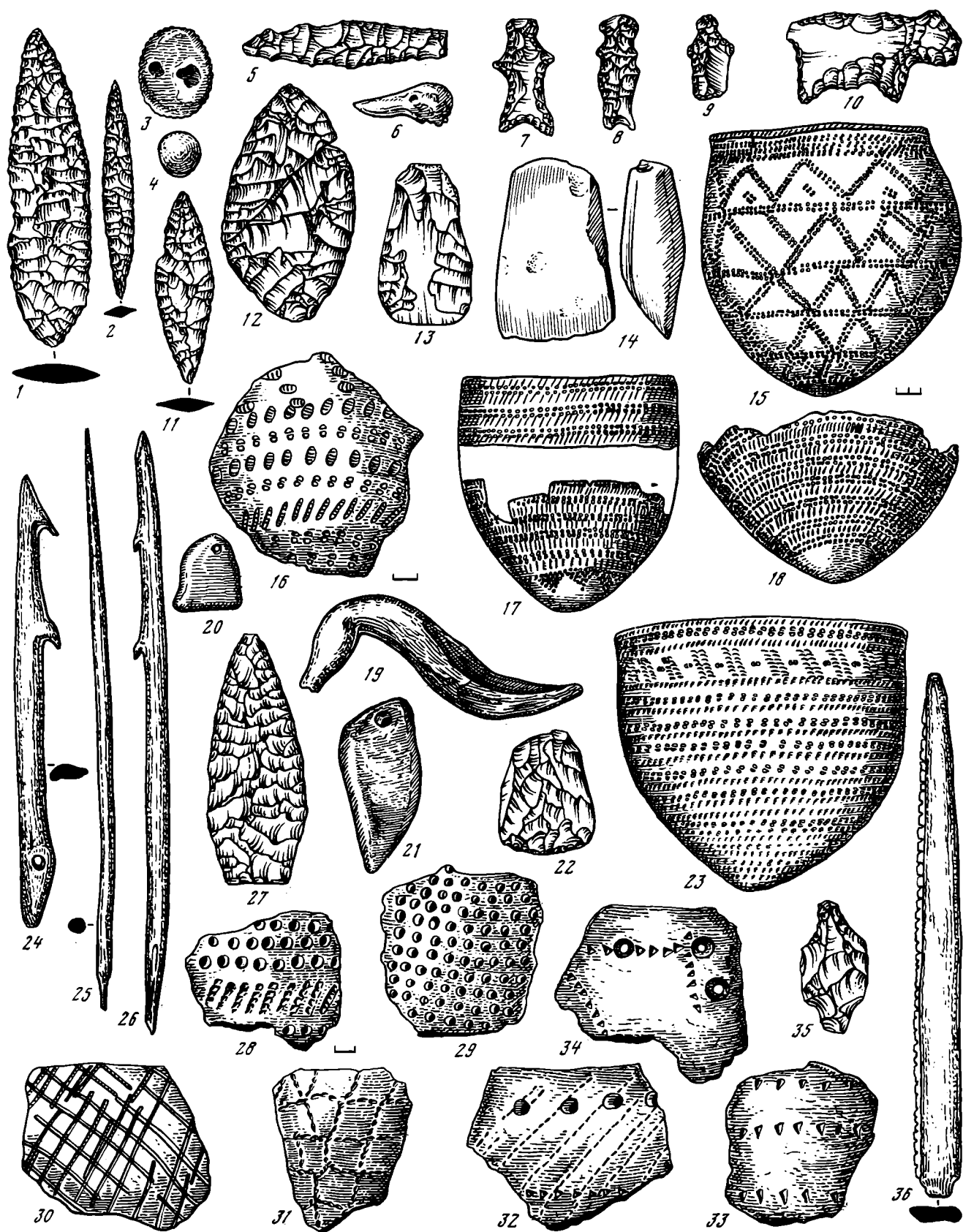

Рис. 63. Мстинская культура. Ранний (30–37), средний (19–29) и поздний (1–18) этапы

1–5, 7, 8, 11, 15, 16, 19–37 – Репище; 6 – Усть-Валдайка I; 9 – Иваново Колище; 10 – Кончанское IV; 12–14, 17 – Кончанское I; 18 – Усть-Вал дайка II (1, 2, 5, 7–13, 22, 27, 35, 36 – кремь; 3, 4, 20, 21 – янтарь; 14 – сланец; 15–18, 23, 28–34 – керамика; 19 – дерево; 24–26, 37 – кость)

нии культурного слоя в торфяниковой части стоянки. К раннему неолиту относится толстостенная керамика с примесью песка, толченой раковины или органики. Форма сосудов полуяйцевидная, дно острое, но не оттянутое как в валдайской раннеолитической культуре, венчики прямые, часто суженные. На внутренней стороне встречаются следы от заглаживания штампом. Посуда орнаментирована только в верхней части узорами из мелкозубой гребенки, прочерченных линий, наколов, ямок округлой или треугольной формы. Кроме горизонтальных рядов косо поставленных отпечатков гребенчатого штампа, зигзагов или косой сетки, встречаются диагональные полосы из ямок и оттиски крупноячеистой рыболовной сети. На некоторых сосудах бывают сквозные отверстия для подвешивания или починки (рис. 63). Орудия выполнены из темно-серого кремня. Среди них топоры, скребки прямоугольной, подтреугольной или трапецевидной формы. В числе костяных орудий (рис. 63) мелкозубчатое одностороннее острие, биконический наконечник стрелы с уплощенным насадом и др. Аналогичные находки имеются на Бологовской стоянке, а также на раннеолитических стоянках Ивановское IV (Крайнов, 1977), Кяэпа (Янитс, 1973). Описанный комплекс раннего неолита может быть сопоставлен с другими культурами лесной полосы – верхневолжской, нарвской. Хронология раннего неолита рассматриваемого региона не определена.

В среднем неолите (начало III тыс. до н.э.) в бассейне р. Мсты возникает мстинская неолитическая культура, в которой выделяются два периода. Первый представлен на стоянках Репище, Коломцы. В связи с тем, что в это время уровень водоемов снизился, население устраивало свои поселки на высохших торфяниках бывших озер. В торфяниковой части стоянки Репище сохранились остатки двух жилищ и хозяйственной постройки, сооруженных из кольев и жердей, покрытых корой. Жилища имели прямоугольную форму и размеры 3 × 5,3 м (площадь 15–20 кв.м). Внутри одного из них у восточной стены располагалось небольшое кострище, а к торцу жилища примыкала хозяйственная постройка в виде шалаша (диаметром 1,5 м). Внутри второго найдены пять раздавленных сосудов. Снаружи рядом с ним находилось большое скопление рыбьей чешуи.

К этому времени относятся сосуды полуяйцевидной формы с широким горлом, выпуклыми боками, приостренным дном и примесью дресвы в тесте. Венчики прямые, ровные, часто скошенные изнутри. Внутренняя поверхность заглаживалась, внешняя густо покрывалась орнаментом (рис. 63). Для украшения сосудов использовались штампы в виде круглых, овальных или парных ямок разной формы, отпечатков гребенки, веревочки, полулунных вдавлений. Чаще всего орнамент состоял из горизонтальных полос отпечатков того или иного штампа, расположенного в шахматном порядке или рядами друг под другом. Нередко зоны из нескольких рядов ямочных вдавлений перемежаются рядами оттисков, выполненных другими штампами. Встречаются диагональные полосы парноямочных вдавлений или коротких гребенчатых отпечатков. Такой узор обычно располагался в приустьевой части сосуда (рис. 63, 23).

Орудия изготавливались из кремня, кости и дерева.

Из кремня изготовлены рубящие орудия (топоры, долота), скребки, скобели, значительно реже наконечники копий и стрел листовидной формы (рис. 63, 27, 22, 35). Встречаются шлифованные сланцевые топоры. Из кости сделан охотничий инвентарь – наконечники стрел игловидной, листовидной или биконической формы (рис. 63, 25), зубчатые односторонние острия (рис. 63, 24, 26), кинжалы из локтевых костей, проколки, разнообразные острия, ложила. Аналогичные орудия найдены на неолитических стоянках среднего неолита в Волго-Окском междуречье, Верхнем Поволжье и Прибалтике.

Среди орудий охоты имеются обломки луков и деревянных стрел. Из дерева изготавливались и бытовая утварь – деревянные мешалки, рукоятки, ковши, плошки. Представляет интерес миниатюрный ковшик с изогнутой ручкой, завершающейся изображением головки утки (рис. 63, 19).

Среди орудий рыболовства поплавки из свернутой бересты или в виде палочки, обмотанной берестой. Подобные полавки есть на стоянках Восточной Прибалтики (Сарнате, Швянтойи). Рыбу ловили при помощи зубчатых острий, ловили сетями, о чем свидетельствуют находки поплавков и грузил, а также отпечатки рыболовных сетей на сосудах. Обнаружено несколько больших скоплений тонких планок, из которых, видимо, были сделаны верши. Верши из похожих планок известны на стоянке Сарнате. Свидетельством того, что рыбу ловили в больших количествах, являются немалые скопления рыбьей чешуи, найденные возле жилищ. Серьезным подспорьем в хозяйстве местного населения являлась охота. Состав животных, на которых производилась охота, достаточно широк. На стоянках Репище и Бологовской найдены кости лося, медведя, кабана, волка, лисы, куницы, бобра, выдры, зайца, птиц.

Духовная культура древнего населения проявляется в искусстве, верованиях, культах. Об этом свидетельствуют украшения, сделанные из зубов и животных и янтаря (рис. 63, 20, 21). Отражением культа водоплавающей птицы может быть скульптурное изображение головки утки на ручке ковша. О погребальном обряде среднего неолита дают представление погребения могильника Репище, часть которых относится к этому времени.

Второй период мстинской культуры (поздний неолит) датируется концом атлантического периода и представлен более, чем 140 памятниками (карта 10), на 19 из них произведены раскопки. Располагаются они обычно по берегам озер и на островах, на берегах или в устьях небольших рек на высоте 1–5 м над уровнем воды. Большинство поселений сосредоточено группами вокруг озер, в каждой одно-два крупных поселения и несколько мелких стоянок. На некоторых озерах имеется по несколько таких групп. Площадь поселений обычно 1500–4000 кв.м, а временных стоянок менее 1000 кв.м.

На шести поселениях (Репище, Усть-Валдай I, II, Кончанское I, IV, Песенка II) прослежены остатки прямоугольных жилищ, слегка углубленных, площадью около 40–60 кв.м. На стоянке Усть-Валдай I четыре жилища вытянуты вдоль берега реки, два из них были связаны небольшим переходом. В некоторых обнаружены очаги, обложенные камнями, и развалы сосудов. На крупных поселениях изготовление орудий производи-

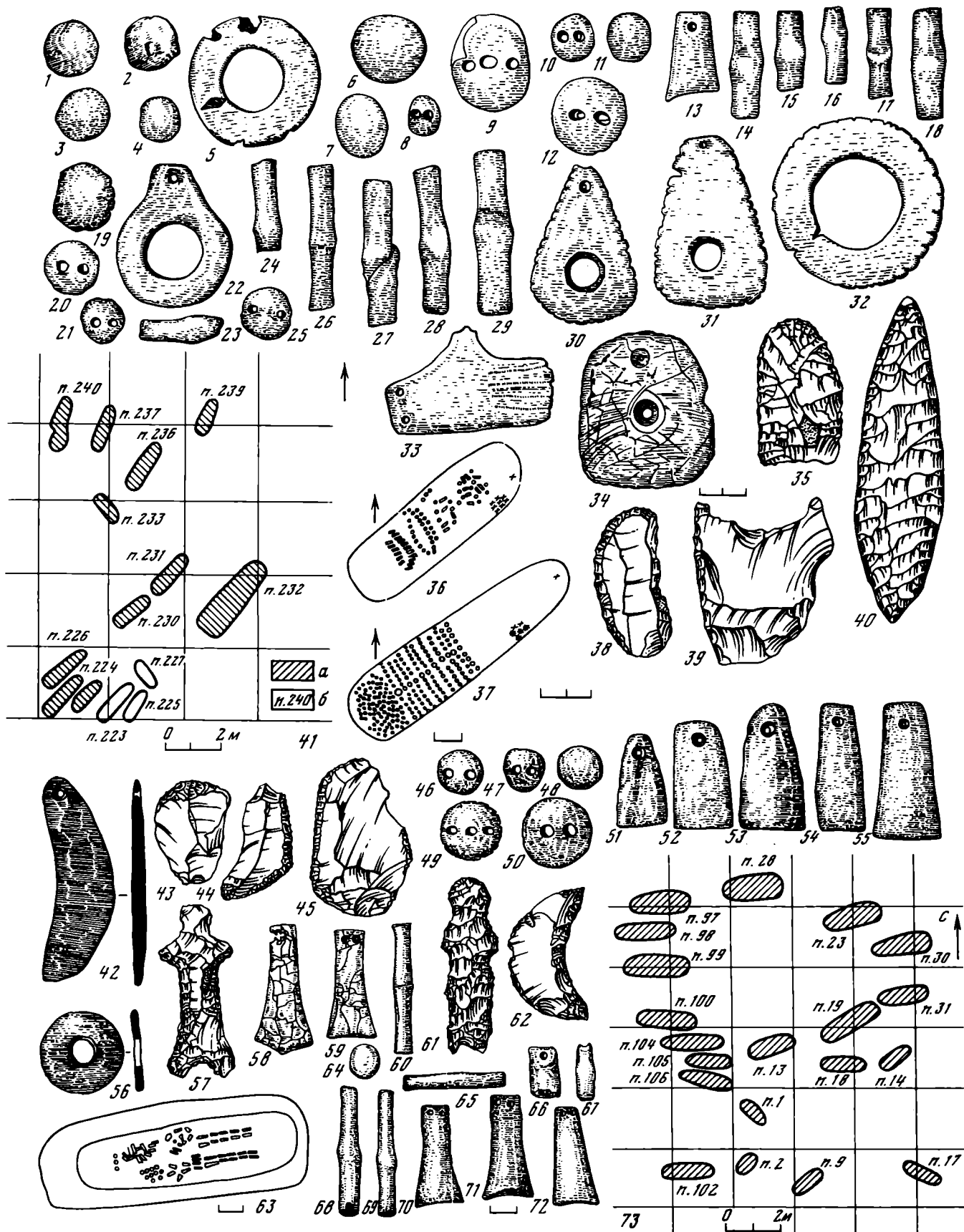

Рис. 64. Мстинская культура. Могильники Кончанский (1-41) и Репище (42-73)

Кончанский могильник: 1-32 – погребение 232; 33, 34 – погребение 212; 35 – погребение 237; 36 – погребение 33; 37 – погребение 36; 38 – погребение 123; 39, 40 – погребение 242а; 41 – деталь раскопа. Могильник Репище: 42, 56 – погребение 13; 43 – погребение 27; 44 – погребение

36; 45 – погребение 19; 46-55 – погребение 87; 57 – погребение 84; 58-62 – погребение 111; 63-72 – погребение 97; 73 – деталь раскопа (1-34, 46-55, 64-72 – янтарь; 35, 38-40, 43-45, 57, 61, 62 – кремь; 42, 56 – сланец). а – очертания погребений; б – номера погребений

лось непосредственно на территории, исключение составляет Кончанское IV, где найдено очень мало отходов кремневой индустрии.

Орудия этого времени сделаны из валунного кремня и сланца. Охотничий инвентарь представлен наконечниками стрел и копий листовидной, ромбовидной и ромбической формы (рис. 63, 1, 2, 11, 12). Многочисленны крупные, рубящие орудия. Среди них прямоугольные и треугольные кремневые топоры с овальным и прямоугольным сечением. Сланцевые топоры почти квадратные в плане с овальным и прямоугольным сечением. Долота кремневые и сланцевые также имеют прямоугольную и треугольную форму, сечение трапецевидное, овальное или треугольное, лезвие асимметричное или выемчатое (рис. 63, 13, 14). Проколки и сверла на отщепах, рабочий конец оформлен резцовыми сколами. Ножи из пластинчатых отщепов или пластин, разнообразны по форме. Больше всего среди орудий скребков, реже встречаются скобели, скребла и комбинированные орудия. Немногочисленны орудия рыбной ловли. Среди орудий рыболовства изогнутые под прямым углом стержни составных крючков из сланца, с канавками для привязывания на одном из концов, сланцевые грузила. Последние двух видов – овальные с канавками для привязывания на концах и со сверлиной посередине. Часть грузил сделана из обожженной глины с примесью дресвы. Кремневый инвентарь мстинских стоянок обнаруживает сходство с комплексом орудий поздненеолитических стоянок Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья. Некоторые орудия аналогичны таким же на стоянках валдайской культуры. Отдельные формы сланцевых орудий, когтевидные долота, например, тождественны таким же на неолитических стоянках Эстонии, Финляндии, Восточном Прионежье (Янитс, 1973. С. 204; Фосс, 1952. С. 107; Ошибкина, 1978. С. 80).

Характерная для мстинской культуры керамика изготовлена из глины с примесью дресвы. Посуда полуяйцевидной формы, с выпуклыми боками, округло-острым дном, широким, иногда несколько суженным горлом. Сосуды имели крупные размеры и приземистую форму. Диаметр большинства 20–35 см, у некоторых достигал 44–46 см, высота сосудов 35–42 см. Вся поверхность орнаментирована, у некоторых не украшено только дно (рис. 63, 15–18). Для орнаментации использовались ямочные (до 43%), парно-ямочные вдавления (15–17%), оттиски гребенчатого (12–15%) и гладкого штампа, веревочки, полулунные вдавления, насечки, оттиски мелкой чешуистой рыболовной сети. Часто посуда украшалась горизонтальными полосами из различных элементов орнамента, расположенных в шахматном порядке или рядами (до 59%). Нередки чередования зон, выполненных различными штампами. Характерен узор из диагональных полос (до 19%). Реже встречается горизонтальный зигзаг, елочный узор. Немногочисленны узоры из широких зигзагов, треугольников, ромбов, заштрихованных гребенчатыми отпечатками. Иногда треугольники составлялись из ямок (рис. 63, 17). На некоторых сосудах нанесены стилизованные изображения уток, выполненные коротким гребенчатым штампом.

Композиции, использовавшиеся для орнаментации посуды, состоят из зон одного или разных элементов ор-

намента, либо из сочетания простых и усложненных узоров. При этом у одних сосудов бывает усложнена центральная часть, у других, наоборот, приустьевая или придонная часть сосуда. Разнообразие элементов орнамента, узоров и некоторая геометризация орнамента свидетельствуют о поздненеолитическом возрасте керамики. Подобные черты прослеживаются и в поздней ямочно-гребенчатой керамике Волго-Окского междуречья.

В конце позднего неолита–энеолита керамика претерпевает дальнейшие изменения. При той же форме сосуда отгибается наружу венчик, намечается шейка. Обрез венчика не украшается. Орнамент становится разреженным, используются усложненные узоры (рис. 63, 15). Для украшения одного сосуда используется меньше элементов орнамента. В керамическом комплексе мстинских стоянок появляется посуда с органической примесью, аналогии которой усматриваются, с одной стороны, в керамике волосовской культуры, с другой – в поздней пористой керамике Восточной Прибалтики и валдайской культуры.

В это же время получает распространение кремневая скульптура. Всего на мстинских стоянках найдено 25 кремневых фигурок. Среди них антропоморфные, изображения птиц, рыб и животных. Они найдены на стоянках Репище, Кончанское IV, Бологовской, Иваново Колице, на двух Алексеевских. Антропоморфные фигурки встречаются чаще всего. Как правило, человек показан во фронтальном изображении (рис. 64, 3). Некоторые из них символизируют женскую фигуру. Представлены птицы в полете (Репище), медведь (Кончанское IV, Алексеевская 5), рыбы (Репище). Глиняная пластика немногочисленна. Найдена головка утки (Усть-Валдайка I), заготовки и обломки фигурок (Усть-Валдайка I и Репище).

С середины III тыс. до н.э. увеличивается поток янтаря. Находки янтарных украшений подтверждают существование широких обменных связей с племенами балтийского побережья. О таких же связях с племенами валдайской культуры свидетельствуют находки орудий из лилового кремня, выходы которого известны в южной части Валдайской возвышенности. Керамика с примесью асбеста указывает на наличие связей с Карелией. Сходство части керамического комплекса мстинских стоянок с керамикой памятников сопредельных территорий позволяет предполагать наличие иных связей, вызывающих изменение традиций изготовления и орнаментации керамики. Ядром мстинской культуры является группа стоянок в среднем течении р. Мсты. В материалах стоянок верховьев Мсты в большей мере выявляются элементы сходства с расположенной по соседству валдайской культурой. Присутствие в коллекциях мстинских стоянок керамики волосовского облика может объясняться культурными связями с населением Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья, либо частичным продвижением отдельных групп населения с указанных территорий. Положение населения бассейна р. Мсты на пересечении древних путей сообщения обусловило разносторонность связей местного населения с соседними областями.

Глиняная и кремневая скульптура, использовавшаяся в ритуальных целях, представляет собой отражение

культу животных. Дальнейшее развитие получил культ мертвых. На двух стоянках – Репище и Кончанское IV найдены крупные могильники, устроенные неподалеку от обитаемой площадки. Оба могильника располагаются на высоте 2–3 м от ближайшего водоема, вблизи поселения, но за его пределами. Могильник Репище целиком перекрыт культурными отложениями позднего неолита – энеолита. Кончанский могильник частично перекрыт культурным слоем стоянки Кончанское IV.

Древняя часть могильника Репище (212 погребений) оставлена населением, жившим в первой половине III тыс. до н.э. Погребения этой поры находились в прямоугольных могильных ямах на большей глубине, под культурным слоем. Они имели преимущественно восточную или юго-восточную ориентировку. На дне могильных ям небольшое количество охры. Погребения без инвентаря или с небольшим числом янтарных украшений.

Позднеэнеолитические погребения также находились в могильных ямах прямоугольной или овальной формы, в нижней части культурного слоя или в материке. Ориентация их преимущественно восточная или юго-восточная. На дне могил охристая подсыпка, сплошная или пятнами в области головы или груди. В качестве погребального инвентаря использованы кремневые орудия и янтарные украшения. В эпоху энеолита (III тыс. до н.э. и позже) могильные ямы отсутствуют, ориентация погребений юго-западная, мощная охристая подсыпка. Погребения расположены выше, в средней части культурного слоя. Сопровождающий инвентарь состоит из кремневых и сланцевых орудий, кремневой скульптуры, многочисленных и разнообразных янтарных украшений.

Кончанский могильник (270 погребений) охватывает хронологически меньший период.

Большая часть погребений имеет юго-западную ориентировку, толстую охристую подсыпку, большое количество разнообразных янтарных украшений (рис. 64). Часть погребений ориентирована на восток и юго-восток, встречается ориентировка север–юг. Могильные ямы за редким исключением отсутствуют.

Каменные орудия погребений такие же, как и на окружающих стоянках. Среди них кремневые наконечники стрел и копий листовидной и ромбовидной формы, ножи с двусторонней ретушью, иногда вместо ножа положен отщеп, сверла на широких отщепах, скребки, топоры и долота, в том числе сланцевые, нуклеусы или шлифованные бруски.

Янтарные украшения из могильников представлены подвесками, пуговицами, пронизками, кольцами. Большинство подвесок геометрической формы – трапециевидные, овальные, прямоугольные, треугольные, ромбовидные, встречаются асимметричные и аморфные. Самым распространенным украшением в обоих могильниках являются янтарные пуговицы с V-образным сверлением, с сегментовидным или линзовидным сечением. Обычно они круглые, но есть овальные и прямоугольные. Немногочисленные цилиндрические удлиненные пронизки, иногда с утолщением посередине, кольца (рис. 64). Янтарные украшения нашивались на одежду или головной убор погребенного, использовались в качестве ожерелий или укладывались в виде даров. Количество

янтарных украшений в одном погребении варьирует от 1 до 400 экземпляров.

Аналогичные янтарные украшения встречены на стоянках Швянтойи, Сарнате, Абора I, Найниексте, могильнике Звейниекы (третья группа) (Rimantiene, 1979; Ванкина, 1970; Лозе, 1979; Zagorskis, 1974). По аналогии с ними Кончанский могильник датируется серединой III – началом II тыс. до н.э. Могильник Репище возник несколько раньше Кончанского.

Время существования мстинской неолитической культуры на основании типологического анализа материалов, сравнительных аналогий с материалами сопредельных территорий, данных спорово-пыльцевого анализа – рубеж IV – III тыс. до н.э. – середина III тыс. до н.э. Радиоуглеродная дата, полученная для слоя раннего периода мстинской культуры на стоянке Репище, по образцу обугленной древесины, 4670 ± 120 (ЛЕ-1262) подтверждает установленную датировку.

Верхнеднепровская культура

Археологические исследования в верховьях Днепра были начаты во второй половине XIX в., но в то время ограничивались сбором случайных находок и составлением частных коллекций. В 1921 г. был создан Институт белорусской культуры и при нем историко-археологическая комиссия, преобразованная позднее в кафедру, а затем в 1930 г. в секцию археологии Института истории БССР. С этого времени начались планомерные обследования памятников древности, составление их списков и картографирование. Особенно активно исследовал неолитические памятники К.М. Поликарпович, которым сделана попытка систематизации материалов, намечены ранние и поздние памятники (Палікарповіч, 1928). В это же время А.Н. Лявданским начаты исследования на Смоленщине (Лявданский, 1932).

В 1956–1967 гг. Приднепровской экспедицией ИА АН СССР под руководством И.И. Артеменко при исследовании памятников эпохи бронзы получены материалы 17 неолитических стоянок, которые позволили И.М. Тюриной (1967) выделить верхнеднепровскую культуру. Эта точка зрения вызвала возражения некоторых исследователей, полагавших, что в верхнем Поднепровье существовала одна из групп населения неолитической днепродонецкой культуры* (Телегин, 1968).

От вопроса о верхнеднепровской культуре дискуссия перешла к проблеме археологической культуры в более широком смысле. И.М. Тюрина считала, что основой верхнеднепровской культуры послужил местный мезолит свидероидного типа, для которого характерно применение пластин и наконечников стрел на пластинах, тогда как днепродонецкая культура возникла на основе мезолита степной зоны, где одной из ведущих форм являются геометрические микролиты. Отсюда следовал вывод о самостоятельности обеих культур (Тюрина, 1970. С. 50). При этом были учтены работы А.А. Формозова, противопоставляющего неолит степей и лесной зоны и неоднократно отмечавшего, что различия населе-

* В настоящее время на Украине выделяется днепродонецкая культурная общность (см. статью Д.Я. Телегина).

ния этих зон прослеживаются в материальной культуре, погребальном обряде и формах хозяйства, поскольку в лесной зоне еще господствовали охота и рыболовство (Формозов, 1955, 1970. С. 180).

Исследованием неолитических стоянок по берегам р. Катыни, в Посожье и Поднепровье занимался в начале 70-х годов В.П. Третьяков. Поддерживая выделение верхнеднепровской культуры, он отмечал, что хотя мезолит степей и лесной зоны различен, свидероидные наконечники стрел встречаются в степной зоне, а геометрические микролиты в лесной. Это наблюдение позднее подтвердилось на обширном фактическом материале. В.П. Третьяков справедливо заметил, что неолитические могильники на верхнем Днепре не известны, что исключает сравнение с неолитом Украины. Сопоставление двух культур по керамике показывало отчетливые различия и приводило к выводу о существовании особой верхнеднепровской культуры (Третьяков, 1975).

Дальнейшие работы белорусских археологов подтвердили вывод о самостоятельности верхнеднепровской культуры, сложившейся на основе позднемезолитической сожской. В 1972–1983 гг. Е.Г. Калечиц был раскопан ряд стоянок на больших площадях, открыты жилища и различные хозяйственные объекты, получен массовый вещественный материал, что позволило заняться изучением верхнеднепровской культуры на новом качественном уровне. Всего известно около 500 стоянок, из них более 40 исследовано раскопками (Калечиц, 1987. С. 38).

Стоянки Верхнего Поднепровья сосредоточены на левых низких берегах, тяготеют к старицам и закрытым водоемам. Они расположены низко к современному уровню воды, до 1 м. Люди селились на песчаных берегах или всхолмлениях (бугры), культурные слои сохраняются в виде задернованных останцов. Многие стоянки заселялись неоднократно, но их стратиграфия прослеживается с трудом. Используются планиграфические данные, а также типологический метод.

Верхнеднепровская культура датируется серединой V – началом II тыс. до н.э. (Калечиц, 1995) и разделяется на два хронологических этапа. Ранний этап (V – первая половина III тыс. до н.э.) намечен в работах И.М. Тюриной, которая относил к нему 10 стоянок, в том числе две с чистым культурным слоем (Залесье, Шепотовичи). Поселения этого времени небольшие, площадью 400–500 кв. м, культурный слой слабый (до 0,25 м), в кремневом инвентаре сохраняются мезолитические традиции, хотя уже распространена двусторонняя обработка кремня. Основные формы орудий – топоры овальной и подпрямоугольной формы, наконечники на пластинах с ретушированным черешком и пером и листовидные с двусторонней ретушью (Тюрина, 1970). Керамика представлена горшками яйцевидной формы с острым дном, выпуклыми стенками и прямым венчиком, в тесте растительная примесь (до 80–85%) или кварц. Орнамент выполнен отпечатками крупной гребенки или ямками, и лишен зональности.

Наиболее сохранившимися и хорошо исследованными являются два поселения раннего этапа – Мишурова Грива и Федоткина Грива, оба на правом берегу р. Ипути (раскопки Е.Г. Калечиц, 1980–1983 гг.) На стоянке Ми-

шурова Грива обнаружены остатки двух жилищ и несколько открытых очагов. Показательно, что среди вещественного материала около 8 тыс. кремней и только 390 черепков. По наблюдениям Е.Г. Калечиц резкое преобладание кремневых изделий и отходов при небольшом количестве керамики вообще характерно для верхнеднепровской культуры на ее раннем этапе.

Жилища Мишуровой Гривы имели круглую форму и углублялись в древнюю поверхность на 0,4–0,6 м. Жилище 1 (диаметр 2,2 м) имело неровную поверхность пола, углублявшегося к небольшому очагу в центре. Рядом с этим жилищем на территории стоянки находились два открытых очага (диаметром 1,2 и 0,8 м). Жилище 2 (диаметр 3,0 м) хозяйственных объектов внутри не имело. Предполагается, что выявленные чашеобразные углубления были центральной частью сооружения типа чума, общая площадь была больше, чем прослеживается по концентрации находок. Остатки стен или внешние контуры жилищ выявить не удалось (Калечиц, 1987. С. 42).

Керамика Мишуровой Гривы состоит из обломков толстостенных (1,0–1,5 см) и остродонных сосудов с примесью растительности. Орнаментация скромная, выполнена неглубокими отпечатками гребенчатых и ямчатых штампов. Орудия из кремня или реже кварца, вторичную обработку имеют лишь 3,6% предметов. Среди последних отбойники и ретушеры, рубящие орудия, наконечники стрел и дротиков, бытовые орудия. Для изготовления орудий использовались отщепы (37,3%) и пластины (13,9%). Рубящие орудия отличаются малыми размерами, иногда сделаны на расколотых нуклеусах. Наконечники стрел листовидные, широкие в плане и сечении, треугольные с прямым основанием и ромбовидные. Среди бытовых орудий – скребки, резцы, скобели, проколки, ножи на отщепах и пластинах, микролиты и сечения пластин.

На стоянке Федоткина Грива вскрыто 424 кв.м, но жилых или хозяйственных сооружений не найдено. Здесь собрано небольшое количество керамики плохой сохранности (рис. 65, 47–55) и более 10 тыс. кремней, изделий со вторичной обработкой около 3,0%. В то же время здесь представлены все характерные для раннего этапа формы – нуклеусы, рубящие орудия на расколотых нуклеусах и специальных заготовках (рис. 65, 44, 46), тесла на нуклеусах (рис. 65, 45), скребки, острия на пластинах и отщепах (рис. 65, 42, 43). Наконечники стрел сделаны из пластин, имеют черешок (рис. 65, 34–38).

Материалы раннего этапа представлены и на других поселениях (Стречево I и II, Титов Бугор, Лоша I и II, Гронов III и др.). Территория верхнеднепровской культуры на раннем этапе очерчивается в небольшом районе, в среднем и нижнем течении р. Сож.

На позднем этапе существования верхнеднепровская культура распространилась уже по всему верхнему Поднепровью, стоянки этого времени известны по Днепру, Березине, Сожу, Ипути и т.д. Ряд стоянок исследован раскопками, среди них такие, как Стрелица, Гронов III, Лоша I, II и др.

В это время возникают большие поселения (до 10 тыс. кв.м) с наземными или слегка углубленными жилищами. Примером является Стрелица на р. Сож, где рас-

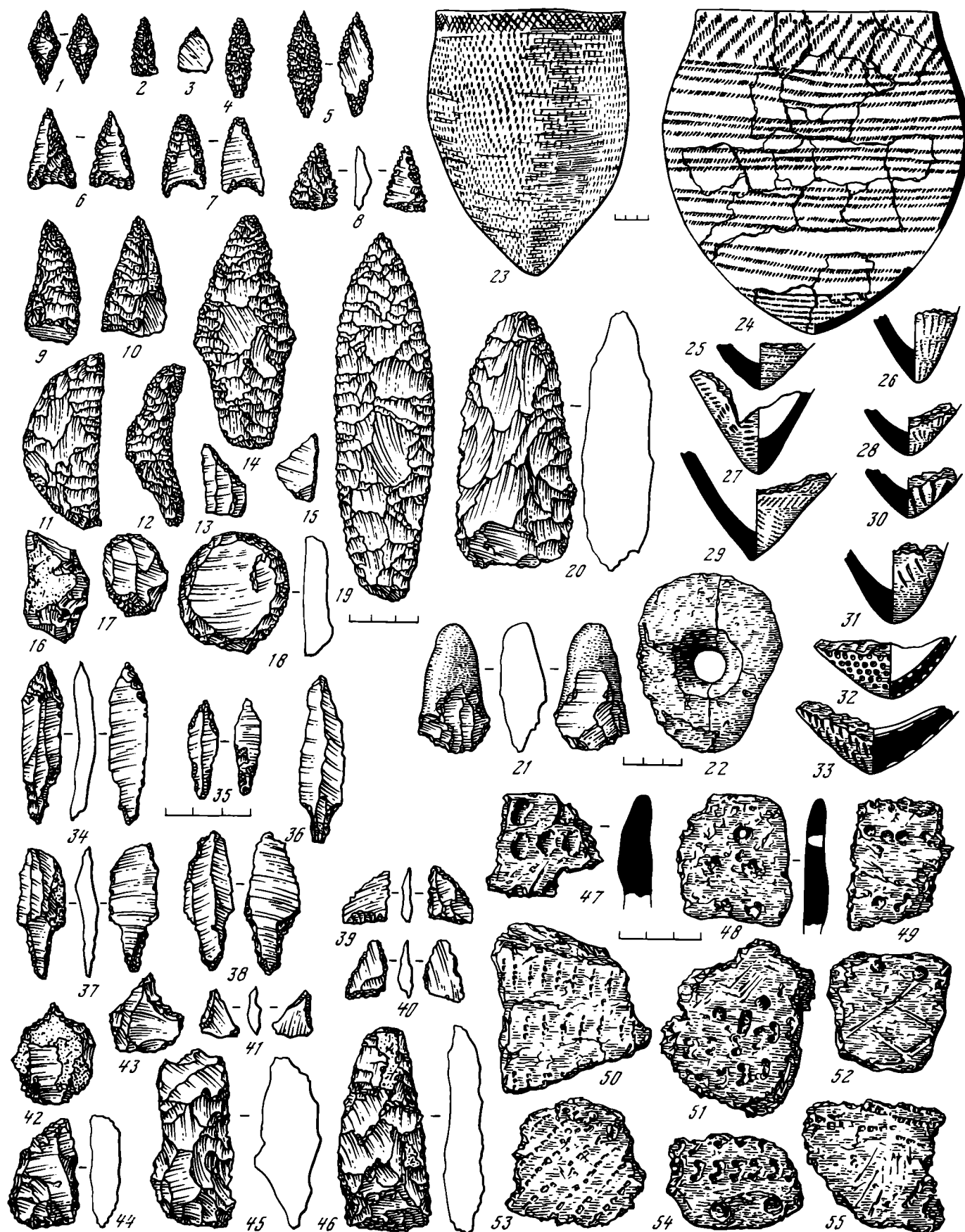

Рис. 65. Верхнеднепровская культура. Ранний (34-55) и поздний (1-33) этапы

1-20 – Лоша II; 21, 22 – Гронов III; 23 – Старые Терешкевичи; 24 – Ходосовичи; 25-33 – разные стоянки; 34-55 – Федоткина Грива

копано около 2 тыс. кв. м (раскопки И.И. Артеменко). Культурный слой представлял собой углистый песок мощностью до 0,55 м. На поселении обнаружено 20 открытых кострищ и 15 очажных ям, в которых были мелкие обожженные камни, зола, фрагменты керамики. Среди находок около 1 тыс. орудий, в их числе топоры и тесловидные (192 экз.), наконечники стрел (100 экз.), пластины с ретушью (552 экз.), скребки (702 экз.). Керамика содержит примесь песка, дресвы и растительных волокон, орнаментирована по всей поверхности оттисками гребенки и ямками (Артеменко, Тюрина, 1966; Тюрина, 1970).

На стоянке Гронов III изделия со вторичной обработкой составили 23,8%. Среди них нуклеусы и ретушеры, тесла и долота, наконечники стрел и копий, бытовые орудия (скребки, скребловидные орудия, скобели на отщепках, острия, проколки, сверла, угловые и срединные резцы на отщепках). Представляют интерес небольшие тесла (размером 6–8 см), сделанные из расколотых вдоль галек с подработкой рабочего края сколами (рис. 65, 21), сохраняющие меловую корку. Наконечники копий и стрел обработаны двусторонней ретушью. Среди последних – ромбические, треугольные с прямым основанием и треугольные с черешком (Калечиц, 1987. С. 53).

Если остатки открытых очагов, очажных и хозяйственных ям обнаружены почти на всех раскопанных поселениях, то жилища известны только в трех случаях – в Лоше I, Лоше II и Сосонке. Поселение Лоша I было открыто в 1927 г. К.М. Поликарповичем и в 1975–1977 гг. раскопано Е.Г. Качелиц (620 кв.м). Обнаружено четыре жилища, из них только одно принадлежало верхнеднепровской культуре (1). Оно имело овальную форму размером 4 × 2 м и углублялось на 0,6 м в древнюю поверхность. В заполнении найдена керамика, шесть нуклеусов, тесло, ретушированное орудие, широкие пластины с ретушированными краями. По керамике жилище датируется поздним неолитом.

На поселении Лоша II (раскоп 2332 кв. м) открыто пять неолитических жилищ, а также 37 очажных пятен и 42 хозяйственные ямы. Все жилища округлой или овальной в плане формы, с неровным дном, глубина 0,4–0,5 м от древней поверхности. Жилище 1 овальное размером 4 × 6 м, в заполнении керамика и отщепы. Жилище 2 округлое, диаметр 3,8 м, в восточной части продолговатый очаг (1,8 × 0,5 м). Рядом с очагом круглая хозяйственная яма диаметром 0,8 м и глубиной 1,0 м. Жилище 3 почти круглое, размером 3,75 × 3,5 м. У северной стены располагался открытый очаг (0,7 × 1,0 м), а в западной части хозяйственная яма глубиной 0,95 м. В заполнении жилища найдена керамика и кремневые изделия. Жилище 4 почти круглое, размером 2,25 × 2,5 м. У западной стены находился очаг диаметром 0,5 м, углублявшийся в пол на 0,2 м. Снаружи к южной стене примыкала круглая хозяйственная яма диаметром 1,0 м и глубиной 0,2 м. Жилище 5 (3,5 × 3,0 м) имело в центре очаг, а у северо-западной стены глубокую яму (1,4 м) неясного назначения (Калечиц, 1987. С. 62–72). По территории поселения Лоша II дома располагались двумя группами. Жилища 1 и 2 – в северной части на расстоянии 4 м друг от друга. Остальные три сооружения – в южной части. Вопрос о синхронности всех объектов поселения специально не рас-

сматривался. Вероятно, вещественный материал для этого недостаточен, особенно это касается находок на полу жилищ. Концентрация керамики и каменных изделий по территории поселения (Калечиц, 1987. Рис. 31) позволяет предполагать, что две группы жилищ могли существовать в разное время, может быть, с небольшим перерывом.

На поселении Лоша II собрана большая коллекция орудий из кремня и кварцита. Представлены ретушеры и отбойники, топоры и тесла небольшого размера (до 8 см), скребки разных форм, ножи, острия, угловые резцы на отщепках, ножи, в том числе серповидные (рис. 65, 9–11), наконечники стрел ромбовидной, листовидной и треугольной форм, наконечники копий (рис. 65, 14, 19).

Еще одно жилище исследовано И.И. Артеменко на поселении в урочище Сосонка Рогачевского района Гомельской области. Оно было квадратным, размером 3,4 × 2,4 м, углублялось в материк на 0,3 м. В центре находилось очажное пятно, снаружи еще два очага. Вокруг углубления располагались семь опорных столбов, на которые опиралась крыша (Артеменко, 1964). По форме и конструкции жилище Сосонки отличается от рассмотренных выше сооружений, но обнаруживает сходство с мезолитическими сооружениями в правобережье Днепра, в Береговой Слободе (Калечиц, 1987. С. 96).

Таким образом, поздний этап верхнеднепровской культуры характеризуется возникновением больших поселений с жилищами. Поселения занимали те же всхолмления по берегам водоемов, что и в раннем неолите. Керамика этого времени изготовлена в технике ленточного налета, содержит примесь песка, дресвы, реже растительных волокон. Обжиг производился на кострах, что подтверждается открытием площадок для изготовления посуды в Лоше II и Подлужье.

Посуда имела следующие основные формы: 1 – остродонные сосуды удлинённых пропорций, прямостенные, высотой до 50 см, диаметром горловины 35–40 см. Они предназначались для хранения запасов; 2 – остродонные, с выпуклыми боками и отогнутым венчиком, высотой до 40 см и диаметром до 30 см; 3 – низкие с округлым дном, высотой 10–15 см, при диаметре горловины около 25 см. Встречаются отдельные мелкие сосуды в виде чашек или мисок и так называемые ритуальные, у которых дно орнаментировано снаружи и внутри (Калечиц, 1987. С. 104. Рис. 49). Характерная особенность посуды – ряды ямок под горлом или следы обвязки волокнистым шнуром.

Орнаментация посуды на позднем этапе стала гораздо разнообразнее, орнаментом покрывалась вся поверхность сосудов, он выполнялся разнообразными штампами – гребенкой, размочаленной или обмотанной шнуром палочкой, трубчатыми костями и ребрами мелких животных, углом щепки и др. Преобладают гребенчатые орнаменты (до 60–70%) в виде горизонтальных, вертикальных, елочных и т.п. композиций. Узоры из ямчатых отпечатков (20–30%) располагались в шахматном порядке, горизонтальными рядами, в сочетании с гребенчатыми отпечатками. Лапчатые оттиски (2–5%) наносились палочкой, обвитой шнуром или тканью. Встречаются наколы, нарезки, фигурные штампы и т.п. Часть кера-

мики орнамента не имеет (Калечиц, 1987. С. 106; Тюрина, 1970. С. 50).

Кремневый инвентарь можно оценить как макролитический, обработка орудий небрежная. Обилие природного сырья приводило к большому количеству отходов кремневой индустрии на поселениях. Изделия с вторичной обработкой составляют на поселениях позднего этапа 6–13%, что значительно выше, чем на раннем этапе верхнеднепровской культуры. Отщепы и орудия из них решительно преобладают (от 50 до 90%, хотя не выходят из употребления ножевидные пластины среднего размера. На позднем этапе меняется соотношение ведущих форм орудий. Если на раннем этапе до 50% составляли скребки, то в это время возрастает число деревообрабатывающих орудий (25–46%), среди которых преобладают тесла, часто сделанные из сработанных нуклеусов. Топоры двух типов – мелкие (4–6 см) клиновидные, с узким обухом и овальным сечением, и овально-прямоугольные в плане с овальным, а позднее прямоугольным сечением. Наконечники стрел ивовидные, листовидные широкие треугольные с прямым или вогнутым основанием, ромбические.

Уже на раннем этапе верхнеднепровской культуры намечаются три локальных варианта – среднесожский, верхнесожский, деснинский. На позднем этапе они выражены отчетливо. В среднесожском варианте долго сохраняются традиции местного мезолита, что прослеживается по кремневому инвентарю и строительству квадратных жилищ (Сосонка), известных в сожской поздне-мезолитической культуре. Верхнесожский вариант отражает некоторое влияние населения северных районов, где существовали культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Деснинский вариант имел контакты с населением соседней деснинской неолитической культуры, для которой характерна керамика с ромбическим орнаментом.

Известное воздействие на верхнеднепровскую культуру оказало также население днепро-донецкой культурной общности, которое в определенный период начало проникать в лесную зону по широкому фронту от верхнего Днепра до Средней Волги, не заходя, однако, в глубь лесов (Третьяков, 1975). Все три варианта культуры продолжали существовать до начала II тыс. до н.э., когда в верхнем Поднепровье появилась среднеднепровская культура бронзового века, которая частично ассимилировала местное население, а частично оттеснила его на запад и северо-восток.

Хронология верхнеднепровской культуры основана на аналогиях в материалах соседних культур. Предприняты попытки ее уточнения, например, ее сложение относят к середине IV тыс. до н.э. (Исаенко, 1978). Однако, абсолютная хронология культуры остается не разработанной, естественными методами ее обосновать пока не удалось.

Неолит лесного Подесенья

Рассматриваемый регион включает бассейн верхней и средней Десны и является наиболее южной частью лесной полосы. Основная масса памятников находится в Деснинской низменности с характерными полесскими ландшафтами и сосредоточена по берегам р. Десны и ее притокам, главным образом, левобережным. С поречья

ем Десны культурно и географически связаны стоянки верховьев Оки.

Первые данные о неолите лесного Подесенья получены в начале века, его изучение в советское время продолжили представители центральных научных учреждений – Т.С. Пассек, Б.А. Латынин (1929), М.Е. Фосс, И.Г. Розенфельдт (1950, 1959, 1974). М.В. Воеводский выделил памятники среднего неолита Подесенья в деснинскую культуру (Воеводский, 1947). Раскопки продолжаются и в наши дни (исследовано свыше 30 памятников на площади около 10 тыс. кв.м).

В неолитическое время в бассейне верхней и средней Десны существовали две различных по происхождению и сменяющих друг друга группы памятников – ранний неолит и деснинская культура среднего и позднего неолита. Материалы раннего неолита обнаружены на 13 из раскопанных стоянок (Витховка I, Витховка III, Чернетово I, Жеренская Протока, Жерено III и др.). Близкие ранне-неолитические материалы обнаружены на стоянках левобережья верхней Оки (Красное IV, Красное X, Рессета III). Инвентарь памятников позволяет разделить их на два хронологических этапа.

Для первого этапа характерна керамика с накольчато-отступающим орнаментом, изготовленная из рыхлого теста с примесью органики и шамота. Горшки с прямой или слегка сведенной верхней частью, округлым, нередко утонченным венчиком. Наиболее ранние сосуды (Витховка I) орнаментированы мелкими треугольными наколами, нанесенными в отступающей технике. Позднее сосуды чаще украшались оттисками угловой отступающей лопаточки (Жеренская Протока, Жерено III). Орнамент состоит из горизонтальных зон, различающихся направлением заполняющих полос, разделенных неорнаментированными участками. Под венчиком иногда ряды крупных наколов. Некоторые сосуды (Витховка I) украшены оттисками мелкозубой короткой гребенки (рис. 66).

Для второго этапа раннего неолита характерно преобладание гребенчатой орнаментации (Витховка III). Горшки с цилиндрическим верхом, закрытой формы, с примесью органики и шамота в тесте. Оттиски короткого гребенчатого штампа в положении “на боку” покрывают всю поверхность, составляя горизонтальные ленты, часто разделенные ямчатыми вдавлениями. Употребление гребенчатых штампов привело к формированию керамики с накольчато-гребенчатой орнаментацией (Чернетово I). Появляются горшки с гребенчатым орнаментом в сочетании с накольчатыми элементами и сосуды с узором, выполненным отступающим штампом и гребенчатыми оттисками. Венчики украшались крупными неправильными ямками, а на внутренней стороне оттисками гребенки. По этому же принципу происходит развитие орнаментации керамики ранне-неолитических памятников верхнего Поочья. На стоянке Красное VI керамика украшена накольчато-отступающими штампами в Красном X и Рессете III – гребенчатым штампом. В бассейне Оки встречаются также приемы орнаментации, свойственные верхневолжской культуре.

Ранне-неолитический кремневый инвентарь стоянок лесного Подесенья типологически сходен на всех памятниках. Характерен низкий индекс пластинчатости, хотя

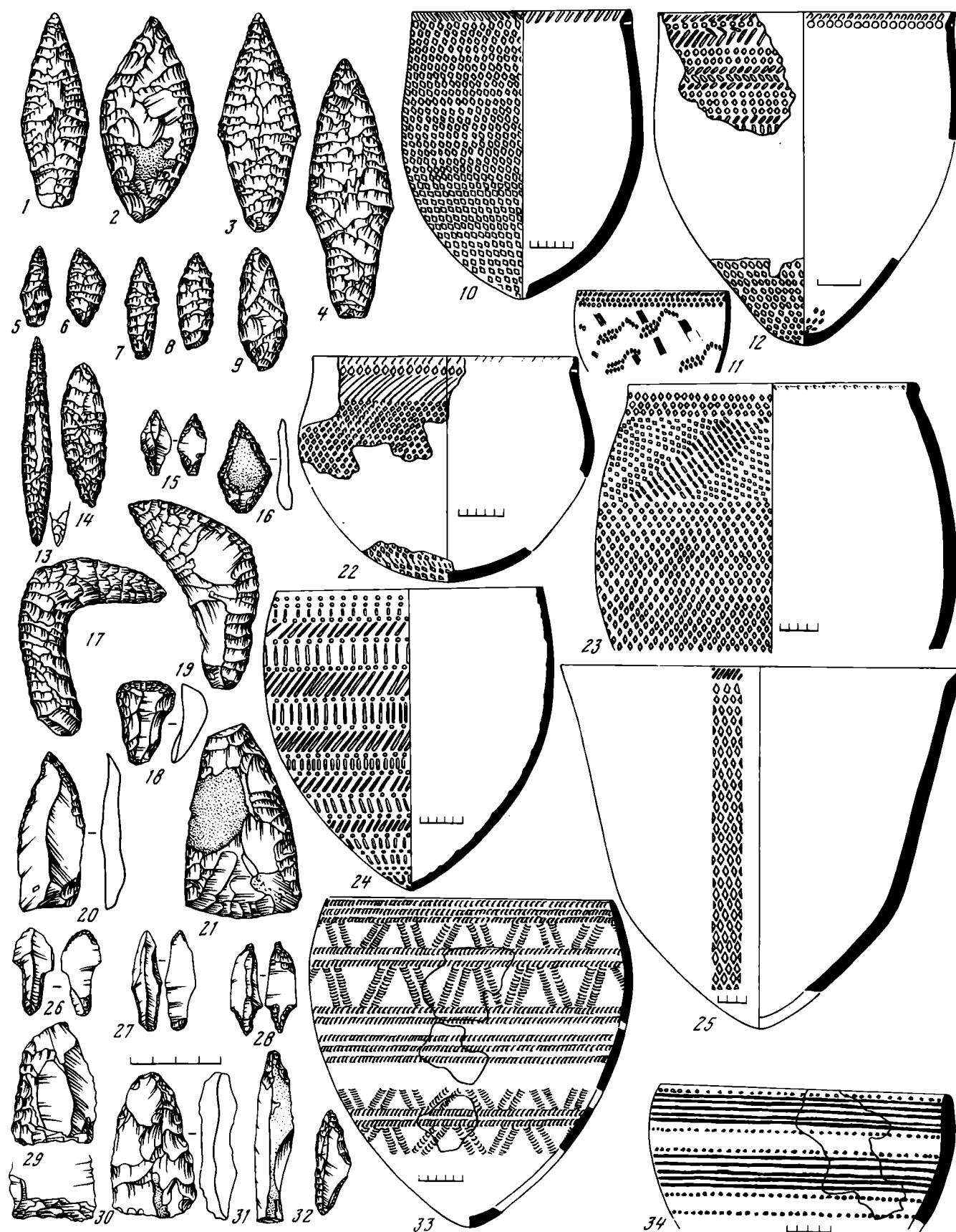

Рис. 66. Лесное Подесенье. Ранний (26–34), развитый и поздний (деснинская культура) (1–25) неолит

1 – Жерено III; 2, 5–9, 13, 16, 17, 33 – Красное VI; 3, 10, 15, 22 – Красное X; III; 14, 26–28, 32 – Чернетово I (п. 1); 19 – Чернетово I (п. 3); 23 – Луново
4, 20 – Жеренская Протока; 11, 18, 21 – Луново II (восточная); 12 – Бесец II (западная); 24 – Бельнец II; 25 – Витховка III; 29–31, 34 – Витховка I

и несколько больший, чем в развитом неолите. Наконечники стрел черешковые и листовидные, изготовлены почти всегда на пластинах с плоской ретушью с брюшка по основанию и острию, реже по всему периметру. Много пластинчатых заготовок среди режущих орудий и перфораторов. Скребки концевые, реже подокруглые, изготовленные на укороченных пластинах и отщепах. Рубящие орудия тесловидные, топоров немного. Они обработаны двусторонней ретушью или грубыми сколами без дополнительной подправки лезвия. Резцы изготовлены из пластин, отщепов и нуклевидных кусков. Представлены все типы резцов при значительном количестве боковых и нуклевидных. Среди нуклеусов присутствуют ядрища от отщепов, торцовые и призматические с негативами снятия пластин.

Инвентарь ранненеолитических стоянок близок материалам деснинского мезолита, в особенности памятникам типа Студенок, которые отличны от синхронных лесостепных культур с микролитической пластинчатой индустрией и связаны с культурами лесной зоны (Зализняк, 1984; Сорокин, 1985). Главное своеобразие ранненеолитических памятников верхней и средней Десны заключается в преобладании накольчато-отступающих приемов орнаментации керамики. Подобные традиции наиболее характерны на всем протяжении неолита для Волжско-Донского региона. Обращает на себя внимание сходство накольчатой керамики (тип Витховки I) с ранними комплексами среднедонской культуры (Синюк, 1986. С. 56–62), а также с накольчатой керамикой поселений междуречья Суры и Мокши (Третьяков, 1982). По композиционным приемам, элементам узора, манере нанесения орнамента деснинская накольчатая керамика напоминает горшки раннего комплекса стоянки Джангар (Кольцов, 1984). Деснинские сосуды, украшенные “угловой” отступающей лопаточкой более всего сходны с керамикой среднедонской культуры. Похожая керамика известна в Пензенской области, в среднем и нижнем Поволжье (Халиков, 1969. С. 52. Рис. 13; Деревягин, Третьяков, 1974; Мамонтов, 1974). Эти аналогии позволяют датировать памятники первого этапа раннего неолита Подесенья второй половиной V тыс. до н.э.

Ранняя гребенчатая керамика Подесенья напоминает украшенные короткой гребенкой сосуды верхневолжской культуры (Костылева, 1986). Однако, основная масса гребенчатой керамики Подесенья ближе материалам второго этапа днепро-донецкой общности, ее киево-волынскому варианту. Это позволяет датировать подобную керамику в Подесенье и соответственно второй этап раннего неолита первой половиной IV тыс. до н.э.

Сложение раннего неолита лесного Подесенья происходило на местной мезолитической основе при активном воздействии лесостепных и степных культур Волжского и Днепровского бассейнов. В дальнейшем сказалось влияние населения с традициями применения гребенчатого штампа, что привело к формированию памятников с накольчато-гребенчатой орнаментацией керамики.

На рубеже раннего и среднего неолита в лесном Подесенье происходит смена населения. В материальной

культуре традиции накольчато-гребенчатой орнаментации сменяются приемами ямочного узора. Определенная трансформация произошла и в кремнеобработке. Резкие изменения основных традиций позволяют говорить о смене населения. Стоянки среднего и позднего неолита составляют деснинскую неолитическую культуру, в развитии которой выделяются два этапа – ранний и поздний.

Сосуды с ромбоямочной орнаментацией наиболее яркая и своеобразная черта материальной культуры неолитического населения Подесенья, наиболее полно проявившаяся на первом этапе деснинской культуры. В это время существовали стоянки с чистым комплексом ромбической керамики или же с ее явным преобладанием. Архаичные сосуды этого типа (Лунево II – западная, Витховка III) остродонны, шлемовидной формы с перегибом в нижней трети. Встречаются закрытые горшки с округлым иногда биконическим туловом. Характерно равномерное нанесение четких ромбических вдавлений по всей поверхности сосудов в шахматном порядке. Позднее преобладают закрытые сосуды, появляются сосуды с шейкой, гофрированным венчиком (Устье Ревны IV “А”, Партизанское IV, Жерено II). Вопрос о происхождении ромбоямочной керамики не решен окончательно. Видимо, она близка, а возможно, и генетически связана с льяловской культурой.

На раннем этапе деснинской культуры встречаются сосуды с оттисками лапчатого штампа, составляющие незначительную часть в инвентаре памятников. К концу первого этапа их доля возрастает. В морфологическом и технологическом отношении они идентичны сосудам с ромбоямочной орнаментацией, а в распространении лапчатого штампа сказалось воздействие верхнеднепровской культуры. На памятниках, расположенных близ северной и южной границы распространения деснинской культуры, присутствует керамика с круглоямочным орнаментом, что несомненно объясняется влиянием культур льяловской и ямочно-гребенчатой керамики Украинны.

На позднем этапе деснинской культуры уменьшается роль ромбоямочной орнаментации, нередко преобладает керамика с оттисками лапчатого штампа, в конце появляются гребенчатые, гусеничные оттиски. Усложняются также орнаментальные композиции. Получают распространение горшки S-видной формы и сосуды с цилиндрической шейкой.

Керамика с ромбоямочной орнаментацией претерпевает ряд изменений. Если в начале позднего этапа еще много сходного с материалами развитого неолита, то по мере развития культуры накапливаются новые черты – исчезает четкий ромб, распространяется строчечное расположение узоров, сочетания с поясами гребенки или гусеничных отпечатков, геометрические композиции. Керамика с лапчатым штампом наиболее многочисленна на памятниках позднего этапа деснинской культуры. Соотношение керамики с лапчатым и ромбическим орнаментами достаточно постоянно.

На стоянках верхнего Подесенья встречаются сосуды с гусеничным и гребенчатым орнаментом, в чем также можно видеть результат воздействия верхнеднепровско-

го населения. В среднем Подесенье отмечено влияние неолитических культур Среднего Поднепровья и бассейна Припяти.

В кремневой индустрии деснинской культуры в качестве заготовки использовался отщеп. Для первого этапа характерен набор орудий и приемы обработки кремня, близкие индустрии льяловской культуры Волго-Окского междуречья, на втором этапе – волосовской. Распространяются специализированные орудия типа остроконечных и кривых ножей, стругов, скребков с расширенной рабочей частью. Бытуют наконечники копий с черешком и прямым насадом. На поздних памятниках несколько увеличивается количество орудий на пластинах. В отличие от культур Волго-Окского междуречья здесь сохраняются традиции пластинчатой техники, что объясняется близостью лесостепных культур. Костяные изделия представлены исключительно орудиями рыболовства. Это односторонние остроги, характерные для раннего этапа. Позднее распространяются редкозубые гарпуны с расширенным насадом.

На раскопанных в последние годы стоянках деснинской культуры открыто всего два жилых сооружения, но имеются архивные данные о других жилищах. На стоянках раннего этапа обнаружены округлые полуземлянки с очагом в центре. Для позднего этапа характерны наземные подпрямоугольные жилища с коридорообразным выходом.

При определении территории деснинской культуры возникает вопрос относительно ее взаимоотношений с памятниками ямочно-гребенчатой керамики Украины, верхнеднепровской культурой и стоянками верхнего Поочья. В первом случае наиболее вероятной представляется граница по рубежу леса-лесостепи, предполагающая обширную зону контакта от долины р. Сейм до г. Новгород-Северского. Граница между деснинской и верхнеднепровской культурами проходит по Деснинско-Сожскому водоразделу (Смирнов, 1982, 1986).

До недавнего времени предполагалось, что на верхней Оке существовала самостоятельная белевская неолитическая культура (Брюсов, 1952; Полякова, 1970). Окрытие и раскопки новых стоянок (Красное, VI, VIII, X. Рессета III) позволили подойти к решению этого вопроса иначе (Смирнов, 1988б). Концентрация неолитических стоянок в белевском течении р. Оки и по ее левым притокам объясняется особенностями строения окской долины и существования Брянско-Жиздринского полесья, соединяющего днепровский и волжский бассейны. В раннем неолите здесь существовали памятники, сочетающие черты деснинской и верхневолжской культур. На стоянках

среднего неолита присутствует керамика с льяловским круглоямочным орнаментом и деснинская, с характерными ромбоямочными отпечатками. В позднем неолите на верхней Оке представлены сосуды, орнаментированные лапчатым штампом, что справедливо связывается с влиянием верхнеднепровского неолита. Очевидно, нет основания выделять самостоятельную белевскую культуру. Бассейн верхней Оки представляет собой район контактов неолитических культур днепровского и волжского бассейнов. Поскольку основные памятники с керамикой, орнаментированной ромбическим штампом, сосредоточены на Десне и относятся к деснинской культуре, появление подобной керамики на верхней Оке можно рассматривать как результат влияния неолитического населения лесного Подесенья.

На основании аналогий деснинская культура датируется второй половиной IV – началом III тыс. до н.э. Ее ранний первый этап относится ко второй половине IV тыс. до н.э., а второй – к рубежу IV – III – началу III тыс. до н.э. Некоторые данные позволяют говорить о существовании деснинской культуры до середины III тыс. до н.э. и ее контактах с энеолитическими культурами.

В энеолитических материалах Десны прослеживаются две основные линии развития. Традиции первой свойственны поселениям лесной зоны, вторая связана с влиянием южных энеолитических культур. Ранние материалы южного облика относятся к нижнедонской культуре мариупольской культурно-исторической области, развитый энеолит связан с появлением репинской культуры хвалынского-среднестоговской культурно-исторической области. В это же время на Десне складывается группа памятников боровичского типа, связанная своим происхождением с кругом северных лесных культур, сочетающих неолитические черты с признаками эпохи раннего металла.

В конце III тыс. до н.э. в бассейн Десны вторгаются пришедшие с юга племена среднеднепровской культуры бронзового века. Они вытесняют на восток остатки неолитического населения, одновременно восприняв ряд черт, характерных для местных энеолитических памятников. Среднеднепровская культура определяла культурно-исторический облик Подесенья вплоть до середины III тыс. до н.э.

Население верхней и средней Десны на всем протяжении неолита и энеолита испытывало влияние как южного, степного, так и северного, лесного населения. Понимание этого взаимодействия является ключом к объяснению этнокультурных процессов, происходивших на этой территории.

Стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепи

Левобережная Украина

Первые сведения о ямочно-гребенчатой керамике на Украине относятся к началу нашего столетия (Федоровский, 1902; Городцов, 1905; Спесивцев, 1905). В.А. Городцовым было высказано мнение о близости указанных

памятников к неолитическим стоянкам Средней Оки. Позднее началось их активное изучение на р. Сейме и Северском Донце, по материалам которых Д.Я. Телегину удалось впервые отделить стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой от днепро-донецких, произвести их хронологическое членение (Телегин, 1954, 1958, 1959, 1961, 1962).

Для уточнения их ареала имели значение работы на р. Орели И.Ф. Ковалевой и Ю.Г. Колосова, которыми отмечены локальные отличия южной группы от аналогичных памятников бассейна Десны (Ковалева, 1966; Ковалева, Колосов, 1969). Вопросы хронологии и происхождения ямочно-гребенчатой керамики на Украине касались многие исследователи (Даниленко, 1969; Березанская, 1975; Синюк, 1978, 1986). Эта проблема явилась предметом специального исследования В.И. Неприной (1973, 1976, 1984). На Украине стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой известны в левобережье Днепра (выше Киева), в низовьях Десны, на Сейме, Суле, Псле, Хороле, Ворскле, Орели, Осколе и Северском Донце (Неприна, 1976). Культурные остатки обычно залегают в основании современного почвенного слоя, местами перекрыты эоловыми песками и наносами паводков. Отсутствие надежной стратиграфии затрудняет хронологическое членение памятников, к этому следует добавить отсутствие радиокарбонных дат.

В результате среди исследователей сложились две основные точки зрения в отношении времени и места сложения памятников с ямочно-гребенчатой керамикой. В.Н. Даниленко и В.И. Неприна рассматривают их как последовательное и постепенное развитие местных культур с накольчато-гребенчатой керамикой, а Д.Я. Телегин и А.Т. Синюк связывают с проникновением их носителей с севера.

В.И. Неприна считает основным компонентом при сложении памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в левобережье Днепра раннеэнеолитическую лисогубовскую культуру* (Неприна, 1976, 1986). Основываясь на поглубинной фиксации и статистической обработке находок на стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой, она выделяет среди них три хронологические группы – раннюю, среднюю и позднюю.

К числу ранних стоянок отнесены Лисогубовская (слой 3), Погореловка–Вырчище на р. Эсмань (левый приток Десны), отдельные слои поселения у хутора Гришевка на озере Трубин, Волинцево (урочище Городок), Оскол I и II, Новодоновка, Волчанские хутора на правом берегу р. Волчьей (приток Северского Донца) и другие. Стоянки различны по площади, стратиграфии и, частично, по материалу, ни один не содержит чистого комплекса. Средний этап представлен памятниками типа Погореловки–Эсмань и Скуново, поздний – типа Гришевки.

* Лисогубовская культура выделена В.И. Неприной по одноименному многослойному поселению на левом берегу р. Сейм, открытому краеведом Б.П. Филиппенко и раскопанному в 1972 г. В.И. Неприной на площади 650 кв. м. В нижних культурных слоях обнаружены остатки трех жилищ, хозяйственных и культовых построек. Прямоугольные жилища имели глинобитные полы, очаги в центре или у торцевой стены, выходы к реке. Их размеры: 7,5×3,5, 10,0×4,5, 4,0×6,0 м. Значительные участки поселения были заняты пятнами пепла – следами перегоревших раковин речных моллюсков. У краев этих пятен находились открытые очаги и места хозяйственной деятельности. Обнаружено также три ямы глубиной 0,4 м, заполненные пеплом, около центральной находились два погребения – взрослое и детское. Среди кремневого инвентаря преобладали режущие инструменты, скребки, топоры, наконечники стрел в виде высоких трапеций, найден вкладыш кукрекского типа. Есть орудия из кости и рога, в том числе для обработки земли, а также плитки-зернотерки, что приводит автора к выводу о знакомстве населения с земледелием (Неприна, 1986. С. 146). Датируется культура V – серединой IV тыс. до н.э.

При этом средний этап расчленяется на более ранний эсманский и поздний скуновский.

Одним из наиболее ярких памятников раннего периода является поселение у хутора Гришевка, где исследовано полужемляничное жилище размером 8×7,5 м с двумя очагами и собраны остатки фауны (бык, лось, благородный олень, лошадь, кабан, заяц, лиса, барсук). Мощност культурных напластований достигала здесь 1,5 м. В оценке стратиграфии памятника и соотношения вещественного материала у автора раскопок С.С. Березанской и В.И. Неприной нет единого мнения, вместе с тем они считают, что ямочно-гребенчатой керамике здесь предшествует слой с ранней днепро-донецкой (Березанская, 1975) или лисогубовско-струмельского типа (Неприна, 1986).

Ранние памятники с ямочно-гребенчатой керамикой имеют кремневую индустрию, в которой присутствуют орудия, типичные для днепро-донецкой и лисогубовской культур (геометрические микролиты, мелкие округлые скребки, резцы на углу пластины, остря с притупленным краем, топоры-резаки, клювовидные резцы, наконечники копий и дротиков с двусторонней ретушью), а также желобчатые долота и тесла, изделия из пластин и отщепов. Традиции упомянутых культур прослеживаются и в керамике. Орнамент, заполняющий всю поверхность сосудов, состоит из чередующихся рядов ямок и наклонных отпечатков гребенки, причем ямки нанесены в скорописной отступающей манере и нередко тем же штампом, что и накольчатый узор. Позднее орнамент состоит только из ямок. Помимо материалов днепро-донецкого и лисогубовского типа на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой встречается посуда типа Среднего Стога I.

Для характеристики среднего этапа рассматриваемой группы памятников левобережья Днепра имеются материалы из местонахождений Погореловка–Эсмань (урочище Паньска Земля), Погореловка–Коса, Скуново (урочище Рудого), Линское на р. Сейм и др. Наиболее выразительна Погореловка–Эсмань, открытая и шурфованная в 1948 г. М.Я. Рудинским, позднее обследованная В.И. Неприной. В центральной и западной частях урочища сохранились остатки двух культурных слоев, разделенных прослойкой. Собранные фрагменты тонкостенных сосудов с примесью песка или раковины, с заглаженной поверхностью. Орнамент состоит из круглых или овальных ямок в шахматном порядке или сгруппированных в геометрические узоры в виде треугольников. Материалы нижнего слоя относятся к среднему этапу развития ямочно-гребенчатой керамики, а верхнего – к позднему этапу (рис. 67).

Из шурфов вблизи устья р. Эсмани происходит несколько иная керамика, получившая название “типа Эсмань”. Она имеет примесь растительности и песка, расчесы на поверхности, орнамент из ямок, выполненных в скорописной манере, и наколов (Неприна, 1986. С. 158).

В целом для среднего этапа неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины характерен орнамент из ямок различной формы, заполняющих всю поверхность сосудов, гребенчатые и прочие отпечатки встречаются редко. Срез сосуда оформляется оттисками штампа, обмотанного нитью, вдоль края расположены несколько ря-

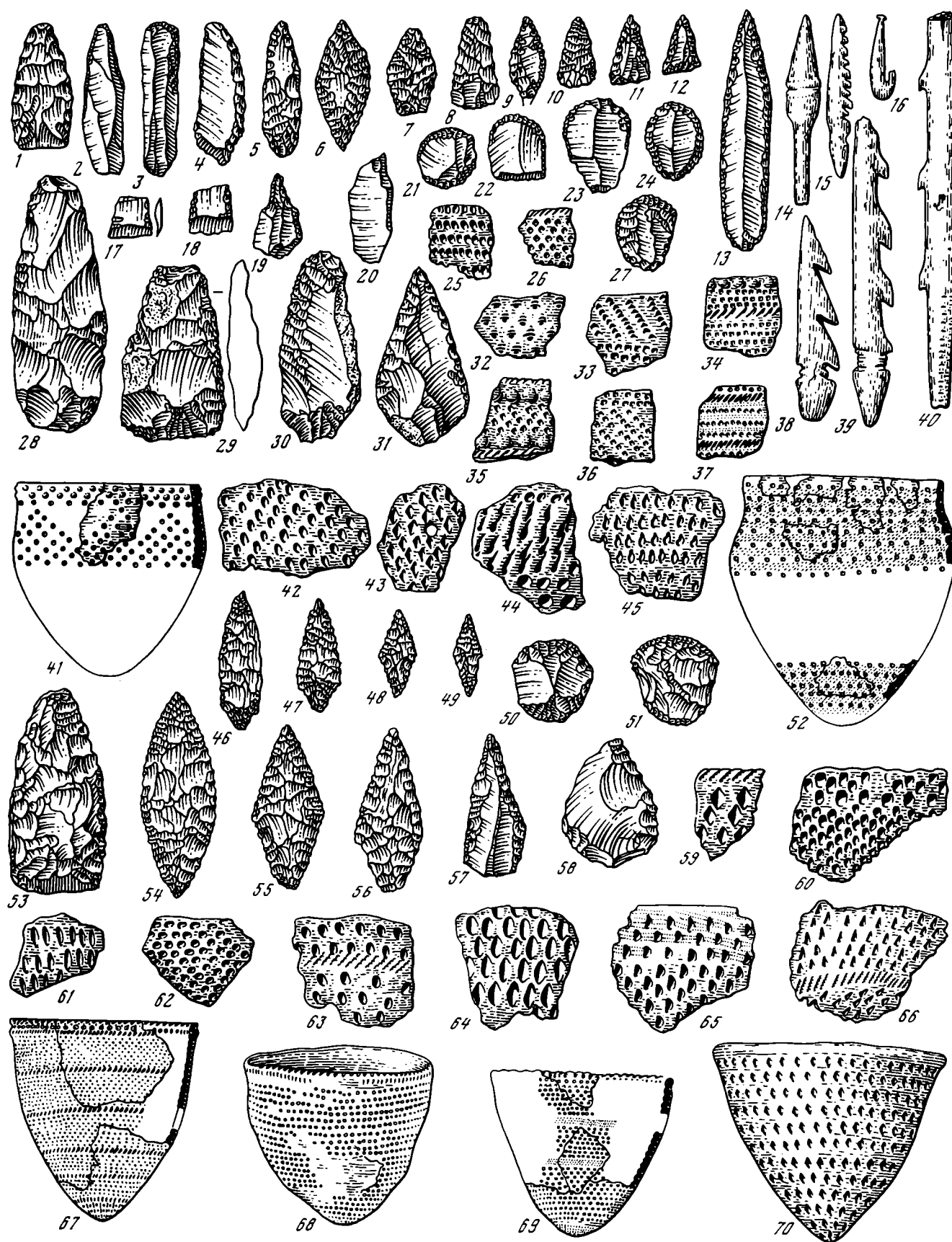

Рис. 67. Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой Украины (лесостепная культура)

1 – Марковка; 2, 4, 14, 22, 27, 40, 45 – Эсмань; 3, 13, 17, 19, 26, 31, 34–37 – Комсомольское; 5, 9, 18 – Стрелица; 6, 7, 52 – Погореловка-Вырчище; 8 – Мыс Очкинский; 10, 20 – Новомировка I; 11, 23, 29, 30, 32, 43, 59, 61, 64 – различные стоянки; 12 – Таранский; 15, 21, 38, 39, 49, 51, 56, 58, 60, 66–69 – Долгое; 16 – Погореловка-Коса; 24 – Золотухино; 25, 28, 42 – Скуновое; 33 – Поповка; 41 – Бондаренкова Ямка; 44 – Бодавка; 46 – Архангельское; 47 – Синютин; 48 – Буромка; 50 – Песочный Ров; 53 – Новая Речка; 54 – Острожка; 55 – Орлик; 57 – Савицкое; 62, 65 – Свободный Сокол; 63 – Подзорово; 70 – Пристань

дов “жемчужин”. Кремневая индустрия теряет мезолитические традиции, хотя еще встречаются высокие трапеции и наконечники стрел на пластинах.

Поздний этап представлен стоянками в низовьях Десны и Деснинско-Днепровском междуречье. К ним относится Погореловка в урочище Бондаренкова Ямка в пойме левого берега р. Десны. Культурные остатки залегают здесь в трех горизонтах. Кремневый инвентарь во всех горизонтах сходен, лишь в нижнем встречены нуклеусы правильной формы и пластинки. Различия в керамике по горизонтам не прослеживались. Орнамент состоял из округло-конических ямок в шахматном порядке по всей поверхности или образующих геометрическую фигуру, встречаются “жемчужины” вдоль венчика сосудов.

Вопрос о происхождении ямочно-гребенчатой керамики на Украине и ее отношении к культурам днепродонецкой культурной общности не решается однозначно. Д.Я. Телегин сначала считал, что носители ямочно-гребенчатой керамики пришли на левобережье Днепра из Волго-Окского бассейна, а позднее предположил их сходство с памятниками бассейна Десны и верховьев Дона (Телегин, 1960, 1973). В.И. Неприна пытается доказать, что формирование неолита с ямочно-гребенчатой керамикой происходило на основе местных культур – днепродонецкой и лисогубовской, причем ранний этап неолита с ямочно-гребенчатой керамикой следует непосредственно за ранним этапом днепродонецкой культуры, а в дальнейшем их развитие идет синхронно (Неприна, 1976, 1986). Следует заметить, что большинство специалистов не разделяет эту точку зрения. В последней работе В.И. Неприна отметила, что в развитом и позднем неолите левобережной Украины фиксируются культурные импульсы с востока, севера и юго-востока, которые предполагают вторжение отдельных групп населения. Из бассейна Верхнего Дона проникали носители культуры долговского типа, оставившие на Украине памятники типа Гришевки (Неприна, 1986. С. 213).

Бассейн Дона

Многолетние полевые изыскания на Дону проводились В.П. Левенком и А.Т. Синюком, а еще раньше М.Е. Фосс исследовала стоянку Подзорново (Фосс, 1959б). На основании анализа стратиграфии памятников и типологии материала выделена среднедонская культура раннего неолита с ее характерной накольчатой керамикой (Синюк, 1978, 1986). Ареал культуры охватывает значительную часть бассейна Дона*.

В среднем неолите на территорию, занятую ранее среднедонской культурой, с севера, очевидно, в порядке диффузии, проникают племена с ямочно-гребенчатой керамикой, которые определены В.П. Левенком (1965), а вслед за ним А.Т. Синюком (1978, 1986) как рязанско-долговская культура, лучше всего представленная по нижним слоям стоянки Долгое. В позднем неолите продолжалось проникновение северных племен, в результа-

те чего возникла рыбноозерская культура, выделенная по верхнему слою той же Долговской стоянки. А.Т. Синюк считает, что носители этих культур не оказали сильного влияния на местное население и постепенно были им ассимилированы.

Стоянка Долгое находится на Верхнем Дону (Воронежская обл.), у подножия террасы правого коренного берега и на значительной части уходит под ординар реки (Левенок, 1965). В культурном слое мощностью более 1 м выделялись три горизонта. Нижний и средний содержали остатки эпохи неолита, верхний – энеолита и бронзы. В культурных напластованиях обнаружены скопления створок раковин *Anadonta* и *Unio*, кости зубра, тура, благородного оленя, лося, медведя, кабана, бобра, соболя, куницы, тетерева, утки, чирка, сома, щуки и карповых рыб.

В нижнем горизонте найдены четыре крупные раковинные кучи, скопление кремневого сырья и заготовок, скребков, каменная наковальня в окружении массы чешуек кремня, остатки овального в плане жилища размером 11,0×5,0 м с очагами внутри, и захоронение головы медведя. Среди небольшого числа орудий овальные наконечники стрел, подтреугольные ножи, концевые и округлые скребки, пластинки, вкладыши, срединные резцы на отщепах, костяные игловидные наконечники стрел с уплощенным насадом, фрагменты гарпунов, ножи из клыков кабана, штампы для нанесения орнамента, а также обломки панцирей черепах, расколотые вдоль, и заглаженные белемниты. Сосуды нижнего горизонта небольшие, остродонные, украшенные по всей поверхности глубокими ямками неправильных очертаний, край венчика орнаментирован короткими косыми насечками. Найдены также крупные толстостенные сосуды с узором из овальных ямок в шахматном порядке.

В среднем горизонте выделяются два яруса. Встречено несколько десятков открытых очагов, один из которых был засыпан охрой. Кремневые орудия по-прежнему сделаны из крупных отщепов – это наконечники стрел и дротиков с двусторонней обработкой, иногда ромбовидные, округлые скребки с ретушью на спинке или на конце, резцы, ножи. Среди костяных орудий наконечники стрел, гарпуны, орудия из трубчатых костей со скошенным лезвием и кинжалы, поделки из расколотых клыков кабана, плоские пластинки с отверстиями, подвески из зубов мелких хищников. Много панцирей черепах, причем многие из них превращены в гребенчатые штампы. Обнаружены кусочки охры и шарики из нее.

Остродонные сосуды орнаментированы ямками разной формы, разделенными поясами косых гребенчатых отпечатков, под венчиком встречаются жемчужины. Для керамики верхнего яруса II горизонта характерно заглаживание поверхности и геометризация узоров. Долговская стоянка ценна не только обилием материала, но и чистотой комплекса, содержащего только ямочно-гребенчатую керамику.

Заслуживает внимания стоянка Подзорново в Верхнем Подонье (Фосс, 1959а; Левенок, 1969). Мощность культурного слоя достигала 5,5 м. Характерная керамика с ямочно-гребенчатым узором, типологически близкая нижнему горизонту Долговской стоянки, залежала здесь вместе с ранней днепродонецкой. В Подзорново были

* Среднедонская культура принадлежит кругу степных культур раннего неолита и подробно описана в статье Д.Я. Телегина в I части тома (примеч. редактора).

найлены остатки рыболовного сооружения – крыла закола, сделанного из тонкой лучины хвойного дерева. Как показал радиоуглеродный анализ, возраст этих остатков 4770 ± 60 (JE-725), т.е. 2820 л. до н.э. (Долуханов, Тимофеев, 1972).

Одним из важнейших памятников в Среднем Подонье является стоянка Университетская III, расположенная в пойме левого берега р. Воронеж, содержащая четко стратифицированные культурные слои (Синюк, 1971, 1978, 1986). Представляет интерес нижний слой – светлая супесь в основании дюны, а также нижний горизонт среднего слоя, содержащие неолитический материал. В верхней части нижнего слоя выявлены две ямы бытового назначения. Первая с остатками вертикальных столбов и плах, образующих прямоугольник размером $2,3 \times 1,2$ м, вторая размером $2,0 \times 1,1$ м с такой же конструкцией стен. А.Т. Синюк интерпретирует их как сооружения для хранения продуктов. Получена радиоуглеродная дата 5080 ± 125 (JE-1013), т.е. 3130 л. до н.э.

По орнаментации и технологическим признакам керамика разделена А.Т. Синюком на четыре группы: накольчато-гребенчатая (I), ямочная (II), накольчато-ямочная (III) и гребенчато-ямочная (IV). В нижнем слое представлены сосуды первой группы с растительной примесью в тесте, с коническим дном и прямыми стенками, штрихованные по внутренней и внешней поверхности, орнамент в виде треугольников выполнен наколами. Каменная индустрия сохраняет мезолитические черты.

Сосуды второй группы тонкостенные, с примесью мелкого песка диаметром около 20 см, орнамент типичный – ямки в сочетании с оттисками гребенки, “жемчужины” под краем, орнаментированный срез. Ямки имеют разную форму и нанесены в “отступающей” или скорописной манере, что указывает на сходство с первой группой. Третья группа сосудов приурочена к среднему слою. Они содержат примесь песка, поверхность штрихована, в орнаменте накольчатые и округло-ямочные элементы. При изменениях керамики типы орудий остаются стабильными. По мнению исследователя, материалы фиксируют проникновение в позднем неолите в Среднее Подонье белевско-деснинских племен (Синюк, 1978. С. 29)*.

Исследователи в основном признают необходимость отчленения памятников ямочно-гребенчатой керамики Северной Украины и бассейна Дона от неолитических

культур ямочно-гребенчатой керамики лесных районов Восточной Европы. Внутри лесостепной зоны памятники не тождественны, однако они имеют общие черты, получившие отражение главным образом в технологии и орнаментации посуды. Для ямочно-гребенчатой керамики лесостепи характерны примесь растительности или толченой раковины, расчески поверхности гребенчатым штампом, относительная тонкостенность (0,5–0,7), сильный обжиг. В орнаментации можно отметить такие общие черты, как мелкие ямки разных форм, поставленные в строчку или в шахматном порядке, часто по диагонали, нередко нанесенные под углом или в скорописной манере. Широко распространены “жемчужины” по краю и гофрированный срез, что не встречается в лесной зоне.

В кремневом инвентаре памятников с ямочно-гребенчатой керамикой лесостепи много сходных форм – ромбические, треугольные и листовидные наконечники стрел и копий. Другие изделия свидетельствуют о влиянии со стороны днепро-донецкой культурной общности (пластинчатые треугольные наконечники стрел с прямым основанием и ретушью по краю, трапеции). Возможно и механическое смешение материалов, поскольку последние характерны скорее для западных и южных областей.

Как уже сказано выше, памятники с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепи разделены исследователями на неолит Левобережной Украины и рязанско-долговскую культуру бассейна Дона. Представляется, что ни одно из названий не является удачным. По-видимому, население, оставившее памятники типа стоянки Долгое, продвинулось в Верхнее Подонье с севера и постепенно достигло среднего течения Дона. Диффузия племен с ямочно-гребенчатой керамикой могла охватить большие пространства и идти в широтном направлении, вплоть до левобережья Днепра на Украине. Это движение шло постепенно, впитывая традиции местного населения, пока не растворилось в нем, что отражают материалы памятников со смешанным культурным слоем.

Кажется целесообразным отказаться от разделения неолита с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепной зоне на разные культуры, а напротив, объединить их в единую лесостепную культуру, выделив в ней различные варианты и хронологические этапы, поскольку в ее основе заложена сумма различных этносов и культурных традиций.

* Ранний этап неолита в бассейне Дона связан с местной культурой, для которой характерна керамика с накольчатым орнаментом и микролитическим инвентарем (среднедонская), она датируется первой половиной V – серединой IV тыс. до н.э. Второй этап знаменуется проникновением северных лесных племен и сложением рязанско-долговской культуры, датированной второй половиной IV тыс. до н.э. В позднем неолите здесь существовала рыбоозерская культура, завершившаяся в третьей четверти III тыс. до н.э.

Последовательное развитие неолита на Среднем и Верхнем Дону излагается по докладу А.Т. Синюка, прочитанному на симпозиуме по раннему неолиту лесной полосы и его генезису, состоявшемуся в январе 1990 г. в Ленинграде, в ЛОИА. В этом вопросе у автора статьи и исследователя памятников взгляды во многом различны.

Глава 3

Север Восточной Европы

Территории к северу от верхнего течения Волги и ее левых притоков принято обозначать общим понятием – Север Восточной Европы или Русский Север. Они охватывают часть лесной зоны, лесотундры и тундры вплоть до побережий северных морей. В природно-климатическом отношении различаются западные регионы (Карелия, Кольский полуостров, запад Вологодской и Архангельской областей) с их более мягким климатом, испытывающим влияние Атлантики, и восточные (бассейны Сухоны, Северной Двины, Крайний Северо-Восток) с более континентальным климатом. В целом европейский Север России имеет суровые природные условия, входит в зону таежных лесов с большим числом ледниковых озер на западе и многочисленными полноводными реками на востоке.

В неолитическое время Север Восточной Европы был достаточно плотно заселен, особенно на западных территориях. Это связано с потеплением и улучшением природной обстановки в начале атлантического периода. Важное значение имело наличие разветвленной сети озер и рек, текущих главным образом в северном направлении, обилие лесной дичи, рыбы, перелетной птицы и т.п. Здесь возникали большие поселения, постоянно обеспеченные продуктами рыболовства и собирательства, охотничьей добычей. Чаще всего крупные поселения приурочены к бассейнам озер, находятся у берегов бухт или малых рек.

Начало изучению археологических древностей Севера было положено сборами орудий на разрушенных стоянках в окрестностях Петрозаводска, произведенными в 1863 г. инженером Н.Ф. Бутеневым и в 1865 г. П.И. Лерхом. Обе коллекции хранятся теперь в Гос. Эрмитаже. Вслед за этим по поручению Академии наук И.С. Поляковым были проведены разведки и первые раскопки стоянок каменного века в Олонецком крае – у восточного берега Онежского озера и на озерах восточнее его (Поляков, 1882). В эти же годы в Южном Приладожье при рытье Сясьского канала были открыты остатки стоянок неолитического времени, а также антропологические остатки. Все находки вместе с древней флорой и фауной были изучены и опубликованы группой ученых в фундаментальной работе А.А. Иностранцева (1882), остающейся до сих пор образцом научного исследования.

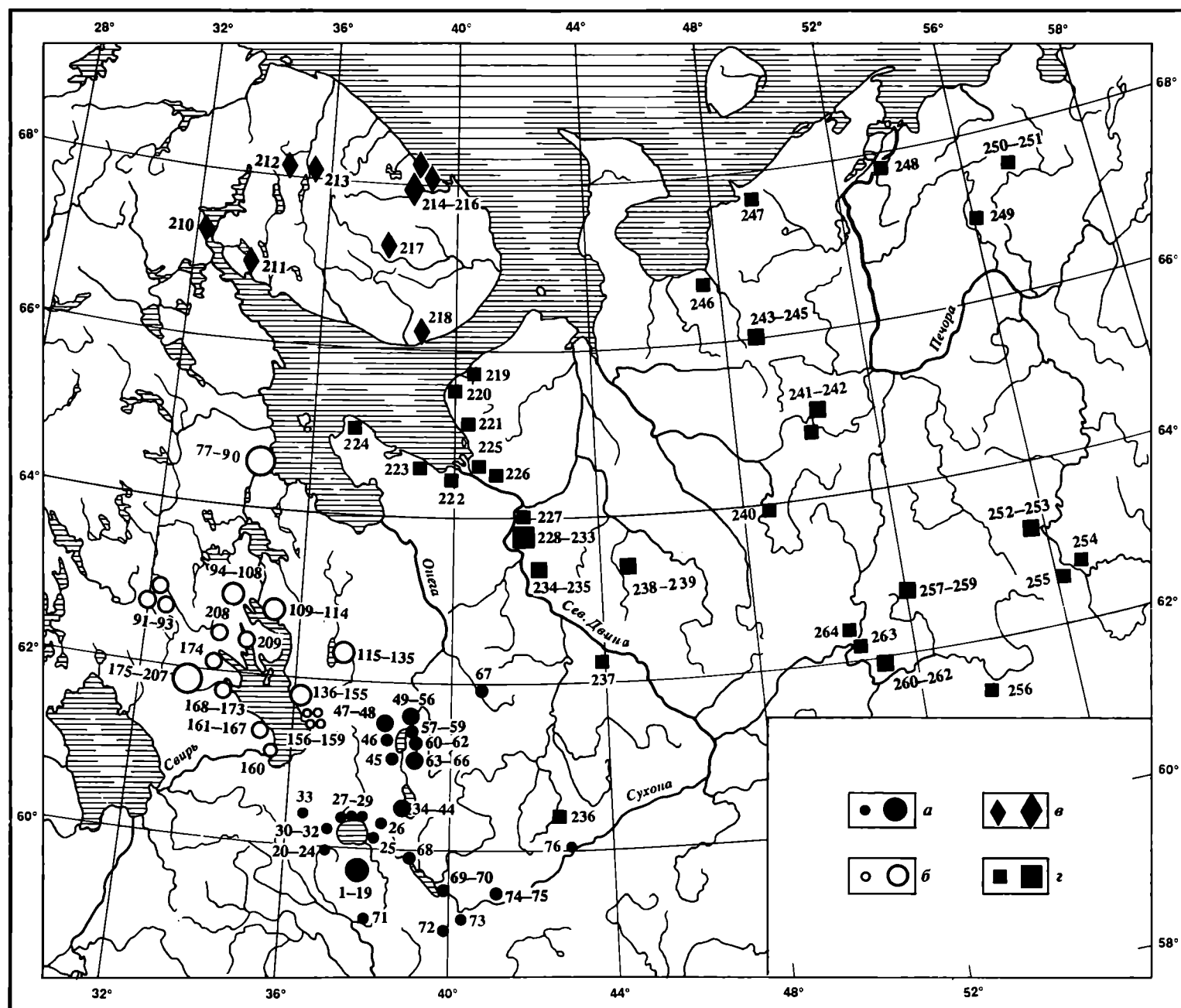
Примерно в то же время началось обследование побережий Белого моря, проводившееся Комитетом по устройству Московской антропологической выставки. По его заданию на Зимнем берегу работали Н.К. Зенгер, который впервые собрал находки у знаменитой стоянки Зимняя Золотица, и на Кольском полуострове – А.И. Кельсиев. В 90-е годы XIX в. на Летнем берегу Белого моря ряд стоянок каменного века открыл К.П. Рева, одновременно сборы и раскопки проводил шведский ученый Р. Гальштрем.

Наскальные рисунки Онежского озера были открыты в 1848 г. К.И. Гревингом и одновременно П. Шведом, упоминание о них в печати относится к 1850 г. Беломорские петроглифы были открыты в 1926 г. А.М. Линевским, впоследствии опубликовавшим ряд статей и книг, посвященных объяснению наскального искусства древних в Карелии (Линевский, 1939). Полная публикация известных к тому времени петроглифов Карелии принадлежит В.И. Равдоникасу (1936–1938). В наше время Ю.А. Савватеевым (1970 и др.) открыты новые группы рисунков, проведены исследования на современном научном уровне, итоги которых вышли из печати в книгах и статьях.

В начале нашего столетия появились первые обобщающие работы по неолиту Севера. Заслуживает упоминания книга А. Бротгера (1909) об арктическом неолите в Норвегии, где высказывалась мысль о заселении Финляндии и Карелии с востока и юго-востока, а петроглифы Онежского озера были определены как неолитические.

В 30-е годы в Карелии и на озерах Восточного Прионежья работали экспедиции ГИМа, проводившие разведки и раскопки памятников неолита в разных районах Севера. В результате в монографиях А.Я. Брюсова (1940) и М.Е. Фосс (1952) были учтены известные по раскопкам и сборам археологические памятники Севера, составлены их списки и карты, намечена хронология и периодизация неолита, выделены 4 основные культуры – карельская, каргопольская, беломорская, печерская. Как показали последующие исследования, перечисленные культуры нуждаются в уточнениях, а по существу сохраняют только название. Результаты исследований 30-х годов послужили основанием для постановки вопросов теоретического характера, таких как содержание термина “археологическая культура”, соотношение культуры и этноса, культуры и древнего племени или рода, культуры и языка (Брюсов, 1940). На примере каргопольских неолитических материалов М.Е. Фосс впервые была обоснована с привлечением данных археологии и этнографии идея о решающем значении орнаментации, в том числе на глиняной посуде, в вопросах этногенеза, об особой роли орнаментаики вообще и ее символическом значении и содержании в условиях родового общества (Фосс, 1952. С. 7). Теперь эти положения общепризнаны и применяются в археологии.

Традиционно неолит Севера рассматривается по следующим географическим регионам – Карелия, Кольский полуостров, Восточное Прионежье и Северо-Восток. В каждом из регионов выделены отдельные культуры или группы (типы) памятников, соответствующих древним этнокультурным образованиям, как считает большинство исследователей. Сложение и развитие культур, их взаимосвязи, исчезновение или смена населения происходили в регионах различным образом, что зависело

Карта 11. Неолитические культуры на Севере Европейской части России IV тыс. до н.э.). (Составлена С.В. Ошибкиной)

a – каргопольская культура (1–76); *б* – карельская (77–209); *z* – кольская (210–218); *в* – печеро-двинская (219–264).

1 – Агашино; 2 – Камышовая; 3 – Северная; 4 – Угловая; 5 – Мыс; 6, 7 – Васькин Бор I, II; 8, 9 – Яковлево I, II; 10 – Полино; 11 – Полино II; 12 – Горка; 13 – Старое Село; 14 – Перино; 15 – Пальцев Мыс; 16 – Пальцево; 17 – Попова гора; 18 – Новая; 19 – Никонская; 20–24 – Андозеро I–5; 25 – Крохино; 26 – Вьюшино; 27 – Водоба; 28 – Водоба II; 29 – Орлово; 30 – Китильская; 31 – Яглобойская; 32 – Базегская; 33 – Илекса; 34 – Вещозеро; 35 – Вещозеро I; 36, 37 – Погостище II, IV; 38 – Против Гостиного берега; 39 – Караваевская; 40 – Селище; 41 – Чаронда; 42 – Вязовый мыс; 43 – Бревенный мыс; 44 – Мыс Бык; 45 – Харлушево; 46 – Тихманга; 47 – Лекшмозеро; 48 – Лекшмозеро I; 49 – Медвежий остров; 50 – Пормский остров; 51 – Маяк; 52 – Надпорожье; 53 – Кутыриха; 54 – Большой Бакланов остров; 55 – Малый Бакланов остров; 56 – Кубенино; 57 – Устье р. Ольги; 58 – Ольженица; 59 – Ольский мыс; 60 – Кинема; 61 – Веретье; 62 – Попово; 63 – Сухое; 64 – Устье р. Ковжи; 65 – Лисья Горка; 66 – Никахино Дворище; 67 – Ильинский остров;

68 – Нефедьево; 69 – Капустино; 70 – Большой Двор; 71 – Колманская; 72 – Комела; 73 – Векса II; 74, 75 – Двиница II, VI; 76 – Пельшема; 77–81 – Бесовы Следки I, II, III, IIIa, святилище; 82–85 – Ерпин Пудас I–IV; 86–88 – Золотец I, II, XXII; 89 – Шойрукша порог; 90 – Шойрукшин остров; 91–93 – Кудомгуба VII–IX; 94–101 – Войнаволоц V, XIII–XV, XX, XXVIII, XXX, XXXIII; 102–105 – Пиндуши I, Ia, II; 106–108 – Сандермоха I, II, IV; 109–113 – Оровнаволоц IV–VI, VIa, VII; 114 – Челмужская I; 115, 116 – Водла V, VI; 117–119 – Илекса III–V; 120 – Колонжозеро I; 121 – Куганаволоц I; 122 – Малая Пога II; 123 – Нижняя Колонжа I; 124–126 – Охтома I–III; 127 – Пога I; 128, 129 – Сомбома I, II; 130, 131 – Сухая Водла I, II; 132 – Тонда I; 133–135 – Шеттима I–III; 136, 137 – Бесов Нос I, IV; 138 – Гурий остров (большой); 139–146 – Кладовец I, Ia, Ib, IIa, III, VI, VII; 147 – Семеново II; 148–155 – Черная Речка I–III, V, VI–VIII, XII; 156–159 – Муромское III, VII, X, XII; 160 – Вознесенье I; 161–167 – Шелтозеро I, IV, V, VIII–XI; 168 – Вигайнаволоц I; 169–171 – Пески I–III; 172, 173 – Соломенное I, III; 174 – Шуйская Чупа I; 175 – Кинярви I; 176–180 – Кудома VII–XI; 181–187 – Лахта I–III, VI, VII, X; 188–193 – Малая Суна I, VI, IX, XI, XIII, XIV; 194 – Салменницы; 195 – Салостров II; 196–206 – Сулгу I, III, IIIa, IIIr, V, Va, VI, VIII, XI; 207 –

от причин исторического и природного характера. Границы культур не всегда соответствуют регионам (карта 11).

Лучше других обследована Карелия. Начиная с 50-х годов здесь работали экспедиции ЛОИА под руководством Н.Н. Гуриной, которой удалось открыть и исследовать серию памятников неолита, подтвердить или уточнить положения о каменном веке Карелии, высказанные ранее А.Я. Брюсовым, а также выявить неизвестные до этого в регионе эпохи: мезолит, ранний неолит, энеолит, ранний металл (Гурина, 1951б, 1961а).

В последние десятилетия планомерные исследования проводились учеными Карелии. При этом раскопки стоянок осуществляются широкими площадями, а результаты работ обычно публикуются в монографиях или

тематических сборниках (Панкрушев, 1973, 1978; Савватеев, 1970, 1977 и др.).

В Восточном Прионежье и бассейне Сухоны длительное время работала Северная экспедиция ИА РАН под руководством С.В. Ошибкиной. Открыты и исследованы стоянки разных периодов каменного века, выявлены две культуры мезолита, получила характеристику неолитическая каргопольская культура (Ошибкина, 1978, 1983). В течение последних лет здесь активно работают археологи Вологды.

На Северо-Востоке изучением неолита успешно занимались ученые из Сыктывкара. Большое значение имело открытие стоянок группы Вис (Буров, 1973), стоянок на Северной Двине (Верещагина, 1977), на Ижме (Лузгин, 1973 и др.).

Культура сперрингс

Впервые стоянки ранненеолитической культуры сперрингс были открыты в Финляндии, где характерную для них керамику принято обозначать как керамический стиль I: 1. В Карелии керамика сперрингс сначала была отмечена А.Я. Брюсовым (1940), а затем Н.Н. Гуриной на основании типологии керамики и высотного расположения стоянок выявлены древнейшие для неолита Карелии стоянки культуры сперрингс (Гурина, 1951б). Важное значение имели работы Ю.В. Титова (1972), где систематизирована керамика сперрингс, выделены характерные композиции и элементы орнамента (позвонковый, веревочный, прочерченный), намечены два хронологических этапа существования культуры. В последние годы изучением стоянок сперрингс и уточнением их хронологии занимались многие ученые Карелии, результаты исследований представлены в статьях П.Э. Песонен (1988, 1991).

Стоянки культуры сперрингс распространены в центральной и особенно южной Финляндии, известны на Аландских островах (Мейнандер, 1982), в северном Приладожье и Карелии. Полагают, что север Карелии уже не входит в основной ареал культуры. Здесь в неолите распространяются стоянки с керамикой Сяр I и позднее с ямочно-гребенчатой. Отдельные стоянки сперрингс и фрагментированная керамика встречаются также в Южном Приладожье и Восточном Прионежье (Козырева, 1975; Ошибкина, 1995).

Утвердилось мнение, что эта культура была единой и не имеет вариантов. Памятники располагаются группами у древних берегов и заливов Онежского озера, Сямозера, Водлозера и др. Всего насчитывается 157 памятников с керамикой сперрингс на территории Карелии, из них только 27 имеют чистый слой культуры сперрингс без поздних наслоений. Единство культуры позволяет говорить об этнокультурном единстве оставившего ее

населения, связанного происхождением с местным мезолитом и сохраняющим в каменном инвентаре многие мезолитические формы (Песонен, 1988). Что касается керамики, то ее считают местным изобретением, хотя существует мнение о заимствовании идеи керамического производства извне. Направление этих влияний указывают разное. Следует отметить некоторые различия керамики сперрингс на стоянках Финляндии и Карелии, которые касаются отчасти орнаментации, но главным образом технологии. На финских стоянках керамика содержит органические примеси, на карельских – дресву или песок (Панкрушев, 1978. Ч. 2. С. 30).

Посуда культуры сперрингс имеет общую конусообразную форму, прямые стенки, острое или округлое дно, высоту 30–50 см, диаметр 30–40 см, венчики прямые и без орнамента. На позднем этапе встречаются сосуды меньшего размера и венчики с округлым краем, прикрытые или отогнутые. Тесто грубое, примесь дресвы, песка, редко органики.

Орнамент наносился по всей поверхности, элементы расположены в горизонтальном или вертикальном порядке, встречается корзинчатое плетение, встречные треугольники и прямоугольники. Элементы – позвонковый, веревочный, сплошная или уступчатая прочерченная линия. Ямки наносились на основной узор. В конце существования культуры в орнаментации появились ряды ямок, разделяющие узор на горизонтальные зоны, что рассматривают как влияние традиций культуры ямочно-гребенчатой керамики (рис. 68).

Основным сырьем для изготовления каменных орудий служили сланец, кварц, изредка роговик и кремнь. Кремнь и изделия из него встречаются ближе к кремневой зоне, у южных побережий Онежского озера и на Водлозере. Здесь орудия из кварца почти исчезают. Сланцевые изделия представлены топорами, долотами,

Чуйнаволок; 208 – Суна I; 209 – Пегрема V; 210 – Кандалакшская группа стоянок; 211 – стоянки Колвицкого оз.; 212 – Мыс Семерка; 213 – группа стоянок Ловозера; 214 – Нерпичья I; 215 – Варзина VIII; 216 – Иоконья; 217 – группа стоянок на р. Вороньей; 218 – Наволок; 219 – Зимняя Золотица; 220 – Никольская; 221 – Куя; 222 – Кудьмозеро; 223 – Ненокса; 224 – Галдарей I; 225 – Бык; 226 – Лявля; 227 – Орлецы; 228–230 – Пинежское озеро III, IV, VI; 231, 232 – Ковозеро I, II; 233–235

– Клоново I–III; 236 – Сельменга; 237 – Сотозеро I; 238, 239 – Яврөнгä I, II; 240 – Кыстырью; 241, 242 – Пижма I, II; 243 – Кыско; 244 – Ружниково; 245 – Алексаниха; 246 – р. Пеша; 247 – группа стоянок р. Индига; 248 – Печерская; 249 – Лая I (Мишваньская); 250, 251 – Сандибейю 8 (Шренк-ярей), 15; 252, 253 – Рогодинская I, II; 254 – Усть-Ляга I; 255 – Затон; 256 – Керчемья; 257–259 – Вис I–III; 260–262 – Энхты I, II, IV; 263 – Вис I–II; 264 – Половники II

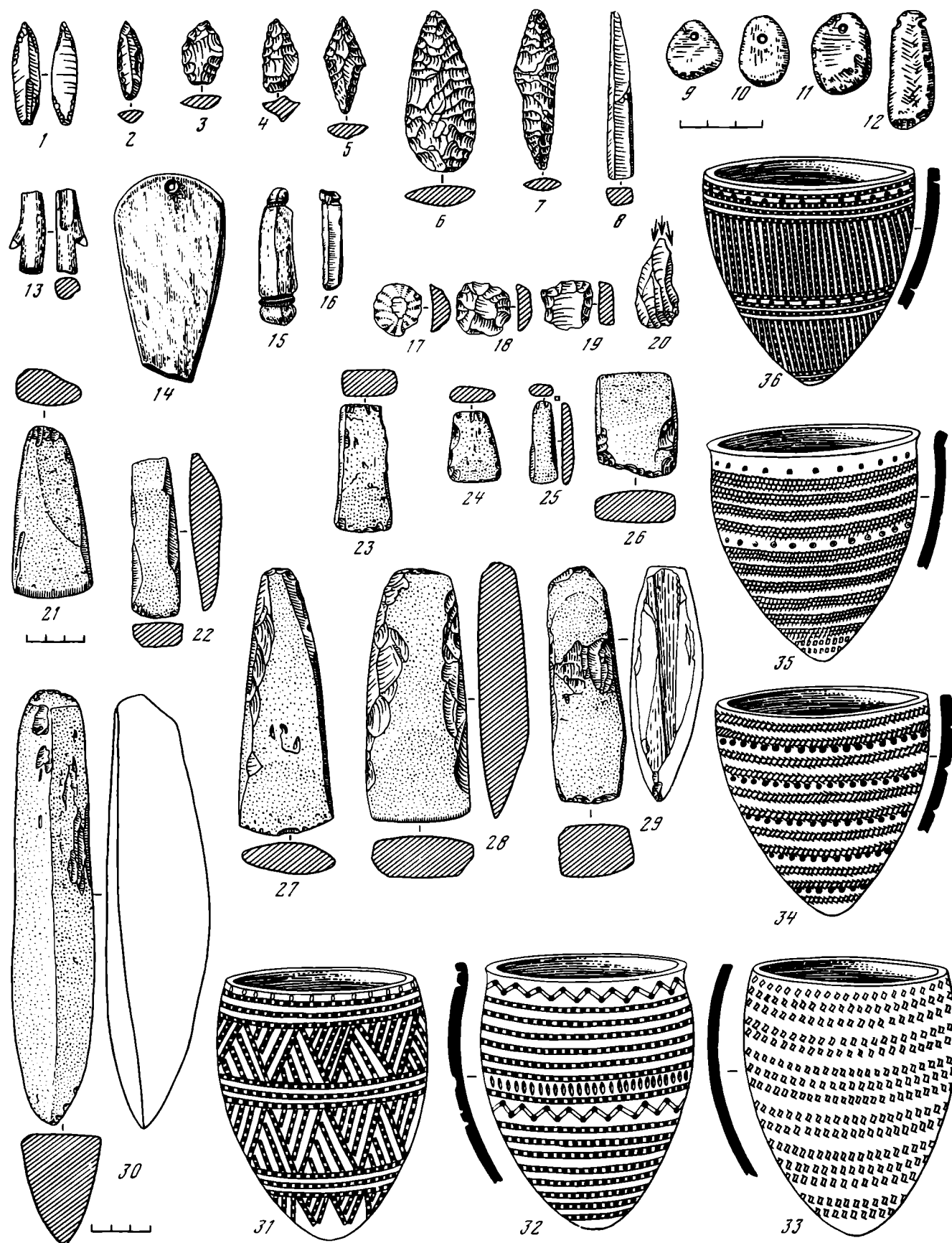

Рис. 68. Культура сперрингс

1, 14, 20 – Пески III; 2, 5, 7–12, 27–29 – Вя III; 3, 24, 25 – Сулгу III; 4, 22, 30 – Шелтозеро VIII; 6 – Пиндуши III; 13, 16, 23, 26 – Сулгу II; 15, 17–19 – разные стоянки; 21 – Корчуба I. (1–7 – наконечники стрел; 8 – шило; 9–12 –

подвески; 13 – фрагмент гарпуна; 14 – нож; 15, 16 – грузила; 17–19 – скребки; 20 – резец; 21–29 – рубящие; 30 – кирка; 31–36 – сосуды, графическая реконструкция)

теслами, стамесками, много кирок. Их сопровождают многочисленные абразивные инструменты – пилы, бруски, шлифовальные камни. Наконечники стрел очень редки, среди них представлены наконечники оленеостровского типа, иволистные и треугольно-черешковые. Найдены отдельные наконечники копий и дротиков. Много скребков на отщепах, меньше ножей, скобелей и резцов.

Установлено, что стоянки обычно занимали повышения берега, имели малую площадь и слабо насыщенный культурный слой, который всегда ярко окрашен охрой. Чаще всего слой смешан с более поздними отложениями. Планиграфия и стратиграфия изучены на поселении Кудомгуба VII, где керамика сперрингс и сярязниemi I найдены в нижнем уровне культурного слоя (Песонен, 1988. С. 47). Они сосредоточены на узкой полосе древнего берега, где располагались очаг (90 × 80 см) в яме глубиной 30 см и второй очаг, выложенный из камней, площадью 2,5 × 3,5 м. Камни сильно обожжены, вокруг было много керамики сперрингс, рядом яма с охрой (60 × 40 см) глубиной 30 см. Судя по размерам площадки из камней, здесь могло располагаться какое-то сооружение.

Жилища не найдены, но предположительно они были наземными. На стоянках встречаются очаги из камней и кострища, заполненные золистым песком и углями. На поселении Уя III обнаружены очаги и отдельно скопления галек и кусков камня, специально сложенные как запасы сырья (Песонен, 1988). Замечено, что на стоянках сооружения расположены близко друг к другу и образуют своеобразную обжитую площадку с очагами, ямами, складами сырья и, вероятно, жилищами.

Основными занятиями населения были рыболовство и охота. На стоянках находят грузила с отверстиями и выемками, что предполагает использование сетей и ловушек. Представлены части составных каменных крючков и грузики для лесок. Хотя орудия охоты известны единично, предполагают, что население применяло не сохранившееся в песчаных почвах стоянок оружие из кости и дерева. Люди охотились не только на лесных, но также на озерных животных (Песонен, 1988. С. 49): правда, доказательств этого нет. Важное значение имело и собирательство.

Хронология культуры сперрингс определяется в Карелии от второй половины V до начала III тыс. до н.э.). Ранний возраст имеют три стоянки. Пегрема IX с чистым слоем сперрингс датирована 6510 ± 90 TA-1161 (Жу-

равлев, 1983), в Шеттими I при смешанном слое есть дата 6400 ± 150 TA-1552, в Ерпин Пудас I в низовьях Выга слой с керамикой сперрингс получил дату 6510 ± 120 TA-344 (Савватеев, 1977. С. 37). В Финляндии эту культуру датируют IV тыс. до н.э. (Мейнандер, 1982; Matiskainen, 1989. Р. 389). По другим данным ее начало относят к 4200 гг. до н.э. (Siiriäinen, 1973; Карпелан, 1982. С. 41). Таким образом, население культуры сперрингс существовало примерно в то же время, когда на территорию Карелии проникало с юго-востока население с ямочно-гребенчатой керамикой.

В развитии культуры сперрингс выделены два хронологических этапа. К первому (конец V – середина IV тыс. до н.э.) относятся стоянки с чистым культурным слоем, преобладанием позвонкового орнамента (до 48%), с большим числом орудий мезолитических форм. Стоянки этого времени (Сулгу II, Пушсовхоз II, Пегрема I и др.) сосредоточены у Онежского озера, Сямозера, в Заонежье.

На втором этапе (вторая половина IV тыс. до н.э.) стоянки сперрингс распространены по всей Карелии. Они содержат керамику с преобладающим прочерченным орнаментом (до 60%), в инвентаре ведущую роль играют рубящие орудия, в основном топоры и стамески, меньше скребков, единичны орудия охоты (1%). В это время становится заметным влияние ямочно-гребенчатой керамики.

В последнее время внимание исследователей привлекает так называемая ранняя гребенчатая керамика, которая обычно встречается только вместе со сперрингс и никогда отдельно. По составу теста и форме эти сосуды похожи на сперрингс, но отличаются по орнаменту, состоящему из горизонтальных полос мелкого гребенчатого штампа, поставленного вертикально или наклонно. В Финляндии подобную керамику относят к стилю I:2 и тоже связывают со сперрингс (Edgten, 1982; Песонен, 1991). В соотношении этих двух групп керамики могут быть внесены уточнения в связи с последними раскопками на стоянках Тудозера (раскопки А.М. и М.В. Иванищевых). Здесь при четкой стратиграфии под слоем с керамикой сперрингс и стерильной прослойкой обнаружен более древний культурный слой с ранней гребенчатой керамикой, имеющий более глубокую радиоуглеродную дату (не опубликована). Возможно, будет выявлен раннеолитический пласт стоянок, предшествующих культуре сперрингс, которая по существу почти одновременно культурам ямочно-гребенчатой керамики IV тыс. до н.э.

Карельская культура

В результате многолетних работ в Карелии А.Я. Брюсов (1940) объединил все неолитические памятники в карельскую культуру. Ее содержание и общая характеристика уточнялись Н.Н. Гуриной (1961а), выделившей ранние стоянки культуры сперрингс. В дальнейшем развернулись широкие исследования памятников неолита, позволившие Г.А. Панкращеву (1964, 1978) сделать выводы о формировании культуры сперрингс на основе местного мезолита, последующем приходе населения с ямочно-гребенчатой керамикой из Волго-Окского

междуречья и возникновении ассимилятивных процессов, в результате которых сложилась карельская культура. В последнее время карельские археологи не пользуются термином “карельская культура” и обозначают памятники среднего и позднего неолита в соответствии с господствующей орнаментацией керамики – с ямочно-гребенчатой, с развитой ямочно-гребенчатой керамикой, и т.д. Отчасти это связано с появлением новых материалов, позволяющих внести коррективы в прежние представления о неолитических культурах на всей Рус-

ской равнине, соотношении этнокультурных общностей и культур, о значении и содержании последних. Однако подобное использование специфической терминологии понятно, главным образом, специалистам и, кроме того, не отражает особенностей неолита Карелии. Поэтому в настоящей работе сохранено прежнее название карельской археологической культуры, в которую включены памятники с ямочно-гребенчатой керамикой в ее местном карельском варианте и соответствующий инвентарь.

Карельская культура входит в общность неолитических культур ямочно-гребенчатой керамики, занимавших в IV тыс. до н.э. весь центр Русской равнины. По своему территориальному положению она занимает окраину на северо-западе ареала этого огромного массива древнего населения, по всей видимости родственного по происхождению. Такое расположение карельской культуры определяет и характер ее границ. На западе они четкие и примерно соответствуют современной границе с Финляндией, на севере по большой дуге доходят до устья р. Кемь и Белого моря. На юге и востоке разграничение с соседней и родственной каргопольской культурой нечеткое, памятники имеют сходство в керамике, меньше в инвентаре. Последнее связано с отсутствием выходов кремня в Карелии, где неолитическое население заменяло его местным сырьем – сланцем, кварцем, роговиком. Нечеткость южных и восточных границ получила отражение в выделении в Карелии двух культурных групп памятников ямочно-гребенчатой керамики – восточной (близкой каргопольской культуре) и западной (испытывавшей заметное влияние культуры сперрингс) (Лобанова, 1991. С. 101).

Известно 220 памятников карельской культуры, из которых раскопано 70. Только 17 из них имеют “чистый комплекс”, на остальных представлены культурные слои разного времени, нередко смешанные. Стоянки располагаются на сухих площадках надпойменных террас озер и рек, на высоте 9–12 м от уровня воды у северных побережий Онежского озера, а у южных побережий они подтоплены или размыты.

Различаются постоянные поселения площадью до 3 тыс. кв. м с мощным культурным слоем (до 70 см), с высокой насыщенностью культурными остатками, и сезонные стоянки, площадью 300–400 кв. м, с тонким слоем (до 15 см) и малым числом находок.

Наиболее яркой стороной материальной культуры является керамика. Сосуды сферической или конусообразной формы, с прямыми стенками, прямым или косым срезом венчика. Они разнообразны по размеру, от больших, высотой 50–60 см при диаметре 60–70 см, до миниатюрных, диаметром 3–5 см. Самыми распространенными являются сосуды среднего размера – высота до 30 см, диаметр до 40 см. В глиняном тесте примесь крупного песка или дресвы. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, расположен горизонтальными зонами, выполнен глубокими ямками, оттисками гребенки, веревочки, прочерченными линиями и т.п. Орнаментальные мотивы систематизированы Г.А. Панкрушевым (1978. Ч. 2. С. 3).

Каменный инвентарь карельской культуры основан на использовании местных пород камня, поэтому значи-

тельная его часть состоит из сланцевых орудий. Рубящие представлены теслами, меньше топоров, долот, стамесок. Кирки, имевшие широкое применение в культуре сперрингс, здесь исключительно редки. Почти половину изделий составляют скребки, ножи и резцы, сделанные из пластин и отщепов. Скребки обычно кремневые или кварцевые, отдельные из хрусталя, роговика, сланца. Среди ножей есть серповидные и угловые из кремня и сланца (рис. 69, 24–28). Много шлифовальных плит, брусков, есть пилы, но пиление применялось в это время очень редко (Панкрушев, 1978. Ч. 2. с. 23). До недавнего времени типичными для карельского неолита считались топоры русско-карельского типа – шлифованные изделия с высокой граненой спинкой и трапециевидным сечением (рис. 69, 31). Как показали последние исследования, широкое распространение орудий русско-карельского типа относится к позднему неолиту–энеолиту.

Орудия охоты представлены наконечниками стрел, копий и дротиков. Основные формы – листовидные, широкие лавролистные, узкие иволистные, черешковые, с усеченным основанием (рис. 70, 3, 4, 10–14, 26, 27). Наконечники стрел встречаются мало, возможно, из-за ограниченности кремневого сырья. Еще более редки наконечники дротиков и копий. Не исключено, что охотничье вооружение большей частью делали из кости и дерева, которые не сохраняются в условиях залегания культурных слоев стоянок в песчаных почвах, свойственных Карелии.

О рыболовстве можно судить по находкам характерных сланцевых стержней от составных рыболовных крючков (рис. 69, 16–21) и изделий с отверстием (рис. 69, 22, 23), которые считают грузилами для сетей и ловушек.

На поселениях встречаются редкие украшения и культовые предметы в виде подвесок, колец и кружков из сланца (рис. 69, 3–7, 10, 11, 13–15). Такие же предметы, характерные для каргопольской культуры Восточного Прионежья и других культур ямочно-гребенчатой керамики Русской равнины, известны в среднем неолите Прибалтики.

На некоторых стоянках со смешанным культурным слоем найдены скульптурные изображения из глины и кремня. В Соломенном VII найдена глиняная фигурка с изогнутым торсом (рис. 69, 1), имеющая аналогии на каргопольских стоянках, отдельные находки известны на стоянках Волго-Окского междуречья, Восточной Латвии, Финляндии. Эти фигурки обычно связывают с культурами гребенчато-ямочной керамики. Вероятно, в это же время появляется первая кремневая скульптура, расцвет которой происходит в позднем неолите–энеолите.

С населением карельской культуры, или ямочно-гребенчатой керамики связывают два центра наскальных рисунков на территории Карелии – на восточном побережье Онежского озера и в низовьях р. Выг, у побережья Белого моря. Онежские петроглифы расположены группами на протяжении 21 км побережья и на островах, наиболее удаленный от берега остров Большой Голец отстоит на 6,5 км. Всего было известно 24 группы рисунков. Недавно они пополнились новыми находками – в 1 км к северу от последней группы было открыто еще около 200 рисунков на скалах.

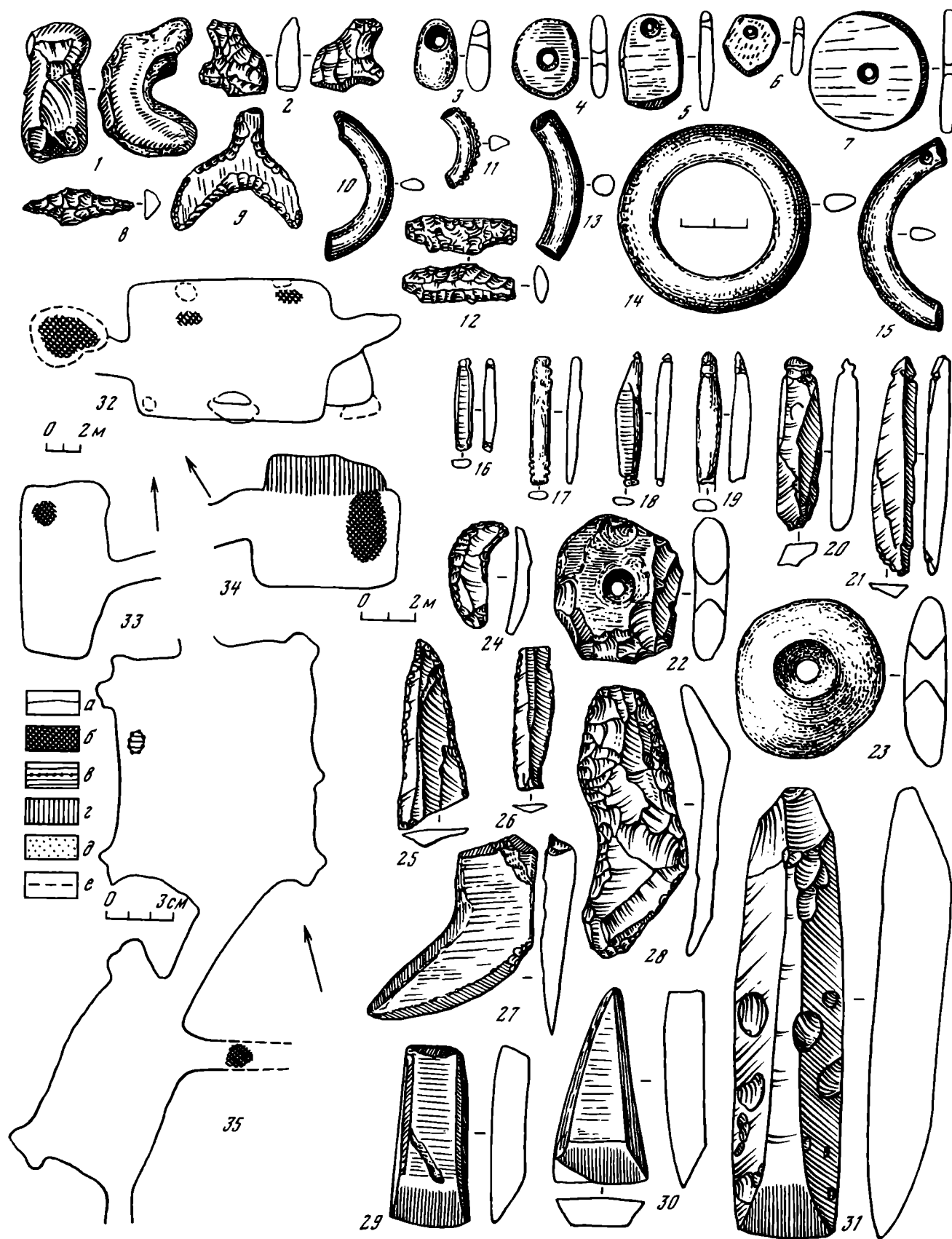

Рис. 69. Карельская культура (по Г.А. Панкрушеву). Общая характеристика

1, 2, 8, 9, 12 – мелкая пластика из глины (1) и кремня; 3–5, 10, 11, 13–15 – подвески и кольца из сланца; 16–21 – составные части рыболовных крючков; 22, 23 – грузики; 24–28 – ножи из сланца и кремня; 29–30 – тесла и топор; 32–35 – жилища (Кудомы Х – 32; Вигаинаволок I – 33, 35;

Лахта II – 34); а – граница жилища; б – очажное пятно; в – клад каменных орудий; г – уступ в жилище; д – выбросы песка из ям; е – очертания ям

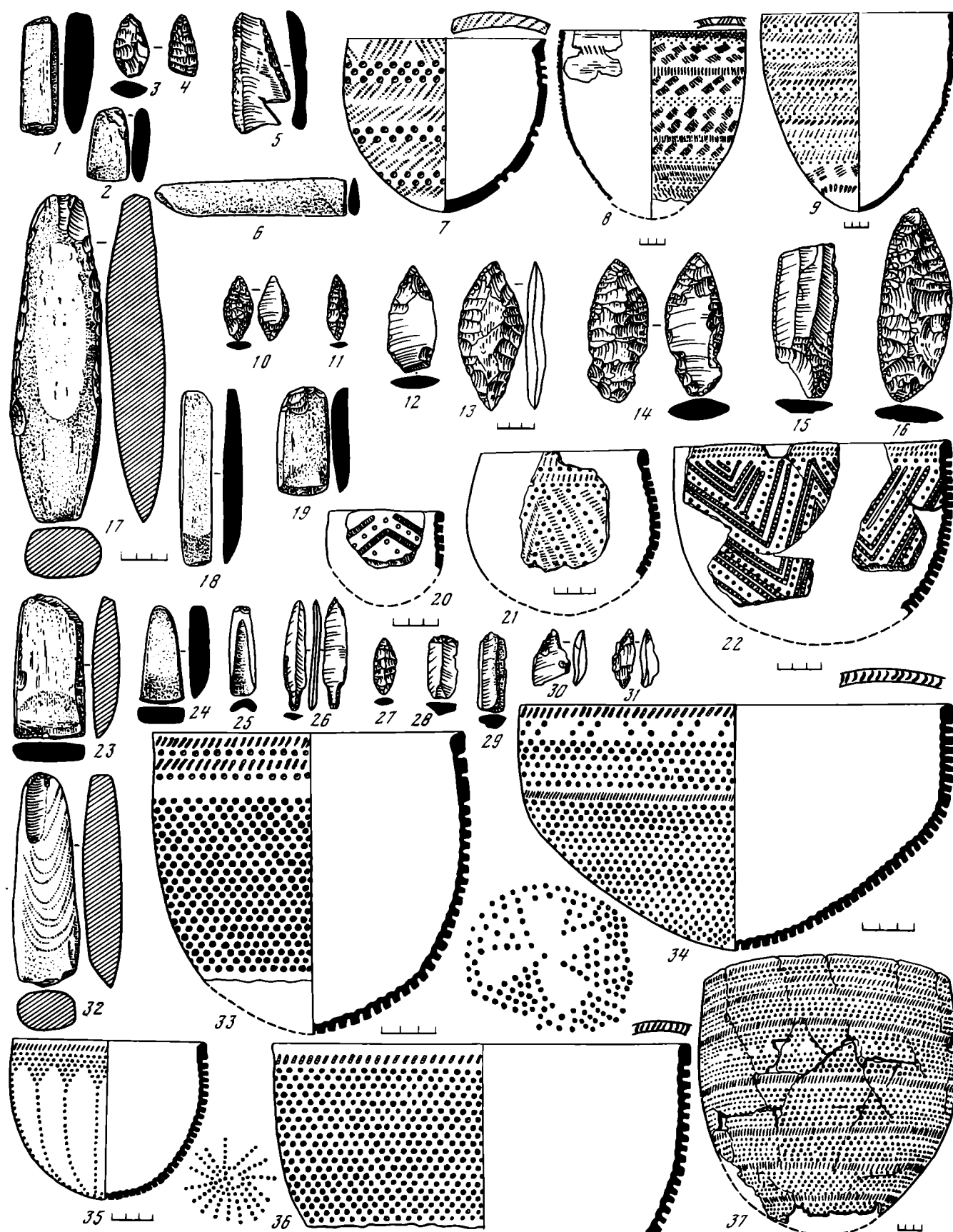

Рис. 70. Карельская культура. Материалы первого (23–37) и второго (1–22) хронологических этапов

1–9 – Лакшозеро II; 10, 17 – Кладовец IIa; 11, 15 – Пиндуши I; 12–13, 14, 16, 22 – Оровнаволок IV; 18 – Пегрема V; 19 – Бесовы Следки II; 20 – Кудома X; 21 – Ерпин Пудас I; 23–37 – Черная Речка I (1, 25 – долота; 2, 23 – тесла; 3, 4, 10–14, 26, 27 – наконечники стрел и дротиков; 5, 15, 16, 29 – ножи; 6 – пила; 7–9, 20–22, 33–37 – керамика; 17, 32 – топоры; 18, 19, 24 – стамески; 28 – скребок; 30, 31 – сверла)

Центром Онежских петроглифов считается святилище на Бесовом Носу. Это мыс, выдающийся в озеро на 750 м. На его оконечности расположены 115 изображений. Наиболее яркие из них составляют “триаду” – в центре бес (2,46 м длиной), справа от него выдра или ящерица (2,56 м), слева сом или налим (2,65 м). Среди других фигур представлены звери, птицы, рыбы, гарпуны, есть антропоморфные фигуры.

Наиболее распространенные изображения – птицы, обычно водоплавающие, которые составляют более половины рисунков. Затем следуют лоси, северные олени, медведи, нерпы, бобры, есть лодки с гребцами, солярные и лунарные знаки, антропоморфные и фантастические фигуры, отдельные и в композициях (Савватеев, 1970, 1990).

Беломорские петроглифы находятся в 7–8 км от морского побережья, на островах в русле р. Выг у впадения в Белое море. Общее число изображений более 2 тыс. Среди рисунков представлены иные сюжеты – лодки с гребцами и головой зверя на носу, изображения людей в сценах охоты и военных столкновениях, вооружение, лыжи и лыжники, звери, в том числе морские, и птицы. Здесь тоже есть изображение беса и ведущие к нему 8 следов босой ноги. Одна из наиболее известных групп рисунков находится в Залавруге, где в центральной композиции на скальной поверхности выбиты крупные лоси, лодки с гребцами и два стада северных оленей, сходящихся под углом (рис. 71). Беломорские петроглифы, вероятно, создавались несколько позднее онежских.

Большинство исследователей поддерживают предположение о том, что наскальные рисунки в Карелии создавались в течение длительного времени носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики. Сложнее установить их абсолютный возраст. Ю.А. Савватеев (1970. С. 124) датировал их, основываясь на расположении скальных полотен с рисунками относительно уровня воды и на тех случаях, когда рисунки были перекрыты культурным слоем поселений. Возраст определен второй половиной III – началом II тыс. до н.э. Углубление хронологии неолита в Карелии привело к предположению, что Онежские петроглифы могли создаваться в IV – середине III тыс. до н.э. (Лобанова, 1993).

Хронология карельской культуры до недавнего времени определялась примерно III тыс. до н.э. Г.А. Панкрушевым (1964, 1978) был разработан метод датирования памятников по высотному расположению и в связи с подъемом Балтийского щита. Важное значение в вопросах хронологии имели работы Э.И. Девятовой (1982, 1988), посвященные реконструкции природной среды в плейстоцене–голоцене. В последнее время для неолита Карелии получены даты C-14, позволяющие удревить неолитические стоянки ямочно-гребенчатой керамики. Наиболее ранними оказались поселения у восточного побережья Онежского озера. Для стоянки Черная Речка I получено несколько дат: 6200 ± 100 TA-1651 (по углю внутри сосуда), 5950 ± 100 TA-1648, 5800 ± 100 TA-1550 и т.д. (Лобанова, 1988. С. 54). На этом основании начало карельской культуры, или поселений ямочно-гребенчатой керамики в Карелии отнесено к рубежу V–IV тыс. до н.э. Финалом культуры считают середину III тыс. до н.э.

Всего в развитии карельской культуры выделено два хронологических этапа. К раннему (первая половина IV тыс. до н.э.) относятся стоянки Черная Речка I, II, Па, XII, нижний слой стоянки Семеново II, могильник Кладовец и др. Они сосредоточены к востоку от Онежского озера и во многом близки стоянкам каргопольской культуры (Лобанова, 1993; Ошибкина, 1978). В западной части Карелии такие стоянки неизвестны.

При раскопках типичного поселения Черная Речка I найдены обломки 600 сосудов и множество каменных орудий (рис. 70, 23–37), причем 1/3 изделий сделана из пластин. Керамика отличается тонкостенностью, орнаментация зональная, в узорах преобладают сочетания ямок и оттисков торца палочки. На стоянке открыты жилище, более 50 хозяйственных ям, 14 кострищ, 5 каменных очагов. Жилище имело подовальную форму в плане и площадь 16 кв. м, углублялось в древнюю поверхность на 40–60 см, стенки были крутыми. Предполагается, что строение имело вид чума, покрытого ветками и шкурами (Лобанова, 1988), хотя для этого жилище слишком углублено.

Второй этап (вторая половина IV тыс. до н.э. – начало III тыс. до н.э.) представлен поселениями и стоянками по всей территории Карелии. Среди них Оровнаволок IV, Пиндуши I, Пегрема V, Палайгуба VII, Бесовы Следки II, Пога I и др. Их сопоставляют со средним неолитом. К этому времени произошли некоторые изменения в технологии керамики и ее орнаментации, последняя становится разнообразнее, включает сложные узоры из оттисков гребенки (рис. 70, 20–22). В каменном инвентаре уменьшается количество изделий из пластин, характерна обработка местных пород камня, поэтому найдено много абразивных инструментов и обломков сланцевых орудий.

На многих поселениях этого времени обнаружены группы жилищ, в ряде случаев проведены их раскопки (Суна I, Лахта II, Кудомы X, Пога I). В Лахте II на Сямозере жилище было прямоугольной формы, представляло собой полуземлянку, вырытую у берегового откоса. Его площадь около 18 кв. м, коридорообразный выход вел в западную сторону. Внутри располагался очаг открытого типа, или кострище. У северо-восточной стенки находился уступ высотой 60 см от пола и во всю длину стены (рис. 69, 34). Предполагается, что здесь было спальное место. На поселении Кудомы X открыто прямоугольное жилище размером $9,8 \times 7,3$ м, площадью около 70 кв. м. Его глубина 40–50 см. В жилище было два выхода, один вел к очажной яме снаружи. Внутри располагались два очага-кострища, один в яме глубиной 50 см, другой прямо на полу (рис. 69, 32). Предполагается, что жилища были срубными (Панкрушев, 1978. Ч. 2. С. 46), точнее построенными из горизонтально лежащих бревен, с незначительно углубленным основанием. Всего на шести стоянках раскопано 19 жилищ (Лобанова, 1988).

Намечено пять локальных районов, где сосредоточены поселения карельской культуры – Водлозеро и восточное побережье Онежского озера (I), западное побережье Онежского озера (II), Сямозеро (III), северное побережье Онежского озера и Заонежский полуостров (IV), низовья р. Выг (V). Несмотря на общность материальной культуры, существуют различия между группами

Рис. 71. Наскальные изображения неолитического времени на территории Карелии

1–4 – Беломорье; 5, 6 – Онежское озеро (1 – Бесовы Следки; 2–4 – За-
лавруга, старая группа, детали; 5 – Пери-Нос, шестой мыс, "Охотничья
скала"; 6 – Пери-Нос, третий мыс)

стоянок в этих районах, причем по основным признакам – технология, форма и орнаментация керамики, состав инвентаря. Последнее может объясняться использованием разного сырья, но различия в керамике предполагают существование двух отличных групп населения – восточной и западной. Для них характерны также разные приемы домостроения. Повсюду строились углубленные бревенчатые жилища, а в восточной группе поселений наземные жилища округлой в плане формы, впервые появившиеся в мезолите. Эта традиция сохранялась здесь и позднее (Лобанова, 1988. С. 66). Особенности восточной группы поселений позволяют говорить об исключительной близости населения к соседней каргопольской неолитической культуре в Восточном Прионежье, возможно даже об их этнокультурном единстве.

В Карелии открыто несколько неолитических могильников, в которых обычно не сохраняются антропологические остатки и нет вещей в погребениях, поэтому установить их возраст и культурную принадлежность с уверенностью нельзя. К культуре сперрингс отнесены могильники Коч-Наволоок, Пидостров и Уя. Частично исследован раскопками только Коч-Наволоок, где выявлено 6 погребений в виде линз, окрашенных охрой. Среди находок фрагменты керамики сперрингс и ямочно-гребенчатой, обломки орудий, осколки кварца и других пород, обломки костей животных. С погребениями связаны только три кварцевых скребка (Панкрушев, 1978. Ч. 2. С. 65).

Самый большой могильник Сандермоха находится на северном берегу Онежского озера у г. Повенца. Он расположен на склоне берега, имеет площадь 60 тыс. кв. м. Здесь открыто 107 погребений, из них в четырех найдены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, в остальных случаях представлена керамика сперрингс. Почти все погребения окрашены охрой, от скелетов в редких случаях прослежен тлен. По краям могил или внутри встречаются валуны, на погребениях или рядом прослежены золистые линзы – остатки ритуальных кострищ. Около могильных ям или изредка в их заполнении собран бедный инвентарь – обломки керамики, орудий, один наконечник стрелы, рыболовный крючок, подвеска, обломок сланцевого кольца.

Только один могильник, Сямозерский I, связан непосредственно с карельской культурой ямочно-гребенчатой керамики. Здесь выявлено 5 погребений, окрашен-

ных красной охрой, из них 4 ориентированы на юго-восток. Антропологические остатки не сохранились, в погребениях и рядом с ними найдены обломки орудий и керамики. Единственное целое орудие – кирка, найдена в культурном слое (Панкрушев, 1978. Ч. 2). Хотя с культурной принадлежностью подобных памятников полной ясности нет, следует заметить, что для всех неолитических культур ямочно-гребенчатой керамики Русской равнины и Севера характерно сооружение небольших могильников на окраинах стоянок, возможно, на оставленных стоянках. При этом сопровождающий инвентарь встречается редко, а в засыпке погребений присутствуют вещи из культурного слоя.

Образование таких неолитических культур на Севере традиционно связывали с продвижением населения из Волго-Окского междуречья в связи с перенаселенностью в южных частях лесной зоны. Удревнение группы поселений ямочно-гребенчатой керамики на востоке Карелии до рубежа V–IV тыс. до н.э. привело к возникновению гипотезы о первоначальном сложении всего массива населения культур ямочно-гребенчатой керамики в Восточном Прионежье и последующем его расселении по Центру Русской равнины (Крайнов, 1987). Предположение о большой миграции населения с Севера остается недостаточно доказанным, особенно если учесть окраинное положение этого района относительно территории, занятой племенами ямочно-гребенчатой керамики в неолите.

По-видимому, начало формирования этих культур относится к рубежу V–IV тыс. до н.э., когда еще продолжало существовать раннеолитическое население. Основное ядро их населения располагалось в Волго-Окском междуречье и на Верхней Волге. Уже в начале IV тыс. до н.э. оно медленно расселялось в разных направлениях по водным путям, в том числе и на Север, где в это время сложились исключительно благоприятные природно-климатические условия. Сюда расселение шло в узкой полосе по левым притокам Волги и бассейнам озер, вплоть до побережий Белого моря. В результате в районе ледниковых озер сложились две родственные культуры – карельская и каргопольская. Эти культуры, как и весь массив племен ямочно-гребенчатой керамики, принято считать древнейшим пластом финно-угорского населения.

Поздний неолит Карелии

В позднем неолите (III тыс. до н.э.) происходило формирование новой культуры, которую вначале финские археологи отметили как типичную гребенчато-ямочную керамику или керамический стиль II:1 (по А. Эйряпя), а карельские именуют гребенчатым геометрическим стилем. Иначе ее называли прибалтийской культурой (Гурина, 1961а. С. 78). Эта культура в близких вариантах распространилась в Приладожье, Карелии, отмечена на отдельных стоянках Восточного Прионежья (Фосс, 1952. С. 117), на побережьях и внутренних районах Финляндии, на Аландских островах (Мейландер, 1982), в Эстонии и Латвии (Янитс, 1984; Лозе, 1984), в северо-восточной Литве (Girvininkas, 1985. С. 133).

В Карелии исследованы яркие памятники типичной гребенчатой керамики (ГЯК), или геометрического стиля. К ним относятся Лакшозеро II и Черная Губа III с чистым комплексом культуры, а также позднеолитические слои ряда других поселений (Витенкова, 1988. С. 68). Для поселений характерны крупные круглодонные сосуды с толстыми стенками, массивным венчиком, примесью несортированной дресвы, песка, изредка органики. Геометрический орнамент выполнен оттисками гребенки и ямками, включает неочерченные ромбы, ломаные полосы, треугольники, другие мотивы (рис. 70, 7–9). Каменный инвентарь состоит из орудий, характерных для среднего неолита – топоры и тесла из сланца,

кирки, клинья, кремневые скребки средних размеров, треугольные и прямоугольные, наконечники стрел листовидные, овальной и подромбической формы, изредка – длинные иволистные. Найдены украшения: сланцевые кольца, плоские или с овальным сечением, подвески из сланца и янтаря.

Поселения лучше изучены у северного побережья Онежского озера. Эталонными являются Черная Губа III, IV, IX. Они занимают пологие террасы высотой 8–9 м, где на современной поверхности видны жилищные впадины. Обычно их 5–10, а в Черной Губе IX – 32 впадины. Всего раскопано около 40 жилищ позднего неолита–энеолита. Представляет интерес жилище в Черной Губе III, которое было прямоугольным, размером 6,6×4,2 м, площадью около 28 кв. м. У него было два выхода. На полу перед выходами было по очагу открытого типа и рядом ямы, одна из них с охристым заполнением. На полу жилища найдено много раздавленных сосудов. Строение было выстроено из бревен и слегка углублено в песчаную почву (Витенкова, 1988. С. 72).

Хронология культуры гребенчато-ямочной керамики определяется III тыс. до н.э. Для Черной Губы III, IX, IV получены даты – 4950 ± 100 ТА = 1890, 4580 ± 80 ТА-2023, 4580 ± 60 ТА-2024 (Витенкова, 1991. С. 109). В Финляндии хронология определяется 3200–2500 гг. до н.э. (Мейнандер, 1982; Карпелан, 1982), в Латвии 2700–2000 гг. до н.э. (Лозе, 1984. С. 33).

Полагают, что сложение этой культуры происходило в Южном Приладожье, откуда это население распространилось по всему ареалу. При этом происходили некоторые изменения в материальной культуре и в хозяйственной деятельности населения. С выходом к морским побережьям к основным занятиям – рыболовству, охоте, собирательству добавился морской промысел, в основном охота на тюленя (Ванкина, 1970. С. 132). В этническом отношении носителей культуры гребенчато-ямочной керамики считают предками прибалтийских финнов (Моора, 1956. С. 60; Янитс, 1956. С. 153–161). Своим происхождением это население связано с предшествующими культурами ямочно-гребенчатой керамики Русской равнины и Севера.

В позднем неолите Карелии появляются поселения с так называемой ромбо-ямочной керамикой, которые относят уже к энеолиту (Журавлев, 1977). Поселения сосредоточены главным образом у северного и западного побережий Онежского озера. Они состоят из нескольких срубных жилищ площадью 70–100 кв.м, углубленных на 40–60 см и соединенных переходами. Так в Пегреме VII три прямоугольных строения имели переходы в торцовых

стенах. Одним из ярких поселений является Вигайнаволок I, где открыто два культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой (Панкрушев, Журавлев, 1966). В нижнем слое обнаружено 24 неолитических жилища, из них раскопано 18 (Журавлев, 1993). Строения были прямоугольной и квадратной формы, прослежены остатки бревенчатых стен, кострища и выходы (рис. 69, 35). В верхнем энеолитическом слое открыты 10 больших жилищ сложной конфигурации, соединенных переходами (рис. 69, 37), с отдельными выходами. Внутри были очаги открытого типа, в жилище V клад каменных орудий.

Обычно находки сосредоточены в жилищах. На полу у стен и очагов располагались развалы сосудов, в центре шлифовальные плиты (Витенкова, 1988. С. 75). Очаги из камней и кострища занимали середину строения или площадку перед выходом. Очаги из камней обнаружены вне жилищ (Пегрема III, Деревянное I, Лакшозеро II).

Посуда этого времени имела средние размеры, диаметр до 40 см, приземистую форму, круглое или коническое дно, массивный венчик. Орнамент состоит из горизонтальных зон ромбических ямок, разделенных полосами оттисков гребенки или отступающей палочки. Каменный инвентарь сохраняет многие неолитические формы, преобладают сланцевые рубящие орудия. Впервые появляются изделия из меди (Журавлев, 1991).

Хронология поселений с ромбо-ямочной керамикой определяется различным образом. Группа поселений Пегрема в Уницкой Губе Онежского озера датирована второй половиной III тыс. до н.э. Есть даты по C-14, более глубокие, до начала III тыс. до н.э. (Журавлев, 1991, С. 127). Таким образом, рассматриваемые поселения и оставившее их население выделились как самостоятельное явление в позднем неолите, достигли расцвета в материальной культуре и домостроительстве в энеолите, сохраняя при этом традиционные черты предшествующих неолитических культур.

К позднему неолиту–энеолиту относится группа стоянок в устье р. Выг. Особого внимания заслуживает Залавруга II, где в смешанных культурных отложениях сохранилась керамика с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной орнаментацией. Здесь открыто двухкамерное погребальное сооружение с боковыми пристройками, выложенное из камней. Размеры сооружения 5,7 × 2,5–1,8 м. В его основании были пятна охры, янтарные подвески и пуговицы (68 экз.), наконечники стрел, в том числе длинные иволистные. Памятник датирован второй половиной III тыс. до н.э. и связан с носителями пористой керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией (Савватеев, 1977. С. 194).

Каргопольская культура и памятники типа Модлона

К востоку от Онежского озера расположена обширная низина и ряд озер ледникового происхождения – Воже, Лача, Белое, Кубенское и др. Здесь, в центре европейского Севера, природные условия в эпоху неолита оказались благоприятными для существования населения, занятого охотой, рыболовством и собирательством. Поэтому в регионе обосновалась большая группа насе-

ления, существовавшего здесь долго и оставившего следы в позднейших этнокультурных образованиях в Восточном Прионежье.

Первые неолитические стоянки в Олонецкой губернии, как тогда назывался регион, были открыты И.С. Поляковым, который по поручению Русского Географического Общества обследовал в 1871 и 1873 гг. берега

нескольких озер, а в 1880 г. посетил местонахождения у Сясьского канала вдоль южного берега Ладожского озера (Поляков, 1881. 1882).

Важное значение имели разведки К.В. Маркова в 1919 г., когда в бассейне озера Воже было открыто множество стоянок и составлена карта находок (архив ГИМ). С конца 20-х годов в районе Воже-Лача работали экспедиции ГИМ, которые исследовали такие известные памятники как Кубенино (раскопки М.Е. Фосс), Модлона, Караваевская и др. (раскопки А.Я. Брюсова). В 50-е годы здесь активно работали краеведы А.А. Алексеева и В.В. Гарновский, а в 60–70-е – экспедиции ЛОИА (Р.В. Козырева), ГИМ (И.К. Цветкова), а также Северная экспедиция РАН (С.В. Ошибкина). Последние исследования были направлены на изучение мезолита и неолита в регионе.

Каргопольская культура была выделена М.Е. Фосс (1947), причем в нее включены все известные тогда памятники, вплоть до эпохи раннего металла, что соответствовало распространенной идее автохтонности и получило отражение в периодизации из четырех стадий, затем из трех этапов (Фосс, 1952. С. 118). В настоящее время памятники неолита в Восточном Прионежье объединены в одну культуру, сохранившую название каргопольской. Памятники позднего неолита–энеолита выделены в особую группу, названную памятниками типа Модлона (Ошибкина, 1978).

Ареал каргопольской культуры имеет сравнительно четкие границы на севере до истока р. Онеги, на востоке и юго-востоке до верхнего течения р. Сухоны (карта 11). На западе разграничение с соседней и родственной карельской культурой довольно неопределенно. Общее число памятников около 90, среди них поселения, стоянки и могильники.

Поселения каргопольской культуры расположены на повышенных участках берегов рек и озер, в устьях рек, около озерных лагун. Сейчас многие из них подтоплены. Очевидно, во время их существования климатические условия были другими, а уровень воды ниже. Поселения постоянного типа удалены от озерных открытых берегов, их площадь достигает иногда 3000 кв. м., мощность культурного слоя до 50–60 см. Временные стоянки имеют малую площадь, слабо насыщенные остатками и тонкий культурный слой, они расположены нередко на дюнных всхолмлениях у больших озер. Возможно, это промысловые стойбища.

Организация поселения лучше прослежена в Кубенино (Фосс, 1940). Раскопом вскрыто 500 кв. м. и обнаружено жилище, круглое в плане, диаметром 3,6 м. В центре его был очаг из четырех больших камней, в нем сохранились угли, пережженные кости и фрагменты керамики. В юго-восточной части жилища находился развал камней, возможно, еще один такой же очаг. У стены, обращенной к р. Онеге, лежал большой валун, укреплявший стену дома. Между жилищем и берегом располагался открытый очаг из камней диаметром 30 см, заполненный углями, золой, костями и разбитой посудой. На восточной окраине стоянки было открытое кострище.

На западной окраине ареала каргопольской культуры исследована стоянка Андозеро 2, находящаяся на северном берегу одноименного озера. Здесь обнаружено жи-

лище подпрямоугольной формы, размером 10,2 × 7,8 м. Оно было наземным, стену, выходящую к озеру, укрепляли крупные валуны, прослежен выход (рис. 72,9). Реконструкция подобного жилища предложена финским ученым С. Пялси (Pälsi, 1918), который считал его прототипом лопарского куду. Строение состояло из вертикальных жердей-опор, на них опирались наклонные жерди, покрытие должно было быть мягким, его прижимали валунами с подветренной стороны. В жилище Андозера 2 находились два очага. Один диаметром 70 см углублялся в основание на 5 см. В его золистом заполнении были обломки керамики, рядом развалы трех больших сосудов. Второй очаг в глубине жилища состоял из крупных камней, выложенных кольцом, рядом была хозяйственная яма (Ошибкина, 1978. С. 44). Около выхода из жилища снаружи находился еще один очаг из камней диаметром 1,5 м. Такой же очаг из валунов, выложенных кольцом, открыт в Андозере 5 (верхний слой). Подобное устройство очагов характерно для среднего периода культуры, на ранних поселениях они не известны.

В углу жилища Андозера 2 обнаружено погребение, прикрытое валунами и россыпью мелких камней (Ошибкина, 1978. Рис. 6). Кости скелета были разрушены. В погребении найдены 7 плоских подвесок и кольцо из сланца, круглая сланцевая палочка для орнаментации керамики, топорик, длинная стамеска и фигурный кремль, похожий на голову рептилии. Вероятно, погребение совершено после того, как жилище было оставлено.

Керамика каргопольской культуры сделана из грубого теста с примесью дресвы и песка, иногда содержит примесь слюды или мелкого кварца, что придает поверхности нарядный блеск. Сосуды круглодонные, с прямыми стенками, венчик срезан прямо и оформлен гребенчатым штампом. В позднем периоде появились очень большие сосуды с массивным граненым венчиком, также оформленным гребенкой. Посуда разных размеров, от сосудов высотой 50–55 см и диаметром 40–45 см, до миниатюрных, диаметром 3–5 см. Крупные могли служить для хранения запасов, поскольку слишком велики для варки и не имеют внутри нагара. Преобладает посуда средних размеров, круглодонная, полусферической или слегка прикрытой формы. Найдены изделия из обычного керамического теста, имеющие вид плоского кружка или низкого конуса, иногда с одним рядом декоративных ямок по краю. Возможно, они служили крышками средних сосудов.

В основе орнаментации керамики горизонтальная зональность и небольшое число штампов – круглая ямка, оттиски гребенки, римская единица и т.п. Обычно вся поверхность сосуда покрыта узором из глубоких круглых ямок в шахматном порядке, разделенных рядами ко-сой гребенки или прочерченными линиями, свободными зонами, где размещены розетки или фестоны из ямок (рис. 72). Эти узоры составляют около 90% всей орнаментации.

Каменные орудия (рис. 73) представлены большими сериями. Они сделаны из сланца, пестрого валунного кремня, кварцита, изредка из кварца высокого качества. Техника обработки достигала высокого уровня, было освоено пиление, сверление, раскалывание и оббивка, ретуширование, шлифовка и полировка готовых изделий.

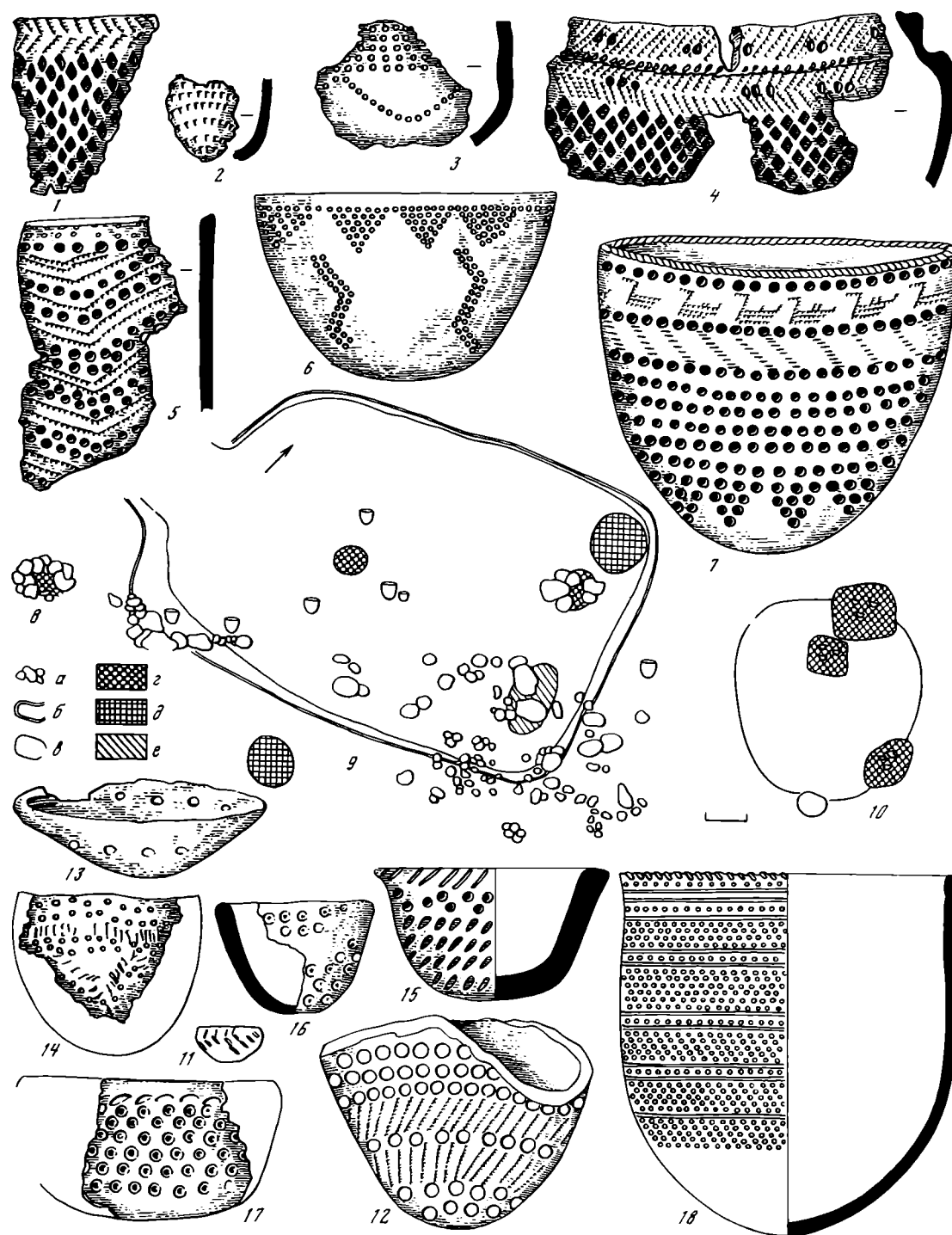

Рис. 72. Каргопольская культура. Керамика раннего (15–18), среднего (5–7, 11, 14) и позднего (1–4) этапов

1–5, 14, 18 – Сухое; 6, 12 – Яглобойская; 7, 11, 15, 16 – Кубенино; 17 – Против Гостиного берега; 8 – очаг около жилища, стоянка Андозеро 2; 9 – жилище, Андозеро 2; 10 – жилище, Кубенино; а – камни; б, в – гра-

ница жилища; д – хозяйственная яма; г – заполнение очага; е – погребение

Среди орудий для обработки камня кварцевые пилы, ретушеры, шлифовальные плитки, наковальни. Среди рубящих орудий топоры, кирки, тесла, долота, стамески. Все они сделаны из сланца, в исключительных случаях из твердых пород. Представлены топоры, прямоугольные в плане и сечении, с узким обухом и овальным сечением, валикообразные, двулезвийные, с намеченными плечиками. Кирки чаще сделаны из кристаллической породы, отличаются вытянутой формой (до 20 см в длину), высокой спинкой и треугольным сечением. Поверх-

ность кирок обработана пикетажем или сколами, поздние формы имеют грани. Тесла имели особо широкое применение, встречаются экземпляры с прекрасной отделкой и заточкой, но преобладают средние, из плиток сланца с небольшой подработкой. Долота прямоугольные, с вытянутым обухом. Есть мелкие долота когтевидной формы, или круммайсели, с поперечным желобком под лезвием. Основной территорией распространения последних считают ареал типичной гребенчато-ямочной керамики (Янитс, 1956. С. 154). На стоянках каргополь-

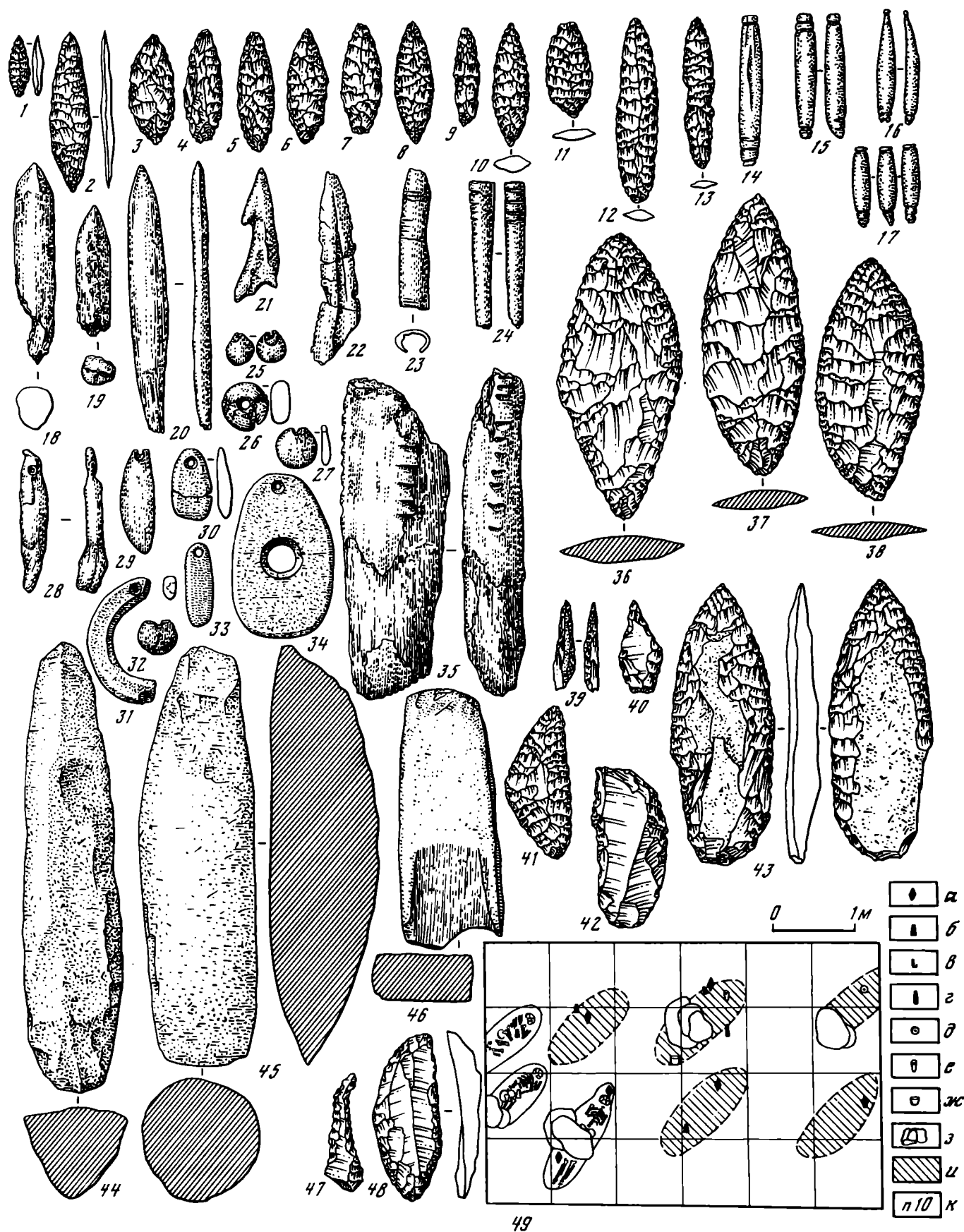

Рис. 73. Каргопольская культура. Орудия из камня и кости, украшения из кости и сланца (1–48). Могильник Мыс Бревенный (49): а – наконечник стрелы, кремнь; б – тесло, сланец; в – рыболовный крючок, кость; г – острие, кость; д – янтарная бусина; е – подвеска сланцевая; ж – сосуд; з – камни; и – могильное пятно; к – номер погребения

1–11, 14, 15, 17, 38–40, 42–46, 48 – Сухое; 12, 13, 16, 18–21, 23, 24, 28, 35–37, 47 – Тихманга; 30, 32 – Против Гостиного берега; 22, 26, 29 –

Мыс Бревенный; 25, 27 – Кубенно; 31 – Селище; 33 – Погостище; 34 – Караваевская; 41 – Верхнее Веретье

ской культуры они появились примерно в одно время с редкими янтарными украшениями в III тыс. до н.э.

Орудия охоты представлены наконечниками стрел, дротиков и копий из кремня с двусторонней обработкой всей поверхности. Наконечники стрел трех типов – листовидные, ромбические, с намеченным черешком. Дротики отличаются небрежной отделкой, имеют листовидную форму, в конце неолита появляются экземпляры с черешком. Наконечники копий сделаны, как правило, из кремня самого высокого качества, тщательно обработаны, имеют листовидную форму. Некоторые могли быть ножами на рукояти.

Из орудий рыболовства найдены составные крючки из сланца, от которых чаще сохраняются стержни. Недавно на поселении Сухое кроме стержней найдено острие рыболовного крючка из сланца, что позволяет реконструировать орудие. Выяснилось, что крючки делали из кости и кварца, причем для укрепления острия иногда протачивалась вертикальная канавка, как у экземпляра из белого кварца из Сухого. Жители стоянок должны были пользоваться заколами, сетями, ловушками, не сохранившимися на поселениях, но широко известными в лесном неолите.

Среди орудий хозяйственного назначения больше всего скребков, есть ножи, скобели, ложжари, долотовидные, комбинированные изделия, проколки и т.п. Все изделия на кремневых отщепах. Часть из них встречается преимущественно на каргопольских поселениях, большинство имело широкое распространение в неолите лесной зоны, особенно в культурах с ямочно-гребенчатой керамикой. Представляют интерес серповидные ножи из тонких изогнутых отщепов с двусторонней ретушью, отличающиеся здесь совершенством формы и отделки.

Костяные изделия единичны. Бедность костяного инвентаря особенно заметна в сравнении с мезолитическими стоянками, существовавшими ранее на этой территории. Так, на поселении Сухое в бассейне озера Лача в неолитическом культурном слое встречены костяные орудия невыразительной формы и плохой сохранности, а в подстилающем слое мезолитического поселения представлены вещи лучшего качества и сохранности. То же можно сказать о находках в Верхнем и Нижнем Веретье. Очевидно, в каргопольских поселениях кость и рог не имели широкого применения, их обработка была несовершенной, поэтому изделия имеют рыхлую фактуру и плохо сохраняются. Из кости в неолите делали примитивные по форме тупые наконечники, мелкие гарпуны, в том числе двухрядные, проколки и острия, рыболовные крючки и стержни к ним, редкие кинжалы и наконечники копий.

Украшения из кости, сланца и янтаря встречены на многих стоянках. Подвески круглой формы, плоские, с односторонним отверстием. Из янтарных поделок подвески, пуговицы (Против Гостиного Берега), шайбы (Мыс Бревенный). Представляют интерес сланцевые кольца найденные на стоянках и в погребениях, в Андозере 2 (Ошибкина, 1978. Табл. 13,4), и Караваевском могильнике, где кольцо найдено на груди погребенного (Брюсов, 1961. С. 152). Об особом значении этих украшений говорят находки сломанных пополам колец, вновь просверленных для дальнейшего использования. К

этой же категории украшений относятся сланцевые диски с отверстием в центре и кольцо с двумя отверстиями из Караваевской стоянки (Ошибкина, 1978. Табл. 39, 12). Аналогичные изделия известны в неолите Восточной Прибалтики и Финляндии, а также Карелии, и связаны обычно с культурой гребенчато-ямочной керамики (Kopisto, 1959). Кольца и здесь встречаются в могильниках. Например, в могильнике Кыльяла на острове Сааремаа на груди погребенного лежало 7 сланцевых колец (Янитс, 1973. С. 208).

На территории каргопольской культуры известно несколько небольших могильников, в некоторых сохранились антропологические остатки, имеющие важное значение для изучения древнего населения лесной зоны. Первые погребения открыты в 1928 г. на поселении Кубенино. В то время еще обсуждался вопрос о возможности антропофагии у неолитического населения. Описав условия захоронения, М.Е. Фосс (1938, 1940) остановилась на проблеме возникновения погребального обряда в древности. В 1937 г. открыт Караваевский могильник, где в течение ряда лет вскрыто 37 погребений (Брюсов, 1961. С. 154). Одно захоронение найдено в Верхнем Веретье (Фосс, 1952. С. 223). В последние годы еще на нескольких стоянках обнаружены отдельные погребения: 8 в могильнике Бревенный (Ошибкина, 1978. С. 58); 4 – в Нефедьево в бассейне Кубенского озера (раскопки Н.А. Макарова); 3 – в Сухом (раскопки С.В. Ошибкиной), а на поселении Вёкса II в верховьях Сухоны выявлены коллективные захоронения (раскопки Н.Г. Недомолкиной).

Погребения и могильники расположены обычно на окраинах стоянок, связаны с культурным слоем. Их глубина и ориентация различны, встречается засыпка красной охрой (Кубенино, Караваевский), но она не обязательна. Характерной особенностью погребального обряда является обычай прикрывать умершего камнями. Ряд погребений Караваевского могильника содержит крупные валуны, в одном случае они были уложены еще до засыпки землей (Брюсов, 1961. С. 150). Камни помещались на голову, поясницу или ноги. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине, животе (Кубенино, Караваевский), иногда на боку (Мыс Бревенный). Обычно никаких сооружений над могилой не было. Исключение составляет погребение женщины из Караваевского могильника, где над могилой был сделан небольшой очаг из камней, около него оказались угли и разрозненные кости медведя, лося и бобра.

Вещи в погребениях встречаются редко. Если установлено, что они связаны с погребением, это оказываются подвески из сланца или янтаря, а также из зубов животных. Наиболее богатыми оказались два погребения из Кубенино, где третье захоронение совсем не имело вещей. В погребении 2 найдены три костяных шила, две костяные подвески. Погребенный здесь мужчина лежал лицом вниз, у его левого бедра помещалась роговая антропоморфная фигурка, одна нога которой завершалась копытом. Фигурка повторяла позу человека. В принадлежавшем высокорослому мужчине погребении 3 оказались наконечник копья с двусторонней обработкой, три игловидных наконечника из кости, остатки пояса с нашитыми пластинами из резцов бобра, челю-

стей куницы и выдры. У шеи погребенного было ожерелье из пяти привесок: птичья кость, грифельная кость лося, шило, изделие похожее на копыто и голова лебедя (Фосс, 1938. Табл. 1) или змеи. Погребенный лежал тоже на животе, а справа от тазовых костей находилась антропоморфная фигурка без конечностей. Вероятно, умерший занимал высокое положение в своей социальной группе, если судить по составу сопровождающего инвентаря (Фосс, 1940. С. 40). Могильник относится к раннему периоду каргопольской культуры.

Могильник Бревенный находится у западного берега озера Воже и связан с поселением Мыс Бревенный, где прослежены два разновременных неолитических слоя. Могильник возник во время существования позднего поселения, но могильные ямы глубиной до 40 см от древней поверхности, поэтому они проходят через нижний культурный слой и углублены в материк. Из восьми погребений в трех сохранились антропологические остатки. Все захоронения ориентированы на север, в четырех случаях прикрыты валунами. В могильной яме 2 умерший лежал на животе и лицом вниз, на его тазовых костях был большой валун. Над головой найден кремневый наконечник дротика, у левой голени наконечник стрелы. Наиболее интересным оказалось погребение 4, прикрытое валуном и мелкими камнями. Скелет здесь не сохранился. В области груди найдена продолговатая костяная подвеска, у пояса костяной рыболовный крючок и костяное острие с нарезками, у ног наконечник стрелы листовидной формы и маленький глиняный сосуд с характерным ямочно-гребенчатым узором.

В культурном слое стоянок, в жилищах и погребениях найдены предметы, связанные с духовным миром неолитического населения – скульптурные изображения из кости, глины и кремня, рисунки на керамике. Среди скульптурных изображений представлены антропоморфные, зооморфные и так называемые “идолы”, или эмбрионовидные своеобразные фигуры, сочетающие антропоморфные и зооморфные черты. Остальные изображения посвящены сюжетам, распространенным во всех культурах ямочно-гребенчатой и затем – гребенчато-ямочной керамики.

Изображение человека с ногой, завершенной копытом, и другой, укороченной представляет, по-видимому, тотемную фигуру, связанную с культом лесного копытного животного, может быть, лося. Эта находка из Кубенино подтверждена и другими изображениями – роговая нога с копытом (Кубенино) и одно копыто (Верхнее Веретье). Укороченная нога повторяется в костяном изображении фигуры человека без всяких зооморфных черт, но с подчеркнутыми нарезками ребрами (Верхнее Веретье). Подобное изображение из кремня найдено в Сухом. Всюду представлен, вероятно, мифологический сюжет.

Кремневые фигурки найдены на стоянках или при случайных сборах. Несмотря на непластичность материала, они вполне динамичны, что отличает именно каргопольскую скульптуру. Изображения человека обычно даны в фас, только случайная находка с Ольского Мыса на озере Лаца представляет профильное изображение (Шевелев, 1986). Выдвинутыми вперед ногами и козырьком надо лбом оно напоминает глиняных “идолов”.

Фигурки из глины, именуемые “идолами”, найдены в Кубенино, Устье Кинемы, Илексе, Сухом (рис. 74). Их характеризует согнутая поза, неразделенные и выдвинутые вперед ноги, отсутствие рук, проработка только верхней части лица, у некоторых защипами показан гребень на спине. Такие фигурки встречены в Карелии, Финляндии, Восточной Прибалтике. Их изучением и картографированием занимались финские исследователи, показавшие связь “идолов” с населением типичной культуры гребенчато-ямочной керамики (Miettinen, 1964; Edgren, 1967). Вероятно, традиция этих изображений уходит в более глубокую древность, к населению ямочно-гребенчатой керамики Русской равнины, поскольку на этих поселениях найдены отдельные подобные фигурки. Предполагается, что “идолы” являлись покровителями домашнего очага, поскольку они неоднократно встречены в жилищах.

Среди мелких кремневых фигурок представлены изображения птиц, зверей, рыб, есть рептилии, изредка хищники. Кремневую скульптуру часто связывают с волосовской культурой эпохи энеолита в лесной полосе. В Восточном Прионежье памятников этой культуры нет, а фигурки из кремня достаточно распространены в позднем неолите.

Рисунки на керамике известны только в Кубенино. Здесь найдены обломки сосуда, графическая реконструкция которого опубликована В.И. Смирновым (1941б). Сосуд обычного типа украшен фризом из плывущих влево птиц, нанесенных гребенчатыми штампами разного размера (рис. 72). Вероятно, были распространены рисунки в цвете, выполненные кусочками охры и других красителей. Специальные “мелки” красной и желтой охры найдены в Андозере 2, а в Сухом обнаружен заточенный черный “мелок”. Кроме рисунков на дереве или кости, ими могли выполнять татуировку, ведущую начало из глубокой древности и имевшую магическое значение, как это показывают этнографические наблюдения.

Хронология каргопольской культуры недостаточно разработана. Для поселения Сухое (II горизонт) получена дата 4940 ± 110 ГИН-4873, что соответствует началу III тыс. до н.э. и относится к среднему периоду каргопольской культуры. Опираясь на аналогии в культурах лесной полосы и Севера, имеющих доказанную хронологию, можно считать, что сложение каргопольской культуры происходило в начале IV тыс. до н.э. К этому же времени относятся поселения карельской культуры (восточный вариант), во многих отношениях близкие ранним каргопольским стоянкам.

В развитии каргопольской культуры намечаются три хронологических периода. Ранний (первая половина IV тыс. до н.э.) еще мало изучен. К нему относятся нижние слои поселений, затопленные или уходящие под торфяные отложения (Васькин Бор I, II, Против Гостиного Берега, нижний слой Караваевской, могильник Кубенино).

Средний период (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) время существования большинства поселений, высокого уровня в обработке камня и производстве керамики, расцвета искусства. К этому периоду относятся Андозеро 2, Андозеро 5 (верхний слой), Кубенино, Сухое, Тихманга и др.

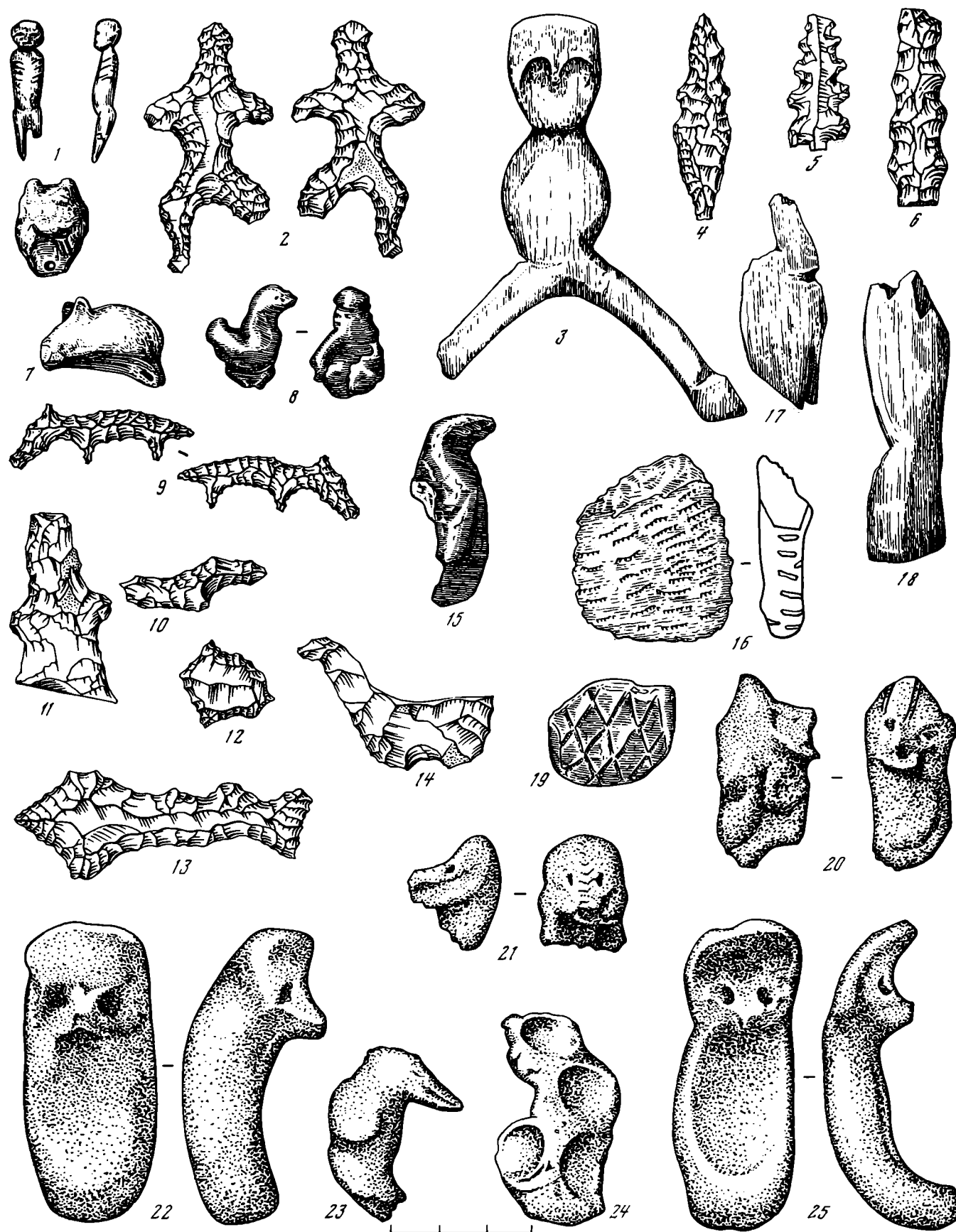

Рис. 74. Каргопольская культура. Предметы искусства и культа

1, 17 – Верхнее Веретье; 2, 4–6, 9–11, 14, 24 – Сухое; 3, 8, 18, 20–22, 25 – Кубенино; 7 – Попово; 12, 16 – Андозеро 2; 13 – Селище; 15 – Илек-

са; 19 – Агашино; 23 – Устье Кинемы (1, 3, 7, 17, 18 – кость; 2, 4–6, 9–14 – кремень; 8–16, 19–25 – глина

Для позднего периода (III тыс. до н.э.) характерно большое разнообразие в орнаментации керамики, появление новых узоров, в том числе ромбо-ямочного. В отдельных случаях усложняется форма посуды, в Сухом найден профилированный сосуд с выступом на плечиках и ромбическим узором. В каменном инвентаре наблюдается ухудшение техники обработки, распространяются мелкие сланцевые орудия и наконечники с расширенным основанием и черешком, исчезают древние формы. В это время ощущается влияние культуры населения, оставившего памятники типа Модлона, а до этого населения гребенчато-ямочной керамики.

Памятники типа Модлона

В Восточном Прионежье в первой половине III тыс. до н.э. появилось население со своеобразной материальной культурой, поселения которого рассеяны на той же территории, что и каргопольские, иногда в непосредственной близости от них. Они названы по эпонимной стоянке Модлона, представляющей ранний период (первая половина III тыс. до н.э.) существования этого населения. К позднему периоду (вторая половина III тыс. до н.э.) относятся культурные отложения, прослеженные на нескольких многослойных поселениях – Модлона II, Ольский Мыс, Лисья Горка, могильник Каргулино и др.

Поселение Модлона находится в бассейне озера Воже, у слияния рек Модлоны и Перечной, на узком и длинном мысу. Памятник открыт в 1919 г. К.В. Марковым, с 1937 по 1956 г. исследовался периодически А.Я. Брюсовым. Для уточнения стратиграфии и хронологии в 1970–1975 гг. раскопки продолжены С.В. Ошибкиной. Выяснено, что свайное поселение на мысу было здесь самым ранним и возникло в то время, когда мыс начал покрываться торфом. Культурный слой лежит на торфе и в наше время большую часть года находится ниже уровня воды (до 1 м). Он перекрыт слоем темной супеси (до 50 см) с остатками стоянки Модлона II, расположенной дальше от окончания мыса. Свайное поселение построено в заболоченной местности и в окружении рек, что могло быть связано с существованием в окружении местного населения каргопольской культуры, стоянки которого располагались во многих местах по р. Модлоне.

На поселении обнаружены остатки домов квадратной формы, приподнятых над болотистой почвой на 35–40 см. А.Я. Брюсов предполагал, что строений было 8–10 (Брюсов, 1951. С. 21), но при ширине мыса в 12 м домов скорее всего было только четыре. Строения соединяли мостки-переходы, которые, как и жилища, были на сваях. Мостки вели к берегу, где размещались плотники для подхода к воде.

Жилища имели деревянные полы, стены из вертикально стоящих слег, переплетенных прутьями, крыша могла быть двускатной, покрытой берестой. Площадь дома не превышала 12 кв. м. Предполагается, что стены были глухими, выход вел на платформу с южной стороны. Внутри находились очаги, в одном случае остатки полов и сваи под ними обгорели. В 1970 г. был расчищен угол строения из тонких бревен, лежавших горизонтально. Это было простой бревенчатый сруб. Не исключено, что все дома свайного поселения имели такую форму.

Жители занимались охотой и рыболовством. О развитой охоте говорит не только охотничье вооружение в виде наконечников копий и стрел, но также множество костей животных в культурном слое. Среди охотничьей добычи выявлены лось, косуля, медведь, бобр, куница и барсук. Найдены остатки восьми собак, которые могли быть охотничьими или ездовыми (Брюсов, 1951). Орудия рыболовства представлены остатками ловушек, сделанных из прутьев, стержнями больших костяных крючков составного типа, гарпунами (6 экз.), сверленным грузилом. Среди промысловых рыб оказались щука, окунь, лещ, синец, плотва, карась, елец, стерлядь и др. Некоторые из перечисленных рыб теплолюбивые и теперь исчезли из северных водоемов. Флора и фауна поселения соответствуют периоду АТ-3.

Керамика свайного поселения содержит примесь толченой раковины или изредка асбеста, имеет рыхлое темное тесто. Сосуды низкие, круглодонные, с толстыми стенками (до 1,0 см), венчик прямой или с нависающим снаружи выступом. Многие сосуды имеют внутри нагар, следовательно, их использовали для готовки пищи. Вся внешняя, а также иногда край внутренней поверхности сосудов покрыты орнаментом из оттисков короткой, длинной или овальной гребенки. Среди узоров преобладают вертикальный зигзаг, геометрические фигуры, вертикальные полосы шагающей гребенки, ямки по всей поверхности (Ошибкина, 1978. Табл. 42, 43, 46).

В инвентаре поселения много наконечников стрел из кремня (212 экз.), большинство листовидной формы (202 экз.), остальные с черешком или ромбические. Среди прочих изделий – каменные пилы, шлифовальные плиты, штампы для керамики из плиток сланца, много скребков, ножей, проколов. Все кремневые орудия сделаны из отщепов с двусторонней обработкой. Среди рубящих есть 3 небольших топора, 14 тесел и долот, все из сланца и шлифованные. Найдены различные костяные изделия – острия, поделки в виде затычек, роговая муфта. Много деревянных вещей – лучок, обломок весла, ясеневый ковшик с ручкой в виде головы собаки с опущенными ушами. На полу жилищ найдены янтарные украшения – 5 пуговиц с У-образным сверлением, 9 подвесок, фрагмент кольца, пронизка.

Для Модлоны получены радиоуглеродные даты 4850 ± 120 ЛЕ-994, 4360 ± 130 ЛЕ-993, 3960 ± 150 ЛЕ-992. Первая сделана по углю из культурного слоя свайного поселения и определяет его возраст. Две другие даты относятся к верхнему культурному слою – Модлоне II.

Керамика Модлоны II содержит примесь растительных добавок, раковины, асбеста, песка – все в разных сочетаниях. Сосуды крупные и средние, с прямыми стенками и массивным венчиком. Орнамент выполнен овальными вдавлениями, длинным и коротким гребенчатым штампом, иногда рамчатым. Узоры во многом повторяют орнаментацию посуды в свайном поселении, встречаются вертикальные зигзаги, геометрические фигуры, косые полосы, спускающиеся от венчика, косая многорядная сетка (Ошибкина, 1978. Табл. 44, 45). Каменный инвентарь в основном состоит из кремневых скребков и ножей. Наконечники стрел нескольких типов – широкие листовидные (19 экз.), длинные иволистные, с прямым основанием (2 экз.), ромбический (1 экз.). Есть один ши-

Рис. 75. Памятники типа Модлона. Ранний (33–66) и поздний (1–32) этапы

1–14 – могильник Каргулино; 15–17, 22–26, 31, 32 – Модлона II; 18–21, 27–30 – Сухое; 33–66 – свайное поселение Модлона

ферный наконечник, узкий, без шипов. С Модлоной II связаны формы, характерные для позднего неолита и энеолита, например, примечательные длинные наконечники.

Получившие известность кремневая фигурка плывущей птицы и глиняная скульптурная головка животного, орнаментированная отрисками гребенки, не имеют точной привязки к определенному культурному слою. Это относится и к изображению птицы с поднятыми крыльями (рис. 75).

Поселение Модлона существенно отличается от других памятников неолита в Восточном Прионежье и на соседних территориях. Предполагалось, что его население пришло в озерный край с юго-запада и оказалось во враждебном окружении (Брюсов, 1951). Отмечено также некоторое сходство вещественного материала поселения с волосовской культурой и памятниками типа Пиестиня в Восточной Латвии (Ошибкина, 1966). Проблема происхождения этого населения еще ждет своего разрешения. Важным итогом его появления в Восточном Прионежье оказалось сложение местного варианта культуры, представленной на нескольких многослойных поселениях – Устье Кинемы, Сухое, Ольский Мыс и др. Для них характерна описанная выше пористая керамика светлого цвета, орнамент из длинных овальных вдавлений или гребенки, в композициях вертикальные и горизонтальные зигзаги, геометрические фигуры, отступающий штамп, образующий волнистые линии. На поселениях встречаются характерные орудия из кремня и сланца, костяные и янтарные пуговицы, подвески, кольца.

К группе памятников типа Модлона можно отнести стоянку Ильинский остров (верхний горизонт) на западном берегу Мошинского озера. Здесь собрана пористая светлая керамика с орнаментом из овальных вдавлений, отрисков гребенки и отступающего штампа; узоры елоч-

ные и геометрические. С этим горизонтом связаны два наземных жилища, прямоугольных, площадью около 28 кв. м. В центре одного из них зафиксированы два очага открытого типа в виде линз прокаленного песка (Козырева, 1972). На окраине стоянки найдено погребение молодого человека, ориентированное на юго-запад, головой к реке, засыпанное красной охрой. В нем найдена серия длинных иволистных наконечников стрел и обломки трех кинжалов, все сделаны из кремня. По форме и обработке поверхности изделия типичны для позднего неолита – энеолита (Козырева, 1971).

С памятниками типа Модлона связан разрушенный могильник Каргулино, расположенный на дюнных всхолмлениях южного берега Белого озера. Первое погребение обнаружено здесь в 1947 г. А.А. Алексеевой. В охристом пятне было собрано 8 янтарных подвесок. Впоследствии разными сборами получена коллекция янтарных украшений (около 160 экз.) и наконечники стрел из кремня иволистной формы (5 экз.).

Палеоантропологические материалы из Караваевского могильника и поселения Модлона в свое время позволили составить характеристику неолитического населения лесной зоны Восточной Европы, которое определено как смешанный европеоидный тип, испытавший влияние монголоидного населения (Акимов, 1953). Реконструкция древнего населения была сделана М.М. Герасимовым (рис. 76). Как уточнила Р.Я. Денисова (1975, С. 88) в северо-восточных районах Прибалтики, в Приладожье и Прионежье с древних времен существовали два антропологических типа – мезокранный метисный и долихокранный европеоидный. Именно на этих территориях в процессе взаимодействия упомянутых типов населения происходило формирование неолитических племен ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики, предполагаемых предков прибалтийских финнов (Моора, 1956; Янитс, 1956).

Неолит Кольского полуострова

Археологическое изучение Кольского полуострова начато в 1925 г. в его северо-западной части, на Большом Оленьем острове (Шмидт, 1930), и продолжено в 1935 и 1937 гг. на Рыбачьем полуострове (Земляков, 1940). Начиная с 1946 г., здесь производились систематические исследования экспедициями ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной*. Благодаря широким стационарным раскопкам, появилась возможность не только получить общие представления о неолитической эпохе указанного региона, но и установить последовательность развития, связи с соседними племенами, выявить оригинальные черты культуры (Гурина, 1951а, 1957, 1973б).

Особенностью неолитических стоянок Кольского п-ова является плохая сохранность керамики, что связано с залеганием культурных слоев слишком близко к дневной поверхности. Учитывая указанную специфику, для датировки памятников Кольского полуострова, помимо

типологического метода, существенное значение имеет топография стоянок (высота над уровнем моря) и данные радиоуглеродного метода.

В результате векового процесса поднятия Скандинавского щита и соответственно отступления моря, древние памятники Кольского полуострова, располагавшиеся на его берегу, постепенно отдаляются от моря в вертикальном и горизонтальном отношении. Древние стоянки оказываются на более высоких террасах, а поздние на низких (Гурина, Кошечкин, Стрелков, 1974; Гурина, Кошечкин, 1978).

Сопоставление материала неолитических поселений Кольского полуострова, соседних областей и более отдаленных регионов показывает самобытность материальной культуры оставившего их населения при наличии тесных связей с населением западных областей – Норвегии и Финляндии – и несколько более слабых с Карелией.

Стоянки и поселения располагаются на различных морских террасах побережья близ устьев рек, преимущественно в глубоких бухтах, на участках, закрытых от северных ветров. Площадь их от 300 до 1500 кв. м. Как

* В настоящее время исследования продолжены экспедицией ИИМК РАН (Санкт-Петербург) под руководством В.Я. Шумкина.

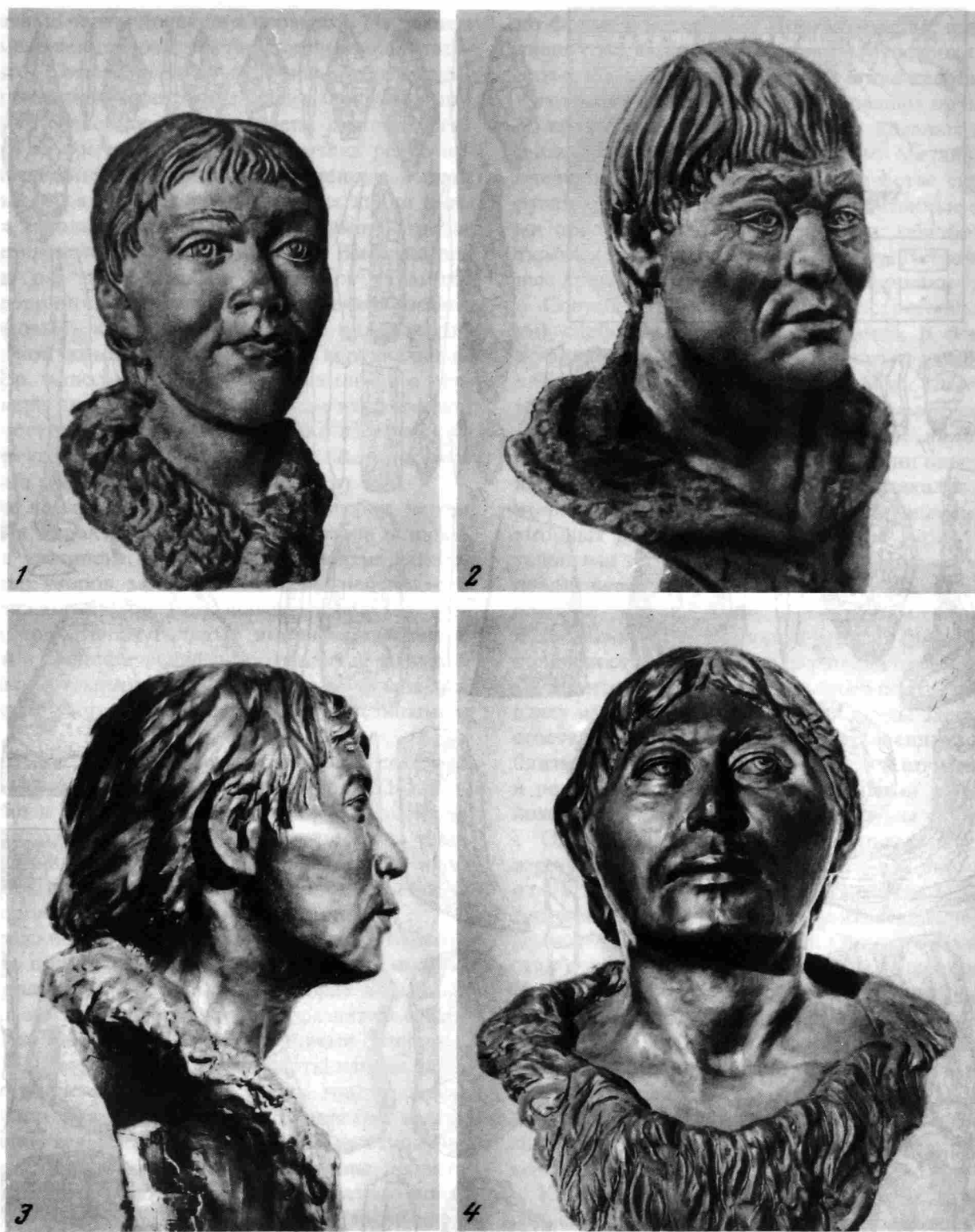

Рис. 76. Реконструкции людей эпохи неолита (выполнены М.М. Герасимовым – 1, 2; Г.В. Лебединской – 3, 4)

1 – стоянка Модлона; 2 – Караваевский могильник; 3, 4 – Сахтыш I

правило, наиболее древние поселения занимают возвышенные террасы, но нередко и совместное залегание разновременных комплексов, что свидетельствует о неоднократном заселении удобных участков.

Отчетливо выявляется специфика каменной индустрии, объясняемая отсутствием выходов кремня. Для изготовления орудий употреблялись местные породы кам-

ня: кварц, кварцит, песчаник, сланец, реже горный хрусталь и халцедон. Часто использовались подходящие гальки, окатанные морем (рис. 77). В связи со специфической обработкой каменных пород выработались особые категории и типы орудий – шлифованные наконечники стрел и угловые ножи, кварцевые и кварцитовые скребла, скобели-струги “кольского типа”.

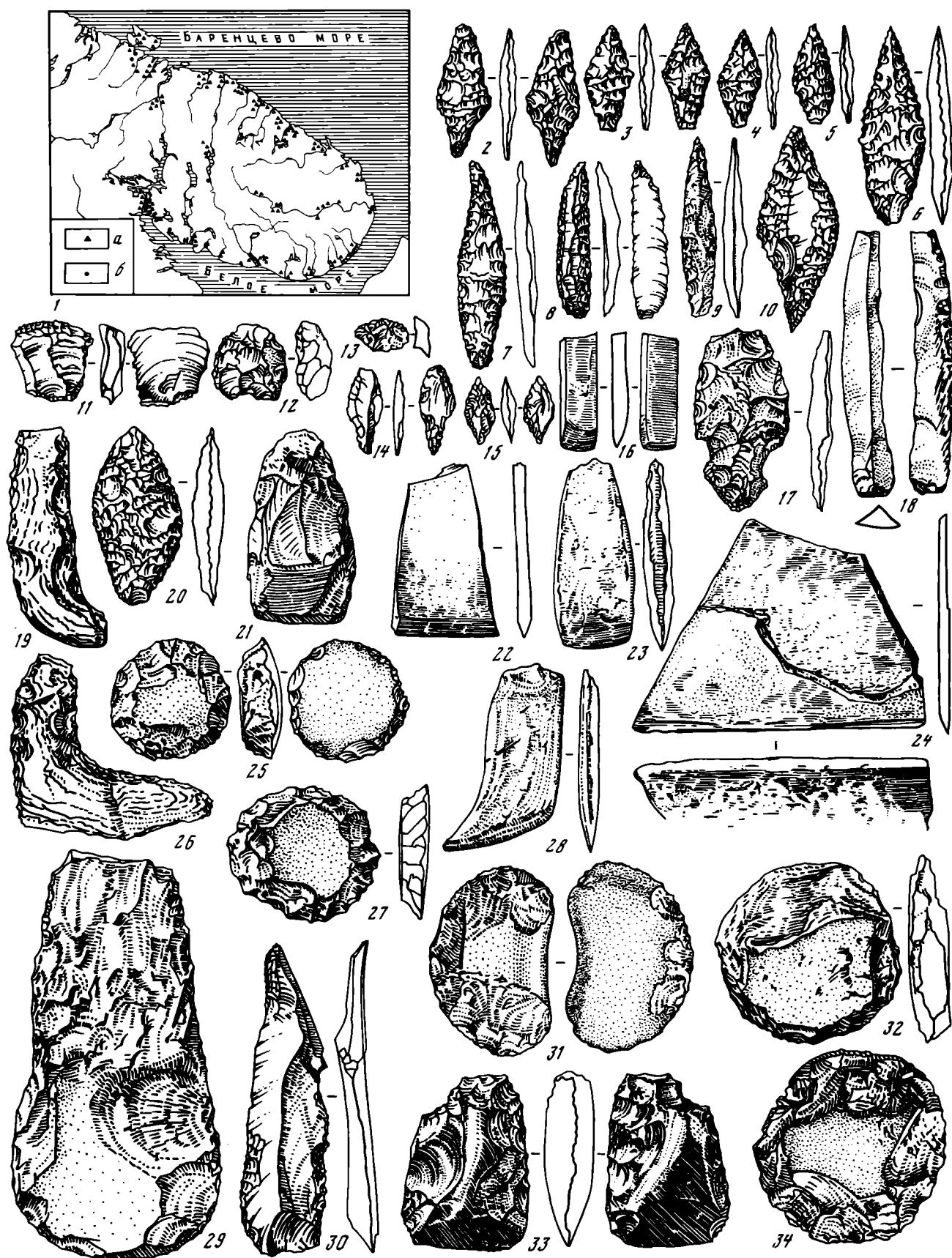

Рис. 77. Неолит Кольского полуострова. Орудия из камня и кости

1 – карта основных памятников; 2, 5–7, 14, 18, 28 – Нерпичья Губа I; 3, 4, 8–13, 15, 17, 19, 20, 24, 26, 33 – Нерпичья Губа; 16 – Наволок; 21–23, 25, 27, 29–32, 34 – Чаваньга I; а – стоянки и поселения; б – лабиринты

Своеобразные черты присущи и керамике. На раннем этапе она имеет некоторое сходство с керамикой культуры сперрингс. Сосуды средней величины, толстостенные, с прямым краем и острым дном. Орнамент, покрывающий всю внешнюю поверхность, состоит преимущественно из прочерченных линий, очень редко использованы ямочные вдавления, поставленные в один горизонтальный ряд поверх прочерченных линий (рис. 78). Изредка использован гребенчатый штамп. Встречаются сосуды частично окрашенные охрой. Вместе с тем присутствует ряд черт, отличающих их от керамики культуры сперрингс. Здесь нет таких элементов узоров, как “позвоночный”, корзиночное плетение, римская единица. Основной композицией является вертикальный елочный узор, выполненный прямым штампом в отступающей манере или шнуром, намотанным на стержень, реже встречается горизонтальный зигзаг из короткой гребенки, треугольные композиции и т.п. Встречаются плоскодонные сосуды (диаметр дна до 11 см).

В среднем неолите удерживаются некоторые черты орнаментации, характерные для раннего этапа и проявляющиеся, в частности, в отступающей манере нанесения различных узоров, замене отпечатков гребенчатого штампа отпечатками шнура. Есть новые элементы – треугольные и подчетыреугольные ямочные вдавления, гребенчатый и специфический остроугольный штамп, оригинальный “тесемочный” орнамент. Встречается геометрический узор – чаще квадраты со вписанными в них ямками.

На этом этапе прослеживается сходство с соседней культурой сярзаними, занимавшей территорию Восточной Норвегии и Северной Финляндии. В южной части Кольского полуострова найдено небольшое число керамики с ямочным орнаментом, характерным для неолитических стоянок низовий р. Выг. На северном и юго-восточном побережье такая керамика неизвестна.

Специфические черты каменной индустрии и керамики Кольского полуострова позволяют выделить особую кольскую неолитическую культуру, которая на раннем этапе близка культуре сперрингс, а на развитом содержит черты, сходные с культурой сярзаними (Simonsen, 1961, 1963). На ряде памятников эти черты как бы скрещиваются, что позволяет усматривать генетическую преемственность развитого неолита от раннего и интенсивное общение северных племен, а также их этнокультурную близость. При этом на раннем этапе неолита ощущалась большая близость племен Кольского полуострова с племенами Карелии и Финляндии, на позднем этапе неолита и в раннем металле – с племенами Норвегии. На всем протяжении древней истории культура племен Кольского полуострова отличалась своеобразием, что позволяет рассматривать ее как самостоятельное явление. Территория культуры ограничивалась собственно Кольским полуостровом.

На северном побережье ранний неолит особенно ярко представлен в Усть-Дроздовке, Нерпичьей Губе, Нерпичьей Губе I, на южном – в Чаваньге I, в центре – в Цаге I на побережье Ловозера.

Наиболее ранней следует считать стоянку Чаваньга I, расположенную на краю террасы высотой 21 м над уровнем моря. Основная часть каменных орудий необычна

по форме и материалу. Помимо кварца, широко применявшегося на других стоянках полуострова, здесь обрабатывали малиновый песчаник (типа кварцита). Из него изготовлены топоры, мотыгообразные орудия, оббитые по краям крупными сколами, в отдельных случаях шлифованные по лезвию. Серию составляют орудия, очевидно, использовавшиеся в качестве скребков – округлые, иногда плоские плитки, окатанные морем, с двумя шлифованными сторонами, обработанные крупными сколами по всему периметру. Встречены отдельные кремневые и сланцевые наконечники стрел.

Сосуды средней величины, толстостенные (более 1,0 см), слабого обжига, желтого цвета. В основном, они, по-видимому, остродонные, с прямым венчиком. Есть и плоские днища диаметром около 11 см. Внешняя поверхность (включая днища) покрыта орнаментом, в котором преобладают длинные прочерченные линии и оттиски шнура, намотанного на стержень. Они нанесены под углом друг к другу и образуют вертикальный елочный узор, расчлененный на горизонтальные зоны рядами ямочных вдавлений. Часть сосудов украшена горизонтальными зигзагами из оттисков гребенки, образующих пояс, чередующиеся с рядами ямок. Есть орнамент, близкий “тесемочному”, и линии из оттисков лопатки, нанесенных в отступающей манере (рис. 78). Внешняя поверхность ряда сосудов окрашена охрой.

В центральной части Кольского полуострова представляет интерес стоянка Цага I. Сосуды здесь также толстостенные, с прямым краем, украшенные отпечатками близко поставленного гребенчатого штампа, “тесмой” и редкими рядами ямок, создающими горизонтальные пояса. Есть крупные сланцевые орудия ранних форм.

Одним из наиболее выразительных памятников северного побережья, относящихся к концу раннего неолита, является стоянка Нерпичья Губа I. Каменная индустрия здесь сохраняет мезолитические черты, в особенности наконечники стрел. Они изготовлены из пластин с частичным ретушированием черешка и острия. Представлены ножи из плоских кварцитовых плиток, с прямым лезвием, оформленным двусторонней ретушью, архаические рубящие орудия, обработанные сколами, изредка шлифованные по лезвию, многочисленные шлифовальные плиты, отбойники-ретушеры, грузила, кварцитовые пилы и заготовки сланцевых орудий со следами пиления. Довольно много кварцевых резцов, скребков и скобелей-стругов.

Керамика обладает теми же чертами, что и на других ранне-неолитических стоянках Кольского полуострова. Сосуды толстостенные, с прямым или слегка скошенным краем. Однако, в орнаменте меньше выступает влияние узоров типа сперрингс – отсутствуют прочерченные линии, часто применяется короткий гребенчатый штамп типа “челночкового” и ямочные вдавления, присутствует “тесемочный” орнамент.

Ранний неолит на северном побережье представлен и стоянками со смешанным комплексом. Среди них Нерпичья Губа, Усть-Дроздовка и др. Отличие от южных стоянок заключается в более частом использовании кремня для изготовления мелких наконечников стрел и ножевидных пластин, а также в деталях орнаментации. Существенно, что на стоянке Усть-Дроздовка, судя по

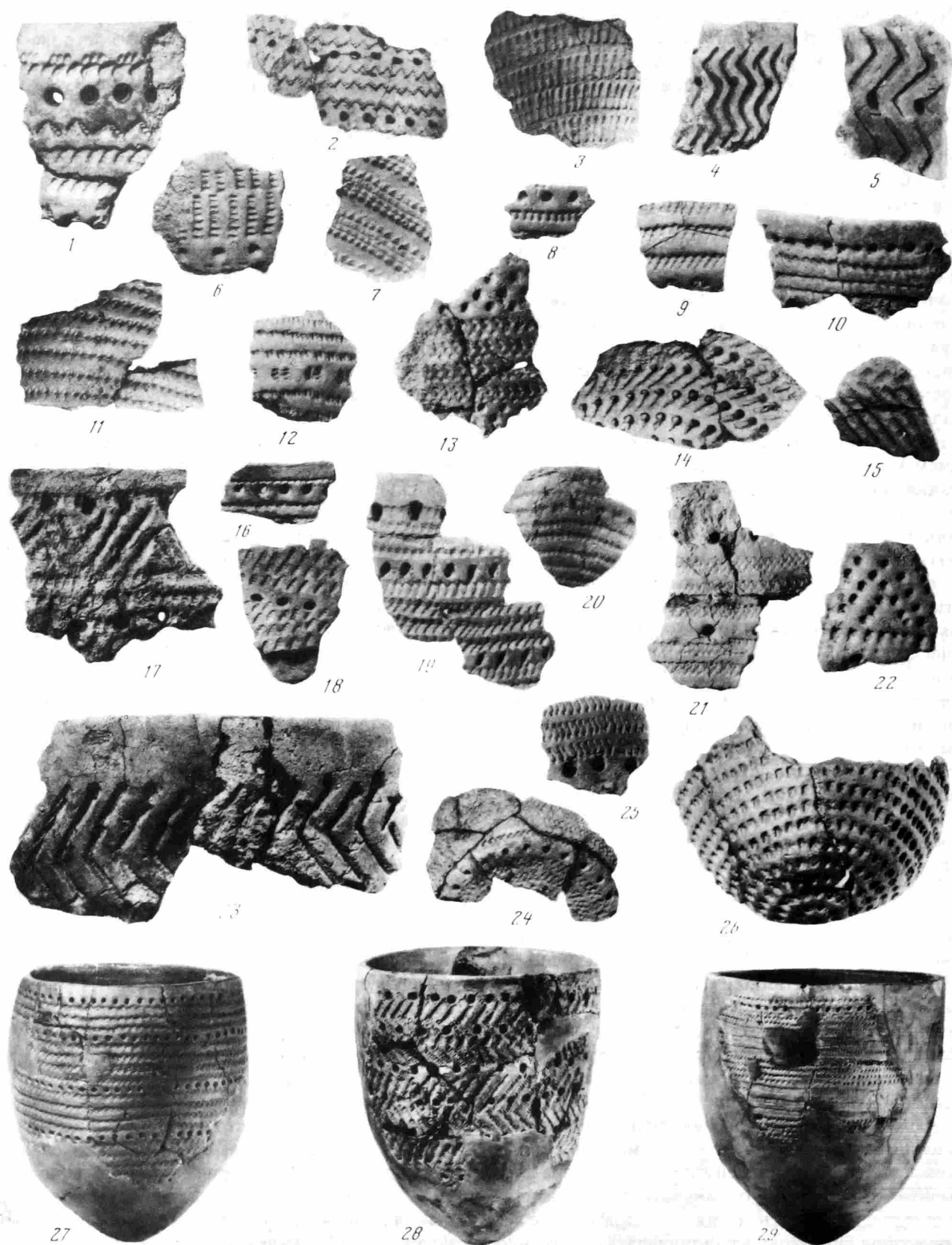

Рис. 78. Керамика Кольского полуострова

1, 9, 11, 20, 27, 30 – Нерпичья Губа I; 2–4, 6, 19, 21, 24, 29 – Чаваньга I;
5, 13, 14, 17, 23 – Усть-Дроздовка; 7, 22 – Цага I; 25, 26 – Нерпичья
Губа

радиоуглеродной дате, более ранней, чем для Нерпичьей Губы I, сосуды значительно ближе к керамике сперрингс. Они толстостенны (до 1,5 см), край прямой, днища заостренные. В орнаментации преобладают прочерченные линии, отпечатки нити, намотанной на стержень, их дополняют редкие крупные ямки.

На стоянке Нерпичья Губа обнаружены очаги в виде округлых каменных выкладок диаметром до 1 м, с крупными камнями по периферии и мелкими, плотно уложенными в середине, а также кострища – пятна прокаленного песка с золистой прослойкой и угольками. Четких остатков жилых сооружений не зафиксировано, но отмечено более темное пятно культурного слоя с включением мелких углей площадью $4,0 \times 1,8$ м, имевшее подчетырехугольные очертания. Внутри пятна были сосредоточены находки – шлифовальные плиты, грузила (10 экз.), наконечники стрел, керамика. Очевидно, это остатки наземного жилища. На стоянке представлены остатки раннего неолита и раннего металла. Здесь встречены сосуды, типичные для культуры сярязниеми и плоскодонные, близкие по форме и орнаментации керамике Чаваньги I.

На ряде стоянок Кольского полуострова найдена плоскодонная посуда, например, у г. Кандалакши и на побережье р. Вороньей при ее истоке из Ловозера. Это явление, весьма необычное для северного неолита, отмечено в разных частях полуострова и составляет характерную особенность кольской культуры.

В среднем неолите происходит изменение каменной индустрии и керамики. Увеличивается количество кремневых орудий, свидетельствующее о расширении обмена с соседними племенами, совершенствуется техника их обработки, в орнаментации посуды исчезают традиции культуры сперрингс. Основными элементами орнамента становятся мелкие оттиски гребенки (“челночки”) и “тесма” (рис. 78). В конце неолита появляется керамика с растительной примесью в тесте, орнамент становится упрощенным. Такая тенденция особенно наглядно выступает на стоянках, относящихся уже к эпохе металла.

Большое количество разнообразных по форме и размерам каменных наконечников стрел и копий на неолитических поселениях свидетельствует о важности этой отрасли хозяйства. На рыболовство указывает расположение памятников в устьях рек и тихих морских бухтах, грузила от сетей и рыболовные крючки. По всей вероятности, жители морского побережья широко использовали различные рыболовные сооружения-ловушки. Уже в среднем неолите мог возникнуть морской промысел, ставший в эпоху раннего металла основной формой хозяйства на побережье. Поселения становятся долговременными, на что указывает характер инвентаря (в частности, крупные глиняные сосуды), а также исключительная насыщенность культурного слоя (там, где сохранилась органика) костями ластоногих.

На поселении эпохи раннего металла Маяк II, культурный слой которого содержал множество костей морских животных, обнаружены остатки неолитической стоянки и кости морской и сухопутной фауны (олень, лось, медведь, волк, росомаха, бобр и др.)

Для неолитических памятников получено несколько дат С-14: Чаваньга I – 5560 ± 80 ЛЕ-1222; Усть-Дроздов-

ка – 5510 ± 100 ЛЕ-1332; Цага I – 5760 ± 160 ЛЕ-1087, 4690 ± 70 ЛЕ-971; Нерпичья Губа I – 4630 ± 100 ЛЕ-1329. Следовательно, наиболее ранние стоянки относятся к первой половине IV тыс. до н.э., что подтверждается их топографическим положением (Чаваньга I – 21 м над уровнем моря).

Переход к среднему неолиту отражают стоянки Нерпичья Губа (ранний комплекс), Нерпичья Губа I и Варзина VI, близкие по материалу. По-видимому, Нерпичья Губа несколько древнее остальных, о чем говорит присутствие здесь плоскодонных сосудов, аналогичных обнаруженным в Чаваньге I. Очевидно, к позднему неолиту относятся стоянки Мыс Семерка I, Дальние Зеленцы II и др. Здесь найдена керамика с примесью растительности, иногда асбеста. Они сменяются затем памятниками раннего металла.

Таким образом, ранние неолитические стоянки на Кольском полуострове датируются первой половиной IV тыс. до н.э., памятники среднего неолита – III тыс. до н.э. Конец неолита относится к первой половине II тыс. до н.э.

Судя по преемственности каменной индустрии неолита (в основном кварцевой) от мезолитической, можно сделать заключение о местном происхождении неолитической культуры. Однако, различия в керамике основной территории Кольского полуострова и некоторых стоянок юго-запада указывают на проникновение сюда части населения с юга, вероятно, из Карелии и Финляндии.

Представляют интерес погребения, обнаруженные на южном и северном побережьях Кольского полуострова. На поселении Нива X, на левом берегу р. Нива, против г. Кандалакши, выявлена могильная яма размером 180×70 см, покрытая стерильной прослойкой (10–15 см) и заполненная песком с примесью углей и золы. Ниже прослежено пятно красной охры (150×40 см). В контурах охристого пятна обнаружены человеческие зубы. Ориентация погребенного головой на юг–юго-восток. В ногах лежали четыре камня. В яме находились шесть орудий – тесло, стамеска, два желобчатых долота и две заготовки. Состав находок и условия залегания позволяют датировать погребение неолитом (Песонен, 1977).

Второе погребение обнаружено на северном побережье в бухте Песконец близ с. Харловка. Остатки умершего располагались на древней дневной поверхности, перекрытой дюнным песком мощностью более 1 м. Могильная яма не прослежена, но обнаружено охристое пятно. От костяка сохранились эмаль двух зубов и фаланга пальца руки. Ориентация погребения – головой на северо-восток. Сопровождающий инвентарь находился в области груди и в ногах и состоял из трех крупных, прекрасно шлифованных сланцевых топоров, двух сланцевых небольших тесел с желобками, двух угловых ножей арктического типа, семи кремневых и одного шиферного наконечников стрел. Все сланцевые предметы не имели следов употребления. Особенно интересны три кремневые орудия, изготовленные из одинакового серого с коричневым оттенком кремня высокого качества, не встречающегося на Кольском полуострове и соседних территориях. Орудия отличаются большими размерами – наконечник копья 13 см, кинжал 19 см, желобчатое

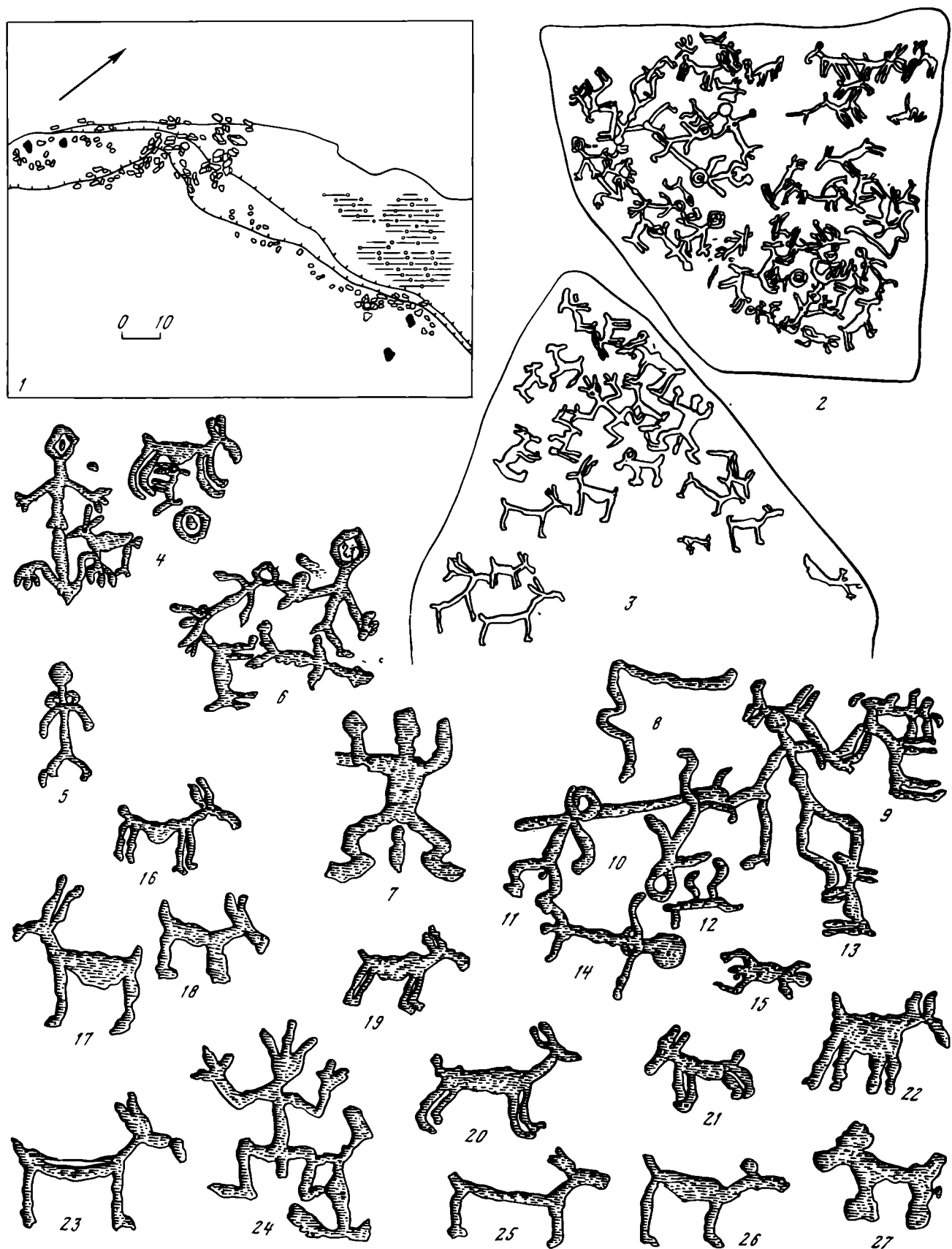

Рис. 79. Наскальные изображения Кольского полуострова. Мыс Чальми-Варре

1 – расположение камней с рисунками на местности; 2 – камень № 5;
3 – камень № 9; 4–27 – изображения на камнях

тесло 13 см. Найдены две сланцевые скульптуры. В одном случае – стержень, раздвоенный на одном конце, на другом завершенный головкой утки или змеи, вся поверхность его орнаментирована. Очевидно, это игла для вязания сетей. Вторая – фигурка выдры (?) с нарезным орнаментом, с одной стороны выпуклая, с другой плоская и залощенная (следы ношения на теле или одежде). Судя по форме тесла и качеству использованного кремня, можно полагать, что предметы привезены с запада, из Швеции, возможно, морским путем. Но типам тесла и наконечников стрел погребение датировано концом неолита или самым началом эпохи бронзы.

Особого внимания заслуживают обнаруженные в 1973 г. наскальные изображения, расположенные на каменистом полуострове (древнем острове) Чальмн-Варрэ, в 100 км севернее Северного Полярного Круга (Гурина, 1980). Рисунки выбиты на шести камнях, лежащих на правом берегу р. Поной. Два камня находятся в пойме, четыре – на кромке древнего коренного берега. Рисунки выбиты на граните точечной ретушью, их глубина до 0,5 см. Изображения силуэтные. Количество их от 2 до 60. Обычно фигуры размещены на свободном поле, но на камне 5 частично перекрывают друг друга. Больше всего изображений животных, меньше людей, единичны фигуры змей и солярные (рис. 79).

По топографии и стилю выделяются два хронологических пласта рисунков. Ранние выбиты на камнях (1 и 2), лежащих в пойме и значительную часть года покрытых водой. Из 22 фигур камня 1 – 18 зооморфных и 2 антропоморфных (2 фигуры не завершены). Все олени (кроме двух на краю камня) изображены с одной парой ног. Оба человеческих изображения (мужчины) показаны в пляшущей позе – с согнутыми в коленях ногами, с согнутыми в локтях руками, в одном случае трехпалыми. У одного человека трехрогий головной убор, у другого привязан хвост. На камне 2 выразительна фигура лося. Остальные четыре камня (4–6) расположены по кромке коренного берега, содержат более поздние рисунки, изображения людей и оленей.

Особого внимания заслуживает камень 5, густо покрытый зооморфными и антропоморфными фигурами. По стилю они отличаются от первых камней. У живот-

ных с двумя парами ног показаны половые различия. Человеческие фигуры обозначены линиями, они с опущенными руками, голова показана контурным кругом. Необычна одноногая человеческая фигура, укороченная, с квадратной головой. Отчетливо выбито лицо, руки трехпалые. От правой руки идет линия к голове другого человека. У второй антропоморфной фигуры прямое туловище, почти слитое внизу со второй трехпалой крылатой фигурой. Бесспорно читается сцена рождения олененка, близ головы которого выбито солнце. Часто повторяется сцена – фигура маленького олененка между ног женщины, заставляющая вспомнить легенду об олене-человеке (Чарнолусский, 1965). Очевидно, одной из главных целей создания рисунков являлось стремление обеспечить успех охоты и размножение оленей. Поздний пласт наскальных изображений, видимо, отражает и более сложные стороны мировоззрения, в частности, культ предков и мифологию.

Ранние наскальные рисунки Кольского полуострова ближе стоят к петроглифам Онежского озера и Северной Швеции. Их сближает техника выполнения и стиль (животные изображены силуэтно, в профиль, с одной парой ног). Но на скалах Карелии встречается много изображений лодок, птиц, рыб, сцен охоты, а в Чальмн-Варрэ показаны только олени и люди. Меньше сходство этих рисунков с наиболее близкими территориально петроглифами Белого моря. Еще больше различия с карельскими петроглифами в поздних рисунках Чальмн-Варрэ, где олени показаны с двумя парами ног, а люди с кольцеобразными головами. Ранний пласт Чальмн-Варрэ (камни 1,2) можно датировать концом неолита, а более поздний (камни 3–6) эпохой металла*.

При современном уровне знаний можно предположить, что в мезолитическую эпоху, а затем в неолите население Кольского полуострова, Карелии, Финляндии и Северной Норвегии входило в единую этнокультурную область, состоящую из суммы родственных культур. Поскольку наблюдается преемственность культур с мезолита до эпохи раннего металла, есть основания считать, что древнее население региона, в том числе неолитическое, участвовало в сложном процессе формирования коренного населения – саамов.

Неолит Беломорья и Крайнего Северо-Востока

Лесные и тундровые пространства Севера, освоение которых началось в конце палеолита и в мезолите, в неолитическое время продолжали медленно заселяться группами охотников-собирателей, продвигавшихся сюда с разных территорий и постепенно достигавших самых отдаленных районов, вплоть до морских побережий. Однако заселенность оставалась довольно слабой, как это выясняется из многолетних археологических исследований. Как обычно, они были начаты случайными сборами и работами краеведов, составившими значительные коллекции в ГИМ и Музее антропологии МГУ, в областных музеях. Начиная с 20-х годов в разных рай-

онах Севера работали специалисты-археологи, а с 50-х годов проводятся экспедиционные исследования, особенно активные на территории республики Коми, проводимые Коми научным Центром РАН.

На рассматриваемой территории может быть выделе-

* Петроглифы Чальмн-Варрэ пополнились новыми находками, и сейчас насчитывается 10 камней с рисунками. К ранней группе относятся 3 камня (26 фигур), остальные камни (150 фигур) расположенные на повышении берега датируются II–I тыс. до н.э. Еще две группы изображений открыты на полуострове Рыбачий. Рисунки красной охрой у р. Пяйве датированы мезолитом, остальные I тыс. до н.э. (Шумкин, 1994).

но несколько регионов – Беломорье, бассейн Сухоны и Крайний Северо-Восток, ограниченный на западе Северной Двиной, на востоке Уральским хребтом, на юге течением Вычегды, доходящий на севере до морских берегов. Регионы в археологическом отношении исследованы неравномерно, что в какой-то мере соответствует неравномерному заселению в древности.

В бассейне Сухоны памятники неолита известны в верхнем течении, в устьях р. Вёкса и Двина, по течению р. Вологды. В большинстве это случайные находки с разрушенных стоянок. На левом берегу Вологды у впадения р. Вёксы исследовано поселение Вёкса II с несколькими культурными слоями. Нижний оказался неолитическим, с ямочно-гребенчатой керамикой. В последнее время здесь открыт могильник с коллективными захоронениями, предположительно неолитический. Здесь же на берегу Сухоны были обнаружены врытые большие сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом, внутри которых сохранились остатки растительных запасов. По вещественному материалу неолитические памятники в верховьях Сухоны могут принадлежать населению каргопольской культуры, составляя восточную окраину ее ареала.

Восточнее начинается другая зона, в основном мало исследованная. Здесь открыты стоянки мезолита и эпохи бронзы, только неолит представлен отдельными и случайными находками. Возможно, дальнейшие экспедиционные работы позволят объяснить причины слабой заселенности берегов Сухоны в неолите. Не исключено, что это явление связано с длительным существованием приледникового Сухонского озера, которое как полагают, исчезло в связи с прорывом у с. Нюксеницы только к самом концу суббореала (Квасов, 1975. С. 75). Однако, уточнить время спуска озера можно главным образом по археологическим данным, а они показывают, что это могло произойти в пределах АТ-3 – в IV тыс. до н.э. Только после этого в верховьях Сухоны могли появиться поселения подобные Вёксе II, расположенные у современных низких берегов, с хозяйственными участками на прибрежной полосе.

Отдельные стоянки и местонахождения по Средней Сухоне (у Горы, Пельшема) показали, что неолитические поселения спустились на низкие по сравнению с мезолитом террасы и среди них нет ранне-неолитических. Если верховья Сухоны еще заняты населением ямочно-гребенчатой керамикой, то в ее среднем течении существовало другое население. На стоянке у Горы, например, в зачистке обнажений культурного слоя собрана керамика светлого цвета с красноватой поверхностью, заметно заглаженной, с примесью шамота, с поверхностным орнаментом из оттисков тонкой гребенки. Скорее всего, ее следует сопоставлять с материалами с Северной Двины и Вычегды, датируемыми там концом IV тыс. до н.э.

В Беломорье для изучения археологических древностей важное значение имели работы К.П. Ревы, открывшего в 1893 г. дюнные стоянки в устье р. Галдарей, а также первым высказавшего мнение об их хронологической приуроченности к рядом морских дюн (Фосс, 1952. С. 233). В 1926–1927 гг. здесь работала экспедиция РАНИОН и ГИМ в составе А.Я. Брюсова, М.Е. Фосса и А.В. Збруевой. На нескольких стоянках, в том числе на Гал-

дарее I, были проведены раскопки, открыт ряд памятников, главным образом, бронзового века. В итоге М.Е. Фосс выделена беломорская культура, распространявшаяся по побережьям от п-ова Канин Нос до устья р. Онеги. Собственно неолитические материалы были представлены только в Галдарее I, которая определялась как ранний этап заселения Беломорья, предшествующий образованию беломорской культуры.

Галдарея I обнаружена на левом берегу р. Галдарей, в шестом ряду дюн, самом удаленном от моря, что определяет древний возраст стоянки. Здесь найдена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, наконечник стрелы из кремня листовидной формы и два кварцитовых отбойника. Считается, что эти материалы свидетельствуют о проникновении в Беломорье населения ямочно-гребенчатой керамики в среднем или позднем неолите, согласно современной хронологии в конце IV–III тыс. до н.э.

В нижнем течении Северной Двины, на ее притоках и побережьях открыты и исследованы стоянки неолита с керамикой орнаментированной ямочно-гребенчатыми или гребенчатыми узорами, с большим числом кремневого инвентаря. Некоторые приурочены к выходам кремня. Нередко памятники многократного посещения древними людьми имеют смешанные культурные остатки, которые могут быть систематизированы только типологически. К ним относятся Орлецы I, Лявля, Бык и др.

Орлецы I исследованы на площади около 3000 кв. м, при этом обнаружено прямоугольное наземное жилище и 62 очага, вокруг которых концентрировалась керамика. Среди последней представлены три типа сосудов – характерные с ямочно-гребенчатой орнаментацией (ляловского типа); тонкостенные, с плотным тестом и примесью песка; с гребенчатым орнаментом и с примесью асбеста, энеолитические. Многочисленные кремневые орудия состоят из наконечников стрел, дротиков и копий (400 экз.) и хозяйственного назначения (скребки, ножи, проколки и т.п.). Есть топоры из кремня, в том числе полированные (Куратов, 1978. С. 66).

На стоянке Репище удалось восстановить форму неолитической посуды. Она полуяйцевидной формы, с круглым дном, утолщенным венчиком и налетом внутри. Высота сосуда 40 см, диаметр 35 см. Орнамент состоит из горизонтальных зон ямок разделенных полосками прямо или косо поставленного гладкого штампа. Этот узор характерен для посуды других стоянок (Мартынов, 1985. С. 9).

На многослойном поселении Явроньга I в бассейне р. Пинеги, открытом и исследованном Г.М. Буровым, представлена аналогичная керамика, выделенная как отдельный комплекс волго-окского типа. Эти сосуды имеют полуяйцевидную форму и острое дно, венчик, утолщенный изнутри. В тесте примесь дресвы. Орнамент состоит из ямок, прямого или овального гребенчатого штампа и т.п. Есть также посуда с гребенчатой орнаментацией камского типа (Буров, 1974).

По мнению исследователей указанные памятники свидетельствуют о проникновении в среднем неолите групп населения из Волго-Окского междуречья, из области племен ямочно-гребенчатой керамики и из Камского бассейна.

Одним из самых ярких памятников Беломорья является стоянка Кузнечиха, открытая на окраине г. Архангельская в 1938 г. при рытье котлована. Она находится на правом берегу р. Кузнечихи, рукава Северной Двины. В котловане размером 7,5 × 7,5 м были найдены орудия из камня, кости и дерева, керамика, фаунистические остатки. Для уточнения стратиграфии по поручению секции INQUA под руководством В.И. Смирнова проведены дальнейшие раскопки и сделана буровая скважина до морены, а всего 7 скважин и шурф. Установлено, что в толще отложений выделяются две группы – верхняя, из речных отложений р. Кузнечихи, и нижняя, из нескольких прослоек суглинков и песков, образовавшаяся во время существования древнего водоема со спокойными водами. Культурный слой стоянки связан с песками из пачки озерно-аллювиальных суглинков (Смирнов, 1941), он находится на отметках близких уровню моря и насыщен водой. На стоянке найдены немногочисленные орудия из темного кремня, происходящего из карбоновых известняков. Как отметил В.И. Смирнов, на других беломорских стоянках пользовались кремнем из других отложений. Среди изделий присутствуют наконечник копья, наконечники стрел, скребок, резец, пластинки с ретушью.

Керамика представлена обломками примерно 30 сосудов. Они с примесью раковины в тесте, круглодонные, с прямыми стенками и утолщенным венчиком, диаметром до 50 см. Есть и мелкие сосуды диаметром 15 см. Орнамент нанесен коротким овальным гребенчатым штампом, изредка дополнен ямками. Узоры состоят из горизонтальных или наклонно спускающихся полос, сдвоенных или неправильных ямок. Найден фрагмент сосуда с изображением лебедя с высокой спинкой, выполненным гребенчатым штампом. Стилистика рисунка близка изображениям птиц на Онежских и Беломорских петроглифах.

Найдены костяные и деревянные изделия. В числе последних оказался обломок доски из мелкослоистой ели с геометрическим узором в виде большого ромба, разделенного на мелкие ромбы, заполненные линиями и точками. Рисунок выполнен красной краской (Смирнов, 1940, 1941). В культурном слое найдены кости северного оленя, лося, бобра, зайца, тюленя и два хвостовых позвонка кита, а также кости птиц и рыб. На этом основании можно считать жителей стоянки охотниками и рыболовами, вряд ли стоит предполагать, что они занимались и морским промыслом. Весь материал свидетельствует о поздненеолитическом возрасте стоянки. Другие памятники подобного типа в Беломорье не известны. Однако, есть некоторое сходство в керамике и наборе орудий с поздненеолитическими памятниками Южной Карелии и стоянками типа Модлона в Восточном Прионежье. Следует добавить, что в 1964–1966 гг. раскопки Кузнечихи были продолжены А.А. Куратовым (1978. С. 9), выявлены два культурных слоя. В нижнем на глубине 3 м обнаружены находки, подобные описанным выше, а в верхнем на глубине 1,5–2,3 м собрана керамика с гребенчатым орнаментом. Здесь же был очаг из 12 камней, валунов и плитчатых, что похоже на очаги культуры гребенчато-ямочной керамики.

Крайний Северо-Восток (КСВ) лучше изучен в южных районах – по р. Вычегде, в верхнем течении Северной Двины, на р. Ижме. Менее изучены северо-восточ-

ные окраины. Неолитические стоянки разбросаны на большой территории, многие заселялись неоднократно и имеют смешанный культурный слой с разновременными материалами, разделяемыми типологически. Для систематизации обычно используют только керамику. В результате создано несколько схем или подразделений памятников, или керамических групп. Г.М. Буровым (1986) выделено шесть культурных типов с характерной для каждого керамикой, и на этой основе создана сложная картина взаимодействия историко-культурных общностей и культур.

Другие исследователи не выделяют общностей и культур. Тем не менее на Крайнем Северо-Востоке постепенно выявляется пласт памятников со своеобразной материальной культурой, которые относят к раннему неолиту, а в общей хронологии неолита они соответствуют концу IV–III тыс. до н.э. или среднему периоду. Эти стоянки обозначены как памятники черноборского типа (Верещагина, 1989).

Начало их изучению было положено открытием стоянки Черноборская III в нижнем течении р. Ижмы, исследованной раскопками В.Е. Лузгина в 1964–1966 гг. Стоянка находится на левом берегу р. Ижмы, на краю террасы высотой 14 м. Здесь вскрыто 196 кв. м и обнаружено пятно культурного слоя площадью около 100 кв. м с керамикой, кремневыми изделиями, расколотым кремнем и скоплениями кальцинированных костей. Среди последних определены северный олень (6 особей) и лось. Керамика представлена 40 фрагментами от трех сосудов округлой формы с прямым венчиком и стенками толщиной до 1 см с примесью шамота в тесте. Поверхность посуды красноватого цвета, слегка подлощенная, орнамент из мелких круглых ямок, расположенных рядами. Кремневые изделия состоят из наконечников стрел из пластин (39 экз.), обработанных ретушью со спинки и частично с брюшка. Наконечники трех типов – обоюдоострые, с усеченным основанием и с намеченным черешком. Типологически их относят к раннему неолиту (Лузгин, 1972. С. 36), причем они обнаруживают сходство с наконечниками Оленеостровского могильника эпохи мезолита, как бы продолжая древние традиции кремневого инвентаря.

На Прилукской стоянке в верхнем течении Северной Двины найдена керамика черноборского типа с круглым и плоским дном, новшеством является валик вокруг горла сосуда. Орнамент состоит из наколотых ямок, нанесенных по всей поверхности, по дну и валику. В инвентаре преобладают изделия на пластинах. Представлены наконечники на пластинах с усеченным основанием и намеченным черешком, аналогичные Черноборской III. Здесь также найдены обработанные крутой ретушью высокие трапеции (2 экз.), служившие наконечниками стрел (Верещагина, 1977).

К ранней группе стоянок относят Вонгоду I на Северной Двине, некоторые материалы Явроньги I, Энты I и некоторые другие памятники в бассейне Вычегды. Из них интерес представляет поселение Энты I, где удалось проследить два разновременных культурных слоя эпохи неолита.

Энты I находится у старичного озера в правобережье Средней Вычегды. Поселение исследовано на площади

533 кв. м. На основе планиграфических наблюдений и типологии вещественного материала выделено два комплекса (Логинова, 1978). К раннему поселению (первый комплекс) относится культурный слой, включающий 9 очагов и несколько хозяйственных ям, некоторые из которых были обложены камнями. Очаги округлые или овальные, размером в пределах 110 × 160 см, над ними были охристые пятна. Прослежены следы легких построек или навесов.

Керамика раннего поселения содержит примесь дресвы и шамота, ее поверхность подлощена. Сосуды открытой формы, дно заостренное или плоское, диаметром 9–10. Орнамент состоит из оттисков гребенки и ямочных вдавлений, круглых или овальных. Узоры в виде горизонтальных зон заполненных вертикальными или наклонными оттисками гребенчатого штампа. Из керамического теста сделаны три фигурки, две из них представляют животных с длинным хвостом и лапами.

Большая часть кремневых орудий сделана из пластин (93%) и пластинчатых отщепов. Среди орудий острия, проколки, ножи, тесловидные, тесла из кремневых отщепов. Самую большую группу составляют геометрические изделия (90 экз), в том числе из пластин (62 экз) и отщепов (28 экз). Эти изделия обнаружены в заполнении очагов, хозяйственных ям и в скоплениях (до 7 экз). Вероятно, они являлись вкладышами орудий составного типа – наконечников стрел, копий, ножей.

На поселении Эньты I обнаружено жилище со своеобразным материалом, отличным от находок на остальной части поселения и составившим второй комплекс. Жилище было наземным, прямоугольным, с закругленными углами, размером 19,5 × 5,4 м и с одним выходом. Внутри находились очаги – 5 по оси строения и один у стены. Найденная в жилище керамика содержит примесь дресвы, шероховатая на поверхности; но есть и с примесью шамота, с лощеной поверхностью, подкрашенной охрой. Сосуды полуяйцевидной формы, с округло-коническим дном, с наплывом на венчике изнутри (рис. 80). Орнамент покрывает всю поверхность, выполнен гребенчатым штампом и редкими ямками. Узоры расположены горизонтальными зонами. Аналогии этой посуде Э.С. Логинова (1978) видит в керамике камского неолита. Кремневый инвентарь состоит из орудий на пластинах и отщепах. Среди них наконечники стрел листовидной формы и ромбические, из отщепов, с краевой ретушью, а также скребки, ножи, проколки и т.п.; геометрических изделий нет.

Раннее поселение Эньты I относится к стоянкам черноборского типа. Поздний комплекс имеет сходство с такими стоянками, как Эньты II, Вис I, II и др., где заметно влияние камской культуры.

О возрасте и происхождении стоянок черноборского типа единого мнения нет. После раскопок стоянки Конешелье на Средней Мезени, В.С. Стоколосом высказано предположение о сходстве плоскодонной керамики с валяками и накольчатый орнамент с материалами памятников левшинского типа в Прикамье, относящихся к концу неолита (Стоколос, 1987. С. 24). Сомнения в ранне-неолитическом возрасте черноборских памятников привели к сложению двух основных точек зрения. Согласно одной, стоянки черноборского типа относятся к

позднему неолиту, датируются III тыс. до н.э. и оставлены населением, пришедшим из Прикамья. По другой версии, выделяются ранние памятники (Прилукская, Вонгода I, Явроньга I), связанные происхождением с верхневолжской культурой раннего неолита и датируемые IV тыс. до н.э. За ними следуют поздние стоянки со сходной керамикой и инвентарем, основанным уже на технике отщепа (Черноборская III, ранний комплекс Эньты I), которые датируются концом IV – первой половиной III тыс. до н.э. (Верещагина, 1989).

Во второй половине IV тыс. до н.э. на Крайнем Северо-Востоке появляются многочисленные стоянки неолита, которые И.В. Верещагина (1989) объединяет в печеро-двинскую культуру, имеющую три варианта – западный притиманский, средневычегодский и синдорский.

Для стоянок этой культуры характерны два типа керамики. К первому относятся сосуды с прямыми или выпуклыми стенками, округлым или коническим дном, примесью крупной дресвы. Орнамент из круглых или овальных ямок расположен зонами, разделенными полосами гребенчатых оттисков. Встречаются дополнительные узоры – наколы, оттиски веревочки. Другой тип составляют сосуды полуяйцевидной формы с таким же дном, но с примесью шамота или песка и орнаментом из вертикальных или наклонных оттисков гребенки. Разнообразием являются узоры из шагающей или протасенной гребенки. На стоянках оба типа керамики встречаются вместе, в разном соотношении. Их сопровождает инвентарь, основанный на технике отщепа с полной двусторонней обработкой изделий. Пластины и орудия из них составляют до 30%. В притиманском варианте (Ружникова, Кыско и др.) преобладает керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, указывая на близкую связь населения с ареалом культур ЯГК (Буров, 1986. С. 12). В синдорском варианте оба типа керамики представлены одинаково, есть смешанные орнаментальные композиции. В средневычегодском (Эньты I жилище, Эньты III и др.) больше заметно влияние камского неолита. Время существования печеро-двинской культуры определено второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н.э.

Особая группа неолитических стоянок открыта В.С. Стоколосом в бассейне р. Мезени и выделена в чужьяльскую культуру гребенчатой керамики. Поселения состоят из 1–3 или нескольких жилищ, в которых сосредоточены почти все находки. Жилища были прямоугольными, бревенчатыми, слегка углубленными. Их двускатная крыша опиралась на столбы в центре. Люди занимались охотой и рыболовством, вели подвижный образ жизни и многократно возвращались на те же самые стоянки (Стоколос, 1986).

Керамика представлена сосудами разной величины, от мелких, диаметром до 12 см, до крупных – диаметр более 30 см. Форма сосудов полуяйцевидная, дно круглое, венчик прикрыт, в тесте примесь песка, шамота и известковой крошки. Орнаменты выполнены гребенчатым штампом, узоры геометризованы – треугольники, ромбы, зигзаги и т.п. Узоры расположены горизонтальными зонами. Соответствие орнаментации можно видеть в неолите Зауралья.

Кремневый инвентарь выполнен в технике отщепа, обработка двусторонняя. Преобладают скребки, ножи,

Рис. 80. Неолитические памятники Северо-Востока Восточной Европы. Керамика и каменные орудия. Развитый (1-25) и поздний (26-29) неолит

1, 9, 12, 13, 19 – Индига I; 2, 3, 17, 21, 23 – Кыстырью; 4-8, 10, 11 – Сирпач-Шор; 14-16, 18, 20, 22, 24, 25 – Ружникова; 26-30, 37, 55 –

Вонгода I; 31-35, 38-42, 45-49, 54, 58, 60-62, 65 – Прилукская; 36, 43, 44, 50-53, 56, 59, 64, 66-69 – Эньты I; – различные стоянки

комбинированные орудия, изредка встречаются наконечники стрел листовидной формы или с широким основанием.

Ареал чужъяельской культуры по мнению В.С. Стоколоса (1986. С. 104) в энеолите, в III тыс. до н.э. достигает на севере Косминских озер и Ямозера, т.е. Печерского Приполярья. Выделено два периода существования культуры. Для раннего на поселении Чойновты I получены даты 5320 ± 60 ЛЕ-1729 и 5210 ± 60 ЛЕ-2168 (Стоколос, 1986. С. 100), которые позволяют относить сложение культуры к концу IV тыс. до н.э. Начало второго энеолитического периода датируют серединой III

тыс. до н.э. На поселении этого времени Ошчой V (жилище 3) получена дата 4540 ± 40 ЛЕ-1730. В энеолите чужъяельская культура занимает наибольшую территорию и достигает расцвета.

Таким образом, в неолите – начале энеолита Север Восточной Европы, в особенности его северо-восточные регионы, продолжали заселяться из Волго-Окского междуречья и Прикамья. Возможно, отдельные группы охотников-собирателей продвигались на восток из Восточного Прионежья и Карелии. В результате происходило формирование новых этнокультурных образований.

Глава 4

Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье

Впервые коллекции неолитических орудий и керамики в Волго-Камье были собраны в конце XIX в. казанскими археологами и пермскими краеведами. Первая исследованная в 1925 г. А.В. Шмидтом Левшинская стоянка на р. Чусовой показала своеобразие неолита этого района по сравнению с поселениями Оки и Верхней Волги. Об особой камской неолитической культуре писал и А.П. Окладников (1941).

Работами Камской экспедиции Пермского Университета (начатыми в 1947 г.) раскопано около 20 стоянок, выделена особая западноуральская историко-культурная область и намечена периодизация памятников неолита (Бадер, 1953б). В 1950–1960-х годах исследования в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье проводила экспедиция под руководством А.Х. Халикова, предложившего свою характеристику волго-камской неолитической культуры и ее периодизацию. Наряду с обычными для Прикамья стоянками с керамикой, украшенной гребенчатым орнаментом, А.Х. Халиков (1969) выявил стоянки с сосудами, орнаментированными наколами и оттисками отступающей лопаточки, напоминающими днепро-донецкие или зауральские. Он считал, что эти стоянки характеризуют начальные этапы единой волго-камской культуры (Халиков, 1983, 1986) или западно-

уральский историко-культурной области эпохи неолита (по О.Н. Бадеру). Р.С. Габяшев и другие исследователи предлагают иную интерпретацию стоянок с так называемой накольчатой керамикой, в которой видят неоднократные импульсы со стороны неолитических и энеолитических культур, расположенных к югу и юго-востоку.

Западно-уральская историко-культурная область включает западные склоны Урала, Нижнее Прикамье, Казанское течение Волги, южные притоки р. Белой, Камско-Вятское междуречье. Поселения располагались в непосредственной близости к воде, на берегах озер и рек, что обуславливалось формой хозяйства – рыболовством.

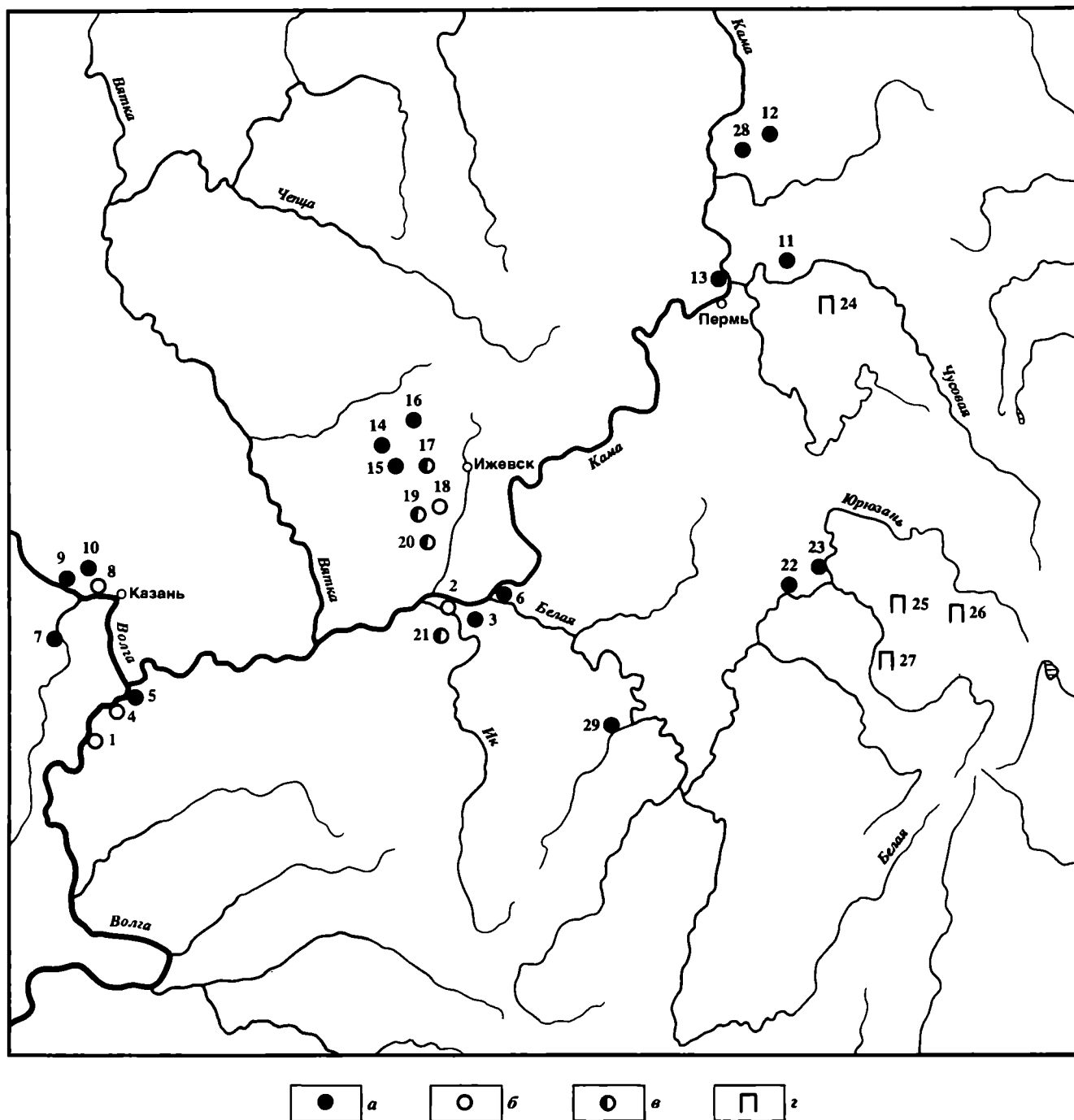
Выделение культур в западно-уральской этнокультурной области достаточно сложно из-за нерешенности для Поволжья и Урала вопроса о соотношении гребенчатой и накольчатой керамики в хронологическом и историко-культурном плане. Представляется наиболее правильной систематизация культур, предложенная Р.С. Габяшевым (1976), который выделяет две основные археологические культуры – камскую с гребенчатой керамикой и отщеповой или пластинчато-отщеповой индустрией и волго-камскую с накольчатой керамикой и пластинчатой индустрией (карта 12).

Камская культура

Камская неолитическая культура с гребенчатой керамикой представлена двумя группами памятников. Одна локализована в Верхнем и Среднем Прикамье, другая – в Нижнем. Стоянки первой группы (Боровое Озеро I, Хуторская, Кряжская и Левшинская) являются опорными для периодизации, предложенной О.Н. Бадером. Следует упомянуть также Чашкинское озеро VI и ряд других (Мельничук, 1980; 1981; Денисов, Мельничук, 1986). В Нижнем Прикамье (II группа) известно около 10 памятников, из которых сравнительно-типологическому анализу подвергнута керамика поселений II Лебединского, II Дубовогривского и I Саузовского (Калинина, 1979; 1993).

Для обеих групп памятников характерны большие сосуды из глины с примесью шамота, хорошо сглаженной поверхностью, сильного обжига, широкогорлые, полувойцедвидной формы, с острым или округлым дном, наклонным внутрь краем с характерным наплывом (рис. 81). Вся поверхность сосудов покрыта гребенчатым орнаментом в виде горизонтальных зон и рядов косых отпечатков длинной гребенки, треугольников, заполненных оттисками штампа разного наклона, ромбов, вертикального зигзага (“шагающей гребенки”) и др. Иногда к гребенчатому примешивается неглубокий ямчатый орнамент, а также узор из насечек и прочерченных линий (рис. 81, 33).

Опорным памятником камской культуры следует считать Хуторское поселение в Среднем Прикамье, являющееся эталонным для характеристики жилищ, керамики, определения возраста поселений (Денисов, 1960). Собранные здесь коллекции вещей разнообразны и содержат все группы и типы изделий, присущие памятникам Среднего и Верхнего Прикамья. Вместе с тем имеются показатели локальных и хронологических различий. Основное различие в керамике Верхне-Среднего и Нижнего Прикамья заключается в полном отсутствии в Нижнем Прикамье керамики с прочерченным орнаментом зауральского облика и относительно большой процент керамики с насечками, в то время как процент насечек в керамике Верхне-Среднего Прикамья очень незначителен. Например, в Боровом Озере I в Верхнем Прикамье прочерченная керамика составляет более 1/4 всех фрагментов сосудов. В Нижнем Прикамье такая керамика полностью отсутствует. Более частные устойчивые локальные признаки проявляются в технологии. В Среднем Прикамье ширина глиняных лент не превышает 4,5 см, в Нижнем Прикамье глиняные ленты шире – от 5 до 8 см. В Среднем Прикамье применялся более короткий штамп – максимальное количество зубцов – 20, а длина оттисков не превышает 4 см, в Нижнем Прикамье – свыше 25 зубцов и соответственно длина оттисков – более 6 см. Для

Карта 12. Памятники неолита Волго-Камья и Приуралья (составлена Л.Я. Крижевской)

а – памятники камской культуры; б – памятники волго-камской культуры; в – памятники, содержащие комплексы камской и волго-камской культур; г – наскальные рисунки; 1 – Ага-Базарская III; 2 – Татарско-Азиевская; 3 – Русско-Азиевская; 4 – Щербетская II; 5 – Лебединская II; 6 – Саузовская I; 7 – Кабы-Копрынская; 8 – Обсерваторское III; 9 – Русско-Луговская II; 10 – Старо-Мазиковская II; 11 – Боровое озе-

ро I; 12 – Хуторское; 13 – Левшинское; 14 – Моторки II; 15 – Тархан I; 16 – Новомултанское; 17 – Кыйлуд III; 18 – Кыйлуд II; 19 – Кочуровское I; 20 – Чумайтло I; 21 – Дубовогривское; 22 – Усть-Юрюзанское; 23 – Усть-Айское; 24 – писаный камень на р. Вишере; 25 – писаный камень на р. Серьге; 26 – наскальные рисунки у Бурановской пещеры; 27 – наскальные рисунки у Идрисовой пещеры; 28 – Чашкинское озеро VI; 29 – Муллино II

Среднего Прикамья характерны вытянутые формы сосудов, у которых высота превышает диаметр, в Нижнем Прикамье они приземистые, высота меньше диаметра. В обеих группах наблюдается также различие в устойчивых традициях нанесения деталей орнамента, его композиции и пр. (Калинина, 1979).

Каменный инвентарь в Верхнем Прикамье характеризуется первичным расщеплением на отщепы, в Нижнем

Прикамье – на отщепы и пластины. В целом для Верхнего Прикамья характерны двусторонне обработанные формы: листовидные и ромбические наконечники стрел, крупные одно- и двулезвийные ножи со сплошной и краевой ретушью из отщепов и плиток кремня, проколки и сверла, разнообразие скребков (рис. 82). Присутствуют и сланцевые шлифованные топоры, многочисленны сланцевые штампы. В Нижнем Прикамье двусторонне обработанному инвентарю сопутствуют изделия из пластин.

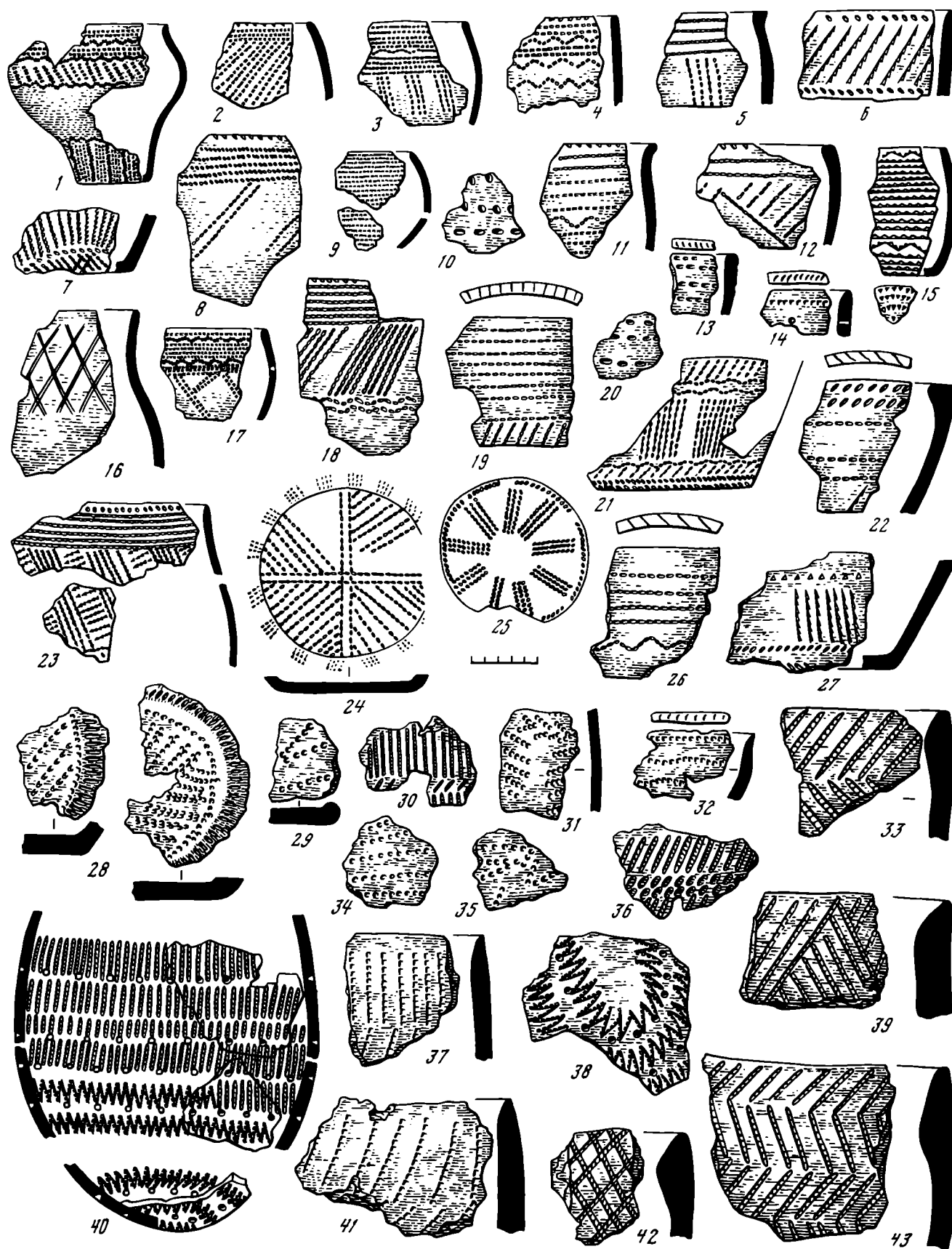

Рис. 81. Керамика камской и волго-камской культур

1-9, 11, 12, 15-19, 21-27 – Татарско-Азиевская; 10, 13, 14, 20, 28-32,
34-36, 38, 40 – Моторки II; 33, 37, 39, 41-43 – Саузовская II

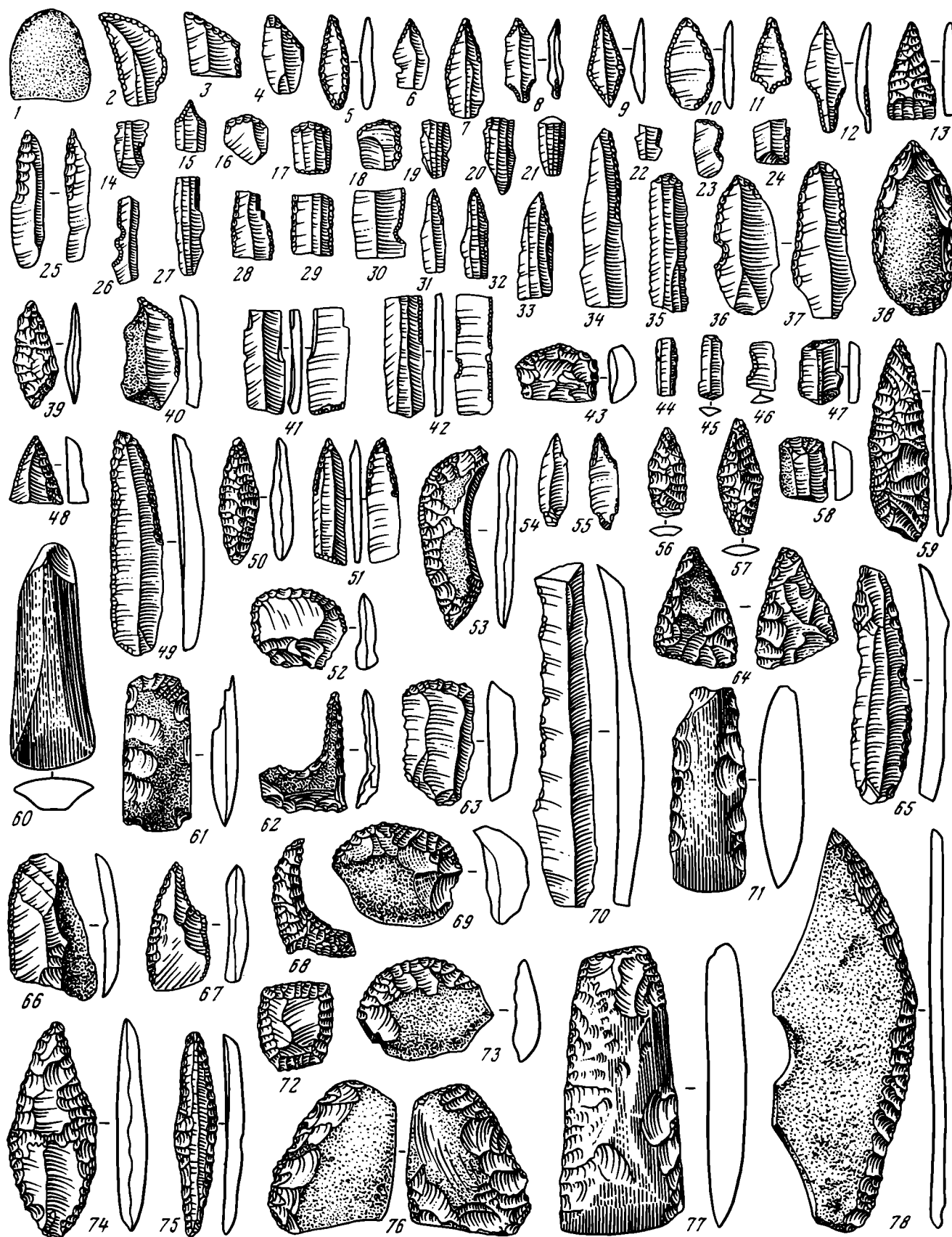

Рис. 82. Орудия волго-камской и камской культур

1, 3, 4, 6, 7, 14, 16-24, 26-38 – Татарско-Азиевская; 2, 8, 12, 15, 25 – Шербетская II; 5 – Ембулатахская; 9, 11 – Тетюшская; 10 – Старо-Куйбышевская; 13 – Комаровская; 39, 60 – Хуторская; 40-42, 48, 49, 51, 62,

66, 68, 72 – Саузовская II; 43, 44, 46, 47, 54-56, 58, 65, 70, 71, 77, 78 – Моторки II; 45, 57, 59, 64 – Новомултанское; 52 – Кряжская; 53, 61, 67, 69, 75 – Лебединская II; 63, 73-76 – Боровое озеро I

Итак, основываясь на некоторых различиях керамики и кремневого инвентаря, а также на территориальной обособленности двух групп памятников, можно предполагать, что они отражают локальные варианты камской неолитической культуры гребенчатой керамики.

В 1980, 1981 гг. выявлены новые и исследованы ранее известные памятники на правобережье нижнего течения р. Белой – компактная группа из 25 поселений, содержащих смешанные – поздненеолитический и энеолитический – комплексы. Большинство исследователей относит их к варианту камской неолитической культуры (Бадер, 1963; Халиков, 1969; Калинина, 1980). Было также высказано мнение о выделении этой группы в особую прибельскую культуру (Матюшин, 1976а; 1985).

К настоящему времени завершено исследование ряда памятников. Раскопаны на широкой площади поселения Сауз I, II, опорные для этого региона, исследованы Сауз IV, Кюнь II и др. (Бадер, Выборнов, 1980; Выборнов, 1983; Выборнов, Обьденнов, 1983; Морозов, Тихонов, 1984). Анализ серийного материала позволил выявить типичные признаки кремневого инвентаря и керамики этого региона.

Орудия труда характеризует сочетание крупно-пластинчатой и отщеповой техники. Основную категорию составляют разнообразные типы скребков и несколько меньшую – ножи, присутствуют архаические типы – пластины с ретушью, угловые резцы, остря. По общим технико-типологическим признакам кремневый инвентарь близок инвентарю камского неолита.

Для сосудов типичны: крупный размер, полуяйцевидная форма с прикрытой верхней частью, округлое или округло-коническое днище. По форме и технологическим признакам посуда входит в круг керамики камской неолитической культуры. Преобладает гребенчатая орнаментация (98%), нанесенная мелкозубчатым штампом. Посуда, орнаментированная насечками (около 1%), является органической составной частью керамического комплекса.

Общая характеристика каменного инвентаря и керамики позволяет заключить, что неолит нижнего течения правобережья р. Белой входит в камскую культуру с гребенчатой керамикой, составляя ее локальный вариант. Наличие в изучаемом регионе мезолитической стоянки Зиарат I и ряда раннеэнеолитических памятников (Кутурган-Ерганак, Зиарат и др.) позволяет усматривать генезис неолита в местном мезолите. Позднеэнеолитические и энеолитические культуры продолжают развитие местных культур при участии лесостепного и степного компонента (Выборнов, 1983).

В левобережье низовьев р. Белой и Иско-Бельском междуречье в 60–70-е годы открыто и частично раскопано значительное количество памятников позднего неолита и раннего металла (Габышев, 1982). Позднеэнеолитические памятники сохраняют признаки преемственности камской неолитической культуры. Керамика имеет две тенденции: одна развивает местные традиции и сохраняет гребенчатую орнаментацию, вторая – воротничковая, со шнуровым орнаментом, имеет определенные аналогии в керамике самарской культуры. В ней прослеживается также влияние ямочно-гребенчатой керамики, проявляющееся в наличии ямок по тулову.

Таким образом, здесь, так же как на правобережье низовьев Белой, открыты памятники камского неолита и раннего металла, обнаруживающие аналогичное южное влияние. Существенно, что материал происходит из жилищ (поселения Дубогривское, Игримское, Русско-Азибейское и др.), что позволяет достоверно выделить разновременные комплексы.

Периодизация и хронология камской неолитической культуры, установленная на основании типологического анализа памятников Верхнего и Среднего Прикамья (Бадер, 1953; 1970), пока все еще не нашла подтверждения в стратиграфических и иных данных. Построенная только на принципе типологических различий, она не является вполне доказанной, особенно потому, что среди прикамских поселений нет таких, где бы присутствовала керамика только с ранними или только с поздними признаками (Калинина, 1979). Тем не менее, эта периодизация вошла в научный оборот. По этой схеме первый (борово-озерский) этап характеризуется наличием в кремневом инвентаре наконечников стрел иволостной формы, ножами на пластинчатых отщепах с ретушью по одной стороне, скребками на отщепах и концевыми на пластинках, вкладышевыми орудиями с крупными пластинками. Пластинчатых форм немного (15% инвентаря), микролитические изделия отсутствуют. В небольшом числе имеются шлифованные орудия.

Вместе с типичной гребенчатой керамикой камского типа встречается керамика с прочерченным орнаментом, по всем признакам – зауральского происхождения, имеющая аналогии с зауральской раннеэнеолитической керамикой, известной по таким поселениям, как Евстюниха и Полуденка (Старков, 1980).

На втором (хуторском) этапе прочерченная керамика зауральского облика исчезает, гребенчатый же орнамент усложняется, становится разнообразнее, шире применяется “шагающая гребенка”. В каменном инвентаре уменьшается количество пластин и изделий из них, появляются наконечники стрел подромбической формы и с намечающимся черешком, а также наконечники копий. Увеличивается число шлифованных орудий, появляются топоры “русско-карельского типа”. Изменяется топография поселений, они располагаются теперь выше стоянок предшествующего времени.

Как видно из материала, различия боровоозерского и хуторского этапов не столь существенны. Целесообразнее объединить их, разделив камский неолит лишь на 2 этапа и выделив в качестве второго левшинский (третий по существующей ныне периодизации).

Левшинский этап характеризуется некоторыми новыми признаками керамики – увеличением круглодонности посуды, появлением прямой формы края (наряду с прикрытой), прямыми, тонкими без наплыва венчиками. Входят в обиход наконечники стрел вытянуто-треугольной формы, характерные уже для эпохи бронзы.

К левшинскому этапу относится поселение Чашкинское озеро VI, где вместе с гребенчатой керамикой найдены разные типы керамики с накольчато-прочерченной орнаментацией. Хронологическое соотношение этих трех типов керамики неясно из-за отсутствия четкой стратиграфии (Денисов, Мельничук, 1986).

Для определения хронологии памятников камской

культуры Нижнего Прикамья в настоящее время используется вышеизложенная периодизация О.Н. Бадера, согласно которой они делятся на 2 этапа. Первый этап представлен поселениями типа II Лебединского. Обнаруженные в жилище полуайцеvidные сосуды со слабо прикрытым горлом соответствуют второму (хуторскому) этапу Верхне-Среднего Прикамья. Поздний этап, представленный памятниками типа Русско-Азибейской стоянки (где бытуют сосуды с цилиндрическим горлом, намеченными плечиками и округло-коническими днищами) синхронны левшинскому этапу Среднего Прикамья (Габышев, 1978а, б).

На позднем этапе (начало III тыс. до н.э.) развитие камской культуры было нарушено проникновением с запада населения балахнинской культуры ямочно-гребенчатой керамики. Это явление фиксируется появлением памятников, содержащих в одном комплексе ямочно-гребенчатую и гребенчатую керамику камской или волго-камской, по А.Х. Халикову (1982), культуры.

Представляют интерес жилища, обнаруженные на некоторых поселениях камской культуры. В Хуторском (раскоп III) вскрыто прямоугольное полуземляночное жилище с плоским полом, размером 16,5 × 4,5 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток (вдоль дюны) и углуб-

ленное в материковый песок на 0,5 м. В северо-западной части находился выход – коридор длиной 2 м и шириной 3,8 м. У выхода и в юго-западной части жилища сохранились остатки лежащих под прямым углом обугленных бревен. Вдоль стенок зафиксировано 27 столбовых ямок различного (от 8 до 14 см) диаметра. Столбы служили, очевидно, для укрепления стенок жилища, а также для поддержки перекрытия, которое реконструируется как односкатная крыша. В продольных стенках жилища располагались 4 прямоугольные ниши (от 0,5 до 1,00 м в длину и от 0,5 до 1,5 м в ширину), возможно, служившие для хранения запасов (рис. 60). В центре жилища на полу находились 2 кострища овальной формы. Заполнение их состояло из прокаленного песка, мощностью 10 см, содержащего мелкие фрагменты керамики, кремневые орудия и мусор, мелкие кальцинированные косточки. Примечательно большое количество кремневых чешуек, свидетельствующих о производстве у очага орудий.

Остатки жилища сохранились на поселении Лебединское II (рис. 60). Оно имело прямоугольную форму, размером 5,6 × 9,4 м, с двумя выходами – на восток и запад, с рядом столбовых ям по южной стенке и в центре и значительным количеством очажных пятен. Можно предполагать четырехскатную кровлю (Халиков, 1969).

Волго-камская культура (с накольчатой керамикой)

В итоге многолетних исследований, проведенных экспедициями Казанского филиала АН СССР в первой половине 70-х годов, в низовьях Камы и в Казанском Поволжье обнаружены неолитические памятники, содержащие керамику с накольчатой орнаментацией. К настоящему времени в приустьевой части р. Камы зафиксировано, по данным Р.С. Габышева, более 50 подобных стоянок. Основными являются II Щербетская, II Татарско-Азибейская и др. Все они располагаются на останцах первой надпойменной террасы, образуя небольшие группы – от 2 до 5 стоянок в каждой. Насыщенность слоя культурными остатками обычно невелика. Лишь II Щербетская стоянка, которая и дает наиболее полное представление об общем облике культуры, содержала значительное количество находок.

Каменный инвентарь здесь резко преобладает над керамикой. В основном он пластинчатый, в технике вторичной обработки господствует краевая и частичная ретушь со спинки. Сплошное двустороннее ретуширование применялось в единичных случаях (в основном при изготовлении наконечников стрел). Встречаются наконечники стрел (пластинчатые, подромбические, листовидные, треугольно-черешковое, подтреугольные), проколки двух типов, сверла, скошенные острия, одно- и двулезвийные ножи, резцы на углу пластины, скобели. Только среди скребков около 75% изделий из отщепов. Имеются сланцевые долота и тесла. Сосуды представлены двумя группами. Одна (80%) – тонкостенные с примесью шамота, дресвы и красной охры. Поверхность сосудов тщательно сглажена, иногда до лощения. Орнамент состоит из наколов, нанесенных в отступающей мане-

ре. Более сложные композиции представлены геометрическими фигурами – заштрихованными ромбами, треугольниками, параллелограммами, повторяющимися узорами, известные на гребенчатой керамике (рис. 81). Сосуды второй группы отличаются формой края. Посуда толстостенная, с прикрытым горлом. Наколы в узорах более крупные и небрежно нанесенные.

В целом волго-камская накольчатая керамика своеобразна, но сочетает признаки сходства с днепро-донецкой и – в меньшей степени – с зауральской. С первой ее роднит преобладание орнамента в виде “отступающей палочки”, орнаментальные композиции и их разреженность. Эта керамика ближе всего среднедонской керамике, которую одни исследователи относят к среднерусскому варианту днепро-донецкой культуры (Левенок, 1973), а другие выделяют в самостоятельную среднедонскую культуру (Синюк, 1978). С зауральской посудой наблюдается сходство в псевдодеревянных, псевдогребенчатых узорах (Габышев, 1976).

Наибольшего расцвета волго-камская культура достигает в самом начале периода металла. Ярче всего она представлена II Татарско-Азибейским поселением (Габышев, 1978а). Общий облик памятника вполне отвечает культуре каменного века. Вместе с тем, на поселении оказались сосуды-тигли (27 экз.) с ошлакованной поверхностью и вкраплениями меди, а также обломки сосудов со шлаками. Они определяют возраст поселения начальной порой эпохи металла.

На основной массе керамики представлен накольчатый орнамент, нанесенный в манере “отступающей палочки”. Встречаются горшковидные, с раздутым туловом и баночные сосуды.

Гребенчатую керамику представляют плоско- и округлодонные сосуды полуяйцевидной формы с прикрытым горлом. Орнамент покрывает всю поверхность и тоже разрежен.

На II Татарско-Азиевском поселении выявлено 5 жилищ и ямы вне их. Четыре жилища имели подпрямоугольную форму, одно – округлую. Детали внутреннего устройства не выявлены, но в каждом жилище находился очаг в виде очажного пятна с мелкими углистыми включениями и яма. Одна из западин (№ 1, округлой формы), расположенная вне жилища, имела площадь около 16 кв. м и очаг в центре. Вполне вероятно, что это также жилище, но иного типа.

Несмотря на отсутствие столбовых ям и каких-либо следов перекрытия наземной части, Р.С. Габяшев предполагает, что это остатки слегка углубленных наземных жилищ. Четыре из них, подпрямоугольной формы, имели бревенчатый сруб, на котором располагалась крыша. Одно жилище (№ 15) и яма № 1 являлись скорее всего жилищами типа чума, с очагом у входа.

На вопросы появления в Прикамье культуры накольчатой керамики, ее происхождения и взаимоотношения с гребенчатой существуют различные точки зрения. А.Х. Халиков видит в культуре накольчатой керамики непосредственную связь с местным мезолитом. Р.С. Габяшев относит ее к местному энеолиту, а В.П. Третьяков (1972б) считает, что накольчатая керамика принесена с юга. Однако накольчатая керамика Волгокамья своеобразна по сравнению, например, с днепро-донецкой, кроме того, в днепро-донецкой культуре накольчатая керамика не является древнейшей.

Можно предположить проникновение накольчатой керамики в Казанское Поволжье из Волго-Окского бассейна вместе с населением верхневолжской культуры, отступившим под давлением носителей ямочно-гребенчатой керамики в IV тыс. до н.э.

В настоящее время известны отдельные памятники с “чистыми” комплексами накольчатой и гребенчатой керамики. Последние представлены в одном жилище Хуторской, на Кряжской стоянке и Новомултанском поселении в бассейне р. Вятки. На всех остальных памятниках наблюдается совместное залегание гребенчатой и накольчатой керамики. Скорее всего, в этом отражены сложные взаимоотношения носителей двух культур – местной (гребенчатой) и пришлой (накольчатой). В этой связи подлежит рассмотрению вопрос о возможности сосуществования разных этносов. По-видимому, носители камской гребенчатой культуры сыграли определенную роль в сложении волосовской и турбинской культур.

Группа неолитических памятников выявлена в Камско-Вятском междуречье. Они имеют собственные характерные признаки, а также общие черты с неолитом Волго-Камья. На большинстве поселений сохранились остатки жилищ – Кочуровское I, Новомултанское, Моторки II, Кыйлуд III, Чумайтло I (Гусенцова, 1977; 1979; 1981). В Моторках II и Чумайтло I зафиксированы не только жилища, но и планировка поселка.

Кремневый инвентарь характеризуется использованием крупных пластин и отщепов в равном числе. Из пластин сделаны вкладыши, концевые скребки, угловые резцы, скребки-резцы, скребки-скобели. Представлены

ножи разных типов, ложкарные инструменты. Наконец стрел листовидные, подромбические и постсвидерского типа (рис. 82). Особенностью индустрии является крайне малое количество рубящих орудий.

Керамика делится на гребенчатую и накольчато-прочерченную, залегающие совместно (кроме двух жилищ – на поселениях Кыйлуд III и Новомултанском). Гребенчатая керамика преобладает. Сосуды полуяйцевидной формы, широкогорлые, с округлым или приостренным дном, с прикрытым, подцилиндрическим или слегка открытым горлом. Основными узорами являются ряды горизонтальных линий, состоящие из оттисков прямо и наклонно поставленного штампа, геометрических фигур в виде квадратов или прямоугольников.

Накольчато-прочерченная посуда делится на две группы: тонко- и толстостенную. Первая преобладает. Сосуды горшковидной формы с уплощенным или плоским дном. Орнамент нанесен палочкой в “отступающей манере”, реже – прочерченными линиями и отдельными наколами. Узоры слагаются из рядов наклонно или горизонтально расположенных строчек, коротких линий, образованных ногтевидными вдавлениями, “елочки”. Днища орнаментированы радиальным узором. Толстостенная посуда по технологии и общему облику близка гребенчатой, но сходные орнаментальные композиции выполнены палочкой. В целом же керамика близка нижнекамской накольчатой посуде из II Щербетской и других стоянок.

В центре поселения Кыйлуд III и в Новомултанском находились большие жилища размером 13 × 13 и 11 × 11 м. Вокруг располагались малые жилища или иные постройки – 4 × 6, 5 × 6 и 8 × 6 м, численностью от 2 до 5. Жилища подквадратные или прямоугольные, полуземлянки и наземные. Выходы расположены по углам жилищ, со стороны реки. Очажные ямы и кострища находились в центре. Вдоль стен и у очагов размещались хозяйственные ямы с сосудами и скоплениями орудий. Расположение столбовых ям позволяет реконструировать шатровое перекрытие в жилищах подквадратной формы и двускатную либо подпрямоугольную крышу (Голдина, Гусенцова, 1979).

Неолит камско-вятского междуречья входит в волго-камскую историко-культурную область в качестве самостоятельной единицы (культуры?). Известные сейчас памятники относятся к развитому и позднему неолиту, что подтверждается радиокарбоновой датой поселения Чумайтло I – 4170 ± 90 (ЛЕ-1289), т.е. 2220 до н.э.

В левобережье Волги, на территории Марий Эл, известны стоянки разных периодов неолита. На большинстве поселений существовали однотипные жилища, более или менее углубленные (Никитин, 1984а; 1986). Среди поселений развитого неолита опорным считается Дубовское III, содержащее накольчатую керамику двух типов. Первый имеет аналогии в Подонье и, очевидно, происходит оттуда, второй сходен с керамикой стоянок II Щербетская и II Татарско-Азиевская. Вместе с накольчатой встречена в меньшем числе посуда камского облика с гребенчатым орнаментом и единичные фрагменты керамики волго-окского типа.

Среди памятников финального неолита опорными являются Красный Мост II и III, также с многочисленными

жилищами (Никитин, 1984б). Керамический комплекс свидетельствует о том, что красноостские и аналогичные стоянки представляют зону контакта культур волго-камской и волго-окской исторических общностей. В то же время автор считает их восточным вариантом культур ямочно-гребенчатой керамики.

На западном склоне Урала и в Южном Приуралье расположены памятники, имеющие косвенное отношение к волго-камской этнокультурной области или же стоящие особняком. Среди них территориально наиболее близкими являются стоянки Давлеканово и Муллино, расположенные на левых притоках р. Белой (Давлеканово на р. Дема, Муллино на р. Ик). Оба памятника многослойные, содержат горизонты с культурными остатками от мезолита до эпохи бронзы (Матюшин, 1970а; 1982а, б). Что же касается неолита, в поселении Муллино этот горизонт получил в литературе наименование Муллино II. Основная характеристика обоих поселений выражена керамикой. В Давлеканово она представлена остродонными сосудами с прикрытым краем. Преобладает гребенчатый орнамент, нанесенный тонким длинным штампом. Керамика сходна с керамикой стоянок Хуторской, Кряжской, Боровое Озеро I (Матюшин, 1970а).

Неолитическая керамика поселения Муллино II по своим основным признакам сходна с давлкановской. Орнаментация образована главным образом вертикальными, наклонными и другими оттисками длинного гребенчатого штампа. Кроме керамики найдено много орудий из кремня, кости (Матюшин, 1982а. С. 43). Среди последних – крупные острия и гарпуны, представляющие вместе с многочисленными грузилами орудия рыболовства. Оба поселения следует, по-видимому, относить к волго-камской этнокультурной области.

Группы поселений выявлены на р. Ай, большинство из них многослойные. Есть и ранне-неолитическая стоянка с развитым пластинчатым инвентарем. Но наиболее выразительным является поселение Средняя Ока. Неолитическая керамика ее разделена на группы по технологии (примесям): с песком, тальком и растительными остатками. Орнамент гребенчатый и накольчатый. Кремневый инвентарь пластинчатый (наконечники, скребки, острия, ножи), обработан краевой ретушью (Морозов, 1982). Общий облик местонахождений и поселений, расположенных по среднему течению р. Уфы (Крижевская, 1968; 1973в), определяет наличие обширной кремнеобрабатывающей Усть-Юрюзанской мастерской, вокруг которой сосредоточивалось, как показывают разнотипные орудия, разнотипное население, по-видимому, в связи с потребностью в сырьевом материале. Единичные памятники, находящиеся в высокогорном районе Приуралья, – Кага и Бельская – близки по составу инвентаря к уфимской группе местонахождений (Матюшин, 1962).

При обилии постоянных и сезонных поселений во всем обширном регионе Приуралья, включая Южный Урал и Казанское Поволжье, не найдено ни одного могильника, известны лишь отдельные захоронения. В Южном Приуралье (бассейн р. Белой) известны погребения на Давлекановской стоянке (Матюшин, 1970а), на р. Сюнь (Казаков, 1978), в пещерных стоянках Бурановская и Старичный Гребень (Бибииков, 1950), Каменное

Кольцо (Бадер, 1973). В Казанском Поволжье – погребение в Муслимовском р-не Татарской АССР (Казаков, 1978), три погребения на Гулькинской стоянке (Збруева, 1960), и одно на Ново-Мордовской (Высоцкий, 1885; Дебец, 1948). К волго-камской этнокультурной общности следует отнести погребения в Казанском Поволжье (кроме муслимовского), а также на р. Сюнь и давлкановское.

Давлекановское погребение обнаружено на одноименном поселении, расположенном на границе Южного Урала и Среднего Прикамья; датируется неолитом. Оно располагалось в основании культурного слоя, могильная яма отсутствовала. Захоронение принадлежало взрослому мужчине, положенному на правый бок в скорченном состоянии, головой на северо-запад, слегка присыпанного охрой. Сопровождающий инвентарь состоял из двух скребков, лежавших в области груди и головы, и двух пластинок у колен. По определению М.М. Герасимова, здесь захоронен долихокранный европеоид (с относительно высоким лицом и орбитами) с небольшой примесью монголоидных черт. Отнесение этого погребения к волго-камской общности вполне вероятно, несколько настораживает только его территориальная отдаленность – расположение в южноуральских широтах.

Погребение на р. Сюнь (левый приток р. Белой) располагалось на развальной дюне. Костяк принадлежал мужчине 20–25 лет. Погребенный лежал на спине, головой на юго-восток, при нем находился костяной наконечник копья, 7 кремневых наконечников из пластин, обработанных краевой ретушью, скребок, клыки медведя и лисицы. Погребение отнесено к раннему неолиту (Казаков, 1978).

Особое внимание привлекает погребение (разбросанные в беспорядке обломки костей человека со следами охры), обнаруженное в Муслимовском р-не, у дер. Русский Шуган, на развальной дюне. Вместе с ним лежало около 100 бусин из раковин, несколько десятков резцов сурка. Выявлено пятно 4 × 3 м, при расчистке которого обнаружили еще кости человека, обломки 20 фрагментов керамики, принадлежащей одному сосуду. Орнамент нанесен четкими оттисками прямой многозубчатой гребенки, создающей вертикальный зигзаг или пояса, направленные под углом друг к другу. Среди находок пластинки, частично с обработкой, “утюжок” из талькового сланца. Довольно богат набор костяных орудий. Сырьем являлся серый яшмовидный кремень. Инвентарь имеет аналогии в нижнебельских поселениях Русско-Азиевское, Татарско-Азиевское II, Дубовогривское, а также в инвентаре зауральских неолитических поселений. Некоторые предметы (“утюжок” и керамика) бесспорно уральского происхождения. Три Гулькинских погребения (Збруева, 1960) и Ново-Мордовское не могут быть отнесены к неолиту с полной достоверностью. По данным Е.В. Жирова, М.М. Герасимова и Г.Ф. Дебца, у погребенных выражены монголоидные черты и какие-то иные (возможно южные).

С культурой приуральского неолита можно связать и наскальные рисунки, нанесенные на гладкую поверхность приречных скал красной минеральной краской. Они известны в небольшом числе, тогда как на восточ-

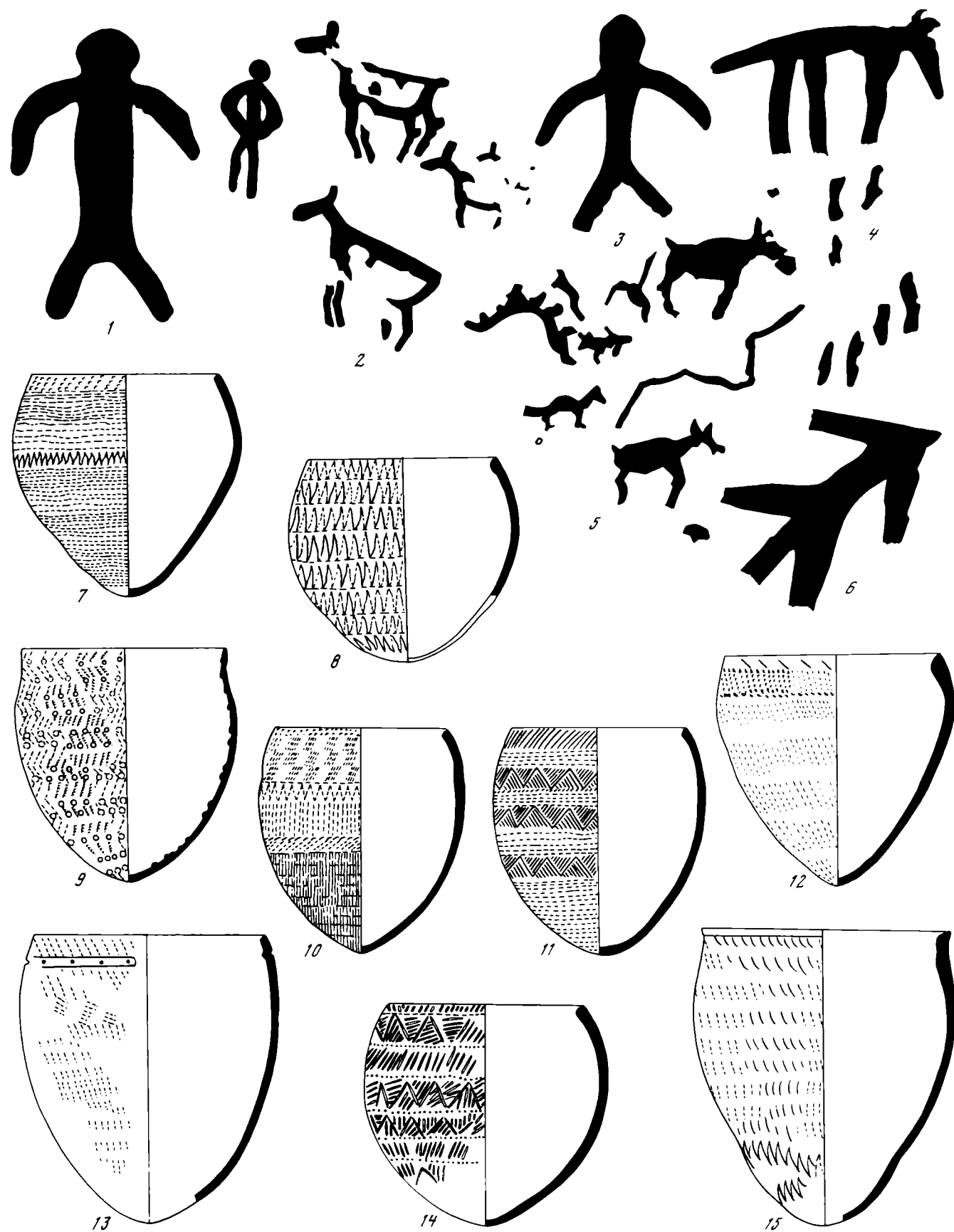

Рис. 83. Наскальные рисунки Приуралья (1–6) и сосуды камской культуры (7–15)

1, 3 – изображения людей у входа в Идрисову пещеру (по М.А. Бадер);
2 – Писаный Камень на р. Серге (по В.Н. Чернецову); 4, 6 – рисунки у
входа в Бурановскую пещеру (по С.Н. Бибикову); 5 – Писаный Камень

на р. Вишере (по В.Ф. Генингу); 7, 8, 11 – Хуторская; 9, 13, 15 – Старо-
Мазиковская; 10, 14 – Боровое озеро I; 12 – Лебединская I

ных склонах Урала их сохранилось много (Чернецов, 1964). Наиболее интересно жертвенное место с наскальными рисунками – Писаный Камень на р. Вишере. Рисунки Писаного Камня подразделяются на несколько разновременных групп. Древнейшая относится к неолиту и состоит из силуэтных реалистических изображений небосвода (?) и других фигур, нанесенных на скалу в труднодоступном месте (рис. 83). У подножья скалы, под рисунками, исследован на небольшой площади культурный слой, образовавшийся здесь в результате неоднократных посещений святилища охотниками. Древнейшие культурные остатки относятся к позднему неолиту. Вторая группа наскальных рисунков находится на р. Серге, притоке Уфы (рис. 83). Здесь фигуры людей, крышеобразный небосвод (?) и рисунки животных, видимо лосей (Чернецов, 1971). Контурная, а не силуэтная манера изображений, возможно, указывает на их более поздний возраст сравнительно с рисунками на р. Вишере.

В бассейне р. Юрюзани известны следы наскальных росписей у входа в Бурановскую пещеру. Два рисунка расположены один под другим. Верхний воспроизводит наконечник гарпуна, нижний – животное (лось? лошадь?). Оба рисунка, окрашенные в темно-красный цвет, отличаются непропорциональностью, грубой схематичностью, статичностью, отсутствием проработки

деталей. Не исключена связь этих рисунков с вышеописанным неолитическим погребением. Второй пункт с наскальными росписями в бассейне Юрюзани находится у входа в Идрисовую пещеру. Это изображение шести людей, выполненное, вероятно, в эпоху неолита (рис. 83).

Суммируя весь имеющийся материал, можно заключить, что территория Приуралья, Прикамья и Казанского Поволжья в неолитическое время была прочно освоена и плотно заселена людьми, очевидно, со сложной этнокультурной структурой, отражением чего явилось наличие различных культур и их локальных вариантов. В сложении этих общностей немалую роль играли, возможно, родственные и хозяйственные связи с населением юга и, по-видимому, востока.

К сожалению, недостаточно данных для точной датировки культур. Во всем огромном регионе пока практически нет (если не считать Чумайтло I) радиоуглеродных дат. В свете же радиоуглеродных датировок неолита лесной зоны и степных культур (Телегин, 1978; Крижевская, 1978), а также стратиграфии и палинологии, представляется, что и в Приуралье неолит существовал с начала или с середины IV тыс. до н.э. Верхняя его граница, очевидно, совпадает с концом II тыс. до н.э., что подтверждается датами Чумайтло I и других памятников лесной зоны Восточной Европы.

Глава 5

Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири

Неолитическая эпоха на исследуемой территории совпала с теплым и преимущественно влажным атлантическим периодом. Лесные пространства в то время были гораздо обширнее, чем сейчас. Они занимали значительную часть нынешних лесостепной и тундровой зон. Наиболее рациональным видом хозяйственной деятельности в этих условиях оказалось промысловое хозяйство, сочетавшее охотничий (в основном, осенне-зимний) промысел с рыболовческими (в основном, летними) занятиями. Переход к неолиту сопровождался существенными открытиями в сфере материального производства, среди которых особое место занимают широкое распространение сплошной двусторонней обработки и шлифовки орудий, резкое увеличение ассортимента и улучшение технических качеств наконечников стрел и деревообрабатывающего инструмента, усовершенствование рыболовных снастей, изобретение керамических сосудов и др. Усилились локальные культурные тенденции, что привело в конечном счете к сложению в Западной Сибири нескольких разных культурных ареалов, особенно ярко выраженных в специфике орнаментации глиняной посуды.

Главным препятствием в понимании неолита Зауралья и Западной Сибири остается его неравномерная изученность, что не позволяет с достаточной уверенностью судить как о степени сходства между неолитическими древностями разных районов рассматриваемого региона, так и об общей направленности развития зауральско-западносибирского неолита в целом. Сложившиеся археологические центры (Екатеринбургский, Тюменский, Омский, Томский, Новосибирский, Кемеровский, Барнаульский и др.) в своих полевых исследованиях до недавнего времени акцентировали внимание преимущественно на красных интересах. Это мешает разобраться в субординации выявляемых этнокультурных и историко-культурных цельностей, и мы вынуждены в настоящем очерке характеризовать известный нам урало-западносибирский неолитический материал в соответствии не столько с историко-археологическим, сколько с физико-географическим районированием. Всего можно выделить девять районов: Южное Зауралье, Среднее Зауралье, Нижнее Приобье, Кондинская низменность, Нижнее Приобье, Сургутское Приобье, Нарымское Приобье, Верхнее Приобье, Среднее Прииртышье (карта 13).

Южное Зауралье. Занимает по нынешнему административному делению восточную окраину Башкортостана и Челябинскую обл. Г.Н. Матюшин выделил здесь особую ташбулатовскую неолитическую культуру, соседствующую с одновременной ей прибельской культурой на западной стороне Уральского хребта (Матюшин, 1985. С. 21–22). К сожалению, неолитический мате-

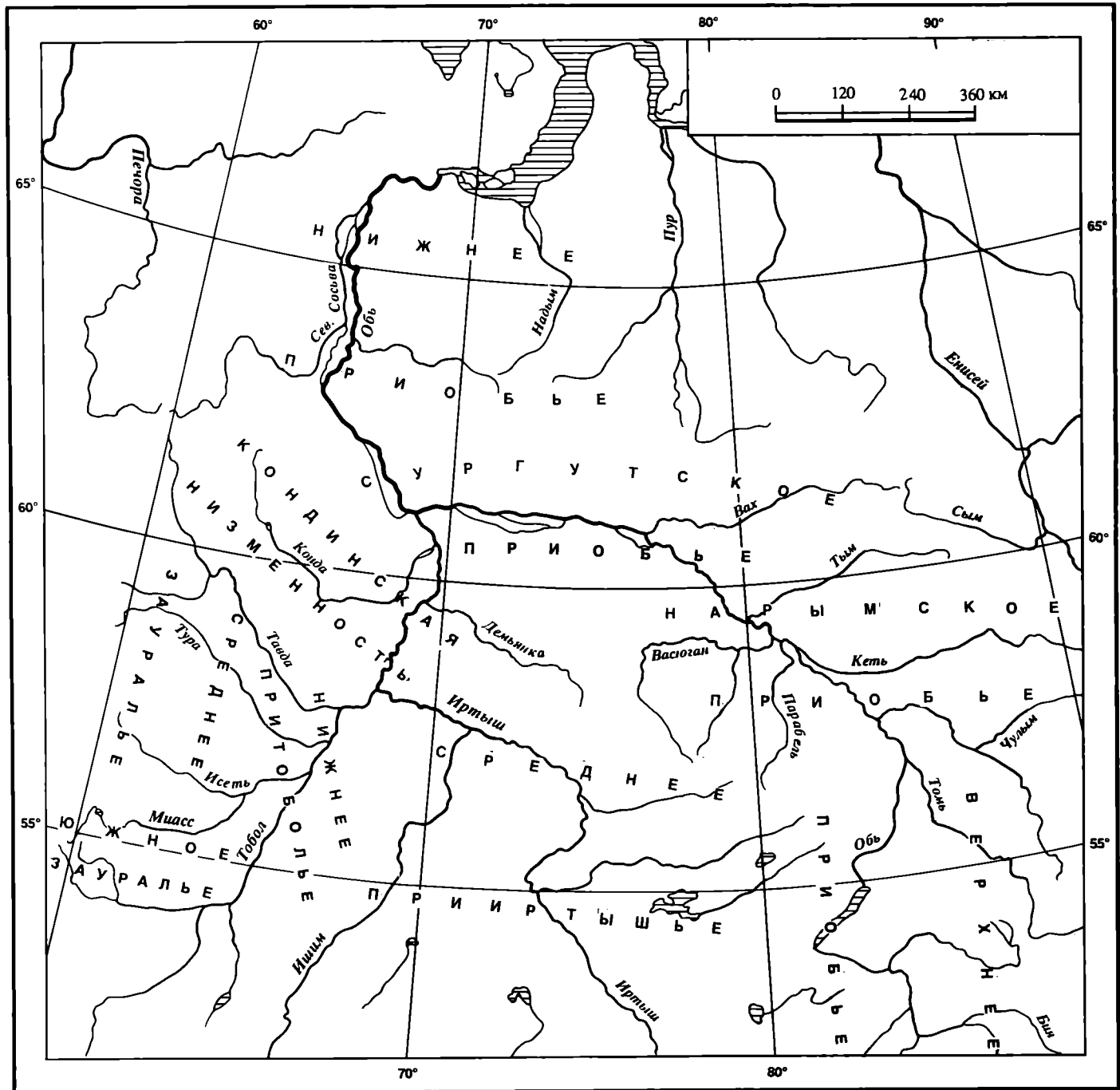
риал происходит главным образом из многослойных нестратифицированных поселений. Имеющиеся публикации кратки и малоинформативны. Тем не менее мы попытаемся наметить основные особенности неолита этого района – главным образом по работам Н.П. Кипарисовой, Л.Я. Крижевской и Г.Н. Матюшина.

Южноуральская неолитическая керамика представлена в основном некрупными остро- или круглодонными сосудами вертикально-вытянутых пропорций, с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком. Типологически выделяются две группы посуды – ранне- и поздненеолитическая. Ранняя керамика (Карабалыкты VIIIA, Мурат, Чебаркуль II и др.) малочисленна и фрагментарна. На Карабалыкты VIIIA найдено 104 обломка – в 36 раз меньше, чем каменных предметов. На некоторых ранненеолитических стоянках найдены единичные черепки.

На внутренней стороне венчика нередок наплыв (“карнизик”). Примерно три четверти керамических обломков практически не имеют сколько-нибудь различного орнамента (во многих случаях он как бы сглажен, затерт), часть украшена в прочерченно-накольчатой манере, часть в печатно-гребенчатой. “В линейно-накольчатой орнаментации преобладает ровное или волнистое прочерчивание одинарной или двойной палочкой путем равномерного нажима инструмента. Хотя полная композиция не восстанавливается, отчетливо видно преобладание горизонтальных, реже наклонных поясов разреженного рисунка... Особую группу составляют сосуды с т.н. “струйчатым” орнаментом, исполненным приемом протягивания многозубого штампа” (Крижевская, 1979. С. 11). Гребенчатая орнаментация разнообразнее. Основной мотив – пояса из прямых и наклонных отпечатков, в том числе в виде рядов шагающей гребенки.

В каменном инвентаре много пластин, типологически и по способу обработки (крутая односторонняя ретушь) близких мезолитическим: угловые резцы, пластинки со скошенным концом, пластинки с боковыми выемками, ретушированные вкладыши, острия, трапеции. Вместе с ними встречены орудия на отщепах, иногда с двусторонней обработкой (наконечники стрел, ножи и др.). В большинстве своем орудия изготавливались из яшмы, использовались также кремь, халцедон, кварцит и др.

В позднем неолите керамика по-прежнему малочисленна, фрагментарна и многократно уступает количественно каменным изделиям (Суртанды VII, Карабалыкты VIIIB, Ташбулатово I и др.). Наплыв с внутренней стороны венчика сравнительно редок и слабо выражен. Орнамент в основном гребенчатый. Внешняя поверхность сосудов украшена елочными поясами, зигзаговыми линиями. Иногда ряды зигзагов или наклонных отпечатков гребенчатого штампа чередовались с рядами шагающей

Карта 13. Восточное Зауралье и Западная Сибирь. Историко-географические районы. (Составлена М.Ф. Косаревым)

гребенки либо с полосами взаимопроникающих (в “паркетном” стиле) треугольников.

Каменный инвентарь, как и в первой половине неолита, изготовлялся в основном из яшмы, реже из кремня и других пород. Повышается удельный вес орудий на отщепках, становится характерной сплошная двусторонняя обработка каменных изделий – наконечников стрел, дротиков, ножей; но обычны и изготовленные путем частичной подправки лезвия. Наконечники чаще листовидные, иногда с намеченным черешком, есть треугольные и треугольно-черешковые. Не исключено, что среди них есть энеолитические. Встречаются асимметричные наконечники кельтеминарского типа. Многочисленны

скребки на отщепах, пластинах и их сечениях. Ножи на ножевидных пластинах и отщепах, последние обычно обработаны по всей поверхности и имеют нередко асимметричную форму. Все больше внедряются в производство сланцевые орудия. Это прежде всего “плотницкий” инструмент: топоры, тесла, долота. У топоровидных орудий округлое лезвие и суженный обушок. Самыми оригинальными изделиями неолита Южного Урала являются так называемые “утюжки”. Они обычно из глины, реже из талька, ладьевидной формы, с поперечным желобком. У некоторых по два желобка.

На поселении Суртанды VII в неолитическом слое Г.Н. Матюшин собрал некоторое количество костей ло-

шади и крупного рогатого скота, принадлежащих к домашним видам. Однако основными занятиями местного неолитического населения оставались охота (косуля, лось) и рыболовство (Матюшин, 1985).

Достоверно неолитические могильники в Южном Зауралье пока не известны. Не изучены и жилища. Переживание в каменном инвентаре, особенно на раннем этапе, мезолитических черт, характерных для предшествующей янгельской культуры, свидетельствует о местной мезолитической основе южных зауральских древностей эпохи неолита. Есть снование предполагать, что на Южном Урале неолит начинается несколько раньше, чем в других районах зауральско-западносибирской территории, но вряд ли уходит глубже VI тыс. до н.э., заканчивается же накануне сложения суртандинско-ботайской энеолитической общности, перед последней четвертью IV тыс. до н.э.

Среднее Зауралье. В административном отношении в общем совпадает с нынешней Свердловской обл., заходя на востоке в Нижнее Притоболье. Наибольший вклад в изучение среднезауральского неолита внесли Д.Н. Эдинг, П.А. Дмитриев, В.Н. Чернецов, О.Н. Бадер, В.М. Раушенбах, Е.М. Берс, А.И. Россадович, В.Ф. Старков, В.Т. Ковалева, В.Ф. Кернер и др.

В свое время В.Н. Чернецов разделил зауральский неолит на три стадии: раннюю, характеризующуюся прочерченно-отступающей орнаментацией посуды; среднюю, для керамики которой характерна отступающе-прочерченная техника нанесения узоров в сочетании с печатно-гребенчатой; позднюю – с гребенчатой орнаментацией сосудов (Чернецов, 1968). Эта периодизация была поддержана О.Н. Бадером (1970), В.Ф. Старковым (1970) и др. Однако впоследствии обнаружилось, что памятники с гребенчатой керамикой (сосновоостровский тип, по О.Н. Бадеру) относятся к началу энеолитического периода (Косарев, 1987. С. 252–253). В.Т. Ковалева предложила вместо трехчленной периодизации двухчленную: ранний неолит (памятники типа Евстюниха I) и поздний (полуденковский) (Ковалева, 1989).

К ранней стадии ею отнесены поселения Евстюниха I, Ташково I, Анин Остров, Полуденка I, Ипкуль XIII, Кокшаровский холм и др. В это время преобладают сосуды с приостренным-округлым дном и слегка наклоненными внутрь стенками. Венчики имеют наплыв с внутренней стороны. Орнаментировалась вся внешняя поверхность сосудов. Характерна техника прочерчивания и отступания, причем прочерчивание выглядит более ранним приемом. Узоры наносились заостренной палочкой. Встречаются декоративные пояса, исполненные протягиванием гребенки или ее отпечатками в “шагающей” манере, однако повышение роли гребенчатой техники – показатель приближения к поздней стадии неолита.

Орнаментальная схема довольно устойчива. У верхней кромки сосуда – пояс из ямочных наколов, а с внутренней стороны, по наплыву, волнистые линии. Ниже идут широкие горизонтальные зоны, выполненные волнистыми линиями. Иногда между ними находилась полоса из взаимопроникающих разноштрихованных треугольников, расположенных в “паркетной” манере. Встречается мотив из вертикальных линий, ромбической сетки. “Иногда верхняя зона членилась горизон-

тальными отрезками из волнистых и прямых линий, заполненных конусов. У некоторых сосудов по краю оформлены выступы, от которых спускаются вертикальные отрезки или конусы” (Ковалева, 1989. С. 21. Рис. 1–6) (рис. 84, 5, 9, 15). Известны сосуды с зооморфными изображениями по краю. Головки птиц и зверей обычно выполнены рельефно, все остальные – графически (Ковалева, 1989. Рис. 8).

Раннеэнеолитические каменные изделия Среднего Зауралья имеют во многом мезолитический облик. Так, на Евстюнихе I присутствуют угловые резцы и пластинки с боковой выемкой. На Ташково I из 122 каменных орудий 108 выполнены на пластинах. Ретушь шла по одной или двум граням спинки, реже – с бруска. Многие пластины не имеют следов обработки. Каменных наконечников стрел практически нет. Шлифованные орудия единичны. Судя по материалам Ташково I, основным видом сырья был кремнь светлых оттенков – розового, молочного, светло-серого, а также черный плиточный сланец. На Евстюнихе I найдены две скульптурки: глиняная птичка и каменная голова лося (Ковалева, 1989. Рис. 8, 1, 2).

Жилища исследованы на поселениях Евстюниха I, Ташково I, Исетское Правобережье и др. Это подпрямоугольные полуземлянки, глубиной до 0,8 м, площадью 35–40 кв. м, со ступенчатым, реже пологим выходом (иногда с двумя). Очаг обычно тяготел к центру помещения. “В одном жилище на поселении Ташково I рядом с очагом зафиксирован зольник и “стол”, представляющий собой материковый останец высотой до 0,3–0,4 м, овальной формы, размером 0,8 × 1,6 м. Наличие утепленных жилищ, хозяйственных ям, мощный культурный слой с большим количеством находок могут свидетельствовать о продолжительном обитании населения на одном месте” (Ковалева, 1989. С. 20).

Поздний (полуденковский) этап неолита Среднего Зауралья В.Т. Ковалева относит к особой полуденковской культуре (Полуденка I, Стрелка, Боровое Озеро I и др.), вытекающей из местных раннеэнеолитических древностей. Названная культура имеет ареал шире собственно Среднего Зауралья, некоторые из ведущих ее памятников расположены в западной части Нижнего Притоболья (Козлов Мыс I, Карьер II, Дуванское V и др.).

Сосуды полуденковского типа – прямостенные или слегка закрытые, с наплывом на внутренней стороне венчика или без него. “Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность; чаще всего расположен широкими горизонтальными зонами. Встречаются сосуды, заполненные узором одного мотива или чередованием двух-трех. Основные мотивы – зигзаги, горизонтальные и вертикальные линии, наклонные отрезки, волна; редкие – взаимопроникающие с разной штриховкой треугольники, ромбы. Технические приемы выполнения орнамента разнообразны – от прочерченно-накольного до гребенчатого штампа. Различные технические приемы характерны для всех комплексов позднего неолита, однако на более ранних памятниках больший объем составляют волнисто-прочерченные мотивы и в различных вариантах – шагающая и прочерченная гребенка, а на более поздних памятниках больше узоров из оттисков гребенчатого штампа” (Ковалева, 1989. С. 46. Рис. 12–14) (рис. 84, 20, 25, 26).

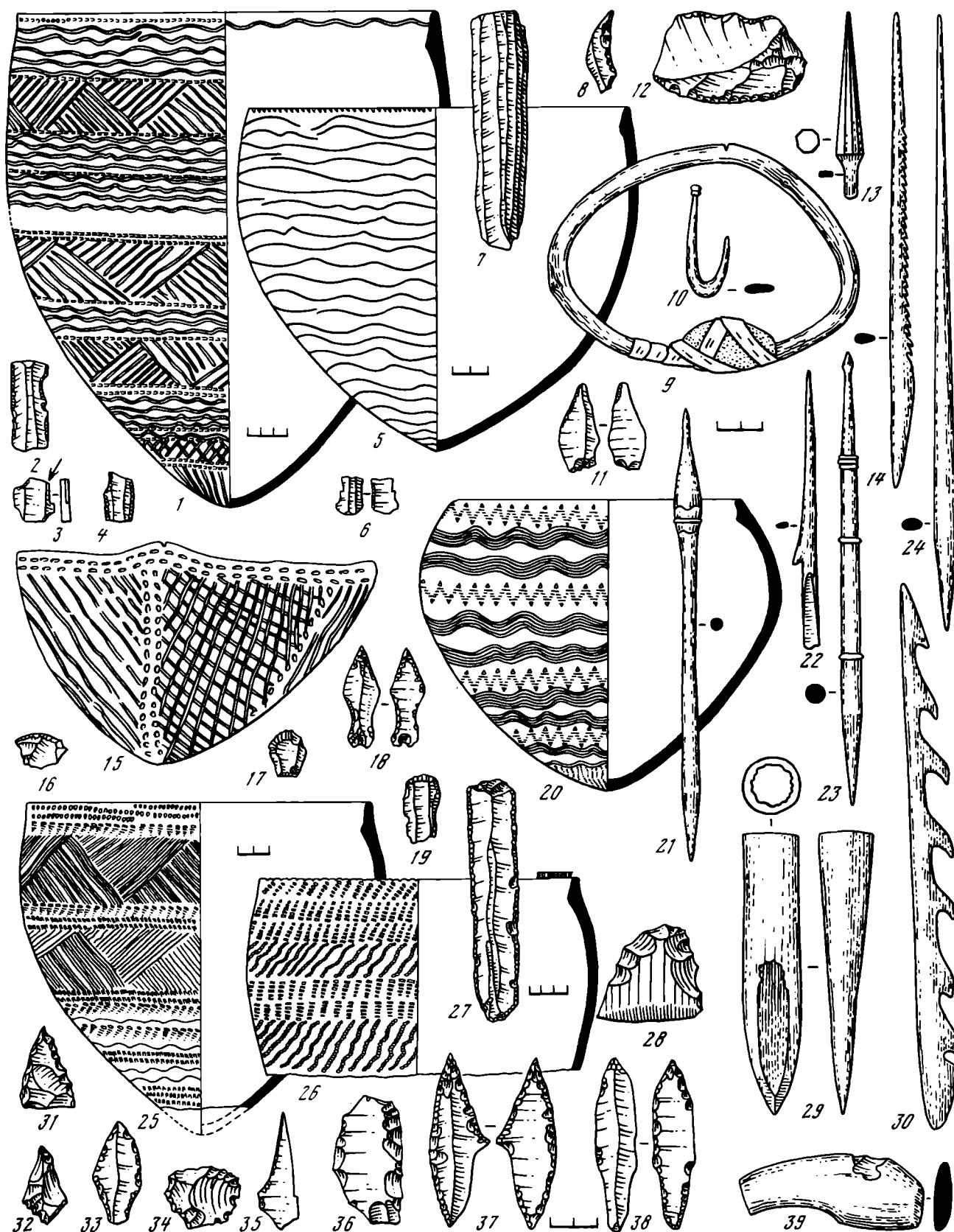

Рис. 84. Неолит Среднего Зауралья: ранний неолит (1–8, 11, 12, 15, 16), мезолит–ранний неолит (9, 10, 13, 14, 21–24, 30), поздний неолит (17–20, 25–28, 31–39)

1, 20, 25 – Исетское Правобережье; 2 – Палкино; 3, 6, 8, 11, 12, 16 – Евстюниха; 4 – Козлов Мыс; 5 – район Тагила; 7 – Шамчатка; 9, 10, 13, 14, 21–24, 29, 30 – Шигирский торфяник; 15 – Махтыли; 17, 28, 34, 36 – По

луденка I; 18, 31–33, 35, 37, 38 – Юрьинская; 19, 39 – Охотино; 26 – Кокшаровский холм; 27 – Басьяновская (1, 5, 15, 20, 25, 26 – глина; 9 – дерево, береста, камень; 10, 13, 14, 21–24, 30 – кость; остальное – камень)

Пластинчатое расщепление камня начинает утрачивать приоритетную роль, но все еще занимает значительное место, особенно в южной части Среднего Зауралья. Скребки делались на пластинах и отщепах. Встречены асимметричные (кельтеминарского типа) и рыбковидные наконечники стрел (рис. 84, 18). Увеличивается доля шлифованных орудий из зеленокаменной породы – топоров, тесел, долот. Ножи, наконечники стрел, скребки делались из кремня и яшмы, грузила из талька. В отличие от южноуральского неолита, где каменные предметы в численном отношении многократно превосходят керамику, в Среднем Зауралье наблюдается обратная картина: каменные изделия составляют около пятой части от керамических остатков. На торфяниковых поселениях (Стрелка, Чашиха) сохранились костяные и роговые наконечники стрел, гарпунов, мотыги, рыболовные крючки, обломки деревянных ковшей, деревянные колотушки, поплавки и пр. (Раушенбах, 1956. С. 13–14).

Поздненеолитические жилища известны на поселениях Полуденка I, Чашиха, Козлов Мыс I, Дуванское V и др. Это прямоугольные полуземлянки глубиной 0,5–0,7 м, площадью до 40 кв.м. На Юрьинском поселении исследовано жилище из двух камер, соединенных узким (около 1 м) переходом. Неолитические могильники в Среднем Зауралье пока (за исключением нескольких одиночных и неясных погребений) не известны.

Хозяйство местного населения в течение всего неолита имело охотничье-рыболовческо-собираТЕЛЬСКИЙ характер. Ранний этап неолита Среднего Зауралья датируется V тыс. до н.э., а поздний, полуденковский, IV тыс. до н.э. (Ковалева, 1989. С. 25, 41).

Нижнее Притоболье (бассейн Тобола в пределах Тюменской и северной окраины Курганской обл.). Эта территория развивалась в неолите в тесной взаимосвязи со Средним Зауральем, вследствие чего разграничить эти два региона в этнокультурном отношении в ряде случаев весьма затруднительно. Здесь известны две специфические группы неолитических памятников – кошkinsкая и боборыкинская. Кошkinsкая группа выделена В.Т. Ковалевой и В.Н. Варанкиным (1976). Сейчас число памятников (поселений), где присутствует глиняная посуда кошkinsкого типа, исчисляется десятками. Среди них около пятнадцати являются опорными: Кошкино V, Южный берег Андреевского озера (ЮАО) VI, XII, XV, Ново-Шадрино I, Усть-Суерское II, Убаган I, III, Ташково III и др.). Картографирование показывает, что ареал кошkinsких памятников, помимо Нижнего Притоболья, захватывает значительную часть Среднего Зауралья, совмещаясь с ареалом памятников типа Евстюнихи и типа Полуденки. Керамика, подобная кошkinsкой, известна в разных модификациях к югу и к северу от Нижнего Притоболья и Среднего Зауралья.

Кошkinsкая посуда представлена остродонными, круглодонными и плоскодонными емкостями (более укороченных пропорций в сравнении с среднезауральскими), со скошенным венчиком, прямой или прикрытой формы (рис. 85, 3, 5, 9, 11, 12). Украшалась горизонтальными волнистыми, реже зигзагообразными линиями, выполненными прочерчиванием или отступающей палочкой. В верхней части некоторых сосудов идут пояски из мелких ямочных вдавлений и насечки по краю днищ.

В целом орнамент однообразен, занимает лишь верхнюю половину стенки, иногда и придонную часть сосуда. Порой орнаментировалось и дно (рис. 85, 5, 11).

Каменные изделия, сопровождавшие кошkinsкую керамику, немногочисленны. Сырьем служили кремнистые породы светлого цвета и черный плиточный сланец. Среди заготовок преобладают пластины шириной 0,8–1,2 см, из которых изготовлены ножи, проколки, повертки, скобели; много сечений пластин. Наконечники встречаются редко. Характерно ограниченное использование ретуши по одному, реже двум краям. Скребки обычно изготовлены на отщепах (Ковалева, 1988. С. 110).

На поселениях до шести и более жилищ. Это четырехугольные в плане землянки глубиной до 1,6 м или неглубоко врытые в землю дома каркасно-столбовой конструкции, с канавками и ямками по периметру котлована (ЮАО XII, XV), площадью 40–60 кв.м. В нижнем слое Рафайловского городища обнаружены следы трех наземных кошkinsких строений (Матвеева, 1985. С. 225). Кошkinsкие могильники не известны.

В.Т. Ковалева, ссылаясь на случаи перекрытия кошkinsкого слоя боборыкинским, а также на факты взаимовстречаемости кошkinsкой керамики и посуды типа Евстюнихи (среднезауральской ранненеолитической), находит возможным отнести кошkinsкие памятники Нижнего Притоболья к ранней стадии неолита. В то же время она оговаривает, что “кошkinsкие памятники, по-видимому, продолжают свое развитие и на позднем этапе неолита, особенно в таежном Зауралье” (Ковалева, 1988. С. 112). Кошkinsкие памятники Нижнего Притоболья она относит к V тыс. до н.э. Этому не противоречат радиоуглеродные даты из слоев кошkinsкого времени на поселениях Кокшарово-Юрьинское – 6470 ± 80 (ЛЕ-2060), Исток IV – 6620 ± 260 (ЛЕ-2998) и Ташково III – 6380 ± 120 (ЛЕ-4344).

Данные о хозяйственных занятиях населения весьма туманны. Расположение поселений у проточных озер и крупных рек говорит о занятии рыболовством и охотой на водоплавающую птицу, а набор каменных орудий типичен для лесных охотников. Возможны сезонные передвижения, обусловленные коллективной охотой на копытных (Ковалева, 1989. С. 36).

Боборыкинскую группу памятников принято относить к особой боборыкинской культуре, выделенной К.В. Сальниковым по материалам поселения Боборыкино II на р. Исети близ г. Шадринска (Сальников, 1961). Потом боборыкинские памятники обнаружили во многих других местах. Самые северные местонахождения выявлены в районе Тобольска (Юргаркуль III, IV), восточные – на правобережье Ишима (поселение Боровлянка II), самое южное – в Западном Казахстане (поселение Бестамак). Сейчас известно около 40 боборыкинских памятников. Основная их масса расположена в бассейне Исети и в тюменско-тобольской части Нижнего Притоболья (Боборыкино II, Ташково I, Рафайловское городище, Юртобор III, ЮАО X, XII, XV, Байрык ID, Юргаркуль III, IV и др.). Наибольший вклад в изучение боборыкинской культуры внесла В.Т. Ковалева.

В боборыкинской посуде выделяются: а) остродонные и баночные формы (рис. 86, 3, 4, 7, 8); б) профили-

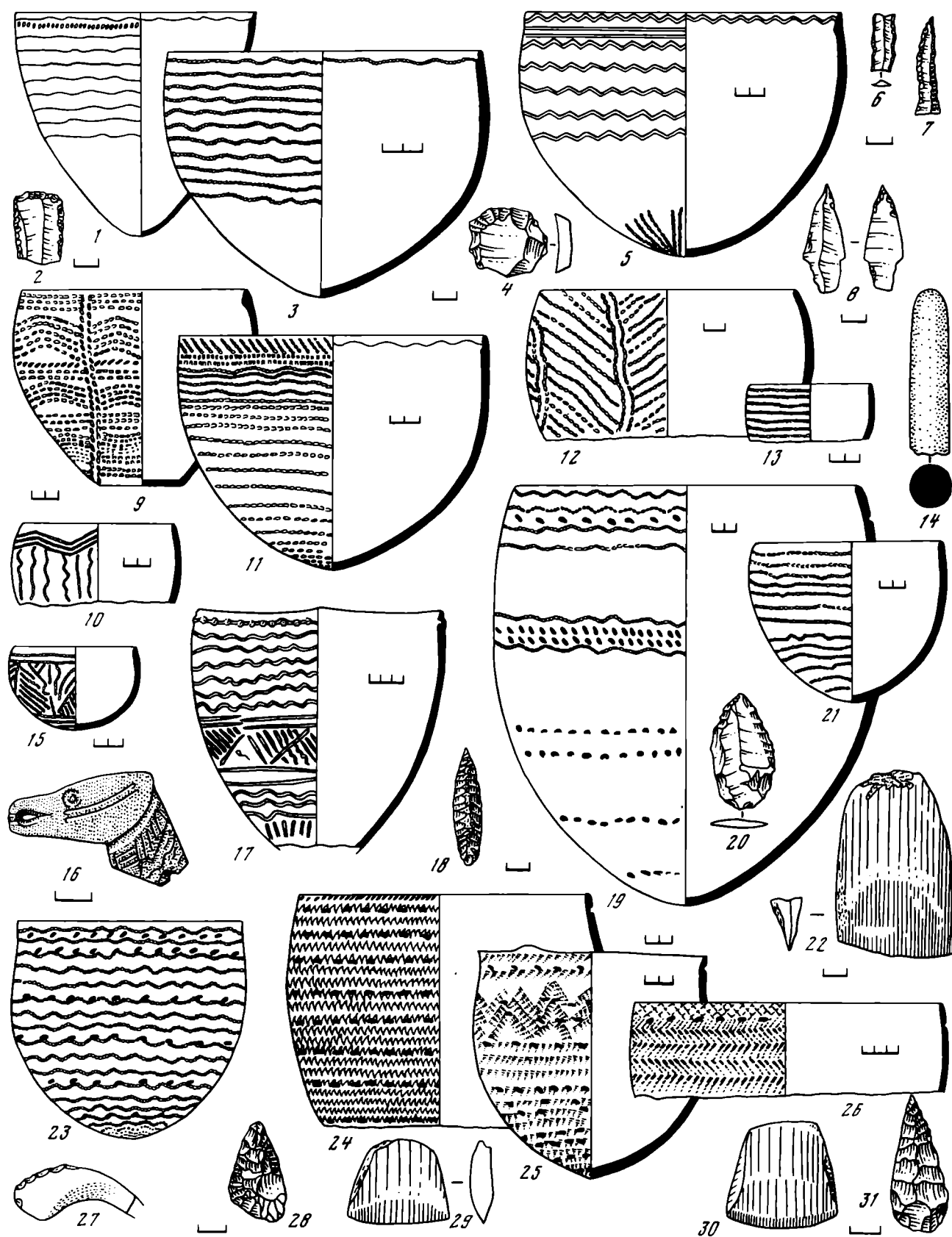

Рис. 85. Неолит Западной Сибири: Нижнее Приоболье, Среднее Зауралье (керамика кошкинского типа и сопровождающий ее инвентарь – 1–9, 11, 12); Кондинская низменность (сосуд сумпаньинского типа – 17); Сургутское Приобье (керамика и каменные изделия, р. Вах – 10, 13–15, 18, 21, 22); Нарымское Приобье (сосуд и каменный нож, р. Чижалка – 19, 20); Среднее Прииртышье (керамика и каменные предметы екатерининской культуры – 16, 23–31)

1 – Ново-Шадрино; 2, 4, 6–8, 12 – ЮАО XV; 3 – Лисья Гора; 5, 11 – Ташково III; 9, 17 – Сумпанья IV; 10, 13–15, 18, 21, 22 – Большой Ларьяк; 16 – могильник Усть-Куренга; 19, 20 – Лавровка; 23 – могильник у д. Оку

нево; 24, 27–31 – Екатерининка I; 25 – Окунево III; 26 – Крапивка (1, 3, 5, 9–15, 17, 19, 23–26 – глина, остальное – камень)

рованные горшки (рис. 86, 1–3, 5, 6, 10). На одних памятниках преобладает первая группа, на других – вторая. У горшков подчеркнутая плоскодонность: придонная часть резко расширяется, образуя своеобразный наплыв, увеличивающий диаметр днища (рис. 86, 1, 2, 5, 10). До 50% узоров выполнено прочерчиванием, отступающей палочкой – до 25%, а ямочным вдавлением – 23–25%. Орнамент располагается в верхней и придонной частях или состоит из горизонтального пояса ямочных вдавлений и насечек по верхнему краю. Лишь у немногих сосудов узор спускается на дно. Есть сосуды без орнамента. Узоры довольно просты. Преобладают горизонтальные линии или пояски ямочных вдавлений, а также комбинации из них. Часто встречаются зигзаги (до 30%), реже волнистые линии (7–10%). Около 10% сосудов в комплексах орнаментированы богаче: на них отмечены ромбы и ромбическая сетка, вытянутые треугольники с привесками, вертикальные столбики, обрамленные бахромой, и др. Композиции узоров зависят от формы посуды. Горшки орнаментированы очень бедно, преимущественно резными линиями и ямочными вдавлениями. Сосуды баночной формы и с острым дном выглядят архаичнее и орнаментировались богаче (Ковалева, 1986. С. 21–23).

На орудия шел кремь светлого-серого и розового цвета, а также кварциты, сланцы, туфопофрит. Преобладала пластинчатая индустрия. Примерно 7% каменных изделий составляют микропластинки, встречаются геометрические формы, чаще трапеции. Обычны вкладыши со слегка подработанным краем, наконечники стрел, скребки, резцы, ножи и пр. Наконечники делались путем легкой подправки острия и черешковой части. На ЮАО XII, кроме перечисленных орудий, найдены крупные шлифованные изделия: два топорика и шесть тесел, а также неорнаментированный глиняный “утюжок” (рис. 86, 9, 11–25). Большинство каменных орудий связано с охотой и переработкой животных продуктов (наконечники стрел, скребки, ножи). Орудия рыболовства не встречены.

В.Т. Ковалева привела данные об 11 боборыкинских жилищах. Это – прямоугольные полужемлянки, иногда квадратные, площадью от 25 до 56 кв.м, углубленные в материк на 0,5–0,8–1 м, со входом в виде короткого (1 × 1 м) или длинного (до 2,5 м) ступенчатого коридора. Очаги по одному или по два находились в центре, на полу или в углублении (до 0,3 м) или приподнимаясь над полом (до 0,4 м). В двух случаях в стенах котлована сохранились ниши, видимо, служившие кладовыми. На полу боборыкинских жилищ обнаружены канавы и ямки, заполненные золой. Возможно, они выкапывались для отвода грунтовых вод и засыпались золой, обладающей гидроскопичностью (Ковалева, 1986. С. 18).

Могильники не обнаружены. Не исключено, что к боборыкинской похоронной обрядности имеют отношение две ямы (5 и 9) Андреевского могильника, датируемого в основном энеолитическим временем. Первая овальной формы, размерами 1,4 × 0,48 м, глубиной 0,93 м, вытянутая по линии северо-восток–юго-запад, содержала в юго-западном краю развал боборыкинского сосуда. Во второй, овальной в плане, размерами 1,65 × 1,16 м, глубиной 1,33 м, вытянутой по линии запад–восток, найдены в засыпи кусочки охры, а в центре на глубине 0,97–

1 м – череп взрослого лоса, рядом фрагмент боборыкинской керамики (Зах, Зотова, Панфилов, 1991).

В свое время К.В. Сальников высказал предположение, что на общий колорит боборыкинской культуры повлияли южные проникновения, из районов, примыкающих к Аральскому морю (Сальников, 1961). Эта мысль была подтверждена потом находками в боборыкинских комплексах геометрических микролитов, характерных в мезолите–неолите для прикаспийско-аральского круга культур. Точка зрения К.В. Сальникова была развита В.Т. Ковалевой и Н.В. Варанкиным, предложившими гипотезу о сложении боборыкинской культуры на местной кошкинской основе при участии прикаспийских и приаральских этнокультурных воздействий (Ковалева, Варанкин, 1976). Недавно В.А. Зах рассмотрел эту проблему в ином ракурсе. Он считает кошкинскую посуду результатом смешения пришлой боборыкинской и местной зауральской керамических традиций. Об этом, на его взгляд, свидетельствует присутствие в кошкинской керамике, как и в боборыкинской, плоскодонных форм, чуждых местной манере изготовления неолитических сосудов. Он помещает боборыкинские древности несколько раньше кошкинских и находит аналогии первым в неолите Северо-Западного Прикаспия, исходя из чего связывает носителей боборыкинской культуры со степным прикаспийским населением, ушедшим на север из-за усыхания климата (Зах, 1987. С. 13)*.

Полагают, что ксеротермический максимум атлантического периода в Среднем Зауралье начался около середины IV тыс. до н.э. и продолжался почти тысячу лет (Старков, 1980. С. 192). Это время совпало с регрессивной стадией истории Каспия, обусловленной уменьшением стока Волги и Урала в период 5540–4250 л.н. (Варущенко, Варущенко, Клиге, 1987. С. 51–52). В этой связи любопытны гидрологические особенности северных боборыкинских поселений. На оз. Юргаркуль в районе Тобольска, где мы исследовали два многослойных памятника, боборыкинский горизонт залегал в основании культурного слоя и уходил в грунтовые воды. Значит, в период освоения этих мест боборыкинцами уровень грунтовых вод и окружающих озер был намного ниже современного.

Нечто похожее наблюдал В.А. Зах при раскопках поселения Юртобор III при впадении р. Тап в Тобол. Здесь слой боборыкинской культуры был разделен суглинистыми прослойками, образовавшимися, вероятно, в результате наводнений, что согласуется с низким геоморфологическим положением слоев и существованием поселений скорее всего в ксеротермический максимум атлантического периода (Зах, 1987. С. 12).

Исходя из вышеизложенного, боборыкинская культура должна датироваться от середины IV до начала III тыс. до н.э. Этому не противоречит радиоуглеродная да-

*Нельзя исключать еще одну версию происхождения носителей кошкинской культуры: приход их, как и боборыкинцев, из арало-каспийского региона, но несколько раньше, в результате предшествующей миграционной волны. Возможно, с приходом боборыкинцев и под их давлением значительная часть кошкинского населения продвинулась в сторону северотаежного Приобья (поселения Юрьинское, Кокшарово I, Юргаркуль III, IV, Сумпанья III, Сартынья I и др.) (примеч. авт.).

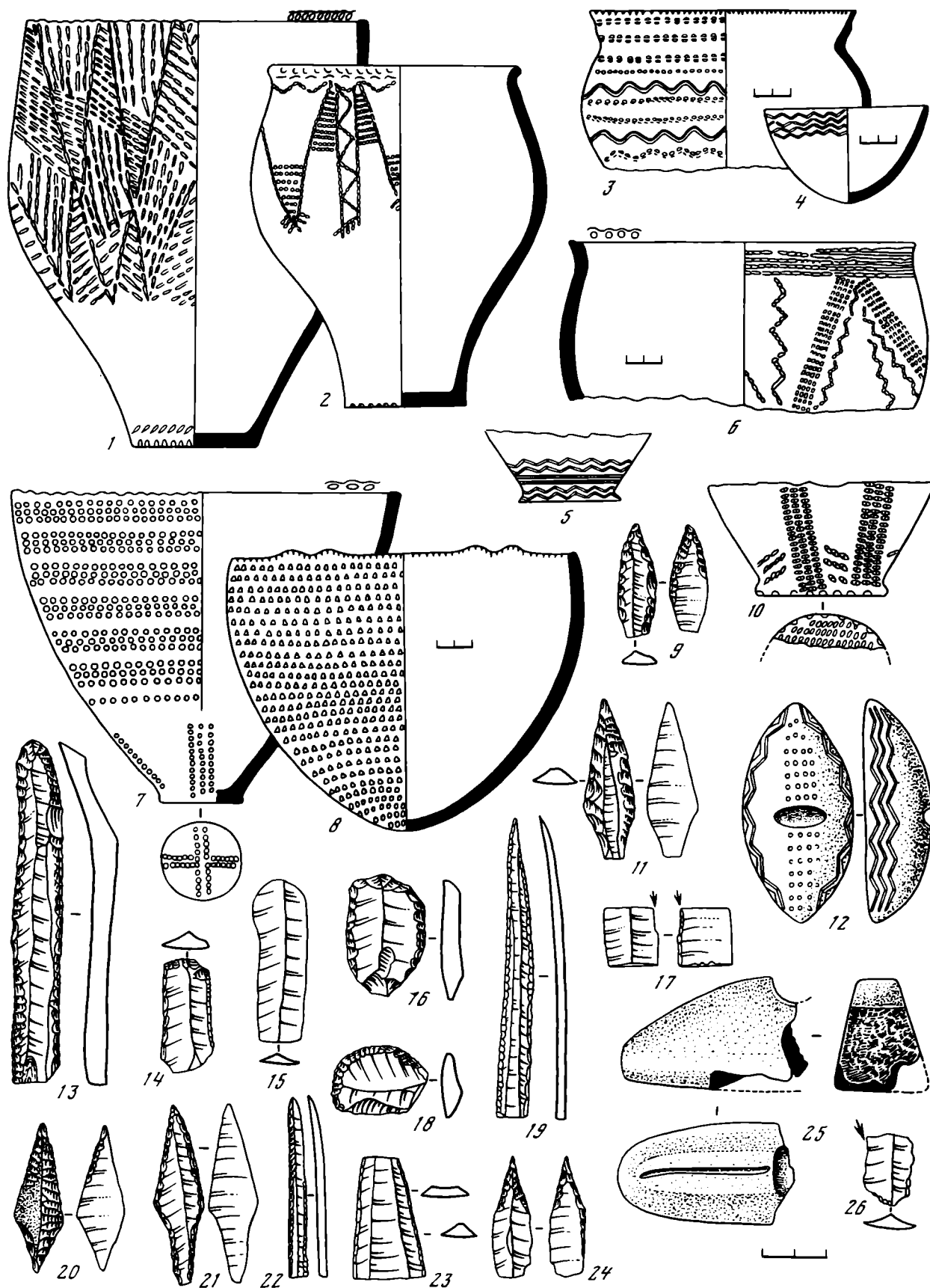

Рис. 86. Неолит Нижнего Притобья. Керамика и каменные изделия боборыкинской культуры

1 – Верхняя Алабуга; 2 – Ташково I; 3, 8, 9, 11, 13–16, 18–24, 26 – Байрык II; 4, 5, 12 – ЮАО XII; 6, 10, 25 – Юргаркуль III; 7 – ЮАО IX; 17 – Губинское (1–8, 10, 12, 25 – глина, остальное – камень)

та нижней части боборыкинского слоя на поселении Ташково I – 5490 ± 60 (JE-1535) (Ковалева, 1987. С. 18). Следует признать, что кошкинское население дожило в Нижнем Притоболье до середины IV тыс. до н.э., ибо факт его соприкосновения здесь с боборыкинцами очевиден и никем не оспаривается. Точка зрения В.А. Заха о большей древности боборыкинской культуры в сравнении с кошкинской противоречит стратиграфическим наблюдениям, свидетельствующим о налегании боборыкинских материалов на кошкинские или их сосуществовании (Ковалева, Варанкин, 1977; Ковалева, 1986. С. 25).

Касаясь хозяйственных занятий боборыкинского населения, В.Т. Ковалева, с учетом сугубо охотничьего характера инвентаря и отсутствия рыболовческих орудий, склоняется к выводу о преимущественно охотничьем хозяйстве носителей боборыкинской культуры. Однако большая мощность культурного слоя на поселениях (до 1 м и больше), сильная насыщенность его органикой, явно оседлый образ жизни, наличие колодцев в некоторых жилищах (Юргаркуль III), во многом южный колорит боборыкинской культуры в целом позволяют допустить, что ее носители вели многоотраслевое хозяйство, в котором определенное место могли занимать пастушеско-земледельческие занятия. Остается надеяться, что в будущем удастся найти остеологические остатки, которые подтвердят или опровергнут это допущение.

Таким образом, в Среднем Зауралье и Нижнем Притоболье вырисовываются в неолите два пути развития орнаментации керамики: 1) евстюнихо-полуденская линия, характеризующаяся тенденцией к постепенной замене прочерченно-отступающей орнаментации печатно-гребенчатой; 2) кошкинско-боборыкинская линия с ее традицией отступающе-наколычато-прочерченной орнаментации. В евстюнихо-полуденском варианте развитие было нарушено западноуральским и южноуральским импульсами, носители которых с ранненеолитической поры были знакомы с гребенчатой техникой украшения глиняных изделий.

Что касается второй (кошкинско-боборыкинской) линии, здесь тоже возникали тенденции к внедрению в орнаментальные композиции печатно-гребенчатых узоров, но они подавлялись влияниями, постоянно импульсируемыми из аридных районов Прикаспия (Арал-Каспия?), где в неолите обитало население, украшавшее свою керамику по традиционным отступающе-прочерченным декоративным канонам. Появление в Среднем и Нижнем Притоболье кошкинского, а затем боборыкинского типов глиняной посуды, возможно, фиксирует моменты активизации этих южных воздействий.

Кондинская измененность (бассейн р. Конды). Неолит здесь стал известен благодаря полевым исследованиям Л.П. Хлобыстина, Е.М. Беспрозванного, Л.Я. Крижевской, Е.А. Гаджиевой, С.Ф. Кокшарова и др. Общая концепция кондинского неолита разработана Е.А. Гаджиевой (1993). Исходя из специфики керамического материала, она выделила в этом регионе три группы памятников. Самая представительная – *сумпаньинская* (поселения Сумпанья II, IV, VI, Геологическое VII и др.). Сумпаньинская посуда имеет традиционную округло-приостренную форму с расширяющимся в средней части туловом и закрытым устьем. Встречаются

прямостенные экземпляры с овальным устьем (Сумпанья VI) и, возможно “тарелковидные”. На некоторых черепках заметны лощение и следы охры.

По технике орнаментации и характеру узоров выделяется три типа сумпаньинской керамики. Первый составляют сосуды, украшенные зубчатыми орнаментами. Часть отпечатков выполнена латеральной частью нижней челюсти бобра. Этими орудиями работали в технике шагания с прокатыванием или с протаскиванием. Мотивы простые – горизонтальные, реже вертикальные или наклонные линии. Второй тип объединяет сосуды, украшенные незубчатыми костяными орнаментами, которыми работали в технике протаскивания. Мотивы этого типа разнообразны: горизонтальные, вертикальные и наклонные прямые, волнистые, реже зигзагообразные линии, взаимопроникающие или вписанные друг в друга и заштрихованные геометрические фигуры. В третий тип вошли сосуды, украшенные зубчатыми и незубчатыми орнаментами (Гаджиева, 1993. С. 7).

Различия между типами сумпаньинской керамики, по существу, состоят в том, что для первого характерен преимущественно гребенчатый орнамент, для второго прочерченный, для третьего – сочетание гребенчатой и прочерченной техники. По аналогии с неолитической керамикой Среднего Зауралья, можно увидеть в этой градации хронологическую тенденцию трансформации техники нанесения орнамента – от прочерченной к печатно-гребенчатой. Но Е.А. Гаджиева, кажется, не ставит целью возвести свою типологию на уровень типолого-хронологической классификации.

Одна из характерных черт сумпаньинской камнеобрабатывающей техники – широкое применение шлифовки. Она используется в основном при обработке орудий достаточно крупных размеров, для мелких форм применялась режа. По мнению Е.А. Гаджиевой, расцвет шлифования связан с использованием сланцевого сырья, для которого абразивная обработка рациональней ретуширования. Формы каменных ножей и наконечников стрел невыразительны и неспецифичны. Скребки невелики по размерам, овальной формы, рабочая часть оформлялась как крутой длиннофасеточной, так и острой короткофасеточной ретушью.

Помимо сумпаньинской группы памятников, выявлены поселения с керамикой *кошкинского* типа. Представительная коллекция получена только на Сумпанье III. Сопровождавший кошкинскую керамику каменный инвентарь отличен от сумпаньинского как по сырью, так и по составу. Для изготовления поделок служил серо-зеленый и серый камень. Применялась пластинчатая техника расщепления. Среди орудий в основном острия и скребки. Острия обработаны по краям со спинки и в концевой части с брюшка. Рабочая часть скребков оформлялась на концах пластины крутой ретушью. Рубящие орудия шлифовались. Найдены шлифовальные плитки. В целом набор каменных орудий невыразителен, малочислен и не позволяет выделить специфически кошкинские типы.

Третья группа неолитических памятников бассейна Конды представлена поселениями с керамикой, которую Е.А. Гаджиева отнесла к немелскому типу. Она встречается на пяти поселениях, два из них исследованы раскоп-

ками. Стратиграфическая и планиграфическая позиция названной керамики весьма нечеткая. Не собран ни один целый сосуд. Похоже, что форма керамических емкостей такая же, как у сумпаньинских сосудов первого типа. Орнамент выполнен незубчатым орнаментиром в технике отступания и протаскивания, а также гребенчатым штампом. Мотивы просты: зигзаги, волнистые, горизонтальные линии и их сочетания; вертикальные и наклонные очень редки. Имеются изображения ромбов. Для орнаментации венчиков характерно использование горизонтальных линий из наколов, протасканных горизонтальных прямых и зигзагообразных линий. Вертикальное членение орнаментального поля единично. Определенный ритм композиции придавался сменой способов нанесения. Следует отметить сосуды без орнамента и сосуды небольших размеров. Материалом для характеристики каменного инвентаря послужили нетипичные для сумпаньинских комплексов пятнадцать орудий из верхних горизонтов заполнения жилища № 1 поселения Геологическое VII, среди которых шлифованные наконечники ромбического сечения, наконечники типа “томар” или, возможно, миниатюрное тесло, скребки прямоугольной формы, сверло на первичном отщепе, орудия с шлифованными гранями (Гаджиева, 1993. С. 9).

Жилища выявлены лишь на стоянках сумпаньинской группы. Следы их нечетки. Имеют подчетырехугольные очертания, вертикальные стенки. Жилище в Сумпанье IV сохранило остатки опор в северной части. Ямки на дне жилища № 1 поселения Геологическое VII, учитывая их малую глубину и беспорядочность расположения, трудно трактовать как столбовые. Внутрижилищные очаги слабо выражены и, видимо, не имели постоянного места. По расположению сгоревшего дерева можно предполагать, что в некоторых помещениях был настил из плах, в других ими обкладывались стенки котлована.

Погребальные памятники неолитического времени в бассейне Конды пока не выявлены. Среди остеологических остатков представлены северный олень, лось, бобр, заяц; из рыб определены окунь, щука, налим, язь и чебак.

Есть серия радиоуглеродных дат для слоев с сумпаньинской керамикой: 6520 ± 70 (ЛЕ-1893); 6590 ± 70 (ЛЕ-1814); 6850 ± 60 (ЛЕ-1440); 6100 ± 70 (ЛЕ-2540) л.н. Это дает основание отнести памятники сумпаньинской группы к V тыс. до н.э. Кошкинские комплексы на Конде, видимо, появились после сумпаньинских. Керамика кошkinsкого облика выглядит здесь более поздней, чем в Нижнем Приобье: нет остро- и круглодонных сосудов, а только плоскодонные; накольчатой орнаментации больше, чем прочерченной. Е.А. Гаджиева предполагает, что кошkinsкая группа памятников на Конде, как и немелская, относится к IV тыс. до н.э. Нам представляется, что следует повысить верхний предел предложенных дат: сумпаньинские комплексы заходят на позднем этапе существования в IV тыс., а кошkinsкие (и немелские?) – в III тыс. до н.э.

Нижнее Приобье (северная часть бассейна Оби – от устья Иртыша до Обской губы). Неолит этого региона известен благодаря работам В.Н. Чернецова, В.Ф. Старкова, Е.А. Васильева. Особенно плодотворен вклад Е.А. Васильева, который по-новому обозначил

здесь два специфических керамических комплекса – честый-ягский и сартыньинский (Васильев, 1987. С. 59–60).

Честый-ягский тип керамики полнее всего представлен на поселении Честый-яг (р. Ляпин, левый приток Сев. Сосьвы). Преобладают обломки яйцевидных сосудов, но встречены и ладьевидные формы. Орнамент наносился способом прочерчивания, украшалась только верхняя часть емкости. Основные декоративные элементы – волнистые и прямые ряды линий. Гребенчатый штамп использовался лишь на закраине венчика. Среди каменных изделий доминируют шлифованные орудия на отщепах. Основная масса находок встречена в жилищах – прямоугольных землянках площадью 160–200 кв.м, с земляными нарами вдоль стен. Нары посыпались тонким слоем охры, а сверху покрывались деревянными плахами. Следы краски отмечены и на полу.

Работы Е.А. Васильева не подтвердили вывод В.Н. Чернецова о принадлежности Честый-ягского поселения к гребенчатой стадии восточноуральского неолита. Известная к настоящему времени керамика честый-ягского типа показывает доминирование в нижнеобском неолите прочерченной техники орнаментации. По мнению Е.А. Васильева, материалы Честый-яга обнаруживают отдаленные, но типологически близкие параллели в приаральском неолите. “Ни честый-ягская керамика (круглодонные полуяйцевидные и ладьевидные сосуды, украшенные в верхней части тулова прочерченными линиями), ни честый-ягские жилища (большие, площадью до 200 кв.м, глубокие землянки с засыпанными красной охрой нарами) не имеют аналогий в Западной Сибири. В то же время эти элементы культуры вполне сопоставимы с приаральскими традициями в домостроительстве и гончарстве. Керамика насчитывает около десяти общих признаков, большая часть которых имеет явно южное происхождение (наличие ладьевидных сосудов со сливами, окрашивание стенок охрой и др.). Очевидно, культура честый-ягского облика могла сформироваться только под непосредственным воздействием кельтеминарской традиции” (Васильев, 1991. С. 32).

Сартыньинский тип керамики лучше всего представлен на поселении Сартынья I (р. Сев. Сосьва). Для сартыньинской посуды характерны округлое, реже плоское дно, наплыв на внутренней стороне венчика. Орнамент выполнялся с помощью палочки или лопаточки. Господствует отступающая техника, прочерченность и наколы менее популярны. Каменный инвентарь показывает преобладание пластинчатой индустрии.

Жилища – прямоугольные полуземлянки. Неолитические погребения в Нижнем Приобье пока не найдены.

Е.А. Васильев считает, что “поселение Сартынья I по всем значимым признакам входит в круг памятников кошkinsкого типа, существенно расширяя их ареал на север. В отличие от приобьинских поселений культурные слои кошkinsких памятников Сев. Сосьвы на перекрываются боборыкинскими и доживают здесь до эпохи металла” (Васильев, 1987. С. 60). Е.А. Гаджиева выразила сомнение в кошkinsкой принадлежности посуды Сартыньинского I поселения, полагая, что керамика, обозначенная здесь как кошkinsкая, морфологически ближе позднебронзовому сатыженскому типу (Гаджиева, 1993. С. 10). Нам, однако, представляется, что точка зре-

ния Е.А. Васильева о генетической близости керамики Сартынья I кошкинской посуде достаточно убедительна.

Хозяйство неолитического населения Нижнего Приобья было комплексным, динамично сочетающим охотничьи и рыболовецкие занятия. Для коллектива, оставившего поселение Честый-яг с огромными по площади жилищами-землянками, следует предполагать большую роль рыболовства в сравнении с охотой. Стационарное существование столь многолюдного поселка вряд ли могло обеспечиваться за счет ненадежного охотничьего счастья. Скорее всего существовали какие-то весьма эффективные виды рыболовного промысла, позволявшие добывать много рыбы и запастись ее впрок.

По Е.А. Васильеву, честый-ягская группа памятников в Нижнем Приобье древнее, чем сартыньинская. Поселение Честый-яг он датирует IV тыс. до н.э., исходя главным образом из того, что кельтеминарские воздействия на нижнюю Обь начинаются уже на поздней стадии неолитической эпохи, когда культурные стереотипы кельтеминара окончательно определились. Это произошло не раньше IV тыс. до н.э., на джанбасском этапе развития (Васильев, 1991. С. 32–33).

Памятники с керамикой сартыньинского типа Е.А. Васильев относит к первой половине и середине III тыс. до н.э., что подтверждается двумя радиоуглеродными датами, которые он, к сожалению, не приводит (Васильев, 1987. С. 59). Исходя из общей историко-культурной стратиграфии неолита северотаежного Приобья, честый-ягским древностям должны хронологически соответствовать на Конде сумпаньинские, а сартыньинским – кошкино-немнелские. Но между датами, предложенными Е.А. Васильевым для бассейна Сев. Сосьвы, и датами, которыми руководствуется Е.А. Гаджиева для бассейна Конды, существует разрыв примерно в тысячу лет.

Сургутское Приобье (часть бассейна Оби от устья Иртыша до северной границы Томской обл., включая бассейн Ваха). Материалы по неолиту этой территории были накоплены благодаря полевым работам Ю.П. Чемякина, С.Ф. Кокшарова, Л.Л. Косинской, Н.П. Матвеевой, В.А. Посредникова, Е.А. Васильева и др. Наибольший вклад в разработку общей концепции неолита Сургутского Приобья внесли Ю.П. Чемякин и Е.А. Васильев (последний – для бассейна Ваха). Всего в Сургутском Приобье, по данным на 1994 г., открыто более 30 неолитических памятников, из них около 20 находятся на Барсовой Горе близ г. Сургута. Ю.П. Чемякин выделил в сургутском неолите три этапа – ранний, средний и поздний (Чемякин, 1994. С. 4–9).

Ранний этап представлен тремя памятниками. Керамика имеет форму полуяйцевидной емкости, с прямыми либо чуть загнутыми внутрь стенками, дно округлое или шиповидное, на венчике встречаются “ушки”. Узоры покрывают внешнюю, изредка внутреннюю поверхность сосудов, а также венчик. Орнамент прочерченный, иногда встречаются ямочные вдавления, “шагающая гребенка” и узоры в отступающе-накольчатой технике. В композициях преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные волнистые линии, составляющие две трети всех узоров. Вторую группу образуют “паркетные узоры” – зоны взаимопроникающих разнозаштрихованных фигур (треугольников, параллелограммов и т.д.) (Чемякин, 1994. С. 5).

В качестве каменного сырья использовались гальки и небольшие булыжники, чаще всего сланцевые. После оббивки заготовки доделывались шлифовкой. К камню относились очень экономно. Каменные отходы составляют лишь около 18% от изготовленных предметов. Кроме рубящих орудий встречены ножи, скребки, абразивы.

Жилища – полуземлянки. Пол несколько углублен в землю, площадь от 31 до 132 кв. м, фиксируется по два выхода, направленных в противоположные стороны. Дно жилых помещений посыпано охрой.

Определяя место ранней группы сургутских памятников среди древностей окружающей территории, Ю.П. Чемякин справедливо отмечает ее своеобразие, хотя по некоторым элементам домостроительства, отдельным деталям орнамента и формы сосудов ей можно найти соответствия во многих неолитических памятниках Урала и Западной Сибири. Однако наибольшее сходство сургутские материалы, как полагает Ю.П. Чемякин, обнаруживают с завьяловскими (неолитическими) Верхнего Приобья.

К среднему этапу относятся четыре поселения, на каждом из которых расположено до 20 и более жилищных впадин. Керамика имеет в общем такую же форму, как на раннем этапе, но для нее не характерны шиповидные днища. В большинстве случаев на внутренней стороне венчика имеется треугольный наплыв. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность посуды, выполнен отступающе-накольчатой, прочерченной и шагающей техникой. Применялись также неглубокие вдавления и наколы. Орнаментальные композиции состоят из прямых или волнистых линий, зигзагов, горизонтальных поясков разнонаклонных отрезков, зон, выполненных шагающим штампом. Встречаются геометрические фигуры (ромбы, треугольники) и ромбическая сетка. Преобладает горизонтальная зональность, но иногда с ней сочетается вертикальная (Чемякин, 1994. С. 6).

Каменные изделия редки: два скребка, три наконечника стрел, три топора, различные абразивы, терочники, песты, грузила. Скребки изготавливались на отщепках, наконечники тоже, за исключением одного – шлифованного. Топоры делались из крупных галек, после предварительной оббивки они подвергались шлифовке.

На поселениях среднего этапа раскопаны остатки десяти жилищ. Это прямоугольные полуземлянки с коридорообразными выходами, площадью от 16 до 33 кв. м. Внутри помещения – 1–2 очага. Пол посыпался охрой. На Барсовой Горе II/16а внутри и вне строений прослежены каменные кладки. Зафиксированы и наземные сооружения, возможно, хозяйственного назначения.

По Ю.П. Чемякину, материалы среднего этапа сургутского неолита ближе всего полуденковским древностям Среднего Зауралья, датируемым IV тыс. до н.э.

Поздний этап включает в основном памятники, относящиеся к концу неолита и, возможно, к началу энеолита. В это время, наряду с посудой, орнаментированной в традиционной прочерченно-отступающей манере, появился керамический комплекс, в декоре которого властвует гребенчатая техника нанесения узоров. Ю.П. Чемякин трактует эту двойственность как свидетельство существования здесь на рубеже неолита–энеолита двух

равных культурных (этнокультурных?) традиций.

Гребенчатая орнаментация керамики с наибольшей полнотой представлена на Барсовом Городке I/8. Сосуды – полуяцевидные, круглодонные, закрытые, с наплывом на внутренней стороне венчика, орнаментированные по всей внешней поверхности. У сосуда оригинальной формы однорядовым зигзагом украшена и внутренняя сторона. Орнамент наносился длинным гребенчатым штампом в печатной и шагающей технике, дополненным овальными вдавлениями. Композиции состоят из горизонтальных поясов оттисков гребенки, параллельных линий, зигзагов, елочки, шагающей гребенки. На ромбы и заштрихованные треугольники приходится 16% всех узоров (Чемякин, 1994. С. 7).

Орудия, связанные с гребенчатой керамикой, пока не вычленены, хотя встречены отщеры, в том числе кварцевые. Удалось найти только одно жилище, с охрой на полу, но, к сожалению, разрушенное. Погребальные памятники не выявлены. Впрочем, для неолита они не известны на всей территории зауральско-западносибирской тайги.

Посуда с гребенчатым орнаментом вызывает ассоциации прежде всего с сосновоостровской Среднего Зауралья и Нижнего Приобья, что позволяет относить маркируемые ею памятники к первой половине III тыс. до н.э.

С распространением гребенчатого орнамента автохтонная орнаментальная традиция не исчезла. Она сохранилась на особой группе поздненеолитической керамики, близкой по форме сосудам первого этапа сургутского неолита. На этой архаичной по облику посуде по-прежнему встречаются волнистое оформление венчика и “ушки” по его краю, но появляются уплощенные и плоские днища. Найдены ладьевидные сосуды. Орнаментировалась вся внешняя поверхность сосудов, включая плоские днища. Узоры выполнены в отступающе-накольчатой, прочерченной и шагающей технике. Около четверти элементов выполнено печатно-гребенчатым (штампованным) способом. В композициях преобладают горизонтальные прямые и волнистые линии, пояски разнонаклонных отрезков, зоны шагающего штампа. Редки зигзаги, вертикальные волнистые линии, елочка, нет геометрических фигур (Чемякин, 1994. С. 8). Вышеописанная керамика имеет ряд черт, сближающих ее с кошкиско-боборыкинской посудой.

Каменные изделия, найденные с этой керамикой, немногочисленны: шлифованные тесла (два), три строгальных ножа с двусторонней шлифовкой и частичной подправкой ретушью. Ретушью обработаны подтреугольное острие, наконечник стрелы удлинненно-треугольной формы, скребок. В большем числе представлены абразивы, шлифовальные плиты, терочники, каменные наковальни, отбойники и лоцила из галек. Жилища аналогичны существовавшим на первом этапе.

Хозяйство неолитического населения Сургутского Приобья реконструируется как охотничье-рыболовецкое, вряд ли отличавшееся сколько-нибудь от хозяйства этого времени в бассейне р. Конды.

Ю.П. Чемякин датирует третий этап сургутского неолита и соответственно два вышеохарактеризованных орнаментальных комплекса концом IV – началом

III тыс. до н.э. Примерно к этому же времени он склонен относить небольшую керамическую коллекцию поселения Барсова Гора IV/19, характеризующуюся отступающе-накольчатой орнаментацией “в чистом виде”. Не исключено, что она оставлена пришлым населением, возможно, из Нарымского Приобья.

Хотя бассейн Ваха географически входит в Сургутское Приобье, Ю.П. Чемякин, в отличие от Е.А. Васильева, не склонен отождествлять в культурном отношении ваховские и собственно сургутские поздненеолитические (энеолитические?) памятники с гребенчатой керамикой. Памятники бассейна Ваха не имеют охристой прослойки на полу жилищ. Посуда отличается формой наплыва под венчиком сосудов с внутренней стороны и его орнаментацией. На сургутской посуде нет ямок под венчиком и рядов наколов палочки в качестве разделительных поясков. Ю.П. Чемякин (1994. С. 8) не отрицает культурной близости ваховских и сургутских комплексов, но считает объединение их в один тип преждевременным.

Нарымское Приобье (часть Оби, лежащая к югу от Сургутского Приобья и включающая слева бассейн Васюгана, Парабели, Чаи и справа бассейны Тыма, Кети и Чулыма в его нижнем течении). Неолит этого региона изучен крайне слабо. Немногие неолитические местонахождения (Лавровка, Малгет, Кондрашкина Акка, Могильный Мыс и др.) находятся в сотнях километров одно от другого и не образуют кустовых скоплений. Имеющиеся коллекции непредставительны и не дают достаточного набора культуропределяющих признаков.

Оценивая нарымский неолит, пока можно высказать лишь самые общие соображения: 1) Для неолитической керамики Нарымского Приобья в большей мере характерен отступающе-накольчатый орнамент, в меньшей – прочерченный; 2) Северная часть Нарымского Приобья по своим культурным привязанностям тяготеет к Сургутскому Приобью, южная – к Верхнему Приобью; 3) По мере приближения к энеолиту в орнаментации керамики Нарымского севера все более усиливается роль печатно-гребенчатого орнаментального комплекса, тогда как в южной части этого региона продолжается в “чистом виде” отступающе-накольчато-прочерченная декоративная традиция. Западная (васюганская) окраина Нарымского Приобья на заключительной стадии неолита включается в сферу прииртышских связей, и в орнаментацию местной (отступающе-накольчатой) керамики внедряется ряд элементов гребенчато-ямочной декоративной манеры.

Верхнее Приобье (часть бассейна Оби, лежащая южнее устья Чулыма). Наиболее весомый вклад в изучение неолита этой территории внесли М.Н. Комарова, В.И. Матющенко, В.И. Молодин, Ю.Ф. Кирюшин, В.В. Бобров, В.А. Зах и др. По мнению В.Ф. Старкова, в юго-восточных областях Западной Сибири (Верхнее и отчасти Нарымское Приобье, значительная часть Среднего Прииртышья) раннего неолита, возможно, вообще не было. Во всяком случае памятники с ранненеолитической керамикой, сопоставимые с зауральским ранним неолитом, на этой территории пока не выявлены. Здесь в это время складывается своеобразная культура с хара-

ктерными бескерамическими комплексами с кремневым инвентарем мезолитического облика (стоянки Мелкое в Кулундинской степи, Басандайка у г. Томска, Щебаркульская, Б. Ашикуль, Кшеульская, Александровская и др. в Омской обл., Шайтанка в верховьях р. Кети и др.) (Старков, 1980. С. 199). Не исключено, что раннеэнеолитический возраст каменных изделий из вышеназванных памятников в дальнейшем не подтвердится, тем не менее высказанная В.Ф. Старковым мысль представляется логичной, и мы ниже следуем за его гипотезой.

В каменном инструментарии вышеперечисленных местонахождений преобладают орудия на пластинах и их сечениях, обработанных крутой, реже плоской односторонней краевой ретушью. Представлены вкладыши, резцы, резчики, острия, пластинки с боковой выемкой, концевые скребки (наряду со скребками на отщепах). Встречены треугольные и листовидные наконечники стрел, причем последние обрабатывались сплошной двусторонней ретушью.

Предполагается, что пришедший на смену западносибирскому “бескерамическому” неолиту “керамический” неолит имел восточноуральское происхождение. Согласно построению В.Ф. Старкова, этнокультурные подвижки из Зауралья на восток начались ближе к середине неолитической эпохи. Эти миграционные импульсы были, видимо, стимулированы изменившимися историческими, демографическими и экологическими обстоятельствами. Я имею в виду усилившиеся проникновения в Восточное Зауралье из Предуралья и с Южного Урала носителей гребенчатой орнаментальной традиции, приход в таежное Притоболье откуда-то с юга или с юго-запада кошкинского, а затем боборыкинского населения, улучшение ландшафтно-климатической ситуации в Западной Сибири, что сделало ее удобной для освоения и т.д.

Исходя из локальной специфики верхнеобских древностей, здесь можно очертить три района: 1) равнинная часть Верхнего Приобья; 2) Присалаирье; 3) Алтае-Кузнецкое Приобье. В равнинной части Верхнего Приобья В.И. Молодин выделил особую завьяловскую группу памятников (поселения Завьялово II, VIII, Седовая Заимка II, Крохалевка IVA и др.). Керамический материал фрагментирован и плохо поддается реставрации. Сосуды, похоже, были вертикально-вытянутых пропорций с округлым дном. У некоторых верхний край несколько загнут внутрь или чуть отогнут. Наплыв на внутренней стороне венчика встречается редко и слабо выражен.

Основная масса керамических емкостей украшена по всей внешней поверхности прочерченными (реже выполненными в отступающей технике) прямыми и волнистыми линиями, а также полосами “паркетного” орнамента в виде взаимопроникающих треугольников. Гребенчатый штамп редок и, как правило, имитирует мотивы, характерные для прочерченного орнамента (волну, зигзаг и пр.). На большинстве сосудов по срезу и с внутренней стороны венчика нанесен ряд косых насечек или вдавлений. Выделяется группа керамики, практически лишенная орнамента: присутствует лишь ряд ямок в верхней части. Посуда имеет аналогии по ряду признаков в сургутско-нарымской неолитической керамике и, отчасти, в восточноуральской полуденковского этапа.

Отсюда наиболее вероятная дата завьяловских древностей – IV тыс., возможно, с заходом в III тыс. до н.э.

В отличие от Сургута и Нарыма, неолитические поселения завьяловского типа в равнинной части Верхнего Приобья весьма богаты каменными изделиями. Наконечники стрел имеют листовидную, миндалевидную или подтреугольную форму. У подтреугольных обычно чуть суженное выемчатое основание. На некоторых листовидных едва намечен черешок. Большинство наконечников обработано по всей поверхности. Наконечники копий и дротиков формой практически не отличаются от наконечников стрел. Многочисленны скребки на отщепах, пластинчатых отщепах и концевые на пластинах. Преобладают отщеповые скребки: двулезвийные (одно лезвие с брюшка, другое на противоположной стороне, со спинки), дисковидные, подокруглые, подквадратные и пр. Концевых скребков примерно в шесть раз меньше, чем на отщепах.

Топоровидные орудия – прямоугольные и в виде трапеции. Рабочая часть, а иногда все лезвие зашлифованы. Найдены ножи на отщепах разных размеров и типов. Встречено несколько плоских шлифованных ножей из зеленого кремнистого сланца, некоторые имеют вогнутое лезвие (Молодин, 1977. С. 13).

Представлены пластины без ретуши, с ретушью на одном или двух краях со спинки или брюшка, с двусторонней ретушью по краям, с ретушью двух краев спинки и одного с брюшка и наоборот (Молодин, 1977. С. 15). Однако в целом преобладает отщеповая индустрия (около двух третей всех орудий). Помимо вышеописанных изделий встречены проколки, скобели, комбинированные орудия и предметы неизвестного назначения. Значительно число разнотипных наконечников стрел с двусторонней обработкой, широко применялось шлифование, что, вместе с преобладанием отщеповой индустрии, подтверждает достаточно зрелый возраст памятников завьяловского типа в рамках неолитической эпохи (видимо, вторая половина неолита).

Жилища неолитического времени здесь пока не изучены. Состав орудий позволяет предполагать преимущественно охотничий образ жизни населения.

Открыты предположительно неолитические погребения в пределах завьяловского ареала (Усть-Алеус IV, Ордынское III, Крутиха V – всего около 10 могил, по данным на 1985 г.). В.И. Молодин относит их к иной культуре, не связанной с завьяловским населением и уходящей основным своим массивом в Алтае-Кузнецкую часть Верхнего Приобья. Все погребения грунтовые. Покойники лежат на спине, в основном головою на северо-восток. К сожалению, керамика – основной этнокультурный маркер – в могилах отсутствует. Зато богат и разнообразен костяной инвентарь: наконечники стрел шигирского типа, гарпуны, подвески медальоновидные, каплевидные и из зубов животных, украшения из раковин и др. В Ордынской могиле обнаружена костяная фигурка лося. В погребальном обряде и в характере инвентаря ощущаются как уральские, так и среднесибирские (главным образом, ангаро-байкальские) влияния.

В Присалаирье (бассейн р. Ини) В.А. Зах выделил своеобразный изылинский тип неолитической керамики (поселения Изылы II, Иня III, IX и др.). Он характеризу-

ется круглодонной посудой с небольшим наплывом на внутренней части венчика, украшенной ямочно-прочерченно-отступающим орнаментом. Ямки имеют овальную и круглую форму. Гребенчатый штамп редок. В инвентаре шлифованные топоры с острым обушком, прямые и слегка асимметричные кремневые ножи, наконечники стрел миндалевидной и вытянутой треугольной формы, призматические нуклеусы, скребки на отщепе, округлые, с ретушью на 2/3 периметра, а также провертки, резчик, ножевидные пластины с ретушью и без нее (Зах. 1988. С. 35).

В.А. Зах относит изылинские комплексы к развитому неолиту, который, по его мнению, перерастает в поздне-неолитический (кипринский) этап. Есть однако, основания считать кипринские памятники не поздне-неолитическими, а энеолитическими. Поэтому датировка изылинских материалов, как и завьяловских, весьма затруднительна. Пока их лучше относить ко второй половине неолита.

Интересны два неолитических захоронения, исследованных – В.А. Захом в могильнике Заречное на р. Ине в присалаирской части Верхнего Приобья. В одном из них погребена женщина в стоячей позе, лицом на восток. Правая часть грудной клетки обильно посыпана охрой. С левой стороны покойной найдены две ножевидные пластинки, каменный топор из сланцевого отщепе, костяное орудие. В.А. Зах находит аналогии этому захоронению, прежде всего по стоячему положению костяка, в Оленеостровском могильнике Карелии и в погребении у с. Пеган в лесостепном Зауралье (Зах, 1985).

В свое время М.В. Аникович выделил из зауральско-западносибирских древностей неолитические памятники бассейна р. Томи (Кузнецкий, Васьковский, Яйский могильники, Томская писаница и др.) и отнес их к особой культуре, для которой характерно отсутствие в погребальном инвентаре посуды, обилие костяных вещей в могилах, скульптурные изображения животных, птиц (Аникович, 1969. С. 62–64). Правомерность этой точки зрения признали В.И. Матющенко, В.И. Молодин и др. Некоторое время спустя А.П. Окладников и В.И. Молодин расширили территорию выделенной М.В. Аниковичем культуры за счет Алтая (могильники Усть-Иша, Иткуль). Они отметили в ней, наряду с зауральско-западносибирскими ангаро-байкальскими чертами, усиливающиеся от западных ее границ к восточным. Культура названа кузнецко-алтайской (Окладников, Молодин, 1978).

Однако в последующие годы у археологов появились разные мнения в понимании этой культуры. Возникли сомнения в обоснованности выделения неолитической культуры по могильным комплексам, без учета имеющихся неолитических и энеолитических поселенческих материалов и при отсутствии главного этнокультурного показателя – керамики. Ю.Ф. Кирюшин оспорил неолитическую принадлежность алтайской части кузнецко-алтайской культуры, которую приурочил к энеолитическому периоду (Кирюшин, 1986). В.А. Зах отнес все вышеперечисленные кузнецко-алтайские погребения к верхнеобской культуре: Яйский, Васьковский, Кузнецкий – к изылинскому ее этапу, Иткуль, Усть-Ишу, Лебеди и др. – к кипринскому (Зах, 1990).

В.В. Бобров в общем согласился с точкой зрения

Ю.Ф. Кирюшина о разнокультурности и разновременности кузнецкой и алтайской групп вышеперечисленных памятников, отметив различие в погребальном инвентаре алтайских и кузнецких памятников, касающееся характеристики орудий и украшений. Так, в могильнике Иткуль отсутствуют широкие плоские ножи, мелкая пластика, но представлены фигурные лепестковые украшения, которых нет в Кузнецкой котловине. Если эти признаки являются культурными и хронологическими, то алтайские комплексы действительно относятся к энеолиту. Что же касается кузнецких, то их неолитический возраст остается несомненным (Бобров, 1991. С. 70).

Среднее Прииртышье (Ишимо-Иртышская лесостепь и прилегающая южнотаежная окраина). Начавшееся около середины неолита освоение этой территории носителями керамики с отступающе-накольчатой-прочерченной орнаментацией было прервано распространением здесь инокультурного населения, в керамике которого прослеживаются черты так называемой гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. В результате в Среднем Прииртышье и в прилегающих окраинах соседних регионов утвердилось своеобразная культурная общность, названная В.Ф. Генингом среднеиртышской культурой, что нельзя признать удачным. Речь должна идти не об одной, а о нескольких родственных и не вполне одновременных культурах (Генинг и др., 1970).

В пределах этой общности наиболее известна екатерининская группа памятников, изучением которой занимались В.Н. Чернецов, В.Ф. Генинг, В.Ф. Старков, А.И. Петров, В.И. Молодин и др. Заметный вклад в исследование среднеиртышского неолита внес А.И. Петров, выделивший в среднеиртышском регионе и на примыкающих территориях екатерининскую культуру (Петров, 1986). К сожалению, он объединил в нее не только собственно екатерининские памятники с гребенчато-ямочной керамикой, но также энеолитические древности (артынские, александровские) и даже памятники раннего бронзового века, придав тем самым екатерининской культуре несвойственную ей аморфность, историко-культурную и хронологическую расплывчатость. Мы относим к екатерининской культуре памятники с керамикой, эталонным образцом которой является посуда Екатеринбургской стоянки в Омской обл. на правом берегу Иртыша близ устья р. Абросимовки (Чернецов, 1953. Табл. X–XI) (рис. 85, 16, 23–31). Сейчас число пунктов с екатерининской посудой приближается к 60–70 (Екатерининка I, II, Окунево III, IV, Бичили, Вертенис, Тюмир-тяки I и др.). Расположены в основном по берегам Иртыша и его притоков – Тары, Уя, Туя, Ишима (низовья) и пр.

Керамика представлена крупными сосудами с широким горлом, слегка раздутым туловом и круглым дном. Для орнаментации характерна горизонтальная зональность узора. Техника орнаментации представлена гребенкой, гладким штампом и наколом. Короткий гребенчатый и гладкий штамп ставился под углом к плоскости сосуда, образуя подтреугольный отпечаток. Штампом выполнялся узор в виде отступающей гребенки или отступающей лопаточки, а также в виде шагающей гребенки. Специфична форма ямок: “подкововидная”, сегментовидная. Основные мотивы орнамента: горизон-

тальные пояса косопоставленного штампа, зигзага, качалки. Геометризация узора незначительна (Петров, 1986. С. 6).

В каменной индустрии превалирует отщеп. Основное место в инвентаре занимают скребки, наконечники стрел, ножи. Скребки на пластинах и отщепах, они округлые, подтреугольные, аморфные. Наконечники обработаны сплошной двусторонней ретушью. Выделяются два основных типа – листовидные и укороченно-треугольные. Наиболее характерны листовидные наконечники – с прямым, округлым, вогнутым, приостренным и черешковым основанием. Есть наконечники копий: листовидные и ромбовидные. Известны четыре типа ножей: асимметрично-треугольные, полулунные, аморфные, четырехугольные (вкладыши). Последние на пластинах – с двусторонней и частичной ретушью. Встречаются инструменты из пластин – острия, скобели, резцы, резчики. Резцы угловые и срединные (Петров, 1986. С. 8–9).

Тесла, топоры и долота обычно шлифованы. Любопытны топоры “с ушками” и когтевидные долота (7 экз., по данным на 1986 г.) с желобком вдоль лезвия. Известны четыре типа шлифованных ножей из зеленого сланца: с округлым, прямым, вогнутым (клювовидным) лезвием и двулезвийные. Все с односторонней заточкой.

Из глины делались грузила, лощила, шарики (от бола-са?) и др. Грузила трех типов: эллипсовидные с продольным отверстием, украшенные гладкой качалкой; биконические; “моталки” (с желобком в торцевой части). Встречены стерженьки для рыболовных крючков из сидерита (Петров, 1986. С. 9–10).

Среди предметов изобразительного искусства интересны вырезанные из сланцевых плиток изображения лося (2 экз.) и, вероятно, собаки (2 экз.). Последние происходят из могильника Усть-Куренга и опубликованы В.Н. Чернецовым (1953). Основное внимание при моделировке изображений уделялось отделке головы. Встречены костяные украшения из клыков кабана, резцов лося и бобра.

А.И. Петров выделяет два типа екатерининских жилищ: 1) Округлые или округло-прямоугольные, наземные либо слегка углубленные, размерами от 70 до 200 кв. м (Екатерининка I, II, Ямсыса VIII, X и др.). Наряду с однокамерными, известны двухкамерные. Очаг нередко устраивался у входа, слева от него. Вход фиксируется широким, несколько углубленным выступом. Некоторые постройки окружены канавкой. Судя по расположению и характеру столбовых ям, жилища были каркасно-столбовыми и имели двускатную кровлю. Элементы срубной конструкции применялись лишь при сооружении перегородок и участков стен. 2) Прямоугольные, более углубленные жилища меньших размеров. Внутри – очаг. Постройки каркасно-столбовые, с односкатной и двускатной крышей.

Исследовано несколько могильников (Хутор Бор IV, Окунево VII, Бобровка и др., всего более 90 захоронений). Могильники обычно расположены на одновременных им поселениях или рядом с ними. Известны большие кладбища (могильник Окунево VII – около 6 тыс. кв. м., вскрыто 55 погребений) и небольшие, содержащие до десяти могил. К сожалению, А.И. Петров, верный своей установке о культурном единстве неолитических, энео-

литических и раннебронзовых комплексов Среднего Прииртышья, практически не приводит данных, по которым можно судить о количестве и специфике неолитических (собственно екатерининских) захоронений.

Население екатерининской культуры хоронило покойников в неглубоких ямах, вытянуто на спине, головой на север и северо-восток. Умершие посыпались охрой. Прослежен обычай умышленной порчи вещей. Посуда ставилась в могилу редко, что затрудняет культурно-хронологическую идентификацию среднеиртышских захоронений. Видимо, к этому времени, скорее всего, к концу его, следует относить часть так называемых “выдающихся” погребений. Они “располагались в центре могильника, имеют большие размеры, обильно посыпаны охрой, многие перекрыты ярусными захоронениями; особая роль одного из погребенных в такой могиле подчеркнута наличием сломанной булавы и фигурок лося из камня” (Петров, 1986. С. 14–15).

Несколько лет назад опубликованы 20 неолитических погребений из Северной Барабы: 14 – в могильнике Протока, шесть – в могильнике Сопка II. Керамика демонстрирует смешение верхнеобской (отступающе-накольчато-прочерченной) и иртышской (гребенчато-ямочной) декоративных манер (Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989).

Своеобразен и погребальный обряд. В 14 погребениях могильника Протока найдены остатки 26 костяков. Лишь одна могила была углублена в материк, остальные помещались на материке или в почвенном горизонте. Авторы предполагают, что над захоронениями (могилы размещались очень компактно) было наземное сооружение, характер которого неясен. Наряду с одиночными погребениями есть парные и коллективные. Так, в могиле 3 погребены мужчина и ребенок, в могиле 4 находились остатки восьми скелетов (пять мужчин, женщина, два ребенка), а в могиле 6 обнаружены кости от четырех покойников, лежавших друг на друге. Захоронения вторичны. Умерший помещался в могилу уже после (частичного?) разложения, так как анатомический порядок сохраняют лишь позвоночник и кости ног. Их положение позволит считать, что покойников клали на спину и ориентировали головой на север–северо-запад или на север.

С усопшим оставляли посуду, чаще в виде разрозненных черепков. Могильный инвентарь Протоки содержит небольшие каменные топоры-тесла (три экз.), медальоновидные подвески из кости (17 экз.) и из мелкозернистого красноватого песчаника (12 экз.), некоторые другие менее выразительные вещи (Полосьмак и др. 1989. Рис. 10–12). Как по инвентарю, так и по погребальному обряду, могильник Протока сходен с неолитической частью кладбища Сопка II в Барабе и, отчасти, с екатерининскими могильниками на Иртыше, что позволило Н.В. Полосьмак и ее коллегам предположить их культурную близость.

Существование населения екатерининской культуры обеспечивалось охотой и рыболовством. О первом говорит разнообразный набор охотничьих орудий (наконечники стрел, копий, скребки и пр.), кости лося, северного оленя, бобра, кабана и др. Рыболовство документируется ихтиофауной и разнотипными глиняными грузилами

для сетей. А.И. Петров обратил внимание на факты, позволяющие говорить о рыболовстве на крупных реках, в том числе Иртыше, в зимнее время. В соответствии с этим екатерининские поселения располагались ниже устья иртышских притоков, рядом с полосой чистой воды, свободной от “замора”, вблизи так называемых “живунов”, где скапливалась зимою огромная масса рыбы.

А.И. Петров относит екатерининскую культуру к первой половине и середине III тыс. до н.э., чему не противоречит радиоуглеродная дата жилища поселения Тух-Сигат IV в Васюганье, где обнаружена керамика екатерининского облика: 4690 ± 100 л.н. (СОАН-1696) (Петров, 1986. С. 14). Могильники Протока и Сопка II (неолитические погребения) выглядят архаичнее екатерининских и скорее всего относятся к несколько более раннему времени.

Для датировки екатерининской культуры важны работы, проводимые А.Н. Панфиловым в западной (ишимской) части Среднего Прииртышья, где находилась зона контактов нижнетобольских и среднеиртышских неолитических культур. На поселении Серебрянка I екатерининский слой лежал выше боборыкинского. В целом же екатерининские древности в лесостепном Приишимье занимают примерно ту же позицию, что и сосновоостровские (Панфилов, 1991). Если это так, то екатерининская культура должна относиться примерно к концу IV – первой половине III тыс. до н.э., что в общем почти совпадает с датой, предложенной А.И. Петровым. Получается, что это финальный неолит или даже рубеж неолита–энеолита. А.Н. Панфилов предполагает, что кокуйский тип керамики в лесостепном Приишимье (считающийся здесь генетическим предшественником екатерининского типа посуды) относится к второй половине V – началу IV тыс. до н.э. На наш взгляд, предложенная А.Н. Панфиловым дата сильно занижена. Судя по общей историко-культурной стратиграфии Ишимо-Иртышья, время существования кокуйского комплекса на Ишиме не идет глубже IV тыс. до н.э.

О предшественниках екатерининцев в Прииртышье свидетельствуют материалы стоянок Бичили I, Крапивка и некоторых других, где наряду с екатерининской выделяется керамика с прочерченным и волнисто-гребенчатым орнаментом восточноуральского облика. В заполнении исследованной на Крапивке I полуземлянки найдена посуда двух названных типов, а также со смешанной орнаментацией (рис. 85, 23). На стоянке Бичили I отмечено перекрытие волнисто-гребенчатой керамики екатерининской.

Самые ранние комплексы гребенчато-ямочной керамики выявлены в лесостепном Приишимье (стоянка Кокуй I) и в Северном Казахстане (памятники явленского типа). В.Ф. Зайберт придерживается точки зрения о североказахстанском происхождении среднеиртышского гребенчато-ямочного неолита. По его мнению, стоянка Кокуй I характеризует северную периферию атбасарской неолитической (явленский вариант) культуры, локализовавшейся первоначально в Северном Казахстане, а затем распространившейся далее на север – в предтаежное и таежное Ишимо-Иртышье (Зайберт, 1979. С. 14–15). Точка зрения о южном происхождении памятников екатерининского типа высказывалась также В.Ф. Старковым (1980. С. 154).

А.И. Петров склонен связывать происхождение екатерининской культуры с местным иртышским мезолитом при некотором влиянии восточноуральской неолитической культуры и южных импульсов (Петров, 1986. С. 16). Однако тезис о мезолитической основе среднеиртышского неолита пока не подтверждается археологическими данными: здесь не известен ранний неолит, в результате между местным мезолитом и екатерининской культурой существует разрыв около 1,5 тыс. лет. Не исключено, что связующим генетическим звеном здесь был предполагаемый В.Ф. Старковым пережиточный мезолит (бескерамический неолит?).

* * *

В заключение остановимся вкратце на некоторых узловых вопросах зауральско-западносибирского неолита в целом. Продолжает оставаться актуальной проблема неравномерности развития неолитических культур исследуемой территории, неразработанность которой мешает определить истинное место неолита Зауралья и Западной Сибири в системе известных евроазиатских археологических древностей.

Становление неолита как историко-археологической эпохи во многом обязано сложению здесь комплексной присваивающей экономики с динамичным сочетанием охоты, рыболовства и собирательства. В рамках неолитической эпохи на этой территории фиксируется три хозяйственных уклада, различающихся между собой преимущественной ориентацией на определенный вид промысла: 1) охотничий; 2) охотничье-рыболовческий; 3) оседло-рыболовческий. В охотничьем укладе в свою очередь выделяются два основных хозяйственных типа: а) подвижная охота на северного оленя (зона тундры); б) промысел лесных копытных на путях их сезонных перекочевков (лесное Зауралье и, видимо, некоторые районы Алтая).

Из трех перечисленных хозяйственных укладов (охотничье, охотничье-рыболовческий и оседло-рыболовческий) наиболее традиционными были первые два. Что касается оседлого рыболовства, то оно сложилось не ранее кануна энеолитического периода и не имело постоянной локальной приуроченности. В финальном неолите и энеолите оно тяготело в основном к богатому проточными озерами Нижнему Притоболью, в новое время – к низовьям Оби. Кроме того, во все периоды, начиная с позднего неолита, имели место эпизодические расцветы его в разных районах таежного Обь-Иртышья. В широкой территориально-хронологической перспективе три перечисленных хозяйственных уклада и их тяготение к определенным географическим районам отражают региональные тенденции в развитии присваивающей экономики Зауралья и Западной Сибири. На южной окраине этой территории в промысловое хозяйство, видимо, внедряются элементы производящей экономики (ташбулатовская, боборыкинская культуры).

В первой половине неолитической эпохи большую часть зауральско-западносибирского региона занимал единый гигантский этнокультурный массив, наиболее наглядно выраженный в прочерченно-отступающе-накольчатой манере орнаментации глиняной посуды. По-

мимо внутренней генетической заданности, его общий колорит и относительная стабильность поддерживались традиционными восточными (уральскими) и южными (арало-каспийскими) импульсами и связями. На поздней стадии неолита внутри названного этнокультурного массива оформились еще два новых: с гребенчатой орнаментацией керамики (первоначально в районах Восточного Зауралья) и гребенчато-ямочной (сначала преимущественно в Среднем Прииртышье). Элементы гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментации наблюдались здесь и раньше, в периоды господства прочерченно-отступающе-накольчатой декоративной “моды”. Однако тогда они еще не выступали на уровне сложившихся орнаментальных традиций, а скорее являли собой первые симптомы потенциальной готовности к будущему распаду единой зауральско-западносибирской неолитической общности.

В Зауралье и Западной Сибири этапная последовательность трех рассматриваемых орнаментальных традиций выражена недостаточно четко, хотя общепризнано, что отступающе-накольчато-прочерченный декора-

тивный комплекс возник раньше гребенчатого и гребенчато-ямочного. Вместе с тем несомнен факт их последующей длительной одновременности: с конца неолита они на зауральско-западносибирской территории выступают показателями трех параллельных линий этнокультурной преемственности и активно взаимодействуют в течение энеолита и большей части бронзового века.

Касаясь происхождения гребенчато-ямочной керамики в Западной Сибири, мы в свое время объясняли ее появление там восточноевропейскими воздействиями и проникновениями. Сейчас, на уровне новых и новейших данных, такое объяснение кажется недостаточным. Не отрицая восточноевропейских (равно как и обратных – западносибирских) этнокультурных импульсов, необходимо признать, что отступающе-накольчатый, гребенчато-ямочный и гребенчатый орнаментальные комплексы в Западной Сибири и в Восточной Европе возникли параллельно в русле первоначально единой этногенетической тенденции и были в равной мере предопределены общей субстратной “генетической памятью”, корни которой теряются в глубинах каменного века.

Глава 6

Восточная Сибирь и Дальний Восток*

Огромная территория, ограниченная на западе Енисеем, на юге – Восточным Саяном, Яблоновым и Становым хребтами, а на севере и востоке – побережьями Ледовитого и Тихого океанов, и в эпоху неолита была по преимуществу таежной. Во время климатического максимума атлантического периода, когда климат был теплее и влажнее современного, лесная растительность потеснила зону тундры и местами доходила до берегов арктических морей. На юге Дальнего Востока, в Приморье, лесная растительность была существенно обогащена за счет южных видов. Забайкальские степи, по-видимому, перемежывались с лесами. Обилие лесной фауны и рыб в реках и озерах давало возможности для расцвета

присваивающей экономики. Только в конце неолита, с наступлением суббореального периода, началось расширение тундры и степей.

Восточная Сибирь и Дальний Восток рассматриваются в особом разделе потому, что переход к неолиту здесь связан с появлением типов керамики, отличных от керамики Западной Сибири и придававших своеобразный облик восточным культурам.

Неолит Восточной Сибири изучен неравномерно (карты 14, 15). Лучше других исследованы районы Якутии, для которых на основе хорошо изученных многослойных памятников в бассейне р. Алдана создана периодизация неолитических культур, и район Приангарья-Прибайкалья.

Неолит Прибайкалья

По берегам оз. Байкал и в бассейне р. Ангары открыто много поселений, среди которых есть ряд многослойных, и сосредоточено большое число могильников. Именно на материалах могильников была разработана первая периодизация неолита Восточной Сибири. Начало их исследованию было положено раскопками Китайского могильника, проведенными Н.И. Витковским в 1880 и 1881 гг. Классификация могильников Прибайкалья, основная масса которых связана с берегами Ангары на отрезке от Иркутска до Братска, была сделана А.П. Окладниковым (1938) и в дальнейшем дополнялась и уточнялась (Окладников, 1950; 1953). Было намечено шесть хронологических этапов: хиньский, исаковский, серовский, китойский, глазковский и шиверский. Первый этап, по мнению А.П. Окладникова, характеризует еще докерамический период. Исаковский, серовский и китойский этапы отнесены им к последовательному развитию единой неолитической культуры Прибайкалья, названной, вслед за Б.Э. Петри (1916; 1926), байкальской. Глазковский и шиверский этапы были отнесены уже к бронзовому веку.

М.М. Герасимов (1955) предположил иную периодизацию неолита Прибайкалья: 1) хиньский этап (древний неолит); 2) китойский (ранний неолит); 3) серовский (развитой неолит); 4) глазковский (энеолит). На ряде примеров он доказывал, что между серовскими и китойскими погребальными комплексами нет никакой преемственности, тогда как генетическая связь между серовскими и глазковскими очевидна. Сопоставляя краниологические материалы из китойских и глазковских могил, М.М. Герасимов пришел к выводу, что они связаны с различными антропологическими

типами. Люди, захороненные в китойских могильниках, отнесены им к недифференцированным протомонголоидам, тогда как среди ранних глазковцев преобладает антропологический тип, близкий северо-американскому варианту древних монголоидов. Периодизацию М.М. Герасимова принимает А.К. Конопацкий (1982), но пытается доказать преемственную связь китойской и серовской культур.

Л.П. Хлобыстин (1964, 1965) предложил другое решение проблемы соотношения серовских, китойских и глазковских памятников. Китойские погребения он рассматривал как принадлежащие особой локальной культуре, проникшей в Прибайкалье с юго-востока, частично сосуществующей с серовской и способствовавшей перерастанию ее в глазковскую. К китойской культуре вслед за А.П. Окладниковым была отнесена названная “посольской” керамика, изготовленная методом выбивания лопаткой, оставлявшей на поверхности сосудов шнуровые отпечатки, и украшенная у венчика треугольным в сечении валиком с маленькими сквозными отверстиями у края.

Радиоуглеродные даты для китойского захоронения на мысе Бурхан на Байкале, установившие его возраст в пределах середина V – первая половина IV тыс. до н.э., находки сетчатой керамики в китойских захоронениях и материалы раскопок многослойных поселений позволили пересмотреть возраст и соотношение культур Прибайкалья. Л.П. Хлобыстин (1978) к раннему неолиту (V–IV тыс. до н.э.) отнес исаковскую и, частично, китойскую и серовскую культуры, к развитому неолиту (III – начало II тыс.) – китойскую и серовскую, а также памятники с керамикой посольского и усть-бельского типов, к позднему неолиту (начало II тыс.) – ранние глазковские памятники.

То, что китойские памятники являются самостоятельным этнокультурным феноменом, а не этапом в непрерывном развитии прибайкальского неолита, подтвер-

* Тексты раздела уточнены автором в последний раз в ноябре 1987 года.

ждается палеоантропологическими данными. Н.Н. Мамонова (1973), изучив серию китойских, серовских и глазковских черепов, установила, что китойские черепа имеют существенные морфологические отличия от серовских и глазковских, более сходных между собой. Отмечено также некоторое влияние китойского антропологического типа на глазковский. Сравнение краниологических данных по китойской культуре с материалами из Забайкалья позволило ей высказать предположение о приходе китойцев в Прибайкалье из Забайкалья. Вопрос о происхождении китойского населения и его соотношении с серовским и глазковским рассматривается и в совместной работе В.П. Алексеева и Н.Н. Мамоновой (1979). В ней также дается анализ серовских и глазковских краниологических серий из могильников Ангарты и верховьев Лены и отмечается, что их сходство говорит об общности происхождения и отражает конкретный этногенетический процесс – переселение серовцев с р. Ангарты на р. Лену, где в результате этого сформировался антропологический комплекс, характерный для глазковского населения.

Большое значение для установления возраста культур Прибайкалья имеют массовые радиоуглеродные даты, полученные в последние годы по костным остаткам людей в погребениях разных культур (Мамонова, Сулержицкий, 1986). На основе этих определений были установлены следующие даты существования культур: глазковская – 3900 ± 40 (ГИН-4125) – 4600 ± 100 (ГИН-4071); серовская – 4530 ± 60 (ГИН-3875) – 5120 ± 100 (ГИН-3880); исаковская – 5000 ± 70 (ГИН-4045) и китойская – 6370 ± 60 (ГИН-4100) – 7040 ± 100 (ГИН-4129). Таким образом, периоды существования устанавливаются: для китойской культуры – конец VI – середина V тыс. до н.э., для исаковской – конец IV тыс. до н.э., для серовской культуры – конец IV – середина III тыс. до н.э., для глазковской – первая половина III – начало II тыс. до н.э.* Н.Н. Мамонова и Л.Д. Сулержицкий пришли к выводу, что китойская культура предшествует исаковской, что наиболее древними являются китойские погребения из Фофановского могильника в Забайкалье, а затем по возрасту следуют однокультурные им погребения из Циклодрома, Ярков и, наконец, из устья Белой. Тем самым подтверждаются точка зрения М.М. Герасимова о большей древности китойской по сравнению с другими прибайкальскими культурами неолита и предположение о происхождении китойцев Приангарья из Забайкалья, что прослеживается по краниологическим материалам. Другим выводом является установление сосуществования на некоторых отрезках времени серовской культуры с предшествующей ей исаковской и с последующей глазковской. Наконец, значительно удлиняется и удвояется время существования глазковской культуры.

Долгое время господствовала схема однолинейного развития неолитических культур Прибайкалья, от которой приходится отказаться, поскольку новые исследования говорят о большей сложности исторического процесса. Эпоха неолита этого региона начинает выявляться как период сложных взаимоотношений разных по

происхождению групп населения с различными культурными традициями, а также выявляется тенденция к удревнению культур. Изучение неолитических памятников Прибайкалья продолжается, и насущной необходимостью является выявление локальных различий между ними.

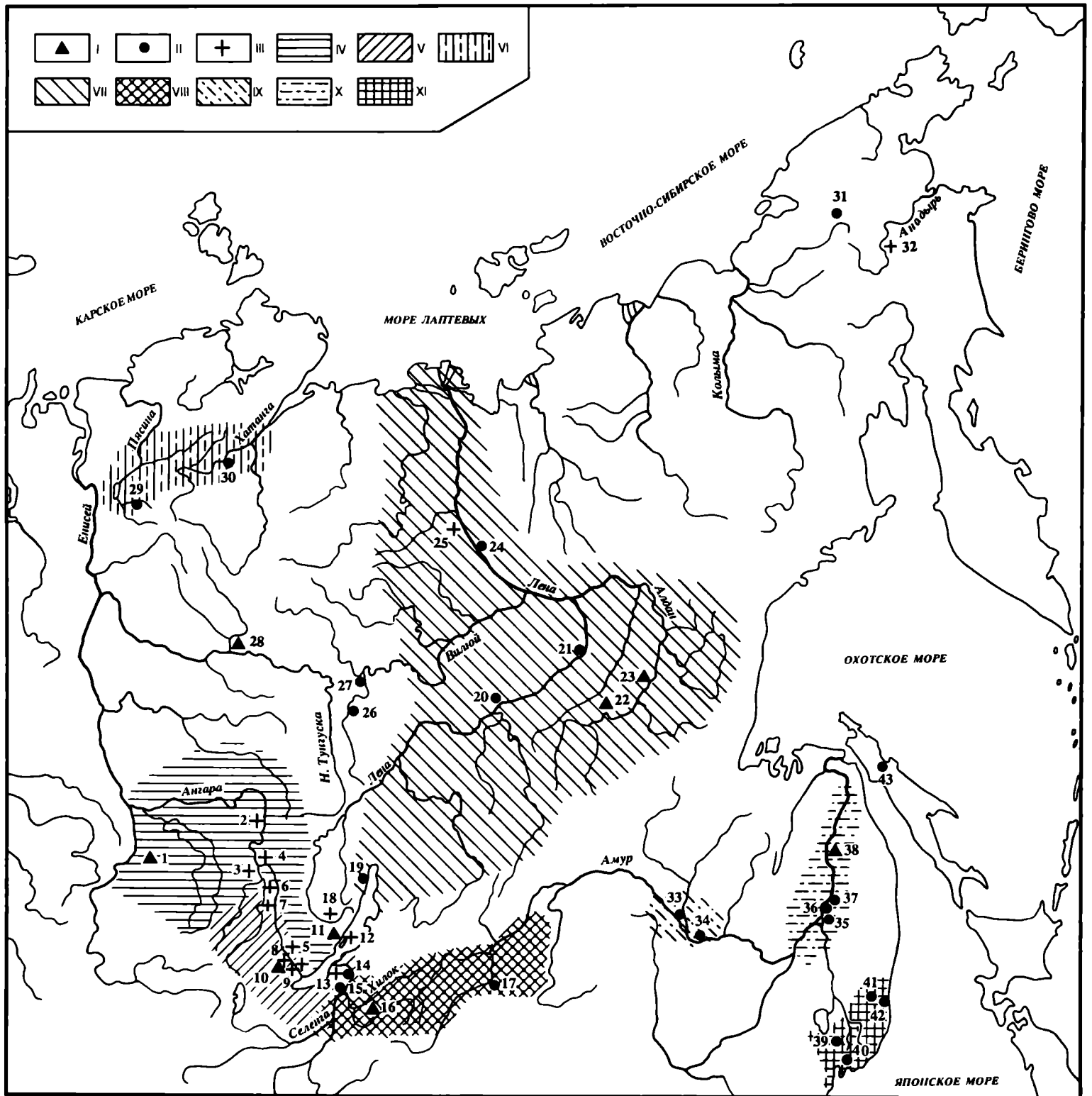
Китойская культура

Китойские могильники сосредоточены в верхнем течении Ангарты на протяжении первых пятисот километров, на верхней Лене и на южном побережье Байкала*. Как правило, они образуют большие самостоятельные могильники, на которых нет захоронений, относящихся к другим культурам. Таковы Китойский могильник, где раскопано 24 могилы с 27 погребениями и отмечены отдельные разрушенные могилы, и могильник Циклодром (он же Локомотив) в г. Иркутске, где найдено около 60 могил, а число погребенных было более 100.

Китойские захоронения обычно совершались в глубоких ямах без характерных для исаковских, серовских и глазковских могил каменных кладок, что затрудняет их поиски. Вместе с тем, на западном берегу оз. Байкал и на о-ве Ольхон обнаружено 8 китойских погребений – все они имели надмогильные кладки из камней. Внутри могилы погребения № 3 (1972 г.) на мысе Бурхан (Шаманском) о-ва Ольхон зафиксированы деревянные конструкции и берестяное покрытие. В некоторых могилах Китойского и Фофановского могильников отмечены следы столбов и кольев от деревянных сооружений, возвышавшихся над захоронениями в древности. В Приангарье господствовал обряд трупоположения на спине с вытянутыми вдоль тела или со скрещенными на тазе руками. Последнее, по-видимому, типично для женских захоронений. Исключениями являются одно из погребений могильника Циклодром, в котором двое мужчин похоронены в скорченном положении на боку, лицом друг к другу, и два погребения в могильнике Ярки. В одну из могил умерший помещен в сидячем положении, лицом на юго-восток, а в другой скелет лежал вытянуто на животе. В короткой могиле № 20 Китойского могильника у лежавшего на спине погребенного были согнуты ноги. Погребения густо засыпали красной охрой, что является одним из характерных признаков захоронений китойской культуры. В погребении № 3 мыса Бурхан на о-ве Ольхон был даже найден берестяной короб с охрой. Преобладал обычай ориентации покойника головой на север и северо-восток, реже – северо-запад и восток, однако наблюдаются отдельные захоронения, ориентированные в противоположном направлении: головой на юг, юго-восток и юго-запад. Большинство захоронений – одиночные, но в могильниках Циклодром и Китойский раскопано 23 могилы с совместными захоронениями: 14 содержали по два костяка, два захоронения могут рассматриваться как двухъярусные с тремя костяками в каждом ярусе, в других коллективных погребениях встречено от трех до восьми костяков.

* Представленная хронологическая схема подтверждена новыми радиокарбонными датами (Мамонова, Сулержицкий, 1989).

* В последние годы В.И. Базалийским проводились раскопки известных могильников и открыт ряд новых. Число погребений в могильниках Локомотив, Усть-Ида I и др. значительно увеличилось.

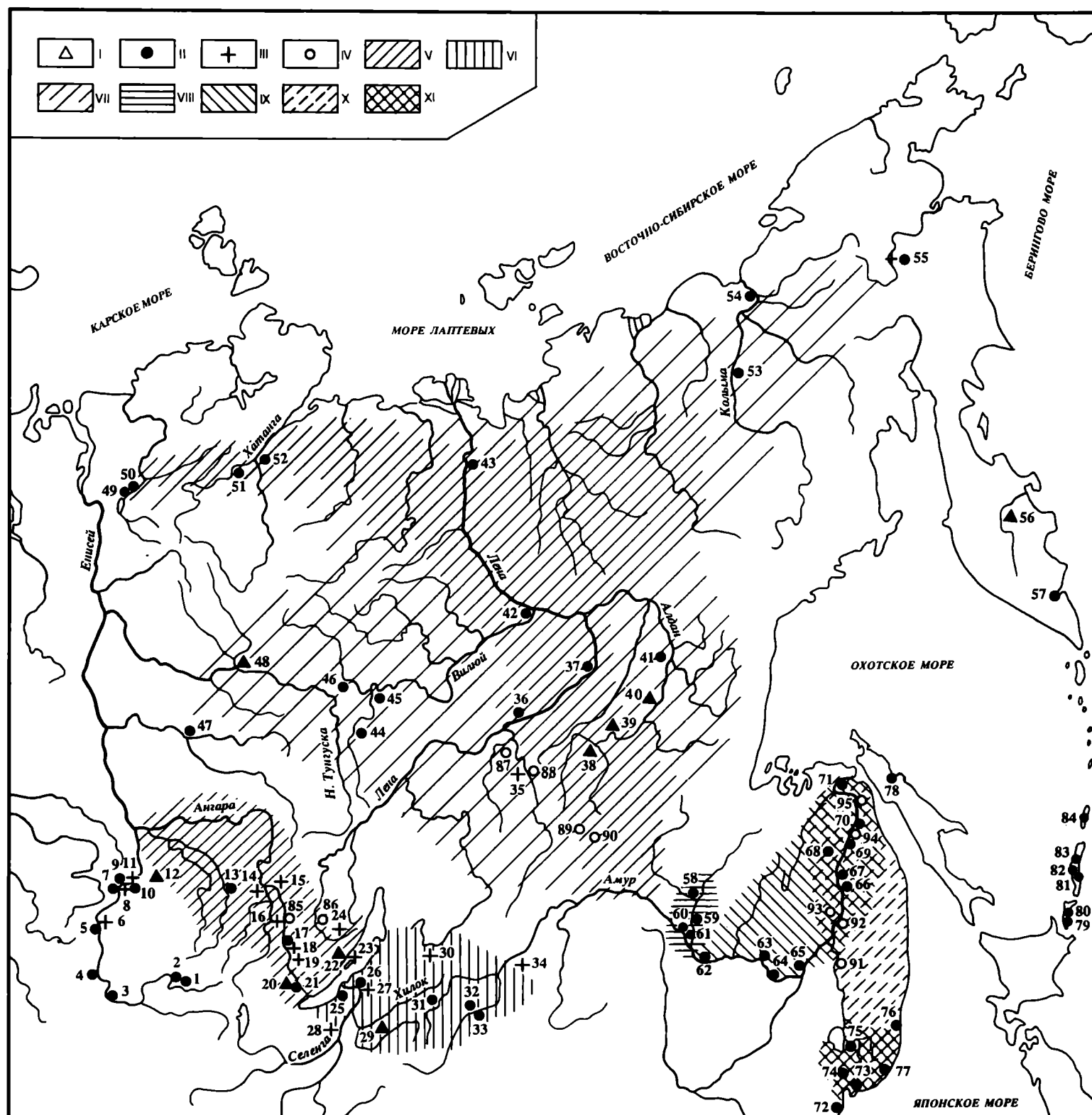

Карта 14. Неолит Восточной Сибири и Дальнего Востока. V–IV тыс. до н.э. (составлена Л.П. Хлобыстиным, уточнения внесены С.В. Ошибкиной)

I – опорные памятники; II – стоянки; III – могильники и погребения; IV – исаковская и серовская культуры; V – китойская культура; VI – глубоководная культура; VII – сылахская культура; VIII – мухинские памятники в Западном Забайкалье и чиндантийские в Восточном Забайкалье; IX – громатухинская культура; X – малышевская культура; XI – руднинская культура.

1 – Казачка; 2 – Усть-Илим; 3 – Исаково; 4 – Распутино; 5 – Глазково; 6 – Серово; 7 – Нижнесередино; 8 – Китойский могильник; 9 – Усть-

Белая, могильник; 10 – Усть-Белая, поселение; 11 – Улан-Хада; 12 – Шаманский мыс; 13 – Фофаново; 14 – Посольская; 15 – Мухино; 16 – Студеное; 17 – Чиндантий; 18 – Верхоненский могильник; 19 – Малая Лударская пещера; 20 – Ат-Дабан; 21 – Куллаты; 22 – Сумнагин I; 23 – Белькачи I; 24 – Сылах; 25 – Уолба, погребение; 26 – Туой-Хая; 27 – Усть-Чона I; 28 – Тура А; 29 – Глубокое I; 30 – Абылаах I; 31 – Эльгы-гиттын; 32 – Усть-Бельский могильник; 33 – Осиповка; 34 – Малышево; 35 – Сикачи-Алян; 36 – Вознесенка; 37 – Осиновская; 38 – Олений I, II; 39 – Чертовы Ворота; 40 – Рудная Пристань; 41 – Ноглики (перечень памятников уточнен В.В. Питулько); 42 – Ноглики (перечень памятников уточнен В.В. Питулько); 43 – Ноглики (перечень памятников уточнен В.В. Питулько)

Карта 15. Неолит Восточной Сибири и Дальнего Востока. III тыс. до н.э. (составлена Л.П. Хлобыстиным, уточнена В.И. Дьяковым, В.В. Питулько, С.В. Ошибкиной)

I – опорные памятники; II – стоянки; III – могильники и погребения; IV – писаницы; V – глазковская культура; VI – нижнеберезовская культура (Западное Забайкалье) и буханский этап (Восточное Забайкалье); VII – белькачинская культура; VIII – осиноозерская; IX – кондонская культура; X – кондонская культурная общность (предполагаемая); XI – зайсановская культура.

1, 2 – Тоора-Хем; 3 – Усть-Хемчик III; 4 – Кантегир; 5 – Батени; 6 – Унюк; 7 – Бирюса; 8 – Базаиха; 9 – Ручей Гремячий, погребение; 10 – Няша; 11 – Дачи Гороно, погребение; 12 – Казачка; 13–14 – Исаково; 15 – Распутино; 16 – Нижнесередино; 17 – Горелый Лес; 18 – Серово;

19 – Глазково; 20 – Усть-Белая, поселение; 21 – Усть-Белая, погребение; 22 – Улан-Хада; 23 – Шаманский мыс, погребение; 24 – Верхоненский могильник; 25 – Селенга; 26 – Посольская стоянка; 27 – Фофановский могильник; 28 – погребение; 29 – Студеное; 30 – Усть-Менза I; 31 – Дарасун; 32 – А-Жан; 33 – Кубухай; 34 – Шилкинская пещера; 35 – Малая Джикимда; 36 – Мархагем; 37 – Куллаты; 38 – Сумнагин I; 39 – Тумулур; 40 – Белькачи I; 41 – Верхнетроицкая; 42 – Киткан; 43 – Сиктек; 44 – Туой-Хая, поселение и могильник; 45 – Усть-Чоне II; 46 – Усть-Чиркуо; 47 – Байкит; 48 – Тура А; 49, 50 – Пясинские стоянки; 51 – Абылаах I; 52 – Хатанга; 53 – стоянки Лабуя; 54 – Пантелеиха; 55 – Усть-Бельские погребения и стоянка; 56 – Ушки I, IV, V; 57 – Авача; 66 – Малышево; 67 – Сикачи-Алян; 68 – Кондон; 69 – Вознесенка; 70 – остров Сучу; 72 – Зайсановка (Гладкая I); 73 – Кировское, Олений I, II.

В пяти случаях установлено, что в парных погребениях они лежали по антитезе, головами в разные стороны, причем мужчины положены, по распространенному обычаю, головой на северо-восток (рис. 87, 22), их сопровождал богатый инвентарь, у женщин же он ограничивался украшениями и орудиями домашнего производства. В ярусном погребении Циклодрома обильным инвентарем выделялось захоронение пожилого мужчины, лежащего между женщиной и женщиной. В нижнем ярусе могилы, где были погребены три женщины (?) юного возраста, найден лишь один скребок. Одно из нижних захоронений было совершено по антитезе.

Одиночные захоронения взрослых, независимо от ориентации, почти все имеют в инвентаре кроме орудий домашнего производства орудия охоты и рыболовства. Детские захоронения редки и не содержат вещей. На могильнике Циклодром найдено захоронение “мужчины-великана” с ребенком 2–3-х лет на груди. В составе инвентаря были редкие изделия – костяное изображение головы лося и костяная фигурка в виде человеческой головы. Примечательны захоронения без черепов: одного взрослого в Китайском могильнике и нескольких людей в Циклодроме (рис. 87). В последнем могильнике обнаружены и расчлененные костяки. Некоторые коллективные захоронения являются свидетельствами военных столкновений, так как погребенные в них убиты стрелами.

Керамическая посуда в китайских погребениях редка. В Китайском могильнике Н.И. Витковским найдены небольшой горшок (могила № 13), напоминающий серовские горшки (рис. 88, 44), и черепки со шнуровыми отпечатками на поверхности (рядом с могилой № 4). В 1924 г. при раскопках стоянки у д. Кузьмиха обнаружено китайское захоронение, рядом с которым стоял большой горшок “с плетением” на внешней поверхности. При новых раскопках могильника Циклодром найден круглодонный сосуд с отпечатками сетки-плетенки. Выдающееся значение для установления возраста китайской культуры и ее связи с определенным типом керамики имеет погребение на мысу Бурхан на о-ве Ольхон (оз. Байкал), исследованное А.П. Окладниковым в 1972 г. В могилу, густо засыпанную охрой и содержавшую захоронение с китайскими крючками и гарпунами, были сверху помещены две собаки и остродонный горшок с отпечатками сетки-плетенки и пояском ямок у венчика. Погребение датировано 5720 ± 50 (JE-1076), т.е. первой половиной IV тысячелетия до н.э. Дата 6550 ± 35 (СОАН-790) указывает на большую его древность.

Таким образом, совместно с китайскими погребениями встречена сетчатая, а также шнуровая керамика. Инвентарь погребений разнообразен. Для него характерны многочисленность орудий лова рыбы, малое число наконечников стрел и крупных каменных наконечников копий, кинжалов. Кроме того, ряд изделий встречен толь-

ко в китайских могилах. Своеобразно и искусство китойцев, выражающееся в большей условности изображений из кости и в распространенности циркульной орнаментации в виде кружка с точкой в центре (рис. 87, 7, 14). Рыболовные крючки были составными и имели каменный (сланец, жировик, гематит) шлифованный стержень (рис. 88, 50–55) и деревянное, костяное или из когтей хищника изогнутое острие (рис. 88, 45–49). Некоторые острия снабжались с внутренней стороны бородками. Стержни были прямыми, овальными или сегментовидными в сечении, с уплощенной фронтальной стороной и выпуклой задней. Стержни утолщались в нижней части, где привязывалось острие, а на концах их делались сегментовидные, фронтально расположенные выступы, предназначенные для привязывания острия и лески. Иногда вместо верхнего выступа вырезались зубцы. Длина стержней от 2 до 20 см и более, но большие экземпляры уникальны. Возможно, что стержни, снабженные перышками, выполняли одновременно функции приманки. В погребениях крючки встречаются часто и иногда их количество исчисляется десятками. В таких случаях можно предполагать, что в могилу был положен перемет. В одном из погребений могильника на о-ве Ольхон найдена костяная моталка для лески (рис. 87, 37). Гарпуны, овальные в поперечном сечении, имели прямоугольный или клиновидный насад (рис. 88, 11–16). Для привязывания около базы часто делался выступ с отверстием для лески.

В погребениях изображения рыб (рис. 87) редки и встречены только в могильнике Циклодром. Остальные изображения являются случайными находками. Все они делятся на три группы, объединенные общими стилистическими приемами, отличающимися от серовско-глазковской традиции изготовления скульптурок рыб (Студзицкая, 1976). Первая из них включает круглые скульптурки рыб из камня, которые могли употребляться китойцами в качестве приманок. Вторую составляют плоские костяные и каменные миниатюрные по размерам рыбки с односторонней моделировкой. Вероятно, они служили амулетами, а некоторые из них – подвесками на шаманских костюмах. Так, янусовидная рыбка (Циклодром, № 11), сделанная из костяной пластинки, имеет в центре сужение для привязывания (рис. 87, 4) и напоминает этим найденные в других могилах Циклодрома изделия, трактуемые как пуговицы (рис. 87, 2). Наконец, отнесенные к третьей группе крупные рыбки из тонких костяных пластинок (Циклодром, № 3) явно были культовыми.

Каменные наконечники стрел разнообразны по формам (рис. 88, 1–7). Чаще встречаются треугольные с вогнутым основанием. Употреблялись небольшие костяные наконечники с клиновидным асимметричным насадом. В нескольких погребениях найдены выпрямители для древков стрел (рис. 88, 43). К орудиям охоты относятся костяные кинжалы с вкладышами и без них (рис. 88, 28–30), иногда украшенные орнаментом, тонкие иглоподобные наконечники дротиков или копий (рис. 88, 36).

Из орудий, связанных с домашним производством, упомянем нефритовые шлифованные ножи с треугольной заточкой острия, ножи с вогнутым лезвием (рис. 88, 10), а также длинную сланцевую заострен-

III (Майхэ): 74 – Осиповка, Кроуновка (Чапигоу); 75 – Синий Гай, Сенькина Шапка; 76 – Рудная Пристань; 77 – Моряк Рыболов; 78 – Ноглики; 79–84 – группа стоянок на Южных Курилах – острова Уруп, Итуруп, Кунашир; 87, 88 – писаницы на р. Олекме; 89, 90 – писаницы на р. Мае; 91 – петроглифы в Шереметьево на р. Усури; 92 – Сикачи-Алян; 93 – петроглифы у стойбища Кий (бывш.).

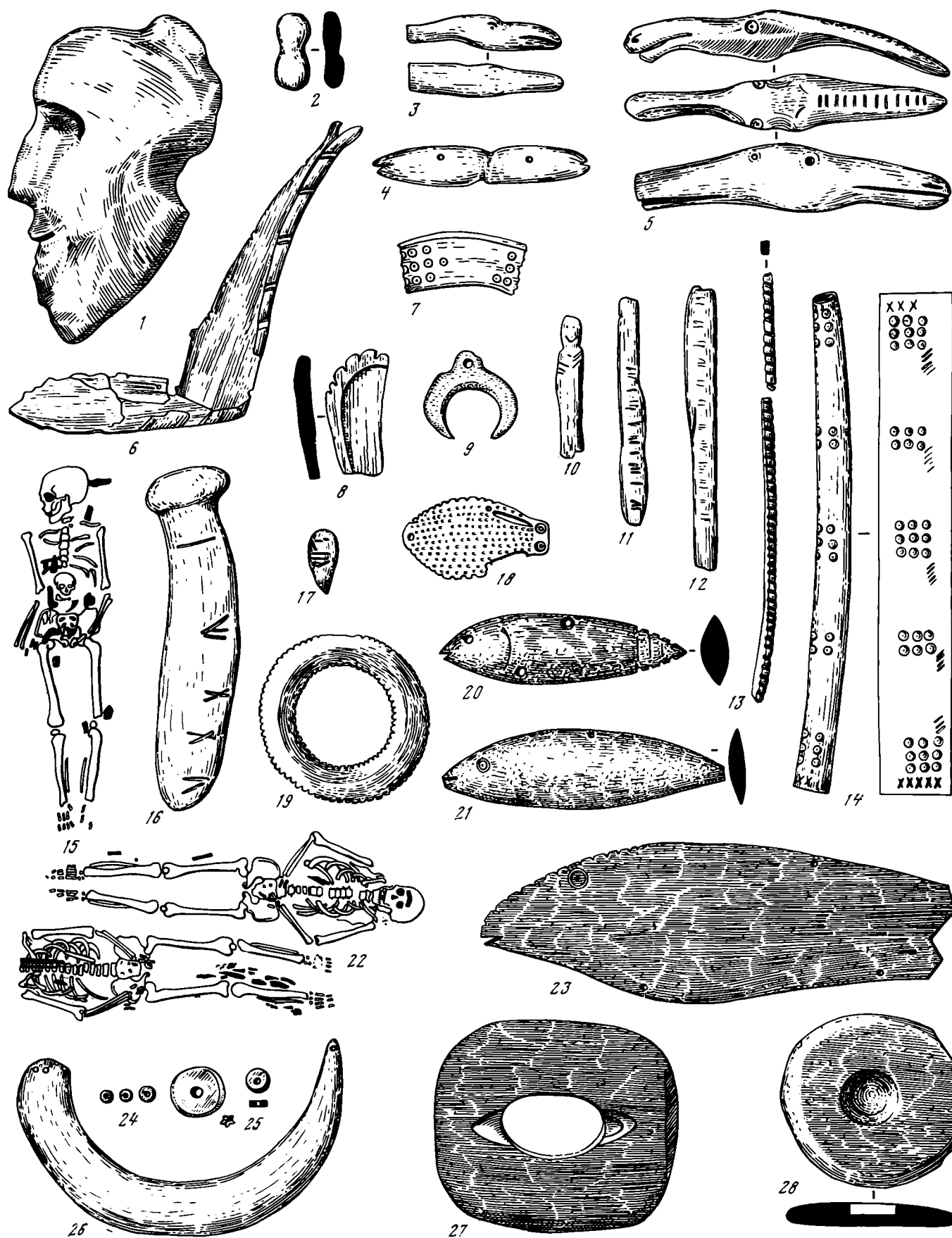

Рис. 87. Китойская культура. Погребения, изделия из камня и кости

ную пластину. Кроме того, в обиходе были различные виды шильев и проколков из костей животных (рис. 88, 33–35), кремневые четырехгранные проколки, отжимники и гладильники из кости, каменные скребки и скребла из отщепов и сколов, точильца и пилки из песчаника и сланца. Достаточно часто встречаются ножевидные пластинки и изделия из них – концевые скребки, проколки, резцы, вкладыши (рис. 88, 21, 23, 24, 26). Найдены конические нуклеусы и нуклеусы-дрилы (рис. 88, 22). Игольники часто украшали резными косыми черточками и крестиками. В одном из парных погребений Циклодрома (раскопки М.М. Герасимова, 1927) найден большой, около 22 см длины, игольник с 10 иглами со сложным орнаментом из резных линий и циркульных кружков (рис. 87, 14). Нередки в погребениях пестики и плитки из галек, иногда с углублениями в центре, служившие для растирания охры.

В китойских могилах много изделий из нефрита, добывавшегося в верховьях р. Китой и р. Белой. Подавляющее большинство топоров и тесел сделано из нефрита. По своей форме они близки к глазковским, но более уплощены (рис. 88, 39, 40). Имеется и узкое долотовидное орудие из нефрита. Тесла из кремнистого сланца единичны. В погребении № 5 могильника Хоторук на Байкале найден топор с выступами. Из рогов лося и северного оленя делали долота и кирки, из лопаток лося – лопаты для рытья. В погребении № 7 Китойского могильника (раскопки 1881 г.), в погребении № 3 на мысе Бурхан (раскопки 1972 г.) и двух погребениях могильника Ярки (раскопки 1957 г.) найдены вырезанные из кости ложки, точнее черпачки. У черпачка из Ярков ручка оформлена в виде рыбки (рис. 87, 6).

Интересными изделиями китойцев являются “бирки” – четырехгранные костяные пластинки с насечками (рис. 87, 14), которые интерпретируют как отметки для счета (Окладников, 1950). Умерших китойцев погребали с их украшениями и амулетами – зубами и когтями животных. Из клыков марала и резцов лося делали подвески, нашивавшиеся на одежду и обувь или употреблявшиеся как бусы. В одном из парных погребений Циклодрома (раскопки 1927 г.) у умерших были ожерелья из резцов тарбагана и бобра. Одна из них состояло более чем из 90 резцов. В погребениях встречены клыки волка и кабарги, когти медведя, челюсти бобра. Расщепленные на пластинки большие клыки кабана часто использовали для украшения головного убора, образуя иногда подобие диадемы. Для прикрепления на резцах просверливали отверстия. Как нагрудные и головные украшения употреблялись кольца из мрамора, нефрита и перламутра (рис. 87, 27), а также дисковидные бусы из перламутра и кости (рис. 87, 24, 25). Костяные браслеты в виде широких пластин украшались циркульным орнаментом (рис. 87, 9). Кроме скульптурок рыб в погребениях найдены скульптурные головки лося (рис. 87, 3, 5) и антропоморфные фигурки из кости и рога (рис. 87, 10), каменные фигурки, изображавшие, по-видимому, медведя и нерпу.

На Ангаре ниже устья р. Белой к китойской культуре относятся погребения № 4, 16, 17 из Серовского могильника и знаменитое погребение № 1 у д. Распутино, из которого происходят составные кинжалы, китойские

крючки, два прекрасных образца шильев с фигурными головками и мраморное объемное изображение головы бородатого человека (рис. 87, 1). Некоторые особенности этих погребений – наличие каменных кладок, малое использование охры, своеобразные остря (части составных крючков или острог) – несколько отличают эту группу от классических погребений Китойского могильника и могильника Циклодром. Каменная кладка в китойской могиле обнаружена и на Верхней Лене (Старый Качуг, погребение № 3).

Близки погребениям Верхней Ангары семь погребений Фофановского могильника в дельте р. Селенги (раскопки М.М. Герасимова, 1959 г.). Захоронения совершены в небольших ямах. Умерших большей частью укладывали на спине или на боку с согнутыми ногами и засыпали охрой. Отмечен след деревянного столба. Мужчин погребали головой на восток или юго-восток. В могиле № 7, где вместе с тремя мужчинами захоронены три женщины и младенец, последние лежали по антитезе – головой на запад. Мраморные кольца или клыки кабана на голове, составные костяные кинжалы с вкладышами из ножевидных пластинок, перламутровые бусы, подвески из клыков марала, резцы тарбагана и клыки кабарги и т.д. образуют типично китойский комплекс. Примечательно, что у 6 из 13 погребенных отсутствовали черепа, а в двух могилах к умершим были положены руки других людей.

Состав костей животных и птиц из китойских погребений Верхней Ангары, включающий останки медведя, волка, лисицы, кабана, лося, северного оленя, косули, кабарги, бобра и зайца, свидетельствует о разнообразном охотничьем промысле, который на Байкале дополнялся добычей нерпы.

Таким образом, китойская культура предстает перед нами как созданная коллективом с развитым охотническо-рыболовецким хозяйством. В могильниках Циклодром, Ярки и Китойском из 53 опубликованных захоронений взрослых 19 сопровождалась наконечниками стрел. Рыболовные крючки встречены при 24 захоронениях. В совместных погребениях мужчин и женщин комплекс вещей, сопровождавших мужчин, обильнее по составу и количеству изделий, чем инвентарь при женщинах. Лишь в одном случае два рыболовные крючка лежали у женского (?) скелета (Китойский могильник, 1880 г., погребение № 7).

Сложность китойского погребального обряда, выражающаяся в различных способах помещения умершего в могилу, в наличии часто встречающихся совместных погребений по антитезе и выделяющихся погребений “шаманов” с культовым инвентарем, в половозрастной дифференциации инвентаря и, наконец, в случаях намеренного отделения голов и рук, свидетельствует о сложности общественной жизни и мировоззрения китойцев, о существовании у них половозрастного разделения труда и обычаев, при которых женщины и, возможно, мужчины умерщвлялись, чтобы сопровождать выдающихся членов общества в их загробную жизнь. Можно предполагать, что женщины, костяки которых лежат в парных, совершенных по антитезе погребениях, принадлежали иному этносу. На эту мысль наводят суммарные краниологические данные, говорящие о том, что между жен-

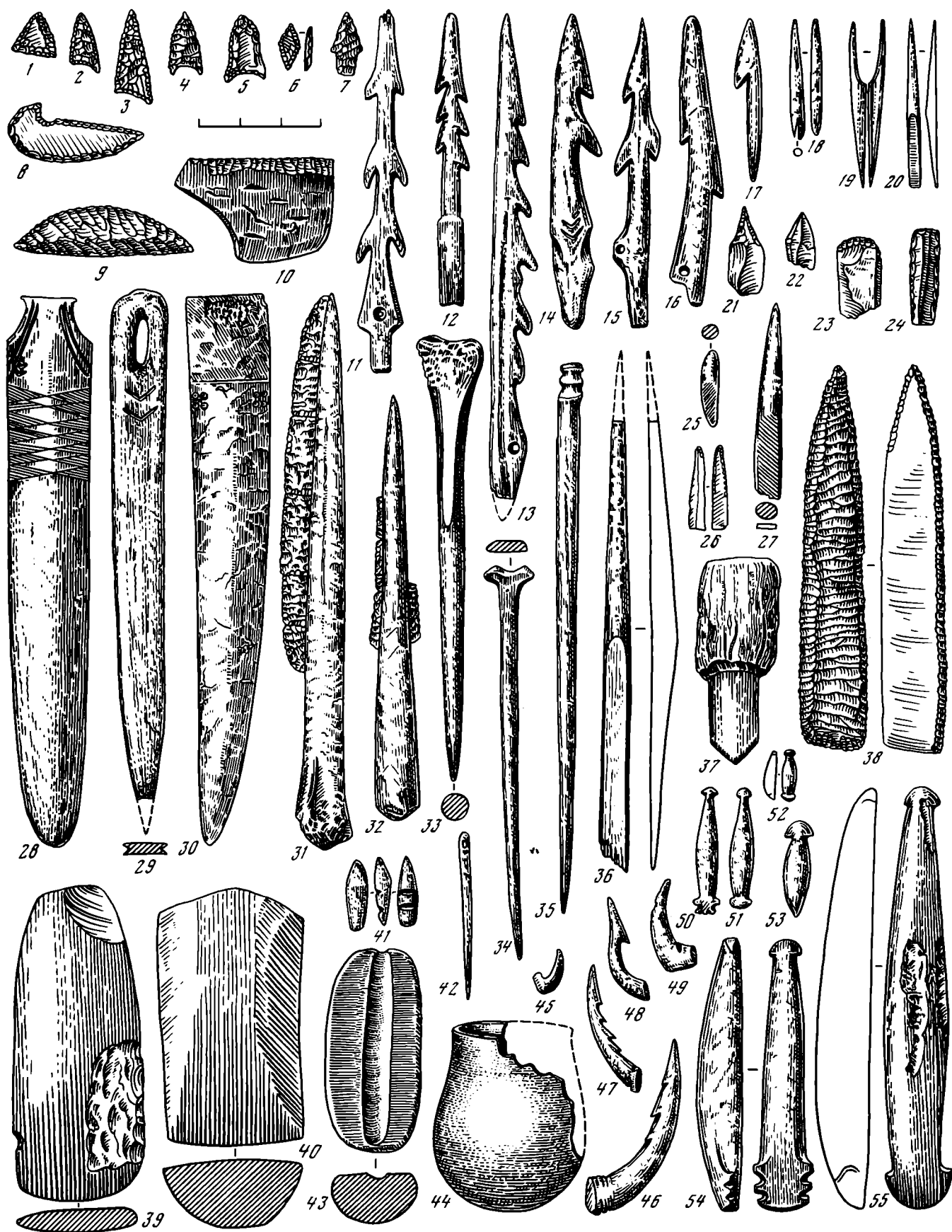

Рис. 88. Китойская культура. Керамика и изделия из камня и кости

скими черепами из китойских могил и женскими черепами из серовских наблюдается большее сходство, чем между ними и черепами глазковских женщин (Мамонова, 1973).

Стоянки с чистым комплексом китойских изделий неизвестны. Поэтому долго не удавалось синхронизировать китойскую культуру с определенным типом керамики. Удревнение памятников китойской культуры на основе радиоуглеродных дат позволяет более достоверно связывать типично китойские изделия, находимые на поселениях Приангарья – Прибайкалья, с комплексами сетчатой керамики. Однако из-за малочисленности известных в настоящее время несомненно китойских сосудов и их близости к горшкам исаковской и серовской культур отнесение поселений, содержащих сетчатую керамику, к определенной культуре остается делом весьма трудным, тем более что на таких поселениях типично китойские изделия нередко встречаются вместе с серовскими.

Стерженьки китойских крючков, костяная рыбка, стилистически примыкающая к рыбкам из могил Циклодрома, на Посольском поселении (юго-восточный берег Байкала), залегали в одном слое с сетчатой и другими типами керамики, причем среди горшков с сетчатой поверхностью, подобным исаковским и серовским, встречались черепки сосудов с валиком под венчиком. Такие сосуды типичны уже для якутского ареала сетчатой керамики. Отдельные находки китойских стерженьков известны и в Забайкалье. К западу от Прибайкалья китойские стерженьки распространены по Ангаре до Енисея и далее до верховьев Ишима. Западной границей находок гарпунов китойского типа является р. Уда. Таким образом, выясняется, что влияние китойской культуры уходит далеко на запад от района расположения классических китойских памятников.

По одной из существующих гипотез, китойская культура перерастает в глазковскую. Многие изделия этих культур действительно имеют сходство. Таковы кольца и диски из мрамора и нефрита, составные крючки и нефритовые топоры. Однако судьба китойской культуры или ее дериватов неясна и пока нет оснований для установления ее генетической связи с исаковской или серовской культурами.

И с а к о в с к а я к у л ь т у р а

Погребения исаковской культуры (Окладников, 1950; 1974; 1976) немногочисленны и обнаружены на возвышенных берегах Ангары в пределах Иркутской обл. На территории могильников с погребениями других культур исаковские могилы располагаются группами. В могильнике около д. Исаково две могилы находились рядом и параллельно, в Пономаревском могильнике таким же образом размещались три погребения: взрослого охотника (№ 10) и двух детей (№ 11, 12). Умерших хоронили на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток, восток и юго-восток, в неглубоких ямах, которые заполнялись каменными плитами. Каменные кладки возвышались над землей. Преобладают одиночные захоронения (рис. 89, 20).

Умерших клали в могилы в одежде и с украшениями,

от которых сохранились подвески из клыков марала и резцов лося с биконическими сверленными отверстиями (рис. 89, 19), пластинки из резцов бобра. Головной убор украшался иногда целыми или расщепленными на пластины клыками кабана. В их широкой части для крепления делали отверстия или нарезки (рис. 89, 28).

Инвентарь исаковских погребений характеризует хозяйство населения как типично охотничье. В его состав входят наконечники стрел треугольной формы с выпуклым и симметрично или асимметрично вогнутым основанием (рис. 89, 1–4). В погребении № 4 могильника Исаково вместе с такими наконечниками оказались два наконечника с выделенным черешком. Наконечники в могиле обычно лежат кучками, остриями вниз к ногам. Очевидно, они находились в колчанах. В Пономаревском могильнике в одном захоронении (№ 13) оказалось 29 наконечников, а в другом (№ 27) – детском – 48 наконечников.

Каменные двусторонне ретушированные наконечники копий найдены в могилах № 8 и 16 Пономаревского могильника. Они листовидной формы и, возможно, могли употребляться и как кинжалы (рис. 89, 9, 10). Характерными для исаковцев орудиями охоты были большие костяные наконечники копий. Один из них (погребение № 10 Пономаревского могильника) сделан из бивня мамонта, имеет длину 60 см. У наконечников овальное сечение, по их боковым краям вырезаны неглубокие пазы, куда вставлялись вкладыши из ножевидных пластинок (рис. 89, 16, 17). Однолезвийные составные ножи были двух типов: с прямыми костяными или роговыми стержнями и изогнутые. У изогнутых – глубокие узкие пазы для вкладышей вырезаны по выпуклому краю (рис. 89, 18). Вкладыши для составных ножей делали из кремнистых пород путем двустороннего ретуширования. У лезвия они были прямоугольными, а вкладыш у острия завершался скошенным концом. Изделия, аналогичные концевым вкладышам, использовались и в одиночку, как клинки ножей. Их называют ножами асимметрично-треугольной формы (рис. 89, 13). При помощи ретуши и шлифовки из кремнистого сланца и нефрита изготавливали пластинчатые ножи с вогнутым лезвием (рис. 89, 12).

Рубящие орудия представлены сделанными из кремнистого сланца желобчатыми теслами двух типов. К первому относятся крупные (до 20 см в длину) трапециевидные или треугольные тесла, асимметричные в поперечном сечении. Передняя их сторона плоская и у лезвия слегка вогнутая, а спинка выпуклая, в средней части орудия приостренная (рис. 89, 27). Такие орудия А.П. Окладников называет желобчатыми теслами с острой спиной. Другой тип тесел – небольшие плоские изделия с еле заметным желобком у лезвия, в поперечном сечении они иногда имеют вид трапеции. Их называют плоскими малыми теслами (рис. 89, 14).

Архаичный облик исаковскому инвентарю придают крупные овальные скребла, сделанные из массивных сколов кремнистой породы (рис. 89, 15). Примечательно, что в исаковских погребениях найден только один кремневый скребок.

К орудиям домашнего производства относятся также костяные острия, шилья, иголки. Шилья изготовлены из

Рис. 89. Исаковская культура. Погребение, изделия из камня и кости, керамика

1, 9, 12, 21, 23, 30 – могильник Пономарево, погребение 8; 2, 19, 24 – мог. Пономарево, п. 13; 3, 4, 8, 10, 18, 20, 29 – мог. Пономарево, п. 16; 5, 22 – мог. Пономарево, п. 11; 6, 7, 14, 17, 31, 32 – мог. Пономарево,

п. 10; 11 – мог. Исаково, п. 2; 13, 28 – мог. Братский Камень, п. 3; 15, 16, 26, 27 – мог. Пономарево, п. 12; 24 – мог. Пономарево, п. 13; 25 – мог. Пономарево, п. 7

метаподиев лося (рис. 89, 11). Иголки всегда тщательно обработаны и помещены в игольники из трубчатых костей птиц, иногда украшенные по концам кольцевыми нарезками (рис. 89, 23). Среди инвентаря есть также и мотыга из рога лося.

В погребениях иногда прослеживаются пятна охры, внутри которых лежат отдельные вещи. В отдельных случаях встречены черепа соболя.

Горшки обычно помещали в ногах погребенного, но в двух случаях они были поставлены около головы. Они небольшие по размерам (высота – от 18 до 23 см, диаметр горла около 20–22 см), открытой параболической формы, с тонкими стенками (рис. 89). Внешняя поверхность сосудов и иногда срезов прямых венчиков сплошь покрыта отпечатками сетки. Орнаментация состоит из пояса конических ямок или косых насечек чуть ниже венчика. Изредка ямки и насечки украшают срез венчика. В тесте содержится незначительная примесь дробленого кварца, гранита и трапповой породы.

При анализе инвентаря из погребений взрослых можно отметить, что в семи случаях с умершими положены наконечники копий и обильный охотничий инвентарь, а в трех – только обрабатывающие инструменты, связанные с домашним хозяйством. Из восьми детских погребений три сопровождалось орудиями охоты, а у четырех были лишь обрабатывающие орудия. Отсюда можно сделать вывод о существовании разделения труда по полу, начинавшемуся с детства. Детей хоронили в отдельных могилах, как и взрослых. Лишь в одном случае отмечено совместное захоронение двух мужчин (Пономарево, 13), а в другой могиле (Пономарево, 8) одновременно похоронили мужчину, женщину и между ними двух детей разного возраста. В последнем случае состав захоронения позволяет предполагать одновременную гибель семьи.

О возможном распространении исаковской культуры в верховьях Лены говорят находки сетчатой керамики в нижнем слое стоянки Бык у с. Бирюльского (Окладников, 1950). Черепки с отпечатками сетки часто встречаются на стоянках Приангарья и Байкала. На многослойных стоянках она залегает ниже других типов керамики и является самой ранней.

Поскольку аналогичная исаковской керамика встречается в Эвенкии и Забайкалье, а сопровождающий ее каменный инвентарь не всегда четко выражен, очертить границы культуры в настоящее время трудно. Характерно, что керамика исаковского типа, как правило, залегает на поселениях совместно с орудиями из ножевидных пластин, типичных для позднего мезолита. Это указывает на преемственность между мезолитом и ранним неолитом Приангарья. Наблюдается генетическая связь и между исаковской и сменявшей ее серовской культурой.

Серовская культура

Время перерастания исаковской культуры в серовскую установить трудно. А.П. Окладников относил исаковскую культуру к IV тыс. до н.э., а серовскую – к III тыс. до н.э. Исходя из дат, полученных радиоуглеродным методом, ранний неолит Приангарья следует, видимо, удревнить и часть серовских памятников Приангарья и

Прибайкалья отнести к последним векам IV тыс. до н.э. Судя по радиоуглеродным датам, эта культура существовала на протяжении всего III тыс. до н.э. Для Серовского могильника получена дата по кости – 5230 ± 270 (СОАН-808) (3280 г. до н.э.). Погребение № 1 (1976 г.) на о-ве Ольхон датировано 4590 ± 90 (ГИН-1611) (2640 г. до н.э.) и погребение № 2 Серовского могильника – 3990 ± 80 (ЛЕ-513) (2040 г. до н.э.).

Серовские погребения (Окладников, 1974; 1975; 1976) и поселения известны от Енисея до Байкала, а также в верховьях Лены и Подкаменной Тунгуски, что свидетельствует о возросшей численности населения Прибайкалья и его распространении на соседние территории.

На ряде поселений встречены сосуды, сочетающие исаковские и серовские признаки. Многие изделия из серовских погребений аналогичны исаковским, поэтому определение культурной принадлежности некоторых погребений, не содержащих характерных для этих культур предметов, фактически невозможно. Известно мнение М.М. Герасимова (1965), который не видел принципиальной разницы между исаковским и серовским этапами и объединял их в один – серовский. Однако различия в инвентаре этих культур все же есть, что особенно заметно в закрытых погребальных комплексах.

Серовские погребения, как и исаковские, совершены в ямах, заполненных затем кладкой из плитняка или булыжника. Кладки возвышались над поверхностью, отмечая могилы. По размерам серовские могилы больше исаковских и сделаны тщательнее. Некоторые ямы выложены внутри плитками на манер каменных ящиков. Умерших клали в могилу на спине в вытянутом положении, изредка со слегка согнутыми ногами. Погребения обычно одиночные, но известны совместные захоронения двух и трех умерших (рис. 90, 19).

В Верхоленском могильнике (Окладников, 1978) имеется 27 погребений архаичного комплекса, которые А.П. Окладников отличал от серовских и предполагал, что они могут быть выделены в особую культуру. Эти могилы отличаются отсутствием или незначительностью каменных кладок. Есть одно сильно скорченное захоронение (№ 11). В погребении № 6–8 обнаружены скелеты мужчины возмужалого возраста, взрослого человека и подростка, лежавшие рядом. Их сопровождал обильный инвентарь, включавший каменные изображения рыб. В могиле № 30 прослежено ярусное захоронение 5 человек: вначале был положен взрослый мужчина, а над ним последовательно – молодая женщина, старая женщина с ребенком и поверх их всех – еще одна молодая женщина. В могиле № 24 было совершено подхоронение: кости более раннего захоронения сдвинули и сложили в кучу, а рядом с ними положили другого покойника. Возможно, в этих могилах погребены люди, связанные семейными отношениями. Второй случай ярусного захоронения умерших был прослежен в погребении № 1 (раскопки 1976 г.) на Шаманском мысе о-ва Ольхон. Над нижним костяком лежали рядом еще два (Конопацкий, 1982).

В серовских могильниках, как и в исаковских, покойников клали головой на восток и северо-восток, погребения с другой ориентацией составляют исключения. В погребальном обряде отмечены случаи частичной и пол-

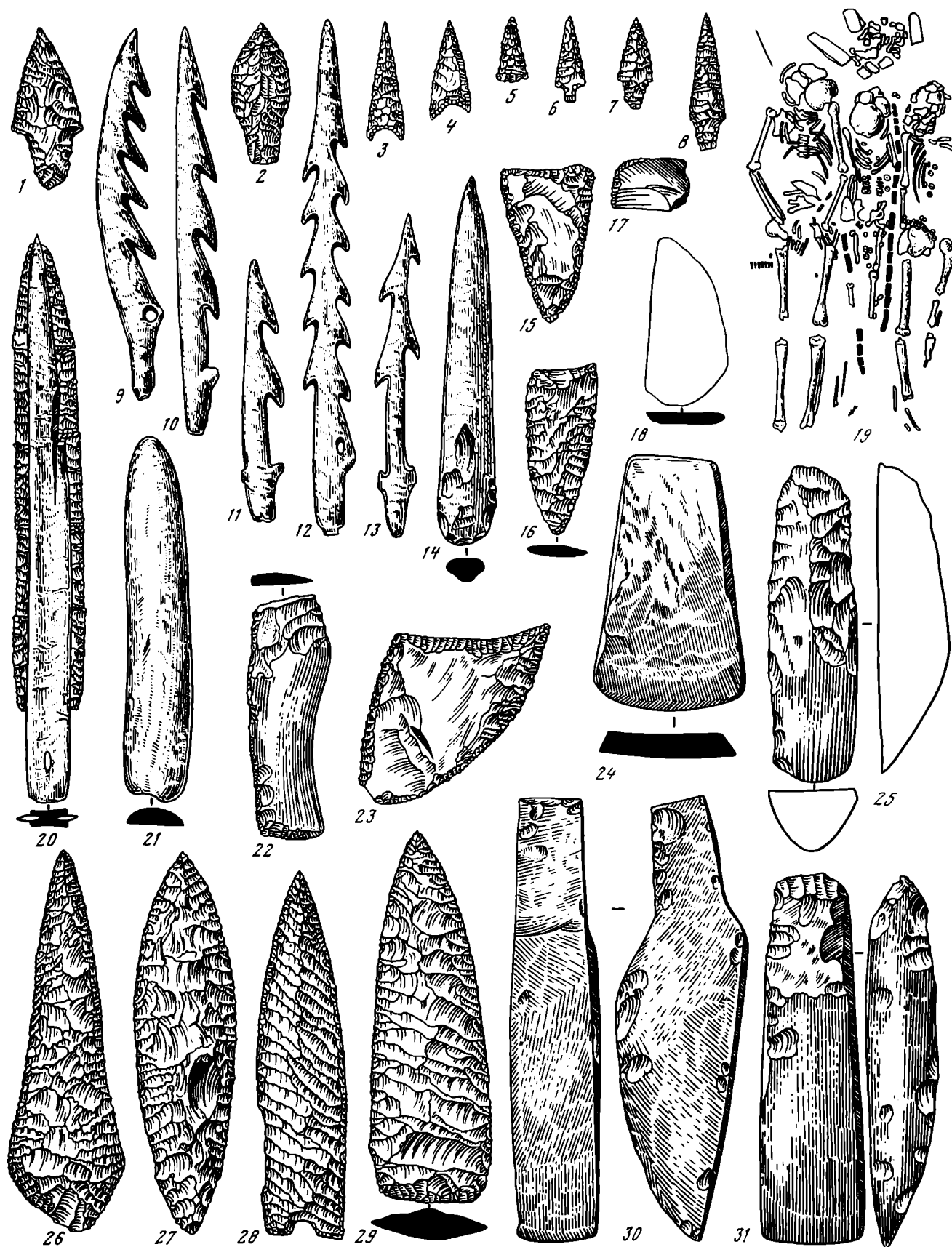

Рис. 90. Серовская культура. Погребение, изделия из камня и кости

1 – могильник Заярск, погребение 4; 2, 10, 21 – мог. Серово, п. 12; 3, 27 – мог. Верхнесередкино, п. 1; 4, 29 – мог. Братский камень, п. 13 и 8; 5, 7, 8, 19, 23, 24 – мог. Пономарево, п. 7; 6 – Переселенческий Пункт; 9, 12, 30 – мог. Верхолесный, п. 32, 14 и 7; 11 – мог. Голомыска, п. 1;

13, 14 – мог. Нижнесередкино, п. 3 и 2; 15 – мог. Серово, п. 3; 16, 20 – мог. Серово, п. 10; 17, 28 – мог. Серово, п. 1; 18 – Шаманский мыс, п. 1; 25 – мог. Падь Усть-Долгая, п. 1; 26 – мог. Кежемка, п. 3; 31 – мог. Серово, п. 2

ной кремации. В могилах иногда встречаются угли, окраска вещей и скелетов охрой. Горшки чаще помещали у головы или у бедер.

Размеры сосудов по-прежнему небольшие (рис. 91, 33–38). Наряду с сосудами параболоидной формы появились закрытые горшки с округлым дном и слегка суженным верхом. Иногда их венчик немного отогнут наружу, в результате чего образуется горловина. Появились и горшки открытой эллипсоидной формы, с округлым дном и вертикальными стенками. Для серовской культуры характерны дымокуры с ушками – тремя выступами на одной из сторон сосуда, расположенными треугольником, иногда косым, вершиной вниз (рис. 91, 30–32). В двух верхних выступах делали отверстия для шнура. Такие горшки, как правило, закрытой формы, было удобно носить за плечами. Ушки от разбитых горшков – частая находка на серовских стоянках, а на поселении Усть-Бирюса на Енисее найден почти целый дымокур.

Керамическая посуда изготовлялась двумя способами: формовкой в сетке и выбиванием при помощи гладкой лопатки. Отпечатки сетки на поверхности обычно заглаживались. Усложнилась орнаментация: кроме ямок использовали отпечатки гребенчатых штампов, прочерченные линии, а также линии наколов, сделанные по принципу отступающей палочки. Прочерченными линиями изображены кресты, вписанные “флажки” (Заярск, погребение № 4). В позднесеровских памятниках встречена керамика, на которой тонкие длинные линии гребенки наносились особыми штампами овальной формы с зубчиками по краям. Горшок, украшенный таким “пунктирным” орнаментом найден на мысу Бурхан (о-в Ольхон на Байкале) в могиле, содержавшей типично серовские вещи: треугольные наконечники стрел (в их числе с черешком), ножицек из зеленого нефрита, мраморную скульптуру рыбы (раскопки А.П. Окладникова, 1975 г.).

Изготовление горшков способом выбивания, по-видимому, начало широко практиковаться на поздней стадии развития культуры, как и украшение керамики пунктирной гребенкой и “жемчужинами”, выдавленными изнутри палочкой.

Орудия охоты представлены крупными каменными листовидной или подтреугольной формы наконечниками копий, которые могли употреблять и в качестве кинжалов (рис. 90, 26–29). Обычно они находятся у поясной части костяков или у правого плеча. Наконечники стрел, встречающиеся скоплениями в ногах или у локтя, где клали колчаны, трех типов: треугольные с глубокой асимметричной выемкой в основании, со слегка вогнутым основанием, с прямоугольным или трапециевидным черешком (рис. 90, 1–8). Для охоты на пушного зверя употребляли костяные наконечники с тупыми концами. Такие наконечники найдены в погребении № 12 Серовского могильника. Употреблялись и острые наконечники из кости и рога. Они имели форму коротких стержней с клиновидным насадом. Встречен конический наконечник с цилиндрическим насадом (Серово, № 1).

Население серовской культуры начало готовить сложные луки, усиленные длинными и узкими костяными пластинами. Луки имели большие размеры – от 1 до 1,5 м. Найдены они в 19 могилах в количестве 22 штук. В одной могиле лежало два лука, положенных справа и

слева от умершего. В 13 случаях луки лежали слева, в трех – справа от погребенного. Кинжалами или наконечниками копий серовцам служили также составные острия. Они напоминают исаковские, но меньше по размеру, имеют плоское поперечное сечение и массивные двусторонне ретушированные вкладыши.

О занятиях серовцев рыболовством свидетельствуют находки рыболовных крючков (рис. 91, 8–11), гарпуны, каменные модели рыб, грузила. В одной могиле (Серово, № 7) найден вырезанный из кости крючок в виде дугообразного стержня с бородкой на острие (рис. 91, 10). Насад уплощен с двух сторон для закрепления. Костяные острия для составных крючков оказались в позднесеровской могиле (Серово, № 12). Кроме того, делали составные крючки, у которых к сланцевому или агальматолитовому стержню привязывалось костяное, деревянное или сланцевое острие. По форме стерженьки делятся на три типа: бочонковидный, изогнутый или ангарский, прямой или байкальский. Последний тип унаследован от финального мезолита и встречен, в частности, в X и IX слоях байкальской стоянки Улан-Хада, содержащих позднесеровские изделия.

Гарпуны имеют небольшие размеры и делятся на два типа: односторонние и двусторонние (рис. 90, 9–13). Для привязывания линия у насада делали отверстия, плечики-уступы и выемки. С такими гарпунами могли охотиться на крупную рыбу. Скульптурные изображения рыб из камня и кости (рис. 91, 24, 25) найдены в Верхоленском могильнике, в погребении № 3 Нижнесередкинского могильника, могиле № 2 Кежемки и в серовской могиле мыса Бурхан на Байкале. Отдельные скульптуры встречаются по всему Приангарью, на Енисее и на озере Байкал. Изображения делятся (Студзицкая, 1976) на две группы: налимообразные (с подгруппами – реалистические, усложненные, схематизированные и каплевидные) и сигообразные (с подгруппами – реалистические и янусовидные). Размеры их различны. Они могли употребляться и как рыбки-приманки, и как культовые предметы. К последним относятся янусовидные рыбки; на боках некоторых из них встречаются рисунки рыб и водоплавающих животных. Среди янусовидных преобладают экземпляры больших размеров.

При ловле сетями применялись грузила. Обычно их делали из плоских галек, с двух сторон которых выемки для привязывания. Такие грузила найдены на серовских поселениях. На стоянках около Свирска на Ангаре обнаружены также большие и тяжелые гиревидные грузила из известняка. Их могли употреблять как якоря для сетей, рыболовных ловушек и лодок.

Кроме крупных острососинных простых и желобчатых тесел, сходных с исаковскими, появились новые типы шлифованных тесел. Они прямоугольной или трапециевидной формы с прямым или округлым обушком, поперечное сечение прямоугольное (рис. 90, 24, 25, 31). В Верхоленском могильнике найдены тесла с уступами с передней и задней стороны, выделяющими обушок (рис. 90, 30). Такие ступенчатые тесла типичны для неолита Якутии. В серовских погребениях часто встречаются и небольшие топорики с заузненным обухом, среди них преобладают экземпляры из нефрита.

На поселениях вместе с сетчатой керамикой серов-

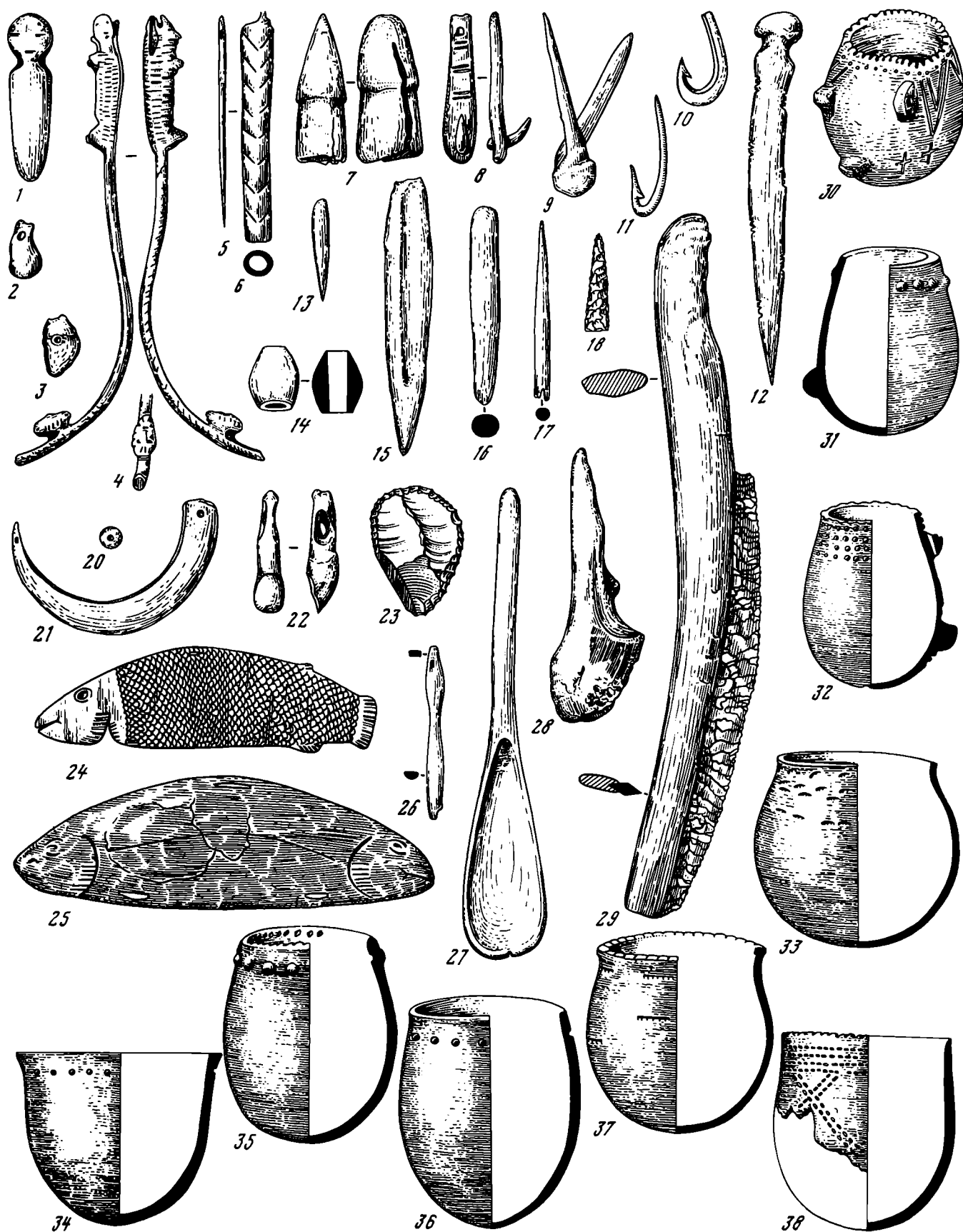

Рис. 91. Серовская культура. Изделия из камня и кости, керамика

1, 4, 7, 13, 14, 16 – могильник Серово, погребение 12; 2, 3, 23, 28 – мог. Пономарево, п. 7; 5 – мог. Братский Камень, п. 12; 6, 22 – мог. Серово, п. 6; 8, 9, 11, 17, 18, 24, 25 – мог. Верхоленинский, п. 19; 33, 24, 36, 32, 14, 7; 10, 15, 21 – мог. Серово, п. 5, 1, 10; 12, 26 – мог. Серово, п. 3; 19 – мог.

Семеново, п. 12; 20, 27 – мог. "Городище"; 29 – мог. Нижнесередкино, п. 3; 30 – мог. Заярск, п. 4; 31, 32 – мог. Малый Мамыр, п. 1, 3; 33 – мог. Кирпичный сарай, п. 4; 34, 37, 38 – мог. Серово, п. 5, 2, 13; 35 – мог. Братский Камень, п. 7; 36 – мог. Кежемка, п. 2

ского типа найдены массивные топоры с боковыми выступами-цапфами. Они сделаны из кристаллических пород, обработаны ретушью или точечной оббивкой, лезвия у них шлифованы. По форме эти орудия делятся на два типа – с острым обухом и подтреугольным обухом, переходящим в цапфы. Судя по радиоуглеродному определению кости из слоя III стоянки в бухте Саган-Забан на Байкале, топоры с выступами уже изготавливались в конце V тыс. до н.э.: 6000 ± 40 (СОАН-1572).

Серовцы продолжали делать ножи исаковских типов: составные, прямые и изогнутые, с двусторонне ретушированными вкладышами (рис. 91, 29), составные ножи с асимметрично-треугольными по форме клинками, снабженными выпуклым лезвием и клювовидным заострением (рис. 90, 15, 16, 23), а также шлифованные ножи с вогнутым лезвием.

В погребениях встречаются аналогичные исаковским костяные острия и шилья из костей, у которых сохранились для упора сочленяющие головки (рис. 91, 12). Такие шилья иногда украшали нарезками. Сохранились старые типы игловок и игольников (рис. 91, 5, 6). Часто умерших сопровождали отжимники (рис. 91, 13, 15, 16). Для грубой первоначальной обработки камня использовали массивные отжимники из рога, для более легкой работы – ретуширования орудий – служили длинные тонкие костяные стержни. На поселениях часто находят отбойники из галек или сработанных нуклеусов. В состав погребального инвентаря серовцев входят также скребки из отщепов (рис. 91, 23) и четырехгранные каменные проколки.

В приемах украшения одежды серовцы многое унаследовали от исаковцев. Они украшали ее подвесками из клыков марала, резцов лося, а к головным уборам пришивали клыки кабана. Иногда эти клыки нашивали на одежду в области груди. Инновацией являются бусы в виде плоских тонких кружков (от 3 до 4 мм в диаметре), сделанные из толстых, по-видимому, ископаемых раковин (рис. 91, 20). В центре кружков биконическим сверлением делалось отверстие. Низки таких бус нашивали на головные уборы и обувь. В исключительном по составу инвентаря так называемом “шаманском” погребении № 12 Серовского могильника найдены пастовые бусы, получающие распространение в период ранней бронзы.

Считается, что ни одно из погребений серовского времени не выделяется из общей массы особым, отличным от других, набором инструментов или украшений, что с женщинами и детьми клали те же орудия, которые обычно сопровождают мужчин, в частности луки и стрелы. На основе этого, а также совместных погребений женщин и детей А.П. Окладниковым был сделан вывод о расцвете в серовское время родового строя, основанного на материнском праве.

В последнее время появилась возможность пересмотреть эти положения. Серовские погребения можно разделить по инвентарю на две группы. В первой умерших сопровождали орудия охоты и рыболовства. В эту группу входят наиболее обильные по количеству и составу инвентаря погребальные комплексы. Все определенные антропологами мужские захоронения относятся к этой группе. В нее входят и погребения с луками, которые ранее считались женскими (Пономарево № 7, Серово № 2). Вторую группу составляют погребения, в которых най-

дены только орудия для обработки добычи. Как оказалось, к ней принадлежат женские захоронения. Подростки входят в состав обеих групп. Редкие погребения маленьких детей содержали украшения и лишь в одном случае небольшой горшок. Культурная принадлежность детских погребений устанавливается из-за этого с большой долей предположительности. Таким образом, у серовцев прослеживается характерное для первобытных общин разделение труда по полу и возрасту.

В Серовском могильнике, в погребении № 12 (раскопки 1957 г.) кроме многочисленного и разнообразного охотничьего и обрабатывающего инвентаря, в целом не выходящего за рамки типично серовского, был найден и ряд вещей сакрального характера. К ним относятся кости птиц, рыб и животных, антропоморфная фигура (рис. 91, 1) и исключительная по художественному исполнению костяная скульптура (рис. 91, 4). На одном ее конце вырезана медведеобразная фигурка с двумя головами: человека и медведя (?). От фигурки отходит изогнутый хвост, а может быть, и пуповина, у конца которой вырезана голова человека. Вероятно, в изделии нашел отражение тотемический миф о происхождении какого-то предка серовцев. А.П. Окладников (1976), выделивший это погребение как наиболее раннее захоронение шамана в Прибайкалье, считал, что в трехликой скульптурке представлен первый этап вызревания культа близнецов, на котором сын звериного отца выступает еще в зверином облике.

Сложный мир идей охотников серовской культуры донесли до нас писаницы на скальных берегах р. Ангары. Рисуня красной охрой или выбивая на гладкой поверхности камня изображения лосей, серовские охотники умело передавали характерные особенности этого зверя – одного из основных объектов их охоты. Сопоставляя рисунки на писаницах с изделиями из погребений, А.П. Окладников установил, что реалистически выполненные изображения лосей, а также рыб должны относиться ко времени существования в Приангарье серовской культуры. Наиболее значительные группы неолитических петроглифов выявлены на Каменных островах (рис. 92, 1–7) Ангары, в Шишкине (рис. 92, 8, 10, 11) на верхней Лене (Окладников, Запорожская, 1959; Окладников, 1959б; 1966).

Судя по остаткам фауны в погребениях, серовцы охотились помимо лосей на медведя, кабана, благородного оленя, косулю, кабаргу. Промышляли они и пушных зверей – соболя, бобра, рысь. В культурных слоях серовских стоянок побережья Байкала содержатся кости нерпы. В охоте серовцам помогали собаки. С ними были связаны и какие-то ритуальные действия, о чем свидетельствуют специальные захоронения собак на серовских погребениях около г. Свирска и в устье р. Белой. Большое значение имело и рыболовство.

Серовские поселения многочисленны, их культурные слои занимают сотни квадратных метров и насыщены следами деятельности их обитателей: изделиями из камня, нуклеусами, отщепами и ножевидными пластинками, костями животных и рыб, черепками глиняной посуды. На поселениях не найдены следы жилищ. Вероятно, они были наземными строениями типа чума или голомо – постоянного конусообразного сооружения. Зато на тер-

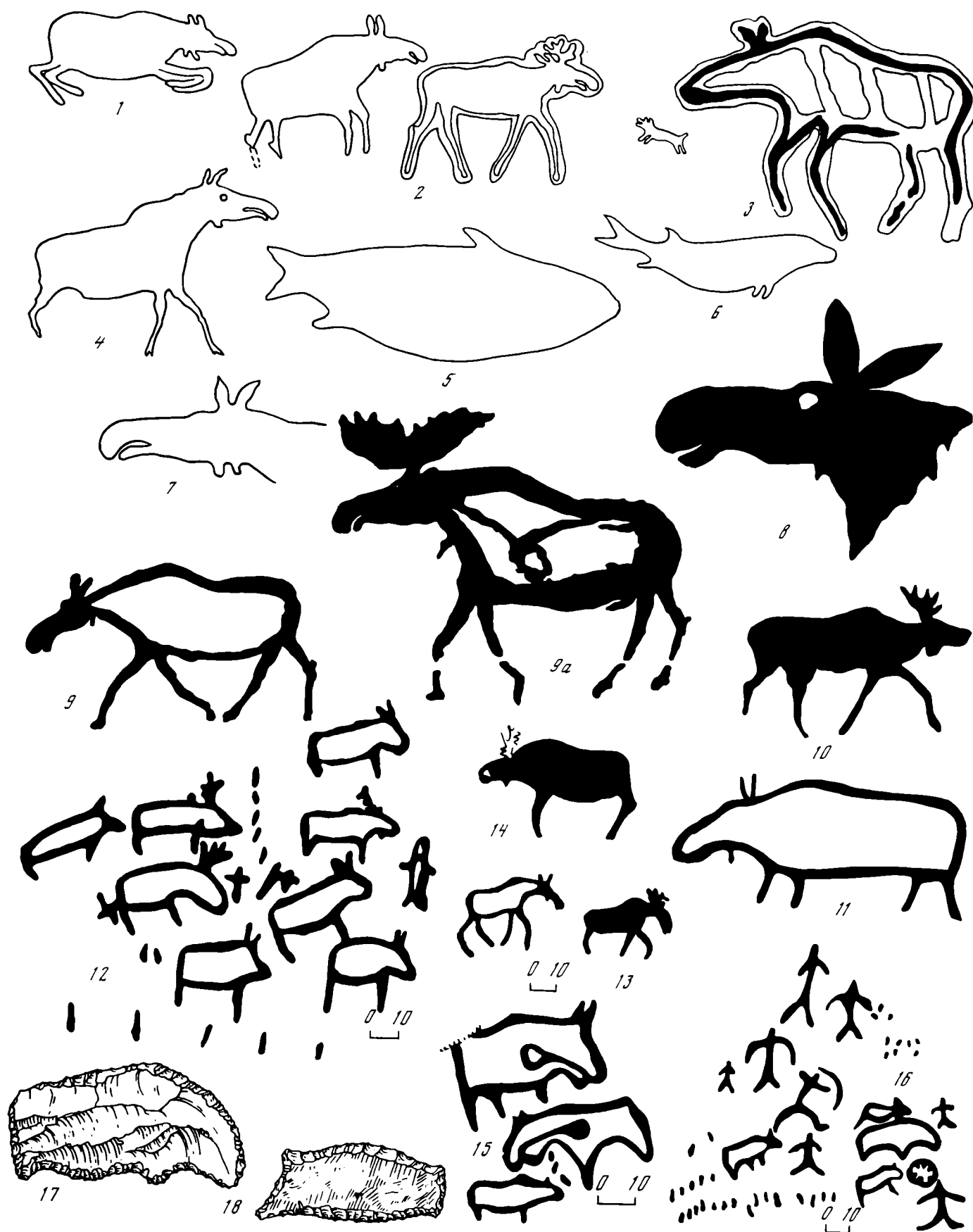

Рис. 92. Петроглифы (1-16) и фигурные камни (17, 18)

1-7 – р. Ангара (2 – Каменный остров); 8-11 – р. Лена (8, 10, 11 – Шишкино, 9 – Воробьево); 12-16 – Забайкалье (12 – Геткан, 13 – Крестях, 14 – Токко, 15, 16 – Нюкжа); 17 – Туой-Хая; 18 – Патроны

ритории стоянок встречаются иногда десятки очагов из камней, большие ямы для хранения запасов. Среди очагов выделяются сооружения розеточного типа, сделанные из плит, поставленных кольцом. Стоянки были долговременными или, когда они устраивались в местах сезонных промыслов, часто посещаемыми. Культурные напластования на поселениях имеют иногда большую мощность, как, например, на байкальской стоянке Итырхей.

Вопрос о длительности существования серовской культуры в Прибайкалье тесно связан с проблемами установления временной и культурной принадлежности некоторых типов керамики, предшествующих сложению в Прибайкалье глазковской культуры периода ранней бронзы. В решении этих проблем велика роль многослойных поселений.

Многослойные поселения Прибайкалья и Приангарья

Период, охватывающий III – начало II тыс. до н.э., в Прибайкалье недостаточно изучен. Достоверно датированных погребальных памятников этого времени мало. Поэтому характеристику культурных преобразований принято давать на материалах многослойных поселений. К таким памятникам относятся Улан-Хада и ряд других поселений на оз. Байкал, Горелый Лес в среднем течении р. Белой, левого притока р. Ангары, и Казачка на р. Кан, впадающей в Енисей ниже г. Красноярска.

На поселении Улан-Хада (Петри, 1916; Хлобыстин, 1964; Сизиков, Савельев, Филимонова, 1975; Горюнова, 1984) выявлена следующая стратиграфия (рис. 93, 66). В мощных наслоениях зафиксировано 11 культурных слоев, образующих три пачки. Нижние слои (XI–IX) залегают в гумусированных углистых почвах, следующие (VIII–II) связаны с эоловыми песками, пронизанными гумусными и углистыми прослойками, самый поздний слой (I) – с гумусированным песком.

В XI слое встречены изделия финального мезолита, керамика полностью отсутствует. В X слое сетчатая керамика залегала вместе с каменными изделиями, еще во многом сохраняющими традиции мезолита. Горшки (рис. 93, 62–65) круглодонные, со слабо выпуклыми плечиками, переходящими в прямую высокую горловину, иногда венчик резко отогнут наружу. Их украшали пояса ямок или наколы отступающей палочки с зубчатым концом.

В IX слое продолжали встречаться горшки с сетчатыми отпечатками, аналогичные залегающим в X слое. Найдены фрагменты гладкостенных горшков с пунктирным орнаментом, выполненным зубчатым роликовым штампом, и наlepными валиками (рис. 93, 1, 2, 3/–43). Эта керамика получила наименование “улан-хадинская”. Иногда гладкостенные горшки с заглаженными отпечатками сетки были украшены поясами ямок или ямчатых наколов. Особый тип керамики составляют горшки с прямыми стенками, поверхность которых имеет следы выбивания лопаткой, обмотанной шнуром. У этих горшков ниже края наlepлены треугольные или прямоугольные в сечении валики, над которыми расположен ряд маленьких сквозных отверстий. Орнамент составлялся из

оттисков гребенчатого штампа и линий наколов отступающей палочки. Такая керамика найдена на стоянке у с. Посольское на восточном берегу Байкала, отчего и получила наименование “посольской”. Дата 4560 ± 100 (JE-1283), полученная для IX слоя, вероятно, связана с этим типом керамики. Кроме того, найдены фрагменты горшков, поверхность которых покрыта вертикальными отпечатками шнура, что получилось в результате выбивания сосудов лопаткой, обмотанной шнуром. Горшки имели закрытую форму и их венчики утолщены изнутри подлепом треугольной формы. Под краем венчиков сделан узор из маленьких глубоких ямок, образующих на внутренней стороне горшков выпуклости. Иногда при таком способе орнаментации получались сквозные отверстия. Кроме того, горшки украшали горизонтальные линии отступающей палочки или косо расположенные линейные отпечатки гладкого штампа. Такая керамика близка посольской и, возможно, предшествовала ей. Черепки горшков глазковской культуры попали в XI слой из вышележащих слоев, формировавшихся в период существования этой культуры.

IX слой представляет собой плотную гумусно-углистую массу с четкой верхней границей. Палинологический анализ позволил установить, что образование XI–IX слоев относится к периоду климатического оптимума голоцена, который характеризуется увеличением лесной растительности.

VIII–II слои имеют мощность 1,2–1,5 м. Образование этой пачки слоев связано с эоловым накоплением песков в период суббореального похолодания, повышения засушливости и остепнения растительности. Радиоуглеродные даты получены для VIII слоя – 4150 ± 80 (JE-1280) (2200 до н.э.) и для VII слоя – 3660 ± 60 (JE-883) (1710 до н.э.). Исходя из этого, слои VIII–VII следует относить к рубежу III–II тысячелетия до н.э. Керамика этих слоев соответствует керамике четвертого типа, оказавшейся в IX слое. Это тонкостенные горшки, изготовленные способом выбивания, отчего на их поверхности местами остались отпечатки крученого шнура и рубчиков, они украшены линиями отступающей палочки. В целом эта керамика вместе с лежащей выше, в VI–II слоях, относится к глазковской культуре эпохи бронзы. В VIII слое оказались образцы ее раннего варианта, аналогичные керамике, выделенной в особый усть-бельский тип (Савельев, Медведев, 1973). В слое VIII найден нефритовый нож с треугольным заострением, имеющий полную аналогию среди китойских изделий могильника Циклодром. В целом же каменный инвентарь X–VIII слоев имеет типично неолитический облик (рис. 93, 3–27, 42–61).

В Приольхонском районе Байкала, вблизи Улан-Хады, исследованы многослойные поселения Итырхей, Берлога, Тышкинэ II и III (Горюнова, 1984), позволившие дополнить и уточнить генеральную линию культурных изменений, прослеживаемую по материалам Улан-Хады. Так, на Тышкинэ II прослежено залегание сетчатой керамики над слоем со шнуровой, а также их залегание в одном слое. Это доказывает факт сосуществования в Прибайкалье в какой-то период двух различных по технике исполнения типов керамики – сетчатой и шнуровой. На большей части территории Восточной Сибири

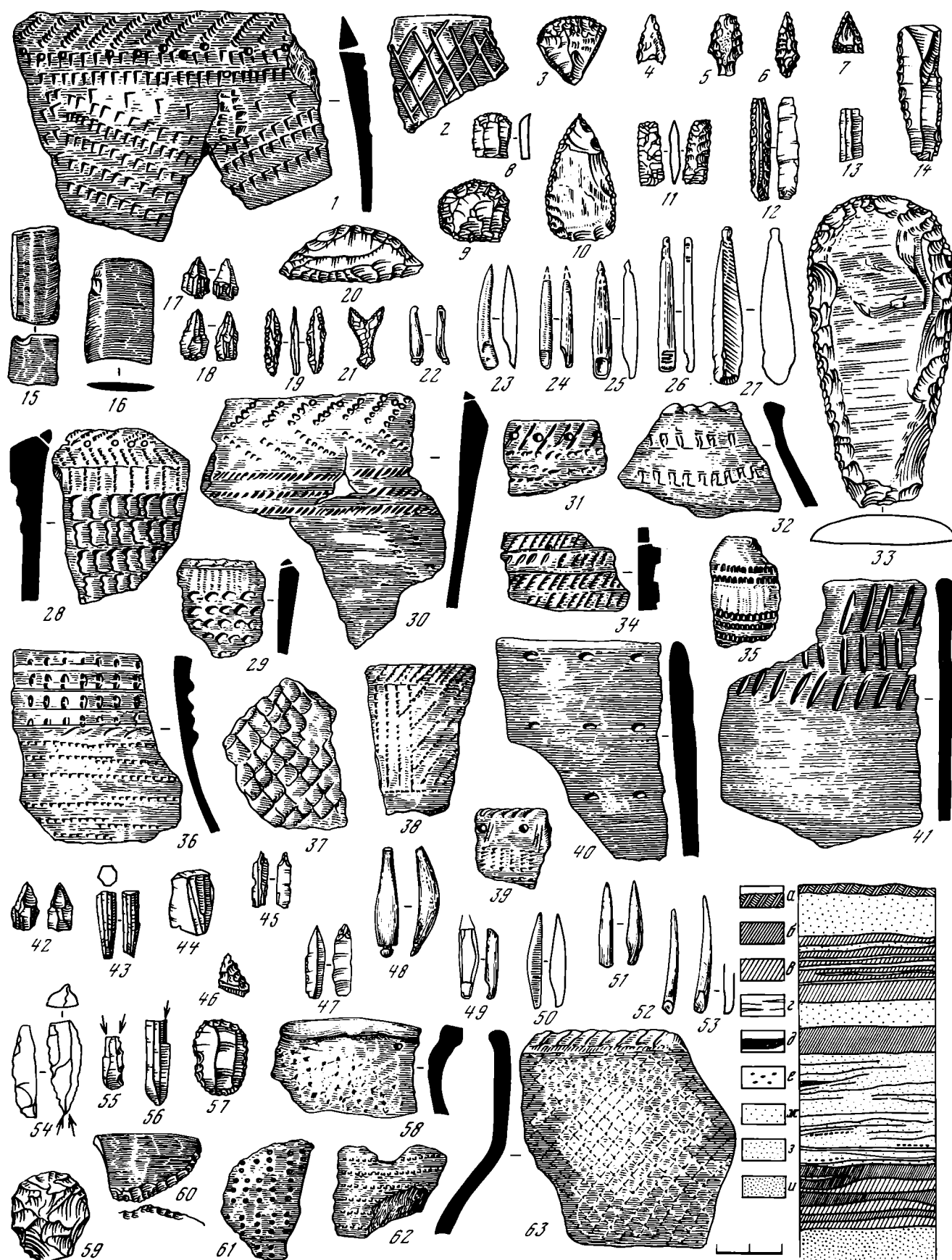

Рис. 93. Многослойное поселение Улан-Хада

1–41 – каменные изделия и керамика из IX слоя; 42–65 – каменные изделия и керамика из X слоя; 66 – стратиграфия слоев. а – дерново-почвенный слой; б – черные сильно гумусированные слои; в – коричневые

гумусированные слои; г – тонкие гумусные прослойки; д – угли; е – кострище; ж – желтовато-серый песок; з – голубоватый песок; и – зеленоватый песок

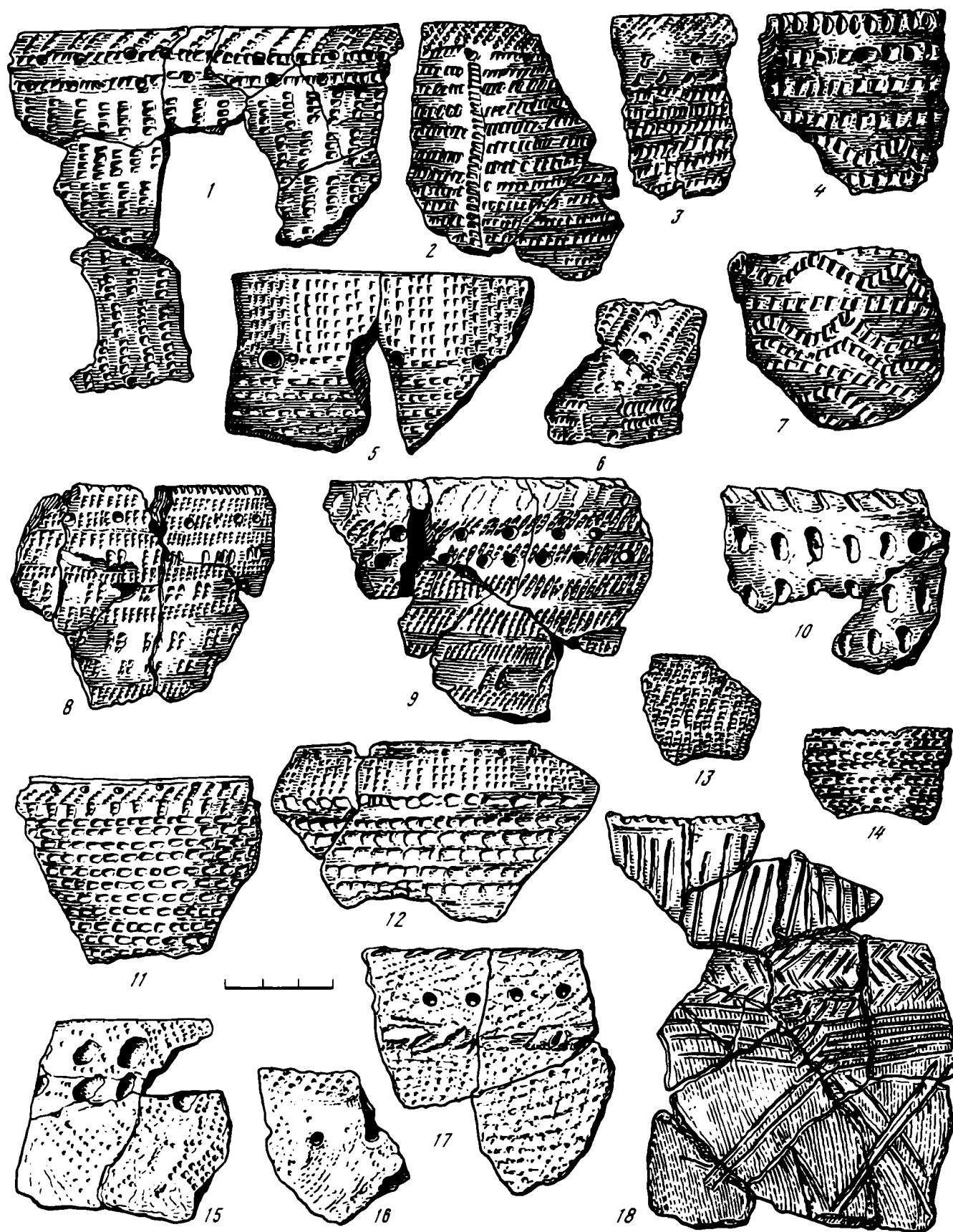

Рис. 94. Образцы керамики Прибайкалья и Приангарья

1-4, 6, 7 - усть-бельский тип; 5 - казачинский тип; 8-10 - западно-ангарский тип; 11-14 - посольский тип; 15, 16 - сетчатая керамика; 17 - сылахский тип сетчатой керамики; 18 - прочерченно-шнуровая керамика.

1, 10 - Усть-Белая I; 2, 3, 6, 8, 9, 16 - Усть-Белая III; 4, 7, 15 - Аталанга; 5 - Ладейки; 11 - Няша; 12 - Рогатка; 13, 14 - Посольская стоянка; 17 - Малая Лударская пещера; 18 - Усть-Белая

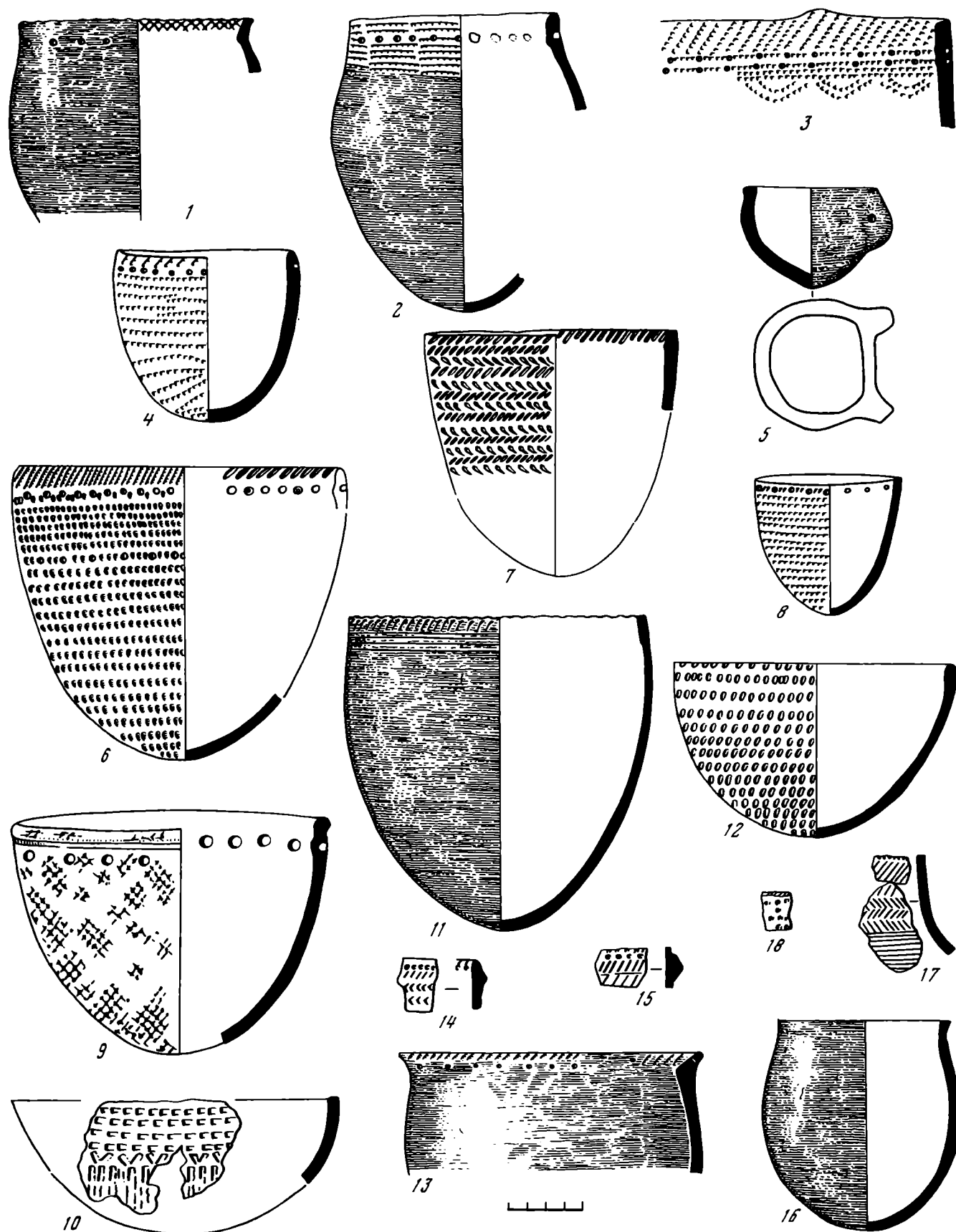

Рис. 95. Соотношение керамических комплексов неолитических слоев поселений Казачка и Горелый Лес

Казачка: 1–5 – слой V; 6–8 – слой VI; 9, 10 – слой VII. Горелый Лес: 11 – слой III; 12 – слой IV; 13–15 – слой IV–V; 16–18 – слой VI

шнуровая керамика появляется позднее сетчатой, в период развитого неолита. Поэтому сосуществование ее с сетчатой может являться хронологическим показателем, знаменующим рубеж между ранним и развитым неолитом. Однако на берегах Байкала сосуществование этих типов керамики могло быть и в раннем неолите, так как в Забайкалье шнуровая керамика является самой ранней, и Байкал был зоной контакта двух областей ранне-неолитических культур с разными типами керамики (рис. 94).

На поселении Горелый Лес выделено семь культурных горизонтов (Савельев, Горюнова, Генералов, 1974). Нижние пять лежат в аллювиальных отложениях и разделены стерильными прослойками. В слое VII найдены изделия из ножевидных пластин позднемезолитического облика. Мелкие фрагменты сетчатой керамики и наконечники стрел с прямым и слабо вогнутым основанием, вероятно, случайно попали в этот слой. Радиоуглеродная дата слоя 8444 ± 124 (Ri-51) (6494 до н.э.). В VI слое у очагов розеточного типа найдены керамика, нуклеусы конической и призматической форм, сделанные из галек тесла, отбойники, грузило, костяная основа для вкладышевого ножа, гарпун с выступом для крепления к линю, шиферные стерженьки крючков с прямоугольными пазами для привязывания лески. Господствует техника ножевидных пластинок. Из них сделаны скребки, угловые резцы и резчики, проколки и провертки, вкладыши и ножи, долотце, листовидные и подтреугольные наконечники стрел. Горшки делятся на три группы: 1) митровидные, часто с чуть отогнутым венчиком, с сетчатыми отпечатками на поверхности (рис. 95, 16); 2) гладкостенные, с отогнутым венчиком без орнамента или орнаментированные вдавливаниями штампа (рис. 95, 18); 3) с отпечатками тонкого шнура и прочерченным орнаментом, получившая название "хайтинский тип" (рис. 95, 17). Дата слоя – 6695 ± 50 (Ri-50) (4745 до н.э.). На одном сетчатом горшке изображена антропоморфная личина.

В V, V-a и IV слоях, иногда нерасчленимых, еще много пластинчатых изделий: концевых скребков, проколов, угловых резцов, резчиков, сегментовидных вкладышей. Есть ретушированное с двух сторон острообушное тесло и шлифованный наконечник копья. Выделяются три типа керамики: фрагменты сетчатых горшков, посольская керамика из V слоя (рис. 95, 15), обломки гладкостенных горшков (основная масса). Из IV слоя происходит полусферический сосуд (рис. 95, 12) с внешней поверхностью, покрытой рядами овальных отпечатков гребенчатого штампа, так называемыми "личинками", относящийся к западноангарскому варианту усть-бельской керамики.

В слое III найдены тесла с пришлифованным лезвием, угловой резец, концевой скребок, наконечники стрел из пластинок, нож из массивного отщепка. Керамика сетчатая и с отпечатками шнура. Последняя представлена параболоидным сосудом с гребенчатыми линиями у венчика (рис. 95, 11). Изделия из II слоя относятся к концу существования глазковской культуры. Здесь найдены параболоидные и митровидные горшки с рубчатыми отпечатками от выбивания, орнаментированные "жемчужинами", фигурами из линий "отступающей" палочки, ногтевидными насечками. Первый слой характеризуется

своеобразно орнаментированным горшком эпохи бронзы.

Находки из гумусированных прослоек пойменного аллювия девятиметровой террасы в устье р. Казачки дают сведения о последовательности неолитических культур бассейна Среднего Енисея. Поскольку они коррелируются с культурами Прибайкалья, рассмотрим эти материалы в данном разделе. На поселении вскрыта площадь более 300 кв.м. В напластованиях мощностью около 7 м выделено 20 культурных слоев, из которых 13 нижних относятся к мезолиту, а семь верхних содержат керамические комплексы. К неолиту относятся VII–IV слои (Генералов, 1979а, б).

В VII слое обнаружено 12 очагов и 10 кострищ. Среди находок отщепы составили 80,8%, пластины и их сечения – 12,5% (170 экз.). Найдены подклиновидный нуклеус, наконечники стрел треугольные с прямым или вогнутым основанием и ромбовидные с прямым или приостренным насадом, концевые, боковые и овальные скребки, двусторонне обработанные орудия треугольной и овальной формы, двулезвийный нож, боковой резец, топор, крупное острие из рога благородного оленя. Фауна представлена костями косули, лося, благородного оленя, лисицы, медведя и костями птиц.

В слое найдена сетчатая и шнуровая керамика. Один из сетчатых сосудов полусферической формы, со слегка утолщенным венчиком с отпечатками гребенки и пояском ямок под ним (рис. 95, 9). Круглодонный сосуд со шнуровыми отпечатками украшен опоясывающими линиями наколов отступающей палочки (рис. 95, 10), ниже прочерчены небольшие треугольные "флажки" и ряд вертикальных линий. Вероятнее всего, он является ранним образцом посольской керамики.

В VI слое 16 очагов и 14 кострищ, много отщепов (76,2%), пластинок 13,6% (186 экз.). Найдены призматический и клиновидный нуклеусы. Наконечники стрел трех типов: треугольные с прямым и вогнутым основанием, ромбовидные с усеченным основанием, овальные. Разнообразны формы скребков. Обнаружены также топор из диабазы, тесло из кремнистого сланца, двусторонне отретушированные вкладыши, проколки, плитки песчаника, служившие абразивами. Из кости и рога сделаны гарпуны с односторонне расположенными зубцами, конусовидными насадами и боковыми шипами для крепления линя, наконечник с сохранившимися кремневыми вкладышами, проколка, кинжал, лоцило, подвески подовальной формы. Фауна представлена большим количеством костей косули, лося, медведя, благородного оленя.

Керамика представлена большей частью крупными, диаметром устья до 25 см, горшками яйцевидной формы (рис. 95, 6–8). Венчики слегка загнуты внутрь или прямые. Орнамент сплошь покрывает поверхность сосудов и состоит из рядов оттисков гладких или гребенчатых штампов, в том числе личиночных, либо опоясывающих линий отступающей палочки, иногда перемежающихся с рядами из оттисков штампа; под венчиком ряды ямок. На одном горшке поверх основного орнамента нанесен пояс ямок, что характерно для западносибирской керамики.

Отмечено два уровня залегания керамики, причем для

нижнего характерны сосуды со сплошной орнаментацией горизонтальными линиями отступающей палочки.

Для VI слоя получена дата 6660 ± 190 (JE-1231). Она представляется сильно удревненной.

V слой отделен от VI слоем песка, мощностью до 1 м. В V слое обнаружены 6 очагов, выложенных камнями, и 10 кострищ. Среди находок преобладают отщепы, пластинки немногочисленны. Найдены наконечники стрел треугольной формы с вогнутым основанием, боковые и концевые скребки, вкладыши, обломок долотовидного орудия. Фауна представлена костями косули, лося, медведя и благородного оленя.

Сосуды (рис. 95, 1–4) имели яйцевидную форму с прямым или слегка отогнутым венчиком. На срезе ряда венчиков – треугольные выступы. Такие выступы встречаются на глазковской керамике Прибайкалья и поздненеолитических горшках Западной Сибири. На внешней поверхности горшков имеются следы выбивания рубчатой лопаточкой. Верхняя треть сосудов орнаментировалась гребенчатым пунктирным штампом. Лишь один горшок украшен от венчика до дна. Оттиски образуют косые или вертикальные линии у венчика, а ниже – опоясывающие линии. Еще ниже помещали “флажки” и косые линии. Под венчиком нанесен поясок ямок. Такая керамика может быть выделена в особый тип, который следует назвать “казачинским”. Кроме того, найден неорнаментированный сосуд с двумя вертикальными ушками для подвешивания (рис. 95, 5) – аналог серовских дымокуров.

В IV слое 5 кострищ, отщепов 72,9%, пластин – 11,3% (38 экз.). Найдены отбойники из галек, наковальня для расщепления кремня, треугольные с вогнутым или асимметрично-выпуклым основанием, а также черешковые наконечники стрел, боковые и концевые скребки, нож, проколки, топор и тесло из кремнистого сланца. Фауна представлена костями косули, лося, благородного оленя.

Внешняя поверхность керамики IV слоя гладкая и орнаментирована оттисками гладкого шагающего штампа. Такие отпечатки есть и на внутренней стороне. Восстановлен сосуд параболоидной формы. Верх его украшен оттисками изогнутого штампа, образующими ромбы, нижняя часть покрыта “шагающими” оттисками того же штампа. Черепки трех сосудов сохранили части узоров, выполненных прочерченными линиями или оттисками зубчатых штампов.

Сопоставление стратифицированных типов керамики на рассмотренных поселениях позволяет прийти к ряду выводов.

Самым ранним типом керамики является сетчатая, залегающая над слоями финального мезолита. Ее появление датируется V тысячелетием до н.э. Эта дата основывается на радиоуглеродных определениях, полученных для VIII, мезолитического, слоя Казачки 6830 ± 210 (JE-1227) и VI слоя Горелого Леса (6695 ± 50 (Ri - 50)).

При лепке горшков этого типа употреблялись мелкоячеистые сетки. В процессе керамического производства сетка служила каркасом, на который наклепывалась глина. Отличие этой своеобразной технологии изготовления керамической посуды от методов, применявшихся в Западной Сибири и Забайкалье, позволяет предположить, что Восточная Сибирь была одним из первоначальных

центров изобретения такой посуды. Не исключено, что сама идея обжига керамики могла быть заимствована из соседних регионов. Появившись в южной части Восточной Сибири, сетчатая керамика быстро распространилась и в IV тысячелетии стала изготавливаться по всей Восточной Сибири и даже на Чукотке. Поскольку ее распространение шло в среде населения, имевшего культуру мезолитического облика, и каменный инвентарь раннего неолита сохранил многие черты предшествующих культур, то зачастую только наличие сетчатой керамики служит признаком, отличающим раннеолитические памятники от мезолитических.

Сетчатые горшки с прямыми венчиками типичны для китойской и исаковской культур.

В районе, прилегающем к Байкалу, как показывают находки из X слоя Улан-Хады, горшки с отпечатками сетки приобретают усложненные формы венчиков, и развитие сетчатой керамики приводит к появлению горшков, украшенных наклепными валиками (находки в Малой Лударской пещере на западном берегу Байкала). Такая керамика стала характерной для раннеолитической сылахской культуры Якутии.

Другой линией развития сетчатой керамики стало появление сосудов с гладкой поверхностью, иногда сохраняющих следы заглаженной сетки. Такие горшки характерны для серовской культуры, на ранних ступенях развития которой продолжали употребляться и горшки с незаглаженной сеткой.

Вариантом гладкостенной керамики являются горшки улан-хадинского типа, украшенные пунктирным орнаментом и иногда валиками. Такая керамика выделена по находкам в IX слое Улан-Хады. Кроме берегов Байкала и Ангары, она обнаружена и на стоянках Верхней Лены (Зубков, 1982). Представляется возможным связывать ее с поздним этапом развития серовской культуры.

В качестве позднего аналога улан-хадинскому типу керамики может рассматриваться керамика V слоя Казачки, которая имеет следы выбивания рубчатой лопаткой, что сближает ее с керамикой глазковской культуры.

Как установлено по материалам Ташкинэ II, сетчатая керамика уже в раннем неолите сосуществовала в окрестностях Байкала с керамикой, изготовленной при помощи выбивания сосудов лопаткой, обмотанной шнуром. Керамика со шнуровыми отпечатками является наиболее ранней в Забайкалье. В развитом неолите она широко распространяется в бассейне Ангары и достигает Енисея. Вместе с сетчатой керамикой она оказалась в X слое Улан-Хады, в VI слое Горелого Леса и в VII слое Казачки. В VI слое Горелого Леса она представлена хайтинским типом, который встречается и на Верхней Лене на поселениях Макарово 1, Усть-Ямная, Поповский Луг (Зубков, 1982а, б). Наиболее вероятной датой бытования этой керамики является вторая половина IV тыс. до н.э.

В слое X Улан-Хады шнуровая керамика представлена горшками, которые, вероятнее всего, послужили основой для возникновения керамики посольского типа. Последняя залегает выше, в слое IX Улан-Хады. Она же представляет, по-видимому, шнуровую керамику в слое VII Казачки.

Для посольской керамики, найденной в слое III-B поселения Няша, расположенного на правом берегу Енисея ниже г. Красноярск, получена радиоуглеродная дата 4080 ± 60 (JE-1415), т.е. она относится к концу III тыс. до н.э. К тому же тысячелетию позволяет относить посольскую керамику и дата слоя VIII Улан-Хады, под которым она залегает. На стоянках Окуневая III и IV, раскопанных на восточном берегу Байкала, она лежит ниже керамики бухусанской культуры, датируемой второй половиной III – началом II тыс. до н.э. (Горюнова, Лыхин, 1985). Поэтому представляется возможным определять время существования посольской керамики первой половиной – серединой III тыс. до н.э., учитывая, что подобная посольской керамика белькачинской культуры Якутии существовала на протяжении всего этого тысячелетия.

Посольская керамика встречена на целом ряде памятников от восточных берегов Байкала до Среднего Енисея, а также на Верхней Лене и на стоянке Байкит 3 в среднем течении р. Подкаменная Тунгуска. Ареал ее включает территорию, на которой выделены памятники серовской культуры, синхронной бытованию посольской керамики. Посольскую керамику следует считать принадлежащей особой культуре, хотя пока мы еще не можем выделить специфический для нее набор каменного инвентаря и не имеем погребений, которые могут быть с ней связаны. По-видимому, эта культура сформировалась на основе хайтинской группы памятников на территории восточного Прибайкалья, откуда ее носители и распространились на запад.

Над посольской в VIII слое Улан-Хады залегает керамика усть-бельского типа, выделенная на основе материалов слоя II-A поселения в устье р. Белой (Савельев, Медведев, 1973). Усть-бельская керамика представлена параболоидными гладкостенными горшками с параллельными зигзагообразными линиями отступающей палочки на тулове и гребенчатыми отпечатками по внешней и внутренней стороне венчика. Вместе с ними найдены гарпуны с зубцами по одному краю и уступом для привязывания лinya и нефритовое тесло. Аналогичные по форме орудия встречены в глазковских погребениях. Стерженьки рыболовных крючков Усть-Белой занимают по форме промежуточное положение между китойскими и глазковскими. В Улан-Хаде есть экземпляры горшков, очень близкие сосудам устья Белой, но они своей шнуровой поверхностью и орнаментальными композициями напоминают и посольскую керамику. У одного горшка есть маленькие сквозные отверстия, как у посольских сосудов. Залегание усть-бельской керамики между посольской и глазковской в Улан-Хаде, ее дата, комплекс изделий, встреченных с этой керамикой на Усть-Бельском поселении, – все это позволяет рассматривать усть-бельскую керамику как одно из связующих звеньев между посольской и глазковской.

Определенные синхронистические связи и орнаментальное сходство намечаются между усть-бельской керамикой и распространенной в основном в Западном

Приангарье керамикой, сплошь украшенной поясами линий “отступающей палочки” или отпечатками личинковидного штампа (рис. 94). На стоянке Горелый Лес такая керамика залегает в IV слое над керамикой посольского типа. На Казачке она представлена большим числом горшков VI слоя, причем в нижнем горизонте этого слоя найдены горшки, внешняя поверхность которых сплошь украшена горизонтальными поясами оттисков гладкого и зубчатого штампов, нанесенных по принципу “отступающей палочки”. В верхнем горизонте обнаружены горшки, узоры на которых выполнены отдельно расположенными оттисками штампов. Такой вариант керамики можно условно назвать “западно-ангарским”, он характерен для западных районов Приангарья и Среднего Енисея.

В последние годы предприняты попытки выделить среди усть-бельской керамики три типолого-хронологические подгруппы (Синицина, 1986) и даже выделить усть-бельский керамический пласт, развивавшийся с середины IV до первой четверти II тыс. до н.э. (Бердникова, 1986). Нам представляется более реальным рассматривать памятники с усть-бельской керамикой как особую культурную общность, первоначальное формирование которой связано со Средним Енисеем, откуда и началось ее продвижение к востоку на соседние территории. В Прибайкалье на смену памятникам с усть-бельской керамикой приходит глазковская культура. На Среднем Енисее, судя по материалам IV слоя Казачки, в середине III тыс. до н.э. памятники с западноангарским типом керамики уступают место новой культуре, для которой характерна керамика, украшенная шагающей гребенкой.

Таким образом, для территории между средним течением Енисея и Байкалом в период развитого и позднего неолита (середина IV–III тыс. до н.э.) выясняется сложная картина развития и взаимодействия трех этнокультурных общностей: аборигенной, представленной развитием серовской культуры, восточной, связанной с развитием культур со шнуровой керамикой (хайтинской, посольской и байкальским шнуровым вариантом усть-бельской), и западной, характеризующейся керамикой с ямчатой и гребенчатой орнаментацией (варианты усть-бельской). Этнокультурная история этого района оказывается более динамичной, чем она представлялась на основе периодизации, созданной в свое время А.П. Окладниковым на материалах погребальных комплексов.

Возвращаясь к определению места китойской культуры в истории Прибайкалья, мы должны отметить, что она должна быть отнесена к раннему неолиту. Ее нельзя рассматривать как генетически предшествующую исаковской культуре из-за антропологического несходства носителей этих культур и менее развитого, чем китойский, инвентаря исаковской культуры. Китойская культура не имеет сходства с ранними неолитическими памятниками Байкала. Выяснение генезиса китойской культуры остается делом будущего. Имеющиеся в настоящее время факты заставляют видеть в ней культуру, не находящую прибайкальских корней.

Неолит Среднего и Верхнего Енисея

В 1884 г. И.Т. Савенков открыл замечательные погребения у д. Базаиха. В 1890 г. А.С. Еленев обнаружил многослойное поселение в устье р. Бирюсы. В дальнейшем близ Красноярска было найдено много памятников неолитического облика, но первая попытка их классификации предпринята только в 1957 г. А.П. Окладниковым на основе сопоставлений с материалами из Прибайкалья. Благодаря работам красноярских и иркутских археологов на Нижней Ангаре и р. Кан, возникли новые возможности для выяснения процесса развития неолитических культур в данном районе.

Раскопанных поселений немного: к северу от Красноярска стоянка Няша, к югу – стоянки Усть-Собакино и Усть-Бирюса, к востоку – стоянки на р. Кан, среди которых выделяются уже упоминавшееся нами многослойное поселение Казачка. Кроме Казачки и Няши, все памятники содержат неолитические предметы в смешанном состоянии с материалами других эпох.

Сопоставляя эти находки с материалами из неолитических слоев Казачки и памятников Приангарья, можно прийти к выводу, что ранний неолит Красноярско-Канского течения Енисея формировался на основе финального мезолита с пластинчатой индустрией и характеризуется наличием сетчатой керамики. Это позволяет включать его в восточно-сибирский регион неолитических культур. К концу IV – началу III тыс. до н.э. относятся некоторые черепки с пунтирными и гребенчатыми отпечатками, сходные с серовской керамикой, а также топоры с ушками и каменные изображения рыб, найденные на стоянках Базаиха и у пос. Стрелка при впадении Ангары в Енисей. О несомненной культурной близости населения лесной части Среднего Енисея с обитателями Приангарья свидетельствует находка в I слое Усть-Бирюсы горшка с тремя ушками, украшенного гребенчатым орнаментом, аналогичным серовским “дымокурам”.

Время появления на Енисее изделий из нефрита и стерженьков рыболовных крючков китайского типа, найденных, в частности, на стоянках Караульная и Базаиха, остается неясным в связи с неясностями в определениях возраста китайской культуры и их принадлежности именно к ней.

В первой половине III тыс. до н.э. на берегах Енисея в районе Красноярска поселяются носители посольской керамики. Она найдена на стоянках Ладейки, Базаиха, Усть-Собакинской и в слое III-Б Няши. Этот слой имеет дату 4080 ± 60 (ЛЕ-1415), что, однако, не означает длительное существование культуры посольской керамики на Среднем Енисее. Примерно в середине III тыс. здесь распространяются памятники с керамикой иного типа.

Эта керамика, сплошь украшенная линиями “отступающего штампа” или личинковидными вдавлениями, представлена в VI слое Казачки. Ее можно связывать с усть-бельской культурной общностью, первоначальное формирование которой происходило на Среднем Енисее под влиянием западно-сибирских культур. Сосуды с личиночными и овальными вдавлениями мы выделяем в западно-ангарской керамический тип, так как они встречаются в основном в бассейне нижнего течения Ангары.

Они обнаружены на ряде стоянок близ Красноярска. При исследовании В.Г. Карцевым (1928) стоянки под Ермолаевским городищем был добыт немногочисленный, но чистый комплекс керамики западно-ангарского типа. Вместе с нею найдены сделанные из кости гарпун и наконечник стрелы с расщепом в основании, а также кремневый листовидный наконечник стрелы. Листовидные наконечники стрел с характерной тонкоструйчатой ретушью, вероятно, входят в единый культурный комплекс с западно-ангарской керамикой, ибо они резко отличаются от обычных для Прибайкалья форм.

Случайные находки черепков с характерной для западно-ангарской керамики орнаментацией могут относиться не только к неолиту, поскольку на Усть-Собакинской стоянке есть украшенные личинковидными вдавлениями горшки с уплощенным дном, которые можно сопоставить с керамикой окуневской культуры ранней бронзы. Возможно, памятники с западно-ангарской керамикой стали основой для формирования раннебронзовой культуры типа Окунева улуса.

С культурой западно-ангарской керамики, по-видимому, связано захоронение, обнаруженное на Узенькой улице Красноярска. Там под горшком с коническим дном и личиночными и овальными вдавлениями орнамента лежали обгоревшие кости человека, а рядом перламутровая бусина и два костяных острия.

На Афонтовой горе II в 1937 г. А.П. Окладниковым было раскопано погребение, в котором оказался небольшой круглодонный горшочек, сплошь покрытый горизонтальными линиями орнамента. Он близок к керамике западно-ангарского типа. В том же погребении найдены большие костяные острия, много бус из перламутра и костяной стрежень с головкой человека. Эта скульптурка напоминает изображение из погребения № 12 Серовского могильника и находит некоторые аналогии в окуневских стеатитовых стержнях с головками, вероятнее всего, связанных происхождением с подобными костяными изделиями.

Слабо изучен неолит на юге Красноярского края, в степной Минусинской котловине. При разведках И.Т. Савенкова, Э.Р. Рыгдылона (1953) и других исследователей здесь, однако, обнаружен ряд памятников, на которых найдены каменные орудия, несомненно относящиеся к неолиту: наконечники стрел, вкладыши, ножи, топоры и тесла, скребки. Известны и находки каменных рыб.

На раскопанном на правом берегу Енисея у д. Унюк поселении (Зяблин, 1973) обнаружены кремневые наконечники стрел и копий, вкладыши, нефритовые уплощенно-овальные в сечении топоры, тесла и кирки. Для обработки нефрита употребляли песчаниковые пилы. Керамика представлена круглодонными горшками и одним сосудом с уплощенным дном. По орнаменту она делится на две группы: 1) украшенная отпечатками гребенчатого штампа; 2) линиями отступающей палочки. Около венчика горшки имели пояс из ямок. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосудов, но встречаются и образцы с разреженным орнаментом из линий зигзагов.

Унюкский керамический комплекс близок керамике усть-бельской культурной общности, хотя и имеет некоторые отличия. В районе Минусинска Л.П. Зяблин открыл еще несколько стоянок с редкой для юга Красноярского края неолитической керамикой, в их числе стоянку Малый Кызыкуль с керамикой, аналогичной унюкской. А.В. Виноградовым (1982) раскопано поселение Вьюжное I, также давшее образцы унюкской керамики. Конец существования унюкской керамики в Минусинской котловине он датирует началом III тыс. до н.э. Представляется, однако, что унюкская керамика изготовлялась неолитическим населением Минусы в первой половине этого тысячелетия. Возможно, что распространившаяся в этот период по минусинским степям афанасьевская культура не сразу вытеснила редкое население неолитических охотников и рыболовов, и некоторое время пришлые скотоводы жили рядом с аборигенами.

Известно только два погребения, относимых к неолиту. Одно из них случайно найдено в 1923 г. в с. Батени (Грязнов, 1953), другое обнаружено в 1963 г. при раскопках окуневского могильника в урочище Черемушный Лог близ с. Байкалово (Хлобыстин, Шер, 1966). В погребении у с. Батени вместе с костями человека найдены четыре астрагала косули и восемь астрагалов барана, а также орудия.

У ручья Гремячего и на Афонтовой горе раскопан ряд погребений (Окладников, 1957; Глусская, 1963б), обладающих рядом общих признаков. Для них характерна ориентация восток-запад, положение умерших вытянуто на спине в грунтовых ямах, некоторая нарушенность скелетов, возможно, связанная с обычаем вторичного захоронения. В некоторых случаях отмечены засыпка умерших охрой, а над погребениями у ручья Гремячего – и следы кострищ, что свидетельствует об использовании огня в погребальном обряде, нашедшем яркое выражение в погребении на Узенькой улице. В погребениях найдены украшения из клыков кабана, резцы бобра, подвески из зубов песка, медведя, мелкие бусы-кружочки из перламутра и мрамора, шилья из костей животных, тесла из сланца, листовидные наконечники стрел с тонкоструйчатой ретушью, произведения искусства. Так, из погребения у ручья Гремячего (Глусская, 1963б) происходят костяные пластинки-подвески с вырезанными на них изображениями птиц, головка лося с характерными косыми линиями гравировки на поверхности. Здесь же найден игольник, покрытый спиральной резьбой. В погребении на Афонтовой горе, раскопанном А.Ф. Катковым, была подвеска в виде плавающей уточки. Эти погребения можно датировать второй половиной III тыс. до н.э. и сопоставлять с культурой западно-ангарской керамики.

К позднему неолиту, а по мнению некоторых исследователей, к энеолиту, относится захоронение, обнаруженное близ Красноярска у дач Гороно (Глусская, 1963а). В глубокой яме вытянуто на спине, головой на север была погребена женщина 30–35 лет. В погребении найдены пластины из клыка кабана с отверстиями для нашивания, подвески из зубов медведя и волка, резцов свиньи, вырезанные из кости бусы, имитирующие подвески из зубов животных, бусы в виде кружков из перламутра и агальматолита, невысокие цилиндрические бусы из пи-

рофиллита, две бусины из небольших округлых галек. Эти украшения составляли ожерелье и обшивку обуви. С умершей положили две подвески из раковин, грубые скребловидные орудия и скребла-ножи миндалевидной формы, пластинчатое тесло, подшлифованное только по лезвию, длинный игольник из кости лебедя, украшенный на концах спиральными поперечными нарезками. Кроме того, в могиле лежали расколотые трубчатые кости животных – заготовки для орудий или украшений.

В 1884 г. в урочище “Бор” у устья Базайхи И.Т. Савенков (Savenkov, 1893) раскопал пять погребений. Погребение № 2 сопровождалось кельтом карасукского типа и было устроено в менее глубокой яме, чем остальные. В двух погребениях вещей не было, за исключением одного кварцитового скребка. Богатый инвентарь оказался при двух наиболее глубоких захоронениях женщины с ребенком и мужчины (№ 4 и 5), лежащих недалеко друг от друга. Между ними отмечены следы большого костра. В захоронениях найдены шлифованное тесло из кремнистого сланца, линзовидное в сечении, сланцевый нож с односторонне выпуклым лезвием и притупленной спинкой, обработанной ретушью, кинжал с желобками для вкладыша, наконечники стрел, украшения из клыков кабана, клык медведя, составной рыболовный крючок из кости, аналогичный крючкам из серовских погребений Верхоленского могильника и другие вещи. Замечательны сделанные из лосиного рога фигурки лосей, животного с подогнутыми ногами и антропоморфная скульптурка с головой птицы. Человека, с которым положены в могилу эти предметы, И.Т. Савенков назвал “шаманом”. Скелет “шамана” оказался неполным. Возможно, это связано с обрядом вторичного захоронения, который известен по другим погребальным комплексам Среднего Енисея. А.П. Окладников (1957), отметив сходство изделий из двух последних погребений с серовскими материалами, отнес погребения к серовскому времени, т.е. к III тыс. до н.э. Другие исследователи датируют их началом II тыс., периодом раннего металла (Студзицкая, 1966). Исследования черепов из Базайхи (Дебеч, 1948; Герасимов, 1955) показали, что черепа принадлежат к смешанному типу, возникшему в результате метисации монголоидов и европеоидов.

Инвентарь и обряд погребений № 4 и 5 Базайхи позволяют сблизить их с захоронениями у ручья Гремячего и на Афонтовой горе II. Таким образом может быть намечена их связь с культурой западноангарской керамики.

Возможно, из разрушенного погребения происходят собранные у Базайхи агальматолитовые подвески. Две подвески – стержнеобразные с головками медведей на одном конце – напоминают сделанную из кремня фигурку животного из неолитического поселения у д. Патроны на Ангаре. Третья подвеска из Базайхи интерпретирована как изображение человека, но своей изогнутой позой она походит и на изображения птиц на подвесках гремячинского погребения.

Радиуглеродная дата IV слоя Казачки, определяющая его возраст серединой III тыс. до н.э., заставляет отнести к этому времени культуры, материальные остатки которых оказались погребенными в V и IV слоях этого поселения. Однако эта дата представляется нам удручающей. Вероятно, находки из этих слоев и соответству-

шие им изделия с других памятников Среднего Енисея следует датировать концом III и даже началом II тыс. до н.э. Тем самым заполняется лакуна между неолитическими и памятниками развитой бронзы Среднего Енисея.

Многие из каменных изделий, обнаруженных на стоянках у Красноярска, не могут быть достоверно связаны с определенными культурами. Таковы скребки, листовидные наконечники копий, кинжалы, шлифованные простые и желобчатые тесла и трапецевидные топоры со скругленными гранями.

Развитие неолитических культур на Среднем Енисее из-за промежуточного положения, которое занимал этот район между ареалами восточно-сибирских и западно-сибирских культур, было сложным. Если в ранний период преобладали восточные влияния, то к концу неолита выросло значение западных связей, что особенно проявилось в конце III тыс. до н.э., когда на берегах Енисея керамическую посуду стали украшать оттисками шагающей гребенки. Благодаря меняющимся влияниям средне-енисейский неолит приобрел своеобразный набор признаков. Это отразилось и на метисном антропологическом типе местного населения.

В Черемушном Логу в могильной яме было обнаружено захоронение мужчины 30 лет, череп которого, по определению Д.Г. Рохлина, имел заметные палеомонголоидные черты. Умерший лежал на спине, головой на север, параллельно берегу Енисея. Его сопровождали шлифованные тесла, желобчатое долото и топорик из сланца, нефритовый топорик, орудие для снятия шкур, сделанное из лопатки оленя, обломки двух костяных иголок и проколки, бусина из раковины, точильный брусок из песчаника и клюв журавля. Из предплюсневой кости благородного оленя был сделан остов вкладышевого ножа, украшенный по обеим сторонам косыми поперечными нарезками. По аналогии с неолитическими погребениями района Красноярска и Приангарья захоронение Черемушного Лога можно датировать концом III тыс. до н.э. Находка клюва журавля, как и изображения птиц из погребений у ручья Гремячего и в "шаманской" могиле Базаихи, позволяют предполагать, что у неолитических обитателей Енисея существовал культ птиц.

На некоторых петроглифах Верхнего Енисея (Шалаболино и др.) есть рисунки лосей, которые напоминают как фигурки Базаихи, так и отнесенные к неолиту рисунки лосей на петроглифах Ангары. Возможно, эти древнейшие петроглифы Енисея возникли в неолите.

В верховьях Енисея первые изделия неолитического облика найдены в Туве С.А. Теплоуховым еще в 1926 г., но только в последние годы в результате работ экспедиций Л.Р. Кызласова (Кызласов, 1958; Сидоров, 1969), С.Н. Астахова и М.А. Дэвлет появилась возможность наметить основные черты культур, существовавших в горах Западного Саяна в каменном веке.

Наиболее ранним неолитическим памятником в Туве следует считать стоянку-мастерскую у выходов кремня на р. Шугур (Беляева, 1975). Здесь вместе с заготовками нуклеусов и отходами производства при раскопках найдены вкладыши из ножевидных пластинок, обломок тонко отретушированного наконечника стрелы, скребок на отщепе и т.д.

На ряде стоянок с каменным инвентарем неолитического облика керамика отсутствует. В число этих стоянок входит Усть-Хемчик III, датированная временем 6500 ± 110 (ЛЕ-1014), где найдены конические нуклеусы, большое число ножевидных пластинок, скребки на отщепе, треугольные наконечники стрел с асимметрично вогнутыми основаниями. По-видимому, подобные комплексы, в которых большой удельный вес имеет пластинчатая техника, характерны для поселений раннего и развитого неолита этого региона. Примечательно, что на таких памятниках керамика отсутствует, либо представлена единичными невыразительными фрагментами, что позволяет считать ранний этап неолита Тувы бескерамическим.

С ранним неолитом можно связывать крупное шлифованное тесло, напоминающее исаковские, найденное напротив устья р. Хемчик, и фрагмент кольца из мраморовидной породы со стоянки Мадарак. Аналогичное кольцо найдено на притоке р. Абакан – Узунжуле (Савенков, 1896).

Для позднего этапа неолита Тувы характерна керамическая посуда с гребенчатым орнаментом и почти полное исчезновение ножевидных пластинок. Ряд поздне-неолитических стоянок изучен в зонах водохранилищ Майнской и Саяно-Шушенской ГЭС С.Н. Астаховым и сотрудниками руководимых им экспедиций. Опорным памятником является многослойное поселение Тоора-Даш (Семенов, 1983). Под слоями железного века залежали два слоя окуневской культуры. Ниже обнаружен слой с керамикой и кремневыми наконечниками стрел, принадлежащими афанасьевской культуре, появление которой в Туве, вероятно, датируется второй половиной III тыс. до н.э. Нижележащие четыре слоя содержат поздне-неолитические комплексы с гребенчатой керамикой, близкой к афанасьевской, и, соответственно, могут датироваться первой половиной III тыс. до н.э. Керамика представлена в трех нижних слоях обломками тонкостенных круглодонных горшков, сплошь украшенных тесно нанесенными отпечатками гребенчатых штампов. Отпечатки расположены вертикально или наклонно, образуя иногда вертикальные или реже горизонтальные зигзаги. Встречены черепки с оттисками шагающей гребенки.

Хотя вместе с керамикой найдено несколько нуклеусов с негативами пластинок, все каменные орудия изготовлены из отщепов. Среди них треугольные с вогнутым основанием и выпуклыми лезвиями наконечники стрел, скребки, скребла, вкладыши с двусторонней ретушью. Найдены три подвески из просверленных клыков марала, две иголки, гарпун с односторонними зубцами, роговое тесло, орнаментированная пластина из окаменевшего дерева.

В нижнем слое обнаружено 13 каменных кладок (диаметром 1–3 м) с ямами в центре. Исследователь связывает их с погребениями. В одной из ям найдено несколько десятков халцедоновых отщепов и фрагменты костей, в другой – костяная проколка, еще в одной – скребок и зубчатое орудие.

Для неолитических комплексов стоянок Усть-Кантегир и Шаганар характерна керамика с узорами из отпечатков шагающего штампа. Употребление на ряде стоя-

нок в качестве сырья темно-серых кварцитов привело к тому, что сделанные из него скребки, скребла, тесловидные орудия своей грубостью напоминают палеолитические изделия. Но изготовленные из него же узкие вкладыши с двусторонней ретушью, небольшие наконечники стрел (треугольные с прямым или вогнутым основанием, иногда с жальцами, миндалевидные, подромбические со слабо вогнутым основанием, редкие треугольно-черешковые) и прекрасно сделанные из высококачественного кремня изделия типа крупного кинжала – наконечника копья придают каменному инвентарю явно поздненеолитический облик. На неолитических стоянках западно-саянского течения Енисея найдены нефритовый топорик, подпрямоугольное тесло из кремнистого сланца, пест, обработанный точеной обивкой.

Группа стоянок исследована М.А. Дэвлет (1973 а, б) на правобережье Большого Енисея (Бий-Хем). Одна из них – Первая поляна – расположена у впадения р. Тоора-Хем в Бий-Хем две другие – Азас I и II – на протоке, соединяющей оз. Тоджа (Азас) с оз. Хочжир-Холь. Раскопки дали своеобразную керамику и обильный каменный инвентарь. К неолиту относятся слабо профилированные горшки с округленными днищами. Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность и состоял из рядов ямок, линий, сделанных палочкой в отступающей манере, вертикальных или наклонных гребенчатых отпечатков, образующих вертикальные зигзаги. Кроме того, встречены фрагменты горшков, которые могут быть

определены как относящиеся к тувинскому варианту окуневской культуры.

Каменный инвентарь представлен призматическими и клиновидными нуклеусами, большим числом ножевидных пластинок, из которых делали скребки и ножи, небольшими треугольно-черешковыми, листовидными и подромбическими наконечниками стрел, узкими отретушированными вкладышами, скребками на отщепах. Встречены двусторонне обработанные ножи на отщепах, абразивы, каменный пест.

Сочетание горшков, орнаментированных глубокими ямками, с каменным инвентарем, в котором преобладает техника ножевидных пластин, позволяет говорить об особой культуре. Ее можно отнести к позднему неолиту и датировать концом III тыс. до н.э., когда в Минусинской котловине уже распространилась афанасьевская культура.

Итак, ранний неолит верхнего течения Енисея можно датировать с середины V тыс. до н.э., когда здесь появляются памятники с каменным инвентарем неолитического облика. В нем важное значение имела техника ножевидных пластин. Отсутствие керамики на таких памятниках может быть объяснено и тем, что ее не изготавливали, и тем, что она не сохранилась. Появление керамики с гребенчатой орнаментацией фиксируется на поселениях III тыс. до н.э. К концу неолита следует, по-видимому, относить некоторые материалы тоджинских стоянок, включающие в себя керамику с ямочными вдавлениями. Высказываются мнения, что такую керамику можно связывать с протосамодийским населением.

Неолит Якутии

Начало планомерному изучению неолита Якутии положено А.П. Окладниковым в 1940–1946 гг. Им открыто много неолитических стоянок в южных и заполярных районах республики, а также отдельные захоронения и наскальные рисунки, относящиеся, по его мнению, к неолиту. На основе сопоставления добытых материалов с находками в Прибайкалье А.П. Окладников (1949; 1955) показал своеобразие неолита Якутии и разработал его периодизацию. Широкие исследования Вилюйской и Ленской экспедиций Якутского филиала АН СССР, проводившиеся с 1959 г. Ю.А. Мочановым, С.А. Федосеевой и сотрудниками руководимых ими экспедиций, внесли существенный вклад в изучение восточносибирского региона неолитических культур. Особое значение имеют раскопки многослойных стоянок на Аладане – Белькачи I (11 слоев) и Сумнагин I (14 слоев). В результате этих исследований создана базирующаяся на многих радиоуглеродных датах периодизация культур приленского бассейна и намечены границы их распространения (Мочанов, 1969). К неолиту отнесены сылахская культура (ранний неолит, названа по стоянке на озере Сылах близ Жиганска), белькачинская культура (средний неолит) и ымыяхтахская культура (поздний неолит). На памятниках заключительного этапа ымыяхтахской культуры присутствуют изделия из бронзы, поэтому ее описание дается в соответствующем томе “Археологии СССР”.

Сылахская культура

Время существования культуры определяется серией радиоуглеродных дат, полученных для многослойных стоянок Белькачи I и Сумнагин I. Они укладываются в период 5970 ± 70 (ЛЕ-676) – 4670 ± 60 (ЛЕ-736), т.е. охватывают время от рубежа V–IV до первых веков III тысячелетия. Ареал сылахской культуры очень велик. Она занимала всю Якутию и проникла на северо-восток до р. Анадырь. Возможно, к ней относятся и некоторые неолитические памятники Таймыра. Крайний юго-западный памятник культуры – стоянки в Малой Лударской пещере на северо-западном побережье оз. Байкал.

Сылахская культура сменила в Якутии докерамическую сумнагинскую культуру. Сложение новой культуры связывают с приходом из Забайкалья населения, которое частично ассимилировало сумнагинцев, что и отразилось в сылахской культуре.

На памятниках сылахской культуры встречаются (рис. 96) призматические нуклеусы, большое число орудий из ножевидных пластинок: резцы, проколки, вкладыши, концевые скребки, пластинки с краевой ретушью со скошенным краем. В мезолитических памятниках сумнагинской культуры на Аладане наконечники стрел не обнаружены. Они появились только в раннем неолите. Форма их листовидная, иногда с прямым основанием, сделаны они из ножевидных пластинок. Возможно, к сылахской культуре относятся прекрасно обработанные

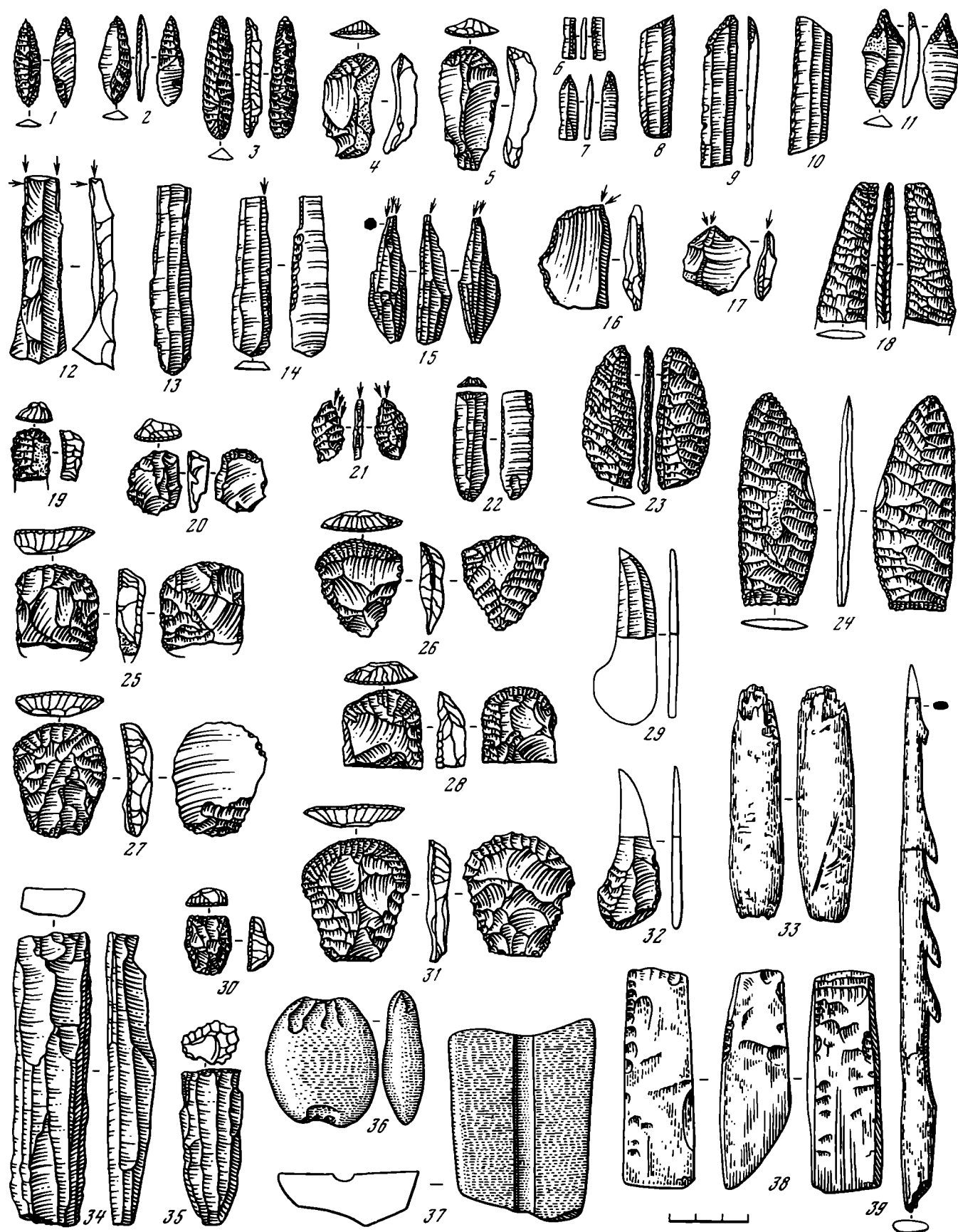

Рис. 96. Изделия сылахской культуры (1-39)

ретушью длинные наконечники стрел с выделенным черешком, из ножевидных пластинок, обнаруженные в погребениях на стоянке Уолба. Оригинальны трехгранные напильниковидные наконечники, со всех сторон покрытые тонкой ретушью. На заключительном этапе развития культуры входят в употребление листовидные наконечники с двусторонней ретушью и намечающимся черешком. Типичны для сылахской культуры долотовидные орудия на отщепах и пластинках, резцы на отщепах, многофасеточные резцы с нуклеидными основами, скребки на отщепах, имеющие иногда приостренный обушок или выступы – приострения на краях лезвия, крупные скребла, листовидные и треугольные асимметричные ножи с двусторонней обработкой, шлифованные ножи с вогнутым лезвием, выпрямители древков стрел. Для раннего этапа характерны плоские трапециевидные тесла без пришлифовки, для позднего – шлифованные тесла прямоугольных очертаний с прямоугольным или трапециевидным сечением.

Костяные орудия представлены наконечниками гарпунов с большим числом зубцов по одному краю, с плоским насадом, иногда с отверстием для линя. Найдены основы для вкладышевых ножей и копий, острия, иглы и шилья, отжимники. О рыболовстве свидетельствуют грузила из галек с выбитыми на концах выемками для привязывания.

Основной формой керамической посуды были небольшие эллипсоидные горшки с прямыми венчиками и отпечатками мелкой сетки на внешней поверхности. Изредка следы сетки затерты до залощенности. Залощенной бывает и внутренняя поверхность сосудов. Примесью к глине служили песок и шамот. Сосуды украшали под венчиком пояском сквозных отверстий, на раннем этапе встречаются один или два тонких валика, горизонтально расположенные под венчиком. Иногда они имеют насечки. Единичные сосуды дополнительно украшены по венчику гребенчатыми или накольчатыми вдавлениями.

К сылахской культуре относятся VII и VI слои стоянки Белькачи, I, XIV–XI слои стоянки Сумнагин I, поселения Куллаты, Сылах и др. Они были сезонными и располагались обычно при устьях небольших рек и на берегах озер. Отмечены случаи, когда у устья реки имелись два места для стоянок: одно – на высокой пойме, заливавшейся в половодье, другое – на надпойменной террасе, куда переселялись во время паводков. На верхних стоянках находятся большие площадки, где изготавливались каменные и костяные орудия. Жилища были наземными, типа шалашей или чумов. Одновременно использовалось несколько жилищ, что свидетельствует о сравнительно больших коллективах, обитавших на стоянках.

На стоянке в устье р. Куллаты А.П. Окладников раскопал котлован небольшого овального жилища, глубиной 0,5 м. Дно его было выложено берестой. На той же стоянке найдена выстланная берестой яма, служившая для хранения запасов мяса и рыбы. Судя по находкам костей, жители ловили осетров, стерлядей, щук, окуней, ленков. Основным объектом охоты был лось. Охотились также на северного оленя, косулю, медведя, водоплавающую и, реже, боровую птицу.

Образ главного промыслового животного – лося на-

шел выражение в искусстве сылахцев. На вилюйской стоянке Туой-Хая найдена сделанная из отщепа кремнистого сланца фигурка, трактуемая как изображение лося. По-видимому, к неолиту следует относить и часть изображения лосей, часто встречающихся на писаницах Якутии (Чуру, Чопчу-Бага и др.).

На стоянке у оз. Уолба, расположенной за Полярным кругом, обнаружены две могилы, которые дают представление о погребальном обряде. Умершие, взрослый и ребенок, похоронены в грунтовых ямах в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток. Около головы взрослого кучкой лежали пластинчатые наконечники стрел и концевой скребок на большой пластинке. Тела умерших засыпаны охрой.

Белькачинская культура

В первые века III тыс. до н.э. в Якутии появляются поселения, содержащие изделия, отличающиеся от сылахских. На их основе была выделена белькачинская культура. Период ее существования определяется датами 4880 ± 90 (ЛП-775) и 3750 ± 50 (ЛП-859), т.е. началом III – первыми веками II тыс. до н.э. Белькачинская культура, как полагает Ю.А. Мочанов, возникла в результате самостоятельного развития ранненеолитических племен Якутии, ускоренного контактами с населением смежных областей. Следы белькачинской культуры обнаружены на Лене и на реках ее бассейна – Вилюе, Амге, Алдане, Мае, Олекме, а также Колыме, Анадыре, Оленеке и в Таймырском Заполярье. К этой культуре относятся стоянки Белькачи I (слои I и VI) и Сумнагин I (слои X, IX).

Наиболее характерный признак культуры – керамика с вертикально расположенными отпечатками шнура, которым была обмотана лопатка для выбивания сосудов. Горшки разнообразны по форме. Наряду с овалоидными встречаются горшки с приостренным дном, иногда с выступающим “шипом”. У многих сосудов имеется отогнутый венчик. Характерная особенность ряда сосудов – сегментовидный в сечении валик, утолщающий венчик. На некоторых горшках под краем венчика сделаны маленькие сквозные отверстия. Распространенный вид орнамента состоит из горизонтальных поясков, нанесенных гребенчатым штампом у края сосуда. Иногда они дополняются рядами наклонных отпечатков гребенки. Есть узоры в виде косой решетки, зигзагов и наклонно прочерченных линий, образующих при пересечении вписанные треугольники. Примесью к глине сосудов служил песок, изредка шамот.

Обработка каменных изделий отличается высоким совершенством (рис. 97). Сохраняются многие типы изделий, унаследованные от сылахской культуры. Среди них призматические нуклеусы и нуклеидные многофасеточные резцы, концевые скребки, резцы, проколки и острия, вкладыши из ножевидных пластинок. Появляются новые типы орудий: шлифованные прямоугольные ступенчатые тесла, оббитые и шлифованные тесла с ушками, мотыжки с боковыми выемками, небольшие желобчатые тесла, обработанные ретушью. Кроме листовидных с овальным основанием наконечников стрел изготавливали треугольные с вогнутым основанием, нередко с одним или двумя шипами, обработанные диагональной

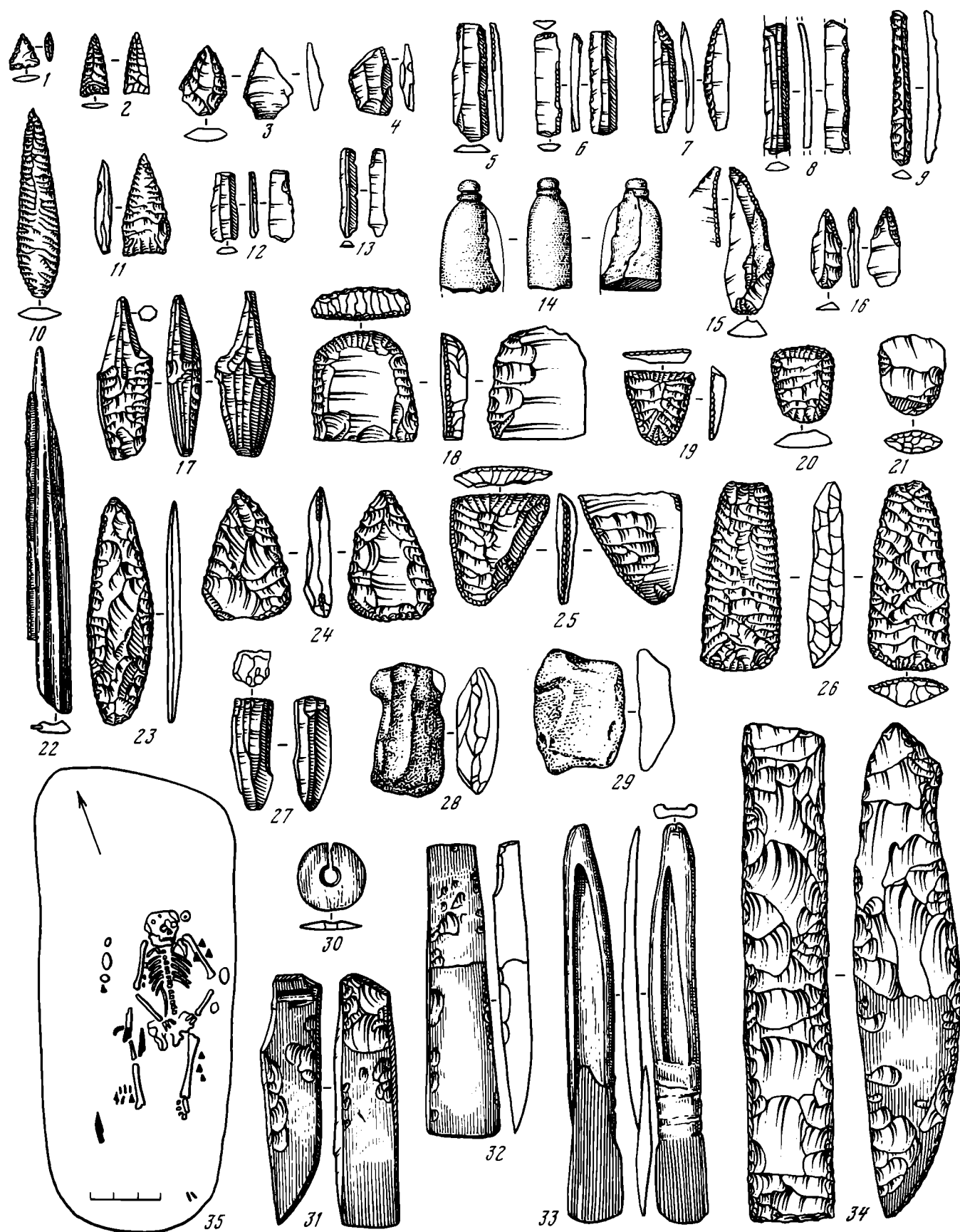

Рис. 97. Белькачинская культура. Изделия (1-34) и погребение на стоянке Джикимда I (35)

тонкоструйчатой ретушью. Имеются крупные листовидные наконечники копий, которые могли служить и кинжалами. Своеобразны двусторонне обработанные ножи с выступом для привязывания и клювовидные орудия, служившие как ножи, скребки и острия. Встречаются подтреугольные ножи-скребки, шлифованные ножи с вогнутым лезвием, подовальные и трапециевидные скребки. Обнаружены сегментовидный пластинчатый вкладыш и вкладыши с двусторонней обработкой, выпрямители для древков стрел и грузила из галек с выемками, костяные основы для вкладышевых орудий, острия, шилья и иглы. К украшениям относятся обломки нефритового кольца, и, возможно, крупная подвеска из песчаника.

Стоянки белькачинской культуры располагаются в тех же местах, что и сылахские, и имеют общие с ними признаки. Это свидетельствует об одинаковом образе жизни населения Якутии в раннем и развитом неолите.

Погребальный обряд населения белькачинской культуры изучен пока недостаточно. На примере погребения, обнаруженного при раскопках стоянки Малая Джикимда I на р. Олекме (рис. 97, 35) можно отметить его сходство с захоронениями сылахской культуры. Умерший был уложен в грунтовую яму, вытянут на спине, головой на северо-восток, ногами к реке. Захоронение густо засыпано охрой. Среди типичного для белькачинской культуры инвентаря – призматических конусовидных нуклеусов, орудий из ножевидных пластинок, ступенчатых тесел, составного вкладышевого ножа – найдены кольцо из белого нефрита, вероятно, нашитое некогда на головной убор, гальки и своеобразное составное орудие в виде нефритового ножа-топорика, вставленного в торец костяной ручки.

С.П. Кистеневым (1980) было исследовано погребение девушки на стоянке Родинка II на р. Пантелеиха в низовьях р. Колымы. По одонтологическим признакам, умершая относится к арктическому монголоидному типу. Умершая лежала вытянуто на спине, головой на восток, ногами к реке и была завернута в бересту. Ее сопровождал богатый набор вещей, типичный для выдающегося охотника. В него входил лук, от которого сохранились костяные обкладки, берестяной колчан, шлифованные и ретушированные тесла и топоры, шилья из костей. Сохранились вкладыши, серповидные орудия, иволжистые наконечники копий, кинжал, скребки, подвески из клыков и в виде стилизованных птиц, орнаментированная пластина из бивня мамонта и скульптурка птицы, орудия из рога. Костяк был усыпан множеством бус из створок раковин. Интересны плоские изделия из кости и рога с утолщением на широком конце, напоминающие фаллосы. Инвентарь и орнамент находят аналогии в изделиях белькачинской и ымыяхтахской культур, что позволило датировать погребение рубежом III и II тыс. до н.э. (Кистенев, 1986. С. 32).

Еще одно погребение белькачинской культуры обнаружено у пос. Онньес на притоке р. Амги. Костяк лежал вытянуто на спине головой на юг. С ним найдены костяные игловидные острия с вкладышами из ножевидных пластинок, тесло, 3 костяных составных рыболовных крючка, наконечник стрелы, нуклеус и другие изделия, а также костяки лисицы и соболя. Погребенный, вероятно, был убит, так как в его тазовой кости застрял обломок игловидного костяного наконечника стрелы.

Бассейн Верхнего Вилюя

Бассейн Верхнего Вилюя был особой областью развития неолитических культур. Его положение между ареалами сылахской и белькачинской культур Якутии и неолитических культур Эвенкии, близких культурам Приангарья, сказалось на облике верхневилуйского неолита (Федосеева, 1968; 1970).

Ранний неолит обладал сходством с сылахской культурой, что нашло отражение в керамике, типах тесел и наконечников стрел. Есть между ними и ряд существенных отличий. Так, в раннем неолите Верхнего Вилюя отсутствуют резцы и микроорудия на пластинах, нет пластин со скошенным краем, крупных скребков подтреугольной и подчетыреугольной форм. Пока не обнаружены орудия рыболовства.

Для среднего неолита отмечено влияние белькачинской культуры. Однако в период позднего неолита, до распространения на Верхний Вилюй ымыяхтахской культуры, здесь существовало население, культура которого находит параллели в Приангарье. Для нее характерна керамика с рубчатыми отпечатками выбивания или гладкая, с жемчужным орнаментом. С этой культурой следует связать могильник у пос. Туой-Хая – 4 могилы, в которых лежало по одному умершему, захоронение черепа человека и черепа собаки. Умерших клали вытянуто на спине, головой на северо-восток, согнутая в локте правая рука помещалась на груди. Погребения засыпали охрой. Около одной из могил обнаружены остатки костра. В других случаях кострища находились над ямами, в которых были черепа, обожженные кости и большое количество охры, что свидетельствует об обряде кремации. Найдены составные наконечники копий с вкладышами из пластинок, черепки с рубчатыми отпечатками, овальный топорик-мотыжка с выемками у обушка, призматический нуклеус, наконечники стрел из массивных пластин и т.д. Инвентарь погребений, за исключением керамики, имеет ранний облик. Рубчатая выбивная керамика могла сосуществовать со шнуровой и с более поздними типами выбивной керамики. Гладкая керамика с “жемчужинами” в Прибайкалье считается раннеглазковской, а на Верхнем Вилюе, на многослойной стоянке Усть-Чиркуо, она залегает под слоем с ымыяхтахскими находками. Все это позволяет датировать поздний неолит Верхнего Вилюя первой половиной II тыс. до н.э.

Неолит Эвенкии

Случайные находки неолитических изделий на территории Эвенкии известны давно. Планомерные исследования вел здесь в 1963–1969 гг. Г.И. Андреев (1970). Материалы его раскопок и разведок остались в основном неопубликованными, но именно они позволяют проследить развитие неолитических культур таежных районов правобережья Енисея.

Находки на стоянках бассейна Подкаменной и Нижней Тунгусок показывают, что эта территория в период раннего неолита входила в область распространения культур сетчатой керамики. Наиболее исследованный памятник этого периода – многослойное поселение Тура А, расположенное при впадении р. Кочечумо в Нижнюю Тунгуску. Аллювиальные отложения содержат не менее 10 гумусно-углистых прослоек, к которым приурочены многочисленные кострища и находки. Благодаря вечной мерзлоте сохранились и древесные остатки. Обнаружено два уровня пней от срубленных в древности деревьев. Для всей толщи напластований характерен спорово-пыльцевой спектр растительности холодного и влажного климата. Господствовала тайга, состоящая из ели, сосны, пихты и лиственницы. Основными объектами промысла обитателей поселений были северный олень и реж лось. Встречены кости куницы или соболя и волка. Кости рыб и деревянные поделки, напоминающие поплавки для сети, свидетельствуют о рыболовстве.

В нижней половине культурных напластований керамика отсутствует, что может объясняться случайностью, так как и в верхних слоях черепки немногочисленны и плохо сохранились, но не исключено, что нижние слои относятся к докерамическому периоду. Каменный инвентарь во всех слоях довольно близок. Керамика нижних слоев представлена фрагментами горшков яйцевидной формы с сетчатыми отпечатками на поверхности. Они украшены под венчиком пояском маленьких ямок. Встречены черепки с гладкой, по-видимому, заглаженной поверхностью и с гребенчатым орнаментом. Есть черепки с оттисками плетеной, напоминающей грубую мешковину ткани.

Для бескерамических слоев и слоев, содержащих сетчатую керамику, характерны индустрия ножевидных пластинок, большое число крупных нуклеусов карандашевидного типа и уплощенных с двумя поверхностями скалывания по краям. Преобладают длинные массивные пластинки, маленькие тонкие пластинки малочисленны. Подавляющее большинство их использовано для изготовления орудий: концевых скребков, вкладышей, ножей, угловых резцов, листовидных наконечников стрел. Встречены отбойники из галек, песчаниковый выпрямитель древков стрел, костяные односторонние гарпуны с выступом для привязывания линя, обломок составного ножа с прямой основой и пластинчатыми вкладышами. Сырьем для изделий пластинчатой индустрии служили ороговикованные породы темно-серого, коричневого или зеленоватого цвета. Двусторонне ретушированные изделия встречаются и в бескерамических слоях, но в слоях с керамикой их больше. Это крупные прямоугольные вкладыши, листовидные наконечники копий и дротиков или кинжалы, треугольные с выпуклым лезвием

ножи, треугольно-черешковые, треугольные с чуть вогнутым, иногда асимметрично, основанием наконечники стрел. С сетчатой керамикой найдены шлифованные ножи с вогнутым лезвием, пришлифованные прямоугольные или трапециевидные в сечении топоры и тесла, треугольные в сечении “кирки” и большое число тесел с выделенными или слившимися с обушком выступами. Наряду с массивными концевыми скребками встречены скребки на отщепах, в том числе овальные.

В верхних слоях найдены черепки округлых горшков со шнуровыми и рубчатыми отпечатками от выбивания на поверхности. У рубчатой керамики отмечена примесь шерсти. На одном сосуде от пояса маленьких ямок косо спускались прочерченные линии узора. Такая орнаментация встречается на белькачинских и ымыяхтахских сосудах Якутии. Подобный горшок найден и на стоянке на р. Юнари – притоке р. Таймуры.

В верхних слоях, где обнаружена керамика с “тканевыми” и рубчатыми отпечатками, имеются изделия из халцедона и яшмы светлых тонов. Среди них треугольные и трапециевидные скребки, обработанные с двух сторон вкладыши, треугольные наконечники стрел, иногда вытянутых форм. Такие изделия в Якутии и Таймырском Заполярье относят к позднему неолиту – ранней бронзе. В верхних слоях начинают встречаться клиновидные формы нуклеусов.

На поселении Тура А найдены головка сломанной каменной рыбы и сланцевая плитка с углублением с одной стороны и процарапанными на другой стороне рисунками, в которых видят изображения лука и личины. Плитка, по-видимому, служила для растирания краски. Для этой же цели предназначался и маленький пестик. Найдены кусочки бересты и обгоревшие кости с прочерченными частями узоров, галька с рисунком, сделанным охрой.

Слои поселения Тура А с сетчатой керамикой по составу изделий близки к памятникам исаковско-серовского типа Приангарья и Верхнего Вилюя, но обладают рядом своеобразных черт, главным образом обилием орудий из пластин.

Среди материалов устья р. Кочечумо представлены также черепки сетчатого горшка с маленькими сквозными отверстиями, подобного сылахским. В устье Подкаменной Тунгуски найдена сетчатая керамика с валиками, аналогичная сылахской.

К раннему неолиту относится стоянка на территории пос. Тутончаны, открытая в 1983 г. Л.П. Хлобыстиным. На ней обнаружены керамика с сетчатыми отпечатками, отщепы, ножевидные пластинки и орудия из серого кремнистого сланца. Из крупных пластинок сделаны краевой ретушью наконечник стрелы и нож-скребок. Скребки изготовлены из крупных сколов. Некоторые пластинки имеют краевую ретуш и следы сработанности.

Таким образом, ранне-неолитические памятники Эвенкии сочетают в себе черты сылахской культуры Якутии и серовской культуры Приангарья.

Следующий этап неолита (III тыс. до н.э.) представлен небольшой группой керамики, которую трудно

увязать с определенными типами каменных изделий. В какой-то мере о новых тенденциях в изготовлении каменных орудий дают представление верхние слои поселения Тура А, содержащие тканевую и шнуровую керамику. По аналогии с соседними территориями к этому же периоду следует отнести сосуд со стоянки Тура I, с сегментовидным в сечении венчиком, напоминающим керамику развитого неолита с таймырских стоянок Маймече I и IV. На одной из стоянок у пос. Байкит на Подкаменной Тунгуске найдены черепки типично посольской керамики.

Интересны сосуды со стоянки Байкит I (Андреев, Фомин, 1964) с утолщенными и слегка скошенными внутрь венчиками, с краями, украшенными косыми линиями отступающей палочки. Под венчиком – поясok маленьких ямок. Стенки украшены линиями отступающей палочки, причем на некоторых черепках они комбинируются в разноугольные треугольники, плотно примыкающие друг к другу и образующие сплошной узор. Орнамент на некоторых черепках можно определить как зональный: это линии, от которых в противоположные стороны отходят под наклоном примерно в 60° ряды линий, сделанных отступающей палочкой. Г.И. Андреев датировал эту керамику концом III – первой половиной II тыс. до н.э., а В.Н. Чернецов (1964) сопоставлял ее с керамикой стоянки Козлов Мыс I в Тюменской обл. Он предполагал, что древние уральцы еще в IV тыс. до н.э. заселили среднее и нижнее течение Енисея, включая низовья его правобережных притоков, в результате чего урало-западносибирская культурная общность в эпоху неолита и бронзы захватывала и эти районы (Чернецов, 1971).

Байкитская керамика, несмотря на некоторое орнаментальное своеобразие, хорошо сопоставляется с культурно-хронологическим пластом, который образуют в Приангарье памятники с керамикой западноангарского

и усть-бельского типов, относящиеся ко второй половине III тыс. до н.э.

На стоянке Байкит I найдены фрагменты сосудов с еще одним типом орнамента (Андреев, Фомин, 1966). У них ряды наклонно расположенных отпечатков гребенчатого или гладкого штампа перемежаются с линиями зигзагов. Такая композиция узора известна на сосуде со стоянки Базаиха (Окладников, 1957) и некоторых сосудах ангарских стоянок. Типологически и, вероятно, хронологически горшки с таким узором заполняют разрыв между типами керамики VI и V слоев поселения Казачка. По-видимому, оба типа керамики стоянки Байкит I близки во времени или даже сосуществовали.

Трудно сочетать каменные изделия стоянки Байкит I с тем или иным из выделенных типов керамики. Здесь найдены треугольные с прямым основанием наконечники стрел, обломки ножей с выпуклой спинкой, прямоугольные шлифованные тесла, скребки на отщепах и концевые из массивных пластинок. Ножевидные пластинки использовались как ножи. Нуклеусы имеют призматические и конические формы. Набор каменных изделий близок по составу материалам верхних слоев Туры А.

Находки со стоянки Байкит I следует считать вариантом западноангарской неолитической культуры, возникшей во второй половине III тыс. до н.э. Примерно к рубежу III–II тыс., вероятно, относятся комплексы с рубчатой керамикой, проникшей в Эвенкию из районов, примыкающих к северной части Байкита, Верхней Лемы и Верхнего Вилюя. Вафельную керамику, найденную на стоянках Байкит I, Полигус и около пос. Тула, следует относить уже к периоду ранней бронзы и датировать второй половиной II тыс. до н.э., связывая ее появление в Эвенкии с распространением ымыяхтахской культуры. В то же время, в результате юго-западных контактов появляется в Эвенкии керамика, украшенная вертикальными гребенчатыми зигзагами и рядами ямок.

Неолит Таймырского Заполярья

Первые неолитические стоянки на Таймыре были раскопаны в 1945 г. А.П. Окладниковым (1947) близ пос. Хатанга. По находкам шнуровой керамики и каменным орудиям был сделан вывод о родстве неолитических культур Якутии и низовьев р. Хатанги. Начиная с 1967 г. археологические исследования в Таймырском Заполярье проводились Л.П. Хлобыстиным (1982). В результате этих работ удалось наметить общие черты в развитии неолитических культур самой северной части евразийского материка.

В IV тыс. до н.э. население Таймыра начало изготавливать сетчатую керамику. В нижних слоях стоянок Глубокое I, расположенной в системе Норильских озер, и Абылаах I на р. Хете найдены фрагменты небольших оваловидных горшков с отпечатками сетки на поверхности и пояском ямок у венчика. Вместе с керамикой залежали орудия (рис. 98), сделанные из ножевидных пластинок: концевые скребки, угловые резцы, вкладыши, небольшие листовидные наконечники стрел, призматические нуклеусы из яшмы и кремнистого сланца, скребки овальных очертаний, изготовленные из отще-

пов (рис. 98). Каменный инвентарь, имеющий несомненные черты сходства с мезолитическими изделиями Таймыра, свидетельствует, что стоянки принадлежали коренному населению, с течением времени освоившему изготовление керамики. Вероятным центром, откуда они могли усвоить навыки гончарства, была Эвенкия, поскольку таймырская раннеолитическая керамика отличается от сылахской отсутствием характерных для последней сквозных отверстий.

К III тысячелетию до н.э. относятся стоянки восточной части Таймыра со своеобразной керамикой. На р. Хете раскопаны стоянки Маймече I и IV, где найдены сетчатые горшки, имеющие на венчике сегментовидные в сечении валики (рис. 98), украшенные гребенчатыми отпечатками и рядом сквозных отверстий по краю. Это сближает маймечинскую керамику со шнуровой керамикой белькачинской культуры, но отпечатки сетки на ее поверхности говорят о сохранении раннеолитических традиций. Среди каменного инвентаря стоянок – треугольные и треугольно-черешковые наконечники стрел, вкладыши разных форм с двусторонней ретушью

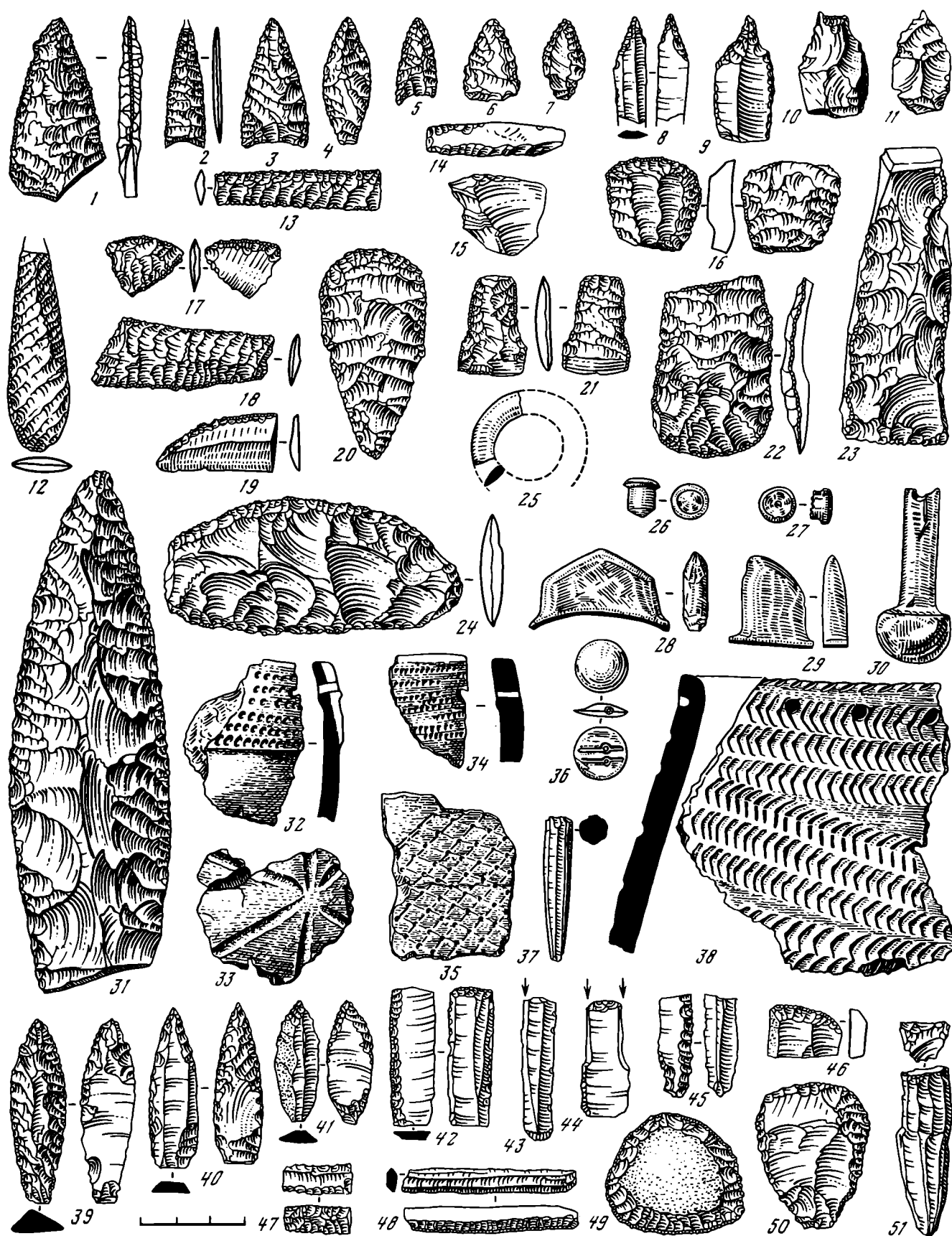

Рис. 98. Неолитические изделия Таймырского Заполярья. 1–38 – развитый неолит; 39–51 – ранний неолит

и клинки вкладышевых ножей, шлифованный нож с вогнутым лезвием, проколки из отщепов и ножевидных пластинок, долотце и тесла. На стоянках изготавливали также шлифованные прямоугольные тесла из галек кремнистого сланца. Наличие остатков смолы на крупных скребках свидетельствует, что их употребляли вставленными в рукояти. Имеются концевой скребок и аморфные скребки на отщепах. Ножевидные пластинки скалывали с нуклеусов призматических форм. Поделочными материалами служили халцедон, яшма, кремнистый сланец. Встречены украшения из стеатита: обломок кольца, пуговица с ушком, грибовидная подвеска (рис. 98, 30), аналогичная найденной в VI верхнепалеолитическом слое на поселении Ушки на Камчатке. Есть также губные украшения – лабретки (рис. 98, 28, 29).

Лабретки имеют прямые аналогии среди губных украшений, известных по раскопкам и этнографическим наблюдениям на Крайнем Северо-Востоке Азии и в Северной Америке. Вероятно, Восточная Сибирь была районом, откуда они проникли как на Таймыр, так и на север тихоокеанского побережья.

Небольшие площади стоянок Маймече I и IV, обнаруженный на одной из них округлый котлован небольшого жилища типа голомо, сохранивший несколько уровней пола, свидетельствуют, что стоянки были сезонными и принадлежали небольшим коллективам.

Появление на сетчатой керамике Таймыра валика,

утолщающего венчик, можно объяснить только прямыми контактами обитателей Таймырского Заполярья с носителями белькачинской культуры. О проникновении последних на Таймыр свидетельствуют находки шнуровой керамики в пос. Хатанга и на двух стоянках р. Пясины. С той керамикой следует связывать каменные орудия с характерной для белькачинской культуры диагональной ретушью, обнаруженные на разветвленных стоянках Восточного Таймыра. Среди них имеется типичный для этой культуры длинный наконечник стрелы с округлым основанием (рис. 98, 12). Исходя из дат белькачинских памятников Якутии, проникновение населения этой культуры на Таймыр приходится на III тыс. до н.э.

На западе Таймыра в конце этого тысячелетия люди изготавливали керамику байкитского типа. Фрагменты горшка, украшенного линиями отступающей палочки, которыми заполнены расположенные под углом друг к другу орнаментальные зоны, найдены на многослойном поселении Усть-Половинка на р. Пясины (рис. 98, 38). Анализ угля из кострища, в котором найдена керамика, имеет возраст 4060 ± 120 (JE-1017) (2110 до н.э.), что совпадает с датой байкитской керамики. Нахождение ее на р. Пясины объясняется приходом нового населения с территории Эвенкии.

Следующие по времени таймырские памятники относятся ко II тыс. до н.э. и связаны с ымыяхтахскими культурными комплексами.

Неолит Крайнего Северо-Востока Азии

В результате разведок и раскопок на территории Чукотского автономного округа открыто много стоянок голоценового возраста с каменным инвентарем, но без керамики (Диков, 1977; 1979). Последнее обстоятельство объясняется рядом причин. На некоторых стоянках с типично неолитическими формами орудий керамика могла не сохраняться, могла отсутствовать она и на временных промысловых стоянках, оставленных людьми, употреблявшими ее на других своих поселениях. Не исключено, наконец, что в то время, когда на большей части Сибири и Дальнего Востока распространилась керамика, в таких периферийных районах, как Чукотка и Камчатка, население в силу каких-то причин не пользовалось посудой из глины, тогда как каменный инвентарь уже имел неолитический облик. По Н.Н. Дикову, памятниками таких бескерамических культур эпохи неолита на Чукотке являются Амгуэма III, стоянка и тайник на оз. Эльгыгытгын, стоянки на Осиновой косе и на Осиновом холме. На этих стоянках IV–III тыс. до н.э. нет ни керамики, ни шлифованных орудий.

На сопке у оз. Эльгыгытган под валуном обнаружен клад более чем из 50 изделий – грубообитые большей частью с двух сторон орудия или заготовки, сделанные из одинаковых продолговатых плиток кремнистой горной породы. В состав клада входили наконечники удлиненой листовидной формы, скребки-ножи, листовидные клинки с широким основанием, которые могли служить как ножами, так и боковыми скребками, а также

похожие на наконечники однолезвийные ножи-скребла и орудия типа резцов и резчиков. На небольшой по площади стоянке, в 1 км от клада, найдены массивные скребла, полиэдрический резец, резцы на отщепах и пластинке, концевой скребочек на пластинке, обломок вкладыша, обработанный с двух сторон тонкой ретушью, ножевые пластины и отщепы.

Близкими по возрасту эльгыгытгынскому комплексу, если не более ранними, считаются материалы стоянки Амгуэма III. Там найдены ножевидные пластинки и большое количество отщепов, обломки ножей эльгыгытгынского типа, скребки, длинные ромбические в поперечном сечении и треугольные с прямым основанием наконечники. Эти находки сопоставляются с материалами IV слоя Ушковской стоянки на Камчатке. Высказывается предположение о существовании в конце III тыс. до н.э. единой камчатско-амгуэмской культуры, отличительной особенностью которой было сочетание пластинчатой каменной индустрии с ромбическими в поперечном сечении наконечниками стрел. Но находки в Амгуэме III, на Осиновой косе и Осиновой сопке – это подъемный материал, включающий разновременные изделия, частью и II тысячелетия до н.э.

Несомненно раннеолитической следует считать стоянку на мысу правого берега р. Анадырь у с. Усть-Белая. Здесь собраны обсидиановые ножевидные пластинки и черепки горшков с сетчатыми отпечатками. Обломки неорнаментированных сетчатых сосудов найдены и

на месте Усть-Бельского могильника. При раскопках стоянки Большой Нутенеут II в бассейне р. Анадырь обнаружена керамика с отпечатками сетки, украшенная рядом сквозных ямок, бордюром из косых крестов и, ниже их, двумя остросереберными треугольными в сечении валиками. Эту керамику сопровождали ножевидные пластинки, призматический нуклеус, шлифованное прямоугольное тесло, концевой скребок на пластинчатом отщепе, трехгранный напильниковидный наконечник стрелы с прямоугольным черешком (Кирияк, 1986). Все эти находки отражают влияние или непосредственное проникновение на Чукотку сылахской культуры.

На территории Усть-Бельского могильника при раскопках обнаружена и подобная белькачинской керамика со шнуровыми отпечатками. Она присутствовала и среди находок в погребении с бронзовым резцом кургана № 9. Фрагменты шнуровой керамики встречены вместе со срединным резцом, ножевидными пластинками и грубообработанным наконечником стрелы листовидно-черешковой формы и на стоянке Камешки, расположенной недалеко от Усть-Бельского могильника.

Во II тыс. до н.э. на Чукотке сложились две культуры: усть-бельская и северо-чукотская, по своей керамике и каменному инвентарю близкие к ымыяхтахской.

Неолит Камчатки

Особенностью неолитических памятников ряда районов Северо-Восточной Азии, в их числе и Камчатки, является полное отсутствие керамики, что заставило исследователей назвать их бескерамическими. Глиняную посуду начали изготавливать на юге Камчатки только во II тыс. до н.э. Поскольку в IV – середине II тыс. до н.э. большая часть Восточной Сибири, включая материковую часть Чукотки, вошла в круг типично неолитических культур, а в каменном инвентаре камчатских памятников этого времени появились изделия неолитических типов, ниже мы рассмотрим бескерамические памятники Камчатки, датированные указанным периодом (Диков, 1977; 1979). Среди них выделяются четкой стратиграфией многослойные поселения на Ушковском озере, в долине р. Камчатки у пос. Козыревка. Культурные слои поселений Ушки I, II и V разделены прослойками суглинка, супеси и вулканического пепла. Благодаря последнему можно синхронизировать культурные слои из разных пунктов. На поселениях в нижней части напластований выявлено три культурных слоя (V–VII), отнесенных к верхнему палеолиту. К бескерамическому неолиту относится IV культурный слой. Для него на поселении Ушки V получена дата 4200 ± 100 (МАГ-132) (2250 до н.э.).

Для IV слоя поселения Ушки характерно широкое применение ножевидных пластинок, одна из них обнаружена в пазу длинного костяного стержня. Основой для изготовления пластин служили призматические, конические и карандашевидные нуклеусы. Некоторые пластины достигали длины 16 см. Из них делали вкладыши, ножи, концевые скребки, черешковые наконечники стрел, срединные и угловые резцы. Наконечники стрел с двусторонней ретушью, линзовидные и ромбические в поперечном сечении, имели листовидную форму с четко выраженным острым черешком. Найдены листовидные ножи с двусторонней ретушью, обработанные сколами скребловидные тесла, овальный кусок вулканического туфа с продольными желобками с двух сторон, служивший абразивом, скребки с ретушированной спинкой. На стоянке Ушки II остатки деятельности людей образовывали скопление, густо насыщенное находками, площадью около 60 м², с кострищем в центре. На месте скопления, возможно, было наземное жилище.

Судя по радиоуглеродной дате 3875 ± 350 (МАГ-4)(1925 до н.э.), полученной для нижнего слоя стоянки Ключи I-б в долине р. Камчатки, к началу II тыс. до н.э. относится и залегающий в аналогичной этому слою литологической обстановке III слой стоянок Ушки I и II. Комплекс находок из этого слоя включал трехгранные сплошь ретушированные наконечники стрел, бесчерешковые и с выделенным черешком, имеющие аналогично среди напильниковидных наконечников стрел ымыяхтахской культуры II – начала I тыс. до н.э. В III слое найдены и ножевидные пластинки, иногда с краевой ретушью, отретушированные с двух сторон вкладыши, ножи на пластинах, обломок пластинчатого черешкового наконечника стрелы, боковой резец на пластинке, скребки из отщепов, обработанное сколами скребловидное тесло, проколки, двусторонне ретушированные листовидные ножи. Керамика отсутствует.

Тарьянская культура. Исследованиями Т.М. Диковой (1983) на юге Камчатки выделена тарьянская культура, развивавшаяся на протяжении 7 тысяч лет – с V тыс. до н.э. до середины XVII в. н.э. Эта культура считается принадлежавшей предкам ительменов.

К раннему периоду развития культуры относятся III слой стоянки близ устья р. Авачи и участок III на мысе Лопатка. В III слое стоянки Авача на глубине 1,7 м обнаружены остатки сгоревшего жилища, которое датируется 5200 ± 100 (МАГ-306) (3250 до н.э.). Жилище было наземным, с деревянным каркасом и, по-видимому, крыто берестой и присыпано землей. Пол был устлан берестой и связками травы. Поскольку жилище осталось недоисследованным, судить о его форме и размерах преждевременно. В III слое найдены орудия из обсидиана и кремня, кремневого или глинистого сланца, халцедона, кварцита. Они представлены шлифованными топорами и теслами, с острыми обушками, подтреугольными в поперечном сечении, наконечниками стрел и дротиков с трапециевидными черешками, обозначенными выступами по краям, ножами с выделенными рукоятками, скребками из отщепов, резцами на отщепе, резчиками и провертками на удлиненных пластинах. Привлекает внимание фигурка, сделанная при помощи ретуши из обсидиана, напоминающая белого медведя. Интересны фрагменты ткани из растительных волокон (Дикова, 1979).

Более поздние слои стоянки Авача и другие памятники

ки тарьинской культуры во многом повторяют находки из III слоя Авачи. На первом этапе развития тарьинская культура занимала только юг Камчатки и была синхронна ушковским памятникам неолита, а затем сменила их, распространившись и в долину р. Камчатки.

Памятники конца II тыс. до н.э. и более поздние, существовавшие до прихода русских, сохранили в большей мере неолитический облик инвентаря. На их основе выделяются культуры, отражающие процесс формирования древних предков ительменов и коряков.

Неолит Забайкалья

Забайкалье объединяет различные в природном отношении районы. Яблоновый хребет делит его на Восточное и Западное. Западное Забайкалье смыкается с Прибайкальем, а реки Восточного Забайкалья являются верховьями Амура. Для юга Забайкалья характерны лесостепные и степные ландшафты, продолжающиеся в Монголии. Таежный север Забайкалья гидрографическими системами Витима и Олекмы связан с Якутией.

Изучение неолита Забайкалья начато в конце XIX в. Ю.Д. Талько-Грынцевичем, А.П. Мостицем и А.К. Кузнецовым. В советское время неолитические памятники исследовали Г.Ф. Дебец (1930), А.П. Окладников (1977), М.М. Герасимов, Ю.С. Гришин. В последние годы в Бурятии и Читинской обл. развернулись работы местных археологов (Кириллов, Рижский, 1973; Ивашина, 1979; Семина, 1983). В связи с тем что намечается различие между неолитом Западного и Восточного Забайкалья, выработаны две параллельные периодизации для неолита этих территорий.

Л.Г. Ивашина делит неолит Западного Забайкалья на три этапа: мухинский (IV тыс. до н.э.), ниже-березовский (III тыс. до н.э.) и бухусанский (конец III – начало II тыс. до н.э.). Неолит Восточного Забайкалья делится на чиндантский (IV – начало III тыс. до н.э.) и будуланский (III тыс. до н.э.) этапы. Периодизации выработаны на основе аналогий с сопредельными территориями – Якутией и Прибайкальем.

В последние годы благодаря исследованиям многослойных поселений Студеное, Усть-Менза 1 и Алтан в южной части Западного Забайкалья, проведенным М.В. Константиновым, Л.В. Семиной и другими читинскими археологами, для Чикойско-Мензинской горно-таежной провинции удалось создать периодизацию развития существовавших здесь древних культур, имеющую значение и для других районов Западного Забайкалья.

Одним из важнейших памятников является поселение Студеное в среднем течении р. Чикой у с. Нижний Нарым, исследованное М.В. Константиновым. Вскрыто более 500 кв. м. выделен 21 культурный слой, охватывающий период от конца палеолита до эпохи бронзы. Девять слоев эпохи неолита залегают в пачке песчано-глинистых отложений, сформировавшихся в субаэральных условиях и перекрывающих аллювий I надпойменной террасы. Слои раннего (8,9) и среднего (6–7) неолита связаны с тонкими (от 1 до 10 см) черными прослойками, а слой позднего неолита (2–5) – с подперной супесью. Все слои отделены друг от друга стерильными прослойками.

Для раннего неолита (рис. 99, 31–43) характерны торцовые клиновидные микронуклеусы, обычные и гобий-

ские, микропластинки, в том числе с краевой ретушью, угловые и трансверсальные резцы, остроконечники из пластин, концевые и округлые скребки и скребла из отщепов, плоские овальные скребла с оббивкой по краям, чопперы из массивных галек, костяные вкладышевые двупазные основы. В раннем неолите сохранялись практически все виды орудий и нуклеусов, типичные для позднего мезолита, и использовалось то же сырье – черная кремнистая порода. Отделить слои раннего неолита от слоев позднего мезолита позволяет керамика, представленная обломками остродонного тонкостенного сосуда с отпечатками шнура на поверхности, сохранившимися от выбивания горшка лопаткой, обмотанной шнуром.

В слоях среднего неолита (рис. 99, 24–30) получает дальнейшее развитие техника ножевидных пластин, скальваемых с микронуклеусов. Архаичные гобийские формы нуклеусов использовались значительно реже. Исчезли из употребления трансверсальные резцы, но сохранились остроконечники из пластин. Наряду с традиционными чопперами начали применяться тесла. Для изготовления орудий все чаще употребляли яшму и халцедон. Круглодонные горшки изготавливали способом выбивания, но нити, обматывавшие колотушку, стали тоньше.

В поздненеолитических слоях Студеного найдены разнообразные формы торцовых нуклеусов. Для лезвий вкладышевых орудий широко употреблялись микропластинки. Из них же изготовлены угловые резцы, острия, многочисленные концевые и округлые микроскребки. Наконечники стрел подтреугольные, с двусторонней обработкой, с прямой или вогнутой базой или пластинчатые с угловой выемкой в основании (рис. 99, 1–4). Среди крупных изделий – скребла из отщепов, чопперы, топоры, тесла, песты, отбойники.

Сосуды открытой формы, с прямыми, иногда приостренными венчиками, с непрофилированными стенками и округлыми днищами. На черепках видны следы выжженной шерсти, служившей примесью к глине. Сосуды орнаментированы пояском из сквозных отверстий под кромкой венчика. Стенки украшены с помощью штампов, оставлявших прямые, гребенчатые и полулунные оттиски, образующие горизонтальные ряды. Появились узоры из горизонтальных линий, сделанные по принципу отступающей палочки. Узор иногда покрывает всю поверхность сосудов до самого днища. Сложные орнаментальные композиции расположены зонами. Техника выколачивания и обжиг сосудов стали более совершенными. Встречены плоские овальные керамические плитки длиной до 20 см – своеобразные “кухонные дощечки”.

Ранне-неолитические материалы Студеного находят

соответствия в 7–8 горизонтах поселения Усть-Менза 1, а средненеолитические дополняются находками из 6 горизонта этого поселения. Поздний неолит, кроме 2–5 слоев Студеного, характеризуют 3–5 горизонты Усть-Мензы 1, 9–15 Алтана, а также находки на поселении Черемушки на р. Хилок (рис. 99, 5, 6, 8–11, 13, 15, 18, 20).

Неолит юга Западного Забайкалья предстает по этим материалам как вырастающий из местной мезолитической студеновской культуры. Появление керамики, что соответствует началу неолита, определяется серединой V тыс. до н.э. Дальнейшее развитие материальной культуры носило прогрессивно-эволюционный характер на всем протяжении неолита и даже начала бронзового века, относимого к началу II тыс. до н.э. Это позволяет считать неолит рассматриваемого района единой культурой.

В других районах Западного Забайкалья развитие неолита было более сложным из-за влияния культур соседних территорий, что прослеживается по находкам на стоянках Мухино, Кибалино, Посольское и других памятниках.

На стоянке Мухино в долине р. Иволги у г. Улан-Удэ комплекс состоял из фрагментов круглодонных горшков со следами от выбивания лопаткой, обмотанной грубой тканью или нитями, обломков костяного гарпуна и вкладышевого ножа, чопперов, клиновидных нуклеусов, ножевидных пластинок и сделанных из них концевых скребков и проколов. Как и в Студеном, использовалась черная кремнистая порода.

В двух пунктах у Кибалина на Селенге обнаружены обломки посуды с отпечатками на поверхности шнура и сетки, клиновидные нуклеусы из галек лидита, ножевидные пластины и ножи из них, ножи из отщепов овальной формы, ретушированные по краю, и расколотые гальки (Ивашина, 1979а).

Возможно, в раннем неолите или, иначе, на мухинском этапе Западного Забайкалья сосуществовали два типа керамики – сетчатая и выбивная шнуровая, что отмечалось и на ряде ранненеолитических стоянок Байкала и Приангарья.

Для поселений развитого неолита (нижнеберезовский этап) характерны горшки со шнуровыми отпечатками, украшенные линиями отступающей палочки, насечками, оттисками гребенчатого штампа. Часто встречаются венчики с треугольным в сечении валиком – посольского типа. Каменные изделия представлены двусторонне ретушированными наконечниками стрел треугольной формы с прямым или вогнутым основанием, вкладышами, округлыми или с приострением для вставления в рукоятку скребками, коническими и клиновидными нуклеусами. Использовались халцедон, сердолик, яшмы, зеленые кремнистые породы. Встречены каменные и костяные стерженьки рыболовных крючков, острия и наконечники гарпунов из кости, галечные грузила с выемками для привязывания. На Посольской стоянке в дельте Селенги обнаружены ямы со скоплениями галечных грузил, рыбьих костей и чешуи. На селенгинской стоянке Нижней Березовке в неолитическом слое открыты очаги из камней и захоронения собак.

Неолитические обитатели Западного Забайкалья вели полуоседлый образ жизни и занимались сезонной охо-

той, рыболовством и собирательством. Охотились на благородного оленя, косулю, кабаргу, лося с помощью собак. Рыбу ловили сетями и используя составные крючки и гарпуны. Обработка продуктов собирательства проводилась с помощью пестов и плит-курантов.

В Западном Забайкалье известны могильники и отдельные захоронения. Ранним неолитом датируются погребения Фофановского могильника, о которых говорилось выше, при характеристике китойской культуры. К развитому неолиту следует, видимо, отнести I группу погребений Бухусанского могильника – в неглубоких ямах, прикрытых гранитными кладками, скорченные на правом боку, головой на северо-восток. В некоторых могилах была охра, фрагменты выбивных горшков с наклепными валиками на венчиках и шнуровыми отпечатками. Вместе с умершими положены составные вкладышевые ножи и кинжалы, односторонние гарпуны, наконечник копья из рога, отжимники, составные костяные рыболовные крючки, маленькие скребки, нуклеусы, ножевидные пластины, костяные шилья, проколки, ложила, игольник. Обнаружены мелкие бусы из кости и перламутра, подвески из клыков марала и кабана.

Скорченное погребение близ Тулду-Дабана сопровождало костяной вкладышевый нож, ножевидные пластины и терочник с рукояткой. В могиле в Новой Шишковке на территории Улан-Удэ захоронены женщина и ребенок, на спине, головой на северо-восток. С ними были украшения из клыка кабарги, два топора и кинжал или наконечник копья из зеленого нефрита. Отдельные захоронения обнаружены в Дунда-Кирети, Хамниготе, Повороте, у сопки Тологой, на р. Кудун близ улуса Могсохон, в Студеном. Интересно вторичное погребение у с. Кандабеево на р. Хилок. На дно могильной ямы глубиной 1,5 м, выкопанной от нижнего горизонта неолитического слоя, были уложены двумя прямоугольниками параллельно реке разрозненные кости двух женщин. Преобладали кости конечностей с намеренно обломанными эпифизами. На некоторых костях заметны погрызы хищника. Вместе с костями положены два резца тарбагана. Погребение засыпано охрой, а затем землей.

Наиболее ранний неолитический памятник в Восточном Забайкалье – поселение Чиндант на р. Ононе. Его культурный слой перекрыт шестиметровой толщей песков эолового характера. Раскопано 11 очагов, некоторые из них выложены гальками. Около них сосредоточены находки: скребки разных форм, треугольные с вогнутым основанием наконечники стрел, резцы срединного и бокового типа, проколки, нуклеусы, ножевидные пластины и орудия из них. Нуклеусы конические, призматические, подпризматические с резко скошенной площадкой, клиновидные и нуклеусы-скребки. Вкладыши из ножевидных пластинок, концевые скребочки, острия даурского типа, использовавшиеся в качестве проколов и наконечников стрел, проколки плечикового и клювовидного типов. Встречены крупные скребковидные орудия из галек, что сближает стоянку с памятниками гротатухинской культуры Среднего Амура (Васильевский, Кириллов, 1967). Горшки тонкостенные параболоидной формы с отпечатками колотушки, обмотанный шнуром и травой. Под гладко срезанным венчиком располагался пояс из небольших сквозных отверстий. Изредка

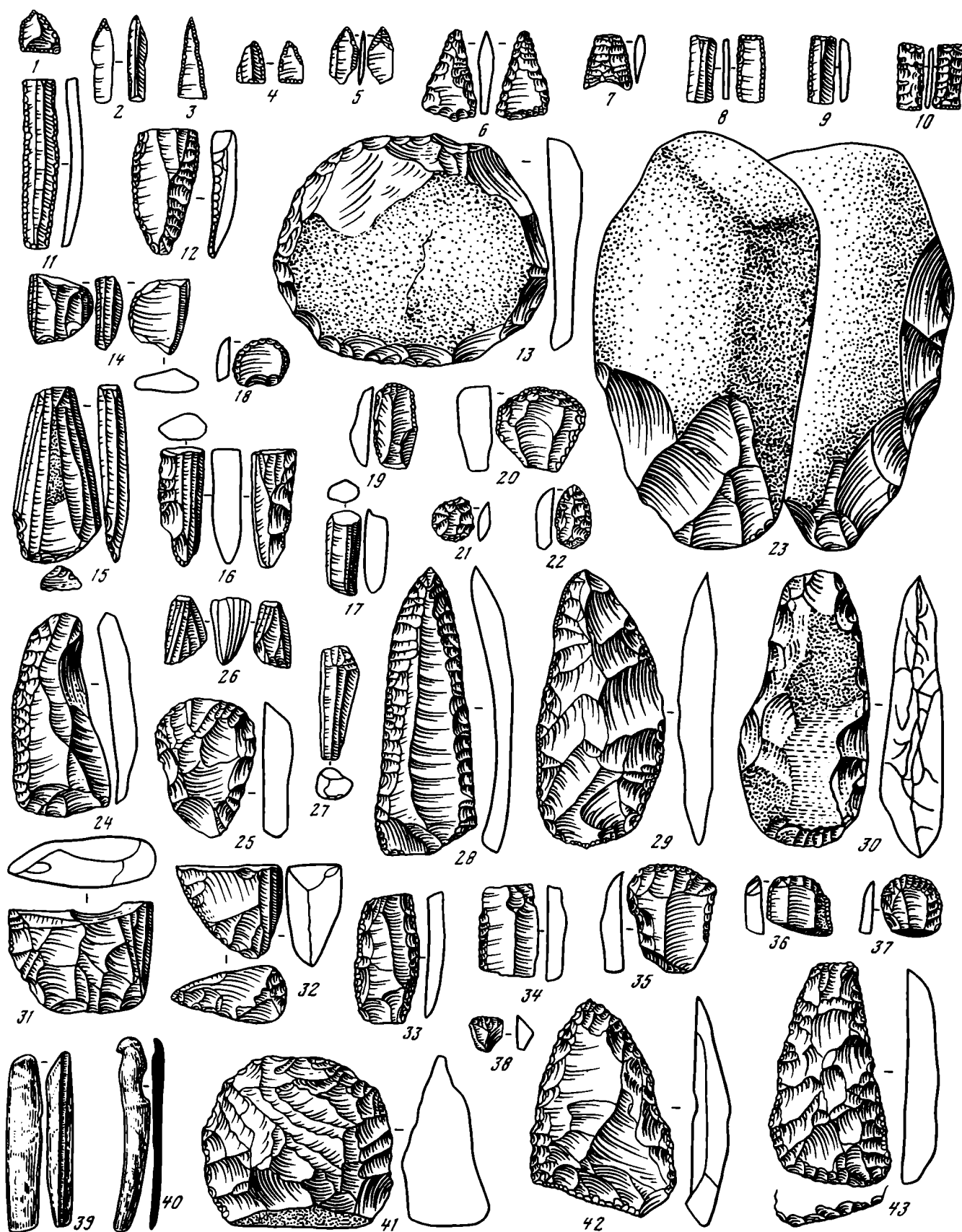

Рис. 99. Неолит Забайкалья, каменные изделия. 1–23 – поздний этап; 24–30 – средний этап; 31–43 – ранний этап

1–4, 7, 12, 14, 16, 17, 19, 21–23 – Студеное, слой 16; 5, 6, 8–11, 13, 15, 18, 20 – Черемушки, слой 16; 24–30 – Студеное, слой 2–7; 31, 36–41 – Студеное, слой 8 и 9; 32–35, 42, 43 – Черноярное

32–35, 42, 43 – Черноярное

верхняя часть сосудов орнаментирована рядами прочерченных линий или горизонтальными линиями, нанесенными палочкой с клиновидным концом. Обитатели стоянки Чинданд охотились главным образом на степных животных – куланов, диких лошадей. При раскопках найдены также кости косули, сурка-тарбагана и собаки.

Изредка в Восточном Забайкалье встречается сетчатая керамика. На стоянке Будулан найдены фрагменты сосуда с отпечатками мелкочешуйчатой сетки. Это, несомненно, раннеэнеолитическая находка.

К развитому неолиту (будуланский этап) относятся поселения Будулан и в пади Арын-Жалга на р. Онон, Доронинское 3 на Ингоде и др. В каменном инвентаре из пади Арын-Жалга сочетаются крупные тесловидные орудия из галек и миниатюрные изделия из ножевидных пластинок. Среди нуклеусов есть клиновидные, конические, преобладают экземпляры со скошенными ударными площадками, редки нуклеусы-скребки. Из ножевидных пластинок сделаны наконечники стрел, концевые скребки, проколки, вкладыши, пилочки и пластинки с мелкой ретушью на конце, служившие для нанесения узора на керамику, скребки разных форм и скобели из отщепов, шлифованные топоры. Из округлых кремнистых галек делали отбойники и песты с узкой рукояткой и овальным рабочим краем. Изделия в виде подтреугольной призмы со стертymi гранями и забитой рукояткой, вероятно, служили терочниками для растирания злаков и кореньев. Среди поделок из кости – проколки из грифельных косточек, плоские и игловидные наконечники стрел, штампы для орнаментации керамики, обкладка составного лука, иголки из рыбьих костей. Украшения представлены кольцом и подвесками из клыков мелких животных.

Сосуды имели слабо выраженный венчик и округлое дно. В одну группу выделяются горшки, поверхность которых покрыта отпечатками грубой ткани. Орнамент составляют ряды узких полулунных вдавлений, сочетающихся у края венчика с пояском сквозных отверстий, а также узор из узких горизонтальных рядов зигзагообразных вдавлений, покрывающих всю поверхность сосуда. Ко второй группе керамики относятся горшки, выбитые при помощи колотушки, обмотанной травой. Наиболее типичен орнамент из неглубоких желобчатых линий, образующих сверху сосуда комбинации треугольников, под которыми располагались ряды горизонтальных линий. Один сосуд украшен наклепным валиком, рассеченным вертикальными наколами палочки, другие – горизонтальными рядами частых гребенчатых вдавлений.

Объектами охоты были степная косуля, лось, изюбрь, заяц, сурок-тарбаган, кулан; из рыб чаще ловили сомов и серебристых карасей. Находки костей собаки, лошади и быка позволяют предполагать, что эти животные были прирученными. Находки пестов, терочников-курантов, дисков с отверстиями, которые могли служить утяжелителями для палок-копалок, позволяют ставить вопрос о зачатках земледелия.

На других стоянках будуланского этапа также наблюдается сочетание крупных грубо обработанных изделий из галек (чопперов, массивных скребел, те-

словидных орудий и пестов) с мелкими пластинчатыми изделиями. Резцы бокового и срединного типов, скребки и проколки из пластин, нуклеусы-скребки го-бийского типа редки. Преобладают клиновидные и конические нуклеусы. Появляются ножи подтреугольной формы с двусторонней ретушью, шлифованные топоры и тесла. Кроме параболоидных, изготовлялись и сосуды с суженной шейкой и шаровидным туловом. К отпечаткам шнура и травы, которыми обматывались лопатки для выбивания сосудов, добавились отпечатки грубой ткани. На венчиках появились утолщения, напоминающие утолщения посольской и белькачинской керамики, орнаментация налепными рассеченными валиками. В каменном инвентаре и керамике со стоянок Ингоды и Онона заметны отличия, свидетельствующие, видимо, о различиях этнографического характера в культуре коллективов, обитавших по берегам этих рек. В орнаментации керамики на Ингоде преобладают гребенчатые отпечатки, а на Ононе – узоры, сделанные узкой палочкой. Обитатели этих рек вели охотническо-собираТЕЛЬский полуоседлый образ жизни.

На поселении Доронинское 3 под одной из очажных кладок найдено захоронение человеческого черепа. В Молодовском могильнике на р. Шилке умерших хоронили в ямках под каменными кладками, скорченно на боку, головой на север. В одной могиле были погребены двое взрослых с двумя детьми, помещенными между ними. Инвентарь состоял из односторонних гарпунов, вкладышевого кинжала, тесла, скребков, пластинок и нуклеусов. Среди украшений – кольца из кости, раковин и нефрита, раковинные пуговицы. В восточных районах Забайкалья известно 6 отдельных захоронений, относимых к неолиту. К сожалению, они были большей частью разрушены (Гришин, 1972).

Рассмотренные памятники расположены в основном на юге Забайкалья. Как показывают находки костей на стоянках, их обитатели занимались преимущественно охотой и рыбной ловлей. Наблюдаются некоторые различия в объектах промысла, что обусловлено как сезонностью, так и экономическими причинами. В долине Селенги ловили в основном омулевых рыб, а у жителей Шилкинской пещеры среди добычи преобладал сазан. В коллекции из этой пещеры основное место занимают кости животных, обитавших в горно-лесной местности, на других памятниках – обитателей степных пространств. Можно предполагать, что в неолите климат в Забайкалье был более мягким, чем теперь, но на юге Забайкалья и тогда господствовали открытые, степные и лесостепные пространства. К таким районам относится течение Онона, где, как будто, прослеживается становление производящего хозяйства в неолите.

В северных районах Забайкалья, в бассейнах р. Витима, Олекмы, в неолите существовала таежная растительность. В забайкальском течении р. Витима обнаружен ряд стоянок среднего и позднего неолита. К развитому неолиту относится керамика с отпечатками шнура. Несколько моложе ее керамика с рубчатыми отпечатками на поверхности. Оба типа посуды изготовлены методом выбивания колотушкой. Для

Забайкалья характерны массивные пластины и орудия из них, трансверсальные резцы, конические, клиновидные и близкие к гобийским нуклеусы. На многослойных поселениях Усть-Каренги в неолитических слоях обнаружены микропластинки, трансверсальные резцы, призматические нуклеусы и керамика, украшенная оттисками зубчатого штампа. Примечательны узоры, сделанные по принципу шагающей гребенки.

В таежных районах р. Олекмы и рек бассейна Верхнего Амура обнаружены группы наскальных писаниц, относимых к неолиту (Окладников, Мазин, 1976). Среди них есть изображения лосей, напоминающие петроглифы Ангара и Верхней Лены (рис. 92, 1–11), но большинство сделанных охрой изображений – это фигуры оленей, выполненные в особом стиле, с параболоидными по очертаниям головами. Их контуры напоминают фигурку из кремня, найденную на поселении Туой-Хая на р. Вилюе. У животных иногда обозначены внутренние органы. Часть таких петроглифов датируется IV тыс. до н.э. На некоторых из них олени образуют, вместе со схематично нарисованными фигурками людей, сцены загон-

ной охоты, в которых вертикальные черточки тракуются как изгороди (рис. 92, 12, 16).

Подводя итоги рассмотрению неолита Забайкалья, можно отметить некоторые его особенности. Одна из них – длительное сохранение в каменном инвентаре традиции сочетания крупных галечных изделий и мелких пластинчатых орудий. Очень рано появляется и долго существует здесь керамика со шнуровыми отпечатками от выбивания. По-видимому, именно из Забайкалья она распространилась на соседние территории, где ей предшествовали другие типы посуды. Особенностью эпохи неолита Забайкалья был и обычай погребения умерших в скорченном положении. Преемственность, наблюдаемая в развитии культуры от мезолита до развитого неолита, позволяет предполагать длительное существование здесь автохтонного населения. Но поскольку Забайкалье граничит с различными историко-культурными областями – Прибайкальем, Якутией и Приамурьем, – районы, примыкающие к этим территориям, оказывались контактными зонами разных культур. В эпоху неолита Забайкалье, вероятно, составляло с Монголией единую историко-культурную область, где могло происходить формирование языков тунгусоманьчжурской группы.

Неолит Приморья и Приамурья

Юг Дальнего Востока является еще одним регионом своеобразных культур эпохи неолита и включает три области – бассейны Среднего и Нижнего Амура и Приморье. Для каждой из этих областей созданы связанные между собой периодизации культур, отличающихся от неолита Восточной Сибири и севера Дальнего Востока. Они тяготеют к культурам неолита Северной Кореи, Северо-Восточного Китая, Японии и Сахалина. На этих территориях Дальнего Востока фиксируется очень раннее появление керамической посуды. Так, в Японии оно связано с культурой раннего дзёмон, датируется второй четвертью XIII тыс. до н.э. и тем самым относится к концу плейстоцена.

К более раннему времени относится керамический горшок, найденный на поселении на утесе Гася на правом берегу Амура у с. Сикачи-Алян, расположенном ниже г. Хабаровска. Он плоскодонный, “ведраобразной” формы, с толстыми (1,5 см) стенками и прямым венчиком. Высота его около 35 см. Обжиг плохой. Стенки орнаментированы углубленными вертикальными полосками. Горшок залегал в суглинке, на глубине около 2 м от современной поверхности, вместе с кремневыми изделиями, аналогичными инвентарю осиповской мезолитической культуры Нижнего Амура и Приморья. Анализ угля из слоя, где залегали керамика и каменные изделия мезолита, дал радиоуглеродную дату 12960 ± 120 (ЛЕ-1781). Таким образом, эта керамика является в настоящее время самой ранней на Амуре и вообще на Дальнем Востоке (Окладников, Медведев, 1983). Эта находка расширила территорию дальневосточного центра формирования культур, начавших использование керамики еще в доголоценовое вре-

мя*. Ранний неолит вырастает здесь из местного мезолита и имеет глубокий возраст

Первые находки неолитических предметов были сделаны на Нижнем Амуре еще в XIX в. Широкое изучение неолита Приамурья и Приморья связано с именем А.П. Окладникова, который в 1935 г. провел первые раскопки неолитического поселения на острове Сучу на Амуре. Начиная с 50-х годов им и его учениками были организованы систематические исследования памятников Амура и Приморья, что позволило установить основные черты истории племен, обитавших здесь в каменном веке.

Неолит Приморья

Вдоль морского побережья Приморья протянулись хребты горной страны Сихотэ-Алинь, к западу от которой находится область Приханкайско-Нижнераздольнинской межгорной равнины. Она переходит на севере в Уссурийскую низменность, соединяющую внутриконтинентальную часть Приморья с Амуром. По долине р. Усури и вдоль морского побережья проходили пути, связывавшие неолитические племена Южного Приморья с населением Амура.

* Исследованиями последних лет установлено, что на отдельных памятниках Приморья и Приамурья керамика вместе с ретушированными наконечниками стрел и шлифованными орудиями встречается в культурных слоях палеолитического и мезолитического характера, датируемых от 14–13 до 8–7 тыс. л.н., т.е. фиксируется начиная с XII–XI тыс. до н.э. Наиболее ранние комплексы неолита в Японии датированы VIII–VII тыс. до н.э. В Приморье, Приамурье, Северо-Восточном Китае, на Сахалине ранний неолит определяется V–IV тыс. до н.э. (Андреева, 1994. С. 92; Кононенко, 1994. С. 117).

В среднем неолите выделяются две культуры – зайсановская и руднинская (кондонская), не обнаруживающие явной преемственности с предшествующими стоянками культуры Буссе. К последней одно время относили такие стоянки, как Горбатка 3 (верхний слой), Илистая I (нижний слой), Тимофеевка 3 (верхний слой) и Тимофеевка I (Кузнецов, 1981)*.

Зайсановская культура. Памятниками зайсановской культуры являются Олений II, нижние слои поселений Олений III и Кировский I, расположенные на правом берегу р. Артемовки близ ее впадения в Шкотовский залив (Окладников, 1959в; Бродянский, 1977).

Найдены многочисленные отходы производства каменного инвентаря, отбойники и отжимники из продолговатых галек. Основным сырьем служили обсидиановые гальки, а также кремнистый сланец, шифер и вулканический туф. Из туфа и обсидиана изготавливали правильные ножевидные пластины. Среди каменных орудий имеются проколки, скребки, двусторонне обработанные наконечники стрел. Треугольные ножи делали из широких пластинчатых сколов со скошенным лезвием. Шиферные ножи треугольной формы обрабатывали сколами и ретушью. В Кировском I найден шиферный нож Г-образной формы, напоминающий ножи европейской Арктики. Изредка из шифера делали наконечники стрел. Для топоров и тесел использовали зеленокаменные вулканические породы и сланцы. Наиболее тщательно шлифовалась рабочая часть орудия, остальная поверхность слегка пришлифована. Тесла односторонние, выпуклые в поперечном сечении, с выпуклым лезвием, сужающиеся к обушку. Маленькие, в форме вытянутой трапеции мотыги из сланца, терки с короткими и узкими терочниками-курантами предполагают знание земледелия (Бродянский, 1977).

Керамика представлена плохо обожженными горшками с плоским дном и выпуклыми стенками. На Оленьем III имеются сосуды с прямыми, воронкообразными стенками. Под венчиком иногда налеплялся валик, волнистый или с насечками. В Кировском I горшки украшали вертикальными рядами резных зигзагов по всей поверхности. Орнаментация керамики Оленьего I разнообразнее и состоит из прочерченных треугольников, заполненных волнистыми и радиально расходящимися линиями, отпечатков намотанного на палочку шнура, наколов палочки и ногтя. Есть узор из спиральных завитков, заполненных мелкими ямками-наколами. Из глины делали пряслица в виде одного или двух соединенных оснований конусов, поверхность которых украшалась так же, как и сосуды. В Оленьем III найдена миниатюрная керамическая фигурка человека. Жилищами служили подпрямоугольные в плане полуземлянки с неглубокими котлованами.

Рассмотренные поселения выделяются Д.Л. Бродянским (1975; 1977; 1979) в I и II этапы зайсановской культуры (иначе – культуры гребенчатой керамики). Название культура получила по Зайсановской стоянке (иначе – Гладкая I), где наряду с поздними комплексами найдены и ранние материалы. Зайсановской культуре соот-

ветствует распространенная на Корейском п-ове культура Гунсан. Зайсановская культура делится на 3 (по новым данным, на 5) этапа. Д.Л. Бродянский считает, что ранние слои зайсановской культуры могут датироваться IX–VII тыс. до н.э., а последний этап началом II тыс. до н.э. Столь длительное существование одной культуры маловероятно. Скорее всего, ею представлена линия развития нескольких родственных культур.

Находки из верхнего слоя поселения Олений III и неолитические слои стоянок Олений I и IV дают представление о дальнейшем развитии зайсановской культуры. В Оленьем I раскопано 25 полуземлянок, занимавших гребень и склон невысокого холма и образующих ступени-террасы. Котлованы жилищ четырехугольные, площадью от 8 до 45 кв. м. В некоторых прослежен вход, обращенный к реке. Очаги располагались у одной из стен в углублении в полу. В больших домах выявлены следы 4–8 столбов, которые ставили в два ряда по краям центральной площадки шириной 2 м. На полу жилищ найдены зернотерки и куранты, мотыги с выделенным для крепления в рукояти черенком. В специальных ямах стояли сосуды, похожие на высокие конические вазы или амфоры с узкой горловиной (рис. 100, 21–27). Кроме них есть пиаловидные чаши, глубокие миски, горшки с выпуклыми в верхней части стенками и намеченной горловиной, стаканчики и миниатюрные сосудики. Посуда плоскодонная, тонкостенная, с примесью мелких зерен кварца, внутри иногда имеет следы лощения. В орнаментации продолжали использоваться резные вертикальные зигзаги, покрывающие большую часть поверхности сосуда. Их наносили зубчатым колесиком, гребенчатым штампом или наколами. Традиционно употребляли спиралевидные и треугольные узоры. Появляется меандровый орнамент. На днищах горшков иногда вырезан рисунок в виде жилок древесного листа, что характерно для зайсановской культуры. Этот мотив встречается и на керамике среднего и позднего дзёмона на Японских островах и в Корее, что указывает на связи Приморья с этими территориями.

В одном из жилищ Оленьего I найдены фигурки рыб – глиняная с отверстием для привязывания и каменная, изображающая камбалу. В другом жилище оказалась глиняная фигурка черепахи. Каменные изделия представлены наконечниками стрел, ножами, скребками и скреблами, вкладышами, шлифованными рубящими орудиями, имеющими одну плоскую, а другую выпуклую стороны. Встречаются шлифованные изделия из шифера, в том числе ножи, наконечники стрел и копий.

На стоянке Гладкая I в устье р. Гладкой, у пос. Краскино, на крайнем юге Приморья, найдены три типа керамики. Первый – высокие и узкие горшки с прямыми стенками, расширяющимися от плоского дна к прямым или слегка отогнутым венчикам (рис. 100, 39, 45). Вторым типом – пиаловидные сосуды с прямыми или прикрытыми венчиками (рис. 100, 36, 43, 44), украшенные наклепным валиком у венчика, резными вертикальными зигзагами, треугольниками с косыми нарезками внутри, наколами. У сосудов третьего типа узкое дно, выпуклые стенки и суженная шейка, венчик отогнут наружу. Посередине их украшает лента меандра, заполненного косыми гребенчатыми оттисками (рис. 100, 37). Поверхность

* Позднее эти памятники отнесены к устиновской палеолитической культуре, вероятно, к ее позднему этапу (Кононенко, 1994. С. 114).

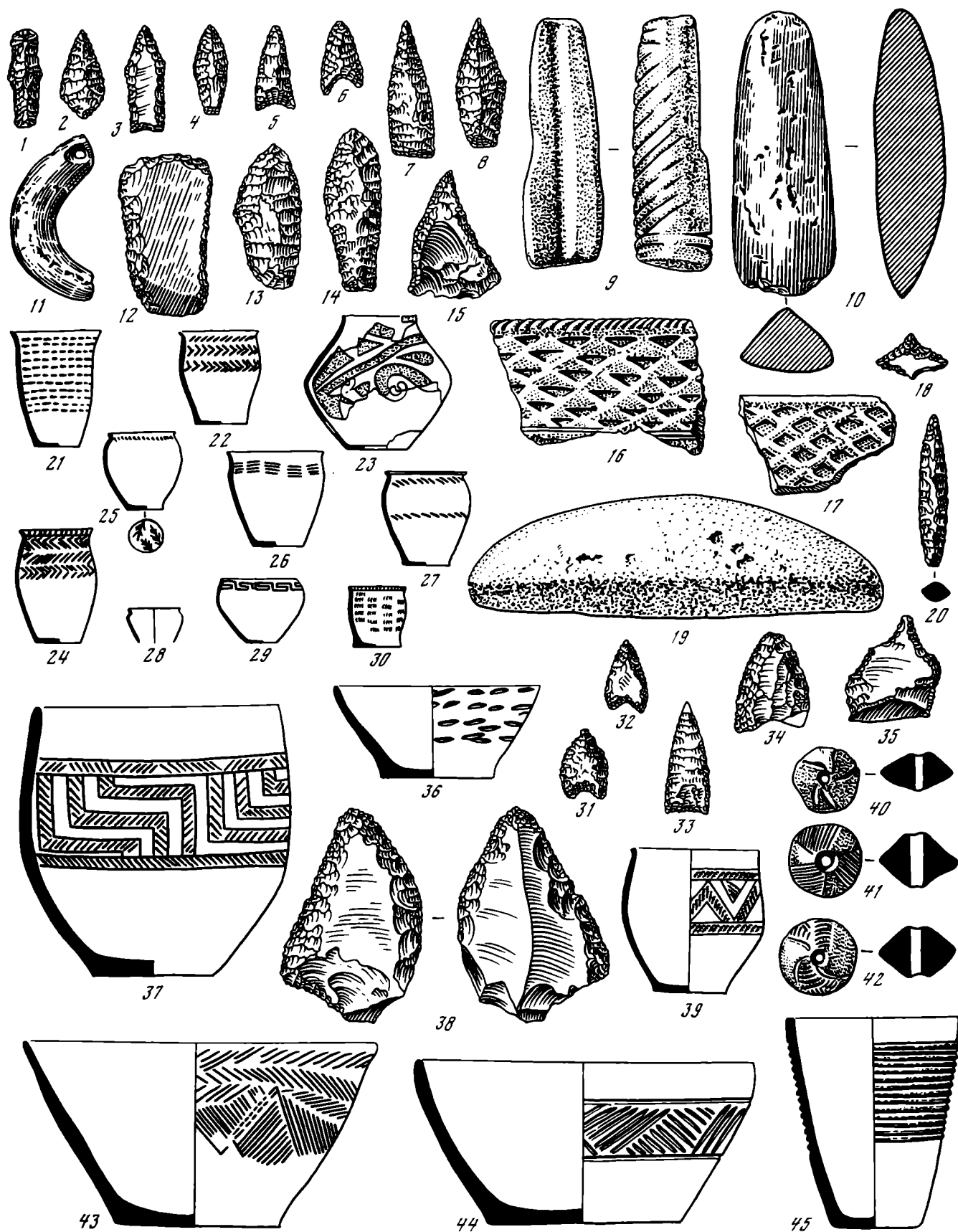

Рис. 100. Неолит Приморья

1-19 - Рудное; 20 - Осиновка; 21-27 - Олений I; 28, 29 - Кроуновка; 30 - Олений II; 31-45 - Гладкое I

сосудов лощеная. Есть глиняные пряслица (рис. 100, 40–42).

Крупные, овальные в сечении топоры делали из сланцевых пород. Для мелких орудий использовался обсидиан. Наконечники стрел (рис. 100, 31–34) удлиненно-треугольные со слегка выпуклыми сторонами, основание вогнутое, при этом иногда образовывались асимметричные жальца. Представлены короткие и широкие наконечники с асимметрично вогнутым основанием, с выделенным черешком и подромбической формы. Есть проколки и провертки, (рис. 100, 35), характерные ножи из широких пластинчатых отщепов, у которых один или оба края обработаны ретушью. Некоторые ножи своей треугольной формой напоминают мустьерские острокопечники (рис. 100, 38). Найдена зернотерка ладьевидной формы. Материалам стоянки Гладкая I аналогичны находки из третьего слоя поселения у с. Кроуновка, уже в континентальной части Приморья.

В Приханкайской низменности исследована стоянка Синий Гай. На высокой крутой сопке под слоем бронзового века обнаружены остатки неолитических жилищ, построенных на скальном основании. Открыто около 150 жилищ, расположенных на семи террасовидных уступах сопки. Часть их раскопана. Найдены плечиковые мотыги, топоры и тесла, подтреугольные ножи, прямоугольные вкладыши, наконечники стрел из обсидиана и халцедона, широкие прямоугольные скребки из шифера. Изредка встречались ножевидные пластинки, хотя нуклеусы не найдены. Сырьем для изготовления орудий служили гальки обсидиана, халцедона и других пород. Наконечники стрел делали из шифера и кости. Обнаружено много просверленных каменных булав, которые могли служить как боевое оружие и для глушения крупных рыб. Много изделий из кости – наконечники стрел и дротиков, кинжалы, иглы, шилья, целые и составные рыболовные крючки, долотца, ложки, скобели, рукоятки орудий, лопаточки для заглаживания швов и лощения керамики, роговые кочедыки для плетения. Есть бусы из позвонков рыб, сверленные подвески из зубов, украшения из расщепленных клыков кабана, сверленные диски из халцедона, глиняные пряслица и подвески, иногда вылепленные в виде зооморфных фигурок. Есть антропоморфные фигурки из кости и глины, а в жилище № 12 найдена вырезанная по сырой глине керамическая личина бородатого мужчины с искривленным ртом и монгольским разрезом глаз, напоминающая изображения на петроглифах Нижнего Амура. Керамика однообразна – широкогорлые плоскодонные горшки разных размеров и чашечки-пиалы. Сосуды украшены наклепными валиками, вертикальными зигзагами и широкими криволинейными прочерками.

К заключительному этапу зайсановской культуры относятся памятники (Кировка I, Синий Гай II, Гладкая II) с керамикой, на которой получили широкое развитие меандровые узоры. На поселениях этой культуры найдены кости оленей, косуль, кабанов, птиц и рыб, а также домашней свиньи. Создатели зайсановской культуры были охотниками и рыболовами, а те, кто обитал у морского побережья, могли заниматься и сбором моллюсков, крабов и водорослей. Найдены терок и курантов говорят о том, что обитатели Южного Приморья употре-

ляли в пищу орехи и съедобные растения. Некоторые исследователи неолита Приморья считают, что мотыги свидетельствуют о существовании уже в III тыс. до н.э. земледелия. Происхождение земледелия связывают с более южными районами (Окладников, 1959в), так как на севере Кореи в памятниках типа Гунсан находки проса относятся к среднему неолиту. Кости домашней свиньи указывают на животноводство. Наличием земледелия и разведением свиней объясняют оседлость носителей зайсановской культуры, хотя экономической основой оседлости могло быть и рыболовство*.

В континентальной части Приморья одним из древних неолитических памятников, возможно, предшествующим появлению здесь зайсановской культуры, является второй слой стоянки на Осиновском холме, расположенном у р. Осиновки к северо-востоку от г. Уссурийска. Следов землянок здесь нет. Судя по сложенному из кусков гранита очагу правильной округлой формы, жилища, видимо, были наземными типа чума или шалаша. Для стоянки характерны крупные глиняные сосуды с прямыми в верхней части стенками, плавно сужающимися книзу. Днища не обнаружены. Орнамент у венчиков – в виде широкой полосы, составленной из расположенных в шахматном порядке ромбических или узких овальных ямок, напоминающей имитацию плетенки (“амурская плетенка”), – характерен для керамики севера Приморья и Нижнего Амура и сохранился в орнаменте амурских народностей. Край венчика сосудов иногда украшали косые насечки. На некоторых сосудах имеются полосы, сделанные зубчатым колесиком или широкой гребенкой. Встречены и черепки сосудов, украшенные линиями отступающей палочки.

Сырьем для каменного инвентаря были обсидиан, кремнистый сланец и вулканический туф. Наконечники стрел и дротиков удлиненно-линовидной формы тщательно обработаны с обеих сторон. Встречаются широкие листовидные клинки, которые могли служить наконечниками копий и ножами-кинжалами. Шлифованные крупные топоры и миниатюрные тесла изготавливали из зелено каменной породы. У них округлое лезвие и симметричное овальное или линзовидное сечение. Никаких следов земледелия или животноводства во втором слое Осиновки не найдено. Скорее всего, неолитические обитатели холма были охотниками и рыболовами. По своей культуре они близки племенам севера Приморья, и потому можно предполагать, что до появления в Приханкайской низменности носителей зайсановской культуры этот район входил в область распространения северных неолитических культур.

Руднинская культура. Орудинской культуре Северного Приморья дают представление материалы, полученные при раскопках в бассейне р. Рудной, на поселениях Рудная Пристань, Чертовы Ворота, Моряк Рыболов и др. Двухслойное поселение Рудная При-

* Гипотеза о существовании дальневосточного очага раннего земледелия в неолите была обоснована А.П. Окладниковым и Д.Л. Бродяжским (1969). Доказательством служили некоторые типы орудий, например мотыги и зернотерки, а также находки обгорелых зерен чумизы на памятниках эпохи бронзы. Эту точку зрения не разделяют другие исследователи (Андреева, 1994).

тань* находилось на мысу, у подножия которого протекают р. Рудная и Монастырка. В нижнем слое, как и в жилище “Чертовых Ворот”, оказались обломки сосудов, имеющих у венчика орнаментальный пояс из вдавленных ромбов с вогнутыми сторонами или из треугольников (рис. 100, 16, 17). Выступающие над углублениями полосы образуют подобие плетения. Каменные шлифованные тесла из нижнего слоя – выпуклые с одной стороны и плоские с другой. Наконечники стрел удлинненно-треугольные, с вогнутым основанием и иногда с асимметричным жалом. Из вулканического туфа и кремнистых сланцев сделаны ножи и прямоугольные вкладыши для составных ножей и кинжалов, обработанные двусторонней ретушью.

В верховьях р. Кривой, притока р. Рудной, в известняковых отложениях правого борта долины на высоте 20 м находится пещера Чертовы Ворота. Она состоит из двух залов, первый из которых был местом неоднократного заселения в древности. Полагают, что обитатели принадлежали к одной археологической культуре. От последних обитателей пещеры сохранилось больше всего культурных остатков и, главное, сгоревшее жилище. Оно было построено на покатом глинистом полу пещеры, который был выровнен и углублен примерно на 25 см (Татарников, 1983). Площадь жилища 45 кв. м, форма в виде неправильного четырехугольника. В полу жилища на некотором расстоянии от стен прослежены ямки от столбов. Вдоль стен и радиально относительно центра лежали сгоревшие бревна – остатки стен и кровли. В центре был прямоугольный очаг, обложенный с трех сторон тонкими жердями. В углу жилища лежали костяки пяти человек, вероятно, погибших во время пожара. Пожар и пещерный микроклимат сохранили предметы из органических материалов: фрагменты шитых из бересты изделий и небольшого деревянного сосуда, об-

струганные палочки, подвески и другие поделки из раковин, обрывки плетенок и крученных веревочек из волокон, изделия из кости. Среди последних – два наконечника копий с асимметрично расположенными шипами, гарпуны, шилья, проколки, иглы и игольники, штампы для украшения керамики, оправы вкладышевых орудий и наконечники с прорезью для каменного острия. Из клыков кабана сделаны режущие инструменты и подвески, на конце одной вырезано изображение нарвала. Среди каменных изделий шлифованные наконечники стрел и тесла, двусторонне ретушированные наконечники копий, дротиков и стрел, ножи. Найдены скребки, скобели, проколки, резчики и резцы, сверла, плита и бруски для шлифовки, выпрямители древков стрел, отбойник, оббитые гальки, пластинки и сколы с призматических нуклеусов, шлифованное прясловидное изделие. Из кости и раковин сделаны цилиндрические бусы и различные подвески, среди которых кольцо с перемычкой, подобное сергам культуры дзёмон*.

Сосуды, в том числе 12 полностью реконструированных, – плоскодонные, вылеплены ленточным способом, содержат примесь песка и дресвы. Они подразделяются на три основных типа. К типу I отнесены сосуды без горловины, вытянутых пропорций, высотой до 40 см, с диаметром менее высоты. Они составляют до 80% посуды. К типу II принадлежат сосуды с выделенной горловиной воронковидной или цилиндрической формы, их высота от 8 см до 18 см, при диаметре горла 7,2–13,6 см. Тип III является промежуточным. Поверхность сосудов обмазывалась глиной и обрабатывалась инструментом с мягкой рабочей поверхностью (Жушиховская, 1991). Чуть ниже края расположен орнамент чаще всего в виде плетеньки, нанесенной ромбическими, реже треугольными штампами, иногда сочетающимися с оттисками гребенчатых штампов и краев раковин, отпечатками тонкого витого шнура, наколами отступающей палочки, круглыми и овальными ямками. Некоторые сосуды орнаментированы только налепными горизонтально и вертикально расположенными валиками – прямыми, волнистыми, рассеченными или перевитыми подобно шнуру. Разнообразно представлены объекты охоты. Кости рыб немногочисленны.

Из найденных на поселении останков 5 людей один череп опубликован Т.С. Балуевой (1978), три черепа описаны в статье В.П. Алексеева (1991). Среди определенных индивидуумов представлены подросток 12–13 лет, женщина 50–60 лет, мужчины 18–20 и 40–50 лет. Установлена их принадлежность северо-азиатским монголоидам байкальской группы, что позволяет предположить близость населения руднинской культуры к современному тунгусо-маньчжурскому населению Приамурья и Приморья. В.П. Алексеев (1991) предполагает, что

* Поселение Рудная Пристань, давшее название руднинской культуре, находится вблизи от морской бухты Рудная (бывш. Тетюхэ). Памятник открыт в 1953 г. отрядом Дальневосточной экспедиции А.П. Окладникова. В составе отряда были Р.В. Козырева, Э.А. Новгородова, С.В. Ошибкина, Ю.В. Сазонов. На мысу террасы, у подножия которой р. Тетюхэ принимала правый приток р. Монастырка, были открыты 20 жилищных впадин, в одной из которых сделана поперечная траншея. В 1955 г. экспедицией А.П. Окладникова произведены раскопки на 304 кв. м, вскрыты два жилища позднего неолита. Памятник вошел в литературу как поселение Тетюхэ, в дальнейшем был переименован.

В последние годы экспедицией В.И. Дьякова здесь вскрыто 2444 кв. м и ряд жилищ (Дьяков, 1992). Установлено, что поселение заселялось в раннем и позднем неолите, а также в эпоху бронзы. К раннему неолиту относятся три жилища прямоугольной и квадратной формы, с округленными углами, площадью 7, 20 и более 70 кв. м (№ 1, 2, 3). В центре этого поселения выявлена площадка округлой формы, выстеленная окатанным и битым камнем, диаметром 16 м. Считается, что здесь происходила производственная деятельность, в частности обработка камня. Для жилища 2 получены даты по углю – 7390 ± 100 (ГИН-5984), 7550 ± 60 (ГИН-5631), 7690 ± 80 (ГИН-5983) (Дьяков, 1992, С. 56). Они определяют возраст раннего поселения второй половиной VI тыс. до н.э. Таким образом, оно является самым древним в руднинской культуре.

Поздненеолитическое поселение состояло из жилищ округлой или подквадратной формы, площадью 12–20 кв. м, некоторые имели котлован из двух ступеней. Всего раскопано 8 жилищ. Это поселение относится к зайсановской культуре (см. выше) и датировано 4040 ± 40 (ГИН-5630), 4130 ± 40 (ГИН-5980), 4000 ± 60 (ГИН-5981), 4030 ± 40 (ГИН-5982), т.е. рубежом III–II тыс. до н.э.

* Украшения из пещеры Чертовы Ворота являются важной частью коллекции и насчитывают 175 экз. Они сделаны из кости, раковин и камня. Более всего изделий из раковин (80 экз.) – подвески-нашивки, бусы, браслеты. Украшения из кости (84 экз.) состоят из нашивок и бус, в числе последних изделия из зубов животных, подвески языковидной и долотовидной формы, бусины витые, цилиндрические. Среди каменных изделий (кварц, опал, халцедон) – подвески, бусы, кольцо с пропеллом, подобное украшениям, широко известным в неолите Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана (Горшкова, 1991).

байкальский комплекс признаков мог сформироваться первоначально в южных районах Дальнего Востока.

Чертовы Ворота – один из ранних памятников руднинской культуры. Деревянные детали двух жилищ датированы 6825 ± 45 (СОАН-1212), 6575 ± 45 (СОАН-1083), 6380 ± 70 (МГУ-504), т.е. первая половина V тыс. до н.э.

К числу памятников, содержащих сосуды, украшенные “амурской плетенкой”, двусторонне обработанные орудия и незначительное число изделий из ножевидных пластин, кроме Чертовых Ворот, нижнего слоя Рудной и поселения на Осиновском холме, относятся Петровичи и Сиротинка в Приханкайской низменности и поселение в бухте Моряк-Рыболов, которые имеют более молодой возраст. Наличие таких памятников в Приморье и их сходство с памятниками кондонской культуры Нижнего Амура ставит вопрос об их соотношении с этой культурой (Бродянский, 1975). Поскольку рассматриваемые памятники Приморья датированы VI – концом III тыс. до н.э., а их аналогии на Нижнем Амуре – первой половиной III тыс., закономерно предположить, что памятники кондонского типа на Амуре отражают влияние или непосредственное проникновение туда населения Приморья.

В бухте Рудной, на месте древней охотничьей стоянки с чертами северной культуры, в позднем неолите возникло большое поселение, которым оставлен верхний культурный слой. К нему относится около 20 жилищ-полуземлянок, прямоугольных в плане, со столбами, поддерживающими кровлю. Площадь котлованов до 100 кв. м. В одном из жилищ по бокам оказались ямы для хранения пищи, а в середине – несколько небольших очагов; очевидно, здесь хранили и приготавливали пищу*.

В другом жилище, площадью около 36 кв. м, в центре был очаг. По краям площадки прослежены ямки от столбов, поддерживавших кровлю. С двух сторон были оставлены ступенчатые уступы, шириной до 1 м, а выше их по всему периметру углубления имелся еще один ступенчатый уступ шириной 2–2,5 м, возвышавшийся над полом на 60–80 см. Он оконтурен с внешней стороны ямками от столбов, служивших основой стен. Непосредственно за ними располагался крутой уступ, оконтуривший котлован полуземлянки. Его очертания имеют подквадратную форму со скругленными углами. Ступенчатые уступы, вероятно, служили сиденьями-нарами. На них найдены каменные орудия (тесла и наконечники стрел), отходы от их обработки и развалы плоскодонных сосудов.

Форма сосудов и их орнаментация (рисунки листьев на днище, валик, имитирующий шнур, вертикальные гребенчато-пунктирные зигзаги, криволинейные резные узоры) близки зайсановским. Сходство наблюдается и в каменном инвентаре. Найдена широкая зернотерка. На ее нижней выпуклой стороне – орнаментальная кайма с лабиринтообразными фигурами по углам, выполненная выбитыми желобками. Куранты верхнего слоя Рудной (рис. 100, 19) имеют дугобразную спинку и скошенную на одну сторону рабочую грань. Находки зернотерки и курантов не всегда являются доказательством земледе-

лия. Эти изделия могли служить для растирания корней и орехов. Орехи дальневосточного кедра найдены в очажном слое второго жилища.

Основой существования обитателей стоянки, вероятно, были охота и рыболовство. Найдены разнообразные наконечники стрел (рис. 100, 2–8) и копий, ножи (рис. 100, 13–15), скребки, выпрямитель древков стрел (рис. 100, 9). Шлифованные тесла с приподнятой спинкой (рис. 100, 10) и овальные в сечении делали из сланца. Есть небольшое тесло из белого нефрита. Орудия из такого нефрита распространены в Восточной Сибири, в Прибайкалье и Забайкалье, откуда, вероятно, и попало в Рудную это тесло, своим плоско-овальным сечением напоминающее китайские изделия. Найдено изображение птицы из кремнистого отщепы и напоминающая чело-вечка поделка из халцедона (рис. 100, 1). Украшения представлены длинными цилиндрическими бусинами и подвеской из зеленого халцедона, по форме напоминающей кабаньей клык (рис. 100, 11). Встречены два типа пряслиц – биконические и в виде дисков с трубчатой шейкой. На днищах сосудов есть отпечатки хорошо из-готовленной ткани.

Комплекс верхнего слоя Рудной отражает проникновение на север носителей зайсановской культуры, относящееся к концу III – началу II тыс. до н.э. Судя по находкам в нижнем слое Рудной и в пещере Чертовы Ворота, Северное Приморье до этого времени было связано с культурой Нижнего Амура.

Неолит Нижнего Приамурья

На Нижнем Амуре благодаря раскопкам на многослойном поселении у с. Вознесенского выявлено три этапа в развитии неолита, соответствующие трем различным культурам: малышевской, кондонской и вознесенской (Окладников, 1972; Окладников, Деревянко, 1973а).

В верхней части напластований обнаружена керамика мохэской и польцевской культур железного века. Остатки поселения конца II тыс. до н.э., представленные узкогорлыми вазами с высокой шейкой, лощеными сосудами и кладом из четырех заготовок односторонне выпуклых тесел, залегали в серой супеси на месте древнего жилища. К этому слою, видимо, относятся шиферные наконечники стрел и прямоугольные в поперечном сечении топоры. В нижележащей желтой супеси расчищены котлованы жилищ и в одном из них найдены обломки сосудов с гребенчато-пунктирным узором в виде вертикальных зигзагов, по которому прочерчены спирали. С этим комплексом керамики связаны интереснейшие фрагменты сосудов с личинами на лощеном красном фоне (рис. 101, 11, 12), а также шлифованные наконечники стрел с двусторонней ретушью, вкладыши для ножей. Этот комплекс, наряду с находками на острове Сучу и в других местах, послужил основой для выделения вознесенской культуры.

Сильно отличались от этого комплекса изделия из второго неолитического горизонта. В относящемся к нему жилище, прорезавшем два нижних культурных слоя, оказались семь колечек из белого нефрита, наконечник стрелы, крупное шлифованное тесло и керамика с ти-

* Раскопки А.П. Окладникова.

Рис. 101. Петроглифы Нижнего Амура (1–10, 13–25) и изображения на сосудах (11, 12)

1–6, 9, 10, 13–22, 24 – Спикачи-Алян; 7, 8 – Калиновка; 11, 12 – Вознесенское поселение; 23, 25 – Шереметьевское

пичным для неолита Нижнего Амура орнаментом из тисненых ромбиков, образующих “амурскую плетенку”. Вторую группу керамики представляют фрагменты, украшенные у венчика наклепными валиками, рассеченными косыми вдавлениями палочки, обмотанной шнуром. Под этими валиками был пояс ромбических ямок, размещенных подобно сотам, а еще ниже – выполненный вдавлениями палочки узор из меандровых полосок. Некоторые венчики украшены горизонтально расположенными волнистыми наклепными валиками, плотно примыкавшими друг к другу. Уникальна грушевидная керамическая погребушка с ямочным орнаментом. Внутри ее находятся камешки.

Среди каменных изделий шлифованные тесла, овальные и односторонне выпуклые в сечении, несколько наконечников стрел, скребков, вкладышей из ножевидных пластинок, и нуклеусы с негативами таких пластинок. Комплекс аналогичен находкам на поселении Кондон у г. Комсомольска и потому отнесен к кондонской культуре.

В двух нижних культурных слоях Вознесенского, отделенных от вышележащих стерильной прослойкой, оказались изделия, ближайшие аналогии которым найдены на однослойном поселении в с. Малышево у Затона и на ряде других поселений. Этот комплекс, характеризующийся своеобразной керамикой со “штампованным” узором, позволил выделить наиболее древнюю на Амуре неолитическую культуру, получившую название малышевской. Керамика из нижних горизонтов Вознесенского делится на две группы. В первую входят фрагменты сосудов с богатым штампованным узором, часто расположенным в виде вписанных треугольников. Иногда он выполнялся палочкой, обмотанной круто перевитым шнуром. Поверхность сосудов нередко была ярко-красной и лощеной. Выделяется плоскодонный приземистый горшок с прямым венчиком и выпуклым туловом, на котором поверх горизонтальных линий, напоминающих шнуровые отпечатки, прочерчен меандровидный орнамент.

Вторая группа – обломки горшков усеченно-конической формы, украшенные поясами вертикально поставленных прямых и коротких вдавлений гребенчатого штампа. Такой тип керамики получил название зонально-гребенчатого. В нижних слоях найдено много кремневых изделий, миниатюрных по размеру, обработанных отжимной ретушью. Для нижнего слоя Вознесенского получена дата 5115 ± 160 (Bln-698) (3165 г. до н.э.).

В районе с. Малышева раскопано полуподземное неолитическое жилище, что подтверждается датой 4875 ± 120 (Bln-699) (2925 г. до н.э.). Комплекс включал в себя обломки больших слабо профилированных горшков и небольших чашевидных сосудов. Они украшены гребенчатым штампом и тонкими глиняными жгутиками, образующими ромбическую сетку – “амурскую плетенку”. Нередко плетенка делалась на фоне гребенчатых отпечатков, нанесенных зубчатым колесиком.

Орудия изготовлены из ножевидных пластинок, сколотых с призматических галечных нуклеусов, отщепов и сколов. Пластиночные наконечники стрел в основном иволистные, обработанные по краям тонкой ретушью. Пластины, служившие вкладышами, ретушированы по

одному краю. Ножи обработаны двусторонней мелкой ретушью. Шлифованные топоры овальные или односторонне выпуклые в поперечном сечении, грузила из крупных базальтовых галек с двумя выемками на концах.

Памятники малышевской культуры распространены в нижнем течении Амура от Хабаровска до Николаевска. К их числу относятся, кроме нижнего слоя Вознесенского и малышевского жилища, поселения у Амурского санатория в Хабаровске, у с. Казакевичево и у Бычихи на р. Уссури. Эта культура в целом характеризуется двумя типами керамики. К первому относятся сложно профилированные плоскодонные горшки, богато орнаментированные штампами. Некоторые сосуды имеют на поверхности отпечатки колотушки, обмотанной шнуром. Отдельные сосуды покрывали красной краской. Второй тип составляют слабопрофилированные сосуды, нередко усеченно-конической формы. Основным их орнаментом – горизонтальные пояса гребенчатого штампа.

При раскопках поселений малышевской культуры встречаются подпризматические и призматические нуклеусы, иногда – нуклеусы-скребки и наконечники стрел из пластинок. Вместе с ними находят ножи, вкладыши, скребки и скребла, сделанные из специальных заготовок путем двусторонней обработки. Много односторонне выпуклых и овальных в поперечном сечении шлифованных топоров и тесел. Обитатели амурских берегов, создавшие малышевскую культуру, видимо, были оседлыми рыболовами и охотниками, строившими полуподземные жилища. Датируют малышевскую культуру IV тыс. до н.э.

В первой половине III тыс. до н.э. малышевскую культуру сменила кондонская. Известны поселения этой культуры у с. Кондон, Бычиха, Иннокентьевка, на острове Сучу. Плоскодонная керамика ее разнообразна, но особенно характерен орнамент из “амурской плетенки”, часто нанесенный на сетчатый фон внешней поверхности сосудов. Своеобразны ведрообразные горшки с широким венчиком, украшенные различными комбинациями спирального орнамента, плетенки и меандра. Гребенчатые отпечатки на некоторых сосудах образуют ряды вертикальных зигзагов, встречены наклепные рассеченные валики. Нередко на одном сосуде комбинируются разные виды орнамента. Изысканная орнаментация сосудов свидетельствует о развитых эстетических вкусах их творцов. О том же говорит и высокий художественный уровень исполнения глиняной скульптурки, найденной в Кондоне. Это бюст женщины с ярко выраженным тунгусским антропологическим типом лица. В жилищах кондонской культуры находят и украшения – бусы и подвески, нередко нефритовые.

Среди находок обычны нуклеусы-скребки, призматические и карандашевидные нуклеусы, концевые и боковые скребки на пластинах, проколки, ножи и вкладыши для составных орудий, наконечники стрел иволистные и черешковые. Пластиночных изделий гораздо меньше, чем сделанных из отщепов и сколов при помощи двусторонней обработки. Тщательно отделанные ретушью наконечники стрел, проколки, скребки, ножи, вкладыши составляют основную часть находок. Тесла и массивные топоры обрабатывали шлифованием.

При раскопках поселения в Кондоне изучена группа

из 15 тесно расположенных котлованов больших округлых полуподземных жилищ (Окладников, 1983). У края котлована вне его, а иногда и в полу жилища, у стенок, прослеживались столбовые ямы. Такие же ямки от столбов, на которые опиралась кровля, находились и в центре жилища, около очага. Углистое заполнение очагов обычно имеет прямоугольную форму, что свидетельствует о существовании деревянной рамы, окаймлявшей очаг. В некоторых котлованах очагов нет, вероятно, эти дома использовали как хранилища. В одном из них вдоль стен стояли сосуды. Тут же найдена упомянутая выше скульптура, возможно, изображающая покровительницу общины, а на полу – каменное изделие в виде фаллоса.

Оседлый образ жизни носителей кондонской культуры был обусловлен рыболовческим хозяйством. На поселениях часто находят грузила из галек с желобком или отверстием на одном конце, служившими для привязывания. В Кондоне найдены узкие гальки со смолой на концах, употреблявшиеся, видимо, для просмаливания лодок. О занятиях охотой свидетельствуют находки наконечников стрел и копий.

Возраст поселения в с. Кондон определен 4520 ± 25 (ГИН-170) (2570 г. до н.э.). Значит, время существования кондонской культуры – первая половина – середина III тыс. до н.э.

Заключительный этап неолита Нижнего Амура – конец III – первая половина II тыс. до н.э. – представлен вознесенской (или нижеамурской) культурой. К ней относится верхний неолитический горизонт Вознесенского, находки на острове Сучу, в с. Тахта. В конце III тыс. эта культура распространилась с Нижнего Амура в нижнее и среднее течение Уссури и вверх по Амуру до Благовещенска, т.е. в Среднее Приамурье. Поэтому, прежде чем перейти к описанию памятников вознесенской культуры, рассмотрим культуры, существовавшие на Среднем Амуре до ее появления.

Неолит Среднего Приамурья

Здесь выделено три неолитических культуры. Древнейшую из них – новопетровскую – датируют VI–V тыс. до н.э. (Деревянко, 1970). Облик ее каменного инвентаря мезолитический (рис. 102). Основой для изготовления орудий служили правильные пластинки, сколотые с призматических и клиновидных нуклеусов. Из них делали наконечники стрел, обрабатывая ретушью только острие или скругляя углы основания. Иногда ретушь наносилась по всему периметру изделия и наконечникам придавались листовидные очертания. Своеобразны наконечники, у которых около насада на краях сделаны глубокие выемки для крепления к древку (рис. 102, 1). Из толстых, почти квадратных в сечении пластин или из тонких, но широких, изготавливали острия, возможно, служившие наконечниками дротиков (длина 6–11 см). Многочисленны ножи и вкладыши для ножей, достигающие в длину 10 см. Есть угловые, срединные и боковые резцы, орудия с диагональным резцовым сколом (“арайя” или “верхоленские резцы”). У концевых скребков круглая ретушь оформляла округлое, прямое или скошенное лезвие. Выделяется группа концевых скребков с очень узким рабочим лезвием, изготовленных на изогнутых

пластинках или краевых сколах, что придает им клювовидную форму. Некоторые пластины с крутой ретушью на краях служили боковыми скребками или скобелями. Ряд пластин с выемками на краях мог употребляться как скобели.

Встречаются комбинированные орудия: ножи-резцы, ножи-скребки, скребки-резцы, проколки-сверла. В ряде случаев сработанные нуклеусы использовали как скребки, отбойники и отжимники. Немногочисленные ретушированные отщепы применяли в качестве скребков и режущих орудий. Рубящие орудия представлены топорами, асимметрично-овальными в поперечном сечении теслами и орудиями типа мотыг, обработанными грубыми сколами. Массивные трапециевидные или миндалевидные мотыги из вулканического туфа, сланцев и мелкозернистых пород обработаны сколами и подправлены ретушью.

На поселениях новопетровской культуры найдены точильные камни и наковальни из сланца, отбойники из длинных галек. Поодиночке и скоплениями встречены грузила – небольшие гальки с выемками для привязывания. В Новопетровке II обнаружено округлое грузило весом 2 кг с биконическим отверстием в центре и желобком для крепления, а в Константиновке – грузило в форме гири с высверленным в верхней части отверстием. Это грузило весом несколько килограммов, вероятно, употреблялось как якорь для сети или рыболовецкой ловушки.

На поселениях новопетровской культуры керамика встречается редко, обычно в виде отдельных фрагментов (рис. 102, 38–41). Остатки одного большого горшка и фрагменты от других сосудов найдены в жилище № 8 Новопетровки I. Сосуд “ситулообразной” формы, с плоским дном, диаметром по венчику 25 см и по дну 12 см, высотой 38 см. Керамика новопетровских поселений изготавливалась из глины с примесью дробленого камня, песка или растительности. Стенки и венчики прямые, изредка край отогнут наружу. Поверхность украшена наlepными прямыми валиками, рассеченными поперечными нарезками. По облику эта посуда напоминает, с одной стороны, раннюю керамику культуры дзёмон (Япония), что позволяет предполагать более древний возраст новопетровской культуры и очень раннее появление керамики. С другой стороны, она близка поздненеолитической осиноозерской керамике и некоторым образцам валиковой керамики эпохи бронзы.

Носители новопетровской культуры были оседлыми охотниками и рыболовами. У с. Константиновка исследованы остатки полуземлянки. На берегу р. Дунайки, притока Амура, на поселении Новопетровка II выявлено около 20 жилищ, из них раскопано 8. Новопетровка I и II, по-видимому, образовывали один поселок, состоявший не менее чем из 25 полуземляночных прямоугольных в плане, со скругленными углами жилищ. Размеры котлованов 30–45 кв. м, при глубине 0,4–0,7 м. Внутри жилищ обнаружены ямы от столбов. Один их ряд находился у стенок котлованов, а второй окаймлял расположенный в центре очаг. Кровля имела, вероятно, форму усеченной пирамиды. Спуска в котлован не обнаружено. Возможно, входили и выходили из жилища через дымовое отверстие. Кроме центрального очага с деревянной

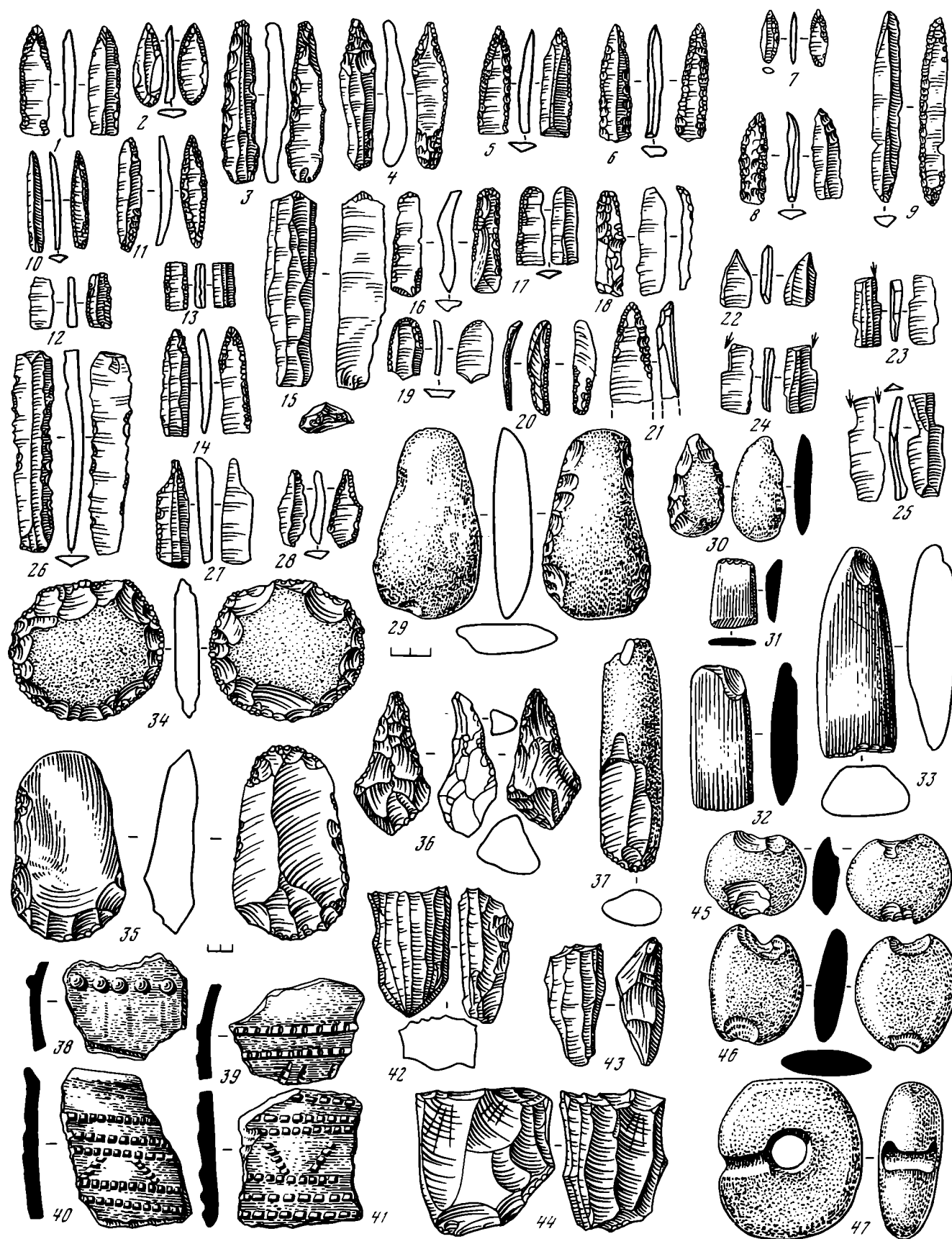

Рис. 102. Изделия новопетровской культуры (1-47)

обкладкой иногда в углу жилища устраивали второй очаг. Исследователи новопетровской культуры считают, что она генетически связана с устиновской мезолитической культурой.

К иной мезолитической культуре – осиповской – восходит вторая культура – громатухинская (Окладников, Деревянко, 1977). Памятники ее распространены в основном в бассейне р. Зеи. Это поселения у сел Сергеевка, Горный, Нылга и Кумары, у пади Калашникова, в устье р. Громатухи. Сначала громатухинскую культуру рассматривали как сменяющую новопетровскую и датировали IV – началом III тыс. до н.э., но позднее хронология была уточнена. Сейчас ее относят ко второй половине V–IV тыс. до н.э. Предполагается, что в мезолите племена осиповской культуры, продвигаясь от района Хабаровска на Средний Амур, встретились с носителями новопетровской культуры и вынуждены были расселиться на Зее и Верхнем Амуре, где создали громатухинскую культуру. В III тыс. до н.э. на Среднем Амуре ее сменила осиноозерская. Разнообразие типов керамики и некоторые локальные, а возможно, и хронологические различия в каменном инвентаре громатухинских поселений объясняются длительным существованием и широким распространением культуры.

Яркий признак громатухинской культуры – широкое употребление галек для изготовления орудий. Из них делали тесловидно-скребловидные инструменты, обработанные с одной стороны сколами и мелкой краевой ретушью, а с другой сохранившие естественную поверхность. Обычно форма этих орудий близка к высокой трапеции, но встречаются и изделия миндалевидной и лавролистной формы. Для последних характерна почти полная обработка поверхности сколами, галечная поверхность оставлена лишь у обушка. В двух нижних слоях поселения в устье р. Громатухи найдены гальки со сколами, напоминающие неолитические чопперы, и скребла полулунных или округлых очертаний из крупных галечных сколов, обработанных по краю.

Крупные с двусторонней обработкой наконечники копий и дротиков имеют листовидную форму, как и наконечники стрел, но среди них есть экземпляры и с прямым или вогнутым основанием. Встречены треугольные наконечники с асимметрично вогнутым основанием. Ножи (лавролистные, миндалевидные и асимметрично листовидные) тщательно ретушированы, с линзовидным сечением, некоторые до 12–20 см длины и, может быть, употреблялись как кинжалы. Из узких и длинных галек делали отбойники и нуклеусы – призматические, клиновидные, торцовые, конические. Своеобразный тип нуклеусов получил наименование “эпилевалуазский”. Ударная площадка таких нуклеусов образует с поверхностью снятия пластин угол в 30–50°.

Отщепы и орудия из них количественно преобладают над пластинчатыми изделиями. Из пластин делали, например, концевые и двухконцевые скребки, но их мало, больше округлых или подтреугольных скребочков с ретушью почти по всему периметру. Заготовками для них служили отщепы или мелкие желваки. Из длинных пластинчатых сколов делали языковидные скребки. Скребки с узким высоким рабочим концом изготовлены из краевых сколов с нуклеусов. Скобели делали из сколов с

галек, реже – из пластин. Рабочий край у них образован крутой или пологой ретушью. Большинство резцов – срединные, с несколькими резцовыми сколами, изготовленные из сколов. Найдены вкладыши с двусторонней ретушью, проколки и сверла. Иногда для этих орудий использовали и пластинки. Нередки каменные комбинированные орудия, объединяющие несколько функций. Есть украшения из нефрита – бусина с коническим отверстием, эллипсовидная плоская подвеска с тремя отверстиями, биконически просверленными по оси поделки, обломок диска с биконическим отверстием у края.

Громатухинские грузила – гальки с небольшими выемками на двух противоположных краях. Одно массивное грузило имело в центре биконическое отверстие. Грузила сосредоточены лишь в верхнем слое. Там же встречено орудие подцилиндрической формы из кварцевой гальки. Плоская поверхность забита и затерта, что свидетельствует об использовании изделия в качестве песта и терочника.

Керамика, отнесенная к громатухинской культуре, весьма разнообразна (рис. 103). Внешняя поверхность некоторых черепков покрыта текстильными и “ложно-текстильными” отпечатками, у других – следами выбивания при помощи колотушки, обмотанной шнуром и нитями из травы. Встречена и гладкостенная посуда. Различны и приемы орнаментации. Видимо, в громатухинский комплекс включено несколько разновременных и разных по происхождению типов керамики.

Для выбивной керамики с отпечатками шнура или травяных нитей характерны венчики с утолщением по краю (рис. 103, 50–52), иногда с сегментовидным или трапециевидным сечением. Орнамент – неглубокие наколы и гребенчатые отпечатки. На Громатухинском поселении такая керамика в основном встречена в нижнем слое. Она близка к белькачинской керамике Якутии и посольской Прибайкалья, отличаясь своеобразной орнаментацией и отсутствием сквозных отверстий у края венчика.

Ко второму типу следует отнести керамику с “ложно-текстильными” (вафельными) отпечатками на поверхности. Вероятно, с этим типом связаны черепки, орнаментированные по принципу “отступающей лопатки”.

Еще один тип образуют многочисленные сосуды с гладкой поверхностью и тонкими наlepными валиками с насечками (рис. 103, 48). Отметим и керамику с “текстильными” отпечатками. Встречены также обломки горшков, украшенных пунктирными оттисками гребенки, оттисками более крупного гребенчатого штампа, прочерченными линиями. Некоторые сосуды Громатухинского поселения были плоскодонными. Найден обломок плоского керамического диска (диаметр 5 см) с отверстием в центре, так называемое “пряслице”.

Основным источником добывания пищи у создателей громатухинской культуры была охота. На поселениях, расположенных в таежной зоне, встречается большее число крупных охотничьих орудий – наконечников копий и ножей, а на поселениях степной зоны преобладают наконечники стрел. Это объясняется специализацией в приемах охоты в разных экологических условиях. Залегание грузил на Громатухинском поселении позволяет предполагать, что рыболовство стало широко приме-

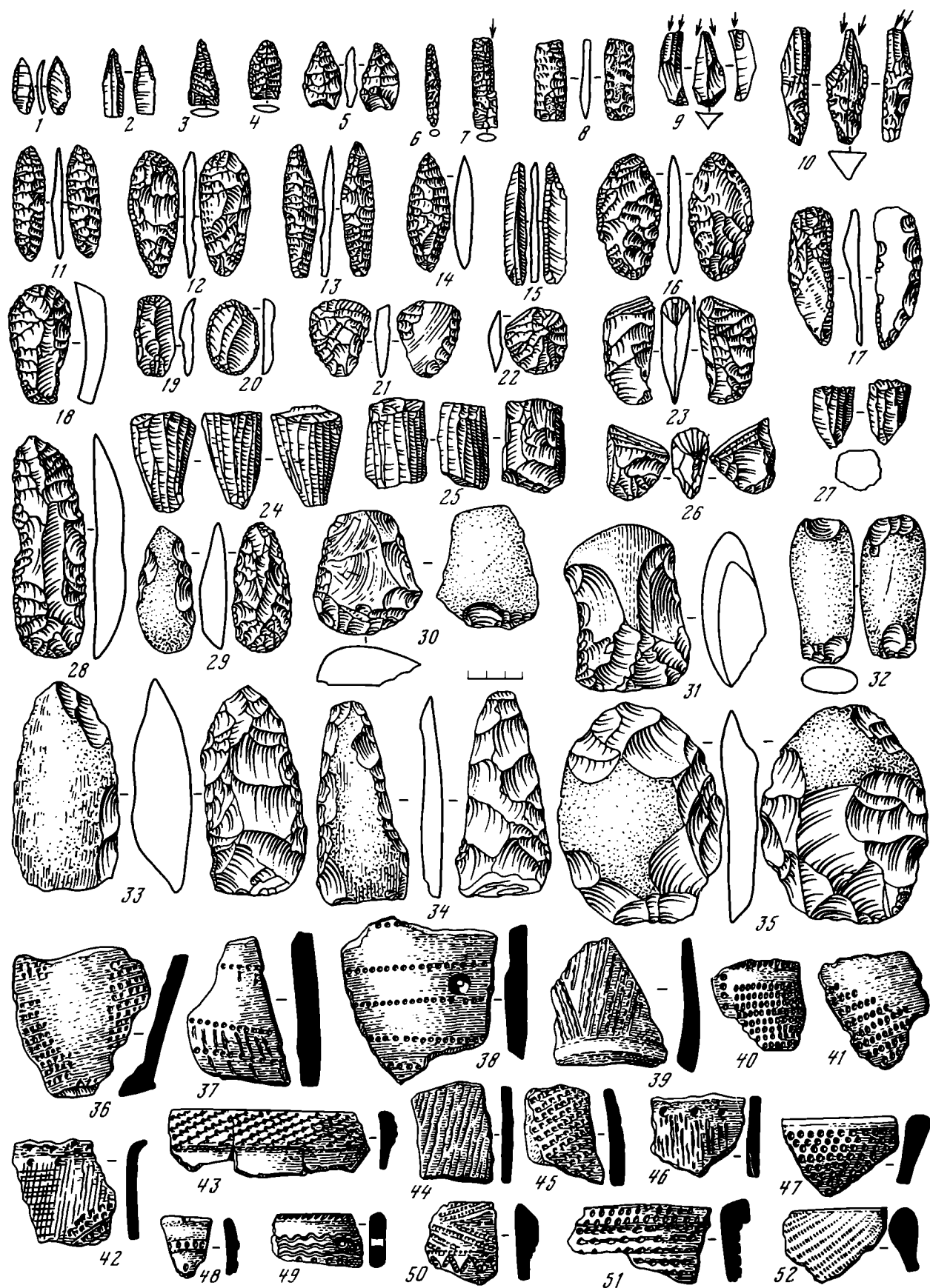

Рис. 103. Изделия громатухинской культуры (1-52)

1, 5, 8, 11-26, 28, 29, 31-52 – Громатуха; 2-4, 6, 7, 9, 10, 27, 30 – Сергеевка

няться только на заключительном этапе развития культуры. С подвижным образом жизни охотников связан и тип их жилищ. Следов полуземлянок на поселениях не обнаружено. Вероятно, их обитатели жили в наземных сооружениях типа чумов. На наличие таких жилищ указывают остатки очагов.

Рассматривая вопрос о связях населения громатухинской культуры с соседними культурами, мы должны обратиться к керамике. Текстильная керамика встречается в Сибири вместе с раннеолитической сетчатой и со шнуровой керамикой. Шнуровая с утолщенным венчиком, как отмечалось, аналогична посольской и белькачинской и может рассматриваться как особый вариант в культурно-хронологическом пласте подобной керамики. Наконец, вафельная керамика также имеет аналогии на обширной территории Восточной Сибири. Восточносибирские аналогии свидетельствуют о одновременности громатухинских типов керамики. Возможно, это говорит о длительном существовании громатухинской культуры, носители которой, сохраняя традиции обработки камня, не раз меняли приемы изготовления посуды. Существенна близость находок из поселения Громатухина к материалам неолитических стоянок Восточной Монголии и поселений развитого неолита Восточного Забайкалья (Чинданта), что может отражать распространение громатухинской культуры в Забайкалье. Находки на громатухинских поселениях керамики с наклепными валиками указывают на контакты с иными по традициям амурскими культурами.

На поселении у с. Горного на р. Зее культурный слой громатухинской культуры перекрыт слоем с материалами осиноозерской культуры, а котлованы осиноозерских жилищ прорезали громатухинский культурный слой. Памятники осиноозерской культуры обнаружены на территории, которую ранее занимали новопетровская и громатухинская культуры. К числу этих памятников относятся поселения на Осиновом озере у Новопетровки, в с. Поляково, на р. Зее при впадении в нее р. Белой. Наиболее исследовано Осиноозерское поселение (Окладников, Деревянко, 1973б).

В инвентаре осиноозерской культуры нет нуклеусов, предназначенных для снятия ножевидных пластин, и орудий из них. Основой для изготовления орудий служили сколы и отщепы с желваков кремня и халцедона. Все орудия обработаны тонкой ретушью, нанесенной, как правило, с двух сторон. Отбойниками служили небольшие гальки. Наконечники стрел треугольно-черешковые и треугольные, с прямым и скошенным, с симметрично и асимметрично вогнутым основанием. Скребки округлые с ретушью по всему периметру, подпрямоугольные с ретушью по двум-трем краям, вытянутые с ретушью на узком конце. Вкладыши сделаны из массивных отщепов и имеют двустороннюю обработку (длина 2–5 см), проколки – из отщепов подтреугольных очертаний, ретушью оформлено только острие. Тесла и долота, простые и желобчатые, из кремнистого сланца. Первоначально их оббивали, затем тщательно шлифовали. У большей части тесел прямоугольное поперечное сечение, у остальных – сегментовидное или овальное. Для изготовления пестов, иногда достигавших длины в 15–17 см, использовали кремнистый сланец, серый плот-

ный песчаник и гранит. Поперечное сечение их округлое или прямоугольное с закругленными углами. Несколько плит, с одной тщательно зашлифованной стороной, рассматриваются исследователями как зернотерки или “крупорушки”, на основании чего делается вывод о появлении на Среднем Амуре земледелия. Это наблюдение подтвердили находки зерен проса в очажном заполнении одного из жилищ Осиноозерского поселения. Возникновение земледелия на Среднем Амуре, видимо, связано с влиянием культур Приморья, а не Маньчжурии.

На поселении у Осинового озера обнаружены тонкие песчаниковые и керамические диски, диаметром 4 см, с отверстием в центре. Подобные диски обычно связывают с ткачеством.

О рыболовстве свидетельствуют находки галек с грубо выбитыми выемками для привязывания и костяной гарпун с пятью зубцами (рис. 104, 34).

Керамика осиноозерской культуры делится на три группы. К первой относятся большие плоскодонные горшки ведрообразной формы со слабо выраженной горловиной. Край венчика обычно прямой, изредка отогнут наружу. Диаметр у венчика 25–30 см, высота – 30–35 см. Сосуды украшены наклепными рассеченными валиками, прямыми и волнистыми, образующими орнамент в виде восьмерок или ромбов. Ко второй группе относятся небольшие горшки (высотой до 20 см, с диаметром венчика 15 см) с более четко выраженной шейкой. Венчик отогнут в виде буквы Г. Орнамент также из наклепных валиков. Третью группу составляют небольшие сосуды в виде чаш с прямым, как правило, венчиком (диаметр его – 5–10 см), иногда украшенным одним или двумя наклепными валиками. Керамика осиноозерской культуры по формам и орнаментации близка новопетровской.

Сходство отмечается и при сопоставлении жилищ этих культур. Население осиноозерской культуры строило полуземлянки с округлым котлованом, размером 50–60 кв. м, слегка вытянутым с востока на запад, углубленным до 40–50 см. В центре, в углублении земляного пола находился очаг. В полу прослеживаются ямки от двух concentрических рядов столбов: один ряд у стенок котлована, другой – вокруг очага. Видимо, жилище имело конусовидное покрытие, а входом служило дымовое отверстие. В заполнении котлованов найдены куски бересты, вероятно, остатки кровли.

К осиноозерской культуре относятся и находки на р. Белой, где на песчаниковых валунах собраны каменные орудия и керамика, а также хорошо зашлифованные нефритовые и мраморные кольца. Отщепы и заготовки, встречающиеся на поселениях и мастерских, отсутствуют. Это позволяет предполагать, что в устье р. Белой располагался могильник, разрушенный ветром и водой.

В целом осиноозерская культура создана оседлым населением, хозяйство которого основывалось на охоте, рыболовстве и земледелии. Существованию комплексного хозяйства способствовали природные условия лесостепи с богатыми рыбой водоемами. Исследователи считают, что она сложилась на основе местных древних культур.

Проблема осложняется, однако, большим хронологическим разрывом между новопетровской и осиноозер-

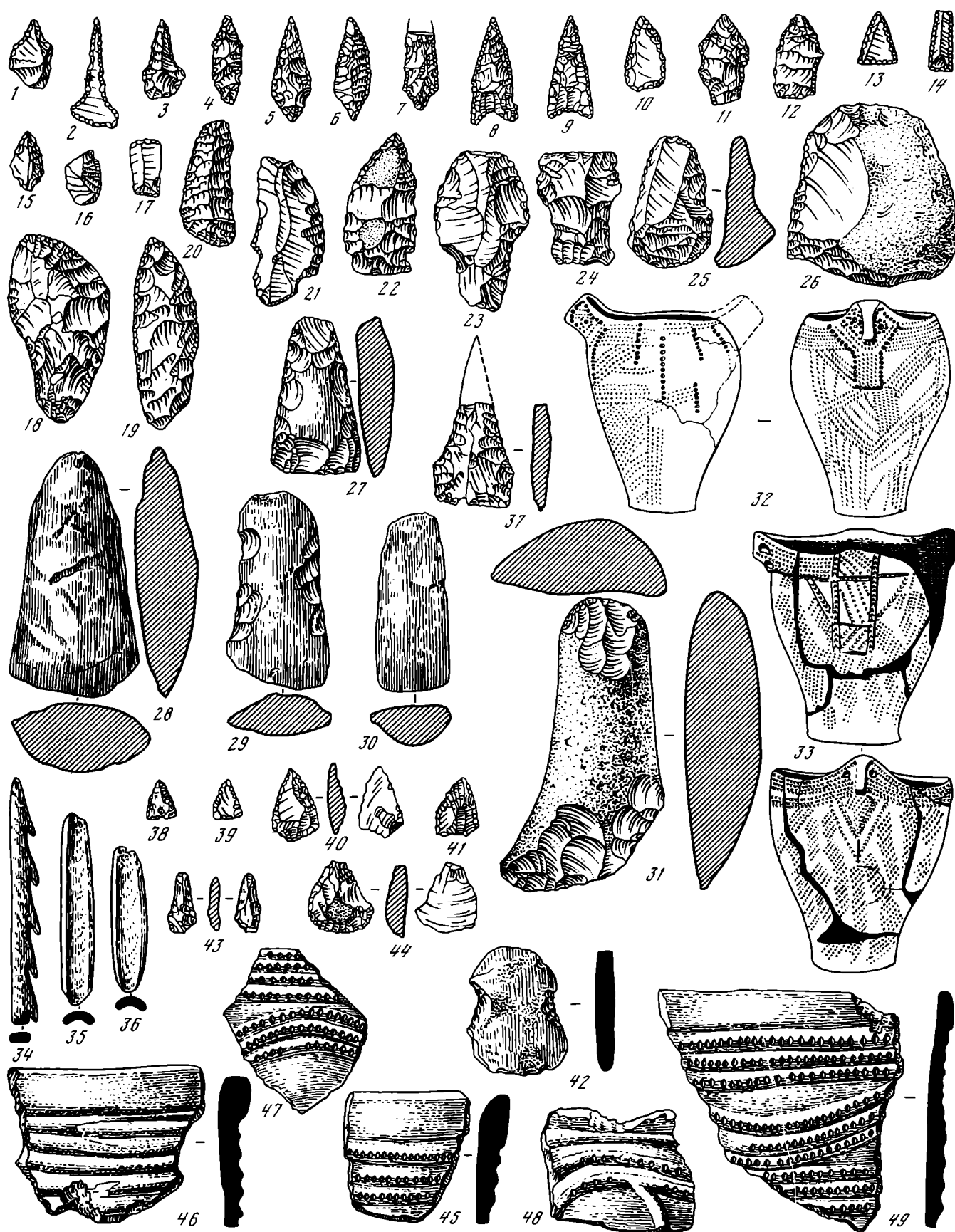

Рис. 104. Изделия южнокурильской (1–33), осиноозерской (34–37) и вознесеновской (38–49) культур

ской культурами. Если новопетровскую датируют ранним неолитом, V тыс. до н.э., то осиноозерскую относят к развитому или к заключительному этапу среднеамурского неолита. Радиоуглеродных дат эти культуры не имеют. Поскольку на территории осиноозерской культуры, близ ее памятников обнаружены поселения вознесенской культуры, проникшей с Нижнего Амура в конце III тыс. до н.э., а осиноозерская культура, по стратиграфическим наблюдениям у с. Горного, существовала позже громатухинской, мы должны относить ее к III тысячелетию. Таким образом, разрыв между новопетровской и осиноозерской культурами достигает тысячи лет и не заполнен памятниками, связывающими эти культуры. Возможно, новопетровская культура слишком удревнена.

Поселения вознесенской (нижнеамурской) культуры открыты на Среднем Амуре у с. Новопетровка, Новопокровка и в других местах. Известны такие поселения и в бурейско-уссурийском течении Амура у с. Пашково, Ленинское, Сторожево, Катерино-Никольское. На поселении на острове Сучу близ Мариинска выявлено много следов древних огромных жилищ. Ряд этих землянок дал материалы, характерные для вознесенской культуры. Стены землянок имеют пять уступов, вероятно, служивших нарами. В центре расположены очаги. Кровля опиралась на столбы, от которых сохранились глубокие ямы. На уступах найдены большие тесла и керамические сосуды. На нижнем уступе одной из землянок около очага лежали маленькие глиняные скульптурки медведей и водоплавающих птиц, а также глиняный шарик, покрытый спиралевидным рисунком.

Поверхность плоскодонных горшков покрыта вертикально расположенными гребенчатыми зигзагами, поверх их глубоко врезаны линии спиралей. Иногда сложные спиральные узоры выполнены росписью. По блестящей малиново-красной поверхности сосудов сделаны углубленные ленточные полосы узора, заполненные черной краской. Встречен орнамент и в виде “амурской плетенки”.

На Среднем Амуре наиболее выразительные находки на поселении у с. Новопокровки. Присутствуют три группы керамики. Одну составляют фрагменты, украшенные типичными для нижнеамурского неолита вертикальными пунктирно-гребенчатыми зигзагами, вторая группа сочетает в себе черты более ранней среднеамурской посуды (налепные рассеченные валики) с типичным нижне-амурским узором “амурской плетенки”, выполненным при помощи оттисков ромбического штампа. Третья группа керамики покрыта “текстильными” отпечатками.

Каменные орудия поселения Новопокровка изготавливали из отщепов и сколов с галек. Наконечники стрел из халцедона – лавролистные, удлинненно-треугольные с прямым основанием и удлинненно-треугольные с вогнутым основанием и длинными симметричными жальцами. Халцедоновые вкладыши обработаны с двух сторон тонкой ретушью. Скрепки из кремнистого сланца. Из него же изготовлено орудие, напоминающее полулунные ножи, шлифованные тесла с овальным, односторонне выпуклым или сегментовидным поперечным сечением. Грузила – гальки с двумя выбитыми выемками по краям. У больших грузил из песчаника на узком конце просверлены отверстия, на крупных овальных гальках выбиты желобки для привязывания. Од-

но из таких грузил весит около 10 кг. Своеобразны грузила (длиной до 15 см при ширине 5–6 см), напоминающие по очертаниям рыбу. На обоих концах у них овальные выступы, средняя часть по одному краю прямая, а по другому – выпуклая, как брюшко рыбы. Со стороны “брюшка” вышлифованы углубления для привязывания к сети. Три блесны сделаны из нефрита. Это желобчатые пластины, у которых одна сторона вогнутая, а другая – выпуклая. Концы их овальные, и на одном высверлено биконическое отверстие. Аналогичные блесны найдены в Кондоне на Нижнем Амуре.

С земледелием связывают сланцевые мотыги треугольной формы, обработанные по краям сколами, сегментовидные куранты из гранита и сланца, большие подпрямоугольные зернотерки и песты. Отбойники, отжимники и наковаленки употреблялись при обработке камня. Находки у с. Новопокровка представляют вознесенскую культуру, как бы обогащенную за счет местных, среднеамурских традиций.

К той же культуре относится погребение между двумя жилищами Осиноозерского поселения. Могильная яма прямоугольных очертаний (1,75×1,35 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад и имеет вертикальные стенки. Кости сохранились плохо, но по их расположению предполагают, что умерший был помещен в могилу в сидячем положении лицом на юго-восток. На дне могилы найдены куски истлевшего дерева и фрагмент круто отогнутого наружу венчика сосуда, украшенного налепным валиком с насечками. В заполнении могилы оказались два халцедоновых наконечника стрел, вкладыш и обломки двух сосудов, один с вафельными отпечатками, другой с вертикальными пунктирными зигзагами. Наконечники лавролистного и удлинненно-треугольного с жальцами типов. В заполнении жилища № 2 открыта еще одна могила. От разрушенного погребения сохранились бедренная кость и затылочная часть черепа.

К неолиту принято относить и петроглифы у сел. Сикачи-Алян и Малышево на Амуре, Шереметьевского на Уссури и на р. Кие – притоке Уссури (Окладников, 1971).

У Сикачи-Альяна более сотни базальтовых валунов, лежащих на песчаных отмелях правого берега Амура отдельно или среди каменных россыпей, сохраняют на поверхности древние изображения. Часть петроглифов относится к мохескому времени, но основную массу составляют более древние рисунки, выполненные техникой точечной ретуши, характерной для неолита.

Основным сюжетом были своеобразно стилизованные разнообразные в деталях антропоморфные лица – “личины” (рис. 101, 1–6, 9, 10, 13). По очертаниям они делятся на овальные, яйцевидно-овальные, сердцевидные, трапециевидные, прямоугольные, с овальной вершиной и прямым основанием, череповидные. Специфичны личины, обозначенные в виде отдельных черт лица (глаза, рот, ноздри) без объединяющей их контурной линии. Такие личины названы парциальными. Контурные личин часто заполнены геометризованными орнаментальными линиями, реже – точками, обозначающими татуировку или раскраску, иногда, возможно, и лабретки. Вокруг некоторых личин выбиты лучи и какие-то другие линии, видимо, изображения волос и украшений. Размеры личин разнообразны – от миниатюрных до достигающих

почти метровой высоты. Этнографические аналогии позволяют сделать вывод, что петроглифы могли быть изображениями масок, которые употребляли при культовых обрядах как олицетворения умерших предков.

Стилистические особенности некоторых личин позволяют датировать петроглифы временем вознесеновской культуры, но часть их может быть и более ранней. Такие признаки личин, как сердцевидные контуры, спиральность орнаментальных линий, каплевидная изогнутость или циркульность формы глаз близки или тождественны тем приемам, которые использованы гончарами при создании антропоморфных изображений на сосудах из верхнего неолитического слоя Вознесенской стоянки (рис. 101, 11, 12). Стилистически близкие петроглифам антропоморфные личины есть и на фрагментах сосудов из поселения между с. Малышево и Сикачи-Алян, в непосредственной близости от петроглифов. Изображения человеческих фигур на нижнеамурских неолитических петроглифах – исключительная редкость. Лишь в двух случаях личины дополнены ромбическими по очертаниям “туловищами” (один раз с трехпалой рукой). Возможно, к этим личинам пририсованы нагрудники маскоида (рис. 101, 16). Схематичные фигурки людей имеются только на одной скале под Малышевским кладбищем. На плоскости скалы они композиционно сочетаются с целой “флотилией” лодок (рис. 101, 15). У одной из этих фигур голова как бы раздвоена. Эта картина напоминает изображения людей и лодок на писаницах Верхней Лены, Прибайкалья и Енисея. Сибирские изображения лодок и людей обычно трактуют как отражение представлений о плавании душ умерших в страну предков.

Сюжет лодки присущ всем основным петроглифам Нижнего Амура (Сикачи-Алян, Калиновка, Шереметьевское, Кия). Обычно они имеют вид дуги с задранными концами кормы и носа. Иногда на одном конце, вероятно на носу, есть развилка, напоминающая изображение головы животного. Внутри лодок вертикальными черточками показаны фигурки людей. В Калиновке, на частично сохранившемся изображении лодки, 34 таких фигуры. Некоторые черточки в лодках Сикачи-Аляна и Шереметьевского наверху раздваиваются в виде “рожек”.

Личины сочетаются с изображениями лосей, лошадей, кабанов или медведей, быка, полосатых “тигров”, змей и водоплавающих птиц – гусей и уток (рис. 101). Некоторые фигурки зверей и птиц очень различны, другие имеют внутри скелетно-орнаментальное заполнение, аналогичное орнаментам сложно выполненных личин.

Изображения, вероятно, связаны с космогоническими представлениями и культом предков. Культ плодородия также нашел отражение в петроглифах. Об этом говорят композиции, объединяющие изображение животного с символическим знаком женского пола (рис. 101, 17). Учитывая культурное наследие коренных народов Амура и айнов, уходящее корнями в каменный век, на основе их искусства, фольклора и обычаев можно найти объяснение причинам, побуждавшим неолитических людей выбивать на скалах определенные изображения. Так, образ змеи в мифологии тесно связан с двумя циклами представлений: с космогоническими, в которых он выступает в роли символа солнца и даже демиурга, и с иде-

ями о рождении и смерти. Образ змеи в какой-то мере переплетен с семантикой спирального орнамента, зародившегося в древности и сохраняющегося в современном искусстве. На неолитическом поселении в с. Тахт найдены фрагменты сосуда, украшенного спиральными узорами. Одна из спиралей заканчивалась скульптурно вылепленной головой змеи. На личинах, по мнению А.П. Окладникова, также прослеживаются в криволинейных узорах изображения змей.

А.П. Окладников намечает четыре хронологических пласта петроглифов. К I фазе отнесены примитивные по стилю изображения лосей, быков, лошадей, лесных птиц, парциальные и череповидные личины. Ко II фазе, датированной концом IV–III тыс. до н.э., временем кондонской и вознесеновской культур, относятся личины со сложным геометрическим заполнением и фигуры водоплавающих птиц. III фаза (II – начало I тыс. до н.э.) характеризуется усилением орнаментализующих тенденций и развитием абстрактности в изображении личин и лосей. К IV фазе (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) принадлежат петроглифы Калиновки, выполненные техникой резьбы с использованием в орнаментации прямых линий, и аналогичные им личины Сикачи-Аляна.

Искусство неолита Нижнего Амура отличается от неолитического искусства Восточной Сибири развитием высокохудожественного криволинейного орнамента и во многом обусловленных им абстрактных изображений. Одновременно амурские художники создавали изображения людей и животных во вполне реалистической манере, но эти их творения статичны, лишены динамизма, присущего изображениям сибирского неолита. То же можно сказать и о художественных произведениях из Приморья. Неолитическое искусство Приморья и Нижнего Амура в целом принадлежало к тихоокеанскому очагу изобразительных традиций, но обладало самобытностью, обусловленной местными традициями и, в определенной мере, влиянием таежных культур Сибири.

Подводя итог обзору неолитических культур Приамурья и Приморья, следует отметить, что на этой территории выделен ряд культур, прошедших своеобразный путь развития, отличный от восточносибирских культур, занимавших территории, удаленные от моря. Это своеобразие во многом определялось природными факторами – мягкостью климата, обусловившей смешение флоры и фауны севера и юга, близостью моря и рек, в которые в определенное время года заходят для нереста огромные косяки рыб. Хозяйство, направленное на рыболовство, привело к оседлости, а оседлость и благоприятные климатические условия дали возможность развиваться земледелию, чему способствовала и близость к очагам древнего земледелия Юго-Восточной Азии.

Поскольку в культуре нанайцев и нивхов прослеживается ряд черт, присущих кондонской и вознесеновской культурам Нижнего Амура и севера Приморья, можно предполагать, что эти черты унаследованы современными народами Нижнего Амура от своих неолитических предков. Исходя из этого, можно сделать вывод, что именно в период широкого распространения этих культур происходило формирование палеоазиатских языков, прямыми наследниками которых сейчас остались только нивхи.

Неолит Сахалина

Северная часть Сахалина лежит близ устья Амура. Отделяющий ее от материка пролив Невельского в самом узком месте имеет ширину 7,5 км. Южная оконечность острова, вытянутого в меридиональном направлении почти на 1000 км, находится на широте Северного Приморья. От японского острова Хоккайдо ее отделяет пролив Лаперуза, шириной около 40 км. Такое положение Сахалина во многом предопределило его древнюю историю, обусловив два пути заселения.

Археологические изыскания на Сахалине ведутся с 1860-х годов. Первыми были обнаружены поселения «охотской» культуры I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Более ранние – собственно неолитические – памятники выявлены лишь в 1955–1957 гг. Р.В. Козыревой (1967), раскопавшей поселения Ноглики I на северо-востоке острова и Стародубье II в его южной части. По ее мнению, юг острова был заселен в середине II тыс. до н.э. пришельцами из Приамурья и Приморья при некотором участии выходцев с Японских островов. Северная часть Сахалина освоена позднее, в конце II тыс. до н.э. людьми, ранее жившими на Нижнем Амуре и имевшими культуру иного облика, чем у обитателей Южного Сахалина.

Исследования последних лет значительно расширили наши знания о древнейших этапах истории острова. Начало заселения его относят теперь к верхнему палеолиту–мезолиту, когда проливы Невельского и Лаперуза еще не было, а Сахалин соединялся перешейками с материком и с Хоккайдо. По этим перешейкам люди и пришли с материка на оба острова (Васильевский, Голубев, 1976).

На основе местного мезолита и миграционных волн из Южного Приамурья на Сахалине сложилась неолитическая культура, названная имчинской. Памятники ее исследованы в северной части острова, в нижнем течении р. Тымь, близ пос. Ноглики. Наиболее ранний комплекс обнаружен на стоянке Имчин II, где прослежены следы 26 жилищ (Герус, Шубин, Шубина, 1979). Жилища оказались разновременными, датируемыми в пределах начала IV – начала II тыс. до н.э. Древнейшая дата – 5810 ± 90 (СОАН-1145) (3860 г. до н.э.) – получена из жилища № 23. Его котлован был слегка углублен в землю и имел округлые очертания с диаметром около 5,5 м. Найдены длинные и узкие топоры подтреугольной формы и трапециевидное тесло, боковые края которых обработаны сколами, а широкие плоскости и лезвия шлифованы, двусторонне обработанные наконечники копий с выделенным черешком и обломки ножей, языковидный скребок, проколка из пластинки, фрагменты плоскодонных неорнаментированных сосудов.

Остальные жилища относятся, вероятно, к концу III–II тыс. до н.э. Для жилища № 1 получена дата 4060 ± 50 (СОАН-1041) (2110 г. до н.э.). Большая часть находок из I-го культурного слоя стоянки, видимо, синхронна этим жилищам, – округлым котлованам диаметром 3–8 м и глубиной до 1 м. В центре котлованов – линзы кострищ, а вдоль внешнего края прослеживаются ямки от столбов, позволяющие реконструировать жилища типа земляного чума.

В первом культурном слое найдены (рис. 105, 1–34) наконечники копий и стрел листовидной формы с выемкой в основании и подтреугольные с вогнутой базой, обработанные иногда с двух сторон диагонально направленной ретушью; ножи листовидные и на пластинах; треугольные и удлиненно-овальные скребки с выпуклым рабочим краем; скребла и выемчатые скобели; угловые, срединные и многофасеточные с уплощенной рукояткой резцы. Топоры и тесла имеют прямоугольные, подтреугольные, трапециевидные и асимметричные уплощенно-овальные поперечные сечения. Многочисленные ножевидные пластинки сколоты с конических и подпризматических нуклеусов.

Сосуды плоскодонные, тонкостенные (рис. 105, 23, 24), украшенные отпечатками гребенчатого штампа, образующими косую сетку, рядами коротких насечек, гладкими или рассеченными валиками на венчике. Керамика и каменный инвентарь поселения Имчин II близки материалам амурских культур III–II тыс. до н.э. У пос. Ноглики открыт ряд стоянок этого времени. Р.С. Васильевский и В.А. Голубев относят к имчинской культуре и Ноглики I, углубляя датировку памятника до конца III тыс. до н.э.

На стоянке Ноглики I отмечены следы 20–22 жилищ. Два раскопанных жилища представляли собой полуземлянки с котлованами округлой формы, диаметром 7–8 м, глубиной 1,25–1,30 м от современной поверхности. Вход имеет вид узкой и короткой траншеи, обращен к югу. Вдоль стен были земляные уступы высотой 35 см и шириной 1,5–2,0 м, служившие для устройства лежанок. В центре располагались очаги. На полу жилищ и на уступах найдено много каменных орудий и сосудов (рис. 105, 35–47). Орудия сделаны из кремня темно-вишневого цвета и кремнистого сланца. Среди наконечников стрел – листовидные, листовидные с намечающимся черешком, треугольно-черешковые, треугольные с симметрично и асимметрично вогнутым основанием. Наконечники копий листовидной формы, иногда с намечающимся черешком. Скребки удлиненные с крутым округлым рабочим краем и овально-округлые с краем, полого обработанным ретушью. Много треугольных и трапециевидных топоров, долот и тесел, узких маленьких стамесок, преимущественно из кремнистого сланца, обработанных сколом с последующей шлифовкой. Среди разнообразных ножей преобладают листовидные, иногда ножи сделаны из пластин. Найдены проколки, шлифованные камни, песты, нуклеусы, ретушеры.

Все сосуды плоскодонные, тонкостенные. У большинства чуть суженное горло и слегка отогнутый наружу венчик. Около края горшок украшался опоясывающими венчик накладными валиками и желобками, образующими подобие каннелюров. Второй тип – обычно не орнаментированные небольшие сосуды баночной формы с вертикальными или чуть расширяющимися кверху стенками. Встречены узоры, выполненные гребенчатыми штампами в виде вертикальных зигзагов и поясков наклонных или пересекающихся оттисков, образующих ромбические фигуры. Иногда такая плетенка выполня-

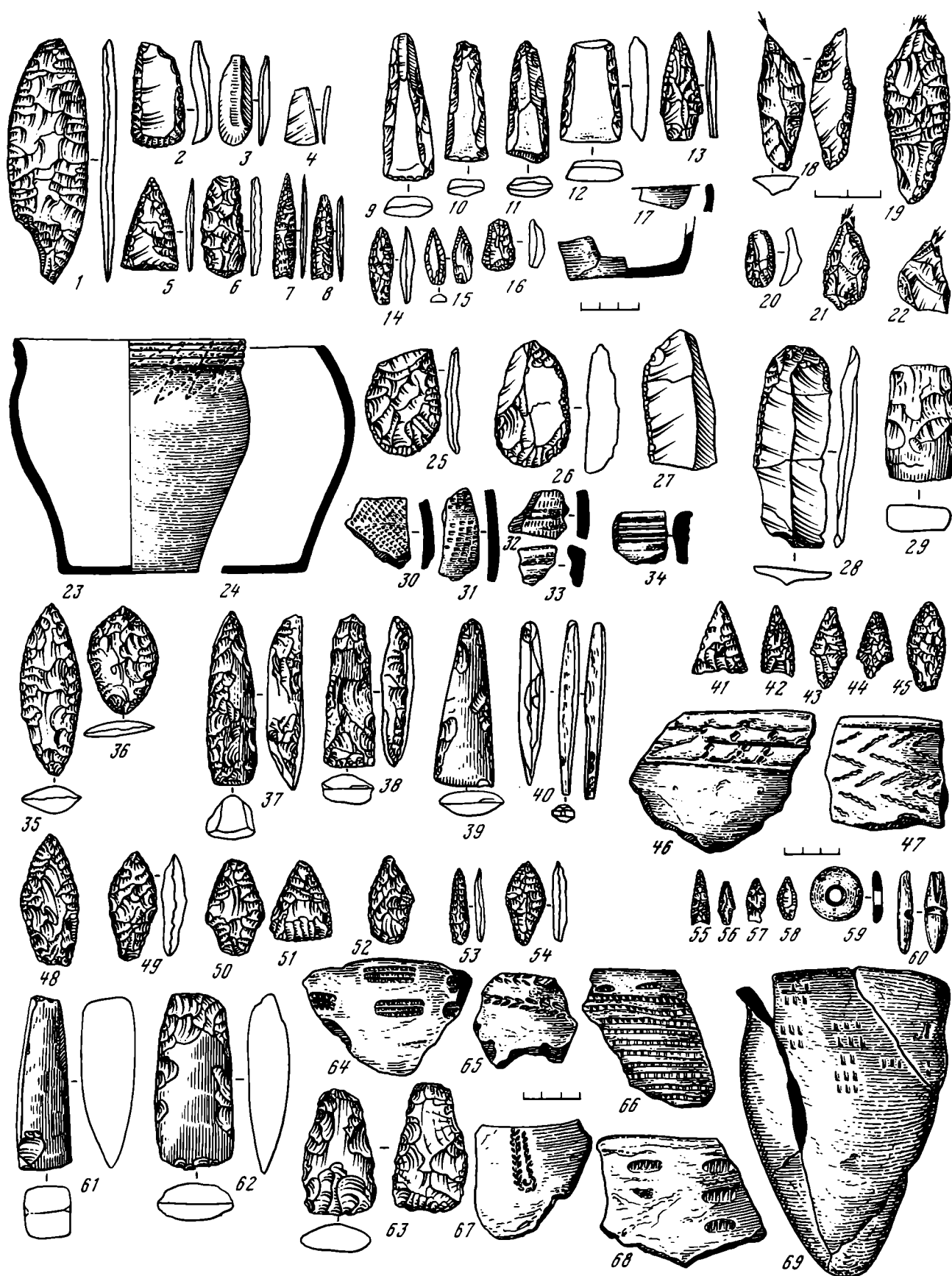

Рис. 105. Неолит Сахалина. 1-34 – Имчин II; 35-47 – Ноглики I; 48-69 – Стародубское II

лась нарезками. На юге острова к имчинской культуре, вероятно, относится стоянка Такое II.

Иной облик у поселения Стародубское II, в южной части Сахалина. Там отмечено до 60 западин от древних жилищ. Одно из наиболее крупных (жилище № 1) раскопано Р.В. Козыревой. Котлован прямоугольной формы (18×12 м) имел глубину 0,8 м. Выход обращен в сторону от берега. На полу прослежена узкая канавка, очевидно, служившая для усиления тяги, в центре котлована ямки от четырех столбов, на которые опиралось перекрытие. Вдоль стен располагались вспомогательные столбы. Слева от входа обнаружено пять небольших очагов и хозяйственные ямы. Здесь же найдено много целых сосудов, большая часть ножей и скребков. С правой стороны, вероятно, располагались нары. На этой стороне найдено большинство топоров и наконечников стрел, а также украшения. Судя по очагам, в жилище жило несколько семей.

Встречены плоскодонные сосуды, но преобладают полуяйцевидные, с круглым или острым дном (рис. 105, 69). У некоторых намечается сужение шейки и отогнутый венчик, они напоминают воронкообразные сосуды, характерные для культуры дзёмон на Хоккайдо. Большинство горшков украшено неширокой полосой орнамента, расположенной чуть ниже края на сосудах с прямыми стенками и ниже горла – у сосудов с шейкой. Орнамент (рис. 105, 64–69) состоит из оттисков гребенчатого и фигурного штампов, веревочных оттисков, ямок и резных линий, обычно рядами опоясывающих сосуд.

В каменном инвентаре (рис. 105, 49–63) нет ножевидных пластин и изделий из них. Использовались лишь отщепы и сколы. Наконечники стрел листовидные, треугольные с прямым и вогнутым основаниями, листовидно-черешковые. Те же формы и у наконечников копий. Найдено всего два скребка, зато топоров только в жилище около 30. Среди них массивные колунообразные экземпляры. Найдены шлифовальные камни, терочные куранты круглой и цилиндрической формы, стерженьки-штампы для украшения керамики, каменная трубка с

резным меандровым орнаментом, два шлифованных кольца – из белого нефрита и зеленоватой мраморовидной породы, – служившие украшениями.

Можно предполагать, что основным источником пищи для жителей поселения было море, на берегу которого оно располагалось.

В 1974 г. на поселении В.О. Шубиным раскопано еще одно жилище (№ 2), давшее материалы, которые находят аналогии как среди комплекса жилища № 1, так и в материалах охотской культуры. Видимо, жилище № 1 следует относить к концу неолита, датируя его последними веками II тыс. до н.э. В материалах этого жилища прослеживается сходство с неолитическими культурами Нижнего Амура и с культурой дзёмон. В носителях последней видят предков айнов. Находки в Стародубском II отражают, вероятно, начальный этап их проникновения на Сахалин. Создателем же имчинской культуры было население, родственное обитателям Нижнего Амура – палеонивхам.

На берегу Татарского пролива на 27-метровой террасе на поселении Садовники II были раскопаны два подпрямоугольных котлована жилищ (Шубин, Шубина, Горбунов, 1982). Найденные в них плоскодонные горшки имеют расширяющиеся кверху эллипсовидные или подпрямоугольные очертания. На венчике сделаны одна или две пары выступов треугольной формы и расположенные ниже вертикальные или горизонтальные ручки-“ушки”. Сосуды украшены валиками, образующими сложные фигуры. Каменные изделия сохраняют признаки пластинчатой техники, но обработаны большей частью сплошной ретушью. Топоры и тесла частично пришлифованы. Ближайшие аналогии каменным изделиям находятся на поселении Имчин II, что позволяет сближать памятники во времени. Керамика Садовников II напоминает сосуды среднего дзёмона Хоккайдо, но лишена характерного для них орнамента. Поселение датируется 6700±150 (МАГ-694) и 6100±300 (МАГ-691). Оно характеризует особую культуру, существовавшую на юге Сахалина в период имчинской культуры.

Неолит Курильских островов

Цепочка Курильских островов, протянувшаяся на 1300 км, служит как бы естественным мостом между Хоккайдо, северным из японских островов, и южной оконечностью Камчатки. Курильский архипелаг образовался при опускании вулканической гряды в позднечетвертичное время и включает 36 больших и множество мелких островов.

Археологические материалы позволяют говорить о первоначальном заселении Курил в позднем палеолите. Что касается неолитических памятников, то древнейшие из них датируются концом III–II тыс. до н.э. (Козырева, 1964; Голубев, 1972; Васильевский, 1975).

На острове Итуруп у пос. Куйбышево В.Г. Воронов собрал коллекции каменных орудий, среди них более 100 наконечников стрел. Выделяются наконечники, сделанные из ножевидных пластин при помощи краевой ретуши. Они имеют треугольную форму и прямое основание.

У многих наконечников выпуклые края и разные формы насада – прямые и вогнутые основания, черешки, боковые выемки. Наконечники с двусторонней ретушью листовидные, треугольные с прямым или слегка вогнутым основанием и черешковые. Присутствуют ножи, скребки и проколки, изготовленные из отщепов и пластин, а также резцы из фрагментов орудий и пластинчатых сколов.

Большинство изделий находит аналогии в ранне-неолитических комплексах Приморья и на разных стоянках культуры дзёмон острова Хоккайдо. Однако, исходя из поздних типов изделий, например, треугольных наконечников с двусторонней обработкой, стоянку вернее датировать концом III – началом II тыс. до н.э. Р.С. Васильевский относит стоянку у пос. Куйбышево к бескерамической культуре, сохранившей традиции мезолитических культур Приморья, распространившихся потом на Хоккайдо, Сахалин и Курилы.

Во II тыс. до н.э. на основе этой бескерамической культуры и при южном влиянии на Курильских островах сложилась культура развитого неолита. Р.С. Васильевский называет ее «южнокурильской», так как основные исследованные поселения расположены на южных островах – Кунашир, Итуруп и Уруп.

Большая часть материалов этой культуры собрана на песчаных выдувах, разрушивших культурные слои поселений. Неолитические изделия нередко смешаны здесь с орудиями и керамикой охотской культуры, сохранившей неолитический облик, но относящейся к I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Однако находки на неолитических стоянках с сохранившимися культурными слоями – на многослойном поселении у пос. Алехино (западное побережье Кунашира), стоянках у пос. Серноводск (Кунашир), Курильск (Итуруп) и др. – позволяют выделить комплекс южнокурильской культуры.

Для изготовления каменных орудий употребляли базальт, обсидиан и кремневые породы кремневых и малиновых цветов. Многочисленны наконечники стрел, в основном небольшие и с двусторонней обработкой, по форме листовидные, подромбические, треугольные с прямым или вогнутым основанием, треугольные с выемками по краям у основания, черешковые. Наконечники копий и дротиков тех же форм, но среди них встречаются экземпляры с овально-выпуклыми основаниями.

Разнообразны ножи с двусторонней обработкой. Характерны ножи с выделенной рукояткой-насадом и с овально-выпуклым лезвием, называемые «горбатыми ножами». Скребки из отщепов и сколов, округлые с выделенным для вставления в рукоятку концом и клювовидные. Нередко скребками и скреблами служили аморфные отщепы и сколы с ретушью по одному или двум краям, имеются скребки с шипами. Среди проколов характерны плечиковые с резко расширяющейся рукояткой.

Тесла делятся на три типа. Первый – подчетырехугольных очертаний, односторонне выпуклые в поперечном сечении, с тщательно зашлифованной поверхностью, но иногда по краям сохраняются негативы сколов. Второй тип – тесла треугольные по очертаниям и асимметрично-линзовидные в сечении, обработанные сколами, пришлифованные (но рабочее лезвие при этом не затрагивалось). Третий тип – с прямоугольным поперечным сечением, обработанные только сколами. Доловитовидные орудия небольшие, подпрямоугольных очертаний и асимметрично-линзовидные в поперечном сечении. Рабочий край и широкие плоскости их зашлифованы. Нередко у таких орудий рабочие лезвия сделаны на обоих концах. Топоры – прямоугольные с прямоугольным же поперечным сечением и удлинненно-треугольные с линзовидным сечением – обычно хорошо зашлифованы. В качестве секачей использовали гальки, обработан-

ные сколами наподобие чопперов. Продолговатые гальки употребляли в качестве отбойников и отжимников. Из галек делали и грузила. На стоянке у пос. Касатка (Итуруп) найдена подвеска из нефрита. К южнокурильской культуре, возможно, относятся губные украшения – лабретки с острова Урупа.

Для этой культуры типичны большие высокие толстостенные сосуды, выполненные ленточным налепом, с плоским дном. Узкие в придонной части, они с плавным изгибом расширяются кверху, образуя подобие вазы. Внешняя поверхность их покрыта веревочными отпечатками. По краю сосудов при помощи налеха делалось утолщение, но часто встречаются венчики сложного профиля, с рельефными выступами. Иногда по краю горшка имеются выступы, служившие ручками, иногда они с отверстиями для подвешивания. Верхнюю половину сосудов украшали налепными валиками или рядами круглых ямок. Сочетание этих видов орнаментации на одном горшке редко. Валики дополнительно украшали насечками.

Керамика южнокурильской культуры во многом сходна с неолитической керамикой среднего и позднего дзёмона Японии, распространенной на островах Хоккайдо и Хонсю во второй половине III–II тыс. до н.э. Некоторые аналогии наблюдаются и в каменном инвентаре этих культур. Однако южнокурильская культура имеет и черты своеобразия. Среди изделий из камня нет ряда типов, характерных для культуры дзёмон, но зато есть орудия, встречающиеся на Сахалине и отсутствующие на Японских островах. Это и позволяет выделять неолитические памятники Курил в особую культуру.

Неолитические обитатели Курильских островов были оседлыми охотниками на лесного и морского зверя, рыболовами и собирателями. В культурных слоях поселений найдены кости медведя, морских зверей и рыб, большие скопления раковин. Жилища, исследованные на стоянках у пос. Алехино, Серноводск и Курильск, полужемляночные. Их котлованы, округлые или подквадратные в плане, небольшого размера (15–25 кв. м), углублены до 0,6–0,8 м, стенки почти вертикальны. Входом служили коридорообразные углубления. В центре жилища или чуть в стороне от него располагался округлый или прямоугольный очаг, сложенный из галек и валунов. Тот же образ жизни был унаследован носителями охотской культуры, сменившей южнокурильскую.

Курильская неолитическая культура близка не только культурам южных и юго-западных сопредельных территорий. Каменные изделия ее находят аналогии на севере в памятниках, выявленных на Охотском побережье и Камчатке и датируемых II–I тыс. до н.э., что свидетельствует о широких этнокультурных контактах на северо-западе тихоокеанского побережья.

Глава 7

Проблемы абсолютной хронологии

За последние три десятилетия первостепенное значение для хронологии неолита приобрели результаты радиоуглеродного датирования, что значительно изменило представления о возрасте и продолжительности неолита и позволило даже некоторым авторам говорить о “радиоуглеродной революции” в изучении неолита и раннего металла (Renfrew, 1973). Накопление данных абсолютного датирования для культур каменного века различных регионов происходит неравномерно. В 1960-е – начале 1970-х годов было опубликовано значительное количество дат С-14 для памятников неолита и мезолита ряда европейских стран и Ближнего Востока, а также некоторых других территорий (Долуханов, Тимофеев, 1972). В Центральной и Юго-Восточной Европе радиоуглеродная хронология заменила дробную хронологическую схему, разработанную ранее для неолита этих территорий В. Милойичем (Milošić, 1949). Существенные изменения произошли и в абсолютном датировании неолитических культур Евразии. В начале 1960-х годов была приведена к радиоуглеродной основе абсолютная хронология неолита и энеолита юго-запада Восточной Европы (Passek, 1962), в последние годы эта работа проводится и для неолита лесной полосы (Крижевская, 1973; Тимофеев, Романова, Маланова, Свеженцев, 1978).

Возможности радиоуглеродного метода для построения абсолютной хронологии очень велики. Имеющиеся в настоящее время для неолитических памятников нашей страны радиоуглеродные данные (около 600 дат, табл. 1) конкретизируют сложный характер исторического процесса в первобытности, показывая синхронность существования раннего неолита Юга и позднего мезолита Севера, развитого неолита Севера и энеолита Юга. Вместе с тем, имеются факторы, затрудняющие использование результатов радиоуглеродного датирования, на которых следует остановиться особо.

Как известно, радиоуглеродное определение датирует не весь комплекс находок, а лишь конкретный образец органического вещества, степень связи которого с археологическим материалом может быть различной. Уверенно связанными с комплексами являются (Waterbolk, 1971; 1983) лишь датировки, выполненные по образцам, представляющим собой непосредственно изделия с четкой культурной атрибуцией (деревянные изделия и т.п.), все остальные образцы связываются с комплексами находок лишь с большей или меньшей вероятностью, в зависимости от конкретных условий залегания. Часто сложно однозначное определение связи датированного образца с определенным комплексом находок, особенно на поселениях, содержащих разновременные материалы в стратиграфически не расчленяющемся культурном слое, т.е. в усло-

виях, характерных для многих неолитических стоянок лесной полосы и Севера*. К искажениям датировок приводит загрязнение образцов молодой органикой, проникающей из вышележащих отложений, или органикой более древней, чем комплекс находок, например, остатки более ранних углей – следы древнего лесного пожара, или более раннего, непродолжительного заселения места стоянки, что может четко не фиксироваться стратиграфически и по типологии инвентаря. На торфяниковых стоянках известны случаи удревнения образцов за счет привнесения более древней органики при изменениях уровня воды и размыве более ранних отложений (Tauber, 1958). При залегании остатков стоянки в гиттии (сапропеле) следует учитывать возможность более древнего возраста сапропеля по отношению к комплексу находок (случаи просадки, проецирования остатков культурного слоя в подстилающий слой сапропеля были установлены, например, Ф.С. Завельским и Н.А. Хотинским на Ивановском торфянике). В этом случае датировки, выполненные по образцам вмещающего находки слоя, будут относиться к более раннему времени, чем комплекс находок. В отдельных случаях на радиоуглеродную датировку могут влиять и внешние условия, в которых происходило образование органических веществ, составивших образец. Так, имеются данные о том, что могут быть несколько удревненными датировки образцов, состоящих из остатков подводных растений, ила, раковин из озер с жесткой водой. Следует учитывать также неодинаковую надежность для датирования различных видов органических материалов – так, менее надежными считаются датировки кости и раковин, чаще дающие несколько омоложенный возраст, точность их зависит от совершенства применяемых методов очистки**. Существует также, как правило, различие между датой смерти организма, вещество которого составило датированный образец, и датой существования поселения. Некоторые исследователи (Neustupny, 1970) придают этой разнице возрастов, редко учитываемой, большое значение. Для стоянок умеренной зоны это расхождение вряд ли будет превышать несколько десятилетий. Интересны в этой связи исследования, проведенные на швейцарских свайных поселениях, показавшие, что в ряде случаев там были использованы стволы деревьев, погибших за

* Принципиально новые перспективы открывает сейчас в этом плане “акселерированное” (с использованием масс-спектрометров) радиоуглеродное датирование, при котором для получения даты достаточно микроскопических количеств органического вещества, что позволяет с максимальной точностью атрибутировать связь образца с археологическим материалом.

** Особенности применяемых методик датирования различных видов органических материалов обобщены Х.А. Арслановым (1987).

50–100 лет до возникновения поселения (Mook, Minaut, Waterbolk, 1972. P. 491–503), а также соображение Х. Таубера (Tauber, 1958) о том, что большая древность некоторых образцов угля может объясняться происхождением угля от щепы, полученной при изготовлении на поселении лодок-долбленок из очень крупных стволов старых деревьев. Известны случаи значительного удреждения датировок, полученных по остаткам органической примеси из теста сосудов, что может объясняться присутствием в глине органики из древних погребенных почв. К значительному удреждению возраста образца может привести наличие в нем битума (применявшегося, например, на древнеземледельческих поселениях для закрепления кремневых вкладышей в составных оправах серпов).

Следует учитывать, что даты, выполненные в различных радиоуглеродных лабораториях, в зависимости от различий в используемой аппаратуре, разницы эталонов, особенностей химической обработки образцов и т.п. могут несколько отличаться, на что при интерпретации конкретных дат обращали внимание некоторые авторы (Neustupny, 1970; Gimbutas, 1970; Coutts, 1972. P. 518–519, 527; Polach, 1972; Klein, Lerman, 1980). Возможно, вследствие этого фактора, датировки археологических культур, распространенных на широких территориях (например, культура шнуровой керамики, культура колоколовидных кубков), выполненные различными лабораториями, не улавливают пока хронологических различий территориальных вариантов культур. В этой связи следует отметить, что даты лаборатории ЛОИА, полученные в 1960-е – 1970-е годы при сравнении с датами, полученными для тех же комплексов лабораториями Берлина, Гронингена и Тарту, давали более молодое значение (для образцов возраста 4–7 тыс. лет различие составляло 200–400 лет). На наш взгляд, в первой половине 1980-х годов после методических и аппаратурных изменений в процессе обработки и счета образцов ЛЕ имело место иное явление, в частности меньшая стабильность дат, иногда – необъяснимое удреждение образцов. Во второй половине 1980-х годов эти явления были устранены.

Накопление данных радиоуглеродного датирования привело к удреждению возраста неолита по сравнению с представлениями, сложившимися до распространения этого метода датирования. Как известно, А.Я. Брюсов (1953) относил появление керамики в лесной зоне ко времени около 3000 лет до н.э., радиоуглеродные даты углубляют эту границу почти на полтора тысячелетия. Однако процесс удреждения этим еще не завершился. Комплексными исследованиями ряда лабораторий установлено существенное несоответствие “радиоуглеродного” и календарного, исторического возрастов для значительной части голоценового периода. Для рассматриваемой неолитической эпохи радиоуглеродные датировки отклоняются от истинного, календарного, возраста в сторону омоложения в значительных пределах – от 400–600 лет для III–IV тыс. до н.э. до 800–900 лет для V–VII тыс. до н.э. Наличие этих отклонений, обусловленных колебаниями в содержании C-14, сейчас твердо установлено многочисленными сериями датировок годовых колец долгоживущих деревьев, выполненных в американских и некоторых западноевропейских лабораториях, и масштабы расхождений “радиоуглеродного” и календарного возрастов

для значительного отрезка времени измерены (Suess, 1967, 1970; Damon, 1972; Klein, Lerman, Damon, Ralph, 1982; Kramer, 1986; Арсланов, 1978, и др.). Важно также, что радиоуглеродное датирование серий образцов из древнейших комплексов, датируемых по данным письменных источников, также подтверждает необходимость введения поправок, устанавливаемых по дендрохронологическим данным (Säve-Söderbergh, Olsson, 1970; Mellaart, 1979). Все эти многочисленные материалы вызывают необходимость введения соответствующих поправок и для радиоуглеродных датировок неолитических памятников Евразии. В практике исследователей большинства европейских стран поправки при обращении к календарному (в частности, формулируемому в “годах до нашей эры”) возрасту учитываются, хотя в деталях и существуют небольшие расхождения, обусловленные существующими вариантами подсчета поправок (“калибровки” дат). В прилагаемом к данному тому списке дат неолитических памятников предложены рассчитанные Г.И. Зайцевой по калибровочным таблицам Дж. Кляйна и др. конкретные поправки для имеющихся в нашем распоряжении датировок*. Введение поправок приводит к значительному удреждению нижней границы неолита и увеличению его продолжительности. Абсолютная датировка основных хронологических рубежей неолита на территории Евразии будет выглядеть следующим образом:

	Радиоуглеродные даты (лет тому)	Календарный возраст (до н.э.) назад)
Начало неолита в Средней Азии	более 7300	ранее 6000 лет
Начало неолита в лесной полосе Восточной Европы	более 6300	ранее 5200 лет
Начало неолита на Крайнем Севере	более 5700	ранее 4500–4600 лет
Конец неолита в лесной полосе Восточной Европы (распространение культур шнуровой керамики)	около 4 тыс	около 2500–2600 лет

Возможно, что соответственно уменьшится продолжительность предшествующей, мезолитической эпохи. Дата начала голоцена (около 10 тыс. лет тому назад), близкая или принимаемая за начало мезолита, вряд ли претерпит значительные изменения, на что указывают, в частности, данные по изменениям напряженности магнитного поля Земли, которые рассматриваются как основные факторы, обусловившие вариации в содержании C-14 в атмосфере (Bucha, Neustupny, 1967).

Даты C-14 убедительно выявляют явление неравномерности в появлении и развитии ранне неолитических культур на территории Евразии, фиксируют последовательные этапы неолитизации Ближнего Востока, Южной и Центральной Европы (Clark, 1965; Долуханов, Ти-

* См. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. Список радиоуглеродных датировок неолита.

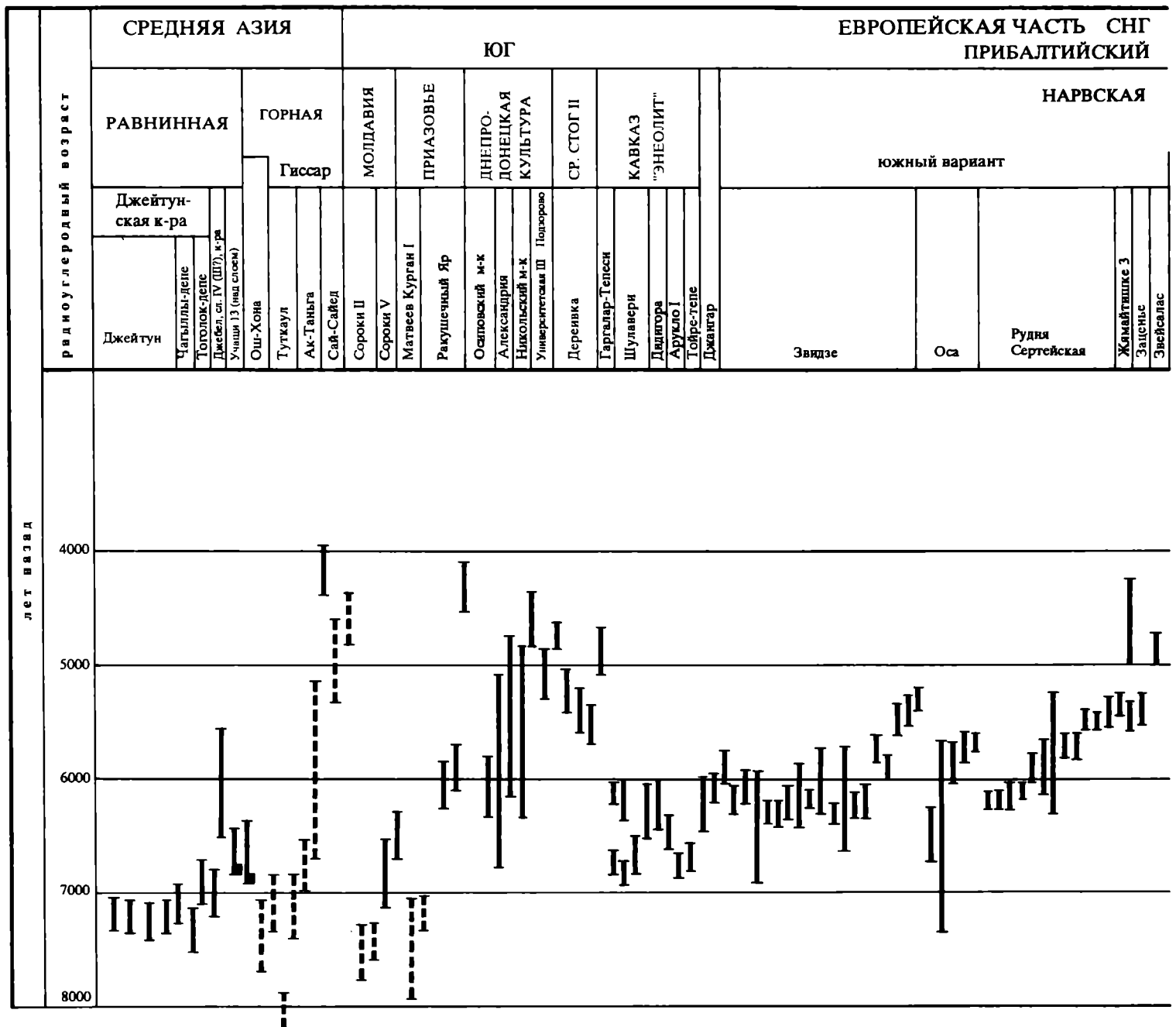

Рис. 106. Радиоуглеродные датировки неолитических памятников

1 – датировки неолитических памятников; 2 – датировки памятников, в которых отсутствует керамика; 3 – датировки горизонтов, подстилающих культурный слой; 4 – датировки горизонтов, перекрывающих культурный слой.

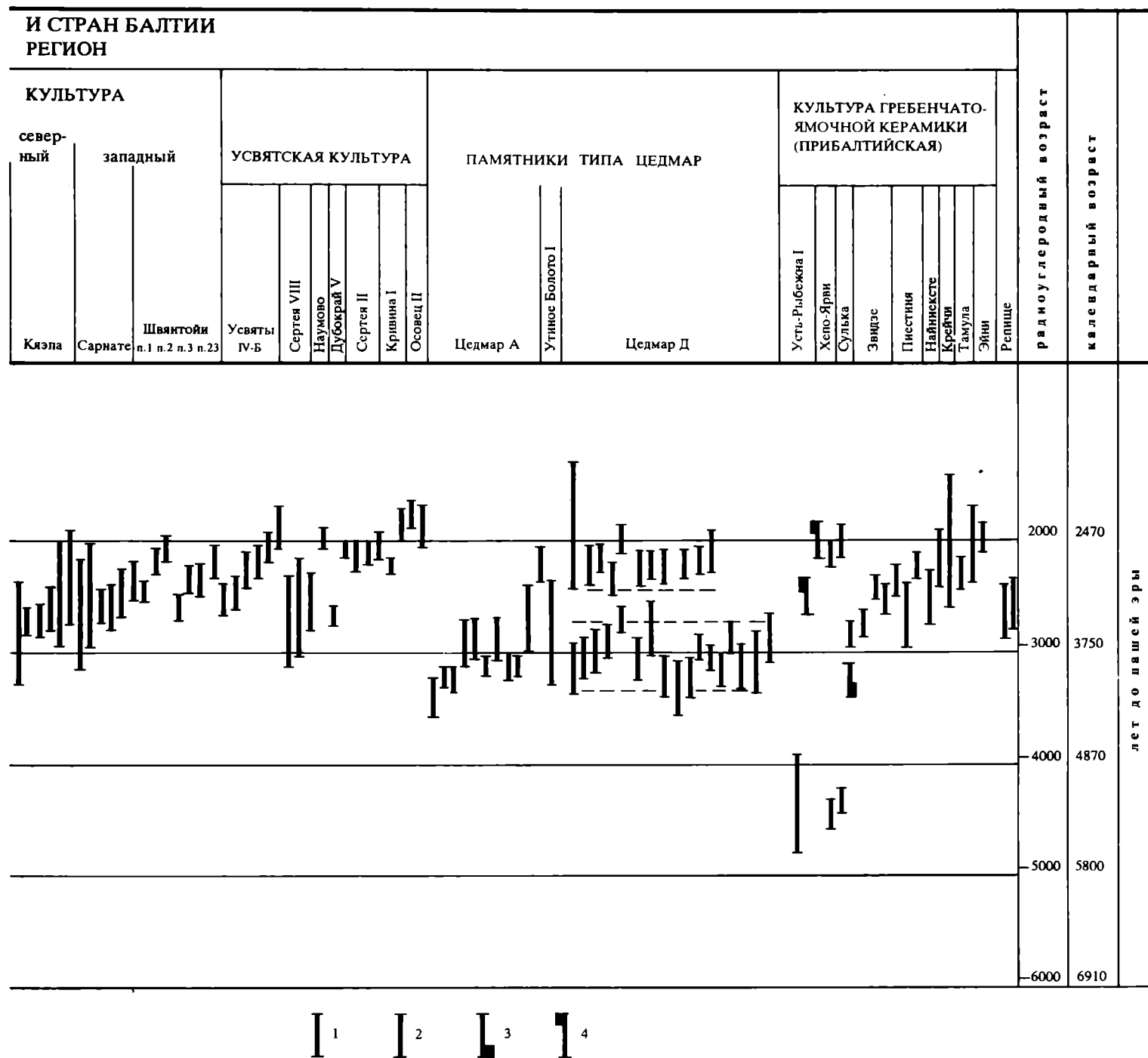
Значения дат С-14 взяты с удвоенной величиной стандартного отклонения (статистической ошибки), что обеспечивает вероятность 95%. Даты приведены для значения полураспада 5570 ± 30 лет ("значение Либби")

мофеев, 1972. Карты 1–8; Breunig, 1987. Abb. 14), причем появление первых неолитических комплексов в материковой Греции и на севере и северо-западе лесовых равнин Центральной Европы разделено интервалом не менее тысячи лет. Даты неолитических комплексов Средней Азии* являются более ранними по сравнению с дата-

ми комплексов неолита более северных территорий и поздними по отношению к памятникам Ближнего Востока, где появление керамики относится ко времени около 8 тыс. лет назад (без "калибровки"), в отдельных случаях – несколько раньше, а четко определенные кости домашних животных появляются на большинстве датированных поселений около 9 тыс. лет назад (Breunig, 1987).

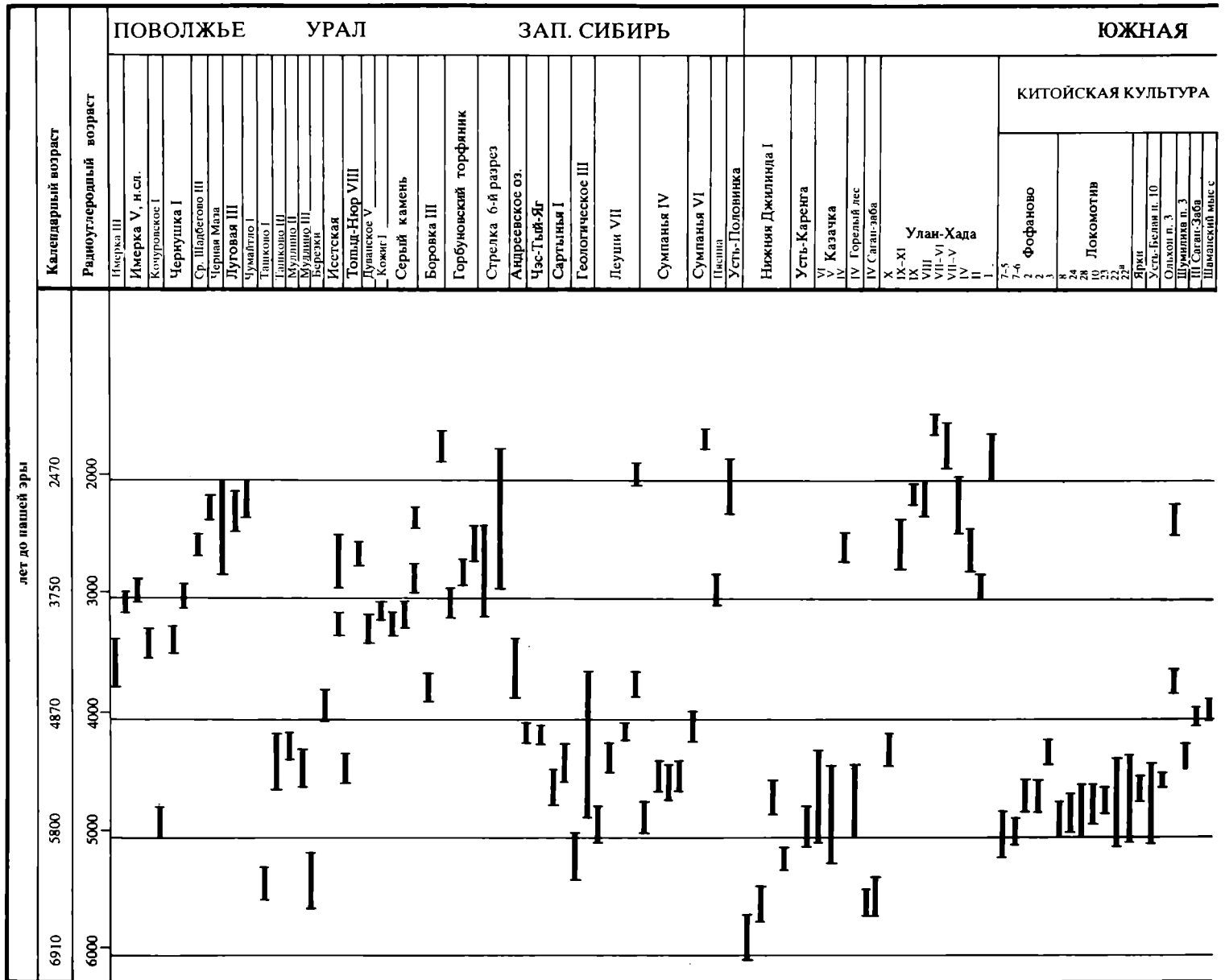
Датировки, имеющиеся для ранне-неолитических комплексов различных регионов лесной полосы, фиксируют, что начало неолитизации лесной зоны Восточной Европы происходило примерно в то же время,

* Следует отметить, что известная дата пещеры Джебел, долгое время рассматривавшаяся как опорная для неолита обширного региона, судя по архивным данным (старому уточнению в журнале записи образцов лаборатории, сделанному, видимо, автором раскопок А.П. Окладниковым), относится не к IV, а к III слою (примеч. авт.).

что и появление первого неолитического населения на равнинах Центральной Европы (культуры линейно-ленточной керамики). Почти одновременное появление керамики на обширных территориях (судя по датам культур верхневолжской в центральных районах, нарвской в Восточной Прибалтике, сперрингс в Карелии и Финляндии) указывает, очевидно, на очень быстрое распространение навыков керамического производства. Судя по уже довольно многочисленным данным, появление первой керамики на юге Сибири и в Южном Приуралье произошло раньше, чем в лесной полосе Европейской части и примерно синхронно или немногим позже появлению керамики и элементов производящего хозяйства на юге Средней Азии. Можно предположить, что к этому же времени

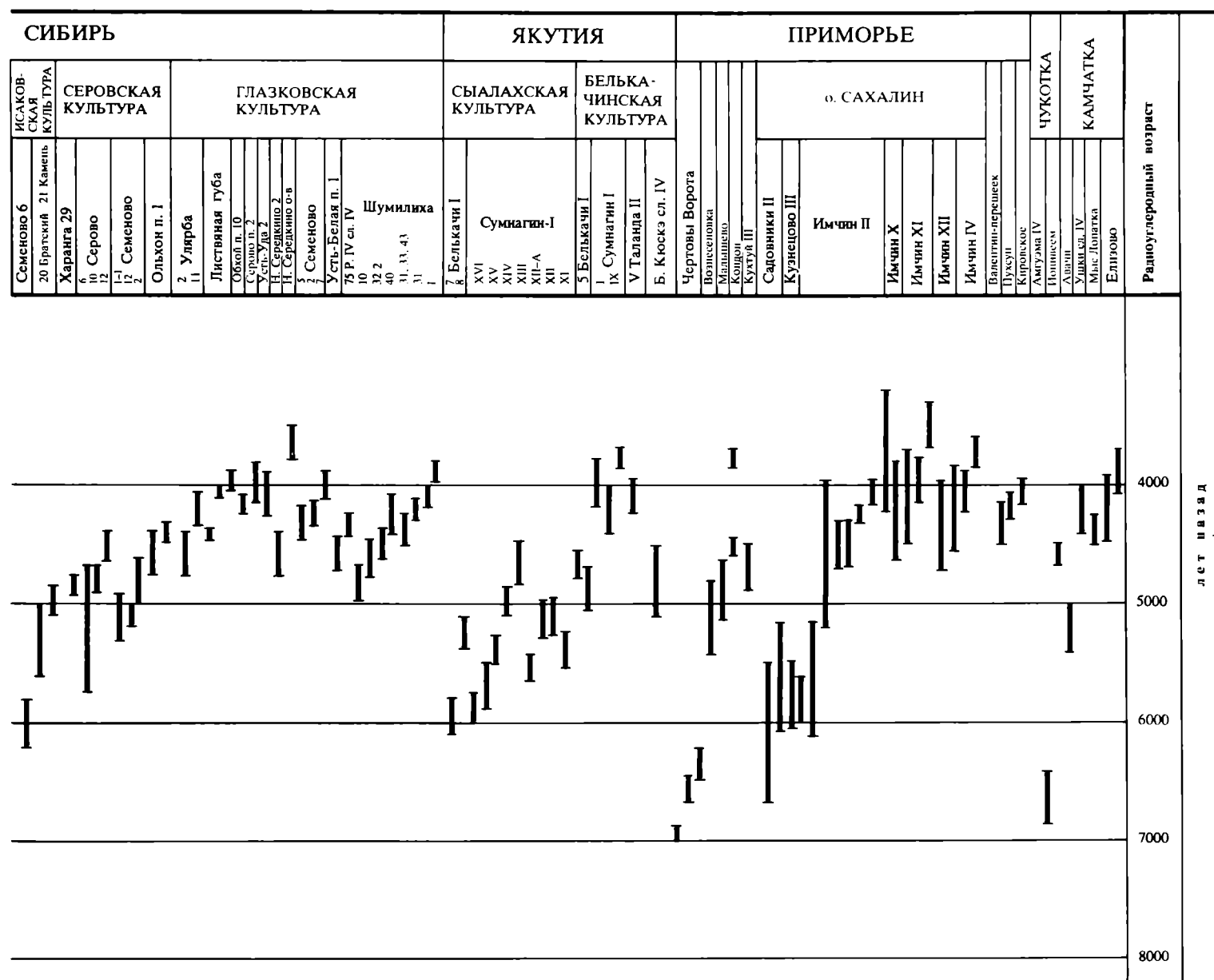
относятся и ранне неолитические комплексы степной полосы Восточной Европы, хотя даты степных неолитических памятников очень немногочисленны и ранне керамические слои в этом обширном регионе еще не датированы радиоуглеродным методом (даты Матвеева Кургана в Приазовье, на наш взгляд, относятся к периоду, непосредственно предшествующему появлению первой керамики). Распространение керамики в наиболее северных районах лесной полосы и на Крайнем Севере, судя по серийным датировкам неолитических памятников Кольского полуострова, ранне неолитических комплексов сылахской культуры, подстилающих их комплексов позднего мезолита Якутии, произошло позднее, чем на более южных территориях.

Накопление данных по радиоуглеродной хронологии приближает решение вопросов синхронизации стратиграфических колонок культур смежных и удаленных регионов и установления хронологического соотношения локальных вариантов неолитических культур. Для наиболее изученной в отношении абсолютной хронологии Восточной Прибалтики серийными датами фиксируются временные различия локальных вариантов обширной нарвской культуры. Наиболее ранний, южный, примерно синхронен ранним комплексам верхневолжской культуры и датированным материалам культуры сперрингс Карелии, западный вариант существовал в литоральной зоне Литвы и Западной Латвии синхронно с комплексами культуры гребенчато-ямочной керамики Восточной Латвии и Эстонии. Культура гребенчато-ямочной керамики Восточной Прибалтики синхронна, судя по имеющимся датам, ранним комплексам волосовской культуры цен-

тральных районов лесной полосы, чему соответствуют и находки янтарных украшений, открытых на ряде волосовских памятников (Крайнов, 19876). Необходимо отметить, что до настоящего времени недостаточно разработана линия синхронизации памятников культуры гребенчато-ямочной керамики Восточной Прибалтики и Финляндии: комплексы с керамикой стиля II, по А. Европеусу, в Финляндии имеют значительно более ранние даты C-14 (Jungner, 1979), чем стоянки с близкой керамикой в Эстонии и Восточной Латвии (см. также: Янитс Л., Янитс К., 1981).

Можно отметить, что, как показывают данные по хронологии ряда регионов, появление первой металлургии (меди) происходило еще в неолитическое время, в разных независимых друг от друга центрах, при наличии соответствующих природных ресурсов. Так было на Ближнем Востоке, где первые изделия из самородной меди появились еще в докерамических

комплексах, на Кавказе, где “ранний энеолит” синхронен неолитическим культурам смежных территорий, на Балканах, где раннее и независимое от других центров появление металлургии было показано К. Ренфрю (Renfrew, 1969). В этот же ряд следует поставить и находки первых медных изделий в еще неолитических по остальным признакам комплексах Карелии (Журавлев, 1977а,б). Видимо, сосуществование в смежных регионах “энеолитических” и неолитических поселений представляло собой относительно частое явление. Неясен вопрос о возможности сосуществования в более раннее время в разных “эко-

логических нишах” ранненеолитического и позднемезолитического населения. Не исключено, что этим обстоятельством могут объясняться некоторые поздние датировки мезолитических комплексов. Одной из принципиально важных особенностей применения данных радиоуглеродного метода является возможность замены эволюционных схем конкретной хронологией, отражающей неравномерности, различия в темпах развития и изменения материальной культуры и позволяющей в определенной мере реконструкцию исторического процесса в его конкретности.

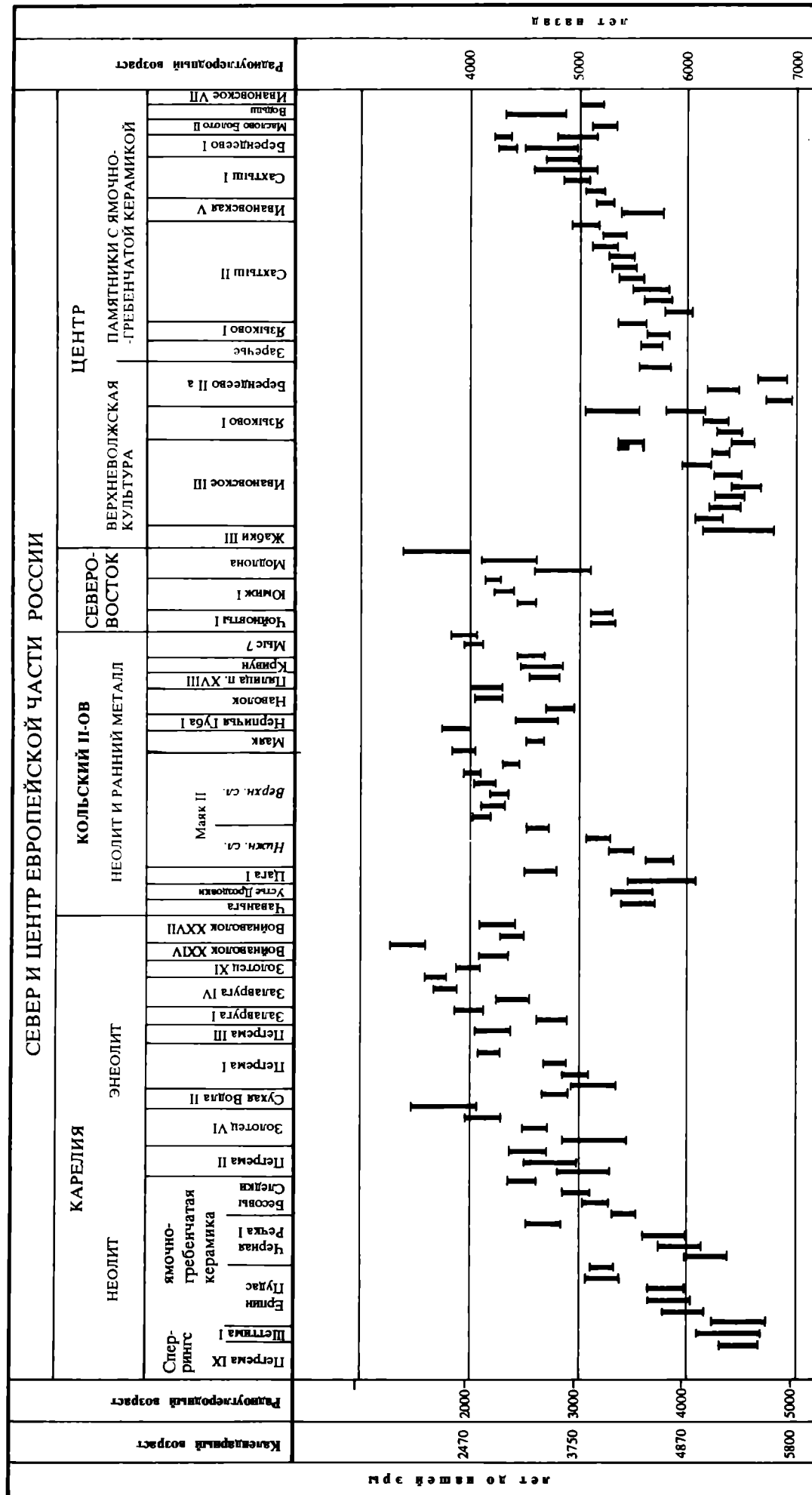

Таблица 1

Список радиоуглеродных датировок неолита

Название памятника, территория	Материал*	Лабораторный индекс	Радиоуглеродная дата (л.т.н.)	Средняя календарная дата с учетом калибровки (до н.э.)
1	2	3	4	5
Средняя Азия				
Тоголок-депе. Туркмения	1	Bln-719	7320±100	6100±120
	1	Bln-718	6890±100	5770±370
Джебел, сл. IV (III?). Туркмения	1	ЛЕ-1	6030±240	4930±380
Джейтун. Туркмения	10	Ox A-2912	7100±90	5950±460
	10	Ox A-2913	7180±90	6030±480
	10	Ox A-2914	7270±100	—
	10	Ox A-2915	7200±90	6050±485
	10	Ox A-2916	7190±90	6040±480
Чагыллы-депе. Туркмения	1	ЛЕ-592	7000±100	5860±420
Учащи 131. Узбекистан. Над культурным слоем	торфоподобная порода	ГИН-915	6630±100	5500 ±240
		ГИН-916	6590±130	5530±300
Туткаул. Таджикистан. Сл. II	1	ЛЕ-777	6760±110	5660±320
Сл. II (основание)	1	ЛЕ-772	8020±70	6970±140
Сл. I	1	ЛЕ-690	7100±140	5960±490
Ош-Хона, гор. III. Таджикистан	1	ЛЕ-1265	7380±150	6170±200
	1	ЛЕ-1266	7095±120	5950±460
Ак-Таньга. Таджикистан. Сл. "Гиссар IV"	1	ЛЕ-474	5950±380	4870±480
Сл. "Бронза III"	1	ЛЕ-429	4170±110	2730±300
Сай-Сайед. Таджикистан. Гор. I	1	ЛЕ-1295	4970±180	3750±370
Гор. II	1	ЛЕ-1296	4575±100	3330±320
Юго-Запад				
Сороки II. Молдавия. Сл. 3 (докерамич. неолит)	1	Bln-588	7515±120	6430±150
Сл. 2 (докерамич. неолит)	1	Bln-587	7420±80	6350±210
Сл. I	1	Bln-586	6830±150	5730±340
Сороки V. Молдавия	1	Bln-589	6495±100	5450±250
Матвеев курган I. Ростовская обл.	1	GrN-7199	7505±210	6420±380
	1	ЛЕ-1217	7180±70	6020±460
Матвеев курган II. Ростовская обл.	1	ЛЕ-882	5400±200	4210±350
Самсоновское. Ростовская обл.	7	ИГАН-726	7460±200	6360±250
Ракушечный яр. Ростовская обл. Сл. 8	1	Bln-704	6070±100	5000±260
Сл. V, по Д.Я. Телегину	8	Kи-955	5890±105	4870±310
Сл. III-A	1	Bln-1177	4360±100	3110±250
Осиповский могильник. Украина	2	Kи-517	6075±125	5000±260
	2	Kи-519	5940±420	4860±480
Александрия. Могильник. Украина	6	Kи-103	5470±350	4350±570
Никольский могильник. Украина. Яма 3	6	Kи-523	5640±400	4540±650
Яма Е	6	Kи-101	4620±120	3350±300
Деревка. Украина	8	Kи-465	5230±95	4080±190
	8	Kи-466	5400±100	4170±270
	6	UCLA-1466A	5515±90	4260±290
	6	UCLA-1671A	4900±100	3640±260
Джангар. Калмыкия. Гор. 2	1	ЛЕ-2564	6100±70	5093±190
Гор. I	1	ЛЕ-2901	5890±70	4820±220
Царица. Волгоградская обл.	1	GrN-7197	4430±60	3140±230
Университетская III. Воронежская обл. Основание слоя III	2	ЛЕ-1013	5080±125	3890±230
Черкаска. Воронежская обл.	2	ЛЕ-1987	5710±60	4570±150
Подзорово. Липецкая обл.	2	ЛЕ-725	4770±60	3570±200
Липецкое озеро. Липецкая обл.	6	ЛЕ-3743	5310±110	4140±270
Восточная Прибалтика.				
Северо-Запад и Север Восточной Европы				
Звидзе. Латвия. Пограничный горизонт: мезолит/неолит	2	ТА-862	6535±60	5480±240
	1	ТА-856	6770±60	5660±310
	2	ТА-1607	6630±80	5550±300
	2	ТА-1612	6610±80	5540±280
ранненеолитический слой	2	ТА-1609	6210±70	5150±190
	2	ТА-1608	6110±80	5030±260
	2	МГУ-1008	6450±250	5330±360
	1	ТА-852	6315±60	5280±220

ЧАСТЬ II. НЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
	1	ТА-1746	6350±60	5310±240
	1	ТА-1593	6210±80	5150±220
	1,2	Vs-521	6180±150	5030±260
	1,2	Tln-812	6195±40	5130±190
	1,2	Ri-359	6052±150	4930±360
	1,2	ИГАН-614	6360±40	5320±230
	1,2	МГУ-1010	6200±240	5110±380
	2	ТА-883	6260±60	5190±200
	2	ТА-1592	6170±70	5120±180
	2	ТА-1818	5770±60	4670±230
	1	ТА-1819	5870±60	4800±250
	2	ТА-1799	5510±70	4320±210
	2	ТА-1594	5440±80	4220±300
	2	ТА-1800	5320±50	4140±250
средненеолитический слой	2	ТА-1801	4750±60	3570±210
	2	ТА-1802	4430±50	3120±230
	2	ТА-674	4540±60	3270±230
	2	ТА-675	4370±80	3120±250
Оса. Латвия. Ранненеолитический слой	2	Ri-272	6533±120	5440±180
	2	МГУ-1009	6560±440	5480±500
	2	ЛЕ-961	5880±80	4820±380
	2	ЛЕ-962	5780±70	4680±230
	2	ЛЕ-850	5730±50	4580±150
Звейсалас. Латвия	1	ЛЕ-798	4970±50	3770±130
Акали. Эстония	2	ТА-395	4905±70	3640±240
Кяэпа. Эстония	1	ТА-103	6255±100	5190±240
	4	ТА-5	4865±235	3560±380
	?	ТА-724	4740±60	3560±200
	?	ТА-478	4760±80	3570±220
	?	ТА-815	4640±100	3450±300
	6	ТА-6	4480±255	3110±670
	2	ТА-4	4350±220	3030±470
Жемайтишке З. Литва. Н. слой	1	Bln-2594	5510±60	4320±210
	1	ЛЕ-4213	4660±350	3390±520
Сарнате. Латвия. Жилище Т.	6	ТА-26	4700±250	3440±430
Жилище У.	1	ТА-24	4490±250	3430±630
Жилище S.	2	ТА-265	4630±70	3400±240
Близ жилищ N, S, L	2	Bln-769	4639±100	3450±300
Близ жилищ N, S, L	2	ЛЕ-814	4510±110	3220±290
Швянтойи, п. 1. Литва Н. слой	2	ТА-247	4400±90	3220±340
	2	ИГАН-12	4470±40	3210±260
	2	ЛЕ-904	4225±70	3840±190
	2	ЛЕ-833	4100±60	2660±240
п. 2. Нижний слой	2	Lj-2523	4640±60	3400±240
	2	Vs-23	4400±55	3130±230
п. 3. Нижний слой	2	Vib-9	4410±70	3140±230
п. 23	2	Vib-1	4190±80	3770±330
п. 6 (Паланга II)	2	ЛЕ-2602	3670±40	2100±210
Шарняле. Литва	1	Vs-318	4260±90	2990±350
Сулька. Латвия	4	ЛЕ-834	4850±60	3620±240
	2	ЛЕ-752	4060±60	2650±240
Ниже культурного слоя	4	ЛЕ-836	5260±70	4350±200
Пиестиня. Латвия	4	ЛЕ-750	4670±150	3410±370
	4	ЛЕ-867	4250±50	2900±240
	2	ЛЕ-748	4520±120	3230±280
Найниексте. Латвия	4	ЛЕ-648	4170±130	2750±540
Крейчи. Латвия	2	ТА-8	4020±300	2620±730
Эйни. Латвия	2	ЛЕ-751	4000±60	2560±230
Тамула. Эстония	2	ТА-237	4300±70	3100±240
	6	ТА-28	4050±180	2640±490
	2	ТА-10	3600±180	2050±470
Жемайтишке I. Литва	2	Bln-2593	4420±60	3140±230
	2	Vs-312	3710±160	2150±390
Цедмар (Серово), п. А. Калининградская обл.	1	ЛЕ-1269	5440±90	4220±300
Нижний слой	1	Bln-2162	5280±50	4120±250
	5	Bln-2163	5300±60	4130±250
	1	ЛЕ-1268	4955±110	3690±290
	1	ЛЕ-1387	4900±80	3640±350
	1	Bln-2165	5120±50	3900±210
	1	ЛЕ-1388	4920±80	3640±260

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
	1	ЛЕ-1389	5100±60	3890±210
	5	Вln-2164	5100±50	3890±210
	5	ЛЕ-1319	4730±140	3510±350
С поверхности нижнего слоя	1	ЛЕ-1343	4260±80	2990±350
Цедмар (Серово), п. Д. Калининградская обл.	2	ЛЕ-3173	4990±45	3780±130
Основной неолитический комплекс	2	ЛЕ-3174	5090±50	3890±210
	1	ЛЕ-3176	5170±70	3960±170
	2	ЛЕ-3179	4880±50	3630±240
	1	ЛЕ-3388	5150±100	3990±310
	5	ЛЕ-3924	5070±150	3890±230
	5	ЛЕ-3926	4890±100	3640±250
	9	Ua-2375	5180±100	4010±320
	9	Ua-2376	5120±100	3900±230
	9	Ua-2377	5030±100	3870±220
	9	Ua-2378	4950±90	3650±250
	9	Ua-2379	4840±100	3620±250
	9	Ua-2380	5100±100	3890±220
	9	Ua-2381	4810±100	3610±250
	9	Ua-2382	5230±100	4080±250
	9	Ua-2383	5360±130	4150±270
	9	Ua-2384	5280±80	4130±270
Цедмар (Серово), Д. Финальный эпизод памятника	1	ЛЕ-1176	4240±90	2960±340
	1	ЛЕ-848	4180±50	2820±180
	1	ЛЕ-3925	3870±290	2360±660
	2	ЛЕ-1181	4020±80	2600±230
	2	ТА-1173	4350±80	3080±280
	2	ЛЕ-3168	3890±60	2400±220
	2	ЛЕ-3169	4300±40	3100±240
	2	ЛЕ-3171	4250±40	2900±240
	2	ЛЕ-3170	4210±45	2720±300
	2	ЛЕ-3177	4170±45	2800±165
	2	ЛЕ-3992	4120±100	2690±270
Утиное болото I. Калининградской обл.	1	ЛЕ-1237	4870±230	3570±580
Рудня Сертейская. Смоленская обл.	2	ЛЕ-3054	6240±40	5170±190
Ранненеолитический слой	2	ЛЕ-2568	6230±40	5160±190
	2	ЛЕ-2569	6180±70	5110±200
	2	ЛЕ-2579	6130±40	5100±180
	2	ЛЕ-2566	5940±40	4880±310
	2	ЛЕ-4101	5940±130	4890±340
	2	ЛЕ-4100	5850±280	4700±580
	1	ЛЕ-2577	5780±50	4680±230
	2	ЛЕ-2570	5770±60	4670±230
	2	ЛЕ-2578	5530±40	4330±210
	2	ЛЕ-2580	5560±40	4350±200
	2	ЛЕ-3000	5480±60	4210±230
	2	ЛЕ-3001	5390±60	4160±250
Усвяты IV. Псковская обл. Сл. Б.	2	ЛЕ-651	5530±90	4270±290
	2	ТА-105	4570±70	3280±230
	2	ТА-244	4510±70	3250±240
	2	ТА-243	4310±80	3010±240
	2	ТА-202	4230±70	2860±190
	2	ТА-203	4110±70	2660±240
	2	ЛЕ-649	3920±90	2470±310
Сертея VIII	2	ЛЕ-4112	4760±200	3470±410
	2	ЛЕ-4110	4620±200	3350±440
	2	ЛЕ-4108	4590±130	3350±400
Наумово. Псковская обл. Сл. Б.	2	ЛЕ-1007	4030±50	2632±230
Дубокрай V. Смоленская обл.	2	ЛЕ-3003	4720±40	3560±200
	2	ЛЕ-2999	4080±40	2652±240
Сертея II. Смоленская обл. Сл. Б	2	ТА-817	4150±80	2720±300
	2	ТА-633	4120±60	2670±240
	2	ТА-632	4080±60	2650±240

ЧАСТЬ II. НЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
Заценье. Белоруссия. Нижний слой	4	ЛЕ-960	5450±75	4190±240
Кривина. Белоруссия	1	GrN-5125	4270±40	2910±240
	4	ЛЕ-757	3880±60	2450±280
	2	ЛЕ-1062	3800±60	2310±210
Осовец II. Белоруссия	1	ЛЕ-936	3880±80	2390±260
Усть-Рыбежна I. Ленинградская обл.	1	ЛЕ-405	6380±220	5310±350
Выше культурного слоя	4	ЛЕ-634	4510±85	3220±290
Выше культурного слоя	2	ЛЕ-599	4000±70	2560±230
Хепо-Ярви. Ленинградская обл.	1	ЛЕ-1412	6480±60	5440±220
	1	ЛЕ-1411	6380±60	5330±230
	1	ЛЕ-1409	4100±60	2660±240
	1	ЛЕ-1408	4020±70	2630±230
Сяберская III. Ленинградская обл.	1	ЛЕ-3137	4970±250	3780±610
	1	ЛЕ-3428	4025±70	2600±290
	1	ЛЕ-3430	4090±120	2665±290
	1	ЛЕ-3431	3920±70	2470±310
	1	ЛЕ-3427	3910±100	2460±310
	1	ЛЕ-3426	3880±160	2380±410
Репище. Новгородская обл. Сл. 5	2	ЛЕ-1262	4670±120	3460±300
Сл. 4	2	ЛЕ-1263	4580±120	3340±310
Пегрема IX. Карелия	1	ТА-1161	6510±90	5460±250
Шеттима I. Карелия	1	ТА-1152	6400±150	5340±300
Ерпин Пудас. Карелия	1	ТА-344	6510±120	5460±250
	1	ТА-799	5990±100	4900±330
	1	ТА-472	5860±100	4810±270
	1	ТА-413	5825±80	4740±300
	1	ТА-800	5460±80	4230±300
	1	ТА-795	5240±50	4100±240
Черная Речка I. Карелия (здесь и ниже)	1	ТА-1634	6200±100	5120±190
	1	ТА-1648	5950±100	4890±320
	1	ТА-1550	5800±100	4720±280
	1	ТА-1651	5500±100	4310±270
Черная Речка II-a	1	ТА-2203	5420±100	4230±230
	1	ТА-2353	5930±80	4930±260
Черная Губа III	1	ТА-1890	4950±100	3850±130
Черная Губа IV	1	ТА-2024	4580±60	3300±200
Черная Губа IX	1	ТА-2023	4840±80	3640±260
	1	ТА-2140	4340±80	3015±315
Черная Губа XIX	1	ТА-1315	6530±80	5480±260
Кладовец V-a	1	ТА-1450	5850±80	4730±200
Мейери II	1	ТА-1518	4300±100	2970±360
Мяньгора I	1	ТА-1079	5880±80	4760±225
Оровнаволоок XVI	1	ТА-828	4200±20	2790±90
Суна XII	1	ТА-1310	5160±70	4005±200
Тунгуда III	1	ТА-2200	4220±60	2820±200
Тунгуда XIV	1	ТА-2018	4210±80	2770±250
	1	ТА-2019	4340±80	3015±315
Шелтозеро X	1	ТА-1308	6400±80	3390±215
	1	ТА-1311	4330±80	3000±330
Шелтозеро XI	1	ТА-1312	6480±70	5435±225
	1	ТА-1313	5960±70	4960±240
	1	ТА-1633	4700±80	3470±300
Бесовы следки	2	ГИН-129	5430±50	4180±240
	2	ТА-522	5180±60	3960±180
	2	ТА-431	5000±60	3780±130
	2	ТА-471	4495±60	3240±240
Пегрема I	1	ТА-541	5145±110	3910±230
	1	ЛЕ-1029	4980±60	3780±130
	1	ТА-492	4780±50	3580±200
	1	ТА-493	4200±50	2840±190
Пегрема II	1	ТА-811	5070±120	3890±220
	1	ТА-810	4750±120	3570±220
	1	ТА-808	4550±90	3270±270
	1	ТА-493	4200±50	2830±190

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
Пегрема III	1	ТА-813	4240±90	2990±320
Сухая Водла II	1	ТА-1553	4810±60	3590±210
Золотец VI	1	ТА-421	5160±150	4020±350
	1	ТА-391	4620±60	3400±220
	1	ТА-793	4150±80	2720±300
	1	ТА-801	3780±150	2260±380
Залавруга I	1	ТА-393	4775±70	3570±210
	1	ГИН-130	4010±70	2590±200
Залавруга IV	1	ТА-392	4430±80	3180±290
	1	ТА-994	3810±50	2320±210
	1	ТА-797	3700±100	2190±320
Золотец XI	1	ТА-798	3990±60	2500±180
Войнаволок XXIV	1	ТА-820	4250±70	2900±240
	1	ТА-819	3560±80	1940±250
Войнаволок XXVII	1	ТА-1448	4410±50	3140±230
	1	ТА-1748	4280±80	3000±300
Кольский полуостров. Мурманская область				
Чаваньга	1	ЛЕ-1122	5560±80	4340±220
Устье Дроздовки	1	ЛЕ-1332	5510±100	4760±290
Цага I	1	ЛЕ-1087	5760±160	4720±310
	1	ЛЕ-971	4690±70	3480±280
Маяк II. Нижний слой (гор. 4)	1	ЛЕ-1995	5760±60	4670±230
	1	ЛЕ-2632	5390±60	4130±250
	1	ЛЕ-1994	5190±60	3970±180
	1	ЛЕ-1992	4630±50	3400±240
Маяк II. Верхний слой.				
Гор. 3	1	ЛЕ-2138	4110±50	3140±230
Гор. 3	1	ЛЕ-1684	4230±60	2850±190
Гор. 3	1	ЛЕ-1493	4290±40	3080±280
Гор. 2	1	ЛЕ-1491	4160±70	2750±190
Гор. 2	1	ЛЕ-1490	4050±40	2640±230
Гор. 1	1	ЛЕ-1492	4390±40	3130±230
Гор. 1	1	ЛЕ-1495	3930±40	2430±220
Маяк	1	ЛЕ-1399	4620±40	3400±240
	1	ЛЕ-1398	3878±60	2400±230
Нерпичья губа I	1	ЛЕ-1329	4630±100	3360±300
Наволоок	1	ЛЕ-1090	4840±70	3620±240
	1	ЛЕ-1089	4170±70	2800±160
	1	ЛЕ-1026	4170±70	2800±160
Пялица, п. XVIII	1	ЛЕ-1031	4700±70	3560±100
Кривун	1	ЛЕ-1331	4650±90	3450±300
Сев. Сальма	1	ЛЕ-4509	4550±570	3270±620
Мыс 7	1	ЛЕ-1687	4560±60	3280±230
	1	ЛЕ-1494	4051±40	2640±230
	1	ЛЕ-1690	3950±60	2530±230
Коми АССР. Чайновты I	1	ЛЕ-1729	5230±60	4140±250
	1	ЛЕ-2168	5210±60	4060±260
Юмдж I. Коми АССР	1	ЛЕ-2598	4530±40	3260±230
	1	ЛЕ-2599	4320±40	3110±240
	1	ЛЕ-2597	4220±40	2840±180
Чергас. Коми АССР	1	ЛЕ-1932	3910±40	2420±220
Модлона. Вологодская обл.				
Н. слой	2	ЛЕ-994	4850±120	3620±250
В. слой	2	ЛЕ-993	4360±130	3080±420
В. слой	2	ЛЕ-992	3690±150	2130±400
Центральные области европейской части России				
Языково I. Калининская обл.				
Н. слой	2	ЛЕ-1189	6370±70	5330±230
Нижний слой	2	ЛЕ-1080	6250±60	5180±200
"переходный слой", по Ю.Н. Урбану	2	ЛЕ-1190	5980±90	4900±330
	2	ЛЕ-1079	5280±130	4100±320
Льяловский слой	2	ЛЕ-1081	5730±50	4580±150
	2	ЛЕ-1188	5490±70	4250±270
Верхний слой	2	ЛЕ-1082	4100±40	2660±240
Ивановское III. Ярославская обл. Сл. III	2	ЛЕ-3094	6210±50	5145±190
	2	ЛЕ-3097	6350±70	5300±200
	2	ЛЕ-1973	6370±70	5325±230
	1	ЛЕ-1935	6540±70	5480±240

ЧАСТЬ II. НЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
	2	ЛЕ-1978	6360±80	5310±260
	4	ЛЕ-1249	6090±70	5080±180
	5	ИГАН-160	6300±40	5260±220
	5	ИГАН-71	6500±50	5450±230
Стерильный прослой над сл. III	2	ЛЕ-1946	5510±60	4320±210
Слой II., гор. Б	3	ЛЕ-1976	5100±60	3890±210
	1	ГИН-241	4800±250	3530±370
Жабки III	1	ГИН-3214	6460±160	5390±300
Курово II. Калининская обл.	1	ЛЕ-1736	6770±70	5660±300
	1	ЛЕ-1734	6950±70	5815±380
Никольская-правая. Московская обл.	1	ЛЕ-2055	6470±70	5430±220
Старорязанская. Рязанская обл.	2	ЛЕ-1802	6170±70	5120±180
	2	ЛЕ-1803	5280±60	4122±240
Ивановское II. Ярославская обл.	2	ЛЕ-1974	6220±70	5150±210
	2	ЛЕ-1977	5060±40	3870±210
	2	ЛЕ-1981	4460±50	3200±260
Сахтыш I. Ивановская обл.	3	ЛЕ-1021	6560±250	5520±330
	2	ЛЕ-1024	5150±40	3950±170
	2	ЛЕ-1020	5000±70	3780±130
	4	ЛЕ-1198	4870±150	3630±260
	2	ЛЕ-1019	4850±70	3620±240
	2	ЛЕ-1023	4060±70	2640±230
Сахтыш II. Ивановская обл.	1	ЛЕ-1587	6170±80	5120±200
	4	ЛЕ-1573	5900±60	4820±250
	2	ЛЕ-1550	5720±60	4570±140
	1	ЛЕ-1901	5660±80	4340±220
	1	ЛЕ-3083	5470±60	4200±230
	1	ЛЕ-1588	5410±60	4170±240
	1	ЛЕ-1889	5380±60	4160±250
	3	ЛЕ-1583	5280±60	4130±250
	2	ЛЕ-1554	5330±60	4140±250
	2	ЛЕ-1552	5050±70	3870±200
	2	ЛЕ-1900	4570±50	3280±230
	1	ЛЕ-1891	4470±80	3200±290
	1	ЛЕ-1892	4320±80	3010±340
	1	ЛЕ-2615	4190±50	2830±190
Сахтыш VIII. Ивановская обл.	1	ЛЕ-1382	6860±60	5740±340
	2	ЛЕ-1427	4400±60	3130±230
Ивановское V. Ярославская обл.	4	ЛЕ-1109	5560±100	4340±220
	4	ЛЕ-1110	5230±40	4090±230
Вашутинская. Ярославская обл.	1	ЛЕ-2607	6820±80	5710±350
	1	ЛЕ-2606	5040±60	3800±140
Берендеево I. Ярославская обл.	2	ГИН-112	5730±120	4660±250
	3	ГИН-1126	4300±40	3100±240
	3	ГИН-1976	4340±40	3125±240
	3	МО-446	4970±95	3737±190
Берендеево IIa. Ярославская обл.	1	ЛЕ-1559	6880±60	5750±350
	1	ЛЕ-1557	6310±70	5275±220
	1	ЛЕ-1586	6780±70	5672±310
	2	ЛЕ-1564	5690±70	4565±140
	2	ЛЕ-1563	5140±60	3947±170
	1	ЛЕ-1378	5200±60	4047±250
	2	ЛЕ-1582	4380±50	3127±230
Залесье. Калининская обл.	1	ЛЕ-1144	6530±50	5472±240
Нижние Котлицы. Калининская обл.	1	ЛЕ-1333	6860±100	5745±360
	1	ЛЕ-1497	4290±50	3067±270
	1	ЛЕ-1681	4090±50	2657±240
	1	ЛЕ-1334	3970±80	2530±330
Черная речка. Калининская обл.	1	ЛЕ-1223	5540±120	4270±280
Заречье. Московская обл. Нижн. слой	4	ЛЕ-969	5670±50	4550±140
Верхний слой	4	ЛЕ-970	4580±50	3290±230
Водыш. Костромская обл.	1	ЛЕ-1228	4590±140	3350±400
Маслово болото II. Московская обл.	2	ЛЕ-1909	5230±60	4095±230
Маслово болото IV. Московская обл.	1	ЛЕ-1224	4780±120	3605±240

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
Теханово. Ярославская обл.	1	ЛЕ-1735	5260±60	4110±240
Плещеево IV. Ярославская обл.	1	ГИН-115	4720±50	3560±200
	1	ГИН-116	3870±30	2360±180
	1	ЛЕ-4347	6440±370	5380±470
Ланино. Калининская обл.	1	ЛЕ-2361	4120±40	2670±240
	1	ЛЕ-2360	4080±40	2650±240
	1	ЛЕ-2358	3980±40	2550±230
	1	ЛЕ-2359	3860±40	2350±190
	1	ЛЕ-3299	5910±680	4740±620
	1	ЛЕ-3485	5570±80	4350±250
	1	ЛЕ-3490	5440±140	4220±330
Поволжье. Урал. Западная Сибирь				
Имерка III. Мордовская АССР	1	ЛЕ-2313	5560±100	4340±220
Имерка V. Мордовская АССР. Н. слой	1	ЛЕ-2160	5050±40	3860±660
	1	ЛЕ-2159	4940±50	3760±130
Кочуровское I. Удмуртская АССР	1	ЛЕ-1345	5410±60	4170±150
Луговая III. Ульяновская обл.	1	КИ-867	4400±210	3090±440
	1	КИ-866	4310±90	3010±340
Среднее Шаудбегово III. Удм. АССР	1	ЛЕ-2715	4560±50	3277±230
Чумайтло I. Удмурт. АССР	1	ЛЕ-1289	4170±90	2730±300
Черная Маза. Горьковская обл.	1	ЛЕ-941	4250±45	2900±240
Чернушка I. Удмурт. АССР	1	ЛЕ-1877	6870±70	5750±350
	1	ЛЕ-1874	5350±60	4150±250
	1	ЛЕ-1876	4990±50	3780±130
Стрелка. Свердловская обл. Над сл.	2	МО-2	4800±200	3527±370
Горбуновский торфяник. 6 разрез	2	МО-1	4360±300	3050±700
Горбуновский торфяник. Свердловская обл.	2	ЛЕ-1533	5070±60	3880±210
Горбуновский торфяник. Свердловская обл.	2	ЛЕ-1532	4810±50	3580±210
	2	ЛЕ-1479	4560±80	3320±300
Боровка III. Свердловская обл.	1	ЛЕ-1531	5770±60	4620±180
	1	ЛЕ-1312	3740±60	2232±270
Серый камень. Свердловская обл.	1	ЛЕ-2487	5230±40	4090±230
	1	ЛЕ-2486	5160±60	3950±170
	1	ЛЕ-2484	4870±60	3630±240
	1	ЛЕ-2485	4360±40	3120±230
Кокшаровско-Юрьевская. Свердловская обл.	1	ЛЕ-2060	6470±80	5440±240
	4	ЛЕ-2058	5190±60	3970±180
	4	ЛЕ-2057	4210±40	2840±190
	2	ЛЕ-2056	3860±40	2350±190
Выйка II. Свердловская обл.	1	ЛЕ-1538	4580±60	3290±230
	1	ЛЕ-1416	5760±60	4670±230
Исетское оз. Свердловская обл.	1	ЛЕ-3063	5880±60	4810±250
	1	ЛЕ-2646	5210±40	4060±260
	1	ЛЕ-3069	4690±120	3470±300
Тоолыд-Нюр VIII. Свердловская обл.	1	ЛЕ-2740	4640±50	3400±240
	1	ЛЕ-2739	6450±60	5410±210
Кожиг I. Свердловская обл. Н. слой	1	ЛЕ-2741	5130±40	3900±210
Дуванское V	1	ЛЕ-1367	5295±60	4130±250
Андреевское оз. Карьер II. Тюменская обл.	1	ЛЕ-1286	5590±125	4410±280
Козлова Перейма II. Тюмен. обл. Погр.	1	ЛЕ-357	4000±130	2590±420
Ташково I. Курганская обл.	1	ЛЕ-1534	7440±60	6200±120
Ташково III	1	ЛЕ-4344	6380±120	5330±260
Березки. Челябинская обл.	7	ИГАН-218	7400±130	6190±260
Муллино II. Башкортостан	6	ЛЕ-1514	6260±70	5210±250
	6	ИГАН-383	8052±160	7000±210
Муллино III	6	ИГАН-382	6450±80	5420±240
Час-Тый-Яг. Тюменская обл.	1	ЛЕ-2711	6130±50	5100±180
	1	ЛЕ-2713	6150±40	5110±180
Сартынья I	1	ЛЕ-1830	6630±80	5550±290
	1	ЛЕ-1831	6440±80	5410±230
Геологическое III. Тюменская обл. Жил. 5	1	ЛЕ-4217	7200±1100	6100±670
Жил. 3	1	ЛЕ-4219	6280±320	5130±560

ЧАСТЬ II. НЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
Боровое. Тюменская обл.	1	ЛЕ-2047	3960±40	2540±230
	1	ЛЕ-2048	3700±40	2110±110
Леуши VII. Тюменская обл.	1	ЛЕ-2726	6890±70	5760±350
	1	ЛЕ-2729	6370±60	5320±230
	1	ЛЕ-2725	6130±40	5100±180
	1	ЛЕ-2728	5750±60	4660±220
	1	ЛЕ-2727	3950±40	2530±230
Сумпанья IV. Ханты-Мансийская АО	1	ЛЕ-1440	6850±60	5730±340
	1	ЛЕ-1813	6520±70	5470±240
	1	ЛЕ-1814	6590±70	5520±260
	1	ЛЕ-1818	6530±70	5470±240
Сумпанья VI	1	ЛЕ-2540	6100±70	5080±180
	1	ЛЕ-2536	3670±40	2050±160
Пясина I	1	ЛЕ-1963	4960±50	3770±120
Усть-Половинка. Таймырский НО	1	ЛЕ-1017	4060±120	2620±280
Южная Сибирь				
Ниж. Джилинда I. Бурятия	1	ЛЕ-1955	7880±80	6690±160
	1	ЛЕ-1956	7580±80	6420±160
	1	ЛЕ-1957	6720±80	5610±300
	6	ГИН-4051	7230±40	6080±470
Усть-Каренга. Бурятия	1	ЛЕ-1960	7230±80	6030±440
	1	ЛЕ-1961	6890±80	5770±380
Каминная. Алтайский край	1	СОАН-2498	5635±70	4540±130
	1	СОАН-2314	5110±100	3900±250
Тоора-Даш. Тувинская АССР	1	ЛЕ-1529	3740±40	2240±270
Горелый Лес. Иркутская обл. Гор. IV	1	RI-50	6695±150	5610±340
Казачка. Красноярский кр. Гор. VI	1	ЛЕ-1231	6660±190	5590±370
Гор. V	1	ЛЕ-1227	6830±210	5740±420
Гор. IV	1	ЛЕ-1230	4580±60	3290±230
Улан-Хада. Иркутская обл. X к.г.	1	ЛЕ-2783	6310±70	5280±220
X к.г.	1	ЛЕ-2277	7560±80	6440±160
IX-XI к.г.	1	ЛЕ-1282	4560±100	3320±310
IX к.г.	1	ЛЕ-2780	4110±50	2660±240
VIII к.г.	1	ЛЕ-2778	3530±40	1910±210
VIII к.г.	1	ЛЕ-1280	4150±80	2720±300
VII-VI к.г.	1	ЛЕ-1279	3710±100	2190±320
VII-V к.г.	1	ЛЕ-1278	4220±120	2860±300
Сл. VII. (по Б.Э. Петри)	1	ЛЕ-883	3660±60	2090±210
IV к.г.	1	ЛЕ-2776	4610±50	3390±240
II к.г.	1	ЛЕ-2779	4910±40	3710±170
I к.г.	1	ЛЕ-1277	3800±100	2550±290
Няша. Красноярский край	1	ЛЕ-1415	4080±60	2650±240
Карасево. Красноярский край	1	ЛЕ-1733	4440±50	3150±220
Саган-Заба. Сл. IV	6	СОАН-1573	7630±45	6460±95
Сл. III	6	СОАН-1572	6000±40	4980±240
Фофаново 7, к.5	6	ГИН-4129	7040±100	5900±440
Фофаново 7, к.6	6	ГИН-4130	7000±60	5860±400
Фофаново 2	6	ГИН-4127	6720±70	5620±290
Фофаново 2	6	ГИН-4131	6720±70	5620±290
Фофаново 3	6	ГИН-4128	6350±50	5310±230
Локомотив, 8	6	ГИН-3329	6870±70	5750±350
Локомотив, 24	6	ГИН-4034	6830±80	5720±350
Локомотив, 28	6	ГИН-4035	6820±100	5710±350
Локомотив, 10	6	ГИН-3030	6780±80	5680±330
Локомотив, 23	6	ГИН-4033	6750±60	5650±300
Локомотив, 22	6	ГИН-3331	6740±180	5660±400

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5
Локомотив, 22а	6	ГИН-3333	6700±180	5630±380
Ярки, устье Китоля	6	ГИН-4052	6640±50	5560±270
Усть-Белая, 1962, п. 10	6	ГИН-4126	6760±160	5670±360
Ольхон, погр. 3. Иркутская обл.	2	СОАН-790	6550±35	5490±240
	2	ЛЕ-1076	5720±50	4580±150
	2	ЛЕ-2261	4330±60	3110±240
	2	ЛЕ-2262	3480±40	1830±150
Шумилиха, 1977, п. 3	6	ГИН-4100	6370±60	5330±230
Шаманский мыс. Иркутская обл. Сл. 1	1	СОАН-845	5940±40	4880±300
Семеново, 6	6	ГИН-3878	6040±100	4990±260
Братский камень, 20	6	ГИН-4044	5320±160	4120±310
Братский камень, 21	6	ГИН-4045	5000±70	3790±130
Харанга, 29. Иркутская обл.	6	ГИН-3873	4860±40	3620±240
Серово	6	СОАН-808	5230±270	4180±530
Серово, 10	6	ГИН-3874	4820±60	3590±210
Серово, 12	6	ГИН-3875	4530±60	3260±230
Семеново, ст. 1, п. 1	6	ГИН-3880	5120±100	3900±230
Семеново, 12	6	ГИН-3878	5100±50	3890±210
Семеново, 2	6	ГИН-4052	4790±100	3610±250
Ольхон, п. 1, 1976, Иркутская обл.	1	ГИН-1611	4590±90	3340±310
	1	СОАН-1547	4415±40	3140±230
Улярба 2	6	ГИН-4071	4600±100	3340±310
Улярба II	6	ГИН-4070	4190±70	2830±190
Листвяная губа. Иркутская обл.	1	СОАН-1375	4430±15	3150±220
	1	СОАН-1372	4050±15	2640±220
	1	СОАН-1370	3980±30	2550±220
Обхой, погр. 10. Иркутская обл.	1	СОАН-625	4170±30	2790±120
Серово, погр. 2	1	ЛЕ-513	3990±80	2540±330
Усть-Уда, 2	6	ГИН-3881	4080±100	2660±260
Н. Середкино, 2	6	ГИН-3885	4600±100	3340±310
Н. Середкино, остров	6	ГИН-4049	3640±80	2040±280
Семеново, 5	6	ГИН-3877	4340±70	3120±230
Семеново, 2	6	ГИН-3876	4240±50	2890±230
Семеново, 7	6	ГИН-4057	4030±60	2630±230
Усть-Белая, 1953, 1	6	ГИН-4047	4590±70	3340±190
Шумилиха, 1975, р. IV, сл. 4	6	ГИН-4067	4350±50	3120±240
Шумилиха, 10	6	ГИН-4064	4850±70	3620±240
Шумилиха, 32, к. 2	6	ГИН-4068	4660±80	3460±300
Шумилиха, 40	6	ГИН-3332	4500±60	3240±340
Шумилиха, 40	6	ГИН-3884	4260±90	2990±350
Шумилиха, 12	6	ГИН-4069	4360±70	3120±230
Шумилиха, 31, 33, 43	6	ГИН-4066	4210±50	2840±190
Шумилиха, 37	6	ГИН-4065	4100±50	2660±240
Шумилиха, 1	6	ГИН-4125	3900±40	2410±220

Восточная Сибирь

Белькачи I. Якутия. Сл. 7	1	ЛЕ-676	5970±70	4890±320
Сл. 6	1	ЛЕ-656	5270±70	4110±240
Сл. 5	2	ЛЕ-775	4880±90	3630±250
Сумнагин I. Якутия. Сл. XVI	2	ЛЕ-794	5880±60	4810±250
Сл. XV	1	ЛЕ-739	5720±100	4660±250
Сл. XIV	2	ЛЕ-877	5400±60	4170±240
Сл. XIV	2	ЛЕ-738	5000±60	3790±130
Сл. XIV	2	ГИН-294	4700±100	3470±300
Сл. XIII	2	ЛЕ-737	5550±60	4340±200
Сл. XII-A	1	ЛЕ-876	5140±80	3910±230
Сл. XII	1	ЛЕ-873	5100±80	3850±220
Сл. XI	1	ЛЕ-875	5400±80	4170±270
Сл. XI	2	ЛЕ-859	4670±60	3420±230
Сл. X	2	ЛЕ-866	3970±100	2530±340
Сл. IX	1	ГИН-293	4200±100	2850±300
Сл. IX	1	ЛЕ-859	3750±50	2240±270

ЧАСТЬ II. НЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5
Сиктях I. Якутия	1	ИМ-530	5220±170	4040±360
Сиктях I. Якутия	1	ИМ-556	4120±120	2690±270
Таланда II. Якутия. Сл. V (низ)	1	ЛЕ-1618	4120±60	2670±240
Сл. III	1	ЛЕ-1621	4020±50	2630±230
Сл. III (контакт)	1	ЛЕ-1622	3940±60	2430±220
Сл. III	1	ЛЕ-1624	3980±80	2540±340
Большая Кюскэ. Якутия. Сл. IV	1	ИМ-458	4800±150	3540±340
Амгуэма IV. Магаданская обл. Чукотский НО	1	ГИН-182	6665±110	5580±290
Ионивеем	1	ЛЕ-2662	4580±40	3290±230
Авачи. Камчатская обл. Сл. III	1	МАГ-306	5200±100	4060±280
Малтан. Верхний слой	1	Крил-247	4450±50	3150±220
Верхний слой	1	Крил-246	3690±50	2100±210
Ушки. Камчатская обл. Сл. IV	1	МАГ-132	4200±100	2850±300
Мыс Лопатка. Камчатская обл.	1	МАГ-312	4380±70	3130±230
	1	МАГ-317	4210±135	2880±460
Елизово. Камчатская обл.	1	ГИН-183	3900±100	2450±310
Кухтуй III. Магаданская обл.	1	ЛЕ-995	4700±100	3470±300

Дальний Восток

Чертовы Ворота. Приморский край	1	СОАН-1083	6575±45	5580±280
	1	МГУ-504	6380±70	5330±230
Вознесеновка	1	ВIn-698	5115±160	3990±340
Малышево. Хабаровский кр.	1	ВIn-699	4875±120	3630±250
Кондон. Хабаровский край	1	ГИН-170	4520±25	3260±230
	1	СОАН-1179	3770±30	2270±240
Пхусун	1	ЛЕ-193	4170±60	2800±160
Кировское	1	ЛЕ-177	4070±60	2650±230
Береговая	1	ЛЕ-202	4120±430	2722±740
Максим Горький. Хабаровский край	1	ЛЕ-827	3760±70	2240±270
Зеркальная	1	МГУ-461	3950±800	2980±200
Валентин-перешеек	1	МГУ-544	4320±90	3010±340
Садовники II. Сахалинская обл.	1	МАГ-694	6740±150	5650±350
	1	МАГ-691	6100±300	4980±540
	1	ЛЕ-4085	5590±220	4420±450
Кузнецово 3. Сахалинская обл.	1	ЛЕ-4043	5770±140	4730±310
Имчин II. Сахалинская обл. Жил. 23	1	СОАН-1145	5810±90	4780±340
Близ жил. 6	1	МАГ-680	5650±250	4405±490
Близ жил. 4	1	МАГ-674	4570±300	3260±810
Близ жил. 6	1	МАГ-684	4500±100	3215±290
Жил. 7	1	МАГ-683	4500±100	3215±290
Шурф	1	СОАН-1040	4250±30	2900±230
Жил. 1	1	СОАН-1041	4060±50	2650±230
Жил. 5	1	МАГ-673	3700±250	2160±470
Имчин X. Сахалинская обл.	1	МАГ-686	4200±200	2850±510
Имчин XI. Сахалинская обл. Жил. 1	1	МАГ-688	4100±200	2670±490
Жил. 1	1	МАГ-687	3500±100	1900±240
Жил. 9	1	МАГ-690	3950±100	2490±310
Имчин IV. Сахалинская обл.	1	СОАН-1148	4040±85	2610±290
	1	СОАН-1149	3730±70	2180±220
	1	СОАН-1147	3490±75	1840±160
Имчин VII. Сахалинская обл.	1	МАГ-685	3570±150	1990±330
Имчин XII. Жил. 2	1	ЛЕ-4068	4340±190	3020±470
Жил. 2	1	ЛЕ-4069	4180±180	2840±520
Рейдово. Сахалинская обл.	1	ЛЕ-2420	4020±40	2630±230

* Условные обозначения к списку радиоуглеродных датировок: 1 – древесный уголь; 2 – древесина; 3 – древесная кора; 4 – торф; 5 – сапропель (гиттия); 6 – кость, рог; 7 – почва; 8 – раковины; 9 – остатки пищевого нагара на поверхности сосудов (внутренней), датированные с применением ускорительной техники ("акселерированное" радиоуглеродное датирование); 10 – зерно. Датировано с применением ускорительной техники ("акселерированное" радиоуглеродное датирование).

Таблица 2

Соотношение "радиоуглеродного" и календарного возраста для периода 4000–7200 лет тому назад*

Радиоуглеродный возраст	Календарный возраст (до н.э.) с учетом величины статистической ошибки измерения радиоуглеродной даты (±), 95% вероятностью. По данным Д. Кляйна и др. (1982)									
	± 50		± 100		± 150		± 200		± 300	
	от	до	от	до	от	до	от	до	от	до
4000	2785	2330	2880	2305	2910	2170	3010	2105	3350	1870
4100	2895	2420	2930	2405	3035	2315	3160	2185	3370	1970
4200	3020	2645	3145	2550	3345	2415	3360	2330	3500	2150
4300	3340	2860	3350	2660	3365	2635	3480	2420	3645	2305
4400	3365	2900	3370	2880	3490	2675	3530	2645	3765	2405
4500	3485	2995	3505	2925	3635	2890	3660	2860	3795	2550
4600	3535	3150	3650	3035	3760	2960	3780	2900	3885	2660
4700	3760	3350	3775	3170	3790	3075	3870	3010	3925	2880
4800	3790	3370	3860	3360	3880	3190	3900	3155	4110	2930
4900	3880	3400	3890	3380	3915	3370	4090	3355	4335	3045
5000	3915	3655	3950	3640	4105	3390	4135	3375	4405	3175
5100	4105	3675	4125	3665	4320	3650	4380	3540	4430	3365
5200	4300	3795	4345	3780	4395	3675	4420	3655	4545	3385
5300	4385	3880	4405	3870	4425	3790	4530	3685	4690	3645
5400	4420	3915	4435	3895	4540	3380	4560	3860	4875	3670
5500	4530	3995	4545	3960	4565	3915	4715	3890	4950	3785
5600	4555	4380	4690	4135	4730	3995	4915	3940	5075	3875
5700	4715	4420	4885	4405	4935	4355	5040	4120	5210	3910
5800	4930	4460	5000	4435	5070	4415	5195	4385	5260	3980
5900	5075	4565	5185	4550	5210	4445	5240	4420	5315	4150
6000	5215	4735	5235	4576	5260	4560	5295	4460	5395	4410
6100	5265	4905	5285	4755	5315	4590	5365	4565	5515	4435
6200	5325	4950	5360	4925	5420	4895	5495	4730	5600	4550
6300	5485	5035	5515	4990	5550	4945	5590	4910	5700	4575
6400	5585	5115	5605	5080	5640	5040	5685	4970	5800	4755
6500	5680	5220	5705	5205	5740	5185	5790	5070	5910	4935
6600	5785	5270	5805	5250	5845	5225	5895	5200	6025	5035
6700	5890	5320	5915	5305	5960	5275	6010	5245	6150	5185
6800	6005	5370	6035	5355	6080	5330	6135	5295	6275	5225
6900	6130	5410	6160	5400	6205	5380	6260	5360	6400	5275
7000	6255	5455	6285	5445	6330	5425	6385	5400	6525	5330
7100	6380	5505	6410	5490	6455	5470	6510	5445	6650	5385
7200	6505	5585	6535	5565	6580	5535	6635	5500	6775	5435

*В последние годы разработаны специальные компьютерные программы для перевода радиоуглеродных дат в календарную временную шкалу. В их основе лежат уточненные калибровочные кривые Стювера, Пирсона, Беккера и др. (Stuiver, Bekker, 1986; Stuiver, Pearson, 1986). В соответствии с этими кривыми одной радиоуглеродной дате может отвечать несколько возможных интервалов календарного возраста. Кроме того, можно получить календарные интервалы для разных уровней вероятности, соответствующих значениям одного или двух стандартных отклонений. Суммарный интервал, полученный с использованием компьютерной программы, и интервал по таблице Дж. Кляйна отличаются незначительно, поскольку в обоих случаях использованы калибровочные кривые М. Стювера. Информация о компьютерных программах и их применении опубликована в специальном выпуске журнала "Радиоуглерод" (Van der Plicht, 1993).

Пояснение к списку радиоуглеродных датировок

В приводимом списке указаны даты С-14, опубликованные ранее и новые (последние выполнены в основном в лаборатории ИИМКа, С.-Петербург). Даты заведомо недостоверные (резко омоложенные или значительно удревленные) в список не включались. Все даты С-14 приведены для значения полураспада 5568 ± 30 ("значение Либби"), принятого международными стандартами. Значение даты "л.т.н." – "лет тому назад" – указывается согласно принятым стандартам от 1950 г. (т.е. для вычисления условного, "радиоуглеродного" возраста "до нашей эры", часто используемого отечественными исследователями, следует отнять от возраста "л.т.н." 1950 лет). Исключение сос-

тавляют даты лаборатории СОАН, применяющей как год отсчета не 1950, а 1970.

Как установлено многолетними специальными исследованиями лабораторий ряда стран "радиоуглеродный" и реальный, календарный возраст прямо не совпадают, что обусловлено флуктуациями содержания углерода 14 в атмосфере Земли. Календарный возраст конкретных радиоуглеродных дат также приводится в списке. Пересчет радиоуглеродных дат в календарные производился по наиболее полным и подробным калибровочным таблицам, опубликованным Дж. Кляйном и др. (Klein a.o., 1982). Сокращенный вариант этих таблиц, для отрезка времени, соответствующего неолитическому периоду, представлен на табл. 2. Таблицы

составлены на основании сравнения результатов радиоуглеродного дендрохронологического датирования колец долгоживущих деревьев, проведенных в радиоуглеродных лабораториях различных университетов США и Западной Европы. Диапазон радиоуглеродного возраста, приведенного в калибровочных таблицах, составляет от 10 до 7240 лет и рассчитан для периода полураспада C-14 5568 лет. Каждой радиоуглеродной дате таблицы соответствует определенный интервал календарного возраста, с вероятностью 95%, с округлением до 10 лет. Величина интервала календарной даты зависит от статистической ошибки радиоуглеродной даты и обусловлена измеренными различными изменениями концентрации C-14 в атмосфере, как глобальными и продолжительными, в пределах тысячелетий, так и кратковременными, вековыми вариациями. Различными исследованиями доказана синхронность вековых вариаций C-14 для районов США и Западной Европы, в связи с этим вполне правомочно использовать калибро-

вочные таблицы для уточнения возраста неолитических памятников Евразии. Калибровка радиоуглеродных дат древнее 7240 лет производилась по графику Б. Крамера, М. Рейна и др. (Kramer a.o., 1986). Данный график составлен на основании радиодендрохронологических измерений колец южногерманского дуба (стволов, сохранившихся в погребенном состоянии), произведенных лабораторией Гейдельбергского университета. В настоящее время установлено, что до 6200 лет до н.э., уровень вариаций C-14 в атмосфере, измеренный анализами древесины южногерманского дуба, соответствует закономерностям, установленным по анализам древесины сосны остистой и секвойи Северной Америки. Однако данных для интервала 7200 – 8200 л.т.н. еще недостаточно для выявления статистически достоверной зависимости радиоуглеродных и дендрохронологических дат, в связи с чем калибровка радиоуглеродных дат указанного интервала является на данном этапе приблизительной.

Заключение

Относительно подробный обзор памятников неолита Северной Евразии (бывш. СССР) имел целью подведение итогов определенного этапа в изучении эпохи неолита. В последние десятилетия во многих регионах проводилось сплошное археологическое обследование, тематические разведки и раскопки памятников, в том числе большими площадями. Это привело к накоплению значительных коллекций, а затем к систематизации материалов. Как следует из текста тома, исследователи видят своей задачей выявление археологических культур и групп памятников или этнокультурных общностей неолита, установление их хронологии. Обычно проводится подразделение культур на хронологические этапы, чаще всего условные, иногда выделяются локальные варианты. В некоторых разделах авторы обращаются к проблемам социального устройства сообществ неолитического времени, пытаются определить уровень социального развития и системы идеологических представлений, хотя эти стороны жизни древнего населения менее всего поддаются реконструкции по сохраняющимся материальным остаткам. Исследователи обращаются также к вопросам экономики, выявляя различные стороны хозяйственной деятельности человека в неолите. При этом только в исключительных случаях рассматриваются обменные связи групп населения, хотя распространение некоторых типов изделий, их наборов или определенных видов сырья подводит к выводу о существовании таких обменов, возможно длительных, имеющих традиционный характер. Подобное распространение артефактов в неолите чаще объясняют миграционными передвижениями населения.

Для многих культур и групп памятников сложной остается проблема хронологии, они не имеют оснований для объективного определения абсолютного возраста. Поэтому их датируют по аналогиям в культурах с разработанной хронологической шкалой. Нередко система аналогий ограничена сходством керамической посуды и ее орнаментации, что не всегда убедительно.

Более надежна хронология, разработанная при помощи естественных методов. В настоящий том включены результаты радиоуглеродного датирования, составляющие основу общей хронологии неолита Евразии (В.И. Тимофеев). Ряд памятников датирован серией дат, что подтверждает их достоверность. В последнее время стал известен метод датирования по нагару внутри посуды, что позволяет с высокой точностью определять возраст определенных культурных слоев на многослойных памятниках. Такие даты получены для стоянок типа Цедмар.

В приложении приводятся списки и таблицы радиоуглеродных дат для всей Северной Евразии. Следует заметить, что на этой территории принято пользоваться так называемыми чистыми радиоуглеродными датами, т.е. не калиброванными. В то же время к спискам прилагаются объяснения существующим методам пересчета радиоуглеродных дат, в том числе новейшим, компьютерным.

Уже длительное время применяется датирование па-

мятников неолита по пыльцевым спектрам, одновременно воссоздающим природную обстановку в конкретные отрезки голоцена. Разработки в этом направлении выполнены для нескольких поселений в Центре Русской равнины, их подтверждают серии радиокربонных дат. Результаты в настоящем томе получили лишь косвенное отражение. В дальнейшем этот метод, несомненно, позволит уточнить общую хронологию неолита, а также региональных культур и отдельных памятников.

Первая часть тома посвящена неолиту Юга, где выявлены наиболее древние культуры, датируемые VI–V тыс. до н.э., и где зафиксированы первые очаги производящего хозяйства. Раннеземледельческие культуры существовали в зоне широколиственных лесов и в лесостепной зоне, в условиях благоприятных для занятий земледелием и скотоводством. Однако, природные условия имели значение всего лишь экологического фона, а истинные причины возникновения очагов производящего хозяйства скорее объясняются историческими причинами. Так, земледельческая культура криш в V тыс. до н.э. продвинулась на территорию современной Молдавии и в Закарпатье с запада, ее носители расселялись в зоне широколиственных лесов и лишь местами проникали в степные районы. Спустя 500–600 лет после этого население линейно-ленточной керамики проникло в эти же районы с северо-запада, имея справа Карпатские горы, спустилось к югу вдоль рек Днестр, Прут и Сирет. Они проникли через Карпаты в Трансильванию и Нижнее Подунавье (В.С. Титов), а возможно и в лесную зону, в междуречье Западной Двины и Ловати. Культура линейно-ленточной керамики тяготела к зоне широколиственных дубовых лесов, ее население вело преимущественно оседлый образ жизни. Иными словами, носители культур криш и позднее линейно-ленточной керамики продвинулись сюда с Балкан в процессе освоения новых территорий.

Буго-днестровская культура также принадлежит к кругу раннеземледельческих культур. Однако, земледелие и скотоводство развивались здесь в результате воздействия носителей линейно-ленточной керамики, а основу составило местное мезолитическое население.

На Кавказе следы древнего земледелия зафиксированы в раннеолитическом слое поселения Чох в Горном Дагестане, которое датируется первой половиной VI тыс. до н.э. Возможно, дальнейшие исследования расширят круг подобных памятников.

Вторым крупным очагом раннеолитического земледелия является джейтунская культура, распространившаяся на юго-западе современной Туркмении. Ее начало относят к рубежу VII–VI или даже концу VII тыс. до н.э. По материалам джейтунской культуры оказалось возможным не только составить ее характеристику, но также обратиться к вопросам социальной организации населения, составе и численности общин (Г.Ф. Коробкова). Считается, что джейтунская культура формировалась на основе местного мезолитического населения. Однако,

аналогии с культурами Передней Азии, на которые указывают исследователи, позволяют предполагать сильное влияние с юга, не исключая даже распространения населения в юго-западную Туркмению.

Еще одной яркой культурой Средней Азии является гиссарская, возникшая в Таджикистане на рубеже VII–VI тыс. до н.э. Полагают, что ее основу составило местное мезолитическое население, о чем говорит длительное сохранение традиций галечной индустрии, уходящих корнями, вероятно, еще в палеолит.

В степной зоне – на Украине, в Крыму, Предкавказье, Средней Азии в неолите сложился ряд культур, продолжавших развитие своеобразных микролитических индустрий с большим числом геометрических форм – трапеций, сегментов, треугольников. Традиции этих индустрий уходят в предшествующие мезолитические древности. Во всей степной зоне получила распространение керамика разных типов, которую в какой-то мере роднит гребенчато-накольчатая орнаментация. Здесь выделяются днепродонецкая этнокультурная общность, включающая шесть родственных культур, и отдельные культуры – горно-крымская, ракушечноярская и другие.

Неолитические обитатели степной и лесостепной полосы жили сравнительно небольшими группами, их жилища типа полуземлянок или наземные отличались небольшими размерами. На Кавказе, в Крыму и Средней Азии люди использовали для жилья также пещеры, освоенные в мезолите и палеолите, и открытые площадки перед гrotтами и навесами. В погребальных обрядах неолита, изученных на многочисленных могильниках Поднепровья, долго сохранялись черты, присущие мезолитическим могильникам этих же территорий.

Перечисленные соответствия показывают, что существовала преемственность между неолитическим населением степной и лесостепной зон с предшествующим мезолитическим, а возможно, эта связь уходит глубже, в поздний палеолит. С другой стороны, ясно, что образ жизни и сходная хозяйственная деятельность людей в мезолите–неолите определялась одинаковыми природными условиями и если они изменялись, население начинало передвигаться в поисках привычной экологической ниши. Все это накладывало определенный отпечаток на материальную культуру, приводя к образованию сходных форм орудий, жилищ и т.п.

В древних очагах производящего хозяйства наоборот возникло много ярких новшеств. Кроме керамической посуды здесь появились глинобитные жилища, мелкая пластика из глины, орудия земледелия – зернотерки, вкладышевые орудия. Среди фаунистических остатков значительную долю составляют кости domesticированных животных, хотя охота и рыболовство сохраняют важное значение. Перечисленные изменения имели скачкообразный характер, что позволяет сравнивать их с явлениями, получившими название “неолитической революции”.

В остальных регионах Юга прогрессивные изменения проявлялись более медленно, первые следы земледелия и скотоводства возникли под воздействием соседних культур, новшества внедрялись плавно, не меняя основ жизни и хозяйственной деятельности людей. Такую картину представляют поселения буго-днестровской куль-

туры, где изменения в кремневом инвентаре незначительны по сравнению с мезолитом, глинобитные строения неизвестны, как и глиняная пластика, жилища были небольшими и наземными. Другие культуры степной зоны долго сохраняли традиции предшествующих периодов.

В лесной зоне Восточной Европы, в Сибири и на Дальнем Востоке на протяжении неолита завершалось освоение человеком самых отдаленных территорий, начатое в мезолитическое время, когда отдельные коллективы охотников-собирателей уже достигали окраин ойкумены, включая тундру и Заполярье. Естественным образом, человек в высоких широтах в большей степени зависел от природного окружения – климата, уровня среднегодовых температур, характера растительного покрова, объема полезной биомассы и ее доступности. В этой связи особое значение приобретали адаптивные способности неолитических охотников-собирателей, умение приспособиться к существованию в северных пределах лесной зоны и тундрах. Освоение последних в эпоху неолита оказалось особенно активным и отмечено рядом памятников. Плотность заселения регионов была разной. На водоразделах больших рек, в горных и максимально холодных районах неолитические памятники редки, зато на территориях с хорошо развитой озерно-речной системой люди селились охотно, поселения и стоянки располагались здесь группами.

В начале неолита (V тыс. до н.э.) в лесной зоне Восточной Европы сложилось несколько основных культур – верхневолжская, нарвская, позднее сперрингс. На южных окраинах, в лесостепи, – среднедонская, ранний неолит Десны, в Поволжье волго-камская. Последние испытывали влияние южных степных культур, что особенно заметно в орнаментации керамики. Об истоках ранних неолитических культур существуют разные мнения. Чаще всего их связывают с местным мезолитическим населением этих же территорий, кроме тех случаев, когда выясняется, что люди впервые пришли на ранее пустовавшие земли. Появление керамики объясняют заимствованием самой идеи керамического производства у южных соседей. Другая точка зрения сводится к тому, что в мезолите уже были известны плетеные емкости, которые послужили образцом для изготовления емкостей из глины. Полагают, что отсюда берет начало орнаментация в виде плетенки, например, в культуре сперрингс.

В неолите Восточной Прибалтики возникли две основные культуры – нарвская, в основе которой видят мезолитическую культуру кунда, и неманская. Нарвская культура распространялась до Приладожья, где заметны ее контакты с населением культур ямочно-гребенчатой керамики. Ряд поселений нарвской культуры связан с торфяниками – Сарнате, соответствующие слои Звидзе, группа Швянтойи, где сохранились остатки наземных жилищ, хозяйственные объекты, изделия из дерева и бересты – весла, копыя, сети, грузила, керамика и орудия из кремня, изделия из янтаря и глины. Известны погребения, позволяющие определить антропологический тип населения. По мнению Р.Я. Денисовой для нарвской культуры характерны долихокранный европеоидный и мезокранный метисный типы, что подтверждает контак-

ты в пограничье двух больших группировок населения – нарвской и культур ямочно-гребенчатой керамики.

В Центре Русской равнины в начале неолита (V тыс. до н.э.) существовала своеобразная верхневолжская культура. В IV тыс. до н.э. здесь же формируется большая группировка родственных культур или племен, как их принято обозначать. Для них характерна керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией, кремневые орудия из отщепов с двусторонней обработкой, формы которых совершенствуются настолько, что сохраняются до энеолита и эпохи бронзы. Поселения обычно большие, культурные слои интенсивно окрашены и насыщены артефактами. Все свидетельствует об оседлой жизни населения и существовании организованных в социальном отношении коллективов. Основными хозяйственными занятиями были охота и рыболовство, последнее имело особо важное значение и развитые формы, что способствовало обеспечению жителей пищевыми запасами в течение круглого года. Несомненно существовали различные формы собирательства. Жилища были наземными или слегка углубленными, с вертикальными стенами, хозяйственными пристройками, очагами внутри и рядом. На окраине поселений находят могильники и отдельные погребения, иногда встречаются погребения в жилищах, видимо, оставленных.

По мнению большинства исследователей вся группировка культур ямочно-гребенчатой керамики принадлежала древнейшему финно-угорскому населению, которое позднее увеличило свой ареал, двигаясь по бассейнам крупных рек и образуя новые культуры, в том числе на европейском Севере, на протяжении IV – начале III тыс. до н.э. На этой основе возникла яркая культура гребенчато-ямочной керамики (или прибалтийская) охватившая значительные территории Приладожья, Южной Карелии, северо-восток Прибалтики, Южную Финляндию. На ее поселениях находят остатки круглых и овальных наземных жилищ, погребения, керамику и орудия с двусторонней обработкой, янтарные украшения, демонстрирующие усиление обменных связей с группами населения, достигшими янтарной зоны Прибалтики. Заметен расцвет искусства – широко представлена мелкая пластика, рисунки на керамической посуде, характерны глиняные фигурки, в том числе знаменитые эмбрионовидные.

В это же время, в III тыс. до н.э., в Центре Русской равнины возникают очаги культуры, получившей название волосовской и отнесенной к энеолиту (Д.А. Крайнов). Несмотря на это, весь облик культуры и состав инвентаря более характерны для каменного века. Истоки волосовской культуры и ее развитие являются предметом острых дискуссий. Одни полагают, что она сложилась на Средней Волге, откуда распространилась до Балтики, другие видят ее исходной территорией верховья Волги, Валдай и сопредельные территории. Важно отметить, что волосовская культура впитала достижения предшествующих ей неолитических культур Русской равнины, а возможно, включила их население.

На западных склонах Урала и в Приуралье в свое время О.Н. Бадером была намечена особая историко-культурная область. Сейчас здесь выделяют две основные

культуры – камскую, тяготеющую к лесной зоне, и волго-камскую, подверженную сильному влиянию степных неолитических культур. Спорным является вопрос о группе поселений в низовьях р. Белой, которые Г.Н. Матюшин выделяет в раннеэнеолитическую прибельскую культуру, а другие считают всего лишь вариантом камской.

Население волгокамской культуры занимало Среднее Поволжье и низовья р. Камы. Стоянки расположены небольшими группами, имеют бедные культурные слои, характерно преобладание кремневых орудий над керамикой, инвентарь пластинчатый. Орнаментация посуды определяется как накольчатая. По последнему признаку ее сопоставляют с посудой днепродонецкой общности и, особенно, среднедонской культуры степной зоны, предполагая активные контакты населения в среднем неолите. Происхождение волгокамской культуры объясняют по-разному. Ее выводят с юга, из степной зоны, или из мезолита этой же территории, что кажется наиболее правильным. Существует и предположение о генетической связи с верхневолжской культурой.

В изучении камской и волго-камской культур наиболее слабым местом остается хронология, не имеющая объективных оснований. Предлагаемые обычно даты – V – IV тыс. до н.э., ни на чем не основаны, кроме аналогий в степных культурах, тоже, как правило, недостаточно обеспеченных независимыми датами.

Восточное Зауралье и Западная Сибирь представляют огромные территории, включающие лесную зону и тундры на севере, сильно обводненные и заболоченные. Археологические исследования проводились здесь неравномерно в силу объективных обстоятельств. Вероятно, и в древности освоение таежных лесов и тундр не было сплошным. В связи с этим неолит этих территорий рассматривается по географическим регионам – Южное Зауралье, Среднее Зауралье, Нижнее Приобье, Кондинская низменность, Нижнее Приобье, Сургутское Приобье, Верхнее Приобье, Среднее Прииртышье.

Неолитическое население занималось здесь охотой на северного оленя в тундре или промыслом лесных копытных и других животных в лесной зоне. Обычно охота сочеталась с рыболовством, а в позднем неолите хозяйственная деятельность больше опиралась на рыболовство, что способствовало оседлости населения. Известны постоянные поселения с насыщенным культурным слоем, временные промысловые стоянки, а также редкие погребения и могильники.

В Южном Зауралье в свое время была выделена особая ташбулатовская культура, соседствующая с востока с упомянутой выше прибельской. Она получила характеристику по нескольким поселениям, которые некоторые исследователи считают недостаточно четко стратифицированными. Тем не менее, ташбулатовская культура имеет ряд характерных особенностей – керамику орнаментированную в прочерченно-накольчатой манере, каменный инвентарь с преобладанием пластинчатых форм, а сырьем здесь служила в основном уральская яшма, хотя применялись и другие горные породы. Выделяются два хронологических этапа культуры, различающиеся по керамике и каменным изделиям. В Суртанды VII найдены кости domesticированных лошади и круп-

ного рогатого скота, но основными занятиями населения были охота и рыболовство. Предполагается, что неолитическая культура складывается в Южном Зауралье уже в VI тыс. до н.э. на основе местного мезолитического населения.

Неолит Среднего Зауралья принято было расчленять на три хронологические стадии, а в настоящее время на ранний (V тыс. до н.э.) и поздний (IV тыс. до н.э.) периоды, причем материалы последнего выделены в полуденковскую культуру. Сразу следует отметить, что хронология региона обоснована для неолита недостаточно. К раннему периоду принадлежат поселения с жилищами-полуземлянками, с керамикой имеющей сложную орнаментацию, с кремневым инвентарем сохраняющим мезолитический облик. К раннему неолиту относят и сосуды с зооморфными фигурами по краю. Полуденковская культура продолжает и развивает традиции раннего неолита.

В Притоболье выделяются две группы памятников соответствующих боборыкинской и кошкинской культурам, развитие которых шло в тесном взаимодействии со Средним Зауральем. Неолит датирован здесь IV–III тыс. до н.э. В остальных регионах Западной Сибири исследованы группы памятников неолита, часто весьма представительные, хронология и культурная принадлежность которых определяется предварительно и в дальнейшем будет, вероятно, уточняться.

Считается, что в раннем неолите Зауралья и Западной Сибири существовал единый этнокультурный массив населения с характерной керамикой, орнаментированной в отступающе-прочерченно-накольчатой манере. Это население традиционно было связано с уральскими и арало-каспийскими областями. В позднем неолите из этого массива выделились еще два – группы с керамикой гребенчатой орнаментации в Восточном Зауралье и группы населения с керамикой гребенчато-ямочной орнаментации в Среднем Прииртышье. Это означало распад единой неолитической общности на три группы, которые впоследствии, в энеолите и бронзовом веке, продолжали собственное развитие.

В Восточной Сибири неолитическое население лучше освоило южные области, особенно Прибайкалье. Здесь выделено несколько культур. Наиболее детально изучены по могильникам китойская, серовская, исаковская и глазковская, описанные впервые А.П. Окладниковым. В трудах исследователей рассматривались погребальные обряды, демография и вероятное социальное устройство сообществ, оставивших могильники, установлен антропологический состав населения, получены серии радиоуглеродных дат по костным остаткам из погребений. В меньшей мере изучены поселения, а их идентификация с могильниками остается сложной проблемой. Открытия последних лет внесли много нового в схему неолита Прибайкалья, например, позволили удревнить китойскую культуру до конца VI–V тыс. до н.э. За нею хронологически следуют исаковская, серовская, глазковская. Новейшие материалы из раскопок проводившихся в последние годы на могильниках названных культур пока не введены в научную литературу.

В Восточной Сибири неолит наиболее полно исследован в нескольких регионах, например, в Забайкалье и

Якутии. В Забайкалье выделяются два больших географических региона – Западный, примыкающий к Прибайкалью, и Восточный, включающий верховья Амура и на юге степные и лесостепные ландшафты. В Западном Забайкалье исследованы многослойные памятники и намечены три хронологических этапа неолита, общая хронология которого начало IV – конец III тыс. до н.э. В условиях таежных лесов население занималось здесь охотой на крупных копытных и рыболовством. В Восточном Забайкалье неолитические памятники датируются тем же временем и подразделяются уже на два этапа. Люди вели здесь примерно такой же образ жизни, однако близость степей определяла состав охотничьей добычи, где есть и степные животные. Кроме того найдены кости лошади и быка, предположительно одомашненных. Среди орудий труда присутствуют такие как песты, терочники, диски с отверстием, что приводит исследователей к мысли о земледелии, освоенном населением в развитом неолите, в III тыс. до н.э. Однако, здесь не найдены остатки злаковых, что оставляет под вопросом возможность земледелия.

Основные работы по неолиту Якутии проводились на нескольких многослойных и хорошо стратифицированных памятниках, что позволило создать периодизацию, опирающуюся на серии радиоуглеродных дат. Здесь выделены две культуры – сылахская (IV–III тыс. до н.э.) и сменяющая ее белькачинская (III тыс. до н.э.) Полагают, что население сылахской культуры пришло в Якутию из Забайкалья и распространилось на большой территории, вплоть до р. Анадырь на северо-востоке. В этом случае наблюдаются высокие адаптивные способности населения, проникшего в высокие широты. Изучены наземные жилища в виде шалашей или чумов, некоторые имели углубленное основание и выстеленный берестой пол. Стоянки были сезонными и состояли из нескольких жилищ, иногда они перемещались на одном месте на разные террасы в зависимости от уровня реки. Все говорит о существовании сравнительно больших коллективов занимавшихся охотой и рыболовством. По остаткам фауны установлено, что люди охотились на северного оленя и крупную лесную дичь в пограничье леса и тундры. Население последующей белькачинской культуры вело примерно такой же образ жизни и часто занимало стоянками те же места. Предполагается и генетическая преемственность культур.

В Среднем и Нижнем течении Амура исследованы такие неолитические поселения как Вознесенское, Сучу, Кондон, что позволило изучить разные стороны жизни населения, устройство поселений и жилищ, материальную культуру и предметы искусства, выделить культуры и наметить этнокультурную общность названную кондонской. Существование последней некоторые исследователи подвергают сомнению.

В Приморье в неолите выделяются две культуры – руднинская (вторая половина VI – III тыс. до н.э.) и зайсановская (III тыс. до н.э.) Основными памятниками руднинской культуры являются поселения Тетюхе (Рудная Пристань) и Чертовы Ворота. В Тетюхе изучены жилища, керамика, орудия труда. На поселении Чертовы Ворота кроме керамики и орудий собраны многочисленные украшения, в том числе привозные, из Тихоокеан-

ского региона, что демонстрирует отдаленные обменные связи населения. Здесь найдены также пять погребений, датируемых V тыс. до н.э. По антропологическим данным В.П. Алексеев определил население как североазиатских монголоидов байкальского типа, близкого тунгусо-манчжурским народам. Возможно, Приморье и Дальний Восток были местом формирования байкальского типа, позднее распространившегося в таежных регионах Сибири. Хотя археологические материалы руднинской культуры имеют аналогии с древностями Нижнего Амура, как бы маркируя продвижение населения в северном направлении, предположение об исходной территории байкальского типа нельзя считать решенным.

Зайсановская культура занимает юг Приморья, представлена рядом поселений с большим числом жилищ и стоянками. С этой культурой связывают существование дальневосточного очага земледелия в неолите—бронзе. Палеоклиматические условия и геоботанический фон действительно были благоприятны для возникновения производящего хозяйства, однако, большинство исследо-

вателей считает, что прямых доказательств занятий земледелием нет, по крайней мере в неолите.

Как видим, эпоха неолита была важным историческим этапом. Именно в это время человеком были освоены все пригодные для обитания регионы Северной Евразии, сложились культуры со своими определенными территориями, обозначились большие этнокультурные общности, сохранившие свое значение в последующих исторических преобразованиях. Неолит был временем многих достижений в экономике. По южным окраинам рассматриваемой территории постепенно и под воздействием соседних культур складывались очаги производящего хозяйства. В остальных регионах заметно совершенствование орудий труда в основных сферах деятельности человека – улучшается охотничье вооружение, появляются лыжи и сани, лодки и весла, сложные рыболовные снасти, совершенствуются конструкции жилищ, высокого уровня достигает искусство, особенно наскальные рисунки и мелкая пластика. Получают дальнейшее развитие прогрессивные начинания, намечившиеся в предшествующие эпохи каменного века.

- Абрамова Т.А., Турманина В.И., 1982. Палеогеографическая обстановка Северного Прикаспия в последнем тысячелетии // Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. М.
- Авизова А.К., 1985. Комплексное изучение каменной индустрии стоянки Айдабол 20 (Северо-западный Устюрт) // Тез. докл. всесоюз. археолог. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Баку.
- Авизова А.К., 1986. Неолит Устюрта: (в свете экспериментально-тра-сологических исследований орудий труда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Авизова А.К., Бижанов Е.Б., 1981. Изучение памятников каменного века на Устюрте в 1980 г. // Вестник ККФАН. № 4.
- Агеева Е.И., Максимова А.Г., 1959. Отчет Павлодарской археологической экспедиции 1955 г. // ТИИАЭ. Т. 7.
- Акишев К.А., 1976. Находки неолита в Западной Бетпак-Дале // Изв. АНК. № 2.
- Акимов М.С., 1953. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита лесной полосы европейской части СССР // КСИЭ. Вып. 18.
- Алексеев В.П., 1991. К палеоантропологии неолитического населения Приморья // Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М.
- Алексеев В.П., Мамонтова Н.Н., 1979. К палеоантропологии эпохи неолита верховьев Лены // СЭ. № 5.
- Алихова А.Е., 1959. Жилище на Саконовской неолитической стоянке // КСИИМК. Вып. 75.
- Алпысбаев Х.А., 1969. Неолитическая стоянка в пещере Караунгур // Изв. АНК. № 2.
- Алпысбаев Х.А., 1972а. Предварительные итоги изучения памятников каменного века в пещерах Южного Казахстана в 1969–1970 гг. // УСА. Вып. 1.
- Алпысбаев Х.А., 1972б. Разведка памятников каменного века Казахстана в 1971 г. // УСА. Вып. 2.
- Алпысбаев Х.А., 1977. Мезолитические стоянки Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.
- Алпысбаев Х.А., Чалая Л.А., Черников С.С., 1977. Неолит. // История Казахской ССР. Алма-Ата. Т. 1.
- Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. М.
- Андреев Г.И. 1970. Каменные изображения из Туры // СА. № 4.
- Андреев Г.И., Фомин Ю.М., 1964. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. Вып. 101.
- Андреев Г.И., Фомин Ю.М., 1966. Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. Вып. 106.
- Андреева Ж.В., 1994. Проблемы периодизации // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. М.
- Андрианов Б.В., Кесь А.С., 1974. На землях древнего орошения в низовьях Сырдарьи // АО 1973. М.
- Аникович М.В., 1969. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Материалы конф. "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск. Вып. 1.
- Арсланов Х.А., 1978. О поправках к радиоуглеродному возрасту // Геохимия. М. Вып. 8.
- Арсланов Х.А., 1987. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л.
- Артеменко И.И., 1964. Неолитическое поселение в уроч. Сосонка // КСИА. Вып. 101.
- Артеменко И.И., Тюрина И.М., 1966. Неолитическое поселение в урочище Стрелица // КСИА. Вып. 106.
- Аскаров А.А., 1962. Культура Заман-Баба в низовьях Зеравшана // ОНУЗ. № VII.
- Бадер О.Н., 1953. Очерки шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1972) // УЗПГУ. Т. IX. Вып. 3.
- Бадер О.Н., 1963. Древнейшая история Прикамья: Докл. по опубликованным работам, представленным на соискание уч. степени д-ра ист. наук. М.
- Бадер О.Н., 1970. Уральский неолит // МИА. № 166: Каменный век на территории СССР.
- Бадер О.Н., 1973. Неолитическое погребение в гроте у каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Бадер О.Н., Воеводский М.В., 1935. Стоянки Балахнинской низины // ГАИМК. Вып. 106.
- Бадер О.Н., Выборнов А.А., 1980. Саузовская II стоянка в устье р. Белой и некоторые проблемы неолита–энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Балагури Э.А., 1975. Исследование археологических памятников Закарпатья в годы советской власти // XIII, 2.
- Балуева Т.С., 1978. Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чертовы Ворота // ВА. Вып. 58.
- Баулин В.В., Белопахова Е.Б., Дубиков Г.И., 1976. История развития мерзлоты Западной Сибири // Природно-климатические изменения в плейстоцене и голоцене. М.
- Белановская Т.Д., 1972. Неолитические местонахождения на Нижнем Дону и Северском Донце // Герценовские чтения. Л. Т. XXV.
- Белановская Т.Д., 1973. Хозяйство обитателей неолитического поселения Ракушечный Яр // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.
- Белановская Т.Д., 1983. Ракушечная культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Белыева В.И., 1975. Кремневая мастерская на р. Шугур в Туве // КСИА. Вып. 141.
- Белова Л.А., 1982. Новые стоянки каменного века на Нижнем Узбее // ИАНТ. № 1.
- Бердникова Н.Е., 1986. Усть-бельский керамический пласт: (к постановке проблемы) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. Улан-Удэ. Ч. II.
- Бердыев О.К., 1963. Стратиграфия Бамбийского поселения // СА. № 4.
- Бердыев О.К., 1964. Стратиграфия Тоголок-депе // МА. № 3.
- Бердыев О.К., 1965. Южная Туркмения в эпоху неолита: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ашхабад.
- Бердыев О.К., 1966. Чагылды-депе – новый памятник неолитической джейтунской культуры // Материальная культура Средней Азии и Казахстана. М.
- Бердыев О.К., 1968. Чакмаклы-депе – новый памятник времени Анау IА // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Бердыев О.К., 1969. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад.
- Бердыев О.К., 1970. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений // КД. Вып. III.
- Бердыев О.К., 1972. Монджуклы-депе – многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане // КД. Вып. IV.
- Бердыев О.К., 1974. Керамика времени Анау IА // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад. Вып. II.
- Бердыев О.К., 1976. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита // Первобытный Туркменистан. Ашхабад.
- Березанская С.С., 1975. Неолитическая стоянка у хутора Гришневка на Средней Десне // СА. № 2.
- Беспрозванный Е.М., (1985). Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Археологические исследования в районах новостроек. Новосибирск.
- Бибииков С.Н., 1940. К вопросу о неолите в Крыму // КСИИМК. Вып. IV.
- Бибииков С.Н., 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. XIII.
- Бижанов Е.Б., 1978. Неолитические памятники Юго-Восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент.
- Бижанов Е.Б., 1982. Мезолитические и неолитические памятники Северо-Западного Устюрта // Археология Приуралья. Ташкент. Вып. 1.
- Благовещенская Н.В., 1985. История растительности, лесов и болот Ульяновского Предволжья в голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Бобров В.В., 1991. Новые неолитические памятники Кузнецко-Саларской горной области // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск. Т. I.

- Бодянский А.В., 1949. Неолитичная стоянка на острове Шулаевому // АП. Т. II.
- Борзляк И.А., Дергачев В.А., 1980. Новый тип неолитических памятников Молдавии // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Днепропетровск.
- Бродянский Д.Л., 1975. Приамурско-Маньчжурская провинция в IV–I тысячелетиях до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск.
- Бродянский Д.Л., 1977. Каменный век. Владивосток.
- Бродянский Д.Л., 1979. Проблемы периодизации и хронологии неолита Приморья // Древние культуры Сибири и тихоокеанского бассейна. Новосибирск.
- Брюсов А.Я., 1928. Федоровская стоянка // Тр. РАНИОН. Вып. II.
- Брюсов А.Я., 1940. История древней Карелии // Тр. ГИМ. Вып. IX.
- Брюсов А.Я., 1951. Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20.
- Брюсов А.Я., 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Брюсов А.Я., 1953. Некоторые теоретические основы хронологии неолита // СА. № XVIII.
- Брюсов А.Я., 1961. Караваевская стоянка / Сборник по археологии Вологодской области. Вологда.
- Буров Г.М., 1969. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. Вып. 117.
- Буров Г.М., 1973. Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. № 172.
- Буров Г.М., 1974. Археологические культуры Севера Европейской части СССР. Ульяновск.
- Буров Г.М., 1986. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... док. ист. наук. Новосибирск.
- Ванкина Л.В., 1970. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига.
- Ванкина Л.В., 1975. Памятники каменного века на территории Риги и ее окрестностей // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Ванкина Л.В., Загорский Ф.А., Лозе И.А., 1973. Неолитические племена Латвии // МИА. № 172.
- Варанкин Н.В., Ковалева В.Т., 1979. Раскопки поселения Ташково I в бассейне р. Исеть // АО 1978. М.
- Варуценко С.И., Варуценко А.Н., Клиге Р.К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремене. М.
- Васильев Е.А., 1987. Поздний неолит Нижнего Приобья: (к вопросу о периодизации и культурной принадлежности памятников) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. М.
- Васильев Е.А., 1991. К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. Всесоюз. науч. конф. Барнаул.
- Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь: Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит восточноевропейских лесостепей. Куйбышев.
- Васильевский Р.С., 1975. Памятники каменного века на Курильских островах // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А., 1976. Древние поселения на Сахалине: (Суусуйская стоянка). Новосибирск.
- Васильевский Р.С., Кириллов И.И., 1967. Археологические исследования в долине р. Онон // АО 1966. М.
- Векилова Е.А., 1964. Неолитическая стоянка Зуя I под Симферополем // КСИА. Вып. 97.
- Верецагина И.В., 1977. Ранний неолит на Северной Двине // МАЕСВ. Вып. 6.
- Верецагина И.В., 1989. Мезолит и неолит Крайнего европейского Северо-Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Виноградов А.В., 1958. Раннекельтеминарская стоянка Куняк I // КСИЭ. Вып. XXX.
- Виноградов А.В., 1959. Археологическая разведка в районе Аральско-Саксаульской в 1955 г. // ТИИАЭ АНКаз. ССР. Т. 7.
- Виноградов А.В., 1963. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры // МХЭ. 6.
- Виноградов А.В., 1968а. Неолит Устюрта // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Виноградов А.В., 1968б. Неолитические памятники Хорезма. М.
- Виноградов А.В., 1970. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов // КСИА. Вып. 122.
- Виноградов А.В., 1974. Работы на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении // АО 1973. М.
- Виноградов А.В., 1975. Могильник Тумеккичиджик в Северной Туркмении // АО 1974. М.
- Виноградов А.В., 1977. Раскопки стоянки Джанбас 31 // АО 1976.
- Виноградов А.В., 1980. Новые материалы для периодизации и хронологии неолита Кызылкумов // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья // ТХЭ. Т. XIII.
- Виноградов А.В., 1986. Неолитический могильник Тумек-Кичиджик / Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи // ТХЭ. Т. XV.
- Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., Смирин В.М., 1973. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1970. Исследования в юго-западных Кызылкумах // АО 1969. М.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975. Первобытный Лявлякан. М.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., Сулержицкий Л.Д., 1977. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов // СА. № 4.
- Виноградов А.В., Митяев П.Е., 1979. Раскопки стоянки Толстова // АО 1978. М.
- Виноградов А.В., Шолохов В.В., 1970. Новые данные о неолите Западной Туркмении // КД. Вып. III.
- Виноградов А.В., 1968. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Виноградов А.В., 1982. Вьюжное-I – новый памятник эпохи неолита и ранней бронзы в Минусинской котловине // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск.
- Витенкова И.Ф., 1988. Поселения с развитой ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск.
- Витенкова И.Ф., 1991. Хронология поселений с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск.
- Воеводский М.В., 1947. Результаты работ Деснинской экспедиции // КСИИМК. Вып. 21.
- Воеводский М.В., Збруева А.В., 1950. Малоокуловская стоянка // КСИИМК. Вып. 31.
- Волошин В.С., 1975. Работы в Центральном Казахстане // АО 1974. М.
- Волошин В.С., 1976. Работы в Центральном Казахстане // АО 1975. М.
- Выборнов А.А., 1983. Неолит и эпоха раннего металла нижнего течения р. Белой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Выборнов А.А., 1984. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1982. Поселение Бачки-Тау II – новый памятник неолита-энеолита Нижнего Прибья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., 1983. Стоянка Кюнь II в нижнем Прибье // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж.
- Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1984. Поселение Сауз I в устье р. Белой // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев.
- Выборнов А.А., Овчинникова Н.В., 1982. Итоги изучения поселения Сауз II // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Высоцкий Н.Ф., 1885. Поселение каменного века около дер. Новомордовой // Тр. об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те. Казань. Т. XIV. Вып. 5.
- Габяшев Р.С., 1976. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. Казань.
- Габяшев Р.С., 1978а. Второе Татарско-Азбейское поселение // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань.
- Габяшев Р.С., 1978б. Русско-Азбейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань.
- Габяшев Р.С., 1978в. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. Вып. 153.
- Габяшев Р.С., 1982. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточ-

- ных районов Татарии // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Гаврилова И.В., 1962. Неолитическая стоянка Котчище на оз. Селигер // КСИА. Вып. 92.
- Гаврилова И.В., 1963. Неолитическая стоянка у дер. Серково // МИА. № 110.
- Гаврилова И.В., 1971. О работе Костромского неолитического отряда // АО 1970. М.
- Гаврилова И.В., 1972. Работа Костромского неолитического отряда // АО 1971. М.
- Гаврилова И.В., 1973. Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. № 172.
- Гаврилова И.В., 1977. О работе Костромского отряда // АО 1976. М.
- Гаджиева Е.А., 1993. Неолит бассейна Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Генералов А.Г., 1979а. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. Вып. 157.
- Генералов А.Г., 1979б. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1969. Поселение Кокуй I // ВАУ. Вып. 8.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С., 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Генинг В.Ф., Павленко Ю.В., 1984. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев.
- Герасимов М.М., 1955. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Т. XXXVIII.
- Герасимов М.М., Черных Е.Н., 1975. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.
- Герус Т.А., Шубин В.О., Шубина О.А., 1979. Новейшие археологические открытия на Северном Сахалине // Археология Амуро-Сахалинского региона. Владивосток.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
- Гириникас А.А., 1982. Поздний неолит Восточной Литвы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс.
- Гириникас А., 1990. Крятаунас. Средний и поздний неолит // ЛА. Т. 7.
- Глусская З.К., 1963а. Женщина негроидного типа в неолите под Красноярском // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
- Глусская З.К., 1963б. Новое в искусстве неолита на Енисее // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
- Гогитидзе С.И., 1978. Неолитическая культура юго-восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Голдина Р.Д., Гусенцова Т.М., 1979. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Вятско-Камского междуречья. Ижевск.
- Голубев В.А., 1972. Археология Курильских островов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Горецкий Г.И., 1955. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков // БКИЧП. № 20.
- Городцов В.А., 1897а. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки // Тр. АС. Т. III.
- Городцов В.А., 1897б. Следы неолитических стоянок в окрестностях Нижнего Новгорода // Археологические известия и заметки. М. Т. 5, № 3.
- Городцов В.А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // Тр. XII АС. Т. 1.
- Городцов В.А., 1909. Остатки неолитических стоянок в с. Сормове // Действия Нижегород. губ. уч. архивн. комиссии (сб. в память В.И. Срезневского). Нижний Новгород. Т. VII.
- Горшкова И.С., 1991. Украшения // Неолит Юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М.
- Горюнова О.И., 1984. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Горюнова О.Н., Лыхин Ю.П., 1985. Археологические памятники полуострова Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск.
- Грехова Л.В., 1960. Памятники неолита Восточного Предкавказья // Тр. ГИМ. Вып. 37.
- Гричук В.П., 1969. Опыт реконструкции некоторых элементов климата Северного полушария // Голоцен. М.
- Гришин Ю.С., 1972. Неолитические погребения на р. Шилке близ г. Сретенска // КСИА. Вып. 131.
- Гришин Ю.С., 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.
- Грязнов М.П., 1953. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее // МИА. № 89.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А., 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент.
- Гурина Н.Н., 1950. Результаты археологического обследования среднего течения р. Мсты // СА. № XIII.
- Гурина Н.Н., 1951а. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // МИА. № 20.
- Гурина Н.Н., 1951б. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА. № 20.
- Гурина Н.Н., 1955. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии // Древние поселения и городища. Таллин.
- Гурина Н.Н., 1956. Оленеостровский могильник // МИА. № 47.
- Гурина Н.Н., 1957. Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР // СА. № 2.
- Гурина Н.Н., 1958. Валдайская неолитическая культура // СА. № 3.
- Гурина Н.Н., 1959. Половинская неолитическая стоянка // КСИИМК. Вып. 75.
- Гурина Н.Н., 1960. Неолитическое поселение Борань // МИА. № 79.
- Гурина Н.Н., 1961а. Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87.
- Гурина Н.Н., 1961б. Неолитическая стоянка Щепочник: (к вопросу о происхождении валдайской неолитической культуры) // КСИА. Вып. 82.
- Гурина Н.Н., 1965. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии // МИА. № 131.
- Гурина Н.Н., 1967. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. № 144.
- Гурина Н.Н., 1970а. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // МИА. № 166.
- Гурина Н.Н., 1970б. О неолите с ямочно-гребенчатой керамикой и некоторые вопросы этногенеза // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.
- Гурина Н.Н., 1973а. Неолитические племена Валдайской возвышенности // МИА. № 172.
- Гурина Н.Н., 1973б. Древние памятники Кольского полуострова // МИА. № 172.
- Гурина Н.Н., 1973в. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА. № 172.
- Гурина Н.Н., 1975. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Гурина Н.Н., 1980. Наскальные рисунки Кольского полуострова и сопредельных областей: (общие и специфические черты) // Звери в камне. Новосибирск.
- Гурина Н.Н., Кошечкин Б.И., 1978. Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления // КСИА. Вып. 153.
- Гурина Н.Н., Кошечкин Б.И., Стрелков С.А., 1974. Первобытные культуры и эволюция экологической обстановки в верхнем плейстоцене и голоцене на побережье Европейской Арктики // Первобытный человек и природная среда. М.
- Гусенцова Т.М., 1977. Новомултанское неолитическое поселение // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.
- Гусенцова Т.М., 1979. Особенности материальной культуры в эпоху камня на территории Камско-Вятского междуречья // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар.
- Гусенцова Т.М., 1981. К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья // КСИА. Вып. 165.
- Даниленко В.Н., 1950. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини // А. Т. III.
- Даниленко В.Н., 1956. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 році. АП. Т. 6.
- Даниленко В.Н., 1969. Неолит Украины. Киев.
- Даниленко В.Н., 1971. Сурьско-Дніпровська культура // Археологія Української РСР. Київ. Т. I.
- Дебец Г.Ф., 1930. Опыт выделения культурных комплексов неолита Прибайкалья // Известия ассоциации научно-исслед. ин-тов при физ.-мат. факультете I МГУ. М. Т. III, № 2А.

- Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Нов. сер., Т. IV.
- Дебец Г.Ф., 1966. Физический тип людей днепро-донецкой культуры // СА. № 1.
- Девятова Э.И., 1982. Природная среда позднего плейстоцена и ее влияние на расселение человека в Северодвинском бассейне и в Карелии. Петрозаводск.
- Девятова Э.И., 1988. Палеогеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск.
- Денисов В.П., 1960. Хуторская неолитическая стоянка // УЗ ПГУ. Т. XII, вып. 1.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., 1986. Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите среднего и верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-борской культуры // Проблемы эпохи неолита лесной и лесостепной зон Европейской СССР: Тез. Оренбург.
- Денисова Р.Я., 1975. Антропология древних балтов. Рига.
- Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской обл. // СА. № 1.
- Дервянко А.П., 1970. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск.
- Джафарзаде И.М., 1973. Гобустан. Баку.
- Диков Н.Н., 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.
- Диков Н.Н., 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.
- Дикова Т.М., 1979. Авачинская многослойная стоянка – новый памятник тарьинской культуры на юге Камчатки // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока: (по данным Северо-Востоchno-Азиатской комплексной археологической экспедиции). Магадан.
- Дикова Т.М., 1983. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.
- Дмитриева Е.Л., 1960. Фауна крымских стоянок Замиль-коба II и Ташаир I // МИА. № 91.
- Добровольский А.В., 1949. Восьма Ігрінська неолітична стоянка. АП. Т. 2.
- Долуханов П.М., Левковская Г.М., Романова Е.М., Семенов А.А., Чернявский М.М., 1976. Палеогеография и абсолютная хронология стоянки Заценье // ДАН БССР. Т. XX, № 9.
- Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
- Долуханов П.М., Тимофеев В.И., Левковская Г.М., 1975. Стоянка Цедмар Д в Калининградской области // КСИА. Вып. 141.
- Долуханов П.М., Микляев А.М., 1979. Культурно-исторические основы построения абсолютной хронологии неолита и ранней бронзы в бассейне Зап. Двины // КСИА. Вып. 157.
- Дьяков В.И., 1992. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток.
- Дэвлет М.А., 1973а. Раскопки стоянок с каменным инвентарем в Тодже // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Дэвлет М.А., 1973б. Стоянка Тоора-Хем "Вторая поляна" в северо-восточной Туве // КСИА. Вып. 137.
- Еремин В.И., 1975. Неолитическое поселение Каменка I // ИКЗ. Вып. III.
- Еремин В.И., 1977. Стоянки предьямного времени на территории Нижнего Поволжья // ИКЗ. Вып. V.
- Еринов С.А., 1956. Холм Чопан-депе // ТИИАЭ АН Туркм. ССР. Т. II.
- Ефименко П.П., 1816. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губернии и их место в системе европейской палеозтологии // РАЖ. № 1/2.
- Жуков Б.С., 1922. Неолитическая дюнная стоянка близ г. Балахны // РАЖ. Т. 12. Вып. 1/2.
- Жуков Б.С., 1925. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // РАЖ. Т. XIV, Вып. 1–2. Приложение.
- Жуков Б.С., 1929. Теория хронологических территориальных модификаций неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // СЭ. № 1.
- Журавлев А.П., 1977а. К изучению энеолита Карелии // СА. № 3.
- Журавлев А.П., 1977б. Энеолит Карелии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск.
- Журавлев А.П., 1983. Раннеэнеолитическое поселение Пегрема IX // СА. № 1.
- Журавлев А.П., 1991. Пегрема. Петрозаводск.
- Журавлев А.П., 1993. Жилища неолитического поселения Вигайнаволок I // Памятники древних культур лесной полосы Евразии. Петрозаводск.
- Жуциховская И.С., 1991. Керамика // Неолит Юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М.
- Загорская И.А., 1983. Костяные орудия охоты и рыболовства каменного века на территории Латвии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс.
- Загорский Ф.А., 1967. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига.
- Загорский Ф.А., Эберхардс Г.Я., Стелле В.Я., Якубовская В.Я., 1984. Оса – многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.
- Заднепровский Ю.А., 1966. Неолит центральной Ферганы // КСИА. Вып. 108.
- Зайберт В.Ф., 1979. Неолит Северного Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Зализняк Л.Л., 1984. Деснянская мезолитическая культура // А. Т. 46.
- Зах В.А., 1985. Погребения эпохи неолита – ранней бронзы могильника Заречное I // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень.
- Зах В.А., 1987. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири: Тез. конф., посвященной 400-летию Тобольска. Тобольск.
- Зах В.А., 1988. О культурной принадлежности неолитических памятников Присалаирья и Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Западной Сибири. Барнаул.
- Зах В.А., 1990. Неолит и бронзовый век Присалаирья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н., 1991. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск.
- Збруева А.В., 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжья и Нижнем Прикамье // МИА. № 80.
- Земляков Б.Ф., 1932. Нежежемская неолитическая стоянка // ТКИЧП. Вып. II.
- Земляков Б.Ф., 1940. Арктический палеолит на Севере СССР // СА. № 5.
- Зимица М.П., 1981. Неолит бассейна р. Мсты. М.
- Зимица М.П., 1993. Каменный век бассейна реки Мсты. М.
- Зубков В.С., 1982. Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Зяблин Л.П., 1973. Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Ивашина Л.Г., 1979а. К вопросу о раннем неолите Западного Забайкалья // Тез. докл. отчетной научно-теоретической конф. ИГУ. Иркутск.
- Ивашина Л.Г., 1979б. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск.
- Иностранцев А.А., 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.
- Исаенко В.Ф., 1968. Археологическая карта Белоруссии. Минск.
- Исаенко В.Ф., 1976. Неолит Припятского Полесья. Минск.
- Исаенко В.Ф., 1978. Хронология неолита Южной Белоруссии // КСИА. Вып. 153.
- Исламов У.И., 1975. Пещера Мачай. Ташкент.
- Исламов У.И., Тимофеев В.И., 1977. Стоянки каменного века южной части Центральной Ферганы // ИМКУ. Вып. 13.
- Исламов У.И., Тимофеев В.И., 1986. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент.
- Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья: (II – начало I тысячелетия до н.э.). М.
- Казаков Е.П., 1978. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. № 2.
- Каландадзе А.Н., 1939. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии // ИГ. Вып. IV, 3 (на груз. яз.).
- Калечиц Е.Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск.
- Калечиц Е.Г., 1995. Экосоциальные системы каменного века Восточной Беларуси. Автореф. дис. ... д-р ист. наук. Минск.
- Калинина И.В., 1979. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. Вып. 20.
- Калинина И.В., 1980. Керамика с насечками поселения Сауз I // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург.

- Калинина И.В., 1993. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона. (Подходы и методика изучения): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Карамышева Б.Х., 1969. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана // СЭ. № 3.
- Карпелан К., 1982. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М.
- Квасов Д.Д., 1975. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.
- Кизурадзе Т.В., 1976. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья (на груз. яз.). Тбилиси.
- Кириллов И.И., Рижский М.М., 1973. Очерки древней истории Забайкалья. Чита.
- Кирияк М.А., 1986. Работы Западно-чукотского отряда // АО. 1984.
- Кирюшин Ю.Ф., 1986. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
- Кистенев С.П., 1980. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск.
- Кияткина Т.П., 1976. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.
- Клапчук М.Н., 1965. Археологические находки в Карагандинской обл. // СА. № 3.
- Кларк Г.Д., 1953. Доисторическая Европа. М.
- Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. Л.
- Ковалева В.Т., 1986. Боборыкинская культура. Итоги изучения // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск.
- Ковалева В.Т., 1988. Некоторые дискуссионные проблемы в изучении неолита лесного Зауралья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск.
- Ковалева В.Т., 1989. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск.
- Ковалева В.Т., Варанкин В.Н., 1976. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. Тюмень.
- Ковалева И.Ф., 1966. Неолитические поселения южного Левобережья Среднего Днепра // Тезисы. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., Колосов Ю.Г., 1969. Неолитические стоянки бассейна р. Орели // Археологические исследования на Украине 1968 г. Киев.
- Козин Е.В., 1986. Неолитические стоянки северного Прикаспия: Проблемы эпохи неолита // Тезисы. Оренбург.
- Козырева Р.В., 1964. Древняя история Курильских островов // Древняя Сибирь (макет I тома Истории Сибири). Улан-Удэ.
- Козырева Р.В., 1967. Древний Сахалин. Л.
- Козырева Р.В., 1971. Стоянка Ильинский Остров в Архангельской области // КСИА. Вып. 126.
- Козырева Р.В., 1972. Поздненеолитические жилища на стоянке Ильинский Остров в Архангельской области // КСИА. Вып. 131.
- Козырева Р.В., 1975. Керамика спрингс со стоянки Ильинский Остров Архангельской области // КСИА. Вып. 141.
- Колосов Ю.Г., 1963. Некоторые вопросы истории неолита Крыма // СА. № 3.
- Кольцов Л.В., 1975. Работы в Калининской и Ярославской областях // АО 1974. М.
- Кольцов П.М., 1984. Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.
- Кольцов П.М., 1986. Неолитическое поселение Джангар // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Кононенко Н.А., 1994. Докерамические и неолитические комплексы Приморья // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока.
- Конопацкий А.К., 1982. Древние культуры Байкала (с. Ольхон). Новосибирск.
- Коробкова Г.Ф., 1966. Орудия труда и хозяйства неолитических племен Средней Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Коробкова Г.Ф., 1969а. К вопросу о хронологии кельтеминарской культуры // ИМКУ. Т. 8.
- Коробкова Г.Ф., 1969б. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. № 158.
- Коробкова Г.Ф., 1975. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // СА. № 3.
- Коробкова Г.Ф., 1981. Общее и особенное в хозяйстве кельтеминарских племен // КСИА. Вып. 165.
- Коробкова Г.Ф., 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельско-скотоводческих обществ юга СССР. Л.
- Коробкова Г.Ф., Мандельштам А.М., 1971. Новые материалы неолитического времени с Мангышлака // КСИА. Вып. 127.
- Коробкова Г.Ф., Массон В.М., 1978. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. Вып. 153.
- Коробкова Г.Ф., Ранов В.А., 1968. Неолит горных районов Средней Азии // Проблемы археологии Средней Азии. Л.
- Коробкова Г.Ф., Юсупов Х.Ю., 1975. Открытие новых стоянок каменного века на верхнем Узбое // Изв. АНТ. № 6.
- Коробкова Г.Ф., Юсупов Х.Ю., 1979. Открытие новой культуры на Мургабе // УСА. Вып. 4.
- Косарев М.Ф., 1987. Бронзовый век Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР; Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Костылева Е.Л., 1986. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4.
- Костылева Е.Л., 1987. Новые исследования раннего неолита Верхнего Поволжья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: (тез.). М.
- Котович В.Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.
- Крайнов Д.А., 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. № 91.
- Крайнов Д.А., 1973. Исследования Верхневолжской экспедиции // АО 1972. М.
- Крайнов Д.А., 1978. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 153.
- Крайнов Д.А., 1987а. Некоторые спорные вопросы неолита северной половины Европейской части СССР // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: (тез.). М.
- Крайнов Д.А., 1987б. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 3.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1984. Ивановские стоянки – комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений в Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.
- Крижевская Л.Я., 1950. Неолитические стоянки окрестностей с. Алексеевского Вышневолоцкого района // СА. № XII.
- Крижевская Л.Я., 1959. Неолитическая стоянка "Прикол" // КСИ-ИМК. Вып. 75.
- Крижевская Л.Я., 1968. Неолит Южного Урала. Л.
- Крижевская Л.Я., 1972. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II // КСИА. Вып. 131.
- Крижевская Л.Я., 1973а. К вопросу о неолите северо-восточного Прикаспия // МИА. № 185.
- Крижевская Л.Я., 1973б. Новые исследования неолита Приазовья // КСИА. Вып. 137.
- Крижевская Л.Я., 1973в. Неолитические племена Южного Предуралья // МИА. № 172.
- Крижевская Л.Я., 1973г. Хронология неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА. № 172.
- Крижевская Л.Я., 1978. К вопросу о нижней границе неолита степей северо-восточного Причерноморья // КСИА. Вып. 153.
- Крижевская Л.Я., 1979. Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
- Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., 1941. Могильник в Нальчике // МИА. № 3.
- Кузнецов А.М., 1981. Каменный век Юго-Западного Приморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Кузьмина Е.Е., 1958. Могильник Заман-баба // СЭ. № 2.
- Курапов А.А., 1978. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск.
- Куфтин Б.А., 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Т. VII.
- Кыласов Л.Р., 1958. Этапы древней истории Тувы // Вестник МГУ. Сер. ист.-филос. соц. № 4.
- Левенок В.П., 1965. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. № 131.
- Левенок В.П., 1969. Новые раскопки стоянки Подзорново // КСИА. Вып. 117.
- Левенок В.П., 1973. Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА. № 172.
- Линевский А.М., 1939. Петроглифы Карелии. Петрозаводск.
- Лисицына Г.Н., 1965. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на Юге Туркмении. М.
- Лисицына Г.Н., 1968. Растительность Южной Туркмении в VI–V тыс. до н.э. по данным определения углей // КД. Вып. II.

- Лобанова Н.В., 1988. Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск.
- Лобанова Н.В., 1991. Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск.
- Лобанова Н.В., 1993. К вопросу о датировке наскальных изображений побережья Онежского озера // ВКМ. Вып. 1.
- Логвин В.Н., 1976. Работы Тургайского музея // АО 1975.
- Логвин В.Н., 1980. Первые памятники маханджарской культуры // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: Тез. Оренбург.
- Логвин В.Н., 1982. Стоянка маханджарской культуры Соленое Озеро-2 // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Логинова Э.С., 1978. Последние Энэты I // МАЕСВ. Вып. 7.
- Логинова Э.С., 1979. Ранний неолит на Средней Вычегде // КСИА. Вып. 157.
- Лозе И.А., 1965. О новых неолитических памятниках Лубанской низменности // ИАН. Т. 12.
- Лозе И.А., 1969. Костяная и роговая скульптура эпохи неолита на территории Латвии // ИАН. Т. 11.
- Лозе И.А., 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига.
- Лозе И.А., 1984. Памятники гребенчато-ямочной керамики в Восточной Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии.
- Лозе И.А., 1988. Поселения каменного века Лубанской низины. Рига.
- Лоллекова О., 1978. Неолитическое поселение Песседжик-депе в Южном Туркменистане // СА. № 4.
- Лоллекова О., 1979. Хозяйство неолитических племен юга Туркмении в свете экспериментально-трассологических данных: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Лоллекова О., 1980. Древний поселок земледельцев у Чаача // ПТ. № 2 (30).
- Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.
- Лузгин В.Е., 1973. Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы (бассейн Средней Печоры) // МИА. № 172.
- Любин В.П., 1966. Неолитическая стоянка на р. Овечке // ТКК ИИЯЛ. Т. 5.
- Лявданский А.Н., 1927. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Науч. известия Смоленского гос. ун-та. Смоленск. Т. 14. Вып. 3.
- Лявданский А.Н., 1932. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // ИГАИМК. Вып. 7/8.
- Макаренко Н.Е., 1933. Мариупольский могильник. Київ.
- Макарова Л.А., 1973. Тернофауна пещеры Караунгур // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Макарова Л.Н., 1975. Исследование памятников культуры линейно-ленточной керамики в Днестровско-Прутском междуречье // АО 1974. М.
- Мамедов Э.Д., 1980. Изменения климата среднеазиатских пустынь в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- Мамедов Э.Д., Виноградов А.В., 1975. Первобытный Лявлякан: Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М.
- Мамонова Н.Н., 1973. К вопросу о древнем населении Приангарья по антропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., 1986. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири: (итоги и перспективы). Иркутск.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д., 1989. Опыт датирования по 14-С погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. № 1.
- Мамонтов В.И., 1970. Материалы Пятиморской стоянки // СА. № 4.
- Мамонтов В.И., 1974. Позднеэнеолитическая стоянка Орловка // СА. № 4.
- Марк К.Ю., 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Маркевич В.И., 1973. Памятники эпохи неолита и энеолита: (Археологическая карта Молдавии. Вып. 2). Кишинев.
- Маркевич В.И., 1974. Бугоднестровская культура на территории Молдавии. Кишинев.
- Марков Г.Е., 1961. Раскопки первобытной стоянки Оюкы // ВМГУ. Вып. 3.
- Марков Г.Е., 1966. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии // СА. № 2.
- Марков Г.Е., 1979. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М.
- Марков Г.Е., Дурдыев М.Б., 1977. Новые исследования первобытных памятников в Прикаспии // КД. Вып. 5.
- Марков Г.Е., Хамракулиев С., 1980. Новая стоянка оюклинской культуры в Северном Прибалхашье // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 4/5.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 1957. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса // КСИИМК. Вып. 67.
- Мартынов А.Я., 1985. Древняя история Северодвинского бассейна в эпохи мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Марущенко А.А., 1949. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории // Материалы ЮТАКЭ. Т. I.
- Массон В.М., 1960. Джейтунская культура // ТЮТАКЭ. Т. X.
- Массон В.М., 1966. Гиссарская культура в западном Таджикистане // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л.
- Массон В.М., 1971. Поселение Джейтун // МИА. № 180.
- Массон В.М., 1972. Понятие культуры в археологической систематике // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тез. Ташкент.
- Массон В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Массон В.М., 1977. Алтын-депе в эпоху энеолита // СА. № 3.
- Матвеева Н.П., 1985. Работы Исетской экспедиции // АО 1983. М.
- Матюшин Г.Н., 1962. Новые неолитические памятники Башкирии // КСИА. Вып. 92.
- Матюшин Г.Н., 1970а. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье // Древности Башкирии. М.
- Матюшин Г.Н., 1970б. К проблеме энеолита Южного Урала // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Матюшин Г.Н., 1973а. Раннеэнеолитическая стоянка Карабалыкты 8а (Урта-тюбе) на Урале // КСИА. Вып. 137.
- Матюшин Г.Н., 1973б. Мезолитические и неолитические комплексы поселения Мысового на Южном Урале // СА. № 4.
- Матюшин Г.Н., Красновская Л.В., Куйбышев А.В., Рыжов Ю.Ф., 1973. Южноуральская экспедиция // АО 1972. М.
- Матюшин Г.Н., 1976а. Неолитические памятники Южного Предуралья // Проблемы археологии Поволжья и Предуралья. Куйбышев.
- Матюшин Г.Н., 1976б. Мезолит Южного Урала. М.
- Матюшин Г.Н., 1981. О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала: Предварительные результаты // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Матюшин Г.Н., 1982а. Поселение Муллино в Предуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Матюшин Г.Н., 1982б. Энеолит Южного Урала. М.
- Матюшин Г.Н., 1985. Каменный век Южного Урала. Предуралье. К проблеме происхождения производящего хозяйства: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Матюценко В.И., 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Неолит и бронзовый век // ИИС. Вып. 9.
- Мацкевой Л.Г., 1970. Мезолит и неолит Керченского полуострова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л.
- Мацкевой Л.Г., 1977. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев.
- Мелентьев А.Н., 1975. Памятники сероглазовской культуры // КСИА. Вып. 141.
- Мелентьев А.Н., 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия: (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Мельничук А.Ф., 1980. Работы Березниковского отряда // АО 1979. М.
- Мельничук А.Ф., 1981. Исследование памятников близ г. Березники // АО 1980. М.
- Мейнандер К., 1982. Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М.
- Микляев А.М., 1971а. Памятники каменного века и периода бронзы в бассейне верхнего течения Западной Двины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Микляев А.М., 1971б. Неолитическое свайное поселение на Усвятом озере // АСГЭ. Вып. 13.
- Микляев А.М., 1972. О некоторых культурах III–II тысячелетий до н.э. на Северо-Западе СССР // СГЭ. Т. XXXV.
- Микляев А.М., 1992. Каменный век – железный век в междуречье За-

- падной Двины и Ловати: Дис. ... докт. ист. наук. СПб. Микляев А.М., Долуханов П.М., Гуман М.А., 1984. Усвяты IV, Наумово – озерные поселения эпох неолита и бронзы в верховьях Западной Двины // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.
- Минаева Т.М., 1955. Стоянки с микролитическим инвентарем на Черных землях // КСИИМК. Вып. 59.
- Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.
- Моора Х.А., 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн.
- Морозов Ю.А., 1982. Энеолитические памятники Приуралья // Волго-Уральская степь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Морозов Ю.А., Тихонов Б.Г., 1984. Памятники неолита и энеолита в низовьях р. Белой // КСИА. Вып. 177.
- Мочанов Ю.А., 1969. Многослойная стоянка белькачи I и периодизация каменного века в Якутии. М.
- Мошинская В.И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Неприна В.И., 1973. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Неприна В.И., 1976. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев.
- Неприна В.И., 1982. До вивчення неолітичної доби в Північно-Східній Україні // А. Т. 41.
- Неприна В.И., 1984. Лисогубовское поселение раннего и развитого неолита в лесной полосе левобережной Украины // Материалы каменного века на территории Украины. Киев.
- Неприна В.И., 1986. Неолитические памятники Левобережной Украины, их культурно-хронологическое определение // Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев.
- Неприна В.И., Беляев А.С., 1974. Поселение и могильники новой неолитической культуры на Украине // СА. № 2.
- Небиеридзе Л.Д., 1972. Неолит Западного Закавказья (на груз. яз.). Тбилиси.
- Нейштадт М.И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.
- Низовья Аму-Дарьи. Саракамьш, Узбой: История формирования и заселения, 1960 // Материалы Хорезмской экспедиции. М. Вып. III.
- Никитин А.Л., 1975. Многослойное поселение Польцо // СА. № 3.
- Никитин В.В., 1984а. Новые материалы по изучению эпохи камня в Марийском Поволжье // АЗМК. Вып. 7.
- Никитин В.В., 1984б. Красномошские поселения финального неолита // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Никитин В.В., 1986. Население с накольчатой посудой на Средней Волге // Проблемы эпохи неолита. Оренбург.
- Окладников А.П., 1941. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. Вып. IX.
- Окладников А.П., 1945. Следы каменного века в районе Термеза // Термезская археологическая экспедиция. Ташкент. Т. 2.
- Окладников А.П., 1947. Древние поселения в долине р. Хатанги // КСИИМК. Вып. XVIII.
- Окладников А.П., 1949. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // КСИИМК. Вып. 28.
- Окладников А.П., 1949. Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству // История Якутии. Якутск. Т. I.
- Окладников А.П., 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 18.
- Окладников А.П., 1953а. Изучение памятников каменного века в Туркмении // ИАНТ. № 2.
- Окладников А.П., 1953б. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова // ТЮТАКЭ. Т. 2.
- Окладников А.П., 1955. Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. М.; Л. Т. I.
- Окладников А.П., 1956. Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // ТЮТАКЭ. Т. VII.
- Окладников А.П., 1957. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея // СА. № 1.
- Окладников А.П., 1958. Исследования памятников каменного века Таджикистана // МИА. № 66.
- Окладников А.П., 1959а. Каменный век Таджикистана // Материалы II Всесоюз. совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л.
- Окладников А.П., 1959б. Шишкинские писаницы. Иркутск.
- Окладников А.П., 1959в. Далекое прошлое Приморья. Владивосток.
- Окладников А.П., 1961а. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г. // ТИИТ. Т. XXVII.
- Окладников А.П., 1961б. Исследования памятников каменного века в районе Куляба и Даигары осенью 1959 г. // ТИИТ. Т. XXXI.
- Окладников А.П., 1966. Петроглифы Ангара. Л.
- Окладников А.П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.
- Окладников А.П., 1972. Отчет о раскопках древнего поселения у с. Вознесенского на Амуре, 1966 г. // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. Ч. 1.
- Окладников А.П., 1974. Неолитические памятники Ангара. Новосибирск.
- Окладников А.П., 1975. Неолитические памятники Средней Ангара. Новосибирск.
- Окладников А.П., 1976. Неолитические памятники Нижней Ангара. Новосибирск.
- Окладников А.П., 1977. История и культура Бурятии. Улан-Удэ.
- Окладников А.П., 1983. Древнее поселение Кондон. Новосибирск.
- Окладников А.П., Бродянский Д.Л., 1969. Дальневосточный очаг древнего земледелия // СЭ. № 2.
- Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973а. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток.
- Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973б. Осинноозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток.
- Окладников А.П., Деревянко А.П., 1977. Громатухинская культура. Новосибирск.
- Окладников А.П., Запорожская В. Д., 1959. Ленские писаницы. М.; Л.
- Окладников А.П., Кириллов И.И., 1980. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск.
- Окладников А.П., Мазин А.И., 1976. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск.
- Окладников А.П., Медведев В.Е., 1983. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. СО АН (Сер. общ. наук. № 1). Вып. 1.
- Окладников А.П., Молодин В.И., 1978. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Западной Сибири. Новосибирск.
- Ошибкина С.В., 1966. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре // СА. № 4.
- Ошибкина С.В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С.В., 1994. Неолит лесной зоны и Севера Восточной Европы: (К проблемам финноугристики) // Петербургский Археологический вестник. СПб.
- Ошибкина С.В., 1995. Керамика сперрингс в Восточном Прионежье // ВККМ. Вып. 3.
- Панкрушев Г.А., 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л.
- Панкрушев Г.А., 1973. Неолитические племена Карелии // МИА. № 172.
- Панкрушев Г.А., 1978. Мезолит и неолит Карелии. Л. Ч. 1–2.
- Панкрушев Г.А., Журавлев А.П., 1966. Стоянка Вигайнаволоки I // Новые памятники истории древней Карелии. Л.
- Панфилов А.Н., 1991. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Пошишья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Западной Сибири: Тез. докл. науч. конф. Барнаул.
- Пассек Т.С., 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА. № 84.
- Пассек Т.С., Латынин Б.А., 1929. Разведки в районе Брянска // Тр. РАНИОН.
- Пассек Т.С., Черныш Е.К., 1963. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР // САИ. Вып. Б1–11.
- Пеняк С.И., Попович И.И., Потушняк М.Ф., 1978. Работы закарпатской новоостроевской экспедиции // АО 1977. М.
- Пеняк С.И., Попович И.И., Потушняк М.Ф., 1979. Работы на новоостроевских Закарпатья // АО 1978. М.
- Передольский В.С., 1893. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и Велико-Новгородского державства каменного века. СПб.
- Песонен П.Э., 1977. О двух древних поселениях в низовьях р. Нива // СА. № 1.
- Песонен П.Э., 1988. Поселения культуры сперрингс // Поселения древней Карелии. Петрозаводск.

- Песонен П.Э., 1991. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск.
- Петри Б.Э., 1916. Неолитические находки на берегу Байкала // СМАЭ. Т. III.
- Петри Б.Э., 1926. Сибирский неолит // Изв. Биол.-географич. науч.-исслед. ин-та при Иркутском гос. ун-те. Т. 3. Вып. 1.
- Петров А.И., 1974. Разведки в Омской области // АО 1973. М.
- Петров А.И., 1980. Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья // Археология Прииртышья. Томск.
- Петров А.И., 1986. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Пидопличко И.Г., 1956. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вып. 2. Київ.
- Поликарпович К.М. (Паликарпович К.М.), 1928. Дагістарычныя стоянкі сярэдняга і ніжняга Сажа // Працы катэдры археолёгіі Мінск. Т. I.
- Поликарпович К.М. (Паликарпович К.М.), 1930. Дагістарычныя стоянкі сярэдняга Сажа // Працы археол. камісіі. Мінск. Т. II.
- Поликарпович К.М., 1957. Стоянки Верхнего Посожья // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. III.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск.
- Поляков И.С., 1873. Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губ // ЭРГО по отд. этнографии. Т. III.
- Поляков И.С., 1882. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // ЭРГО по отд. этнографии. Т. IX.
- Полякова Г.Ф., 1970. Племена белевской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М.
- Попова Т.Б., 1973. Неолитические стоянки верхнего и среднего течения р. Цны // МИА. № 172.
- Посредников В.А., 1973. Большедарьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // ИИС. Вып. 5.
- Потушняк М.Ф., 1978. Результаты исследований памятников неолита–энеолита в Закарпатье // Археологические исследования на Украине 1976–1978 гг. Ужгород.
- Потушняк М.Ф., 1979. Неолітичне поселення Дякове I на Закарпатті // А. № 30.
- Праслов Н.Д., 1971. Памятники каменного века южных Ергеней // КСИА. Вып. 126.
- Праслов Н.Д., Настюков Н.З., 1973. Новые материалы по каменному веку западного чинка Устюрта // КСИА. Вып. 136.
- Протопопов Х.В., Бутомо С.В., 1959. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки.
- Путятин П.А., 1884а. Сообщения о раскопках близ Бологого // ЗРАО. Нов. сер. Т. IV.
- Путятин П.А., 1884б. О гончарном производстве в каменном веке // Изв. РГО. Т. XX, 3.
- Путятин П.А., 1886. Орнаментация древнего гончарства // Тр. АС VI в Одессе 1884 г. Одесса. Т. I.
- Равдоникас В.И., 1936. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.
- Равдоникас В.И., 1938. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.
- Равдоникас В.И., 1939. История первобытного общества. Л. Ч. I.
- Ранов В.А., 1956. Результаты разведок каменного века в 1955 г. // Тр. АН Тадж. ССР. Сталинабад. Т. XIII.
- Ранов В.А., 1958. Находки каменного века в Алайской долине // Тр. Ин-та истории АН Кирг. ССР. Фрунзе. Вып. IV.
- Ранов В.А., 1963. Каменный век Таджикистана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе.
- Ранов В.А., 1968. Завершение раскопок на поселении Туткаул (Южный Таджикистан) // АО 1967.
- Ранов В.А., 1982. Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе.
- Ранов В.А., 1985. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Ранов В.А., Жуков В.А., Юсупов А.Х., 1972. Работы по каменному веку Таджикистана в 1971 г. // УСА. Вып. 2.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф., 1971. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. № 2.
- Ранов В.А., Юсупов А.Х., 1969. Раскопки неолитической стоянки Саед // АО 1968.
- Раушенбах В.М., 1953. Неолитические стоянки верхней Клязьмы // Тр. ГИМ. Вып. 22.
- Раушенбах В.М., 1964. Древнейшая стоянка льяловской культуры // СА. № 2.
- Раушенбах В.М., 1970. Племена льяловской культуры // Тр. ГИМ. Вып. 44.
- Раушенбах В.М., 1973. Неолитические племена бассейна Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // МИА. № 172.
- Раушенбах В.М., 1979. Новое местонахождение льяловской культуры // КСИА. Вып. 157.
- Рерих Н.К., 1903. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой // ЗОРСА. Т. V. Вып. I.
- Рерих Н.К., 1905. Каменный век на озере Пирос // ЗОРСА. Т. VII. Вып. I.
- Римантене Р.К., 1966. Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве // Древности Белоруссии. Минск.
- Римантене Р.К., 1973. Неолит Литвы и Калининградской обл. // МИА. № 172.
- Римантене Р.К., 1977. Основные черты мезолита Литвы // КСИА. Вып. 149.
- Римантене Р.К., 1983. Рыболовное сооружение из неолитического поселения Швянтойи 9 // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.
- Римантене Р.К., 1987. Начало земледелия в Прибалтике // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. М.
- Римантене Р.К., Кункасас Р., 1984. Швянтойи – комплекс неолитических поселений на приморской лагуне Балтийского побережья Литовской ССР // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.
- Розенфельдт И.Г., 1950. Стоянка Мыс Очкинский // КСИИМК. Вып. 31.
- Розенфельдт И.Г., 1959. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III – начале I тыс. до н.э. // КСИИМК. Вып. 75.
- Розенфельдт И.Г., 1974. Стоянки близ с. Неготино Брянской области // СА. № 2.
- Рустамов Д.Н., 1971. Фируз – стоянка каменного века в Гобустане // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 г. Тбилиси.
- Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М., 1971. Раскопки в Кобыстане // АО 1970. М.
- Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М., 1972. Работы в Гобустане // АО 1971. М.
- Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М., 1976. Раскопки на стоянке Кяниза в Гобустане // АО 1975. М.
- Рыбаков Б.А., 1976. Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Рыгдылон Э.Р., 1953. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // МИА. № 39.
- Савватеев Ю.А., 1970. Залавруга. Л. Ч. 1: Петроглифы.
- Савватеев Ю.А., 1977. Залавруга. Л. Ч. 2: Стоянки.
- Савватеев Ю.А., 1990. Каменная летопись Карелии. Петрозаводск.
- Савельев И.А., Медведев Г.И., 1973. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Савельев И.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г., 1974. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. Вып. I.
- Савенков И.Т., 1896. Каменный век в Минусинском крае // МАВГР. Т. II.
- Сальников К.В., 1961. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. № 2.
- Сафонов Б.А., 1947. Археологическая работа Дзержинского краеведческого музея в 1940–1944 гг. // КСИИМК. Вып. XVII.
- Свешников И.К., 1954. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни // СА. № XX.
- Селезнев Ф.Я., 1928. Приокские древности // Тр. Владимирского музея. Владимир. Т. III.
- Семенов В.А., 1983. Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее: К проблеме периодизации культур неолита и бронзы // Древние культуры евразийских степей на материалах археологических работ на новостройках. Л.
- Семенов С.А., 1957. Первобытная техника // МИА. № 54.
- Семенов С.А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.
- Семина Л.В., 1983. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Серебрянная Т.А., 1976. Взаимоотношение леса и степи на Среднерусской возвышенности в голоцене // История биогеоценозов СССР в голоцене. М.

- Сидоров В.В., 1969. Стоянки каменного века в центральной Туве // СА. № 4.
- Сидоров В.В., 1977. Раскопки в Московской Мещере // АО 1976.
- Сидоров В.В., Трусов А.В., 1980. Стоянка Луково Озеро I – стоянка льяловской культуры // СА. № 2.
- Сизиков А.М., Савельев Н.А., Филимонова Л.А., 1975. Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. Вып. 3.
- Синицина Г.В., 1986. Неолитические памятники Верхней Ангары (по материалам поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Синюк А.Т., 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Синюк А.Т., 1978. Неолитический материал южневоронежской многослойной стоянки Университетская III // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1980. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
- Смирнов А.С., 1978. Неолитическая стоянка Луневе II // СА. № 2.
- Смирнов А.С., 1979. Неолитические стоянки в урочищах Бесец–Белыец // СА. № 2.
- Смирнов А.С., 1982. Неолитические памятники запада Брянской области // КСИА. Вып. 169.
- Смирнов А.С., 1985а. О раннем неолите Верхнего Поднепровья // СА. № 1.
- Смирнов А.С., 1986б. Белевская культура (проблемы неолита верхней Оки) // СА. № 4.
- Смирнов В.И., 1940. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе // СА. № VI.
- Смирнов В.И., 1941а. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске // КСИИМК. Вып. IX.
- Смирнов В.И., 1941б. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино // КСИИМК. Вып. X.
- Соловьев Л.Н., 1967. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа – Южне-Шилловское и Кистрик // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси.
- Сорокин А.Н., 1985. Комягино 2Б – новый мезолитический памятник в бассейне Десны // Тр. ГИМ. Вып. 60.
- Спесивцев В., 1905. Находки в Райгородке // Тр. АС XII. Т. I.
- Спицын А.А., Каменский В.Н., 1905. Стоянка каменного века близ г. Балахны // ЗОРСА. Т. VII, вып. 1.
- Старков В.Ф., 1970. Поздний неолит лесного Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Старков В.Ф., 1970. К вопросу о периодизации западно-сибирского неолита // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Зап. Сибири. Томск.
- Старков В.Ф., 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.
- Стоколов В.С., 1986. Древние поселения Мезенской долины. М.
- Стоколов В.С., 1987. Поселение Конещелье – первый на Мезени памятник с накольчатой керамикой // Материальная и духовная культура населения европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Столяр А.Д., 1953. Мариупольский могильник как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Столяр А.Д., 1959. Об одном центре одомашнивания свиньи // СА. № 3.
- Столяр А.Д., 1961. Об исторических корнях надпорожского неолита // Исследования по археологии СССР. Л.
- Студзицкая С.В., 1966. К вопросу о появлении шаманства у племен Среднего Енисея по археологическим данным // Ежегодник Гос. исторического музея. М.
- Студзицкая С.В., 1976. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // ИИС. Вып. 21.
- Сурова Т.Г., Троцкий Л.С., 1968. О развитии оледенения Полярного Урала в голоцене по данным спорово-пыльцевого анализа // Материалы гляциологич. исследований. М. Вып. 14.
- Татарников В.А., 1983. Неолитическая стоянка в пещере Чертовы Ворота (Северо-Восточное Приморье) // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск.
- Телегин Д.Я., 1957. Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України // А.Т. 11.
- Телегин Д.Я., 1958. Деякі підсумки дослідження неоліту України // ВУ. № 8.
- Телегин Д.Я., 1959. Неолитические памятники среднего течения Северского Донца // СА. № XXIX–XXX.
- Телегин Д.Я., 1960. Раскопки неолитических стоянок в устье Оскола // Палеолит и неолит СССР. МИА. № 79.
- Телегин Д.Я., 1961. К вопросу о днепродонецкой неолитической культуре // СА. № 4.
- Телегин Д.Я., 1962. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины // СА. № 4.
- Телегин Д.Я., 1966. Неолитические стоянки типа Струмеля–Гастятина на северной Киевщине // Древности Белоруссии. Минск.
- Телегин Д.Я., 1971. О культурно-хронологическом членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии // СА. № 2.
- Телегин Д.Я., 1973. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии // МИА. № 172.
- Телегин Д.Я., 1978. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины // КСИА. Вып. 153.
- Телегин Д.Я., 1979. Новые памятники культуры линейно-ленточной керамики на Украине // СА. № 2.
- Телегин Д.Я., 1981. Про неолітичні пам'ятки Подоння та степового Поволжжя // А. № 36.
- Телегин Д.Я., 1984. К вопросу о территории распространения памятников сурской культуры // Материалы каменного века на территории Украины. Киев.
- Тимофеев В.И., 1979. Памятники каменного века восточной части Калининградской области // КСИА. Вып. 157.
- Тимофеев В.И., 1980. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Тимофеев В.И., 1981. Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // КСИА. Вып. 165.
- Тимофеев В.И., 1983. Керамика неолитического поселения Утиное болото I // КСИА. Вып. 173.
- Тимофеев В.И., Романова Е.Н., Маланова Н.С., Свеженцев Ю.С., 1978. Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР // КСИА. Вып. 153.
- Титов В.С., 1971. Итоги работы Закарпатской экспедиции // АО 1970.
- Титов Ю.В., 1972. О культуре сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л.
- Титова Е.Н., 1985. Неолит Среднего Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Толстов С.П., 1946. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. // КСИИМК. Вып. 12.
- Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. М.
- Толстов С.П., 1958. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955–1956 гг. // СА. № 1.
- Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Согда и Яксарта. М.
- Толстов С.П., Кесь А.С., 1956. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи // Вопросы географии: Сб. ст. для XVIII Международного географического конгресса. М.; Л.
- Третьяков П.Н., 1985. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // ИГАИМК. Вып. 106.
- Третьяков В.П., 1972а. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л.
- Третьяков В.П., 1972б. Раннеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 131.
- Третьяков В.П., 1974. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА. № 1.
- Третьяков В.П., 1975. Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепровской культуре // СА. № 2.
- Третьяков В.П., 1978. Относительная хронология неолитических поселений Смоленщины // КСИА. Вып. 153.
- Третьяков В.П., 1982. Раннеолитические стоянки в междуречье Суры и Мокши // КСИА. Вып. 169.
- Трофимова Т.А., 1979. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумеккичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Тюрина И.М., 1967. Верхнее Поднепровье в эпоху неолита: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Тюрина И.М., 1970. Неолит верхнего Поднепровья // СА. № 3.
- Тюрина И.М., 1973. Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья // МИА. № 172.

- Урбан Ю.Н., 1976. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Федоров В.В., 1937. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // СА. № II.
- Федоровский И.А., 1902. Древности окрестности с. Райгородка // Тр. Харьковского предварительного комитета по устройству ХП АС. Харьков.
- Федосеева С.А., 1968. Древние культуры Вилюя. Якутск.
- Федосеева С.А., 1970. Основные этапы древней истории Вилюя в свете новых археологических открытий // По следам древних культур Якутии. Якутск.
- Формозов А.А., 1949. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. XXV.
- Формозов А.А., 1950а. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИИМК. Вып. XXXI.
- Формозов А.А., 1950б. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // БКИЧП. № 15.
- Формозов А.А., 1951. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. Вып. XXXIX.
- Формозов А.А., 1954. Неолитическая керамика Нижнего Подонья // КСИИМК. Вып. 53.
- Формозов А.А., 1955. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века // КСИИМК. Вып. 59.
- Формозов А.А., 1959а. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
- Формозов А.А., 1959б. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. № 2.
- Формозов А.А., 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. № 102.
- Формозов А.А., 1969. Очерки по первобытному искусству. М.
- Формозов А.А., 1970. Об историческом месте неолитической культуры Левобережной Украины // СА. № 1.
- Формозов А.А., 1971. Каменноостовская пещера – многослойная стоянка в Прикубанье // МИА. № 173.
- Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.
- Фосс М.Е., 1938. Погребения на стоянке Кубенино // Тр. ГИМ. Вып. VIII.
- Фосс М.Е., 1940. Стоянка Кубенино // СА. № 5.
- Фосс М.Е., 1941. Стоянка Веретье // Тр. ГИМ. Вып. XII.
- Фосс М.Е., 1947. Неолитические культуры Севера Европейской части СССР // СА. № IX.
- Фосс М.Е., 1952. Древняя история Севера Европейской части СССР // МИА. № 29.
- Фосс М.Е., 1959. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском р. Тамбовской обл. в 1953 г. // КСИИМК. Вып. 75.
- Халиков А.Х., 1958. Неолитические памятники в Казанском Поволжье // МИА. № 61.
- Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. Т. 1.
- Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Халиков А.Х., 1973. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172.
- Халиков А.Х., 1982. Основные этапы археологии и ранней истории Казани до возникновения города // Новое в этнографии и археологии Татарии. Казань.
- Халиков А.Х., 1983. Этнокультурные связи населения Волго-Камья и Зап. Сибири по археологическим материалам // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. Омск.
- Халиков А.Х., 1986. Этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье и Приуралье в эпоху неолита // Проблемы эпохи неолита. Оренбург.
- Хлобыстин Л.П., 1964. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. Вып. 97.
- Хлобыстин Л.П., 1965. Древнейшие памятники Байкала // МИА. № 131.
- Хлобыстин Л.П., Шер Я.А., 1966. Неолитическое погребение близ д. Байкалово на Енисее // КСИА. Вып. 106.
- Хлобыстин Л.П., 1982. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Хлобыстин Л.П., Левковская Г.М., 1974. Роль социального и экономического факторов в развитии арктических культур Евразии // Первобытный человек и природная среда. М.
- Ходашева К.С., 1966. О географических особенностях структуры населения наземных позвоночных животных // Зональные особенности населения наземных животных. М.
- Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.
- Хотинский Н.А., 1981. Следы прошлого ведут в будущее. М.
- Хотинский Н.А., Фаломеев Б.А., Гуман М.А., 1979. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке // СА. № 3.
- Хотинский Н.А., Савина С.С., 1985. Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах голоцена // Изв. АН СССР. Сер. географ. № 4.
- Цалкин В.И., 1956. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела // ТЮТАКЭ. Т. VII.
- Цалкин В.И., 1970а. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- Цалкин В.И., 1970б. Древнейшие домашние животные Средней Азии // БМОИП. Т. XXV. Вып. 1–2.
- Цветкова И.К., 1947. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником // КСИИМК. Вып. XVII.
- Цветкова И.К., 1963. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения р. Оки // МИА. № 110.
- Цветкова И.К., 1970. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы // Тр. ГИМ. Вып. 44.
- Цветкова И.К., 1973. Неолитические племена Рязанского течения Оки // МИА. № 172.
- Чалая Л.А., 1969. О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратургай // Культура древних скотоводов и земледельцев. Алма-Ата.
- Чалая Л.А., 1970. Новые материалы по неолиту Казахстана // ВМГУ. № 6.
- Чалая Л.А., 1971. Неолит северо-восточного и центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Чалая Л.А., 1972. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1 и 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Чалая Л.А., 1972. Стоянка Бешбулак 15 (Внутренние Кызылкумы) // УСА. Вып. 2.
- Чарнолусский В.В., 1965. Легенда об олене-человеке. М.
- Чемякин Ю.П., 1994. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35.
- Чернецов В.Н., 1964. Наскальные изображения Урала. Ч. 1 // САИ. Вып. В4–12.
- Чернецов В.Н., 1968. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Чернецов В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала. Ч. 2 // САИ. Вып. В4–12.
- Чернецов В.Н., 1973. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Черников С.С., 1970. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Черныш Е.К., 1962. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье // МИА. № 102.
- Чернявский М.М., 1969. Исследования неолитических поселений Кривинского торфяника // Древности Белоруссии. Минск.
- Чернявский М.М., 1970. Неолитические племена северной Белоруссии // Очерки по археологии Белоруссии. Минск.
- Чернявский М.М., 1971. Неолит Северо-Западной Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск.
- Чернявский М.М., 1978. Хронологические рамки неолита северо-западной Белоруссии // КСИА. Вып. 153.
- Чернявский М.М. (Чарняўскі М.М.), 1979. Неоліт Беларускага Нанямоння. Мінск.
- Чуев С.А., 1903. Результаты раскопок, произведенных в Брянском уезде летом 1901 г. // Тр. Орловской Ученой Архивной Комиссии за 1901 и 1902 гг. Орел.
- Шевелев В.В., 1986. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА. № 1.
- Шевченко А.И., 1960. К истории домашних животных Южного Туркменистана // ТЮТАКЭ. Т. X.
- Щепинский А.А., 1968. О неолите и энеолите Крыма // СА. № 1.
- Щепинский А.А., 1975. Энеолит Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Шмидт А.В., 1930. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Л.

- Шубин В.О., Шубина О.А., Горбунов С.В., 1982. Неолитическая культура на Южном Сахалине. (Препринт.). Южно-Сахалинск.
- Шумкин В.Я., 1994. Петроглифы и писаницы Восточной Лапландии // Междунар. конф. к 100-летию В.И. Равдоникаса: Тез. докл.
- Юсупов А.Х., 1972. Изучение неолитических памятников юго-западного Таджикистана // УСА. Вып. 1.
- Юсупов А.Х., 1976. Отчет Нурекской группы (1972 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XII. Душанбе.
- Юсупов Х.Ю., 1977. Археологические исследования Тахта-Базарского района // КД. Вып. V.
- Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
- Якубцинер М.М., 1956. К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия в СССР. М.; Л. Вып. II.
- Янитс Л.Ю., 1954. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР // КСИИМК. Вып. 54.
- Янитс Л.Ю., 1956. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Янитс Л.Ю., 1959. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин.
- Янитс Л.Ю., 1966. Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. № 126.
- Янитс Л.Ю., 1973. Неолитические памятники Эстонии и их хронология // МИА. № 126.
- Янитс Л.Ю., 1984. Ранне-неолитические культурные группы в Эстонии // Новое в археологии СССР и Финляндии. М.
- Янитс К.Л., Янитс Л.Ю., 1981. Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии // Тезисы регионального совещания. Тарту.
- Янушевич З.В., 1976. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.
- Янушевич З.В., Маркевич В.И., 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. Кишинев.
- Ailio J., 1922. Fragen der russischen Steinzeit // SMYA. 39, 1.
- Berciu D., 1961. Contributii la problemele neolitice în România în lumina noilor cercetări. București.
- Braidwood R.J., Howe B., 1960. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan // SAOS. 31.
- Breunig P., 1987. 14-chronologie des Vorderasiatischen, Südost- und Mitteleuropäischen Neolithikums. Köln.
- Brogger A., 1909. Den Arktiske Stenaldet i Norge. Christiania.
- Bucha V., Neustupny E., 1967. Changes of the Earth's Magnetic Field and Radiocarbon Dating // PA. 58.
- Butrimas A., 1982. Daktariškės neolito gyvenvietė. Katalogas. Vilnius.
- Butzer K., 1970. Physical Conditions in Eastern Europe, Western Asia and Egypt // The Cambridge Ancient History. 2 Ed. Vol. 1.
- Cambel H., 1974. The Southeast Anatolian Prehistoric Project and Its Significance for Culture History // Bulletin Turk Tarih Kurumu. XXXVIII, 151.
- Childe V.G., 1948. Man Makes Himself. L.
- Clark J.G.D., 1965. Radiocarbon Dating and Expansion of Farming Culture from the Near East over Europe // PPS. XXXI.
- Comşa E., 1972. Quelques nouvelles données sur la culture à céramique rubanée en territoire Roumanie // ALR. XII.
- Coutts P.J.F., 1972. The Utility of Radiocarbon Determinations for Dating N.Z. Archeological Sites // Proceed. of the 8th Intern. Conf. on Radiocarbon Dating. Lower Hutt City.
- Crawford V.E., 1963. Beside the Karasu // Bulletin of the Metropolitan Museum of art. 4. N.Y.
- Damon P.E., Long A., Wallick E.J., 1972. Dendrochronological Calibration of the Carbon-14 Time Scale // Proceed. of the 8th Intern. Conf. on Radiocarbon Dating. Lower Hutt City.
- Dolykhanov P.M., Khotinskij N.A., 1984. Human Cultures and the Natural Environment in the USSR during Mesolithic and Neolithic // Late Quaternary Environments of the Soviet Union. Minneapolis: Minnesota Press.
- Dumitrescu H., 1957. Contributii la problema originii culturii Precucuteni // Studii si cercetări de istorie veche. VIII. 1-4.
- Edgren T., 1967. Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulpturen aus Ton // FM. 1966.
- Edgren T., 1982. Formgivning och funktion en kamkeramisk studie // Iskos. 3.
- Edgren T., 1984. Kivikau si weilin - göös Eripainos teossarjasta // Suomen Historia. Helsinki.
- Europaes-Äyräpää A., 1926. Stenaldet i Finland // SMYA. XXXVI, 1.
- Europaes-Äyräpää A., 1930. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland. Pt. I-II // AA. 1.
- Gaerte W., 1927a. Die Steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg.
- Gaerte W., 1927b. Ostpreussen: A Steinzeit // Reallexicon der Vorgeschichte. B. 9.
- Gardawski A., 1958. Zagadnienie Kultury "ceramiki grzybkowej" w Polsce // WA. XXV, 4.
- Ghirshman R., 1938. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937. P. Vol. 1.
- Gimbutas M., 1970. Obre, Yugoslavia: The Neolithic sites // Archaeology. N.Y.; Brattleboro. 23, 4.
- Gross H., 1939. Moorgeologische Untersuchungen der Vorgeschichtliche Dörfer im Zedmar-Bruch // PR. 33, 1-2.
- Girininkas A., 1985a. Kretuono 1-os gyvenvietės vidurinio neolito kapai // LA. 4.
- Girininkas A., 1985b. Narvos kultūros raida // LA. 4.
- Howe B., 1983. Karim Shahir // Prehistoric Archaeology along the Zagros Flanks. Chicago. 105.
- Hüürre M., 1979. 9000 vuotta suomen Esihistoriaa Helsingissä kustannusosakeyhtiö. Otava.
- Jaanis L., 1955. Neolitilised asulad Eesti nsv territooriumil // Muistsed asulad ja linnused. Tallin.
- Jaanis L., 1957. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // SMYA. 58.
- Jaanis L., 1965. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland // FM. LXXII.
- Jaanis L., 1968. Die frühneolithische Kultur in Estland // Congressus secundus internationalis Fennougricarum Helsingie habitus 23-28 Helsinki. VIII, II.
- Jaanis L., 1984. Die kennzeichnende Züge der Siedlung Tamula // Iskos. 4.
- Junger H., 1979. Radiocarbon dates I. Helsinki.
- Kalicz N., Makay J., 1977. Die Linien Bandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest.
- Kahlke H.D., 1954. Die Bestattungssitten des Donauländischen Kulturkreises der jüngeren Steinzeit. B.
- Kempisty E., Sulgostowska Z., 1976. Pierwsza osada neolityczna s ceramika typu Dubiezai w polnoenowshodniej Polsce // WA. XLI.
- Kenyon K., 1957. Diggins up Yericho. N.Y.
- Kirkbride D., 1966. Five seasons of the Prepottery Neolithic Village of Beidha in Jordan // PEQ. Jan, June.
- Klein J., Lerman J.C., Damon P., Linick T., 1980. Radiocarbon Concentration in the Atmosphere: 8000-year Record of Variations in Tree Rings: First Results of a USA Workshop // R. 22, 3.
- Klein J., Lerman J.S., Damon P.E., Ralph E.K., 1982. Calibration of Radiocarbon Dates // R. 24, 2.
- Kopisto A., 1959. Die Schifferinge der kammkeramischen Kultur Finnlands // SM. LXVI.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., 1986. Foragers of Central Europe and their Acculturation // Hunters in Transition: Mesolithic Societies of Temperate Eurasia and Their Transition to Farming. Cambridge.
- La-Baume W., 1939. Ein steinzeitlicher Wohnplatz der Nordeurasischen Kultur bei Petrieken // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft. 22. Interburg.
- Lose I., 1974. Steinzeitliche Erzeugnisse aus Bernstein in der Lubanas Niederung // AE. XI.
- Lose I., 1975. Agrais Neolits Zvejsalas // IAH. 8(337).
- Lose I., 1978. Neolita celtnu vietas Austrumbaltija // AE. XII.
- Luhov V., 1948. Suomen kivikauden pääpiirteet. Helsinki.
- Marinescu-Bilcu S., 1971. Aspekts tardifs de la civilisation a ceramigue rubanee et sa contribution a la genese de la civilisation Precucuteni // PZ. 46, 1.
- Mark K., 1970. Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropology. Tallinn.
- Matiskainen H., 1989. The Chronology of the Finnish Mesolithic // The Mesolithic in Europe. Edinburgh.
- Meldgaard J., Mortensen P., Thrane H., 1964. Excavations at Tepe Guran, Zoristan // AA. XXXIV.
- Mellaart J., 1961. Excavations at Hacilar: Touth Preliminary Report // AS. II.
- Mellaart J., 1965. Earliest Civilization of the Near East. L.
- Mellart J., 1967. Catal Hujuk: A Neolithic Town in Anatolia.
- Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. L.
- Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern Chronology: A Dilemma? // Antiquity. Cambridge. LIII.
- Miettinen T., 1964. En leridol från Hietaniemi i Luopioinen // FM. 1964.

- Milojcic V., 1949. Chronologie der jungeren Steinzeit Mittel- und Sudosteuroas. B.
- Mook W.G., Minaut A.V., Waterbolk H.T., 1972. Determination of Age and Duration of Stratified Bog Settlements // Proceed. of the 8th Inter. Conf. on the Radiocarbon Dating. Lower Hutt City.
- Mortensen P., 1964. Additional Remarks on the Chronology of Early Village Farming Communities in the Zagros Area // Sumer. Bagdad. XX.
- Neustupny E., 1956. K relativni chronologii volutove keramiky // AR. VIII, 3.
- Neustupny E., 1970. The Accuracy of Radiocarbon Dating // NS.
- Okladnikov A., 1981. Ancient Art of the Amur Region. L.
- Passek T.S., 1962. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale a l'epoque neolithique // 6 Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques: Les rapports et les informations des archeologues des l'URSS. M.
- Pavuk J., 1969. Chronologie der Zeliazovce-gruppe // Slovenska archeologia. XVII, 2.
- Polach H., 1972. Cross Checking of NBS Oxalic Acid and Secondary Laboratory Radiocarbon Dating Standards // Proceed. of the 8th Intern. Conf. on the Radiocarbon Dating. Lower Hutt City.
- Pälsi S., 1915. Ruikjarven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // SMYA. XXVIII, 1.
- Pälsi S., 1918. Kaivaus Pitkajarven kivikautisella asuinpaikalla Raisalassa // SM. 1915.
- Pälsi S., 1920. Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg // SMYA. XXVIII, 2.
- Qwitta H., 1971. Der Balkans als Mittler zwischen Vorderen Orient und Europa – Evolutia und Revolutia im Alten Orient und in Europa. B.
- Renfrew C., 1969. The Autonomy of the South-East European Copper Age // PPS. XXXV.
- Renfrew C., 1973. Before Civilisation // The Radiocarbon Revolution and Pre-Historic Europe. L.
- Rimantiene R., 1979. Sventoji: Narvos kulturos gyvenvietes. Vilnius.
- Rimantiene R., 1980. Der Anteil mesolithischen Typenformen an den Fundcomplexen der neolithischen Neman-Kultur // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Bd. 14/15.
- Rimantiene R., 1984. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius.
- Savenkov J., 1893. Sur les restes de l'epoque neolithique, trouves dans le Gouv d'Enisseisk (Siberie Orientale) sur la rive de l'Enissei, pres embouchures de la Bazaikha et du Tchadobets. // Congress Internat d'Archeol. et d'Anthropol., prehistoriques II-eme session, a Moscou, 1892. II.
- Säve-Söderbergh Th., Olsson I.V., 1970. C-14 Dating and the Egyptian chronology // NS.
- Siiräininen A., 1973. Studies Relating to Shore Displacement and Stone Age Chronology in Finland // FM. 1973.
- Simonsen P., 1961. Varanger-Funnene II. Tromsø.
- Simonsen P., 1963. Varanger-Funnene III. Tromsø.
- Soudsky B., 1956. K relativni chronologii volutove keramiky // AR. VIII, 3.
- Soudsky B., 1966. Bylany, osada najstarsich, zemedelcu z mladi doby kamenne. Praha.
- Stekla M., 1956. Pohrby lidu s volutovou a vypichanou keramikou. // AR. VIII, 5.
- Stuiver M., Pearson G.W., 1986. High-Precision Calibration Time Scale AD 1950 – 500 B.C. // R. 28(2B).
- Stuiver M., Bekker B., 1986. High-Precision Calibration of the Radiocarbon Time Scale AD 1950 – 2000 B.C. // R. 28(2B).
- Sturms E., 1931. Ein steinzeitlicher Wohnplatz am Zebrus-see in Kurseme // Congressus secundus archaeologorum Balticorum Riga 19–23. VIII 1930. Riga.
- Sturms E., 1937. Neolita apmetne Dundagas Purciema // Senatne um Maksla. Riga.
- Suess H.E., 1967. Bristlecone-pine Calibration of the Radiocarbon Time-scale from 4100 B.C. to 1500 B.C. // Radioactive Dating and Methods of Low-level Counting. Vienna.
- Suess H.E., 1970. Bristlecone-pine Calibration of the Radiocarbon Time-scale 5200 B.C. to the Present // NS.
- Suess H.E., 1978. La Jolla measurements of radiocarbon in treering dated wood // R. 20,1.
- Tauber H., 1958. Difficulties in the Application of C-14 Results in Archeology // Archaeologia Austriaca. 24. Wien.
- Tauber H., 1970. The Scandinavian varva chronology and C-14 dating. // NS.
- Timofeev V.I., 1987. Zabitki neolityczne obvodu Kaliningradzkiego i niektore problemy neolitu strefy przybaltyckiej Neolit i poszatki epoki brazu na ziemi chelminskiej. Torun.
- Timofeev V.I., 1991. Neolithic Sites of the Zedmar Type in the Southeast Baltic Area // Acta Archaeologica Lundensia. Series 80. 20.
- Titov V.S., 1971. Tripolye Culture in the Chronological System of Neolithic and Copperage Cultures of South-Eastern and Central Europe // Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Belgrade, 1971.
- Tringham R., 1971. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe. L.
- Trogmayer O., 1972. Köros Gruppe – Linienbandkeramik // ALR. XII, 1.
- Van der Plicht J., 1993. The Groningen Radiocarbon Calibration Program / Stuiver M., Long A., Kra R.S., eds. Calibration 1993 // R. 35(1).
- Vankina L., 1974. Samates tipa atradumi Latvijas neolita apmetnes. // AE. XI.
- Vlāssa N., 1966. Cultura Cris in Transilvania // Acta musei napocensis. Cluj. III.
- Waterbolk H.T., 1971. Working with Radiocarbon Dates // PPS. XXXVIII.
- Waterbolk H.T., 1983. The Integration of Radiocarbon Dating in archaeology // R. 25, 2.
- Wieckowska H., Kempisty E., 1970. Badama archeologiczne we wsi Sosnia, pow. Grajeva // WA. XXXV.
- Zagorskis F., 1961. Kreicu neolita kapulauks // AE. III.
- Zagorskis F., 1965. Jauni Materiali par neolitu Latvijas austrume dala // AH. 6.
- Zagorskis F., 1973. Agrais neolita laikmets Latvijas austrumdala // LZAV. 4.
- Zagorskis F., 1974. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka apbedijumu tipologija un hronologija. // AE. XI.
- Zagorskis F., 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga.

Список сокращений

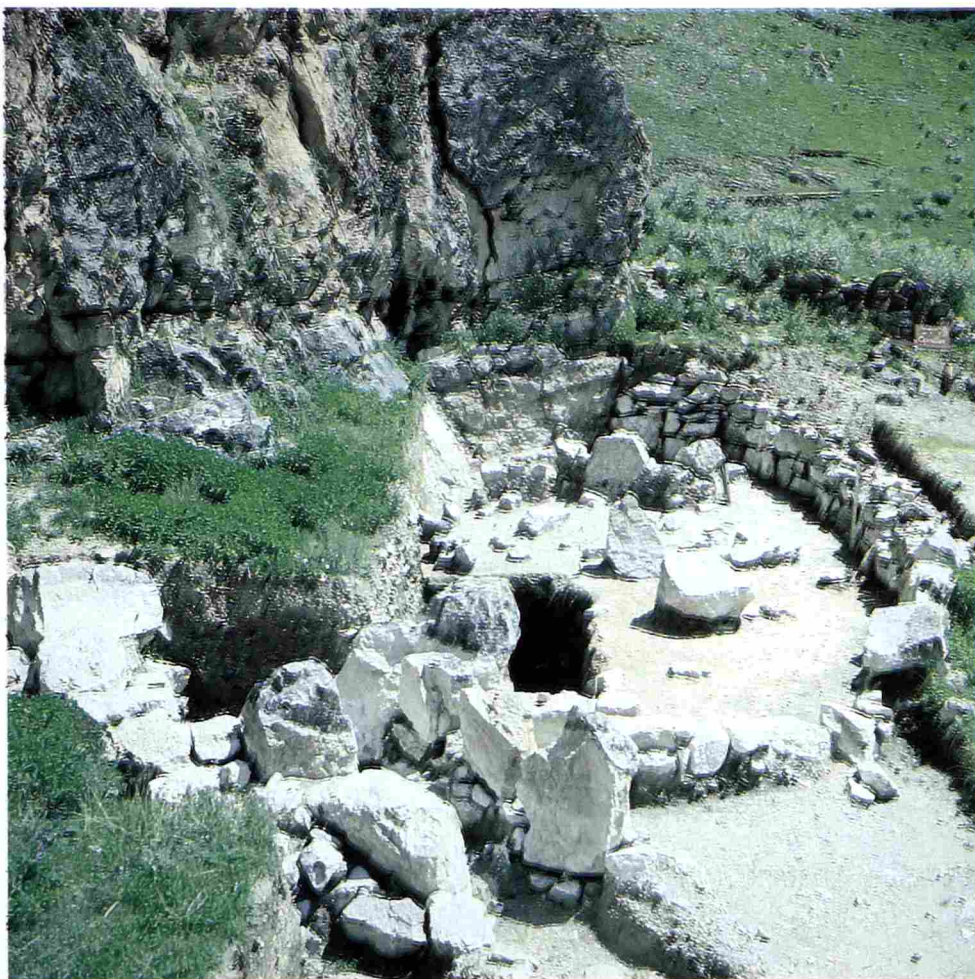
А	– Археология. Киев.	МАВГР	– Материалы по археологии восточных губерний России.
АО	– Археологические открытия. Москва.	МАЕСВ	– Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
АП	– Археологічні пам'ятки. Киев.	МГУ	– Московский Гос. Университет.
АС	– Археологический съезд.	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
АСГЭ	– Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград–С.-Петербург.	МХЭ	– Материалы Хорезмской экспедиции. Москва.
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии. Уфа.	РАЖ	– Русский антропологический журнал. Москва.
АЭМК	– Материальная и духовная культура марицев. Йошкар-Ола.	РАНИОН	– Российская Ассоциация научных институтов общественных наук. Москва.
БКИЧП	– Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Москва.	СА	– Советская археология. Москва.
БМОИП	– Бюллетень Московского Общества Испытателей природы. Москва.	САИ	– Свод археологических источников. Москва.
ВА	– Вопросы антропологии. Москва.	СГЭ	– Сообщения Гос. Эрмитажа. СПб.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Свердловск.	СМАЭ	– Сборник Музея Антропологии и Этнографии. АН РАН. СПб.
Вестник ККФАН	– Вестник Кара-Калпакского филиала АН УзССР.	СЭ	– Советская этнография. Москва.
Вестник МГУ	– Вестник Московского Гос. Университета. Москва.	ТИИАЭ АНКаз. ССР	– Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР. Алма-Ата.
ВККМ	– Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск.	ТИИТ	– Труды Института истории АН Тадж.ССР. Душанбе.
ВУ	– Вісник АН УССР. Киев.	ТИИАЭ ТуркССР	– Труды Института истории, археологии, этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры. Москва.	ТИЭ	– Труды Института этнографии. АН СССР. Москва.
ДАН БССР	– Доклады Академии наук Белорусской ССР. Минск.	ТКИЧП	– Труды Комиссии по изучению четвертичного периода.
ЗОРСА	– Записки отделения русской и славянской археологии. СПб.	ТКК ИИЯЛ	– Труды Карачаево-Черкесского Института истории, языка, литературы. Черкесск.
ЗРАО	– Записки Русского Археологического Общества. СПб.	Тр.АС	– Труды Археологического съезда.
ЗРГО	– Записки Русского Географического Общества. СПб.	Тр.ГИМ	– Труды Гос. Исторического Музея. Москва
ЗУОЛЕ	– Записки Уральского Общества любителей естествознания.	ТСА РАНИОН	– Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общ. наук. М.
ИАН	– Известия АН ЛатССР. Рига.	ТХЭ	– Труды Хорезмской экспедиции. Москва.
ИАНТ	– Известия Туркменской ССР. Ашхабад.	ТЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
ИГ	– Известия Грузинского филиала АН СССР. Тбилиси.	УЗЛГУ	– Ученые записки Ленинградского Гос. Университета. Л.
ИГАИМК	– Известия Гос. Академии Истории материальной культуры. Москва.	УЗПГУ	– Ученые записки Пермского Гос. Университета. Пермь.
ИГУ	– Иркутский Гос. Университет.	УЗТУ	– Ученые записки Тартуского Университета. Тарту.
Изв. АН	– Известия АН СССР. Москва.	УСА	– Успехи среднеазиатской археологии. Москва.
Изв. АНК	– Известия Казахской ССР, серия общ. наук. Алма-Ата.	АА	– Acta archaeologica. København.
Изв. АНТ	– Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад.	АЕ	– Arheologia un etnografija. Riga.
Изв. РГО	– Известия Русского Географического Общества. СПб.	ALR	– Alba Regia: Das István Király Múzeum Közleményei. Székesfehérvár.
Изв. СОАН	– Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общ. наук. Новосибирск.	AR	– Archeologické rozhledy. Praha.
ИИС	– Из истории Сибири. Томск.	AS	– Anatolian Studies. L.
ИКЗ	– Историко-краеведческие записки. Волгоград.	FM	– Finkst Museum. Helsingfors.
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.	INQVA	– International Quaternaire Association.
КД	– Каракумские древности. Ашхабад.	Iskos	– Suomen muinaismuistoyhdistys finska forn min
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. Москва.		
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва.		
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии. Москва.		

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

LA	– nesföreninden. Helsinki–Helsingfors.	PPS	– Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge.
LZAV	– Lietuvos archeologija. Vilnius.	PR	– Prussia. Königsberg.
	– Latvijas PSR Zinātnu Akadēmijas Vēstis. Riga.	PZ	– Praehistorische Zeitschrift. B.
NS	– Nobel Simposium 12. Radiocarbon Variations and absolute chronology. Stockholm.	R	– Radiocarbon. New-Haven.
		SAOS	– Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago.
OJR	– Oriental Institute Publication. The Oriental Institute. Chicago.	SM	– Suomen Museo. Helsinki.
PA	– Památky archeologické. Warszawa.	SMYA	– Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.
PEA	– Palestine Exploration Quaterly. L.	WA	– Wiadomości archeologiczne. Warszawa.

Индексы радиоуглеродных лабораторий

ГИН	– Геологический Институт РАН. Москва.	СОАН	– Институт геологии и геофизики СО РАН. Новосибирск.
ИГАН	– Институт географии РАН. Москва.	Ri	– ВНИИ морской геологии и геофизики. Рига.
ИМ	– Институт мерзлотоведения СО РАН. Якутск.	Vib	– Институт ботаники АН Литвы.
Ки	– Институт геохимии и физики минералов АН Украины. Киев.	Vs	– Институт геологии АН Литвы.
Крил	– Институт леса и древесины им. В.Н. Сукачева СО РАН.	Bln	– Центральный Институт древней истории и археологии. Берлин.
ЛЕ	– (первоначально РУЛ) – ИИМК РАН. Санкт-Петербург.	BM	– Британский Музей. Лондон.
МГУ	– Лаборатория новейших отложений географического факультета.	Gm	– Гронингский Университет. Голландия.
МАГ	– СВКНИИ ДВО РАН. Магадан.	Lj	– Калифорнийский Университет. Ла-Иола. США.
Мо	– Институт геохимии им. В.И. Вернадского РАН.	Tln	– Радиоуглеродная лаборатория Института геологии АН Эстонии. Таллинн.
ТА	– Институт зоологии и ботаники АН Эстонии. Тарту.	Ua	– лаборатория Университета г. Уппсала. Швеция.

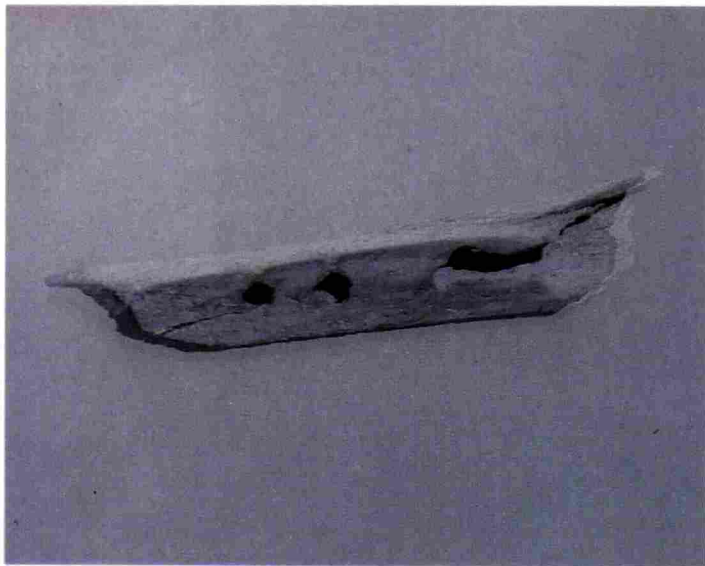
Поселение Чох. Жилище (раскопки Х.А. Амирханова)

Поселение Чох. Сосуд.
Глина

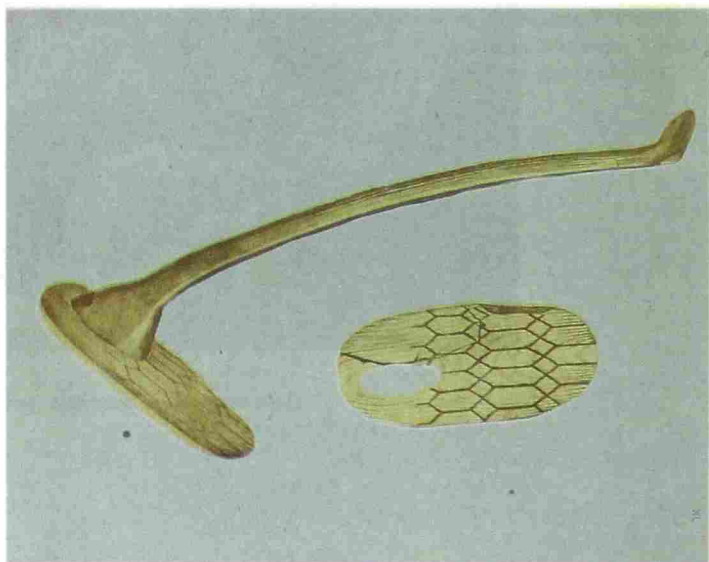

Поселение Чох.
Основы составных ножей. Кость

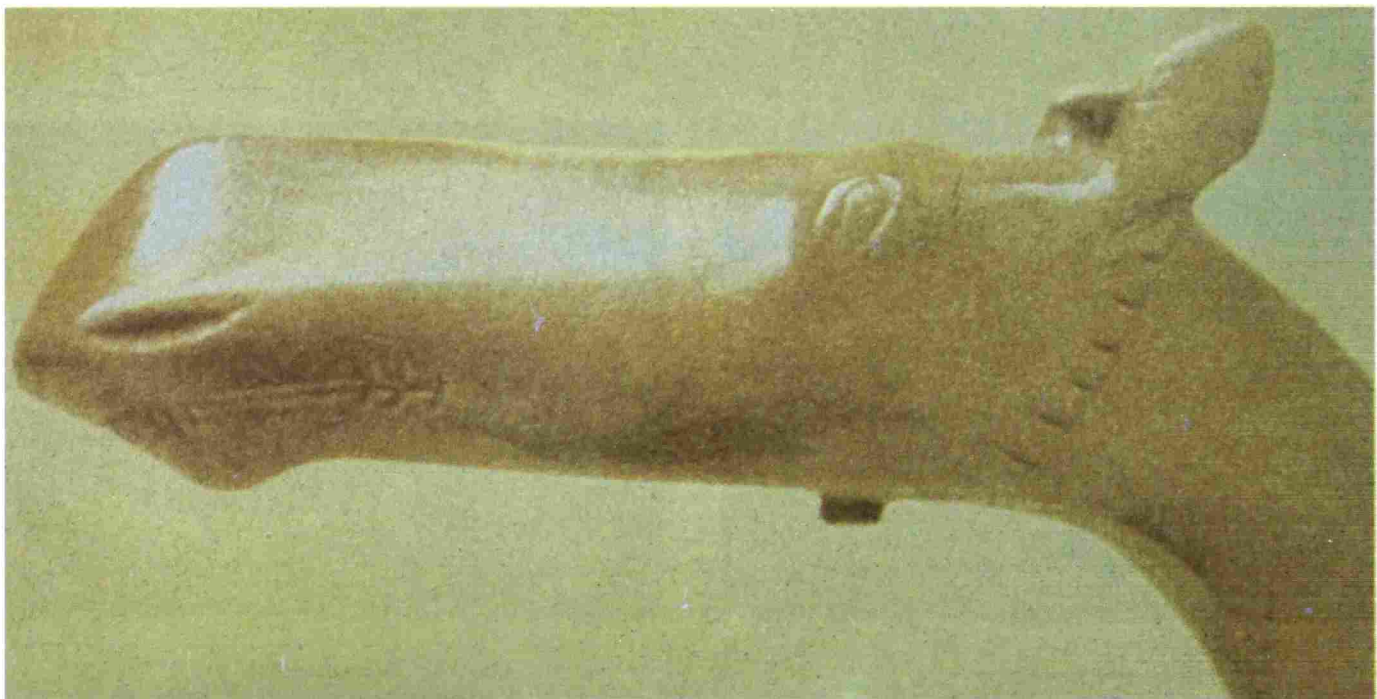

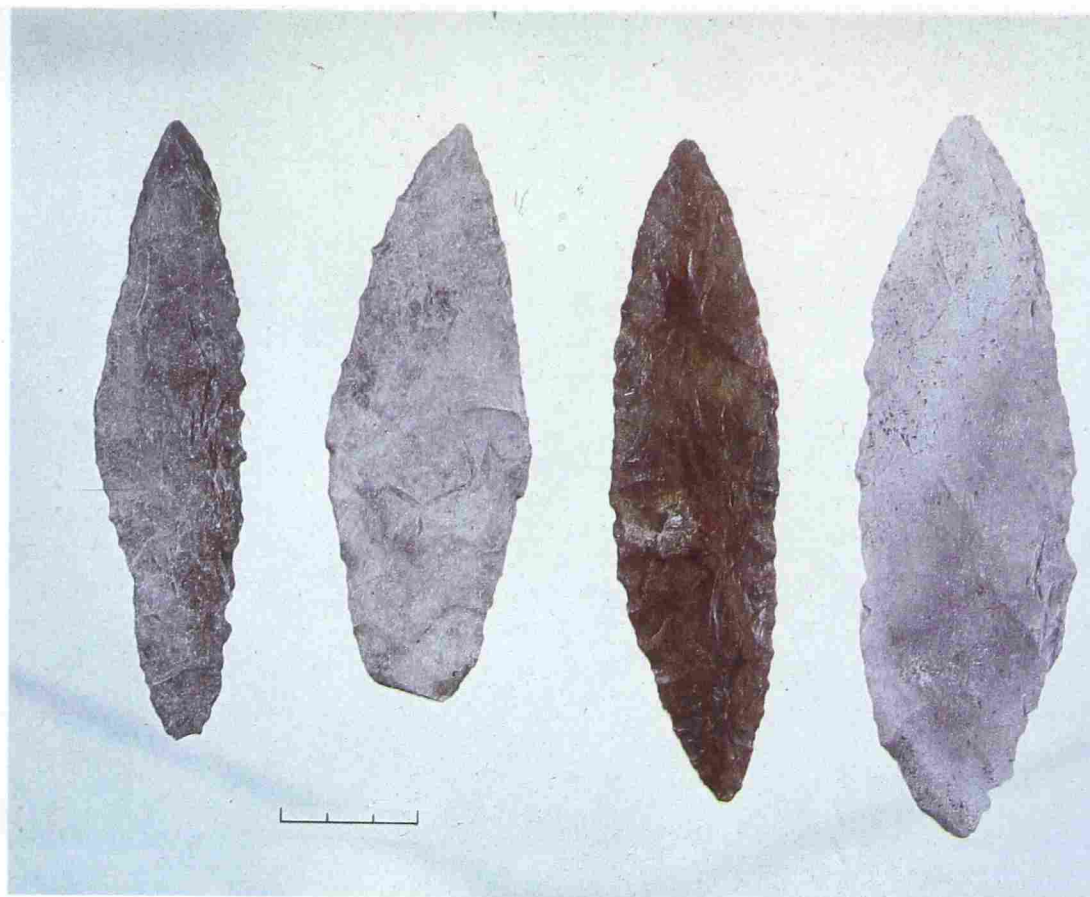
**Поселение Чох.
Музыкальный инструмент. Кость**

**Стоянка Сарнате. Мотыга деревянная
(Л.В. Ванкина. 1970)**

**Стоянка Швянтойи. Жезл в виде головы лося. Рог
(Р.К. Римантене. 1979)**

Стоянка Репище. Наконечники копий
(М.П. Зимина. 1993)

Стоянка Кончанское IV.
Зооморфная фигура и подвеска.
Кремень, сланец

Могильник Кончанское.
Украшения из янтаря
(М.П. Зимина. 1993)

Стоянка Сухое. Общий вид

Стоянка Сухое. Раскоп
(раскопки С.В. Ошибкиной)

Стоянка Сухое.
Рыболовные крючки, составные. Сланец

Стоянка Сухое.
Наконечник стрелы. Кварц

Стоянка Сухое.
Антропоморфные фигуры. Кремнь

Стоянка Сухое.
Зооморфная фигура

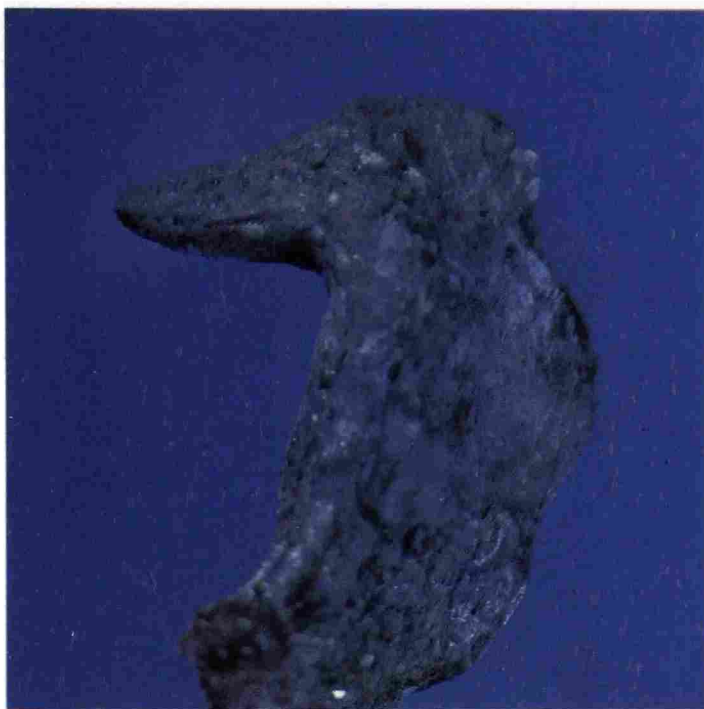
Андозеро 5. Очаг из валунов
(раскопки С.В. Ошибкиной)

Стоянка Сухое.
Кремневые фигурки

Кубенино, стоянка. Фигура птицы
(М.Е. Фосс. 1952)

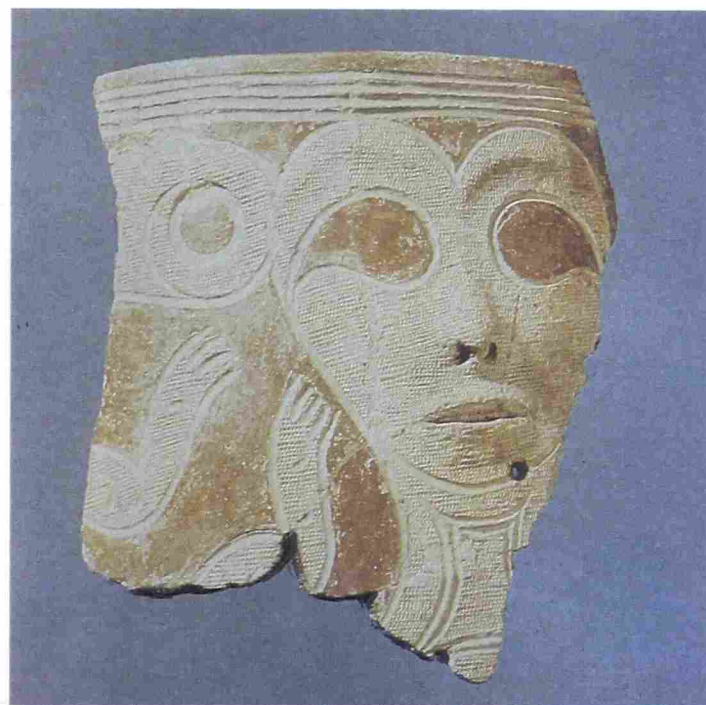
Кубенино, стоянка.
Эмбрионовидная фигура. Глина

Попово, стоянка.
Фигура медвежонка. Рог

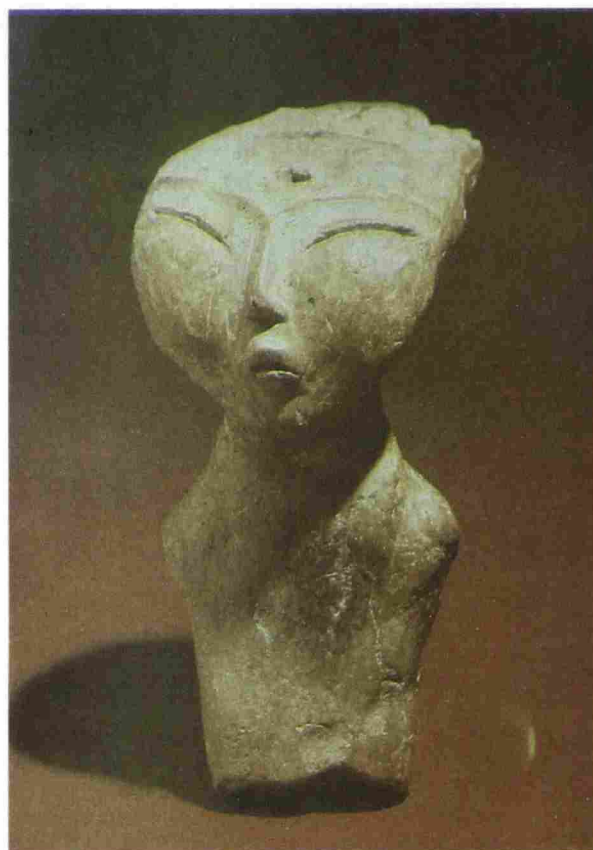
Модлона, свайное поселение.
Голова лося. Рог
(С.В. Ошибкина. 1978)

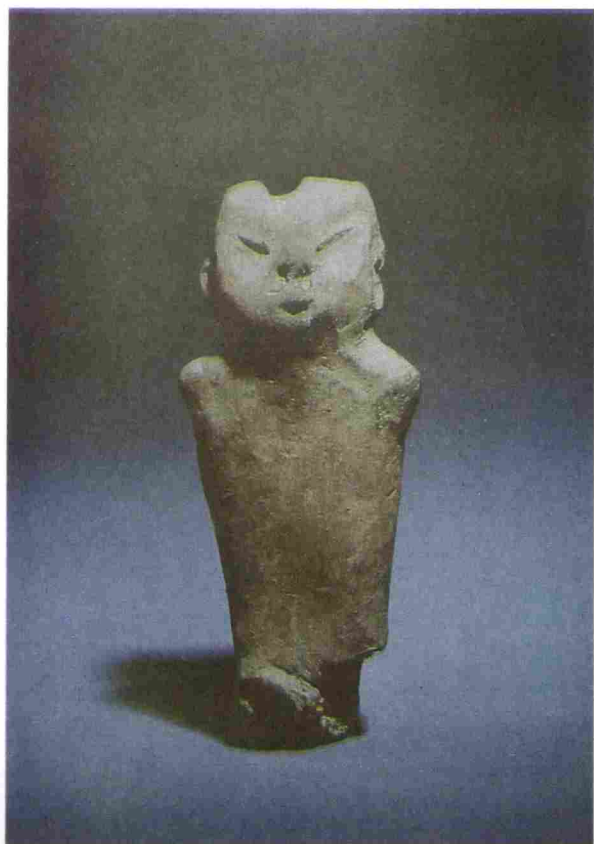
Поселение Вознесеновское.
Фрагмент сосуда с антропоморфным изоб.
Глина (А. Okladnikov. 1981)

Поселение Вознесенское.
Фрагмент сосуда. Глина
(А. Okladnikov. 1981)

Поселение Кондон.
Антропоморфная фигура. Глина
(А. Okladnikov. 1981)

Поселение Сучу. Фигурка. Глина
(А. Okladnikov. 1981)

Усть-Ида 1, могильник. Личины и фигурка.
Кость ((раскопки В.И. Базалийского)

Указатели

Указатель имен*

Абрамова Т.А. 10
Авизова А.К. 123, 124
Агеева Е.И. 133
Акимов М.С. 230
Акишев А.К. 128
Алексеев В.П. 271, 314, 353
Алексеева А.А. 222, 230
Алихова А.Е. 187
Алпысбаев Х.А. 126, 128
Амирханов Х.А. 84
Андреев Г.И. 301, 302
Андреева Ж.В. 310, 313
Андрианов Б.В. 106
Аникович М.В. 266
Арап Р.Я. 13
Артеменко И.И. 199, 201
Артюшенко А.Т. 13
Арсланов Х.А. 330, 331
Аскаров А.А. 107, 108
Астахов С.Н. 295

Бадер М.А. 251
Бадер О.Н. 184, 188, 243, 247, 248, 250, 255, 351
Базалийский В.И. 271
Балагури Э.А. 33
Балуева Т.С. 267, 314
Баулин В.В. 16
Безусько Л.Т. 13
Белановская Т.Д. 58, 59
Белецкий В.Д. 65
Белова В.К. 13
Белова Л.А. 102, 104
Беляева В.И. 295
Бердникова Н.Е. 292
Бердыев О.К. 87, 91, 93, 95, 97, 98
Березанская С.С. 205, 206
Беспрозванный Е.М. 261
Берс Е.М. 255
Берчу Д. 35
Бибииков С.Н. 45, 250, 251
Бибиикова В.И. 58
Бижанов Е.Б. 107, 122, 123, 124
Бикбаев В.М. 29
Бобров В.В. 264, 266
Богдель И.И. 13
Бодянский А.В. 41
Бонч-Осмоловский Г.А. 45
Боярская Т.Д. 13
Броггер А. 210
Бродянский Д.Л. 311, 313, 315
Брюсов А.Я. 7, 9, 173, 180, 188, 193, 205, 210, 212, 214, 222, 225, 228, 238, 331
Буров Г.М. 188, 210, 238, 239, 240
Бутенев Н.Ф. 210
Бутомо С.В. 118
Бутримас А. 144

Вайнберг Б.И. 104
Вактурская Н.Н. 106
Вангенгейм Э.А. 129
Ванкина Л.В. 136, 141, 143, 145, 150, 198, 221

Варанкин В.Н. 130, 257, 259, 261
Варущенко В.Н. 259
Варущенко С.И. 259
Васильев Е.А. 262, 263, 264
Васильев И.Б. 65, 66, 68, 70, 72
Васильевский Р.С. 307, 326, 328, 329
Векилова Е.А. 45
Верещагин Н.К. 129
Верещагина И.В. 212, 239, 240
Виноградов А.В. 294
Виноградов А.В. 5, 15, 98, 101, 102, 104–109, 120, 122–124, 126, 128
Витенкова И.Ф. 220, 221
Витковский Н.И. 270, 274
Воеводский М.В. 184, 187, 202
Волкова В.С. 13
Воловик В.Т. 87
Волошин В.С. 129
Воронец М.Э. 125
Воцилко М.Е. 13
Выборнов А.А. 247
Высоцкий Н.Ф. 250

Габяшев Р.С. 243, 248, 249
Гаврилова И.В. 180, 189
Гаджиев Д.В. 86
Гаджиева Е.А. 261, 262, 263
Гальченко А.В. 165
Гальштрем Р. 210
Гамбург Б.З. 124
Ганялин А.Ф. 87
Гардавский А. 155
Гарновский В.В. 222
Гаррут В.Е. 62
Гаусман Р. 135
Гвоздева И.Г. 13
Генералов А.Г. 290
Генинг В.Ф. 10, 251, 166
Герасимов М.М. 230, 250, 270, 271, 276, 280, 294, 306
Гинзбург В.В. 97
Гириникас А. 139, 144, 147, 151, 220
Глусская З.К. 294
Гогитидзе С.И. 73
Гогичайшвили Л.К. 13
Голдина Р.Д. 249
Голубев В.А. 326, 328
Горбунов С.В. 328
Горбунова Н.Г. 124
Горецкий Г.И. 62
Городцов В.А. 183, 184, 205
Горшкова И.С. 314
Горюнова О.И. 286, 290, 292
Гревинг К.И. 135, 210
Грехова Л.В. 84
Гричук В.П. 14
Гришин Ю.С. 306, 309
Гросс Х. 135, 162
Грязнов М.П. 294
Гулямов Я.Г. 107
Гумилевский Н.И. 193
Гуминский В. 165
Гусенцова Т.М. 249
Гурина Н.Н. 63, 135, 136, 139, 143, 145, 147,

149, 150, 155, 166, 171, 173, 175, 180, 188, 189, 193, 210, 212, 214, 220, 230, 237
Гэрте В. 162

Даниленко В.Н. 19, 25, 41, 44, 45, 52, 53, 205
Данильченко В.П. 133
Дебец Г.Ф. 52, 250, 252, 294, 306
Девятова Э.И. 218
Денисов В.П. 243, 247
Денисова Р.Я. 151, 155, 230, 350
Деревягин Ю.В. 204
Деревянко А.П. 315, 318, 320, 322
Джафарзаде И.М. 86
Диков Н.Н. 304, 305
Дикова Т.М. 305
Дмитриев Н.А. 255
Дмитриева Е.Л. 45
Добрин Л.Г. 93
Добровольский А.В. 41, 48, 52
Докучаев В.В. 184
Долуханов П.М. 19, 29, 93, 136, 330, 331
Думитреску Г. 29
Дурдыев М.Б. 118
Дьяков В.И. 314
Дэвлет М.А. 295, 296

Европеус А. 136, 147, 151, 162
Егоров И.А. 13
Еленев А.С. 293
Елина Г.А. 13
Еремий В.И. 66
Ермолова Н.М. 164, 165
Ершов С.А. 87, 93
Ефименко П.П. 193

Жилов Е.В. 250
Жуков Б.С. 45, 166, 173, 184
Журавлев А.П. 214, 221, 350
Жущиховская И.С. 314

Завельский Ф.С. 330
Загорска И. (Загорская И.А.) 139
Загорский Ф. 5, 136, 141, 144, 145, 151, 152
Заднепровский Ю.А. 124, 125
Зайберт В.Ф. 131, 132, 133, 268
Зайцева Г.И. 331
Зализняк Л.Л. 202
Запорожская В.Д. 284
Зах В.А. 259, 261, 264, 265, 266
Збруева А.В. 184, 187, 238, 250
Земляков Б.Ф. 150, 230
Зенгер Н.К. 210
Зернов В. 90
Зимина М.П. 193
Зотова С.В. 259
Зубков В.С. 291
Зяблин Л.П. 293, 294

Иванищев А.М. 214
Иванищева М.В. 214
Ивашина Л.Г. 306, 307
Ильвес А.А. 13
Индрекс Р. 135, 136, 154
Иностранцев А.А. 150, 210
Исаенко В.Ф. 52, 55, 157, 160, 162, 202

*Указатели составлены С.В. Ошибкиной

Исламов У.И. 107, 109, 124, 125, 126
Итина М.А. 102, 109, 110

Казаков Е.П. 250
Каландадзе А.Н. 73
Калечиц Е.Г. 198, 199, 200, 201
Калинина И.В. 243, 244, 247
Кальке Д. 32
Каменский В.И. 184
Каплина Т.Н. 13
Карамышева Б.Х. 115
Караулова Л.П. 13
Карпелан К. 214, 221
Карцев В.Г. 293
Катков А.Ф. 294
Квасов Д.Д. 238
Кельсиев А.И. 210
Кемписты Э. 165
Кернер В.Ф. 255
Кесь А.С. 98, 106
Кигурадзе Т.П. 82
Кипарисова Н.П. 253
Кириллов И.И. 306, 307
Кирык М.А. 305
Кирюшин М.Ф. 264, 266
Кистенев С.П. 300
Кияткина Т.П. 111
Кияшко В.Я. 59
Клапчук М.Н. 129
Кларк Г.Д. 6
Клейн Л.С. 7
Клите Р.К. 259
Кляйн Дж. 331, 347
Ковалева В.Т. 130, 255, 257, 259, 261
Ковалева И.Ф. 55, 205
Кожамкулова Б.С. 129
Козин Е.В. 65, 66, 68
Козловский Л. 29
Козубовский Ф.А. 19
Козырева Р.В. 212, 222, 230, 314, 326, 328
Кокшаров С.Ф. 261, 263
Колосов Ю.Г. 45, 47, 205
Кольцов Л.В. 171
Кольцов П.М. 65, 68, 204
Комарова М.Н. 264
Комша Е. 31
Кононенко Н.А. 310, 311
Конопацкий А.К. 270, 280
Константинов М.В. 306
Коробкова Г.Ф. 9, 87, 89, 91, 97, 105, 107, 108, 109, 111, 113, 115, 118, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130, 349
Косарев М.Ф. 255
Косинская Л.Л. 263
Костылева Е.Л. 169, 204
Котович В.Г. 84
Кошечкин Б.И. 230
Крайнов Д.А. 45, 46, 47, 166, 167, 173, 175, 178, 193, 220, 351
Крамер Б. 348
Крижевская Л.Я. 58, 122, 130, 193, 250, 252, 253, 261, 330
Круглов А.П. 104
Кузнецов А.К. 306
Кузнецов А.М. 311
Кузьмина Е.Е. 108, 126
Кунскас Р. 144
Куратов А.А. 238, 239
Куфтин Б.А. 87
Кызласов Л.Р. 295

Латынин Б.А. 202
Леббок Д. 6
Лебедева Р.М. 13
Левенок В.П. 52, 62, 63, 188, 208, 248

Левицкий И.Ф. 53
Левковская Г.М. 13, 164
Лерх П.И. 210
Линевский А.М. 210
Лисицына Г.Н. 15, 87, 93
Литвинский Б.А. 111
Лобанова Н.В. 215, 218, 220
Логвин В.Н. 128, 130, 131
Логинова Э.С. 240
Ложкин А.П. 13
Лозе И.А. 5, 136, 141, 143, 151, 152, 154, 155, 198, 220, 221
Лоллекова О. 87, 97, 105, 125
Лузгин В.Е. 210, 238
Лыхин Ю.П. 292
Любин В.П. 82
Лявданский А.Н. 198
Ляпин А.А. 125

Мазин А.И. 310
Макаренко Н.Е. 48
Макаров Н.А. 225
Макарова Л.А. 128
Макарова Л.Н. 29, 31, 128
Максимова А.Г. 133
Маланова Н.С. 330
Мамацашвили Н.С. 13
Мамедов Э.Д. 15, 98, 105, 108
Мамонова Н.Н. 271, 278
Мамонтов В.И. 66, 204
Мандельштам А.М. 122
Марк К.Ю. 154, 155
Маркевич В.И. 19, 22, 29
Марков Г.Е. 106, 116, 118, 120, 122
Марков К.В. 222, 228
Марковин В.И. 84
Мартынов А.Я. 238
Марущенко А.А. 87
Массон В.М. 87, 91, 93, 95, 97, 104, 108, 109, 110, 115, 124
Матвеева Г.И. 68, 70
Матвеева Н.П. 257, 263
Матюшин Г.Н. 107, 120, 123, 247, 250, 253, 254, 255, 351
Матющенко В.И. 264, 266
Махнач Н.А. 13
Мацкевой Л.Г. 45, 47
Медведев Г.И. 286, 292, 310
Мейландер К. 212, 214, 220, 221
Мелентьев А.Н. 65, 66
Мельничук А.Ф. 243, 247
Микляев А.М. 136, 144
Милойчич В. 330
Минаева Т.М. 65, 84
Митяев П.Е. 101
Молодин В.И. 264, 265, 266
Моора Х. 151, 154, 155, 221, 230
Морозов Ю.А. 247, 250
Мостиц А.П. 306
Мочанов Ю.А. 296, 298
Мунчаев Р.М. 82
Мурадова Ф.М. 84

Настюков Н.З. 123
Небиеридзе Л.Д. 73, 75, 80
Недомолкина Н.Г. 225
Нейштадт М.И. 13
Немкова В.К. 13
Неприна В.И. 173, 205, 206, 208
Неуступный Е. 27, 31
Никитин А.Л. 177
Никитин В.В. 249, 250
Никольская М.В. 13
Никифорова Л.Д. 13
Новгородова Э.А. 314

Обыденнов М.Ф. 247
Окладников А.П. 110, 111, 115, 116, 118, 120, 125, 130, 243, 266, 270, 274, 276, 278, 279, 282, 284, 292, 293, 294, 296, 298, 302, 306, 310, 311, 313–315, 318, 320, 322, 324, 325, 352
Ошибкина С.В. 146, 197, 210, 212, 218, 222, 225, 228, 314

Павленко Ю.В. 10
Панкрушев Г.А. 212, 214, 215, 218, 220
Панова Н.К. 13
Панфилов А.Н. 259, 268
Парфенов Г.В. 125
Пассек Т.С. 29, 31, 202
Пенин Г.Г. 70
Пеняк С.И. 22
Передольский В.С. 193
Песонен П.Э. 212, 214, 235
Петри Б.Э. 270, 286
Петров А.И. 266, 267, 268
Пидопличко И.Г. 44
Пилипко В.Н. 87
Поликарпович К.М. 199
Полосьмак Н.В. 267
Поляков И.С. 188, 210, 221, 222
Полякова Г.Ф. 205
Попова Т.Б. 62
Попович И.И. 22
Посредников В.А. 263
Потушняк М.Ф. 22, 33, 36
Потушняк Ф.М. 33
Праслов Н.Д. 65, 123
Привалов В.И. 41
Протопопов Х.В. 118
Путятин П.А. 193

Равдоникас В.И. 189, 210
Ранов В.А. 110, 111, 113, 115, 125
Распопов М.П. 87
Раушенбах В.М. 166, 173, 175, 178, 187, 255, 257
Рева К.П. 210, 238
Рейн М. 348
Рерих Н.К. 193
Рижский М.М. 306
Римантене Р.К. 5, 136, 144, 147, 151, 155, 156
Розенфельдт И.Г. 202
Романова Е.Н. 113, 330
Россадович А.И. 255
Рохлин Д.Г. 295
Рудинский М.Я. 48, 206
Рустамов Д.Н. 84
Рыбаков Б.А. 171
Рыгдылон Э.Р. 293
Рыков П.С. 65

Савватеев Ю.А. 210, 212, 214, 218, 221
Савельев И.А. 286, 290, 292
Савенков И.Т. 293, 294, 295
Савина С.С. 11
Сазонов Ю.В. 314
Сальников К.В. 259
Сарв А.А. 13
Сафонов Б.А. 184
Свеженцев Ю.С. 330
Свешников И.К. 29
Сейбутис А.А. 13
Селезнев Ф.Я. 178
Семенов В.А. 295
Семенов А.А. 113
Семина Л.В. 306
Серебрянная Т.А. 13
Сибилев Н.В. 193
Сиверс К. 135

Сидоров В.В. 5, 166, 173, 178, 295
 Сизиков А.М. 286
 Синицына Г.В. 292
 Синицына И.В. 65
 Синюк А.Т. 62, 63, 65, 72, 202, 205, 208, 209, 248
 Скакун Н.Н. 113
 Смирин М.М. 126
 Смирнов А.С. 205
 Смирнов В.И. 226, 238
 Соловьев Л.Н. 73, 82
 Сорокин А.Н. 202
 Соудский Б. 27, 31, 32
 Спесивцев В. 205
 Спицын А.А. 184
 Старков В.Ф. 247, 255, 259, 262, 264, 265, 266, 268
 Стекла М. 32
 Стоколос В.С. 240, 242
 Столяр А.Д. 45, 48
 Стрелков С.А. 230
 Студзика С.В. 274, 294
 Стювер М. 347
 Сулержицкий Л.Д. 108, 271
 Сульгостовска С. 165
 Сурова Т.Г. 13
 Талько-Грынцевич Ю.Д. 306
 Татарников В.А. 314
 Таубер Х. 331
 Телегин Д.Я. 7, 19, 29, 41, 42, 44, 45, 48, 52, 53, 58, 63, 68, 205, 206, 208, 252
 Теплоухов С.А. 295
 Тимофеев В.И. 19, 29, 93, 113, 124, 126, 139, 160, 162, 165, 208, 330, 331, 349
 Титов В.С. 5, 36, 350
 Титов Ю.В. 212
 Титова Е.Н. 53
 Тихонов Б.Г. 247
 Толстов С.П. 98, 102, 108, 109
 Томская А.И. 13
 Третьяков В.П. 5, 52, 53, 63, 173, 182, 188, 202, 204, 249
 Тринхем Р. 19
 Трогмайер О. 36
 Троицкий Л.С. 13
 Трофимова Т.А. 97, 104
 Трусов А.В. 178
 Тумаджанова И.И. 13
 Турманина В.И. 10
 Тюрина И.М. 53, 199, 201
 Урбан Ю.Н. 173
 Федоров В.В. 188
 Федоровский И.А. 205
 Федосеева С.А. 206, 300
 Филимонова Л.А. 286
 Филипенко Б.П. 206
 Фомин Ю.М. 302
 Формозов А.А. 45, 48, 62, 73, 82, 86, 126, 130, 173
 Фосс М.Е. 7, 62, 166, 173, 197, 202, 208, 210, 220, 222, 225, 226, 238
 Халиков А.Х. 62, 184, 188, 204, 243, 247, 248, 249
 Хамракулиев С. 120, 122
 Хлобыстин Л.П. 261, 270, 286, 294, 301, 302
 Ходашева К.С. 11
 Хотинский Н.А. 10, 13, 166, 173, 330
 Цалкин В.И. 32, 82, 95, 118
 Цветкова И.К. 166, 180, 183, 184, 221

Цепкин Е.А. 164, 165
 Церетели К.Б. 73, 75
 Чайлд Г. 7
 Чалая Л.А. 106, 123, 126, 128, 129, 133
 Чернолуцкий В.В. 237
 Чемякин Ю.П. 263, 264
 Чернецов В.Н. 126, 251, 252, 255, 262, 266, 267
 Черников С.С. 126, 129, 130
 Черныш Е.К. 20, 29, 31
 Чернюк А.В. 13
 Чернявский М.М., 136, 139, 144, 155, 156
 Чикишева Т.А. 267
 Шапошникова О.Г. 41
 Шарапов 115
 Швед П. 210
 Шевелев В.В. 226
 Шевченко А.И. 87, 95
 Шер Я.А. 294
 Шмидт А.В. 230, 243
 Шолохов В.В. 123, 124
 Штади К. 162
 Штурмс Э. 135, 162
 Шубин В.О. 326, 328
 Шубина О.А. 326, 328
 Щепинский А.А. 45, 47
 Эберт М. 135
 Эдгрен Т. 6
 Эдинг Д.Н. 255
 Эйрпяя А. (Европеус А.) 220
 Энгель К. 162
 Эрлих Б. 143
 Юдин А.И. 66
 Юсупов А.Х. 102, 104, 105, 109, 110, 111, 113, 115, 120, 125
 Юсупов Х.Ю. 245
 Якубинер М.М. 93
 Якушко О.Ф. 13
 Янитс К.Л. 350
 Янитс Л.Ю. (Яанитс Л.Ю.) 5, 136, 139, 149, 150, 151, 154, 155, 193, 197, 220, 221, 223, 225, 230, 350
 Янушевич Э.В. 31
 Ailio J. 150
 Äyärpää A. 136, 147, 151
 Bekker B. 347
 Berçiu D. 33
 Braidwood R.J. 97, 111
 Breunig P. 332, 349
 Bucha V. 331
 Butrimas A. 144
 Çambel H. 97
 Childe V.G. 7
 Clark J.G.D. 331
 Comşa E. 29, 31
 Coutts P.Y.F. 331
 Crawford V. E. 97
 Damon P.E. 331
 Dolukhanov P.M. 16
 Dumitrescu V. 29
 Edgren T. 6, 214, 226
 Europeus-Äyärpää A. 136, 147, 151
 Gaerte W. 162
 Gardawski A. 155
 Ghirshman R. 97
 Gimbutas M. 331
 Girininkas A. 220

Gross H. 162
 Howe B. 111
 Hүүrre M. 151
 Jaanits L. 136, 139, 154, 155
 Junger H. 350
 Kahlke H.D. 32
 Kalicz N. 33, 36
 Kempisty E. 160
 Kenyon K. 97
 Khotinskiy N.A. 16
 Kirkbride D. 97
 Klein J. 331, 347
 Kopisto A.
 Kozłowski J.K. 7
 Kozłowski S.K. 7
 Kramer B. 331, 348
 Lerman J.C. 331
 Linick T. 331
 Lose J. 143
 Luho V. 151
 Makkay J. 33, 36
 Marinescu-Bilcu S. 29
 Mark K. 154
 Matiskainen H. 214
 Meldgaard J. 97
 Mellaart J. 97, 111, 331
 Miettinen T. 226
 Milojcic V. 330
 Minaut A.V. 331
 Mook W.G. 331
 Mortensen P. 97
 Neustupny E. 27, 330, 331
 Olsson J.V. 331
 Okladnikov A.
 Pälvi S. 150, 151, 222
 Passek T.S. 330
 Pearson G.W. 347
 Polach H. 331
 Ralph E.K. 331
 Renfrew C. 330
 Rhein M. 348
 Rimantiene R. 136, 141, 147, 156, 188, 198
 Savenkov J. 294
 Säre-Säderbergh T. 331
 Schoch-Fisher H. 333
 Simonsen P. 233
 Siirainen A. 214
 Soudský B. 27
 Stekla M. 32
 Stuiwer M. 347
 Sturms E. 141
 Suess H.E. 331
 Tauber H. 330, 331
 Timofeev V.J. 162
 Titow V.S. 29
 Tringham R. 19
 Trogmajer O. 36
 Vankina L. 141
 Vlassa N. 33
 Van der Plicht J. 347
 Waterbolk H.T. 330, 331
 Wieckowska H. 160
 Zagorskis F. 145, 151, 152, 198

Указатель географических названий

- Абакан, р. (приток Енисея) 295
 Абросимовка, р. (Прииртышье) 266
 Абхазия 73
 Авача, р. (Камчатка) 305
 Аджария 73
 Азовское море 45
 Ай, р. (Приуралье) 250
 Айпетринская яйла (Крым) 45
 Актам, русло (Средняя Азия, Узбой) 104
 Амударья, р. (древнее русло) 98, 102, 104
 Акушинская долина (Дагестан) 84
 Акчадарьинская дельта 98, 101, 102, 105, 106, 107, 109, 128
 Акчадарьинский бассейн 98, 107, 108, 110
 Алайская долина (Киргизия) 110
 Аландские о-ва 212, 220
 Алдан, р. (Якутия) 270, 296, 298
 Алтае-Кузнецкое Приобье 265
 Алтай, горная система 126, 266, 268
 Альма, р. (Крым) 45
 Альфельд (Б. Венгерская равнина) 27, 33
 Амга, р. (Якутия) 298, 300
 Амур, р. 306, 310, 315, 317, 318, 324, 325, 326, 352, 356
 Анадырь, р. (Якутия) 296, 298, 304, 305
 Ангара, р. 270, 271, 274, 276, 278, 282, 284, 286, 291, 293, 294, 295, 310
 Ангренсор, оз. (Казахстан) 129
 Аральское море 13, 259
 Арктика (европ.) 311
 Артемовка, р. (Приморье) 311
 Атасу, р. (Казахстан) 129
 Атлантика 10, 16, 210
 Африка 15
 Ахтуба, лев. рукав Волги 65
- Балга-карасу, старица (Казахстан) 131
 Байкал, оз. 270, 271, 274, 276, 278, 280, 286, 290, 291, 292, 293
 Байкит, р. 302, 322
 Байсун-Тау, горы (Таджикистан) 110
 Балканский п-ов (Балканы) 7, 26, 349
 Балтийский щит 218
 Балтийское море (Балтика) 8, 141, 351
 Балханский залив (Каспийское море) 102
 Барсова Гора (г. Сургут) 263
 Бебржа, р. (Польша, Белостокское воеводство) 160
 Белая, р. (приток Камы) 243, 247, 250, 351
 Белая, р. (приток Ангары) 276, 284, 286, 292
 Белая, р. (приток Кубани) 82
 Белая, р. (приток Зеи, Среднее Приамурье) 322
 Белоре море 8, 210, 215, 220
 Белое оз. 221, 230
 Беломорье 237, 238, 239
 Березина, р. 199
 Белоруссия 13, 48, 135, 136, 139, 144, 147, 155, 156, 162
 Бельбек, р. (Крым) 45
 Бетпак-Дала (Казахстан) 128, 129
 Бешбулакская впадина (Средняя Азия) 98, 105, 106, 108
 Бёюк-даш гора (Кобыстан) 84, 86
 Биржулис, оз. (Литва) 144
- Бирюса, р. (приток Енисея) 293
 Бисерово оз. 173, 178
 Битюг, р. (бассейн Дона) 62
 Ближний Восток 6, 7, 15, 26, 93, 95, 97, 115, 330, 331
 Большеземельская тундра 11
 Большие Балханы, горы (близ Небит-Дага) 118, 120
 Большой Енисей (Бий-Хем) 296
 Большой Голец, о-в (Онежское оз.) 215
 Большой Олений о-в (Баренцево море) 230
 Боржава, р. (Венгрия) 33
 Брянско-Жиздринское полесье 205
 Бурхан, мыс (Байкал, о-в Ольхон) 270, 271, 274, 280
 Бурановская пещера (Урал) 252
 Буртниеку, оз. (Латвия) 135, 144
 Бурулча, р. (Крым) 45
 Бурятия 306
 Бырладское плато (Молдавия) 22
 Быстрица, р. (Молдавия) 29
 Бюнк-Карасу, р. (Крым) 45
- Валдайская возвышенность (Валдай) 150, 188, 193, 197, 351
 Валдайское Приозерье 193
 Васюган, р. 264, 268
 Васюганье (Зап. Сибирь) 268
 Вах, р. (Сибирь) 258, 263, 264
 Вахш, р. (Таджикистан) 111
 Вёкса, р. (Вологодская обл.) 238
 Венгрия 27, 29, 32, 33, 35, 36, 38, 39
 Верхнее Поволжье (Верхняя Волга) 171, 173, 178, 180, 188, 195, 197, 220, 243
 Верхнее Поднепровье 193, 199, 202
 Верхнее Подонье 63, 208
 Верхнее Прикамье 244, 247
 Верхнее Приобье 253, 263, 264, 265, 266, 351
 Верхний Амур, р. 310, 320
 Верхний Вилуй, р. 300, 301, 302
 Верхний Дон, р. 63, 206
 Верхний Енисей 293, 295
 Верхняя Лена, р. 291, 302, 310, 325
 Вилуй, р. 298, 310
 Висла, р. 27, 31
 Витим, р. 306, 309
 Вишера, р. 252
 Водлозеро, оз. (Карелия) 212, 218
 Воже, оз. (Вологодская обл.) 221, 222, 228
 Волга, р. 41, 62, 65, 71, 126, 166, 184, 187, 188, 192, 193, 220, 351
 Волго, оз. (Валдай) 188
 Волго-Донское междуречье (регион) 62, 63, 202
 Волго-Камье 180, 243, 249
 Волго-Окский бассейн 62, 171, 206, 249
 Волго-Окское междуречье 166, 169, 173, 184, 187, 193, 195, 197, 204, 214, 215, 220, 238, 242, 243, 259
 Волго-Уральское междуречье 70
 Волжский бассейн 204
 Вологда, р. 238
 Волхов, р. 139
 Волянь 29, 31, 48, 53, 55
 Ворона, р. (бассейн Дона) 62
- Воронеж, р. 62, 63, 208
 Воронья, р. (Кольский п-ов) 235
 Ворскла, р. 205
 Волчья, р. (приток Северного Донца) 206
 Восточная Евразия 349
 Восточная Европа 6, 8, 9, 11, 14, 19, 41, 44, 70, 72, 173, 180, 188, 193, 209, 230, 252, 269, 330, 331, 350
 Восточная Монголия 322
 Восточная Прибалтика (страны Балтии) 5, 13, 135, 136, 147, 150, 151, 162, 169, 188, 193, 195, 225, 226, 230, 350, 351
 Восточная Сибирь 5, 8, 270, 272, 273, 286, 291, 304, 310, 315, 352
 Восточное Забайкалье 306, 307, 309, 322, 352
 Восточное Зауралье 253, 254, 265, 269, 351, 352
 Восточное Прионежье 197, 210, 212, 218, 220, 221, 222, 226, 228, 230, 239, 242
 Восточные Саяны 270
 Вселуг, оз. (Валдай) 188
 Выг, р. (Карелия) 215, 218, 221, 223
 Вычегда, р. 238, 239
 Вятка, р. 249
- Галдарея, р. (Беломорье) 238
 Гари-Камарбанд, пещера (юго-восточный Прикаспий) 86, 91, 118, 122
 Гася, утес (Нижний Амур) 310
 Гиссарская долина (Таджикистан) 110, 113
 Гладкая, р. (Приморье) 311
 Глубокое, оз. (Валдай) 189
 Горный Дагестан 349
 Горный Крым 45, 47
 Горынь, р. (Молдавия) 27, 29, 31
 Греция 349
 Громатуха, р. (бассейн Амура) 320
 Гуджайли, р. (Средняя Азия) 107
 Гюргена, долина (Прикаспий) 97
- Даган, р. (Таджикистан) 111
 Дагестан 82, 84
 Дальний Восток 5, 8, 10, 13, 14, 15, 270, 304, 314, 353
 Дам-Дам-Чешме, грот (Б. Балханы, Небит-Даг) 123
 Дам-Куль, оз. (Средняя Азия, Фергана) 124
 Дарьсай, р. (Средняя Азия) 98, 106, 107, 108, 124
 Двиете, р. (Латвия) 136
 Двиница, р. (приток Сухоны) 238
 Дема, р. (Приуралье) 250
 Десна, р. 202, 205, 206, 350
 Деснинская низменность 202
 Деснинско-Днепровское междуречье 206
 Джебел, пещера (Прикаспийская низменность) 86, 91, 120, 123
 Днепр, р. 41, 48, 50, 53, 55, 70, 72, 188, 193, 199, 201, 202, 205, 206, 209
 Днепровский бассейн 204
 Днепровское Надпорожье (Днепровские пороги) 26, 41, 44, 47, 48, 50, 52, 53, 68, 82
 Днепро-Донецкий регион 70, 71
 Днестр, р. 19, 25, 27, 29, 349

- Дон, р. 41, 53, 58, 62, 65, 70, 71, 72, 206, 209
 Донец, р. 52
 Донской бассейн 204
 Дрество, оз. (Польша, Белостокское воевод-
 ство) 160
 Дубна, р. (Москов. обл.) 171
 Дунай, р. 22
 Дунайка, р. (приток Амура) 318
 Душанбинка, р. (Таджикистан) 111
- Евразия Северная 5, 7, 9, 10, 11, 13, 16, 82,
 135, 330, 331, 348, 349, 353
 Европейская часть (бывш. СССР) 14, 16
 Енисей, р. 14, 270, 278, 280, 282, 286, 290, 291,
 292, 293, 295, 296, 301, 302, 325
 Енисейский кряж 14
 Ергенская возвышенность (р. Маныч) 65
- Забайкалье 271, 278, 280, 286, 291, 296, 306,
 310, 315, 322, 352
 Забайкальские степи 270
 Задунавье 27
 Закавказье 7, 52, 73, 84, 86
 Закарпатская низменность 33
 Закарпатье (Западная Украина) 19, 20, 22,
 27, 32, 35, 36, 37, 38, 39
 Западная Грузия 80
 Западная Двина, р. 136, 139, 144, 147, 173,
 188, 193, 349
 Западная Европа 347, 348
 Западный Кавказ 80
 Западная Сибирь 11, 13, 14, 253, 254, 258, 263,
 265, 266, 269, 270, 291, 351, 352
 Запдно-сибирская равнина 14
 Западное Забайкалье 306, 307, 352
 Западный Буг, р. 27
 Западный Прикаспий 73, 84
 Западные Саяны 295
 Заонежье 214
 Заонежский п-ов 218
 Заполярье 350
 Зауралье 6, 16, 110, 240, 266, 268, 269, 351,
 352
 Зеравшан, р. (Средняя Азия) 98, 103, 106,
 107, 108, 109
 Зeya, р. (приток Амура) 320, 322
 Зимний Берег (Белое море) 210
 Зуя, р. (Крым) 45
- Ивановский торфяник 166, 330
 Ивдельское Зауралье 16
 Иволга, р. (Забайкалье) 307
 Идрисова пещера (Урал) 252
 Ижма, р. (приток Печоры) 210, 232
 Ик, р. (Урал) 250
 Иско-Бельское междуречье 247
 Илеть, р. 184
 Ильмень, оз. 136
 Ингода, р. (Забайкалье) 309
 Инь, р. (Верхнее Приобье) 266
 Ипуть, р. (приток Сожа) 199
 Ирак 111
 Иран 98, 120
 Иргиз, р. (Казахстан) 126, 128
 Иртыш, р. 14, 129, 133, 262, 263, 266, 268
 Исеть, р. (Нижнее Приобье) 257
 Итуруп, о-в (Курильские о-ва) 328, 329
 Ишим, р. (приток Иртыша) 131, 257, 266, 268,
 278
 Ишимо-Иртышская степь 266, 268
- Кавказ 13, 53, 73, 75, 80, 84, 86, 115, 349,
 350
 Кавказское Причерноморье 73, 76, 77, 80, 82
- Казанское Поволжье 248, 249, 250, 252
 Казахстан 5, 15, 87, 122, 125, 126, 127, 128,
 131, 133, 257, 268
 Казачка, р. (бассейн Енисея) 290
 Кайлю, пещера (около Каспийского моря)
 120
 Калмыкия 62
 Кальмиус, р. (Украина) 41
 Кама, р. 248, 351
 Камский бассейн 238
 Камчатка 13, 304, 305, 306, 328, 329
 Камчатка, р. 305, 306
 Кан, р. (приток Енисея) 286, 293
 Канин, п-ов 238
 Кара-Богаз-Гол, залив 122
 Каракатинская впадина (Средняя Азия) 98,
 105, 108
 Каракумы 15, 98, 102
 Кара-Су, р. (Туркмения) 93
 Караунгур, пещера (Казахстан) 128
 Каратау, хребет (Казахстан) 128
 Карасай, р. (Казахстан) 129
 Кара-тургай, р. (Казахстан) 128
 Карелия 11, 13, 149, 150, 180, 197, 210, 212,
 214, 215, 218, 219, 220, 221, 222, 225, 226,
 230, 233, 235, 237, 239, 266, 272
 Карельский перешеек 150, 151
 Карпаты (Карпатские горы) 22, 36, 349
 Каршинская степь (Средняя Азия) 98
 Каспийское море (Каспий) 13, 84, 86, 118, 259
 Катынь, р. 210
 Кача, р. (Крым) 45
 Кашкадарья, р. (Средняя Азия) 107
 Кафирниган, р. (Таджикистан) 111
 Келькор, оз. (Средняя Азия) 102
 Кемь, р. (Карелия) 215
 Кенжебайсай, р. (Казахстан) 129
 Керченский полуостров 45, 47
 Кеть, р. (Западная Сибирь) 264
 Киевское Поднепровье (Киевщина) 48, 52,
 53, 55
 Киргизия 87, 110
 Китой, р. (приток Ангары) 275
 Кичик-Даш, гора (Кобыстан) 84
 Кия, р. (приток Усури) 324
 Клязьма, р. 173, 180
 Кобыстан 84, 86
 Койка, р. (Ивановская обл.) 171
 Коктак, р. (Казахстан) 129
 Колыма, р. (Якутия) 298, 300
 Кольский п-ов 11, 13, 180, 210, 230, 231, 232,
 233, 235, 236, 237
 Копет-Даг, долина (Туркмения) 15, 87, 97
 Корейский полуостров (Корея) 310, 311, 313
 Косинско-Заставнянское нагорье (Закар-
 патье) 33
 Косминские озера (Коми) 242
 Кострома, р. 173
 Костромское Поволжье 180
 Конда, р. (Западная Сибирь) 261, 263, 264
 Кондинская низменность 253, 258, 259, 260,
 261, 262, 351
 Кочелумо, р. (приток Нижней Тунгуски) 301
 Кошбулакская впадина (Средняя Азия) 104
 Кривинский торфяник (Белоруссия) 144, 145
 Крайний Северо-Восток Азии 304
 Крайний Северо-Восток Восточной Европы
 11, 13, 210, 237, 239, 240, 349
 Красноводское плато 116
 Кривая, р. (Приморье) 314
- Крым 5, 6, 9, 41, 44, 45, 47, 48, 53, 70, 72, 80,
 82, 350
 Крымские горы 44, 350
 Крятуонас, оз. (Литва) 136, 144
 Куба-Сенгир, мыс (Каспийское море) 120
 Кубань, р. 82
 Кубенское озеро 221, 225
 Кудун, р. (Забайкалье) 307
 Кузнецкая котловина 266
 Кузнечиха, р. (Г. Архангельск) 239
 Кулан-Утпес, р. (Казахстан) 129
 Кулундинская степь 265
 Кумо-Манычская впадина 65
 Кунашир, о-в (Курильские о-ва) 329
 Курильские о-ва 328, 329
 Кызылкумы 15, 98, 102, 105, 107, 108
- Ладожское оз. 8, 139, 147, 149, 151, 222
 Лаперуза пролив (Японское море) 326
 Латвия 135, 136, 139, 141, 144, 147, 149, 150,
 151, 152, 155, 215, 220
 Латорица, р. (Закарпатье) 33
 Лача, оз. (Архангельская обл.) 221, 222
 Ледовитый океан 135, 270
 Лена, р. 14, 271, 280, 284, 291, 292, 298
 Летний Берег (Белое море) 210
 Литва 135, 136, 139, 141, 144, 147, 155, 156,
 220
 Литвин, оз. (Белоруссия) 162
 Ловать, р. 144, 188, 193, 349
 Ловозеро, оз. (Кольский п-ов) 233, 235
 Лопатка, мыс (Камчатка) 305
 Лубанская низина (равнина) 136, 141, 149,
 150, 151, 152, 154
 Лубанское оз. 136
 Лудза, оз. (Латвия) 136
 Луково оз. (Подмосковье) 178
 Лучоб, р. (Таджикистан) 110
 Лявляканская впадина (Кызылкумы) 105
 Лявляканские озера 105
 Ляпин, р. (приток Сев. Сосьвы) 262
- Мазандарья, р. 107
 Мая, р. (Якутия) 274, 298
 Малая Азия 26, 44, 97
 Малая Лударская пещера (оз. Байкал) 291,
 296
 Малый Салгир, р. (Крым) 45
 Мангышлак 116, 122
 Маньчжурия 322
 Маныч, р. 58, 65
 Маслово болото (Московская обл.) 166, 173,
 178
 Матырь, р. (приток р. Воронеж) 62
 Махандарья, р. (Средняя Азия) 98, 108
 Мачай, пещера (Средняя Азия) 125, 126
 Медведица, р. 62
 Мезень, р. 240
 Минбулакская впадина 98, 105, 106, 108
 Минусинская котловина 293, 294, 296
 Миус, р. 58
 Можиска, торфяник (Польша) 165
 Модлона, р. (Вологодская обл.) 228
 Мокрая Мечетка, р. 66
 Мокша, р. 62, 202
 Молдавское Прикарпатье (Молдавия) 5, 19,
 20, 25, 26, 27, 29, 31, 349
 Монастырка, р. (Приморье) 314
 Монголия 10, 306, 310
 Морава, р. 27

- Моряк Рыболов, бухта (Японское море) 314
Москва, р. 173, 180
Мошинское оз. (Архангельская обл.) 230
Мста, р. 193, 197
Мургаб, р. 125
- Нарва, р. (Эстония) 136
Нарым, р. (Западная Сибирь) 265
Нарымское Приобье 253, 258
Небитдаг 118
Невельского, пролив (о-в Сахалин) 326
Неман, р. (Нямунас, Литва) 156
Нива, р. (Кольский п-ов) 235
Нижнее Поволжье (Нижняя Волга) 41, 65, 68, 70, 84, 204
Нижнее Подонье 5, 41, 59, 62
Нижнее Подунавье 349
Нижнее Приобье 253, 262, 263, 264, 351
Нижнее Прикамье 243, 244, 248
Нижнее Притоболье 253, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 264, 268, 351
Нижний Амур 310, 313, 315, 317, 318, 324, 325, 326, 328, 352
Нижняя Ангара 293
Нижняя Тунгуска 301
Новая Шульба, р. (бассейн Иртыша) 133
Норвегия Северная 210, 230, 233
Норильские озера 302
- Обская губа 262
Обь, р. 262–264, 268
Обь-Иртышье 268, 271, 274, 280, 282
Овечка, р. (приток Кубани) 82
Ока, р. 62, 173, 178, 180, 184, 187, 188, 202, 205, 243
Олекма, р. (приток Лены) 298, 300, 306, 309, 310
Оленек, р. (Якутия) 298
Олонецкий край 210, 221
Ольский мыс (оз. Лача) 226
Ольхон, о-в (оз. Байкал) 271, 274, 280, 282
Онега, р. 222, 238
Онежское озеро 8, 149, 210, 212, 214, 215, 218, 220, 221, 237
Онон, р. (Забайкалье) 307, 309
Оредь, р. 205
Орель, р. 205
Осиновка, р. (Приморье) 313
Осиновое оз. (Приамурье) 322
Оскол, р. 55, 205
Охват, оз. (Валдай) 188
Охотское побережье 329
- Пайкентская низменность (Средняя Азия) 107
Пантелеиха, р. (приток Колымы) 300
Парабель, р. (Западная Сибирь) 264
Паша, р. (Приладожье) 149
Пено, оз. (Валдай) 188
Передняя Азия 15, 32, 52, 73, 80, 93, 350
Перечная, р. (Вологодская обл.) 228
Песконец, бухта (Кольский п-ов) 235
Печерское море 11
Печерское Приполярье 242
Пинега, р. (приток Сев. Двины) 238
Пирок. оз. (Валдай) 193
Побужье 22, 24, 25, 26, 27, 53
Поволжье 5, 66, 68, 104, 350
Подесенье 202, 204, 205
Подкаменная Тунгуска, р. 14, 280, 292, 301, 302
Подмосковье 173, 175
- Поднепровье (Приднепровье) 47, 48, 52, 53, 55, 65, 70, 71
Поднепростовье 19, 22, 24, 27, 29, 31
Подонье 41, 52, 58, 70, 209, 249
Полесье Припятское 156, 157, 159, 160
Полесье (Украина) 48
Польша 27, 29, 155, 156, 160, 162, 165
Полярный Круг 237, 298
Полярный Урал 13
Понеманье 155, 159, 160
Поной, р. (Кольский п-ов) 237
Поочье 202, 205
Посожье 198
Попрутье 27
Потисье (Потисская равнина или Альфельд) 35, 38
Поямы, оз. 193
Пра, р. (приток Оки) 180, 182
Правобережная Украина 19, 26
Предкавказье 86, 350
Приазовье 41, 47, 48, 53, 58, 59, 68, 70
Приамурье 300, 314, 325, 326
Приангарье 270, 271, 278, 280, 282, 292, 293, 300, 301, 302, 307
Приаралье 87, 98, 109, 110, 126, 128, 133
Приаральская дельта (Амударья) 102
Прибайкалье 135, 270, 271, 278, 280, 284, 286, 291–293, 295, 296, 300, 301, 306, 310, 315, 320, 325, 352
Прибалхашье 124, 128, 129
Приволжская возвышенность 62
Прииртышье 133, 268
Пришимье (Пошымье) 131, 132
Прикарпатье 29
Прикаспий 41, 66, 68, 70, 71, 72, 87, 97, 116
Прикарабугазье (Средняя Азия) 107, 116, 122, 123, 124
Прикубанье 83
Приладожье 136, 139, 149, 151, 212, 220, 230, 350, 351
Приленское плато 14
Приморье 135, 270, 310, 311, 313–315, 322, 325, 326, 328, 352, 353
Приобье 259, 263
Припять, р. (Белоруссия) 52, 55, 155, 157, 160, 204
Присалаирье 265
Присаракамышская дельта 98, 102, 104
Притоболье 260, 265, 352
Приуралье (Предуралье) 13, 110, 243, 250, 251, 252, 265, 351
Приханкайская низменность 313, 315
Приханкайско-нижнераздольнинская горная равнина 310
Прут, р. (Молдавия) 22, 27, 29, 349
Пруто-Днестровское междуречье 22, 27, 29
Псел, р. 205
Пуга, оз. (Валдай) 193
Пудозеро, оз. (Валдай) 193
Пяйве, р. (Кольский п-ов) 237
Пялас, оз. (Литва) 156
Пясина, р. (Таймыр) 304
- Раут, р. (Молдавия) 29
Рудная бухта (Японское море) 314, 315
Рудная, р. (Приморье) 314
Румыния 29, 31, 33, 35, 36, 39
Русская равнина 10, 11, 13, 14, 16, 182, 214, 215, 220, 221, 226, 351
Русский Север 210, 220
- Рыбачий п-ов (Кольский) 230, 237
- Сааремаа, о-в (Эстония) 136, 154
Саган-Заба, бухта (оз. Байкал) 284
Сагиз, р. (Казахстан) 126
Салгир, р. (Крым) 45
Самара, р. 68
Сан, р. (Молдавия) 27
Санги-Угур, р. (Таджикистан) 111
Сангунтау, горы (Средняя Азия) 97
Саракамышская впадина (Средняя Азия) 102
Саракамышское оз. 102
Сарнатское оз. (торфяник, Латвия) 141
Сарыозек, р. (Казахстан) 128
Сары-Су, р. (Казахстан) 129
Сары-Узень, р. (Казахстан) 129
Сахалин, о-в 16, 310, 326, 327, 329
Светлый Джаркуль, оз. (Казахстан) 130
Свирь, р. (Приладожье) 147, 150
Свияга, р. 184, 187
Север Восточной Европы 135, 210, 220, 221, 242
Северная Америка 14, 304, 348
Северная Бараба (Барабинские степи) 267
Северная Двина 210, 238, 239
Северная Евразия 10, 11, 14, 15, 16, 41, 65, 106, 350, 352
Северная Европа 6
Северная Сосьва, р. (приток Оби) 262, 263
Северное Приморье 313, 315, 326
Северное Причерноморье 26, 52, 82
Северный Кавказ 47, 73, 82
Северный Казахстан 268
Северный Прикаспий 41, 65, 106
Северобалханская степь (Средняя Азия) 120
Северо-Молдавская возвышенность 22
Северо-Восток Крайний (европ. Россия) 212, 237, 238, 240
Северо-Восток Евразии (России) 14, 16, 305
Северо-Восточный Китай 310, 327, 329
Северский Донец, р. 41, 48, 55, 58, 59, 62, 70, 205, 206
Сейм, р. 63, 205, 206
Селенга, р. (оз. Байкал) 274, 307, 309
Селигер, оз. 188, 189, 192
Селигерские озера 193
Селижаровский плес (оз. Селигер) 192
Серга, р. (приток Уфы) 252
Серне, р. (Закарпатье) 33
Сибирь 14, 16, 304, 322, 325, 350, 353
Сибирские Увалы 14
Сирет, р. (Молдавия) 27, 29, 349
Сихотэ-Алинь, горная страна (Приморье) 310
Скандинавский щит 230
Словакия 27, 31, 32, 36, 38, 39
Сож, р. 52, 199
Соленое оз. (Казахстан) 130
Среднее Зауралье 253, 255, 259, 261, 263, 264, 351, 352
Среднее Поволжье (Средняя Волга) 70, 184, 188, 243
Среднее Поднепровье 48, 204
Среднее Поднепростовье 22, 27
Среднее Подонье (Средний Дон) 41, 63, 65, 208, 209
Среднее Приамурье (Средний Амур) 307, 310, 318, 320, 322, 324

Среднее Прииртышье 233, 258, 266, 268, 269, 351, 352
 Среднее Прикамье 244, 247, 248, 250
 Среднерусская возвышенность 13, 62
 Средний Енисей 292, 293, 295
 Средний Урал 16
 Средняя Азия 5, 7, 10, 11, 15, 87, 97, 110, 111, 115, 116, 120, 124, 128, 331, 350
 Средняя Ока 13, 205
 Средняя Сибирь 10, 11, 13, 14
 Становой хребет 270
 Старый Свет 97
 Стерж, р. (Валдай) 188
 Стырь, р. (Молдавия) 27, 29, 31
 Сургутское Приобье 253, 258, 263, 264, 351
 Сула, р. 20
 Султануиздаг, хребет (Средняя Азия) 98
 Сура, р. 62, 202
 Сухона, р. (приток Сев. Двины) 210, 222, 225, 238
 Сухонское оз. (бывш.) 238
 США 347, 348
 Сылах, оз. (Якутия) 296
 Сырдарья, р. 98, 106, 107, 108, 126
 Сюнь, р. (приток Белой, Урал) 250
 Сямозеро, оз. (Карелия) 212, 214, 218
 Сясьский канал 210, 222
 Таджикистан 9, 87, 110, 115, 350
 Таймыр 14, 296, 302, 304
 Таймура, р. (бассейн Енисея) 301
 Таймырское Заполярье 14, 298, 301, 302, 304
 Тамула, оз. (Эстония) 154
 Тап, р. (приток Тобола) 259
 Тара, р. (приток Иртыша) 266
 Татарский пролив 328
 Тетюхе, бухта (Японское море) 314
 Тетюхе, р. 314
 Теша, р. (приток Оки) 178
 Тиса, р. 19, 27, 33, 36
 Тихая Сосна, р. (бассейн Дона) 62
 Тихий океан 270, 314
 Тихоокеанское побережье 329
 Тобол, р. 257, 259
 Тоджа, оз. (оз. Азас, Тува) 296
 Тологой, сопка (Забайкалье) 308
 Томь, р. 266
 Тоора-Хем, р. (приток Бий-Хема) 296
 Торгун, р. (Поволжье) 66
 Трубин, оз. (Украина) 206
 Тудозеро, оз. (Вологодская обл.) 214
 Тува 295
 Тузкан, озера (Средняя Азия) 106, 107
 Тянь-Шань, горы 110
 Тургай, р. 130
 Тургайский прогиб (Казахстан) 130
 Туркмено-Хорасанские горы 97
 Туркмения 87, 98, 104, 120, 349, 350
 Турткуль (Средняя Азия) 98

Тул, р. (приток Иртыша) – 266
 Тым, р. (Сибирь)
 Тымь, р. (о-в Сахалин) 326
 Уда, р. (Восточная Сибирь) 278
 Уж, р. (Закарпатье) 33
 Узбой (Средняя Азия) 98, 102, 103, 120, 121
 Узбекистан 15, 87
 Узунтул, р. (приток Абакана) 295
 Украина 11, 13, 19, 20, 26, 27, 31, 47, 48, 130, 147, 180, 350
 Ули-Узень, долина (Крым) 45
 Улутауские горы (Казахстан) 129
 Уницкая губа (Онежское оз.) 221
 Уолба, оз. (Якутия) 298
 Уральский хребет (Урал) 180, 238, 243, 250, 252, 253, 263, 351
 Урал, р. 8, 13, 16, 65, 72, 259
 Уруп, о-в (Курильские о-ва) 329
 Усвятская котловина (Зап. Двина) 144
 Усишинская долина (Дагестан) 84
 Уссури, р. (Дальний Восток) 274, 310, 317, 324
 Уссурийская низменность 310
 Утинное бол. (торфяник, Калининградская обл.) 165
 Устюрт 106, 107, 122, 123, 124
 Уфа, р. 250, 252
 Ушковское оз. (Камчатка) 305
 Уя, р. (приток Иртыша) 266
 Фергана 87, 124, 126
 Финляндия 6, 139, 147, 150–152, 188, 197, 210, 212, 214, 215, 220, 225, 226, 230, 233, 235, 237
 Хатанга, р. (Таймыр) 302
 Хемчик, р. (приток Енисея) 295
 Хет, р. (Таймыр) 302
 Хилок, р. (Забайкалье) 307
 Хоккайдо, о-в (Япония) 326, 328, 329
 Хонсю, о-в (Япония) 329
 Хопер, р. (приток Дона) 62
 Хорезм 128
 Хорол, р. 205
 Хочжир-холь, оз. (Тува) 296
 Цедмарский торфяник (Калининградская обл.) 162, 165
 Центр Русской равнины 166, 167, 220, 349, 351
 Центр Восточной Европы 13
 Центральная Европа 19, 27, 31, 330, 331
 Центральная-якутская равнина 14
 Центральные Кызылкумы 98
 Центральные Каракумы 15
 Цна, р. (Беларусь) 144
 Цна, р. (приток Оки) 62
 Чаглинка, р. (Казахстан) 131
 Чальм-Варрэ, п-ов (Кольский) 237

Чая, р. (Приобье) 264
 Черная, р. (Крым) 45
 Чертовы Ворота, пещера (Приморье) 314, 315
 Чехословакия (ныне Чехия и Словакия) 27, 29, 31, 32
 Чижайка, р. (Западная Сибирь) 258
 Чикойско-Мензинская провинция 306
 Чикой, р. 306
 Чильмамедкум, пустыня (Средняя Азия) 120
 Чулым, р. (Приобье) 264
 Чукотка 9, 291, 305
 Чусовая, р. (Приуралье) 243
 Шаманский мыс (о-в Ольхон, оз. Байкал) 280
 Швеция 165, 237
 Швянтои, р. (Литва) 141
 Шерегордо, оз. (Валдай) 193
 Шилка, р. 309
 Шилкинская пещера (Забайкалье) 309
 Шкотовский залив (Приморье) 311
 Шугур, р. (Тува) 295
 Эвенкия 280, 300, 301, 302, 304
 Эльбрус 97
 Эльгыгыттын, оз. (Чукотка) 304
 Эмба, р. (Казахстан) 126
 Эсмань, р. (Украина) 206
 Эстония 135, 136, 139, 141, 147, 149–152, 154, 155, 197, 220
 Эчкиликсай, р. (Казахстан) 98, 107, 108
 Юго-Восточная Европа 32, 330
 Юго-Восточная Азия 314, 325
 Юго-Восточная Прибалтика 164
 Южная Европа 331
 Южная Карелия 13, 351
 Южная Туркмения 15, 95, 98
 Южная Финляндия 351
 Южное Закавказье 80
 Южное Зауралье 110, 253, 255, 351, 352
 Южное Приладожье 212, 221
 Южное Приморье 313
 Южный Буг, р. 19, 22, 24, 26
 Южный Сахалин 326
 Южный Урал (Приуралье) 107, 120, 123, 124, 250, 254, 255, 265
 Юнари, р. (приток р. Таймуры) 301
 Юргаркуль, оз. (около г. Тобольска) 259
 Юрибей, р. (п-ов Ямал) 14
 Юрюзань, р. (Урал) 252
 Яблоновы хребет 306
 Якутия 13, 32, 270, 284, 291, 292, 296, 298, 300, 302, 306, 310, 320, 352
 Ямал, п-ов 14
 Ямозеро (Печерское Приполярье) 242
 Яна, р. (Якутия) 16
 Японские о-ва (Япония) 8, 310, 311, 318, 326, 329

Указатель археологических культур и групп памятников*

Часть I

Азово-днепровская культура 53
Айдаболская культура (Средняя Азия, Ус-
тюрт) 123
Актайлакская культура (Средняя Азия, Ус-
тюрт) 123
Альфелдская линейной керамики культура
(Венгрия) 20, 27, 36, 37, 38
Андроновская культура, эпоха бронзы 130
Атбасарская культура (Средняя Азия) 131,
268
Буковогорская культура, или Бюкк (Вен-
грия, Словакия) 27, 29, 36, 39
Буго-днестровская культура 19–27, 53, 71,
122, 138, 160, 349, 351
Верхнеузбойская культура (Средняя Азия)
102
Винча культура, энеолит (Болгария, Румы-
ния, Сербия) 29
Волго-уральская культура 70
Волинская культура 42, 52, 53
Восточно-полесская культура (Беларусь) 42,
52, 53, 55
Гиссарская культура (Таджикистан) 9,
110–116, 124–126, 350
Горно-крымская культура (Крым) 41, 42,
45–47, 70–72, 350
Джармо, культура (Ближний Восток) 95
Днепро-волжская культурная общность 70,
71
Донецкая культура 42, 52, 53, 55
Дарьяская культура, вариант кельтеми-
нарской общности 106, 108, 126, 128
Джейтунская культура (Туркмения) 15,
87–98, 105, 108, 109, 115–118, 120, 124, 125,
349
Днепро-донецкая этнокультурная общность
7, 11, 25, 26, 41, 42, 44, 48, 49, 52, 53, 55, 63,
71, 138, 147, 156, 160, 171, 173, 184, 198,
204, 206, 209, 248, 249, 351
Желиз (железовский вариант к-ры линейно-
ленточной керамики) 27, 29, 31
Загросская культурная общность 97
Западно-кавказская культура 73–75, 80, 82
Кельтеминарская культура, или кельтеми-
нарская общность 87, 98–110, 120, 122,
124, 128, 130, 133
Киево-черкасская культура 42, 51–53, 55
Криш культура 20, 22, 24, 26, 33–36, 349
Кукрек культура, мезолит (Крым, Причер-
номорье) 22
Кукутени – триполье, энеолит 29

Лесостепная культура 207, 209
Линейно-ленточной керамики культура 19,
20, 25–33, 36, 38–40, 71, 138, 144, 349, 350
Майкопская культура, энеолит 82
Маханджарская культура (Казахстан) 130,
131
Надпорожская культура (Украина) 42, 51–53,
55, 65, 68, 71
Нижнемихайловская культура, энеолит 71,
72
Нижнеузбойская культура (Средняя Азия)
102, 104
Обишнрская культура (Средняя Азия) 126
Оюклинская культура (Западная Туркмения)
120–122,
Памятники типа Атаки VI (Поднестровье) 22
Памятники типа Боян (Молдавия) 31
Памятники типа Гребенки (Побужье) 22
Памятники елшанского типа (Волго-Ураль-
ское междуречье) 70, 72
Памятники типа Засуха (Украина) 53, 55, 56,
72
Памятники мариупольского типа или мариу-
польская культ. общ. 47, 48, 50, 55, 62, 71,
205
Памятники типа Матвеева Кургана (Приазо-
вье) 41, 58
Памятники типа Монастырского (Средний
Дон) 70
Памятники типа Незвиско (Молдавия, Укра-
ина) 28, 29
Памятники типа Пустынка (Украина) 53,
72
Памятники репинского типа, энеолит 65
Памятники типа Струмель-Гастятин (Украи-
на) 55, 57
Приазовская культура 41
Прикаспийская культура 68, 70
Ракушечная культура или нижнедон-
ская 41, 42, 58–62, 65, 68, 70, 71, 205
Расписной керамики культура (Молдавия)
33–36, 38, 39, 138
Рашковцы, группа (Восточная Словакия) 36,
40
Рогачевская культура (Украина) 42, 52, 53
Самаш, группа (Венгрия) 36
Сарваш-Ерпат, группа (Венгрия) 36
Сакалхат, группа (Венгрия) 27, 29
Сатмар, группа (Венгрия) 33
Сялмег, группа (Венгрия) 27, 36
Самарская культура, энеолит (Среднее По-
волжье) 65, 70, 71, 247
Североиранская – южнотуркменская общ-
ность 97
Сероглазовская культура (Северный При-
каспий) 41, 42, 65–68, 70, 71
Среднедонская культура 41, 42, 58, 62–65, 71,
72, 138, 173, 202, 208, 248, 350, 351
Среднеднестровская культура, энеолит (Ниж-
ний Дон) 55, 59, 71, 72

Сурская культура (Украина) 26, 41–44, 47, 52,
70, 71, 72, 130, 138
Тахтабазарская культура (Средняя Азия,
бассейн р. Мургаб) 125
Тисадоб–Капушаны, группа (Венгрия) 27, 29,
36
Трипольская культура, энеолит 52, 55
Турдаш культура (Трансильвания) 29
Усть-нарымская культура (Восточный Ка-
захстан) 130
Ферганская культура (Средняя Азия) 125
Хассунская культура, энеолит (Ближний Во-
сток) 95
Хвалынская культура, энеолит 68, 71, 72
Чумешти культура (Румыния) 36
Шомутепинская культура, энеолит (Кавказ)
73, 80, 82
Эстар, группа (Венгрия) 36
Южно-бугская культура 19
Южно-Зауральская культурная общность
108
Южно-уральско-казахстанская этнокультур-
ная общность 130

Часть II

Афанасьевская культура, эпоха бронзы
294–296
Байкальская культура 270
Балахнинская культура (бассейны Волги и
Оки) 62, 138, 184–188, 248
Белевская культура (Верхняя Ока) 205
Беломорская культура 210, 238
Белькачинская культура (Якутия) 273, 292,
296, 298–300, 302, 304, 352
Боборыкинская культура (Западная Сибирь)
257–261
Бутовская культура, мезолит 166
Буссе культура (Приморье) 311
Бухусанская культура 292
Валдайская культура 138, 180, 188–193, 197
Верхневолжская культура 11, 138, 144, 147,
166–173, 175, 193, 204, 205, 240, 249, 350,
351
Верхнеднепровская культура 53, 138, 144,
198–202, 204, 205
Верхнеобская культура 266
Волго-камская культура 13, 173, 186,
243–246, 248–250, 351
Вознесеновская культура (Приамурье) 315,
318, 323–325
Волосовская культура, энеолит (Русская рав-
нина) 197, 204, 226, 230, 249, 351

* В указатель включены все упоминае-
мые культуры, неолитические без уточне-
ний, остальные с указанием исторического
периода.

- Восточно-балтийская культура 153, 230
Воронковидных кубков культура (Северная Европа) 156, 165
Глазковская культура (Прибайкалье) 270, 273, 286, 290–292, 352
Глубокоозерская культура 272
Гребенчато-ямочной керамики культура (прибалтийская) 136, 138, 144, 147–152, 154, 155, 188, 215, 220, 221, 223, 225, 226, 230, 239, 351
Громатухинская культура (Приамурье) 272, 307, 320–322, 324
Гунсан культура (Корейский п-ов) 311, 313
Деснинская культура 138, 202–205
Дзёмон культура (Япония) 310, 311, 314, 318, 328, 329
Днепро-эльбская культура 155
Екатерининская культура (Зап. Сибирь) 266–268
Жижицкая культура (бассейн р. Ловать) 144
Жуцевская культура, эпоха бронзы (Литва) 144
Зайсановская культура (Приморье) 273, 311–313, 315, 352, 353
Западноуральская историко-культурная область 243
Имчинская культура (Сахалин) 326–328
Исаковская культура (Прибайкалье) 270, 271, 278–280, 291, 352
Камская культура 138, 186, 240, 243, 248–252, 351
Каргопольская культура (европ. Север) 138, 210, 212, 215, 218, 222–228, 238
Карельская культура 138, 210, 214–220, 226
Китайская культура (Прибайкалье) 270–278, 292, 293, 352
Кольская культура 138, 233–237
Кондонская культура (Нижний Амур) 273, 315, 317, 318, 325, 352
Кошкинская культура (Западная Сибирь) 257, 259, 261, 262, 352
Кузнецко-алтайская культура 266
Кунда, мезолит (Прибалтика) 139, 147, 164, 350
Къёккенмеддинги или раковинные кучи, культура 8
Лесостепная 207, 209
Лисогубовская культура (Украина) 138, 206
Льяловская культура 138, 151, 166, 173–180, 182, 204, 205
Малышевская культура (Приамурье) 272, 315, 317
Мохэская культура, железный век (Дальний Восток) 315
Мстинская культура (Валдай) 138, 193–198
Накольчатой керамики культура 249
Нарвская культура 11, 135–147, 149–152, 154, 155, 160, 165, 171, 173, 180, 188, 350, 351
Неманская культура 135–138, 144, 147, 155–162, 164, 165, 173, 180, 350
Неманская культура, мезолит. 156
Немелская группа (Зап. Сибирь) 262
Нижнеберезовская культура (Забайкалье) 273
Новопетровская культура (Приамурье) 318–320, 322, 324
Окуневская культура, эпоха бронзы 293, 295, 296
Осиноозерская культура (Приамурье) 320, 322–324
Осиповская культура, мезолит 310, 320
Охотская культура (Сахалин) 326, 328, 329
Памятники типа Абора или постнарвские 152, 153
Памятники типа Боровичи, энеолит (Подесенье) 205
Памятники типа Завьяловского 265
Памятники типа Лисогубовского–Струмельского 206
Памятники типа Модлона 222, 228–230
Памятники типа Пиестиния 136, 152, 153, 230
Памятники типа Цедмар 138, 162–165, 350
Памятники черноборского типа 138, 239
Печеро-двинская культура 138, 240
Печерская культура 210
Полуденковская культура 255, 257, 352
Польцовская культура, железный век (Дальний Восток) 315
Прибельская культура (Приуралье) 138, 247, 253, 351
Репинская культура, энеолит 205
Руднинская культура (Приморье) 272, 311, 313–315, 352, 353
Руднянская культура (р. Ловать) 138, 144
Рыбноозерская культура (Подонье) 62, 138, 208
Рязанская культура 138, 151, 180–184
Рязанско-долговская культура 62, 65, 138, 208, 209
Сарнатская культура (Латвия) 136
Северо-белорусская культура, эпоха бронзы 144
Северо-чукотская культура 305
Серовская культура (Прибайкалье) 270, 271, 278, 280–286, 291, 292, 301, 352
Сертейская культура, эпоха бронзы 144
Сожская культура, мезолит 198, 201
Сперрингс культура 13, 138, 147, 151, 212–215, 220, 233, 235, 350
Среднеднепровская культура, эпоха бронзы 202, 205
Среднеиртышская культура 266
Студеновская культура, мезолит (Крайний Северо-Восток Азии) 307
Сумнагинская культура, мезолит (Якутия) 296
Сумпаньинская группа памятников (Западная Сибирь) 262
Суртандинско-батайская культурная общность, энеолит 255
Сярянскими культура (Финляндия) 233, 235
Сылахская культура (Якутия) 272, 291, 296–298, 300, 301, 305, 352
Тарьинская культура (Камчатка) 305, 306
Ташбулатовская культура (Южный Урал) 253, 351
Турбинская культура, энеолит (Прикамье) 249
Усвятская культура 138, 144
Урало-западно-сибирская культурная общность 302
Устиновская культура, мезолит (Дальний Восток) 311, 320
Усть-бельская культурная общность (Средний Енисей) 293, 294, 305
Усть-Бельская культура (Чукотка) 305
Хайтинская группа 292
Чужъяельская культура (европ. Север) 240, 241
Шаровидных амфор культура, эпоха бронзы 144, 147, 156
Шнуровой керамики культура, эпоха бронзы 136, 144, 147, 154–156, 349
Ымыяхтахская культура (Якутия) 296, 300, 302, 305
Эртебёлле культура 147
Южнокурильская культура (курильская) 323, 329
Ямочно-гребенчатой керамики культура (Восточная Европа) 147, 151, 166, 169, 202, 204–209, 215, 218, 220, 221, 225, 230, 240, 250, 350, 351
Янгельская культура, мезолит (Южный Урал) 124, 255

Хронология неолитических культур и групп памятников

Часть I

Атбасарская культура – VI – нач. III тыс. до н.э.

Буго-днестровская культура – VI–V тыс. до н.э.

Волынская культура – вторая пол. V – сер. III тыс. до н.э.

Восточно-полесская культура – сер. V – нач. II тыс. до н.э.

Гиссарская культура – рубеж VII–VI – III тыс. до н.э.

Горно-крымская культура – V – нач. IV тыс. до н.э.

Донецкая культура – второй пол. V – сер. III тыс. до н.э.

Дарьясайская культура – VI тыс. до н.э.

Джейтунская культура – рубеж VII–VI – VI тыс. до н.э.

Западно-кавказская культура – VI–V тыс. до н.э.

Кельтеминарская культурная общность – рубеж VI–V – III тыс. до н.э.

Киево-черкасская культура – второй пол. V – сер. III тыс. до н.э.

Криш культура – первая пол. V тыс. до н.э.

Линейно-ленточной керамики культура – вторая пол. V – сер. IV тыс. до н.э.

Надпорожская культура – вторая пол. V – сер. IV тыс. до н.э.

Оюклинская культура – конец VII–VI тыс. до н.э.

Памятники типа Матвеев Курган – вторая пол. VI тыс. до н.э.

Ракушечная культура – V – первая пол. IV тыс. до н.э.

Рогачевская культура – конец V – сер. III тыс. до н.э.

Сероглазовская культура – рубеж VI–V – пер. пол. IV тыс. до н.э.

Среднедонская культура – V – сер. IV тыс. до н.э.

Сурская культура – нач. V – нач. IV тыс. до н.э.

Часть II

Балахинская культура – IV–III тыс. до н.э.

Белькачинская культура – III–II тыс. до н.э.

Боборыкинская культура – сер. IV – нач. III тыс. до н.э.

Валдайская культура – IV – нач. II тыс. до н.э.

Верхневолжская культура – конец VI – сер. IV тыс. до н.э.

Верхнеднепровская культура – сер. V – нач. II тыс. до н.э.

Волгокамская культура – IV–III тыс. до н.э.

Вознесенская культура – конец III – пер. пол. II тыс. до н.э.

Глазковская культура – III – нач. II тыс. до н.э.

Гребенчато-ямочной керамики культура (прибалтийская) – III тыс. до н.э.

Громатухинская культура – вторая пол. V–IV тыс. до н.э.

Деснинская культура – вторая пол. IV – нач. III тыс. до н.э.

Екатерининская культура – IV–III тыс. до н.э.

Жижицкая культура – нач. II тыс. до н.э.

Зайсановская культура – III – сер. II тыс. до н.э.

Западно-ангарская культура – вторая пол. III – нач. II тыс. до н.э.

Исаковская культура – конец IV тыс. до н.э.

Камская культура – IV–III тыс. до н.э.

Каргопольская культура – IV – сер. III тыс. до н.э.

Карельская культура – рубеж V–IV – сер. III тыс. до н.э.

Китойская культура – конец VI – сер. V тыс. до н.э.

Кольская культура – IV – первая пол. II тыс. до н.э.

Кондонская культура – первая пол. III тыс. до н.э.

Кошкинская культура – V–III тыс. до н.э.

Лисогубовская культура – V – сер. IV тыс. до н.э.

Льяловская культура – IV тыс. до н.э.

Малышевская культура – IV тыс. до н.э.

Мстинская культура – рубеж IV–III – сер. III тыс. до н.э.

Нарвская культура – конец V–III тыс. до н.э.

Неманская культура – IV–III тыс. до н.э.

Немелская группа памятников – IV–III тыс. до н.э.

Новопетровская культура – VI–V тыс. до н.э.

Памятники типа Абора (постнарвские) – III тыс. до н.э.

Памятники типа Завьяловского – IV–III тыс. до н.э.

Памятники типа Модлона – III тыс. до н.э.

Памятники типа Цедмар – вторая пол. IV – первая пол. III тыс. до н.э.

Памятники типа Черноборского – IV–III тыс. до н.э.

Печеро-двинская культура – вторая пол. IV – первая пол. III тыс. до н.э.

Полуденковская культура – IV тыс. до н.э.

Прибельская культура (вариант камской) – VI–IV тыс. до н.э.

Руднинская культура – сер. VI–III тыс. до н.э.

Руднянская культура – конец V – нач. IV тыс. до н.э.

Рыбноозерская культура – III тыс. до н.э.

Рязанская культура – IV–III тыс. до н.э.

Рязанско-долговская культура – вторая пол. IV тыс. до н.э.

Северо-чукотская культура – II тыс. до н.э.

Серовская культура – конец IV – сер. III тыс. до н.э.

Сертейская культура – рубеж VI–V тыс. до н.э.

Сперрингс культура – вторая пол. V – начало III тыс. до н.э.

Сумпаньинская группа памятников – V–IV тыс. до н.э.

Сызлахская культура – рубеж V–IV – нач. III тыс. до н.э.

Тарьинская культура – V тыс. до н.э. – XVII в.

Ташбулатовская культура – VI–IV тыс. до н.э.

Усвятская культура – конец IV–III тыс. до н.э.

Усть-бельская культура – II тыс. до н.э.

Чужъяельская культура – конец IV – сер. III тыс. до н.э.

Ымяхтахская культура – II – нач. I тыс. до н.э.

Оглавление

От редактора	5	Стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепи (Н.Н. Гурина)	205
Введение	6	Глава 3. Север Восточной Европы (С.В. Ошибкина)	210
Понятие о неолите (С.В. Ошибкина)	6	Культура сперрингс	212
Природные условия в неолитическую эпоху (Н.А. Хотинский)	10	Карельская культура	214
Часть I		Поздний неолит Карелии	220
Неолит Юга		Каргопольская культура и памятники типа Модлона	221
Глава 1. Юго-Запад Восточной Европы (Е.К. Черныш)	19	Неолит Кольского полуострова (Н.Н. Гурина)	230
Буго-днестровская культура	19	Неолит Беломорья и Крайнего Северо-Востока	237
Культура линейно-ленточной керамики	27	Глава 4. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье (Л.Я. Крижевская)	243
Неолит Закарпатья (М.Ф. Потушняк)	33	Камская культура	243
Глава 2. Юг Восточной Европы (Д.Я. Телегин)	40	Волго-камская культура (с накольчатой керамикой)	248
Сурская культура (Нижний Днепр и степное Левобережье)	40	Глава 5. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири (М.Ф. Косарева)	253
Неолит Крыма	44	Глава 6. Восточная Сибирь и Дальний Восток (Д.П. Хлобыстин)	270
Днепро-донецкая культурная общность	48	Неолит Прибайкалья	270
Неолит северо-восточного Приазовья и Подонья (Т.Д. Белановская, Д.Я. Телегин)	58	Китойская культура	271
Неолит Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья	65	Исаковская культура	278
Глава 3. Кавказ (В.В. Бжания)	73	Серовская культура	280
Глава 4. Средняя Азия и Казахстан (Г.Ф. Коробкова)	87	Многослойные поселения Прибайкалья и Приангарья	286
Джейтунская культура	87	Неолит Среднего и Верхнего Енисея	293
Кельтеминарская культурная общность	98	Неолит Якутии	296
Гиссарская культура	110	Неолит Эвенкии	301
Обзор неолитических памятников других районов Средней Азии	116	Неолит Таймырского Заполярья	302
Неолит Казахстана (Г.Ф. Коробкова)	126	Неолит Крайнего Северо-Востока Азии	304
Часть II		Неолит Камчатки	305
Неолит лесной зоны		Неолит Забайкалья (Л.П. Хлобыстин, М.В. Константинов)	306
Глава 1. Восточная Прибалтика (Н.Н. Гурина)	135	Неолит Приморья и Приамурья	310
Нарвская культура	136	Неолит Сахалина	326
Культура гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская)	147	Неолит Курильских островов	328
Стоянки постнарвского типа	151	Глава 7. Проблемы абсолютной хронологии (В.И. Тимофеев)	330
Неманская культура	155	Список радиоуглеродных датировок неолита (В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева)	337
Памятники типа Цедмар (В.И. Тимофеев)	162	(Заключение) (С.В. Ошибкина)	349
Глава 2. Центр Русской равнины	166	Литература	354
Верхневолжская культура (Д.А. Крайнов)	166	Список сокращений	366
Льяловская культура (Н.Н. Гурина, Д.А. Крайнов)	173	Указатель имен	368
Рязанская культура (Н.Н. Гурина)	180	Указатель географических названий	372
Балахнинская культура (Л.Я. Крижевская)	184	Указатель археологических культур и групп памятников	376
Валдайская культура (Н.Н. Гурина)	184	Хронология неолитических культур и групп памятников	378
Мстинская культура (М.П. Зимица)	193		
Верхнеднепровская культура (С.В. Ошибкина)	198		
Неолит лесного Подесенья (А.С. Смирнов)	202		

АРХЕОЛОГИЯ

Неолит Северной Евразии

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии РАН

Заведующая редакцией "Наука – история"
Н.Л. Петрова

Редактор издательства
В.Н. Токмаков

Художественный редактор
В.Ю. Яковлев

Технический редактор
Т.А. Резникова

Корректоры
Н.П. Круглова, А.В. Морозова, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1732
ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 07.05.96. Формат 60 × 90 1/8
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,0 + 1,0 вкл. Усл.кр.-отт. 54,0. Уч.-изд.л. 57,3
Тираж 1000 экз. Тип.зак. 3166.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12